

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Серия “Филология. Социальные коммуникации”

Том 26 (65). № 1, ч. 1

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2013

Редакционный совет журнала**«Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского»:****Багров Н. В.** – д. г. н, проф, академик НАН Украины, (главный редактор)**Шульгин В. Ф.** – д. хим. н, проф. (зам. главного редактора)**Дзедолик И. В.** – д. ф. – м. н, доц. (отв. секретарь)**Члены совета (редакторы серий):****Бержанский В. Н.** – д. ф. – м. н, проф.**Богданович Г. Ю.** – д. филол. н, проф.**Вахрушев Б. А.** – д. г. н, проф.**Казарин В. П.** – д. филол. н, проф.**Климчук С. В.** – д. э. н, доц.**Копачевский Н. Д.** – д. ф. – м. н, проф.**Подсолонко В. А.** – д. э. н, проф.**Темурьянц Н. А.** – д. б. н, проф.**Ротань В. Г.** – д. ю. н, проф.**Шоркин А. Д.** – д. филос. н, проф.**Юрченко С. В.** – д. полит. н, проф.**Редакционный совет серии "Филология. Социальные коммуникации":****Александрова А.В.**, д-р. филол.н, проф.**Богданович Г.Ю.**, д-р. филол.н, проф. (редактор раздела "Социальные коммуникации"),
(bogdanovich@crimea.edu)**Борисова Л.М.**, д-р. филол.н, проф.**Гуменюк В.И.**, д-р. филол.н, проф.**Егорова Л.Г.**, канд. филол.н, доц. (ответственный секретарь)**Ищенко Н.А.**, д-р. филол.н, проф.**Казарин В.П.**, д-р. филол.н, проф. (редактор раздела "Филология"), (crch@mail.ru)**Меметов А.М.**, д-р. филол.н, проф.**Новикова М.А.**, д-р. филол. н, проф.**Орехова Л.А.**, д-р. филол.н, проф.**Петренко А.Д.**, д-р. филол.н, проф.**Прайд Ю.Ф.**, д-р. филол.н, проф.**Ризун В.В.**, д-р. филол.н, проф.**Селендили Л.С.**, канд. филол.н, доц.(ответственный секретарь выпуска)
(crimeantatarphilology@hotmail.com)**Сидоренко Н.Н.**, д-р. филол.н, проф.**Яценко Т.А.**, д-р. филол.н, проф.Печатается по решению Ученого совета факультета крымскотатарской и восточной филологии,
протокол №8 от 27.03.2013 г.

Подписано в печать 25.06. 2013. Формат 70x100 1/16. 48, 43 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 12/10-УЗ.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського»

Науковий журнал. Серія "Філологія. Соціальні комунікації". – Том 26 (65). № 1, ч. 1.

Сімферополь, Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського, 2013

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету
імені В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007<http://science.crimea.edu/zapiski/zapis.html>

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР

ЧАСТЬ III¹

Меметов А., Меметов И. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, АР Крым, Украина*

В статье рассматриваются вопросы происхождения крымских татар и участие в их этногенезе древнейших жителей Крыма – скифов. В данном исследовании проводится комплексное сравнительное исследование хозяйственной деятельности, образа жизни, быта, материальной культуры, питания, одежды, верований и похоронных обрядов древних скифов, тавров, киммерийцев и некоторых средневековых и современных тюркских и иранских народов. Работа предоставляет дополнительные сведения для восстановления путей формирования крымскотатарского этноса, иногда подтверждая известные теории, а часто опровергая установившиеся взгляды и внося новые данные в историю этого народа.

Прямыми потомками скифов, проживавших в Крыму, являются крымские татары степной и предгорной части Крыма, создавших свою субэтническую культуру. Об этом свидетельствуют сравнительные лингвистические и экстралингвистические исследования – образ жизни, питание, верования, одежда, способы захоронений, приведенные в данной статье.

Ключевые слова: скифы, Скифия, крымские татары, этногенез, этноним, язык.

Постановка проблемы. Для того, чтобы разорвать этот порочный замкнутый круг, необходимо провести комплексное сравнительное исследование хозяйственной деятельности, образа жизни, быта, материальной культуры, питания, одежды, верований и похоронных обрядов древних скифов, тавров, киммерийцев и некоторых средневековых и современных тюркских и иранских народов, так как это может предоставить дополнительные сведения для восстановления путей формирования крымскотатарского этноса, иногда подтверждая известные теории, а часто опровергая установившиеся взгляды и внося новые данные в историю этого народа. Древнегреческие историки и географы отмечали, что скифы доили кобылиц, пили кумыс, ели мясо, при этом предпочтение отдавали конине. Из злаков больше всего выращивали и употребляли в пищу просо. Так, Геродот сообщает, что скифы пьют молоко кобылиц. После доения молоко выливают в полые деревянные чаны. Затем взбалтывают молоко. Верхний слой отстоявшегося молока, который они снимают, ценится более всего, а снятым молоком они менее дорожат [2]. Страбон пишет: «...скифское племя...употребляло в пищу не только мясо вообще, но в особенности

---

¹ Части I и II см. в журнале «Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского». Т. 25 (64). №3, Ч.1. Симферополь, 2012. С. 3-26.

конину, а также сыр из кумыса, свежее и кислое молоко; последнее, особым образом приготовленное, служит у них лакомством. Вот почему Гомер называет всё население этой части света «галактофагами» [1].

Выше мы отмечали, что, по сообщению Геродота, скифы-пахари и скифы-земледельцы сеют хлеб, выращивают лук, чеснок, чечевицу и просо, при этом скифы-пахари сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу, а теперь рассмотрим чем питались и какие хлебные злаки сеяли степные (северные) и горно-прибрежные крымские татары. Благодаря записям путешественников, купцов, послов и учёных хорошо прослеживаются все изменения, происходившие на протяжении веков в хозяйственной деятельности, образе жизни и материальной культуре жителей Крыма.

В 1394 году баварец И. Шильтбергер писал, что жители степной полосы Крыма из хлебных растений сеют одно только просо, не едят хлеба и не пьют вина, которое у них заменяется лошадиным и верблюжьим молоком. Кроме молока питаются и мясом этих животных [3].

Венецианский купец И. Барбаро, проживший в Тане с 1436 до 1452 гг, отмечал, что каждый татарский отряд, отлучаясь по делам от Орды на десять, пятнадцать или даже двадцать дней, брал бурдюк из козлиной шкуры, наполненный питьём, состоящим из смеси муки с мёдом, разбавленной водой. В пути ели и убитую дичь, а также найденные в степи травы, корни. Обязательно в еду добавляли соль [4].

Посол венецианской республики в Персии А. Контарини, проезжая через степной Крым в 1473 году, отмечал, что во время военных походов для своего пропитания татары резали лошадей. Основной их пищей было лошадиное молоко и мясо. Очень распространено было пшено, которое варили, а затем заливали кислым молоком, и эту смесь высушивали на солнце. Мясо после разделки туши никогда не мыли, так как считали, что оно теряет свои вкусовые качества. Одну часть туши оставляли для варки, а другую зажаривали. При варке маленькими прутиками снимали пенку. Из мёда готовили хмельной напиток [7].

Посол польского короля к Крымскому хану Мухаммеду Гирею II М. Броневский в 1578 году отмечал, что татары питались кониной, верблюжатинной и бараниной. Знатные и богатые употребляли хлеб и сладкие хмельные напитки. Простолудины хлеба не знали и вместо него употребляли молотое пшено, разведённое водой и молоком. Все пили кобылье молоко и сыворотку [6]. Далее он пишет, что татары на войне ели конину (копчёную, вяленую или сушёную, очищенную от костей и порезанную на мелкие кусочки – «какач», их возили с собой в мешке) в мирное время ели говядину, кобылий сыр, молоко и кумыс, а также разведённое в воде, толчённое или молотое, поджаренное пшено [7].

В 1625 году Доминиканский монах Жан де Люк писал о кочевавших в степях Крыма «перекопских татарах», что они едят хлеб, но мало, и много лошадиного мяса, в меньшей степени мясо домашних животных. Деликатесом для них считалось мясо жеребёнка, которым на пирах угощали гостей. Из хмельных напитков пили «кумыс» (chimus) из кислого кобыльего молока. Очень была распространена и «буза» (boza) – белого цвета жидкость, приготовляемая из грубого помола просяной муки, настаивавшейся на воде путём брожения [9].

Перфект Кафы Дортелли д'Асколи писал в 1634 г, что в обыденной жизни татары, кочевавшие в степях Крыма, «не сеют и не жнут, но питаются полусырым мясом, преимущественно кониной, и пьют кобылье молоко..., а иногда бузу и не знают даже что такое хлеб», а горно-прибрежные татары пахут и сеют, и едят обыкновенный пшеничный хлеб [10].

Известный турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Крым в 1666-1667 годах, в своей книге «Сеяхат-наме» – «Книга путешествий» писал: «Всю их (крымских татар) пищу составляют лошади, верблюды и быки... Там (в Крыму) ежедневно режут по три тысячи овец, двести быков, сорок-пятьдесят коней, сорок-пятьдесят верблюдов... Мясо ягнят считается невкусным и татарский народ его не ест. Покупая же конину, они ссорятся и могут даже погибнуть. Потому что конина даёт силу и способствует пищеварению, это полезное мясо» [11]. Далее он продолжает: «Все татарские учёные, праведники и падишахи едят лошадиное мясо» [12].

Во время похода «...если по дороге – пишет Эвлия Челеби, какая-нибудь лошадь захромает или слегка заболевает, устанет, ослабнет, станет вялой, они, со словами: «Чтобы не досталась неверным», тут же приносят эту лошадь в жертву во имя Бога, делят её вместе со шкурой [Мясо]. кладут под чепрак, который некоторые называют *сиври*, а другие – *чизки*, садятся верхом и ездят рысью. Когда из мяса вытечет сок, они говорят: «Готово!»; съедают конину из-под чепрака, и так утоляют голод» [13]. Точно также поступали во времена Геродота скифо-сарматские воины, жившие на этих же территориях в пятом веке до н. э.

Излюбленными напитками крымских татар, по свидетельству Эвлия Челеби, являются молоко лошадей и верблюдов, кумыс, буза и талкан, медовая вода. «Есть много сот тысяч татар, писал Эвлия Челеби, которые в жизни не пили воды. Они пьют конское молоко, выдержанное шесть-семь дней, под названием кумыс... Кроме того, они употребляют *курт айраны*, то есть скисший йогурт из размоченного прошлогоднего сыра. Также делают они *айран*, под названием *язма* из цельного конского молока. У них есть также разные виды бузы, густые и вкусные как костный мозг. Они пьют выше упомянутые напитки в походе и в мирное время» [14]. Отвечая на вопрос Эвлия Челеби: «Почему вы не пьёте воду, разве не сказано: «Всё живое происходит от воды?»», они говорят: «Клянусь Богом, когда нас творил (Чалаб) Бог, он сделал много грязи, смешав воду с землёй, и произвёл нас. Если к грязи добавить много воды, то грязь разорвёт с одной стороны. Дети же Адама происходят из грязи. Много воды совсем не следует пить, а лошадиное и верблюжье молоко – тоже вода». Так они это объясняют. И, действительно, они не пьют воды [15].

Описывая сельскохозяйственную деятельность крымских татар в XVII веке, Эвлия Челеби отмечал, что сеют они большей частью просо, потому что одно *киле* проса в этих краях даёт сто-сто десять *киле*. Кроме проса крымские татары выращивают шесть видов зерновой пшеницы «деве диши» – «зуб верблюда» (имеется ввиду крупная пшеница – А. М.), один вид чёрного ячменя, четыре *окка* которого не может съесть одна лошадь. Одно *киле* зерна даёт пятьдесят *киле* [16].

Кроме мясомолочных продуктов крымские татары, как отмечал Эвлия Челеби, едят много *лякше* (лахша) *шурбасы* (шорбасы), то есть «суп из лапши» и просо, которое предварительно поджаривают, перемалывают и превращают в муку, затем

смешивают её с конским или верблюжьим молоком (талкан) и пьют. Этот напиток утоляет голод. «Татары едят мало хлеба. Много и таких, кто вовсе не ест хлеба и не знает, что это такое. Они спрашивают: «А что такое хлеб? Откуда он берётся?» На этот вопрос отвечают так: «Хлеб выращивают на пашне. На мельнице его перемалывают в муку, затем делают тесто, которое пекут на огне». Они изумляются: «Господи-Боже! Так вот что такое хлеб!» [17]. У них есть выражение: «Озюм ольсем де, оны (отъемкни) ашамам» – «Если я даже буду умирать, его (хлеб) не съем». Вот такой удивительный и странный этот храбрый народ, они созданы как будто нарочно для походов» [18].

Книги путешественников надо читать, просто читать и думать. Потому что путешественники записывали то, что видели, у них не было времени на фантазии, которыми страдают некоторые историки. У настоящих путешественников мир каждый день разный, а впереди дорога. Только записывай.

Следовательно, значительная часть крымских татар, даже после принятия ими религии Ислам в XIII-XIV вв, предпочтение отдавали конине. Это в основном были представители правящих в Крыму тюркских племён ширинлы, мангытлы, мансурлы, седжевутлы и ногаи. Они были последователями шафиитского мазхаба, основанного имамами Аш-Шафи Мухаммед ибн Идрисом (ум. в 820 г.) и Ибн Ханбалом (780-855 гг.). Эти имамы своим последователям разрешали есть конину в соответствии с благородным хадисом: «[Передаёт] Джабир [слова Пророка], да согласится с ним Бог, [сказанные] в день Хайбара: мясо домашних ослов хуже мяса лошадей». Достоверность этого хадиса единодушно подтверждают авторы наиболее авторитетных сборников хадисов Муслим и Бухари [19].

Другая часть крымских татар – это в основном жители горной и прибрежной полосы, стали приверженцами ханафитского мазхаба, основателем которого был крупнейший богослов, автор книг по мусульманской догматике и сборника хадисов, Абу Ханафа Нуман ибн Сабит (ок. 699-787 гг.). По его мнению, конину есть не рекомендуется, так как конь – это оружие священной войны. Если позволить есть конину, лошади могут исчезнуть. И по *маликитскому* закону это запрещено и считается отвратительным.

Известный немецкий историк И. Э. Тунман (XVIII вв.) в своей работе «Крымское ханство» отмечал, что татары едят просо, ячмень и гречиху, которые они возделывают, а также убитую ими дичь, мясо лошадей, скота и баранов [20].

Все цитированные нами выше авторы писали, что самым любимым кушаньем крымских татар были конина, которая имеет множество вариантов приготовления – бастурма, казы, суджук и т. п. Следует заметить, что конина всегда была основной, наиболее важной частью рациона кочевых тюркских и монгольских народов Азии. В настоящее время конина широко употребляется в Казахстане, Киргизии, Татарстане, Якутии и Монголии. Среди иранских народов конина не употребляется. В англоязычных странах на конину табу – в Великобритании, Ирландии, США, Канаде. Также её не едят цыгане, жители Бразилии и Индии. Конина не употребляется и в Испании, несмотря на то, что страна является крупным экспортёром как живых лошадей, так и их мяса. В арабских странах конину можно употреблять в пищу, но не рекомендуется. По религиозным причинам мясо лошадей запрещено для евреев.

Таким образом, конина была и остаётся национальным блюдом в основном тюркских и монгольских народов, которые на протяжении многих тысячелетий проживали на огромных территориях начиная с Северного Китая на востоке до Дуная (р. Истр) на западе; с Северного Ирана на юге до Ледовитого океана на севере. Все эти территории исторически занимали предки тюркских народов – киммерийцы, скифы, сарматы, саки, массагеты, тавры, гунны, акациры и др.

Наиболее распространёнными молочными продуктами среди крымских татар были сыры, брынзы, куртты (высушенное солёное, скатанное в шарики кислое молоко), изготавливаемые из лошадиного, верблюжьего, овечьего и коровьего молока. Среди напитков особой популярностью пользовались лошадиное, верблюжье и коровье молоко, а также кумыс, изготавливаемый из лошадиного молока, катык (кислое молоко), язма (кислое молоко, разбавленное водой) следовательно, характер пищи и напитков, а также способы их приготовления у крымских татар в XIV – XVIII вв. идентичны с едой скифов, описанной Геродотом и Страбоном.

Как известно, одежда представляет собой одну из самых значимых сторон материальной культуры любого народа. Изменения в одежде на протяжении развития этноса происходит неравномерно. Обычно нововведения воспринимаются сначала в городской среде и прежде всего представителями интеллигенции, а затем уже в среде сельских жителей, которые более склонны к консерватизму. Что касается возрастного деления, то у старшего поколения дольше всего сохраняются старые, вышедшие из моды, образцы.

Изучая костюм крымских татар, Л. И. Рославцева пишет, что: «...он (костюм) формировался на фоне образования двух основных субэтнических групп, изначально связанных с территорией обитания – степной и горно-прибрежной (часто разделявшейся на горную и южнобережную, и далее на подгруппы). Эти две группы прошли разные пути развития, создав и два типа материальной культуры. Следы сложной истории их образования мы видим и на примере костюма» [21].

Сравнивая, к примеру, найденный в восточной части Крыма (район Боспорского царства) пояс из скифских погребений, относящийся к V- III вв. до н. э, с поясами горно-прибрежных крымских татар XIX века, Л. И. Рославцева обнаружила их явное сходство по ряду особенностей: кожаная основа, трёхслойность, узор, повторяющийся на горно-прибрежных поясах форму нашивавшихся на «скифские» пояса металлических бляшек [21]. Данное сходство также свидетельствует о преемственности частей одежды скифов и крымских татар.

Что касается пути, который проделали эти пояса, то для Л. И. Рославцевой представляется очевидным, что: «... сначала их переняли местные греки-колонисты, а уже с потомками греков они могли прийти в костюм горно-прибрежных татар» [21]. К сожалению, уважаемый автор и мысли не допускает о том, что часть горно-прибрежных татар может быть прямыми потомками скифов, киммерийцев и тавров, о чём свидетельствуют как лингвистические, так и экстарлингвистические данные.

На страже издревле сложившихся порядков, традиций и обычаев скифского дома, семьи и общества стояли боги, семь из которых занимали главенствующее положение. По свидетельству Геродота, скифский пантеон богов возглавляла Табити – богиня домашнего очага, которая соответствует греческой Гестии. Табити счи-

талась «царицей скифов» и почиталась более всех других богов. Она занимала первый из трёх рядов семибожного пантеона. Её имя трактуется как «согревающая» или «пламенная». Возможно, этимология этого названия объясняется не на основе иранских языков, в которых *табидан* означает «блестеть», «сверкать», а на основе древнетюркских языков. В этом случае слова о Табити состоит из двух частей: тап-«поклоняться» [22] и ит-«делать». При присоединении к основе с глухим конечным согласным слов с начальным гласным конечный глухой основы озвончается: тап+ит > табит «поклоняйся». Приведём пример из древнетюркского языка: *qul tānrigā tapdī* «раб поклонялся Богу» [22]. На втором месте идёт Папай (Небесный бог) – по одной из легенд прародитель скифов, соответствует греческому Зевсу. У крымских татар до сих пор сохранилось выражение: «Вақыты келир отьмекке де Папай дерсинь» – «Время придёт и хлебу скажешь Папай (т. е. Бог)». Выше уже отмечалось, что крымские татары редко ели хлеб, а некоторые вообще его не употребляли. Указанное выражение использовалось тогда, когда кто-либо из сидящих за столом отказывался от предложенной ему еды, мотивируя тем, что она ему не нравится.

Следует заметить, что в осевой зоне Главного Кавказского хребта, в истоках рек Убинки и Папайки, расположен горный массив Папай, высота которого равна 819 метрам. Возможно, скифы называли эту вершину Папайем в честь одного из главных своих богов.

Поклонялись скифы также и богине Апи, олицетворявшей мать-землю и соответствующей древнегреческой Гее. Название богини Апи//Апа с древнетюркского языка переводится «мать», «старшая родственница», «старшая сестра» [23]. Эта лексема с незначительными фонетическими различиями употребляется также в большинстве современных тюркских языков.

В пантеоне основных скифских богов был также Гойтосир – бог со многими функциями, в частности, он был богом Солнца, а также охранял скот, что было очень важно для скотоводов-кочевников. Гойтосир соответствует греческому Аполлону. Поклонялись скифы и Аргимпасе – богине неплотской любви, соответствующей греческой Афродите Небесной.

Особым почтением у скифов пользовались Геракл (по одной из версий предок скифов) и Арес – бог войны. В честь Ареса скифы насыпали огромные четырёхугольные кучи хвороста, в середину которых втыкали древний железный меч, как символ божества. Этому мечу ежегодно приносили в жертву пленных, быков и других домашних животных, в особенности же коней. Геродот особо подчёркивает, что: «Свиной они (т. е. скифы) в жертву не приносят и вообще не хотят разводить этих животных в своей стране» [24].

Описывая способ приготовления мяса жертвенного животного, Геродот сообщает, что, ободрав шкуру животного, скифы очищают кости от мяса и затем варят мясо в больших котлах местного изделия (если они под рукой). Если же у них нет такого котла, тогда всё мясо кладут в желудок животного, подливают воды и снизу поджигают кости. В желудке свободно вмещается очищенное от костей мясо. Таким образом, бык сам себя варит, как и другие жертвенные животные.

Скифский пантеон, т. е. собрание основных семи богов, И. Н. Храпунов представлен следующим образом:

[см. Храпунов. – С. 102].

После принятия крымскими татарами религии Ислам в XIII-XIV вв. старая религия постепенно вытесняется из их жизни. Хартахай пишет, что мусульманство окончательно утвердилось в Крыму с началом правления династии Гиреев [25]. В Крыму было распространено суннитское направление Ислама в основном ханифитского толка.

Прошло много веков. Ислам прочно утвердился среди крымских татар. Однако названия некоторых прежних доисламских богов до настоящего времени сохранились в их памяти в составе пословиц, поговорок и устойчивых словосочетаний. Как, например, бог Папай. Название другого скифского бога Апи, олицетворяющей мать-землю, чётко этимологизируется на тюркской языковой почве. Этимологию названия других скифских богов следует изучить дополнительно. Многие из них по своей фонетической и морфологической структуре очень близки к общетюркским словам.

До сих пор крымские татары с особым почтением относятся к солнцу, луне, грому, молнии, огню и воде. Возможно, это связано с предыдущими доисламскими верованиями.

У каждого народа вырабатываются свои особые, строго определённые похоронно-поминальные обряды, связанные с упокойным культом. Это очень консервативный элемент духовной культуры, который медленно изменяется и редко заимствуется одним народом у другого.

В центре крымских предгорий археологи открыли бескурганые могилы, относящиеся к концу эпохи бронзы. Это Суучхан, расположенный поблизости от пещеры Кизил-Коба (Красная пещера), Донское, Новокленово и Ташлы – баир (Каменный холм), расположенный около села Баланово Белогорского района. В Донском и Суучхане хоронили в каменных ящиках, в Новокленово и Ташлы-баире – в могилах, выкопанных в земле. В своей работе «Древняя история Крыма» И. Н. Храпунов, описывая содержание могильника из Ташлы-баира, пишет, что умершего хоронили в сидячем положении, руки сгибали так, что кисти оказывались перед лицом. В могилу клали обычно по одному, изредка по два погребённых (см. рисунок) в некоторых могилах инвентарь отсутствует, в других обнаружено по 1-2 сосуда. Очень редко в захоронениях находят бронзовые серьги и браслеты. В Ташлы-баире обнаружена стеклянная бусина. Датируется могильник XI-X вв. до н. э [26].

Отсутствие курганных насыпей и сам факт расположения могильников в предгорном Крыму, по мнению И. Н. Храпунова, свидетельствуют об оседлости оставившего их населения. Значит, в конце эпохи бронзы степные скотоводы стали осваивать предгорья и побережье и переходить к оседлому образу жизни, занимаясь земледелием и скотоводством [26].

Таким образом, население, жившее в Крыму в XI-X вв. до н. э, хоронили своих усопших в сидячем положении, об этом свидетельствуют авторитетные археологи,

которые долгое время занимались раскопками в Крыму. Не часто встретишь такое детальное описание содержания могильника.

А теперь сравним вышеупомянутый обряд погребения умершего с похоронами крымских татар, подробно описанный выдающимся этнографом, членом-корреспондентом Российской Академии Наук Густавом Ивановичем (Густав Фердинанд Рихард) Радде, проживавшем в Крыму с 1851 по 1855 гг. Г. Радде в своей работе «Крымские татары» пишет: «Обычай, соблюдаемые татарами при погребении мёртвых, тесно связаны с идеями, которые они имеют о загробной жизни вообще... татара хоронят своих покойников в **сидячем положении** (выделено нами – А. М.), причём тело закутывают в белые платки (саван – А. М.); на ноги надевают чулки и туфли; на голову – ермолку с белой кистью. Возле тела в могилу кладут хлеб, воду, трубку, табак и огниво для того, чтобы покойник не терпел нужды до появления ангелов-испытателей. Могила имеет до 8 футов (1 фут = 30, 48 см) глубины и, кроме того, горизонтальный выем в 3 фута длины, назначенный для помещения ног покойника. Когда тело уже опущено в могилу и приведено в надлежащее положение, над ним ставят в наклонном положении от 4 до 6 шестов (повыше головы и до колен) и потом зарывают яму, так что тело покоится в наполненном воздухом пространстве и находится в сидячем положении» [27].

Описывая внешний вид и устройство крымскотатарских кладбищ, Г. Радде отмечает, что здесь нет ни прямых дорожек, ни густо насаженных деревьев, ни памятников, воздвигнутых родственниками и друзьями в память покинувшего их друга. Могилы расположены без всякого порядка. Груды камней покрывают неровную местность и служат приметой места погребения. В ногах каждой могилы, обращённой к востоку, возвышается грубо обтёсанный камень с закрученным концом. На стороне, обращённой к могиле, высечена надпись, повествующая об имени и заслугах умершего. Камни эти иногда покрыты голубой краской, и тогда надпись пишется красными, нередко золотыми, буквами [28].

Следовательно, сидячее положение крымскотатарского покойника в могиле, описанное Г. Радде в середине XIX века, очень напоминает захоронения XI-X вв. до н. э., открытые археологами в Новокленово и Ташлы-баире, что ещё раз подтверждает консервативность похоронных обрядов и преемственность народов, проживавших в Крыму и Северном Причерноморье.

Таким образом, комплексное сравнительное исследование хозяйственной деятельности, образа жизни, материальной и духовной культуры древнейших племён, проживавших на территории Крыма (киммерийцы, скифы, тавры) и крымских татар показало, что основным продуктом питания и у скифов, и у степных крымских татар является конина, способы приготовления которой разнообразны и идентичны. И скифы, и крымские татары сеяли просо и пшеницу; в пищу употребляли в основном просо, поджаренное, а затем перемолотое и залитое лошадиным молоком.

Основными напитками как у скифов, так и у степных крымских татар были лошадиное молоко, кумыс, язма. Исследователи отмечают идентичность скифских поясов (элементы одежды) с поясами горно-прибрежных крымских татар. Названия некоторых скифских богов (Папай, Апи) сохранились в крымскотатарских пословицах. Они чётко этимологизируются на тюркской основе. Открытые археологами за-

хоронения XI-X вв. до н. э. в Новоклёново и Ташлы-баире совпадают с захоронениями степных крымских татар, описанные Г. Раде в XIX веке. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что крымские татары являются прямыми потомками древних скифов в Крыму и, соответственно, наследниками их материальной и духовной культуры.

Суммируя всё сказанное о скифах, можно сделать следующие **выводы**:

1. Территория, которую занимала Скифия во времена своего наивысшего расцвета на юге начиналась с побережья Крыма и простиралась на север до Северного Ледовитого океана («там, где с неба падают белые перья», т. е. снег); западной границей Скифии служила р. Дунай (Истр), а на востоке – река Дон (Танаис).

2. На территории Скифии кроме скифских племён (киммерийцы, тавры, саки, сарматы) проживали также агафирсы, андрофаги, меланхлены, невры и другие подвластные скифам племена. Многие из них имели своих царей и свои территории, границы которых не имели права нарушать без их согласия правители соседних племен даже во время военных действий. Следовательно, Скифия представляла собой конфедерацию скифских и нескифских племён, которые на региональном уровне не имели большие права. Об этом свидетельствует отказ царей агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов и тавров выступить сообща против общего врага – армии Дария. Подобная конфедерация не могла долго противостоять военизированным централизованным государствам типа Римской империи.

3. Часть скифов уже в первом тысячелетии до новой эры занималась земледелием и скотоводством; вела оседлый образ жизни, выращивала просо, пшеницу, лук, чеснок и чечевицу. Это скифы – пахари и скифы-земледельцы. Значительную часть собранной пшеницы они продавали южным соседям – грекам. Другая часть скифов вела кочевой образ жизни. Это так называемые царские скифы. Они не сеяли и не пахали. Разводили лошадей, овец, крупный рогатый скот. Возможно, эти скифы и были передовым отрядом всех скифов. Они участвовали в сражениях против соседних государств, а также собирали дань со своих оседлых соплеменников.

4. Основным продуктом питания у скифов была конина. Они доили кобылиц, пили лошадиное молоко, делали из него кумыс, сыры и другие лакомства. Ели скифы и просо, предварительно поджарив и размолов, а затем залив лошадиным, коровьим или овечьим молоком.

5. В Малой Скифии было широко распространено скифско-греческое и греко-скифское двуязычие. Часть греков говорила на греческом и скифском языках. Это современные урумы, которые в настоящее время полностью забыли свой родной греческий язык и общаются на этнодиалекте крымскотатарского языка. Возможно, из-за знания греками скифского языка до нас дошли названия этнонимов тюркских племён с незначительными фонетическими изменениями.

6. Часть скифских племён, проживавших за пределами Малой Скифии, была ассимилирована к X в. н. э. местными прибалтийскими племенами. Другая часть скифов, которая на своём пути в Азию в 722-715 гг. до н. э. разгромила государство Урарту, расположенное на территории современной Турции, затем Ассирию, Мидию, Лидию и дошла до восточного побережья Средиземного моря была также ассимилирована местными автохтонными племенами. Об этом свидетельствуют

скифские (тюркские) лексические элементы, которые обнаружили исследователи в шумерском языке. Скифы, проживавшие на Европейской части России, вошли в этнический состав башкир, татар и чувашей.

7. Прямыми потомками скифов, проживавших в Крыму, являются крымские татары степной и предгорной части Крыма, создавших свою субэтническую культуру. Об этом свидетельствуют сравнительные лингвистические и экстралингвистические исследования – образ жизни, питание, верования, одежда, способы захоронений.

Литература:

1. Страбон. География. Кн. 7. -М, 1994.
2. Геродот. История, IV
3. Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Америке с 1394 по 1427 год// Записки Императорского Новороссийского университета. Т. 1. Вып. 1-2. – Одесса, 1867. – С. 55
4. Путешествие в Тану Иосафато Барбаро венецианского дворянина//Библиотека иностранных писателей о России. Отделение первое. Т. 1. -СПб, 1836. – С. 17-18
6. Описание Крыма Мартина Броневского// ЗООИД. -Одесса, 1867. Т. VI. Отд. 2. – С. 356
7. Там же. – С. 360.
8. Путешествие Амвросия Контарини. Посла светлейшей Венецианской Республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершённое в 1473 г. // Библиотека иностранных писателей о России. – Т. 1. -СПб, 1836. – С. 90-91
9. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, менгрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена, 1625. Пер. и пред. П. Юрченко // ЗООИД. – Одесса, 1879. Т. 11. Отд. 3. – С. 477.
10. Описание Чёрного моря и Татари, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи перфект Кафы, Татари и проч (1634)//ЗООИД. – Одесса, 1902. Т. XXIV. – С. 130
11. Эвлия Челеби, 2008. – С. 239
12. Там же. – С. 28
13. Там же. – С. 29
14. Там же С. 27
15. Там же. – С. 27-28
16. Там же. – С. 113
17. Там же. – С. 239
18. Там же. – С. 27
19. Там же. – С. 28-29
20. Тунман И. Э. Крымское ханство. – Симферополь. 1991. С. 45
21. Рославцева Л. И. Крымские татары. – М, 2008. С. 211
22. ДТС. – С. 533
23. Древнетюркский словарь. – Ленинград, 1969. – С. 47
24. Геродот. Кн. IV. 63
25. Хартахай Ф. А. Историческая судьба крымских татар// Вестник Европы. СПб. 1867. – Т. 2. – С. 141
26. Храпунов И. Н. Древняя история Крыма. – Симферополь, 2007. – С. 64
27. Густав Радде. Крымские татары. – Киев, 2008. – С. 28
28. Там же. – С. 29

Меметов А. Походження кримських татар: Частина III / А. Меметов, І. А. Меметов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 3–13.

У статті розглядаються питання походження кримських татар та участь в їх етногенезі найдавніших жителів Криму – скіфів. У даному дослідженні проводиться комплексне порівняльне дослідження господарської діяльності, способу життя, побуту, матеріальної культури, харчування, одягу, вірувань і похоронних обрядів стародавніх скіфів, таврів, киммерійців і деяких середньовічних і сучасних тюрк-

ських та іранських народів. Робота надає додаткові відомості для відновлення інформації про шляхи формування кримськотатарського етносу, іноді підтверджуючи відомі теорії, а часто спростовуючи усталені погляди і вносячи нові дані в історію цього народу.

Прямими нащадками скіфів, які проживали в Криму, є кримські татари степовій і передгірній частині Криму, які створили свою субетнічну культуру. Про це свідчать порівняльні лінгвістичні та екстралінгвістичні дослідження – спосіб життя, харчування, вірування, одяг, способи поховань, наведені в цій статті.

Ключові слова: скіфи, Скіфія, кримські татари, етногенез, етнізм, мова.

Memetov A. The Origin of the Crimean Tatars: Part III / A. Memetov, I. A. Memetov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 3–13.

The paper examines the questions of the origin of the Crimean Tatars and ancient inhabitants of the Crimea – the Scythians' participation in their ethnogenesis. In this study conducted a comprehensive comparative study of business, lifestyle, life, material culture, food, clothing, beliefs, and funeral rites of the ancient Scythians, Taurus, Cimmerians and some medieval and modern Turkic and Iranian peoples. The work given provides the additional information for how to build restoration of the Crimean Tatar ethnic group, sometimes confirming the known theories, and often rejecting the established views and introducing new data in the history of this nation.

Direct descendants of the Scythians, who lived in the Crimea, the Crimean Tatars were the steppe and the foothills of the Crimea, who creates his sub-ethnic culture. This is evidenced by the comparative linguistic and extra linguistic research – lifestyle, diet, beliefs, clothing, method of burial made in this article.

Keywords: Scythians, the Scythians, the Crimean Tatars, ethnogenesis, ethnonym, language.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 145

**ТУРКМЕНСКИЕ СОРАТНИКИ БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ:
К. БОРИЕВ И М. ГЕЛЬДЫЕВ ЗАНИМАЛИСЬ ТЕМИ ЖЕ ВОПРОСАМИ
И ИХ НАСТИГЛА ТА ЖЕ УЧАСТЬ, ЧТО И ЕГО (К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ ЗНАМЕНИТОГО КРЫМСКОТАТАРСКОГО УЧЕНОГО)**

Соегов М.

*Национальный институт рукописей АНТ (Ашхабад/Туркменистан),
E-mail: msyegov@gmail.com*

На примере жизни и деятельности туркменских лингвистов К. Бориева и М. Гельдыева – соратников Б. Чобан-заде рассказывается о языковой политике и языковом строительстве, развернувшим в Туркменистане во второй половине двадцатых и начале тридцатых годов прошлого века. Анализируются их работы по созданию первых школьных учебников сначала на реформированном арабском (джадидском) алфавите, а затем вновь принятом латинизированном алфавите туркменского языка. Они приняли непосредственное участие в разработке правил современной орфографии, выработке новых научных терминов по многим направлениям знаний. Занимались активной переводческой работой. Деятельность первых туркменских филологов XX века проходила в сложных условиях, продиктованных обострением языковой ситуации, особенно в начале тридцатых годов. Они находились в тесных деловых связях с Б. Чобан-заде и другими видными учеными того периода.

Ключевые слова: алфавит, правописание, терминология, первые учебники, существовавший режим, репрессии.

Постановка проблемы. Бекир Чобан-заде (1893–1937) наряду с Исмаил-Бекем Гаспринским (1851–1914), являясь одним из двух великих сыновей крымскотатарского народа конца XIX – начала XX вв, занимает достойное место в новейшей истории культуры всех тюркских народов. Вокруг самих этих выдающихся деятелей и выдвинутых ими идей возникали новые направления в областях образования, культуры и науки, создавались центры, состоящие из представителей передовой интеллигенции тюркских народов, многие из которых в тридцатые годы прошлого столетия, увы, незаслуженно были репрессированы существовавшим в той пору режимом как «враги народа».

Среди соратников Бекира Чобан-заде в Туркменистане по изучению родного языка и национальной литературы были Кумушали Бориев и Мухаммед Гельдыев, которые, являясь членами туркменской делегации (руководил делегацией Б. Э. Бердиев), неоднократно встречались и консультировались с ним, надо думать, по обоюдно интересующимся научным вопросам сначала в дни работы Первого Всесоюзного Тюркологического Съезда, заседавшего с 26 февраля по 6 марта 1926 года в Баку (Азербайджан), а затем в других городах нашей тогдашней общей страны, где проходили в последующие годы заседания пленумов Всесоюзного Центрального

Комитета Нового Тюркского Алфавита (ВЦК НТА). Как известно, будучи одним из организаторов Тюркологического съезда, Б. Чобан-заде был избран Председателем Научного совета ВЦК НТА (Здесь и далее библиографические данные о Б. Чобан-заде приводятся согласно опубликованным ранее работам, размещенным в настоящее время в виде соответствующих сайтов в Интернете).

Кумушали Бориев (1896–1937). Кумушали Бориев (Kümüşaly Böri oğlu) родился в 1896 году в туркменской семье, которая вместе со своими сородичами занималась отгонным животноводством в окрестностях современного города Актау, что в юго-западном Казахстане. Их основным местом жительства было село Ходжа, название которого происходило от соответствующего туркменского субэтнонима.

Бекир Чобан-заде

Кумушали еще в юности наряду с родным туркменским языком владел казахским, узбекским и некоторыми другими тюркскими языками. Образование получил в Ташкенте, в 1915 году окончил учительскую семинарию. В первых порах своей самостоятельной жизни он вместе с Мустафой Чокаевым (Шокай улы, 1890–1941) и другими видными деятелями принимал активное участие в бурных политических событиях, происходивших в Туркестане. Сотрудничал с казахской газетой «Бірлік туы».

После 1918 года работал представителем Туркменской области в центральных органах Туркестанской АССР. В последующем руководил Туркменской научной комиссией (1921 г.), Государственным ученым советом (1924 г.) и Институтом туркменской культуры (1928 г.), которые были первыми официальными государственными учреждениями, непосредственно занимавшимися разработкой практических и теоретических вопросов туркменского языка. В начале двадцатых годов прошлого столетия он выступал редактором или членом редколлегии газет и журналов, издававшихся в Ташкенте на туркменском языке. К. Бориев активной редакторской деятельностью занимался и в последующие годы.

Обладая хорошими организаторскими способностями, К. Бориев сплотил вокруг себя лучших языковедов, сыгравших большую роль в решении нелегких задач языкового строительства 20-х годов. Он поддерживал деловые отношения с А. С. Алиевым, М. Гельдыевым, А. П. Поцелуевским, А. Н. Самойловичем, Б. В. Чобан-заде, К. К. Юдахиним и другими лингвистами республики и страны. Он руководил коллективом ученых, которые при его участии начали составлять сравнительный словарь туркменских диалектов и переводной туркменско-русский словарь. Но эти лексикографические работы, по независящим от составителей причинам, оста-

лись не завершёнными. В августе 1928 года К. Бориев принимает участие в Международной ярмарке книг и других полиграфических изданий, которая проходила в Кельне (Германия). Там он познакомился с директором Берлинского Азиатского музея, видным тюркологом профессором Альбертом фон Лекоком.

В 1927 г. К. Бориев в соавторстве с М. Гельдыевым подготовил и выпустил книгу «Туркменский алфавит, составленный на основе латинских букв», в 1928 г. – «Правописание нового алфавита (правила орфографии)», большая часть которых не потеряла актуальность и в настоящее время. В 1930 г. вышел в свет «Букварь для колхозника», написанный К. Бориевым в соавторстве с М. Исмаиловым на новом латинизированном туркменском алфавите.

Выступая с многочисленными статьями на страницах периодической печати, К. Бориев внес значительный вклад в разработку вопросов, связанных с развитием туркменского литературного языка в двадцатые годы, обогащением и упорядочением его терминологии и орфографии. К. Бориев одним из первых указал на необходимость соблюдения в туркменской орфографии морфологического принципа. Ряд его работ посвящен переводу делопроизводства на местный язык, совершенствованию преподавания туркменского языка в учебных заведениях. В своих статьях «Первая научная конференция Туркменистана» (журнал «Türkmen medeniyeti», 1930, № 3), «Состояние туркменского литературного языка» (Там же, 1930, № 4 – 5), «Туркменский язык» (Там же, 1931, № 3 – 4) он рекомендует развивать литературный язык только на основе фактов, распространенных во всех основных туркменских диалектах и говорах. К. Бориев принимал самое непосредственное участие в

подготовке и проведении Первой научной конференции Туркменистана (май, 1930 г.), на которой выступал с основным докладом о путях развития туркменского литературного языка.

Велики заслуги К. Бориева как переводчика. Он перевел на туркменский язык ряд учебников, методических пособий, большое количество общественно-политической литературы. Среди них имеются «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, отдельные работы В. И. Ленина и другие.

Кумушали Бориев, вместе с А. С. Алиевым, является составителем «Русско-туркменского словаря» 1929 года – первого двуязычного лексикографического труда туркменских языковедов советского периода. Издание словаря, включившего 20 тыс. слов русского языка и их туркменские эквиваленты, явилось в двадцатые годы крупным событием в культурной жизни республики. Несмотря на отдельные недостатки, словарь сыг-

Кумушали Бориев

рал заметную роль в расширении туркменско-русского двуязычия. Одним из достоинств словаря является то, что составители в большинстве случаев то или иное русское слово сознательно переводят не одним словом, а целым рядом близких по значению лексем, существующих в туркменских диалектах и говорах. Это, с одной стороны, обеспечило доступность семантики включенных в словарь слов русского языка для носителей всех диалектов и говоров, а с другой, – имело важное значение для дальнейшего обогащения лексики туркменского литературного языка.

Хотя первый «Русско-туркменский словарь» долгое время оставался почти единственным руководством для переводчиков и лиц, изучающих русский или туркменский язык (лишь в 1948 г. вышел более полный «Русско-туркменский словарь» Ш. Батырова и И. Г. Карпова, а объёмы словника карманных двуязычных словарей конца тридцатых годов, естественно, были небольшими), заслуги его составителей в связи с необоснованным репрессированием К. Бориева в 1932 году временно были незаслуженно забыты. К. Бориев провел в сталинских застенках десять долгих и мучительных лет, где его жизнь в 1942 году и прервалась. Наряду с другими представителями туркменской культуры того периода он был обвинен в причастности антисоветской организации «Türkmen Azatlygy». В документах ЦК Компартии Туркменистана, относящихся к тридцатым годам прошлого столетия, встречается политический термин «бориевщина», который содержит антисоветское содержание.

Доброе имя К. Бориева уже полностью восстановлено, но до последнего времени о нём в работах ученых совсем не упоминалось или упоминалось вскользь. Между тем изучение богатого наследия К. Бориева убеждает, что его бескорыстное служение народу и любимому делу – вдохновляющий пример для подрастающего поколения.

Почти во всех публикациях последних лет (в том числе, в ряде статей автора настоящих строк) согласно архивной справке, выданной 3 марта 1971 года его дочери Аиде Бориевой, которая проживала в то время в г. Мары, годом смерти К. Бориева указывалось как 1942 год. Но данные, выявленные в последнее время и включенные в Интернет, позволяют уточнить дату его смерти, и конкретное место, где он отбывал наказание. С целью устранения допущенной неточности проводим соответствующие сведения о К. Бориева и его «однодельцах» О. Вафаеве (Вепаев) и С. Овезбаеве полностью согласно Интернет-сайту «Возвращенные имена. Алфавитный список»:

Бориев Кумуш Али, 1896 г. р, уроженец аула Ходжа Мангышлакского р-на Казахской ССР, туркмен, участник съезда по созданию Кокандской автономии в 1917 г, переводчик хана Йомудского в 1919 г, б. член ВКП(б), литератор, составитель русско-туркменского словаря. Коллегией ОГПУ 10 мая 1933 г. осужден на 10 лет ИТЛ. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО (Управление НКВД по Ленинградской области – М. С.) 9 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 27 октября 1937 г. (Одновременно расстреляны его однодельцы О. М. Вафаев и С. М. Овезбаев);

Вафаев Ораз Мамет, 1885 г. р, уроженец аула Кызылсу Красноводского р-на Туркменской ССР, туркмен. В СССР вернулся с Ирана. Обвинялся в связи с лиде-

ром Туркестанской эмиграции М. Чокаевым и подготовке восстания в Туркестане. Коллегией ОГУ 10 мая 1933 г. осужден по ст. ст. 58-2-4-11 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 27 октября 1937 г. (Одновременно расстреляны его однодельцы К. А. Бориев и С. М. Овезбаев).

Овезбаев Сеид Мурад, 1889 г. р, уроженец с. Изгант Ашхабадского р-на, туркмен, б. офицер царской и Белой армий, экономист-плановик Госплана Туркменской ССР. Коллегией ОГУ 10 мая 1933 г. осужден по ст. ст. 58-2-11 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Отбывал наказание в Соловках, содержался в лагпункте Кремль. Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 27 октября 1937 г. (Одновременно расстреляны его однодельцы О. М. Вафаев и К. А. Бориев).

Дело по обвинению Кумушали Бориева было пересмотрено 17 июля 1958 года Военным трибуналом Туркестанского Военного округа, решением которого постановления от 10 мая 1933 года и 9 октября 1937 года в отношении К. Бориева были отменены, и он был реабилитирован посмертно.

Мухаммед Гельдыев (1889–1931) в истории взаимоотношений туркмен с другими родственными тюркоязычными народами в области науки и культуры имя первого крупного туркменского языковеда XX века Мухаммеда Гельдыева (Muhammet Geldi ogly) занимает особое место, ибо он после завершения учебы в медресе «Чар Минар» (другое его название: медресе Ниязкули Туркмени) в Бухаре поступает в медресе «Галия» в Уфе, после окончания которого свою трудовую деятельность начинает учителем в татарских и башкирских школах Уфимской губернии. Работая в 1917 – 1921 годах в этих школах учителем, М. Гельдыев в течение четырех лет непосредственно занимался обучением и воспитанием татарских и башкирских ребятишек.

В последующем, в 1921 – 1931 годах работая в научно-исследовательских и образовательных учреждениях сначала в Ташкенте, а затем в Ашхабаде, М. Гельдыев в течение десяти лет, т. е. до конца своих дней находился в тесных деловых отношениях со своим однокашником по уфимскому медресе «Галия», видным ученым-языковедом Гибатом Хабибулловичем Алпаровым (1888 – 1936), а

Мухаммед Гельдыев

также известным филологом Абдурахманом Сагди (1889 – 1956) и другими известными представителями татарской интеллигенции.

Имя Мухаммеда Гельдыева одного из основоположников современной туркменской лингвистики, хорошо знакомо в научных кругах Туркменистана. Его недолгая, яркая жизнь ученого-филолога оставила заметный след в туркменском языкознании. Вся она была озарена любовью к родному языку, большой работоспособностью, необычайной широтой интересов и неутомимой жаждой знаний.

Непрост был путь М. Гельдыева в большую науку. После окончания медресе в Бухаре он непродолжительное время работал учителем в своем родном ауле Гаракёл на Челекене (ныне Хазар), что в Западной Туркмении (Балканский вилайет) но страстная тяга к более обширным знаниям не давала ему покоя. И он продолжил образование в уфимском медресе «Галия», в котором обучались не только татары и башкиры, но и казахи, узбеки, киргизы, кумыки, ногайцы, а в последующем и туркмены. Другой выпускник-туркмен данного медресе Аллакули Шазадаевич Караханов (1892 – 1938) также стал одним из ведущих языковедов начала XX века, хотя он в последующем окончил медицинский факультет Среднеазиатского государственного университета (г. Ташкент).

Всестороннее образование, полученное М. Гельдыевым в медресе «Галия», и несколько лет работы в татарских и башкирских школах Уфимской губернии сыграли огромную роль в становлении его как ученого-языковеда и педагога-методиста.

Начатую в 1921 году в Ашхабадском педтехникуме и совпартшколе работу, М. Гельдыев продолжает затем в научных учреждениях – сначала в составе Туркменской научной комиссии Государственного ученого совета (ГУС) при Наркомпросе Туркестанской АССР (Ташкент), а с 1925 года – членом Государственного ученого совета при Наркомпросе Туркменской ССР и научным сотрудником Института туркменской культуры (Туркменкульт) при Совнаркоме республики. Следует особо отметить, что в составе Туркменской научной комиссии, функционировавшей в 1922 – 1924 гг. в Ташкенте, наряду с представителями туркменской интеллигенции работал известный татарский ученый, профессор-языковед Г. Х. Алпаров.

Активный участник языкового строительства в Туркменистане, М. Гельдыев, будучи членом Туркменской научной комиссии, возглавил в 1922 году работу по реформированию арабского алфавита применительно к фонетическим особенностям современного туркменского языка. При этом он руководствовался принципом «каждой фонеме – отдельный знак». Эта реформа отличалась от предыдущей (1920 г.) и последующей (1925 г.) большей приближенностью к нуждам языковой практики. Итоги проводимой Туркменской научной комиссией работы по реформированию арабского алфавита публиковались на страницах издаваемой ею в Ташкенте журнала «Türkmen ili».

М. Гельдыев был делегатом Первого тюркологического съезда, состоявшегося в 1926 году в Баку. В 1927 году его избрали членом Научного Совета при Всесоюзном Центральном Комитете Нового Тюркского Алфавита, он участвовал в работе его пленумов, заседавших в Баку, Ташкенте, Казани и других городах. Начиная с 1926 года, при непосредственном участии М. Гельдыева Государственный ученый

совет при Наркомпросе занимался созданием туркменского алфавита на основе латинской графики, полный переход на который осуществился в Туркменистане в 1929 году. В соответствии с новой графикой М. Гельдыев совместно со своим неоднократным соавтором, ученым-языковедом и переводчиком Кумушали Бориевым (1896 – 1937) впервые разработал правила туркменской орфографии. На Первой научной конференции по вопросам литературного языка и терминологии, проходившей в мае 1930 года в Ашхабаде, М. Гельдыев был докладчиком по вопросу «Провописание туркменского языка».

Узловой проблемой туркменских языковедов в 20-х годах был вопрос создания научной терминологии, отсутствие которой в туркменском языке в значительной степени препятствовало успешному развитию науки, техники и культуры в республике. М. Гельдыев считал, что основным источником развития новой терминологии являются внутренние ресурсы языка. Руководствуясь этим принципом, он предложил общепринятые ныне лингвистические термины: *ses* ‘звук’, *çekimli* ‘гласный’, *çekimsiz* ‘согласный’, *açuk* ‘звонкий’, *dumyk* ‘глухой’, *bogun* ‘слог’, *söz* ‘слово’, *goşulma* ‘аффикс’, *işlik* ‘глагол’, *sözlem* ‘предложение’, *eýe* ‘подлежащее’ и т. д. Вместе с тем немаловажным источником обогащения словарного состава туркменского языка М. Гельдыев считал заимствование как из родственных, так и неродственных языков. При этом он опирался, прежде всего, на татарский опыт создания лингвистической терминологии.

М. Гельдыев был руководителем или участником многих лингвистических экспедиций в районы республики. Их материалы вошли в «Русско-туркменский словарь» А. С. Алиева и К. Бориева (1929 г.) м. Гельдыев вместе с А. Н. Самойловичем, Б. В. Чобан-заде, К. К. Юдахиным, А. С. Алиевым и К. Бориевым (руководитель) был включен в состав авторского коллектива, утвержденного Институтом туркменской культуры в июле 1928 года для составления большого «Туркменско-русского словаря». Он принимал участие также в составлении полного сравнительного словаря туркменских говоров. К сожалению, обе эти работы остались незавершенными.

Несколько раз переиздавались буквари М. Гельдыева, созданные им самим, а также в соавторстве с Г. Х. Алпаровым и К. Бориевым. Это были первые пособия по арабской и латинской графикам. М. Гельдыев был автором учебника «Родная речь в начальной школе» (1925 г.), «Учебника по языку» (1926 г, в соавторстве с Г. Х. Алпаровым) и др. В 1926 году опубликован его учебник туркменского языка для русских. Итоговым трудом М. Гельдыева следует считать «Грамматику туркменского языка», созданную им в соавторстве с Г. Х. Алпаровым (Ашхабад, 1929 г.) в ней подробно исследуются морфология и синтаксис, а также фонетика туркменского языка. В качестве приложения в книге дан краткий русско-туркменский словарь лингвистических терминов.

В своих научных работах М. Гельдыев часто касался проблем фонетики туркменского языка. В большой по объему, глубокой по содержанию статье «Долгий гласный в туркменском языке и его роль» (1930 г.) он впервые указывает на смысло-разделяющую функцию туркменских долгих гласных, которые описывает как самостоятельные фонемы.

М. Гельдыев неоднократно выступал в периодической печати по вопросам преподавания родного языка в школе. Им переведены на туркменский язык многочисленные школьные учебники по естествознанию, математике и другим наукам. В этой связи следует отдельно называть книги татарского автора Абдурахмана Сагди «Трудовая школа и трудовое воспитание» (объем 78 стр.) и «Пособие для воспитателей» (объем 100 стр.), которые в переводе М. Гельдыева были изданы в 1923 году в Ташкенте на туркменском языке. На страницах первого туркменского журнала «Türkmen ili» («Туркменский край»), который выходил в 1922 – 1924 годах в Ташкенте, часто выступали со своими статьями татарские авторы А. Сагди и Хайрулла Абиди. Можно не сомневаться, что их переводчиком был именно М. Гельдыев или же А. Ш. Караханов – бывшие питомцы медресе «Галия», ибо они состояли членом редколлегии данного журнала. В качестве примера можем указать следующие статьи из журнала: «Как возник человеческий язык», «Языки». «О языках», «Восточное воспитание» (А. Сагди), «Жизнь и молодежь», «Национальный вопрос и Советская власть», «Политика и молодежь» (Х. Абиди) и другие. Как и М. Гельдыев, в эти годы А. Сагди также работал в Ташкенте.

Нельзя не сказать о заслугах М. Гельдыева в области литературоведения и фольклористики. Он руководил Туркменским научно-литературным обществом (ТНЛО) – первой организацией ученых и писателей республики, начавшей функционировать с января 1926 года. М. Гельдыевым были собраны пословицы, поговорки и загадки, изданные отдельным сборником (1925 г.).

Вместе с тем, М. Гельдыев не замыкался в рамках чистой науки. Он живо интересовался и активно поддерживал первые шаги туркменской литературы XX века, выступал со статьями о творчестве как дореволюционных, так и современных поэтов. В 1931 году при его непосредственном участии вышел сборник стихов молодых поэтов Туркменистана (он подготовил их к печати и снабдил предисловием).

Научная и творческая деятельность М. Гельдыева продолжалась всего десять лет, однако он успел за это время проявить себя как талантливый филолог и организатор науки. М. Гельдыев был избран кандидатом в члены ЦИК Туркменской ССР. К сожалению, более 50 лет обширное наследие М. Гельдыева, обвиненного сразу же после загадочной (не выявленной до настоящего времени причин) смерти в буржуазном национализме, было предано забвению, не изучалось или изучалось односторонне и, следовательно, не получило объективной оценки. Его труды, практическая деятельность характеризовались как вредные для народа. В конце 30-х годов книги М. Гельдыева и другие материалы изъяли из открытых фондов библиотек и архивов. Лишь в начале 70-х годов XX века были сняты запреты, препятствовавшие изучению творчества этого крупного ученого. Основным источником информации служат некрологи в связи с кончиной М. Гельдыева (он умер 3 января 1931 года, прожив всего 41 год), помещенные на страницах журналов «Türkmen medeniyeti» (1930, № 12) и «Туркменоведение» (1931, № 1 – 2) и в газете «Şuralar Türkmenistany» (5 января 1931 г.) в этом номере газеты опубликованы также несколько соболезнований, извещение комиссии по организации похорон, стихотворение-элегия Б. Кербабая (1894 – 1974) под названием «Muhammet Geldiyev».

100-летие со дня рождения М. Гельдыева отмечалось в 1989 г. на его родине – Челекене. В выездной научной конференции и юбилейных торжествах вместе с земляками ученого участвовали гости из Ашхабада – тогдашние научные сотрудники Института языка и литературы им. Махтумкули АН Туркменистана, в том числе автор этих строк. Была издана брошюра, рассказывающая о жизни, творческом пути и работах М. Гельдыева. В периодической печати, в том числе тогдашнем научно-теоретическом журнале «Советская тюркология», появились другие публикации о туркменском ученом-языковеде. В настоящее время выявлено и описано более 60 книг, статей и других работ М. Гельдыева, изданных в 1922 – 1931 годах в Ашхабаде и Ташкенте. Одновременно с изучением и осмыслением научного наследия М. Гельдыева продолжается работа по сбору и обработке сведений, относящихся к его жизни.

Хотим в конце еще раз констатировать, что имя ученого, так преданного интересам национальной культуры через родного языка и национальной литературы, должно стать известно широкой общественности не только независимого и нейтрального Туркменистана, но и других стран, и в том числе, читателям Автономной Республики Крым (Украина).

Выводы и перспективы. Если в определенном периоде своей жизни (в 1930 – 1935 гг.) знаменитый тюрколог и талантливый поэт Бекир Чобан-заде жил и работал в Средней Азии, а именно в Узбекистане (Фергана, Ташкент, Бухара), то другой видный представитель крымскотатарской интеллигенции того же периода, поэт и лингвист Шевки Бекторе (1888–1961), получив в со стороны членов туркменской делегации в дни работы Первого Всесоюзного Тюркологического Съезда в Баку предложение на педагогическую должность, в том же 1926 году приехал в Туркменистан и работал преподавателем Ашхабадского педтехникума (педагогическое училище) до 1933 года (до своего ареста), где трудился, как уже было указано выше, туркменский языковед Мухаммед Гельдыев. Источники (в том числе материалы из архива бывшего КГБ) содержат порою противоречивые сведения об их взаимоотношениях: от крайне негативных до очень дружеских, которые нуждаются во всестороннем анализе в будущем. Кроме того, некоторые исследователи, проживающие вне Туркменистана, утверждают об издании в двадцатые годы прошлого столетия в Ашхабаде книги Шевки Бекторе под названием «Грамматика туркменского языка». Туркменские ученые информацией об этой книге никогда не владели и не владеют по настоящее время, ибо нигде не имеются данные о подобном издании. Скорее всего, подобная книга вообще не существовала.

В заключении хотим отметить, что Мухаммед Гельдыев, выступая на страницах газеты «Türkmenistan» от 5 января 1926 года, в частности, писал: «Гаспринский, будучи наставником всех нас, снабдил тюркскую молодёжь новыми идеями и мыслями». Но все это тема уже для другой самостоятельной работы.

Литература:

1. Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд. Стенографический отчет. – Баку, 1926.
2. Соегов М. М. Гельдыев и его вклад в туркменскую филологию / Соегов М. М. // Проблемы востоковедения. – № 1 (55) – Уфа, 2012. – С. 55–58.

3. Соегов М. Туркестанец Кумушали Бориев / Соегов М. // Елдік-рухани жаңғыру және «Мәдени мұра» бағдарламасы: ізденіс, тәжірибе, нәтиже. Халықаралық ғылыми-теориялық конференция мәтериалдары. – Астана, 2008. – С. 20–25.

4. Соегов М. Туркменский язык в библиографиях его исследователей: первая половина XX столетия / Соегов М. // Восток – Запад: Диалог культур и цивилизаций Евразии, вып. 8. – Казань, 2007. – С. 335–347.

5. Соегов М. Гөрнүкли шахсыет (И. Гаспринскиниң доглан гүнүниң 145 йыллыгына) / Соегов М. // Түркменистан Ылымлар академиясының хабарлары, № 6. – Ашгабат, 1995. – С. 96–100.

6. Тэчмырадов Т. Мухаммет Гелдиевиң өмри ве дөредижилиги / Тэчмырадов Т. – Ашгабат, 1989.

7. Soyegov M. Sandarmoh'ta Şehit Olan Üç Türkmen Aydın / Soyegov M. // Türkmeneli Aylık Edebiyat, Kültür ve Sanat Dergisi Sayı: 37 Şubat. – Kerkük (Irak), 2011. – S. 14–20.

Соегов М. Туркменські соратники Бекира Чобан-заде: К. Борієв і М. Гельдієв займалися тими ж питаннями і їх наздогнала та ж доля, що і його (до 120-річчя з дня народження знаменитого кримськотатарського вченого) / М. Соегов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 14–23.

На прикладі життя й діяльності туркменських лінгвістів К. Борієва і М. Гельдієва – соратників Б. Чобан-заде розповідається про мовну політику та мовне будівництво, що мали місце в Туркменістані в другій половині двадцятих і початку тридцятих років минулого століття. Аналізуються їх роботи по створенню перших шкільних підручників спочатку на реформованому арабському (джадідському) алфавіті, а потім знову прийнятому латинізованому алфавіті туркменської мови. Вони взяли безпосередню участь у розробці правил сучасної орфографії, виробленні нових наукових термінів з багатьох напрямків знань, займалися активною перекладацькою роботою. Діяльність перших туркменських філологів XX століття проходила в складних умовах, продиктованих загостренням мовної ситуації, особливо на початку тридцятих років. Вони перебували в тісних ділових зв'язках з Б. Чобан-заде та іншими видатними вченими того періоду.

Ключові слова: алфавіт, правопис, термінологія, перші підручники, існуючий режим, репресії.

Soyegov M. Bekir Choban-zade's Turkmen colleagues: K. Boriev and M. Geldyev had been working under the same questions and had been overtaken by the same fate (to the 120th anniversary of the birth of the famous Crimean Tatar scholar) / M. Soyegov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 14–23.

On the example of the life and work of Turkmen linguists K. Borieva and M. Geldyeva – associates B. Choban-zade describes language policy and linguistic construction that took place in Turkmenistan in the second half of the twenties and early thirties of the last century. Analyzes their work to create the first textbooks on the first reformed Arabic (Jadid) alphabet, and then newly adopted Latinized alphabet Turkmen language. They were directly involved in crafting the modern spelling, the development of new scientific terms in many areas of knowledge, engaged in active translation work. Activity of the first Turkmen linguists of the twentieth century took place in difficult conditions dictated by the aggravation of the language situation, especially in the early thirties. They were in a close business relationship with B. Choban-zade and other prominent scientists of the period.

Key words: alphabet, spelling, vocabulary, first books, the existing regime, the repression.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК: 94[5]+811. 512. 144

ИЗ ИСТОРИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КРЫМСКИХ ТАТАР С КУМЫКАМИ: РОД БАРЫН И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Гусейнов Г. -Р. А. -К.

*ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»
E-mail: dgu@dgu.ru*

Статья посвящена установлению на основе анализа исторических и лингвистических данных происхождения рода крымских карачи-беков Барын в контексте позднесредневековых взаимоотношений крымских татар и кумыков. Выявлено кумыкское происхождение рода крымских карачи-беков Барын, которые восходят к кумыкам-брагунцам, переселившимся с Центрального Кавказа в Крым после 1324г. Лингвистическое обоснование, свидетельствующее о первичном характере исходной формы *баргъун названия кумыков-брагунцев по отношению к Барын, подкреплено широким кругом исторических сведений. Дальнейшая интерпретация полученных результатов с привлечением иных данных должна стать одной из актуальных задач историко-лингвистического изучения других этапов взаимоотношений крымских татар и кумыков, их языков и диалектов.

Ключевые слова: крымские татары, кумыки, карачи-беки, позднесредневековые взаимоотношения, Крымское ханство, Дагестан

Постановка проблемы. Происхождение рода крымских карачи-беков Барын и в особенности в контексте взаимоотношений крымских татар и кумыков еще не становилось предметом специального рассмотрения. Его выявление особенно важно, так как род Барынов, наряду с Сиджеутами – другими карачи-беками Крымского ханства, генеалогически близкими к правящему роду кумыкских шамхалов, пришел в упадок и ко времени утверждения русского владычества (в конце XVIII века) их родословные не были найдены или не сохранились.

Анализ последних исследований по проблематике работы. Историками, занимающимися историей Крымского ханства, уже был обозначен вопрос о происхождении рода крымских карачи-беков Барын, а также Сиджеут [4]. Однако только сейчас, после того, как брагунско-кумыкское происхождение носителей среднего диалекта крымско-татарского языка было установлено [9], возникли условия как для постановки рассматриваемой проблемы, так и для ее решения

Цель и задачи статьи: на основе исторического и лингвистического анализа научных фактов соответствующего порядка обосновать брагунско-кумыкское происхождение рода крымских карачи-беков Барын как следствие позднесредневековой миграции одного из субэтнических подразделений кумыкского народа с Центрального Кавказа в Крым в эпоху золотоордынско-хулагуидских войн.

Институт карачи-беков, по мнению известных специалистов, оформился в течение XVв. как форма контроля племенных беков над властью ханов-Чингизидов.

Они «составляли непрерывный совещательный орган в поздней Золотой Орде, Крымском ханстве и Касимовском царстве» [1, 13].

Однако данный институт был известен и раньше – в период **расцвета Золотой Орды** – во времена правления хана Узбека (1312–1342) и его сына Джанибека (1342–1357) и **в некоторой степени имеет** отношение к кумыкам нынешнего Дагестана. Именно в этот период истории Золотой Орды с ними оказывается связанным, но косвенным образом наименование «э. н. дж. ли»¹ одного из участников летнего праздника 2 июня 1334г, который, по данным Ибн Баттуты, проводился ханом Узбеком в нынешнем Пятигорье, – местности «Бишдаг» – наймана Кутлуг-Буги. Он являлся с 1351 по 1357г. улуг-карачи-беком хана Джанибека [2, 25-26].

Причем «в Крыму ханы приходили к власти при помощи князей сословий, называвшихся «Четырьмя Карачиями – Ширин, Барин, Аргун и Кыпчак». В результате «в Крымском ханстве, являющимся одним из наследников Золотой Орды, без согласия Карачи никто не мог взойти на престол» [3, 66-67].

По преданиям, записанным в начале XIX века, *дорт-карачи* включали «4 рода беев: 1-й Ширин, 2-й Мансур, 3й Барын, 4й Сиджиут». Но в дальнейшем родословных Сиджеутов и Барынов, последние из которых пришли в упадок ко времени утверждения русского владычества (в конце XVIII века), не было найдено или не сохранилось. При этом *Ширинские* как первый из семи бейских родов Крыма имеют, подобно его ханам, титул калги и нурадина и были пожалованы ими ханской печатью *Бадемы Мугыр* [4, 206, 210, 211, 207-208, 283].

Эта печать является принадлежностью рода Джучидов, а также кумыкских шамхалов и князей [см. 5, 231]. Кроме того, представляется возможным предполагать связь *Ширинских* с Ширин-беком, старшим сыном Кепек-хана, седьмого сына Токтамышша (ум. 1405), который являлся (как и вторая, прекратившаяся в 1862г. чингизидская династия кумыкских шамхалов [6, 60]) потомком в пятом колене Тука-Тимура – тринадцатого сына Джучи [см. 7, 170, 219].

Таким образом, Ширинские, возможно, имеют генеалогические связи и с кумыкскими правителями-шамхали. Вместе с тем при всех вариантах состава *дорт-карачи* в него обязательно входил род Барын. Его представители, на наш взгляд, – потомки кумыков-брагунцев (совр. кум. борогъан), которые еще в золотоордынское время, после разрушения в 1324г. хулагуидским полководцем Чупаном их городов Верхний и Нижний Джулат переселяются с Центрального Кавказа в Северное Причерноморье. Именно они составили основу населения будущего Крымского ханства, так как ко времени их прихода старое тюркское (кыпчакское и, возможно, болгарское) население Крыма было уничтожено татаро-монголами. Появление же звучания барын обусловлено выпадением инлаутного -γ- в названии брагунцев, восходящего к исходной форме *баргъун, которая известна в русской традиции последующего времени как «*борагун*». Она носит закономерный характер в позиции перед

---

¹ Оно может быть возведено к кумыкскому ойкониму Ан(д)жи, известному до сих пор в районе Махачкалы, упоминаемому в эпоху арабско-хазарских войн VII–VIII вв. в качестве крепости. Оно отложилось в названии половецкого племени Андж-оглы, передающемуся в древнерусских источниках как Анжиевичи (Гусейнов Г.-Р. А.-К. Об ойкониме Анжи // Вести Кумыкского научно-культурного общества.– Махачкала, 2002-2003. Вып.8-10.– С.36-39).

соночным в терском (брагунский говор) кумыкском диалекте и присуще отчасти некоторым другим кумыкским диалектам. Кроме того, установлены многочисленные параллели между средним диалектам крымско-татарского языка и кумыкскими диалектами [8, 74-75, 86, 81-83].

И кумыки-борагъанцы стали здесь своеобразными первопоселенцами, что и дало, по всей видимости, им право иметь своего представителя в числе крымских карачи-беков. Имеются свидетельства о том, что брагунцы принимали активное участие в политической жизни Золотой Орды как до, так и после переселения одной из своих частей в Крым. Ими, на наш взгляд, могли быть эмиры Золотой Орды Баринтоку, который был казнен ханом Токтой в декабре 1292/1293г. за поддержку Тулабуки в его противостоянии с Ногаем, и Барын, нашедший и убивший в 1419г. старшего эмира Золотой Орды – знаменитого Идигея [9, 47, 86].

Другое свидетельство того, что другая часть барынов-брагунцев осталась на Северном Кавказе и среди них также имелись карачи-беи, – упоминание еще одного барына в договоре хана Бердибека с венецианцами в 1358г. – Сарай би (Sara bej), который мог быть не только «старшим эмиром», но и карачи-беем (!), или другого барына – Сарай-бека, бывшего аталыком у сына хана Токтамыша Джалаладдина, служа другому его сыну – Кадыр-Берди. Один из них в качестве темника мог участвовать в уже упоминавшемся летнем празднике 2 июня 1334г, который проводился ханом Узбеком [10, 21, 22, 23].

В дальнейшем, в XVв, после освобождения из под власти Тимурида Миран-Шаха, кумыки в 1441/1442гг. избирают нового правителя из рода Чингизидов [11, 273]. Избрание, по всей видимости, производилось, как будет показано в последующем изложении, карачи-беками, представлявшими старую хазаро-булгарскую аристократию, уже перешедшую вместе со всеми на кыпчакскую (собственно кумыкскую) речь. Они, будучи мусульманами, стали блюстителями (карачи-наблюдателями) древних обычаев кумыкского народа типа ясагулов – хранителей ясы Чингиз-хана, защищая в то же время интересы родов, которые они представляли.

Показательно то, что провозглашение независимого Кумыкского государства происходит практически одновременно с захватом Перекопа в Крыму Хаджи-Гиреем в 1443 году. Последний, согласно одной из наиболее распространенных версий, также происходил из Тука-Тимуридов, как и Улу-Мухаммед, основавший в 1438 году Казанское ханство. Согласно другой версии происхождения кумыкских шамхалов, в 1398г после прекращения в 1396г. правления первой династии, восходившей к Менгу-Тимуру (1265-1282 гг.), сыну Джучи, сына Чингиз-хана, к власти приходит другая чингизидская династия, основателем которой был другой сын Джучи – Тука-Тимур. До этого, надо полагать, существовала исторически первая хазарская династия, правившая данным регионом (Семендерское царство?) еще в дозолотоордынскую (хазарскую) эпоху [см. 12, 78, 79, 82].

Не случайно, видимо, согласно преданиям, считается, что родоначальники кумыкских карачи пришли «во главе племени, которое населяет владение Тарковское, за несколько веков ранее появления в Дагестане арабов» [13], т. е. в хазарское время. Служба карачи-беков при дворе шамхала и их участие в совете были добровольными. При несогласии с его политикой карачи-беки могли отъехать от него в свои

роды. По сведениям кумыкских историков и этнографов, карачи-беки проживали в целом ряде населенных пунктов Центральной Кумыкии, будучи известными в некоторых из них со времен Тимура [14], т. е. XIV века.

Если принять во внимание данные кумыкского ученого начала XX века Назира из Доргели, к числу первых из известных кумыкских карачи из Дагестана следует отнести шейха Асилдара ал-Хиркаси (из кумыкского горного, ныне аварского с. Гьаркас «Аркас» Буйнакского района РД, разрушенного Тимуром), сына Ата ал-Гадари. Дата его смерти – 860 или 806гг, т. е. XV век, когда (см. выше) в Золотой Орде оформился институт карачи-беков. Мать его – Ай Мисей Эндиреевская – была из рода сала (т. е. сала-узденей) [15, 37].

Причем последнее название, известное в Северной (засулакской) Кумыкии, имеет болгарское (хазарское) происхождение [16, 95]. Оно же обладает параллелями и в ойконимике Крыма [17], являясь, в свою очередь, еще одним свидетельством вышеупомянутой миграции сюда кумыков-брагунцев, представленных в настоящее время в одноименном населенном пункте современной Чеченской Республики, куда они переместились с Центрального Кавказа в конце XVI – начале XVII вв.

Выводы. Установлено кумыкское происхождение рода крымских карачи-беков Барын, которые восходят к кумыкам-брагунцам, переселившимся с Центрального Кавказа в Крым после 1324г. Лингвистическое обоснование, свидетельствующее о первичном характере исходной формы **баргьун* названия кумыков-брагунцев по отношению к Барын, подкреплено широким кругом исторических сведений.

Перспективы дальнейших исследований. Дальнейшая интерпретация полученных результатов с привлечением иных данных должна стать одной из актуальных задач историко-лингвистического изучения других этапов взаимоотношений крымских татар и кумыков, их языков и диалектов.

Литература:

1. Трепавлов В. В. Джучиев улус в XV-XVI вв. : инерция единства / В. В. Трепавлов // Золотоордынское наследие. Сборник статей. Выпуск 1. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 9-15.
2. Исхаков Д. М. Одно из важных наблюдений Ибн Батуты по внутреннему устройству Золотой Орды/ Д. М. Исхаков // Золотоордынское наследие. Сборник статей. Выпуск 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г / Отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – 368 с. + 8 с. цв. вкл. – ISBN 978-5-905576-06-5. – С. 24-27.
3. Хайрунисса Алан. Верховная власть в Золотой Орде и появление карачи-биев/ Алан Хайрунисса // Золотоордынское наследие. Сборник статей. Выпуск 1. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 64-69.
4. Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV – XIX: Пути развития. Рукописи, тексты и источники/ И. В. Зайцев. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009. – 304 с.
5. Ханмурзаев И. И, Идрисов Ю. М. Проблема образования средневекового кумыкского государства Шаухальства в контексте политического наследия улуса Джучи на Северном Кавказе/ И. И. Ханмурзаев, Ю. М. Идрисов// Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. – С. 122-136.
6. Гусейнов Г. -Р. А. -К. К генеалогии династии Джучидов на Северном Кавказе и Дагестане по историческим, лингвистическим и фольклорным данным (вторая половина XIII – конец XIV вв.)/ Г. -Р. А. -К. Гу-

- сейнов // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. – Владикавказ, 2009. Вып. I. – С. 60-64.
7. Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание / Ред. И. М. Миргалеев. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. -232с. – ISBN: 978-5-9690-0068-1.
8. Гусейнов Г. -Р. А. -К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказ и Дагестана с русским языком/ Гусейнов Г. -Р. А. -К. – Махачкала: ИП Овчинников, 2010. – 214с. – Библиогр. : с. 174-207 (407 назв.) – ISBN 978-5-904017-91-0.
9. Селезнев Ю. В. Указ. раб.
10. Исхаков Д. М. Указ. раб.
11. Алиев К. М. Таргу-наме. Махачкала, 2001/ К. М. . Алиев. – 291с.
12. Гусейнов Г. -Р. А. -К. Заметки к генеалогии Джучидов на Северном Кавказе и Дагестане. Родословные и тамги/ Г. -Р. А. -К. Гусейнов // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. – Владикавказ, 2010. Вып. II. -С. 78-82.
13. ЦГА РД. Ф. 126, оп. 2, д. 72-а, л. 2
14. Кумыкский мир. Энциклопедия [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://www.kumukia.ru/encyclopedia?mode=0&eid=1>.
15. Назир ад Дургели. Усила умов в биографиях дагестанских ученых (*Нузхат ал-азхāн фи тарāмджи 'уламā' Дāгистāн*) Дагестанские ученые X-XX вв. и их сочинения/ Назир ад Дургели. – М. : Издательский дом Марджани, 2012. -159с. – Список сокр. : с. 160. – Библиогр. : с. 161-179 (237 назв.) – Указатели – с. 180-204. – Summary: с. 205. Факсимиле рукописи: 223с. – ISSN 2070-9269, ISBN 978-5-903715-71-8.
16. Гусейнов Г. -Р. А. -К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказ и Дагестана с русским языком.
17. Гусейнов Г. -Р. А. -К. О некоторых общих булгаризмах в ойконимике Крыма и Северо-Восточного Кавказа/ Г. -Р. А. -К. Гусейнов // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2012. №224. -С. 178-181.

Гусейнов Г.-Р. З історії пізньосередньовічних взаємовідносин кримських татар з кумиками: рід у барин і його походження / Г.-Р. Гусейнов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 24–28.

Стаття присвячена встановленню на основі аналізу історичних та лінгвістичних даних походження роду кримських карачі-беків барин в контексті пізньосередньовічних взаємин кримських татар і кумиків. Вивлено кумицьке походження роду кримських карачі-беків барин, які сходять до Кумика-брагунца, який переселився з Центрального Кавказу до Криму після 1324г. Лінгвістичний обґрунтування, яке свідчить про первинний характер вихідної форми * барг'ун назви кумиків-брагунцев по відношенню до пані, підкріплено широким колом історичних відомостей. Подальша інтерпретація отриманих результатів із залученням інших даних повинна стати однією з актуальних завдань історико-лінгвістичного вивчення інших етапів взаємин кримських татар і кумиків, їх мов і діалектів.

Ключові слова: кримські татари, кумики, карачі-беки, пізньосередньовічні взаємини, Кримське ханство, Дагестан

Guseinov Garun-Rashid. From the history of late middle ages relationships between the Crimean Tatars and Kumykians: the origin of the Baryn tribe / Garun-Rashid Guseinov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 24–28.

The article is devoted to the establishment, on the basis of historical and linguistic analysis, the origin of the Crimean Karachi-Becks Baryn in the context of the middle ages relationship of the Crimean Tatars and Kumykians. Identified Kumykian origin of the Crimean Karachi, which go back to Bragunian Kumyks, relocated from the Central Caucasus in Crimea after the 1324y. Linguistic support, indicating the primary nature of the original form * bargun – primary name of Bragunian Kumyks, supported by historical information. Further interpretation of the results obtained with the assistance of other data should be one of the urgent tasks of the historical-linguistic study of the other stages of the Crimean Tatars and Kumykian's relationship, their languages and dialects.

Key words: Crimean Tatars, Kumykians, Karachi-Becks, late middle ages relationship, Crimean Khanate, Daghestan

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 81, 373. 7(512. 145)

ХАРАКТЕР (СТЕПЕНЬ) УСТОЙЧИВОСТИ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Куртсеитов А. М.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: otarli@mail.ru*

В статье обобщены результаты многолетней научной и преподавательской работы. Рассмотрены многочисленные труды языковедов, которые исследовали фразеологию, произведения писателей и тексты исполнителей крымскотатарского фольклора, давние и современные периодические издания.

В работе общие и специфические фразеологические средства систематизированы в нескольких аспектах, а также дано толкование большого количества фразеологизмов, относящихся, в частности, к истории и этнографии. Широко использованы описательный, сравнительно-исторический, структурный методы исследования, что способствовало углубленному анализу крымскотатарских фразеологизмов.

В то же время значительное количество крымскотатарских фразеологизмов не имеет синонимичных или близких по значению к ним выражений, а выступает как одна единственная номинативно-изобразительная единица. В современном крымскотатарском языке есть такие понятия, которые выражаются только фразеологическими единицами, их значения можно передать не иначе, как целым комплексом словосочетаний.

Ключевые слова: структура, семантика, фразеологизм, фразеологическая единица, идиома, метод, словосочетание, крымскотатарский язык.

Актуальность. В крымскотатарском языке есть много понятий, которые выражаются фразеологическими единицами. Например:

Баи тартмакъ – голову тянуть; отказаться.

Къара баджакъ – черная нога; бедняк.

Это объясняется и потребностью выразительно как можно ясно, четко высказать свою мысль в определенной ситуации. Например, для выражения таких абстрактных свойств, как твердый, круглый и т. п. используется словосочетание:

Таи киби – как камень; твердый.

Топ киби – как мяч; круглый.

Это описательные выражения. Примером подобного описательного выражения может служить и передача значения “слушать”:

Къулагъыны асмакъ – повесить ухо; слушать.

Постановка проблемы. Внутренняя суть это фразеологизм – описание положения, физического состояния человека, старательно воспринимающего какой-либо звук, прислушивающегося к чему-либо, а это состояние выражается внешне известным произвольным движением. Оно имеет у всех людей и животных приблизительно общее проявление, заключающееся преимущественно в том, что наружное

ухо ставится в условия, наиболее благоприятные для действия звука на барабанную перепонку.

Объектом исследования являются фразеологические единицы, которые отличаются большой устойчивостью, замена одного из компонентов ведет к разрушению всего фразеологизма. Так, например фразеологизм:

Котек ашамакъ – скушать побои; быть побитым – разрушится, если мы каким-либо образом изменим его лексический состав. Фразеологизмы могут распадаться и при замене грамматических форм. Например:

Козь боямакъ – блефовать;

Козьлерини боямакъ – красить глаза.

Замена множественного числа единственным привело к образованию фразеологизма.

Предметом исследования выступают фразеологические обороты, которые отличаются от свободных словосочетаний слов, и в которых слова можно заменить другими, изменить форму, вставить новые слова и т. д. своей устойчивостью, неделимостью.

В крымскотатарском языке есть почва для такого употребления сочетания слов, когда в зависимости от контекста и реального значения они могут быть свободными и несвободными. В предложении:

Битасы торнуна айнени йырлады. – Бабушка пела внуку колыбельную. – сочетание слов: *айнени йырламакъ* – петь колыбельную – свободное.

А вот в ином случае встречаемся снова со словосочетанием, но уже с видоизмененным значением:

Бугунь минберден ёлбаишчылар къуруджыларгъа айнени йырладылар. – Сегодня с трибуны руководители пропели строителям колыбельную.

Этот оборот в приведенном контексте переосмысливается и становится фразеологическим. Не всегда фразеологическое сочетание является образным. Например, среди них составные названия и составные термины, которые лишены образности и не характеризуют экспрессивно предмет или явление:

Аш ханеси – комната для еды, столовая.

Балалар багъчасы – детский сад.

Эти фразеологизмы допустимы во всех стилях речи.

Целью работы является исследование фразеологизмов в которых имеется определенное сходство в структуре переменных и устойчивых сочетаний слов. Все устойчивые словосочетания, в том числе и фразеологические единицы, создаются по общим синтаксическим правилам языка, синтаксис является той строительной площадкой, на которой идет непрерывный процесс фразеобразования. Правила сочетаемости слов обуславливаются их лексико-грамматическим значением. Поэтому не всякое слово может свободно сочетаться с любым другим. Ограничения в синтаксической сочетаемости предельно выражены в устойчивых сочетаниях и еще более – во фразеологических единицах.

Создаваясь когда-то по определенным правилам связи, устойчивые сочетания слов не возникают каждый раз в речи, они вносятся в предложение в готовом виде. Устойчивые словосочетания обусловлены аналитическим характером выражения понятий.

Словосочетание, закрепляясь за определенным значением, становится воспроизводимой единицей с фиксированной формой, теряя ряд своих парадигматических свойств, которые не требуются для выражения данного семантического содержания. Степень спаянности компонентов, их устойчивый и переменный характер в лексическом и грамматическом отношении весьма разнородны у разных групп устойчивых сочетаний.

Почти все крымскотатарские фразеологизмы имеют эмоционально-экспрессивную окраску. Экспрессивность характерна и для многих слов, но наиболее ярко она проявляет себя во фразеологии. Вот почему фразеологические обороты являются одним из ярких средств выразительности языка. Например, фразеологизм:

Башы кокке ете – голова достаёт до неба – означает большую радость,
а выражение:

Буруны тюбюнде – под носом – означает большую близость.

Эмоциональность – это способность фразеологизма не только называть предмет или явление, но и выражать определенное чувство говорящего. Такие обороты сопровождаются в словаре пометками “шутливое”, “неодобрительное”, “ироничное”. Например:

Иш кьолай кельсин – пусть работа будет легкой. (пожелание).

Мераба, койлюлер, иш кьолай кельсин – Здравствуйте, сельчане, пусть работа ваша будет легкой. (Бог в помощь! Хорошей вам работы.)

Фразеологизмы очень выразительны, потому что они создают образ. Образность возникает на основе метафоричности, переноса значения. Так, в крымскотатарском языке первоначальное значение словосочетания:

Копек сувармакъ (досл.) – поливать собак – уже исчезло, осталось переносное значение, которое и стало основным значением яркого, образного фразеологизма, т. е. слова, входящие в него, могут варьироваться по звукам, по форме, по лексическому составу, по количеству. Например, можно сказать: *Козь юргюзмек* или *козь джургюзмек* – водить глазами; следить.

Сравните обороты:

Къазан асмакъ и *къазанны асмакъ* (досл.) – повесить кастрюлю. Начать готовить, различаются формой первого компонента. Или, например, замена первого слова во фразеологизме:

Къатты баш – твердая голова на *демир баш* – железная голова, не разрушает его.

Вариантами являются и такие фразеологические единицы:

Демир къафа – железный череп; *саф гонъюль* – чистая душа;

саф юрек – чистое сердце; честный.

Названные фразеологические обороты соотносятся между собой как синонимы. Фразеологизмы могут вступать в синонимические отношения со свободными сочетаниями слов или отдельными словами. Например:

Сюекли киши – костлявый человек;

Арыкъ адам – худой человек.

Или: *тёшекке тюшмек* – попасть на постель; заболеть.

Хаста олмакъ – заболеть.

Фразеологические обороты, как и слова, могут иметь два и более значения: *Юреги фена* – а) плохое сердце б) больное сердце в) ненадежный человек. Следующий фразеологизм тоже обладает тремя значениями:

Аджджы тилли – а) с горьким языком б) говорящий правду в глаза в) злой человек.

Антонимия – более редкое явление в кругу крымскотатарских фразеологизмов. Например:

Эльге бермек – выдать, отдать в руки, дать в руки.

Эльге алмакъ – отобрать, завладеть, взять.

Литература:

1. Ахунзянов Г. Х. Идиомы / Г. Ахунзянов. – Казань: Идел-Прес, 1974. – 65 с.
2. Бабайцева В. В. Современный русский язык / В. Бабайцев. – М. : Просвещение, 1981. – 271 с.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В. Виноградов. – М. : Высшая шк, 1982. – 28 с.
4. Гордлевский В. Грамматика турецкого языка / В. Гордлевский. – М. : Высш. шк, 1928. – 164 с.
5. Куртсеитов А. М. Къырымтатар тили фразеологиясынынъ пейда олув ёллары ве семантик джеэтинден бирлешюви / А. Куртсеитов. // Йылдыз. – 1995. – № 5-6. – С. 77-85.

Куртсеитов А.М. Характер (ступінь) стійкості кримськотатарських фразеологізмів / А.М. Куртсеитов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 29–33.

У статті загальні і специфічні фразеологічні засоби систематизовано у кількох аспектах, а також дано тлумачення великої кількості фразеологізмів, які стосуються, зокрема, історії та етнографії. Широко використано описовий, порівняльно-історичний, структурний методи дослідження, що сприяло поглибленому аналізу кримськотатарських фразеологізмів.

Це перше дослідження, присвячене вивченню фразеологізмів кримськотатарської мови.

У дослідженні узагальнено результати багаторічної наукової та викладацької праці автора. Розглянуто численні праці мовознавців, що досліджували фразеологію, твори письменників і тексти виконавців кримськотатарського фольклору, давні та сучасні періодичні видання.

Ключові слова: структура, семантика, фразеологізм, фразеологічна одиниця, ідіома, дестани, метод, словосполучення, кримськотатарська мова.

Kurseitov A.M. Character (degree) stability of the Crimean Tatar idioms / A.M. Kurtseitov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 29–33.

The results of several years standing work were generalized in this article. Numerous scientists works, writers works and Crimean Tatar's narrators, destans, hre-revolutionary and modern periodical publications weve carefully studied.

The general and specific phrasiological means are systematized in several aspects, the interpretation of the vast phrasiological groups, which are concern to the history and to ethnography is done in the work..

The descriptive, comparatively – historical, the stuctural methods of research are wide used. It promoted the deep analysis of Crimean Tatar's phraseology and the correctness of the comon conclusions.

With idiomatic expression constitutes one of the essential aspects of the language, it is as if the building material. In today's Crimean Tatar language there are concepts that are expressed only in phraseological units, their value can be transferred only as a whole set of phrases. For example: bash tartmak – refuse, word for word. pull your head; yureginde tash olmak – very worried, word for word. be a rock at the heart; ak Suek – blue blood, word for word. white bone, etc.

Idioms, though are stable in structure and semantics that are playing in some form of units in the functioning of the language system undergoing some changes. At the moment it is not possible to reveal all the semantic and structural changes that have occurred in the historical development of phraseological fund Cri-

mean Tatar language. Therefore the disclosure of certain semantic and structural changes in phraseology will be based primarily in a synchronous plan.

For example, nouns: es – consciousness, memory and is – a sense, to use with verbs, take different case endings and variations form idiomatic phrases:

Esi ketmek – faint; is etmek – feel.

The question of the semantic-structural changes phraseological units directly connected with the practical tasks of the lexicographic treatment of these units. Proper filing of phraseology in entries monolingual and phraseological dictionaries depends on the resolution of problems of variation, the most accurate determination of the composition of the component combinations and forms of their components. Tatar idioms created in many cases based on only their peculiar images and because of its individual nature can co-exist with other internal units of equivalent forms. These complexes are usually phraseological to mean something, the sphere of reality, which by the nature of symptoms demands the different emotional relationship.

Word, whatever it was metaphorical, not create one tangible imagery, which has idiom.

At the same time, a large number of Crimean Tatar phraseology not synonymous or related in meaning to his expression, and acts as one single nominative-representational one. In today's Crimean Tatar language there are concepts that are expressed only in phraseological units, their values can be transferred except as a whole set of phrases.

The key words: structure, semantic, phrasiology, phrasiological unit destans, method, wordcombination, Crimean Tatar's lanquaqe.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 145. (477. 75)

ЮСУФ БОЛАТ ИНДИВИДУАЛЬ УСЛЮБИНИНЬ ЛЕКСИК-СЕМАНТИК АСПЕКТИ

Меметова Э. Ш.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского

Наша статья посвящена анализу идиостиля Ю. Болат в лексико-семантическом аспекте: выявлению специфических особенностей употребления лексической специфики функционирования индивидуально-авторских парадигм в текстах произведений писателя. Обращение к языку произведений одного из наиболее ярких современных прозаиков – Ю. Болат вызвано значимостью его творчества.

В работе рассматриваются существующие направления и подходы к исследованию языка художественной литературы и идиостиля, понятие идиостиль в современной лингвистике, функционирование слова в художественном тексте в свете интегральной концепции значения.

Ключевые слова: идиостиль, специфическая образность, экспрессивность, Ю. Болат, эмоционально-оценочная лексика, негативная оценка, позитивная оценка.

Бизим макъалемиз Юсуф Болат индивидуаль услюбининь лексик-семантик аспекти талилине багъышлангъандыр.

Ишимизинь **актуаллиги** коммуникатив бедий услюбиетининь эсас назарий меселелерине багълыдыр, чюнки айны меселелер лексик джеэттен, метиннинь тафсилятлы огренильмесине ёл къоялар. Бу ёнелиште бир сыра ишлер беджерильгендир [1, 2, 5, 6, 9, 10, 11, 14, 15, 17, 21, 23].

Ишининь актуаллиги шунда ки, мында, бедий метиндеки муэллиф акъкъындаки гъае, янъы, дюнья манзарасы ве тиль шахыснынь огренильмесинен багълы, ириш-мелерге багълы.

Ишимизинь объекти вазифесинде хусусий тешкиль этильген семантик фезанен система киби чыкъкъан Ю. Болат эсерлерининь метинлери чыкъа: Къойсыз чобан; Чечек байрамы; Туфанда къалгъан къой сюрюси; Балта; юмористик икяелер: Телевизор алынъыз; Анда, мында ве ол тарафта; Къылыкъсыз; Къатейим, кадым, адетим ойле... ; Кенджетай; Ника къыйылмады.

Тедкъикъатнынь предмети бедий метиннинь менимсев процессинде функциональ эмиети олгъан, Ю. Болат эсерлерининь лексикасы.

Мезкюр ишимизинь **макъсады** – Ю. Болатнынь эсерлеринде къуллаанылгъан индивидуаль-муэллиф лексик парадигмаларыннынь къуллаанув спецификасыны айырып талиль этмек. Макъсаткъа иршимек ичюн, ашагъыдаки вазифелерни беджермек **керек:**

1. Языджынынь индивидуаль услюбининь (идиоуслюп) огренильмесине багъышлангъан лингвистик тедкъикъатларны огренип, индивидуаль услюп талилининь эсас ёлларыны тапмакъ.

2. Ю. Болатнынъ эсерлеринде чешит тюрлю тильнинъ лексик-семантик ве ифа-деликнинъ усулларынынъ эмиетининъ дереджесини тайинлемек.

3. Ю. Болат эсерлерининъ метинлеринден энъ эсас индивидуаль-муэллиф парадигмаларыны тапып айырмакъ ве оларны тасвирлемек.

Тедкъикъ ичюн **малюмат** вазифесинде для Ю. Болатнынъ икяелери чыкъты. Къайд этильген муэллифнинъ 10 бедий метинининъ лексикасы талиль этильди.

Тедкъикъатнынъ усулары: махсус эдебиятынынъ талили, лексик мананынъ компонент талилининъ усулы, дистрибутив усул.

Ишнинъ **ильмий янбылыгы** шунда ки, мында ильк оларакъ Юсуф Болатнынъ индивидуаль услюбининъ къысмен тасвирлемеси олда. Муэллифнинъ индивидуаль услюби лексик-семантик аспекти джеэтинден огренильгендир.

Айры языджынынъ индивидуаль услюбининъ огренильмеси, бедий эдебият тилининъ огренильмесинен сыкъы суретте багълыдыр, чюнки языджынынъ индивидуаль услюби – бедий эдебият тилининъ бир чешитидир.

Индивидуаль услюп (идиоуслюп) меселесине янашма чокъаспектлидир: **семантик-услюбий** [3, 4, 18]; огренген **лингво-поэтик** [8, 16, 20, 22]; **системалы-структуралы** [7, 12], **коммуникатив** [2, 23]. Бизим ишимизде семантик-услюбий янашма етекчи олды.

Сонъки вакъытлары идиоуслюпнинъ функциональ лексикология ве коммуникатив услюбиет тарафларыннан огренильмеси метиннинъ лексик къурулышынен яна-ян кельмекте [1, 6, 11, 17, 21, 23].

Бизим макъалемизде *идиоуслюп* экстралингвистик тюшонджеси олгъан «муэллифнинъ иджадий озьгюнлиги» не тень келе» [2], амма онынъ огренильмеси конкрет тиль материалы узеринде, эсасен метиннинъ лексик къурулышында тизиле.

Идиоуслюп дегенде, шу тюшондженинъ ашагъыдаки аляметлерни къайд этмек мумкюн: идиоуслюп – бу муэллифнинъ индивидуаль хусусиетлерининъ ве бедий эдебияттаки черчивесинде сёз устасынынъ системасы; идиостиль – муэллиф огюнде тургъан вазифелернинъ чезильмесине ёлланылгъан тиль васталарынынъ сечильмесини ве комбинациясыдыр; идиоуслюп – конкрет тарихий девирдеки конкрет тилининъ ташыйдыжысы олгъан – языджынынъ ички дюньясы фактларынынъ бедий нутукъта акс этильмеси ичюн вастадыр; идиоуслюп теркарланмаз образлы васталарынынъ олувынен айырыла; идиоуслюп услюбий бирдемлигинен айырыла; идиоуслюп энъ муим мевзуларнынъ индивидуаль чезильмесинен айырыла, бу исе услюбий доминантларынынъ саесининъ темсилдир.

Ю. Болатнынъ идиоуслюбинде акс олунгъан онынъ озьгюн дюнья манзарасы тюрлю себеплер тесири алтыннда шекиллене, амма шу себеплернинъ арасында етекчи ер **ичтимай** союна айырыла. Муэллиф бойле тюшонджелерге мураджаат эте: ахлякъ, акъикъат, яран, адалет – ве, бойлеликнен, бутюн земаневий ичтимай джерьян ве денъишмелерини акс эте. Къайд эткенимиз киби, Ю. Болат идиоуслюбининъ хусусиетлери эксериет **экстралингвистик себеплер иле** тайинлене: бу языджынынъ иджады парлакъ ичтимай дюньябакъышынен характеризлене. Ю. Болатнынъ идиоуслюби акъкъында айткъанда, айрыджа онынъ юмористик икяелерини къайд этмек керек, чюнки тамам бу эсерлерде муэллиф гротеск шекилинде

къараманларнынъ нукъсанлыкъларыны ортагъа чыкъарып, окъуйыджыларнынъ Бойле алгъа оладжакъ мунасебети шекилландире.

Идиоуслуоп – муреккеп ве чешит тарафлама системадыр. Эльбетте, бу тюшондженинъ толу тасвирлемесини бермек артыкъ кыйын. Ю. Болат эсерлерининъ лексик элементлерининъ сечилип тешкиль этильмесинден пейда олгъан идиоуслуопнинъ лексик-семантик спецификасыны огренип чыкъкъан сонъ; языджынынъ бедий системасыны, озьгюнлигини такъдим эткен, идиоуслуопнинъ эсас аляметлерине эсасланып бойле хулясаларгъа кельдик.

1. Ю. Болат идиоуслуобининъ эсас аляметлери арасында, нутукъкъа озьгюнлик, индивидуаллик ве текрарланмаз ифаделик къошкъан **специфик образлыкъ ве экспрессивликни**, къайд этмек мумкюн. Аляметлернинъ бир даа, бу **эмоциональ къыймет кесюв лексиканынъ** чокълыгъыны да айырмакъ мумкюн, бойледже, метинден алынгъан 100 там маналы лексик бирлемден, 10 данеси эмоциональ ренклидир. Базыда 10-дан 20-гедже олмакъ мумкюн, бу адисе, метинге багълы: тасвирий-икъе метинлерде 10 эмоциональ ренкли, къараманнынъ ичи дюньясыны тасвирлеген метинлерде 13, къараманларнынъ диалогларында исе, бу микъдар атта 20-гедже котерильмеси мумкюн. Менфий ренкли лексиканынъ олмасы исе, муэллиф ве къараманларынынъ дюньягъа тенкъидий бакъкъанына багълыдыр.

Меселя: *Зампаралыкъта къабаатланмакътан къоркъып, сакъалына кельген беяны эрте-ярыкъ озю анълатмакъ истеди. Ашукънен машукъ.. . Баскъан печатынънынъ тюбюнде къалып ебер, – дей.. . Бойле деп тюшонген сонъ, шу **джинабетнинъ** гармоньны балабан бир шалгъа сардым да, бу къарт алымда оны сыртыма урып, та Акътёпе базарына алкеттим.. . Къах-къахалап чыкъсын джанлары. Зырзоп эриф.*

«Мусбет эмоциональ ренкли» сёзлернинъ сайысы аздадыр.

Меселя: *Булутлы кокте яз кунешни дегенлери, мына бу экен. Вай, **джаным-козюм къуда** бикечигим, сени беклей-беклей козьлеримде нур къалмады, – деп аякъгъа турды Меръем шерфе. – Тилинъе бал, Эсмачыгъым.*

Ю. Болат идиоуслуобининъ хусусиети муэллиф тарафындан кирсетильген янъы сёзлердедир, мында муэллиф, адамлар арасында олгъан мунасебетлерини, яшларнынъ къартларгъа нисбетен озьлерининъ алып барувы ве иляхре яхшы олмагъан адиселерни акс этмеге тырыша.

Меселя: *Космос девиринде Кочерамет, Копчекамет деген шей олурмы? Нихт культуриши! – Мерси, мусъе!*

2. Ю. Болатнынъ эсерлеринде метафораларынынъ индивидуаль-муэллиф хусусиетини де саймагъа мумкюн. Метафорада къыяслав бар, амма метафора оны айры бир услунен такъдим эте. Метафоранынъ кучю онынъ бекленильмеген вариантындадыр. Шуны да къайд этмек керек ки, метафоранынъ темели – къыяславдыр, меселя: *Бакъ сен онъа, **къаз киб**и къабарып креслогъа чёккен де, **фильджан киб**и патлакъ козьлерини джалт-джулт эттирип, бизим къартийни ялмап-ютмакъ истей.*

3. Айрыджа **эпитетлернинъ** къулланылувыны къайд этмек керек: *Август кунешининъ алтын шавлелери къыр этеклерине эне баилады. Мен бу аджайип къушны сейир эткенде, бурнума лятиф бир къокъу урды. Бакъса не коръсин, кузьгю ичинден онъа джырыкъ манълайлы, опта козьлю, чал къашлы бир къарт бакъа.*

Авагъа фырлап аткъан эки уджлу сѣзлери, окъ киби вызылдап, – де бирине, де дигерине барып санчыла.

Ю. Болат эсерлерининъ метинлеринде эпитетлер яzydжынынъ бедий дюнъясыны акс этелер, бедий метин ве идиоуслюбининъ айырылмаз бир къысмы олалар

4. Ю. Болатнынъ эсерлеринде окказиональ лексика баягъы ер тутта: – *Недирне ни Эдирнеден къыдыргъан да, тапмагъанлар. Акъайым сагъ-селямет къайтса, бир чувал чиберек уным санъа ушюр-зекатым олсун «Казбек-мазбек ювашлыкъ эте», дей.* Муэллифнинъ окказионализмлери парлакъ бедий образларнынъ яратылмасына ёлланып, тасвирленген объектке муэллифнинъ мунасебетини косътермек ичюн хызмет этелер.

5. Тиль васталарыннынъ озьгюнлиги метиннинъ лексик-семантик парадигмасы [2].

5. 1. Ю. Болатнынъ эсерлеринде башындан сонъунадже синонимик парадигмалар къулланыла. Муэллифнинъ метинлерине дикъкъат айырайыкъ: *Оларнынъ ерге тѣккен нурлары чечеклерге янъы тазелик, тюс ве ренк бердилер. Языкълар олсун, тойнынъ долмасындан да, бурмасындан да бисмилля этмедим. Эм урушчы, дѣгюшчи союна, чюнки шу саат омузларыны къысып, юмрукъларыны къаттырып, бокскъа азырланды.*

Ю. Болат синонимлернинъ эсас чешити – услубийдир, оларнынъ макъсады тасвир объектине олгъан муэллифнинъ мунасебетини акс этмектир.

5. 2. Антонимик парадигмаларнынъ да Ю. Болатнынъ эсерлеринде кенъ къулланылувыны къайд этмек мумкюн: *«Джады» дейджек олды къартбабай къартанайгъа, лякин тили тайып, «джаным» деди. Къатейим, кадым, адетим ойле: алсам – бермеге унутам, берсем алмагъа ашыкъам.*

Мыскъыл киби Ю. Болат идиоуслюбининъ айырыджы хусусиетини де мытлакъа къайд этмек керек: – *«Тазнен» «къотур» ялгъамаларыны «джады», «обур», «къа пе», «бардель» ямавларынен яраштырып, бири-бирининъ адындан оларнынъ озьлерине сатты. Белледи амма, къарт керата кеткен сайын тузуны къачырды. Къуртвели эфенди де, кемер башлы таягъына сюйкенип юрген Сулейман аджы да кокюслерине къызыл бант такъып кельдилер. Эртеси куню бу хабер тиллерде теспи олды.*

Нетиджеде бойле хулясаларны чыкъармакъ мумкюн: идиоуслюпни бедий нутукънынъ бир чешити оларакъ огренмек керек; лексик-семантик аспектте яzydжынынъ идиоуслюбининъ хусусиетини бир муэллифнинъ эписи эсерлериндеки лексик элементлерининъ сечильмесинен багъламакъ керек; муэллифнинъ айырылмаз хусусиети вазифесинде метафора ве эпитетлер чыкъа; муэллиф озь эсерлеринде эм синонимик, эм антонимик парадигмаларыны фааль ишлете.

Тедкъикъатнынъ перспективалары: онынъ нетиджелери услубиет, риторика, нутукъ медениети, земаневий къырымтатар тилининъ лексикологиясы, метиннинъ лингвистик талилинде ишлетильмеси мумкюн.

Эдебият:

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. – 4-е изд, испр. и доп. – М. : Флинта: Наука, 2002. – 384 с.

2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста / Н. С. Болотнова. – 3-е изд, испр. и доп. – М. : Флинта: Наука, 2007. – 520 с.

3. Виноградов В. В. О художественной прозе // О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – Избр. труды. – М, 1980. – 260 с.
4. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М, 1971. – 297 с.
5. Вопросы теории и истории языка // Сборник статей, посвящ. памяти Б. А. Ларина. – Л. : изд. Ленингр. ун-та, 1969. – 365с.
6. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М, 1958. –459 с.
7. Жолковский А. К. К описанию смысла связного текста. Материалы ИЙ / А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. – М. : Инст. Русского Языка АН СССР, 1972. – 73 с.
8. Ковтунова И. И. "Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова, Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1986. – 205 с.
9. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке // Отв. ред. А. М. Шахнарович. Предисл. С. И. Мельник и А. М. Шахнаровича. Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 128 с.
10. Курбатов Х. Р. Хэзерге татар эдэби теленең стилистик системасы / Х. Р. Курбатов. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1971. – 190 с.
11. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. –192 с.
12. Мельников Г. П. Методология лингвистики: учебное пособие / Г. П. Мельников, Ю. Преображенский. – М. : Изд-во Университета дружбы народов, 1989. – 82 с.
13. Меметов А. Лексикология крымскотатарского языка/А. Меметов. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – 288 с.
14. Меметова Э. Ш. Къырымтатар тилининъ услюбиети / Э. Ш. Меметова. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2001. – 144 с.
15. Меметова Э. Ш. Юсуф Болатнынъ эсерлеринде эмоциональ-экспрессив лексиканынъ къулла-нылувы // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Т. 23 (62), №3. – Филология. Социальные коммуникации. – 2010. – С. 27-33.
16. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы / Н. А. Николина. – М. : Флинта, 2002. – 422 с.
17. Одинцов В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – М, 1980; 263 с.
18. Полищук Г. Г. Хорошая речь / Г. Г. Полищук, М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2001. – 316 с.
19. Султанов Ф. Ф. Некоторые особенности коммуникативного поведения татар и башкир / Ф. Ф. Султанов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М. : Наука, 1982. – С. 101-111.
20. Текст, интертекст, культура: сборник докладов международной научной конференции. – Москва: "Azbukovnik", 2001. – 607 с.
21. Тураева З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с.
22. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М. : Агар, 2000. – 280 с.
23. Чернухина И. Я. Структура и семантика текста: Межвузовский сборник научных трудов / И. Я. Чернухина. – Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1988. – 152 с.

Меметова Э.Ш. Лексико-семантический аспект индивидуального стиля Юсуфа Болат / Э.Ш. Меметова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 34–39.

Наша статья посвящена анализу идиостиля Ю. Болат в лексико-семантическом аспекте: выявлению специфических особенностей употребления лексической специфики функционирования индивидуально-авторских парадигм в текстах произведений писателя. Обращение к языку произведений одного из наиболее ярких современных прозаиков – Ю. Болат вызвано значимостью его творчества.

В работе рассматриваются существующие направления и подходы к исследованию языка художественной литературы и идиостиля, понятие идиостиль в современной лингвистике, функционирование слова в художественном тексте в свете интегральной концепции значения.

Ключевые слова: идиостиль, специфическая образность, экспрессивность, Ю. Болат, эмоционально-оценочная лексика, негативная оценка, позитивная оценка.

Меметова Е. Ш. Специфіка ідіостилю Ю. Болата: лексико-семантичний аспект / Е. Ш. Меметова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 34–39.

Наша стаття присвячена аналізу ідіостилю Ю. Болата в лексико-семантичному аспекті: виявлення специфічних особливостей вживання лексичної специфіки функціонування індивідуально-авторських парадигм в текстах творів письменника. Звернення до мови творів одного з найбільш яскравих сучасних прозаїків – Ю. Болата викликано значимістю його творчості.

В роботі розглядаються існуючі напрямки та підходи до дослідження мови художньої літератури і ідіостиля, поняття ідіостилю в сучасній лінгвістиці, функціонування слова в художньому тексті у світлі інтегральної концепції значення.

Ключові слова: ідіостиль, специфічна образність, експресивність, Ю. Болат, емоційно-оцінна лексика, негативна оцінка, позитивна оцінка.

Memetova E. Sh. Specificity idiostyle Yu. Bolata: lexical-semantic aspect / E. Sh. Memetova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 34–39.

Our article analyzes idiostyle Yu. Bolata in the lexical-semantic aspect: the identification of specific lexical peculiarities of the specific operation of individual copyright paradigms in the texts of the writer. Recourse to the language of works by one of the most prominent contemporary writers – Yu. Bolata due significance of his work.

Linguistic research in recent years on the analysis of literary language and idiostyle, characterized by a multiplicity of theoretical orientations and perspectives on problems of studying the text and its units.

Aim of our work – identifying the specific use of tokens and the functioning of individual copyright works lexical paradigms Yu. Bolata.

The practical value of the study is that its results can be used in teaching courses style, rhetoric, culture, language, lexicology modern Crimean Tatar language, linguistic analysis of the text, and in lexicographic practice in the preparation of dictionaries and reference books expressive speech (occasionalism), and also dictionary language writer.

This paper deals with the existing trends and approaches to the study of language and literature idiostyle, idiostyle concept in modern linguistics, speech functioning in a fiction in the light of the concept of integral values.

Idiostyle study of individual writers are inextricably linked to the study of literature and language derived from it, as idiostyle – a kind of language of literature. Our study idiostyle, developed through communicative linguistics, equates to idiostyle extralinguistic concept of "creative individual author" (NS Bolotnova), but his study is based on a specific language material, primarily lexical structure of the text.

Idiostyle – is an individual kind of artistic speech, is a system of individual features of the author as a person and artist of the word in language terms, it is a way of reflection and refraction in the literary language of the inner world of the facts particular writer – language-specific carrier in a particular historical period.

Individual worldview Yu Bolat, reflected in his idiostyle, formed under the influence of various factors, among which is the dominant social. Historical orientation of individual worldview Yu Bolat, his appeal to concepts such as morality, truth and lies, justice, making individual system universal mirror of all modern social processes and changes.

Keywords: idiostyle, specific imagery, expressiveness, Yu. Bolat, attitudinal vocabulary, negative evaluation, the positive evaluation.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 145

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ ЧИФТ НИДАЛАР

Берберова Р. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: bra. berberova@yandex. ru*

В статье впервые исследуются модели образования парных междометий в крымскотатарском языке. Объектом исследования является категория сложных слов, в частности парных слов, представленная рядом словообразовательных типов (моделей). Анализируя типы образования парных слов, мы определяем типы и модели образования парных междометий. Сведения о сложных словах и их видах можно встретить в работах лингвистов-тюркологов Н. Абдурахманова, Р. Аганина, М. И. Адилова, Н. И. Ашмарина, Н. А. Баскакова, Р. Бердиева, О. Бётлинга, И. Гиганова, Н. К. Дмитриева, Т. Н. Джеркешевой, А. Е. Ермакова, Л. Ж. Жабеловой, А. А. Юлдашева и др. Актуальность исследования обусловлена отсутствием фундаментальных работ о парных словах в крымскотатарском языке, хотя в других тюркских языках изучением сложных слов лингвисты занимались довольно продуктивно, особенно в 50-90 годы XX века.

Цель нашей работы – изучить словообразовательные, грамматические особенности парных междометий в крымскотатарском языке.

Объектом исследования являются парные междометия как одна из разновидностей сложных слов. Научная новизна работы состоит в системном изучении парных слов на разных уровнях – морфемно-словообразовательном, лексическом с учётом частеречных особенностей образования парных слов.

Ключевые слова: модели, сложные междометия, парные междометия, словообразование, анализ.

Меселенинь котерильмеси. Чифт нида япыджы моделлер меселеси къырымтатар тилинде асылда огренильмегендир.

Тедкъикъатымызнынъ актуаллиги. Чифт нида япыджы моделлер къырымтатар тилинде тедкъикъ этильмегени себеинден бугуньки куньде оларнынъ огренилюви къырымтатар тильшынаслыгъыннынъ муим актуаль меселелеринден биридир.

Тедкъикъатымызнынъ максады. Къырымтатар тилинде чифт нида япыджы моделлерни талиль этип, оларнынъ морфологик хусусиетлерини бельгилемек.

Тедкъикъатымызнынъ методологик ве назарий темели. Земаневий къырымтатар тилининъ назариеси ве усулиети, тасвирий, тарихий-къыяслав ве лингвистик талиль васталарыдыр.

Тедкъикъатымызнынъ объекти. Къырымтатар тилиндеки чифт нидалар.

Тедкъикъатымызнынъ ильмий янъылыгъы. Къырымтатар тилинде чифт нида япыджы моделлерни бельгилемек.

Белли ки, эр бир тильде олгъаны киби, къырымтатар тилининъ лугъат теркибинде япма сёзлер мевджут ве оларны тюрлю сёз чешитлерине айырмакъ мумкюн.

Лугъаттаки лексик бирликлернинъ бир къысмыны чифт нида тешкиль этер ве этмели. Къырымтатар тилинде чифт нидалар дегерли ер тутмакъта. Бедий эсерлер, халкъ агъыз яратыджылыгы ве куньделик мат-буат саифелеринден сечилип, топланылгъан фактик материал талиль этильди.

Къырымтатар тилинде бугуньгедже даа чифт сёзлери фонетик джеэттен талиль этильмеген эдин Чифт сёзлеринъ сес теркиби, эджа теркиби, комполментлернинъ теркиби ве ери, сес уюшувлыгы, ритмика, аэнклик (мелодик) киби фонетик хусуиетлери де керекли дереджеде даа огренильмедиле.

Айны меселенинъ яни чифт сёзлерининъ фонетик хусуиетлерини бельгилемек макъсадынен къырымтатар тилинде топланылгъан фактик материалны талиль этерек, рифмалашкъан, аллитерация, ассонанс ве консонанскъа огърагъан чифт сёзлерни къайд эттик. Чифт нидалары да фонетик джеэттен талиль этильгенде, оларнынъ компонентлери арасында

ритмика олгъаны себебинден тек эки азалы структура иле характеризленгени белли олды. Чифт нидаларнынъ компонентлери ритмик джеэттен мустакъиль бирликлердир, олар юкъары дереджели ритмик бирлик яни чифт сёз оларакъ, эр тарафлама тенъ компонентлернинъ бирикмесинден шекилленир. Чифт нидаларнынъ ритмикасы джумле ритмикасындан фаркъ этер, чифт сёзлернинъ компонентлери арасындаки токъталув (пауза) къыскаджадыр. Чифт сёз аэнклик джеэтинден биринджи компонент теляффузынынъ (интонациясы) юкселюви иле, экинджисининъ исе алчакълашувынен характеризленир. Бу хусуиет чифт сёз ве джумледеки сёз интонациясы арасындаки фаркълайыджи чизги оларакъ къайд этилир. Чифт сёзлерде ургъу эр бир компонентнинъ сонъуна тюшер, амма экинджи компонентке тюшкен ургъу кучьлюдже олур. Чифт нидаларнынъ фонетик хусуиетлерини бельгиленювинде компонентлердеки сеслернинъ озъара мунасебетлери яни сес уюшувлыгы, уйгъунлыгы, рифмасы, аэнклиги, эджа шекилленюви, компонентлернинъ теркиби киби меселелер муим роль ойнар.

Къырымтатартилинде чифт нида компонентлерининъ сеслеринде аллитерация адисесине расткельдик, меселя: *эйвах-эй – Эйвах-эй, кимерде ойле де олса: макъталгъан къыз балабан койде къоджасыз къала* (ЮБ: 10).

Аллитерация – адет узьре чифт, тургъун сёз бирикмелеринде эджа я да сёз башындаки сес я да сес бирикмелерининъ текрарланувы. . – деп яза лингвистик лугъатында Ахманова О [2, 40].

Рифма – бу рифмалашкъан сёз бирикмеси я да сёзнинъ сонъундаки ургъулы эджаларынынъ сес тенълиги эсасындаки сес уюшувлыгы я да ритмикалашкъан текрардыр □СИС: 446□. Рифма эписи чифт сёзлерге хас дегиль, лякин сыкъ олса да, расткелир. Меселя: *эй-ей, ах-вах, ай-ой, вай-ай. Хасталарны ашламакъ, араретлерни ольчемек, ах-вахларына алышмакъ мени азапландыра* (ИП: 139).

Ассонанс – созукъ сеслернинъ уюшувлыгы, шириий нутукънынъ усулприёмы, яни чифт сёзлернинъ компонентлеринде созукъ сеслернинъ текрарланувы [2, 58].

Къырымтатар тилинде ассонанс адисеси хас олгъан чифт нидалар, меселя: *ах-вах, вай-ай*.

Йигит-йигит олмаса, дёрт пара койнинъ дживан къызлары юкзуларыны джояр эдилерми, нафиле ах-вах чекер эдилерми? (ЮБ: 36).

Ассонансен бир сырада диссонанс да расткелир яни чифт сёзлернинъ компонентлериндеки сеслерде сес уюшувлыгы расткельмез, меселя: *эй-ей, ай-ой, вай-ой. Эй-ей, онынъ бою уфакъ олса да, мерафети пек буюктир* (ЮБ: 113).

Эджа шекилленювинде созукъ сеснинъ эмиети пек буюктир. Сёзде къач созукъ сес олса, о къадар эджа олур. Къырымтатар тилинде чифт нидаларны талиль этерек, оларнынъ компонентлеринде эджа микъдары чешит олагъаныны анъладыкъ, меселя: *эй-ей – эй-ей, эйвах-эй, ах-вах, ай-ой, вай-вай, эй-ат*. Эсасен, олар бир ве эки эджалардан ибарет олгъаныны бель-гиледик.

Чифт нидалар мустакъиль лексик бирлиги оларакъ шекилленир ве тили-мизде белли макъсаднен къулланылыр яни сёйлейджининъ чешит-тюрлю дуйгзуларны ифаделемек ичюн, меселя: *ай, а-а, вай, вай-вай, вах, ой, ой-ой, э-э, эй-ей, эх, фу*.

Морфологик джеэттен чифт сёзлер (копулятив) белли бир сёз чешитине аиттир яни исим, сыфат, сайы, замир, фииль (фиильнинъ функциональ чешитлери: исим-фииль, сыфатфииль, алфииль), зарф, нида, такълидий.

Чифт нидалар къырымтатар тилинде тек бир модель эсасында шекилленир:

1. нида + нида: *ах-вах, ай-ой, эй-ат, эй-ей – эй-ей, эйвах-эй*.

Меселя: *Эй-ей, онынъ бою уфакъ олса да, мерафети пек буюктир* (ЮБ: 113).

Эйвах-эй, кимерде ойле де олса: макъталгъан къыз балабан койде къоджасыз къала (ЮБ: 10).

Хасталарны ашламакъ, араретлерни ольчемек, ах-вахларына алышмакъ мени азапландыра (ИП: 139).

Ай-ойым кетип, тек вай-вайым къалгъан... (ЮБ: 102).

Йигит-йигит олмаса, дёрт пара койнинъ дживан къызлары юкзуларыны джояр эдилерми, нафиле ах-вах чекер эдилерми? (ЮБ: 36)

Нетиджелер. Чифт нидаларнынъ фонетик хусусиетлерини тедкъикъ этип, бойле нетиджелер чыкъармагъа наиль олдыкъ: оларгъа аллетирация, ритм, ассонанс, диссонанс, рифма киби адиселер хастыр.

Юкъарыда беджерильген талиль нетиджесинде чифт нида япыджы модель де бельгиленди. Иште, юкъарыдаки чифт нидаларны мейдангъа кетирген тек бир модель чалышкъаныны къайд эттик ве нида олувы исе чифт нидаларнынъ морфологик хусусиетидир.

Эдебият:

1. Аганин Р. А. Повторы и устойчивые однородные парные сочетания в современном турецком языке / Р. А. Аганин Дис. ...канд. филол. наук. — М. : Мин-во иностр. дел СССР. Моск. гос. ин-т международных отношений. Вост. фак-т. — 1954. — 332 с.

2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. Изд. «Советская энциклопедия» — М, 1969. С. 40.

3. Бекир Чобан-заде. Къырымтатар тилининъ ильмий сарфы / Бекир Чобан-заде. // Симферополь, 1925. С. 34-45.

4. Берберова Р. А. Муреккеп сёзлернинъ классификациясы / Р. А. Берберова // Йылдыз, Симферополь, 1994—№ 3. С. 186-190.

5. Берберова Р. А. Къырымтатар тилинде исим япыджы моделлер / Р. А. Берберова // Доклады. II Международный симпозиум – 22-24 майыс 2008 – Крым – Украина – С. 666-670.

6. Бердиев Р. Сложные слова в современном туркменском языке /Р. Бердиев: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М, 1955. 16 с.
7. Ганиев Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке /Ф. А. Ганиев – М, Наука, 1982. – 150 с.
8. Егоров В. Г. Словосложение в тюркских языках / В. Г. Егоров / В кн. : Структура и история тюркских языков. – М, 1971. – 95 -107 с.
9. Жабелова Л. Ж. Сложные имена существительные в современном кара-чаево-балкарском языке /Л. Ж. Жабелова Дис. ...канд. филол. наук. М. : 1981. С. 26-28.
10. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого языка /А. Н. Кононов Изд. акад. наук СССР – М-Л. : 1956. – 569 с.
11. Маматов Н. О классификации сложных слов в узбекском языке / Н. Маматов // Советская тюркология – Баку, 1976. – № 5, 32-37.
12. Муллина Р. М. Сложные слова в языках тюркской системы / Р. М. Муллина – Учен. Зап. Казахского гос. ун-та, Т. 13, 1950. – Т. 13, Вып. 5, 27-42.

Берберова Р.А. Парные междометия в крымскотатарском языке / Р.А. Берберова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 40–44.

В статье впервые исследуются модели образования парных междометий в крымскотатарском языке. Объектом исследования является категория сложных слов, в частности парных слов, представленная рядом словообразовательных типов (моделей). Анализируя типы образования парных слов, мы определяем типы и модели образования парных междометий. Сведения о сложных словах и их видах можно встретить в работах лингвистов-тюркологов Н. Абдурахманова, Р. Аганина, М.И. Адилова, Н.И. Ашмарина, Н.А. Баскакова, Р. Бердиева, О. Бётлинга, И. Гиганова, Н.К. Дмитриева, Т.Н. Джеркешевой, А.Е. Ермекова, Л.Ж. Жабеловой, А.А. Юлдашева и др. Актуальность исследования обусловлена отсутствием фундаментальных работ о парных словах в крымскотатарском языке, хотя в других тюркских языках изучением сложных слов лингвисты занимались довольно продуктивно, особенно в 50-90 годы XX века.

Цель нашей работы – изучить словообразовательные, грамматические особенности парных междометий в крымскотатарском языке.

Объектом исследования являются парные междометия как одна из разновидностей сложных слов. Научная новизна работы состоит в системном изучении парных слов на разных уровнях – морфемно-словообразовательном, лексическом с учётом частеречных особенностей образования парных слов.

Ключевые слова: модели, сложные междометия, парные междометия, словообразование, анализ.

Берберова Р.А. Парні вигукі в кримськотатарській мові / Р.А. Берберова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 40–44.

У статті вперше досліджуються моделі утворення парних междометий в кримськотатарській мові. Об'єктом дослідження є категорія складних слів, зокрема парних слів, представлена рядом словотворчих типів (моделей). Аналізуючи типів творення парних слів, ми визначаємо типів і моделі утворення парних вигуків. Матеріали про складні слова і їх види можна зустріти в роботах лінгвістів-тюркологів Н. Абдурахманова, Р. Аганіна, М.І. Аділова, Н.І. Ашмаріна, Н.А. Баськакова, Р. Бердієва, О. Бетлінга, І. Гіганова, Н.К. Дмітрієва, Т.З. Джеркешевой, А.Е. Ермекова, Л.Ж. Жабелової, А.А. Юлдашева і ін. Актуальність дослідження обумовлена відсутністю фундаментальних робіт про парні слова в кримськотатарській мові, хоча в інших тюркських мовах вивченням складних слів лінгвісти займалися досить продуктивно, особливо в 50-90 роки XX століття.

Мета нашої роботи – вивчити словотворчі, граматичні особливості парних вигуків в кримськотатарській мові.

Об'єктом дослідження є парні вигукі як один з різновидів складних слів. Наукова новизна роботи полягає в системному вивченні парних вигуків на різних рівнях – морфемно-словотворчому, лексичному з врахуванням частемовних особливостей творення парних слів.

Ключові слова: моделі, складні вигукі, парні вигукі, словотворення, аналіз.

Berberova R.A. Paired interjections in the Crimean Tatar language / R.A. Berberova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 40–44.

Derivational system of Crimean Tatar language still is not the subject of systematic comparative analysis. Meantime for a practical mastery of another language is very important to know how words are formed in it, for most of the vocabulary of any language words consists of derivatives.

Linguists S. I. Abakumov, F. Buslaev, E. A. Vasilevskaya, V.V. Vinogradov, G.O. Vinokur, I.G. Galenko, V.P. Grigoryev, I.M. Greenberg, E. Dikenman, M.T. Dolenko, Z. P. Donova, A. E. Kiselev, N. F. Klimenko, V. A. Kochergina, A. Levina, to K. A. Levkovskaya, V. V. Lopatin, A. I. Moiseev, M.J. Nemirovskiy, Imre Pachai, A. V. Petrov, M. A. Privalov, A. A. Potebnya, K.L.Ryashentsev, E. A. Selivanova, A. I. Smirnitskiy, O. B. Tkachenko, A. P. Toroptsev, I.S. Ulukhanov, F.F. Fortunatov, N. M. Shanskiy, A. A. Shakhmatov, L. A. Shelya-khovskaya and other devoted their works to compounding words in Russian.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ СЕВЕРНОГО ДИАЛЕКТА КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Меджитова Э. Н.

Актуальность темы. Изучение лексики говоров крымскотатарского языка в значительной степени дополняет и обогащает наши познания в области крымскотатарского языка. Хотя лексические особенности диалектов явились темой нескольких исследований, однако выяснение следов влияния литературного крымскотатарского языка все еще остается достаточно актуальным вопросом крымскотатарской диалектологии. Кроме того, между говорами одного и того же диалекта тоже имеются определенные различия, изучению которых до сей поры не уделялось должного внимания.

Постановка проблемы. Определить те лингвистические особенности и те лексические единицы, которые отсутствуют в крымскотатарском литературном языке и в других его диалектах.

Объект исследования. Объектом следующего исследования стала лексика северного (степного) диалекта крымскотатарского языка. Лексика диалекта исследуется на основе собственно диалектной лексики, имеющей ограниченную территорию употребления и не входящую в состав крымскотатарского литературного языка.

В области изучения лексических особенностей диалектов и говоров крымскотатарского языка проведена определенная работа. Однако лексический состав рассматриваемых говоров до сих пор не был предметом специального исследования.

Важной особенностью диалектов крымскотатарского языка является то, что они являясь островными до депортации крымскотатарского народа, в настоящее время находятся под влиянием друг друга и литературного языка. Между этими диалектами происходит постоянная интерференция, в особенности – в области лексики.

В диалектологии лексическая система диалекта или гора рассматривается в трех видах: «1. Собственно диалектная лексика, т. е. лексика, имеющая ограниченную область употребления и не входящую в словарный состав литературного языка. 2. Лексика, имеющая в говорах ограниченную территорию употребления, но также входящая в словарный состав литературного языка. 3. Лексика, не имеющая территориальных ограничений в употреблении и являющаяся в этом смысле общенародной, но нейтральная в отношении литературного языка». 1

Лексика северного диалекта крымскотатарского языка исследуется в первом аспекте, т. е. на основе «собственно диалектной лексики, т. е. лексики, имеющей ограниченную сферу употребления и не входящую в состав литературного языка.

Лексика северного диалекта крымскотатарского языка включает в себя исконные (тюркского происхождения) и заимствованные лексические единицы. Среди последних прежде всего нужно назвать элементы арабского и персидского происхождения. Арабо-персидские элементы издревле входили в словарный состав языков тюркских племен, которые затем унаследовала лексическая система современных тюркских языков, в том числе и крымскотатарской. Кроме того, лексика север-

ного диалекта пополнялась и элементами русского языка. Они проникли из русского языка или через русский из других языков, видоизменялись в соответствии с фонетическими нормами северного диалекта байна «баня», дыкавай «духовка», ильмон «лимон», шапке «шапка» и др. Молодежь не употребляет эти слова в подобной форме: такое произношение встречается только в речи пожилых людей.

Лексика северного диалекта крымскотатарского языка богата и охватывает обширный материал, относящийся ко всем областям лексикологии. Данная статья рассматривает некоторые названия предметов и явлений, употребляемые в северном диалекте крымскотатарского языка.

1. Жилище, его элементы, хозяйственные постройки, строительные материалы.

Характер жилища искони определялся родом основных занятий населения. В значении «дом» (как жилое помещение) в исследуемом диалекте и его говорах употребляется слово уй/ий.

Слово уй характерно для всех кыпчакских языков; в огузских языках и древних памятниках этой форме соответствует еб > ев (см. ЭСТЯ, 513-515).

Там «крыша». Слово там в значении «стена» известно, начиная с древнетюркских памятников [6, 529]. большинству тюркских языков. Видимо, значение «стена» для слова там первично. Г. И. Рамстедт сопоставлял тюркское там «стена» с монгольским тама «стена» и корейским «стена».

Къалав «забор» лит. : багъча дивары. Ущ айландым къалавынъ, саярман ташын, беш юз лирам саярман, байлярман ашынь «Трижды обогну твой забор, пересчитаю камни, посчитаю пятьсот лир и засватаю тебя».

Къаралты обнесенный забором, оградой дом и все дворовые постройки.

Аят «передняя, через которую входят в остальные комнаты».

Тенеке «жесть», «листовое железо». Используется в таких сочетаниях как «дом, крытый жестью» «тенеке таван».

Килер «место для ссыпания зерна в доме». «Пристройка к дому для хранения зерна».

Авла «зимнее помещение для скота»: Уйнинъ арты къой авладыр, алды десень, эгерек... (Мемет Нузэт). Лексема авла встречается в древнетюркских памятниках в форме агъыл «загон для овец, хлев».

Бастырма «навес», «навес для скота».

Мала «мастерок».

Аркъан «веревка из камыша или из другого растения».

Сибиртки «веник». Изготавливалось из растений с красными зернышками.

Кирт «ключ». Производное от кирт – киртлемек «запирать на ключ», лит. килит > килитлемек.

Щий «дверной крючок», производное щийлемек – закрывать дверь на крючок, лит. чюй «деревянный шип, штырь».

Шише «стекло», «ламповое стекло», «бутылка», «стеклянный сосуд». В литературном языке лексема шише имеет значение «бутылка», в значении «стекло» употребляется лексема джам, которая не употребляется в северном диалекте крымскотатарского языка. Иногда в слове шише наблюдается выпадение начального ш- шише > ише.

Асар «разновидность чайника».

Эски «салфетка, кухонное полотенце». В литературном языке используются формы пачавра, савутбез «полотенце для посуды».

Сызакъ «ковш, ковшик». В литературном языке это слово не встречается.

Аякъ букв. нога «тренога для подвешивания над огнем чайника или котла».

Элекен «тазик» искаженное лит. леген

Текне «большая миска».

Щылапшы «корыто».

Къалакъ «вид совка, железная лопаточка, совок»: название по форме предмета, в лит. языке: куль куреги «лопаточка для золы».

Кетек «курятник» лит. : кумес.

Мера «пастбище».

Пеш «глиняная печь для приготовления еды и для отопления» Пешин ищине тотырдыкъ, бакъыр савутларымызны тотырдыкъ, пешин авзун ысладыкъ «Положили все в печь, медную посуду положили, топку замазали».

Тасмал/тастмал «полотенце».

Щокъмар «большая палка», «дубина».

Щомакъ «короткая палка».

Щёп-щёлен в лит. языке чалы-чырпы «хворост».

Къол тирмен «ручная мельница».

2. Слова, относящиеся к домашним ремеслам и одежде.

Щембер «изготовленный вручную женский платок».

Щевре «платочек с кружевными краями».

Ояламакъ «вязать кружево» Арув балабан марама ясаджакъсынъ, кенарын ояладжакъсынъ «».

Макъсы «длинная юбка» Озюнъе бир макъсы этек тигеджексинъ.

Къайтан «толстая хлопковая нить в несколько слоев» Къашларынь къара къайтандай, ушлары окътай.

Ыршыкъ «прялка», «веретено» лит. форма урчукъ.

Джабув «покрывало», «ковер». Огълан якъ кельди, къыз ягъын анасы огълан якъа джабув джаптылар башларына «Сторона жениха приехала, мать со стороны невесты накрыла покрывалом головы стороны жениха».

Джайма «покрывало» Греплер, джаймалар нелер берди къарип анам «Креп, покрывала и всякое другое дала бедная моя мама».

Шалща «коврик», «брезентовая накидка». В древнетюркском языке шалашу «разновидность китайского материала» [6, 338; 5, 520].

Кийиз «войлочный ковер» «войлок».

Гилям лит. килим «ковер».

Тошек-орын «постель» лит. : тёшек. В словаре М. Кашгарского [6, 280] отмечено тощакъ «ковер», «подстилка».

Джибек лит. йипек «шелк».

Зон «хлопчатобумажная ткань, ситец». Асты зондан, юкъарсы ал череден (М. Н.).

Къаптан «платье» лит. антер.

Выводы и перспектива. Названия, связанные с домашней утварью и другими принадлежностями, все более утрачиваются, поскольку большая часть из них

выходит из употребления. В данной статье мы попытались собрать некоторую часть из них, а в дальнейшем, попытаемся продолжить тему лексико-семантических диалектизмов в последующих статьях.

Литература:

1. Меметов А. Крымтатарский язык. Ч. I. Общие сведения о языке. Ч. II. Морфология / Меметов А, Мусаев К. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2003. – 288 с.
2. Меметов А. М. Земаневий кырымтатар тили. – Симферополь: Кырымдегвепднешир, 2006. – 320 с.
3. Русско–крымскотатарский карманный словарь / Сост. С. М. Усеинов. – Симферополь: Изд-во «Оджакъ», 2005. – 456 с.
4. Мемет Нузэт. Кырымнынъ чель аятындан. Сайлама эсерлер джыйынтыгы / М. Нузэт. – Симферополь: Доля, 2003. – 241 с.
5. ДТС – Древнетюркский словарь. – Л, 1969. – 676 с.
6. ДЛТИ – Девону луғотит тюрк. Индекс. – Ташкент. 1967. – 544 с.

При изучении лексических особенностей диалектов и говоров крымскотатарского языка проведена определенная работа. В работе лексикон северного диалекта крымскотатарского языка изучается на основе "употребляемых в диалекте слов», то есть словарь, который имеет ограниченную область применения и не входит в стандартный язык. Словарь северного диалекта крымскотатарского языка богат и включает в себя обширный материал, относящийся ко всем областям лексикологии. В этой статье рассматриваются некоторые из названий предметов и явлений, которые используются в северном диалекте крымскотатарского языка.

Ключевые слова: диалект, диалектизм, лексико-семантические особенности, диалектная лексика.

In the study of lexical features of dialects and sub-dialects of Crimean Tatar language carried out some work. However, the lexical composition considered dialects has not been the subject of a special study.

An important feature of the Crimean Tatar language dialects is that they being the island before the deportation of the Crimean Tatar people, are now under the influence of each other and language. Between these dialects is constant interference, in particular – in the vocabulary.

In the dialects of the lexical system or mountain dialect is considered in three ways: "1. Actually dialect vocabulary, ie vocabulary, which has a limited range of use and is not in the vocabulary of the language. 2. The language has a limited territory dialects use, but is also part of the vocabulary of the language. 3. The language has no territorial restrictions in the use and in this sense is the whole people, but neutral with respect to the standard language."

Lexicon of of the northern dialect of Crimean Tatar language is studied in a first aspect, that is, on the basis of "actual dialect vocabulary, ie vocabulary, which has limited the scope of use and is not included with the standard language.

Vocabulary of the northern dialect of the Crimean Tatar language includes native (of Turkish origin) and borrowed lexical items. Among the latter, we must first call the elements of Arabic and Persian origin. Arab-Persian elements of old were in the vocabulary of the language of Turkic tribes, who then inherited the lexical system of the modern Turkic languages, including the Crimean Tatars. Furthermore, the northern dialect vocabulary is enriched and the elements of the Russian language. They entered from the Russian or the Russian from other languages, adapting to meet the standards of the northern dialect phonetic bayna "bath", dykavay "oven", ilmon "lemon" cap "cap" and other young people do not use these words in a similar form: this pronunciation is found only in the speech of older people

Vocabulary of the northern dialect of Crimean Tatar language is rich and includes extensive material relating to all areas of lexicology. This article looks at some of the names of objects and phenomena that are used in the northern dialect of the Crimean Tatar language.

Keywords: dialect dialecticism, lexical-semantic features, dialect vocabulary.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК: 81 1. 512. 145

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ ЗАРФЛАРНЫНЪ ДЖУМЛЕДЕКИ ВАЗИФЕЛЕРИ

Аджимамбетова Г. Ш.

РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»

Синтаксические функции наречия вытекают из его семантики. В предложении адвербы вступают в зависимую связь с глаголом и именем прилагательным. Сочетаясь с глаголом, они выполняют функции: а) различных обстоятельственных членов предложения, б) приглагольного определения. В сочетании с прилагательными роль члена предложения у наречия значительно слабее, поэтому оно не является отдельным членом предложения, а служит для усиления или ослабления значения определения.

В синтаксическом плане крымскотатарские наречия характеризуются тем, что их главная синтаксическая функция – обстоятельство (времени, места, цели, причины, образа действия, меры и степени). Кроме того, они могут выступать и в роли других членов предложения, в частности в роли определения, дополнения, в составе сказуемого.

Обстоятельства образа действия часто выражаются наречиями действия, среди которых могут быть как производные, так и непроизводные наречия. Из проанализированных примеров можно сделать вывод, что в функции обстоятельства образа действия чаще используются производные наречия, чем непроизводные.

Характеризуя действие в количественном отношении, наречия в предложении играют роль обстоятельства меры. Обстоятельство места, выраженное наречием, указывающим на направление к какой-либо точке.

Темпоральные обстоятельства показывают, что признак действия связан с определённым моментом времени. Они чаще поясняют глагольное сказуемое, так как временные характеристики составляют грамматическое значение глагола, но могут относиться и к именному сказуемому.

Обстоятельства, характеризующие действие с точки зрения целенаправленности, могут быть выражены наречиями цели.

Наречия причины в предложении являются обстоятельствами причины, подчёркивая основание, в силу которого протекает или происходит действие.

Ключевые слова: тюркские языки, крымскотатарский язык, наречие, лексико-грамматические особенности, члены предложения, синтаксические функции.

Ишнинъ макъсады: къырымтатар тилинде зарфларнынъ синтактик хусусиетлерини ачыкъламакъ.

Зарфларнынъ синтактик хусусиетлери онынъ семантикасындан келе. Зарфлар джумледе фииль ве сыфатларнен багъланып келелер. Фиильнен багълангъанда олар а) чешил ал джумле азаларыны, б) фииль алямети (айырыджы) функцияларны билдирелер.

Сыфатларнен багълангъанда зарфларнынъ джумле аза ролю азлаша. Онынъ ичюн джумле аза киби айырылмай. О тек айырыджынынъ манасыны азлаштыра, я да къуветлендирте [3, 138].

Айырыджы, тамамлайджы, хабер функциясында олгъан зарфлар.

Зарфлар эсасен джумледе ал функциясында ишлетиле. Амма бунен онынъ функциясы сынъырланмай. Олар дигер джумле азасы да ола билелер, яни хабер теркибинде айырыджы, татамлайджы. Бу ерде олар предикатив косътергичлерни къабул этелер: Талелелернинъ эписи **мындамы?** Бабанъ **бу ердеми?**

Зарфларнынъ ери де денъише. Хабер киби джумленинъ сонъунда келе.

Кимерде хабер-зарфларнынъ предикативлик костергичлери олмаз:

Акъыллы эр вакъыт **огде**. Саат десенъ де **еринде**. Сен **анда** – мен **мында**. Акъыллы экенсинъ, айткъанынъ **догъру** [8, 100]. Сизде эр шей **аксинне** [8, 110]. Лякин оларны огренмек **кучь** [6, 127]. Койде адам **пек аз** [8, 85].

Вакъытны косътермек ичюн хаберлерде **эди** ярдымджы фииль ве **экен, эмиш** модалъ сёзлер ишлетиле биле. Меселя: **чокъ эди**. Одларда адам **чокъ эди;**

чокъ экен. Багъчада джеviz **чокъ экен, чокъ эдилер**. Базар ичиндеки чайханеде Темирбекнинъ таныш-билишлери **чокъ эдилер**.

Менфий шекильде кельген зарф-хаберлер **дегиль** менфий дереджеликтен багълана: огълан **анда дегиль эди**. Тапкъанынъ джойсанъ **языкъ дегиль**.

Кимер зарф шекиллери, сыфат сёз чешитине кечип (конверсия олып), предметнинъ аляметини бильдирелер ве айырыджы функциясыны беджерелер:

чокъ агълама. **Аз** одун кетирдинъ.

Къырымтатар тилинде тамамлайджы зарфлар аз расткелелер. Субстантивация олып, зарфлар тамамлайджы ролюнде ишлетиле. Олар келиш аффикслерни къабул этелер: **Бугунни** къоюнъыз да, **ярынгъысыны** ойланынъыз.

Берильген джумлелерде коремиз, зарфлар хабер теркибинде айырыджы, тамамлайджы функцияларында ишлете билелер.

Зарфлар иш-арекетнинъ аляметини бильдирелер ве олар иза еткен сёзнинъ огюнде ерлешир. Эсасен зарфлар фиильни иза етелер.

Бу меселелерни джумлелерде бакъайыкъ. Бу чешитлери энъ чокъ расткеле. Не ичюн зарфлар фииллерге бойле ер айыра экен? Биринджиден, джумледе энъ чокъ расткельген функция бу ал функциясыдыр. Алнынъ функциясы иш-арекетни конкретлештирмек, онынъ ерини, выкътыны, шартыны, алыны косътермек. Амма иш-арекетни бильдирмейлер [4, 341].

Бираз вакъыттан сонъ нефес ала башлады, **къайта-къайта** эснеси [5, 161]. Бутюн полк **джесюрдже** курешти [5, 175]. Анифе битайны мен **сюфте** корьдим [5, 198].

Зарфларнынъ экинджи синтактик хусусиети бу сыра багъланен дигер сёз чешитлеринен багълануву.

Эсасен олар фииллерге багъланалар: **Яхшы** чалыштырынъыз, къурсагъы семсин.

- зарф исимлернен багъланыр: Биз **анда мектепте** турдыкъ. Керекмей, **якъын-да эвде** ичип чыкътыкъ [6, 106].

- зарф шахыс фиилернен багъланувы: Мустафа агъам **къатты юкълады** [8, 160]. Сен **ботен агълайсынъ**. Бир-биримизни **яшлыкътан** бильсекте... О шей эсиме **энди тюшти**.

- сыфатфиилернен бирикюви: **Узакъта тургъан** къыз меним аптем эди. Балабанов цех ёлбашчыларыны **яхшы тызыкътыргъан** сонъ, ишини битти сая [7, 171]. Энвер **саба** тургъан сонъ, геджедеки вакъианы хатырлады.

- алфиилернен бирикюви: **Бу ерде отурып**, джеvizли лакъша ашады [6, 53]. Саат онда чыкъып кете, бешлерде **зар-зорнен къайтып** келе [7, 171].

- исимфиилернен бирикюви: китапны **яваштан окъумагъа** башлады. Энди эписини **енъиден башламакъ** керек оладжакъ [6, 121].

- зарфларгъа конверсия олып кечкен сыфатлар исимлернен багъланмакъ мумкюн: Мейданда **чокъ адам** топланды.

- сыфатларнен багълана, бу ерде аляметини кучлендире: **чокъ кучлю** олгъаны ичюн ...

- зарфларнен: Мелек апте исе **салъте терс** тыраш эте [7, 162]. Токътаргъазы башыны **енъигильден онъгъа-солгъа** къакъытты [6, 105].

Къырымтатар тилинде джумледе эки вакъыт зарфлары ян-янаша келип, бириси умумий мананы, дигери исе конкрет мананы ифаделей. Я да вакъыт зарфы ер зарфынен ишлетиле.

: **Экинджи куню саба** зияде сандыракълады [7, 160]. **Акъшам аш вакътында** мен Эсманен къаршы-къаршыгъа отураджагъым [7, 86]. **Ярын... уйледен сонъ** келирсинъиз [6, 202].

- зарфлар замирлернен бирикюви: **Бугунъ биз** мусафирликке бардыкъ. **Бир заман манъа** да мавы дуракъта корюнди дюнья.

Бойле этип зарфлар исимлернен, фиилернен, сыфатфиилернен, исимфиилернен, сыфатларнен, зарфларнен бирикип келелер.

Ишимизни бакъкъан сонъ бойле нетиджеге кельдик: фиилернен выкъыт зарфлары, ер зарфларына коре, даа чокъ бирикип келе.

Эгер джумледе бир къач зарф ишлетильсе, биринджи вакъыт ве ер зарфлары ишлетилир, сонъра исе дигерлери келир:

Шу куню акъшам устю Али къартбабанынъ торуны Энвер чельге якъарлыкъ топламагъа чыкъты [8, 185].

Бойле джумлелерде зарфлар бир сёзге дегиль де олар джумледе кечкен иш-арекетнинъ вакъыт ве ерини бильдирелер.

Тарз алы функциясында ишлетильген зарфлар

Джумледе тарз аллары эсасен аркет бильдирген зарфларнен ифаделенелер. Оларнынъ арасында эм асыл, эм япма зарфлар расткеле. Бакъылып чыкъкъан джумлелерден корюне ки, тарз алы функциясында япма зарфлар, асыл зарфларгъа коре, чокъ ишлетилир.

Зарфларнен ифаделенген тарз аллары бойле аляметлерини бильдирелер:

- иш-арекетнинъ кейфие (качественную) характеристикасыны:

Рус тилини **мукеммель** бильсем, мен де окъутыр эдим [6, 107]. **Темелли** кельдинъми? [6, 110]. Нечюндир акъшамгъа таба о **яхшыджа** ишлей эди.

- иш-арекетнинъ косьтерюв (проявления) дереджеси: *Чалт* окъуй. *Бутюнлейин* битирмеге истейлер. Энди *аджеле-аджеле* келип кетмек [6, 181]. Дефтерни къолтугына къысты, *бирден* токъталды [6, 135].

- иш-арекетнинъ япылув усулы: Талелелер *бирге* кирдилер. Абдурешид Медиевни *бир агъыздан* шеэр управасынынъ гъалавасы сайладылар [6, 147]. Не олгъан *бедава* гъайып олмадылар!

- тарз алы вазифесинде ишлетильген зарфлар. Олар иш-арекет не олсада япыладжакъ олгъаныны косьтерелер. *насыл* зарфы ишлетиле: *Насыл олса да* бу китапны сенден алмагъа керек. *Эп бир* къайтып кельди [6, 165].

- тарз алы вазифесинде ишленильген зарфлар иш-арекетнинъ сырасыны косьтере: *невбет-невбет*. Репетициялар *невбет-невбет*, оджаларнынъ эвинде олды [6, 180].

- тарз алы вазифесинде ишлетильген зарфлар мунасебетчилернен бирикип келе: Эм де унутмай айт: *вакътындан эвель* атылып чыкъмасын. *Сонъки кере* сорайым, анълайсынъмы? Олар *чокътан берли* чалышалар, – мен машинагъа *бу йыл сюфти* миндим [7, 110]. Сачлары *сол якътан сагъ тарафкъа* таралгъан [6, 137].

Иш-арекетнинъ дередже ве олъчю функциясында ишлетильген зарфлар

Иш-арекетни микъдар тарафындан косьтергенде зарфлар джумледе олъчю алыны бильдирелер. Бу маналар бойле зарфларнен ифаделенир:

аз зарфы: Огъланны *аз* коре [6, 168].

чокъ зарфы: *Чокъ* корьген, *чокъ* билир [аталар сёзлери].

бираз зарфы: Ишке киришмезден эвель *бираз* къапынайыкъ [8, 91].

баягъы зарфы: Албуки вакъыт *баягъы* олгъан [6, 176].

аз бучукъ зарфы: Даянынъыз *аз бучукъ*, Бори агъа [8, 99].

Аз, чокъ зарфлары диген сёзлернен де бирикип келелер ве олъчюни ифаделейлер: *аз олса да: Аз олса да* кетиринъиз.

Иш-арекетнинъ дереджеси текрарлавыны анълаткъан зарфларнен ифаделенмек мумкюн:

янындан: янындан ялмакъ; къайтабаштан: къайтабаштан къурмакъ;

текрар-текрар, бир даа, къач керелер: Къач керелер шиир язувны быракъмакъ ичюн теубе эттим [6, 107]; *кене*. Оджа гизлиден *кене* бакъты [6, 135]; *вира*: Хызметчи отура... озю *вира* тютюн иче [6, 136].

Зарфлар *микъдарда* сёзюнен бирикип келе: *аз микъдарда, чокъ микъдарда, чокъ дефа*: Ничюндир *пек аз микъдарда* нешир этильди [6, 131]. *Эп бир* айтмам. (сынъырланув манасы бар).

Ер алы функциясында ишлетильген зарфлар

Зарфнен ифаделенген ер алы бир де бир тарафкъа ёнелишни бельгилей: *солгъа, оньгъа, тёпеге, арткъа, огге, алдгъа-арткъа, ичериге*.

Ал иш-арекетнинъ япылув ерини конкретлештирмек мумкюн: *анда, мында, къаршысында, солда, ичериде, бу якъта, алчакъта, юксекте, алдында, артында, тютте*.

Зарфнен ифаделенген ер алы япылгъан иш-арекетнинъ ерини ифаделей: *узакътан, андан, мындан, усттен, асттан, тёпеден, теренден, юкъарыдан*;

Пакъыл киби, къапу ачылды, *ичериден* эсли киши чыкъты [6, 135]. Мусафир *узакътан* кельди. Яшлар *андан, мындан* топланды. Таш *тёпеден* тюшти.

Зарфнен ифаделенген ер алы арекетнинъ бельгисиз ерини ифаделей: *бир ерден, ким биле къайда, къайдадыр, бир ерде, бир де бир якъкъа*. Токътап турмакъ мумкюн дегиль... *бир де бир якъкъа* юрмек керек [6, 106].

Вакъыт алы функциясында ишлетильген зарфлар

Вакъыт аллары арекетнинъ алямети айры бир вакъытынен багълы олгъаныны косътере. Олар эсасен фииль-хаберлерни изалайлар. *Бугунь, бу заман, бу вакъыт, шимди, шу анде, шу вакъытта, яньчыкъ: Яньчыкъ* юкълагъан эдилер [6, 169]. Башы багълы адам *бу дефа* чай ичмекте [8, 90].

- Вакъыт аллары арекетнинъ конкрет вакъытыны я да алыны анълаталар. Бу ерде вакъытыны анълаткъан зарфларны ишлетелер: *куньдюз, акъшам, сабалайын, эртен, таньда, кузьде, язда, къышта, тюневин акъшам, кечь маальде: Тюневин акъшам* Феми эфенди эвге *кечь маальде*, нешэли алда кельди [6, 77].

- Арекетнинъ япылувы белли олгъан иштен эвель олып кечкенини ифаделей: *тюневин, о кунь, эвель, башталары, яшлыкъта, бир вакъыт, бир заман, былтыр, якъында*.

- Арекетнинъ вакъыты дигер арекеттен сонъ олувыны косътерер: *ярын, сонъ, келеджекте, бираз вакъыттан сонъ, экинджи куню, илериде, бурскюнъ*.

- Вакъыт алы арекетнинъ чокъ олгъаны, я да аз текрарланувыны костерер: *кимерде, сийрек, вакъыт-вакъыт, ара-сыра, кимерде бир, сыкъ, тосат-тосат*.

- Вакъыт алы арекетнинъ девамлыгъыны анълатыр: *омюр билля*. Сув *омюр билля* сакъанен котериле эди [6, 147].

чокъ йыллардан берли, чокъ вакъытлардан берли, сабадан акъшамгъадже, уйледен акъшамгъаджа.

- Вакъыт алы арекетнинъ бир вакъыт олмагъаныны анълата билер: *ич къачан, ич бир вакъыт: Ич бир вакъыт* ёкъ деме.

Макъсат алы функциясында ишлетильген зарфлар

Иш-арекетни, бир-де бир макъсатнен япылгъаныны бильдирген аллар макъсат зарфларынен ифаделене билерлер: *аселет, энъкъастан, махсус, нафиле*. Баба баланынъ пармагъыны агъызына къапты, *энъкъастан* тишлеген олды [6, 122]. Шисени *махсус* сындырды.

Эсасен макъсат мунасебетлери бир субъект ве бир объектни назарда туталар. S – макъсат – Д

‘Мен *энъкъастан* джыгъылсам къавгъа чыкъа.

Субъект истегенине коре, иш-арекет махсус япылы: Сейяр *аселет* бизден къачып кеткен беллемесинлер.

Кимер сёзлернинъ лексик манасында иш-арекетнинъ конкрет макъсат манасыны коре билемиз: *пахыл киби*. Дигер сёзлерде исе бу компонент имплицит шекильде олур: Викагъа исе *аселет* эки-учь кунь корюнмез.

Себеп алы функциясында ишлетильген зарфлар

Себеп зарфлары джумледе себеп алы олып келелер. Себеп алы иш-арекетнинъ не себептен олувыны ве япылувыны косътере: *чаресизликтен, медарсызлыкътан*,

ойланмастан, меджбурен, аньсызлыкътан. Бу инсан **чаресизликтен** агълай. **Меджбурен** ишни къалдырды.

Бу категория – логик категориясыдыр, чюнки компонентлернинъ арасында багъ логик мунасебет иле япыла. Бу анълам эки тарафлы олгъаныны козь огюнде тута: себеп ве нетидже. Джумледе бойле корюниши ола билир:

Д¹ – сёз, сёз шекли, себеп манасыны ташыгъан предикатив бирлем, Д², →

Д² иш-арекетнинъ (Д¹), нетиджеси олур. Иш-арекетнинъ субъекти айны олмакъ мумкюн. Месея: **Ойланмастан** эр шейни айтып берди.

(Д²) Айтып берди, чюнки (Д¹) ойланмады.

Къырымтатар тилинде себеп ве макъсат зарфлары сонъуна къадар даа шекиленмеди. Буларны зарфларнынъ чокъ олмагъанында, сынъырлары конкрет дегиль.

Нетидже. Бойле этип, зарфлар джумледе чешит синтактик функцияларыны беджере билирлер. Зарфларнынъ эсас синтактик функциясы – вакъыт, ер, макъсат, себеп, тарз, микъдар алыдыр. Амма джумледе зарфларнынъ функциясы тек ал функциясы дегильдир. Зарфлар джумледе хабер теркибинде айырылды, тамамлайды функциясыны да беджерелер.

Эдебият:

1. Дмитриев Н. К. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология / Н. К. Дмитриев. – М. : Изд-во Вост. литературы, 1955. – 336 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Н. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
3. Меметов А. М. Крымтатарский язык. Морфология / А. М. Меметов, К. Мусаев. – Симферополь: Учебно-педагогическое издательство, 2003. – 288 с.
4. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1978. – 387 с.
5. Абдураман Иса. Октябрь ёлунен / И. Абдураман. – Ташкент: Гъафур Гъулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1968. – 420 с.
6. Алядин Шамиль. Иблисинъ зияфетине давет / Ш. Алядин. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1979. – 216 с.
7. Умеров Э. Ёылдызларгъа догъру / Э. Умеров. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1983. – 280 с.
8. Эмиров Иззет. Икяелер / И. Эмиров // Ягъ, ягъ ягъмурым. – Ташкент: Гъафур Гъулямадына эдебият ве санат нешрияты, 1986. – С. 78 – 99.

Аджимамбетова Г. Ш. Роль говору в кримськотатарськых пропозиціях / Г. Ш. Аджимамбетова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 49–55.

Синтаксичні функції прислівника витікають з його семантики. У пропозиції адверби вступають в залежний зв'язок з дієсловом і ім'ям прикметником. Поєднуючись з дієсловом, вони виконують функції: а) різних обставинних членів речення, б) прислівного визначення. У поєднанні з прикметниками роль члена речення в прислівника значно слабкіша, тому воно не є окремим членом речення, а служить для посилення або ослаблення значення.

У синтаксичному плані кримськотатарський прислівник характеризується тим, що їх головна синтаксична функція – обставина (часу, місця, мети, причини, образу дії, міри і міри). Крім того, вони можуть виступати і в ролі інших членів речення, зокрема в ролі визначення, доповнення, у складі присудка. Обставини образу дії часто виражаються говором дії, серед яких можуть бути як похідні, так і непохідний говір. З проаналізованих прикладів можна.

Характеризуючи дію в кількісному відношенні, говір в пропозиції грає роль обставини міри. Обставина місця, виражена прислівником, вказуючим на напрям до якої-небудь крапки. Темпоральні об-

ставини показують, що ознака дії пов'язана з певним моментом часу. Вони частіше пояснюють дієслівний присудок, оскільки тимчасові характеристики складають граматичне значення дієслова, але можуть відноситися і до іменного присудка.

Обставини, що характеризують дію з точки зору цілеспрямованості, можуть бути виражені прислівником мети. Прислівник причини в пропозиції є обставинами причини, підкреслюючи підставу, через яку протікає або відбувається дія.

Ключові слова: тюркські мови, кримськотатарська мова, прислівник, лексико-граматичні особливості, члени речення, синтаксичні функції.

Adzhimambetova G. Sh. Syntactical peculiarities of adverbs in the Crimean Tatar language / G. Sh. Adzhimambetova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 49–55.

The syntactic functions of adverbs follow from its semantics. In the sentence adverbs come into dependent connection with the verb and adjective. Combining with a verb, they execute functions: a) of different adverbial sentence parts, b) of adverbial attribute. In combination with adjectives the role of the sentence part at an adverb is considerably weaker; therefore it is not separate part of sentence, and serves for strengthening or weakening of the attribute's value.

In a syntactic plan crimeantatar adverbs are characterized that their main syntactic function is an adverbial modifier (of time, of place, of aim, of reason, of character of action, of measure and degree). Moreover, they can also act as other sentence parts, in particular as the attribute, the object, in the predicate.

The adverbial modifier of character of action often expressed by the adverb of action, among that there can be both derivative and non-derivative adverbs. It is possible to make conclusion from the analyzed examples, that derivative adverbs are more often used in the function of the adverbial modifier of character of action, than non-derivative.

Characterizing an action in quantitative relations, adverbs act in sentences the role of adverbial modifier of measure. The adverbial modifier of place, expressed by the adverb, indicates the direction to a point.

The adverbial modifier of time shows that the sign of action is related to the certain moment of time. They explain a verbal predicate more often, because temporal descriptions make the grammatical value of verb, but can belong to the nominal predicate too.

The adverbial modifier, characterizing an action from the point of view of purposefulness, can be expressed by the adverb of aim.

The adverbs of reason in sentence are the adverbial modifiers of reason, underlining founding by effect of that an action takes place.

The keywords: the Turkic languages, the crimeantatar language, the adverb, the lexical-grammatical features, the sentence parts, the syntactic functions.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

ИНДОЕВРОПЕЙСКО-ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Мазинов А. С. -А.

*Крымский государственный медицинский университет им. С. И. Георгиевского
E-mail: ahtemmazinov@mail.ru ; ahtemmazinov@hotmail.com*

В статье описываются контакты европейских и азиатских суперэтнических образований (славянских, византийских, персидских и тюркских), в результате взаимодействия которых появляются новые народы и языки. Этнические процессы определяют многие параметры рождающегося языка. Западно- и восточнокыпчакские западнотюркские языки оказали большое влияние на формирование языков региона. Наряду с формированием тюркских языков региона, тюркская составляющая сыграла важнейшую роль в развитии индоевропейских и угрофинских языков.

Ключевые слова: этноязыковые контакты, ареальная лингвистика, региональные языки Крыма, крымскотатарский язык.

Постановка проблемы. Проблема роли и места тюркских языков в Восточно-Европейском регионе рассматривалась в предыдущих наших работах с позиции наличия и типов заимствованной лексики [5 – 7]. **Предметом** данной статьи является определение роли тюркских языков в формировании современных языков региона. В первую очередь рассматриваются автохтонные языки Крымского полуострова: крымскотатарский, караимский, крымчакский и урумский.

Актуальность подобного исследования обусловлена необходимостью описания процессов формирования языков Восточно-Европейского региона. Так как индоевропейские, тюркские, финно-угорские языки активно взаимодействовали и влияли друг на друга.

В процессе описания вышеуказанных языковых контактов могут быть использованы, прежде всего, сравнительно-исторический, ареальный и типологический **методы**.

Исходным материалом данного исследования будет осмысление и классификация основных волн миграции тюркских народов, приводимая в наших работах, посвящённых контактному этноязыковому процессам в Восточной Европе [5 – 7]. Условно западные тюркские языки по классификации С. Е. Малова, приводимой К. М. Мусаевым, можно разделить на две большие группы: хазаро-булгаро-чувашскую и башкиро-татарско-кыпчакско-мишарскую [8]. Народы, составившие эти группы, в период с V по XIII век двигались с Востока на Запад. Языки первой группы: болгарский, а затем хазарский в той или иной степени повлияли на формирование современных тюркских языков Северного Кавказа и Крыма, что обычно описывается при анализе караимского языка [8]. Половцы и другие племена и племенные союзы составили вторую группу и заложили основу крымскотатарского и некоторых других современных тюркских языков.

Как встречный, обратный необходимо рассматривать процесс движения на восток индоевропейских народов. Это переселение также оказало влияние на современные языки региона. Как уже отмечалось в наших публикациях, взаимовлияние индоевропейских и тюркских языков в Восточной Европе привело к доминированию на юге тюркских, а на севере региона – славянских языков [5 – 7]. Ряд языков, как индоевропейских, так и тюркских, ранее распространённых в описываемом регионе, исчез, или долгое время существовал в реликтовой форме (готский и аланский языки в Крыму). Так функционирование готского языка прослеживается вплоть до XVI века [9].

Большую часть времени в восточной части восточноевропейского региона доминировали тюркские языки (VI в. – XIX в.), которые легли основу всех современных тюркских языков Кавказа, Крыма, европейской части России. На наш взгляд, следует выделить три основных этапа формирования тюркских языков этого региона: хазарский (VI – X вв.), половецко-кыпчакский (западнокыпчакский) (XI – XIII), ногайско-кыпчакский (восточнокыпчакский) (XIII – XV вв.).

При изучении закономерностей развития тюркских языков в XIX и XX вв, прежде всего, рассматривались языки центральной части азиатского ареала, выявлялась родственность, близость или отличающие их черты, определялась пратюркская языковая общность фонемного, морфемного и лексического материала [2, 3]. Языки западного и северокавказского ареала изучены в меньшей степени. Отдельные тюркские языки оказались вне общей системы описания. В силу определенных политических обстоятельств крымскотатарский язык был вовсе вычеркнут из списка существующих тюркских языков. Поэтому, сложная этногенетическая и этнолингвистическая составляющая тюркских языков Крыма и соседних регионов не изучена в полной мере. Индоевропейская компонента не определена и не описана в них в достаточной степени. Тюркская компонента также не описана полностью.

Существовавшие на Крымском полуострове и ближайших к нему областях пять тюркских в своей основе языков (крымчакский, караимский, урумский, армяно-кыпчакский и крымскотатарский) появились, прежде всего, в результате влияния описанных выше основных волн переселения тюркских народов. Близкие по грамматической структуре и незначительно различающиеся по лексическому составу, они, при общем рассмотрении, могут быть восприняты как единый крымский язык с его диалектами, хотя в исходной своей форме они имели разную тюркскую основу. Исходными основополагающими тюркскими языками в регионе, вероятно, следует считать хазарский и половецкий языки. Не исключено, что в определённой степени на описываемые языки оказал влияние и болгарский язык, бытовавший в горной части полуострова.

В течение XI – XIX столетий происходит сближение четырёх сохранившихся тюркских языков Крыма. В первой половине XX века крымчакский язык рассматривался как диалект крымскотатарского языка [1, 4]. Критерии выделения отдельных языков в описываемом регионе до сих пор являются спорными. Вместе с тем, за пределами полуострова своеобразие диалектов караимского языка, особенности фонетики и лексики урумского языка сохраняются.

Складывавшийся в Крыму этнос, позже определённый как «крымские татары» или «крымцы» был многокомпонентным и при доминировании тюркской компоненты вобрал в себя византийскую, готскую, аланскую, гуннскую и другие индоевропейские культурогенные и языковые составляющие. При углублённом исследовании проблемы в южнобережных говорах крымскотатарского языка выделяется большое количество греческих и итало-романских лексем, которое превышает количество подобных заимствований в говорах других тюркских языков Крыма. В этом случае необходимо учитывать различные исходные данные описываемых тюркских языков и дальнейший их статус: крымскотатарского как языка консолидирующего, межэтнического общения, и караимского, крымчакского, урумского, как языков замкнутой этнической группы или малого народа. Необходимо добавить, что история индоевропейского влияния на караимский, урумский, турецкий и крымскотатарский языки и культуру – это совокупность проблем, требующих углублённой разработки. Разработке этих проблем должен предшествовать сопоставительный анализ диалектов и говоров вышеперечисленных языков, который также является отдельной научной проблемой.

Как уже нами отмечалось [5, 6], достаточно часто происходит заимствование иноязычной лексики, фонетических, морфологических и синтаксических черт чужого языка на стыке языковых семей и суперэтнических образований, например, славянских и тюркских или финно-угорских и балтийских и других народов и языков, то есть является следствием контактов различных этнических и суперэтнических образований. В этой ситуации тюркские языки до XV – XVI столетия выступали как языки доноры, как языки, передающие арабскую, персидскую, китайскую, собственно тюркскую лексику индоевропейским народам.

Тюркские языки в юго-восточной части описываемого региона играют решающую роль и являются основополагающими в процессе формирования большинства современных языков, как у тюркских, так и у других народов Восточной Европы [6, 7].

Этнический стык славянских и тюркских народов создаёт различные полиэтничные образования, которые при участии других этносов существенно повлияли на формирование украинского и русского народов. Не менее интересны контакты тюркских и средиземноморских народов, сформировавших, при участии целого ряда других этнических (славянских, кавказских и др.) групп турецкий и крымскотатарский народы.

Формирование народа происходит при доминировании какой-либо этнической группы, которая, приспосабливаясь к географическим, ландшафтным особенностям, задаёт основные, базовые характеристики национального характера. Но участие в этногенезе различных народов родственных этнических групп (например, различных западнокыпчакских тюркских племён в формировании украинского и крымскотатарского народов), а также близкое и долгое соседство приводит к появлению сходных черт в национальной психологии.

Все вышеуказанные характеристики справедливы и симметрично переносятся на языки описываемых народов. При доминировании единой языковой основы (тюркской, славянской и др.) в соседствующих языках данного региона много заимствований и лексики сохранённой при переходе на другой язык. Как отмечает Н. А.

Баскаков, «... внешние факторы воздействия сказываются и на развитии языков по внутренним законам, а, следовательно, некоторые внутренние закономерности могут быть соотнесены с историей данного народа» [2, 16].

Появление новых народов и их языков в результате контактов соседствующих этнических групп и народов требует определенных промежутков времени и общественных, социальных, политических процессов, приводящих к нивелированию диалектного и культурного разнообразия, консолидации нации. Доминирование одной из этнических групп и, соответственно её языка, в прошлом часто способствовало слиянию народов. Так культурное и экономическое доминирование этнических групп, носителей говоров, сформировавших средний диалект крымскотатарского языка, привело к распространению данного диалекта в горной части Крымского полуострова. К консолидации также приводило существование внешней угрозы, например, угроза поглощения соседней империей. Языковая консолидация чаще является следствием длительных культурных и торгово-экономических отношений. В совокупности с внешней угрозой происходит ускорение перехода на язык доминирующей этнической группы. Примером может служить переход населения горной части Крымского полуострова в XV в. с готского и аланского языков на кыпчакско-половецкие говоры крымскотатарского языка [9].

Однако, наряду с процессами консолидации и взаимопроникновения, происходит сохранение этнических черт и особенностей, присущих отдельным сосуществующим этносам. Процессы самосохранения часто доминируют над процессами интеграции. Культурные и языковые отличия сохраняются в составе нового единого народа. Примером сохранения исходных этнических черт является языковое и культурное своеобразие жителей некоторых деревень Крыма (Ускут, Озенбаш и др.)

Языковые процессы в указанных регионах тесно связаны с этническими, во многих случаях определяются ими, наряду с другими экстралингвистическими факторами. Следует выделить два уровня этнолингвистических связей в крымском регионе: собственно в крымскотатарском языке (как наиболее полиэтничном) и в родственных урумском, караимском, крымчакском, армяно-кыпчакском. Последние характеризуются моноэтничностью. Как один из экстралингвистических факторов следует рассматривать конфессиональную принадлежность носителей этих языков.

Итак, на основании вышеизложенного материала можно сделать следующие выводы:

- 1) языки Восточно-Европейского региона в той или иной степени испытывали влияние тюркских языков;
- 2) тюркские языки Крыма формировались на основе различных тюркских языков и говоров;
- 3) в результате развития и взаимовлияния тюркские языки Крыма постоянно сближались. Фонетические, морфологические и лексико-семантические отличия данных языков сохранились в результате переселения части населения Горного и Южнобережного Крыма.

Литература:

1. Ачкинази И. В. Крымчаки: Историко-этнографический очерк / Ачкинази И. В. – Симферополь: Дар, 2000. – 192 с.

2. Баскаков Н. А. Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация / Н. А. Баскаков – Ашхабат: Ылым, 1988. – 140 с.
3. Баскаков Н. А. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков / Н. А. Баскаков – М. : Наука, 1964. – 10 с.
4. Гаджиева Н. З. Тюркоязычные ареалы Кавказа / Н. З. Гаджиева – М. : Наука, 1979. – 263 с.
5. Мазинов А. С. Этнические контакты и заимствованная лексика / Мазинов А. С. // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 155. – С. 136 – 139.
6. Мазинов А. С. Этнолингвистическое исследование контактных языковых зон / Мазинов А. С. // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 158. – С. 90 – 92.
7. Мазинов А. С. Индоевропейская составляющая в формировании автохтонных языков Крыма / Мазинов А. С. // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 199. Т. 2 – С. 152 – 154.
8. Мусаев К. Крымтатарский язык / А. М. Меметов, К. М. Мусаев. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2003. – 288 с.
9. Тищенко К. М. Етномовна історія прадавньої України / К. М. Тищенко – К. : «Аквілон-Плюс», 2008. – 480 с.

Мазинов А. С. -А. Индоевропейско-тюркські мовні контакти в Східній Європі / А. С. -А. Мазинов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 56–61.

У статті описуються контакти європейських і азіатських суперетнічних утворень (слов'янських, візантійських, персидських і тюркських), в результаті взаємодії яких з'являються нові народи і мови. Етнічні процеси визначають багато параметрів мови, що народжується. Діалекти кримськотатарської мови, в той або іншій мірі як внутрішній, так і зовнішній вплив індоевропейських мов. Подібні процеси відбувалися у всіх регіональних мовах Кримського півострова. Западно- і восточнокипчакські западнотюркські мови зробили великий вплив на формування мов регіону. Поряд з формуванням тюркських мов регіону, тюркська складова зіграла найважливішу роль в розвитку індоевропейських і угрофінських мов

Ключові слова: етнолінгвістика, ареальна лінгвістика, регіональні мови Криму, кримськотатарська мова.

Comprehension and classification of the main waves of Turkic peoples migration given in our work, which is devoted to contact ethnic-linguistic processes of the region, will be the basic material of research in regard to the influence of the Turkic languages on the modern languages of the Eastern Europe. Symbolically, the western Turkic languages are divided into two large groups: Khazar-Bulgar-Chuvash and Bashkir-Tatar-Kypchak-Mishar ones.

For the most part of time (VI-XIX centuries), the Turkic languages prevailed in the eastern part of the Eastern Europe region and laid down the foundations of all modern Turkic languages of the Caucasus, Crimea, and European part of Russia. In our opinion, it should be necessary to mark out three main stages in the Turkic language formation: Bulgar-Khazar (VI-X centuries), Polovtsian-Kypchak (West-Kypchak) (XI-XIII centuries), and Nogay-Kypchak (East-Kypchak) (XIII-XV centuries) ones.

Five inherently Turkic languages (Krymchak, Karaite, Urum, Armenian-Kypchak, and Crimean-Tatar), existing in the Crimean peninsula and the nearest regions, appeared as a result of abovementioned main waves of Turkic peoples migration.

In the XI-XIX centuries, confluence of the four survived Turkic languages of the Crimea takes place. However, along with the processes of consolidation and interpenetration, it is noted the maintenance of ethnic features characteristic of independent coexistent ethnoses. Processes of self-protection frequently dominate to the processes of integration. Cultural and language differences are preserved in the new integrated nation. The example of basic ethnic features preservation is the language and cultural peculiarity of inhabitants in certain villages of the Crimea (Uskut, Ozenbash, etc.).

Ethnos forming in the Crimea, which was later defined as Crimean Tatars or Krymetz, was multicomponent, and with the dominance of Turkic component it co-opted Byzantine, Gothic, Alanian, Genoese and other Indo-European cultural and language constituents. In-depth study of the problem shows that South-coast dia-

ИНДОЕВРОПЕЙСКО-ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

lects of the Crimean-Tatar language includes the great amount of Greek and Italian-Roman lexemes, which exceeds that of the similar adoptions in the other Turkic languages of the Crimea.

The appearance of new nations and their languages due to the contacts of neighbouring ethnic groups and people requires the certain period of time and social and political processes leading to leveling of dialectal and cultural diversity, and consolidation of the nation.

Key words: the Turkic languages of the Crimea, Indo-European-Turkic language contacts.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 372. 461–057. 874: 81. 246. 2

**ОКЪУТУВ РУС, УКРАИН ТИЛЛЕРИНДЕ АЛЫП БАРЫЛГЪАН
МЕКТЕПЛЕР ИЧЮН КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИ ДЕРСЛИКЛЕРИНИ
ТЕРТИП ЭТЮВ ЭСАСЛАРЫ**

Алиева Л. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: fox__ne@mail.ru*

Главным компонентом учебно-методического комплекса по крымскотатарскому языку является учебник. Основными функциями учебника являются информационная, трансформационная, систематизирующая и воспитательная. При отборе содержания учебника, его структурировании, разработке методического аппарата необходимо учесть требования Государственного стандарта общего и среднего образования Украины, программные установки, основные методические подходы к обучению крымскотатарскому языку – коммуникативно ориентированный на системно-деятельностной основе, культурологический, принципы концепции межпредметных связей, развития информационной грамотности, преемственности и перспективности, вариативности и др.

Меселе. Украина умумий орта тасильнинъ Девлет Стандартлары ве окъутув планлары боюнджа, янъы 2013-14 окъув йылындан башлап, окъутув рус, украин тилинде алып барылгъан мектеплерде къырымтатар эдебияты огретильмейджек [7]. Албуки, талебелеримизнинъ 80 файызы бойле мектеплерде тасиль алалар, демек, балаларымызнынъ энъ чокъ микъдары тувгъан эдебиятымыздан, къырымтатар шаир, язиджыларынынъ эсерлеринден хаберелери олмайджакъ. Мезкюр макъаленинъ муэлифи бир сыра зиялыларымызнен берабер Украина ве Къырым илим ве тасий назирлигине мураджаатта булунып, бу меселенинъ чезильмесини талап этилер, лякин эйи нетиджелерге иришип оламадылар. Чокъ языкъ ки, укюметимизнинъ эрбаплары тилимизни ёкъ этюв огърунда япкъан тедбирлерини девам этелер.

Бойле вазиятте къырымтатар тилини окъутув рус, украин тиллеринде алып барылгъан мектеплер ичюн ана тили дерсликлерини тертип этюв эсасларыны талиль этмек шимдики девирде муим ве **актуаль** меселе деп саямыз, чюнки мектеп дерслиги, оджанынъ огюнде тургъан окъутув ве тербие макъсатларыны беджермеге ярдым эткен, энъ муим васталардан биридир. Бу себептен, окъутув рус, украин тилинде алып барылгъан мектеплер ичюн языладжакъ ана тили дерсликлерининъ мундеридже ве тизим хусусиетлерини бельгилемекни огюмизге **макъсат** оларакъ къойдыкъ.

Мезкюр меселени чезмек ичюн, бир сыра **вазифелерни** бельгиледик: дерсликлерни тизюв меселелеринен багълы ильмий-усулий эдебиятны огренмек, окъутувда юксек нетиджелер косътереджек усул ве васталарны ишлеп чыкъмакъ. Бу вазифелерни беджергенде, ашагъыдаки **теджыкый усуллардан** къулландыкъ: *эмпирик* – анкета, язма незарет ишлери вастасынен талебелерининъ бельгилерини тешкердик:

назарий – тедкыкъ этилеяткъан меселенен багълы назарий менбаларны козьден кечирип, дерслик тизюв эсаслары ишлеп чыктыкъ; *козетюв ве тенъештирюв* усулларындан файдаланып, башкъа тиллерде олгъан дерсликлерни озъара тенъештирдик ве бизим дерсликлерге уйгъу кельген сойларыны къайд эттик.

Къоюлгъан меселе боюнджа тедкыкъатларнынъ умумий талили.

Ана тилини огретюв ишлерини юксек seviеде тешкиль этмек ичюн, программа, дерсликлер, эки тилли лугъатлар, корьгезме ве даркъатма дидиактик васталар, чешит субетлер язылгъан видеофильмлер киби ярдымджы къулламаналар тизип, окъутув-усулий такъымлар дердж этмели.

Йигирминджи асырнынъ 90-ынджы сенелеринден сонъки девирге къадар башлангъыч, орта ве юкъяры сыныф талебелери ичюн къырымтатар тили дерсликleri дердж этильди. Бу дерсликлер окъутув къырымтатар тилинде алып барылгъан умумтасиль мектеплер ичюн язылгъанлар.

Укумет эрбаплары тилимизни огретюв меселесини ойле алгъа огъратты ки, къырымтатар балалары ана тилини, эджнебий тиль киби, огренелер. Бойле вазияте къырымтатар тили дерсликлерининъ эмиети арта, муимлеше ве муэллифлер огюне джиддий вазифелер къоя, усулшынаслыкъ, педагогика, рухийетшынаслыкъ (психология) илимлерине эсасланмакъны талап эте.

Усулшынаслыкъ джеэттен, ана тили дерсликleri бир сыра талапларгъа джевап бермелилер: программа эсасында тизильмели; дерсликте берильген лисаниет анъламлар, къаиделернинъ колеми мектеп чагъындаки балаларнынъ яшына уйгъун усулларнен анълатылмалы; грамматик къысымлар – фонетика, имля, лексикология, морфология, пунктуация, услубиет, озъара багълы шекильде огретильмели; назарий къаиделер амелий ишлернен тасдыкъланмакъ лязим; анълылыкъ эсасына коре, янъы мевзу проблем усулынен изаланып, талебелер назарий къаиделерни, анълы оларакъ, менимсемелилер; корьгезмелик эсасы боюнджа, дерсликте берильген грамматик джедвеллер, схемалар къаиделерни теренден ачып косътермеге, талиль этмеге, къыясламагъа ве умумийлештермеге ярдым этмелилер; назарий къаиделерни огреткенде, талебелернинъ нутукъ теджрибесини де инкишаф этмек лязим [1, 4].

Ана тилини огреткенде, оджанынъ огюнде тургъан эсас вазифелерден бири багълы нутукъ узеринде чалышув сайыла. Бу иш джерьянында инсан нуткъунынъ чешитлери ве шекиллеринен таныштырмакъ, нутукъ медениетини шекиллendirмек, къырымтатар тилининъ шивелерини озъара тенъештирмек, услубиет джеэттен нутукъ темизлиги киби меселелерге айырыджа эмиет бермели. Ишбу меселени омюрге кечирюв усул ве ёллары бир сыра макъалелерде изалангъан [2; 3].

Эджнебий тиллерни огреткенде, бир сыра рухийетшынас ве усулшынас алимлер талебелернинъ къонушув алышкъанлыкъларына (коммуникативная компетенция) эсасланмакъны тевсие этелер [5; 7; 8; 9]. Бу фикирни та 20-нджи асырнынъ 60-ынджы сенелери америкалы тильшынас Ноам Холмский ве ичтимаий лисаншынас (социолингвист) Делл Хаймз беян эткен эдилер. Бу алимлер эджнебий тильни къонушув вастасынен (коммуникатив шчекильде) огретмек акъкъында тедкыкъат ишлерини алып бара ве юксек нетиджелерге иришелер [7, 199]. Бу назарие боюнджа, тильнинъ грамматик къаиделери талебелерни озъара къонушмагъа огретмекнен берберликте алып барылмалы. *Месея, 6-нджы сыныфта «Чыкъыш келиши» мевзу-*

сына багъышлангъан дерсте ашагъыдаки субетлерни тешиль этип, исимлернинъ чыкъыш келишинде ялгъамаларыны къонушув нуткъу ичинде косьтермек мумкюн. I. Окъунъыз ве динъленъыз.

Азиме: Мераба Алиме.

Алиме: Мераба, Азиме.

Азиме: Алиме, **къайдан** келесинъ?

Алиме: Мен **хастаханеден** келем.

Азиме: Ким хасталанды?

Алиме: Къартбабам **сувукъланувдан** девалана.

Азиме: Кечмиш олсун, Алла сагълыгъыны берсин.

Алиме: Я сен **къайдан** келесинъ?

Азиме: Мен **мектептен** къайтам.

Алиме: Айды, берабер кетейик.

II. Джумлелерге суаллер уйдурьп, диалогны битиринъыз.

- ..... ?

- Фатиме **китапханеден** къайта.

- ..... ?

- Мен **спортзалдан** къайтам.

- ..... ?

III Суаллерге джевапларны язып, диалогны битиринъыз.

- Энвер, сен **къайдан** келесинъ?

- .....

- Я Эдем **не ерден** къайта?

- .....

- Сен ярын мектептен саат **къачта** къайтаджакъсынъ?

- .....

Нетиджеде, талобелер чыкъыш келишининъ хусуситлерини метин ичинде корелер ве къонушув къаиделеринен танышалар. Бу усулнынъ семерелиги ильмий макъалемизде исбатлангъан эди [3].

Орта умумтасиль мектебинде къырымтатар тили фенини окъутув бир сыра вазифелерден ибарет: талобелерни грамматиканен багълы назарий малюматларнен таныштырмакъ; зенгин тиль васталарынынъ бутюн чешитлеринен сербест къуланмагъа алыштырмакъ; озь фикирлерини агъзавий ве язма шекильде беян этмеге, башкъаларнынъ фикирлерини анъламагъа огретмек; талобелерде къавий имля ве пунктуация алышкъанлыкъларыны шекиллендирмек [4, 2].

Усулшынасларнынъ чокъусы лексикология ве морфологияны синтаксис эсасында огретмек айдалы нетиджелер бергенини къайд этелер [10]. Къырымтатар тилинде бу меселени ашагъыдаки мисальнен косьтермек мумкюн.

1. «Отурмакъ, динълемек фишлелерини шахысларнен тюслендиринъыз» вазифесини ашагъыдаки вазифенен берсек, талобелер фишлелернинъ шахысларнен тюсленювини джумлелер ичинде къулангъаныны корип, къайдени анълы суретте менимсерлер. Ашагъыдаки суаллерге джевап беринъыз: -Мен **отурам** ве **динълейим**. Я сен?

-Мен де **отурам** ве **динълейим**.

-Сен отурасынъ ве динълейсинъ. Я Алие?

– Алие де отура ве динълей.

2. «Келеджек заман фишллерини шахысларнен тюслендиринъиз» вазифесини башкъа шекильде бермек мумкюн: «Джумлелерни девам этип, битиринъиз. Къонушувда иштирак эткен шахыс иш-арекетни келеджекте япаджагъыны айтынъыз.

Оджа: Энвер, борны кетир.

Талебе: Шимди борны кетирерим (кетиреджегим)

Оджа: Хаританы асмакъ керек.

Талебе: Аким шимди хаританы асар (асаджакъ)

Бойле вазифелернинъ семерелиги студентлернинъ мектеп амелияты девринде кечирильген сынавларнен тасдыкъланды. (Симферополь районы, Украинка кой мектеби, 2007-08 окъув йыллары)

Даа бир айырыджа къайд этиледжек меселе эдебият дерслерининъ ёкъ этильмесинен багълы. Занымызда, бу меселени чезмек ичюн, амелий ишлерде берильген метинлер къырымтатар тилли мектеплер ичюн тизильген эдебият дерсликлеринден къыскаартылгъан шекильде алынып, олар узеринде эм тильшынаслыкъ, эм эдебиятшынаслыкънен багълы вазифелер беджерильмели. Меселя, 6-нджы сыныфта «Исимлернинъ келишлернен тюрленюви» мевзусыны анълаткъан дерсте эдебият дерслигиндеки Шакир Селим акъкъында макъалени ве «Джумерт йылан, алидженап къарт ве хиянет косе акъкъында масал»ны къыскаартылгъан шекильде берип, грамматик къаиделерни пекиткен сонъ, агъыз нутукъны инкишаф этюв вазифелерини эдебиятшынаслыкънен багламакъ мумкюн. Меселя: *Метинни окъуп, суаллерге джевап беринъиз.*

1. Шакир Селим къырымтатар эдебиятына насыл иссе къошты?

2. «Джумерт йылан, алидженап къарт ве хиянет косе акъкъында масал»нынъ мундеридажесини план боюнджа икяе этинъиз.

А. Дагъ этегинде яшагъан къарт къысметини къайда тапкъан?

Б. Къарт бир кунъ апансыздан неге расткеле?

В. Йылан къарткъа не дей?

Г. Къартнынъ алидженаплыгъы ве йыланнынъ джумертлиги неден корюне?

Бойлеликнен, тиль дерслеринде талебелерни эдебиятымызнен, къыскадан олса да, таныштырмакъ меселесини чезмек мумкюн олур.

Девлет стандартлары боюнджа, ичтимаий-медений эсасларны омюрге кечирмек макъсадыннен, мешъулиетлерде къулангъан метинлер талебелерге ватанперверлик, инсаниетлик, акъсёзлик, эмексеверлик киби, хасиетлерни ашлап, шекилендирмек кереклер. Динимизнинъ джанланувы ве инкишафыны назаргъа аларакъ, ана тили дерслеринде метинлернинъ мундеридажелери боюнджа иш алып баргъанда, ислям дининен багълы оларакъ, тербиевий ишлерни кечирмекни тевсие этемиз.

Мезкюр макъалемизде изалангъан фикир ве мулязаларны умумийлештирив экенмиз, ашагъыдаки **нетиджелерни** чыкъармакъ мумкюн: окъутув рус ве украин тиллеринде алып барылгъан мектеплер ичюн язылгъан къырымтатар тили дерсликлерини умумдидактик эсасларгъа уйгун шекильде тизильмели; дерсликтеки лисаниет анъламлар къонушув къаиделеринен берабер анълатылмалы; лексикология ве морфологияны синтаксис эсасында огретмек керек; амелий ишлерде берильген метин-

лер кырымтатар тилли мектеплер ичюн тизильген эдебият дерсликлеринден кыс-кысартылган шекильде алынып, олар узеринде эдебиятшынаслыкнен багълы вазифелер де беджерильмели; метинлер, тюрлю ичтимаий-медений мевзуларда олып, тербиевий макъсатларны да беджермелилер; талебелернинъ агъыз ве язма нутукъларыны инкишаф этмек макъсадынен, дерсликте метин, нутукъ чешитлери, шекиллери ве услюплери, *къонушув къаиделери* акъкъында малюматлар берильмели.

Эдебият:

1. Алиева Л. А. Кырымтатар тилини огретюв усулшынаслыгъы [алий окъув юрту талебелери ичюн дерслик] / Л. А. Алиева; Симферополь: Кырымдевокъувпеднешир, 1998. – 128 с. – ISBN 5-7707-9769x
2. Алиева Л. А. Речевые и учебно-речевые ситуации в формировании коммуникативной компетенции школьников на уроках крымскотатарского языка / Л. А. Алиева // Культура народов Причерноморья. №161, 2009. – С. 173-176 – ISBN 1562-0808
3. Алиева Л. А. Подготовительно-речевые и собственно речевые упражнения для обучения крымскотатарской устной речи / Л. А. Алиева // Культура народов Причерноморья, № 182, 2010. – С. 141-143. – ISBN 1562-0808
4. Алиева Л. А. Окъутув кырымтатар тилинде алып барылган умумтасиль окъув юртлары ичюн программа. 5-9 сыныф [Электронный ресурс] / Алиева Л. А., Яева А. М., Берберова Р. А., Зиятдинова Д. М. – Электр. данные – Киев: Официальный сайт Министерства образования, науки, молодежи и спорта, 2012. – <http://www.mon.gov.ua>.
5. Бим И. Л. Некоторые исходные положения теории учебника иностранного языка / И. Л. Бим // ИЛИМ, №3, 2002. – С. 78.
6. Державний стандарт базової і повної загальної середньої освіти [Электронный ресурс] / – Электр. данные – Киев: 2012. – // www.mon.gov.ua/ Гудзик І. Комунікативне спрямування нових підручників з мови / І. Гудзик // Початкова школа. №9, 2004. –С. 22-27.
7. Московкин Л. В. Коммуникативная компетенция: определение, состав, проблемы обучения / Л. В. Московкин, Е. Е. Юрков // Язык и культура в филологическом ВУЗе. Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных трудов/ Редактор-составитель А. Н. Щукина. – Москва; Изд-во Филоматис, 2006. – С. 199-205. ISBN 5- 98111- 054- 6
8. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособ [для студ. пед. вузов] / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров. – Москва, 2000. – 164с.
9. Сафиуллина Ф. С. Научно-методические принципы составления учебников татарского языка для школ с русским языком обучения / Ф. С. Сафиуллина, К. С. Фатхуллова // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 143-144.

Алиева Л. А. Принципы составления учебников по крымскотатарского языка для школ с русским и украинским языками обучения / Л. А. Алиева // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 62–67.

Главным компонентом учебно-методического комплекса по крымскотатарскому языку является учебник. Основными функциями учебника являются информационная, трансформационная, систематизирующая и воспитательная. При отборе содержания учебника, его структурировании, разработке методического аппарата необходимо учесть требования Государственного стандарта общего и среднего образования Украины, программные установки, основные методические подходы к обучению крымскотатарскому языку – коммуникативно ориентированный на системно-деятельностной основе, культурологический, принципы концепции межпредметных связей, развития информационной грамотности, преемственности и перспективности, вариативности и др.

Алієва Л. А. Принципи складання підручників з кримськотатарської мови для шкіл з російською та українською мовами навчання / Л. А. Алієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 62–67.

Головним компонентом учбово-методичного комплексу з кримськотатарської мови є підручник. Основними функціями підручника є: інформаційна, трансформаційна, систематизуюча та виховна. При відборі змісту підручника, його структуризації, розробці методичного апарату необхідно врахувати вимоги Державного стандарту загальної та середньої освіти України, програмні установки, основні методичні підходи до вчення кримськотатарській мові – комунікативно орієнтований на системно-діяльній основі, культурологічний, принципи концепції міжпредметних зв'язків, розвитку інформаційної письменності, спадкоємності і перспективності, варіативної та ін.

Alieva L. A. Principles of Crimean Tatar language textbooks for schools with Russian and Ukrainian language of instruction / L. A. Alieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 62–67.

The main component of an educational and methodical complex of the Crimean Tatar language is the textbook. The main functions of textbook are information, transformational, systematizing and educational. In the selection of textbooks, its structuring and development of methodology of the product should reflect the requirements of the State Standard of general and secondary education in Ukraine, software installation, basic methodological approaches to teaching the Crimean Tatar language as the mother tongue – communicatively oriented system-activity-based, cultural, principles, concepts of interdisciplinary connections, development of information literacy, continuity and perspective, variability, etc.

Crimean Tatar language textbook for schools with Russian and Ukrainian education should consist of the following structural components: theoretical knowledge of the language, the unit organization (questions, tasks), illustrative material and device orientation (indexes, tables of contents, headers).

The texts of the language are divided into basic and advanced. The main text describes the facts and phenomena of speech and language, given the definitions, lists of their main features, conclusions and generalizations of the proposed tasks and exercises. In additional texts provide materials for references, notes, explanations, examples of reasoning.

The practical part contains exercises to help the knowledge mastered by the theoretical part of the tutorial, are transformed into skills. Assignments allow the practical part of the tutorial to teach students to apply the knowledge of the language in practice, to form their necessary skills. We analyzed the features of studying this problem, many authors noted the fruitfulness of the concept of building a textbook based on "communication – an individualized approach", the features of the construction of "communicative activity-manual.

Cultural studies approach provides more insight into the particular significance of the Crimean Tatar words. Working in line with the above-noted will present educational impact to the students by means of the language itself.

Using extralinguistic approach in drafting the manuscript, when the topic chosen for practical texts, suggestions for certain moral and ethical, patriotic themes, it can play very effective educational role of the Crimean Tatar language textbook for schools with Ukrainian and Russian training languages.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 371. 3. 046. 16: 811. 512. 19'373

**КЪЫРЫМТАТАР ЛЕКСИКАСЫНЫ ОГРЕНЮВИНДЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИК ЯНАШМА (КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНИ
СЕМИОТИК МОДЕЛИ ЭСАСЫНДА ОГРЕНИЛЮВИ)**

Мамутова З. С.

*РВУЗ КИПУ
rusridmam@mail.ru*

Современный крымскотатарский язык представляет собой оригинальный язык, состоящий из нескольких близких диалектов, располагающий богатым лексическим фондом. В настоящее время глобальной целью овладения языком считается приобщение к культуре народа и участие в диалоге культур. Эта цель достигается путем формирования способности к межкультурной коммуникации. Данная статья посвящена проблемам обучения лексике крымскотатарского языка учащихся на основе лингвокультурологического подхода. Для лингвокультурологии существенно не только употребление слов и словосочетаний, но и характер использования самих реалий, то есть как языковой, так и внеязыковой (культурный) уровень.

Ключевые слова: полиэтническая среда, многоязычие, язык, семиотическая модель языка.

Меселе. Къырымтатар халкъынынъ буюк эрбабы И. Гаспринский янъы окъув усулы акъкъында бойле язгъан эди: «Мектепте дерслер ойле алынып барылмалы ки, талебелерде о меракъ догъурсын ве олар дерстен кейф алсынлар». «Окъув дерслеринде чешит шейлернинъ, айванларнынъ, къушлар ве боджеклернинъ адлары оларнынъ ресимлеринен берабер берилле. Малюм ки, янынъда ресими олса, бу шейнинъ ады да, онынъ хусусында малюмат да акъылда тез къала» [3].

Земаневий къырымтатар тилининъ окъув системасыны тасвир этюви ве функция беджерюви лингвокультурологик аспектининъ ильмий эсасларынынъ ишленмесинен багъланыла. Тиль – медениетнинъ факты, чюнки тиль биринджи ден: эджатларымыздан мирас олып къалгъан медениетнинъ къысмыны тешкиль эте; экинджи ден: тиль медениетни менимсев вастасыдыр. Бойлеликнен, макъалемизнинъ *макъсады* къырымтатар тилини огренювинде лингвокультурологик ве этнокультурологик анъыны ачыкъламакъ.

IX-нджи асырдан башлап шимдики замангъа къадар тиль ве медениетнинъ эки тарафлама багъы ве къаршылыкълы тесири эм лнгвистикада, эм де лингвометодикада эсас меселелерден бири оларакъ сайыла. Бу меселенинъ чезилювине В. Гумбольд, А. А. Потебня, Е. М. Верещагин, В. В. Воробьев, А. Кошарной, Е. Ф. Тарасовнынъ ве диггер теткъикъатчыларнынъ ишлери багъышлангъандыр. Земаневий къырымтатар тилинде бу меселе боюнджа профессор А. М. Меметовнынъ макъалелерини къайд этмелимиз. Теткъикъатларнынъ эсас нетиджелерни бойле къайд этмек мумкюн:

1) эр бир медениет (эм мадий, эм де маневий) миллий оларакъ тильде муджесемленмекте [4, 304].

2) медениетнинъ миллий хусусиети дюньябакъыш вастасы иле миллий тильде ифаделенмекте, яни тильге эр бир халкъкъа озьгюн ичерки шекиль хастыр. Тильнинъ ичерки шекили «халкънынъ руху»нынъ, медениетининъ ифадеджисидир [4, 306].

1) тиль – медениеттеки инсан турмушынынъ узеринде турмакъта; тиль – бу инсан ве онынъ этрафындаки дюнья арасында алкъа;

2) тиль ве акъикъат эки тарафлама багълыдыр ве къурулыш джеэттен бири-бирине ошап келелер; тиль насыл медениетке кирсетильген олса, медениет ойле де тильге кирсетильгендир, яни тиль, акъикъат ве медениет бири-биринен багълыдыр.

Тиль анынънынъ огренюви шуны козьде тута ки, тиль бирлемлери ве тиль структураларыны теткъикъ этюв эснасында оларнынъ психологик джеэттен акъикъий мундериджеси белли ола, яни: семантик компонентлернинъ керчек, «психологик джеэттен акъикъий» комплектинде халкънынъ анынънда де бир, де дигер мананынъ яшагъаны; онынъ тиль зеининде сакъланып къалгъаны; сёзнинъ семантикасыны тешкиль эткен айры компонентлер актуаллик джеэттен насыл мунасебетте булунгъанлары; инсаннынъ тиль ихтиятында сёз ве структураларнынъ акъикъий маналы багълар насыл олгъаны. Тиль анынънынъ теткъикъатында эксперименталь усулларнен (ассоциатив усул, интервью вастасы, субъектив дефиницияларнынъ усулы, интерпретацион эксперимент, семантик джедвель япув усулы, ранжир этюв усулы ве ил.) къулланалар [2, 286-289].

Лингвокультурология (лат. lingua – тиль, cultura – медениет, logos – илим) синтезирлеген типтеки ильмий фен оларакъ, биринджи ден, медениет ве тильни бирлемлер топлулугъы (лингвокультуремалар) джеэттен бутюнлик, паритет, систематик огренювинен бельгилене [5, 624]. Лингвокультурология фенининъ мундериджеси невбеттеки бабларда тафсилатлы ачыкъланаджакъ. Мында доминанта оларакъ, тиль, этнокультур ве этнопсихологик факторларынынъ къаршылыкълы тесирининъ саде огренюви, я да тильни огретюв ве огренюв джеэттен медениетнинъ предмет ве анылам саасына истинаты дегиль. Лингвокультурология фенининъ эсас ёнелиши исе – тильде акс олунгъан медений зенгинликлернинъ функция беджерген системасы оларакъ объектлернинъ назарий ве тасвирий джеэттен теткъикъ этюви, лингвистик нисбиетнинъ назариети эсасында тюрлю тиллернинъ (халкъларнынъ) лингвокультурологик сааларынынъ контрастив талилидир.

Мана акъкъында айтсакъ, эм къырымтатар, эм де башкъа тиллерде, сёз бир къач мана ташымакъ мумкюн. Башкъа тиллерге нисбетен, къырымтатар тилинде полисемантик сёзлернинъ сайысы чокъ. Талебе сёзнинъ бутюн маналарыны бильмек шарт дегильдир, амма олардан энъ чокъ къуллангъанларны танымакъ керек. Шу джеэттен джумлели сёз бирикмелер («фикирни сёзнен ифаделемек») меракъ догъура. Мында тамырдан сонъ кельген аффикс сёзнинъ манасыны денъиштирмесе де, сёзнинъ тамыры мананы денъиштирмек мумкюн.

Амма сёзнинъ манасындан гъайры, онынъ коннотациясыны, яни сёз догъургъан ассоциацияларыны, онынъ ичтимаий мана косьтермек керек, бу исе сёзнинъ къулланылувынен сыкъ багълы. Тамам бойле девирде социолингвистик ве социокультур компетенцияларнынъ шекилендирюви ола бильген. Меселя, «белли» (известный) ве «мешур» (знаменитый) сёзлернинъ коннотациясы башкъа-башкъа.

Белли – нам къазангъан, мешур.

Эм биринджи, эм экинджи сёзлер «белли олмакъ» аныламанен багълы, амма оларны бири бирининъ ерине ер бир контексте къуланмакъ мумкюн дегиль. Метиннинъ мундериждесининъ эсас мевзусынынъ манасына коре джумледе къулангъан сёзлер де дикъкъатнен сечильмек керектир.

Сёзнинъ манасы зеиннинъ чалышувуны (акъылда тутувны ве яныдан истисал этивни) талап эткен бильги оларакъ менимсениле. Сёзлернинъ маналары эзберлев ёлунен менисемекни талап эте, аныламанларны исе бизим сёз иле фикир юрьсетювни ерине кетирген механизм сыфатында шекилендирмек керек [1, 136].

Семиотик бакъымындан лексиканы огретюв алышкъанлыкъларны шекилендирюв васталаргъа эсасланаракъ беджериле:

I басамакъ – кириш, яны сёзнинъ семантизациясы ве оны яныдан истисал этив;

II басамакъ – ситуатив темрин ве бир типтеки нутукъ вазиетлерде къавий лексик нутукъ багъларны мейдангъа кетирюв;

III басамакъ – динамик лексик нутукъ багъларны мейдангъа кетирюв этапы, яни берильген сынъырларда таныш олгъан лексик элементлерни тюрлю контекстлерде яныдан комбинирлемеге огретюв.

Косътерильген этаплардан биринджиси – кириш ве семантизация – лексик бирлемни менимсевнинъ къавийлигинен ифаделене. Лексиканынъ биринджи пектювни темин эткен мешгъулиетлери ичюн бойле хусусиетлер хастыр:

- олар иза этивнинъ айырылмагъан къысмыны тешкиль этмели ве анылатув, иллюстратив ве незарет функцияларыны беджермели;
- яны лексик бирлемлерни таныш лексик даиреде ве менимсенильген грамматик материалларда тасавур этмек керек;
- мешгъулиетлерде тек элементар муамелерни дегиль де, эм мураккеп акълий аркетелерни ихтият этмели. Акълий аркетелер талебелернинъ иджадий имкянларыны инкишаф эте.

Семантизация эки тюрлю усулнен япыла. Оларны эки группагъа бирлештирмели: семантизациянынъ а) терджимесиз ве б) терджиме усуллары.

Семантизациянынъ терджимесиз усулына ашагъыдаки маделер аит:

1. несне, има, аркет, ресимлернинъ косътерюви;

2. эджебий тильдеки сёзлернинъ манасыны ачыкъламакъ, оларны не ичюн къуланалар:

а) дефиниция – сёзнинъ манасыны тасвир этив;

б) сайып чыкъув: меселя: айванлар (эв, кийик);

в) синонимлер ве антонимлер ярдымынен семантизация;

г) фактларны билюв, контекстуаль тахминлери эсасында сёзни бельгилев;

д) сёзнинъ ички шекли эсасында онынъ манасыны тайинлемек.

Семиотика (*семиология*) (*юн. тилинден – (знак) алямет, бельги, тамгъа*), аляметлер, ишаретлер тертипини, системлерини огренген илим; коммуникацияны лингвистик бакъымыдан вазиетке, къулангъан саасына коре ишлетилюви.

Семиотиканы семантик бакъымындан терджимели усулына бойле маделер аит: сёзни (сёз бирикмени яда айырылманы) ана тилиндеки эквивалентинен денъиштирюв; терджиме – изаат вакътында талебелерге сёзнинъ ана тилиндеки эквивалентинден гъайры, манасынынъ бирге келюви (бирге кельмемезлиги) акъкъында хабер берелер.

Къайд этильген усулларнынъ эм къыйметлери, эм эксикликлери бардыр.

Терджимесиз усуллары тахминни инкишаф эте, тиль амелиятыны арттыра, акъылда тутув ичюн таянчлар ярата, ассоциатив багъларны къавийлештире.

Терджимели усул исе вакъыт икътисат эте ве къулланув джеэттен универсальдир, амма тильара интерференциянынъ имкяныны арттыра. Эгер дигер васталар эффективсиз олып къалса, тувгъан тиль семантизациянынъ вастасы олмакъ мумкюн, амма сёзнинъ пекитюви эксериетте биртилли олмалы. Предмет ве тасвирий (предметно-изобразительная) ве аркетли коръгезмелик лексик материалны терджимесиз кирсетюв васта оларакъ тувгъан тильге къаршы къоюла, амма ички терджимени я да эджнебий сёзнинъ ана тильдеки сёзнен нисбетини мустесна этмей ве эр даим семантизациянынъ терджимесиз вастасы олмай.

Семантизация усулларнынъ сечип алынувы бир сыра факторларгъа багълы: сёзнинъ кейфиетли хасиетлерине; онынъ продуктив ве рецептив минимумгъа айтлигине; огретюв этапкъа ве сыныфнынъ тиль джеэттен азырлыгъына; эм де талебелер мустакъиль я да оджа реберлигинде чалышкъанларына.

Янъы лексиканен танышув усулы сёзнинъ озюне, онынъ шекилине, манасына, къулланылувына ве талебелерге кетирген къыйынлыкъларгъа багълыдыр. Тиль анъынынъ огренюви шуны козьде туту ки, тиль бирлемлери ве тиль структураларыны текъикъ этюв эснасында оларнынъ психологик джеэттен акъикъий мундериджеси белли ола, яни: семантик компонентлернинъ керчек, «психологик джеэттен акъикъий» комплектинде халкънынъ анъында де бир, де дигер мананынъ яшагъаны; онынъ тиль зенинде сакъланып къалгъаны; сёзнинъ семантикасыны тешкиль эткен айры компонентлер актуаллик джеэттен насыл мунасебетте булунгъанлары; инсаннынъ тиль ихтиятында сёз ве структураларнынъ акъикъий маналы багълар насыл олгъаны. Сёзни билъмек – демек, онынъ шекиллери, манасыны ве къулланылувыны билъмек.

Сёз шекли дегенде, онынъ сес шеколи ве график шеколи козьде тутамыз. Сес шеклисиз сёзни сесинден догъру анъламакъ, оны догъру айтмакъ мумкюн дегиль. График шеклисиз исе сёз окъулгъанда танылмаз ве язылмаз. Эгер сёзнинъ грамматик шекиллерни япувында базы хусусиетлери олса, сёзнен таныштырув вакътында, оны невбеттеки къуланувда хата япмамакъ ичюн, буны мытлакъ талебелерге айтмакъ керек. Сёзнинъ семантизациясындан башкъа, бу сёз насыл ишлеп оденилджеги ве оджа оны насыл контекстлерге кирсетеджеги эмиетлидир. Сёзни акъылда яхшы тутув темриннинъ характерине багълыдыр.

Бойлеликнен, **нетидже оларакъ** шуны къайд етмек истеймиз, къырымтатар тилини лингвокультурологик бакъымында *семиотик модели* эсасында огретюв макъсады лексик алышкъанлыкъларнынъ продуктив (язма ве къонушма беджерикликлернинъ инкишафыны тайинлеген) ве рецептив (аркетнинъ рецептив чешитлерини (окъумакъ ве аудирлеме) беджерюв шараити оларакъ) шекилледиювинен багъланмакъ мумкюн. Лексик алышкъанлыкъларнынъ эсасында бойле муамелелер тура:

- а) лексик бирлемининъ терджимеси (метинде расткельген эквивалент лексика);
- б) лексик бирлемининъ огде тургъан ве сонъ кельген бирлемлернен бирикмеси (ве ил.).

Бу меселе къырымтатар тилинде даа терен араштырылмагъанны козьге алып, белли бир эмиетке малик ве меракълы сайылыр десек, янълышмамыз. Бу мевзуны даа кенишлетмек ве терен ишлетильмеси ичюн даа чокъ араштырмалар япылмалыдыр.

Эдебият:

1. Беляев Б. В. Психологические основы усвоения лексики иностранного языка: пособие для преподавателей и студентов / Б. В. Беляев М. : Издательство «Просвещение», 1964. – 136 с.
2. Высочина Н. А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / Н. А. Высочина– М. : 2002, 286-289.
3. Гаспринский – дуньяджа мешур маарифчи, публицист, язуджы, джемаат эрбабы. «Йылдыз», 1989, №6
4. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В. А. Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков / В. Гумбольдт– М. : 1956. 319с.
5. Словарь иностранных слов – 16 изд., – М. : Рус. яз, 1988. – 624с.

Мамутова З. С. Теоретичні основи лінгвокультурологічного підходу до вивчення кримськотатарської лексики (семіотична модель вивчення кримськотатарської мови) / З. С. Мамутова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 68–72.

Сучасна кримськотатарська мова являє собою оригінальну мову, що складається з декількох близьких діалектів, що розташовує багатим лексичним фондом. В даний час глобальною метою оволодіння мовою вважається прилучення до культури народу і участь в діалозі культур. Ця мета досягається шляхом формування здатності до міжкультурної комунікації. Дана стаття присвячена проблемам навчання лексиці кримськотатарської мови учнів на основі лінгвокультурологічного підходу. Для лінгвокультурології істотно не тільки вживання слів і словосполучень, але і характер використання самих реалій, тобто як мовної, так і позамовних (культурний) рівень.

Ключові слова: поліетнічна середа, багатомовність, мову, семіотична модель мови.

Mamutova Z. S. Theoretical foundations of linguistic-cultural approach to the study of the Crimean Tatar language (semiotic model study of the Crimean Tatar language) / Z. S. Mamutova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 68–72.

The modern Crimean Tatar language is a single, original Turkic language that consists of some similar dialects, besides it has rich vocabulary. A lesson of the Crimean Tatar language has its own peculiarities that are required to be taken into account by a teacher. At present learning a language means to get acquainted with its culture and participation in the dialogue of cultures. The goal is achieved through the formation of ability for the cross-cultural communication.

The section 'Lexicology' is studied by pupils in accordance with communicative teaching aims. The knowledge of ethnic and culturological units is reasonable and needed for organization of work with ethnic lexemes in comparison with the Ukrainian and Russian languages. A national and cultural component is noticeable in any language – in its vocabulary, phraseology, syntax. Therefore, when teaching a language, especially national, it is necessary to identify its national background, structural and sound methods.

Cognition etnokulturologicheskikh lexicology traditions in teaching is essential in the education of the modern individual.

Language – the most important way of forming knowledge about the world, the language of the culture, and the word of the national language is a fragment of the people's culture. An important part of liberal education and the highest expression of humane education is in linguistics, because language is the primary means of formation and development of the individual, for the existence and activity of the person and human society as a whole, which is defined by functions of language as communicative, cognitive, discursive, impact, cumulative, etc.

Key words: polyethnic environment; polylingual factor; language; semiotic model of language.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 145

**ОБЩЕОГУЗСКИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ
УСКУТСКОГО ГОВОРА ЮЖНОБЕРЕЖНОГО ДИАЛЕКТА
НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ**

Мурахас М. С.

*ТНУ им. В. И. Вернадского
E-mail: m-mutine@mail.ru*

В данной статье была предпринята попытка выявить и исследовать наличие общих и дифференцирующих признаков лексико- семантических характеристик глаголов южнобережного диалекта крымскотатарского языка, на примере глаголов мышления и говорения, и определить общеогузские родственные ареалы распространения данных глаголов, в тюркских языках юго-западной группы.

Как оказалось, что, несмотря на принадлежность южнобережного диалекта крымскотатарского языка, по определению А. Н. Самойловича, к юго-западной группе, не все глаголы мышления, имеющиеся в тюркских языках данной языковой группы, встречаются в южнобережном диалекте кымскотатарского языка, в ускутском его говоре в частности.

Глаголы мышления, образующие одну из основных глагольных групп в тюркских языках, впервые были исследованы в синхронном плане Н, а Дмитриевым на материале татарского языка с привлечением данных и ряда других тюркских языков. По мнению Н. К. Дмитриева, к глаголам мышления относятся те глаголы, «которые передают главнейшие понятия, связанные с актами мышления, восприятия и ощущения».

Ключевые слова: тюркский, огузский, диалект, ускутский говор, глагол, мышление, речь.

Постановка проблемы. В результате длительного развития тюркские языки сохранили свой лексический строй и общую в основных чертах семантическую структуру. Вместе с тем под влиянием, как внутренних законов своего развития, так и воздействия других языков, каждый из тюркских языков приобрел свои индивидуальные черты. Некоторые из этих индивидуальных черт являются общими для одной группы языков и в то же время отличными от других языковых групп.

Общность и развитие обуславливается тем, что в процессе своего развития тюркские языки под влиянием длительной консолидации некоторых родоплеменных объединений тюркских народов, к которым могут быть отнесены такие племенные союзы, как союзы болгар, огузов, кыпчаков, карлуков, уйгуров и пр. сохранили признаки языков внутри этих родоплеменных союзов. Эти признаки, объединяющие языки по родоплеменным союзам и образующие своеобразные связанные системные комплексные изоглоссы, сохранились и в современных тюркских языках. Комплексные изоглоссы с большей достоверностью раскрывают исторические свя-

зи диалектов и языков между собой и исключают случайное объединение по отдельным признакам одних языков от других [1].

Определяя место крымскотатарского языка в семье тюркских языков, нужно отметить, что существует несколько классификационных схем тюркских языков. Так в классификации В. В. Радлова, основанной на территориальных и фонетических признаках, кыпчакизированный (северный или степной диалект крымскотатарского языка входит в западную группу, а огузизированный южнобережный диалект – в южную) в классификации Ф. Е. Корша, учитывающей фонетические и морфологические признаки, кыпчакизированный диалект крымскотатарского языка включен в северную группу, а огузизированный (южнобережный диалект) – в западную [2, 17].

А. Н. Самойлович в работе «Некоторые дополнения к классификации турецких (тюркских) языков», сохраняя названия групп, принятые В. В. Радловым и Ф. Е. Коршем, относит кыпчакизированный диалект крымскотатарского языка к северо-западной (или кыпчакской), а огузизированный диалект – к юго-западной (или туркменской группе) включение крымскотатарского языка в разные группы, возможно, зависело от двух причин; во-первых, от того, на каких принципах строилась та или иная классификация тюркских языков; во-вторых, от наличия в крымскотатарском языке двух основных диалектов – кыпчакизированного и огузизированного, которые в разные периоды его развития были положены в основу литературного языка [2, 18].

В лексическом составе крымскотатарского языка выделяются два макропласта: тюркский и заимствованный.

Тюркский пласт при дальнейшей классификации распадается на лексические фонды: а) общетюркский, б) межтюркский, в) собственный [2, 19].

В свою очередь словарный состав диалектов и говоров можно разделить на две неравные части. Большая часть – Это лексика, общая с литературным языком. Меньшую часть составляет лексика специфическая, диалектная, в литературном языке не используемая [6, 262].

Целью настоящей статьи является выявление и исследования наличия общих и дифференцирующих признаков лексико-семантических характеристик некоторых ускутских глаголов, на примере глаголов мышления и говорения, с тюркскими языками юго-западной группы и определение их общеогузских родственных ареалов. Как оказалось не все глаголы данной языковой группы встречаются в ускутском говоре южнобережного диалекта, впрочем, как и в южнобережном диалекте в целом.

Глаголы мышления, образующие одну из основных глагольных групп в тюркских языках, впервые были исследованы в синхронном плане Н, а Дмитриевым на материале татарского языка с привлечением данных и ряда других тюркских языков. По мнению Н. К. Дмитриева, к глаголам мышления относятся те глаголы, «которые передают главнейшие понятия, связанные с актами мышления, восприятия и ощущения» [3, 577].

Число глаголов мышления невелико, однако они относятся к наиболее употребительным.

Одним их глаголов мышления является глагол *o: jla/-* предполагать, думать. В южнобережном диалекте и в частности в ускутском его говоре, впрочем как и крымскота-

тарском языке в целом данный глагол отсутствует. Вместо него используется общетюркский вариант *тушун-* либо *белле-* в значении «думать, предполагать».

В словаре В. В. Радлова приводится глагол *oj-* со значением «следовать, подражать». Там же дается синоним этого глагола *uj-* «следовать за кем – либо» [5, 4]. В крымскотатарском языке и в ускутском его говоре есть слово *ujmah-* аналогично с турецким языком, используемое в значении «быть в пору»; «подходить к чему-либо»; «соответствовать, гармонировать».

а также глагол *ujdur-*, который так же как и в азербайджанском, турецком, гагаузском употребляется в значении «выдумывать, измышлять». Однако в южнобережном диалекте, как и крымскотатарском языке в целом, нет имени *oj-* со значением «мысль», а также производного глагола *ojla-* «думать», который есть в татарском, башкирском и др. тюркских языках.

В группу глаголов мышления входит также и общий для всех тюркских языков глагол *тушун-* и огузский его вариант *душун* – «думать, мыслить, размышлять, соображать» [5, 5]. В ускутском говоре он используется именно в форме *душун-*. Этот глагол расчленяется на корень *душ-* и аффикс возвратного залога *-un*. Основное значение глагола в огузских языках *душ-* (в ускутском *туш-*) «падать». Это же значение глагол *душ* сохранил и в составе аналитического глагола: азерб. *başa duş-*; кр. тат. *ваша туш-* (букв. падать на голову; «понимать»).

В огузских языках от корня *душ-* произошел целый ряд слов: душундже (понятие, мысль, обожание), (размышление, обдумывание).

Имя *ус-* (вариант *эс-*) в значениях «разум, рассудок, ум, мудрость» отмечается В. В. Радловым, приводящим формы возвратного и понудительного залога: *услан* – (*эслан*) «сделаться благоразумным, мудрым» [5, 6]. Данный глагол в крымскотатарском языке во всех его говорах и в литературном языке сохранился в сочетании *эсини джоймакъ* «потерять сознание».

В значении «ум» крымскотатарского языка, обнаруживая тем самым общность с огузским ареалом, употребляется *aqıl*, от которого образован и глагол *aqıllan-* «набираться разума, ума».

От имени *jat-* «память», в языках данной группы образован глагол *ятла-* «вспоминать» -- туркм. *яшлыкъ девирни ятла-* «вспоминать молодые годы» [5, 6]. В крымскотатарском языке с корнем *ят / яд* в слове можем привести имя *ядигярлыкъ* «памятник». Кроме того, в значениях «вспоминать» употребляется глагол *хытырла-*. Именно он употребляется в ускутском говоре, как и крымскотатарском языке в целом, для выражения значения «вспоминать, помнить», *хатыра оларакъ* «на память». Корень *хатир-* «ум, память» заимствован из арабского языка.

Следующим наиболее употребительным глаголом мышления является глагол «понимать, разумеать, соображать». Глагол *anla-* расчленяется на корень *an-* и аффикс *-la*. Корень *an-* имеет значение «сознание, разум»:

акъ кирсе де, анъ кирмеди – «седина пришла, а ума нет» [5, 6].

В крымскотатарском языке от данного имени производными являются глаголы *анъламакъ* «понимать», *анъмакъ* «упоминать», *анъдырмакъ* «напоминать» и др.

В значениях «знать, ведать, узнавать, осведомлять, уметь, мочь» во всех огузских языках употребляется глагол *бил-*. В ускутском говоре используется в этом же

значении, а кроме того, в таких устойчивых сочетаниях, как *бильдигъини чалай* (делать по своему), *биле-биле...* (осознавая, сознательно...).

В ускутском говоре, как и в крымскотатарском языке в целом, в значениях «чувствовать, ощущать, испытывать, чують, догадываться, предчувствовать» также как и в огузских языках употребляется глагол *duj-*. От корня *duj-* образовано имя *dujgu* (чувство), а в значении «догадываться, почують, почувствовать» употребляется глагол *sz-* (в уск. как и в туркм.) и *sez-* (кр. тат. и тур.), производное от которого имя *sezюв* «осязание» используется в крымскотатарском литературном языке.

Таким образом, глаголы мышления ускутского говора обнаруживают общность с данными глаголами юго-западной группы семьи тюркских языков, хотя и крымскотатарский литературный язык в данной сфере тяготеет к огузскому ареалу.

Глаголы речи как семантическая группа тюркских глаголов впервые были изучены Н. К. Дмитриевым [3]. Глаголы речи тюркских языков рассматриваются также в очерке Н. З. Гаджиевой и А. А. Кокляновой [4]. Они широкоупотребительны и играют первостепенную роль в процессе общения.

Одним из широко распространенных в ускутском говоре глаголов речи является *de*. Основное его значение – констатация произносимых субъектом отдельных слов и фраз. Г. К. Кулиев предположил, этимология глагола *de-* непосредственно связана с именем *тиль//диль* «язык» [6, 4].

Глагол *айт-*, используемый в этом же значении в крымскотатарском литературном языке и в диалектах в значении «говорить, сказать», употребляется в туркменском языке огузской семьи и встречается почти во всех тюркских языках, кроме современного азербайджанского, турецкого и гагаузского языков. Таким образом, использование только глагола *де-* или *су: ле* вместо *айт-* в ускутском говоре определяет его родство с турецким, гагаузским и азербайджанским. О семантическом развитии этого глагола Н. К. Дмитриев пишет: «С точки зрения семантики, интересно отметить что глагол *айт-* обозначал не только «говорение» как таковое, но и вообще всякое проявление звуковой человеческой речи. Отсюда понятно, что *айт-* соответствует наши понятиям: «говорить (нормальным голосом)», «говорить громко» т. е. «выкрикивать» «громко передавать слова» и даже «петь» [3].

Еще одним более употребительным глаголом речи является *сойле-* «сказать, рассказывать». Глагол расчленяется на *сёз-* «слово» и глаголообразующий аффикс – *ле*. Первоначальным значением глагола созле- Н. К. Дмитриев считает «произнести слово», «молвить слово». В крымскотатарском языке звук [z]. трансформируется в [j]. в результате образовав *сойле-* [6, 5]. В ускутском говоре же, также как и в гагаузском, звук [j]. выпал из корня, образовался долгий [o]. и как вариант глагол *су: ле-* В возвратно-страдательном залоге глагол *сойлен-* в крымскотатарском языке приобрел значение «говорить громко, ругаться».

В крымскотатарском языке употребляется глагол *инле-* в значении «стонать», образованный от *ин-* «голос, звук», а также в значении «молчать» производный от данного имени глагол *индемек*. В диалектах турецкого языка глагол *инле-* используется еще и в значениях «кричать, звать, петь».

В значении «шептать, шепнуть» в огузских языках употребляется: в азерб. *пысылда-*, туркм. *пысылда-*, тур. *фысылда-*, обнаруживая тем самым родственный аре-

ал с крымскотатарским, в котором также используется вариант *фысылда-* «шептать, шепнуть».

В значении «рассказывать подробно, разъяснять» в ускутском говоре используется глагол *тариф итмех, тарифле-* от имени *тариф*, заимствованного из арабского языка.

В значении «звать, позвать, вызвать» в огузских языках употребляется глагол: в азерб. и тур. *ча: йыр-*; в тур. *ча: гьыр-, гагаузский чаар*. Он используется во всех огузских языках. В гагаузском языке этот глагол, кроме значения «перекликаться» выражает также значение «поднимать шум, шуметь, галдеть». Э. В. Севортян считает, что основой глагола *чагъыр-* является имя *чакъ*, и это подтверждается наличием парного существительного *чагъ чугъ* «шум, крик» в выражении *чагъ чугъ копты* «поднялся шум, крик» [6, 9]. Крымскотатарский вариант, в частности ускутский, обнаруживает свое родство с турецким языком, т. е. вариант *чагъыр*, в крымскотатарском и во всех его говорах, является широкоупотребительным.

В огузских языках имеются слова с корнем названного глагола: азерб. *чагъырым* «расстояние, на которое доносится окрик», *чагъырышчы* «призывник»; туркм. *чагъырыш* «повестка, созыв»; турецк. *чагъырма / чагъырты* «зов, окрик» [6, 10]. В крымскотатарском языке в данных значениях чаще используется *давет – н-р, даветнаме* «приглашение, повестка», но форма *чагъыртув* «приглашение» также используется как в говоре так и в литературном языке. Ну и как следствие, *чагъыртой* «вечеринка после свадьбы, на которую зазываются родственники» тоже широко известна среди народа. Глагол *чагъыр* – используется во всех огузских языках. В гагаузском языке этот глагол, кроме значения «перекликаться» выражает также значение «поднимать шум, шуметь, галдеть». Э. В. Севортян считает, что основы его является *чакъ*, и это подтверждается наличием парного существительного *чагъ чугъ* «шум, крик» и в выражении *чагъ чугъ копты* «поднялся шум, крик» [6, 10].

В огузских языках есть ряд слов и выражений, связанных с корнем *оху-* «читать», аналогичные которым есть и в ускутском говоре. Н-р: *охумушлу адам* «ученый человек». Азерб. *Оху залы* «читальный зал» (кр. тат. *окъув залы*); турецк. *окул* «учебное заведение, школа» (кр. тат. *мектеп*), *окумамыш* «не грамотный» (кр. тат. *джаиль*).

В значениях «заговорить о ком, чем-либо; промолвить, сказать, вдруг разговариваться» в огузских языках употребляется глагол *диллен* -. В турецком языке он приобрел и значение «становится предметом разговоров, приобретает дурную славу, репутацию, попасть на язык». В крымскотатарском литературном данное слово отсутствует, но при этом в ускутском говоре существует выражение «*диллере дестан олду*», «дилере илишти» в значении «стал предметом разговоров, пересудов».

Таким образом, можно сделать вывод, что в сфере глагольного словообразования, а именно образования и использования глаголов мышления ускутский говор имеет близкородственную связь с огузским ареалом тюркских языков, хотя и крымскотатарский литературный язык не находится в оппозиции в данном вопросе к огузским языкам. Можно заключить, что основные значения рассматриваемых глаголов в сравниваемых языках совпадают, т. е. крымскотатарский язык и ускутский

говор южнобережного диалекта, в частности, обнаруживают единство с огузским ареалом в большинстве используемых глаголов.

Исследование глаголов речи показало, что в системе глаголов наряду с фонетическими и структурными различиями имеются различия семантические. Анализ структуры и семантики данных глаголов позволил показать особенности их реализации.

Литература:

1. Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков [Электронный ресурс. Русский филологический портал] / Баскаков Н, а / Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XI. Вып. 2. – М, 1952.
2. Меметов А. М. Лексикология крымскотатарского языка. / Меметов А. М. ; – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – С. 288 – (Учебное пособие) – ISBN 966-7283-62-3.
3. Дмитриев Н. К. Глаголы мышления / Дмитриев Н. К. // Строй тюркских языков – М, 1962. – С. 577-581.
4. Гаджиева Н. З, Коклянова А. А. Глаголы речи в тюркских языках / Гаджиева Н. З, Коклянова А. А. // Историческое развитие лексики тюркских языков – М, 1961. – С. 322-460.
5. Кулиев Г. К. Лексико-семантическое развитие глаголов мышления в тюркских языках / Кулиев Г. К. // Советская тюркология – 1983. – № 4. – С. 3-12.
6. Кулиев Г. К. Лексико-семантическое развитие глаголов речи в тюркских языках/ Кулиев Г. К. // Советская тюркология – 1982. – № 5. – С. 3-12.
7. Русская диалектология / [под редакцией проф. Н. А. Мещерского] – Высшая школа – Москва, 1972. – С. 300.

Мурахас М. С. Загальні огузські лексико-семантичні ознаки ускутського говору південнобережного діалекту на прикладі дієслів мислення і мови / М. С. Мурахас // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 73–79.

У даній статті була зроблена спроба виявити і дослідити наявність загальних і диференціюють, лексико-семантичних характеристик дієслів південнобережного діалекту кримськотатарської мови, на прикладі дієслів мислення і говоріння, і визначити общеогузські родинні ареали поширення даних дієслів, в тюркських мовах південно-західної групи.

Як виявилось, що, незважаючи на приналежність південнобережного діалекту кримськотатарської мови, за визначенням О. М. Самойловича, до південно-західної групи, не всі дієслова мислення, наявні в тюркських мовах даної мовної групи, зустрічаються в південнобережному діалекті кимскотатарського мови, в ускутском його говірці зокрема.

Дієслова мислення, що утворюють одну з основних дієслівних груп в тюркських мовах, вперше були досліджені в синхронному плані Н, а Дмитрієвим на матеріалі татарської мови із залученням даних і ряду інших тюркських мов. На думку Н. К. Дмитрієва, до дієслів мислення відносяться ті дієслова, «які передають найголовніші поняття, пов'язані з актами мислення, сприйняття і відчуття».

Ключові слова: тюркський, огузський, діалект, ускутській говір, дієслово, мислення, мова.

Murahas M. S. General Oguz lexical-semantic signs of uskuts says south coast dialect an example of thinking and speech verbs / M.S. Murahas // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 73–79.

As a result of a long development of Turk languages have preserved their lexical structure and the main features of the general semantic structure. However, under the influence, as the domestic laws of development, and the impact of other languages, one of the Turk languages acquired its individual features. Some of these personality traits are common to a group of languages and at the same time different from other language groups.

Community and development is because during the development of Turkic languages under the influence of some long-term consolidation of tribal associations Turkic people, which may include such tribal unions, as unions Bulgars, Oghuz, Kipchak, Karluk, Uighurs, and pr. sohranili of language within these tribal alliances.

Determine the place of the Crimean Tatar language in the family of Turkic languages, it should be noted that there are several classification schemes of languages. A. N. Samoilovich in "Some additions to the classification of Turkey (Turkish) languages", retaining the names of groups adopted V. V. Radlov and F. E. Korsch, classifies of been above the Crimean Tatar language to the north-west (or Kipchak) and oguzirovanny dialect – to the south-west (or Turkmen group). Turning of Crimean Tatar Canguage to different groups may depend on two factors: first, on the principles on which was built or that the classification of Turkic languages, and secondly, the presence in the Crimean Tatar language of two main dialects – and kypchak oguz that in different periods of its development the basis of language.

In the lexical structure of the Crimean Tatar language are two Macroplast: Turk and borrowed.

Turk formation at a further classification is divided into lexical funds: a) common Turk, b) Turk in) its own. In turn, the vocabulary of the dialects and sub-dialects can be divided into two unequal parts. The best part – this vocabulary in common with the literary language. A smaller portion of the specific vocabulary, dialect, the literary language is not used.

In this article, an attempt was made to identify and investigate the existence of common and differentiating features of the lexical-semantic characteristics of verbs south coastal dialect of Crimean Tatar language, the example of verbs of thinking and speaking, and certain areas of family Comma Oguz dissemination of verbs in the Turkic languages of the south-west.

As it turned out, not all verbs of thinking and speaking of the language group found in south coastal dialect kymkotatarskogo language, uskutskom it says in particular, but as a dialect of the South Coast as a whole.

According to N. K. Dmitriev, to verbs are those verbs of thinking, "that convey the most important concepts related to the acts of thinking, perception and feeling. "

Verbs of speech is the most used and play a major role in the process of communication. In Turkic languages, including Oguz, they include numerous root, synthetic and analytical, general and specific words of speech. This article will mention only the most common of them.

Keywords: Turk, Oguz, dyalekt, Uskut, says, thinking, speech.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 811. 161. 1+811. 512. 145]. -115

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Челебиева Э. Р.

*ТНУ им. В. И. Вернадского
E-mail: emine.chelebieva@mail.ru*

Данная работа посвящена исследованию способов выражения категорий принадлежности в двух сопоставляемых языках крымскотатарском и русском. На материалах научных работ выявлены, проанализированы и определены общие и специфические черты указанной категории. Анализ литературы сравнительно-сопоставительных грамматических характеристик, показал, что категория принадлежности представляет собой специфическую грамматическую форму крымскотатарского языка как типичного представителя тюркской семьи, служащую для определительной связи слов в речи. Учитывая аналитические тенденции русского языка, мы вправе говорить, что категория принадлежности выражается несколькими способами, а именно притяжательным местоимением, родительным падежом существительного или местоимения 3-го лица, притяжательным прилагательным.

Ключевые слова: существительное, категория принадлежности, крымскотатарский язык, русский язык.

Постановка проблемы. Анализ литературы сравнительно-сопоставительных грамматических характеристик двух разноструктурных языков имени существительного в русском и крымскотатарском языках, показал, что категория принадлежности недостаточна изучена и не стала предметом детального анализа.

В научных исследованиях В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, Г. Д. Басова, А. Д. Качура, А. В. Кихно, И. В. Корунец и др. рассматривается сопоставительная грамматика русского и украинского языков, английского и русского, русского и киргизского языков. В тюркологии сопоставительным исследованием занимались известные учёные: В. Н. Алиева, А. М. Щербак, З. З. Гатиатулина и др.

Цель нашего исследования – сопоставить морфологическую структуру категории принадлежности имени существительного в крымскотатарском и русском языках; на материалах научных исследований, художественной литературы, проанализировать и определить общие и специфические черты указанной категории.

Сопоставляемые языки относятся к разноструктурным языкам: крымскотатарский язык относится к группе агглютинативных, а русский – к группе флективных. Сопоставительный анализ грамматических характеристик имени существительного в русском и крымскотатарском языках показал, что категория принадлежности представляет собой специфическую грамматическую форму. Как и во всех тюркских языках, в крымскотатарском языке каждая грамматическая категория выражается отдельным аффиксом. Исключение составляет категория принадлежности и лица, аффиксы которых одновременно выражают два грамматических значения –

лица и числа (категория лица), принадлежности и числа (категория принадлежности). Присоединение аффиксов происходит в определенной последовательности, например: *иш-чи-лер-имиз-инъ-ки-дир*

“наших рабочих, досл. принадлежит нашим рабочим”

Категория принадлежности крымскотатарского языка служит для определительной связи слов в речи. Она выражает принадлежность какого-либо предмета, явления одному из трех известных грамматических лиц: первому – говорящему, второму – слушающему и третьему – объекту речи единственного и множественного числа [5, 74].

В тюркологии выделяются два способа реализации формы принадлежности: синтетический и аналитический способы. При синтетическом способе в одном слове выражается и лицо, обладающее, и предмет обладания: *китап* “книга», *китабым* “*моя* книга», *китабынъ* “*твоя* книга», *китабы* “*его* книга». При аналитическом способе употребляются два слова: выражающее предмет обладания с аффиксом принадлежности и лицо, обладающее, выраженное личным местоимением, собственным или нарицательным именем в форме родительного падежа [4, 75]. : *меним ишим* “*моя* работа», *сенинъ къолунъ* “*твоя* рука», *онынъ ады* “*его* имя”, *эништеминъ къалпагы* “шапка дяди”, *Асиенинъ чантасы* “сумка Асие”, *Тимурнынъ дефтери* “тетрадь Тимура”.

В крымскотатарском языке принадлежность выражается тремя способами: морфологическим, синтаксическим и смешанным. При морфологическом способе существительное оформляется специальными аффиксами принадлежности, которые имеют два варианта (после гласных и после согласных основы) [3, 34].

Аффиксы принадлежности для основ на гласный:

1 лицо:

ед. ч. *ана-м, ине-м*

мн. ч. *ана-мыз, ине-миз*

2 лицо:

ед. ч. *ана-нъ, ине-нъ*

мн. ч. *ана-нъыз, ине-нъыз*

3 лицо:

ед. ч. *ана-сы, ине -си*

мн. ч. *ана-сы, ине -си*

Например: *бабам* “*мой* отец”, *бабанъ* “*твой* отец”, *бабасы* “*его* отец”, *бамыз* “*наш* отец”, *бабанъыз* “*ваш* отец”, *бабасы* “*их* отец”.

Аффиксы принадлежности для основ на согласный:

1 лицо:

ед. ч. *ат-ым, иш-им, дост-ум, коз-юм*

мн. ч. *ат-ымыз, иш-имиз, дост-умыз, ко-юмиз*

2 лицо:

ед. ч. *ат-ынъ, иш-инъ, дост-унъ, коз-юнъ*

мн. ч. *ат-ынъыз, иш-инъыз, дост-унъыз, коз-юнъыз*

3 лицо:

ед. ч. *ат-ы, иш-и, дост-у, коз-ю*

мн. ч. *ат-ы, иш-и, дост-у, коз-ю* после всех *-лары, -лери*

Например: *адым* “моё имя”, *адынъ* “твое имя”, *ады* “его имя”, *адымыз* “наше имя”, *адынъыз* “ваша лошадь”, *ады* “их имя”.

При употреблении существительных с аффиксами категории принадлежности во множественном числе аффикс множественного числа *-лар (-лер)* ставится перед аффиксом принадлежности.

Например: *Акименинъ козьлери бирден йылтырадылар* “Глаза Акиме неожиданно заблестели.” [7, 24].

При синтаксическом способе выражения принадлежности существительные со значением предмета обладания и обладателя получают обособленное обозначение. Отношения между предметом обладания и обладателя строятся в речи по образцу словосочетания, где определяемым является название предмета принадлежности без аффикса, а определением служит форма родительного падежа личных местоимений 1 или 2 лица множественного числа, например: *бизим эв* “наш дом”, *сизинъ вазифенъиз* “ваша задача”.

При смешанном способе выражения принадлежности объединяются оба рассмотренных выше способа, в результате чего лицо и число обладателя обозначаются дважды: один раз с помощью родительного падежа личного местоимения и второй раз с помощью аффикса принадлежности при названии предмета обладания. Например: *Бу, меним атым* [7, 114]. “Это моя лошадь”. *Юсуф бала, сенинъ Азизенъ мени акъаретледи...* [7, 56]. “Юсуф, твоя Азизе оскорбила меня ...”. *Онынъ хабери эр кесни айретте къалдырды* [7, 114]. “Его известие удивило всех”.

Следует отметить, что между предметом обладания и обладателем возможны следующие типы согласования в числе:

1. Предмет обладания и имя обладателя стоят в единственном числе: *меним китабым* “моя книга”, *сенинъ китабынъ* “твоя книга”, *онинъ китабы* “его книга”.

2. Оба стоят во множественном числе: *бизим китапларымыз* “наши книги” и т. д.

3. Во множественном числе стоит предмет обладания, а в единственном числе имя обладателя: *меним китапларым* “мои книги”, *сенинъ макъсатларынъ* “твои цели”, *онинъ арзулары* “его мечты” и т. д.

4. В единственном числе стоит предмет обладания, во множественном числе имя обладателя: *бизим китабымыз* “наша книга”, *сизинъ чечегинъиз* “ваш цветок”, *оларнынъ бинасы* “их здание” и т. д.

Категория принадлежности в крымскотатарском языке также выражается аффиксом *-ки*, который присоединяется к личным, некоторым определительным местоимениям и существительным в родительном падеже, при этом аффикс прибавляется к обладателю, например: *китап менимки* “книга моя”, *къалем сенинъки* “ручка твоя”, *багъча оларнынъки* “сад их”, *урба озюнъки* “одежда его самого”; *къокъла баланынъки* “кукла ребёнка” и т. д.

Рассмотрим способы выражения категории притяжательности в русском языке. Анализ ряда научных работ, наши личные исследования показали, что категория принадлежности русского языка выражается следующими способами.

1. Притяжательными местоимениями: *мой, твой, наш, ваш, свой; его, её, их* [4, 218]. *Бесценная моя Варвара Алексеевна!* [8, 19]. *Её тень расстилалась шлейфом по полу* [8, 76]. *Ваше честолюбие, уважаемый, меня поражает* [8, 128].

2. Родительным падежом существительного, реализующимся в контекстах... словоформами с окончаниями в единственном числе: *-я/-я* (*сына, чая, окна, поля, Смирнова*), *-ы/-и* (*сестры, тётки, дяди, степи, пути, знамени*), *-ого/-его* (*часового, мороженого*), *-ой/-ей* (*столовой, ничьей*); во множественном числе: *-ов* (*заводов*), *-ей* (*сыновей, полей, степей, путей*), *-ых/-их* (*столовых, ничьих*) [4, 247-248].

3. Притяжательными прилагательными, обозначающими отношение принадлежности предмета лицу (реже – животному) словообразовательной приметой притяжательных прилагательных являются суффиксы *-ин-*,

-ов/-ев-, -ий- [4, 241]. *На спинке стула лежал мамин платок* [8, 71]. *В припадке судорожного отчаяния бросилась я поперек матушкиной постели и закрыла лицо руками* [8, 261]. *То – Семёново ружьё!* [8, 138].

Итак, на материалах научных исследований, художественной литературы, нами проанализированы и определены общие и специфические черты категория принадлежности в крымскотатарском и русском языках. Подводя итог нашего исследования, можно сделать следующие **выводы**: принадлежность в крымскотатарском языке выражается тремя способами: морфологическим, синтаксическим и смешанным. При морфологическом способе существительное оформляется специальными аффиксами принадлежности; при синтаксическом способе выражения принадлежности существительные со значением предмета обладания и обладателя получают обособленное обозначение, и отношения между ними строятся в речи по образцу словосочетания; при смешанном способе выражения принадлежности объединяются оба способа, в результате чего лицо и число обладателя обозначаются дважды: один раз с помощью родительного падежа личного местоимения и второй раз с помощью аффикса принадлежности при названии предмета обладания.

В русском языке наблюдаем динамичное развитие грамматических форм принадлежности, крымскотатарский же язык отличается сохранностью конкретных аффиксов принадлежности. Учитывая аналитические тенденции русского языка, мы вправе говорить, что категория принадлежности выражается несколькими способами: притяжательным местоимением, родительным падежом существительного или местоимения 3-го лица, притяжательным прилагательным.

Таким образом, сопоставительный анализ подтверждает универсальность данной категории для крымскотатарского и русского языков. В обоих языках сохраняются основные грамматические формы со значением принадлежности: родительный падеж, притяжательные местоимения, притяжательные прилагательные. Выявлен ряд общих закономерностей в использовании притяжательных местоимений. Категория принадлежности имеет свою специфичность в анализируемых языках.

Литература:

1. Басова Г. Д. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков. / Басова Г. Д, Качура А. В, Кихно А. В. и др. – Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. – К. : Наукова думка, 2003. – 533с.
2. Гатиатулина З. З. и др. Сравнительно-сопоставительное изучение языков. / Гатиатулина З. З. и др. – Казань: КГПИ, 1978. – 99с.

3. Изидинова С. Р. Фонетические и морфологические особенности крымскотатарского языка в ареальном освещении / С. Р. Изидинова: Автореф. дис...канд. филол. наук. – М, 1982
4. Касаткин Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант; под. Ред. П. А. Леканта. – Москва: Высшая школа, 1991. – 383с.
5. Меметов А. Крымтатарский язык / А. Меметов, К. М. Мусаев– Симферополь, 2003. – 286с.
6. Савранчук О. Ф. Сопоставительно – типологическое изучение словообразования имени существительного современных киргизского и русского языков / О. Ф. Савранчук: Автореф. дис...канд. филол. наук. – К, 1974

Художественная литература.

7. Паши И. Джанлы нишан. Роман, повесть / Ибраим ПАши – Симферополь: Таврида нешрияты», 1988. – 207с.
8. Достоевский Ф. М. Бедные люди. Роман / Фёдор Достоевский – М, 1981. – 148с.

Челебиева Е. Р. Стаття – способи вираження категорії належності у кримськотатарській та російських мовах / Е. Р. Челебиева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 80–84.

Дана робота присвячена дослідженню способів вираження категорій належності в двох зіставних мовах – кримськотатарській та російській. З матеріалів наукових робіт, художньої літератури, періодичної преси та лексикографічних посібників виявлені, проаналізовані та визначені загальні та специфічні риси зазначеної категорії. Аналіз літератури порівняльно-порівняльних граматичних характеристик іменника в російській та кримськотатарській мовах показав, що категорія належності являє собою специфічну граматичну форму кримськотатарської мови як типового представника тюркської родини, що служить для означального зв'язку слів у мові. Враховуючи аналітичні тенденції російської мови, ми вправі говорити, що категорія належності виражається декількома способами, а саме присвійним займенником, родовим відмінком іменника чи займенника третьої особи, присвійним прикметником.

Ключові слова: іменник, категорія належності, кримськотатарська мова, російська мова.

Chelebieva E. R. Article – ways of expressing the type of organization in the Crimean Tatar and Russian / E. R. Chelebieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 80–84.

This article is related to the investigating the ways of expression of appliance category in 2 comparable languages – Crimean Tatar and Russian. Based on materials of scientific literature, periodicals and lexicographical aids are identified, analyzed and determined common and specific features of marked category. Analysis of the literature of noun comparative grammatical characteristics in the Russian and Crimean Tatar languages showed that the appliance category is a specific grammatical form of the Crimean Tatar language as a typical representative of the Turkic family serving for the attributive relation of words in speech. It expresses the identity of an object, phenomenon one of the three known grammatical entities: the first – the speaker, the second – to the listener and the third – the object of speech (singular and plural). There are two ways to realize the appliance category: synthetic and analytical methods. The first method is expressed in a single word both for the owner and the subject of possession. In the second method, we have two words expressing the subject of appliance with the affix of appliance and the owner is expressed with the personal pronoun, proper or common name in the form of the genitive. Given the analytical tendencies of Russian language, we can say that the appliance category is expressed in several ways, namely a possessive pronoun, the possessive case of a noun or third person possessive adjective pronoun.

Thus, a comparative analysis confirms the versatility of this category for the Crimean Tatar and Russian. In both languages remain basic grammatical forms with the value accessories: genitive, possessive pronouns, possessive adjectives. The array of general consistencies of possessive pronouns using is found. The appliance category has certain specificity in analyzed languages. In Russian we find rapid development of ownership grammatical forms, the Crimean Tatar language has difference in the preservation of specific property affixes.

Key words: noun, appliance category, the Crimean Tatar language, Russian language.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 81'42: 821(=512. 19)-94"653"

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХРОНИКИ «ТАРИХ-И ИСЛАМ ГЕРАЙ ХАН»

Абдужемилев Р. Р.

РВУЗ «КИПУ»

В статье «Лингвостилистические особенности хроники “Тарих-и Ислам Герай хан”» рассматриваются вопросы языка и стиля сочинения Мехмеда Сенаи. Исследователь указывает на язык хроники и на его функцию в Крымском ханстве, дает характеристику грамматических особенностей языка произведения, выделяет тематические группы в лексике произведения, определяет специфику стилистики хроники. Автором предложено деление ключевой лексики произведения на три тематические группы. Результаты исследования важны для комплексного изучения хроники М. Сенаи.

Ключевые слова: хроника, язык, грамматические особенности, лексика, стиль.

Постановка проблемы. Литературоведческое исследование хроники «Тарих-и Ислам Герай хан» тесно связано с вопросами языка и стиля данного произведения. Для целостного научного изучения хроники Мехмеда Сенаи необходимо рассмотреть лингвостилистические особенности произведения.

Актуальность проблемы обусловлена современным состоянием исследованности крымскотатарской литературы периода Крымского ханства. «Тарих-и Ислам Герай хан» – это памятник не только литературы, но и языка своего времени. Результаты научных анализов прольют свет на многие вопросы касательно письменного языка художественной литературы XVII в.

Анализ литературы. В написании статьи опорными источниками послужили работы К. Усеинова (Конурата) [1, 2], Ф. Туранлы [3], А. Меметова [4, 5], А. Самойловоича [6], И. Зайцева [7].

Объектом работы является произведение крымскотатарской литературы XVII в. «Тарих-и Ислам Герай хан» Мехмеда Сенаи, описывающее военные события 1648-1650 гг. (совместная борьба Крымского ханства и Запорожской Сечи с Речью Посполитой).

Предмет статьи – язык и стиль данного произведения.

Целью данной работы является изучение лингвостилистических особенностей хроники «Тарих-и Ислам Герай хан». Для достижения цели попытаемся решить следующие **задачи**:

- указать на язык хроники и на его функцию в Крымском ханстве;
- охарактеризовать грамматические особенности языка;
- выделить тематические группы в лексике произведения;
- определить специфику стилистики в хронике.

Изложение основного материала.

Важными составляющими исследования хроники «Тарих-и Ислам Герай хан» как памятника крымскотатарской литературы XVII в. являются язык и стиль данного произведения. По сути, литературный анализ хроники невозможен без изучения лингвостилистического аспекта. Первоочередная задача исследователя включает в себя необходимость владения знаниями касательно формовой специфики хроники.

Сочинение Мехмеда Сенаи написано на османско-турецком языке. О. Прицак определил язык хроники «Тарих-и Ислам Герай хан» как «правильный, “ученый” турецко-османский с большим количеством арабских и персидских “поэтических” и религиозных заимствований» [7, 131]. Этот язык являлся общим литературным языком Турции и Крыма XVI-XIX вв. В период написания хроники (XVII в.) отчетливо заметно влияние османского языка на крымскотатарскую литературу (как и в целом, влияние османской культуры на жизнь Крыма). Две причины способствовали этому влиянию: 1) пребывание в Крыму османских чиновников и торговцев, а также янычар, которые прибыли на полуостров сначала из Стамбула в Кефе, а затем и в Бахчисарай; 2) длительное осуществление османскими и крымскими войсками общих походов, совместные сражения, победы и поражения в военных кампаниях. Поскольку Крымское ханство являлось частью Османской империи, то существовало единое культурное пространство, которое охватывало территории этих двух государственных образований.

По мнению Самойловича А. Н., главным источником для выяснения истории крымскотатарского литературного языка за период с XV в. по XVIII в. должны считаться официальные документы, выходящие из ханской канцелярии и, в частности официальная международная переписка. Объясняет он это «крайней бедностью крымскотатарской художественной литературы» указанного периода, видимо, подразумевая этим небольшое количество прозаических произведений [6, 189]. Период использования османского языка в качестве языка официальной письменности в Крымском ханстве приходится приблизительно на 1550 – 1783 годы. Этот язык был внедрен в Крыму как язык официальных бумаг государства секретарями (кятибами), прибывшими на полуостров вместе с ханом Саадет Гераем [2, 111]. Однако необходимо отметить, что многие поэты и религиозные деятели (улемы) Крыма, например, Мевляна Сеид Ахмед бин Абдуллах, писал свои произведения на османском языке еще до периода правления хана Саадет Герая. Склонность образованной крымской элиты к анатолийскому (Анадолу) языку была, судя по всему, результатом распада Золотой Орды и расшатыванием основ чагатайского языка.

Язык хроники «Тарих-и Ислам Герай хан» относится к периоду классического османского или же среднеосманского языка (XVI – первая половина XVIII в.). Это время называется «золотым веком» османской литературы и характеризуется максимальным отрывом письменно-литературного языка от народно-разговорного.

Фонетические особенности, отличающие османский язык от современного крымскотатарского языка: k- > g-: «gün», «göçüb», «gözlerine», «gibi»; b- > v-: virmek; e- > i-: «dimek», «itmek»; t- > d-: «iderler», «iderek»; i- > ü-: «bellü»; ñ- > ğ-: «değiştirüb».

Рассмотрим грамматические особенности османского языка на примере хроники «Тарих-и Ислам Герай хан».

Характерна схема образования словосочетаний «имя существительное + имя прилагательное»: «*Feth-i celil*» (великая победа), «*qanun-ı qadim*» (древний закон), «*ruz-ı firuz*» (счастливы день), «*murad-ı şerif*» (священная цель), «*otağ-ı hümayun*» (ханский шатер).

Форма родительного падежа (*sahiplik kelişi*) имен существительных (*isimler*) образуется присоединением суффикса –*nîñ*, –*nîñ* к корню слова, оканчивающемуся на согласный звук: «*şevvalin*» (месяца шевваля), «*ihsannın*» (милости), «*memalik-i Qırımın*» (страны Крым), «*mah-ı rebî'ulâhirin*» (месяца реби-уль-ахир), «*mah-ı mezburun*» (того же месяца), «*miqdarının*» (количества); «*Leh keferesinin*» (ляхов), «*vilâyetinin*» (области).

Форма дательного падежа (*doğrultuv kelişi*) имен существительных образуется присоединением суффиксов –*ya*, –*ye* к корню слова, оканчивающемуся на гласный звук, и суффиксов –*a*, –*e* – если слово, оканчивается на согласный звук: «*Suya*» («*atları suya urmaq*»), «*ülkeye*», «*yere*», «*altuna*», «*şaha*», «*bir qola*», «*behişt-araya*», «*qaryeye*», «*geriye*», «*size*», «*hümayuna*», «*etrafa*», «*canibe*», «*cevaba*», «*ta sabaha*».

Форма винительного падежа (*tüşüm kelişi*) образуется присоединением суффиксов – *u*, – *u* (в зависимости от губности, негубности) к основе слова, оканчивающейся на гласный звук, а также суффиксов *in* / –*in*, –*un* / *ün* после согласных звуков, –*i*, –*i(ni)* – после суффиксов притяжательности: «*Suyu*», «*sahrayı*», «*vükelâyı*», «*davayı*», «*deryayı*», «*vaqa'yı*», «*hediyeyi*», «*hazineyi*», «*bir nicelerin*» (нескольких), «*qılıçın*» (саблю), «*menfurlarını*» (полки), «*memleketinizi*» (вашу страну), «*cevabın*» (ответ).

При образовании формы предложного падежа (*yer kelişi*) к корню слова присоединяются окончания –*da*, / – *de* вне зависимости от того, на какой звук оканчивается основа слова: «*saatde*» (в часу), «*ol mahalde*» (в то время), «*qal'âda*» (в крепости), «*sahrada*» (в степи), «*qurbunda*» (вблизи).

Исходный падеж (*çıqış kelişi*) образуется при помощи суффиксов – *dan*, – *den*. Стоит отметить, что эти суффиксы прибавляются к именам существительным, корни которых оканчиваются глухими согласными (в отличие от современного крымскотатарского языка, где в этих случаях прибавляются суффиксы –*tan*, – *ten*): «*ateşden*», «*tarafdan*», «*memleketden*», «*cümle etrafdan*».

Форма множественного числа (*çoqluq şekli*) имен существительных образуется несколькими способами: присоединением суффиксов –*lar*, – *ler* («*meclisler*» “собрания”, «*qoyunlar*» “овцы”, «*saflar*» “ряды”); в заимствованных лексемах – изменением корня слова («*asker – asakir*» “воины”, «*emir – umera*» “эмиры”, «*hediyе – hedaya*» “подарки”, «*menzil – menazil*» “остановки”, «*merhale – merahil*» “привалы”, «*ğanimet – ğanaim*» “трофеи”, «*memleket – memalik*» “страны”); присоединением суффикса –*at* («*kelimat*», «*teklifat*»).

Отрицательная частица *bi-* в именах прилагательных: «*bi-nazir*» (бесподобный), «*bi-şümarı*», «*bi-nihaye*», «*bi-haber*», «*bi-qusur*».

Имена числительные (*sayılar*): порядковые (*sıra sayılar*) – *inci*, –*ıncı*, *uncu* («*on doquzuncu*»), – *üncü* («*üçüncü*»); дольные (*pay sayılar*) – «*yüzer u beş yüzer u biner altın*», «*ikişer u üçer yüz şehri u qale*».

Местоимения (zamirler): личные – «biz», «anlar», указательные – «ol», «bu», «böyle», «işbu», «şöyle», «orada», определительные – «cümle», «bilcümle», «cemian», неопределенные – «sair», «nice», притяжательные – «kendileri».

Модальные (вводные) слова (modal sözler, giriş sözler): «Hasıl-ı kelâm» (словом); «el-qıssa» (словом); «el-hasıl» (в общем); «hülâsa-ı kelâm», «netice-i kelâm» (короче говоря); «bundan aqdem» (до этого вкратце было сказано); «muqaddema icmale beyân olunmuşdur» (до этого уже вкратце было сказано); «el-haleti hazihi» (таким образом, после этого), «ba'dehu / ba'de zalik» (после этого), «ve'l-hasıl» (короче говоря), «evvelâ» (во-первых).

Прошедшие формы глаголов образуются при помощи суффиксов –dı и –miş: «buyurdular», «qalmış iken», «Aqmescidde qışlamış».

Деепричастие (alfiil) образуется присоединением суффиксов –dig / -dig («viregeldiginden», «qabul itdiginizden», «itdigimizde»), -dik («getirdikde»), -dığ, -dıq («gönül bağladıqdan sonra»), -duq («olduqda», «perişan olduqları»), -madan («vusul bulmadan»), -meden, -raq («beş gün oturaq»), -erek («garet iderek»), -üb («yetişdirüb»), -yüb («göz açdırmayub»)

Союзы (bağlayıcılar): соединительные (qoşuvcı): ve («yüye ve içe»), vü («qona vü göçe»), u («tavar u qoyunları», «devlet u saadet», «qılıç u qaftan ulema vü suleha», «hakır u faqır, sağ u soldan»), противительные («amma», «lâkin», «velâkin»), подчинительные (ki).

Послелогои (munasebetçiler): berü («Ademden беру, zamanından berü»).

Образование наречий при помощи суффикса –en: «müstaqlen».

Предлог be, который требует два одинаковых слова и дефисы: «Merhale-be-merhale» (привал за привалом), «menzil-be-menzil» (от стоянки к стоянке), «taraf-be-taraf» (во все стороны).

Образование имен существительных и прилагательных при помощи суффиксов -dar, -gâh, -şor, -baz: «hazinedar» (казначей); «serdar» (военачальник), «namdar» (знаменитый), «haberdar» (осведомленный), «destgâh» (порог), «taht-gâh», «menzilgâh», «silâhşor», «hile-baz».

Составные имена существительные: «çabulbaşu», «binbaşu», «qapuquullar», «tüfenk-endaz», «şehzade», «civanbaht», «düşman-suz», «dost-nevaz», «kâr-güzar», «ahidname», «zafer-penah», «devlet-mend».

Лексический состав хроники можно разделить на три пласта: 1) религиозные термины; 2) военные термины; 3) государственные термины. Такое деление определено жанровой спецификой и тематикой хроники.

Значительную часть лексики хроники «Тарих-и Ислам Герай хан» составляют религиозные термины. С распространением ислама в среде тюркоязычного населения Крыма вместе с мусульманской культурой на полуострове появляется множество арабизмов [5, 46]. Арабские заимствования проникают посредством арабского письма, религиозных книг и благодаря деятельности духовных учебных заведений (медресе) [4, 106]. Позже, тесные культурные связи Крымского ханства с Османской империей, продолжили интенсивное развитие религиозной жизни Крыма. Термины, связанные с мусульманским вероучением стали важной частью этой жизни. В них отражались мировоззрение, моральные нормы, предписания и типы поведения,

культовые действия и обряды. Религия была неотделимой частью государства и общества. В тексте хроники «Тарих-и Ислам Герай хан» религиозная лексика представлена названиями месяцев, духовных деятелей, сооружений, видов поклонений (молитв), терминами из Корана, несколькими хадисами, выражениями прославления имени Аллаха.

Религиозные термины: «день страшного суда» – «*ruz-i mahşer*»; «высокий смысл хадиса “Вырванный яму для других попадет в нее сам”» – «*hadis-i şerif «Men hafera bi'ren li ehîhi vaqa'a fihi münkeyuven*»; «Всевышний» – «*Mevlâ*»; «раби-уль-ахир» – «*rebi'ulâhir*»; «халифат» – «*hilâfet*»; «молитвы и славословия» – «*du'alar u senalar*»; «суры Фатх, Наср и Ихлас» – «*Sure-i Feth u Nasr ile İhlâs-ı Şerif*»; «исполнение хаджет намаза в два рекята» – «*iki rekât hacet namazı eda*»; «улемы и праведники» – «*ulema u suleha*»; «пятница» – «*Cuma*»; «обеденная молитва» – «*salâtu'z-zuhr*»; «исламские газии» – «*gaziyan-ı İslâm*»; «текбир» – «*tekbir*»; «следование шарияту» – «*ta'zim-i şer*»; «по проведению Бога вечного» – «*bi-hikmet-i Huda-yı lâ Yezâl*»; «Всевышний» – «*Haqq Te'alâ*»; «благословенный месяц Рамазан» – «*mah-ı Ramazanu'l-mübarek*»; «хафизы» (люди, знающие наизусть Коран) – «*hafiz-i Kelâmmullâh*»; «имам» – «*ımat*»; «кадий» – «*qadı*»; «ночь предопределения» – «*Qadr gecesi*»; «день светопредставления» – «*ruz-i haşr*»; «слава Аллаху Всевышнему» – «*Elhadulillâhi Te'alâ*»; «шехид» – «*şehid*»; «священный хадис “Кто начнет строительство в четверг, обязательно дело завершит”» – «*hadis-i şerif “Ma men bedee fi yevmi'l-erba'a-i illâ ve kad temme”*»; «святая мечеть» – «*cami-i şerif*».

Поскольку хроника «Тарих-и Ислам Герай хан» посвящена теме войны, то военная терминология занимает большую часть текста произведения. Круг понятий, охватывающих вопросы военного дела, выполняют важную роль по формированию общей картины содержания хроники. Мехмед Сенаи передает читателю описание жизни специфической социальной группы, в частности военнотружущих, при помощи языка данной группы: виды оружия и снаряжения, осадная техника, рода войск, должности, звания, сооружения, военная география (привалы и остановки).

Военные термины: «сераскер и сердар» – «*serasker ve serdar*»; «великий поход» – «*ğaza-ı ekber*»; «привал за привалом» – «*merhale-be-merhale*»; «джизье» – «*cizye*»; «отважный воитель» – «*dilir u cihangir*»; «доблестная победа» – «*fütuhât-ı celile*»; «бесчисленные трофеи» – «*ğanaim-i bi-şumar*»; «пушки и другие орудия войны» – «*tob u tüfenk u alât-ı ceng*»; «обоз» – «*bar u bengâhi*»; «победоносное знамя» – «*mansuru'l-liva*»; «мухафиз Азака» – «*muhafiz-ı Azaq*»; «победоносные хосревовы знамена» – «*rabat-ı feth-ayatu hüsrevani vü a'lâm-ı zafer-encam*»; «формировались полки» – «*üstüvar aylâr bağlanub*»; «второй привал» – «*ikinci menzil*»; «привал» – «*qonaq*»; «глава передового войска» – «*muqqademetu'l-ceyş*»; «передовой полк» – «*ileri gelen tabur*»; «завоевательские знамена» – «*rayat-ı feth-ayât-ı*»; «метающие огонь стрелки» – «*tüfenk-endaz-ı ateşin 'uhuvv-birle*»; «мирлива» – «*mirliva*»; «переправа» – «*ta'ber*»; «извергающие пламя орудия и ружья» – «*ateş-baz u tüfenk-endaz u silâhşor-ı şu'bde-baz*»; «конник» – «*atlı*»; «чапулбашы, начальник рейдового отряда» – «*çapulbaşı yani serdar*»; «тысячник» – «*binbaşı*»; «род воинов секбан, то есть воинов, стреляющих из ружей» – «*taife-i sekban yani tüfenk-endaz qulları*»; «провизия» – «*erzaq*»; «пленный» – «*tutsaq*»; «хумс» – «*hums-i ğanaim*»;

«такие виды боевого оружия, как сабли, и стрелы, и кольчуги, и латы, и шлемы» – «*şemşir u tir u cebe vü cevşen u miğfer u tevsen misillü esbab-ı ceng*»; «штурмовать» – «*hücum itmek*»; «форты» – «*palanga*»; «цитадель» – «*iç qalesi*»; «савга» (подарки) – «*soga*»; «осадные пушки» – «*qale-küb tob*»; «ёл агасы» – «*yol ağası*»; «амбразуры и бастионы» – «*hisar-pençeler u tabyalar u muhkem quleler*»; «пушки-зарбузан» – «*darbzenler*»; «пехота» – «*piyâde*»; «полевые бастионы и вышки» – «*qulleler u tabyalar*»; «фураж и провиант» – «*zahire vü zevadeler*»; «сеймены и стрелки из ружей» – «*sekban u tüfenk-endaz*»; «санджак и полк» – «*sancaq vü alayı*»; «парламентеры» – «*elçiler*».

Еще один пласт лексики в «Тарих-и Ислам Герай хан» составляет терминология, связанная с государственностью. В своей книге «Золотая эпоха Крымского ханства» историк и публицист Г. Абдуллаева пишет о том, что государственное и административное устройство Крымского ханства имело ряд схожих черт и названий с соответствующими структурами в Османской империи. Далее автор продолжает: «Но это вовсе не означало, что они были одинаковыми по своему содержанию. Ханство обладало присущими только этой стране государственным аппаратом и административно-территориальной организацией, оформленном в законодательном своде законов» [8, 26]. Терминология о государственном устройстве и управлении в хронике «Тарих-и Ислам Герай хан» включает в себя виды различных должностей, служителей ханского двора, членов дивана (совета), собраний, церемоний, название мест государственного значения, символы государственной власти и т. д.

Термины государственного устройства и управления: «капуджыбашы» – «*qarapıbaşı*»; «эмиры» – «*umera*»; «отряд кавалерийского корпуса, называемый капыкулу» – «*qarıpulları tabir olunır sipah taifesi*»; «корпус сипахи» – «*taife-i sipah*»; «нуреддин султан» – «*Nureddin Sultan*»; «шахзаде» – «*şehzade*»; «хазрет падишах» – «*hazret-i padişah*»; «церемониал выражения покорности» – «*merasim-i ubudiyyeti eda*»; «по обычаям Чингизовым» – «*merasim-i celile Çengiz Hanı üzere*»; «шах» – «*hüsrevan*»; «комендат крепости» – «*muhafaza-i serhadd*»; «послы» – «*elçiler*»; «комендант крепости Ферахкерман» – «*Ferah-Kerman muhafazasında olan serasker u serdar*»; «визирь и служащие» – «*vüzerâ u vükelâ*»; «калгай султан» – «*Qalğay Sultan*»; «хумаюн» – «*hümayün*»; «приказ» – «*ferman*»; «совещание» – «*müşavere*»; «согласно древних Чингизовых правил» – «*qanun-ı qadim-i Çengiziz üzere*»; «династия» – «*sülâle*»; «король» – «*qral*»; «трон» – «*taht*»; «высокий хосревов порог» – «*atabe-i aliyye-i hüsrevani*»; «казначей и ключник казны» – «*hazine-i amirlerine vekil u miftahdar*»; «расходы» – «*harçlıq*»; «постаджы, то есть вестник и квартирмейстер» – «*postacı yani mübeşşer u müjdecî qulları*»; «дать приказ» – «*buyurmaq*»; «паша» – «*paşa*»; «великий визирь» – «*vezir-i 'azam*»; «староста привратников» – «*qarapıcılar kethüdası*»; «диван» – «*divan*»; «беги (беи)» – «*beğleri*»; «высочайший приказ» – «*emr-i şerif*»; «хазрет хункяр» (турецкий султан) – «*Hünkâr hazretleri*»; «карачеи» – «*qaraçı*»; «султан» – «*sultan*»; «чиновник по внешним делам» – «*kâr-güzar*»; «султанский шатер» – «*otağ-ı sultaniye*»; «султанский бунчук» – «*tuğ-ı pür-fürüğ-ı sultanı*»; «столица» – «*saltanat-ı 'aliyyeleri*»; «дворец» – «*saray*»; «казна» – «*hazine*»; «полномочные представители» – «*vükâlâ-yı devlet*»; «казначей» –

«*hazinedar-başı*»; «эмиры, сановники и руководители государства» – «*umera-i 'izam u kübera-уl fehem u erkân-ı devlet*».

В тексте хроники также имеются иностранные названия титулованных и должностных лиц: «*qiral*» – «король», «*qansler*» – «канцлер», «*palkovnik*» – «полковник» [5, 42].

Хроника «Тарих-и Ислам Герай хан» принадлежит к разряду произведений стиля монументального искусства. Данный стиль, характеризуется, прежде всего, стремлением рассматривать предмет изображения с больших дистанций: пространственных, временных, иерархических. В пределах этого стиля все наиболее значимое и красивое представляется большим, монументальным, величественным. Широкий размах хроники обусловил ее монументальность, многоплановость в построении сюжета, введение большого количества действующих лиц. Он потребовал новых средств художественного воплощения материала, особой формы повествования, где наряду с прозой используется и поэзия. Символичность и монументальность в образе хана Ислам Герая органично вплетаются в героический план художественной системы хроники «Тарих-и Ислам Герай хан». Характерной особенностью произведения является использование исламской символики. С помощью исламских образов Мехмед Сенаи выражает какую-либо нравственную идею: добро, справедливость, милость и т. д.

Лексика почтительности в хронике «Тарих-и Ислам Герай хан» встречается часто в тексте произведения. Почтительное отношение к хану и другим высшим государственным лицам выражается словами «*hazret*», «*hazretleri*»: «*hazret-i Padişah*»; «*hazret-i sahib-qıran*»; «*Sefer Ğazi Ağa hazretleri*»; «*Qırım Geray Sultan hazretleri*»; «*Ğazi Geray Sultan hazretleri*». Применительно к хану Ислам Гераю Сенаи использует такие традиционные для османских правителей термины, как *hümayun* “хумаюн” (буквально «счастливый», от названия птицы Хума) и *sahibqıran* “сахибкиран” (счастливый, великий создатель). Эти слова применялись в целях этикета. Автор пишет о государственных деятелях во множественном числе: «*memalik-i mansureleri*» [3, 192] – «Их всепобеждающая страна» [1, 31]; «*birader-i ekremleri Qalğay Sultan*» [3, 193] – «Их благородный брат калгай султан» [1, 32].

Важной стилистической чертой хроники являются поэтические вставки (то есть стихотворения), которые используются автором для большей выразительности описываемых событий.

«*Du leşker-i nevkim ki kuh-i Kaf*
Residend der-cilvegâh-ı musaf.» [3, 204].

«Два войска, как две горы Каф,
Сошлись на поле битвы...» [1, 46].

Кроме этого, рифмованная речь также выражает и эмоциональное восприятие автором событий и своё личное отношение к ним:

«*Mümkün müdür ki nice tuta bebr ile gazal*
Qabil midir ki ceng ide şir ile gazal» [3, 188].

«Возможно ль...

Возможно ль, чтоб сразились лев и газель» [1, 25].

В тексте сочинения Мехмеда Сенаи встречается большое количество семантических средств изображения: метафора («*tir-i duaları hedef-i icabete qarın olduđu*» [3, 193] – «стрелы их молитвословий попали в предполагаемую мишень» [1, 32]); метонимия («*qılıçları keskin olub*» [3, 176] – «мечи обрели остроту» [1, 9]); эпитет («*bir esad saatde*» [3, 197] – «в счастливом часу» [1, 38]); гипербола («*galgal-ı tekbir be-gerdun resid*» [3, 189] – «звуки текбира дошли до небес» [1, 26], «*şah-ı hurşid-baht u encüm-gulâm*» [3, 195] – «шах, счастье которого высоко как солнце и звезды» [1, 33]); литота («*bu hakim u faqır*» «сей бедный и презренный»: автор так пишет о себе); перифраз («*Asitan-i Saadet*» [3, 182] – «Порог счастья, Стамбул» [1, 16]).

В тексте хроники встречаются метафорические антономазии, то есть употребление имени исторического, литературного, или же мифологического персонажа, характерные черты которого находят сходство с ханом Ислам Гераем: «*İskender-devran*» [3, 62] – «Искандер наших дней» [1, 214].

Построение предложений в «Тарих-и Ислам Герай» также представлено широко разнообразными стилистическими фигурами: перечисление («*evvelâ mirliva-i Şirin u saniyen mirliva-ı Mankgut u salisen mirliva-i Sicuvit ve rabi'an mirliva-ı Arğın*» [3, 175] – «сначала бек Ширинский, вторым бек Мангитский, третьим бек Седжевитский, четвертым бек Аргинский» [1, 7]); повторение («Слава Аллаху, и снова слава, и снова слава!» [1, 189] – «*Fe-hamden sümme hamden sümme hamden!*» [3, 26]); антитезис («*düşman-süz u dost-nüvaz*» [3, 180] – «гроза врагов и покровитель друзей» [1, 15]); градация, то есть последовательность в переходе от одного к другому («*kurra-i basira-ı saltanat u garra-ı nasiye-i saadet qutb-ı felek-i bahtiyarı maerkez-i daire-i cihandarı*» [3, 174] – «зрячее око султана, белая отметина на челе счастья, полюс блаженного небосвода, центр вселенского круга» [1, 7]); полисиндетон или многосоюзие («*Kalanevski vü Cinuviski vü Balbaneski vü Orobelski vü Balbanevski vü Safiya vü Komsar*» [3, 189] – «Калановского, и Чиновеского, и Орбольского, и Балбаневского, и комиссаров» [1, 26]); вставные предложения («*andan nehr-i azim Özi ki evayil-i kitabda vasf olunmuşdur*» [3, 201] – «у берега реки Озю –, а описание этой реки дано в начале книги» [с. 43]; вводные слова («*evvelâ*» [3, 215] – «во-первых» [1, 63]).

Индивидуальный стиль Мехмеда Сенаи в хронике «Тарих-и Ислам Герай хан» выражен в его специфической, несвойственной другим крымским авторам манере изложения событий. Большая насыщенность произведения различными образами, создающими эмоционально окрашенную картину событий произведения и направленными на хорошую воспринимаемость читателем текста хроники, придаёт сочинению «высокий» стиль. На страницах хроники звучит как героический, так и патристический пафос. На индивидуальном стиле автора также заметно сказало его знакомство с классическими произведениями мировой литературы («Шахнаме» Фирдоуси, поэзия Джеври Челеби), а также кругозор автора (знание хадисов, изречений из Корана, исторических событий, географии местностей и т. д.).

Выводы. Лингвостилистические особенности хроники «Тарих-и Ислам Герай хан» подтверждают тот факт, что данное произведение является не только памятником литературы, но и памятником языка. Опыт работы Мехмеда Сенаи в ханской канцелярии, несомненно, сыграл важную роль в написании хроники. Преобладающи-

ми в лексике всего произведения являются три тематические группы: религиозные термины, военные термины, а также термины государственного устройства и управления. Основой для такого деления послужила тематическая и идейная направленность хроники. Арабские и персидские заимствования, а также грамматические формы слов в «Тарих-и Ислам Герай хан» – это явные признаки, характерные для османского языка. Именно этот язык был языком официального делопроизводства и художественной литературы. Немаловажный интерес для исследователей представляет стилистика произведения. «Тарих-и Ислам Герай хан» написан в стиле монументального искусства. В своей хронике Мехмед Сенаи проявил индивидуальный авторский стиль, отличающий «Тарих-и Ислам Герай хан» от других произведений.

Литература:

1. Усеинов. К. Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов. История хана Ислам Гирая Третьего / под ред. К. Усеинова. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство. – 1998. – 72 с.
2. Къоньурат (Усеинов). К. Къырымтатар язы тилининъ тарихындан / К. Къоньурат (Усеинов) // Ыылдыз. – 2003. – № 4. – С. 106 – 119.
3. Туранли Ф. Г. Літописні твори М. Сенаї та Г. Султана як історичні джерела / Ф. Г. Туранли. – Київ. – 2000. – 311 с.
4. Меметов А. Земаневий кырымтатар тили / А. Меметов. – Симферополь: Къырым девлет окъув педагогика нешрияти. – 2006. – 320 с.
5. Меметов А. Крымские татары (историко-лингвистический очерк) / А. Меметов. – Симферополь: «Анаюрт». – 1993. – с. 53.
6. Самойлович А. Н. Избранные труды о Крыме / А. Н. Самойлович. – Симферополь: «ДОЛЯ». – 2000. – с. 293.
7. Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV-XIX вв / И. В. Зайцев. – Москва. : Вост. лит. – 2009. – 304 с.
8. Абдуллаева Г. А. Золотая эпоха Крымского ханства: очерки / Г. А. Абдуллаева. – Симферополь: КРП «Изд-во “Крымучпедгиз”». – 2012. – 216 с.

Абдуземілев Р. Р. Лінгвостилістичні особливості хроніки «Таріх-і Іслам Герай хан» / Р. Р. Абдуземілев // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 85–94.

У статті «Лінгвостилістичні особливості хроніки “Таріх-і Іслам Герай хан”» розглядаються питання мови та стилю твору Мехмеда Сенаї. Дослідник зазначає на мову хроніки та її функцію в Кримському ханстві, надає характеристику граматичних особливостей мови твору, виділяє тематичні групи в лексиці твору, визначає специфіку стилістики хроніки. Автором запропонован поділ ключової лексики твору на три тематичні групи. Результати дослідження важливі для комплексного вивчення хроніки М. Сенаї.

Ключові слова: хроніка, мова, граматичні особливості, лексика, стиль.

Abduzhemilev R. R. The Linguostylistic Peculiarities of the Chronicle «Tarih-i İslam Geray Khan» / R. R. Abduzhemilev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 85–94.

In the article «The Linguostylistic Peculiarities of the Chronicle “Tarih-i İslam Geray Khan”» the matters for consideration are the language and the style of Mehmed Senai’s work. The researcher points to the language of the Chronicle and its function in the Crimean Khanate, gives the description of the grammatical features of the work’s language, distinguishes thematic groups in the vocabulary of the work, determines the specificity of the Chronicle’s style. The author suggests the key division of the work’s lexicon into three thematic groups: religious terms, military terms and the terms of the government. Such division is based upon the specific character of the genre and the thematic content of the Chronicle. The religious terminology is repre-

sented by the names of months, clergy, forms of worship, the terms from Qur'an, expressions glorifying the name of Allah. As for the military terminology, the author gives the names of the weapon and equipment, siege equipment, kinds of troops, posts, ranges, constructions, and military geography. The terminology about the state system includes the names of different types of posts, servants of the khan's court, members of the divan (the council), ceremonies, places of national importance, symbols of state power, etc. Speaking about the style of the Chronicle the researcher remarks that the work is written in the style of monumental art. The Linguostylistic peculiarities of the Chronicle «Tarih-i İslam Geray Khan» confirm the fact that that this work is the monument both of the literature and the language. The results of the research are important for a comprehensive study of M. Senai's Chronicle.

Key words: the Chronicle, the language, grammatical peculiarities, vocabulary, the style.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 145'367. 626. 1/3

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Чанталова Г. Ш.

*ТНУ имени В. И. Вернадского
E-mail: gulnara_arifova@mail.ru*

Изучению местоимений в тюркских языках посвящен ряд работ и научных исследований А. Меметов А. Н. Самойлович, Э. В. Севортян, В. Котвич, Э. Г. Азербайев, Ф. Г. Исхаков. В частности, в крымскотатарском языкознании изучением этой проблемы занимались такие ученые-тюркологи как А. Меметов, А. Н. Самойлович, Э. В. Севортян. В славистике проблемой местоимений занимались лингвисты Е. Н. Сидоренко, Л. А. Лозовая и др. Результаты исследования позволяют более отчетливо представить условия употребления личных местоимений. Теоретическое и практическое значение работы заключается в возможности использования результатов в преподавании и изучении крымскотатарского языка. Целью и задачей является обозначение и анализ употребления личных местоимений в крымскотатарском языке. В данной работе мы ограничимся анализом основных семантических особенностей личных местоимений. Итогом данного исследования являются обозначенные нами условия употребления личных местоимений в крымскотатарском языке. Представленный материал может представлять интерес для преподавателей, студентов, а также быть использованным при составлении пособий по изучению крымскотатарского языка.

Ключевые слова: местоимение, личные местоимения, семантика, разряд.

Постановка проблемы. Местоимения издавна привлекают внимание лингвистов. В современной лингвистике решаются вопросы происхождения местоимений, выясняются их семантические и морфологические особенности. Изучению местоимений в тюркских языках посвящен ряд работ и научных исследований [1; 2; 3; 4; 5; 6]. В частности, в крымскотатарском языкознании изучением этой проблемы занимались такие ученые-тюркологи как А. Меметов, К. Мусаев, А. Н. Самойлович, Э. В. Севортян, [1; 4; 6]. В славистике проблемой местоимений занимались лингвисты Е. Н. Сидоренко, Л. А. Лозовая [7; 8]. **Результаты исследования** позволяют более отчетливо представить употребление личных местоимений. В последнее время возрос интерес к изучению крымскотатарского языка, таким образом, **теоретическое и практическое значение** работы заключается в возможности использования результатов в преподавании и изучении крымскотатарского языка не только студентами крымскотатарской и восточной филологии, но и всеми желающими. Основной **целью и задачей** является обозначение и анализ употребления личных местоимений в крымскотатарском языке.

Местоимение в крымскотатарском языке по своей семантике и формальным признакам, а также выполняемым ими синтаксическим функциям бесспорно относится к числу именных частей речи имя существительное, имя прилагательное, имя числительное. Местоимение отличается от этих имён по своему значению. Местоимение не

выражает конкретного предметного значения или понятие признака конкретного действия, а представляет обобщённое значение какой-либо именной части речи [1, 149], т. е. сам термин «местоимение» – обозначает такую часть речи, которая занимает место имени, употребляется вместо имени [9, 3]. Существительное обозначает, называет определённый предмет, прилагательное – какое-либо определённое качество, признак предмета, числительное – определённое количество предметов. Так существительное *инсан*, *табиат*, *севги* называют разные, отличающиеся от других предметы; прилагательные *аджджы*, *ачувлы*, *парлакь* называют различные, отличающиеся от других признаки предметов; числительные – *беи*, *йигирми еди*, *бинь* определённое количество предметов. Местоимения же не называют самих предметов или каких-либо присутствующих предметам качеств, каких-либо определённых количеств. Местоимения только лишь указывают на них, так что своё конкретное значение получают в контексте или в связи с говорящим лицом. Семантической особенностью местоимения является то, что оно выступает в качестве смысловой замены слов, относящихся к другим четырём частям речи, и принимает их формы: именам существительным, именам прилагательным, именам числительным и наречиям [1, 149].

Каждый семантический разряд местоимений имеет свои особенности. В данной работе мы ограничимся анализом основных семантических особенностей личных местоимений.

Личные местоимения *мен*, *сен*, *биз*, *сиз* указывают на лицо и замещают имена существительные. Например: *Мен кьайдам я? Кьырымгъа кирдикми? – деп сорады Мензад. – Сен Акъмесджитте лазаареттесинь – деди эмишре, – раатсыз олма!* (Б. эз.) местоимение *о*, указывающее не только на лицо, но и на предмет обычно замещает существительное, которое уже было приведено: *Амет, Исмаилни анълады. О, кимнен иши корьгенини артыкъ бильди* (Б. эз.) в некоторых случаях, наоборот, местоимение может иметь значение существительного. Например, в религиозно-философских текстах местоимения *О*, *Биз*, заменяют существительное Бог: *Тирильткен де, ольдюрген де Одыр* (Сура 40, аят 68) *О догъурмагъандыр ве догъмагъандыр* (Сура 112, аят 3) сеитумер Эмин местоимениями *Онъа* и *о* в первых строках вступления к книге Ш. Алядина «Сайлама эсерлер» называет самого автора Шамиля Алядина: *Мен кириши сёзюни, СОНЪ СЁЗДЕН башлайым.. Эвеля Онъа олгъан сайгъы ве севгим ичюн. О, севимли, баба-деде коюни сонъки кере, 1995 сенеси январьда зиярет этти* (Ш. А. 5).

Местоимение *биз*, собственно не является множественным числом к местоимению *мен*: *биз* обозначает не многих «мен», а «мен башкъаларнен берабер»: *О вакъытта мен ве аман-аман бутюн сафджы аскерлер пек яш эдик – мен он докъуз яшында эдим. Биз командирлеримизнинь бутюн эмирлерини намуснен эда эте эдик...* (У. Э. 139) местоимение *биз* может употребляться и в значении *мен*. Нередко автор очерка или статьи имея в виду только себя, пишет, например, так: *Шубесиз, биз буны коммунист режимининь халкъымызгъа кьаршы япкъан арекетинде коремиз* (Къ.). Это так называемое «авторское мы». Нормативным является в настоящее время использование мы в значении *мен* в научной речи: *Интервьюни биз, муреккеп нутукъ жанрына ляйыкъ олгъан, коммуникатив вакъианынъ хусусий бир чешити оларакъ тедкъыкъ этемиз* (КНП) в современной художественной литературе и публицистике оно играет экспрессивно-стилистическую роль: придает повество-

ванию книжный, иногда даже архаичный характер и в конечном итоге делает образ рассказчика условным, несколько "размытым".

Местоимение **сиз** может употребляться в качестве вежливого обращения к одному лицу, не очень близкому, или старшему вместо «сен». Правила употребления личных местоимений (ты и вы) определяются речевым этикетом. Например: *Сиз Аллагъа шукюрлер этинъиз, къадын олгъанынъыз ичюн, бир белядан къуртулдынъыз...* (У. Э.) в деловых бумагах, в письмах, где требуется подчеркнуть особо почтительный или официальный тон обращения, такое «Сиз» пишется с прописной буквы. Например, в религиозно-философских текстах местоимения, заменяющие слова Бог пишутся с прописной буквы. Также с прописной буквы не в начале предложения местоимения могут быть написаны в тех контекстах, где им придается особый высокий смысл. Сеитумер Эмин в своём вступлении к книге Ш. Алядина «Сайлама эсерлер» использует местоимение **Онъа** с прописной буквы, которое традиционно не используется в этой форме, тем самым показывая своё уважение и любовь к Шамилю Алядину: *Эвеля Онъа олгъан сайгъы ве севгим ичюн* (Ш. А. 5).

Вместо **мен, сен** при обозначении «**мен биревнен**», «**сен биревнен**» нередко употребляется **биз, сиз**: *Бедредин, балам, бизим анавы чубар тавугъымызны тутып сой. Биз Зухранен оны темизлер, пиширмиз* (А. О.).

Таким образом, **итоном** данного исследования являются обозначенные нами условия употребления личных местоимений в крымскотатарском языке. Представленный материал может представлять интерес для преподавателей, студентов, а также быть использованным при составлении пособий по изучению крымскотатарского языка.

Литература:

1. Меметов А. Крымтатарский язык / А. Меметов. К. Мусаев. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2003. – 288с. – ISBN 966-8025-35-0.
2. Котвич В. Исследования по алтайским языкам / Котвич В. – Москва: Изд. иностранной лит, 1962. – 371с.
3. Азербайев Э. Г. О связи местоимений в японском и тюркских языках / Э. Г. Азербайев // Советская тюркология. – 1985. – №4. – С. 63-74.
4. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». / Э. В. Севортян. – Москва: Наука, 1978. -349с.
5. Исхаков Ф. Г. Местоимение / Ф. Г. Исхаков // «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» – Москва: Нука, 1956.
6. Самойлович А. Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики / Самойлович А. Н. – Петербург, 1916. -104с.
7. Сидоренко Е. Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка / Сидоренко Е. Н. – Киев – Одесса: «Лыбидь», 1990. – 148 с. – ISBN 5-11-002136-8.
8. Лозовая Л. А. Употребление неопределённых местоимений и наречий с частицами –то, –нибудь, –либо, не-, кое- в современном русском языке: автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук: ..... / Лозовая Л. А. – Ростов. ордена Труд. Красн. Знамени гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 1971. – 23с.
9. Никольский Н. Н. Местоимение / Никольский Н. Н. Учебное пособие по русскому языку. Выпуск №7. – Изд-во «Правда», 1946 28 с.

Сокращения:

- Ш. А. – Ш. Алядин Сайлама эсерлер. Къырым девлет окъувпедагогика нешрияты, Симферополь, 1999, 640с. ISBN 966-7283-30-5
- У. Э. – Урие Эдемова Айдын геджеде. Роман. Акъмесджит: «Таврия», – 2005. – 340с. ISBN 966-572-867-9
- А. О. – Айдер Осман. Тутушув. Повестьлер. Икяелер. Т: Эдебият ве санъат нашрияты, 1988. – 399с.
- КЪУР'АН-Ы КЕРИМ. Къырымтатарджа изаатлы терджимеси. Акъмесджит: «Доля» 2006, – 632с. ISBN 966-366-049-Х

Къ. – «Къырым», 2007, 3 март, №18, стр 3, «Ким кимге хайнлик япты, аджеба?»
(КНП) – «Культура народов Причерноморья», 2012, №224, стр. 14
(Б. эз.) – Баарь эзгилери. Татар яздыжларынынъ эдебий эсерлер джыйынтыгы. Тертип эткенлер:
Ш. Алядин, А. Дерменджи, Э. Шемьи-заде. УзССР Девлет нефис эдебият нешрияты. Ташкент, 1957.

Чанталова Г. Ш. Вживання особистих займенників в кримськотатарській мові / Г. Ш. Чанталова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 95–98.

Займенники здавна привертають увагу мовознавців. У сучасній лінгвістиці вирішуються питання походження займенників, з'ясовуються їх семантичні та морфологічні особливості. Вивчення займенників у тюркських мовах присвячено ряд робіт і наукових досліджень А. Меметова, О. М. Самойловича, Е. В. Севортяна, В. Котвича, Е. Г. Азербайєва, Ф. Г. Ісхакова. Зокрема, в кримськотатарському мовознавстві вивченням цієї проблеми займалися такі вчені-тюркологи як А. Меметов, О. М. Самойлович, Е. В. Севортян. У словістическій проблемі займенників займалися лінгвісти Е. Н. Сидоренко, Л. А. Лозова та ін. Результати дослідження дозволяють більш чітко уявити умови вживання особистих займенників. Теоретичне і практичне значення роботи полягає в можливості використання результатів в викладанні та вивченні кримськотатарської мови. Метою і завданням є позначення і аналіз уживання займенників в кримськотатарською мовою. В даній роботі ми обмежимося аналізом основних семантичних особливостей вживання особистих займенників. Підсумком цього дослідження є позначені нами умови вживання особистих займенників в кримськотатарській мові. Матеріал може представляти інтерес для викладачів, студентів, а також бути використана при складанні посібників з вивчення кримськотатарської мови.

Ключові слова: займенник, особисті займенники, семантика, розряд.

Chantalova G. S. The use of personal pronouns in the Crimean Tatar language / G. S. Chantalova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 95–98.

Pronouns which attract attention of linguists IN modern лінгвістическіє questions of the origin of the pronouns, are being established their semantic and morphological features. The study of the pronouns in the Turkic languages devoted to a series of works and scientific research A. Memetov, A. N. Samoilovich, E. V. Sevortyan, I. Kotvich, E. G. Azerbayev, F. G. Iskhakov. In particular, in the Crimean Tatar linguistics study of this problem engaged in such scientists-turkologists A. Memetov, A. N. Samoilovich, E. V. Sevortyan. In Slavic studies of the pronouns were linguists E. N. Sidorenko, L. Lozova, etc. The results of the study allow us to more clearly present conditions of use of personal pronouns. In the past, there has been increased interest in the study of the Crimean Tatar language, thus, theoretical and practical value of work consists in the possibility to use the results of the teaching and study of the Crimean Tatar language is not only the students of the Crimean Tatar and Oriental Philology, but also all interested persons. The main goal and objective is the identification and analysis of the use of personal pronouns in the Crimean Tatar language. The term «pronoun» means such part of the speech, which takes the place of the name, it is used instead of a name. Semantic characteristic of pronouns is that it acts as a semantic replacement of the words belonging to the other four parts of speech, and takes them form: names of the noun, adjective names, names of numerals and dialects. Each of the semantic category of pronouns has its own peculiarities. In this paper we restrict ourselves to the analysis of the basic semantic peculiarities of personal pronouns. The result of this study are designated by the us conditions of use of personal pronouns in the Crimean Tatar language. The material presented may be of interest to teachers, students, and also to be used when compiling books on the study of the Crimean Tatar language.

Key words: singular pronoun, personal pronouns, semantic, group.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 81'373. 21(477. 75)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП КЛАССИФИКАЦИИ МИКРОТОПОНИМОВ КАРАСУВБАЗАРСКОГО РАЙОНА

Абсемиева Л. С.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: gulnara_arifova@mail.ru*

В данной статье проанализированы и сгруппированы все собранные топокомпоненты Карасувбазарского района по лексико-семантическому принципу. Проблемы региональной микротопонимии остаются недостаточно изученными. Детально неразработан ни один регион Крыма, а ведь микротопонимы несут в себе не только ценный языковой материал (в частности диалектный), но и факты исторического характера. Актуальность настоящего исследования заключается в том, чтобы быстрее зафиксировать сохранившиеся географические названия. Материал исследования был собран путём опроса местного крымскотатарского населения проживающего на территории Карасувбазарского района, а также частично извлечён из картографических источников и других печатных изданий. В исследованиях по топонимике Крыма (А. В. Суперанская, Бушаков В. А. и др.) обычно анализируются названия крупных географических объектов или определённого класса. Поэтому ощущается острая нехватка работ, рассматривающих всю совокупность местных географических названий.

Ключевые слова: микротопонимия, микротопоним, антропоним, топокомпонент, микрогидроним, микроойконим, микроороним, регион, семантика.

Постановка проблемы. Каждый народ наряду со своими религиозными традициями, языком, территорией, культурой имеет свою национальную топонимию. Национальная крымскотатарская топонимия – культурное, историческое наследие крымскотатарского народа, в ней отражаются важнейшие этапы его развития.

Написанию данной статьи способствовало изучение научно-теоретических трудов топонимистов [1, 2, 3, 4].

В исследованиях по топонимике Крыма [5, 6], обычно анализируются названия крупных географических объектов, или определённого класса. Поэтому ощущается острая нехватка работ, рассматривающих всю совокупность местных географических названий. Так как каждый уголок Крыма уникален и многолик, важность изучения национальной топонимии обусловлена ещё и тем, что все виды топонимов, а в частности микротопонимы на стадии исчезновения. Проблемы региональной микротопонимии остаются недостаточно изученными. Детально неразработан ни один регион Крыма, а ведь микротопонимы несут в себе не только ценный языковой материал (в частности диалектный), но и факты исторического характера.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, чтобы быстрее зафиксировать сохранившиеся географические названия, так как региональная микротопонимия известна ограниченному числу лиц, которые проживали на данной тер-

ритории. Таким образом, мы должны сберечь языковые ценности для науки, так как нашими респондентами являются люди преклонного возраста. Целью нашего исследования является классификация микропонимов по лексико-семантическому принципу на примере одного региона, в данном случае Карасувбазарского района.

Топоним – слово, и как всякое слово входит в состав лексики языка, так и топонимы, входя в состав топонимики, составляют особый сектор или разряд лексической системы данного языка. В основе системной классификации лексики в целом, а также отдельных его секретов или разделов лежит тематическая классификация слов в зависимости от значения и сферы употребления. Причём в одном случае может быть сделан упор на значение при классификации (например, при этимологических исследованиях), в другом – на сферу употребления (например, при исследовании стилистической функции слова) [7, 52].

Одним из источников возникновения микропонимии являются физико-географические особенности данной территории. Микропонимия – это особая группа топонимических наименований. Согласно СРОТ, микропоним – это собственное имя чаще природного физико-географического объекта, реже – созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого объекта, в том числе микрогидроним, микроойконим, микроороним, микрохороним, названия урочищ, хозяйственных угодий, микросооружений (колодцев, мостов, будок, вышек, зимовий, кордонов, охотничьих домиков и т. д.) микропоним часто находится на грани употребления нарицательного и собственного [8, 14]. Материал исследования был собран путём опроса местного крымскотатарского населения проживающего на территории Карасувбазарского района, а также частично извлечён из картографических источников и других печатных изданий.

В микропонимии Карасувбазарского района широко представлены следующие топокомпоненты.

Ашагы, аша – (низ, нижняя часть), юкьары, тобен якъ, джугъар якъ (верх, верхняя часть), орта, орта-кесек (средний, средняя часть), конделен (поперёк, поперечный), джап (склон), тав этеги (подножие горы), байыр, юксеклик, тобелик (возвышенность), бель (коса, хребет), богъаз (горный проход, перевал, перешеек), бурун/мурын (мыс), ямач (склон, обрыв), ёл/джол (дорога), бурма ёл/джол, айланма, айланчыкъ ёл/джол (извилистая дорога), кестирме ёл/джол (укороченная дорога), сырт (склон, хребет, гребень), учурым/ущурым, яр/джар, тик ер/джер (круча), къале, кермен (крепость), къоба (пещера), къургъан, тёпе/тобе/тобен, мезар обасы (курган), къош, авла, сая (загон), мейдан (площадь), эменлик, эмен орманы, эмен тавы (дубрава), чумлукъ/чумлыкъ/щумлыкъ (место, где произрастает кизил), чылмалыкъ/щылмалыкъ (место, где произрастает слива), фындыкылыкъ/четлевик/щетлевик (место, с насаждениями фундука), алмалыкъ (место, где произрастают яблони), оба (бугор, холм), отар, отлакъ, орюш (выгон), тюзлюк ер/джер, тюз ер/джер (равнина), тав чети, тав бети, орман чети, кенары, тав ягы, джагыасы (опушка), аланлыкъ, алан (отрытое место, поляна, ровная площадка), дере, йылгы/джылгы, ува (овраг, балка, лощина), вадий (долина), тогъай, тогъайлыкъ, чименлик (луг), топракъ (земля, глина), ташлыкъ (каменистое место, камен-

ный карьер), кьумлукъ (песчаное место), кьургъакъ чель (безводная степь), саиль, чет/щег (берег), сазлыкъ, батакълукъ (болотистое место), джайлав (летник), кьышлав(зимник), чайыр/щайыр (луг), чель/щель (поле), баш (голова, начало), тыйнакъ (водоём, пруд), чокъракъ/щокъракъ (источник, родник), сув козю (ключ), суват (водоём), озеннинъ башы (исток реки), голь/куль/коль/ (озеро), денъизнинъ кьулагъы (грот), озеннинъ кьолу (рукав реки), кьюю (колодец), секельтек, алчачыкъ кьырлы ерлер (низкие горные места), чукъур/шукъур (глубокий), багъча (сады), донъгъыйлыкъ, сувнынъ терен ери (глубокое место в озере) и т. д.

Учитывая особенности Крымского региона, проанализировав все собранные топокомпоненты, попытаемся сгруппировать микротопонимы Карасувбазарского района по лексико-семантическому принципу, т. е. объединим слова по семантическому признаку.

1) Названия антропонимического происхождения (т. е. имя владельца данного места, сада, колодца) самую большую группу составляют названия, которые происходят от личных имён, фамилий и прозвищ. Например: населённый пункт Муртаза-Эли, Эннан байнынъ багъчасы (село Баксан), Фезла акъайнынъ багъчасы (село Баксан), Решит акъайнынъ багъчасы (село Аргын), Бек-Мамбет акъайнынъ кьююсы (село Конград), Къыдыр мырзанынъ чокърагъы (село Баксан) и др.

2) Названия этнического (названия племён) происхождения. Для образования микротопонимов данной группы послужили названия племён и родовых групп. Например: Седжевут (населённый пункт Седжевут), Барын (населённый пункт Барын), Аргын (село Аргын), Баксан (село Баксан), Къайнавут къаясы (гора Кайнаут), Ногайлы-Къыр (гора Ногайлы-Кыр) и другие.

3) Названия, отражающие географические особенности рельефа.

а) ландшафт: кьыр (гора), байыр, тёпе/тобе (возвышенность, холм), секельтек, алчачыкъ кьырлы ерлер (низкие горные места), тюзлюк ер (равнина), джап (склон), йылгъа (овраг), батакълукъ (болото) например: Орта-Сырт (хребет Орта-Сырт), Терен-Джылгъа (балка Терен-Джилга), Балабан-Къыр (гора Балабан-Кыр);

б) качество почвы: кьумлукъ (песчаник, песчаное место), ташлыкъ (каменистый карьер, каменное место), балчыкъ/балшыкъ, чамур/щамур (грязь) и другие. Например: Таш-Къора (населённый пункт, овраг Таш-Кора), Комюрлик-Чокъракъ (источник Комюрлик-Чокрак), Кок-Таш (пещера Кок-Таш), Кубрели-Къыр (гора Кубрели-Кыр);

в) названия по растительности: эменлик, эмен орманы, эмен тавы (дубрава), чумлукъ/чумлыкъ/шумлыкъ (место, где произрастает кизил), фындыкълукъ, четлевик оськен ер/джер (место, с насаждениями фундука), алмалыкъ (место, где произрастают яблони) например: Чумлукъ-Бурун (пастбища Чумлук-Бурун), Четлевик-Чокъракъ (овраг Четлевик-Чокрак), Кертмели (лес Кертмели), Эмен-Терек-Аланы (поляна Эмен-Терек-Аланы) и другие;

г) названия животных, птиц и насекомых: кьаргълукъ, бакълукъ, кьуртлукъ. Например: Къара-Къуш (урочище и лес Кара-Куш), Кьуртлукъ (населённый пункт Куртлук), Улакълы-Тав (лес Улакълы-Тав), Эшек-Голь (пастбища Эшек-Голь) и другие;

д) названия частей тела: озеннинь кьолю (рукав реки), баш (голова, начало), бель (коса, хребет), богъаз (горный проход, перевал, перешеек), бурун/мурын (мыс), боюн/моюн (шея), деньзининь кьюлагъы (грот), озеннинь агзы (устье) например: Къарасув-Башы (источник Карасув-Баши), Шареке-Баш (поляна Шареке-Баш), Ор-Башы (поляна Ор-Баши);

е) гидронимические названия: сув (вода), чокъракъ (источник, родник), сув козю (ключ), голь/коль/куль (озеро), озен (река), озеннинь башы (исток реки), учан-сув (водопад) например: Сары-Сув (река Сары-Сув), Когей-Голь (озеро Когей-Голь), Усеин-Аджи-Коль (озеро Усеин-Аджи-Коль), Учь-Алан-Чокъракъ (родник Учь-Алан-Чокрак) и другие;

ж) названия по цвету: къара (чёрный), акъ (белый), сары (жёлтый), кок, мавы (синий, голубой), кызыл (красный).

Акъ-Къая (населённый пункт, плато Ак-Кая), Къара-Джылгъа (овраг Кара-Джилга), Кызыл-Джылга (овраг Кызыл-Джилга), Къарачель (населённый пункт Карачель), Сары-Сув (река Сары-Сув);

з) названия улиц, переулков подразделяются в основном на: ашагъы, ашā – (низ, нижняя часть), юкъары, тобен якъ, джугъар якъ (верх, верхняя часть), орта, орта-кесек (средний, средняя часть) например: Юкъары маалле (улица Юкары), Ашагъы маалле (улица Ашагы), Орта-Кесек мааллеси (улица Орта-Кесек), Джугар якъ мааллеси (улица Джугар як), Сомалтыр мааллеси (улица Сомалтыр), Тобен мааллеси (улица Тобен).

4) Названия, отражающие культурно-историческую деятельность человека. К этой группе относятся микротопонимы, обозначающую хозяйственную, духовную деятельность человека: пастбища, пашни, неприличные названия и прозвища, профессию, названия, отображающие определённые события, кладбища, азиы (места религиозных поклонений, т. е. экклезионимы) например: Чобан-Чокъракъ (родник Чобан-Чокрак), Шайтан-Чокъракъ (источник Шайтан-Чокрак), Джельтирмен (гора Джельтирмен), Мезарлыкъ-Алан (поляна Мезарлык-Алан), Къонърат азиы (места поклонения Конрат).

5) Названия, отражающие общественно-политическую и бытовую деятельность человека. К этой группе относятся незначительное число микротопонимов. Это объясняется тем, что жители населённого пункта жили обособленно, занимались натуральным хозяйством, а общественно-политическая жизнь была не активной, например: Бай-Сув (населённый пункт, поляна, речка Бай-Сув), Байрам-Башы (гора Байрам-Баши), Копюрли-Кой (населённый пункт, лес Копюрли-Кой) и другие.

Выводы и перспектива. В статье кратко изложены основные группы микротопонимов. В ходе дальнейших исследований, количество этих групп можно увеличивать. Классификация по семантическим признакам даёт ценный материал для лингвистики.

Литература:

1. Султаньяев О. А. Топонимика Кокчетавской области: автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. фил. наук / Султаньяев О. А. ; Томский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. В. В. Куйбышева. – Томск, 1969. – 22с.

2. Мурзаев Э. М. География в названиях / Мурзаев Э. М. ; Москва: Наука, 1982. – 176с.

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП КЛАССИФИКАЦИИ
МИКРОТОПОНИМОВ КАРАСУВБАЗАРСКОГО РАЙОНА**

---

3. Молчанова О. Т. Прилагательные семантических полей «Чёрный цвет» и «Белый цвет» в ономастике алтайцев / О. Т. Молчанова // Советская тюркология. – 1985. – №3. – С. 30-41.
4. Саттаров Г. Ф. Этнотопонимы Татарии / Г. Ф. Саттаров // Советская тюркология. – 1980. – №1. – С. 32-47.
5. Суперанская А. В. Топонимика Крыма / Суперанская А. В., Исаева З. Г., Исакова Х. Ф. ; Москва: Московский лицей, 1995. – 215с.
6. Бушаков В. А. Лексичний склад історичної топонімії Криму / Бушаков В. А. ; Київ: Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського, Національна Академія Наук України, 2003. – 226с.
7. Ященко А. И. Лингвистический анализ микротопонимии определённого региона / Ященко А. И. – Вологда: 1977. – 60с.
8. Дрон И. В. Современная гагаузская топонимия и антропонимия / И. В. Дрон, С. Курогло. – Кишинёв: «Штиинца», 1989. – 324с.

Абсемієва Л. С. Лексико-семантичний принцип класифікації мікротопонімів Карасувбазарського району / Л. С. Абсемієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 99–103.

У даній статті проаналізовані і згруповані всі зібрані топокомпоненти Карасувбазарського району за лексико-семантичним принципом. Проблеми регіональної мікротопонімії залишаються недостатньо вивченими. Детально неопрацьован жоден регіон Криму, адже мікротопонімі несуть в собі не тільки цінне мовний матеріал (зокрема діалектний), але і факт історичного характеру. Актуальність даного дослідження полягає в тому, щоб швидше зафіксувати залишені географічні назви. Матеріал дослідження був зібраний шляхом опитування місцевого кримськотатарського населення, яке проживає на території Карасувбазарського району, а також частково витягнутій з картографічних джерел та інших друкованих видань. У дослідженнях з топонімії Криму (А. В. Суперанская, Бушаков В. А. і ін.) зазвичай аналізуються назви великих географічних об'єктів або певного класу. Тому відчувається гостра нестача робіт, що розглядають всю сукупність місцевих географічних назв.

Ключові слова: мікротопонімія, мікротопонім, антропонім, топокомпонент, мікрогідронім, мікрооронім, мікрооронім, регіон, семантика.

Absemieva L. S. Lexico-semantic principle microtoponymic systems Carasuvbazar region / L. S. Absemieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 99–103.

The article presents a complete description of the microtoponymic names of the Carasuvbazar region. Problems of regional microtoponym poorly understood. No detail undeveloped region of Crimea, and in fact microtoponyms carry not only a valuable linguistic material (in particular dialect), but also the facts of the historical character.

The relevance of this study is to quickly fix the surviving place names, as regional microtoponym known to a limited number of persons who lived in the area. Thus, we must preserve the value of language for science, because our respondents are elderly. The aim of our study would be a classification microtoponyms on lexical-semantic principle using the same region, in this case Carasuvbazarskogo district. Research material was gathered through a survey of the local Tatar population residing in the district Karasuvbazarskogo and partially removed from the cartographic sources and other publications. One of the sources are microtoponym physiographic features of this site. Microtoponym – a special group of toponymic names. Given the characteristics of the Crimean region, analyzing all the collected topokomponenty, try to group microtoponyms Karasuvbazarskogo district on the lexical-semantic principle, ie combine words on semantic grounds.

1) Names anthroponymical proiskhozhdeiya (ie the name of the owner of the site, garden, well) 2) Names of ethnic (tribal name) origin. 3) The names, reflecting the geographical features of the terrain. 4) The names, reflecting the cultural and historical human activities. 5) The names, reflecting the socio-political and everyday human activities. The paper summarizes the main group microtoponyms. In further studies, the number of these groups can be increased.

Classification by semantic features provides valuable material for linguistics.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА

УДК 894. 322 (УКР=КРМТАТ)

УНУТЫЛГЪАН ЯЗЫДЖЫМЫЗ

Керим И. А.

*НИЦ крымскотатарского языка, литературы, истории и художественной культуры при КИПУ
E-mail: alimes@mail.ru*

В статье рассматривается жизненный и творческий путь одного из «забытых» крымскотатарских писателей довоенного периода Номана Шейх-заде. Анализируются поэтические и повествовательные структуры его произведений, выявляются их стилистические особенности. Определяется специфика словесно-образного художественного мышления автора.

Ключевые слова: крымскотатарская литература, писатели 1930-х годов, репрессия, война.

Мевзунынъ актуаллиги. Дженктен эввельки эдебиятымызнынъ тарихинде бир сыра сымалар бар ки, фаалиетлери, бир тарафтан, кендилерининъ алчакъгонъюллиги, чекинчеклиги ве, экинджи тарафтан, советлернинъ вахший сиясетлери саесинде эдебий шаматалардан, гурьлемелерден кенарда къалып, сессиз, тынч, сакин, яваш бир шекильде озь деврини кечирдилер. Эм де базылары совет концлагерьлеринден къуртуламайып, базылары исе къуртулып къачып кетселер де, сонъундан бус-бутюн унутылып кеттилер. Буларнынъ арасында Джелял Меинов, Мустафа Къуртий, Веис Та-набайлы, Халид Шеитов, Ибраим Бахшыш, Юнус Умеров кибилери де булунмакъта.

Тедкъикъатнынъ макъсады. Бу парчамызда Номан Шейх-заденинъ аяты ве фаалиети узеринде айрыджа токъталаджакъмыз. 1928 сенесинеджек онынъ ады языджылар арасында эшитильмеген ве матбуатта корюльмеген киби келе. Эр алда о заманнынъ кунъделик матбуатында онынъ ады иле багълы малюматкъа расткельмедик.

1928 сенесинден башлап исе, эки догъмуш къардашы ве «Зынджырлы»даки сыныфдашы Умер Юнусов иле бераберликте башлангъыч сыныфлар ичюн бир сыра элифбе, окъув китаплары ве дерсликлер нешир этелер¹. Эм де эр биринде Номан Шейх-заденинъ ады огюнде тургъаныны козь огюне алмалымыз ки, бугунъки тильнен айткъанда, биринджи муэллиф сыфатында танылмасы иджап этмектедир. Бу дерсликлернинъ нешир ишлеринде оларгъа о вакъыт Янъы Элифбе Меркезий Комитетининъ Къырым филиалы кятибиетине аза олгъан белли шаиримиз Абдулла Ля-тиф-заде ярдымда булуна. Ишбу сыра неширлери хусусында Умер оджа Юнусов сонъундан бойле хатырлай: «Бизлер «Ильк адым» («Янъы адым») адлы элифбени тертип этип, конкурстан кечирип басылмасына къарар чыкъарылгъанда, «Крым Наркомпрос»та анълашманы... Лятиф-заде Абдулла агъанен япкъан эдик... «Ильк

адым» биринджи кере латин арифлеринен басылган элифба эди. Бу элифба кчач керелер басылды ве учь йылдан зияде бу элифба татар мектеплеринде озюне ер тапты. Бунунъле берабер «Элифбаны окъув методикасы», I, II, III сыныфлар ичюн окъув китаплары, V сыныф ичюн окъув китабы. Булардан башкъа, «ликбез»лер ичюн «Элифба», сонъ аз окъур-язарлар ичюн «Окъув китабы»на методик косътеришлер бизим имзаларымызнен таб олунуп «ликбез»лерде къулланылган эдилер².

Табий ки, бу китаплар дюнья юзюни корьген сонъ, мутехассыс ве оджаларнынъ козюнден кчачырылмай. Шу араларда кыйметлери кесилип матбуат саифелерине чыкъарыла. Меселя, Къырымда белли оджа ве илим адамы Яя Наджип Байбуртлы «Окъув ишлери» журналында басылган макъалесинде бойле яза:

«Шейх-заде Номан ве Юнусов аркъадашлар тарафындан язылан бу китап хакъкъында 20-йыллыкъ теджрибеси олан бир оджа олмакъ итибарыле кенди фикримни сейлемеге мунасиб корьдим... Йигирми йыллыкъ оджалыгъымын эр сенесинде, эр айында, хатта эр кунюнде тюшондирен екяне бир меселе варса, о да элифба меселеси эди. Чюнки маарифе къапусынынъ анахтары олан элифбамыз, даа бу къапудан киргенде, бизим балачыкъларынъ эсини алыюрды. Ич бир тюрлю систем ве къаидесиз адий бир техника иле азырланган бир чокъ къыгъыт йыгъыны иле медениет ве маарифет тезгяхы башына янашан явруларымыз, омюрлерининъ сонъуна къадар бу сачмалыкълардан къазандыкълары ёргъунлыгъы унутмай эдилер... Иште, бугунъ балалар «Янъы адым» иле о мусибет, хорлукъ ве учуримлары атлап, кениш мейдана, табиятын, омрюн бутюн левхаларыны къаршысында джанландыран, кендисини севдирен бир сахая чыкъты. О, бугунъ китабын къапында аллы-ешилли кийинмиш кендини, дерсининъ башында энъ якъын олан ана-бабасыны, бир кчач саифе даа терджиме этсе, багъыны, багъчасыны ве харманыны корююр. Китабынынъ эр саифеси онынъ саф, ойнакъ ве меракълы гонълуне къ салкъын сувлар, къа гузель чичеклер, къа кулюнчли оюнлар бахш эте. Ойнаркен – огрене, окъуркен – ойнай. Затен окъумакъ, ойнамакъ, язмакъ, сызмакъ – эп аят шараити дегиль де, недир? Затен окъумакъ, язмакъ, ойнамакъ, кульмек иле о аят ы къучакълаюр, аят да авасы, сую, дагъы, ташы, хайван ве небаты иле оны къучакълаюр, дегильми? О «Янъы адым»да беден тербиелерини, темизлик вазиелерини, къоранта низамларыны, ичтимаий-сиясий, ильмий ве фенний – эр шейни козю огюнде джанланмыш корююр. Бу китапле балалар ич хабери олмадан, бир чокъ бильгиге саип олалар. Балаларгъа керек олган эр тюрлю земане фикирлери китапта мунасиб суретте верильген. «Янъы адым»ны мен озюм де бир бала мерагъыле кчач керелер бакъуп чыкътым. Ресимлери, чичеклери, къушлары, левхалары, машиналары, аят акъынтылары – эр шейлери мени бир мектепли бала киби меракъландырды. Айны заманда, усул ве тертибине бир оджа, бир педагог козюле бакътым. Йине рухлу, гузель, теджрибели бир суретте тизильген булдум. Къырает бахсинде усула сонъ дередже эхъмиет верильген. эр халда янъы элифбанынъ бизе ялынъыз языджылар дегиль, янъы ве мукеммель китаплар да виледжегине къанаат эттим ве муэллифлери тебрик этмеги, ялынъыз «Янъы адым» иле къалмай, илерие догъру адымларыны сыкълаштырмаларыны истемекни кендиме бордж тандым.³

Бугунъде къолумызда Номан Шейх-заденинъ биографиясына аит бойле малюматлар булунмакъта. Бу малюматлар эсасен кендисининъ къардашы ве досту Умер

Юнусов, огълу Халюкъ Шейх-заде ве бугунде америкада яшагъан Абляким Сарайлынынъ хаберлерине эсаслана. Абляким агъа озь вакътында Номан Шейх-заденинъ талебеси эди. 1944 сенеси советлерден къачынып сынъырдан тыш чыкътылар ве гъарп кампларында берабер эдилер...

Номан Абдульмеджит огълу Шейх-заде 1899 сенеси Къарасувбазарда руханийлер аилесинде догъды. Башлангъыч ве рушдие мектеплеринден сонъ, 1914 сенеси Багъчасарайгъа кетип 1916 сенесине къадар андаки «Зынджырлы» медресесинде ве сонъра 1916 – 18 сенелери арасында Истанбулдаки Мерджан медресесинде окъуды. Ама джихан дженки, инкъиляплар, ватандашлар дженклери къалабалыгъы нетиджесинде Къырымгъа къайтып оджалыкънен огърашты.

Умер Юнусов Халюкъ Шейх-задеге язгъан мектюплеринде оларнынъ «Зынджырлы»даки талебелик деврини бойле меракълы левханен хатырлай: «Яз-къыш эр афта дегендай, Багъчасарайгъа, шеэрге, барыр, медресенен шеэр арасы 3 км. бар эди. Бабангъыз Сейдамет акъайнен бильярд ойнар, ондан Грандотельге кирер, (бильярддан) енъильген (киши) къаве яки чай алыр. Джума кунълерини Хансарай азбарында шеэрде кечирир эдик. Бахарь айларында медресе янында акъшам вакъытларында монастырь багъчасында кечирир, къаяларгъа тырмашыр, кезер эдик. Гузель кунълер эди...»

1925 сенеси Номан Шейх-заде аиле къурды. Бу эвлиликтен дёрт баласы: уч къызы ве огълу олды: Раъна (1926), Саадет (1928), Никяр (1931), Халюкъ (1934)

1937 сенеси Никяра къызы 6 яшында экен, скарлатина хасталыгъына огърап вефат эте. Къызынынъ вефатына янгъан языджи онынъ хатрасына «Никяргъа» адлы поэма яза⁴. Поэманынъ киришинде бойле эки сатыр булунмакъта:

Бу бир тюс Никяр къызыма
Ольчю ёкъ къальбимдеки сызыма.

Юреги атешлер ичинде янгъан шаир озюне ер тапалмай. Яврусунынъ ёкълугъы оны сонъ дередже эзиедлей, хорлай. Поэмада язгъаны киби, «олюм» сёзюнинъ аслыны къызынынъ вефатындан сонъ къаны-джигеринен англай. Мини-мини яврусы эр сание торлангъан козьлери огюнде булуна:

Ай, къара козьлю къызым,
Юрдум гузеллер къызым,
Мехтаб юзьлю къызым,
Татлы сёзлю къызым...

- дей шаир.

1938 сенеси Номан Шейхзаденинъ бабасы Абдульмеджит Мустафа да НКВД тарафындан хапс этилип къуршун джезасына огъратыла. Бундан сонъ Номан Шейх-заде НКВДнинъ соргъу ве репрессияларындан къачакълап юре ве, ахыры, Керчьке ташына. Озю бир язысында къайд эткенине коре, андаки адреси бойле эди: Керчь, Колхозная сокъагъы 18, квартира 19.

1932 – 37 сенелери Номан Шейхзаде Къырым педагогика институтында къырымтатар тили ве эдебияты факультетинде гъыябий окъуй. Институтны аля ишаретлернен битире.

Немсе дженки заманында «Азат Къырым» газетасында онынъ базы парчалары нешир этиле. Шуларнынъ арасында: «Гериге дегиль – илериге догъру» (1943. – № 109) «Тилимиз ве эдебиятымыз акъкъында базы къайдлар» (1943. – № 26 (122) – март 30); «Черик асыр». Дестан. (1943. – № 52, 54) ве тамам шу сонъки эсеринде советлернинъ ич юзюни ачыкълай ве оларнынъ хунризлигини, алчакълыгъыны, джеллятлыгъыны, экиюзлюлигини косътере.

Инсанлыкънынъ къасабы – ады «ЧКА»,
 Ёл косътерип турды онъа тек «ЦКА».
 Держинский баш эди, сакъалы чот
 Эр оджакъны къаплады алевли от!
   Атеш козьлю матрослар – эписи джеллят,
 Котерильди коклерге бинъ ах, феръяд.
 Къалтырата юрекни оларны яд,
   Яшайышта къалмады бир шалыкъ дат...⁵

1944 сенеси советлер Къырымгъа якъынлашкъанда, Номан Шейх-заде башкъа аркъадашлары ве бир чокъ ватандашларынен берабер Романиягъа кочъ эте. 1947 сенеси гъарб лагерлерине авушып ондан да Тюркиеге кете...

Номан Шейхзаденинъ вефаты тарихчеси хусусында бугунде къолумызда эки тюрлю малюмат булунмакъта:

Биринджиси – Истанбулдаки Дарульаджезе Муэссесе Мудирлиги тарафындан 28. 09. 2007 сенеси огълу Халюкъ Шейх-задеге берильген весикъада бойле языла: Нуман Абдульмеджит 20. 06. 1949 тарихинде къурумумызгъа къабул этильген, 06. 01. 1951 тарихинде де инфаркттан вефат этип, Меджидиекой мезарлыгъына дефн этильгендир.

Экинджиси – Номан Шейх-заденинъ талебеси ве дженк вакътында гъарп кампларында бераберликте олгъан досту Абляким Сарайлынынъ Саадет къартийге, яни Номан Шейх-заденинъ къызына, язгъан мектюбиндеки малюмат. Мектюпте айнен бойле ифаде этильмекте: «Бабанъызны Истанбулдаки къартлар эви (Дарульаджезе)ге кетирдилер. Мен онынъ бу ерде олгъаныны 1955-56 сенеси бильдим. Ве эр (вакыт) ёлум о тарафкъа тюшкенде, огъа огърап хатырыны сорар эдим. Сонъ заманларда козьлери зайыфлагъан эди, ама анда арув бакъа эдилер оларны. Сонъ биз де Истанбулдан четке авуштыкъ. О, шеэрин о бир тарафында, биз исе терс тарафында эдик. Бир дефа даа барсам, вефат эткенини айттылар. Олса-олса 1956 сенесидир, ама анги айда, оны бильдем...».

Корьгенимиз киби, весикъаларнынъ эр экиси де джиддийдир. Ве шу себептен бу меселеде айрыджа араштырмаларнынъ девамы олмалыдыр.

Номан Шейх-заденинъ Къырымда язылгъан сонъки эсерлеринден бири де Шевкъи Бектореге багъышлангъан парчасыдыр. 1943 сенеси «Азат Къырым» газетасында басылгъаны тахмин этиле. Бугунде Къырым Джумхуриети архивинде бу-

лунгъан мезкюр газет джылтларынынъ бир чокъ номерлери етишмегинден, бу парчаны буламайып, «Йылдыз»да басылгъан вариантнен файдаландыкъ. Эбет, «Соловки»де булунгъан Бекторенинъ сагъ я да эляк олгъаны хусусында о заман кимсе-чикнинъ хабери ёкъ эди. Ама Номан Шейх-заде бир шаир оларакъ гоньюль козюнен дюньяны козете ве Бекторени ольди деселер де: «Шевкъи ольмез, сиз: «Ольди» дещенъиз де» дей.

Шан санъа шерешмен, эй Шевкъи Бекторе,
Олмайджакъ шейлерни козьлеринъ коре,
Безмеден Макъбуле сачларын оре,
Шаирлер ичинде сайгъылы торе.
Язынъны эр татар баласы биле,
Гоньюльнен эзберлей анасы биле.
Къде бир «Силем»мен козьяшын силе,
Сёзлеринъ юрекке, мийлерге синъе⁶.

Нетиджелер. Номан Шейх-заде чокъ икътидарлы ве истидатлы шаиримиз ве языджымыз эди. Умер Юнусов мектеплерининъ биринде оны «язмакъны чокъ севген ве чокъ язгъан» языджи оларакъ анъа ве бойле малюмат бере: «Номан Шейх-заденинъ чокъ сёзлери бар эди. О, эки бинъден зияде аталар сёзлери, не къадар чынълар, манелер топлагъан, чокъ шейлер язгъан эди».

«Тилимиз ве эдебиятымыз акъкъында базы къайдлар» адлы макъалесинде тилимиз ве язымызны эскидеки киби бир универсаль алына кетирип, Къырымдаки матбуат башкъа тюркий регионларда анълашылсын ве башкъа тюркий регионларнынъ язылары Къырымда сербест анълашылмасыны фикирлей ве гъает меракълы мисаллер кетире⁷.

Номан Шейх-заденинъ иджады бугунде ялынъыз анды-мында сакълангъан фрагментлер шеклинде булунмакъта. Занымызджа, араштырмалар девам эттирилъсе, унутылгъан языджымызнынъ иджады иле багълы даа янъы саифелер ачыла билинир.

Эдебият:

1. Шейх-заде Н, Юнусов У. Янъы адым. Ишчи-койлю элифбеси [«Новый шаг». Азбука рабочего и крестьянина]. Бутюниттифакъ Енъи Элифба Меркезий Комитеси хисабына. Къырым Енъи Элифба Меркезий Комитеси нешри. – Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. – 1928. – 100 с. (25. 000 нусха).

Шейх-заде Н, Юнусов У. Биринджи басамакъ мектеплер ичюн элифбе [Азбука для школ первой ступени] – Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. – 1928. – 100 с.

Шейх-заде Н, Юнусов У. Элифбеден сонъ окъув китабы. «Янъы ёл» [«Новый путь». Книга для чтения после Букваря] – Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. – 1928. – 100 с.

Шейх-заде Н, Юнусов У. Татар 1-нджи басамакъ мектеплерининъ II группалары ичюн окъув китабы. Книга чтения для II классов татарских школ первой ступени] – Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. – 1928. – 152 с.

Шейх-заде Н, Юнусов У. «Къызыл ёл». Окъув китабы [«Красный путь». Книга для чтения]. Ишчи-койлю элифбеси. – Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. – 1929. – 151 с. (тираж: 15. 000).

Шейх-заде Н, Юнусов У. «Окъу-яз» ишчи ве койлю элифбеси [«Читай-пиши». Рабоче-крестьянская азбука] – Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. – 1929. – 104 с.

Шейх-заде Н, Юнусов У. Ишчи ве койлюлер ичюн олган «Окью-яз» элифбе китабыны окьутмакъ ичюн ёлкосьтериджи [Руководство рабочим и крестьянам для чтения букваря «Читай-пиши»] – Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. – 1929. – 32 с.

2. Умер оджа Юнусовнынъ Номан Шейх-заденинъ огълу Халюкке язган мектюплеринден.

3. Байбуртлы Я. Н. «Янъы адым» китабы акъкъында бир къач сёз. (Н. Шейх-заде ве У. Юнусовнынъ земане дюньяны анълаткъан мектеплер ичюн Элифба китабы хусусында) // Окьув ишлери. – 1928. – № 1 (29) – С. 27 – 29.

4. Бу эсер бугуньде араб графикасында эльзма шеклинде Халюкъ агъанынъ аилесинде сакъланмакъта.

5. Шейх-заде Н. «Черик асыр». Дестан // Азат Къырым. – 1943. – № 54 (150) – июль 6.

6. Шейх-заде Н. «Шевкъи Бекторе» // Ёылдыз. – 1995. – № 5-6. – С. 177. (Бу ерде шиирнинъ язылган тарихчеси янълыш берильген – И. К.).

7. Шейх-заде Н. Тилимиз ве эдебиятымыз акъкъында базы къайдлар // Азат Къырым. – 1943. – № 26 (122) – март 30.

Р. С. Макъалени азырлагъан вакъытта, манъа бабасы акъкъында чешит малюмат берген ве якъындан ярдымларда булунган урьметли Халюкъ Шейх-задеге айрыджа миннетдарлыгъымны бильдирем. Исмаил Керим.

У статті розглядається життєвий і творчий шлях одного з «забутих» кримськотатарських письменників довоєнного періоду Номана Шейх-заде. Аналізуються поетичні та розповідні структури його творів, виявляються їх стилістичні особливості. Визначається специфіка словесно-образного художнього мислення автора.

Ключові слова: кримськотатарська література, письменники 1930-х років, репресія, війна.

The article discusses the life and career of one of the "forgotten" Tatar writers prewar period Noman Sheikh-zadeh. Analyzes the poetic and narrative structure of his works reveals their stylistic features. Specificity of word-figurative art thinking of the author.

Keywords: Crimean Tatar literature, writers of the 1930s, the repression, the war.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 820/89 (100-87)

**ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА СРЕДНЕВЕКОВОЙ
КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ СИЛЛАБИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.
БОЖЕСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ К ОБЪЕКТУ ПОКЛОНЕНИЯ ЖЕНСКОГО ПОЛА**

Усеинов Т. Б.

ТНУ имени В. И. Вернадского

Понятие “Божественная Возлюбленная” неразрывно связана с суфизмом, который в Средние века ощущается, практически, во всех областях культурной жизни мусульманского общества.

Суфийские идеи распространены не только в рамках религиозно-суфийской литературы, их можно обнаружить, как в классической дворцовой, так и в народной поэзии.

В предложенной статье рассматриваются отношения в рамках образной системы “Божественная возлюбленная – земной влюблённый”.

Как и при раскрытии любви земной, в произведениях, отображающих любовь божественную, наиболее применяемой является двухсоставная и трёхсоставная образные системы. Структура, состоящая из двух и трёх взаимодополняющих составляющих, успешно используется и синтезируется поэтами-ашыками.

Ключевые слова: образная система, письменная силлабическая поэзия, божественная любовь.

Постановка проблемы. Средневековая крымскотатарская литература всех направлений привлекает к себе повышенное внимание учёных разных стран. Однако наблюдается отсутствие работ, исследующих разнообразие образной системы.

Актуальность темы. До нынешнего времени образная система средневековой крымскотатарской письменной силлабической поэзии остаётся совершенно не изученной.

Целью работы является исследование образной системы “*Божественная Красавица – земной влюблённый*” в рамках данной литературной традиции.

Вступление. Понятие “*Божественная Возлюбленная*” неразрывно связана с *суфизмом* (религиозно-философским учением), который в Средние века ощущается, практически, во всех областях культурной жизни мусульманского общества.

Суфийские идеи распространены не только в рамках религиозно-суфийской литературы, их можно обнаружить, как в *классической дворцовой*, так и в *народной поэзии*.

Божественная любовь, в крымскотатарской ашыкской поэзии, пожалуй, менее распространена, в сравнении с земной. Это связано, по нашему мнению, прежде всего, с тем, что данное понятие достаточно сложно для восприятия неподготовленным, “рядовым” человеком, каковым, во все времена, является большинство социума. К этому чувству необходимо прийти, созреть, а тем более описывать его в своих стихах.

Божественная любовь изначально, *земная же любовь* – второстепенна. *Божественная любовь* присуща не только людям, но и мифическим образам (ангелам, дивам, феям). Она объединяет всё мирское и является причиной гармонии различных, казалось бы, несовместимых, явлений.

Настоящий влюблённый – это тот, кто отказался от всех земных, бренных ценностей, благ ради возвышенной любви к *Божественной Красавице*.

Божественная любовь скорее самоуничтожающее чувство. *Влюблённый* должен быть готов к самопожертвованию ради объекта любви. Отказавшись от собственного “я”, *ашык* отказывается от естественного человеческого чувства, который связывает его со всем земным, бренным и материальным. Отмеченная религиозно-суфийская идея носит название “*Вахдат-аль Вуджуд*” (“Единство Бытия”), в европейской традиции носящее название *пантеизм*.

Материальное начало в человеке отражает общеизвестное на Востоке понятие “*нефс*” (в турецком произношении “нефис”) *нефс* – это самое большое зло в человеке, которое является основой для всех остальных пороков. Он затмевает прекрасное в человеке и не даёт возможности возвыситься, над земными, бренными проблемами, на созерцательный уровень. *Нефс* не так просто одолеть. Необходимо, прежде всего, искренне уверовать в Бога. Отказ от материальных, бренных ценностей, эгоцентрической позиции и, в то же время, совершенствование в себе высокого, нравственного, морального, а в итоге, выход на уровень божественного познания требует долгого времени и немалых усилий.

Тешит то, что это возможно. Возможно благодаря *Божественной любви*. Любви искренней, высокой, чистой и очищающей. Очищающей человеческую душу.

“В суфийско-дервишском учении существует несколько видов очищения: телесное очищение; очищение от греха и зла; очищение от животных инстинктов; очищение сердца и доведение его до блеска” [1, 262].

Божественная любовь – это чувство, которое совершенствует, возвышает и приближает человека к Богу. *Влюблённый*, охваченный этим чувством, в процессе долгих, протяжённых молитв, впадает в состояние экстаза и для него появляется возможность визуального контакта со Всевышним. Какое-то мгновение, миг счастья, называемый “*фана*”, он видит лик Бога и Божественный луч – наивысшую оценку и награду для человека. Отбросив земное существование и земные пороки *влюблённый*, т. е. дервиш объединяется, становится единым целым со своей *Божественной Возлюбленной* и произносит дерзкие, немыслимые слова (за которые, впрочем, многие суфии, раннего Средневековья (VIII-XI вв.), лишились жизни): “Я Всевышний!”, “Я есть Истина!” (“Энель-Хакъкъ!”) [6, 460].

Поднявшись на эту ступень познания Абсолюта, человек достигает того духовного совершенства, когда им овладевает абсолютное равнодушие к происходящим вокруг него бренным событиям. Он не ощущает разницы между положительным и отрицательным, добром и злом. Избавившись от собственного “я”, от собственной индивидуальности, *влюблённый* возвышается на “надземной” уровень.

Любовное чувство существовало тогда, когда душа человека была единым целым с Божественным духом, она была погружена в море любви. Впоследствии, душа была размещена в бренную плоть и запутавшись, ошибочно начала утверждать

некую индивидуальность. Это и есть роковая ошибка человека, когда он отделился от Бога и стал человеком.

Истоки отмеченного отдаления лежат ещё в грехопадении Пророка Адама. Человек проявил индивидуальность – совершил поступок против Божьей воли, отведал запретный плод и стал земным человеком.

Вот, что пишет по этому поводу турецкий поэт-суфий Юнус Эмре (конец XIII века – 1320-21) – поэт-классик, общепринятый, в средневековом тюркском мире, авторитет в области мистики: “До того, как я принял эту внешность и меня нарекли Юнусом, я был Он и Он был я” [1, 220].

Дервиши, подтверждая эту позицию, пропагандируют “обратный процесс” – воспевают *Божественную любовь* и стараются поставить человека и его душу на Путь истинный – путь объединения человеческой души и Божественного духа, путь возвышения вечного духовного над бренным материальным.

Божественная любовь – понятие доступное не всем. Только избранные и просвещённые могут понять и ощутить её.

Особенным является и восприятие суфиями *земной красоты* во всех её проявлениях. По их мнению, окружающий человека мир не обладает самостоятельной красотой. Он лишь отражает *Божественную красоту*. Всё, что мы видим призрачно и призвано “сбить с толку”. Истинная красота присуща лишь Всевышнему.

Двухсоставные и трёхсоставные образные системы. Как и при раскрытии *любви земной*, в произведениях, отображающих *любь божественную*, наиболее применяемой является *двухсоставная* и *трёхсоставная образные системы*. Структура, состоящая из двух и трёх взаимодополняющих составляющих, успешно используется и синтезируется поэтами-ашыками.

“*Божественная Красавица – земной влюблённый*”. Приём облачения религиозно-суфийских ценностей в образы земной любви нашло удачное отражение в произведениях классиков крымскотатарской ашыкской литературы – *Ашыка Омера* (...–1707) и *Мустафы Джевхери* (...–1715-16).

Предназначение любого *влюблённого* – страдать в любви к своей *Возлюбленной*. Эту истину активно пропагандируют поэты религиозно-суфийской литературы (дервиши) и в том числе народные ашыки.

Возлюбленная – это Божественная Истина. Земной *бренный влюблённый* старается воссоединиться с *Абсолютом* – казалось бы, не осуществимые желания. Однако, искренность, настойчивость и самоотвержение дают свои результаты.

“*Божественная Красавица – земной влюблённый – соперник*”. Подобно земной любви, при раскрытии любви Божественной присутствие образа *соперника* привносит дополнительную интригу в сюжет.

Соперником дервишу, т. е. *влюблённому* в Абсолют, может стать лишь другой дервиш. Для Всевышнего каждый человек, вне зависимости от рода деятельности, дорог по-своему, а все верующие братья друг другу. Это значит, что соперничество между двумя мусульманами за Божественную Истину, разворачивается не по настоящему – каждый из них найдёт свою красавицу в Абсолюте.

“*Божественная Красавица – просвещённые*”. Не всем людям дано знать о сверхъестественном таинстве, лишь избранные познают его (в числе которых и

влюблённый). Их поэт называет “просвещёнными”, мы же прозвали бы дервишами – людьми, отрешёнными от земных хлопот и всецело погружившихся в божественную медитацию.

“Божественная Красавица – влюблённый – просвещённые”. Просвещённые так же имеют право оценивать действия влюблённого на пути познания Абсолюта. То и дело молодой человек либо обращается к ним за советом, либо просит оценить его поступок в той или иной ситуации.

“Божественная Красавица – дервиш”. В данной образной системе влюблённый прямо или косвенно, представляется дервишем.

Суфии-дервиши уверены, что всё земное находится в вечном движении и человек – составная часть этого процесса. Жизнь скоротечна и человек находится в роли гостя на Земле. Главное же его местонахождение – на Небесах.

“Божественная Красавица – пропойца”. Согласно правилам написания классической дворцовой литературы и ашыкской поэзии, во многом ориентирующейся на диван, любовь ассоциируется с вином – напитком сладостным, притягивающим и вводящим в состояние экстаза.

Пропойца (любитель вина) никто как влюблённый в Аллаха – человек (то есть дервиш), одержимый, а точнее опьянённый этим чувством. Молодой человек горит, в огне любви и только вино (любовное чувство) способно притушить пылающее в его груди пламя. Налицо предметное противопоставление пламя – вода (вино).

Любовь всепоглощающая и уничтожающая. Влюблённый человек, в идеале, отрешается от собственной индивидуальности, готов на самопожертвование ради Любимой и т. п. Поэты-ашыки для усиления эмоциональной окраски, в духе арабско-персидского, а впоследствии, и османского дивана, сравнивают это чувство с “зельем”, “ядом”, которое схоже воздействует на человека.

“Божественная Красавица – пропойца – виночерпий”. Тема распития вина, будучи тесно связанной с суфийской теорией, всесторонне разработана средневековыми поэтами-ашыками. Помимо двух главных героев лирического стихотворения, в рамках данного суфийского сюжета, можно часто встретить и образ виночерпия [6, 39, 48, 177, 386]. Понятие “виночерпий”, согласно восточной мусульманской поэтической традиции, отражает образ религиозного учителя-наставника, называемого шейхом. Путь духовного совершенства часто непосилен самому человеку и, по этой причине, вступивший на эту дорогу (дервиш) нуждается в наставлении старшего.

Шейх, в Средние века, – глава текке (обители дервишей) влюблённый (часто, образ самого поэта) выступает в роли пропойцы (т. е. дервиша), находящегося или проживающего в кабаке (т. е. в обители дервишей).

Пропойца, находясь в питейном заведении, вместе с такими же, как и он, просит виночерпия принести вино и раздать его среди посетителей. Это означает, что поэт-дервиш призывает шейха-наставника произнести речь об Аллахе и опьянить, “зажечь сердца” всех окружающих (суфиев). Божественной любовью.

“Свеча – Мотылёк (ночная бабочка)”. Классической и наиболее распространённой в ашыкской поэзии является суфийская образная система с участием свечи и ночной бабочки [6, 191, 193, 295, 327, 333, 422, 530].

Мотылёк – символ *влюблённого* (дервиша), летающий вокруг всепоглощающего огня Божественной любви. Он не видит ничего кроме Божественного Света, Божественного Луча. Его цель – сгореть и “раствориться” в любовном огне *Свечи*, что неминуемо должно случиться, рано или поздно, – третьего не дано. Нет места сожалению, сомнению и печали. *Мотылёк* мечтает обрести душевный покой в огне любви *Свечи*.

“*Божественная Красавица – ней*”. Неизменным участником суфийской практики является музыкальный инструмент – *ней* (вид флейты или свирели из тростника). Чистый, протяжный, тонкий звук нея способствует вхождению дервишей в состояние медитации. Невзрачность этого инструмента, сделанного из тростника, и тонкий звук, издаваемый им, напоминают суфия, одетого очень скромно и богатого внутренне, духовно. Отсюда, достаточно частое сравнение самого дервиша с этим музыкальным инструментом.

Образную систему “*Красавица – ней*” необходимо воспринимать, как “*Божественная Возлюбленная – Дервиш*”. Мастерство средневекового поэта заключается в том, на сколько искусно он вкладывает, скрывает суфийские мотивы в земных образах любви. В то же время просвещённому читателю ясен истинный смысл повествуемых строк.

Следование указанному поэтическому приёму наблюдается в большинстве стихотворных форм этой семантической направленности. Однако, встречаются и не завуалированные произведения, в которых *главный герой*, апеллируя суфийскими понятиями, не двусмысленно намекает на свою причастность к данной практике.

“*Божественная Красавица – водолаз (ныряльщик)*”. Суфийская символика, в основе своей, является достаточно устоявшейся и традиционной. Так, к примеру, акт отречения дервишем от собственного “я” и его слияние, единение с Богом часто сравнивается с погружением в водную среду: море, океан и т. д. Как правило, в роли “сливающегося” образа выступает либо капля, либо *водолаз* (ныряльщик). Бескрайняя водная стихия же несёт в разных контекстах различную семантику, которую можно охарактеризовать, как *Истину* (Божество), бесконечную Божественную любовь, к объединению с которой стремится любой *влюблённый* дервиш.

Суфийский мотив погружения *водолаза* (ныряльщика) в море, нахождение и собирание им жемчужин (нечто неизвестное и таинственное) – достаточно скрупулёзно проработан крымскотатарскими поэтами-ашыками.

Выводы. – При рассмотрении понятия “*Божественная Возлюбленная*” необходимо связывать его с *суфизмом*.

– Наибольшее влияние на развитие религиозно-суфийских мотивов, в средневековой крымскотатарской письменной силлабической поэзии, сыграли арабские и персидские поэты.

– В произведениях отображающих *Любовь Божественную* (к объекту поклонения женского пола) наиболее применяемой является *двухсоставная* и *трёхсоставная образные системы*.

Литература:

1. Джавелидзе Э. Д. У истоков турецкой литературы Т. П. Юнус Эмре / Элизбар Джавелидзе. – Тбилиси: “Мецниереба”, 1985. – 290 с.

2. Elçin Ş. Gevheri Divani (Inceleme-Metin-Dizin-Bibliografya) / Şükrü Elçin – Ankara, 1998. – 763 s.

Усеїнов Т. Б. “Образна система середньовічної кримськотатарської письмової силлабічеської поезії. Божественна любов до об'єкту поклоніння жіночої статі” / Т. Б. Усеїнов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 110–115.

Поняття “Божественна Кохана” нерозривно пов'язана з суфізмом, який в середні віки відчувається, практично, у всіх сферах культурного життя мусульманського суспільства.

Суфійські ідеї поширені не лише в рамках релігійно-суфійської літератури, їх можна виявити, як в класичній палацовій, так і в народній поезії. У запропонованій статті розглядаються стосунки в рамках образної системи “Божественна кохана – земний закоханий”.

Як і при розкритті любові земний, в творах, що відображують любов божественну, найбільш вживаною є двоскладова і трьохскладена образні системи. Структура, що складається з двох і трьох взаємодоповнюючих складових, успішно використовується і синтезується поетами-ашиками.

Ключові слова: образна система, письмова силлабічеська поезія, божественна любов.

Useinov T. B. “Figurative system medieval crimean tatars written sillabic poetry. Divine love to object of worship of a female”. In offered clause attitudes are considered within the framework of figurative system “Divine beloved – terrestrial in love” / T. B. Useinov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 110–115.

Concept “Divan Inamorata” indissolubly related to sufizmom which is in Middle ages felt, practically, in all spheres of cultural life of moslem society. Sufi ideas are widespread not only within the framework of religious-sufi literature, it can find out them, both in classic court-style and in a folk poetry.

Divine love of iznachal'na, earthly love – second-rate. Divine love is inherent not only people but also mythical appearances (to the angels, fairies). It unites all mundane and is reason of harmony different, it would seem, incompatible, phenomena. Real falling in love – it that, who gave up all earthly, frail values, blessings for the sake of the elevated love to Divine beautiful Woman.

Divine love is rather selfdevastating sense. Falling in love must be ready to self-sacrifice for the sake of object of love. Yielding up own “I”, author renounces natural human sense, which binds him to all earthly, frail and material. The noted religious-sufi idea carries the name “Unity of Life”.

The financial beginning in a man reflects a well-known on East concept “nefs”. Nefs is the greatest evil in a man, which is basis for all other vices. He darkens wonderful in a man and does not enable to overpeer, above earthly, frail problems, on a contemplative level.

Nefs it is not so simple to overcome. It is necessary, foremost, sincerely faith in God. Waiver of financial, frail values, to egocentric position and, at the same time, perfection in itself high, moral, and in the total, an output on the level of divine cognition requires long time and considerable efforts.

That it is possible amuses. Possibly due to Divine love. To love sincerer, high, clean and clearing. Clearing the human soul.

As well as at opening of love earthly, in works, representing love divine, most applied is two-part and three-component vivid systems. A structure, consisting of two and three constituents, is successfully used and synthesized poets.

At consideration of concept “Divine Inamorata” it is necessary to bind him to sufi it is Most influence on development of religious-sufi reasons, in a medieval crimean tatars writing sillabic poetry, the Arabic and Persian poets played.

In works of representing love Divine (to the object of worship of women) most applied is two-part and three-component vivid systems.

Key words: figurative system, written sillabic poetry, divine love.

Поступила в редакцію 01.03.2013 з.

УДК 82. 512. 145. «19» [17+111. 852].

КАРАСУВБАЗАР В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРИОРИТЕТОВ БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ

Сеферова Ф. А.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»
E-mail: fera-seferova@rambler. ru*

В статье рассматриваются проблемы влияния карасувбазарского социокультурного пространства первой трети XX века на поэтическое творчество Бекира Чобан-заде, а также вопросы национально-этнической картины мира и преемственности поколений. Связь образов времени и красоты – важная грань историзма Бекира Чобан-заде, дающего нам ощутить, что только истинно человеческое, гуманистическое начало мира есть залог его развития и вечности. Не случайно, начиная стихи о древнем Карасувбазаре, отчем доме с привычного зрительного ряда, поэт сменяет структуру традиционных образных метафор и уподоблений бессмертной образностью вечно живых имен, преодолевающих трагизм глаголов небытия самой сущностью заключенной в этих именах символики. Это – история древнего города, а памятники (здания, улицы, дома) – её свидетели, чьё рождение и жизнь связаны с его судьбой.

Ключевые слова: крымскотатарская литература, образная система, лирика, человек и социум, пейзаж, ритм, звук, палитра, метафора.

Постановка проблемы. Творчество Бекира Чобан-заде принято рассматривать как феномен крымскотатарской культуры первой трети XX века, отразивший противоречия послереволюционного периода и 1930-х годов, и история изучения вопроса о влиянии карасувбазарского социокультурного пространства первой трети XX века на Чобан-заде небогата. Автором статьи рассмотрен широчайший круг источников, опубликованных недавно, среди которых работы С. Нагаева, А. Меметова, Ш. Юнусова, Ю. Кандыма, Н. Сеитяхья, Д. Урсу и др. Собранные воедино, систематизированные и проанализированные отрывочные сведения о Бекире Чобан-заде и Карасувбазаре из столь обильного материала позволили автору статьи осветить наименее изученный вопрос о влиянии одного из древнейших городов Крыма **Карасувбазара** на творчество Чобан-заде.

Цель. Рассмотреть карасувбазарские контексты творчества Бекира Чобан-заде, проанализировать влияние культурного социума на формирование личности писателя.

Отношение Бекира Чобан-заде к Крыму, Карасувбазару, где он провёл лучшие годы своей жизни, определялось рядом факторов: воспитанием и традициями семьи, диффузным влиянием крымскотатарского культурного социума, политическими взглядами поэта и политической ситуацией в Крыму, а также личными контактами и впечатлениями. Поскольку сам Бекир Чобан-заде оставил не так уж много собственных свидетельств о своём прошлом, не вёл дневников, судить о его взглядах мы можем исходя из его произведений. В своем большинстве они, если не объективно,

по существу, то субъективно, для Бекира Чобан-заде, несут на себе «карасувбазарскую печать». В стихотворении «Келеджек» поэт вспоминает: *«Балалыкъта келинчекли кьырларда, Джатар эдим кьойчыкъларым джаяр да, Кьулагьымны джерге салып тынънасам, Анънар эдим – атлы джуре отарда. Бакъар эдим чокъракълары акъышын, Тояр эдим бакъып чечек оськенин»* [1, 13]. Показательно, что стихотворения «Догъдым бир эвде», «Яз акъшамы уй алдында», «Туман», «Узакъ тавлар», «Келелер», «Ах, табылсам!..», написаны им на материале карасувбазарской действительности.

«Узакъ тавлар» («Далёкие горы») – это одно из самых драматических стихотворений с отчетливо выраженным лирическим сюжетом. «Далёкий край лесов и гор», «пенящихся водопадов, бездонных родников и быстронесущихся рек» с детства приучил лирического героя Чобан-заде ценить и беречь землю, которая заставляет человека на чужбине вспомнить «конных джигитов» (*«джигитлер сенде яшар»*), могилы матерей (*«аналарым эп багърынъда комюльди»*), нежный взгляд любимой (*«назлы козьлер эп корьгенде джумулды»*), поклониться краю гор и лесов, земле, которая его родила и взрастила, которую он покинул в юности: *«Бавурынъдан къаранлыкъта айрылдым, Не кунь корьдим, не суюлдым, савулдым, Не къаралдым, не пыталдым, сарылдым, Узакъ тавлар, уджсыз тавлар!»* [1, 11]. Заключительные строки стихотворения наполнены философскими размышлениями о судьбе родной земли, заботой о сынах народа: *«Сен юксексинъ, танъры бере башта сагъа, Ич кьызгъанмай сен де акъыт сабанджыгъа, Корьмесин ич балаларынъ ят босагъа, Узакъ тавлар, уджсыз тавлар!»* [1, 11].

Карасувбазар для Чобан-заде – это всегда «Джурт», притягивающая и завораживающая поэта священная гора Ак-кая – «Дин кьыры дурагъы», «тувгъан кьыр» [1, 13]. Карасувбазарский пейзаж в стихотворениях «Келеджек», «Яхшы олюм», «Яз акъшамы уй алдында», «Кузь» многоцветен, объёмен, динамичен. Здесь и точность наблюдений и описаний, в которых ритм, звук, строение строки – всё это соответствует «предмету» изображения, служит созданию яркого поэтического образа древнего Карасувбазара: *«Акърын-акърын кунь бата, кок къарара, Къызыл, къара булутлар отип бара. Пенджеремден тавларны сейир этемен, Тавлар аша, юртыма етишемен. Анда, энди билемен, коптен акъшам, Ятсы кьыла, седжде эте гъарип анам...»* [1, 13]. Здесь и «мягкое смешенье красок» и оттенков: *«Айгиди, тавлар, чаларгъан тавлар! Ешерген, сияргъан, сараргъан тавлар», «Яз акъшамы... Кок ачыкъ, йылдыз ёкътыр; Уй алдында сармашыкъ, акъшам сефа...»* [2, 3].

Стихотворения «Анам», «Догъдым бир эвде», «Булутлар, булутлар» воссоздают былую атмосферу, где здания живут своей жизнью вместе с узкими улочками, шумными базарами с людской толчейей, лавками ремесленников просто жителями старого города. Читатель узнаёт о быте горожан, о ремёслах и древнейших постройках, о традициях и обрядах народа (*«Салгъырда кетенин агъарткъан дюльбер», «токъый эльбес» «Сейдали ура чапасын серт къаягъа», ««сабанджы»* и т. д.) немало у Чобан-заде стихотворений о воде. «Герои» их – река Кара-су, родники и фонтаны Карасувбазара. Вместе с вечной весной (метафорический образ из стихотворения «Ах, табылсам!..») в стихах поэта шумят весёлые, чаще грустные мелодии весеннего ливня: *«Бир ирмакъ болып да, сынджырсам кольге, Я бир коль болсам да,*

серильсем чёльге!...Бир джуке болайым къяялар ичинде, Чевирсин кевдемни къярувлы селлер, Къяядан, къяягъа шытырсын еллер, Йылдырым ишлесин яш фидан экенде...» [3, 300].

Часто говорят о многокрасочности палитры того или иного поэта. По отношению к Бекиру Чобан-заде это не просто расхожая ассоциация, ибо подобное суждение касается не только масштабности проблематики или разносторонности поэтики, но и конкретного, цветового многообразия его лирики. Ее краски и оттенки воплощают целую радугу чувств – светлых и печальных, пронзительных и нежных, теплых и презрительных. Так, два цвета – красный и чёрный – представляют собой по сути два точно избранных опорных образа всего стихотворения «Анам» («Мама»): *«Акъярынакъярын кунь бата, кок къярара, Къызыл, къяра булутлар отип бара. Пенджеремден тавларны сейир этемен, Тавлар аша, юртыма етишемен» [1, 9].* На том же приеме цветового письма, на эмблематической ассоциации неназванных, но ярких оттенков красного и чёрного построены стихотворения «Ой, сувукъ шу гъурбет!», где у Бекира Чобан-заде нет контраста цветовых образов, но осязатима близость героя – крымского татарина именно к краскам той родной национальной стихии, которая обретает уже, по сути, символический характер в национально-традиционном образе красного цветка: *«...Мелевише, сармашыкъ, къяранфиль эр ер, Гуллери ачылгъан, япрагъы къятмер. Гуллери бек къызыл, ах насыл къызыл!Къызылны ничюн шай суемен бу йыл?!» [1, 6].* Исторические корни крымскотатарского вопроса поэт осознавал достаточно глубоко, и противоречия между свободолобивыми устремлениями крымскотатарского народа и государственными интересами России им показаны довольно полно в стихотворениях «Яныкъ къавал», «Кечмиштеки сучларымыз» и др. Гордость за героическое прошлое и сочувствие народу и его сложной исторической судьбе ощущается в строках: *«Ташланъыз о факъяр халкъны, сучу джокъ, Сучу болса, джашавында одий-джек, Менмен Джэнгъыз, Темир ханнынъ торуны, Менмен онынъ джолун даим кутеджек» [3, 294].* И поэт, рисуя прошлое, думает о будущем. Ведь повороты судьбы, какими крутыми они ни были, не могут уйти далеко от той единственной дороги, по которой идёт человек от рождения до смерти. Идёт, чтобы исполнить «своё предназначенье»: *«Эзилийим, юкленийим сучларын! Буюк ханнынъ, буюк халкънынъ мирасын, Юкленийим бабаларым гунысын, Шай джурийим шу дюньянынъ уджларын!» [3, 294].*

Выводы и перспектива. На основе тщательного анализа указанных произведений мы приходим к выводу, что поэтическое творчество Бекира Чобан-заде, посвящённое Карасувбазару, сегодня оказывает большую помощь филологам, этнографам, всем, кто интересуется историей Карасувбазара и Крыма.

Литература

1. Чобан-заде Б. Шиирлер / Бекир Чобан-заде // Йылдыз. – 1995. – №1. – С. 6-13
2. Чобан-заде Б. Шиирлер / Бекир Чобан-заде // Йылдыз. – 1990. – №3. – С. 3-10
3. Кунештен бир парча Окрушина сонця: Антол. Крымскотатар. Поезії XII-XX ст. О-51 / Упоряд. : М. Мірошниченко, Ю. Кандим; Вступ. Ст.. М. Мірошниченка. – К. : Голов. Спеціалізм. Ред. літ. Мовами нац. меншин України, 2003. – 792 с. – (Джерела духовності). Крымскотатр, укр. ISBN 966-522-053-5

Сеферова Ф. А. Карасубазар в системі культурних пріоритетів Бекіра Чобан-заде / Ф. А. Сеферова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 116–119.

Бекір Чобан-заде займає особливе місце в кримськотатарській літературі. Ставлення до м. Карасубазара до цих пір є тією стороною його творчості, яке ще не вивчене в повній мірі. У статті ведеться спроба вивчити цю сторону творчості поета. Зв'язок образів часу і краси – важлива грань історизму Бекіра Чобан-заде, що дає нам відчуття, що тільки істинно людське, гуманістичне начало світу є запорука його розвитку і вічності. Не випадково, починаючи вірші про давнє Карасубазаре, рідній домівці з звичного зорового ряду, поет змінює структуру традиційних образних метафор і уподібнень безсмертної образністю вічно живих імен, що долають трагізм дієслів небуття самою сутністю укладеної в цих іменах символіки. Це – історія стародавнього міста, а пам'ятники (будівлі, вулиці, будинку) – її свідки, чисе народження і життя пов'язані з його долею.

Ключові слова: кримськотатарська література, образна система, лірика, людина і соціум, пейзаж, ритм, звук, палітра, метафора.

Seferova F. A. Karasubazar in the system of cultural priorities Bekir Choban-zade / F. A. Seferova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 116–119.

Bekir Choban-zade innovator poet has lived when in the time of regime of bloody soviet. But one of the basic craftsman's which fed his poetry Qarasyvbazar. Author wrote that Qarasyvbazar the influence of the heritable to the creative works. In the article on the basis of the lyrical poem by the Crimean-Tatar poet Bekir Choban-zade the problems of poetic links, structural patterns and the author's idea are examined. Communication patterns of time and beauty – an important facet of historicism Bekir Choban-zade, giving us feel that only a truly human, humanistic principle of peace is the guarantee of its development, and eternity. History is never dead to the poet. It is no accident, since the ancient poems Karasubazare, father's house with the usual visual range, the poet succeeds structure of traditional figurative metaphors and imagery identifications immortal forever live names, overcoming the tragedy of the very essence of nothingness verbs contained in these names. .. This symbolism – the history of the ancient city, and monuments (buildings, streets, houses) – its witnesses whose birth and life are related to his fate.

Keywords: Qarasyvbazar, Crimean-Tatar, poet, lyrics, poetry, motive, structural patterns, examined, landscape, rhythm, sound, palitra, metaphor.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 111

САД ИНФАНТЫ И ЛЕС КАРЛИКА (ОПЫТ ИТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛОВ В СКАЗКЕ ОСКАРА УАЙЛЬДА «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИНФАНТЫ»^{*}

Лаврова А. А.

Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко
E-mail: lavrusha1406@i.ua

В статье делается попытка выявить скрытый смысл сказки О. Уайльда «День рождения Инфанта» путём расшифровки символов растительного мира. Целью статьи является выявление герметической символики в соотнесении с масонским обрядом инициации и тайный смысл мотива Эрос/Танатос, типичного для декадентской литературы. На страницах сказки об Инфанте и Карлике разворачивается причудливая мистерия Рождения и Смерти. Перед нами предстаёт мистерия обретения Знания, благодати Божьей через укрощение плотского начала, что символизирует, в свою очередь, жизнь вечную. Но вместе с тем – это мистерия возрождения через смерть (танатос). Это ни к чему не сводимая дуальность Эроса и Танатоса, в которой отчасти воскресает древнее манихейское видение мира как бесконечного противоборства этих двух влечений. Уродливый Карлик, символ духовного бессознательного, живущий лишь инстинктами, должен через покаяние и жертву победить в себе минотавра; познав мудрость и перейдя от активного к пассивному, внутренне переродиться и в результате достигнуть вечной жизни. Но попав в сад Инфанта (символ совершенной Красоты), Карлик (бессознательное, инстинктивное), увидев своё отражение в зеркале и осознав собственное уродство (несовершенство, «неотёсанный камень»), умирает (искупительная жертва), уничтожив розу – символ мистического центра, герметического знания. Поэтому сказка заканчивается не традиционным для сюжета «Красавица и Чудовище» финалом – трансформация из урода в красавца, –, а физической смертью героя, не сумевшего преодолеть чувственное, физическое и перейти на высшую ступень познания и самосовершенствования, к духовному.

Ключевые слова: О. Уайльд; сказка; символ; масонство; христианство; эрос; танатос.

Постановка проблемы. Среди публикаций, посвящённых сказкам Оскара Уайльда, мы не отыщем такой, где бы подробно (или, в крайнем случае, пунктирно) рассматривалась символика сказки «День рождения Инфанта» в связи с 1) герметической традицией и масонскими обрядами инициации и 2) эротическим подтекстом, присущим, пожалуй, всем произведениям декаданса (справедливости ради отметим, что обозревателем «Атенеума» Фрэшли отмечался в отзыве на выход сборника «Гранатовый домик» «чувственный стиль» сказок, что делает их малопригодными

---

^{*} Автор приносит благодарность Кристоферу Нуно, мастеру ложи Аполлона № 357 Оксфордского университета, профессору древней истории колледжа Брейсноус, Оксфорд, за его неоценимую помощь в работе над этим материалом.

для детей (цит. по [1, 6]) Исследователями не раз отмечалось, что эта сказка в жанровом отношении стоит как бы особняком от других сказок писателя, ибо в ней «*вообще ничего фантастического не происходит*» [2, 70], что она не относится к волшебным сказкам, а больше напоминает фэблию, рассказывающее о «*вполне реальном событии*» [1, 6]. В отдельных работах упоминалось об этой сказке в контексте морально-эстетических позиций Уайльда [3; 4]. Авторы останавливаются на литературных источниках [5], некоторых художественных особенностях сказки [6]. Однако детального анализа, и особенно анализа символического наполнения этого произведения, до сих пор не было. Именно это и обуславливает актуальность данной статьи и определяет её цели: 1) выявить герметическую символику в сказке и соотнести её с масонскими обрядами инициации; 2) доказать, что эта символика помогает выявить тайные смыслы мотива Эрос/Танатос, типичного для декадентской литературы.

На страницах сказки об Инфанте и Карлике перед нами разворачивается причудливая мистерия Рождения и Смерти. Всё произведение построено на противопоставлении (сад/лес, мужское/женское, искусственное/естественное, прекрасное/безобразное, рождение/смерть). Этот приём не раз отмечался исследователями творчества писателя и драматурга. Однако, подчёркивая то, что «*в своеобразном стиле сказок Уайльда занимает важное место приём контрастного противопоставления*», Л. А. Романчук замечает: «*Иногда этот приём преследует чисто живописную задачу (описание внешности инфанты и карлика), но в большинстве случаев Уайльд пользуется им для выявления основного сюжетного замысла сказки*» [7]. Как нам кажется, исследователь несправедлив, и контраст вовсе не «преследует чисто живописную задачу» в анализируемой нами сказке, а как раз способствует пониманию «основного сюжетного замысла».

Инфанта, воплощение Красоты, в свой день рождения (который одновременно и день смерти Карлика) играет с детьми в саду с изысканными растениями. Автор тщательно фиксирует каждое из них. Стало общим местом отмечать уайльдовское «*очевидное пристрастие к экзотике в описаниях*» [2, 65], объяснять «*следы такой тяги к исключительности, изысканности описываемого*» «*стилевой инерцией*» [2, 66]. и «*влиянием декадентской манерности*» [7]. Однако нам за такой «инерцией» видится нечто иное, и мы позволим себе не согласиться с утверждением М. Г. Соколянского, что подобная конкретность наносит ущерб для художественной целостности сказки [2, 72]. Наоборот, читателю предлагается некая интеллектуальная игра – отталкиваясь от реальностей, выйти на путь сложных ассоциаций. Это значит, что для читателей, не знакомых с традициями той эпохи, «многослойность» цветущего сада часто недоступна. Язык цветов, заимствованный еще Возрождением из средневековой символики, был в XIX веке понятен практически любому человеку. И потому гирлянды и букеты легко «читались».

Пройдёмся же дорожками сада Инфанты. Первыми нас встречают полосатые тюльпаны, похваляющиеся своей красотой: «*Высокие полосатые тюльпаны навтытяжку стояли на своих стеблях, словно длинные шеренги солдат, и задорно поглядывали через газон на розы, говоря:*

– *Теперь и мы не хуже!»* [8, 45]. Тюльпан символизирует, в первую очередь, признание в любви и ожидание ответного чувства. Это символ совершенной любви. Причём желтый тюльпан означает бесплодную, белый – обманутую любовь, а красный – страсть, а поскольку тюльпаны в саду Инфанты пёстрые, т. е. все эти значения смешиваются воедино, то создаётся некая преамбула к истории, которая будет рассказана, о страсти Карлика к Инфанте и о его бесплодной и обманутой любви. Однако тюльпан – это и символ протестантизма, известный ещё как Кальвинов цветок, т. к. первые буквы его названия – tulip** – означают символ веры кальвинистов. Обращение Богородицы к Христу символизировалось тюльпанами.

На клумбе Инфанты растут цветы, которые вряд ли садовники высаживают вместе – настолько они не вяжутся ни по качественным характеристикам, ни по сочетаемости. Но для Уайльда их соседство принципиально, т. к. помогает донести до читателя истинный смысл на символическом уровне: красная лилия, кактус, белая роза, герань, фиалки.

С давних времен лилии считаются символом красоты и совершенства. Эти цветы связаны с образами Святого семейства: лилия белоснежная ассоциируется с девицей Марией, а красная лилия – символ цветущего посоха святого Иосифа. Оранжево-красные лилии, известные со времен античности, символизировали Христову кровь. О красной лилии рассказывают, что она поменяла цвет в ночь перед крестным страданием Христа. Также лилия связывается с миром мертвых. Красная лилия иногда трактуется в качестве эротического образа (так, например, в «Песне Песней» выражение «лилия долин» выступает как метафора возлюбленной). Лилии обозначали три добродетели: милосердие, сострадание и правосудие. При строительстве храма Соломона великий тирский архитектор Хирам придал изящную форму лилии капителям громадных колонн, а также украсил изображениями лилии стены и потолок, разделяя с евреями мнение, что цветок этот красой своей способствует усилению молитвенного настроения пребывающих в храме.

Кактус – символ целомудрия. Герань – семейного уюта. Она делает людей добрее и терпимее друг к другу. Белая роза является символом любви, блаженства, мудрости, тайны. С нею связываются образы мистического центра, сердца, рая, возлюбленной, Венеры, католической церкви, Богородицы (хотя одновременно в ряде традиций она стала цветком траура и связывалась с подземным царством). Последним цветком сада Инфанты упомянута фиалка – символ смерти и возрождения. Своим строением цветок фиалки напоминает фигуру человека и символизирует раздумья. Также это цветок невинности, а в христианстве он символизирует смирение Христа как Сына Божия. Фиалка – эмблема Девы Марии. В символике цветов маленькая фиалка также ассоциируется со скромностью или смирением – символизм фиалок в сценах поклонения волхвов, где они являются ссылкой на целомудрие Девы Марии и на кротость Младенца Иисуса Христа. Цвет фиалок традиционно символизирует духовное начало, связанное с жертвенной кровью.

Собранные волей автора на одной клумбе, эти цветы должны нести в мир то, что символизируют: любовь и доброту, гармонию и терпимость, милосердие и сострадание. На деле же оказывается, что все они жестоки по отношению к несчастному влюблённому Карлику, они насмеваются над ним, презирают его: *«Цветы бы-*

ли крайне возмущены его бесцеремонным вторжением в их прекрасную обитель, а когда они увидали, как он носится по аллеям и несуразно размахивает над головой руками, то не смогли больше сдерживать своё негодование» [8, 69]; «– Лучшие бы он сидел взаперти до конца дней, – сказали они. – Вы только посмотрите на его горбатую спину и кривые ножки. – И они захихикали» [8, 75].

В саду Инфанта цветы и деревья символизируют женское начало. Так, гранат – древний символ Великой Богини, имевший распространение в культурах Средиземноморского ареала и Малой Азии. Позже он выступал в качестве постоянного атрибута таких многочисленных богинь, покровительствовавших любви, супружеству и плодovitости, как Астарта (Иштар) и Афродита (Венера) в Риме гранат находился в руках Юноны как символ брака. Вообще, это очень неоднозначный символ. Наряду с его эротическим прочтением (сексуальность, искушение, чувственное изображение любви и брака, сопровождающееся плодородием) существует иное толкование: любовь небесная, богатство благодати Божьей, а также великодушие. Рядом с гранатом растут лимон, символ неутолённой любовной жажды, а в христианстве – знак верной любви, и магнолия – символ женственности и ушедшей любви. Почему же Уайльд останавливает свой выбор именно на этих деревьях? Ответ мы находим в тексте. Король, отец Инфанта, никак не может смириться со смертью любимой жены, которая *«увяла в мрачном великолении Испанского Двора, скончавшись всего через полгода после рождения дочери и не успев во второй раз увидеть, как цветёт миндаль в саду, и собрать второй урожай со старой кривой смоковницы»* [8, 49]. Современники Уайльда легко прочитывали эротический подтекст этого пассажа, ведь миндаль – это символ супружеского счастья, а фиговое дерево – символ деторождения. В Древней Греции фи́га считалась фаллическим символом: форма листа и млечный сок приносили сексуальный оттенок, и потому это дерево стало атрибутом Приапа.

Над цветами и деревьями беззаботно порхают бабочки – символ души, бессмертия, возрождения и воскресения, способности к превращениям, к трансформации. Бабочка считается символом Великой Богини (Великой Матери, Magna Mater). Образ Великой Богини восходит к древнейшим временам истории человечества, к палеолиту. Это верховное божество олицетворяло одновременно небо и землю, жизнь и смерть и потому являлось и является необычайно важным в герметическом учении.

Итак, сад Инфанта – это символ вечного женского начала. Шут чужой в этом саду, но не понимает этого. Он танцует и веселится. Антитезой саду служит лес, откуда был привезён во дворец Карлик. В своем привычном и родном мире уродец окружён растениями и животными, выбор которых не случаен, что оказывается очевидным при ближайшем и внимательном рассмотрении. Прежде всего, это деревья – дуб, символ мужественности и силы, дающий жёлуди (во многом символическое мужское значение дуба связано с тем, что желудь внешне напоминает мужские тестикулы и, как считается, помогает установить интимные отношения), и орешник, плоды которого широко использовались как символы любви и счастья в браке, а ведь именно жёлуди и орехи собираются приносить Инфанте Карлик в знак своей любви. В герметической традиции орешник – символ концентрированной мудрости,

покровитель искусств, науки. Именно из него была изготовлена волшебная палочка. Согласно еврейским сказаниям, посох Моисея был вырезан из орешника, росшего в саду Эдема. Поскольку орешник цветет в конце зимы, его считали символом бессмертия.

Плющ символизирует бессмертие, но одновременно это и фаллический символ. Виноград – в христианстве – символизирует жертву; в эротической символике он – символ оргий, упоения страстью; в противовес фиговому листку – символ Евы (прикрывает её половые органы). Бриония – ядовитое растение. Это символ царицы богов, госпожи Земли, Неба и Воды; божественное растение.

Из цветов Уайльд отбирает в лес Карлика лишь анемоны, гиацинты, веронику, ирисы и наперстянку. Анемоны, символизирующие смерть, а в христианстве выступающие как символ страстей Христовых (цветы уподобляются каплям крови, пролитым Христом), в то же время являются атрибутом Гермеса, покровителя тайных знаний. Не менее сложен и символический подтекст гиацинта. С одной стороны, это цветок печали и горя, с другой – символ свадеб. В христианстве же он символизирует воскресение, а иногда – христианское благоразумие и стремление попасть на небеса.

Ирис – символ приближающейся смерти. В христианстве – это цветок Девы Марии, символизирующий её скорбь о Христе. Это цветок мудрости, защищающий от козней дьявола. Вероника также символизирует мудрость. Усиливает это звучание последний из упоминаемых цветов – наперстянка. И она не зря замыкает этот ряд, т. к. символизирует тайное знание, умение, а также переход от активного к пассивному, от мужского к женскому, от жизни к смерти; духовное начало, связанное с жертвенной кровью. В литургии связывается с идеей покаяния, с искуплением и самоуглублением. Одинаковое соотношение основных цветов (синего и красного) объединяет мудрость и любовь.

Попробуем для большей наглядности свести символику растений сада Инфанта и леса Карлика воедино в виде таблицы, распределив значения по четырём категориям [9]:

<i>Название растения</i>	<i>Значение символа</i>			
	<i>Эротика</i>	<i>Христианство</i>	<i>Герметизм</i>	<i>Танатология</i>
ЛЕС КАРЛИКА				
<i>Дуб; жёлудь</i>	Фаллический символ (мужские тестикулы); мужское начало	Священное дерево Христа	Священное дерево	Смерть и возрождение
<i>Орешник</i>	Любовь и счастье в браке	–	Концентрированная мудрость	Бессмертие
<i>Плющ</i>	Фаллический символ	–	Атрибут Диониса	Бессмертие
<i>Виноград</i>	Фаллический символ; упоение страстью	Жертва Иисуса Христа	–	–
<i>Бриония</i>	–	Божественное растение	Символ Царицы богов	Смерть

**САД ИНФАНТЫ И ЛЕС КАРЛИКА (ОПЫТ ИТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛОВ
В СКАЗКЕ ОСКАРА УАЙЛЬДА «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИНФАНТЫ»)**

Анемон	–	Страсти Христовы	Атрибут Гермеса	Смерть
Гиацинт	Свадьба	Воскресение	–	–
Ирис	–	Скорбь Марии о Христе	Мудрость	Смерть
Вероника	–	–	Мудрость	–
Наперстянка	–	Покаяние; искупление	Мудрость; тайна; переход от активного к пассивному, от мужского к женскому	Переход от жизни к смерти
САД ИНФАНТЫ				
Тюльпан	Любовь	Совершенная любовь Богоматери к Христу	Протестантизм (ересь)	–
Красная лилия	Возлюбленная	Христова кровь; милосердие; страдание	Масонский сим-вол, связанный с Храмом Соло-мона	Мир мёртвых
Кактус	–	Целомудрие	–	–
Герань	Семейный уют; утешение	Доброта и терпимость	–	–
Белая роза	Любовь	Богородица; блаженство; духовное избрничество	Мистический центр; мудрость; тайна; божественная гармония мироздания	Мир мёртвых
Фиалка	Скромность	Целомудрие Девы Марии; кротость Иисуса Христа	Духовное начало; жертвенная кровь	Смерть и возрождение

Получив от Инфанта белую розу, Карлик видит в ней лишь эротический подтекст – символ любви. Он живёт в лесу (враждебное человеческой природе начало, духовные и нравственные заблуждения [10]), откуда его путь лежит в сад – символ идеального мира, потерянного и обретенного рая. Сад в христианстве вообще объединялся с именем Девы Марии (см. перечень растений в саду Инфанта и их значение в таблице). При этом «был тесно связан с символикой Создателя как садовника и Творения как разбивки сада (упорядочивания вселенной и/или изначального Хаоса)» [11]. Уродливый Карлик, символ духовного бессознательного, живущий лишь инстинктами (см. таблицу), должен через покаяние и жертву победить в себе минаутавра; познав мудрость и перейдя от активного к пассивному, внутренне переродиться и в результате достигнуть вечной жизни. Но попав в сад Инфанта (символ совершенной Красоты), Карлик (бессознательное, инстинктивное), увидев своё отражение в зеркале и осознав собственное уродство (несовершенство, «неотёсанный камень»), умирает (искупительная жертва), уничтожив розу – символ мистического центра, герметического знания. Поэтому сказка заканчивается не традиционным для сюжета «Красавица и Чудовище» финалом – трансформация из уродца в красавца, – а физической смертью героя, не сумевшего преодолеть чувственное, физическое и перейти на высшую ступень познания и самосовершенствования, к духовному. Отдельного рассмотрения в этой связи требует и символика танца в сказке. Мы же лишь наметим в этой работе вектор дальнейших исследований. Танец Карлика (если

его смешные ужимки и прыжки можно назвать танцем) противопоставлен менуэту, исполненному маленькими танцорами из Сарагосы: *«Никогда прежде не видела Инфанта этой чудесной церемонии, проходящей каждый год в мае перед высоким алтарём Пресвятой Девы и в её честь ... Инфанта только понаслышке знала о «танце во славу Девы Марии», как его именовали, а это, несомненно, было прекрасное зрелище»* [8, 61]. Знаменитая Дева Пилар, Чёрная Мадонна, почиталась тамплиерами, а затем масонами. Они считали, что Чёрная Дева – это не мать Христа, а Мария Магдалина, которая держит на руках сына Иисуса. Тамплиеры защищали паломников, которые шли на поклонение к собору Сантьяго-де-Компостела. Этот собор в Сарагосе притягивал в Испанию верующих со всей Европы. Тысячи паломников неизбежно попадали под влияние религий ислама и иудаизма. В культуре Чёрной Девы различимы мистические традиции трёх главных религий мира: христианства, иудаизма и ислама. «Почитание Чёрной Мадонны – это один из загадочных ключей к символическому языку средневековья», утверждает Т. Уоллес-Мерфи [12, 197]. Интересно также, что танец в честь Девы Пилар исполняется под арабскую мелодию и, по мнению многих исследователей, произошёл от суфийского танца, служащего для переключения сознания.

Герой сказки – сын угольщика (карбонария) и этот штрих также весьма значим, т. к. вента карбонариев имела очень много общего с масонством, являясь как бы младшей сестрой последнего, восприемницей его мистерий, символики и иерархии. Отец-угольщик с радостью отдаёт своего сына ко двору. Путь Карлика по дворцу в поисках Инфанта – это путь неопита при посвящении. Этот путь полон тайн: *«Он спросил у белой розы, но она не ответила»* [8, 81]. В масонстве *«красота символизирует ясно выраженную цель»* [13, 294] – возведение внутреннего храма Красоты. Самые комнаты дворца наполнены герметической и масонской символикой: *«Он проскользнул внутрь и очутился в великольном зале, увь, куда более великольном, чем лес: золота здесь было гораздо больше, и даже пол был покрыт разноцветными каменными плитами, образывавшими геометрический узор. Но маленькой Инфанта не было – лишь чудесные белые статуи взирали на него с яшмовых пьедесталов печальными пустыми глазами и кривили губы в странной улыбке»* [8, 81]. Пол, выложенный мозаикой, статуи Минервы, Геракла и Венеры (знание, красота и сила) – это убранство ложи, символизирующее первую ступень посвящения. *«В глубине зала висел богато расшитый занавес черного бархата, испещрённый солнцами и лунами»** [8, 81]. Нужно помнить, что в основе всего масонского ритуала лежит идея странствия: *«основная тема масонства – великий путь ученичества, путь, повторяющий движение Солнца, обходящего небо через двенадцать знаков зодиака»* [13, 303]. Именно поэтому в убранстве ложи обязательно присутствуют эти символы.

Карлик проходит в следующую комнату: *«в этих покоях заседал Совет»* [8, 83]. В эзотерическом плане это место, где собираются братья для своей работы. Ри-

---

* Символ веры кальвинизма по-английски называется «тюльпан» (tulip), т.к. это слово образуют первые буквы слов с которых начинаются пять входящих в него пунктов: 1) Total depravity – полная греховность; 2) Unconditional election – безусловное избрание; 3) Limited atonement – ограниченное искупление; 4) Irresistible Grace – неотразимая благодать; 5) Perseverance of the Saints – стойкость святых. Данные принципы были утверждены Дордрехтским собором в 1618 году.

туал символически начинается в полдень. Это магическое мгновение, с которым масоны связывают своё понятие света (представление заканчивается в полдень, и именно в это время Карлик отправляется на поиски Инфанты). Затем Карлик попадает в тронный зал – место в ложе, где восседает гроссмейстер. Наконец он входит в заветную комнату, где его и ожидает испытание зеркалом. Карлику (новинциату) необходимо познать себя, увидеть всю мизерность и низость своего «я», осознать и принять это, таким образом начав работу над внутренним, духовным ростом. Однако не каждому по силам смириться с собственным несовершенством. Не каждый кандидат способен пройти путь посвящения, выдержав все испытания, и принять символическую смерть для дальнейшего возрождения в новом духовном обличье.

Для Уайльда-масона и Уайльда-эстета Карлик – существо низшего порядка. И мы позволим себе не согласиться с теми, кто видит в этом жалком создании воплощённую добродетель («Сюжет известный, броский, и простой. Бездушные в телесных ризах Красоты и Душа в уродливом теле. Красавица и Чудовище» [14]), хотя по-человечески нам, конечно же, жаль Карлика. Жестокость Инфанты («– Впредь да не будет сердца у тех, кто приходит со мной играть! – воскликнула она и убежала в сад» [8, 95]) – это жестокость Красоты и Искусства. Об этом пишет в своих эссе А. Арто [15], на это указывает Е. В. Киричук, упоминая о сказке Уайльда [16], наконец, об этом прямо заявляет шут Фолиаль из пьесы Гельдерода «Школа шутов»: «Я скажу вам всю правду. Тайна нашего искусства, любого искусства, великого искусства, того искусства, что старается быть вечным (**Молчание. И очень тихо, но очень внятно**), – это же-сто-кость!» [17].

Выводы и перспектива. Итак, насколько не оспаривая суждений, высказанных многочисленными авторитетными исследователями творчества Уайльда относительно его эстетических взглядов и художественных приёмов, мы сделали попытку взглянуть на некоторые доселе казавшиеся бесспорными моменты под другим углом, учитывая принадлежность писателя к масонству, которое само по себе есть символ. И если интерпретация некоторых символов покажется спорной, в своё оправдание мы приведём высказывание выдающегося масона Альберта Пайка, который предостерегал, что если вам показалось, что нравственные уроки масонства не новы, что научное их обоснование вопиюще недостаточно, что символы объясняются неверно, нужно всегда помнить, что эти обряды и уроки дошли до нас из времён символов не для того, чтобы раскрывать, а, наоборот, чтобы скрывать [18, 12]. **Таким образом**, перед нами предстаёт мистерия обретения Знания, мудрости, совершенства, благодати Божьей, иными словами, духовности через укрощение плотского, тварного начала, что символизирует, в свою очередь, жизнь вечную. Но вместе с тем – это мистерия возрождения через смерть (танатос). Это ни к чему не сводимая дуальность Эроса и Танатоса, в которой отчасти воскресает древнее манихейское видение мира как бесконечного противоборства этих двух влечений.

---

* В оригинале речь идёт о звёздах : «At the end of the hall hung a richly embroidered curtain of black velvet, powdered with suns and stars (выделено нами. – А.Л.)» [8, 80].

Литература:

1. Решетов В. Г. «Счастливый Принц» и другие сказки об Оскаре Уайльде / Владимир Григорьевич Решетов, Ольга Михайловна Валова. – Киров: Кировск. филиал МГЭН, 2000. – 158 с. – Библиогр. в примеч. : С. 153-158. – ISBN 5-900185-711-0.
2. Соколянский М. Г. Оскар Уайльд: Очерк творчества / Марк Георгиевич Соколянский. – К. ; Одесса: Лыбидь, 1990. – 200 с. – Библиогр. : с. 188-192 (111 назв.) – ISBN 5-11-002137-6.
3. Ericksen D. H. Oscar Wilde / Donald H. Ericksen. – N. Y. : Twayne Publishers, 1977. – 175 p.
4. Nassaar C. Into the Demon Universe: A Literary Exploration of Oscar Wilde / C. Nassaar. – New Haven & L. : Yale Univ. Press, 1974. – 191 p.
5. Laver J. Oscar Wilde / James Laver. – 4-th ed. – L. : Longmans, Green, 1968. – 32 p. – Bibliography: P. 27-32. – (Bibliographical series).
6. Kronenberger L. Oscar Wilde / Louis Kronenberger. – Boston; Toronto: Little, Brown and Co, 1976. – 124 p.
7. Романчук Л. А. Конфликт в сказке Оскара Уайльда «День рождения Инфанти» / Л. А. Романчук / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.roman-chuk.narod.ru/1/Wilde.htm>
8. Wilde O. The Birthday of the Infanta / Уайльд О. День рождения Инфанти / О. Wilde / О. Уайльд // Wilde O. A House of Pomegranates: Fairy Tales / Уайльд О. Гранатовый домик: Сказки / [Пер. с англ. В. Орла] – СПб. : Издательская Группа «Азбука-классика», 2009. – С. 44-95. – ISBN 978-5-9985-0275-0.
9. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов / Елена Яковлевна Шейнина. – М. : АСТ; Харьков: Торсинг, 2006. – 591 с. – Библиогр. : С. 578-580 (68 назв.) – ISBN 5-17-010659-9.
10. Энциклопедия символики и геральдики. Лес / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Лес>
11. Энциклопедия символики и геральдики. Сад / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Сад>
12. Уоллес-Мерфи Т. Тайный код символов / [Пер. с англ. М. Хазановой] / Тим Уоллес-Мерфи. – Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2007. – 352 с. : ил. + цв. вкл. – Библиогр. : с. 314-325. – ISBN 978-966-343-560-2.
13. Спаров В. Полная история масонства в одной книге / Вик Спаров. – М. : АСТ; СПб. : Астрель-СПб, 2010. – 508, [3]. с. – (Историческая библиотека) – Библиогр. : с. 509. – ISBN 978-5-17-065087-3.
14. Максимов Ф. Е. День рождения Инфанти / Феликс Евгеньевич Максимов / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://samlib.ru/m/maksimow_f_e/infanta.shtml
15. Арто А. Театр и Жестокость / Пер. с фр. Г. Смирновой / Антонен Арто // Арто А. Театр и его двойник: Манифесты. Драматургия. Лекции. Философия театра / Пер. с фр. ; Составл. и вступит. ст. В. Максимова; Коммент. В. Максимова и А. Зубкова. – СПб. : Симпозиум, 2000. – С. 175-180. – (Серия избранной литературно-философской критики и эссеистики) – ISBN 5-89091-123-6.
16. Киричук Е. В. Эссеистика А. Арто и драматургия М. де Гельдерода / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.patefonskver.ru/partyphone5/arto.htm>
17. Ghelderode M. de. School for Buffons / Michel de Ghelderode / [Translated by Kennet S. White; with introd. By L. Abel] / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://openlibrary.org/works/OL1249381W/School_for_buffoons
18. Пайк А. Загадка Сфинкса (Из «Наставлений и лекций Шотландского Устава», 1880) / Альберт Пайк // Мемориальный сборник на 120-летие памяти А. Пайка: Статьи о нём, его речи и стихи. В 2 ч / Сост. и пер. с англ. Е. Л. Кузьмишина. – М, 2011. – Ч. I. – С. 10-18 / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://memphis-misraim.ru/library/articles/memorialnyi-sbornik-paika-part-2/12>

Лаврова А. О. Сад Инфанти і ліс Карлика (спроба інтерпретації символів у казці Оскара Вайльда «День народження Инфанти») / А. О. Лаврова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 120–129.

У статті робиться спроба виявити прихований сенс казки О. Уайльда «День народження Инфанти» шляхом розшифровки символів рослинного світу. Метою статті є виявлення герметичної символіки у співвіднесенні з масонським обрядом ініціації та таємний сенс мотиву Ерос/Танатос, типового для декадентської літератури. На сторінках казки про Инфанти і Карлика розгортається химерна містерія

Народження і Смерті. Перед нами постає містерія набуття Знання, благодаті Божої через приборкання плотського початку, що символізує, в свою чергу, життя вічне. Але разом з тим – це містерія відродження через смерть (танатос). Це ні до чого не зводима дуальність Ероса і Танатоса, в якій частково воскресає древнє маніхейське бачення світу як нескінченного протиборства цих двох потягів. Потворний Карлик, символ духовного несвідомого, що живе лише інстинктами, повинен через покаяння і жертву перемогти в собі мінотавра; пізнавши мудрість і перейшовши від активного до пасивного, внутрішньо переродитися і в результаті досягти вічного життя. Але потрапивши в сад Інфанти (символ досконалої Краси), Карлик (несвідоме, інстинктивне), побачивши своє відображення в дзеркалі і усвідомивши власну потворність (недосконалість, «необтесаний камінь»), вмирає (викупна жертва), знищивши троянду – символ містичного центру, герметичного знання. Тому казка закінчується не традиційним для сюжету «Красуня і Чудовисько» фіналом – трансформація з урода в красеня, – а фізичною смертю героя, який не зумів подолати чуттєве, фізичне і перейти на вищий щабель пізнання й самовдосконалення, до духовного.

Ключові слова: О. Уайльд; казка; символ; масонство; християнство; ерос; танатос.

Lavrova A. A. The Infanta's Garden and the Dwarf's Forest (the Attempt to Interpret the Symbols in the Fairy Tale "The Birthday of the Infanta" by Oscar Wilde) / A. A. Lavrova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 120–129.

This article attempts to identify the hidden meaning of Oscar Wilde's fairy tale «The Birthday of the Infanta» by deciphering the symbols of flora. The purpose of this paper is to identify the hermetic symbolism in relation to the Masonic rite of initiation, and the hidden meaning of the motive Eros / Thanatos, typical decadent literature. The bizarre mystery of Birth and Death turns out in front of us on the pages of the fairy tale about the Infanta and the Dwarf. All story is based on the oppositions (garden / forest, masculine / feminine, artificial / natural, beautiful / ugly, birth / death). The language of flowers, borrowed by the Renaissance from medieval symbolism was understood in the nineteenth century almost by everybody.

In the Garden of the Infanta flowers and trees symbolize feminine. The antithesis of the garden is a forest (hostile to human nature; spiritual and moral confusion). The path of the Dwarf lies to the Garden – a symbol of the ideal world, Paradise Lost and Found. The Garden in Christianity was combined with the name of Our Lady. Thus, we see a mystery of acquiring knowledge, wisdom, perfection, grace of God, or in other words, at acquiring spirituality through the taming of the flesh, the beast beginning, which represents, in its turn, eternal life. But at the same time – this is the mystery of rebirth after death (Thanatos). This is the duality of Eros and Thanatos, in which ancient Manichean vision of the world as these two endless confrontation of two drives is partly resurrected.

The ugly Dwarf, a symbol of the spiritual unconsciousness, living only by instincts, should win a Minotaur in himself through repentance and sacrifice. By acquiring wisdom and moving from active to passive, the Dwarf must internally reborn and as a result attain eternal life. But once in the garden of the Infanta (a symbol of perfect beauty), the Dwarf (unconscious, instinctive), sees his reflection in the mirror and realizes his own ugliness (imperfect, «unpolished stone»), dies (atonement) by destroying a rose – a symbol of the mystical center, hermetic knowledge. Therefore the tale does not end in the traditional for the story «Beauty and the Beast» finale (the transformation of an ugly into a handsome one) but it ends in the physical death of a protagonist who was not able to overcome the sensual, material beginning, and move to a higher level of knowledge, self-improvement, and to the spiritual.

Keywords: Oscar Wilde; tale; symbol; Freemasonry, Christianity, Eros, Thanatos.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 111

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖАНР В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА-БИОГРАФИИ ПИТЕРА АКРОЙДА «ЛОНДОН»)

Ибрагимова Х.

Азербайджанский Университет языков

Питер Акرويد – один из выдающихся мастеров современной биографической прозы. Главным направлением в его творчестве являются жизнеописания, в том числе биографии. Данная статья посвящена проблеме изучения романа-биографии Питера Акроида «Лондон» с точки зрения ее жанрового своеобразия. Одновременно в статье рассматривается история биографического жанра в английской литературе, а также освещается творческий путь самого писателя.

Ключевые слова: Питер Акرويد, Лондон, английская литература, биография, жанр.

Постановка проблемы. Биография представляет собой описание жизни человека, как правило, известного, сделанное другими людьми. Это описание жизни человека, протекающей в определенных временных и пространственных границах, позволяет выявить особенности личности в конкретных исторических, национальных и социальных условиях эпохи.

Первые биографии появились в эпоху античности – «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Жизнь двенадцати Цезарей» Гая Светония Транквилла, «Жизнеописания знаменитых живописцев» Дж. Вазари и др. В европейской традиции истоки биографии восходят к Евангелиям с их жизнеописаниями, призванными наставлять читателя и укреплять христианскую веру. Эпоха Ренессанса по-настоящему обогатила жанр, усилив интерес к отдельной личности.

Так был создан жанр биографии, в котором затем работали такие выдающиеся писатели как Вольтер, Р. Роллан, Цвейг. В XX в. признанным мастером жанра романтизированной биографии стал французский писатель Андре Моруа. Его перу принадлежат книги о Шелли, Байроне, Бальзаке, Тургеневе, Жорж Санд, Гюго, Дюма-отце и Дюма-сыне, Фредерике Шопене, генерале Эйзенхауэре, ФранкLINE и Вашингтоне, написанные с использованием документов и точных фактов.

Современный турецкий писатель Орхан Памук в 2006 г. стал лауреатом Нобелевской премии по литературе за то, что «в поисках меланхоличной души родного города нашел новые символы для столкновения и переплетения культур». Действительно, действие почти всех его книг разворачивается в его родном Стамбуле. В вышедшей в 2003 г. книге «Стамбул. Воспоминания и город» автобиографические мотивы автора переплетены с очерками о городе. О. Памук показывает читателям древние памятники родного города, узкие улочки, оттоманские виллы и каналы, знакомит с писателями, художниками, журналистами, историками. Он создал прекрасное произведение-биографию – портрет художника в городе.

В Азербайджане биографический жанр разработан современной писательницей Азизой Джафарзаде. Ею написаны замечательные произведения о жизни и деятельности таких азербайджанских писателей как Сеид Азим Ширвани, Аббас Сиххат, Мирза Алекпер Сабир и др.

Английская биография, хотя и подвергалась несомненному пуританскому влиянию, проходила в своем развитии те же этапы, что и остальные европейские литературы. В эпоху Просвещения биография, наконец, была осмыслена как самостоятельный род знаний отличный от истории.

«Жизнь английских поэтов» (1779-1781), написанная Сэмюелем Джонсом, посвящена жизнеописанию художников конца XVII начала XVIII вв. «Жизнь Сэмюэля Джонса» (1791) Джеймса Босуэлла, в которой подверглась анализу уже не только биография, но и творческое наследие писателя, стали вехами в истории становления английского биографического жанра.

В современную эпоху этот жанр получил новый импульс к развитию, ибо биография занимает сейчас одно из центральных мест в читательских предпочтениях. Что же касается Англии, то общеизвестно, что англичане утверждают свою индивидуальность через культ прошлого, культ предков для них – это гарантия сохранения культурных ценностей. Поэтому и биографический жанр здесь никогда не терял своей притягательности и популярности.

Одно из ведущих мест в литературном процессе этот жанр занимает и в творчестве современного английского писателя Питера Акройда. Автор большого числа биографий, в каждом своем новом произведении он «погружается» в прошедшие времена с тем, чтобы, как истинный британец, еще глубже познать себя и свое прошлое.

Поэтому неудивительно, что в центре его внимания оказываются великие исторические личности, как правило, писатели, поэты, художники. При этом для Акройда характерно использование широкого спектра жанровых моделей, в большинстве случаев представляющих собой сочетание биографии и романа. Именно в творчестве этого писателя, органично сочетающего в себе качества романиста, биографа и литературоведа, ярко отразились особенности современного состояния жанра биографии.

Питер Акرويد – английский прозаик и поэт, литературный критик, лауреат нескольких литературных премий – родился в Лондоне 5 октября 1949 года.

В 1971 году он получил степень магистра в Кембриджском университете, затем два года провел в Йельском университете. По возвращении на родину работал редактором в «The Spectator», а в 1986 году стал сотрудничать с лондонской газетой «Times», где публиковались его книжные обзоры.

Свой путь в литературе Питер Акرويد начинал с поэзии. В 1973 году вышел его дебютный поэтический сборник «Лондонский скряга» (London Lickpenny) впоследствии он выпустил еще два поэтических сборника – «Сельская жизнь» (Country Life, 1978) и «Развлечения Перли и другие стихи» (The Diversions of Purley and Other Poems, 1987), но, став романистом, больше к стихам не возвращался. Тем не менее, он утверждал, что все лучшее из его поэзии унаследовано его прозой [2].

Известность писателю принесли романы «Большой лондонский пожар» (The Great Fire of London, 1982), «Английская музыка» (English Music, 1992), «Дом доктора Ди» (The House of Doctor Dee, 1993), «Дэн Лено и Лаймхаусский Голем» (Dan

Leno and the Limehouse Golem, 1994), названный в русском переводе «Процесс Элизабет Кри» (1995) и литературно-биографические книги о Т. Чаттертоне, Ч. Диккенсе, О. Уайльде, Т. С. Элиоте, У. Блейке, Т. Море.

П. Акройд – один из самых талантливых писателей современной Англии и, при этом значительную часть его наследия составляют именно биографии. Наибольший интерес представляет тот факт, что у художника сложился свой собственный взгляд на жанр и, как следствие, его жизнеописания разнообразны по форме и весьма необычны.

Писатель создал биографии У. Шекспира, Эдгара По, а также работает над серией биографий под общим названием «Краткие жизнеописания» (вышли биографии Чосера, Тэрнера и Ньютона). Кроме того, Акройд начал серию научно-популярных книг для детей «Путешествия во времени». В свет вышли книги «Начало» (The Beginning), «Побег с Земли» (Escape From Earth), «Древний Египет» (Kingdom of the Dead), «Города крови», «Древняя Греция», «Древний Рим».

Некоторые книги Акройда созданы во время работы над телевизионными сериалами. Так, трехсерийный телевизионный фильм, сделанный Би-би-си, появился на экранах одновременно с выходом в свет книги «Диккенс. Публичная жизнь и тайные страсти» (Dickens: Public Life and Private Passion, 2002), а телесериал о Лондоне, созданный той же компанией, – одновременно с выходом книги «Иллюстрированный Лондон» (Illustrated London, 2003).

Первая пьеса Акройда «Тайна Чарльза Диккенса» была поставлена в 2000 г. и затем экранизирована.

Среди других работ стоит назвать «Введение в Диккенса» (Introduction to Dickens, 1991) и сборник «Статьи, обзоры, эссе, рассказы, лекции» (The Collection: Journalism, Reviews, Essays, Short Stories, Lectures, 2001), куда вошли материалы о театре, кино и литературе, написанные как для «The Spectator», так и для газеты «Times», где Акройд с 1986 является главным книжным обозревателем. Регулярно он выступает в качестве обозревателя и на радио.

Акройд – член Королевского общества литературы (1984), последняя по времени из его наград – Орден Британской империи (2003).

По признанию самого писателя, все, что он делает в жизни, так или иначе связано с воссозданием Лондона, в котором он родился и провел всю жизнь [5]. Эта любовь к городу и энциклопедические знания о нем позволили писателю создать удивительное произведение – биографию Лондона.

Про Лондон написаны тысячи книг – научных, исторических, популярных. П. Акройд впервые написал биографию города. При этом он отводит себе скромную роль спотыкающегося лондонца, желающего провести других «маршрутами, по которым ходил всю жизнь» [1, 23].

Лондон Питера Акройда – это живой организм, вечно меняющийся, но неизменный по сути, огромный, но немислимый без малейшей детали, живущий сегодняшним днем, но никогда не забывающий своей многовековой истории.

Лондон, не имеющий границ, прошедший путь от кельтского поселения до центра мира, каким он стал в XIX веке. И так же бесконечно повествование о нем. Более 800 страниц, 79 глав, объединенных в 32 тематических раздела.

Тысячи фактов из истории и об истории Лондона от первых веков его существования до наших дней. Удивительно, как последовательно и логично собран во-едино этот обширнейший материал. «В книге есть разделы об истории тишины и об истории света, истории детства и истории самоубийства, истории кокни и истории алкогольных напитков» [3, 1]. Читатель узнает, что лондонцы ели и пили в разные времена, как одевались, что хранили в своих сундуках, какие пели песни и в какие игры играли их дети.

Это не только город знати и финансовой элиты, город роскошных балов и приемов, это город бедняков, бродяг, нищих, мошенников, сумасшедших. Мы попадём в эмигрантские кварталы и спустимся в строящееся метро, увидим современные многоэтажные офисы и узнаем жизнь мрачного средневекового города, цветом которого был красный. «Кебы в начале XIX века были красными. Почтовые ящики – красные. До недавних пор красными были телефонные будки. Автобусы остаются красными и сейчас. Такого же цвета (по большей части) были одно время и поезда подземки. Черепица римского Лондона была красной. Первая Лондонская стена была сложена из красного песчаника. Даже про Лондонский мост говорили, что он имеет красный оттенок: якобы, согласно древнему ритуалу строительства, он был «спрыснут кровью маленьких детей». Красный – это также и цвет насилия» [1, 251].

Страшные эпидемии, пожары, авиационные налеты в годы II мировой войны, лондонские суеверия, политические игры, героические сражения. Лондон при любой погоде, в любое время дня и ночи. Питер Акرويد совершил невозможное – благодаря виртуозному владению пером, он действительно оживил свой город, наделив его вполне осязаемой душой.

Поражает количество исторических источников, которые использовал автор для своего монументального труда: хроники, летописи, уставы городских цехов и записи горожан, а исследования и художественные произведения! Достаточно взглянуть на внушительный список имен. Сколько знакомых, а сколько незнакомых имен! Кого здесь только ни встретишь: Блейк, Бодлер, Достоевский, Джордано Бруно, Вольтер, Гайдн, Дарвин, Томас Мор, Рафаэль. Список можно продолжать бесконечно.

Уже в Предисловии автор говорит о нем как о живом существе, наделив его «телесностью»: «Представление о Лондоне как о человеческом теле и необычно, и поразительно. Его можно связать с символическими образами Града Господня – мистического тела, члены которого – люди, голова – Иисус Христос» [1, 21].

Такое восприятие делает факт написания биографии города вполне логичным и обоснованным. Тем самым, город становится «полноправным персонажем, способным влиять на события» [4, 154]. Это существо живет по своим собственным законам, и подчиняет им своих обитателей, живых людей.

В своем повествовании Акرويد не придерживается хронологии, ибо «Лондон предвосхитил построения нынешних теоретиков, предположивших, что линейное время – фикция, порожденная человеческим воображением. В городе сосуществует много различных форм времени, и с моей стороны было бы глупо насиловать их характер ради того, чтобы создать традиционное повествование» [1, 22].

Исследуя историю возникновения названия города, П. Акройд предлагает различные варианты его этимологии: «Оно может быть производным от *Liyn* – город или крепость (*don*) на озере или реке (*Liyn*) /.../ Возможно, название происходит от *Laindon*, «долгий холм», или от кельтского *lunnd*, «болото» [1, 31]. Здесь есть иронично-шутливая версия о том, что лондонцы склонны к насилию, а потому возможно «происхождение этого названия от кельтского прилагательного *londos*, означающего «свирепый» [1, 31], а также поэтическая гипотеза, связывающая название города с именем короля Луда (*Lud*), похороненного рядом с воротами, носившими его имя, и город стал известен под именем *Kaerlud* или *Kaerlundein*, то есть «город Луда» [1, 32].

При этом автор признается, что ученый испытывает огромное удовольствие, когда история предоставляет возможности «для бесчисленных догадок и размышлений» [1, 31].

Книга написана прекрасным языком. Кроме того, являясь выдающимся эрудитом, автор приводит множество цитат, историй, преданий, анекдотов, которые ценны уже сами по себе.

Акройд очень любит Лондон. И в Предисловии предостерегая, и одновременно приглашая читателя, он обещает, что эта книга о необыкновенном городе: «Читателям этой книги придется блуждать в пространстве и в воображении. По пути они могут потерять ориентировку, испытать минуты неуверенности; иные странные фантазии или теории могут вызвать у них оторопь. На некоторых улицах подле них будут медлить, моля о внимании к себе, необычные или болезненно ранимые люди. Они столкнутся с аномалиями и противоречиями – ведь Лондон настолько велик и неуправляем, что включает в себе едва ли не все на свете; они столкнутся с сомнениями и неясностями. Но их ждут и минуты откровения, когда город предстанет перед ними вмещением тайн людского мира. Самое мудрое тогда – склониться перед необъятностью» [1, 23].

Основное содержание книги предваряет хронология истории Лондона, составленная автором. В заключение представлена обширнейшая библиография в форме «Эссе об источниках» научного, документального и эссеистического характера, а также подробный именной указатель. В книге имеется множество прекрасных иллюстраций и карт. Ее можно открыть и читать с любого места, и каждый найдет в ней свой собственный Лондон, ибо он «демонстрирует все возможности рода человеческого и становится поэтом всего мира» [1, 871].

Литература:

1. Акройд П. Лондон: Биография / Акройд Питер: пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. – М. : Изд-во Ольги Морозовой, 2005. – 896 с.
2. Веснина Б. Питер Акройд / Веснина Б [Электронный ресурс]. – Лаборатория фантастики. – Режим доступа: <http://fantlab.ru>
3. Мотылев Л. Акройд Питер. Биография Лондона / Мотылев Л. // Иностранная литература. – № 10, 2002.
4. Нестерова В. Н. Лондон и проблема памяти города («Английская музыка», 1992 Питера Акройда) / Нестерова В. Н. // Сб. Великобритания в европейском культурном контексте. – Н. Новгород, 2000.
5. Питер Акройд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://livelib.ru>

Ібрагімова Х. Біографічний жанр в англійській літературі XX століття (на матеріалі роману-біографії Пітера Акройда «Лондон») / Х. Ібрагімова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 130–135.

Пітер Акройд – один з видатних майстрів сучасної біографічної прози. Головним напрямком в його творчості є життєписи, в тому числі біографії. Дана стаття присвячена проблемі вивчення роману-біографії Пітера Акройда «Лондон» з точки зору її жанрового своєрідності. Одночасно в статті розглядається історія біографічного жанру в англійській літературі, а також висвітлюється творчий шлях самого письменника.

Ключові слова: Пітер Акройд, Лондон, англійська література, біографія, жанр.

Ibragimova Kh. Biographical genre in English literature of XX century (based on the novel – biography "London" of Peter Ackroyd / Kh. Ibragimova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 130–135.

Peter Ackroyd – one of the great masters of modern biographical prose. The main focus of his work are the biographies. This article is devoted to the study of the novel-biography of Peter Ackroyd's "London" in terms of its genre identity. At the same time, the article discusses the history of the biographical genre in English literature, and highlights the career of the writer.

Key words: Peter Ackroyd, London, English literature, biography.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 512

СИСТЕМА ОБРАЗОВ КАК СРЕДСТВО ВОПЛОЩЕНИЯ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА

Юнусов Ш. Э.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail: schew.yunusoff2010@yandex.ua*

В статье рассматривается проблема композиции исторической повести крымскотатарского писателя Шамиля Алядина «Приглашение к дьяволу на пир», где система образов играет важную роль в выражении авторского отношения к художественно воссоздаваемым событиям прошлого. Вопрос о взаимоотношении героев повести и взаимообусловленности их действий раскрывается при помощи типизации и применения диалогов, приёмов ретроспекции и ретардации.

Ключевые слова: композиция, диалог, типизация, объект речи, этнографизм.

Актуальность. Шамиль Алядин (1912-1996) – автор ряда крымскотатарских историко-прозаических полотен. В повести «Приглашение к дьяволу на пир» писатель вознамерился реалистически воспроизвести исторические события в этнонациональном контексте. В этом разрезе нас привлекает проблема взаимоотношения героев, поскольку они позволяют уяснить композиционные, субъектно-объектные и идейно-художественные константы повести.

Постановка проблемы. Литературно-художественное наследие Шамиля Алядина нуждается в целостном исследовании. В настоящей статье предпринята попытка показать опыт писателя в комбинации героев, посредством которых раскрывается авторское отношение к событиям.

Объектом исследования является историческая повесть Шамиля Алядина «Приглашение к дьяволу на пир». **Предмет исследования** – авторский подход к проблеме выражения идейно-художественной концепции произведения.

Преследуемая цель – рассмотреть проблему расстановки героев в контексте выяснения авторского отношения к субъектам речи. **Задачи:** показать роль диалога в определении мировоззрения героев; рассмотреть опыт композиционных приёмов писателя и важность типизации.

Исследование проводится на основе типологического и герменевтического методов.

Основной материал. События, изображаемые в повести Шамиля Алядина «Приглашение к дьяволу на пир» (1979 г.), относятся к самому началу XX века. В основу повествования положен короткий отрезок из жизни известной исторической личности Усеина Шамиля Токтаргазы (1881-1913). Фабула повести образуется переплетением просветительских устремлений поэта-демократа, учителя, общественного деятеля с действиями солидарных с ним людей, видящих свою миссию в «выведении менталитета мусульман из рамок традиционных стереотипов в мир совре-

менной цивилизации» [1]. в условиях жёсткого противодействия местной власти и богачей.

В композиционной схеме рассматриваемого произведения объединены три сюжетных мотива: встреча Токтаргазы с Исмаилом Гаспринским, беседа с Решидом Медиевым и, наконец, столкновение с обществом Аджи Эрбаина. Получая соответствующее акцентирование в структуре повести, они раскрываются в процессе полемики на ту или иную тему, или же в зависимости от ситуации определяют поведение определённого героя. Поэтому широко используемые диалоги способствуют усилению типического, демонстрируя характерные черты национальной интеллигенции эпохи: Р. Медиев – это воплощение критического отношения к позиции И. Гаспринского, И. Гаспринский символизирует либерально-созидательное начало, а У. Ш. Токтаргазы олицетворяет стремление к социальной справедливости.

Одним их жанровых своеобразий повести Ш. Алядина является её композиционное построение, где автор прибегает к приёму ретроспекции (например, эпизодически представленные У. Балич, который позже станет наркомом просвещения Крыма и членом правительства; Тарпи – в будущем секретарь обкома комсомола). Эта пространственно-временная связь нужна автору, видимо, для того, чтобы показать синкретизм исторических судеб личностей. Иными словами, идеи таких людей, как Токтаргазы постепенно воплотятся в жизнь, хотя и ценой драматических схваток.

Индивидуальные приметы Р. Медиева – одного из сподвижников Токтаргазы – соответствуют чертам исторической личности [2, 71-86]. Представленный с учётом реалий отмеченной эпохи, Р. Медиев сдержан как чиновник (делегат Госдумы и Голова Карасувбазара), скромнен как учитель, вдумчив как редактор газеты. В его неприятии либеральной позиции Исмаила Гаспринского выражен исторический оптимизм. В этом контексте присущий Токтаргазы внутренний стержень, диктующий необходимость принятия действенных мер (который, надо полагать, по нраву и автору повести), становится очевидным и раскрывается уже при первой же встрече с И. Гаспринским.

Повесть Ш. Алядина «Приглашение к дьяволу на пир», написанная в традициях советской исторической прозы, не могла обойтись без антигероев как типа литературного героя, являющегося выражением нравственно-философской проблематики художественного произведения. Так, Аджи Эрбаин Эмирзаков, будучи натурой мстительной, всегда действует по расчёту. Среди представителей типичной среды он отличается поддельной добротой, степенностью в выражении своих взглядов. Такое поведение влиятельного человека обусловило соответствующее сюжетное построение повести. В её финале взаимосвязанность действий Аджи Эрбаин-хозяина и Менлибея достигает своей наивысшей точки: после совершения преступления и приказа хозяина своему шорнику убрать труп Усеина-оджа, Менлибей, «дрожа от страха, улыбался без надобности», поскольку «привык улыбаться хозяину, если даже на глазах у него блестели слёзы. Он улыбнулся и на этот раз, пряча глаза в пухлых веках, хотел поклониться в пояс, но, увидев, что Аджи Эрбаин уже повернулся к нему спиной, делать этого не стал, а побежал и открыл заднюю дверь, выводящую во внутренний двор...» [3, 357].

Чувствуя своё безграничное превосходство, привыкший подавлять и насмехаться над остальными, не умеющий прощать нанесённый его самолюбию удар, Эмирзаков видит свою миссию в том, чтобы блюсти законы властьпредержащих. Его образ помогает более объёмно представить быт и нравы его общества, значимость материальных возможностей и личных связей. Какой бы предосудительный поступок сознательно или бессознательно не совершал, он всегда способен выйти сухим из воды, благодаря хорошим откупным. В быту же он преисполнен спокойствия, достатка во всём. В идейном обосновании повести образы Аджи Эрбаина, его лакея Менлибея и их приближённых помогают автору показать не только значение Усеина-муаллима для крымскотатарского общества, суженного до уровня села Харджибие, но и лица истинных виновников в его гибели. Эта сюжетная развязка повести оказывается тем отрезком произведения, в котором наиболее полно обнажаются пороки общества. Как воплощение трагического момента истории Токтаргазы выказывает состояние крайнего неприятия идейно-политических ценностей эмирзаковского общества. Характер Токтаргазы, сложившийся в обстановке постоянного напряжения, делает его человеком новых взглядов. Чувство сострадания к ближнему, вынужденному терпеть позор и обиды, не могло не возбуждать в нём борца за социальную сбалансированность. Своими поступками Токтаргазы даёт понять эмирзаковскому обществу, что они социально равны, причём противостоит он идейным недругам не жестокостью, а с учётом присущего учителю этикета. Как следствие, его осознанные действия привели к тому, что невозможно было погасить очаг конфликта. Прямолинейность как одна из основных качеств характера Токтаргазы, вынуждающая его действовать в соответствии со своей позицией, становится преградой на пути дальнейшей реализации его благородных задумок.

...Такие промежуточные образы, как Яхья Наджи Байбуртлы, Суаде-ханум и приятели по прежней учёбе (Афыз эфенди, Фикрет Шериф), в логической схеме композиции помогающие прибегнуть к приёму ретардации, проецируют внимание читателя то на прошлое, то на историческое настоящее.

Как бы периферийно представлен в повести образ Аджире-ханум – супруги учителя. Её женственность, скромность, естественная кротость являются теми характерными чертами, которые составляют триаду «этнотрадиции – семья – дом». Токтаргазы, уставший от школьных хлопот или словесной схватки с влиятельными людьми, при возвращении домой пытается не обременять Аджире неприятными воспоминаниями о буднях. Аджире, догадываясь об испытаниях, выпавших на долю супруга, также старается не акцентировать на бытовых проблемах или расспрашивать о причинах такой усталости. Как хранительница домашнего очага Аджире является примером искусной домохозяйки, мамы, супруги. Даже при скромном материальном положении в доме она может накрыть стол так, что её находчивость вызывает восхищение читательской аудитории. Например, это – лапша домашнего приготовления, присыпанная грецким орехом и приправленная кислым молоком, – блюдо, широко распространённое у южнобережцев и жителей средней полосы Крыма, от которого невозможно отказаться даже в состоянии крайней усталости.

Собирательный портрет Аджире делает её узнаваемой под художественным пером Шамялина Алядина: в ней есть что-то от Тензиле-енге из повести «Теселли»

(1957 г.) [4, 66-140] – прототипа матери писателя (хотя, надо признать, писатель не приемлет это понятие применительно к творчеству, полагая, что его выдумали недалёкие критики и слабые литературоведы... [2, 67]) в женщине, для которой воспитание детей, смиренность перед главой семьи, создание домашнего уюта является чем-то само собой разумеющимся, выдаёт в ней заботливую мать, в которой сочетаются строгость к детям и материнская любовь, требовательность и умение прощать детские шалости.

Эти героини образуют галерею женских образов в творчестве Шамиля Алядина. Их идентичность говорит о том, что они срисованы с объективной жизни и авторского представления о роли крымскотатарской женщины через призму этнографизма.

Выводы и перспектива. Идеино-художественная задача Шамиля Алядина в рассмотренной повести заключалась в том, чтобы продемонстрировать борьбу нарождающейся молодой национальной интеллигенции в условиях сильнейшего противостояния на местах. Способ типизации, использованный прозаиком, поспособствовал тому, чтобы путём соответствующей расстановки своих героев объёмно представить идейные устремления носителей новых социальных взглядов. В этой комбинации образ У. Ш. Токтаргазы получился жизненным и типичным для своего времени, поскольку в своих взглядах он не упрощён до уровня обывателя, но и не гиперболизирован в пристрастиях и поступках.

Литература:

1. Суюнова Н. Ногайская поэзия XX века в национальном и общетюркском историко-культурном контексте [Электронный ресурс] / Насипхан Суюнова. – Режим доступа: dslib.net/literatura-rosii/html.
2. Алядин Ш. Ер делиджилер [литер. статьи] / Шамиль Алядин. – Ташкент: Издание им. Гафура Гуляма, 1991. – 224 с. – ISBN-5-635-00545-4.
3. Алядин Ш. Теселли [сб-к произведений] / Шамиль Алядин. – М.: Советский писатель, 1985. – 368 с. – ISBN-4702510000-136.
4. Алядин Ш. Чорачыкълар. Сайлама эсерлер [сб-к произведений, на кр. тат. яз.] / Шамиль Алядин. – Ташкент: Издание им. Гафура Гуляма, 1987. – 560 с. – ISBN-4702730200-7.

Юнусов Ш. Е. Система образів як спосіб втілення авторського задуму / Ш. Е. Юнусов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 136–140.

У статті розглядається проблема композиції історичної повісті кримськотатарського письменника Шаміля Алядіна «Запрошення до диявола на бенкет», де система образів відіграє важливу роль у вираженні авторського ставлення до художньо відтворених подій минулого. Питання про взаємовідносини героїв повісті і взаємозумовленості їх дій розкривається за допомогою типізації та застосування діалогів, прийомів ретроспекції та ретардації.

Ключові слова: композиція, діалог, типізація, об'єкт промови, етнографізм.

Yunusov Sh. E. System of images as the Basis for the Disclosure of the Author's Intention / Sh. E. Yunusov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 136–140.

The article deals with the problem of the composition of the Crimean Tatar historical short story written by Shamil Alyadin, where imagery plays an important role in the expression of the author's attitude to reconstructing the events of the past in art. The events described in the short story "Invitation to the Devil's Feast" (1979) refer to the beginning of the twentieth century. This story was based on the description of a short period in the life of a famous historical figure Usein Shamil Toktagazy (1881 – 1913). The plot of the story is

presents the interconnection of the educational aspirations of this poet-democrat, teacher and public figure with those who were associated with him and saw their common mission as "leading out the Muslims' mentality from the framework of traditional stereotypes to the world of modern civilization" despite the strong resistance of the old system. The relationship between the characters of the story and interconditionality of their actions are showed by such methods as typification and use dialogs, retrospection and retardment. In the compositional scheme of the analysed short story three motifs are united: Toktargazy meeting with Ismail Gasprinsky, his conversation with Reshid Mediev and finally the clash with Aji Erbain's group. Receiving appropriate emphasis in the structure of the story, these motifs are revealed by the author in the process of polemics on a particular topic, or depending on the situation determine the behavior of a character. This story is built in such a way that in the context of conflict between Toktargazy and Aji Erbain's group the tension keeps growing. The fight against the society of people, for whom violence is the main principle of life, is considered as the ideological setting of the story. The way of typification used by the author shows that proper placement of the story's characters provides them as symbols of ideological aspirations of the new social views. In this combination, the image of U. Sh. Toktargazy looks vital and typical of his epoch, and in his views he is not simplified to the level of everyman, but also not hyperbolized in his allegiances and actions.

Keywords: composition, dialogue, typification, object of speech, ethnographism.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 821. 512. 162

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ЛИРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
В ЭПИЧЕСКОМ ЖАНРЕ
(НА ОСНОВЕ РОМАНА И. ШЫХЛЫ «МОЙ УМЕРШИЙ МИР»)**

Гусейнова М.

*Азербайджанская Национальная консерватория
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье на основе романа «Мой умерший мир» видного азербайджанского писателя И. Шыхлы исследуются такие возможности лирико-психологических анализов, которые создают наиболее полное, яркое и колоритное своеобразие образов с использованием национальных традиций. Шыхлы всю жизнь творил под лозунгом «Жизнь народа неиссякаемый источник для творчества». До сих пор вызывает интерес отображение в его произведениях жизни народа, его исторической памяти, морально–нравственных ценностей.

Ключевые слова: национальная традиция, Исмаил Шыхлы, эпический жанр

Постановка проблемы. На всех этапах развития истории азербайджанской литературы, даже тогда, когда произведения создавались на персидском и арабском языках, в народном творчестве сохранялись национальные традиции, вера, мышление и образ жизни народа.

Этот продолжающийся процесс нашел свое отображение и в литературе двадцатого века. Особенно ярко это проявился в период 20-80 годов двадцатого столетия в период становления советской власти, которая использовала все средства для достижения своих целей, в том числе и возможности литературы. Именно тогда большинство писателей обращается в своем творчестве к народным традициям, национальным ценностям используя свое мастерство, чтоб противостоять процессу утери исторической памяти и избежать «манкуртизации» народа

Одним из таких творцов, которые своими произведениями оказывали большое влияние на развитие литературы, являлся И. Шыхлы. Шыхлы всю жизнь творил под лозунгом «Жизнь народа неиссякаемый источник для творчества». До сих пор вызывает интерес отображение в его произведениях жизни народа, его исторической памяти, морально–нравственных ценностей.

В самом деле, «он как творец сформировался на плодотворной почве национального духа и нравственности. Вся значимость вся его сверхъестественная сила заключается в отображенном в его произведениях национальном духе» [2, 3].

С этой точки зрения в Азербайджанской прозе двадцатого века, в частности, в романе И. Шыхлы «Кура Неукротимая», колоритно изображается жизнь народа. Автор преследует цель помочь нации осознать себя и свою славную историю, и сохранение этнических особенностей. Одним из романов отображающим древний эпос и культуру народа является роман И. Шыхлы «Мой умерший мир».

В литературной критике достаточно много обсуждалась тема национальной самобытности романа «Кура Неукротимая». В одной из статей высказывается интересная мысль о связи романа «Мой умерший мир» и «Кура неукротимая». Несмотря на то, что мир главного героя романа «Кура неукротимая» Джахандар аги разрушается, умирает, для автора он достоин жизни и является истинным бессмертным, национальным наследием.

Интересно, что писатель действительно не желает смерти своего героя и мечтает о его спасении, дальнейшем существовании. Проходят годы и на этот раз автор, продолжая самобытные национальные традиции, называет свой роман «Мой умерший мир». Показывая смерть так рьяно им сохраняемого мира своего героя, автор тем самым показывает свое несогласие с ходом общественного развития. Являясь, в той или иной степени, участником событий происходящих в стране писатель, гражданин протестует против проводимых под именем глобализации и развития ослабления национальных традиций, исторической памяти.

В романе «Мой умерший мир» со всем трагизмом передается невосполнимая потеря национально-моральных ценностей наблюдаемая автором в реальной жизни. Всем своим существом стараясь сохранить «как личным примером, так и своими произведениями» исчезающие национальные традиции. Автор понимает, что потери неизбежны и если народ не станет сохранять свои корни, свою национальную самобытность, свои традиции в будущем это может обернуться потерей национальной идентичности, т. е. по сути существования народа как нации. Заметим еще один интересный аспект-это схожесть двух романов. В частности национальная самобытность героев этих романов, характеров, а иногда и использование народных эпосов в процессе создания образов романов. С этой же точки зрения можно заметить и различия этих двух произведений. Если в романе «Кура Неукротимая» только Джахандар ага напоминает былинных героев то в романе «Мой умерший мир» большинство героев таковы и даже женские образы своей отвагой, честью, достоинством напоминают эпических героев. В написанном в 1995 году столь же монументальном, как и «Кура неукротимая» романе «Мой умерший мир» автор описывает такие человеческие моральные качества как мужество, доблесть, честь, отвага. Все это вызывает интерес с разных точек зрения. Первое это желание привлечь внимание народа к возможным моральным потерям, второе попытка показать с какими ценностями они должны идти в будущее, третье все перечисленные проблемы используются автором как самостоятельное средство творческого воздействия. Как известно, в любом произведении, в котором говорится о судьбе человека, обязательно описываются его чувства. Писатель с большим мастерством описывающий традиции преследует две цели. Он с одной стороны старается передать всю полноту внутреннего мира героев, описывая всю полноту их моральных переживаний в соответствии с национальной психологией. По результатам современных исследований становится ясно, что психологизм не ограничивается только описанием внутреннего мира человека. Наоборот большое значение в описании морально нравственные переживаний человека имеет создание психологического настроения народа. Передаваемый с помощью описания мнения, чувств, переживаний так называемой выдуманной литературной личности автор в полной степени проецирует пси-

хологизм, который представляет разными формами: например общественный психологизм (классовый, социальный, присущих эпохи).

В романе достаточно образов описанных на уровне личности. Большинство из них люди зрелого возраста описанные с точки зрения общественного психологизма. Например, такие образы как Омер Коха, Гюлли, Кесеменли и др. в той или иной степени отображают психологию народа. Одной из интересных черт является то, что образы (будь то главные или образы второго плана) все свои действия переживания и даже самые интимные чувства сопоставляют с устоями и принципами старшего поколения. Юная Гаратель, искупавшись со сверстницами в речке, не находит своей одежды на берегу. Ее ворует Аладдин. Это расценивается как потеря не только одежды, но и чести и подлежит строгому наказанию. Как и односельчане Гаратель знает историю Омер Кохи которая выгоняет свою невестку из дома за то, что та, потеряв свою нижнюю юбку, тем самым как бы теряет свою честь. Не в силах пережить позора девушка убивает себя.

Однажды, давным-давно, женщины сплетничали между собой о том, что Омер Коха убьет младшую невесту, потерявшую свою юбку. Это позор. Девушка или невеста, потерявшая свою нижнюю юбку, как бы теряет свою честь, а этот позор лишь черная земля покроет. Несчастливая девушка обыскала все вокруг. Все перевернула вверх дном: постель, матрац, ковры, хурджуны, паласы, половицы. Нет нигде, как в воду канула юбка. Лучше бы я руки ноги себе переломала в тот день. Ведь я темной ночью, чтобы никто не видел повесила белье. Проснулась раньше всех, а юбки уже не было. Как такое может быть? Если бы это был вор, то он бы украл коней или увел бы стадо. Зачем ему одежда? Нет, это кто-то хотел оскорбить мою честь. Кто-то враждует с нами. Лучше бы сгинула я, провалилась бы сквозь землю». Все моральные переживания Гаратель связаны именно с нравственными переживаниями оклеветанной девушки. Именно поэтому девушка переживает моральные муки в ожидании сватов от Аладдина. Ее переживания не связаны с любовью, а лишь со страхом. Гаратель и ее сверстницы - молодые образы романа, их внутренний мир, нравственные устои, переживания строятся в соответствии с нравственными ценностями старшего поколения. Омер Коха, Гюлли, Кесеменли не просто представители старшего поколения отдельно взятой семьи. Они получили право называться *аксакал* и *агбирчек* за счет прожитой ими жизни. Перечисленные образы не показывают переживаемые ими чувства открыто. На первый взгляд может показаться, что им чужды присущие простым людям эмоции. В произведении не описываются случаи, где они плачут или смеются. Гюлли всеми силами старается скрыть свои чувства. Гасанага случайно убивает Аладдина. Узнав это, Гюлли зовет невесту и сообщает ей об этом. Женщина крепко прижимает ее голову к своей груди. Гонча ханым, как ребенок, икнула. Широкая ладонь свекрови гладила ее по голове, по волосам. Гонча почувствовала, что свекровь дрожит. От горя она не могла пошевелиться. Крепись доченька. От судьбы не убежишь, все злой рок. Слезы, готовые как поток брызнуть из глаз Гончи, остановились. Пропало желание рвать на себе волосы и рыдать. Чтоб сдержаться стенания, она еще сильнее прижалась к свекрови. Гюлли ханым поцеловала невесту в голову.

-Ты мужественная девушка, и должна вести себя соответственно.

Омер Коха, Гюли пытаются быть полезными для общества людьми. Именно они сдерживая свои эмоции стараются предотвратить кровную вражду. Эти образы не допускают поступков способных огорчить близких и обрадовать врагов (Когда в доме горе нельзя кричать и стенать нельзя себя унижать вокруг кроме друзей есть и враги).

Отличие Кесеменли от Омер Кохи и Гюлли в том, что, если они действуют как обычные люди, то он наделен официальными полномочиями. Вынужденные общаться с Кесеменли как с официальным лицом, часто обращаются к нему с вопросом-«Дядя Каби вы со мной сейчас говорите как ГЕПО или как дядя Каби? Как мне вам отвечать?». Заработанный за всю жизнь статус «аксакала» Кесеменли сохраняет как зеницу ока. Обращающиеся к нему хотят подчиняться не государственным правилам, а национальным традициям. Потому что они до сих пор привыкли жить, придерживаясь примеру жизни таких людей как Кесеменли, Омер, Кохи и Гюлли. Большинство людей стараются жить в соответствии с нормами национальной этики и нравственности, они никогда не смогут смириться с психологией бесчестия.

Только в вопросах общественной значимости не сдерживает свои эмоции Гюлли и дает волю чувствам.

-Эй лысый скелет, что ты хорохоришься на детей и женщин?

-Не ругайся старуха.

-Старуха твои мать и сестра. У меня есть имя.

-Знаю. Но ты уже потеряла уважение к себе.

В другом эпизоде Омер Коха поступает также как и Гюлли. Защищает свое имя. Для Фатулаевых имя ничего не значит. Гюлли и Омер Коха наоборот заслужили свое имя всей своей жизнью прожитой в согласии с совестью и честью. Такие как Хондулу, не имеющие имени, и Фатуллаевы, не способные сопереживать и получающие удовольствия от чужой боли, умирают от руки Кесеменли.

Выводы и перспектива. Таким образом, Различные формы общественного психологизма формируют в человеке отличительные чувства и переживания. В оторванном обществе нет места, лицемерию, двуличию, наживе, предательству, они встречаются лишь в обществе умерших Фатуллаевых и Хондулуевых.

И. Шыхлы, будучи профессионалом, гражданином сохранившим и продолжившим национальные и этнические ценности, старался найти взаимосвязь между человеческой психологией и психологией общественной.

Литература:

1. Джафаров Н. Избранные произведения: в 5-ти томах. – Т. II / Джафаров Н. – Баку: Элм, 2007.
2. Зейналова Д. Художественное развитие национального самовыражения в творчестве И. Шыхлы (на основе проблемы писателя и фольклор) / Зейналова Д...автореферат на соискание ученой степени канд. филол. н. – Баку, 2005.
3. Саламоглу Т. Литературные проблемы новейшего Азербайджана / Саламоглу Т. (Джафаров) – Баку, БГУ, 2008.
4. Алишаноглу Т. Азербайджан «новое поколение» / Алишаноглу Т. – Баку: Элм, 1999.
5. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы / Есин А. Б. – Москва: Просвещение, 1988.
6. Иезуитов А. Проблемы психологизма в литературе. Проблемы психологизма в советской литературе / Иезуитов А. – Ленинград: Наука, 1970.
7. Шыхлы И. Избранные произведения. – Т. I / Шыхлы И. – Баку: Восток-Запад, 2005.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ЛИРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ЭПИЧЕСКОМ ЖАНРЕ (НА ОСНОВЕ РОМАНА И. ШИХЛИ «МОЙ УМЕРШИЙ МИР»)

Гусейнова М. Національні традиції в епічному жанрі і лірико-психологічний аналіз (на основі роману І. Шихлі «Мій померлий світ») / М. Гусейнова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 141–145.

У статті на основі роману «Мій померлий світ» видного азербайджанського письменника І. Шихлі досліджуються такі можливості лірико-психологічних аналізів, які створюють найбільш повне, яскраве і колоритну своєрідність образів, з використанням національних традицій. Шихлі все життя творив під гаслом «Життя народу невичерпне джерело для творчості». До цих пір викликає інтерес відображення в його творах життя народу, його історичної пам'яті, морально-етичних цінностей.

Ключові слова: національна традиція, Ісмаїл Шихлі, епічний жанр

Huseynova M. National traditions in the form of the epic and lyric-psychological analysis (based on the novel "My dead world" of I. Shikhli) / M. Huseynova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 141–145.

The article based on the novel "My dead world" of prominent Azerbaijani writer I. Shikhli examines these opportunities of lyric-psychological analyzes which create the most complete, vivid and picturesque peculiarity of images by using national traditions. Shikhli life worked under the slogan "Life is an endless source of people's creativity. " The prominent interest in his works, the peoples, his historical memory and moral values.

Keywords: national tradition, Ismail Shikhli, epic genre

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

ГЕТЕРОДИЕГЕТИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ С ФОКАЛИЗАЦИЕЙ НА ГЕРОЕ В РАССКАЗАХ Э. АМИТА И Э. УМЕРОВА

Джемилева А. А.

*ТНУ им. В. И. Вернадского
E-mail: Ayshe66-2008@mail.ru*

Среди повествовательных соотношений наиболее развернутым и значимым является взаимосвязь и взаимодействие повествователя и персонажа. В связи с этим актуализируется литературоведческая проблема «точки зрения». Для понимания произведений важно, чье восприятие определяет взгляд на мир, сквозь призму чьего сознания происходит изображение лиц и событий. В крымскотатарской прозе ощутимо проявляется процесс сокращения сферы открытого авторского присутствия в мире изображаемой действительности. Это выражается в окрашенности слова повествователя точкой зрения персонажа. Статья посвящена изучению нарративной структуры рассказов Э. Амида «Сепеттеки инджирлер» («Однокашники») и Э. Умерова «Первый букет». Изучены и выявлены особенности нарративной формы гетеродиегетического повествования с фокализацией на героя в рассказах Э. Амида и Э. Умерова; показаны особенности приёма «столкновения различных точек зрения» в структуре повествования произведения; выявлены особенности внутренней фокализации с позиций героя.

Ключевые слова: рассказ, автор, повествователь, фокализация, герой.

Постановка проблемы. Среди повествовательных соотношений наиболее развернутым и значимым является взаимосвязь и взаимодействие повествователя и персонажа. В связи с этим актуализируется литературоведческая проблема «точки зрения». Для понимания произведений важно, чье восприятие определяет взгляд на мир, сквозь призму чьего сознания происходит изображение лиц и событий.

Анализ последних исследований по проблематике работы. Основы фокализации как подхода к проблеме зрительной перспективы в произведениях словесного искусства были заложены Ж. Пуйоном. Одно из перспективных направлений в изучении проблемы повествователя связано с понятием точки зрения. Технологию точки зрения разрабатывали Г. Гуковский, М. Бахтин, В. Виноградов, Ж. Женетт, Ю. Лотман, Б. Успенский, М. Ткачук, Б. Корман, Ц. Тодоров, В. Шмид, Дж. Принс, П. Рикер и др.

Понятие «точки зрения» введено Г. Джеймсом. Согласно его теории, чтобы добиться большей объективности в отражении действительности, писатель должен освещать мир только с определённой субъективной точки зрения. Обычно точка зрения подразумевает отношение нарратора к повествуемой истории. Точку зрения называют и перспективой. «В литературе, особенно, в эпике, точка зрения, из которой воспринимается и рассказывается событие; отношение повествователя, который не должен быть идентифицирован с автором» [1, 180].

По мнению М. Ткачука, чаще всего в исследованиях внимание на точку зрения обращалось в связи с психологизмом нарратива. Использованная перспектива в произведении указывает на психологические характеристики носителя точки зрения, будь это персонаж или сам нарратор [2, 395].

Б. Корман даёт следующее определение: «точка зрения – зафиксированное отношение между субъектом сознания и объектом сознания» [3, 51].

Цель и задачи. Изучить и выявить особенности нарративной формы гетеродиегетического повествования с фокализацией на герое в рассказах Э. Амиита и Э. Умерова; показать приём «столкновения различных точек зрения» в структуре повествования произведения; выявить особенности внутренней фокализации с позиций героя.

Методы исследования: метод сравнительно-исторического исследования; описательный метод; метод литературоведческого анализа.

В крымскотатарской прозе ощутимо проявляется процесс сокращения сферы открытого авторского присутствия в мире изображаемой действительности. Это выражается в окрашенности слова повествователя точкой зрения персонажа. Литературоведы Н. Тамарченко, В. Тюпа, Бройтман считают, что в пределах одного высказывания, т. е. всего произведения, либо любой его части, субъект речи (тот, кто считается «автором», кому принадлежит высказывание) может не совпадать с носителем «точки зрения» (с тем, чьими глазами показан предмет) [4, 207].

Рассказ **Эмиля Амиита «Сепеттеки инджирлер»** («Однокашники») выдержан в рамках нарративной ситуации от третьего лица. Это известная аукториальная нарративная ситуация, в которой читатель должен ориентироваться на точку зрения повествователя. Автор предлагает точку зрения героя. Такую нарративную ситуацию с внутренней фокализацией на герое, А. Ткачук называет «персонажной нарративной ситуацией» [5, 97].

Таким образом, нарративная структура дифференцируется несовпадением в плане фокализации: говорит нарратор, видит герой. Восприятие персонажа, его мироощущения составляют центр, который организует повествование. Персонаж является не объектом изображения, а активным изображающим и повествующим субъектом, и введение точки зрения персонажа в речь повествователя ведёт к субъективации повествования. Все события освещены с точки зрения главного героя – Бурхана. Автор-повествователь раскрывает историю жизни героя на протяжении нескольких лет. Бурхан, окончив педагогический институт, получил направление в горный район. Здесь Бурхан женился, затем забрал к себе мать. Теперь он едет, чтобы продать дом, а поможет ему в этом, как думал Бурхан, его друг и одноклассник Камал.

Нарратор вводит читателя во внутренний мир героя, показывает волнение от встречи с близким другом: *«Интересно, успел ли Камал получить моё письмо? Он всегда был расторопным парнем, поможет управиться с продажей дома. Как только приеду, пойду прямо к нему на работу. Не дожидаться же вечера, когда Камал возвратится домой. Ох, и обрадуется друг»* [10, 34].

В авторское повествование систематически включается речь героев, что квалифицируется в нарратологии как «персональное» («персонажное») повествование [6,

127]. О том, насколько близкими друзьями были Бурхан и Камал, мы можем судить по следующим строкам, изложенным формально от автора. Несобственно-прямая речь используется при сближении повествователя с кем-либо из персонажей, голоса повествующего и персонажа сливаются.

Бурхан испытывал к другу самые тёплые дружеские чувства. Характеристика Камалу даётся глазами героя: *«У Камала был приятный голос. Он на лету схватывал любую мелодию. Но вот курил, негодник. Если б не это, еще неизвестно, кто теперь стал бы более популярным – Магомаев или Камал. Он и на рубабе играл, и на гитаре <.. > Камал видный парень. Высокий. Волнистый чуб слегка наискосок зачёсан на лоб. Глаза жгучие, блестят, как антрацит»* [10, 34].

Герой везёт своему другу гостинец – корзинку инжира, который он собрал в своём саду. Нарратор не зря подробно рассказывает о подарке Бурхана, именно этот подарок сыграет важную композиционную роль. Автор противопоставляет поведение друзей: когда Бурхан уговаривал друга поехать учиться вместе, в ответ услышал: *«Дураки набивают башку, умные – мошну. Неизвестно, кто в выигрыше»* [10, 36]. Как видим, жизненная философия Камала довольно проста: не утруждая себя, создать благоприятные условия для жизни. Бурхан приезжает на работу к другу, но его не пускают. Выясняется, что Камал на обеденном перерыве. Бурхан собирается в столовую, но сторож говорит, что *«Камал Таирович в столовой не обедают. Они ездят в ресторан»*. Когда Бурхан пытается узнать, в каком ресторане обедает друг, он слышит: *«Они в разные ездят. Смотри, чего им хочется покушать. В одном плов готовят хорошо, в другом – шашлык, в третьем – лагман <.. >* [10, 37]. Здесь читатель замечает первые несоответствия с образом, который был показан глазами Бурхана. Автор психологически достоверно описывает встречу близких друзей. Искренней радости Бурхана писатель противопоставляет холодное равнодушие Камала, пренебрежительное и снисходительное отношение.

Многие писатели используют распространённый приём – освещение одного и того же события с двух или более точек зрения. Один и тот же персонаж подвергается двойственной оценке со стороны разных персонажей. Нередко это приводило, по выражению М. Бахтина, к «проблеме столкновения точек зрения персонажей» [7, 183]. В рассказе приём выявляет разные точки зрения, противоречащие друг другу. Характеристики, данные Камалу, диаметрально противоположны. Это второе несовпадение с образом, живущим в памяти Бурхана. Совершенно справедлива мысль Ю. Лотмана о том, что чрезвычайно существенным элементом является то, что герой может даваться в описании другого персонажа, «его глазами», то есть на его языке. То, как трансформируется тот или иной персонаж, будучи переведён на язык чужих представлений, характеризует и носителя языка и того, о ком он повествует [8, 308].

Болевая точка рассказа – сцена прихода Бурхана в дом друга, она ярко выражена в диалоге. Когда Бурхан приходит к Камалу, жена любезно приглашает его войти, принимая за другого. Дело в том, что к Камалу должны приехать гости из Ташкента для проверки склада. Э. Амит тонко описывает этот эпизод. Удивлению хозяев (жены и тещи Камала) не было предела. На лице тещи Камала было откровенное разочарование. Она сказала, что он не сможет сегодня поговорить, и просила

прийти в другой раз. Небольшая записка красноречиво раскрывала сущность рассказов о Камале. Инжир, оставленный без внимания, учитель отдаёт ребятишкам во дворе.

В рассказе «Сепеттеки инджирлер» автор запечатлел факт, пропитанный внутренним драматизмом, который становится художественным обобщением, организует повествование и выражает его идею.

В рассказе «Первый букет» Э. Умеров обращается к традиционному повествованию от третьего лица, от имени автора. Фокализация ведётся с позиций героя. События освещены с точки зрения главного героя – Эльдара.

Повествование сосредоточено на переживаниях, внутреннем мире героя. Фокализация в рассказе отчётливо внутренняя. Этот факт становится решающим и для дальнейшего повествования. В основном рассказывает автор-повествователь. Часто повествование переходит к герою, то есть фактически излагает мысли автор, но за ними угадываются мысли и чувства Эльдара.

Абзац начинается речью повествователя. Следующий абзац – это уже голос героя: его мысли, его точка зрения, его чувства: *«Лицо это сегодня было как бы раздетое: оно чувствовало себя так, как может себя чувствовать себя человек, который вдруг появился на улице в майке и трусах, когда все кругом закутаны в толстые пальто и меховые шубы. Грива исчезла. Осталась только смехотворная бугристая голова, лопушистые уши. Потуги придать своим глазам нагловатую уверенность вместо вселившихся в них растерянности, испуга и стыда за голый череп ничего не давали»* [11, 18]. Следующее предложение абзаца «Король был гол» – это уже оценка, голос самого автора.

Автор выхватил из жизни одноклассников Эльдара и Шагане одно мгновение – зарождение первого чувства, первой юношеской любви. Отдельными деталями, тонко и изящно писатель рисует психологическое состояние юных героев. Постигая великую науку чувств, они ведут себя несмело. Шагане кажется читателю более взрослой: автор передаёт это через выражение глаз девушки: *«Перед последним уроком она сделала большие глаза (и зачем только – лица не осталось, одни глаза!) и таинственно шепнула: – Мальчики, после уроков не уходите. Дело есть»* [11, 18].

Обращает на себя внимание характерное для Э. Умерова оформление «активных» авторских реплик. Как отмечает В. Фащенко, художников слова давно привлекал приём «чтения» взглядов и «разговора» по глазам. Основывается он на наблюдении, что при помощи взгляда люди могут понять друг друга без слов; взгляд может сказать то, о чём в данный момент думает и что чувствует человек. Степень взаимного понимания зависит от множества причин – от знания характера «собеседника», настоящей ситуации, зоркости и наблюдательности того, кто расшифровывает «немые реплики», знаки мимики [9, 60]. Путь к пониманию души через внешность, мимику и жесты достаточно сложен и требует от писателя обширных знаний и наблюдений.

Шагане приглашает Эльдара и Шухрата на свой день рождения. Нужно отметить, что девушка нравилась обоим мальчикам. Но равнодушна она к Эльдару и не боится показать это. Автор тонко рисует этот момент. В небольшом по объёму рассказе немало психологических деталей, которые высвечивают неповторимую

картину зарождения первого чувства влюблённых. Шухрат, узнав, что Шагане нравится Эльдар, отказывается идти на день рождения. Проследим этот момент в повествовании, как автор-нарратор пытается скрыть разочарование и обиду Шухрата: «– Я не смогу пойти, Эльдар <.. > У меня свидание. – Свидание? – удивился Эльдар. – Ну да, что тут удивительного? – грубовато отрезал Шухрат. – Ну, пока». И кульминация эпизода, высказанная голосом самого персонажа: «У него никакого свидания не было, просто он не хотел больше становиться таким маленьким, сгорбленным и жалким, как сегодня, когда Шагане и Эльдар смотрели друг на друга. «Не скажу же я тебе, что люблю её!» – подумал Шухрат» [11, 23].

Эльдар решает подарить девушке букет цветов. Но, оказывается, это непросто – найти ранней весной цветы. Впервые в жизни ему придётся дарить букет девушке. В финале приводятся мысли героя, которые подводят итог его духовным исканиям.

Перспективы дальнейших исследований. Таким образом, отметим, что рассказы, написанные с точки зрения героя, но от лица автора, обладая преимуществом рассказов, написанных от первого лица, допускают более гибкую и свободную форму изложения. Такой способ повествования требует от писателя отличной литературной техники. Этой техникой в полной мере владели Э. Амит, Э. Умеров, А. Осман, Т. Халилов и др. Задача исследователей – изучение художественного стиля писателей с учётом особого внимания на внутренний мир персонажа.

Литература:

1. Тмарченко Н. Д. Теоретическая поэтика: Хрестоматия-практикум [учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений]. /Тмарченко Н. Д. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 400 с.
2. Ткачук М. П. Наративні моделі українського письменства /Ткачук М. П. – Тернопіль: ТНПУ, Медобори, 2007. – 464 с.
3. Корман Б. О. Проблемы истории критики и поэтики реализма. Межвузовский сборник. /Корман Б. О. – Куйбышев, 1981. – 285 с.
4. Теория литературы [учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений]. : В 2т. /Под ред. Н. Д. Тмарченко Т. 1. Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 512 с.
5. Ткачук О. М. Наратологічний словник /Ткачук О. М. /Тернопільський державний педагогічний ун-т ім. Володимира Гнатюка. – Т. : Асток, 2002. – 173 с.
6. Шмид В. Нарратология /Шмид В. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
7. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. /Бахтин М. – М, Совет. писатель, 1979. – 320 с.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста /Лотман Ю. М. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
9. Фащенко В. Фащенко В. Етюди про психологізм літератури // Фащенко В. У глибинах людського буття: Літературознавчі студії /М. М. Фащенко, В. Г. Полтавчук. – О. : Маяк, 2005. – 640 с.
10. Амит Эмиль Олений родник /Эмиль Амит. – М, Советский писатель, 1982. – 368 с.
11. Умеров Э. Вторая невеста [Рассказы и повесть]. Пер. с крымскотат. /Эрвин Умеров. – М. : Сов. писатель, 1984. – 368 с.

Джемилева А. А. Гетеродієгетична оповідь з фокалізацією на героєві в оповіданнях Е. Аміта і Е. Умерова / А. А. Джемилева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 146–151.

Серед оповідних співвідношень найбільш розгорненим і значущим є взаємозв'язок і взаємодія оповідача і персонажа. У зв'язку з цим актуалізується проблема літературознавства «точки зору». Для розуміння творів важливо, чиє сприйняття визначає погляд на світ, крізь призму чийої свідомості відбувається зображення осіб і подій. У кримськотатарській прозі відчутно виявляється процес скорочення сфери відкритої авторської присутності в світі дійсності, що зображається. Це виражається в забарвленості слова оповідача точкою зору персонажа. Стаття присвячена вивченню нарративної структури

оповідей Е. Аміта «Сепеттеки инджирлер» («Однокашники») і Е. Умерова «Перший букет». Вивчені і виявлені особливості нарративної форми гетеродієгетичної оповіді з фокалізацією на героєві в оповіданнях Е. Аміта і Е. Умерова; показані особливості прийому «зіткнення різних точок зору» в структурі оповідання твору; виявлені особливості внутрішньої фокалізації з позицій героя.

Ключові слова: оповідання, автор, оповідач, фокалізація, герой.

Dzhemileva A. A. Geterodiegetical story from focalization on the hero in stories by E. Amit and E. Umerov / A. A. Dzhemileva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 146–151.

Among narrative correlations most unfolded and meaningful is intercommunication and co-operation of narrator and character. A study of literature problem of point of view became actually in this connection. It is important for understanding of works, whose perception is determined by a look to the world, through the prism of whose consciousness there is an image of persons and events. In crimeantatar prose perceptibly the process of reduction of sphere of the opened author presence shows up in the world of the represented reality. It is expressed in painted of word of narrator the point of view of character. The article is devoted to the study of narrative structure of stories of E. Amit «Fellow students» and E. Umerov the «First bouquet». Studied and exposed the feature of narrative form of heterodiegetic narration with focalization on a hero in the stories of E. Amit and E. Umerov; the features of reception of «collision of different points of view» are rotined in the structure of narration of work; the features of internal focalization are exposed from positions of hero.

The story of **Emil Amit «Fellow students»** is self-possessed within the framework of narrative situations from the third person. It is the known auctorial narrative situation in which a reader must be oriented on the point of view of narrator. An author offers the point of view of hero. Thus, a narrative structure is differentiated the lack of coincidence in the plan of focalization: narrator talks, a hero sees. Perceptions of character, his attitudes make a center which organizes a narration. Character is the not object of image, but active depicting and narrating subject, and introduction of point of view of character to speech of narrator conducts to make subjective narrations. In the story of «**Fellow students»** an author imprinted a fact, saturated with an internal dramatic effect, which becomes artistic generalization, organizes a narration and expresses his idea.

In the story «First bouquet» E. Umerov speaks to the traditional narration from the third person, on behalf of author. Focalization is conducted from positions of hero. Events are lighted up from point of protagonist – Eldar. A narration is concentrated on experiencing, internal world of hero. Focalization in a story is internal. Thus, will mark that stories, written from the point of hero, but on behalf of author, possessing advantage of stories, written from the first person, assume more flexible and free form of exposition. Such method of narration requires an excellent literary technique from a writer. This technique to a full degree was owned by E. Amit, E. Umerov, A. Osman, T. Khalilov and others.

Keywords: story, author, narrator, from positions, hero.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 111(73)-845. 09

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЛЕЙТМОТИВЫ В ПЬЕСЕ Т. СТОППАРДА «РОЗЕНКРАНЦ И ГИЛЬДЕНСТЕРН МЕРТВЫ»

Бондаренко Л. В., Рубель Е. А.

ТНУ им. В. И. Вернадского

В статье рассматривается интертекстуальная природа лейтмотивной структуры в пьесе Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», связывающая ее текст с Шекспировским «Гамлетом» и «В ожидании Годо» С. Беккета, обретая свое художественное выражение в поведении героев, диалогах, авторских ремарках, а также в описании места действия, атмосферы, времени и обстоятельств. В основе исследования лежит комплексный подход. *Культурно-исторический* и типологический подходы используются при определении понятия лейтмотива в культурно-историческом и литературном контекстах. При этом обращаемся также к *дескриптивному* и *сопоставительному* методам.

Ключевые слова: лейтмотив, лейтмотивная структура, интертекстуальные лейтмотивы.

Постановка проблемы. Интертекстуальность лейтмотивов современной литературы восходит к произведениям Р. Вагнера. Свою историческую поэтику А. Веселовский начинает как раз с разбора и критики того, что уже было сделано братьями В. и Я. Гримм, Г. Штейнталем, В. Шерером и др. В начале XX в. проблеме мотива уделяют внимание именитые лингвисты – А. А. Реформатский и А. А. Потебня. В свою очередь В. Я. Пропп критиковал трактовку мотива А. Веселовским. Он считал его теорию тем общим принципом, который можно и нужно положить началом исследований, но предлагаемая Веселовским трактовка терминов для него была уже неприемлема. Следуя за традицией А. Н. Веселовского и В. Я. Проппа, О. Фрейденберг детально исследует аспект связи сознания и порожденного им мотива [2]. В. М. Жирмунский в своих историко-типологических исследованиях также основывается на положениях А. Веселовского. В свою очередь, уточняя и интерпретируя их, А. Шкловский принимал идею о разграничении мотива и сюжета. Вслед за эпохой развития структурализма в литературоведении возник метод мотивного анализа. Несмотря на устойчивый интерес к проблеме мотива со стороны таких ученых, как Б. Н. Путилов, В. А. Викторovich, Г. В. Краснов и др, до настоящего времени это понятие не получило достаточно четкой терминологической формулировки [4]. В данной работе под мотивом мы понимаем семантически неделимую, устойчивую, регулярно повторяющуюся единицу художественного текста, которая содержит характеристику персонажа, ситуации, переживания и является носителем идейного содержания. В рамках настоящего исследования предпринята попытка обозначить основные принципы композиционной организации интертекстуальных лейтмотивов пьесы Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», что позволяет проследить направ-

ления развития интертекстуальных связей и межтекстовых отношений современной интеллектуальной пьесы и классических текстов.

Изложение основного материала. Основу композиции «Розенкранца и Гильденстерна» составляют словесно-музыкальные темы, которые реализованы в тексте пьесы с помощью ряда повторяющихся мотивов (лейтмотивов) наиболее важными являются темы судьбы и рока, вечности, безумия, случайности и свободной воли.

Лейтмотив ожидания проявляется в виде стоппардовской вариации «ожидания Годо» и на уровне главных персонажей – Розенкранца и Гильденстерна просматривается интертекстуальная связь с трагедией Шекспира. Частным проявлением привязанности героев к шекспировскому тексту является их зависимость от принца Гамлета. При этом отношение Роза и Гила к Гамлету имеет тот же характер, что и беккетовских бродяг к Годо. Пока Гамлет жив, Розенкранц и Гильденстерн остаются на сцене; пока не появился Годо, Владимир и Эстрагон не покинут условленное место. Мотив соглядатайства в пьесе Стоппарда во многом перекликается с беккетовским мотивом бездействия, поскольку для Роза и Гила, не посвященных в шекспировский текст, выполнение возложенной на них миссии представляется абсолютно невозможным.

Еще один лейтмотив, который мы рассмотрим, имеет библейскую основу. Мы обозначим его как лейтмотив молитвы. Имеется в виду стоппардовская вариация строки из евангельской молитвы «Отче наш» «Give us this day our daily bread» [3]. («Хлеб наш насущный даждь нам днесь», Матф, 6: 11). Повторяясь по ходу действия пьесы пять раз, строка задает целый ряд возможных интерпретаций, расширяющих смысловую наполненность пьесы.

«Жизнь (и сознание) изнутри себя самой», – отмечает М. М. Бахтин, – «есть не что иное, как осуществление веры; чистое самосознание жизни есть осознание веры (т. е. нужды и надежды, не самоудовлетворенности и возможности)» [цит. по 6]. Выражение этой нужды и надежды облекается в пьесе Стоппарда в форму парадоксальной молитвы, выходящей за рамки традиционных норм этого речевого жанра.

Очень важную роль, на наш взгляд, играет в пьесе Стоппарда лейтмотив, задаваемый оппозицией «память / забвение». Данная оппозиция представляет собой основную часть триады, составляющей концептуальное ядро творчества Стоппарда – «жизнь-смерть-бессмертие». В контексте интеллектуальных драм Стоппарда концепт памяти обретает значение силы, возвращающей к жизни, т. е. дарующей бессмертие, в то время как забвение приравнивается к смерти. В пьесе «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» тема памяти раскрывается в основном в абсурдистском ключе.

Итак, есть основания говорить, что модели «повторов с изменениями», заимствованные Т. Стоппардом у С. Беккета, определяют сюжетосложение пьесы «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», выводя на основополагающие концепты пьесы. В ряду последующих пьес Т. Стоппарда цикличность становится одним из ведущих поэтологических признаков.

Своеобразие повторяющихся моделей в пьесе «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» заключается, помимо всего прочего, также и в том, что варьируемое чередование компонентов того или иного лейтмотива на протяжении всей пьесы придает музыкальное, ритмическое звучание отдельным сегментам текста. Рассмотрен-

ный нами выше лейтмотив мольбы задает тексту пьесы Стоппарда «плавающий» ритм. Повторы компонентов цикла не только ритмизированы, но и рифмованы.

Таким образом, приходим к **выводу** о том, что можно выделить следующие интертекстуальные лейтмотивы пьесы Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы»: мотив «ожидания», «памяти/беспамятства», мотив «молитвы» и мотив «соглядатайства», рассмотренные в данной работе. Кроме того, в пьесе ярко звучат лейтмотивы судьбы и рока, лейтмотив предназначения и свободной воли, образующие бинарные композиции, безусловно, заслуживающие внимания в рамках данной темы.

Литература:

1. Веселовский А. Н. Поэтика. Поэтика сюжетов / А. Н. Веселовский // Собр. соч. в 3-х томах. – Т. 2. – Вып. 1. – СПб, 1913. – 301 с.
2. Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа / К. Леви-Стросс // Семиотика. – М, 1983. – 411с.
3. Стоппард Т. Розенкранц и Гильденстерн мертвы / Том Стоппард. – М. : Худож. Лит, 2001. – 135 с.
4. samuel-beckett. net / Waiting_for_Godot. – электронный ресурс
5. www. martinfrost. ws/. . /waiting-for-go. . . – США. – электронный ресурс
6. WWW: <http://bellinux.sf.net>. – перевод А. Михаилян. – электронный ресурс

Бондаренко Л. В. Интертекстуальні лейтмотиви у п'єсі Т. Стоппарда «Розенкранц та Гільденстерн мертві» / Л. В. Бондаренко, К. О. Рубель // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 152–154.

Стаття присвячена дослідженню інтертекстуальних лейтмотивів у сучасній постмодерністській інтелектуальній драмі на матеріалі п'єси Т. Стоппарда «Розенкранц та Гільденстерн мертві».

У дослідженні використовуються культурно-історичний та типологічний підходи щодо аналізу інтертекстуальних лейтмотивів у тексті, дескриптивний та порівняльний методи.

Ключові слова: лейтмотив, лейтмотивна структура, інтертекстуальні лейтмотиви.

Bondarenko L. Intertextual leitmotifs in Tom Stoppard's play "Rosencrantz and Guildenstern are Dead" / L. Bondarenko, Ye. Rubel // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 152–154.

The article is devoted to the study of the intertextual nature of the leitmotif structure in Tom Stoppard's play "Rosencrantz and Guildenstern are Dead" revealing its intertextual connections and relations to the Shakespeare's "Hamlet", "Waiting For Godot" by Samuel Becket and other literary texts. Intertextual leitmotifs reveal themselves in the form of the characters' behavior, dialogues, author's remarks, as well as in the scenery and atmosphere description. The artistic explication of the leitmotifs is also found in the plot structure and sequence of events. The main leitmotifs of the play are of life and death, fate and free will, memory and oblivion. Intertextual connections of the play to the classical texts are revealed on the level of characters, plot structure, scenery, sequence of events, dialogues and author's remarks.

It is notable that the leitmotifs of the modern intellectual drama coincide with those of the classical one, mirroring them in the modern literary context. Intertextual relations are also visible in the characters speech as the dialogues of "Ros & Guil" are transparent reminders of those in Shakespeare's "Hamlet", sometimes they are mere quotations.

The study is conducted on the basis of the comprehensive approach to the problem. Cultural-typological and typological approaches are used to define the notion of leitmotif in the light of the cultural-historical and literature contexts. Simultaneously descriptive and comparative methods are referred to.

Key words: leitmotif, leitmotif structure, intertextual leitmotifs.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 512. 162

ВОСПЕВАНИЕ РЕЛИГИОЗНО-МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ АШУГА МИСКИНЛИ ВЕЛИ

Гусейнова Н. Н.

Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана

Одна из основных тем в творчестве Вели Мискинли – религиозная тема. В своих стихотворениях, воспевающих нравственность, он отдавал предпочтение религиозным ценностям. В стихах Мискинли Вели не просто воспеваются Аллах, Мухаммед, Али и другие имена, в этих восхвалениях пропагандируются высокие моральные ценности. Здесь есть великая любовь, уважение. Правда-справедливость, честность, истина, храбрость, идейность, принципиальность и др. морально-нравственные качества представлены людям в лице пророка и его семьи как прекрасный образец.

Ключевые слова: Мискинли Вели, поэзия, моральные качества

Постановка проблемы. Мискинли Вели – один из творческих лиц, сыгравший видную роль в развитии азербайджанской ашугской поэзии. Он прожил больше века, с конца 19 до конца 20 века, и большую часть своей жизни посвятил творчеству (1894-1995). Как в творчестве Мискинли Вели, так и в ашугской поэзии в целом, нравственные ценности становятся категориальным явлением, вытекающим из философско-эстетического отношения к действительности творца-субъекта, содержание именно этих ценностей связано с элементами, которые служат для их высказывания.

Наблюдения, проведенные над поэзией ашуга, дают возможность в нижеследующем порядке составить арсенал моральных ценностей:

1. Этнонациональные ценности;
2. Религиозные ценности;
3. Мировые ценности.

Одна из основных тем в творчестве Вели Мискинли – **религиозная тема**. В своих стихотворениях, воспевающих нравственные ценности, он отдавал предпочтение религиозным ценностям. В первую очередь, нужно отметить, что религиозные мотивы в творчестве мастера обретают особое значение при рассмотрении его родословной. С этой точки зрения, в первую очередь, привлекает внимание смысл, скрытый имени ашуга «Мискинли».

Вообще, по терминологии, понятие «мискинлик» стоит в одном ряду с понятиями «больной», «опечаленный». Их степень или же модель статуса в вертикальной структуре определить трудно, потому что эти термины находятся в очень тесном сплетении между собой. Таким образом, один из них может заменять другой. Например, такие как, беспомощный, опечаленный, больной и др. Термины убогий, глупец и раб также можно отнести к этому семантическому окружению. Нам кажется,

ся, что вторая группа (мискин, абдал, гул) суфийские моменты по близости к ИСТИНЕ немного впереди. В первой встречаемся с подверженным любви ашугом, а во второй – с совершенным человеком «убившим демона, поборовшим искушение» на пути к божественной любви. Потому что от убожества обратной дороги нет. Человек, чтобы убить паразитов внутри себя, объявил голодовку, таким путем он достиг того, что и паразиты, оставшись голодными, погибли. В то же время и сам человек тоже очень ослаб, но в этой борьбе он вышел победителем. Уничтожены все дьявольские искушения. Суфий, прошедший тяжелую борьбу, настолько ослаб, что впал в убогое состояние. Физули так выразил это: «Я – пузырь, наполненный воздухом». Толкование физического понятия *убожество* таково.

Связь Вели Мискинли с родом Мискинли наблюдается и во время поэтического состязания с Ашугом Шамширом. Содержание этого стихотворения построено так, что каждый ашуг воспекает качества, присущие другому. В частности, Ашуг Шамшир повествует и об убогих.

Совершенный мастер истинной науки,
Знающий цену радости и муки
Мискина Абдала родные округи
Увидеть хоть раз – как было б хорошо! [1, 107]
А во втором стихотворении Ашуг Шамшир говорит:
От старца Аббасгули весточку пришли
Мискина Рустамли во весь голос зови
Стань солнцем, свети нам от самой зари
Уважь, ты, Шамшира слово, поверь [1, 109].

В этом стихотворении выясняется наличие родственников Мискинли Вели в Агдабане:

Если окажешься вдруг в Акдабанском краю,
Любовь и гордость за него переполняет грудь твою.
Приди и обрадуй ожидающую тебя родню,
Их любовь и вера стоят дорогого, поверь [1, 109].

Таким образом, и информация из текста стихотворения подтверждает широкий круг существующих убогих. Исходя из анализа этой информации, можно сделать следующие выводы:

1. Понятие Мискин – «убогий». Суфийское понятие. Одна из стадий совершенствования суфия. Человек, достигший этой стадии, может называться этим словом. И после завершения эпохи тасаввуф в ашугской поэзии эта традиция осталась и в последние века все еще продолжается. Мискин Вели, живший в период, близкий концу XIX–началу XX веков, поднимается до стадии убожества на пути нравственной эволюции. Ашуг, который видит себя в этой стадии, свою принадлежность к убогим выражает своим именем.

2. Наименование «Мискинли». Название поколения убогих. Ашуг не забыл фамилию, к которой принадлежал, свою родословную, династию, к которой он относится, указывает своей подписью.

3. Очаг Мискинли. Очаг, заложенный Мискин Абдалом. Люди, произошедшие из фамилии Абдала Мискина, считаются наследниками очага. В этом смысле люди,

принадлежащие фамилии, представители поколения. Божья милость, данная очагу всевышним, никогда не покидает его. Мискинли Вели тоже был одаренным божьей милостью человеком. Эта особенность указывает на его связь с этим очагом.

4. Обиталище мискинли. Не исключается возможность нахождения в конце XIX, в начале XX вв. в Гедабеке, в ущелье Мискинли, в Гекче и близлежащих территориях обиталищ Мискинли, или же принадлежащих этому обиталищу дервишей.

5. Селение Мискинли. Место, где когда-то жили люди рода Мискинли или же место обитания дервишей Мискинли. В связи с названием территории, живущий здесь поэт мог сам себе выбрать псевдоним Мискинли. Место, где родился Мискинли Вели, также обладает этой особенностью и поэтому возможен и такой вариант его связи с Мискинли.

6. Дух Мискинли. Имеется в виду абсолютно нравственная и духовная связь. Поэт или просто одаренный ашуг может считать себя духовно убогим или же духовным продолжателем убогих и даже наследником. В практике суфизма бывают подобные случаи. Ашуги, принадлежащие Сефевидскому течению, в лице Шаха Исмаила видели явление Хазрета Али. Наблюдается и духовная близость ашугам друг другу, а это исходит из традиций суфийского движения, с которыми они были связаны в прошлом. В содержании, в идейно-философской основе, в особенностях поэтического стиля стихов Мискин (Убогий) Абдалла Мискинли Вели можно выявить и сравнения. Такая духовная близость нередко в исполнении ашугам и в печати их стихов привела даже к некоторой путанице. Мискинли Вели был мастером, развивавшимся на основе творчества классических ашугских традиций, сохранившим и продолжившим систему нравственных ценностей. Ашугское творчество вообще невозможно воспринимать вне религиозно-божественных ценностей, религиозно-мистических взглядов. Однако нужно сказать, в советский период, приблизительно в 30-60-е годы невозможно было печатать, пропагандировать или же на официальных мероприятиях, государственных праздниках читать стихи на религиозную тему, воспевающие религиозные ценности. Исследователь Г. Векилов пишет об этом периоде: «К сожалению, в литературоведении, а также и в фольклористике ашугские стихи, связанные с Хазретом Али, Сурами из Корана, ангелами, пророками, считались создающими противоречия в кругозоре идейно вредными» [2, 102]. Однако, несмотря на все запреты, религиозный образ и мотивы в изобразительной системе ашугской поэзии продолжают жить. Потому что в метафорической системе народного, ашугского творчества, есть бесчисленное количество сравнений, связанных с религиозно-сифитскими образами и представлениями. То есть религиозно-божественные ценности так пропитались в дух ашугской поэзии, что невозможно «очистить» ашугскую поэзию от них. С другой стороны, в советский период люди под давлением правительства открыто в массовом порядке и не отмечали религиозные мероприятия, они постоянно хранили в глубине души любовь к Богу. Окинув взглядом творчество Мискинли Вели, мы становимся свидетелями того, что он никогда не отдалялся от веры и вероисповедания, божественных ценностей, религиозных святых образов, сохранил верность божественным ценностям. Стихотворение, связанное с Хазретом Али, демонстрирует все величие титанической любви поэта. Конечно же, когда мы говорим Хазрет Али, в первую очередь понимается ислам-

ская религия. Потому что очень велика роль четвертого халифа Хазрета Али в истории ислама. Первый период халифу, пророку Мухаммеду были очень близки Хазрет Абубекр, Хазрет Омар, Хазрет Осман, и Хазрет Али и они в истории религии известны как халиф-рашиды. В то же время Хазрет Али был двоюродным братом пророка по отцу. После смерти отца, с малых лет его отдали на воспитание пророку. Пророк Мухаммед, вырастивший этого ребенка, питал к нему глубокую любовь.

Али еще в 13 лет принял Ислам. Он был первым мужчиной, вторым человеком после первой жены пророка, Хазрет Хадиджи, принявшим Ислам. Хазрет Али был несокрушимым пехлеваном, философом, обладающим глубокими знаниями. Хазрет Али, супруг дочери пророка – Фатимы, был членом «Али-Аба», обладающим особым статусом в истории Ислама. «Али-Аба в исламской культуре – название, используемое для 5 человек. Эти 5 человек Хазрет Мухаммед, Хазрет Али, Хазрети Фатима и их двое детей – Имам Гасан и Имам Гусейн» [3, 12].

Согласно хадисам, однажды пророк, раскрыв свою абу, взял под нее дочь Фатиму, внуков Гусейна и Гасана, двоюродного брата Али и у всех на глазах объявил этих людей Али-Аба, то есть семьей аба. Но нужно прояснить один вопрос, связанный с Хазретом Али. Включая Мискинли Вели, в ашугском творчестве все стихи, связанные с Хазретом Али, больше носят суфийский характер, чем религиозный. В этих стихах Хазрет Али, Али-Аба, а также другие события указывают на фантастические, удивительные легенды. Эти легенды, связанные с именем Хазрета Али опираются на суфийские воззрения. Это мы наблюдаем и в приведенном выше стихотворении Мискинли Вели. В стихотворениях этого типа Хазрет Али обожествлен, превращен в легенду, в необычное существо. Истоки этого связаны непосредственно с течениями-сектами суфизма, связанными с именем Хазрета Али. Например, Беляев пишет, что алавиды считали Али даже выше пророка Мухаммеда. Алиаллахиды представляли Али как божество, постоянного хранителя «правды» (прав) [4, 88].

Выводы и перспектива. Наблюдения за Восточной ашугской поэзией показывают, что в творчестве ашугов Гейчая, Борчалы, Кельбаджар и др. близлежащих районов образ, связанный с Хазретом Али и мотивы носят не религиозный, а суфийскую окраску. Несмотря на то, что религия и тасаввуф объединены в одном истоке, между ними существуют серьезные различия. В религии главное – шариат, а в тасаввуфе шариат – первая ступень, потом следуют ступени таригат (секта), марифат (познание) и хагигат (истина). Религия не принимает ничего кроме шариата. Об этих идеологических основах Г. Исмаилов пишет: «основной пункт ислама – тезис «Нет Бога кроме Бога» («Ла Илаха Иллаха») принимается как доминирующий во всем мусульманском ареале, а суфийская редакция, выражая свое отношение к Богу, опираясь на тезис «Нет ничего кроме Бога, все начинается с него, превращается в него, создала свою философию, исходя именно из самого Корана и на основе религии. По этой философии для воссоединения с Богом (вахдати-вуджуд), растворения в нем (фенафиллах). Превращения в часть сложного единства имеются специальные функциональные модели, учения и правила (ирфани) поведения [5, 5-6] в творчестве Мискинли Вели наблюдается связь с религиозным образом и мотивами суфизма, которые привлекли наше внимание. Во всех его стихотворениях, в том

числе и в стихотворении «Мина-даг», также чувствуется суфийское настроение. Мастер, используя религиозно-суфийские образы, призывал людей возвышать ценности, любить друг друга ради Бога. В этом ряду и стихотворение Мина-даг. Даг – это земля, исток человека – тоже земля. Человек появляется из земли и снова возвращается в землю, чтобы оценить этот взаимосвязанный процесс, священное начало и священный конец, ашуг использует святую гору – Мина. Другая сторона этого вопроса состоит в том, что в стихах Мискинли Вели не просто воспеваются Аллах, Мухаммед, Али и другие имена, в этих восхвалениях пропагандируются высокие моральные ценности. Здесь есть великая любовь, уважение. Все это адресуется слушателю. Справедливость, честность, истина, храбрость, идейность, принципиальность и др. морально-нравственные качества представлены людям в лице пророка и его семьи как прекрасный образец.

Литература:

1. Два мастера. Мискин Вели, Неврес Иман / составители Бабаев Ю, Садиг И. – Баку: Азернешр, 1996. -192 с.
2. Векилов Г. Ашугская лирика XIX века / Векилов Г. – Баку: Маариф, 1993. – 114 с.
3. Полад А. Хазрет Али / Полад А. – Баку, 2004. – 256 с.
4. Беляев Ю. Мусульманские течения / Беляев Ю. – Баку, 1958.
5. Исмаилов Х. Божественный Мискин – глашатай правды / Мискин Абдал. – Баку: Седа, 2001. – С. 3-22.

Гусейнова Н. Н. Оспівування релігійно-моральних цінностей у творчості ашуга Міскінлі Вели / Н. Н. Гусейнова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 155–159.

Одна з основних тем у творчості Вели Міскінлі – релігійна тема. У своїх віршах, що оспівують моральність, він віддавав перевагу релігійним цінностям. У віршах Міскінлі Вели не просто оспівуються Аллах, Мухаммед, Алі та інші імена, в цих вихваління пропагуються високі моральні цінності. Тут є велика любов, повагу. Правда-справедливість, чесність, істина, хоробрість, ідейність, принциповість та ін морально-етичні якості представлені людям в особі пророка і його сім'ї як прекрасний зразок.

Ключові слова: Міскінлі Вели, поезія, моральні якості

Huseynova N. N. Religious and moral values in the works Ashyg Miskinli Veli / N. N. Huseynova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 155–159.

One of the main themes in the works of Miskinli Veli – religious theme. In his poems in praise of moral values, he preferred religious values. In verses Miskinli led not just praises Allah, Mohammed, Ali, and other names in these praises advocated high moral values. There is a great love and respect. True, justice, honesty, truth, courage, devotion to principle, integrity and other moral qualities represented to the people in the face of the prophet and his family as a fine example.

Key words: Miskinli Veli, poetry, moral qualities

Поступила в редакцію 01.03.2013 з.

УДК 821. 111-3. 09

МАСОНСЬКІ АЛЮЗІЇ ТА ЇХ ВПЛИВ НА ФОРМУВАННЯ ХРОНОТОПУ ОПОВІДАнь КІПЛІНГА

Сімаковська А. С.

*Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка, м. Кам'янець-Подільський,
Україна, e-mail: simakovska@mail.ru*

Статтю присвячено дослідженню впливу масонських знаків та символів на формування художнього часопростору оповідань Ред'ярда Кіплінга. Автор розглядає творчість письменника та її зв'язок із масонською організацією, виділяє оповідання, у яких найяскравіше представлений цей таємничий світ. Проводиться аналіз символічності опису самої ложі в творі, певного ритуалу, суть якого залишається невідомою. Фотографічне зображення простору лише підкреслює бажання Кіплінга завуалювати основні цілі та призначення масонської ложі як таємного угруповання; простір і час подій в оповіданнях здається чітко визначеним, проте масонські алюзії змушують по-іншому аналізувати хронотоп. Також досліджується вплив прийому «розповіді у розповіді» та персонажної ретроспекції у малій прозі письменника, прослідковується ставлення Кіплінга до колоніалізму, протиставлення білих людей чорним, «свого» простору та «чужого».

Ключові слова: Ред'ярд Кіплінг, масонство, хронотоп, художній простір, художній час, символ, ритуал, колоніалізм, персонажна ретроспекція, розповідь у розповіді.

Постановка проблеми. У нашому сучасному світі така особистість як Ред'ярд Кіплінг не може не розкриватися як глибоко амбіційна людина. Безумовно консервативний та заядлий борець британського імперіалізму, він залишив після себе величезний доробок поетичних та прозових творів, які мали неабиякий вплив на його сучасників, та й залишаються вартими уваги у наш час. Проте менш відомим та оціненим є глибокий зв'язок Кіплінга з масонством – та ниточка, яка відіграє пряму та опосередковану роль у його творчості.

У вітчизняному літературознавстві відсутні праці, у яких прослідковувався б вплив масонства на творчість барда імперіалізму. Проте варто зазначити, що була здійснена спроба англійського літературознавця Річарда Джаффи узагальнити усі відомі факти про Кіплінга-масона у одному виданні «Man and Mason» [1], де автор досліджує вплив масонства на особистість письменника та на його творчість. Однак досліджень, які стосувалися б впливу масонської символіки на формування хронотопу оповідань Кіплінга не існує, оскільки ця тема ще є не достатньо вивченою.

Оповідання «In the Interests of the Brethren» («В інтересах братів», 1918) є повністю масонським, оскільки описує події у ложі і все те, що там відбувається із хворими солдатами чи тими, хто збирається на війну, три рази на тиждень ввечері і двічі на тиждень зранку. Досить багато розповідається про сам ритуал: «The crack of the great gavel brought us to our feet, after some surging and plunging among the cripples. Then the Battery-Sergeant-Major, in a trained voice, delivered hearty and fraternal

greetings to «Faith and Works» from his tropical District and Lodge. The others followed, in every tone between a grunt and a squeak. I heard «Hauraki», «Inyanga-Umbezi», «Aloha», «southern Lights» (from somewhere Punta Arenas way), «Lodge of Rough Ashlars» (and that Newfoundland Naval Brother looked it), two or three stars of something or other, half-a-dozen cardinal virtues, variously arranged, hailing from Klondyke to Kalgoorlie, one Military Lodge on one of the fronts, thrown in with a severe Scotch burr by my friend of the head-bandages, and the rest as mixed as the Empire itself» [2]. (Удар молотка змусив нас піднятися; з тих місць, де сиділи інваліди, лунав шум та шурхіт. Потім артилерійський старшина добре поставленим голосом передав найщиріші вітання ложі «Віри та Праці» від братів свого тропічного округу. За ним говорили інші та різними голосами, від реву до писку. Я почув назви «Хауракі», «Іньянга-Умбезі», «Алоха», «Південне Світло» (з якогось Пунтас-Аренас), «Ложа Грубого Каменя» (брат, який представляв її, мав саме такий вигляд), дві чи три якісь там «Зірки», півдюжини кардинальних добродіїв у різних поєднаннях, територіально розташованих від Клондайку до Калгурлі, якась полкова ложа якогось фронту (її представляв мій знайомий з перев'язаною головою і я нічого не зрозумів), а далі все інше заплутано, як і сама Імперія (тут і далі переклад наш. – А. С.)). Докладного опису ритуалу немає, все лише постає перед нами в загальних обрисах. Кіплінг не розкриває перед нами всі таємниці, відомі лише масонам, адже це була таємна організація. Ми можемо дізнатися лише те, що дозволено нам знати.

Як зазначає Мікеле Морамарко, італійський есеїст, масонознавець та член масонської ложі: «Наличие в оперативном масонстве ритуального компонента подтверждается учеными, хотя нам и неизвестны его подробности <...>. Вполне вероятно, что при приеме в оперативное масонство кандидату сообщались сведения о знаках и пароль. Кроме того, судя по всему, ритуальное значение имели отдельные фрагменты, быть может читавшиеся вслух, наиболее древних рукописей» [3]. Тому чіткого пояснення ритуалу немає, та і у кожній ложі ритуали могли відрізняти, головне, щоб їх суть не суперечила уставу.

Простір, у якому відбувається ритуал, описаний досить чітко: «I had never seen a Lodge Room better fitted. From mosaicked floor to appropriate ceiling, from curtain to pillar, implements to seats, seats to lights, and little carved music-loft at one end, every detail was perfect in particular kind and general design» [2]. (Я ніколи в житті не бачив краще облаштованої ложі. Від мозаїчної підлоги до візерунків на стелі, від завіс до колон, від лавок до світильників, і невелике вирізьблене підвищення для музичного інструменту – все було довершеним до дрібниць і в загальному розумінні). Проте цей опис подається як опис звичайної кімнати, яка досить гарно облаштована. Складається враження, що оповідач намагається описати все із фотографічною точністю, не заглиблюючись у таємничість організації, завуальовує все звичайними розповідями.

Сам же процес входження солдатів у ложу є символічним: «We fell in, two by two, according to tradition, fifty of us at least, and we played into Lodge by the harmonium, which I discovered was in reality an organ of repute» [2]. (Ми увійшли всередину колоною по двоє, відповідно до традиції, щонайменше нас було п'ятдесят, під звуки чудової музики, яка виконувалась на знаменитому в окрузі органі, про що

я згодом дізнався) солдати входили до ложі по двоє, при цьому формуючи дві колони. В масонстві колони при вході в ложу символізують її опору. Вони, як правило, розташовуються із двох боків при вході у святилище. Згідно з масонською легендою, дві колони стояли при вході у храм Соломона в Єрусалимі та символізували міцність та силу. В оповіданні Кіплінг не описує колони ложі, а переносить їх значення на солдатів, що прийшли слухати масонські настанови. Саме міцності та сили і бракує солдатам під час війни.

У наступному оповіданні «A Friend of the Family» («Друг сім'ї», 1924) Кіплінг вже не описує саму ложу, а лише використовує її як місце, у якому відбуваються розказані події, які не мають нічого спільного із масонством. Час і місце дії зазначає оповідач в першу чергу: «There had been rather a long sitting at Lodge Faith and Works, 5837 E. C, that warm April night. Three initiations and two raisings, each conducted with the spaciousness and particularity that our Lodge prides itself upon, made the Brethren a little silent, and the strains of certain music had not yet lifted from them» [4]. (В той теплий квітневий вечір 1919 року робота в ложі «Віра і Праця» № 5837 дещо затягнулася. Після трьох посвят та двох підвищень, кожне з яких було розіграно з усіма деталями і у повній формі, як це було завжди прийнято у нашій ложі, брати притихли і перебували під сильним враженням від музики, що звучала під час зборів). Час і місце дії точно визначене.

В цьому оповіданні Кіплінг використовує прийом «розповідь у розповіді», а сам виступає у ролі другорядного персонажа і споглядає те, про що розповідає інший персонаж, автор перекладає відповідальність за сказане на інші плечі. «Out of this came his tale – somewhat in this shape» [4]. (Після цього була розказана його історія – приблизно так). Автор знову використовує персонажну ретроспекцію. Бевін, член масонської ложі, якого цього ж вечора посвятили в Майстри, стає на місце оповідача та розповідає про події, які трапилися у 1916 році, тобто за три роки до реального часу оповіді. Розповідає він про хлопця, австралійця, який був у його батальйоні та «kept quiet, and mixed with his backgrounds» [4]. (мовчав весь час і повністю зливався з пейзажем). Як зрозуміло зі слів Бевіна, австралієць був зовсім непомітним для них, він розчинявся у просторі й часі, коли сам бажав бути непоміченим.

Навіть зовнішній вигляд австралійця Хікмота змушував інших ставитися до нього обережно, оскільки він був чорним, а всі інші солдати білими, «he didn't belong to anything in the world, you understand. And he didn't strike other men as being a human being» [4]. (він взагалі був ніби не з нашого світу, ви розумієте. І нам він здавався не зовсім людиною) саме тут ми можемо прослідкувати ставлення Кіплінга до колоніалізму, протиставлення білих людей чорним, визначення для кожного з них певного місця у суспільстві – вищого та нижчого класів. Навіть той факт, що хлопець із Австралії, автоматично визначає його місце у соціумі в ті часи.

Досить часто оповідач Бевін говорить про Хікмота, що він «a man who had lived the way he'd lived among black fellers and sheep» [4]. (хлопець, який все життя прожив серед чорних та овець). Прирівнювання чорношкірих людей з вівцями не є безпричинним. У часи Кіплінга темношкірих вважали робочим класом, який не має права на власну думку. Як відомо, вівця в більшості випадків символізує безпомічну

та тупу істоту, яка може стати легкою здобиччю. Так само і в британських колоніях чорні ставали здобиччю для білих без перешкод.

Виводи та перспектива. Як бачимо, масонство займає окреме місце у творчості Кіплінга. Є оповідання, у яких автор використовує відкрито масонську символіку для опису простору, у якому розгортаються події, а є і такі, в яких лише просто зазначає масонську ложу як орієнтир. Безумовно, існують і приховані коди масонства у творчості письменника, що йдуть у глибину тексту, вимагають здатність вловлювати приховані смисли, використовуючи розсіпані у тексті ключі. Масонство для Кіплінга – це культурний код, який він відтворює в узагальненому образі, вільному від політичних нашарувань. Насиченість тексту масонськими відсилками створюють враження нарочитого уведення цього коду для створення додаткових семантичних полів. Це і дає поштовх для подальших досліджень творчості письменника у руслі масонства.

Література:

1. Jaffa R. Man and Mason – Rudyard Kipling / Richard Jaffa. – USA: AuthorHouseUK, 2011. – 280 p. – ISBN 978-1456781347.
2. Kipling R. In the Interests of Brethren / Rudyard Kipling / [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://www.telelib.com/authors/K/KiplingRudyard/prose/DebtsandCredits/interestsbrethren.html>
3. Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем / Микеле Морамарко. – М. : Прогресс, 1990. – 304 с. – ISBN 5-01-002055-6.
4. Kipling R. A Friend of the family / Rudyard Kipling / [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://www.telelib.com/authors/K/KiplingRudyard/prose/DebtsandCredits/friendfamily.html>

Симаковская А. С. Масонские аллюзии, их влияние на формирование хронотопа рассказов Р. Киплинг / А. С. Симаковская // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 160–164.

В статье исследуется влияние масонских знаков и символов на формирование художественного времени и пространства рассказов Редьярда Киплинг. Автор рассматривает творчество писателя и его связь с масонской организацией, выделяет рассказы, в которых самым ярким образом представлен этот таинственный мир. Анализируется символизм описания самой логи в произведении, определённого ритуала, суть которого остаётся неизвестной. Фотографическое изображение пространства только подчёркивает желание Киплинг завуалировать основные цели и предназначение масонской логи как таинственной организации; пространство и время действия в рассказах выдаются чётко определёнными, но масонские аллюзии заставляют иначе анализировать хронотоп. Также исследуется влияние приёма «рассказа в рассказе» и персонажной ретроспекции в малой прозе писателя, прослеживается отношение Киплинг к колониализму, противостоянию белых людей чёрным, «своего» пространства «чужому».

Ключевые слова: Редьярд Киплинг, масонство, хронотоп, художественное пространство, художественное время, символ, ритуал, колониализм, персонажная ретроспекция, рассказ в рассказе.

Simakovska A. S. Masonic cues and their influence on forming the chronotope of R. Kipling's short stories / A. S. Simakovska // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 160–164.

Rudyard Kipling is still one of the most intriguing and elusive personalities in English literature. He was a Nobel laureate, prolific writer, political figure and one of the outstanding men of his era. There are many dimensions to his work but no-one has previously examined in depth his interest in Freemasonry and its influence on chronotope. This article deals with the influence of the masonic signs and symbols on forming of the artistic time and space of the Rudyard Kipling's short stories. The author considers the creative works of the writer and his connection with masonic organization, singles out the short stories in which, in the brightest

way, this mysterious world is represented. There is made an analysis of the symbolism of the lodge itself in the story, certain ritual the sense of which is still unknown. The lodge is described as a simple room, but the real freemason can distinguish the message of every little thing, every symbol in it. Masonic signs and symbols are just represented in the stories. The real meaning of them is not represented by the writer in his creation. The author of the article makes an attempt to explain some masonic symbols and signs according to the peculiarities of artistic time and space of the short stories. Photographic description of the space just underlines the wish of Kipling to conceal the main goals and destination of the masonic lodge as a mysterious organization; space and time of an action in short stories seem to be definitely fixed, but masonic hints make us to analyze the chronotope in the other way. In every move, in every hint time and space of an action can be explained from the point of view of the freemasonry. And this is the opposite and unknown way of the real explanation. There is also analyzed the influence of the technique “story in story” and personage retrospection in the small prose of the writer. Kipling makes the reader to believe in the story as if it happened in real. He is not the narrator, that role plays one of the characters of the short story. There is observed the Kipling’s attitude to the colonialism, opposition of white and black people, “own” and “wrong” space in the short stories. This opposition describes the supremacy of white people upon black, of smart and civilized nation upon not civilized tribes. Freemasonry takes a separate place in Kipling’s creative works. The English writer frequently used a word, phrase or expression that he had absorbed from masonic ritual. Many references have not been recognized when Kipling slips into the language of masonic ritual. These words are found scattered in the short stories, as well as the use of freemasonry as a benchmark for the conduct of the behavior of characters. Freemasonry is like a cultural code for Kipling that opens the general image free of political influence. In order to reveal this code you should find out the hidden senses, which are scattered through all the text. That gives the impetus for the further research of the Kipling’s short stories.

Key words: Rudyard Kipling, freemasonry, chronotope, artistic space, artistic time, symbol, ritual, colonialism, personage retrospection, story in story.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 821. 512. 162

ВОСТОЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЗАПАДНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ СУРЕЙЙИ АГАОГЛУ «И ВСЯ ЖИЗНЬ ПРОШЛА»

Агаева В. Э.

*Азербайджанский государственный педагогический институт
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Одной из важных направлений современной азербайджанской литературы является эмигрантская литература. Появление после приобретения независимости наследия отдельных представителей эмиграции, эмигрировавших из-за советского режима, взгляды об исследовании и изучении в новом общественно-политическом контексте, новыми научно-методическими принципами вышли на первый план в качестве важного требования времени. В этой области должны быть отдельно отмечены воспоминания семьи Агаоглы. Целью этой статьи является преподнесение информации о женщине-мемуаристе Суреййе Агаоглы и её работе «И вся жизнь прошла». Суреййя-ханум в своих воспоминаниях не идеализирует ни Восток, ни Запад. Она указывает на наличие и восточных, и у западных людей некоторых слабостей, присущих человеческим качествам.

Ключевые слова: азербайджанская литература, мемуары, воспоминания, Агаоглы, эмигрантская литература

Постановка проблемы. Одной из важных направлений современной азербайджанской литературы является эмигрантская литература. Это направление нашей литературы было одним из областей, запрещенных литературоведением советского периода. Так, большинство представителей этой литературы были или сбежавшими от советских репрессий, эмигрировавшими, или же жившими до установления советской власти в Азербайджане за рубежом, и, видя непригодность новой системы, не возвратившимися. Поэтому они считались непримиримыми врагами большевистского режима – «предателями родины», «врагами народа». «Падение советского политического режима и независимость Азербайджана породили необходимость подхода к литературно-культурным ценностям с позиции национальных и общечеловеческих критериев» [1, 3].

Появление после приобретения независимости наследия отдельных представителей эмиграции, эмигрировавших из-за советского режима, взгляды об исследовании и изучении в новом общественно-политическом контексте, новыми научно-методическими принципами вышли на первый план в качестве важного требования времени. Наложение запрета на эмигрантскую литературу до периода независимости, отсутствие разрешения на ведение исследовательских работ в этой области, объявление азербайджанских эмигрантов безусловными врагами народами, наложение запрета на издание и изучение их произведений, одним словом, признание научно-литературного наследия эмиграции закрытым для специалистов еще больше увеличивает интерес исследователей к этой области после приобретения независи-

мости» [1, 14] в целом, запреты, наложенные на изучение эмигрантской ветви азербайджанской литературы, относились и к мемуарной и автобиографичной литературе, созданной в эмиграции. Хотя в советский период за пределами Азербайджана были созданы несравненные образцы подобной литературы. В этой области должны быть отдельно отмечены воспоминания семьи Агаоглы. Хотя целью этой статьи является преподнесение информации о женщине-мемуаристе Суреййе Агаоглы и её работе «И вся жизнь прошла», поскольку жизнь, мировоззрение С. Агаоглы тесно связаны с отцом и другими членами семьи, прежде всего, хотим создать краткий обзор об Ахмеди Агаоглы и роде Агаоглы. Ахмед-бек Агаоглы (1869-1939), как верно подметил Вилайет Кулиев, в конце XIX – начале XX веков, был одним из выдающихся личностей, занявших достойное внимания место в истории литературно-культурной и общественно-политической мысли не только азербайджанского народа, сыном которого был, но и всего тюрко-исламского мира [6, 14]. Ахмед-бек Агаоглы, бывший одним из «гигантов мысли» [1, 14], воспитанный тюркским народом, родился в 1869 году в Карабахе, в центре Карабахского ханства, городе Шуше, в семье аристократа. На формирование его как личности и его энциклопедического ума оказало очень большое влияние как восточная, так и западная культура, представлявший Восток на очень представительных мероприятиях Запада, Ахмед Агаоглы на Востоке был известен как носитель Запада. Успешно окончивший в 1887 году русскоязычную Шушинскую гимназию Ахмед-бек Агаев (после эмиграции в 1909 году в Турцию Агаев поменял фамилию на Агаоглы – прим. В. А.) решает ехать в Петербург для продолжения образования в технологическом институте. Хотя первые экзамены он сдал успешно, на последнем экзамене – по тригонометрии – срезается, и, попрощавшись с Петербургом, едет в Париж. В 1888 году Ахмед Агаоглы поступает в Парижскую юридическую школу при Сорбонском университете, также проявляет там интерес к лекциям по востоковедению и исламу, налаживает дружеские отношения со знаменитыми востоковедами – исследователем «Авесты» Дж. Дармштеттером, Шефером, с известным французским ученым Эрнестом Ренаном. Будучи в Париже, он знакомится с инициатором и горячим сторонником идеи об исламском единстве шейхом Джамаледдином Афгани. Шестилетняя парижская жизнь имела важнейшее значение в его формировании в качестве одного из передовых личностей своего времени. Вернувшийся в 1894 году в Азербайджан Ахмед-бек 3 года живет в Шуше. Об этом Юсиф Везир Чоменземинли пишет: «В Шуше руководитель реальной школы и все учителя были русскими. Только французский язык был отдан Ахмед-беку Агаеву, а немецкий – одному армянскому учителю. Присутствие армянина было естественным, поскольку они имели право на преподавание в средней школе, а вот турки этого права были лишены. Значит, то, что Ахмед-бек был учителем, было делом случая... Народ знал о получении Ахмед-беком образования во Франции, поэтому называл его «франк Ахмед-беком». Исламскую и тюркскую историю знал побольше любого [7, 391 -393]. Последующий этап жизни Ахмед-бека Агаева прошел в Баку, он проделал огромную работу по возрождению азербайджанской печати, был одним из редакторов «Каспия». Эмигрировавший в 1909 году в Турцию Ахмед-бек Агаоглу был одним из личностей, игравших важную роль в общественно-политической жизни братского народа.

Ахмед-бека Агаоглу дал эмигрантской мемуарной литературе несравнимые дары. Его произведение «Воспоминание свободной организации» является ценным образцом тюркской политической мемуарной литературы [3, 256-313].

Мемуарную деятельность Ахмед-бека Агаоглу продолжили его дети. Его сын Самед Агаоглы, являясь политиком деятелем, был и известным публицистом. Он написал несколько работ в жанре воспоминаний. Его книгам воспоминаний присущи нейтралитет и искренность. По этой причине эти книги, наряду с рассказами Самеда Агаоглы, составляют значительную часть его литературно-художественного наследия [4, 62]. Воспоминания Самеда Агаоглы «Друзья моего отца» и дочери Суреййи Агаоглы «И целая жизнь пошла» вошли в изданную Вилайетом Кулиевым в 1977 году книгу «Род Агаоглы».

Автор книги воспоминаний «И целая жизнь прошла» Суреййя Агаоглы – старший ребенок Ахмед-бека Агаоглы – родилась в 1903 году в Карабахе. Закончила стамбульский женский лицей, а затем юридический факультет стамбульского университета. Суреййя-ханум была одной из первых тюркских женщин, получивших высшее юридическое образование. Она также прославилась как занимавшаяся в Турции адвокатской деятельностью первая женщина-юрист. Была достаточно известна в своей стране и в международном масштабе. Долгое время была вице-президентом Всемирного общества женщин-юристов. Начиная с Ататюрка, была знакома со многими знаменитыми личностями, государственными лицами, политическими деятелями, поддерживала дружеские отношения [6, 29-30]. Суреййя Агаоглы была одной из трех первых женщин-юристов Турции [2, 13]. Произведение «И вся жизнь прошла» написана в жанре мемуаров. Названный С. Агаоглы «целой жизнью» временной отрезок охватывает период до смерти в 1939 году её отца Ахмеда Агаоглы. Произведение производит впечатление хронологически последовательно написанной хроники семьи. Автор делит свое произведение на 2 части:

- 1) моя семья и годы моего образования
- 2) моя профессия и мои социальные работы.

Вторая часть, как и первая часть, отражает события, тесно связанные с семьей Суреййя-ханум.

Не очень большое по объему (50 стр.) это произведение вызывает интерес с точки зрения отображения происходящих в начале века, как в Турции, так и в мировом масштабе событий. Для того, чтобы представить сферу охвата произведения, нам достаточно отметить упомянутых в нем личностей: Ахмед-бек Агаоглу, выдающийся французский историк, ученый-религиовед Эрнест Ренон, лорд Керзон, учредитель знаменитого французского журнала «La Nouvelle Revue» Джульетт Адам, иранский шах Насреддин Мирза, авестовед Дармштетер, Ахмед Риза-бек, Асад-паша, Алибек Гусейнзаде, Гаджи Зейналабдин Тагиев, Топчубашов, Камиль-паша, Зия Гекальп, Джалал Сахир, Гамидулла Субхи, Юсиф Акчура, Фуад Кёрпюлю, Абдулла Джовдет, Омер Наджи-бек, Анвер-паша, Талят-паша, Мустафа Камаль Ататюрк, Исмет-паша, Назим Хикмет и др. Суреййя-ханум начинает воспоминания историей своей семьи, указывает на наличие в семье, как с материнской, так и отцовской стороны, многих прогрессивно мыслящих людей. Затем повествует о знакомстве отца в Париже, в «Коллеж де Франс», с известным публицистом и истори-

ком Ренаном: «Ренану очень понравился мой отец, и он сказал: ты человек, способный стать всемирно известным, не езжай в свои края, Восток тебя поглотит. И отец ответил: Восток также нуждается в образованных людях, узnanное у вас буду прививать своим гражданам» [5, 138].

Этими вышеприведенными начальными строками определяется общая направленность мемуаров Сурейя-ханум: по ходу всего произведения становимся свидетелями противопоставления Запада и Востока, трудов восточного человека, особенно тюркской женщины на пути прогресса, портретов ценностей, свойственных западной и восточной культурам.

Встреча Запада и Востока находит свое отражение и в истории брака Ахмед-бека Агаева с Ситарой-ханум. Восточной по воспитанию женщине, матери Ситары-ханум, «франк Ахмед» не нравился. Ахмед-бек, добившийся согласия родителей Ситары-ханум, снова не побоялся пойти наперекор восточным традициям». Несмотря на отсутствие в тот период подобного обычая, отец самолично пришел на смотрины невесты и преподнесение подарков, изумив тем самым моего деда и гостей» [5, 139]. По ходу всего произведения становится ясным сильное воздействие получившего французское образование Ахмед-бека на семью, нравственное воспитание детей. Мой отец, дни которого проходили содержательно и умственно богато, во время ужинов объяснял матери суть проделанных им дел, и мы слушали тоже. Сейчас вижу, что проблемы, поднятые отцом в то время, то есть 60 лет тому назад, нами не решены по сей день, все еще ведем полемику. В этих беседах говорилось о взглядах про семью, свободу, республику, об их пользе. Под воздействием владычествовавшей над взглядами моего отца французской мысли мы выросли людьми с открытыми и ясными взглядами [5, 142] в произведении не смешивается положительное влияние к открытости западной культуры с западной захватнической политикой. То есть автор по ходу всего произведения демонстрирует влюбленность в тюркский мир, наивысшее значение его свободы и независимости для себя: «Стамбул был захвачен. На улицах, украшенных французскими, английскими, греческими флагами, бесчинствовали солдаты захватнических сил. Однажды на дороге французский солдат захотел задирать Тезере. Мой брат, отобрав у солдата нагайку, ударил им его по голове. Удивительное дело – солдат ушел, ничего не сказав» [5, 145]. Таким образом, семья Агаоглы, хотя и получила прозападное воспитание, смогла, ощутив агрессивную сущность Запада, выступить против него. Именно поэтому Сурейя-ханум не позволяет водрузить французский флаг в актовый зал своей школы. Она не желает говорить с пришедшими в школу иностранцами на английском языке и говорит «Госпожа директрисса, вы знаете о моей к ним ненависти?». На следующий день бывшая среди этих людей мадам Бомо с цветами в руках идет навещать семью Агаоглы [5, 145-146]. Желание стать юристом Сурейя-ханум, расхаживающей без паранджи как западные девушки, сообщает об опережении ею со своим мировоззрением своего времени: «Я хотела раскрыть двери юридического факультета перед девушками и стать юристом. В те времена двери юридического факультета были закрыты для девушек. Мои товарищи смеялись надо мной, добыюсь своего или нет – было неведомо. Декан юридического факультета, профессор государственного права покойный Салахеддин-бек, сидел в углу за столом, рядом сидел про-

фессор Вели-бек, а перед ними был общий секретарь Рауф-бек. Пройдя вовнутрь, я сказала: – Я Суреийя Агаоглы... Хочу получить юридическое образование. Принимаете меня на юридический факультет?... В те времена 17-летняя молодая девушка должна была носить паранджу, но я была без нее [5, 149]. Шедшая в сентябре на урок в парандже Суреийя-ханум вскоре сбрасывает паранджу и переходит на манто. Из произведения становится ясным западное мышление Суреийя-ханум во многих вопросах, видимость ею равенства прав женщин и мужчин. При кончине любимого профессора Салахеддин-бека вместе с подругами идет за гробом до кладбища. Хотя в тот период это считалось запретным [5, 151]. Она даже не сторонится пойти в столовую, где обедали мужчины. Как отмечали чуть ранее, сходя с западными женщинами своими взглядами и соображениями, одеждой, образом жизни, раскованностью, она была патриотом Турции, которая считалась ее родиной. Вместе со студентами она бойкотирует профессоров, сотрудничающих с иностранцами, присоединившись к демонстрациям, поддерживающим Ататюрка, делает все возможное для могущества Турции. Она с гордостью рассказывает о визите в гости к Ататюрку, питает глубокое уважение и надежды в отношении Ататюрка: «Ататюрк с Латифой-ханум часто приходили в наш дом в Кечиорене. В тот период Ататюрк очень любил проводить время в атмосфере семьи, с отеческой гордостью следил за формирующейся молодежью. Мы в те годы были уважаемой, просвещенной, высокообразованной, и, в западном понимании, брошенной в жизненную борьбу молодежью» [5, 165].

Суреийя-ханум в своих воспоминаниях не идеализирует ни Восток, ни Запад. Она указывает на наличие и у восточных, и у западных людей некоторых слабостей, присущих человеческим качествам. «Когда мы в ресторане гостиницы Анкара-пэлас вместе с братом Самедом, Баха Арыганом и другими товарищами ужинали, пришел Ататюрк со своим окружением: «во время танца Ататюрк увидел нас и подошел к нашему столу. Как ты похож на своего отца – сказал Самеду. Чуть попозже пригласил меня на танец... Видевшие отношение Ататюрка ко мне в ресторане инженеры и представители бельгийской электрической компании не знали, как на следующий день добиться моей благосклонности. После того вечера я поняла, что все люди обладают одинаковой природой» [5, 181].

Другим моментом, привлекающим внимание в воспоминаниях Суреийи Агаоглы, является воздействие межгосударственных отношений на человеческие отношения. Противостояние России и Турции в начале XX века, особенно в 30-е годы, стало причиной ареста и уничтожения многих азербайджанцев с клеймом «пантюркист». Имеющие какие-либо отношения с тюрками люди тут же причислялись в ряды «врагов народа», «предателей родины». Из произведения «Так прошла целая жизнь», пусть и не в такой степени, заметно мягче, понимается недоверие в Турции к имевшим некогда связи с Россией.

Выводы и перспективы. Произведение «И вся жизнь прошла» посвящена памяти, прежде всего, отца и матери Суреийи-ханум – людей, когда-то эмигрировавших из Азербайджана в Турцию, и признавших ее себе родиной. Произведение от начала и до конца дышит тюркским духом. Воспоминания Суреийи-ханум завершаются упоминанием друзей, пришедших на панихиду по ее скончавшемуся отцу.

«И они были очень удручены из-за его кончины». Вспоминая друзей отца и своих собственных Суреййя-ханум словно оставляет переход к другим воспоминаниям, к произведению своего брата Самеда Агаоглы «Друзья моего отца» и намекает на то, что у этого прекрасного произведения есть продолжение.

Литература

1. Абдуллаев Дж. Новое слово в Джавидоведении / Абдуллаев Дж. // Гусейнли Т. Гусейн Джавид и Азербайджанское эмигрантское литературоведение. Баку: Азернешр, 2004. – С. 3-14 (на азерб. языке).
2. Тархандж Дж. Самед Агаоглу и произведения Самеда Агаоглу в свете литературы и политики [Электронный ресурс] / Тархандж Дж. // Институт Социальных Наук Эдиры, 2008. – Режим доступа: <http://193.255.140.18/Tez/0069661/METIN.pdf> (на турецком языке) – Название с экрана.
3. Агаоглы А. Воспоминания независимой организации / Агаоглы А. // Избранные произведения. – С. 256-313 (на азерб. языке).
4. Чандыр М. Жанр мемуара в турецкой литературе и книги-мемуары Самеда Агаоглы [Электронный ресурс] / Чандыр М.. – Режим доступа: <http://www.turkiyat.selcuk.edu.tr/pdfdergi/s9/9.pdf>. – Название с экрана.
5. Кулиев В. Агаоглы / Кулиев В. // Агаоглы С. И вся жизнь прошла. – Баку: Озан, 1997. – С. 138-188.
6. Кулиев В. Предисловие / Кулиев В. // Агаоглы А. Избранные произведения. – Баку: Шарп-Гарб, 2007. – С. 4.
7. Чемаземинли Ю. В. 20 лет жизни / Чемаземинли Ю. В. // Произведения. – Баку: Евразия пресс, 2005. – С. 391-393

Агаева В. Е. Східний погляд на західні цінності в творі Суреййі Агаоглу «І все життя пройшло» / В. Е. Агаева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 165–170.

Однією з важливих напрямків сучасної азербайджанської літератури є емігрантська література. Поява після придбання незалежності спадщини окремих представників еміграції, які емігрували через радянський режим, погляди про дослідження та вивчення в новому суспільно-політичному контексті, новими науково-методичними принципами вийшли на перший план в якості важливої вимоги часу. У цій області повинні бути окремо відзначені спогади сім'ї Агаоглу. Метою цієї статті є розгляд інформації про жінку-мемуариста Суреййе Агаоглу і її роботу «І все життя пройшло». Суреййя-ханум у своїх спогадах не ідеалізує ні Схід, ні Захід. Вона вказує на наявність як у східних, так і у західних людей деяких слабкостей, властивих людським якостям.

Ключові слова: азербайджанська література, мемуари, спогади, Агаоглу, емігрантська література

Agayeva W. E. East view of Western values in the "Through a lifetime" of Sureyya Agaoglu / W. E. Agayeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 165–170.

One of the important areas of modern Azerbaijan literature is emigres literature. The emergence of post-independence heritage of individual representatives of expatriates who emigrated from the Soviet regime, the views of the research and study in a new socio-political context, new scientific and methodological principles come to the fore as an important requirement of time. This area should be separately marked Agaoglu family memories. The purpose of this paper is presented information about a woman memoirist Sureyye Agaoglu and her work "Through a lifetime". Sureyya Agaoglu in his memoirs does not idealize either East or West. She points to the existence and the Eastern and Western people some of the weaknesses inherent in human qualities.

Keywords: memoir, memories, Agaoglu, émigrés literature

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 111-3. 09

НАЦІОНАЛЬНИЙ КОЛОРИТ В ОПОВІДАННЯХ РЕД'ЯРДА КІПЛІНГА

Кремінська О. О.

У статті досліджуються елементи національного колориту в оповіданнях Р. Кіплінга та вплив цих елементів на читацьке сприйняття малої прози автора. Значне місце у творчості Кіплінга, а особливо у малій прозі, посідає опис елементів національного колориту життя та побуту народів, які опинилися під рабським гнітом колонізаторської Британської імперії. Існування пригнічених народів, в основному, зумовлене диктаторською політикою Британії. Мають місце такі випадки, як прийняття індуїстами християнства, а як результат цього – докорінна зміна життєвих позицій, невміле поклоніння модним тенденціям англійців, втрата самобутності народу. Відбувається зміна самоідентифікації. Національна ідентичність індійців втрачає для них значення, тобто їм поступово стає байдужим усвідомлення себе як частини індійської нації, поклоніння тим богам, яким вони звикли поклонятися, збереження та поцінування своєї культурної спадщини. Натомість з'являється бажання догодити своїм покровителям, які, в свою чергу, національний колорит, звичаї та традиції, використовують подекуди в якості розваг. Нюанси географічного положення та особливості характерів людей, що сповідують індуїзм та іслам, становлять лейтмотив ледь не всієї літературної спадщини письменника. Колонізований люд не має ані прав, ані свобод, проте він має те єдине, чого не позбудеться ніколи – свій неповторний національний характер та міцний пласт традицій, які в цілому і складають національний колорит народу, вдало переданий Кіплінгом.

Ключові слова: Р. Кіплінг, національний колорит, національна ідентичність, репортаж.

Поняття національний колорит включає в себе декілька складових компонентів, що характеризують життя народу. Якими б різними не були національні спільноти світу, які б релігії не сповідували, їх національний колорит завжди визначатиметься за однаковими критеріями, а саме: побутом, мовою та її специфікою, звичаями та обрядами, елементами одягу, загалом, усім, що накладає характерний відбиток на життя народу у певний історичний період. Культура країн Сходу розвивалась далеко від світових культурних та технічних процесів, тому зберегла свою самобутність. Так і культура та побут невеликих індійських поселень різко відрізняється від життя британського мегаполісу. Таким чином національний колорит Індії представляє як для вчених-орієнталістів, так і для нашого дослідження велику цінність. Дослідники, які працюють безпосередньо із літературними творами письменників, що торкалися даної теми, беруть за основу різноманітні аспекти опису національного колориту, аби з їх допомогою допомогти збагнути цілісну картину подій, що відбуваються в творі або ж якомога ретельніше вивчити культурно-побутовий спадок певного народу. Дослідники творчості Кіплінга, зокрема О. А. Диндаренко у своєму

дослідженні «Індийский национальный колорит в прозе Киплинга» розкриває ті поняття та ключові моменти, які найліпшим чином змальовують національний колорит у романі «Ким». Для прикладу наведемо одну із цитат даного дослідження: «Для каждого индейца, как отмечает Р. Киплинг, знакомы с детства священные имена богов ("dewas"), которые создал процветающий индийский народ в свою золотую эру: Шива, который улыбается и танцует, разрушая все вокруг; Вишну с улыбкой сновидца, чьи руки восстанавливают новый, молодой, прекрасный блестящий мир, и жизнь возобновляется; Бодхисатва, или Салйя Муни, или Ананда, – высшие боги; Гунга – искупает грехи; Бхумия – охраняет дом, очаг и землю» [1, 103]. Описано релігійний аспект національного колориту індійців, проте в даному випадку основою дослідження є один із найбільш вагомих та об'ємних творів Кіплінга – роман «Ким». Менш висвітленими є побутові реалії життя індійського суспільства в контексті малої прози письменника. Певною мірою це і зумовлює актуальність нашого дослідження. Основним ж завданням статті є дослідження характеру опису елементів національного колориту в малій прозі Кіплінга та вивчення принципу впливу даних описів на читацьке сприйняття національної ідентичності героїв творів. Також ще одним завданням є виокремлення цих елементів за допомогою конкретних ілюстративних прикладів та встановлення мети, з якою автор звертається до змалювання національного колориту народу Індії.

Значну увагу письменник приділяє народам, які підкоряються Британській короні. Це колонізовані народи індуйстського та мусульманського світів, які стали залежними проти своєї волі та були приречені на тотальне і нищівне підкорення. Номінально ці народи та їх землі, взагалі все, що їх оточує та їм належить, – власність Британії, проте стиль та спосіб життя людей залишаються незмінними. Ці обставини життя народів на колонізованих землях утворюють ту загадкову сферу, яку ми звикли називати національним колоритом. Водночас це також і певна основа, яку обрав Кіплінг для створення своєї малої прози, зокрема таких збірок як «Plane Tales from the Hills» («Прості оповідання з гір», 1887) та «The Phantom Rickshaw and Other Ghost Stories» («Рікша-привид та інші оповідання про привидів», 1889).

Звісно, скрізь у згадуваних збірках, рівно як і у всіх інших, вбачаємо мотив оспівування та поклоніння вірного сина Британії своїй імперіалістичній батьківщині, але, коли зустрічаємо описи, напряду пов'язані із побутом та традиційно-обрядовим аспектом життя індійців, цілком та повністю поринаємо у загадкову та екзотичну атмосферу.

Ф. М. Скляр наступним чином характеризує стиль Кіплінга, коли той вдається до опису національного колориту індуйстського або мусульманського світів: «С одной стороны, это журналистика – сведения о нравах, о способах управления, о взаимоотношениях мужчины и женщины, об отношениях белых к индусам. С другой стороны – это художественное произведение, в котором два образа: образ страны, которую посещает Рассказчик, и образ самого Рассказчика, постороннего, образ наивного сознания» [4, 58]. Це так званий репортаж із місця подій із тією лише різницею, що він не відбувається у режимі «бліц», він триває певний проміжок часу і дає змогу повністю поринути в описувану ситуацію, відчутти присмак гостроти, або навпаки, плавності історії, що її розповідає Кіплінг. Національний колорит, індуйстсь-

кого світу зокрема, добре простежується у збірці Кіплінга «Plane Tales from the Hills» («Прості оповідання з гір»). Для прикладу візьмемо оповідання (або, як часто визначають літературознавці, новелу) «Miss Youghal's Sais» («Саис Мисс Йол»). Це історія про британського громадянина на ім'я Стрікленд, що мешкає досить давно у Індії, досконально вивчив індійські звичаї та культуру і закохався у дівчину, також британку, але батьки дівчини стали на заваді щастю молодих людей. Тоді молодий чоловік вирішив піти на все, аби бути поруч із коханою – він вирушив до маєтку батьків міс Йол – так звали дівчину – і влаштувався на роботу як саїс – доглядач за кіньми. Він пройшов крізь безліч випробувань, але все ж таки батьки дали згоду на шлюб. Рядки, які описують близькість Стрікленда до індійської культури і способу життя напрочуд вдало торкаються національного колориту місцевих жителів: «He was initiated into the Sat Bhai at Allahabad once, when he was on leave; he knew the Lizard-Song of the Sansis, and the Halli-Hukk dance, which is a religious can-can of a startling kind. When a man knows who dances the Halli-Hukk, and how, and when, and where, he knows something to be proud of. He has gone deeper than the skin. But Strickland was not proud, though he had helped once, at Jagadhri, at the Painting of the Death Bull, which no Englishman must even look upon; had mastered the thieves'-patter of the changars; had taken a Eusufzai horse-thief alone near Attock; and had stood under the mimbar-board of a Border mosque and conducted service in the manner of a Sunni Mollah» [5] (Однажды, получив отпуск, он в Аллахабаде был посвящен в Сат-Бхай; он знал "Песню ящерицы" людей санси и видел пляску халь-е-хак – религиозный канкан самого необычайного жанра, а уж если человек знает, какие люди пляшут халь-е-хак, как пляшут, когда и где, – он знает кое-что, чем можно гордиться. Это значит, что он проник не только "под кожу", а глубже. Но Стрикленд не гордился, хотя однажды в Джагадхри он помогал красить Быка Смерти, которого ни один англичанин не должен даже видеть; он овладел воровским жаргоном чангаров, самостоятельно поймал невдалеке от Аттока юсуфзайского конокрада, стоял под мимбаром в одной пограничной мечети и совершал богослужение как мулла-суннит)[2]. Даний уривок нам розповідає про релігійні танці та поклоніння індійців тваринам, возвеличення священних тварин – обряд широко відомий у всьому світі. Це і є екзотичність та самотність національного колориту індійського світу, якої позбавлений світ християнський. Різниця очевидна. До національних особливостей індійців можна віднести також куріння опіуму. Цей ритуал широко розповсюджений в Індії як серед дорослого населення, так і серед людей похилого віку і навіть подекуди підлітків. Новела «The Gate of a Hundred Sorrows» («Ворота Ста Печей») уже на початку своєму містить згадку про цю національну «забаву»: «If I can attain Heaven for a pice, why should you be envious?» Opium Smoker's Proverb[6] (Что вам завидовать мне, если я могу достичь небес ценою одной пайсы? Поговорка курильщиков опиума)[3].

Велику роль у творчості Кіплінга відіграють вірші або прислів'я, приказки, які він використовує як епіграфи до своїх оповідань. З їх допомогою можна сягнути глибини національних традицій та звичаїв і побачити значно більше, аніж побутовий аспект національного колориту. Ці рядки передають загадковість духовного світу індійців, вони дають можливість не просто спостерігати, але й відчувати. Р. Кіплінг вводить їх у свої оповідання, як певну компенсацію за відсутність художніх

засобів та скупі метафоричність стилю. Слід зазначити, що такий прийом є більш дієвим та точним. Іншого годі й бажати. "Who is the happy man? He that sees in his own house at home little children crowned with dust, leaping and falling and crying. "Munichandra, translated by Professor Peterson [9] (Какой человек называется счастливым человеком? Тот, у кою в доме бегают, падают и плачут перепачканные малые дети. "Муничандра" в переводе профессора Питерсона)[4]. Так починається оповідання «The Story of Muhammad Din» («Жизнь Мухаммад-Дина»). Це історія із трагічним закінченням – помирає дитина, але епіграф підводить до основної думки, що діти – це найвище щастя та благословення і лише та людина насправді щаслива, в домі якої звучить дитячий голос та сміх. Національний колорит тут теж простежується: індійці понад усе цінують життя та оспівують свою любов та приязнь до молодшого покоління, вбачають у ньому сенс життя. Візьмемо для прикладу інший епіграф, із оповідання «Beyond the Pale» («За чертой»): «Love heeds not caste nor sleep a broken bed. I went in search of love and lost myself. Hindu Proverb» [10] (Ни каста, ни сон на сломанной кровати для любви не препона. Я отправился искать любовь и потерял себя. Индийская пословица)[5]. Це розповідь про кохання із трагічним фіналом – кохання індійської дівчини Бізези до британського підданого Тріджего. Дівчина через це кохання втратила руки, але в даному випадку не це є найголовнішим у оповіданні. Головним є відчуття тієї сили почуттів, фанатичної відданості, яка абсолютним чином вирізняє спосіб життя індістів від способу життя європейців. Така сила почуттів і є національним надбанням індійського народу. Кіплінг показує нам, що світ Сходу у більшій мірі своїй тримається на почуттях та емоційний аспект вирізняє з-поміж інших аспектів свого існування. Індійці вважають, що попри усі обставини, людина повинна залишатися належною до своєї касты, своєї раси та свого племені. Спроможність так віддаватися почуттям, жити за наказами серця – це не лише стереотип, який склався і розповсюдився світом, коли йдеться про особливості менталітету східних народів. Це і є та етнічна особливість націй Сходу, яка вирізняє їх з-поміж решти народів світу. З материнським молоком люди засвоюють ту істину, що краще бути позбавленим рук або ніг, аніж зрадити або, навпаки, бути зрадженим.

Кіплінгові була знайома безліч ритуалів та звичаїв індійців, він досконало знав мову, тому увесь час у його творах, особливо у малій прозі, зустрічаємо характерні для індійської мови слова та терміни, що також допомагають збагнути національний колорит. Це, наприклад такі слова як, «sahib» – європеєць, білий чоловік; «jogi» – добра людина; «guru» – важливий, шляхетний, вчитель; «maharajee» – принцеса, член королівської родини жіночої статі та багато інших слів. За допомогою таких деталей, слів національний колорит та, певною мірою, духовне наповнення індістського світу стає більш зрозумілим представникам іншої релігії та нації.

Стиль Р. Кіплінга, як відомо, досить лаконічний, із вкрай малою кількістю художніх засобів, проте багатий на описи та події. Його стиль – це скупий репортаж, сповнений фактами, проте саме таким чином якомога краще відчувається атмосфера подій, мотивація вчинків героїв та, як результат, створюється ставлення до них та до світу, в якому вони живуть.

Слід сказати, що світ індуїзму та сам національний колорит індійців був дещо знівельований та понівечений в процесі колонізації Британською імперією Індії. Індійська спільнота прийняла втручання Заходу майже безболісно, як належне. Ворожості з боку населення не спостерігалось. Відсутність єдиної чіткої політичної і релігійної доктрини у Індії ще до колонізації її Британською імперією посприяло прийняттю західних культурних традицій та допомогло народу змиритися із втратою державності на незалежності. Без сумніву, базові елементи культури та сам менталітет індійців зберігся незмінним, але життєва позиція та сам спосіб життя змінилися. Неможливо заперечити, що цей факт не обходить формування національного колориту країни.

Література:

1. Диндаренко О. А. Индийский национальный колорит в прозе Р. Киплинга (на материале романа «Ким») / О. А. Диндаренко // Вестник СевГТУ. – 2006. – № 76. – С. 97-106.
2. Киплинг Р. Саяс Мисс Йол / Р. Киплинг / [Електронний ресурс] – Режим доступу: http://az.lib.ru/k/kipling_d_r/text_1887_miss_youghals_sais.shtml
3. Киплинг Р. Ворота Ста Печалей / Р. Киплинг / [Електронний ресурс] – Режим доступу: http://www.modernlib.ru/books/kipling_redyard_dzhozef/vorota_sta_pechaley/read/
4. Киплинг Р. Жизнь Мухаммед-Дина / Р. Киплинг / [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://www.serann.ru/text/zhizn-mukhammed-dina-9216>
5. Киплинг Р. За чертой / Р. Киплинг / [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://lib.ru/KIPLING/zacher.txt>
6. Скляр Ф. М. Р. Киплинг – новеллист: от репортажа к рассказу / Ф. М. Скляр // Вопросы зарубежной литературы: Сб. научных трудов. – Ташкент. – 1979. – № 603. – С. 53-63.
7. Kipling R. Miss Youghal's Sais/ R. Kipling / [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/plain/chapter4.html#chapter4>
8. Kipling R. The Gate of a Hundred Sorrows/ R. Kipling / [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/plain/chapter30.html#chapter30>
9. Kipling R. The Story of Muhammad Din / R. Kipling / [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/plain/chapter31.html#chapter31>
10. Kipling R. Beyond the Pale/ R. Kipling / [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/plain/chapter20.html#chapter20>

В статье исследуются элементы национального колорита в рассказах Р. Киплинга и влияние этих элементов на читательское восприятие малой прозы автора. Значительное место в творчестве Киплинга, а особенно в малой прозе, занимает описание элементов национального колорита жизни и быта народов, которые очутились под рабским гнетом колонизаторской Британской империи. Существование подавленных народов, в основном, предопределено диктаторской политикой Британии. Имеют место такие случаи, как принятие индустами христианства, а как результат этого – изменение жизненных позиций, неумелое наследование модных тенденций жизни англичан, потеря самобытности народа. Происходит изменение самоидентификации. Национальная идентичность индусов теряет для них значение, то есть им постепенно становится безразличным осознание себя как части индийской нации, поклонение тем богам, которым они привыкли поклоняться, сохранение своего культурного наследия. Зато появляется желание угодить своим покровителям, которые, в свою очередь, национальный колорит, обычаи и традиции используют в качестве развлечений. Нюансы географического положения и особенности характеров людей, которые исповедуют индуизм и ислам, составляют лейтмотив едва ли не всего литературного наследия писателя.

Ключевые слова: Р. Киплинг, национальный колорит, национальная идентичность, малая проза.

In the article the elements of national colouring are probed in the Kipling's stories and influence of these elements on reader's perception of small prose of author are marked. A considerable place in creation of

Kipling, and especially in small prose, occupies description of elements of national colouring of life and way of life of people which found themselves under the slave burden of the colonialist British empire. Existence of low-spirited people, mainly, is predefined by the dictatorship of Britain. Such cases, as acceptance of christianity by hinduists take place, but as a result of it is a change of vital positions, clumsy following the fashionable tendencies of English life, loss of originality of people. There is a change of self-identification. The national identity of hindus loses a value for them, gradually an awareness as a part of Indian nation becomes indifferent for them, worship those gods which they got used to worship, maintainance of the cultural legacy. But there is a desire to please the promoters which use a national colouring and traditions as an entertainment.

Nuances of geographical position and features of characters of people, which hear the confession hinduism and islam, make the leit-motif of hardly all literary heritage of writer. Description of cruel week-days of peasants, workers, closely interlaces with the sing of imperialistic traditions and moral norms of British society.

The colonized people have neither rights nor freedoms, however much they have is the unique national character and strong layer of traditions which make the national spirit of people, successfully told by Kipling.

Kipling belongs to noble British society, which is civilized, but it doesn't care at all about the life of poor people. Indian nation stands on a lower position than British, that's why the British don't consider them as a civilians, sometimes they don't even consider them as a simple human beings – just a slaves.

We can notice this attitude at almost every page of the short stories, written by author or at the pages of great novels such as «Kim» or other ones.

Our destiny, as we used to think, doesn't depend on us, but it does depends on unknown heaven's power. The destiny of Indians or Muslims, doesn't matter, depends on the representatives of British society – the best part of humanity.

There is the only one sphere which is untouchable and unreachable for imperialistic sober mind. This is the sphere of feelings – strong and sometimes wild, but native. Hopefully it will take a long long period of time for Christianity to abolish and kill the possibility to feel this way. Maybe it will never happen at all.

Key-words: R. Kipling, national colouring, national identity, short prose.

Поступила в редакцію 01.03.2013 з.

УДК 821. 512+821. 111

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ – ЧЕЛОВЕК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МЕВЛАНЫ ДЖЕЛАЛЕДДИН РУМИ И ШЕКСПИРА

Татлы А.

*Университет Кавказ (Баку)
E-mail: atatli@qu.edu.az*

В статье исследуются понятия человек в произведениях Джалаладдина Руми и Уильяма Шекспира. Автор дает краткое изложение творческой деятельности Шекспира и философских восприятий понятия человек в творчестве Джалаладдина Руми. Эти два гиганта-представителя восточной и западной литературы каждой по-своему оценили человеческую натуру, в то время как и у этих абсолютно различных по натуре и нравах философов можно найти сходные и общие черты, которые совпадают в работах-изысканиях данных авторов.

Ключевые слова: человек, деяния, жизнь и понимание

Постановка проблемы. Человек, который создан из сгустка крови воспроизведенный как самое совершенное создание из всего живого, что есть на Земле, еще потратить не мало усилий в приключениях за познаниям самого себя. Человек, и есть то создание на чем строятся идеологии, социальные отношения, все что делается, на его благо и удовольствие, все ради его счастья и только. Он, с самого первого дня создания борится и бьется за то, чтобы выразится наилучшим образом, всегда за теми, кто удачливы в этом. Истина существования, не сам ли человек, кто был и остается основным предметом всех культур и философий известные вселенной? Философы античных времен, индейские, египетские, и греческие мыслители, а также их современники и по сей день в глубочайшем поиске исходов человечества, его нравов и особенностей. Знания Сократа, Митра брахмы, магия египтян, религии монотеистические и политеистические также обустроены на человексом факторе, его жизненного стандарта и благоустройства.

Представление человека в работах Мевланы Джалаладдин Руми. По Мевлане великий и всевышний Творитель создал вселенную для того, чтобы показать свою силу чужды творения, а когда ему захотелось воспроизвести свое искусство и самого себя, Бог создал первого человека – Адама, самое совершенное его творение, в сотворенном самим же человеке [1, 103]. Вне сомнения, что самый первый человек сотворенный в лице Адама, был и есть созданное всевышним творение в самом заурядном теле с самым высоким и священным духом. Великий создатель создал эти противоположные особенности в одном целом. Этот великий дух способен произвести сотни и тысяча бесценных мудростей, это плотное тело также способно проникнуться сотнями и тысячами бездонных и мрачных лабиринтов тела и души. В Коране это излагается как “Я воистину сотворил человека из песка и вместил в него свой дух, распорядился ангелам поклоняться ему [2, 143]. Поэтому, как в мифологии, так и по Мевлане человек и есть создание священное.

Бог создал человека вместив в него свой дух, человек несет в себе часть от Создателя всего сущего и несущего, что делает его священным. Только лишь поэтому, для Мевланы будь то верующий, язычник или атеист, мужчина или женщина, богатый или бедный он – человек то священное что создано всевышним, и он или она почтим и драгоценный. Каждый человек уникален и почтим, все им созданное ценное во имя создателя сего. Помимо этого жаловаться и сплетничать не приемлемо, потому, что жаловаться и сплетничать о созданном означает жаловаться и сплетничать о создателе [2, 136]. Только данный подход разъясняет насколько много в Мевлане любви и восхищения к Создателю и к созданному им творению. В гостиничной Сахиба Исфакхани была очень красивая куртизанка, и несколько разных девушек. Однажды когда Мевлана проходил мимо этой гостиничной, та самая красивая куртизанка с своими девушками бросилась к ногам Мевланы, в ответ чего последовало: “ вы поистину великие богатыри, если бы не Вы кто бы посмел поднять то бремя, что вы носите, кто бы утолил и обуздывал бы такие беспредельные и озобоченные души и тела? Если бы не Вы как бы отличалось целомудрие и распушенность, как распознали женщин целомудренных и почтимых». Услышав это один из чтимых старейшин эпохи, высказался «Мевлана, человек великий, почтимый, не пристоеен его интерес к падшим женщинам». В ответ Мевлана высказался очень резко «будь ты хоть на самую малость мужчина и человек слова, ты бы оставил двуличие, и пытался бы стать самим собой» [1, 127]. Данной фразой Мевлана выражает и подчеркивает насколько противно и бессмысленно лицемерить, человек должен либо быть тем какой он себя ведет, либо вести себя таким какой он на самом деле. Мевлана, считает, что каждый должен видеть себя ниже других, чтоб по истине выбороть из себя спрятанный в самом глубине своих душ гордыню, высокомерие, и стать по истине зрелым. Человек считающий себя выше всех не сможет исправить свои недостатки, не сможет духовно развиваться, гордость и высокомерие плохие советники погубившие дьявола. В самом начале Дьявол, кто был назначен и предопределен настолько насыщенным и глубоким знанием для просвещения ангелов, в последствии того, что он выгордился и его высокомерие не позволила ему поклониться перед человеком, не приняв возможность того, что может появиться кто-то повыше, получше него, и это обусловило его лишение всех преимуществ предназначенных для него. Поэтому суфий всегда помнит и ведет образ жизни, не забывая данный жизненный урок. По рассуждениям Мевланы человек должен не только стараться держать свою среду обитания, одежду и тело чистым, намного важнее быть чистым внутри, духовно. Только в этом случае человек сможет стать духовно очищенным и зрелым. Мевлана, выражается следующим образом по этому поводу: Бог, в судный день оценит Вас не по Вашему внешнему виду, а по вашим деяниям, намерениям и вашему сердцу [1, 625]. Человек, как блюдце, как своего рода тарелка, если необходимо помыть внешнюю сторону тарелки, намного важно и обязательно помыть внутри тарелки в первую очередь. Коран гласит «Держите мой дом чистым» [1, 465-466]. Мевлана не разделяет людей на хороших и плохих, только лишь рассуждает над их плохими сторонами. Человек, как обработанная кожа портится при сырости, вонь стоит нестерпимый [3, 104]. Не выпрыгни в огонь, раз уж выпрыгнешь тогда будь Авраамом. В тебе глубочайший эгоизм, не выпрыгни в

огонь пылающий, выпрыгни только если ты такой же как Ибрагим [3, 1606]. Раз так, не сложно понять, что человек потенциально вмещает в себе как хорошие, так и плохие особенности. Если человек сможет укротить свой нрав и плохие привычки, он сможет стать очень нужным для общества и человечества. Мевлана наставляет людей быть честными, совершать добродетели, старается исправлять свои ошибки, недостатки и злодеяния, при этом не оглашая недостатки других. Я не видел ничего лучше, в этом мире, того, чтоб стараться и бороться за то, чтоб стать еще лучше [4, 810]. Плохой человек, тот, кто вредит другим людям. Фраза от Корана гласит «попросите и пожалуйте к рабам моим, которые щедры и благородны, одаренные милосердием моим [2, 141]. Исходя из подхода Мевланы человек злодействует из-за непросвещенности своей. Человек зрелый, просвещенный всегда с ответственностью относится к своим недостаткам и ошибкам, при этом не распространяясь о недостатках других. В суфизме абсолютно нет места к плохим мышлениям и действиям. В этом понимании человек намеревающийся созреть и просвещаться обязан быть понимающим и благодетелем даже к своим врагам. Что означает, человек не просвещенный может нечаянно обидеть человека просвещенного, но последний должен быть выше этого не обижаться, и не пытаться обижать никого в ответ. Ссылаясь на Мевлану, добродетели не должны делаться в ответ или в ожидании материальной пользы для себя, а только лишь в надежде достичь расположения и одобрения духовно и материального создателя, что и означает делать добро не ища выгоды для себя, бескорыстно. Те деяния ценны только в этом случае.

Человек в произведениях Шекспира. Один из персонажей Шекспира, всем хорошо знакомый, и по сей день полностью не допонятый и открытый ко всяким комментариям, персонаж человека с характером колеблющим этот персонаж и есть Гамлет, принц Дании. Терпеть пытки страдания или же покончить жизнь самоубийством, эти были два основных вопроса над чем он колебался. Не обязательно напомнить исход популярной и всем приемлемой фразы «Быть или не быть, в этом вся суть». В произведениях Шекспира основной трагедией его персонажей является слабость, колеблющий и уязвимый характер «Гамлет», «Макбет» и «Короля Лира». Характерные черты этих персонажей жестокость, амбиции, ревность, эгоизм и т. п., черты которые глубоко влияют на читателя. Данные черты и особенности разделяют Мевлану и Шекспира во всех их подходах, а также в миссии их существования. Шекспир в своих произведениях постоянно пытается из за всех сил выразить все прекрасное в человеке, когда как Мевлана выступает с иной точки зрения и пытается повлиять на рассуждение человека, подталкивая его развить себя, научить умению выражать истинного себя. Выводы и заключения, настаивания Шекспира глубоко повлияли на Западного читателя. Если просмотреть самые значимые и любимые его произведения как Король Лир и Гамлет, в самом начале драмы самодовольные, замкнутые в себе, излишне гордые, небрежные к постороннему мнению, готовые сослать каждого кто посмеет перечить, легко возбудимые и вспыльчивые по характеру персонажи [5]. Являясь королем страны Лир не способен и даже не пытается увидеть и разделить мысли и чувства самых близких себе людей, замкнутый в себе Лир игнорирует родных тоже. Схожие поведения свойственны людям эгоистичным и замкнутым в себе. В самом начале пьесы

Лир убежденный в своей правоте, ближе к концу понимает свое заблуждение и борется со своей совестью, что увенчается психологической неуравновешанностью и депресией. Обезумевший Лир продукт художественного воздействия автора своему герою, что и есть не постоянное явление. Темы, затрагиваемые автором в драме «Король Лир» включает в себя огромное пространство окупающее описание справедливости, смерти, ничтожность, безумие, обязанности детей перед отцом, природой, политики, классификация людей по принадлежности, авторитету, внешность, лож и двуличие, характерные черты описуемые в мельчайших подробностях, потеря человеческой сути в самом жестоком и бесчеловечном, диком озвучении [6, 909]. То же самое дикое описание характерно и для Гамлета. В основе безумия Гамлета лежит непросвещенность и невежество [7, 1683]. Он всегда эгоистично подходит ко всем и вся. Не способный увидеть полную картину он рассуждает, ссылаясь на то, что ему видимо через свой узкий кругозор и маленькое окошко, пытаясь выплыть вверх, он пускается все ниже и ниже задыхаясь созданным самим собой безднице. Ревность, ненависть, страсть, жажда мести правят им, толкая его в безвозвратный путь. По нему справедливость может быть восстановлена только в том случае, если он возьмет реванш, отомстит. Вывод и исход из этого – боль, потерянные жизни и сознания, навсегда замкнутые в бездне.

Выводы и перспектива. Иконы культур различных и отличных друг от друга людей один из явных оснований развития и изучения человека первоначального и человека современного. Икона Турецкой и Восточной культуры Мевлана, при яростном сражении за воссоздания истины человеческой природы, за его просвещение и прославление, икона Западной культуры Шекспир с таким яростным вдохновением передает своему читателю истину сути человека во всех возможных красках своего творчества.

Литература:

1. Eflaki A. Ariflerin menkıbeleri II / Eflaki Ahmet / Çev: Tahsin Yazıcı. – İstanbul, M. E. B. Bilim ve Kültür Eserleri.
2. Mektuplar / Çev. Abdülbaki Gölpınarlı. – İstanbul: İnkılap ve Aka kitabevi, 1963.
3. Mesnevi ve Şerhi / Şerh eden: Abdülbaki Gölpınarlı, Cilt 1-VI, Ankara: Kültür Bakanlığı Yayını, 1989. – IV
4. Mesnevi ve Şerhi / Şerh eden: Abdülbaki Gölpınarlı, Cilt 1-VI, Ankara: Kültür Bakanlığı Yayını, 1989. – IV
5. Analysis of Major Characters [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sparknotes.com/shakespeare/lear/analysis.html>
6. The Oxford Shakespeare Stanley Wells. – Gary Taylor Oxford University Press, 1986
7. The Northern Shakespeare. – International Student Edition 2008: Northern Company New York

Татли А. Визначення поняття – людина в творах Мевлани Джеяледдіна Румі та Шекспіра / А. Татли // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 177–181.

У статті досліджуються поняття людина в творах Джалаладдіна Румі та Вільяма Шекспіра. Автор надає короткий виклад творчої діяльності Шекспіра і філософського сприйняття поняття людина у творчості Джалаладдіна Румі. Ці два гіганти-представника східної і західної літератури кожний по-своєму оцінив людську природу, в той час як і у цих абсолютно різних за характером і поглядами філософів можна знайти подібні та загальні риси, які збігаються в роботах-вишукуваннях даних авторів.

Ключові слова: людина, діяння, життя і розуміння

Tatli A. Definition of the concept – a man in the works of Mevlana Rumi and Shakespeare / A. Tatli // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 177–181.

The article explores the concept of man in works Rumi and Shakespeare. The author gives a brief summary of Shakespeare's creativity and philosophical perception of a man in the work of Rumi. These two giants, the representatives of Eastern and Western literature, each of their assessed human nature, while and these are absolutely different in nature and disposition of philosophers can find similarities and common features which are the same in the works of these authors-prospecting.

Keywords: man, actions, life and understanding

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК – 398 (=512. 145): 008

**КЪЫРЫМТАТАР ФОЛЬКЛОРЫНДА КЪУЛЛАНЫЛГЪАН
РАКЪАМЛАРНЫНЪ СЫРЛАРЫ.
(«ЕДИ» РАКЪАМНЫНЪ БЕДИЙ ВАЗИФЕЛЕРИ)**

Кокиева А.

*ТНУ им. В. И. Вернадского
E-mail: kokiyeva@ro.ru*

Айдынлатылгъан меселенинъ муимлиги къырымтатар фольклорында еди ракъамынен ишлетилгъен ибарелер насыл маналар анълаткъаны ве насыл вазифелер беджергенинен багълыдыр. Бу мевзугъа аит, ильмий неширлерде дёрт ильмий макъале дердж олунды. Айны макъалелерде «9» [9], «40» [10], «3» [11], «4» [12], киби ракъамларнынъ бедий вазифелери тайинленди. «Еди» ракъамнынъ бедий ве семантик вазифелери аля даа огренильмегени тедкъикъатымызнынъ муимлигини къайд этмеге давет эте ве апробатив бир талиль олгъаныны косътере.

Мевзунынъ сонъки теткъикъатларда талиль олунувы. Фольклор эсерлеринде къулланылгъан «еди» ракъамынынъ бедий вазифелери даа огренильмедди. Дигер халкъларнынъ фольклорында «еди» ракъамынен багълы Бородин А. И [1], Васильев, а [2], Диваев, а [3], Durbilmez Ваугам [4], Дьяконова В. П [5], Джураев Маматкул [6], Зарифов Х. Т [7], Исмоилов И [8], Кляшторный С. Г [13], Красных В. В [14], Малов С. Е [16], Миллер В [18], Пропп В. Я [19], Фролов Б, а [20], Чернышев В [21]. киби алимлернинъ ильмий ишлерини къайд этмек ерлидир.

Тедкъикъатымызнынъ эсас макъсады – фольклор эсерлеринде къулланылгъан «еди» ракъамынынъ тарихий-мифологик ве поэтик вазифелери ве сатыр асты маналарыны тайинлемектен ибареттир. Алып баргъан теткъикъатымыз къырымтатар эдебияты кафедрасында тайинленген мевзунен сыкъ багълыдыр.

Фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамлар тарихий эсаслары ве поэтик табиятына коре: анъаневий ве тылсымлы ракъамлар чешитинден ибареттир [6, 15]. Ракъамлар вастасынен айтылмагъа истенильген медений кодларнынъ сатыр асты маналарынынъ тайинленюви **медениет коду анълайышыны** муджессемлей [14, 232-233].

Халкъ агъыз иджадынынъ бедиемлигини мукеммеллештирген ракъам ремзлери (симгъалары) муайен структуралы-семантик ве поэтик вазифелерини беджерелер. Поэтик формулалар теркибинде тургъунлашып къалгъан ракъамлар бедий метинде анъаневий шекильде ишлетилелер [6, 25]. Халкъ арасында «еди икълим, еди тюз, еди фелек, еди къат ер, еди огъуз, еди урув киби этник адландырувлар да «еди» ракъамынынъ тылсымлы тарихындан делеялет берип турмакъталар.

Джанлы тилимизде «еди» ракъамы насылдыр бир анъанеге чевирилгенине бенъзей. Муим бир ишке киришеджек инсанны халкъымыз **«еди ольчеп, бир кес»** деп тенбиелеген. **«Еди дедени бильген эр, еди юртнынъ гъамыны ер»** киби аталар сёзюнде эждатларнынъ рухуна бахс этильген теменна, урьмет бойле поэтик

шекильнен аңлатылган. Эдждатларымыз ана бабасынынъ догъмушлыкъ багъларыны «еди тизге» къадар бильгенлер. «*Еди тиз*» демек – еди несиль, еди эдждат демектир. Атка усталыкънен минген йигитлерни «Батырлыкъ *еди атадан* мирастыр» деп макътаганлар. Куреште куреги ерге тиймеген пельванларнынъ къуветини айрыджа къайд этмек ичюн, «*еди аркъасы ер корьмеген*» киби ибаресини къуланганлар. Бу ибаредде пельванлыкъ еди эдждаткъа къадар девам эткени аңлатылган. Суляле системасында «еди тизден» сонъ догъулган эвлят ят сайылган. Халкъ арасында баба-деделерининъ сулялесини бильмегенлерни «*еди тизини бильмеген мырт*» деп утандыргъанлар. Еди бабадан девам этильген огъланлар ёнелиши «еди тизге» къадар тувган сайылган. Озьбеклерде тизлернинъ: *фарзанд, невара, чевара, эвара, кабира, овора, бегона* киби адлары бар. Бегонадан догъган бала «ота» – секизинджи эдждатнынъ башы тувган сайылмаган [6, 122]. Еди тиз тувган-урув багъларыны аңлаткъан «*авлод бола, авлод навра, авлод чавра, авлод авра, авлод пай навра, авлод кукун навра, авлод ят навра*» киби адав-адлар уйгурларнынъ тилинде де сакъланып къалган [8, 149]. «*Еди аркъанъ ер танымасын*» киби къаргъышта да еди тиз затынъ гъурбет иллерде кочебелик этип юрьсин демектир.

Мукъаддес «едилик» аңанеси къадимий тюрклернинъ язма ядикярлыкъларында да ер алганы малюмдир. Унгин ве Чойрен битик ташларында «йати эран» – «еди огълан» симасы къайд этильген [16, 9–10], [13, 96–97].

Фольклор эсерлеринде «еди» ракъмынен багълы мифологик ремзлер халкъ дюньябакъышынынъ аңаневий мундериджесини сакълагъан алда биле, сюжет талабына коре, муайен бедий вазифе беджерип келе. Масалларда «*еди ерден эгилип кечмек*»нен – садакъат ве урьмет тимсали косътерильсе, «*еди кере тиз чёкмек*»нен исе – енъильмемек манасы аңлатыла. Эр кунъ «*еди кере эмизип кетмек*» – ибаресинен аналыкъ севгиси ве садакъаты тасвирлене. «*Еди адым атмакъ*» ибаресинде – кучь-къудретнинъ сынъыры, имкъаниетнинъ дереджеси аңлатыла, тылсымгъа чевирилген эпик вазият ифаделене. «*Еди къат перде артында отурмакъ*» айтымында – къызнынъ дюльберлиги борьттирилип косътериле [6, 96 – 98].

Къадимий абиделернинъ тилинде «едилик» ремзининъ мевджютлигини тарихшынас алим Б. А. Фролов да къайд эте [20, 116–122]. Фольклор эсерлеринде 7 ракъамина мукъаддес тюрк бериллов себебини изаатламагъа тырышкъан Къазанлы риязятчы А. Васильев ракъамларгъа сыгъынув аңанесининъ эсасыны Вавилон мифологиясына багъламагъа ынтыла [2, 12]. Рус халкъынынъ ырым-итне метинлерине багъышланган тедкъикъатында белли фольклорист В. Миллер де «еди ракъамы»нынъ къулланылув аңанесини Вавилон мифологиясынен багълай [18, 71].

В. Чернышевнинъ тюшюнджесине коре, фольклорда ве урф-адет мерасимлеринде «едилик» аңанесине риает этювнинъ эсасы саюв усулларынен багълыдыр [21, 45–46]. Саюв усулыны эдждатларымыз къулангъаныны А. И. Бородин де къайд эткен [1, 102], [1, 113–114].

Къадимий девирлерде еди йылдыз – Джетемен (Кучюк Джетемен)нен багълы эфсанелер иджат этильген. Керванлар бу йылдызларгъа бакъып, месефелер кечкен. «*Джетемени таныгъан, еди къаранлыкъ геджеде биле ёлуны шашырмаз*» деген аталар сёзю де бефтан пейда олмаган. Джетемен йылдыз къыргъыз эфсанеле-

ринде Акъбоз ат, Кокбоз ат адлы мифик атларны къувып юръген еди хырсыз сыфатында косътериле. А. Диваевнинъ язгъанына коре, Акъбоз ат ве Кокбоз ат Кучюк Джетемен топундаки энъ ярыкъ йылдызларнынъ адыдыр [3, 34]. Х. Т. Зарифов бу малюматларгъа Темиркъязыкъ йылдызынен багълы мифни де мисаль кетире [7, 80].

«Еди» ракъамынынъ магик-мифологик сайылар системасында ер алгъаныны фольклор эсерлеринде расткельген мисаллер тасдыкълайлар.

«Эдиге» дестанында Эдиге «*еди башлы, бир къуйрукълы йылангъа расткеле, оны ольдюрелер*», «*еди къуйрукълы, бир башлы йылангъа расткелелер, оны ольдюрип оламайлар*» [15, 62]. киби къудрет орънеги бир идаре этиджининъ элинде олса, душман енъиле биледжеги косътериле. Огълу Нурадинге «*Магъа еди султаннынъ башыны кетирдинъми?*» [15, 71]. дегени – къопаймакъ йигитке ляйыкъ олмагъан табиятгъыр демектир.

«Кёр огълу» дестанында Кёр огълу «*еди йылдыр Чамлыбельде тургъаныны, еди къат налны бирден бургъаныны айтыр*». Чамлы бельден окъ учурдым, *еди бинъ тельден кечирдим* [15, 102]. Бу ифаделерде исе инсаннынъ акъыл-идрак джеэтинден пишкинлешмеси, джисманий джеэтинден къуветлешмесине белли бир муддет керек олгъаны бильдириле.

«Чора батыр» дестанында «*Къазанны алмакъ ицин, еди кунъ, еди гедже муджаделе этелер*», «*еди ханлы Къазангъа къазакъ щыкъып кетемен*» [15, 88]. киби ибарелерде Къазан ханлыгъынынъ кучъ-къудрети анъыла. Енгилликнен гъалебе къазанылмайджагъы косътериле.

«Эдиль бай иле Джайыкъ бай» масалында «*Къозукюрпечнинъ еди кунъ, еди гедже юкълагъан адети олгъан*»ы айтыла [17, 494]. Бу мисальнен инсан табиятына уймагъан аляметнинъ фелякетли оладжагъы бильдириле.

«Ашыкъ Гъарип» дестанында о Шахсенемнинъ бабасына *еди йыл ичинде еди тулуп алтын* кетирсе, къыз онынъки оладжагъыны айта. Къыз Гъарипнинъ анасына еди тулуп алтын бере [15, 91]. Ашыкъ Гъарип буны къабул этмей, *еди йылгъа Алп шеэрин*е кетип, пара къазана [15, 92]. Бу ифадеде захметнен къазанылгъан элял макъсат акъкъында айтыла.

Эфсанелеринде «еди» ракъамы «кере», «яз», «къыш», «йыл» киби сёзлер ян-янаша келип, белли бир мана анълаталар. Месея, «Аюв дагъ» эфсанесинде Аювнынъ эгилерек, *еди кере Аллахкъа седжде эткенинен* Танърыгъа ибадет этмек тимсали *анълатыла* [15, 156]. «Алтын бешик»те акъыкъатнынъ енгиль къазанылмагъаны эки тараф *еди яз, еди къыш* дженк эткенинен косътериле [15, 161]. «Айдамакълар къобасы»нда джесюрлик тимсали «Алим *еди йыл ичинде еди кере* къаравуллар къолуна тюше, *еди кере зынджырларны къыра* киби тасвирлерде акс олуна [15, 164].

Халкъ агъыз иджадындан кетирилген мисаллерден, еди ракъамынен къулланылгъан ибарелер базы алларда чокълукъны анълаткъаныны, базы бирикмелерде исе алемнинъ семантик тизилиш ремзи сыфатында ишлетилгенини, эпик межан ве эпик межанны къорчалагъан къараманларнынъ джесюрлигинен къуветлендирилгенини къайд эте билемиз. Эпик межанны бельгилеген ибарелер ве эпик межанны къорчалагъан къараманларнынъ тимсали поэтик формулаларда

муджесемленелер. Олар «еди» ракъамынынъ беджерген бедий вазифесини тайинлемеге хызмет этелер.

Нетиджелер. Бойледже, «еди» ракъамы иле багълы поэтик формулаларда халкъымызнынъ къадимий дюньябакъышлары эсасында шекилленген тарихий-этнографик хусусиетлер акс олунгъаныны, хабер этювден гъайры, эстетик вазифелер беджерильгенини айыра билемиз.

Теткъикъ олунгъан меселенинъ келеджекте къыйметли тарафлары

Аньаневий ремзлер тарзында халкънынъ анына синъип къалгъан ве мерасим, адетлеримизнинъ сырлы алемине сефер къылмагъа муит яраткъан ракъамлар халкъ акъыл-идракининъ аньаневий инджеликлерининъ ве поэтик табиятынынъ тедкъикъ этильмесине имкъян ярата билелер.

Эдебият:

1. Бородин А. И. Число и мистика / А. И. Бородин. – Донецк, 1975. – 239с.
2. Васильев А. Числовые суеверья / А. Васильев. – Казань, 1886. – 175с.
3. Диваев А. Киргизский рассказ о звёздах / Абубакир Диваев // Известия общества археология, история и этнография при императорском Казанском университете. – Казань, 1897. – Т. XIV. – 212с.
4. Durbilmez Bayram. Qırım türk anlatılarında sayı simqeliqi/ Bayram Durbilmez // Milli folklor uluslararası Kültür Araştırmaları Dergisi. –2007. –№76. – s. 177– 190.
5. Дьяконова В. П. Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке / В. П. Дьяконова // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Москва, 1976. – 236с.
6. Джураев Маматкул. Магические числа в узбекских народных сказках. / Маматкул Джураев. – Ташкент: ФАН, 1991. – 153с. – ISBN 5-648-01257- 8.
7. Зарифов Х. Т. Ўзбек халқ дostonларининг тарихий асослари бўйича текширишлар / Х. Т. Зарифов // Пулкан шоир. – Тошкент, 1976. – 138 с.
8. Кокиева. А. Къырымтатар фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамларнынъ сырлары. «Докуз» ракъамынынъ бедий вазифелери / А. Кокиева // Культура народов Причерноморья. – 2010. – №182. – С. 30-32. – ISSN 1562-0808
9. Кокиева. А. Къырымтатар фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамларнынъ сырлары. «Къыркъ» ракъамынынъ бедий вазифелери / А. Кокиева // Культура народов Причерноморья – 2011. – № 199. – т. 2. – С. 57– 59. – ISSN 1562-0808
10. Кокиева. А. Къырымтатар фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамларнынъ сырлары. «Учь» ракъамынынъ бедий вазифелери / А. Кокиева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Симферополь, 2011. – т. 24. (63) – №3. – С. 115–118. – ISSN 1606-3715
11. Кокиева. А. Къырымтатар фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамларнынъ сырлары. «Дёрт» ракъамынынъ бедий вазифелери / А. Кокиева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Симферополь, 2012. – т. 25. (64) – №3, ч. 1. – С. 108–112. – ISSN 1606-3715
12. Исмоилов И. Туркий тилларда кавм-кариндошлик терминлари. /И. Исмоилов/ – Тошкент, 1969. – 178с.
13. Кляншторный С. Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрена / С. Г. Кляншторный // Страны и народы Востока. Вып. XXII, М, 1980. – 213с.
14. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – Москва. «Гнозис». – 2002. – 284с. – ISBN 5-94244-009-3.
15. Kırım Halk Edebiyatı: Türkiye dışındaki Türk Edebiyatları Ansiklopedisi T. 13. Kırım Türk-Tatar Edebiyatı. Kırım halk Edebiyatı S. 44-238. (hazırlayan doç. Dr. Cafer Bekir. – Ankara, 1999. – 600 s. ISBN 976-17-1263-7(Takım). - ISBN 975-17-2308-6.
16. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии / С. Е. Малов – М. –Л, 1959. – 346с.

17. Mahmut Enver, Mahmut Nedret. Bozcigit. Dobruca Tatar Masalları Birinci kitap / Enver Mahmut, Nedret Mahmut. – Kırtepon kitap üyü, Bucureşti, 1988. – 262s.

18. Миллер Дж. А. Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информации / Дж. А. Миллер // Инженерная психология. – М, 1964. – 229с.

19. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки/ В. Я. Пропп – Л. – 1946. – 295с.

20. Фролов Б. А. Как появилась «магическая семёрка» / Б. А. Фролов // Атеистические чтения. – М, 1970. – № 4. – С. 116 – 122.

21. Чернышев В. «О стержневых именах числительных в русском и казахском языке / В. Чернышев // Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая. –№4 (49), 1986. – С. 45– 46.

Кокієва А. Магічне число 7 в кримськотатарському фольклорі / А. Кокієва // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 182–187.

В статье рассматривается магическое число 7 в кримскотатарском фольклоре. Культура каждой нации хранится в его сознании, фиксируется в языке и в языковом сознании, обуславливая национально культурную специфику. Изучение фольклорных текстов после редактирования и подведения их к литературным нормам – утратили изначальный смысл, а в сохраненных рукописных текстах встречается бессмысленный набор слов, не позволяющие адекватно и глубоко анализировать текст. Изучение смысловой части текстов, выяснение их происхождения, функционирования может открыть широкий предел понятийного аппарата народной мудрости, кода духовной культуры. В языковом материале фольклорных текстов встречается сочетание магических чисел три, четыре, семь, девять, сорок с различными словосочетаниями. Мифологическая модель мира, скрытая в них архаична. Принцип кодирования используется в развлекательной, дидактической, эмоциональной, этической и эстетической функциях. Магические функции воспринимаются как сакральные. Выявление в них глубоких смыслов, позволяют расширять языковые особенности и ценности культуры.

Ключевые слова: кримскотатарский фольклор, магические числа, культурное пространство, код культуры, символ.

Кокієва А. Магічне число 7 у кримськотатарському фольклорі / А. Кокієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 182–187.

У статті розглядається магічне число 7 у кримськотатарському фольклорі. Культура кожної нації зберігається в його свідомості, фіксується в мові і в мовній свідомості, обумовлюючи національно культурну специфіку. Вивчення кримськотатарських фольклорних текстів після редагування і підведення їх до літературних норм – загубили первинний сенс, а у збережених рукописних текстах зустрічається безглуздий набір слів, що не дозволяють адекватно і глибоко аналізувати текст. Вивчення смислової частини текстів, з'ясування їх походження, функціонування може відкрити широка межа понятийного апарату народної мудрості, коду духовної культури. У мовному матеріалі фольклорних текстів зустрічається поєднання магічних чисел три, чотири, сім, дев'ять, сорок з різними словосполученнями. Міфологічна модель світу, прихована в них архаїчна. Принцип кодування використовується в розважальній, дидактичній, емоційній, етичній і естетичній функціях. магічні функції, воспринимаються як сакральні.

Виявлення в них глибоких сенсів, цінностей дозволяють розширювати можливості культури.

Ключові слова: кримськотатарський фольклор, магічні числа, культурний простір, код культури, символ.

Kokieva A. Magic number 7 in Crimean Tatars folklore / A. Kokieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 182–187.

In the article examined magic number 7 Scrpimean Tatars folklore. Culture of each nation is kept in its mind, fixed in the language and in the language consciousness, causing the national cultural identity. Today the study of Tatar folklore texts entails great difficulties. As what is left, so to speak, "on the surface" after

editing and bringing them to literary norms – have lost the original meaning. And in preserved manuscripts in some cases it is found a meaningless set of words, plotless story – that do not allow adequately and thoroughly analyze the text and its components, which can even be drawn to false conclusions. The study of folklore texts as «the art of speech», as the narratives first of all led to the fact that folklore texts were interpreted from the point of view of the consciousness of modern man, and thus fit into the discourse of the present. So in the limits of the study of literature, these texts were represented as primitive, "embryonic" form of literature, an art form that did not correspond with the specific character of the archaic consciousness: not contemplative, but first of all pragmatic. The study of notional part of folklore texts, to determine their origin, functions in a ritual or other context can open up a wide conceptual apparatus of folk wisdom. Then a folk text will appear as a means of "language" of the culture. Language, therefore, in this case, will appear as one of the codes of culture. Modern scholars set in language consciousness the following codes of culture: somatic (bodily), spatial, temporal, subject, biomorphic, spiritual. Spiritual culture code incorporates all the above codes of culture, which are inextricably linked, and "work" on the spiritual culture code. Spiritual culture code compose moral values of people, permeates our being, determines evaluations given to yourself and the surrounding world.

In the Crimean oral folk art as incredibly accurately recorded and encoded fragments of wisdom of a deep layer of cultural space. For example, in the language material of folklore texts it is found combinations of magic numbers three, four, seven, nine, forty with different dicta and folk wisdom embedded in them, remains unclear. All stated above create preconditions for studies of this unexplored stratum. The use of the magic number seven has special significance in the Crimean Tatar folklore. The combination of this number is sometimes archaic. An indirect expression of meaning is used, bricolage (a roundabout way to achieve the goal). In the mythological model of world bricolage was the main principle of coding space. This feature of a folklore text at first sight (the view of a modern man) makes an impression of mismatch of what is said with what is meant. In the field of children's folklore these numbers have an entertaining and didactic functions. In laments these numbers are directed to fulfill the emotional, ethical, and aesthetic functions. Some of them fulfill specific magic functions taken as sacred ones. Sometimes these sayings have the meaning of talisman, spell that allows us to know that this part of a ritual. Thereby, the main function of the magic numbers was originally magic one aimed at maintenance of world order and balance in critical (for a human) calendar time. Magic numbers express the idea of discreteness (discontinuity and dissection) of the human world and give the sacred meaning to a particular event: described in stereotyped, repetitive formulas assuming the significance of the former and the eternal. Revealing in them deep meanings, values allow us to increase the opportunities of culture.

Keywords: Crimean tatars folklore, magic numbers are cultural space, code of culture, character.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 1

ПОИСК СТИЛЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ

Абдулгасанлы Т.

*Азербайджанский государственный экономический университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье рассматривается проблема стилей поэтических произведений периода Независимости 1991 – 2005. К исследуемой работе привлекаются примеры, взятые из произведений самых известных азербайджанских поэтов.

Ключевые слова: азербайджанская литература, период независимости, поэт

Постановка проблемы. Одним из важных компонентов художественного творчества является поиск стиля. Эстетическую важность искусства без стиля понять невозможно. С сожалением нужно отметить, что в азербайджанском литературоведении нет серьезных системных исследований поэтических стилей.

Известно, что «составляющей частью произведения искусства, доведенного до совершенства», является ее художественность, а проявление художественности, как одной из «совершенных форм», характеризует стиль произведения. Доктор филологических наук профессор Ариф Абдулла-заде в своем монографическом исследовании пишет: «В обобщенном или отдельно взятом творчестве азербайджанских писателей особое место отводится особенностям языка и стиля» только в конце произведения.

В заключительной части монографии язык произведений не рассматривается. В общей картине говорится о способах повествования я и описания. Особенность, важность стилей, роль общего художественного процесса и ее участие в этом процессе, можно сказать, не затрагивается. Не секрет, что им в мире и в Азербайджане с научной точки зрения взгляды на понятие стиля различны. Например, в энциклопедическом словаре «Литературоведения» член-корреспондент АНАР Азиз Мирахмедов характеризует стиль как терминологическое понятие следующим образом: «В художественной литературе стиль в творчестве каждого писателя составляющая часть повторяющихся основных идейно-художественных особенностей мировоззрения и идей, определяющих содержание его произведения.

Сюжеты и круг характеров, изображенных этим писателем, типическими способами описания является язык. Конечно, несмотря на точно определяемые обобщенные границы понятия стиля, расплывчатость проблемы налицо.

Турецкий литературовед Ахмед Кабаклы отмечает характерную индивидуальность стиля». Академик М. В. Хранченко считает, что «Стиль нужно осваивать новаторски; он выполняет роль своеобразного катализатора мыслей, эмоций, размышлений читателя». Доктор филологических наук, профессор Аббас Гаджиев обращает внимание на социологические моменты стиля: «... стиль придает слову и образу содержание». Доктор филологических наук Назир Гахраманлы считает: «... Стиль –

это событие в художественном развитии, который отражает отношение автора к художественному обобщению или условному образу.

В то же время стиль – это не застывшее старческое понятие, которое постоянно развивается. Несмотря на то, что терминологические понятия не меняются, совершенно невидны изменения в содержании. Очень важно иметь в виду факторы художественного наследия.

Вопросы стиля неразрывно связаны с самоутверждением и личностью автора, что и порождает критику. Например, выдающийся философ – критик Асиф Эфендиев (Асиф Ата) считал, что «поэзия утверждает не только определенный эстетический идеал, но и творческую личность и его духовный мир в литературной форме. С этой точки зрения поэтические искания наряду с другими особенностями неразрывно связаны с новыми оригинальными поэтическими утверждениями. Без сомнения, в высказываниях Асиф Ата есть интересные моменты, позволяющие более объективно рассматривать проблемы стиля.

На пересечении времен не следует ограничивать поэтические особенности истории в контексте литературной темы, жанровых особенностей. В период советского политического режима существовала именно такая ошибочная тенденция подхода к литературе, которая впоследствии получила свое подтверждение. Слово обретает бессмертие и становится произведением искусства, если оно написано в оригинальной, своеобразной манере. Другими словами, если не принять во внимание поэтические стили на фоне любой литературной эпохи, это может привести к антинаучным результатам. «... За последние годы были проведены серьезные исследования о закономерностях исторических стилей, опирающиеся на историческое развитие литературы, были написаны полноценные монографии и статьи, посвященные поэтике слова.

Однако, резким недостатком исследований современного творчества посредственных авторов является то, что эти произведения не имеют практического значения. Эти изъяны пускают корни, также в творчестве ведущих литераторов, лишая поэтическое слово своего очарования и веры в его социальную значимость.

Мы считаем, что заслуга в развитии литературы любого писателя в том, что наряду с объективной оценкой посредственного произведения, мешающей вовремя оценить оригинальные литературные тенденции, он выдвигает авторитетную точку зрения.

Без сомнения, нельзя не согласиться с тем, что в этом вопросе есть спорные моменты. Действительно, в творчестве некоторых азербайджанских мастеров, или в целом в исследованиях, посвященным общим проблемам национальной поэзии, встречаются похожие факты. Именно этот факт в вопросах литературных стилей мешает устранить некоторые спорные моменты.

Поиски поэтических стилей в азербайджанской поэзии периода независимости вызывает интерес с точки зрения интенсивности, сопровождающихся богатством красок в поэтических образах.

Исследовательский период азербайджанской поэзии привлекает своей колоритностью. За «хаотичностью стиля» стоят важные факторы. Как отмечалось выше, в

период советской власти цензура регулировала не только тему, идею, проблематику, но и направляла аспекты эстетической формы.

Вот почему в те годы сопротивление поисков стиля было естественным и неизбежным.

Замена системы стиля, переход анонимного к нормативно-индивидуальному, после к индивидуальному происходило не только из имманент-эстетических закономерностей литературы и в основном из-за проблем, накопившихся в определенный период социального развития. Старый стиль не мог отразить красочность и сложность литературы. Именно в этот период литературного развития старая система литературных ценностей ломается и зарождается новая.

В исследованиях поэтического стиля еще имеют место противоречивые отношения. Некоторые исследователи считают неудовлетворительным индивидуальный характер стиля в контексте всего литературного процесса.

До установления независимости в Азербайджане в некоторых исследованиях можно было встретить интересные высказывания. Например, в монографии «Поэзия в свете нового мышления» литературного критика М. Мамедова имеются следующие высказывания: «В общем в стихах существуют 3 основных стиля: этический, лирический и сатирический».

Литературных критик, черпающий свои высказывания из независимых наблюдений, допускает серьезную ошибку. Прежде всего, это не голословные стили, а синтез направлений, что упустил автор в своем высказывании.

В XX столетии в исследованиях азербайджанской поэзии стили можно классифицировать следующим образом:

- а) лирико-реалистический стиль;
- б) лирико-романтический стиль
- в) сатирический стиль.

Традиционными стилями – реалистическим, романтическим (другие стили не учтены)

По-нашему мнению, с точки зрения стиля Азербайджанскую поэзию можно классифицировать следующим образом:

- а) лиро-этическая
- б) лиро-философская
- в) лиро-метафорическая
- г) лирико-публицистическая
- д) сатирическая

Выводы и перспектива. Надо заметить, что это только условная классификация. Эти стили признает меньшая часть литераторов, и это еще раз подтверждает условность данной классификации.

Однако за любой условностью кроется упрощенное теоретическое понимание литературного процесса, что неизбежно влечет за собой ошибочное мнение. В поэзии современного Азербайджана с точки зрения стилей достаточно серьезной проблемой являются совершенно естественные противоречивые высказывания. В современной азербайджанской литературной критике и литературоведении отдельных

мастеров слова проблемы стиля периода Независимости нашли свое научное подтверждение.

Несмотря на то, что эти исследования опираются на творчество конкретной литературной личности, отражают литературный процесс» в определенной степени вносят ясность и побуждают интерес к данной теме.

Литература

1. Абдулла-заде А. Поэты и их пути (творческие стили в Азербайджанской литературе) / Абдулла-заде Ариф. – Баку: ЭЛМ, 1984. – 224 с.
2. Алышанлы А. Эстетическая память слова / Алышанлы А. – Баку: ЭЛМ, 1994. – 228 с.
3. Гаджиев А. Теория литературы / Гаджиев А. – Баку: Мутарджим, 1996. – 376 с.
4. Газиоглы Г. Индивидуальный стиль форм поэтического развития // Историческая поэтика азербайджанской литературы. II книга / Газиоглы Г. – Баку: ЭЛМ, 2006. – С. 71-104
5. Гасымов Г. Художественные стандарты / Гасымов Г. – Баку: АПИ, 1990. – 88 с.
6. Гахраманлы Н. Известные и неизвестные стили / Гахраманлы Н. // Улдуз, 1997. – №1. – С. 91-93
7. Мамедов М. Поэзия в свете нового мышления / Мамедов М. – Баку: Язычы, 1990. – 176 с.
8. Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы / Храпченко М. Б. – Москва: Советский писатель, 1975. – 408 с.

Абдулгасанли Т. Пошук стилю Азербайджанської поезії періоду незалежності / Т. Абдулгасанли // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 188–191.

У статті розглядається проблема стилів поетичних творів періоду Незалежності 1991 – 2005. До досліджуваної роботи залучаються приклади, взяті з творів найвідоміших азербайджанських поетів.

Ключові слова: азербайджанська література, період незалежності, поет

Abdulgasanly T. Method problems of Azerbaijan independent poetry / T. Abdulgasanly // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 188–191.

In the article on considering the method problem of poetry in Azerbaijan's independence period there have been noted all of poetic properties of poems in that period. The method problem of 1991-2005 years poetry are not involved in this research work.

Key words: Azerbaijan, independent poetry, poet

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 512. 145(498)

**РАЗВИТИЕ ЖАНРА РАССКАЗА В КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
30-Х ГГ. XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Э. АЛИМОВА
«ГОРЛИЦА МАШЕТ КРЫЛОМ»)**

Панова З. С.

*ТНУ имени В. И. Вернадского
E-mail: Zenure. Mussa@mail. ru*

В статье «Развитие жанра рассказа в крымскотатарской литературе 30-х гг. XX века» на примере рассказа Э. Алимова «Горлица машет крылом» рассмотрен процесс развития в крымскотатарской литературе 30-х гг. XX столетия жанра рассказа в непосредственной связи с изменяющимися условиями действительности тех лет. Данное исследование представляет первую работу по изучению творчества Э. Алимова, сумевшего экспериментальными методами соединения эссе, эклектики и сюрреализма создать интересное в художественном отношении произведение, хотя и втиснутое в жесткие шаблоны и стандарты условностей метода соцреализма.

Данная работа позволяет выделить основные составляющие уникального таланта Э. Алимова, воплотившего в своем литературном творчестве талант художника и писателя. **Материал статьи** может быть использован при изучении курса истории крымскотатарской литературы, а также в качестве иллюстративного материала на занятиях по развитию речи, развитию навыков у студентов навыков художественного мастерства.

Ключевые слова: соцреализм, сюрреализм, эклектика, классовое противостояние, депутат.

Постановка проблемы. Творчество довоенных писателей крымскотатарской литературы к настоящему времени мало изучено. К концу 30-х гг. минувшего века на смену интеллигенции, ставшей гордостью национальной культуры начала столетия, к этому времени расстрелянной и преданной забвению, была сформирована иная, крымскотатарская советская интеллигенция. За короткий период смены одного поколения было искусственно перезагружено былое историческое и культурное наследие. Несмотря на схематизм и идейную запрограммированность литературы той поры, в ней в художественной форме запечатлелась целая эпоха, ставшая неотъемлемой частью нашей истории, потому и требующая более пристального внимания. К этому ряду можно причислить и самобытный талант писателя и художника довоенной поры Эннана Алимова.

Цель исследования – определить особенности художественного творчества Э. Алимова.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:
– анализ рассказа Э. Алимова «Горлица машет крылом»;

– рассмотрение культурно-исторической среды, в которой сформировался писатель;

– определение идейного содержания рассказа во взаимосвязи с социальной и культурной средой времени их создания.

Предметом исследования является изучение творчества писателя и художника довоенной поры Эннана Алимова, а также исследование художественного метода творчества писателя, которое является неотъемлемой частью истории крымскотатарской литературы.

Степень изученности: художественного наследия Эннана Алимова определяется неким «пограничным» состоянием между бытием и небытием. Нельзя сказать, что его участие в творческой жизни предвоенной поры вовсе забыто. Но о нем лишь вскользь упоминают, не углубляясь в художественные достоинства творчества: в краткой справке биобиблиографического словаря, составленном Д. П. Урсу [1], текст небольшого рассказа в переводе на русский язык приводился в небольшом сборнике произведений крымскотатарских писателей [2], [3]. ; , а также в сборнике последнего десятилетия, составленном Юнусовой Л. С [4]. Его имя вошло в печальный муролог двенадцати членов Союза крымскотатарских писателей, ушедших на фронт и не вернувшихся с войны [5]. С развитием диапазона изучения крымскотатарской литературы эти немногочисленные публикации вызвали интерес к творчеству Э. Алимова, став основой его последующих исследований.

Писатель и художник Эннан Алимов родился в 1912 г. в селе Копюрликой (ныне Черемисовка) близ Карасубазара. После учебы в школе был рабочим на табачной фабрике. Любовь к искусству, литературе привела его в 1933г. в Симферопольский художественный техникум им. Самокиша (ныне Симферопольское художественное училище им. Самокиша). Окончив техникум в 1936г, в том же году, назначен его директором. Время активного развития его художественного и литературного таланта охватывает короткий четырехлетний период с 1936г. по первую половину 1941г. Это годы вдохновенного и плодотворного творчества, за которые были напечатаны рассказы «Родное село», «Горлица машет крылом», «Рыбаки», а художественные работы публиковались в газетах «Яш къувет», «Комсомольская правда». Кульминация литературной деятельности Э. Алимова приходится на последние предвоенные годы, предел которой обозначен началом Второй мировой войны, оборвавшей стремительное развитие его таланта. С первых дней войны 29-летний Эннан Алимов ушел на фронт. В 1941 году погиб в боях под Донбассом. Он стал одним из двенадцати крымскотатарских писателей, погибших на полях сражений в годы Второй мировой войны.

Особое восприятие мира глазами художника наложило отпечаток и на литературное творчество Алимова, самобытность которого занимает особое место в идеологически стандартизированной литературе эпохи конца 30-х гг. XX века. Первоначальное образование и последующая деятельность в художественном техникуме сформировали его оригинальное видение мира через его художественное восприятие. В своих литературных произведениях он, прежде всего, остается художником, но рисующим, вместо красок, словами – именно это стало определяющей основой его авторского стиля. Это подтверждают его мастерские литературные пейзажи, ко-

торые изобилуют в произведениях: «Сквозь мутную дрему доносится мерный баюкающий шум дождя. Тяжелые капли монотонной дробью стучат в окна и по крыше. Меня пробудил сильный раскатистый гром. За потускневшими от влаги стеклами низвергались потоки воды. На город хлынули потоки ливня; огненные змеи молний стремительно прочерчивали небо, казалось, некий гигант стегал облака оранжевой плетью и с адским грохотом катил по крыше огромный железный барабан» [3].

Картины реальности в рассказе переплетаются с подсознательными видениями, которые, как выясняется впоследствии, представляют хаотически наплывающие из глубины памяти фрагменты из далекого детства. Кругом все прозрачно и неопределенно. Обычное, давно знакомое – деревня, тропинки, запущенный пруд с зеленой ряской – все это, «задернутое голубоватой кисеей дождя, видится иным, занесенным сюда из дальней неведомой страны». И все эти сюрреалистические картины возникают на фоне прекрасных пейзажных зарисовок: «У самого пруда поникла коренастая кудлатая ива, будто скованная безмерным невыразимым горем. Бесконечно срывающиеся капли, холодные и неприятные, собираясь в щекочущие струйки, время от времени стекают по телу. С темных листьев орешника свисают налившиеся гроздья слезинок, много-много гроздьев...».

Лозунг, прозвучавший на I съезде писателей, утверждал нового героя, главная сила которого в осознании великого преобразующего значения революции [6]. Это осознание делает истинными героями персонажей книг о становлении нового общества. Общественные интересы ставились писателями, их героями и литературоведами неизменно и неизмеримо выше личных. Именно этой мыслью завершается и рассказ Э. Алимова «Горлица машет крылом». Когда больной приходит в себя и, осознавая настоящее данное в антитезе привидевшемуся прошлому, видит рядом с собой девочку из своих бессознательных видений и далекого детства. Уже взрослую, стройную, но по-прежнему милую и нежную. Апогеем противопоставления в диапазоне между тем, что «было» и «стало», доказательством возможностей при новом строе, заключающая счастливую картину, выступает единственная символическая деталь: «... И на ней жакетка с депутатским значком».

Поскольку новое утверждалось в жестокой борьбе с остатками старого и во враждебном окружении, то у героев не должно было угасать чувство ненависти ко всем проявлениям старого, а критики считали такие эмоции естественными и оправданными [7]. Проницательный взгляд художника автоматически перенес на полотно детали действительности, воссоздав реальность природы. Эти фонообразующие детали – косвенные свидетельства жизни и быта. Несколько характерных штрихов: худенькая девочка, рваный пиджачишко, беспокойство о том, что овец могут увести с пастбища; раньше не уводили, а сейчас уводят и днем – дают представление о голодных двадцатых годах. Негативные характеристики зажиточных односельчан: «... помещик Кара-мурза был страшный, глаза его смотрели на всех с ненавистью...»; один из пастушков – Сеттар, эпизодический отрицательный персонаж, в голодные годы тайком ото всех он «... жует большой кусок пшеничного хлеба...», отчего «...лицо его выражает блаженство..., глаза сыто блестят...», а «...его родители живут неплохо – у них десять дойных коз» – зафиксировали не характер-

ную для традиционного крымскотатарского общества идею классового противостояния.

Предпосылки формирования советской системы возникают уже в первые послеоктябрьские годы, когда «новая книга» становится мощным идеологическим фактором влияния на сознание народа. Сформирован РАПП как проводник проведения линии партии в литературе и искусстве. В 30-е гг. создание единого Союза писателей СССР, формирование взаимоконтролирующих органов цензуры, отсутствие альтернативы для изображения действительности, репрессии деятелей литературы приводят к формированию литературы социалистического реализма с основными признаками тоталитарности: жесткой организацией, идеологией как ведущей основой творчества.

В советское время шло интенсивное взаимодействие на литературу союзных республик, хотя в первые десятилетия, в основном, это было одностороннее влияние русской литературы на другие, особенно восточные. Это искусственное и механическое влияние, далеко не всегда органичное, временами доходящее до абсурда (примеров чему немало как и в крымскотатарской, так и в литературе народов других республик), механически принималось в качестве нормы. К тридцатым годам прошлого столетия была сформирована новая, советская крымскотатарская интеллигенция, которая за два десятилетия после 1917 года стала проводником новых идей. Оставаясь в «силовом поле» культурно-художественной традиции национальной литературы, крымскотатарская литература тех лет в то же время дистанцируется от нее, вступая с ней в диалог. Необходимая в искусстве художественная целостность произведения соединяет в себе контрастные, нередко взаимоисключающие стороны художественного формирования мира. В стремлении осмыслить новую реальность в литературе и искусстве преобладают новые формы эксперимента [8].

Перемены социальной жизни вызвали радикальные перемены в литературе и искусстве: на смену индивидуалистическому искусству, замкнутому в «башне из слоновой кости», пришло открытое действительности искусство, представлявшее собой в то время нечто вроде коллажной техники, оправдываемой «образной формой передачи информации» [9]. В рассказе «Горлица машет крылом» фотомонтаж калейдоскопических картин прошлого венчает единственная картина настоящего, акцент которой условно символизирует прикрепленный к жакету депутатский значок. Этим представлено новое искусство, в котором фотографический материал переживает метаморфозу, показывающую, как в процессе разрушения действительность чудесным образом возрождается в новом продукте. Фотомонтаж также считается формой передачи информации, но более сложной и содержательной, так как в отличие от фотографии, представляющей собой один кадр, коллаж может вместить множество кадров, не развернутых во времени, как в кино, а опространственных. Будучи способным воздействовать моментально и прямо, не требуя «вчувствования», этот метод «обладал действенной пропагандистской силой» [10]. Применяемый в 30-е годы метод фотомонтажа или коллажа как соединение разнородных, внутренне не связанных и, возможно, несовместимых взглядов, идей, концепций, стилей и т. д. в экспериментах над литературной формой привел к формированию эклектического метода, для которого характерно игнорирование логических связей

и обоснования положений, использование многозначных и неточных понятий и утверждений. Используя фрагментарные факты и формулировки, эклектизм в рассказе Э. Алимова создает своеобразную логическую систему и последовательность [11], [12].

Все эти творческие искания того времени вошли в русло единого метода отображения советской действительности – социалистического реализма. Провозглашенный в качестве орудия новых писателей новый литературный метод вооружал авторов принципами отражения новой действительности – обязательно в ее революционном развитии.

Современные литературоведы утверждают, что соцреализм, каким его мыслили и реализовывали энтузиасты нового метода, к самому реализму отношения не имеет. Если реализм подлинный исследует и изображает характеры в типических обстоятельствах, то реализм социалистический показывал нормативные характеры в нормативных обстоятельствах с четкой регламентацией отрицательных ситуаций и качеств, с обязательной установкой на победу социалистических идей. В литературе всех жанров (роман, очерк, пьеса, поэма и т. д.) необходимо было в первую очередь показывать достижения строительства, победу новой идеологии. Любые факты инакомыслия пресекались на корню.

Выводы. Сведения о творчестве талантливого крымскотатарского художника и писателя Э. Алимова, яркая вспышка литературного таланта которого пришлось на относительно короткое время – четыре предвоенных года, сведений мало. Несомненно, что профессиональное занятие живописью оказало воздействие на его метод художественного отображения и в литературе. Его верно схваченные пейзажные зарисовки в рассказе «Горлица машет крылом» отображают не только зримо воспринимаемую сторону, но, более того, несут не характерный для литературы того времени и философско-психологический подтекст. Соответствие определения жанра рассказа неоднозначно. Это сложное переплетение эссе, сюрреализма и эклектики в основополагающем русле метода соцреализма, отображающего нормативные характеры в нормативных обстоятельствах, регламентирующего отрицательные ситуации и качества, с неременной установкой на победу социалистических идей. Несмотря на жесткие идеологические рамки советского времени, исследование художественного метода творчества Э. Алимова, отображение его внутреннего мира является неотъемлемой частью истории крымскотатарской литературы. Кроме того, анализ произведений автора позволит студентам в совершенствовании навыков художественного видения в своем литературном творчестве.

В перспективе материал может быть использован при изучении курса истории крымскотатарской литературы в высшей и общеобразовательной школе, в средствах массовой информации.

Литература:

1. Урсу Д. П. Деятели крымскотатарской культуры (1921-1944) / Д. П. Урсу- Симферополь: Доля, 1999. -240с.
2. Велиуллаева А. В. Къырымтатар эдебияты. 6-нджы сыныф / А. В. Велиуллаева -Акъмесджит: Къырымдевокувпеднешир, 1998. -с.

3. Алимов Э. Горлица машет крылом // Дни нашей жизни. Сб. произведений татарских писателей / Э. Алимов – Ташкент, 1959. – 175с.
4. Юнусова Л. С. Я никого не забуду. Сб. произведений крымскотатарских писателей 1930-1940 гг / Л. С. Юнусова- Симферополь: Доля, 2001. – 344с.
5. Марков Д. Ф. Проблемы теории социалистического реализма / Д. Ф. Марков- Москва, 1975. – 325с.
6. Никольская Т. Авангард и окрестности / Т. Никольская- СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. – 320 с.
7. Кривушина Е. Сюрреализм в литературе / Е. Кривушина-[Электронный ресурс]. <http://arhangelskoye.ru/suyr7.html>
8. Хаусман Р. Синтетическое кино живописи / Р. Хаусман- NY: 1979. – 298с.
9. И. Скоропанова. Русская постмодернистская литература / И. Скоропанова- Москва: Флинта: Наука, 2001. -608с.
10. Справочники: Энциклопедия культурологии XX века / [Электронный ресурс]. sferaznaniy.ru»Культурология»kulturologiya-xx-vek...
11. Сюрреализм в литературе. Литературный портал БЛИК / -[Электронный ресурс]. : ucheba.ru»Рефераты»20690.html

Панова З. С. Розвиток жанру розповіді в кримськотатарській літературі 30-х роках. XX століття (на прикладі розповіді Е. Алімова «Горлиця махає крилом») / З. С. Панова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 192–197.

У статті «Розвиток жанру розповіді в кримськотатарській літературі 30-х роках. XX століття» на прикладі розповіді Е. Алімова «Горлиця махає крилом» розглянуто процес розвитку кримськотатарської літератури 30-х роках. XX століття жанру розповіді в безпосередньому зв'язку з мінливими умовами дійсності тих років. Дане дослідження представляє першу роботу з вивчення творчості Е. Алімова, який зумів експериментальними методами з'єднання есе, еkleктики і сюрреалізму створити цікавий в художньому відношенні твір, хоча і втиснутий в жорсткі шаблони і стандарти умовностей методу соцреалізму.

Дана робота дозволяє виділити основні складові унікального таланту Е. Алімова, що втілює у своїй літературній творчості талант художника і письменника. Матеріал статті може бути використаний при вивченні курсу історії кримськотатарської літератури, а також в якості ілюстративного матеріалу на заняттях з розвитку мовлення, розвитку навичок у студентів навичок художньої майстерності.

Ключові слова: соцреалізм, сюрреалізм, еkleктика, класова протистояння, депутат.

Panova Z. S. The development of the genre of the story in the Crimean Tatar literature of the 30-ies. The XX century (for example the story of the E. Alimov, "The turtle-dove waves a wing") / Z. S. Panova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 192–197.

In article «The Development of the genre of the story in the Crimean Tatar literature 30's XX century» by the example of the story of E. Alimov, "The turtle-dove waves a wing" consider the process of development in the Crimean Tatar literature 30's XX century the genre of the story in direct response with the changing conditions of validity of those years. This study represents the first work on the creation of E. Alimov, who managed by experimental methods connections essay eclectic and surrealism to create interesting artistic work, although wedged in tight patterns and conventions of standard method of socialist realism.

This work allows to identify the main components of the unique talent of E. Alimov, incarnated in his literary works the talent of the artist and the writer, that material can be used in the study of the History of the Crimean Tatar literature, as well as illustrative material in the classroom for speech development, the development of skills in students skills of artistic skill.

Key words: socialist realism, surrealism, eclectic, class conflict, the deputy.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 1

КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В КАЗАХСКОЙ АШУГСКОЙ СРЕДЕ XX ВЕКА

Гасабова И.

Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана

Ашугская среда Казаха, опираясь на традиции, сформировала отличающихся специфичным творческим и исполнительским путем ашугам, в творчестве которых, наряду с верностью классическим традициям, сохранила себя и в новых оттенках не только ашугам Казаха, но и ашугам Гейчи, Борчалы, Гедабек-Шамкирской зоны. В статье исследуются тематические направления поэтического наследия ашугам этой среды.

Ключевые слова: ашугская среда, Казах, ашуг, поэтическое наследие

Постановка проблемы. Ашугское искусство, отражая многовековую историю в Азербайджане, с XIX века начала развиваться, обеспечивая называемые нами классической традицией хаваджаты-музыкальные лады, манеру исполнения, эпосы, тематику, обогатила репертуар ашугского искусства, тянущийся из прошлого до нашего времени. В жизнеспособности классической ашугской поэзии, передаче ее новым поколениям была и незаменимая роль ашугам Казаха. Ашугская среда Казаха, опираясь на традиции, сформировала отличающихся специфичным творческим и исполнительским путем ашугам, в творчестве которых, наряду с верностью классическим традициям, сохранила себя и в новых оттенках не только ашугам Казаха, но и ашугам Гейчи, Борчалы, Гедабек-Шамкирской зоны. Казахский уезд географически находился близко к Гейче, Борчалы, Гедабеку, и ашугское искусство носило в себе специфические особенности этих 3 регионов. И поэтому тематически разнообразная ашугская поэзия Казаха сумела сохранить, можно сказать, все темы, виды стихотворения, выражения, входящие в классическую традицию. Ашугская среда Казаха, расположенная из-за своего географического месторасположения в центре нескольких ашугских сред и школ, достойна называться полноправным носителем нашей классической ашугской поэзии. Так, ашугское искусство Казаха, хотя и относящееся к ашугской среде Гянджабасара, в результате исследования отличившееся самобытностью с точки зрения и обращения к классическим сюжетам, и словесных хаваджатов, и манеры пения и репертуара, было бы более верным изучать его в качестве независимой ашугской среды. Поскольку представители этой ашугской школы, наряду с сохранением в своем творчестве классической традиции, самобытным творчеством создавали и обеспечивали жизненность в различных жанрах и формах ашугского искусства. Ашуги Казаха наряду с видом стихотворения, построенным на одной букве, писали стихотворения, можно сказать, во всех видах ашугского искусства: зинджирлеме, догадгеймез, гыфылбенд, чыгалы теджнис, сиджиллеме, гошма, герайлы, дивани, мухаммас.

Прежде чем исследовать степень использования и появление традиции классических ашугских тем в ашугской среде Казаха, необходимо подчеркнуть подвержение

ашугского искусства XX века, и особенно после советизации, основательным изменением, «неспособность сберечь» классическую традицию. В сохранении классической традиции, классической ашугской темы и формы заслуги ашугов Казахстана в этот период неотрицаемы. Ашуги этого уезда противостояли полному превращению ашугского искусства в искусство атеистическое. Естественно, это является одной, возможно первой из важнейших заслуг ашугов Казахстана перед нашей национальной культурной историей и наследием. Ашугское искусство, тесно связанное с народной жизнью, в зависимости от требований времени подверглось изменениям, прошла до сего дня через различные этапы. Ашугское искусство, будучи фольклорным явлением, является привязанной к классической традиции жизненной философией, в которой живет способ национального чувства и сознания, единство саза (музыки) и слова.

В этой статье основная цель заключается в определении уровня ашугской среды Казахстана в нашей истории, филологическом исследовании на основе сравнения и проведения параллелей между творчеством его современных представителей, изучения вопросов мастерства и исполнения, исследовании места занимаемого классической традицией в творчестве мастеров этой среды, самобытных мастерских качеств среды. Другим важным вопросом является отношения между предшественниками и преемниками у ашугов Казахстана.

Ашугское искусство, считающееся профессиональной творческой сферой азербайджанской устной народной литературы, по своим жанровым и формальным признакам крайне богато и разнообразно. Ашугская поэзия, обращает на себя внимание, наряду с отображением характерных особенностей национального художественного сознания нашего народа, и с точки зрения передачи классического ашугского искусства из поколения в поколение. Еще одной из специфичных особенностей ашугского искусства является сохранение своего существования и развитие её без отрыва от корней, без потери связи с классической традицией до наших дней.

В то время, когда народные мастера насильно принуждались к выходу из русла классического искусства, обеспечение жизни классическим ашугским темам, их развитие было достойным уважения явлением. Как отмечал и М. Аллахманлы, ашуг в этом период вместо того, чтобы петь свою песню, принуждался к исполнению песни другого, порой даже незнакомого ему человека [1, 119]. Поскольку эта мысль несколько незавершена, необходимо добавить, что в значительно развившемся с 60-70-х годов ашугском искусстве, с 80-х годов под притяжением признаков самопознания, интереса к корням и возвращения начала проявляться верность и неисчерпаемая любовь к классической традиции. Естественно, что ашуги Казахстана это возвращение начали пораньше, чему основной причиной является живой характер ашугской литературы в этом регионе, ее способность периодически самообновляться.

Хотя советский период ашугского искусства и нанес определенный вред классическому исполнительскому настрою, ашуги уже после 70-х годов понемногу стали избавляться от мастеров, высказывающих обобщенные восхваления, старающихся угодить. Успешно продолжался процесс возвращения к классическим традициям ашугского искусства, усиливающегося с начала 80-х годов. Это направление проявляется сейчас во всех ашугских средах, в том числе ашугском искусстве Казахстана. При этом самым знаменательным явлением стало издание отдельных книг, показывающих

творчество большинства ашугов и народных поэтов. Притом, что в советский период этот вопрос считался весьма сложным делом. В ашугской поэзии Казаха идущие от «торжества» социализма и «поручения» правительства чуждые оттенки (хлопок, колхоз, «дедушка Ленин», партия и др.) в силу возврата к классической традиции в 70-80-е годы создали условия для сохранения новых тем, в результате чего народные поэты стали отдаляться от декларирования лозунгов, пустословия, фальшивых стихов. С 80-х годов XX века в связи с национальным возрождением, национальным самопознанием в ашугской среде Казаха банальные и плоские моменты, пришедшие из идеологии в период советской власти – колхоз, рабочий, партия, хлопок, виноград – постепенно сходят на нет, в качестве тем их место в творчестве ашугов и народных поэтов Казаха начинают занимать мотивы классической традиции, в большей степени воспевание любви, борьба за независимость, патриотизм, Карабах, тоска по земле. Начиная с середины XX века, такие ашуги как ашуг Авди, ашуг Темраз, Дерья Мамед, ашуг Джалал, ашуг Бахрам своим богатым наследием, верностью классическим традициям стали примером современным представителям азербайджанского ашугского искусства. Как отмечала Амина Эльдарова: «В самые сложные периоды истории ашуги заботились о сохранении, более широком распространении, передаче из поколения в поколение, развитие на основе самых лучших традиций своего богатого литературно-музыкального наследия» [2, 33]

Поддержание классических поэтических традиций в творчестве современных представителей ашугской среды Казаха обеспечивает обогащение и возвышение нашей современной ашугской поэзии. В этих работах с большим мастерством преподносится, особо подчеркивается патриотизм, любовь к Родине. В этом контексте очень оригинален герайлы ашуга Авды «Родина моя, родина моя»:

Казах, что в стране огней, –
Родина моя, родина моя.
Породившая Видади, Вагифа,
Взрачивающая душистые цветы.
Подарившая народу Вургуна,
Родина моя, родина моя [3, 212].

Вообще, хотя классическая тема Родины использовалась в разные времена и разными ашугами, она всегда выделялась и новизной, и живостью. Ашуги Казаха, говоря о Родине, подразумевают большей частью края, где родились и выросли. Например, тема Родины ашуга Гаджи, соединяясь с темой Казаха, обобщается на примере уголка Родины, приобретая новое содержание, заставляет читателя думать. Так, предательство армян, границы родимой земли снова придают духу стихотворения националистичность:

С одной стороны Борчалы, Тифлис, Грузия,
С другой стороны Хайастан, предательский Ереван.
Из Товуза, Шамхора, Шеки, Ширвана,
В день тысячи гостей едут в Казах [4, 85].

Как видно и из этих строк, хотя поэт и говорит о Казахе, словно призывает нас обратить внимание на общую картину Азербайджана.

Как неоднократно говорилось, возврат к классическим темам не равноценен возврату в прошлое, а является попыткой сохранить канонические законы отшлифованного веками ашугского искусства, сохранить творческие принципы, делающие ашуга ашугом. Как писал и М. Хакимов, отображение по сей день в творчестве ашугов или народных поэтов все еще занимающих основное место в ашугской литературе классических традиций (воспевание природы, любовная лирика, тоска по Родине) является закономерным культурным явлением [5]. Естественно, что в ашугской литературе во все времена любовная тематика была ведущей. Так, начиная с наших классических ашугов и до современного периода, в ашугской поэзии любовная тематика во все времена была воспевателем человеческих чувств, неразрывной темой поэзии. Любовная тематика с древних времен привлекла к себе и поэтов, и ашугов. С течением времени менялись и вкусы, а это становилось причиной изменения и шлифовки поэтических форм... Однако любовь и отношение влюбленного к возлюбленной осталось неизменным. Относящаяся к ведущим темам ашугского творчества любовь является чувством не только к девушке, возлюбленной. Сохраняют свое духовное равновесие также в любви к природе, к ребенку, к Родине, к матери и пр. формах. Поколившая мир, заморозившая человеческую душу, превратившаяся в музу поэтов любовь с точки зрения классической традиции была основным источником нашей ашугской поэзии. Ашуги Казахстана и любовь оценили в контексте красоты:

Заклинаю тебя тысячей имен
Вспомни меня, я старый возлюбленный твой
Проснись, да буду жертвою твоих очей [3, 359].

Как и другие возлюбленные, возлюбленная ашуга тоже является мучающей его красавицей. Хотя ашуг и жалуется на ее тиранию, равнодушие, но признается, что только её любовью загорается и горит, несмотря на это, лекарство от своего несчастья опять же ищет в ней. В этом классической ашугской теме есть и любовь, и разлука, и встреча. Поэт словно от безысходности просит возлюбленную стать себе товарищем по несчастью.

Осталась ты вдали от Родины, народа
В ожиданиях ты, ранимая ты
Возлюбленная Накама, чудная газель
С праздником вас! [3, 590]

В этом стихотворении ашуг поздравляет свою возлюбленную, оказавшуюся вдали от Родины, от народа, по случаю и праздника Новруз, и веселья, и празднования. Не примирившись с ожиданием, кручиной, хочет, обхаживая эту красавицу, обрадовать ее. В лирических стихотворениях на любовную тематику ашугов Казахстана чаще используются такие выражения, как «статья как платан», «тонкостанная», «серебряный пояс», «брови словно карандашом начертаны», «хмельноглазая», «счастливица». Описанная в любовном стихотворении ашуга красавица предстает с медоточивыми устами, маковыми ланитами, целебным языком. За любовь подобной красавицы ашуг испытывает чувство благодарности. В следующей гошме ашуг, говоря «*Xəstənəm təbibim, kəsmə yolunı*» («Болен я, о кудесница моя, не загораживай путь»), сообщает о горячей любви к своей возлюбленной. Ашуг показывает, что мотылек, кружащийся вокруг пламени, в последний момент бросаясь на огонь, всегда сгорает и будет продолжать

сгорать. Однако в этом стихотворении ашуг в классическую любовную тему привнес новое звучание. Свою возлюбленную он сравнивает с сазом, таром своей наполненной любовью души. В любовной тематике находят себе место и такие специфичные для классического ашугского творчества мотивы, как тоска, разлука, неверность возлюбленной. И в любовной лирике ашугам Казаха жалобным языком воспеваются печаль влюбленного, душевные горести, кручина разлуки.

Среди классических тем наиболее часто разрабатываемой ашугами Казаха темой является изображение любовных чувств, ощущений. В этой теме ашуги не ограничились только сохранением традиций, параллельно привнесли в ашугское искусство новшества в контексте и выражений, и воспевания, и метафоры, и уподобления. Ашуг Гаджи Гараджаев в гошма и герайлы на любовную тематику так рисует портрет любимой:

У ней мраморная грудь, белая как снег
Свежие соски как мелкий гранат
Воспеваю красавицу эту
Перед зеркалом к месту челка ее [3, 74].

Выводы и перспектива. В творчестве живущих и творящих в этой среде ашуга Новрузлу, ашуга Садыга, ашуга Гаджи, поэта Гулу, ашуга Авди продолжают классические традиции азербайджанской ашугской поэзии (описания природы, любовная лирика, тоска по родине). Однако в стихах ашугам Казаха в большей степени проявляются любовные мотивы.

Литература:

1. Аллахманлы М. Озан, ашуг и влюбленный / Аллахманлы М. – Баку: Агрыдаг, 1997. – С. 119.
2. Эльдарова А. Азербайджанское ашугское искусство / Эльдарова А. – Баку, 1996. – С. 33.
3. Гасабова И. Ашуги и народные поэты Казаха XX века / Гасабова И. – Баку, 2009. – С. 212.
4. Гараджаев Г. Гора подходит джейрану, а джейран – горе / Гараджаев Г. – Баку, 2008. – С. 85.
5. Хакимов А. Азербайджанское классическое ашугское творчество / Хакимов А. – Баку, 1982.

Гасабова І. Класична поетична традиція в Казахському ашугському середовищі ХХ століття / І. Гасабова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 198–202.

Ашугська середина Казаха, спираючись на традиції, сформувала специфічним творчим і виконавським шляхом ашугів, які відрізняються у творчості, поряд з вірністю класичним традиціям, зберегла себе і в нових відтінках не тільки ашугів Казаха, а й ашугів Гейчі, Борчали, Гедабек-Шамкирського зони. У статті досліджуються тематичні напрямки поетичної спадщини ашугів цього середовища.

Ключові слова: ашугська середина Казах, ашуг, поетична спадщина

Gasabova I. Classical poetic tradition in the Kazakh ashug creativity of XX century / I. Gasabova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 198–202.

Ashug creativity of Kazakh, based on tradition, formed a different specific creative and performing by ashugs, whose work, along with fidelity to classical traditions, kept themselves in new shades not only Kazakh ashugs, but ashugs of Goycha, Borchali, Shamkir, Gadabay zone. The article investigates the themes of the poetic heritage of ashugs of that environment.

Keywords: ashug creativity, Kazakh, ashug, poetic heritage

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821=512. 145-92

НЕВІДОМІ ЛИСТИ А. С. АЙВАЗОВА ДО АЛІ БЕЙ НУСЕІНЗАДЕ. (З АРХІВУ АЛІ БЕЙ НУСЕІНЗАДЕ)

Сеитванниева Г. Ю.

*ТНУ ім. В. І. Вернадського
E-mail: seitnargul@bk.ru*

Основанием для написания статьи стало стремление ввести в научный оборот факты из малоизвестных источников, связанных с перепиской А. С. Айвазова с Али беєм Хусеинзаде – виднейшим представителем азербайджанско-тюркской общественной мысли XX века. В статье представлены малоизвестные письма, а также не опубликованные ранее открытые письма (почтовые открытки) А. С. Айвазова к Али бею Хусеинзаде, охватывающие период с конца 1905 по 1914 годы.

Общее количество эпистолярных источников двенадцать: 4 письма и 8 открыток. Оригиналы публикуемых документов находят в Эгейском университете. Благодаря личной инициативе профессора Эгейского университета Явуза Акпынара эпистолярный корпус архива Али бей Хусеинзаде передан его дочерью Фейзавер Алпсар ханым отделению тюркского языка и литературы. Часть эпистолярных текстов, предоставленная профессором Явузом Акпынаром, атрибутирована автором данной статьи.

Письма являются интересным источником о дружеских и деловых отношениях представителей крымскотатарской и азербайджанской интеллигенции, вводят нас в обстановку и атмосферу литературных кругов первого десятилетия XX века, позволяют уточнить те или иные факты биографии А. С. Айвазова.

Ключевые слова: А. С. Айвазов, эпистолярный корпус, письма, автографы, представители интеллигенции, биография, литература.

Постановка проблемы. Начавшиеся в период «большого террора» 1936 – 1938 гг. политические репрессии против крымских татар, в первую очередь направленные на уничтожение национальной интеллектуальной элиты, закончились арестами и осуждением на различные сроки, многих из них приговорили к расстрелу. Среди приговорённых к высшей мере наказания был и Асан Сабри Айвазов – видный общественный деятель, классик крымскотатарской литературы, публицист, литературный критик, педагог.

Материалы судебных процессов, архивно-уголовные дела, легшие в основу публикаций и монографий отечественных историков и краеведов [1, 118–121; 131–140; 2; 3; 4], стали важным шагом в изучении тематики репрессивной политики советского государства против крымскотатарских подвижников науки и культуры.

Однако, материалы личных архивов репрессированной интеллигенции, которые изымались в ходе арестов и обысков, которые так же хранятся в фондах Государственного архива Службы безопасности Украины в АР Крым, сегодня, к большому

сожалению, не доступны и не могут стать объектом детального историко – литературного исследования.

В изучении свидетельств подлинной истории на современном этапе, сегодня значимую роль играют сохранившиеся (в первую очередь за рубежом), в силу различных причин, личные архивы общественно-политических деятелей, писателей, деятелей культуры. Важную часть архивов составляет корреспонденция: почтовая переписка, письма, почтово-телеграфные отправления, которые и стали предметом исследования в данной работе.

Анализ последних исследований и публикаций. Изученные письма А. С. Айвазова к Али бею Хусейнзаде¹ турецким исследователем Омером Озджаном представляются как попытка охарактеризовать глубину дружеских и деловых отношений представителей крымскотатарской и азербайджанской интеллигенции и касаются малоизвестных фактов биографии Али бей Хусейнзаде.

Целью данного исследования является комплексный анализ эпистолярных текстов А. С. Айвазова в контексте исследования личности и творчества, интегрирующий различные подходы к письму: письмо как текст, автобиографический документ, творческий источник; определение их ценности как литературоведческого источника.

Для достижения цели в работе были поставлены следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать структуру и состав малоизученного комплекса эпистолярных источников.
2. Проанализировать особенности внешней формы этих писем как исторического источника.
3. Определить информационные возможности писем А. С. Айвазова.
4. Дополнить источниковую базу ряда эпизодов в биографии А. С. Айвазова.

Методы исследования. Задачи, которые ставятся в данном исследовании, решаются в опоре на описательно-исторические и проблемно-хронологические методы анализа историко-литературного материала. Исследование базируется на углубленном изучении эпистолярного наследия А. С. Айвазова.

---

¹ Али бек Хусейнзаде /Али Гусейн Туран/ (1864 –1940) – великий азербайджанский литератор, философ и литературный критик, один из виднейших представителей азербайджанско-тюркской общественной мысли XX века. Имел исключительные заслуги в азербайджанской печати и публицистике XX века. Окончил Тифлисскую гимназию (1875 – 1885). В детстве и в студенческие годы изучал турецкий, фарсидский, арабский, немецкий и русский языки. В 1885 году поступил на факультет математики Петербургского университета, а также слушал лекции видных профессоров факультета востоковедения.

А. Хусейнзаде всю жизнь исследовал и пропагандировал общетюркские духовные ценности, боролся во имя процветания тюркского мира всей силой своего таланта.

Его образцы национальной печати сыграли важную роль в организации и регулировании общественно-политической мысли, формировании информационной среды в начале XX века. Превращение журналистики в трибуну общественной мысли также является продуктом этого исторического этапа. В этом смысле внимания заслуживают журнал «Фюйузат» («Прогресс»), публикуемый А. Хусейнзаде, и заслуги его редакционной коллегии.

А. Хусейнзаде также получил образование в Санкт-Петербургской Императорской Академии Художеств и является автором ряда портретов и пейзажей. Его картины хранятся в музеях Баку, а также в личных коллекциях в Стамбуле и Париже.

Основной материал. Имеющиеся в наличии письма и почтовые открытки (открытые письма или краткие письменные сообщения) А. С. Айвазова охватывают время с конца 1905 г. по 1914 г, т. е. это период его преподавательской деятельности в Алушке, годы его работы в газете «Ватан хадими», а так же непродолжительный период жизни и работы в Москве, период пребывания за границей и возвращение в Крым, начало его работы в издательстве газеты «Терджиман» в городе Бахчисарае.

Хронологический порядок эпистолярных документов выглядит следующим образом: две открытки датируемые 16 октября, 11 ноября 1905 г. (дата установлена по почтовым печатям на открытках), письмо за 12 сентября 1906 года, написанное на бланке газеты «Ватан хадими», отправленное из Алушки, два письма из Алушки, датированные 21 мая и 16 сентября 1909 г, одна открытка 21 сентября 1909 г. из Алушки, письмо от 23 января 1910 г, две открытки от 9 октября и 14 ноября 1910 г. из Москвы. Особый интерес вызывает открытка 1911 года от 10 июля, отправленная из города Веггиса (Швейцария), дата на которой позволяет с достоверностью установить факт пребывания А. С. Айвазова в 1911 году в Европе, а также открытка августа или сентября (дата сложно прочитывается) 1914 года из Бахчисарая – это время начало работы А. С. Айвазова в издательстве газеты «Терджиман в городе Бахчисарае, открытка написана незадолго до смерти Исмаила Гаспринского.

Письма А. С. Айвазова сопоставимы между собой по объёму – отдельные занимают не более страницы, как, например, письмо от 12 сентября 1906 г. и от 16 сентября 1909 г. Два других письма написаны на двух страницах (письма от 21 мая 1909 г. и от 23 января 1910 г.).

Иллюстрированные открытые письма, сохранившиеся на видовых открытках Крыма («В горах у подножья «Ай-Петри»», «Алушка. Альгамбра», «Мечеть в Алушке», «Привет из Крыма»), в своём большинстве носят форму краткой и неизменно вежливой переписки поздравительного характера, например: открытка от 1905 года, где А. С. Айвазов поздравляет Али бея Хусеинзаде с праздником кьурбан байрам¹.

За время, которое охватывает переписка, не сохранилось ни одного письма Али бея Хусеинзаде, но о содержании некоторых из них мы можем судить косвенно по ответам Асана Сабри Айвазова. Вероятно, они познакомились, в Турции, в годы, когда А. С. Айвазов и Али бей Хусеинзаде учились в Стамбуле.

Эпистолярное наследие А. С. Айвазова имеет большую ценность, так как письма А. С. Айвазова к другим адресатам почти не сохранились. Так, мы имеем лишь ставшие известными в научном мире два письма за 1934 г. к Джаферу Сейдамету из архива Джафера Сейдамета, написанные карандашом на ткани [6].

Автографы А. С. Айвазова – это личные письма, представляющие небольшой литературоведческий интерес, однако, позволяют уточнить те или иные даты его биографии, помогут создать более полный и верный его образ. Изучение личных писем помогут раскрыть широкий круг его общения, отражают эпоху, когда они были написаны.

Из писем и открыток А. С. Айвазова мы информированы о начале и прекращении издания газеты «Аят» в Баку Али беим Хусеинзаде (открытка от 1905 года и

---

¹ праздник жертвоприношения

письмо 1906 г.), о выходе в свет нового журнала «Фюйузат», надеждах, возложенных на это издание Айвазовым, из письма за 12 сентября 1906 г («Эйлюль 8 тарихли мектюбинъиз алынды. Аят ымызда аят бахш иден «Хайят»ын куше-и инзивайа чекильмеси бени не кадар дильгир иттийсе карибен химмет-и алилери сайесинде тулу`идеджек «Фюйузат»да о дередже (бельки даа зияде) мемнюн итмиштир»); об осуществлённом приезде в Москву, здесь А. С. Айвазов даёт частные уроки по тюркскому языку и истории тюркской литературы трём – пяти студентам Лазаревского института восточных языков («Бенденъиз тешринэвель (октябрь) иптидасындан итибарен Московадайым. Бурадаки «Лазаревский Элсине-и Шаркъиее Мектеби» талебесинден учь беш кишие хусуси суретте оларакъ Тюрк лисаны ве Тюрк тарих-и эдебияты дерслери вермектейим. Башкъа ич бир вазифем ёкътур»); узнаём также о состоянии здоровья А. С. Айвазова, («Бен сыххаттейим. Хепимиз афиеетгейиз. Беним бир захметим вар исе да хер кюню бир сене къадар сюрен оручлукътыр!¹»); информированы о просьбах, с которыми он обращался к Али бей Хусеинзаде, например, просит выслать личную его фотографию или подробную биографию турецкого поэта и журналиста конца 19-го начала 20-го века Тевфик Фикрета; («Кечен сене буюк кюстахлыкъ эдерек фотографынъызы истедимсе де муваффакъ оламадым. Умит идерим ки, бу дефа кардешинъизин риджасыны редд итмесинъиз», или «Османлы шаирлеринден Тевфик Фикрет бейин терджиме-и халыны билирсенъиз лютфен кондерменъиз мерджудыр. Зира бурада Шаркъ лисанлары мектеби талебесинден бир эфенди мюшарюнилейхин шиирлерини терджиме иттигинден китабынынъ башында Фикрет Бейин тасвирини ве терджимеи халыны язаджакътыр»); в письмах встречаются деловые прошения, например, в письме за 21 мая 1909 г. А. С. Айвазов приглашает Али бей Хусеинзаде в Крым в качестве лектора, для проведения занятий на курсах по тюркскому языку («Эфендим!.. Тюрк лисаныны эсаслы оларакъ огретеджек бурада бир лектор булунмадыгъындан зат-ы алилерине мураджаат этильмесини Къырым Муаллимлери Иттихады Джемиети ве Земство идареси баш азасы бени векиль иттилер. Иште, бен де сизе мураджаат идиёрум.») и др.

Эпистолярные тексты по своему стилю дружеские, свободны по форме, ориентированы на диалог. В них можно отметить следующие черты: день, время, место написания письма, например: «Алупка, 12 эйлюль² 1906», «Москова 23 Канунсани³ 1910», «Веггис⁴, 10 темюз⁵ 1911»; соблюдена форма почтительного обращения, такие как: «Нашир-и маариф⁶, Али бей эфенди хазретлери!», «Мир-и ирфанперверим⁷ эфендим хазретлери!», «Али бей Хусеинзаде хазретлери⁸, эфендим!», «Устад-ы икремим⁹ Али бей эфенди хазретлери», «Севгили буюк кардешимиз Али бек хазретле-

1 Ораза (пост)

2 Сентябрь айы

3 Январь айы

4 Веггис – Исвечре (Швейцария), Люцерн кантонында ерлешкен шеэр

5 Июль айы

6 маариф яйгъан, бильги сачкъан адам

7 буюк маарифпервер

8 сайгъы косьтермек узеринде буюклерге берильген унван

9 урьмет, сайгъы къазангъан муаллим

ри», «Мухтерем эдибимиз ве устад-ы экремимиз¹». В форме обращения выражены так же заслуги, почести Али бея в сфере просвещения, издательского дела; употребляются вступительные фразы, например: «Эйлюль 8 тарихли мектюбинъиз алынды» ‘получено Ваше письмо от 8 сентября’ или «неджиб элинъизи сыкъарым» ‘жму вашу благородную руку’, «Тарихтен ики ай мукъаддем ... ачыкъ бир мектюп гёндермиштим» ‘два месяца назад отправил вам открытое письмо’; также заключительные фразы: «Бакъи ихтирамкъаране² селямларымы такъдим иле теvedжджухатынъызын девамыны беклерим» ‘на этом выражая своё почтение и уважение жду Вашей дальнейшей переписки’; указывается адрес, например: «Адреслер: Алупка (Крымъ) Х. Сабри Айвазову яки: Ялта, Земская управа Г-ну Дмитриевскому», или «Адресим: Москва, Старо-Басманная ул. д. 2 кв. 20, Х. С. Айвазову»; проставлена подпись.

Письма содержат фактический материал, так, в тексте, в частности, упоминается имена представителей азербайджанской и турецкой интеллигенции³, несколько названий периодических изданий выходивших в свет в начале 20 века⁴.

Эпистолярные тексты А. С. Айвазова транслитерированы с арабской графики на кириллицу. Несколько фрагментов эпистолярных рукописей были сложны в прочтении, так как стилистике А. С. Айвазова свойственно использование норм официального языка конца XIX нач. XX века, где заметно доминирует арабский язык и фарси. Автографы написаны достаточно разборчивым почерком, находятся в хорошей сохранности.

Выводы и перспективы. Письма и краткие письменные сообщения А. С. Айвазова к Али бей Нусеинзаде – являются ярким образцом эпистолярной прозы первой четверти XX в, а также биографическим источником. Нельзя не учитывать и ценность эпистолярного наследия А. С. Айвазова как память о человеке, истории.

Эпистолярное наследие А. С. Айвазова невелико. Думается, что его автографы станут доступными со временем и в государственных архивах, и в фондах личных архивов крымскотатарских писателей, друзей, соратников. Приведённые ниже письма, в дальнейшем позволят исследовать специфику стилевой манеры выражения А. С. Айвазова, акцентируя внимание на том, что по своей стилистической установке письмо находится в непосредственной близости к художественной прозе.

(Письмо 1)

Хасан Сабри Айвазов
«Ватан Хадими» газетасы Мухаррири
ве Идареханеси мудюри
Алупка, 12 эйлюль (сентябрь) 1906
Нашир-и маариф Али бей эфенди хазретлери!

---

¹ шериф саибы олгъан муаллим

² артыкъ урьмет косътерип

³ Муртаза Мухтаров (1855 – 1920); Узеир бей Хаджибейли (1885 – 1948); Ахмед-бек Агаев /Агъаогълу/ (1868 – 1939); Мухаммед Хади (эдебий тахаллюсы), асыл ады Мухаммед Абдулселимзаде Хади Шервани (1879 – 1920); Ахмет Кемал (Акюнал) (1873–1942) Абдуллах Шур (1882 –1912), Тевфик Фикрет Мехмет (1867 – 1915).

⁴ «Хаят» чыкъкъан йыллары 1905–1906, «Фюйузат» (1906–1907), «Терджиман» (1883 – 1918) «Теракъъи» (1908 – 1909), «Хакъикъат» (1909 – 1910).

Эйлүль 8 тарихли мектюбинъиз алынды. Аят ымызда аят бахш иден «Хай-ят»ын куше-и инзивайа чекильмеси бени не кадар дильгир иттийсе карибен химмет-и алилери сайесинде тулу` идеджек «Фюйузат»да о дередже (бельки даа зияде) мемнюн итмиштир.

Эфендим, «Аят»ын адем-и реваджы юзюнден татиле меджбурийети сизин умид мембаларынызы кьурутмасын! «Аят» ольмез. Асыл «Аят» бундан сонъра аleme фейз сачаджакътыр. Мектюбинъиздеки теклиф-и алийе мевъуд шарт иле берабер маал-мемнунийе кьабул идиёрум ве бугюнден итибарен мин гъайри хаддин «Фюйузат» хадимлигине кириёрум. «Фюйузат»а иштиракими ильк илянынъызла беян идебилирсинъиз. Бакъи тешеббюс иттигимиз иште хер тюрлю мувафакъиет дилер ве «Фюйузат»ын козьлерине перде чекильмиш олан миллетимизе козьлюк олмасыны теменни идерек хитам-и макъал эйлерим эфендим.

Аджиз Къардешинъиз

Хасан Сабри Айвазов

Б. Т.

Мефтюны олдугъым эфендим!

Кечен сене буюк кюстахлыкъ эдерек фотографынъызы истедимсе де мувафакъ оламадым. Умит идерим ки, бу дефа кардешинъизин риджасыны редд итмесинъиз.

Х. С.

(Письмо 2)

Мухтерем эдибимиз ве уstad-ы икремимиз Али бей эфенди хазретлери.

Москова 23 Канунсани (Январь) 1910

Бугунь «Терджиман» газетесининъ 2 номерели нухасында окъудугъыма коре Бакуда Оруджоф Бирадерлери тарафындан «Хакъикъат» намында енъи бир газетенинъ нешрине башланмыш. Джериде-и мезкюренинъ мухаррир ве мюдюр-и месулю Узеир Бей Хаджибеков дженаплары имиш.

«Хакъикъат»е Агъаевлер, А. Сурлар макъалелер яздыгъы киби зат-ы алинъиз де иштирак идиёрмушсынъыз. Тебрик идерим. Зат-ы алилери киби эдиб-и муктедирин, бир сахиб-и мюмаресенинъ «Хакъикъат»е иштирак итмеси «Хакъикъат»ын меслегини темуизе кяфидир занн идерим. Сизин «Сиясет-и Фюрусет»инъизин «Хакъикъат»те дерс идильдигини «Терджиман» хабер вериёр. Демек, «Сиясет-и Фюрусет» хенюз таб идилип битмемиштир. Вакъыт булурсам бен де газетенинъизе базы макъалелер бермектен кери кьалмам.

Бенденъиз тешринэвель¹ иптидасындан итибарен Московадайым. Бурадаки «Лазаревский Элсине-и Шаркъиее Мектеби» талебесинден учь беш кишие хусуси суретте оларакъ Тюрк лисаны ве Тюрк тарих-и эдебияты дерслери вермектейим. Башкъа ич бир вазифем ёкътур.

Сиз не халдесинъиз? Енъи мектепте тедрисми идиёрсунъыз? Агъаеф бирадеримиз Истанбула хиджрет итти дие бир хабер ишиттим. Догърумы? Османлы шаирлеринден Тевфик Фикрет бейин терджиме-и халыны билирсенъиз лютфен кондерменъиз мерджудыр. Зира бурада Шаркъ лисанлары мектеби талебесинден бир эфен-

¹ Октябрь айы

НЕВІДОМІ ЛИСТИ А. С. АЙВАЗОВА ДО АЛІ БЕЙ НУСЕІНЗАДЕ.
(З АРХІВУ АЛІ БЕЙ НУСЕІНЗАДЕ)

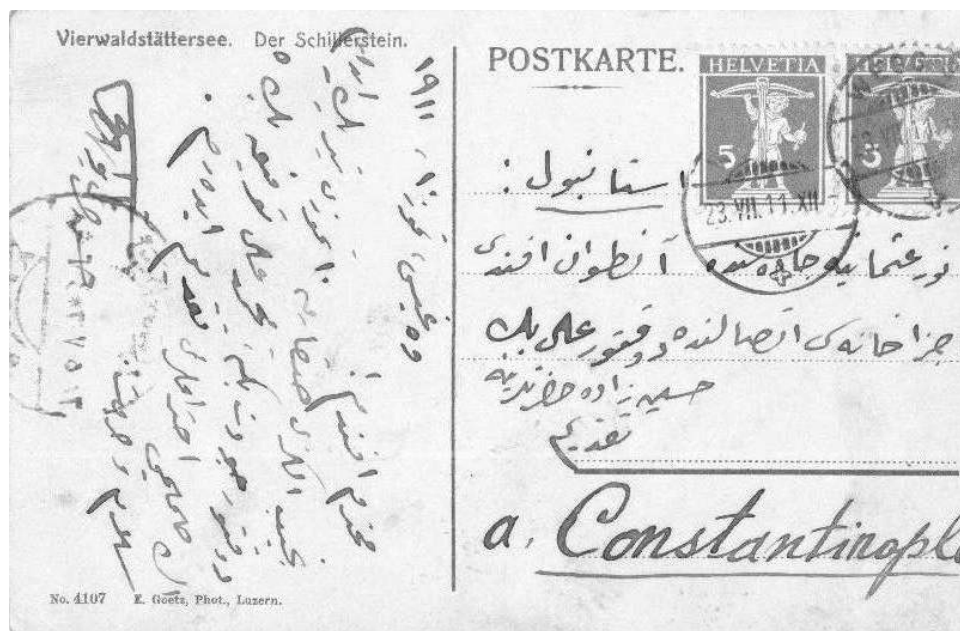
ди мюшарюнилейхин шиирлерини терджиме иттигинден китабынынъ башында Фикрет Бейин тасвирини ве терджимеи халыны язаджакътыр. Шайет сизде вар исе (я да эидедегими вад этмек узере) ирсабини риджа идерим. Бен сыххаттейим. Бакъи хурьметлерими ве хиссият-ы ихтирамкяранеми такъдим иле хюсно теvedжд-жюхюньызын девамыны темени идерим, эфендим.

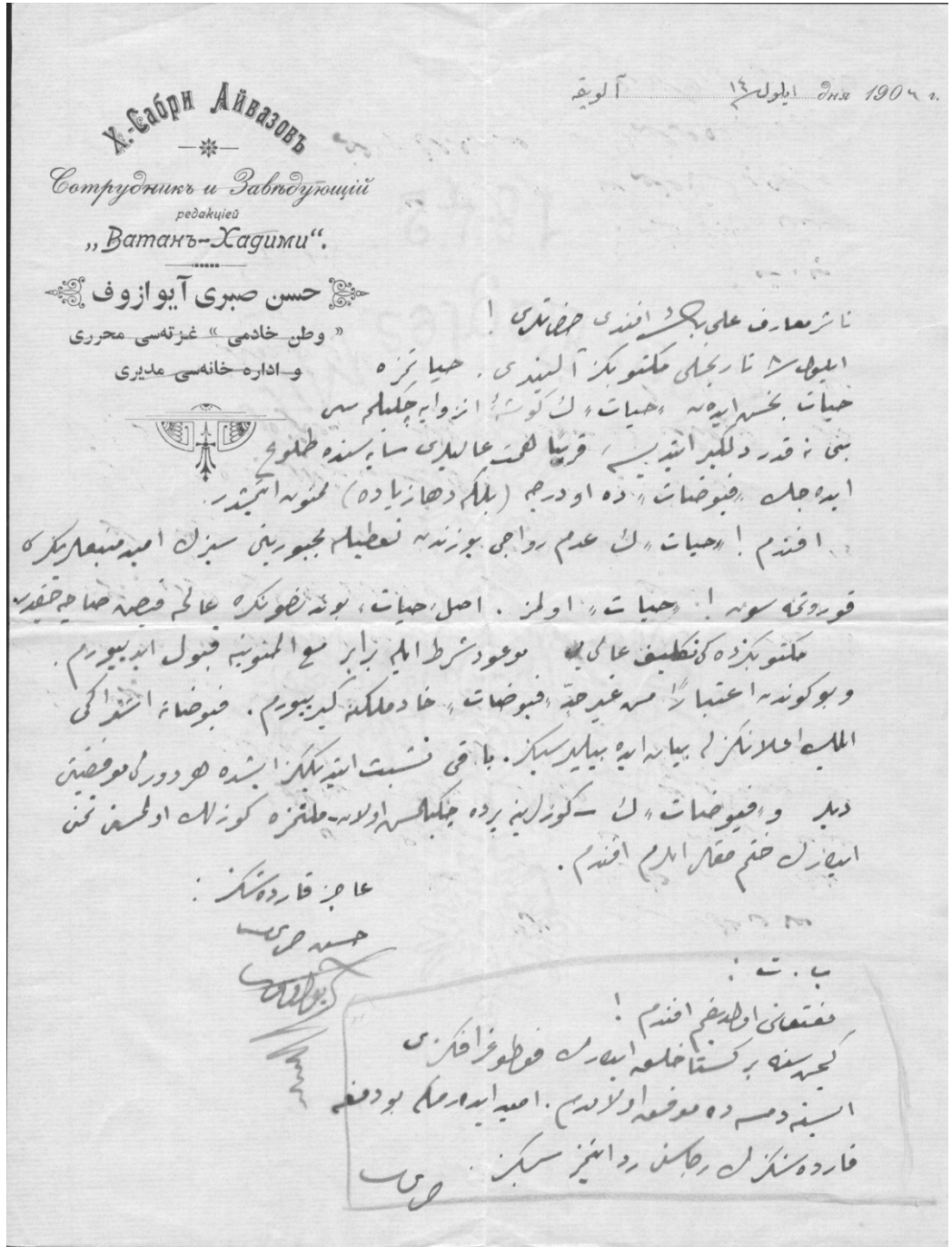
Х. С. Айвазов

Адресим:

Москва, Старо-Басманная ул. д. 2 кв. 20

Х. С. Айвазову.

Открытка от 10 июля 1911г. из г. Веггиса (Швейцария) и письмо А. С. Айвазова Али бею Хусеинзаде от 14 сентября 1906г. из Алупки.

Литература

1. Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры: материалы Междунар. конф. (28–29 мая 1999 г.) / Составитель: Э. Сеитбекиров. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2001. – 300 с. – ISBN 966-7283-83-6.
2. Зінченко Ю. Кримські татари: історичний нарис / НАН України. Ін-т політ. і етнонац. досліджень. Ред. Т. В. Мізтаєва – К. : Голов. ред. літ. мовами нац. меншин України, 1998. – 205 с.
3. Урсу Д. П. Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): библиографический словарь / Д. П. Урсу. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 1999. – 144 с. – ISBN 966-7283-25-9.
4. Хаяли Р. Репрессивная политика советского государства в отношении крымских татар (1921–1941 гг.) / Рустем Хаяли // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – 2009. – № 1 (32) – С. 71 – 86.
5. Özcan Ö. Hasan Sabri Ayvazof'un Hüseyinzade Ali'ye Mektupları / Ömer Özcan // Yeni Türk Dergisi – 2010. – №1 – S. 233 – 244.
6. Aktaş A. Tarihi Önemi haiz Tarihi önemi haiz iki bez mektup / Ayşe Aktaş // Kırım. – 1994. – № 6. – С. 31 – 32.

Сеитванієва Г. Ю. Невідомі листи А. С. Айвазова до Алі бей Нусеїнзаде. (З архіву Алі бей Нусеїнзаде) / Г. Ю. Сеитванієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 203–212.

Підставою для написання статті стало прагнення ввести в науковий обіг факти з маловідомих джерел, пов'язаних з листуванням А. С. Айвазова з Алі бей Нусеїнзаде – найвизначнішим представником азербайджансько-тюркської громадської думки ХХ століття. У статті представлені маловідомі листи, а також не опубліковані раніше відкриті листи (поштові листівки) А. С. Айвазова до Алі бей Нусеїнзаде, що охоплюють період з кінця 1905 по 1914 роки.

Загальна кількість епістолярних джерел дванадцять: 4 листи і 8 листівок. Оригінали публікованих документів знаходять в Егейському університеті. Завдяки особистій ініціативі професора Егейського університету Явуза Акпінара епістолярний корпус архіву Алі бей Нусеїнзаде переданий його дочкою Фейзавер Алпсар ханім відділенню тюркської мови та літератури. Частина епістолярних текстів, надана професором Явузом Акпінар, атрибутована автором даної статті.

Листи є цікавим джерелом про дружніх і ділових стосунках представників кримськотатарської та азербайджанської інтелігенції, вводять нас в обстановку і атмосферу літературних кіл першого десятиліття ХХ століття, дозволяють уточнити ті чи інші факти біографії А. С. Айвазова.

Ключові слова: А. С. Айвазов, епістолярний корпус, листи, автографи, представники інтелігенції, біографія, література.

Seitvaniyeva G. Yu. A. S. Ayvazov's unknown letters to Ali bey Nuseinzada. (From Ali bey Nuseinzada's archives) / G. Yu. Seitvaniyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 203–212.

Studying of the certificates of a true story at the present stage, the remained, owing to the various reasons, (first of all those situating abroad) personal archives of political and cultural figures, writers today play a significant role. The important part of the archives consists of correspondence: post correspondence, letters, post and cable departures which became the subject of research in this work.

The reason for writing this article was the desire to make known to the scientific circles the facts that were associated with the correspondence of A. S. Aivazov and Ali Bey Huseinzade (Ali Hussein Turan) – the most prominent representative of the Azerbaijani-Turkish public of XX century from the obscure sources.

The article presents the little-known letters, and open letters (postcards) that haven't been ever published. They were written by A. S. Aivazov to Ali Bey Huseinzade covering the period from late 1905 to 1914. Some of the epistolary texts are enclosed by the author of this summary.

The total number of epistolary sources are twelve: 4 letters and 8 postcards (open letters). The originals of the documents published are situated in the Aegean University. Thanks to the personal initiative of the Professor of the Aegean University Yavuz Akpinar the part of this archives by Ali Bey Huseinzade were contrib-

uted by his daughter Feyzaver Alpsar Khanum to the Department of the Turkish Language and Literature, the Faculty of Literature.

From the letters and cards of A. S. Aivazov we found out about the initiation and termination of the publication of the newspaper "Hayat" in Baku by Ali Bey Huseinzade. We also got to know about the publication of the new magazine "Feyuzat" and hopes pinned on this edition by Aivazov, about his visit to Moscow, where A. S. Aivazov gives private lessons in the Turkic language and the history of Turkish literature from three to five students of Lazarev Institute of Oriental Languages. We also learn about the state of his health because there were business petitions met in the letters – A. S. Aivazov invites Ali Bey Huseinzade to the Crimea as a lecturer for conducting lessons and running the courses in the Turkic language and other disciplines.

Of the particular interest are: the postcard of 10. July 1911, sent from Weggis (Switzerland). This date allows to establish the fact of his stay in 1911 in Europe, that can be relied on. What's more the card from Bakhchisaray that is applied to August or September of 1914 (the date is hard to be deciphered), was the time when A. S. Aivazova started working in the publishing of the newspaper "Terdzhiman" in Bakhchisaray, a postcard was written not long before the death of Ismail Gasprinsky.

The letters constitute a very interesting source of friendships and business relationships of the representatives of the Crimean Tatar and Azerbaijani intellectuals. They make us plunge into the situation and atmosphere of literary circles of the first decade of the 20th century, and let us define some certain biographical facts of A. S. Aivazov.

Keywords: AS Ayvazov, epistolary Corps, letters, autographs, intellectuals, biography, literature.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 821. 512. 162

СИСТЕМА ОБРАЗОВ В ТВОРЧЕСТВЕ МАМЕДА АРАЗА: ОБРАЗ ДЕРЕВА

Мамедов Н. М.

*Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: nizamimurad@gmail.com*

Мотив священного дерева сохранил свое место в средневековых тюркских эпохах, сказках, одним словом, в нашей устной и письменной литературе. Так, мотивы культа дерева широко отображались в творчестве ряда поэтов. В этом контексте особенно характерны поэма Мамеда Араза «Течет Аракс», стихотворение «Пущенная в славу пуля», посвященное великому сыну грузинского народа Илье Чавчавадзе, поэтический рассказ «Зов отца моего Коркута». Наша цель заключается в доведении до внимания оригинальных размышлений о дереве в поэзии поэта.

Ключевые слова: образ дерева, поэзия, Мамед Араз, мифология

Постановка проблемы. В представлениях о модели мира большинства народов дерево занимало важнейшее место. Люди рассматривали дерево как средство связи между различными уровнями мира и верили, что корни дерева связаны с миром подземным, ствол – с надземным, а ветви – с небом. Согласно сформировавшимся о мировом дереве взглядам, в древних тюркских верованиях, особенно у шаманов, для установления связи с Богом Неба выбиралось самое высокое дерево. Моисей Калантакуйский сообщал о поклонении высокому дубу гуннских племен, заселившихся на территории Северного Кавказа. Гунны жертвовали дубу коней, связывали его с именем Тенгри-хана.

И в мифологических мировоззрениях славянских народов высокий дуб является средством, которым боги пользуются при переходе из одного мира в другой. Это дерево также сохраняет равновесие мира. В скандинавской мифологии дерево Иггдрасиль (ясень) называлось космическим деревом и связывалось с богом Одинем. Скандинавы верили, что на дне космического дерева живет змея Нидхёгт, а на вершине – орел, а на стволе ясеня есть бегающая туда-сюда белка. И древние греки признавали это дерево и верили, что его ветви раскидываются на все пространство, корни доходят до самых глубин подземного мира. Представления о космическом дереве и у древних индусов, сибирских народов, в египетской мифологии, в китайском мифологическом мировоззрении похожи друг на друга. Большинство народов мира верило в существование в центре вселенной мирового дерева. Основное магическое свойство мирового дерева обосновывалось тем, что оно растет в центре космоса. Согласно верованиям, и первые предки человечества (Адам и Ева, Улген и Умай), выросли, делая шаги под этим деревом. В древней тюркской мифологии появились и представления о начале сотворения из дерева. В этом представлении дерево в качестве священного существа, участвующего в структуре матери-женщины, превратилось в памятник веры и любви древних тюркских народов, стало предметом культа. Религиозно-мифологические представления о строении и сотворении

мира были унаследованы средними веками. И в устной, и в письменной литературе культ дерева стал крайне популярен. Дерево рассматривалось как одно из самых священных существ мира и природы. Подобное отношение к дереву находило себе место в произведениях различных авторов и в самых различных формах. Мы встречаем глубокие следы этой любви в стихотворениях азербайджанского поэта XII века Низами Гянджеви, анатолийского поэта XIII века Юнуса Эмре и др. поэтов. В поэме великого Низами Гянджеви «7 красавиц» в рассказанной китайской девушкой «Сказке о Добре и Зле» раскрыто отношение к дереву, показана оздоровительная миссия дерева. Так, невзвидевшее света белого Добро, лишенное своих глаз Злом, сумело обрести свет именно благодаря тому, что глаза были смазаны истолченными листьями сандалового дерева и поставлены на место. Здесь поэтом филигранно была отобразена светлая миссия дерева.

А в стихотворении Юнуса Эмре, даже, говорится о единстве дерева и Создателя:

Из золота опоры его,   По мере роста ветвей его
Из серебра листья его,   Растет, Творца упоминая [1, 31].

В имеющем тысяча трехсотлетнюю историю эпосе «Деде Коркут» вера в дерево, любовь к дереву видны более наглядно. В «Части о разорении дома Салур Казана» неверные хотят повесить плененного сына Казана Уруза, приведя его к плахе, чтобы поговорить с деревом, Уруз просит милости у неверных и обращается к дереву с такими словами:

Если называю тебя «древом» не стесняйся, дерево!
Мекки и Медины открой двери!
Пророка Моисея ты посох, дерево!
Через воды большие мост ты, дерево!
Корабль громадных морей ты, дерево!
Седло Дюлдюлю Али ты, дерево!
Рукоять и ножны меча Али ты, дерево!
Колыбель имамов Гусейна и Гасана ты, дерево!
Страх и мужа, и жены ты, дерево! [2, 47-48].

Любовь к дереву во все времена была одной из основных тем тюркской народной литературы. В одном из стихотворений османского поэта-озана XVI века Пир Султана Абдала наше внимание привлекли следующие строфы, один в один напоминающие обращение Уруза к дереву:

Красный цветок с дерева.   Колыбель Гасана с Гусейном –
Из света пространство у Каабы,   Он тоже из дерева [3, 31].
Озарил весь мир его свет.

Становимся свидетелями использования в своей поэзии культа дерева и современными поэтами. Если не приведем пример о любви к дереву из стихов великого поэта тюркского мира Назима Хикмета, результат наших соображений о культе дерева не установится на желанном нами уровне. Так, уподобляющий себя грецкому ореху поэт писал:

Я грецкий орех в парке Гюльхане
Ни ты этого не знаешь, ни полиция [4, 681].

В действительности, в парке Гюльхане никогда не было грецкого ореха, просто чувствующий свое величие, свое бессмертие поэт старался уподобить себя дереву. Очень характерно в этом понимании и двустишие из стихотворения «Долины» современного азербайджанского поэта Наби Хазри:

Если упаду буду, укажите мне платан,
Чтобы опершись на него, я посмотрел на аран.
Если не будут видеть глаза мои – дайте Гей-гель
Я его глазами посмотрю на мир [5, 137].

Образцы показывают, что верования современных поэтов в культ дерева живы по сей день. Поэтому, вовсе не случайно и обращение к теме дерева в ряде произведений и народного поэта Азербайджана Мамеда Араза.

Мамед Араз по специальности был учителем географии. Родился в 1933 году в селе Нурс Шахбузского района, являющимся одним из отдаленных регионов Азербайджана. В душе маленького Мамеда, с детства росшего на лоне природы, пробудилась любовь к окружающей среде, горам и скалам, земле, растительному миру. По мере взросления эта любовь еще больше углублялась, любовь не покидала его всю жизнь. В результате этой любви, начиная с молодых лет и до конца своей жизни, достойно выполнял обязанности редактора журнала «Азербайджанская природа». В течении всего своего творчества Мамед Араз был против нарушения экологического баланса, в научных, публицистических статьях, в том числе в поэтическом творчестве, придавал этому вопросу серьезное значение, вел борьбу. Поэтическое изображение образа дерева, встречающаяся нам в различных произведениях поэта, воплощение взгляда на дерево как на модель жизни, позволяет нам придти к выводу о генетическом характере любви Мамеда Араза к дереву. Как известно, в древней тюркской мифологии дерево относится к считающимся священным, являющимся местом поклонения людей культам. В древнем сознании дерево в образе женщины-матери представляет собой модель жизни. Не случайно, что поэт в поэме «Течет Аракс» и в стихотворении «Пущенная в славу пуля», посвященной великому сыну грузинского народу Илье Чавчавадзе, относится к дереву как к человеку.

В поэме «Течет Аракс» не могущий соединиться с любимой лирической герой считал приемлемым обращение к мифологическим элементам, призывал любимую Айрыгюль обратиться в дерево, а сам хотел стать ветром:

Видимо, пока Целоваться не можем мы.
не можем встретиться мы. Потому есть лишь средство одно:
Как люди обниматься Будь ты деревом, а я ветром! [6, 67].

По мере наблюдения творчества Мамеда Араза, его любовь к природе, особенно к дереву, чувствуется все глубже. В разговоре с супругой поэта Гюльханым Фаталикызы говорили о любви Мамеда Араза к дереву. В один момент разговора Гюльханым-муэллима вспоминала: «Однажды Мамед снова писал. Спросила, может, поэму пишешь? Ответил: нет, Гюльханым, это не поэма, стихотворение. Но, знаешь, в «Деде Коркут»е есть тема дерева, вот уже сколько времени меня волнует. Отец мой Коркут смотрел на него, как на священное существо. И я так полагаю, в этом стихотворении вопрос с деревом взял основой. Исследователи не обращают особого внимания на проблему дерева в эпосе. Это очень важный вопрос» [7, 6].

Необходимо отметить, что данное стихотворение, написанное Мамедом Аразом в последние годы своей жизни и не завершённое им, было издано нами в 2011 году в газете «Азад Азербайджан». Стихотворение, называемое «Зов отца моего Коркута», состоит из 2 частей:

1. Имя твое Дерево

2. Зов

Из-за объёмности, красочности образов, актуальности поставленных глобальных вопросов, весу поэтической нагрузки стихотворение можно назвать и поэмой. Однако, оставаясь верным рекомендации, взглядам самого поэта, называем произведение стихотворением. Стихотворение написано в виде обращения к Деде Коркуту:

Сам переселился, крик остался твой на свете
Осталась твоих призывов часть на свете.
Отец мой Коркут, услышал твой я крик,
Отец мой Коркут, откликнулся на твой я призыв [7, 6].

Из собственного выражения становится ясно, что благопожелания, призывы Деде Коркута живут вечно. Выражения, молитвы о дереве являются одним из основных лейтмотивов в эпосе. Можно сказать, что во всех частях эпоса встречаются молитвы, благопожелания о дереве. Эти благопожелания преимущественно повторяют друг друга. Несмотря на это, каждый раз благопожелание «Да не вырубиться дерево твое тенистое» будто бы превращается в фактор, стимулирующий будущее только рожденного младенца. В «Части о разорении дома Салур Казана» же вера, любовь к дереву показаны более наглядно. Именно и Мамед Араз, выступая с этой позиции, пытается уверить читателя в актуальности любви к дереву во все времена. Вместе с тем поэт сожалеет, что в последнее время началась некая жестокость по отношению к природе. Деревья в массовом порядке вырубаются, леса выламываются, редкие породы деревьев стоят на грани исчезновения. Уничтожение деревьев людьми, являясь бедой современности, непростительно:

Дерево валит не смерть,
Валит человек.
Дерево убивает человек [7, 6].

Поэт, передающий крик природы в прошлое, обращаясь к Деде Коркуту, хотел донести до людей невозможность узаконивания неправого дела под названием правого, различного обоснования уничтожения природы. Ведь уничтожение деревьев приводило к покиданию птицами своих гнезд, изменению русел рек и катастрофами в целом:

Правое называя неправым,	Самого себя поедая.
Деревья с корней вырывает.	Птиц изгнал из гнезд,
Скалы у оснований ломает.	Осторожно вытягивая реки,
Отец мой Коркут!	Человек съел природу
Вытащил из русла [7, 6].	

Видящий удвоенный распиливание маслиновых, дубовых, гранатовых, кипарисовых деревьев поэт причитал, держал тризну, рыдал:

Вай, мои маслины, вай,	Вай мои гранатовые, вай,
Вай мои дубы, вай.	Можжевельник с кипарисом мои, вай [7, 6].

Выводы и перспектива. Автор в финале произведения пытается напомнить, что подобная жестокость человека по отношению к природе, есть жестокость по отношению к себе самому. Уничтожающий дерево, природу человек подписывает свое уничтожение. Рубка влажного дерева подобна отрубанию головы, деревья плачут тоже. Деревья – это парные людские кисти, их беречь необходимо:

Не рубите головы,
Не рубите влажными деревья.
Деревья – парные кисти человека! [7, 6].

Стихотворение «Зов отца моего Коркута» является его призывом к человечности, цивилизации в период существования глобальных экологических проблем. Дерево, центральный образ произведения, в единстве с человеком осмыслено как вчерашний, сегодняшний, завтрашний день цивилизации.

Литература:

1. Эмре Ю. Иллюстрированная история турецкой литературы I. Нихад Сами Бахарлы / Эмре Ю. – Стамбул: Публикации МЕВ, 2001. – 31 с.
2. «Деде Коркут». – Баку: Язычы, 1988. – 267 с.
3. Абдал П. -С. Иллюстрированная история турецкой литературы I, Нихад Сами Бахарлы / Абдал Пир Султан. -Стамбул: Публикации МЕВ, 2001. – 31 с.
4. Хикмет Н. Турецкая литература, Ахмет Кабаклы. -Т. III / Хикмет Н. – Стамбул: Фонд публикации турецкой литературы, 2004. – 681 с.
5. Хазри Н. Избранные произведения. В 2-х томах. – Т. I / Хазри Н. – Баку: Лидер, 2004. – 248 с.
6. Араз М. Избранные произведения. В 4 -х томах. – Т. IV / Араз М. -Баку: Озан, 2003. – 356 с.
7. Газета «Азад Азербайджан», 03 июня 2011 г. -6 с.

Мамедов Н. М. Система образів у творчості Мамеда Араза: образ дерева / Н. М. Мамедов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 213–217.

Мотив священного дерева зберіг своє місце у середньовічних тюркських епосах, казках, одним словом, у нашій усній і письмовій літературі. Так, мотиви культу дерева широко відображалися в творчості ряду поетів. У цьому контексті особливо характерні поема Мамеда Араза «Тече Аракс», вірш «Пушена в славу куля», присвячено великому синові грузинського народу Іллі Чавчавадзе, поетична розповідь «Поклик батька мого Коркута». Наша мета полягає в доведенні до уваги оригінальних роздумів про дерево в поезії поета.

Ключові слова: образ дерева, поезія, Мамед Араз, міфологія

Mamedov N. M. System of images in the poetry of Mammad Araz: the image of the tree / N. M. Mamedov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 213–217.

The motif of the sacred tree retained his place in the medieval Turkic epics, tales, in our oral and written literature. Thus, the motives of the cult of the tree are widely displayed in the works of some poets. In this context it is particularly characteristic of the poem Mammad Araz "Flows Araz" and "Put into the glory of the bullet", dedicated to the great son of the Georgian people Ilia Chavchavadze, poetic story "Call of my father Korkut." Our goal is bringing to the attention the original thinking about the tree in the poetry of this poet.

Keywords: image of a tree, poetry, Mammad Araz, mythology

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

КЪЫРЫМТАТАР ИДЖРЕТ ЭДЕБИЯТЫНДА ПЬЕСА ЖАНРЫНЫНЪ ИЛЕРИЛЕВИ

Куртумеров Е. Е.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail: enverkurtumer@mail.ru

Ишинъ актуаллиги. Иджретте яшап иджат эткен къырымтатар яздыжларынынъ эсерлери, шу джумледен пьеса эсерлери бу куньгедже эдебиятшынаслар ве тенкъитчилер тарафындан егерли талиль этильмеди ве огренильмеди. Бу эсерлерде котерильген проблемалар кечкен асырнынъ 30-нджы сенелерине аит олгъанына бакъмадан шимди де актуальдир.

Ишинъ макъсады. Иджрет ерлеринде яшагъан халкъымыз баба-деде топрагъындан узакъта яшагъанына бакъмадан яш несильни ватангъа, миллетке, ана тилине севги рухунда тербиелемеге буюк эмиет бердилер. Макъалеледе бу мукъаддес ишке яздыжы ве шаирлернинъ къошкъан иссеси насыл олгъаны айдынлатыла.

Кириш. XX асырнынъ 30 сенелерине келип иджреттеки эдебиятымызда пьеса жанры илерилеп башлай. 1933 сенеси «Эмель» меджмуасынынъ басмаханесинде Неджип Аджи Фазылнынъ «Къырым», «Яш фиданлар», «Къудалыкъ», 1934 сенеси Мемет Вани Юртсевернинъ «Къартман джаш арасында», «Байрам», «Одедек» ве 1940 сенеси Исмаил Зиядиннинъ «Чорабатыр» киби пьесаларынынъ дердж этилюви фикримизнинъ делили ола билер.

Булардан гъайыры иджреттеки миллий арекетимизнинъ лидерлеринден бири, «Эмель меджмуасы»на темель къойгъан Мустеджип Улькюсалнынъ «Добруджа ве тюрклер» адлы китабында «Санагъа къоюлгъан эсерлер» болюгинде 1934 сеенеси Парзарчыкъ ве Косътенджеде (Романия). Фаикъ Абдулла Туранджыогълу тарафындан къалемге алынган «Шахин Гирай» адында дёрт пердели бир пьесанынъ, Халиль Абляким Къырымман тарафындан къалемге алынган «Бора» киби пьесаларнынъ буюк мувафакъиетнен санагъа къоюлгъаны акъкъында хабер бериле [3, с. 226].

Теэсюфки, Мустеджип Улькюсал бу ерде озюнинъ 1919 сенеси Къырымда Фотисала коюнде оджалыкъ япкъан девирде санагъа къоюлгъан «Уч сагъыр» пьесасы акъкъында ич бир тюрлю малюмат бермей. Бу пьеса акъкъында онынъ «Хатыралар» адлы китабындан шойле малюмат эльде этик: «Ахмет эфенди Бахчасарайнынъ танынмыш зенгин эшрафындан Мустафа эфендининъ къызы иле эвленди ве буюк дугунъ япты. Дживар койлерден эшрафы («эшреф») шериф ве итибар сайби олгъан кимселер.) чагъырды ве топлады. Бу весиле иле беним мусамере («мусамере») акъшам, гедже топлантысы; эглендже.) тертиплеми уйгун булды: мемнуниетле къабул этим. Буюк бир къалабалыкъ къаршысында тюрк тюрк тарихынынъ буюк хакъанларындан Акъсакъ Тимур хакъкъында бир саат сурен конферанс вердим. Аркъасындан талелелерим биззат яздыгъым «Уч сагъыр» адындаки пьесимни ойнадылар, шиирлер окъудылар ве маршлар сёйледилер» [3, 228 с.].

Шуны къайыд этмелики, Мустеджип Улькюсалнынъ ве юкъарыда адларыны анъып кечтигимиз муэллифлеринъ базы эсерлерини шимдилик эльде этмек имкяналарымыз олмады.

Иджрет ерлеринде яшагъан ватандашларымыз озъ тамырларыны унутмамакъ ве бойлеликле кендилерини миллет оларакъ сакълап къалмагъа, яш несиллерге Къырым акъкъында бильги бермеге, оларгъа асретлик дуйгъуларыны ашламгъа буюк итибар бердилер. Бойле муим вазифени беджермек биринджи невбетте зиялилернинъ, алельхусус языджы ве шаирлеринъ узериндеки маневий бордждыр. Неджип Аджы Фазылнынъ юкъарыда адлары анъып кечильген эсерлерине дикъкъат этер экенмиз, онынъ бу маневий борджуны не дереджеде одегенининъ шааты оламыз.

Эдип озюнинъ «Къырым» пьесасында Къырым мевзусына, онынъ тарихинен багълы вакъиаларгъа мураджат эте. Халкъымызнынъ фаджиалы такъдирини тасвирлеген дестанлар, йырларнынъ яш несиллер ичюн эмиети буюк олгъаныны, оларны эр бир татар къорантасы бильмеси ве унутмамасы кереклигини хатырлата. Пьесанынъ баш къараманларындан бири Къуртвели кызы менсулугъа «Кок козь баярь» дестаныны анълатыр экен, шойле дей: «Я балам! «Кок козь баярь» тюркюси де мына бодыр. Боны бугунъ татар халкъын джаш, къарт – алайы билмеси керектир. Не ушун десенъ, бондай тюркюлер болып гешкен миллий хикяелер кишиде бирер миллий менлигин тувмасына ярдым этер... Бондай эткен тюркюлер ольген аталарымызман бизлерни байлагъан бирер бавдырлар. Бонларын унутылмасы бир вакъытлар копъ бир миллетин аягъын, къолун байлагъан татар аркъанын къопмасы, дюнья устюнде ич бир паршасы къалмадан джойтылмасы демектер. Къызым! Сен богъа кысыкъаякълы башынман биле разы болма. Бешиктеки балангъа биле бонларны айнены этип сал. О масумны боларман юкълат, боларман ят. Тли боларман шыкъсын. Джюреги боларман бесленсин. Анджакъ о вакъыт бир миллет болып яшамагъа хакъ къазанаджагъынъдан умулбар болурсынъ...» [1, 65 с.]

Белли олгъаны киби миллетнинъ темели къорантадан башланыр. Къорантанынъ къавий олмасы – миллетнинъ къавий олмасыдыр. «Къудалыкъ» пьесасында къоранта къурув, Бойле месулиетли иште асырлар девамында шекилленип кельген урф-адетлернинъ мусбет ве менфий тарафлары къалемге алына. Пьеса дёрт меджлистен ибарет олып, анда тасвирленген вакъиалар Добруджанынъ Азаплар ве Первел (Пир Вели) койлеринде олып кече. Пьесанынъ баш къараманы Алимсейит – 40 яшларындаки мадий вазieti орта аллы бир койлю. О тарлада чалышмагъа, эв ишлеринен огърашмагъа чокъ вакъыт айырмай. Амма онынъ чокъ бегенген, эр шейден устюн корген башкъа бир иши бар. Бу да олса къудалыкъ япмакъ. О, озъ ишинен гъурурлана ве онъа месулиетнен янаша. Эки яшнынъ къоранта къурмасына ярдымджы олмакъ – онынъ фикриндже «Кябеге бина къурмакътан даа хайырлы». Алимсейит озъ ишининъ устасы. О койдешлерининъ табиятыны яхшы биле. Къайысы эвгекъудалыкъкъа бармасын эр кеснинъ гонълюне ёл тапмагъа биле. Эки тарафны да разы этмек ёлларыны кыдыра. Яя акъайнынъ эвине къудалыкъкъа кельгендекъызынынъ ана-бабасы къаршы олгъанларына бакъмадан, оларны кендирмек ичюн шойле дей: «Авыр, сабырлы, ишкиде, оюнда табылмагъан мына сагъа бир джигит! Там дизман татар, Яякъай... Мен сени суемен, саяман. Сизинъ недай халкъ экенинъизни биле-

мен. Узакъ ерге кетмесин дедим де, кельдим. Артыкъ Кене озинъиз биледжексинъ-из...» [1, 128 с.].

«Къызы барнынъ – назы бар» дегенлер. Пьесаны окъур экенмиз бу аталар сёзюнинъ не себептен айтылгъаны анълашыла. Къыз тарафы киев тарафындан «сют акъкъы», «нишан бокъчасы», той масрафлары ичюн белли мыкъдарда ахча талап эте тургъанлар. Сейитя акъайнынъ да талапы шойле ола: «Меним озие къалырса, беш кило шекер, ушь яшында семиз бир тана согъымлыкъ. Къашан мынякъта бахшышы, эрмегени гене башкъа. О сизинъ инсафынъызгъа...». Сейитя акъайнынъ бу сёзлери XX асырнынъ башларында иджретте яшагъан халкъымызнынъ маддий вазияти на-сыл олгъаныны косътерген бир мисаль ола билир.

Алимсейит бойле талапнынъ киев тарафы ичюн агъырлыкъ япаджагъыны яхшы анълай ве шойле дей: «Къой, Сейитя акъам!.. . Сен бек коп айтгынъ бе!Алмасынлар деп тилединъми, къатгынъ асыл?... . Бо къадар шей бир инсан кушу джетеджек ший тувул да. Беш бешбирлик, йигирми бинъ франк пара, бир къавеси, шекери, согъымы, бильмем неси!Ашагъы юкъары элли-алтмыш бинъ франк. Сонъра той этте астындан шыкъ бакъайым...» [1, 134 с.].

Бойлеликле, Алимсейит къудалыкъкъа баргъан еринде элинден кельгени къадар эки тарафны да разы этмек ёлларыны къыдыра, эки яшнынъ къоранта къурып, бахт-лы омюр кечирмелерине себепчи бир шахыс олгъанындан ифтихар эте.

Алимсейитнинъ къадыны Гульзаде исе озь акъайынынъ фикирлерине, япкъан ишлерине тамамен къарама-къаршы олгъан бир образдыр. О, акъайынынъ япкъан ишлерини тенкъит эте. Къудалыкъ япмакъ «Къаш къояджам деп козь чыкъармакъ» къабиллиндеки бир иш олгъаныны акъайына анълатмакъ истей ве шойле дей: «Озь-озюнье : «Мен пеляшенинъ къызыны тувеншек улуна айттыраман», -деп раст келькенке айта бермесе. Не ушин джабадан-джаба халкъын баласы ушин авзымнынъ татлы дамын ашшы этийим. «Аз ашым-авырсыз башым», – деп отыргъанынъ та арув тувулмы? Уй дегенинъ бир ший та я. Эки джаш мухаббет болсалар, уз кешинселер джашнынъ анасы, бабасы: «Мынав тылбаз къаншыкъ баламызны бизден айырды. Явурлы явур Алимсейит къайдан себепши болды бильмемки», деп башта сени сёгерлер. Эгер уз кешинмеселер, къашан къызнынъ ягъы: «Къудайгъымыз болгъан джады шектире къызымызгъа Аллахнынъ азабын, арагъа кирген Алимсейит онъмасын да питмесин, я Раббим», -деп гене сени къаргъар. Хасрет къалдынъмы бо къаргъышлардан. Тапмагъанынъ шолармы? Къайсы якъ олса да онъсалар – озьлеринден, онъмасалар – сенден корирлер...» [1, 204 с.].

Неджип Аджи Фазыл Гульзаде образы мисалинде XX асырнынъ башларында чеши турф-адетлерге къаршы чыкъкъан, янъыджа яшайыш тарафдарлары олгъан къадын ве къызларны тасвирлей ве бойлеликле янъы яшайыш тарзыны халкъ ара-сына яймагъа аркет эте.

Белли олгъаны киби, урф-адетлер бир миллетнинъ асырлар девамында шекил-ленип кельген медений вариетидир. Бу вариетнинъ эмиети чокъ буюк. Амма шуны да къайд этмелики, базы урф-адетлернинъ менфий тарафлары да бар. Буны инкяр этмек мумкюн дегиль. Неджип Фазыл озюнинъ «Яш фиданлар» пьесасында бу мевзуны айдынлата. Пьеса бир саналыкъ олып, онынъ къараманлары 25-30 яшларында-ки даа къоранта къурмагъан генчлер. Эсер къараманлары о девирдеки генчликнинъ

типик образларыдыр. Пьесанынъ баш къараманларыдан бири Мемет озъ аятындаки маддий етишмемезликлер себебинден шимдигеде эвленмек имкяны олмагъаныны буюк яныкънен достларына анълата ве бойле вазиятте эвленмекнинъ файдадан зарары чокъ деген фикирге келе. Онынъ: «Эй достым, такъат ёкъ, такъат! Коресинъми джокълыкъны? Къаякъкъа тартсанъ джетмий... Хайды, дийик ке ат-арабанъы сатып нишанландым. Борышкъа батып уйлендим. Эртен турып нишлейджекмен? Я, анав агъанынъ, я мынав байнынъ къапысын барып къагдаджакъманмы?... Уйленген сонъ меним балам болмазмы? О да къоны-къомшысындай этип джурьмек, окъымакъ истемезми?... Тышарда тасавырларман яшап, уйге киргенде балабан бир джокълыкъ, къара бир фыкъарелик корьсе къальби ташмазмы? Аят ы салъте аджджы якъларын татып, мойны букульген мени балам тувгъангъа пешман этмезми?... Дюнъягъа кетирген анасына, бабасына, бизлерге ланетлер окъымазмы?... « [1, 224 с.], -деген сёзлери онынъ тюшкюнликке тюшкен, келеджекке умютсизликнен бакъкъан бир генч олгъаныны косътере. Той ве тойдан эвель олып кечкен «сёз кесим», «нишан» киби мерасимлерде япылгъан арткъач масрафларны тенкъит этерек шойле дей: «Бугунъ алай къабахат къызын береджек анада. Онлар да языкъ ке, аиленинъ манасын анъламай. Онлар къыз бермекни тувыл, бир инсанлыкъ, бир къазанш, бир тиджарет билелер. Киевни сыйрмакъны – омирде бир кере келир фырдатлардан тутарлар. Мендже, бу зихниетнинъ къурбаны болмакътанса, уйленмегеним хайырлыдыр...».

Пьесадаки экинджи къараман Али исе Меметнинъ акси. О, илимли, келеджекке умютнен бакъкъан бир генч. Алиниъ къоранта къурувнен багълы фикирлери, тюшонджелери онынъ яныгъа девир кишиси олгъаныны косътере. «Давыллы, дарбакълы той ясамакъ, эркине уйленмек факъыр-фукъаранынъ арджы тувул, о, байгъа, барлыгъа ярашкъан бир шей. Мен уйленмек ушин фазла масраф этмейджегиме, той ушин борышкъа батмаяджагъыма сенинъ къаршында ант ве емин этемен...» [1, 256 с.], -деген сёзлери онынъ къоранта къурувнен багълы меселелерде насыл фикирде олгъаныны тасдыкълай.

Пьесанынъ даа бир къараманы Амет – диний тербие алгъан, къоранта къурувда ислям динининъ талапларына коре фикир юрсетькен бир генч. О, эр шейнинъ къадерге багълы олгъанына, Танърынынъ эр кеске уйгъун корьген бир аят насип этеджегине инана.

Неджип Аджы Фазыл «Яш фиданлар» пьесасында ХХ асырнынъ 30 сенелериндеки генчлернинъ дюнъябакъышларыны, о девирде къоранта къурувнен багълы меселелерде огге чыкъкъан проблемаларны ве оларны чезмек ёлларыны айдынлата. Иджретте яшагъан къырымтатарлар ичюн кендилерини миллет оларакъ сакълап къалувда къорантанынъ эмиети буюк олгъаныны текидлей, къоранта къурмагъа, эвлят етиштирге тешвикъ эте. Муэллифинъ фикирлерини пьесанынъ даа бир къараманы олгъан Юсуфнынъ шойле сёзлери тасдыкълай: «Эвленмек, несиль чоғалтмакъ – эм инсаний, эм миллий борджынъны эда этмектир. Бо борджнынъ эдасы махкум миллетлерге, биз татарларгъа бек керектир. Зира бугунъ хакимлик копынъдир!.. « [1, 284 с.]. Пьеса къараманынынъ бу сёзлери тек о девир генчлери ичюн дегиль, бугунъки генчлигимиз ичюн де буюк огют, буюк ибреттир.

Иджреттеки эдебиятымызда пьеса жанрынынъ илерилемесине буюк иссе къошкъан эдиплеримизден даа бири Мемет Халим Вани (Юртсевер) дир. Онынъ

«Къартман джаш арасында» пьесасында кой къартлары ве генчлери арасында олып кечкен субет вастасынен Къырымнынъ шанлы тарихы, Ханлыгъымызнынъ Русие тарафындан басып алынувы, иджретлернинъ башланувы, халкъымызнынъ агъыр вазиети ве бу вазиеттен къуртулмакъ ичюн яш несиллернинъ огюнде тургъан вазифелер нелерден ибарет олгъаны айдынлатыла.

Пьесанынъ баш къараманларындан бири, кой хатиби ве оджасы Исмаил эфенди озюнинъ терен бильгисинен джемаат арасында урмет ве сайгъы къазангъан бир генч. Онынъ фикриндже, халкъымыз башына кельген бутюн фаджиаларнынъ баш себеи – джаиллик. Бу акъкъында о, шойле дей: «Татарлар да чалышкъан, окъугъан ве юзлермен сене эвель Аврупада баш котерген медениеттен узакъ къалмагъан болсалар, эльбетте душманларына дженильмез эдилер. Ана-бабаларын мезарларын ве татар къаныман суварылгъан мубарек джуртларын руснынъ кирли чызмасынен таптатмаз эдилер. Асырлардан бери дертлилерни Хакъ къатына эзан сесинен чагъыргъан кой ве къасабаларымызда чанъ къакъылмаз, мубарек джамилеримиз кильсеге чевирильмез эди. Демекки, юксек динимизни керегиндий анъламамакъ, къара таасуп (фанатик) ве замангъа коре кошъмемезлик юзюнден ата джуртумыз, ешилъ ада Къырым душманнынъ къолына гешкен. Кошъмий онда къалгъанлар да шимди большевикнинъ зулумын чегелер...».

Пьеса сонъунда Исмаил кой генчлерине шойле мураджатта булуна: «Факъат джашлар, миллетке балабан борджымыз болгъанын унутмайыкъ. Чалышмакъ... Ве тырышып чалышмакъ керек! Халкъымызнынъ дертлерине дерман тапмакъ ушун чабаламакъ керек. Бо хусуста чалышмакъ ушин кыйсынъыз емин этесинъиз?...». Кой генчлери миллет огюндеки борджуны эда этмек ичюн сёз берелер, «Ант эткенмен»ни йырлайлар.

Нетидже. Юкъарыда узеринде къыскъадан токъталып кечкенимиз пьесаларнынъ иджретте яшагъан халкъымызнынъ сиясий, ичтимаий, медений аятына тесири буюк олды. Ич шубе ёкъки, бу пьесаларнынъ яш несиллерге баба-деделери топрагъы олгъан Къырымгъа асретлик дуйгъуларыны ашлав ве оларны миллий рухта тербиелевдеки эмиети буюктир.

Эдебият:

1. Nedret Ali Mahmut. Romanya Türk-Tatar Edebiyatı / Nedret Ali Mahmut. – Konstanta, 2000. – 364 с.
2. Müstecip Ülküsal. Kırım Yolunda Bir Ömür / Müstecip Ülküsal. – Ankara, 1999. -213 с.
3. Müstecip Ülküsal. Dobruca ve Türkler / Müstecip Ülküsal. – Ankara, 1989. -243 с.
4. Necip Hacı Fazıl. Kırım / Necip Hacı Fazıl. – Pazarcık, 1934. – 28 с.
5. Necip Hacı Fazıl. Caş Fidanlar / Necip Hacı Fazıl. – Pazarcık, 1934. – 10 с.
6. Necip Hacı Fazıl. Cavşılık / Necip Hacı Fazıl. – Pazarcık, 1934. – 30 с.
7. Mehmet Halim Vani. Kartman cas arasında / Mehmet Halim Vani. – Pazarcık, 1934. -32 с.
8. Ferit Devellioğlu. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Luğat / Ferit Devellioğlu. – Ankara, 2001. -1195 с. ISBN 975-75-19-02-2.
9. Къуртумеров Э. Э. Къырымтатар иджрет эдебияты: Учебное пособие / Къуртумеров Э. Э. – Симферополь, 2002. -240 с. ISBN 966-8025-11-3

Куртумеров Э. Э. Развитие жанра пьесы в крымскотатарской эмигрантской литературе / Э. Э. Куртумеров // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 218–224.

Статья посвящена освещению пути развития жанра пьесы в крымскотатарской эмигрантской литературе.

Даны сведения из истории написания сценических произведений. Мустеджип Улькюсал в своей книге «Добруджа ве тюрклер» пишет о том, что в 1919 году была поставлена его пьеса «Учь сагъыр». В 1934 году в Пазарчыке и Косътендже (Румыния) были поставлены пьесы «Шахин Гирей» Фаика Абдуллы Туранджиоглу и «Бора» Халила Абляжима Кырыммана. К сожалению, эти пьесы не сохранились. В 1934 году в издательстве журнала «Эмель» были напечатаны пьесы «Къырым», «Яш фиданлар», «Къудалыкъ» Аджи Неджипа Фазыла, «Къартман джаш арасында» Мемета Вани Юртсевера. Пьеса «Къырым» и «Къартман джаш арасында» дает нам возможность глубже понять ностальгию, любовь и боль крымских татар, проживающих вдали от Родины. В пьесе «Яш фиданлар» изображается столкновение старого и нового в сознании молодежи 30 – х годов.

В основе пьесы «Къудалыкъ» лежит конфликт серьезного, сложного и острого характера, находящийся в финале свое, но отнюдь не трагедийное или комедийное разрешение. Эта пьеса о самой «интересной» и «полезной» профессии – сватовстве. По мнению главного героя пьесы Алимсеита – сватовство лучше, чем построить Кябе – священный дом в Мекке. Потому что он помогает молодежи создать семью. Эти пьесы отличаются большей степенью конкретизации социально-бытовой атмосферы.

В пьесе «Сенмеген атеш» Мемета Юртсевера рассказывается об эмиграции крымских татар после Крымской войны 1854 года. Из Джанкоя готовятся переехать в Турцию 47 крымскотатарских семей. Среди них семья Керимджана Коркмаза. Керимджан хорошо понимает, что оставить отцовский дом и Родину не правильно. Но у него другого выхода нет, так как его преследует Царское правительство.

Ключевые слова: крымскотатарская, эмиграция, литература, пьеса, ностальгия, Родина, сватовство.

Куртумеров Е. Е. Розвиток жанру п'єси в кримськотатарській емігрантській літературі / Е. Е. Куртумеров // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 218–224.

Стаття присвячена висвітленню шляху розвитку жанру п'єси у кримськотатарській емігрантській літературі. Дани відомості з історії написання сценічних творів. Мустеджип Улькюсал у своїй книзі «Добруджа ве тюрклер» пише про те, що в 1919 році була поставлена його п'єса «Учь саг'ир». У 1934 році в Пазарчыке і Косътендже (Румунія) були поставлені п'єси «Шахін Гирей» Фаіка Абдулли Туранджиоглу і «Бора» Халіла Аблякімов Кирыммана. На жаль, ці п'єси не збереглися. У 1934 році у видавничтві журналу «Емель» були надруковані п'єси «Кирым», «Яш фіданлар», «К'удалик» Аджи Неджипа Фазыла, «К'артман джаш арасинда» Мемета Вані Юртсевер. П'єса «Кирым» дає нам можливість глибше зрозуміти ностальгію, любов і біль кримських татар, які проживають далеко від Батьківщини. У п'єсі «Яш фіданлар» зображується зіткнення старого і нового в свідомості молоді 30 – х років. В основі п'єси «К'удалик» лежить конфлікт серйозного, складного і гострого характеру, що знаходить у фіналі своє, але аж ніяк не трагедійне або комедійне рішення. П'єса «К'удалик» присвячена самої «цікавої» і «корисної» професії – сватанню. На думку головного героя п'єси Алімсеіта – сватання краще, ніж побудувати Кябе-священний будинок в Мецці. Тому що він допомагає молоді створити сім'ю. У п'єсі «Сенмеген атеш» Мемета Юртсевер розповідається про еміграцію кримських татар після Кримської війни 1854 року. З Джанкоя готуються 47 сім'єю переїхати до Туреччини. Серед них родина Керімджана Коркмаза. Керімджан добре розуміють, що залишити батьківський дім і Батьківщину не вірно. Але у нього іншого виходу немає, так як Царський уряд переслідує його.

Ключові слова: кримськотатарська, еміграція, література, п'єса, ностальгія, Батьківщина, сватання.

Kurtumerov E. E. Development of the genre plays in Crimean Tatar émigré literature / E. E. Kurtumerov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 218–224.

The article is devoted to coverage development genre of the play in Crimean Tatar emigre literature. Mustedzhip Ulkyusal in his book "Dobrogea ve Turkler" writes that in 1919, staged his play "Uch sagyr. " In

1934 and Pazarchyke Kostendzhe (Romania) were the plays "Shahin Giray" Fa'iq Abdullah Turandzhyoglu and "Bora" Khalil Ablyakima Kyrymmana. Unfortunately, these pieces have not survived.

In 1934, the publisher of the magazine "Emel" were printed play "Kyrym", "Yash fidanlar", "Kudalyk" Adzhy Necip Fazyla, "Kartman Jashi arasynda" Memet Wani Yurtsevera. The play "Kyrym" gives us the opportunity to understand the nostalgia, love, and the pain of the Crimean Tatars living outside of their homeland. In the play "Yash fidanlar" depicted a clash of old and new in the minds of young people 30 – ies. At the heart of the play "Kudalyk" is a serious conflict, complicated and acute character which in their final, but not tragic or comic resolution. The play "Kudalyk" is dedicated to the most "interesting" and "useful" profession – matchmaking. In the view of the main character plays Alimseita – matchmaking better than building Kyabe-sacred house in Mecca. Because it helps young people to start a family. This piece features subtle psychology and entertaining narrative.

In the play "Senmegen Ates' Memet Yurtsevera describes the emigration of Crimean Tatars after the Crimean War in 1854. Of the 47 family Jankoi preparing to move to Turkey. Among these family Kerimdzhana Korkmaz. Kerimdzhan know's that leave his father's house and home is not correct. But he has not other choice, because tsarist government pursues him.

Keywords: Crimean Tatar, immigration, literature, plays, nostalgia, Motherland, matchmaking.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 821. 512.

ПРИРОДА, КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ СРЕДСТВО, В РОМАНЕ ДЖЫНГЪЫЗА ДАГЪДЖЫ "ОНИ ТОЖЕ БЫЛИ ЛЮДЬМИ"

Акиева А. З.

ТНУ имени В. И. Вернадского
E-mail: qirim.qizi17@gmail.com

Меселе. Джынгъыз Дагъджы – омюр бою Ватандан тыш мемлекетлерде иджат эткен кырымтатар язиджысыдыр. Шунунъ ичюн кырымлылар, Туркиедеки джемааткъа коре, онынъ иджадынен бироз зайыфча таныш олгъан. Бугуньки кунде Джынгъыз Дагъджынынъ бир сыра эсерлери аля даа кырымтатар тилине терджиме этильмеген. Афсус ки, кырымтатарджа нешир этильген эсерелер олса да, оларнынъ тек уфакъ кысмы талиль этилип, халкъ кутълесинде айданлатылды. Амма, шубесиз ки, бу язиджынынъ романларны – дикъкъаткъа ляйыкъ олгъан эсерлердир. Илъкъ эвеля, оларны кырымтатарлар бильмек ве окъумакъ керектир.

Тедкъикъат макъсады – окъуйдыжыны Джынгъыз Дагъджынынъ энъ мешур эсерлерден бири олгъан – «Олар да инсан эди» романы иле таныш этеркен, айрыджа эсерде тасвир олунгъан табиат васталарында токъталып, оларнынъ къараманлар иле олгъан багъны косътермектир. Ишимде, язиджы табиатнен къулланылып, окъуйдыжыгъа озъ къараманларынынъ бедий образларны теренден анълаткъаныны айдынлатмагъа тырыштым. Бундан да гъайры, о девирде олып кечкен адисе-вакъиаларнынъ ве баш къараманларнынъ арасында усталыкънен кечирильген мувазини къайд этмеге арекет эттим.

Къоюлгъан макъсаткъа иришмек ичюн небеттеки иш узеринде токъталмакъ керек:

- Джынгъыз Дагъджынынъ омюр фаалиетини олдукъча магъбул шекильде огренмек;

- «Олар да инсан эди» романында тасвир олунгъан ерлернинъ тарихынен тафсилатлыджа таныш олмакъ;

- Эсерде баш къараманларнынъ ички дюньясыны анълатмакъ ичюн къулланылгъан табиат васталарны тапып, оларны талиль этмек.

Тедкъикъатнынъ мевзусы – Джынгъыз Дагъджынынъ эдебий услубининъ хусусий чизгилеридир. Окъуйдыжыгъа о девирде муим олгъан арекет ве адиселерни анълайышлы тильде ве чокъ гузель шекильде айдынлатылувыдыр. Бу эр шей, шубесиз, кырымтатарларгъа озъ тарихыны бильмек ичюн яхшы бир фырсааттыр.

Ишнинъ кетишатында Исмаил Гаспринский адына кырымтатар кутюпханеде олгъан малюматлар узеринде токъталдым. «Йылдыз» междмуасынынъ бир къач санларында чыкъкъан «Олар да инсан эди» романнынъ ве, нисбетен якъында нешир этильген «Хатыраларда Джынгъыз Дагъджы» (Язиджы озъ къалеминен) китаптаки малюматларнынъ талилинен огъраштым.

Джынгъыз Дагъджы, 1920 сенеси мартнынъ 9-ында Гурзуф къасабасында дюньягъа келе [13, 168]. 1932 сенеси Акъмесджитке коче, анда орта тасильни алып,

оқувыны девам этмек ичюн Къырым педагогик институтынын тарих болугине кире. 1940 сененин сонъунда арбий хызметке чагырыла, сонъра дженк, эсирлик, топлама лагерлер. 1946 сенесинден башлап, Лондонда яшады. Лондонда, 2011 сени сентябрь 22 куню Джынъыз Дагъджи вефат этти. Къырымнын Къызылташ коюнде дефн этилды.

«Мубарек топракъ, сенин кунешинин астында эр шейнин гузель ола, инсанларын да...».

Бутюн роман девамында биз халкъымызнын топракъкъа олгъан севгисини коремиз. Языджи топракънен васта оларакъ къуллана ве буюк усталыкъ иле баш къараманнын топракъкъа, ана юртуна севгисини айдынлата. Мисаль оларакъ романдан бир къач сатырны кетирем:

«Топракъ оларны эзе, оларгъа бинь бир тюрюлю мешакъатлар чектире, оларны ольдюре, амма олар кене де эр шейден чокъ, кендилеринден де зияде, бу топракъны севе эдилер. Оларны бу топракътан айыраджакъ ич бир къувет ёкъ эди. Олар бинь йыллардан берли бу топракъта яшап кельдилер ве яшайджакълар; ипрангъан, ёргъун вуджутларыны бу топракъларнын тюбюне комеджек, анджакъ о заман джанларыны кокке, кокнинь сюкют ве раатына теслим этеджек эдилер» [2, 17].

Халкъымызнын ишкирлигини, арекетченлигини Джынъыз Дагъджи бизге топракъкъа олгъан мунасебети иле косътермеге арекет эте. Койлюлер топракъларыны чешит къаст этювлерден къорчаламакъ ичюн джанларыны бермеге азырлар:

«Ичи ичине сыгъмай, юреги санки бир эскендже ичинде, юмрукълары сыкъыла, богъазына къатты бир шей келип тыкъыла: «Валлайи, парчаларым, пычагъымнен догъарарым. Ким де-ким топрагъыма кирсе, башыны балтанен урып, аттырырым!» – деп тюшюнди Бекир» [4, 78].

«Келинкъая бизимдир, оны бизден тутып алмакъ ич кимсенин акъкъы ёкъ эди. Амма алдылар. Бугунь мен, ташкъа чевирильген келин киби, ичимде Келинкъаянын сагъыр инъильтилерини эшитем» [12, 8].

Романнын биринджи саифелеринде биз Джынъыз Дагъджынын энъ севимли къаялардан бири олгъан, Келинкъаянен таныш оламыз:

«Айше токъталгъан ерден бакъсань тѣпенин кенарындаки бу ёл адамнын башы узеринде, дерсинь, тыпкъы бир раф киби асылып тура эди. Бунын айретленледжек ери шунда ки, Айшенин булундыгъы ёлнен тѣпенин четиндеки ёл арасында бир къая бар эди: къаянын ашагъы къысмы къырмызы, усть тарафы къуршун киби кок эди. Къаянын усть къысымынын чевре-четини дюльбент киби индже бир беззлыкъ саргъан. Къызылташлылар бу къаягъа Келинкъая дер эдилер» [2, 35].

Айны бу къая, бизим фикримизге коре, севги ве яшлыкъ темселидир. Шунинь ичюн, эсернин ильк саифелеринде Келинкъаянын янында биз генч, алчакъ гонъюлли къызны – Айшени коремиз. Айше – назик, яш, дюльбер къыз, онын юрегинде севги дуйгъусынын тамчылары пейда олмагъа башлай. Эр кунь къаягъа келип, тюшюнджелерге дала, акълында хаял къура, озь келеджеги акъкъында фикир юрсете.

«Айше эр саба Мачикни чобангъа айдар экен, бу ерде токътар, кунеш ышыкълары алтында учурумлар ренктен ренкке кирер экенлер, къаягъа дѣнген келинге

бакъмакъны пек севе эди. Келиннинъ артыкъ, таш кесилип къалгъан сонъ бир даа тириледжегине шубеленир, амма кене де токъталып Келинкъаягъа бакъар, ичинден: «Аллахым, оны тирильт ве завалы чобангъа бер!» – деп дуа этер» [2, 35].

О заман Айше Аллахтан келинни тирильтип, чобангъа бермесини истегенде, бельки де, озю акъкъында тюшюне эди. Яни, мында Келинкъая бир васта оларакъ ишлетиле. Айше де о келин киби омрюни озъ севгилисинен багъламагъа истей. Амма бу келинлернинъ такъдирлери де бирдир, яни бу къая – Айшенинъ фаджиалы омюрнинъ темсилидир. Романнынъ невбеттеки саифелеринде, бизим фикримизге коре, Айше бу къаягъа бакъып, ташкъа дёнген келин киби олмакъны истейджек. Чюнки о келин, озъ намусыны сакъламакъ ичюн, севмеген йигитке бармамакъ ичюн таш олды.

Шимди исе къыз эеджан дуймакъта, онынънен берабер, санки, Къызылташнынъ табияты да бу севги муитте ачыла, чечеклеше. Языджи табиятнен къызынынъ ички дюньясыны айдынлатмакъ ичюн къуллана:

«Къушларнынъ чивильдешмеси, кунешнинъ алтын ышыкълары, денъиз, кой ве аят мавы кокнинъ астында ойле гузель, ойле хош эди ки, Айшенинъ яш къальбини ойле де бир саргъан эди ки, бутюн бу эеджанны тёмек, къуванмакъ ихтияджынен бир шейлер япмакъ истей эди. Чапмакъ, къычырмакъ, яхут ерге ятып, топракъны, аятны атешин дудакъларынен опьмек...» [2, 41].

«Олар куньдюзнинъ ве кунешнинъ, сыджакъ ве сувукънынъ, къар ве аязнынъ, ягъмур ве рузгярнынъ балалары эдилер».

Табият языджинынъ, къараманларнынъ образларыны айдынлатмакъ ичюн, биринджи ярдымджысыдыр. Койге эки ят инсан кельгенини къызылташлылардан эвель айны шу табият сезе бильди. Яни, языджи, табиятнынъ денъишмесинен инсанларгъа ишмар этмеге тырышты. Олар ичюн энъ агъыр вакъытларда языджи васта оларакъ табиятны ишлетип оларны, санки, эвельден тенбийлемеге, телекюлерден сакъламагъа тырыша. Иван Айшеге уджюм эткен куню, ава, дерсинъ, хавфыны дуймакъта эди:

«Бирден Дегирменкойнинъ артындан толу демир ренкине, къырмызыгъа ошап кельген бир башкъа явуз булут котерильди, къыврыларакъ кечитке ятты, рузгярларгъа къарышып, къыврыла-къыврыла кунешнинъ юзюни къапатты. Эки явуз булут эки яман аскер киби Романкъошнынъ устюнде къаршы-къаршыгъа келип турдылар. Кунеш сёнди, рузгярлар сусты. Къаршы-къаршыгъа тургъан эки адждера булутнынъ арасында сим-сия, кучюк-кучюк булут парчалары бинълернен къаргъалар киби Къызылташнынъ устюне учуштылар. Сонъра уджюм башлады. Булутлар токъуштылар, мутхиш агъызларыны ачтылар, бири-бирилерине къырмызы тиллерини косътердилер... ве кок гудюрдеди» [5, 34].

Айше Къызылташнынъ баласы эди, о, омрюнинъ ильк саниелеринден бу койнинъ авасы иле нефес алды, ильк адымларны бу топракъгъа атты, озъ сырлы ойларыны, арзуларыны мындаки озенлерге айтты. Озенлер дикъкъат иле динълеп, къызынынъ бутюн дертлерини сув иле алып кеттилер. Шимди де, бу вахшийликтен сонъ, онъа теселли бермеге, юрек аджысыны йымшатмакъ истей:

«Ягъмур тынды. Денъизден эскен къуру, сыджакъ рузгярлар Айшенинъ ченгелерине тёмюльген сачларыны охшайлар» [5, 38].

«Къаранлыкъ сабагъадже Айшени дингледди, Айшенинъ асретини чеккен киби ёргъун чамларгъа буздан чечеклер такъы чекильди...» [10, 17].

Кала Мала Иваннен койге адым аткъанынен къызылташлыларнынъ аяты бир фаджиагъа чевириле. Джынгъыз Дагъджды озь аятыны тасвир эткенде, дей ки, бу вакъытта Къызылташ бам-башкъа ола. Къомшу къомшуны, сой союны танымай. Асырлар девамында къурулгъан яшайыш бир-эки ай ичинде дарма-дагъын ола. Бу вакъианнынъ микъясни косътермек ичюн, яzydжы кене де табиаткъа мураджатта булуна:

«Иван бу койге аякъ басмасынен койнинъ авасы ава, суву сув, адамлары адам олмады. Эр шей денъишип башлады: айванлар, адамлар, ёллар, тарлалар. Топракъ да, кок да бам-башкъа олды. Язнынъ ортасында ягъмурлар ягъа, дели боранлар эсе, къыш башында тарлаларда иш биткен девирде кокте кунеш орталыкъны якъып къавурмакъта» [6, 3].

Шу ерде табиат биле даянып оламады, зельзеле юзберди. Санки, инсанларны уятмакъ, козьлерини ачмакъ истеди:

«Дагълар текрар гудюрдеди. Эвлер, адамалар думанлар ичинде бири-бирине къарыштылар. Йыкъылгъан, девирильген къаяларнынъ, гудюрдилернинъ, дагъларнынъ дев сеслери ичинде феръядлар, инъильтилер эшитильмей эди. Имдат ёкътыр» [7, 11].

бизим фикримизге коре, бу зельзеле инсанларгъа бир ишмар киби ёлланылды. Къара куньлернинъ башланмасыны бельгиледи. Буюктен-буюк фаджиаалар тамам небеттеки куньден башлана. Оларнынъ къокъусы атта авадан дююлмакътадыр. Къызылташлылар бири-бири артындан топракъкъа бериле: Ремзи, Бекир, Сабри, Чиленгир, Энвер...

«Артыкъ кимсе Аювдагъгъа Аювдагъ демей, Келинкъаянынъ ады анъылмай, къаянынъ учурымына япышкъан дегирменкойлю заваллы таш келинни кимсе коръмей. Топкъаянынъ, Яманкъаянынъ, Чаталкъаянынъ адларыны кимсе бильмей» [11, 23].

Нетидже. Бу тедкъикъат узеринде чалышкъанда, анъладым ки, Джынгъыз Дагъджды, керчектен де, озь ишининъ устасыдыр. Омюрнинъ буюк бир къысмыны четэльде яшаса да, о, Къырым ве къырымтатарларнынъ озьгюнлигини пек индже косътере. Айрыджа къайд этмек керек ки, озь эсерелеринде, хусусан «Олар да инсан эди» романында, яzydжы буюк бир усталыкънен табиат васталарынен къуллаана. О, бу бедий васталарнен къулланыркен, баш къараманларнынъ ички дюньясыны бизлерге теренден анълата. Ич бир шубе къалмады ки, Джынгъыз Дагъдждынынъ эсерлеринде табиат пек муим роль ойнай. Ве тамам онъа мураджаат этип, яzydжы бизге о девирде олып кечкен адиселер акъкъында тафсиляты суретте малюмат бере.

Илериде биз Джынгъыз Дагъдждынынъ эсерлери боюнджа ишимизни девам этмеге ниетленемиз. Чюнки бугуньки куньде онынъ эсерлеринден тек уфакъ бир къысмы талиль этильгендир. Тюшюнемиз ки, бойле тедкъикъатлар окъуйыджыда меракъ уяндырып, онъа эсернинъ манасыны теренден анъламагъа ярдым этер. Шу-бесиз, онынъ романлары тамам ойле, яни теренден огренмек керек.

Эдебият:

1. Дагъдгы Дж. «Onlar da insandi» [роман]. / Джынгъыз Дагъдгы. – Станбул: Отюкен, 2010. – 459с. – ISBN 978-975-437-004-4.
2. Дагъдгы Дж. «Олар да инсан эди» [роман]. / Джынгъыз Дагъдгы; [Ю. Кандымнынъ терджимеси] – Йылдыз. – 1992 – №5-6 – 9-53с.
3. Дагъдгы Дж. «Олар да инсан эди» [роман]. / Джынгъыз Дагъдгы; [Ю. Кандымнынъ терджимеси] – Йылдыз. – 1993 – №1- 127-160с.
4. Дагъдгы Дж. «Олар да инсан эди» [роман]. / Джынгъыз Дагъдгы; [Ю. Кандымнынъ терджимеси] – Йылдыз. – 1993 – №2 – 52-95с.
5. Дагъдгы Дж. «Олар да инсан эди» [роман]. / Джынгъыз Дагъдгы; [Ю. Кандымнынъ терджимеси] – Йылдыз. – 1993 – №3 –15-63с.
6. Дагъдгы Дж. «Олар да инсан эди» [роман]. / Джынгъыз Дагъдгы; [Ю. Кандымнынъ терджимеси] – Йылдыз. – 1993 – №4 – 3-51с.
7. Дагъдгы Дж. «Олар да инсан эди» [роман]. / Джынгъыз Дагъдгы; [Ю. Кандымнынъ терджимеси] – Йылдыз. – 1993 – №5-6– 3-40с.
8. Дагъдгы Дж. «Олар да инсан эди» [роман]. / Джынгъыз Дагъдгы; [Ю. Кандымнынъ терджимеси] – Йылдыз. – 1994 – №2 –3-34с.
9. Дагъдгы Дж. «Олар да инсан эди» [роман]. / Джынгъыз Дагъдгы; [Ю. Кандымнынъ терджимеси] – Йылдыз. – 1994 – №4 –3-42с.
10. Дагъдгы Дж. «Олар да инсан эди» [роман]. / Джынгъыз Дагъдгы; [Ю. Кандымнынъ терджимеси] – Йылдыз. – 1994 – №5 –3-24с.
11. Дагъдгы Дж. «Олар да инсан эди» [роман]. / Джынгъыз Дагъдгы; [Ю. Кандымнынъ терджимеси] – Йылдыз. – 1994 – №6 –3-31с.
12. Дагъдгы Дж. «Джынгъыз Дагъдгы в воспоминаниях» (Пером самого писателя) [Электронный ресурс] / Джынгъыз Дагъдгы; [пер. с турецкого А. Эмирова] – Режим доступа к книге: <http://www.emirova.com/translations/dagci/dagci-soderzhanie.html>. – Название с экрана
13. Къуртумеров Э. Э. Къырымтатар иджрет эдебияты/ Къуртумеров Э. Э, Усеинов Т. Б, Харахады А. М. – Симферополь: 2002. – 168-188с.

Акиева А. З. Природа, как литературное средство, в романе Джынгъыза Дагъдгы "Они тоже были людьми" / А. З. Акиева // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 225–230.

Первоначальной идеей написания данной статьи является анализ романа «Они тоже были людьми» известного крымскотатарского писателя Джынгъыза Дагъдгы. В результате проведенной работы было найдено множество художественных средств, использованных автором в написании романа. Цель данной работы – обозначить в произведении место природы, как художественного средства, отдельно отметив её связь с героями романа. В статье дается краткая информация о жизни и деятельности Джынгъыза Дагъдгы. Далее говорится непосредственно о романе «Они тоже были людьми». Основная часть статьи затрагивает анализ использованных в романе художественных средств, главным из которых является природа. В романе прослеживается варьирование в применении данного литературного средства. В процессе изменения событий, характеров героев, изменяется и линия природы. В статье указаны отрывки из романа, которые доступно раскрывают суть данной темы.

Ключевые слова: Джынгъыз Дагъдгы, анализ, роман, герои, природа, художественное средство.

Акієва А. З. Природа, як літературний засіб, в романі Джинг'иза Даг'джи "Вони теж були людьми" / А. З. Акієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 225–230.

Початковою ідеєю написання даної статті є аналіз роману «Вони теж були людьми» відомого кримськотатарського письменника Джинг'иза Даг'джи. В результаті проведеної роботи було знайдено безліч художніх засобів, використаних автором у написанні роману. Мета даної роботи – позначити у творі місце природи, як художнього засобу, окремо відзначивши її зв'язок з героями роману. На початку цієї статті надається коротка інформація про життя і діяльність Джинг'иза Даг'джи. Далі йдеться безпосередньо про роман «Вони теж були людьми». Основна частина статті охоплює аналіз викори-

станих у романі художніх засобів, головним з яких є природа. У романі простежується варіювання в застосуванні даного літературного засобу. В процесі зміни подій, характерів героїв, змінюється і лінія природи. У статті вказані уривки з роману, які доступно розкривають сутність даної теми.

Ключові слова: Джинг'из Даг'джи, аналіз, роман, герої, природа, художній засіб.

Akieva A. Z. In the novel, Cengiz Dagdzhy "They, too, were human" nature, the literary agent / A. Z. Akieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P.

The original idea of writing this article is to analyze the novel "They, too, were people" known Crimean Tatar writer Dzhyngyz Dagdzhy. As a result of this work it was found many artistic means used by the author to write a novel. The aim of this work – the place designated in the product of nature as art medium, separately noting its relationship with the characters of the novel. The first part of the article provides a summary of the life and work Dzhyngyz Dagdzhy. Further says about "They, too, were men. " The basic part concerns the analysis used in the novel, the creative chief of which is nature. The novel traces the variation in the application of the literary agent. In the process of changing events, the characters, changing the method of using nature as a literary agent. In the article are excerpts from the novel, which is available reveal the essence of the topic. It was considered all the means of nature, earth, trees, sea, rocks. Their role in the novel has been confirmed sentences of the novel. They hid all the details of the writer of events. It should be noted that it is a fact of nature, like the art facility helps us to learn all the material accuracy described in the novel. In addition, the article includes a variety of photos that will help the reader to penetrate more deeply into the essence of the novel.

The article indicates that the writer's life is closely related to the description in the novel. We can say that the writer describes his life. Thus, he was able to give us all the experiences of the characters and was able to describe everything in minute detail. It is noted that the writing was really talented as repeatedly resorted to the use of nature, it opens up the characters available.

After reading the novel "They, too, were the people", we mean that the writer's lifelong dream of returning to the Crimea. However, with this article, it is clear that he returned to Crimea after death.

The article excerpts from the novel are set out in chronological order. That is, the reader can feel the exact line between events of the "before" and "after. " With the great talent of the writer describes the transition from a beautiful, peaceful life for fussy day that awaited by local residents. These points also confirmed fictitious passage

The article also indicates the relevance of the topic and conducted early research on which I rested while working on this novel. Before proceeding the study, I examined the materials of the Crimean Tatar Library named after I. Gasprinsky, a number of electronic publications. Including book Dzhyngyz Dagdzhy "In his memoirs. Pen of the writer. " It was this book helped me to plunge into the world of the writer and to fully understand exactly what he wanted to convey to the reader, showing the nature Gurzuf and Kyzyltash. It was also indicated future plans to work on creativity Dzhyngyz Dagdzhy. To finish the article I summed up the research.

Keywords: Dzhyngyz Dagdzhy, analysis, romance, heroes, nature, artistic tool.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 521. 145 «13/18»

СУФИЗМ И КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ ДИВАНА

Абдульвапов Н. Р.

*НИЦ крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры
при РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»
E-mail: Lale64@mail. ru*

В статье исследуется проблема влияния ислама и, в особенности, суфизма на формировании художественного языка, образной системы, общей эстетики и литературного этикета одного из основных направлений крымскотатарской поэзии Ханского периода (XV–XVIII вв.) – поэзии дивана. Различные аспекты темы анализируются на примерах творчества Газаи, Фейзи Кефеви, Саид Герая и др.

Ключевые слова: суфизм, крымскотатарский, поэзия дивана, религиозно-суфийская лирика

Постановка проблемы. Суфизм и поэзия дивана – одна из наиболее популярных тем тюркского литературоведения. По этому поводу имеется довольно многочисленная литература, практически ни одно исследование, посвященное творчеству того или иного поэта дивана не обходится без суфийских экскурсов и комментариев. Особенно ярко это проявляется в турецком литературоведении, где в последние два десятилетия наблюдается своего рода издательский бум, вводящий в обиход огромное количество произведений османской классики, в том числе, десятки «Диванов» самых различных авторов [19; 24]. Обращает внимание и значительный рост количества фундаментальных монографических исследований по теме. Из последних отметили бы монографию К. Устюнера «Суфизм в поэзии дивана. (На основе “Диванов” XIV–XV вв.)» [39], а также чрезвычайно квалифицированный труд М. Э. Кылыча – «Суфий и поэзия. Поэтика османской суфийской поэзии» [33]. Из этой же категории системных исследований, указали бы и на первые основательные опыты составления трудов справочного характера, в частности, фундаментальное исследование М. Аккуша «Содержательный мир тюркской классической поэзии. Литературные жанры и разновидности» [17].

На этом фоне обращает внимание весьма слабая разработанность темы в отечественной тюркологии, в первую очередь, применительно к довольно богатому материалу, представленному крымскотатарской поэзией периода Крымского ханства (XV–XVIII вв.). Последняя, как известно, развивалась в теснейшем контакте с османской литературой соответствующего периода, можно с уверенностью говорить о едином литературном поле, этикете, классиках. В советское время исследования в области средневековой крымскотатарской поэзии по известным причинам не были приоритетными, ныне же они довольно активно развиваются в Крыму. Впрочем, проблематика собственно религиозно-суфийского влияния на крымскую поэзию дивана продолжает оставаться неисследованной. Из публикаций, лишь так или иначе касающихся отдельных аспектов темы, отметим работы Сейтягьяева Н [11; 12], Усеинова Т [13; 14]. и Абдульвапова Н [1; 2; 3].

Серьезным подспорьем в данном вопросе выступают, опять же, исследования турецких ученых. Именно в турецких архивах сохраняется наиболее многочисленная часть крымскотатарского литературного наследия османского периода – ценные рукописи крымских поэтов, литераторов, историков, богословов и мистиков. В последние годы в Турции был осуществлен целый ряд интересных публикаций крымскотатарской поэзии, в том числе и религиозно-суфийского содержания. Это касается, в частности, «Диванов» и отдельных произведений поэтов Мюдами (XVI в.) [34], Хусейина Кефеви (ум. 1601) [31], Фейзи Кефеви (ум. 1614) [22; 23], Саид Герая (XVIII в.) [37], Халим Герая (ум. 1823) [21]. и др. К этому добавим более раннее, ставшее классическим исследование И. Х. Эртайлана о поэтическом творчестве крымского хана Гази Герая II (ум. 1608), в котором было уделено особое внимание религиозной лирике автора [26]. Таким образом, в распоряжении специалистов ныне имеется достаточно обширная литературная база, позволяющая исследовать, в том числе, и проблемы религиозно-суфийского влияния на поэзию крымского дивана. Определение основных аспектов этого влияния и явилось **целью** данной статьи.

В современном турецком литературоведении существуют два подхода к определению понятия «литература дивана» (параллельные названия: «дворцовая литература» (*saray edebiyati*), «классическая» (*klassik edebiyat*), «литература высшего (просвещенного) сословия» (*yüksek zümre edebiyati*) и др [132, 389]) в широком смысле, под литературой дивана подразумевается весь корпус тюркских письменных художественных памятников мусульманского периода, за исключением образцов т. н. «народной литературы» (*halq edebiyati*) в более же строгом смысле, речь идет лишь о лирике, сформировавшейся под значительным влиянием персидской поэзии. Обратим внимание на то, что само выражение «литература дивана» до последнего времени использовалось лишь по отношению к анатолийской, еще вернее, османской литературе [18, 390].

Литература дивана, создав первые образцы в XI–XII вв. (Юсуф Баласагуни, Эдип Югнеки) и пройдя этап становления в XIII–XIV вв, окончательно оформилась к середине XV в [18]. Огромное влияние на эти процессы было оказано суфизмом и суфийской литературой.

В отношении генезиса этого влияния, стало традицией говорить о памятниках анатолийской литературы XIII–XIV вв, заложивших основу для развития всех трех основных направлений средневековой тюркской литературы (литература дивана, суфийской обители (*tekke edebiyati*) и ашыкская). Подавляющее большинство из них – либо суфийского содержания, либо написаны под огромным влиянием соответствующих идей [4]. Среди них одно из основных мест принадлежит поэзии Джеляледдина Руми – его «Месневи» и, даже в большей степени, «Большому дивану» («*Диван-ы Кебир*») [7]. То же самое наблюдаем на примере и других тюркских литератур этого периода: здесь так же весьма значителен пласт памятников суфийского содержания [9].

Вышеупомянутое персидское влияние также привлекает своей суфийской составляющей. Достаточно указать на имена Низами, Аттара, Санай, Руми, Саади, Хафиза [6; 8].

А. Гельпынарлы на вопрос: «Можно ли отделить суфийскую литературу от литературы дивана?», замечает: «В литературе дивана, практически у каждого поэта, включая даже Недима, присутствуют склонность к суфизму. <...> Если собрать из творчества поэтов дивана стихи, написанные в полном соответствии с суфийскими идеями или же касающиеся тех или иных суфийских основ, образуется фундаментальная антология суфийской литературы» [28, 161].

М. Э. Кылыч в отношении неразрывной связи суфизма и литературы дивана, употребляет весьма емкое сравнение, что если представить османскую поэзию (имеется ввиду именно поэзия дивана – Н. А.) телом организма, душой (*рух*) ее будет суфизм. В таком случае история литературы (дивана) становится неразрывно связанной с историей суфизма [33, 39].

Одним из путей неослабного влияния суфизма на поэзию дивана являлось членство многих поэтов в различных суфийских братствах (тарикатах) в этой связи любопытны свидетельства о контактах поэтов дивана в стенах суфийских обителей. Так, И. Пала пишет о беседах на темы поэзии дивана в стенах мевлевийских текке [36]. Это и не удивительно, учитывая, что значительная часть наиболее известных османских поэтов дивана были мевлеви.

Суфизм оказывал влияние даже на формировании целых направлений в поэзии дивана. Примером тому может служить т. н. «поэзия индийского стиля» («*себк-и хинди*»), сформировавшаяся в значительной степени под влиянием суфийских идей братства накшибенди [15, 154].

Впрочем, членство в тарикате не было обязательным условием становления поэта дивана. Оказанное суфизмом в свое время влияние на формирование поэтики литературы дивана было настолько сильным, что эта поэзия могла отныне существовать параллельно, без продолжающейся «подпитки» (поддержки) со стороны обители. Более того, поэзия дивана со временем сама стала своего рода «языком суфизма». Характерны в этом отношении слова ученого К. Эрнста, абсолютно применимые в адрес и тюркской поэзии дивана: «Вполне можно было написать стихи в суфийской манере, не являясь практикующим мистиком. Не будет преувеличением сказать, что все крупные придворные персидские поэты XVII века писали стихи, полные суфийской образности, хотя немногие из них по-настоящему были связаны с суфийскими братствами» [16, 214].

Ещё более «категоричен» в этом вопросе известный английский востоковед Х. Гибб, автор одного из наиболее ранних фундаментальных исследований по османской литературе: «Практически все османские поэты либо суфии, либо люди, использующие язык суфиев» [27, I, 44]. И здесь же: «Поэты в основной своей массе суфии, суфии же – поэты» [27, I, 34].

Данную мысль проводит абсолютное большинство наиболее известных исследователей религиозно-суфийской литературы. Х. Юджель пишет, что «суфизм составляет корневую философию литературы дивана» [33, 38–39]. А. С. Левенд отмечает суфизм первым в ряду источников, «сформировавших язык, символы, метафоры (*mazmûn*), понятия (*mefhûm*) этой литературы» [33, 39]. В том же духе резюме И. Пала: «Суфизм стал одним из фундаментальных элементов поэтики дивана» [36, 57].

Таким образом, знание суфийской поэтики возводится в ранг наиболее важных требований для понимания поэзии дивана, без осознания которого адекватное понимание этой поэзии становится попросту невозможным. М. Кылыч в своей монографии приводит весьма характерные слова чешского востоковеда Яна Рипки из исследования, посвященного далеко не суфийскому османскому автору – «султану поэтов» Баки (XVI в.): «Бесспорной истиной является то, что практически все из прошлых поэтов выросли впитав, если можно так выразиться, молока суфизма. Это молоко повлияло на все их творчество. Как результат, не зная суфизма, понять что-либо в их поэзии невозможно» [33, 34].

Данные цитаты убедительно показывают, что суфизм оказал определяющее значение на формирование художественного языка и образной системы, общей эстетики поэзии дивана, его литературного этикета. Наиболее популярными элементами этого этикета стали понятия и символы т. н. «любовно-застольной» лирики. Суфизм придал вину (*şarab*) смысл «напитка божественной любви» (*ilâhiy aşq*), винному кабаку (*meyhane*) – места, где наслаждаются этой любовью, а именно, суфийской обители (*tekke*), виночерпию (*meyhaneci, saqi*) – духовного наставника (*murşid*), бокалу (*qadeh*) – сердца (*qalb*) ашыка и т. п. Во главе же этого ряда находится основная пара образов: объект любви, «возлюбленная» (*maşuq*) – Творец (Аллах) и «влюбленный» (*aşiq*) – его раб, полностью отдавшийся божественной любви и готовый на все во имя этого всепоглощающего чувства [18, 420].

Перечисление символов этой поэзии можно продолжить. Важно то, что этому поэтическому этикету отныне следовал каждый поэт, изменить его было не под силу никому, это было бы воспринято как неслыханный вызов традиции. В результате, поэт продолжал вещать сквозь эту оболочку символов. О. Ф. Акюн справедливо замечает, что даже такие высокопоставленные религиозные авторитеты, как османский шейхульислам, в жизни не испившие даже капли вина, со страстным воодушевлением воспевали в своих стихах вино и кабаки [18].

Долгое время границы в поэтике различных литературных направлений оставались достаточно размытыми. На это в свое время указывал Э. Джавелидзе: «На сегодня трудно чётко отделить друг от друга характерные элементы художественной системы литературы дивана и поэзии дервишей, так как сфера действия этих элементов не разграничена. Но мы можем смело говорить о том, что то или иное поэтическое выражение и поэтическая фигура более характерны и специфичны для дервишко-ашугской поэзии, нежели для литературы дивана и т. п.» [5, 195].

Эта проблема в значительной мере сохраняет свою актуальность и ныне. Решается она отчасти тем, что в литературе дивана стали выделять два блока памятников: светского (*din-tışı divan edebiyati*) и религиозно-суфийского (*diniy-tasavvufiy divan edebiyati*) содержания [35, 20]. Однако, это деление в значительной степени относительно, поскольку и на светской поэзии дивана также однозначно присутствует печать суфийской поэтики.

В указанном исследовании М. Аккуша среди более пятидесяти образцов жанров, жанровых форм и разновидностей (*тиюр*) поэзии дивана не менее тридцати являются образцами собственно религиозного содержания, в том числе: *тевхид* (гимн величию и единству Творца), *мунаджат* (обращение к Богу с молитвой), *нат* (пане-

гирик Пророку Мухаммеду), *шефаат-наме* (обращение к Мухаммеду о заступничестве в Ссудный день), *мевлид* (поэма о рождении Мухаммеда), *мираджие* (поэма о вознесении Пророка к престолу Бога), *хилье* (поэма о физическом облике, возвышенных качествах и образцовых деяниях Мухаммеда), *газа-наме* (стихи на тему священной войны во славу Ислама), *менакиб-наме* (поэма агиографического содержания), *рамазание* (поэма о достоинствах священного месяца рамазан) и др [17]. Однако и из оставшихся значительная часть используются в религиозной лирике: *медхие* (хвалебная ода), *мерсие* (элегия), *неврузие* (разновидность «весенних» стихов, посвященных Неврузу – народному Новому году, приходящемуся на день весеннего равноденствия) и т. д. Это хорошо можно видеть на примере подробной классификации жанров религиозно-суфийской лирики, присутствующей в известном исследовании турецкого литературоведа А. Гузеля: из списка М. Аккуша в нем встречается 48 названий [29, 607–797]. Таким образом, лишь 5-6 жанров (*бахарие* (стихи о приходе весны), *ишрет-наме* (поэма о застолье), *хиджвие* (сатирические стихи), *фахрие* (стихи-самовосхваления), *теммузийе* (стихи о лете), *шитаийе* (стихи о зиме) и т. п.) можно считать чисто «светскими» жанрами. Однако и на их образной сфере очень часто так или иначе присутствует печать суфийской символики.

Поэтами дивана активно использовалась значительная часть жанров религиозно-суфийской лирики при составлении «Диванов». Соответствующие стихи, при этом, распределялись во всех частях сборников. Как правило, «Диваны» начинались с образцов именно возвышенных, религиозных жанров: *тевхид*, *мунаджат*, *нат*, *фазилет-наме* (хвалебные стихи в адрес «четырех праведных халифов» и других религиозных и суфийских авторитетов) и т. д. [18, 397].

В первой же части «Диванов» присутствовали и образцы хвалебных од – *касыд*, адресованных конкретным историческим лицам, различным государственным сановникам и представителям знати, благосклонностью которых старался заручиться поэт. Для многих подобных произведений мотивом-поводом, с которого начиналась ода (*гиризях*), служили именно религиозные сюжеты (например, наступление того или иного месяца исламского календаря, в связи с чем в этой части оды описывались различные события мусульманской истории, имевшие место в этом месяце и т. д.). Исходя из этого мотива, касыды получали и свои наименования. Примером может служить *рамазание* – касыда, начинающаяся описанием соответствующего месяца поста и начала ниспослания Корана и т. д. [32].

Присутствовали произведения религиозно-суфийского содержания и в основной, наиболее многочисленной части «Дивана», отражавшей непосредственно внутренний мир поэта, – среди газелей. Здесь встречались два типа стихотворений: газели с явными признаками наиболее популярных жанров (*мунаджат*, *иляхи* и др.), а также менее выпуклыми характерными жанровыми особенностями, например, в стихах, содержащих различные лирические переживания поэта в религиозном духе.

Наконец, религиозно-суфийские мотивы могли присутствовать и в завершающей части «Диванов», состоявшей из наименьших форм поэзии – *рубайи*, *кыта*, *назым*, *бейит* и др. Здесь же необходимо сказать и о жанрах *муамма* и *люгаз* (поэтиче-

ских загадок на, соответственно, имя и предмет (или явление)), последние весьма часто были именно религиозного содержания [128].

Хорошим примером вышесказанному может служить «Диван» крымского поэта XVIII в. Саид Герая, в котором присутствуют образцы многих указанных форм и жанров [37]. То же самое можно сказать и о «Диване» шейха Фейзи Кефеве [23]. Отдельные образцы религиозной лирики в жанрах *мунаджат* и *тарих*, а также в формах *газель* и *кыта* присутствуют и в «Диване» Халима [21]. Образцы загадок *муамма* и *люгаз* религиозного содержания встречаются среди арузных стихов в «Диване» Ашык Омера [25].

Помимо «Диванов», поэты часто обращались к религиозным сюжетам при написании отдельных, относительно крупных произведений. Примером тому может служить поэма-месневи Газаи «Долаб» [26]. К религиозным стихам обращались и авторы прозаических произведений, в частности, исторических хроник в жанрах *тарих*, *теварих* и др, помещая их как в начале трудов (*тевхид*, *мунаджат*), так и в виде отдельных фрагментов малых форм (*кыта*, *назым*, *бейт*) в самих произведениях. Примером может служить *тевхид* во вступлении к «Розовому кусту ханов» Халим Герая [30, 8–9].

Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что среди поэтов дивана присутствуют множество представителей духовного сословия *улема* (кадии, кадыаскеры, муфтии, мудеррисы и т. д.), что, разумеется, не могло не отразиться на тематике их творчества [20].

Религиозно-суфийские мотивы весомо присутствуют в творчестве целого ряда крымских поэтов дивана: Абдульмеджида (XV в.), Газаи, Хусейина Кефеве, Фейзи Кефеве (XVI в.), Келими, Шахин Герая (XVII в.), Саид Герая, Рахми, Рамиза, Халим Герая, Рифата (XVIII в.) и др. Этого же следует ожидать и у многочисленных других авторов, остающихся малоисследованными.

Из известных поэтов весьма характерным является творчество Газаи (крымский хан Гази Герай II «Бора», ум. 1608) – известного крымского правителя, талантливого поэта, музыканта, композитора, каллиграфа, мецената. Литературное наследие Газаи до наших дней сохранилась не в полном объеме. Так, до сих пор не обнаружен «Диван» поэта, упоминаемый в некоторых источниках [26]. В распоряжении исследователей имеется лишь малый диван («*Диванче*»), а также отдельные поэтические фрагменты из различных рукописных сборников, находящихся в библиотечных собраниях Турции, России, Великобритании и других стран. В общей сложности, в настоящее время известны тексты около пятидесяти газелей, двух поэм-месневи («*Долаб*» («Мельничное колесо») и «*Гуль ве бульбуль*» («Роза и соловей»), еще одна поэма, «*Кахве ве баде*» («Кофе и вино») остается найденной), а также ряда писем в стихах и художественной прозе [26]. В жанровом отношении творчество Газаи весьма разнородно: наряду с достаточно привычными образцами любовной, любовно-философской и военно-походной лирики, мы встречаем здесь блестящие по художественному мастерству, остроте пера и значимости общественных мотивов образцы сатиры – *хиджвие*.

Говоря о религиозной лирике поэта, необходимо отметить однозначное присутствие у него соответствующей религиозной культуры. Ряд фактов свидетельствует о

благоволения Газаи суфизму, хотя сведения о его принадлежности какому-либо суфийскому тарикату в настоящее время отсутствуют. В творчестве поэта присутствуют, прежде всего, произведения дидактического содержания – проникнутые мотивами религиозно-философских размышлений о сути человеческого предназначения и взаимоотношений человека с Творцом, а также содержащие различные наставления в исламском духе. Среди подобных произведений отметим ряд газелей и поэму-месневи «Долаб» («Мельничное колесо») на тему исламского понятия «кадер» («предопределение») [26].

Встречаем у Газаи и суфийские мотивы. На это в свое время указывал И. Х. Эртайлан, отмечая, что у Газаи присутствует суфийский символизм и восторженные мистические настроения, вызывающие в памяти имена наиболее значительных суфийских подвижников [26, 34]. Мистические мотивы встречаем в целом ряде газелей Газаи. В одной из них он даже преподносит себя как человека, которому «явны смыслы всех имён» и который «покорил вселенную, казнив коварного “врага” своего эго» [там же]. Обращает внимание упоминание в одной из газелей ордена мевлеви. Заметны в газелях Газаи и эпикурейские (*rintlik*) мотивы.

Еще одним весьма характерным примером присутствия религиозно-суфийских мотивов в поэзии крымского дивана может служить творчество вышеупомянутого поэта (и историка) саид Герая (ум. после 1767 / 68 г.) сын крымского хана Саадета III, он получил известность в должности сераскера Едисана [37]. «Диван» Саида был в свое время достаточно популярным. В весьма похвальном ключе о нем отзывался, в частности, французский консул в Крыму в середине 1750-х гг. Шарль де Пейссонель [10].

Рукопись «Дивана» Саид Герая сохранилась в Турции, здесь же он был опубликован в 2001 г. в латинской графике и в последние годы стал объектом исследований [37]. В частности, работавший с «Диваном» О. Тавукчу отмечает незаурядный талант автора, представляющего направление т. н. «индийского стиля» – «*себк-и хинди*». Исходя из некоторых фактов биографии и отдельных указаний на то в стихах, автор предполагает принадлежность поэта ордену накшибенди [28].

В «Диван» Саида вошло более 200 произведений на самые различные темы. В нашем контексте привлекает внимание целый ряд образцов крупных жанров. Так, в начальном разделе поэм-месневи присутствуют три поэмы в жанрах *тевхид* (слово-словие Творцу, 68 бейтов), *нат* (ода Пророку Мухаммеду, 29 бейтов) и *фазилет-наме* (ода четырем «праведным» халифам, 26 бейтов) в разделе касыд так же присутствуют две оды на религиозные сюжеты: *мираджие* (поэма о вознесении Пророка, 69 бейтов) и еще один *нат* в виде *рамазание* (60 бейтов). Помимо этого, в «Диване» встречаем и отдельные газели религиозного содержания. Особого анализа требуют также многочисленные стихотворения, лишь содержащие те или иные религиозно-мистические мотивы или же несущие печать суфийской символики.

Выводы и перспективы исследования. Выше были исследованы основные аспекты религиозно-суфийского влияния на формирование поэтики одного из основных направлений крымскотатарской поэзии ханского периода – дивана. Значимость указанного влияния привело к выделению в поэзии дивана отдельного, весьма многочисленного блока памятников – религиозно-суфийского содержания (*diniy-tasavvufiy*

divan şiiri) суфизм оказал колоссальное влияние на формирование литературного этикета, художественного языка, образной системы поэзии дивана. По свидетельству многочисленных исследователей, без понимания суфийской поэтики понимание основ поэзии дивана является невозможным. Поэты дивана активно использовали многочисленные жанры религиозно-мистической лирики, да и стихи не религиозного содержания в значительной степени были пропитаны исламской образностью и суфийской символикой. Религиозно-суфийские мотивы весьма значимо присутствуют в творчестве целого ряда известных крымских поэтов дивана, этого же следует ожидать у многочисленных других авторов, остающихся малоисследованными. Тема требует монографических исследований – как обобщающего характера, так и по каждому автору или же жанру отдельно. Тому залог все увеличивающееся количество публикаций литературного материала, а также совершенствование методов анализа соответствующих проблем в зарубежной и отечественной тюркологии.

Литература:

1. Абдульваап Н. Шахин Герай ве кьальп шеклиндеки гъазели / Н. Абдульваап // Ыылдыз. – 2007. – № 1. – С. 127–141.
2. Абдульваап Н. Р. Био-библиографические исследования османских авторов конца XIX – начала XX вв. как источник по истории крымскотатарской религиозно-суфийской литературы / Н. Р. Абдульваап / Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2010. – Выпуск 23 (Филологические науки) – С. 85–90.
3. Абдульвап Н. Суфизм в Крыму и крымскотатарская религиозно-суфийская литература: основные направления исследований / Н. Абдульвап / Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы. КИПУ. Сборник. Т. 1 / [сост. Киримов Т. Н.] – Симферополь: КРИ «Издательство Крымчпедгиз», 2011. – С. 135–158.
4. Гарбузова В. С. Турецкая поэзия XIII – первой четв. XX в. (Основные этапы развития, проблемы творческой преемственности): автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра филол. наук: спец. 10. 01. 06 / Виринея Степановна Гарбузова. – Л, 1975. – 27 с.
5. Джавелидзе Э. Д. У истоков турецкой литературы. II. Юнус Эмре / Элизбар Дмитриевич Джавелидзе. – Тбилиси, 1985. – 300 с.
6. Крымский А. Е. История Персии, её литературы и дервишеской теософии. Ч. II / Агафангел Ефимович Крымский. – М, 1906. – 261 с.
7. Крымский А. Е. История Турции и её литературы. Т. I / Агафангел Ефимович Крымский. – М, 1916.
8. Крымский А. Е. Очерк развития суфизма до конца III в. Хиджры / Агафангел Ефимович Крымский. – М, 1895. – 49 с.
9. Очерки истории татарской общественной мысли. – Казань, 2000. – 191 с, ил.
10. Пейссонель, Шарль де. Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Лотошниковой, вступ ст, прим. и комм. В. Грибовского / Шарль де Пейссонель. – Днепропетровск: Герда, 2009. – 80 с.
11. Сейитяхья Н. Къырым диван эдебиятынынъ муэллифлери ве эсас хусусиетлери: умумий бакъыш / Н. Сейитяхья // Ыылдыз. – 2004. – № 4. – С. 65–105; № 5. – С. 83–108.
12. Сейтяг'яев Н. С. Короткий нарис історії кримської придворної літератури (XV–XVIII ст.) / Н. С. Сейтяг'яев / Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы. КИПУ. Сборник. Т. 1 / [сост. Киримов Т. Н.]. – Симферополь: КРИ «Издательство Крымчпедгиз», 2011. – С. 75–97.
13. Усеинов Т. Б. Религиозно-суфийская литература Крымского ханства / Размышления о поэзии Крымского ханства (Сборник статей) / Тимур Бекирович Усеинов. – Симферополь: «Оджакъ», 2005. – С. 116–122.
14. Усеинов Т. Б. Семантический аспект поэзии Газаи (газельное наследие крымского хана) монография / Тимур Бекирович Усеинов. – Симферополь: КРП «Издательство «Крымчпедгиз», 2008. – 140 с.
15. Шimmel А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Раппопорт / Аннемари Шimmel. – М. : Алетейа, Энигма, 2000. – 416 с. : ил.

16. Эрнст Карл В. Суфизм / пер. с англ. А. Горькавого / Карл В. Эрнст. – Москва: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 320 с. : ил.
17. Akkuş, Metin. Klasik Türk Şiirinin Anlam Dünyası. Edebi Türler ve Tarzlar / Metin Akkuş. – Erzurum, 2006. – 314 s.
18. Akün Ömer Faruk. Divân edebiyatı // İA. – C. 9. – İst, 1994. – S. 389–427.
19. Aşkar, Mustafa. Tasavvuf tarihi alanında yapılan doktora ve yüksek lisans tezleri bibliografyası / Mustafa Aşkar // Tasavvuf. – Sayı 4. – Eylül 2000. – S. 55–78.
20. Bursalı, Mehmet Tâhir. Osmânlılar Zamânında Yetişen Kırım Mü'ellifleri / Haz. : Mehmet Sarı / Mehmet Tâhir Bursalı. – Ankara, 1990. – 64 s.
21. Divân-ı Halîm Giray / Haz. : R. Toparlı, M. Sadi Çögenli. – Erzurum, 1991.
22. Eflatun M. Değişik bir na't örneği: Feyzi-i Kefevî'nin mütezâd kasidesi / Muvaffak Eflatun // Milli Folklor. – Yıl 15. – Sayı 58. – S. 129–132.
23. Eflatun M. Feyzi-i Kefevî Divanı: Tahlil-Metin. – Gazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. (Basılmamış Doktora Tezi) / Muvaffak Eflatun. – Ankara, 2003. – XI + 765 s.
24. Ercilasun Ahmet Bican. Yapılan konuşmaların genel değerlendirilmesi / Ahmet Bican Ercilasun / Cumhuriyetimizin 75. Yılı Münasebetiyle Cumhuriyet Döneminde Dil ve Edebiyat. Panel. 26 Ekim 1998. Van. Yüzüncü Yıl Üniversitesi. – İst, 2001. – S. 48–55.
25. Ergun S. N. Aşık Ömer. Hayatı ve Şiirleri / S. N. Ergun. – İst, 1936. – 95 + 444 s.
26. Ertaylan İ. H. Gazi Geray Han. Hayatı ve Eserleri / İ. H. Ertaylan. – İst, 1958. – 93 s.
27. Gibb E. J. W. Osmanlı Şiir Tarihi. C. I-II / E. J. W. Gibb. – Ankara, 1999.
28. Gölpinarlı A. 100 Soruda Tasavvuf. 2. Baskı / A. Gölpinarlı. – İst, 1985. – 199 s.
29. Güzel A. Dini-Tasavvufî Türk Edebiyatı. 3. Baskı / Abdurrahman Güzel. – Ankara, 2006. – 872 s.
30. Halîm Giray Sultan. Gülbün-i Hânân / Haz. : M. Sadi Çögenli, R. Toparlı. – Erzurum, 1990. – 254 s.
31. Kefeli Hüseyin. Râznâme (Süleymaniye, Hekimoğlu Ali Paşa No. 539) / Transcription and Facsimile Prepared by İ. Hakkı Aksoyak / Sources of Oriental Languages and Literatures 62 / Hüseyin Kefeli. – Harvard University. The Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 2004. – 367 p.
32. Kılıç, Filiz. Türk Edebiyatında Ramazan Şiirleri (Güldeste) / Filiz Kılıç, Muhsin Macit. – Ankara, 1995. – 198 s.
33. Kılıç, Mahmut Erol. Sufi ve Şiir. Osmanlı Tasavvuf Şiirinin Poetikası. 7 Baskı / Mahmut Erol Kılıç. – İst. : İnsan Yayınları, 2009. – 208 s.
34. Kol N. Kefeli Mustafa Müdâmî Divanı (16. yüzyıl): Tahlil-Metin. – Boğaziçi University. (Basılmamış Yüksek Lisans Tezi) / Nilüfer Kol. – İst, 2007. – 314 s.
35. Pala İ. Divan Edebiyatı. 5. Baskı / İskender. Pala. – İst, 2003. – 160 s.
36. Pala İ. Edebi Çehresiyle Mevlevîhâneler / İskender Pala // II. Milletler Arası Osmanlı Devletinde Mevlevîhâneler Kongresi. – 1993. – S. 55–60.
37. Saîd Giray Divânı (Hayatı, Sanatı, Divan Metni) / Haz. : Saadet Karaköse. – Denizli, 2001. – 189 s. + Metin.
38. Tavukçu K. XVIII. Yüzyıl Sebki-hindi şairlerinden Sa'id Giray'ın üslup özellikleri / Kemal Tavukçu // Uluslararası II. Türkoloji Kongresi. Bildiriler. (Kırım Mühendislik ve Pedagoji Üniversitesi, 22–24 Mayıs 2008) – Simferopol, 2009. – S. 210–219.
39. Üstüner K. Divan Şiirinde Tasavvuf (14. ve 15. yy. Divanlarına Göre) / Kaplan Üstüner. – Ankara: Birleşik Yayınevi, 2007. – 482 s.

Абдульвапов Н. Р. Суфізм та кримськотатарська поезія дивану / Н. Р. Абдульвапов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 231–240.

У статті досліджується проблема впливу ісламу і, особливо, суфізму на формування художньої мови, образної системи, загальною естетики і літературного етикету одного з основних напрямків кримськотатарської поезії Ханського періоду (XV–XVIII вв.) – поезії дивану. Різні аспекти теми аналізуються на прикладах творчості Газаї, Фейзі Кефеві, Саїд Герая та ін.

Ключові слова: суфізм, кримськотатарський, поезія дивану, релігійно-суфійська лірика

Abdulvapov N. R. Sufism and Crimean Tatar Divan poetry / N. R. Abdulvapov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 231–240.

Islam and Sufism in particular had a decisive role in shaping the literary language and imagery system, general aesthetics of Divan poetry, its literary etiquette. Knowledge of Sufi poetics is one of the most important requirements that make possible the adequate understanding of this poetry. They distinguish two monument blocks of Divan poetry: secular (*din-tışı divan edebiyati*) and the poetry of religious and Sufi content (*diniy-tasavvufiy divan edebiyati*). However, the footprints of Sufi poetics can also be found in so called "secular" poetry too. The basis for this was laid by the authors like F. Attar, J. Rumi and others who contributed both the Tekke and Divan poetry. The fact that many poets of Divan quite often were members of different Sufi fellowships facilitated the above-mentioned process. The Mevlevi Order that gave the literature the largest number of poets is worth of special attention. However, the membership in the Tariqa was not a prerequisite of becoming a Divan poet. Sufi influence on formation of Divan literature poetics was so strong that this poetry eventually came to exist in parallel, without the continued support of the Sufi monastery. Moreover, later on Divan poetry became "the language of Sufism" itself. "Divans" of the representatives of this poetry contain a significant number of samples of the religious and Sufi lyric (Tevhid, Nat, Munajat, Mirajiye, Ramadaniye, etc.). Along with this, the religious subjects were used in numerous examples of the genre which were not religious and Sufi by definition. Religious and Sufi motifs are present in the works of a number of Crimean poets of divan: Abdulmejid (XV c.), Gazahi, Huseyin Kefevi, Feyzi Kefevi (XVI c.) Kelimi, Shahi (XVII c.), Said Giray, Rahmi, Ramiz, Halim, Rifat (XVIII c.), etc. This is to be expected in the works of many other poets who remain scarcely explored. Among well-known poets Gazahi is the author of a deeply religious poem "Dolab" and a number of gazelles in the genres of religious didactics. A significant part of the "Divan" by Feyzi Kefevi contains numerous examples of religious and Sufi poetry. A big part of "Divan" by Sayid Giray is also of Sufi religious content.

Key words: Sufism, Crimean Tatar, Divan poetry, religious and Sufi lyric

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР

ЧАСТЬ IV

Меметов А., Меметов И. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, АР Крым,
Украина*

В статье рассматриваются вопросы происхождения крымских татар и участие в их этногенезе древнейших жителей Крыма – тавров и скифов. Исследование предлагает комплексное сравнительное исследование хозяйственной деятельности, образа жизни, быта, материальной культуры, питания, одежды, верований и похоронных обрядов древних скифов, тавров, кимерийцев и некоторых средневековых и современных тюркских и иранских народов. Работа предоставляет дополнительные сведения для восстановления путей формирования крымскотатарского этноса, иногда подтверждая известные теории, а часто опровергая установившиеся взгляды и внося новые данные в историю этого народа.

Тавры входили в конфедерацию скифских племён, их язык относился, как и скифский, к тюркской кыпчакской семье языков. Внешний этноним тавро-скифы подчёркивает этническую близость этих двух народов.

Тавры не исчезли бесследно, как полагают некоторые исследователи, а вошли в состав крымскотатарского народа, который сформировался на Крымском полуострове.

Ключевые слова: тавры, Таврида, скифы, Скифия, крымские татары, этногенез, этноним, язык.

ТАВРЫ

Постановка проблемы. Тавры являются одним из древнейших коренных жителей Крыма. Они обитали на территории Скифии (точнее Малой Скифии) в предгорном и горном Крыму, а также на южном побережье Чёрного моря. От тавров и происходит древнее название горной и прибрежной части Крыма – Таврика, Таврия, Таврида.

Описывая территорию проживания тавров, Геродот отмечал: «Это – исконная Скифия, она начинается от устья Истра, обращена к югу и простирается до города, называемого Каркинитидой (совр. г. Евпатория – А. М.). Отсюда идёт гористая страна, лежащая вдоль того же моря. Она выдаётся в Понт (Чёрное море – А. М.) и населена племенем **тавров** вполоть до так называемого Херсонеса Скалистого (Керченский полуостров). Херсонес этот на востоке выступает в море. Подобно Аттике две четверти границ Скифской земли (на юге и на востоке) окружены морем. Тавры живут в части Скифии соответствующей Аттической земле...» [1]. Далее он продолжает: «За таврами опять живут скифы, частично дальше на восток на морском побережье, а частью на западе Киммерийского Боспора и озера Меотиды до

реки Танаиса (сов. Дон – А. М.), которая впадает в это озеро в самом дальнем его углу» [2].

Все последующие античные и средневековые историки и географы писали о том, что тавры живут в горной части Крыма. Страбон отмечал, что скифское племя тавров прежде занимало большую часть Крыма. Однако уже при Страбоне территория, занимаемая таврами, значительно сократилась из-за колонизации южного побережья Крыма греками, которые стали создавать на южном берегу укрепленные города. Так, Страбон в своей «Географии» писал: «Херсонесом владеют правители Боспора, хотя вся эта область опустошена постоянными войнами. Прежде они владели только небольшой частью страны около устья Меотиды и Пантикапея до Феодосии, а большую часть до перешейка и Каркинитского залива занимало **скифское племя тавров** (выделено нами – А. М.) вся эта страна, а также почти вся область за перешейком до Борисфена называлась Малой Скифией [3]. Из этого отрывка видно, что тавры были скифским племенем, следовательно, тавры, как и скифы, говорили на близкородственных языках. Прежде чем завоевать Херсонес грекам-колонизаторам пришлось вести длительные войны с таврами, которые мужественно защищали свои исконные земли и дома. В результате этих войн всё южное побережье Крыма было разорено и опустошено, а жители большей частью уничтожены.

Об этимологии слова *тавры* высказано несколько версий. Так, И. Н. Храпунов приводит две, по его мнению, наиболее вероятные гипотезы. Он пишет: «Полагают, что греки слышали как называют себя сами *тавры*. Это непонятное таврское слово напоминало им по звучанию греческое слово «быки». Так *тавры* получили своё греческое имя. Много веков спустя в Крыму так же поступили русские, переделывая непонятные крымскотатарские слова на свой лад. Река из Кара-Су превратилась в Карасевку, гора из Кош-Кая в Кошку, а деревня из Кады-Кой в совсем уж несуразную Кадыковку» [4].

Остановимся на анализе этой версии. Здесь сказано, что *тавры* называли себя *таврами*. Затем греки стали также называть их *таврами*. Значит слово *тавры* является этнонимом, то есть самоназванием тавров и его следует этимологизировать не на основе греческого языка, как делают предыдущие исследователи, а на базе таврского языка, являющегося близкородственным скифскому языку. Этимология слова *тавры* достаточно легко объясняется на базе тюркских языков, в том числе и крымскотатарского. Слово *тавры* состоит из трёх компонентов: тав+р+ы. Первый компонент *тав-* означает в тюркских кыпчакских языках, в том числе и в кыпчакизированном диалекте крымскотатарского языка «гора»; второй компонент –р – это усечённый вариант слова эр/ир «человек», «мужчина», «племя», «люди»; третий компонент -ы – притяжательный суффикс. Первоначально это слово звучало *тав-эр-ы*, затем тавры «люди, проживающие в горах», «горцы». Как видим, этноним *тавры* не имеет ничего общего с греческими «быками».

Для подтверждения своей версии приведём ещё несколько примеров. В Киргизии есть гора, которая называется *Ала-тау*. Первый компонент *ала* в древнетюркском языке означает «местность с летними пастбищами» [5]. Второй компонент тау (<древнетюркское тау) [6]. означает «гора». Название города Саратов также состоит из двух компонентов: сар(ы) «жёлтый» и тов<тав<тау «гора».

В древнегреческих источниках встречается название *тавроскифы*, которое является внешним этнонимом, т. е. не самоназванием данного племени. Называя *тавров тавроскифами* окружающие народы подчёркивали этническую близость этих двух народов.

Рассматривая переименованные крымскотатарские гидронимы и топонимы, истинный учёный должен выяснять истоки Карасевки, Кошки и Кадыковки, а не слепо этимологизировать данные названия на основе русского языка. К сожалению, так произошло с этнонимом *тавры*, который попытались неудачно объяснить на базе греческого языка.

«Автор другой гипотезы, пишет И. Н. Храпунов, обратила внимание на то, что Тавром греки и другие народы называли различные горы и горные системы. Например, так с древности и до настоящего времени именуется крупнейшая горная система в Малой Азии. Осваивавшие (завоевывавшие – А. М.) Крым греки могли, по аналогии с Малой Азией или другими местами, назвать Тавром Крымские горы. От гор получили свои имена живший в них народ – *тавры* и полуостров, на котором они расположены – *Таврика*» [7]. Эта версия вызывает ещё больше сомнений. Дело в том, что, как правило, сначала тот или иной народ поселяется на определённой территории, затем этой территории присваивается название данного народа. Так, например, скифы поселились на огромной территории – начиная с Танаиса (р. Дон) на востоке до реки Истр (совр. Дунай) на западе, с побережья Крыма на юге до Северного ледовитого океана на севере – затем вся эта территория была названа Скифией, а не наоборот. Турки – сельджуки завоевали Малую Азию в XI веке. Затем завоеванные турками территории стали называться Турцией, а не сперва данная территория была названа Турцией, а потом туда пришли турки.

Точно также русские сначала завоевали огромные территории, а затем назвали эти территории Россией.

Что касается Таврских гор в Малой Азии, которые тянутся вдоль турецкого побережья Средиземного моря от Эгейского моря к верховьям реки Ефрат, то, возможно, в этих горах также жили **тавры**. Об этом свидетельствуют каменные ящики (таврские гробницы), обнаруженные археологами недалеко от небольшого городка Кемер, расположенного на юго-западе Турции у подножья Таврских гор в 42 км. от Анталии. Они аналогичны таврским могильникам, открытым археологами на Главной гряде Крымских гор и на Южном берегу.

О близких взаимосвязях тавров и скифов свидетельствуют также археологи, которые занимались изучением содержания их захоронений. Так, И. Н. Храпунов пишет: «Вместе с погребёнными (таврами – А. М.) хоронили различные вещи. Короткие мечи – *акинаки*, *бронзовые* наконечники стрел и железные удила ничем не отличались от тех, что делали жившие в это время в степи *скифы*. Особенно многочисленны и разнообразны бронзовые украшения: кольца, браслеты, *височные подвески*, *гривны*, нашивавшиеся на одежду бляшки» [8].

Хозяйственная деятельность тавров не нашла должного отражения в письменных источниках античных авторов. Однако этот пробел в значительной степени можно восполнить данными археологических раскопок, которые были проведены в Предгорном и горном Крыму, между Севастополем и Феодосией, где открыто мно-

жество памятников, оставленных таврами. Это прежде всего поселения в Уч-баше (недалеко от Севастополя), Инкермане, Балаклаве, Ашлама-дере (рядом с Бахчисараем), Кизил-Кобе (Кизил-Кобинская археологическая культура получила своё название от пещеры Кизил-коба «Красная пещера»), Симферополе. Все эти поселения, как отмечают археологи, неукреплённые. Они были застроены небольшими полуземлянками и наземными домами, стены которых представляли собой обмазанный глиной плетень на бревенчатом каркасе. Рядом с постройками обнаружены многочисленные хозяйственные ямы, которые служили для хранения припасов. Исследователи отмечают, что в те времена, когда были уже широко распространены железные изделия, тавры всё ещё пользовались каменными топорами и кремневыми орудиями. При раскопках изредка находили бронзовые украшения и наконечники стрел, совершенно аналогичные обнаруженным в таврских каменных ящиках [9].

При раскопке таврских поселений археологи обнаружили огромное количество обломков вылепленных от руки сосудов. Среди них крупные корчаги, горшки разных типов, чаши, кубки, черпаки с ручками, дуршлаги или ситечки, стенки и донья которых имеют множество сквозных отверстий. «Особенно специфичны для кизил-кобинской культуры, пишет И. Н. Храпунов – сосуды с тщательно заглаженной, до блеска поверхностью, которая после обжига становится, чаще всего, чёрной, а иногда красной или коричневой. По ещё сырой глине острой палочкой или специальным штампом наносили орнамент и заполняли его белой пастой. В результате получались весьма колоритные изделия, на тёмной блестящей поверхности которых ярко выделялись белые узоры. Из кости делали иголки и другие, довольно примитивные орудия...» [10].

Во время раскопок поселений археологи обнаружили большое количество костей домашних животных, в основном, овец, коз и коров, а также остатки зёрен пшеницы, ячменя, фасоли и гороха. В связи с этим можно предположить, что тавры, оставившие кизил-кобинскую культуру занимались как скотоводством, так и земледелием.

Во многих горных и предгорных гротах найдены обломки кизил-кобинских сосудов. Полагают, что в этих местах из года в год останавливались пастухи-тавры, перегонявшие скот весной на яйлу «летнее пастбище, расположенное высоко в горах», а осенью – обратно в предгорье и долину.

Структурно слово *яйла* состоит из двух частей: *яй+ла*. Первый компонент *яй-* в древнетюркском языке означал «лето» (см. *jaǰ* в) [11]. Это слово в данной фонетической форме и в этом же значении сохранилось в современных азербайджанском (*яй* «лето») и башкирском языках (*йэй*) в современном крымскотатарском языке для обозначения «лета» используется слово *яз*, как и в большинстве современных тюркских языков: узб. *ёз*, тур. *yaz*.

Второй компонент *-ла* представляет собой сокращённый вариант тюркского словообразовательного суффикса *-liγ* (+*liγ*; +*luγ*, +*lüγ*, +*laγ* +*läγ*) образующего прилагательное со значением 1) обладания, наделённость по исходной основе, 2) принадл. Отнесённости по исходной основе; субстантивируется ... *jaγiǰliγ orun* «место жертвоприношений» (*jaγiǰ* «жертва, жертвенная пища») – [12].

Следовательно, *яйла* является древнейшим тюркским названием этой местности и оно, возможно, употреблялось таврами.

Сохранившаяся письменная информация о таврах, в основном, негативна. Античные авторы считали их разбойниками и пиратами. Так, Геродот, описывая обычаи тавров, отмечает: «У тавров существуют также обычаи: они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море следующим образом. Сначала они поражают обречённых дубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утёса в море, ибо святилище стоит на крутом утёсе, голову же прибавляют к столбу. Другие, соглашаясь, впрочем, относительно головы, утверждают, что тело тавры не сбрасывают со скалы, а передают земле. Богиня, которой они приносят жертвы, по их собственным словам, это – дочь Агамемнона *Ифигения*. С захваченными в плен врагами тавры поступали так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы «являются, по их словам, стражами всего дома. Живут тавры разбоем и войной» [13].

Более поздние авторы также считали тавров и скифов разбойниками и пиратами. Страбон писал: «Затем следует Древний Херсонес, лежащий в развалинах, и потом гавань с узким входом, где тавры (скифское племя) обычно собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался сюда бегством. Эта гавань называется Символон Лимен (совр. Балаклавская бухта – А. М.) и образует вместе с другой гаванью под названием Ктенунт перешеек в 40 стадий» [14].

Далее он продолжает: «... в те времена (во времена Гомера) это море было недоступно для плавания и называлось «Аксинским» («Негостеприимным» – А. М.) из-за зимних бурь и дикости окрестных племён, особенно скифов, так как последние приносили в жертву чужестранцев, поедали их мясо, а черепа употребляли вместо кубков. Впоследствии, после основания ионянами городов на побережье, это море было названо «Евксинским» («Гостеприимным» – А. М.) [15].

Следовательно, из сообщений древнегреческих авторов мы узнаём о том, что тавры средства к существованию добывали разбоем и грабежом, при этом грабили они в основном греков на суше и на море. Вряд ли такая характеристика тавров является объективной, так как с VII века до н. э. греки начали военные действия против тавров и стали постепенно завоёвывать южное побережье Крыма, где с древнейших времён проживали тавры. Будучи истинными патриотами своей страны, древнегреческие авторы, возможно, оправдывая завоевательные походы своих соплеменников, всячески пытались очернить местное коренное население, которое, естественно, оказывало упорное сопротивление завоевателям, защищая свои дома и земли. Выше уже было отмечено археологами, что тавры в Крыму занимались земледелием и скотоводством, т. е. вели мирный образ жизни. Вряд ли весь таврский народ жил за счёт разбоев и грабежей, в чем сумели убедить античные авторы, являющиеся представителями колонизаторов, значительную часть населения соседних народов, оправдывая военные действия против тавров. Таким образом, создали соответствующее общественное мнение. К сожалению, подобные высказывания критически не оцениваются и переписываются из одной работы в другую. Более того, некоторые современные авторы пошли ещё дальше. Приведём отрывок из одного подобного «сочинения» без указания автора: «Херсонес стал одной из греческих

колоний, созданных в северном Причерноморье в конце 6 в. до н. э. В 528 г. до н. э. жизнь горстки греков, заброшенных далеко от дома и родной страны была очень тяжёлой, жилищами служили им землянки, а средства к существованию они дабывали за счёт транзитной торговли и обработки скромных участков. Вокруг обитали враждебные тавры» [16]. Прочитав этот отрывок так и хочется заплакать и пожалеть «бедных» греков, которые были вооружены более современным оружием и вторглись на чужую территорию, разрушая и опустошая поселения тавров на всём южном побережье Крыма.

Наши предположения о том, что тавры не были пиратами и разбойниками подтверждаются также и археологическими раскопками. Так, археолог И. Н. Храпунов пишет: «Кстати говоря, сопоставление письменных и археологических источников порождает не разрешимую до сих пор загадку. Куда подевались вещи, добытые пиратами – *таврами*? Ведь именно ради античных ценностей они должны были рисковать жизнью, нападая на корабли *эллинов*. Между тем единственная категория вещей античного производства, найденная в могильниках из каменных ящиков – это стеклянные бусы, из-за которых рисковать, конечно, не стоило» [17]. Выводы одного из известных археологов Крыма довольно убедительны. Действительно, стоило ли пускаться в плавание по бурному Чёрному морю (к тому же «негостеприимному») и гоняться за греческими судами ради стеклянных бус? Более того, под большим вопросом остаётся сам факт наличия у тавров быстроходных судов, которые могли бы брать на бордаж греческие суда. Так как технически тавры были более отсталыми, и как было указано выше, они пользовались каменными топорами и кремневыми орудиями в то время, когда уже другие соседние народы широко использовали железные изделия.

Информацию о религиозных культах тавров, кроме описанного выше культа Девы, можно получить изучив археологические находки, принадлежащие таврам. Исследованием религиозных убеждений тавров занимался И. Н. Храпунов. В своей работе «Древняя история Крыма» он отмечает, что у тавров существовали святилища скотоводческого культа, где животных приносили в жертву своим богам. Об этом свидетельствуют артефакты, найденные в пещерах *Ени-сала* и *МАН*, которые состоят из большого количества костей животных и обломков кизил-кобинских сосудов. Эти сырые, холодные пещеры, расположенные в труднодоступных местах, вряд ли можно было использовать в хозяйственных целях. Поэтому полагают, что они использовались в качестве святилищ.

Как было уже отмечено выше, тавры, кроме скотоводства, занимались также и сельскохозяйственной деятельностью, выращивали различные культуры. Поэтому среди них были распространены и земледельческие культы. Об этом свидетельствуют найденные в пещере Кизил-Коба обломки сосуда с уникальным орнаментом (см. рис.). Учёные единогласно полагают, что этот орнамент связан с заботами древних обладателей этих сосудов о плодородии земли. Точки на сосуде, по всей вероятности, обозначают дождь, который жизненно необходим для занимающихся земледелием. Ломаные, зигзагообразные линии – это змеи, у многих народов символизирующие земные и подземные силы. Общий смысл всего рисунка, возможно, следующий: вверху расположено солнце – источник тепла, необходимый для роста растений; кап-

ли дождя орошают землю, дают живительную влагу. В результате должен получиться богатый урожай. К культуре плодородия земли, возможно, имеют отношение и примитивные скульптурки людей и животных, найденные при раскопках поселения *Шпиль*. Все они сделаны из слабообожженной глины, очень хрупкие, следовательно, бытовое применение их невозможно. Поэтому полагают, что эти фигурки могли использовать в культовых целях. Обычно их находят рядом с очагами, под ними, в них самих или в очажной золе, которую преднамеренно ссыпали в одно место. У разных народов очаг считался культовым центром дома, местом, где совершались обряды с жертвоприношениями. «В то же время, нельзя не отметить, пишет И. Н. Храпунов, что интересующие нас сейчас поделки найдены на поселениях людей, основу хозяйства которых составляло земледелие. Степные кочевые народы подобных вещей не делали» [18]. Описанные примитивные скульптурки людей и животных обнаружены учёными во многих скифских и сарматских поселениях, расположенных далеко за пределами Крыма – в Средней Азии, Казахстане и Южном Урале. Это свидетельствует о том, что значительная часть скифских и сарматских племён с древнейших времён вела оседлый образ жизни и занималась сельскохозяйственной деятельностью, вопреки утверждениям ряда исследователей, которые полагают, что все скифо-сарматские племена ведут кочевой образ жизни и легко покидают свои обжитые места. Эта ложная концепция легла в основу теории массового переселения народов. Можно ли себе представить, что целый народ или группа племён может покинуть места проживания без всяких на то серьёзных причин и переехать в другое совершенно незнакомое место? По крайней мере это неразумно.

Современные историки полагают, что к началу II в. н. э. тавры исчезли с исторической арены и были ассимилированы скифами, так как в материальной культуре *поздних скифов* таврское влияние выражено очень слабо.... Ведь ничего не известно о языке *тавров*... [19].

Самоназвание тавров свидетельствует о том, что они говорили на одном из тюркских западнокыпчакских языков, т. к. этноним *тавры* в тюркских языках означает «люди, проживающие в горах», «горцы».

В многочисленных работах, посвящённых Крыму, которые были опубликованы в советское время, сообщается, что тавры, киммерийцы, скифы и другие племена, проживавшие в Крыму, ассимилировали друг друга, а потом куда-то исчезли. Во второй половине 80-х годов прошлого столетия, когда стал вопрос о возвращении крымских татар из мест высылки на свою историческую родину, некоторые руководители Советского Союза были против их возвращения и дали задание историкам подготовить научное обоснование данному решению. Недобросовестные историки-консультанты тут же подготовили справку для работников ЦК КПСС о том, что крымские татары не являются коренными жителями Крыма; часть из них представляет собой потомков монгольских завоевателей, проникших в Крым в XIII веке, а другая часть – потомки анатолийских турков, переселившихся в Крым из Турции. Эта ненаучная точка зрения нашла своё отражение и в Большой Советской энциклопедии, на которую до сих пор ссылаются отдельные историки и даже сотрудники серьёзных научно-исследовательских центров стратегической безопасности Украины.

При изучении истории и этногенеза любого народа следует иметь в виду, что племена и народности, проживающие на данной территории, как правило, входят в состав формирующегося этноса. Следовательно, крымские татары, как этнос, сформировавшийся в Крыму, включил в свой состав потомков киммерийцев, тавров, скифов, сарматов, алан, готов, гуннов, а также остатки греков, генуэзцев и других племён. Об этом мы сообщали в своих исследованиях в конце 80-х – начале 90-х годов XX столетия [21].

К сожалению, наша точка зрения не была услышана современными историками и этнографами. Её никто не критиковал, её просто не заметили. Возможно, эти реалии не согласуются с их убеждениями, которые сформировались в советское время, когда крымские татары были вычеркнуты из списка народов СССР и не признавался даже сам факт их существования на территории Советского Союза.

В последние годы участие тавров в этногенезе крымских татар становится всё труднее отрицать, в связи с появлением новых лингвистических исследований, а также археологических материалов, подтверждающих в том числе и идентичность способа захоронения тавров в XI-X вв. до н. э. (умерших хоронили в сидячем положении – [20]) и крымских татар в XIX веке (покойников также хоронили в сидячем положении – [22]).

Участие тавров в происхождении крымских татар начали признавать в средствах массовой информации. Так, Д. Сильвестренко (Полюхович) в статье «Сомали отдыхает или пираты по-украински», опубликованной в Ежедневнике мировых событий «Эхо» [23], с сарказмом пишет: «Потомками тавров являются разве что крымские татары – народ, образовавшийся из коктейля разнообразных племён и этносов, населявших в разное время полуостров». Смеем заметить, что и в этносе других окружающих крымских татар народов не меньше коктейля.

Переосмысление истории Крыма, а вместе с ней и истории Украины в соответствии с вновь обнаруженными фактами и материалами как лингвистического, так и экстралингвистического характера необходимо для восстановления исторической справедливости.

Выводы и перспектива.

Итак, кратко суммируя всё сказанное о таврах, можно сказать следующее:

1. Древнейшие жители Крыма – тавры обитали в предгорном и горном Крыму, а также на южном побережье. Они вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и скотоводством. Выращивали пшеницу, чеснок, лук, чечевицу. Разводили в основном коз, овец и коров. Овец и коз летом пасли на яйле, а осенью перегоняли обратно в долину.

2. С VII в. до н. э. для тавров южного побережья начинаются серьёзные испытания. Греческие колонизаторы постепенно завоёвывают побережье Крыма, разрушают таврские поселения и строят укрепленные города.

3. Информация древнегреческих и ранних средневековых авторов о том, что тавры являются разбойниками и пиратами не подкрепляется археологическими исследованиями, так как ни в таврских поселениях, ни в таврских могильниках античных ценностей не обнаружено. Археологические данные подтверждают, что они занимались земледелием и скотоводством, т. е. вели мирный образ жизни.

4. Тавры входили в конфедерацию скифских племён, их язык относился, как и скифский, к тюркской кыпчакской семье языков. Об этом свидетельствует этимологизация самоназвания тавры, что в переводе с тюркского означает «люди, проживающие в горах», «горцы». Внешний этноним тавро-скифы подчёркивает этническую близость этих двух народов.

5. Тавры не исчезли бесследно, как полагают некоторые исследователи, а вошли в состав крымскотатарского народа, который сформировался на Крымском полуострове.

Литература

1. Геродот. Кн. IV. 99
2. Там же IV. 100
3. Страбон. Кн. VII. С. 284
4. Храпунов И. Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2007. С. 84
5. ДТС. С. 33
6. Там же С. 526
7. Храпунов И. Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2007. С. 84-85
8. Там же. – С. 73-74
9. Там же. – С. 77-78
10. Там же. – С. 78-79
11. ДТС. С. 226
12. Там же ДТС. С. 656
13. Геродот. IV. 103
14. Страбон. Кн. VII. С. 282
15. Там же Кн. VII. С. 273
16. История торговых путей Крыма. Крым. 2012. С. 16
17. Храпунов И. Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2007. С. 77
18. Там же. – С. 52
19. Там же. – С. 84
20. Там же. – С. 64
21. Меметов А. «Крымские татары». Историко-лингвистический очерк. Симферополь 1993. С. 23-24.
22. Г. Раде. С. 28
23. Ежедневник мировых событий «Эхо» (№13(849). 26. 03. 2012 – 04. 04. 2012

Меметов А. Походження кримських татар: Частина IV / А. Меметов, І. А. Меметов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 241–250.

У статті розглядаються питання походження кримських татар та участь в їх етногенезі найдавніших жителів Криму – таврів і скіфів. Дослідження пропонує комплексний порівняльний аналіз господарської діяльності, способу життя, побуту, матеріальної культури, харчування, одягу, вірувань і похоронних обрядів стародавніх скіфів, таврів, кіммерійців і деяких середньовічних і сучасних тюркських та іранських народів. Робота надає додаткові відомості для відновлення шляхів формування кримськотатарського етносу, іноді підтверджуючи відомі теорії, а часто спростовуючи усталені погляди і вносячи нові дані в історію цього народу.

Таври входили в конфедерацію скіфських племен, їх мова, як і скіфська, входить до тюркської кыпчакської сім'ї мов. Зовнішній етнонім тавро-скіфи підкреслює етнічну близькість цих двох народів.

Таври не зникли безслідно, як вважають деякі дослідники, а увійшли до складу кримськотатарського народу, який сформувався на Кримському півострові.

Ключові слова: таври, Таврида, скіфи, Скіфія, кримські татари, етногенез, етнонім, мову.

Memetov A. The Origin of the Crimean Tatars: Part IV / A. Memetov, I. A. Memetov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 241–250.

The article observes the questions of the origin of the Crimean Tatars and ancient inhabitants of the Crimea – Tauri and Scythians' participation in their ethnogenesis. The study provides a comprehensive comparative study of business, lifestyle, life, material culture, food, clothing, beliefs, and funeral rites of the ancient Scythians, Tauri, Cimmerians and some medieval and modern Turkic and Iranian peoples. Work provides additional information for how to build restoration of the Crimean Tatar ethnic group, sometimes confirming the known theories, and often rejecting the established views and introducing new data in the history of this nation.

Tauris were a confederation of Scythian tribes; their language belongs, as the Scythian, to Kipchak Turkic language family. External ethnonym Tauris emphasizes ethnic closeness of the two nations.

Tauris have not disappeared completely, as some researchers, and became part of the Crimean Tatar people, which was formed on the Crimean peninsula.

Keywords: Tauris, Tauris, the Scythians, the Scythians, the Crimean Tatars, ethnogenesis, ethnonym, language.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 81'373+811. 512. 145

РОЛЬ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Юсупова А. Ш.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия
E-mail: alyusupova@yandex.ru*

Особенно ценным для историко-лингвистических исследований оказываются двуязычные словари. В данной статье дается дескриптивная характеристика двуязычным словарям тюркских языков XIX века. К анализу подвергаются словари турецкого, чувашского, киргизского, алтайского, башкирского языков. Взятые в совокупности, они позволяют документально видеть роль и место тех или иных языков в определенных исторических периоды, взаимосвязи и взаимоотношения данных языков, в том числе их связи с третьими языками. Причем при исследовании таких словарей можно без ущерба для требований научной объективности сосредоточиться на лингвистическом материале одного из двух его языков.

На основании лингвистического материала данных словарей могут быть установлены истоки и этапы эволюции, определены хронологические рамки возникновения и трансформации отдельных слов или целых групп и категорий слов в тюркских языках.

Ключевые слова: словарь, двуязычие, дескриптивная, XIX век, заимствование.

Постановка проблемы. К числу важнейших обстоятельств, влиявших и влияющих на развитие того или иного языка, относится их взаимодействие и взаимовлияние. Наиболее ярко это проявляется в тех случаях, когда этносы – носители разных языков – живут в тесном и постоянном контакте между собой. Этносы, проживающие в рамках общего или смежного политического, экономического пространства, объективно вынуждены понимать и изучать языки друг друга. Характерным проявлением этой закономерности были взаимоотношения на протяжении столетий русского и татарского языков. Одним из ярких показателей данного процесса стало широкое распространение русско-татарских и татарско-русских словарей в XIX веке. Они были составлены с целью обучения татар русскому, русских татарскому языку. Словари И. Гиганова «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе, учителем татарского языка Софийского собора, священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованный» (СПб, 1801), А. Троянского «Словарь татарского языка и некоторых употребительных въ немъ реченій арабскихъ и персидскихъ, собранный трудами и тщаниемъ учителя татарского языка въ Казанской семинаріи священника Александра Троянского и напечатанный съ дозволенія комиссіи духовныхъ училищъ» (Казань, 1833, 1835), К. Насири «Татарско-русский словарь» (Казань, 1878), Н. Остроумова «Татарско-русский словарь» (Казань, 1892), М. Юнусова «Татарско-русский словарь наиболее употребительных

слов и выражений» (Казань, 1900) являются характерным опытом татарской двуязычной лексикографии XIX века [1].

В XIX веке появляются словари, связанные с другими тюркскими языками. В каталогах библиотеки зафиксированы различные библиографические справочники, словари, посвященные турецкому, чувашскому, алтайскому, узбекскому, киргизскому языкам.

Несмотря на то, что в востоковедении XIX века изучение турецкого языка играло значительную роль, русско-турецких словарей, созданных в это время, немного. Один из них – составленный еще в XVIII веке (в 1793 году) неизвестным автором и сохранившийся в рукописной форме «Турецкий лексикон». Словарь, включающий в себя порядка 30000 слов, хранится в настоящий момент в отделе восточных рукописей РАН в г. Санкт-Петербурге.

В 1828-29 гг. в Петербурге выходит в свет «Карманная книга для русских воинов в турецких походах» О. И. Сенковского (1800 – 1858), состоящая из двух частей: первая – «Разговоры российско-турецкие», «Словарь российско-турецкий употребительнейших слов» (СПб, 1828), вторая – «Основные правила турецкого разговорного языка» (СПб, 1829).

В 1849 году М. А. Казем-Бек в Санкт-Петербурге продолжает свою педагогическую деятельность. Наряду с преподаванием в университете, он ведет курсы по изучению восточных языков в различных организациях. В частности, он дает уроки турецкого языка в Императорской Военной Академии, где обучаются более 50 человек военных офицеров. Именно в это время злободневной становится потребность в учебно-методических пособиях и словарях турецкого языка, и М. А. Казем-Бек обобщает собственный опыт преподавания турецкого языка в труде "Учебное пособие для временного курса турецкого языка, с высочайшего разрешения открытого в Императорской Военной Академии", которое было издано в 1854 году в Санкт-Петербурге литографическим способом. М. А. Казем-Бек свой труд посвящает Генеральному штабу и офицерам Военной академии. На титульном листе автор привел и свои регалии: Действительный Статский Советник Мирза Александр Казем-Бек.

Это учебное пособие состоит из 3-х частей. В первой части изложена грамматика турецкого языка, основанная на академических лекциях самого ученого и сопровождаемая соответствующими упражнениями.

Содержание этой части весьма насыщено информацией по фонетике и морфологии турецкого языка. В начале учебника М. А. Казем-Бек помещает алфавит турецкого языка, что является характерным для всех учебников того времени. Затем в параграфах «О гласных буквах и знаках», «О согласных» дается полная характеристика всех гласных и согласных звуков. Специальные параграфы посвящены ударению и нормам произношения в турецком языке, а также правилам соединения арабских букв между собой на письме. Традиций, развитые М. А. Казем-Бек, в процессе преподавания турецкого языка и подача материала в его учебном пособии, оказались весьма эффективными и были приняты к руководству многими учеными и педагогами того времени.

М. А. Казем-Бек уделяет большое внимание и проблемам морфологии. Подробно характеризуются части речи. Например, для имени суще-ствительного дается информация о различных способах его образования, о склонении имен существительных по падежам и числам, приводятся парадигмы изменений. В параграфе «О степенях сравнения» даются прилагательные в превосходной степени. Особое внимание уделяется аналитическому способу, который образован со словами *доха, артык, иц, бик*. Отдельными параграфами даны числительное и местоимение.

В учебном пособии глаголу отведено десять параграфов. Даются способы образования глаголов, залогов, наклонения (изъявительное, же-лательное, сослагательное, условное) и спряжение глагола по временам. Также отдельно охарактеризованы послелогов, союзов и междометия. Рассматриваются грамматические категории, присущие каждой части речи. После тщательного изложения теоретического материала приводятся многочисленные примеры для закрепления пройденного материала и пополнения словарного запаса учащихся. Отдельный параграф посвящен арабской форме глагола, используемой в турецком языке.

В заключении I части учебного пособия М. А. Казем-Бека приведены образцы различных почерков, которые употреблялись тогда на Востоке, а именно: «Насх, Талигк, Гобар, Шекестэ, Мюсельсель, Рюгк, Рейхани». По мнению Казем-Бека, образцы этих почерков помогут ориенталистам в чтении старинных Восточных рукописей.

При изучении какого-либо языка основной задачей является умение, читать на этом языке. Именно этой проблеме посвящена вторая часть исследуемого нами пособия М. Казем-Бека «Хрестоматия турецкого языка, или достаточные материалы, избранные и приведенные в должный порядок, для упражнения в чтении различных почерков и переводах». В ней для развития навыков чтения военным офицерам предлагаются тексты на новоосманском языке: рассказы о жизни и творчестве 9 писателей и поэтов, письма Магир-бека, отрывки из поэмы «Лейла и Меджнун». Тексты расположены по принципу от простого к сложному. Для изложения одного и того же текста использованы два вида арабского почерка: один легкий, другой более сложный. Например, в начале текст пишется почерком Насх, а потом более сложным почерком Талик.

В качестве образца текстов для чтения М. Казем-Бек выбирал, как он сам утверждает, не только «сочинения, написанные в новейшее время, а легкие статьи, написанные на турецком языке в прошлом столетии, так как, во-первых, прежний язык более сохраняет свой тюркский характер, чем новый, а во-вторых, новые Константинопольские турки не умеют так легко писать, как писали в старом языке. Таким образом, все статьи первого отделения второй части, равно и поэма Лейли Меджнун, суть произведения прошлых и более богатых веков Оттоманской литературы, а жизнеописание девяти поэтов, равно как и восемь образцов писем, суть произведений нынешнего столетия» [3, 6].

В третьей части учебного пособия М. Казем-Бека помещен русско-турецкий словарь, состоящий из 2 929 слов. При составлении данного словаря М. Казем-Бек

преследовал две цели. Во-первых, словарь должен включать в себя самые частотные и нужные слова при устном и письменном переводе. Во-вторых, данный словарь должен включать все слова, заимствованные из восточных языков, встречающиеся в первых двух частях пособия. Также в словарь вошло много слов, не встречающихся в первой и во второй части учебного пособия, но необходимых в общении и для чтения других текстов. В словаре использован следующий порядок расположения слов. Каждое слово имеет свой номер. Затем приводится русское слово и даются различные варианты его перевода на турецкий язык, синонимический ряд этого слова и его транслитерация на кириллице. Например: Браво – *мәрхабә* (араб.), *афәрин* (перс.), *машаллаһ* (араб.), *бәрәкаллаһ* (араб.), **восток** – *меширикь* (араб.), *шергькь* (араб.), *ген-чигишь*, *кошлугькь*, светлый – реушен (перс.), *ачикь*, *мюневверь* (говоря о ночи, араб.), *айдин* (блистательный), *горра* (араб.) но автор этим не ограничивается. В последней части словаря он приводит краткий словарик заимствований из восточных языков, расположенных в алфавитном порядке, причем возле каждого слова указывается его порядковый номер в основном словаре. Например, 102. **Абадан** (следовательно, это слово в русском-турецком словаре стоит под номером 102); 1592. Хаж; 1116, 2010. После слов, заимствованных из восточных языков, приводится список имен собственных, упомянутых в I и II частях пособия. Среди этих слов есть имена людей, названия городов и мест, а также художественных произведений. Например, **Ибраһим**, собств. имя; этим именем назывался знаменитый поэт VI ст. гиджры, известный своим именем Хакани [3, 1], **Худженд**, имя главного города в нынешнем Фергана или Хоканд в Туркестане [3,8], **Меджнун**, имя героя поэмы [3, 13].

Помимо этих словарей, укажем “Турецко-татарско-русский словарь.. . с приложением краткой грамматики”, составленный профессором института востоковедения Л. Лазеревым и опубликованный в Москве в 1864 году. Словарь составлен на основе арабского алфавита. В нем указываются языки заимствования. Например: «аб – вода (перс.)» [4, 1], «сюдь – молоко» (тур.) [4, 91], «теберсе – радуга (перс.)» [4, 39], «саһарь – утро (араб.)» [4, 91], «тарамакь – чесать (тур.)» [4,119]. Словарь предназначен для студентов института, в словник преимущественно включены только корневые слова, отсутствуют сложные слова, синтаксические и этимологические пояснения. За основу Л. Лазерев взял “Турецко-французский словарь» Биянки и пособие А. Казем-Бека.

В России среди тюркских языков особое место занимает чувашский. Значительных результатов в составлении чувашско-русских словарей достиг выпускник Казанского университета, заложивший основы чувашского языкознания, автор многочисленных работ по чувашской лексике и фонетике Н. Н. Золотницкий [2, 165-166]. Работавший инспектором чувашских школ Казанского округа Н. Н. Золотницкий (1829-1880) в 1867 году издает первую азбуку для чувашских школ. Особое значение имеют его лексикографические труды: за период с 1871 по 1884 гг. ученый издает 8 чувашско-русских и русско-чувашских словарей. В их числе и тематический словарь «Отрывки из чувашско-русского словаря» (1871-74) в него включены данные о счетной системе, наименованиях родства, именованиях Бога, названиях чувашских традиционных обрядов, одежды, географических названиях.

Основной труд Н. Золортницкого – изданный в 1875 году в типографии Казанского императорского университета «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других» (1875) словарь, удостоенный в 1879 году золотой медали Русского географического общества, состоит из 279 страниц и включает более 3000 статей. Предваряет словарь сравнительная таблица наиболее активно используемых в чувашском языке согласных звуков. Например, «з-с = р каз (тат), хас (алтай), хор (чуваш)»; «ш, с, = л кыш – кыс-хил» и т. д. Словарь имеет этимологический характер: в нем даются сведения о происхождении слов, их связи с другими языками, что дает основание считать его сравнительным.

Словарь составлен в алфавитном порядке. В начале каждой статьи дается чувашское слово, затем его перевод на русский язык. Например, «кизень – лишай [5, 34]. «, «пиликъ – поясница (якут, тат. – биль, кир. Бел, алт. Пел)» [5, 48], «соган – лукъ (овощ, уйгур суган, тур, тат, суган, алт. согано)» [5, 61]. При составлении словаря автор опирался на труды Н. Ильминского, Л. Будагова, Бетлин, что находит отражение в написании слов.

В XIX веке значительный вклад в изучение тюркских языков, этнографии и фольклора вносят представители Алтайской духовной миссии, организованной в 1828 году. В 1869 году в Казани иеромонахом Макарием, а также В. И. Вербицкий и Н. И. Ильминским была составлена «Грамматика алтайского языка». Основные материалы для нее были собраны В. И. Вербицким, который по окончании Нижегородской духовной семинарии с 1853 и до конца жизни работает на Алтае сначала – учителем в школе, затем – миссионером. На протяжении 30 лет он изучает языки, обычаи, мифологию местных народов, что, в конечном итоге, находит отражение в созданных им грамматике и словаре. По мнению Н. К. Дмитриева, «Грамматика алтайского языка» долгое время оставалась образцом для всех тюркских грамматик [2, 137-138].

Не утратил ценности и в наши дни опубликованный в приложении к «Грамматике» «Русско-алтайский и алтайско-русский словарь». Первая часть (русско-алтайский словарь) состоит из 138 страниц, вторая (алтайско-русский) – из 150. Словарь включает свыше 8000 слов, составлен в алфавитном порядке. Слова алтайского языка даются курсивом на кириллице. Словарные статьи содержат также синонимы. Например, «малина – агаш еиилек [6, 52]. «, «мельница – теермэн» [6, 53], «сон – уйуку» [6, 110], «благий – пуурсак, пийанду, якшылык» [6,3], «воля – тап, кун, енигу, еркин» [6,12], «мед – пол, мот, сотовый мед – кабагалу мот» [6, 53]. Глаголы на русском языке даются в неопределенной форме, а на алтайской – в императивной: «спросить – сура [6, 111]. ”, «узнать – пел» [6, 126]. Алтайско-русская часть отличается наличием пояснения значений отдельных лексем: арачы – сушенный творог, приготовляемый из подонков остающихся на дне котла, от молока, из коего готовится вино» [6, 139]. В некоторых случаях указывается на заимствование из других языков: «Енчу (монг. енгте) – спокойствие, тишина» [6, 158], «яс (каз. тат. яз) – весна, яскы – весенний» [6, 171], «калып (араб) – форма для литья» [6, 187]. В словаре нет слов на буквы «Б»и «Д». В целом, это один из наиболее полных словарей, который, в частности, использовал известный тюрколог

В. Радлов при работе над своим знаменитым сочинением «Төрки халыклар әдәбиятыннан үрнәкләр» [2, 138].

По сравнению с русско-татарскими (татарско-русскими) словарями количество двуязычных словарей других тюркских языков (башкирского, азербайджанского, киргизского, казахского, узбекского) значительно меньше.

В XIX веке издаются всего несколько таких словарей.

У истоков башкирской двуязычной лексикографии труды выпускника Казанской духовной семинарии В. Катаринского. Ученик Н. И. Ильминского, В. Катаринский в 1872 – 1875 гг. состоит в должности инспектора Чебоксарского духовного училища, затем – назначается инспектором татарских, башкирских, киргизских, казахских школ в Оренбургскую губернию. В это время он активно занимается лексикографической деятельностью [2, 184].

«Краткий русско-башкирский словарь» (1893) и «Башкирско-русский словарь» (1899) в. Катаринского издаются в Оренбурге. По мнению, башкирских ученых, в этих словарях находят отражение диалектные варианты лексических единиц башкирского языка. В «Краткий русско-башкирский словарь» (1893) включено примерно 2500 статей, «Башкирско-русский словарь» (1899) состоит из 237 с.

Двуязычные словари на киргизском (казахском) языке составлялись из-за практической необходимости. Это, например, «Русско-киргизский (казахский) и киргизский-русский словарь» (1883) И. Буки, «Краткий киргизско-русский словарь» (1895), «Киргизско-русский словарь» (1897) и «Русско-киргизский словарь» (1899-1900) в. В. Катаринского.

В фондах библиотеки не сохранились словари В. Катаринского. Что касается словаря И. Буки, то он был отпечатан в 1883 году в Ташкенте в лито-типографии С. И. Лахтина. Сам автор, представляющийся как учитель 4 классов Туркестанской семинарии, в предисловии пишет: «Этот словарь составлялся в свободное от учебы в городском училище г. Перова, а затем – Туркестанской учительской семинарии, время. Этот словарь не претендует на полноту и законченность, это лишь первый опыт систематизации лексики киргизского языка» [7, 2]. Объем словаря – 363 с. : русско-киргизская часть – 181 с, киргизско-русская – 178. Словарные статьи даются в алфавитном порядке: сначала – русское слово, затем (во втором столбце) – киргизское: августь – сунбля [7, 1], весело – кызыкь [7, 27], душа – жань [7, 57], масло – май [7, 86].

Киргизско-русская часть (в ней – 6000 слов) также дана в алфавитном порядке: агунь – течение [7, 185], айдарь – коса [7, 189], жети – семь [7, 243].

В 1880-е гг. появляются лексикографические труды по узбекскому языку. В этой области значительных результатов достигли лексикографы В. Наливкин и С. Лапин.

Выпускник военного училища, В. П. Наливкин с 1873 года служит в Ташкенте. Он интересуется обычаями, традициями местного населения, изучает его язык. Хорошее знание узбекского, таджикского, арабского языков позволяет В. Наливкину стать учителем открывшейся в 1884 году в Ташкенте русско-узбекской школы. До 1890 г. Наливкин преподает узбекский язык в Ташкентской учительской семинарии, затем, в 1890 – 1895 гг, исполняет обязанности инспектора

мусульманских школ в Сырдаринской, Ферганской, Самаркандской областях, служит помощником губернатора Фирганской области, наконец, избирается депутатом II Государственной Думы [2, 222].

В 1884 году в типографии Казанского университета был издан словарь В. Наливкина «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда». Русско-сартовская часть состоит из 294 с. ; сартовско-русская – из 161. Всего в словаре 12200 статей. Например, «ангел – феришта, балалайка – домбра, вторник – сейшамбе, топливо – отун, свекла – кызылча и др. Автор словаря стремится давать синонимы: богатство – дуня, давят [8, 13], «азамать – молодец, молодчина, взрослый» [8, 5], «агыз – ротъ, отверстие, дуло» [8, 4]. Значительную помощь в составлении словаря В. Наливкину оказывала его супруга.

А в 1895 году в Самарканде (в типографии штаба самаркандского военного округа) издается «Карманный русско-узбекский словарь.. « С. Лапина, работавшего переводчиком. Это, действительно, карманный словарь (его формат – 10*15 см.) в словаре собраны 4000 статей, необходимых для коммуникации с местным населением, т. е. словарь представляет собой своего рода практическое руководство, о чем свидетельствует вводная часть, содержащая сведения об именовании лиц (ман, сан, ул, биз, сиз, алар), обозначениях чисел (1-10, 20-100, 11-99), названиях дней недели (джума, шинба), месяцев (январь- далю, февраль – худ), денежных единиц (сум, беш таш – 1 рубль), мер весов (8 верст – бир таш, 8 пудов- батман) словарь построен в алфавитном порядке. Например: абрикос – *урюк* [9, 4], айва – *бихи* [9, 4], бабочка – *купаляк* [9, 7], бабушка – *катта ана* [9, 7], братъ – *алмак* [9, 8]. Узбекские слова даются курсивом. За основу автор берет словарь В. Наливкина.

Выводы и перспектива. Нами был сделан краткий обзор двуязычных тюркских словарей XIX века. Как известно, в XIX веке было издано 13 татарско-русских и русско-татарских словарей, что значительно больше по сравнению с другими тюркскими языками. Это можно объяснить экономическими, политическими и общественными условиями. В XIX веке татарский язык функционировал как язык российской дипломатии в отношениях Российской империи с Крымом, Турцией, Ираном, Индией, Монголией.

Распространению двуязычных (татарско-русских и русско-татарских) словарей способствовало научное изучение татарского языка в университетах Санкт-Петербурга, Харькова, Казани, в ремесленных школах, духовных академиях и семинариях.

Литература:

1. Юсупова А. Ш. Двуязычная лексикография татарского языка XIX века. – Казань: изд-во Казанского государственного университета, 2008. – 410 с.
2. Кононов А. Н. Библиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период) – М. : Наука, 1974. – 340 с.
3. Казем Бек М. А. Учебное пособие для временного курса турецкого языка, с высочайшего разрешения открытого в Императорской Военной Академии. – СПб, 1854. – 165 с.
4. Лазарев Л. Турецко-татарско-русский словарь.. . с приложением краткой грамматики. –М, 1864. – 336 с.

5. Золотницкий Н. Н. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других. – Казань: Казанский императорский университет, 1875. – 279 с.
6. Макарий, Вербицкий В. И, Ильминский Н. И. Грамматика алтайского языка. – Казань, 1869. – 288с.
7. Буки И. Русско-киргизский (казахский) и киргизский-русский словарь. – Ташкент, 1883. – 363 с.
8. Наливкин В. Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общепотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда. – Казань: типография Казанского университета, 1884. – 455 с.
9. Лапин С. Карманный русско-узбекский словарь. . – Самарканд: типография штаба самаркандского военного округа, 1895. – 106с.

Юсупова А. Ш. Роль двомовних словників у процесі міжкультурної комунікації / А. Ш. Юсупова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 251–258.

Особливо цінними для історико-лінгвістичних досліджень виявляються двомовні словники. У даній статті дається дескриптивна характеристика двомовним словникам тюркських мов XIX століття. Аналізу піддаються словники турецької, чуваської, киргизької, алтайської, башкирської мов. Взяті в сукупності, вони дозволяють документально побачити роль і місце тих чи інших мов в певні історичні періоди, зв'язок і взаємини даних мов, у тому числі їх зв'язку з третіми мовами. Причому при дослідженні таких словників можна без шкоди для вимог наукової об'єктивності зосередитись на лінгвістичному матеріалі одного з двох його мов.

На підставі лінгвістичного матеріалу даних словників можуть бути встановлені витoki та етапи еволюції, визначено хронологічні рамки виникнення і трансформації окремих слів або цілих груп і категорій слів у тюркських мовах.

Ключові слова: словник, двомовність, дескриптивна, XIX століття, запозичення

Yusupova A. Sh. The Role of Bilingual Dictionaries in the Process of Intercultural Communication / A. Sh. Yusupova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 251–258.

Bilingual, or bill of exchange, the dictionary is an essential practical guide for learning another language. However, it is the result of linguistic studies of the compiler, since in the process of lexicographic description of any specific language compiled dictionary on every step is faced with problems, the successful solution of which is possible only in the case, if he possesses theoretical knowledge in various areas of linguistics.

This article gives a descriptive characteristic of a bilingual dictionary of the Turkic languages of the XIX century. To subjected to the analysis of dictionaries Turkish, Chuvash, Kyrgyzstan, Altai, the Bashkir language. Together, they allow you to documented see the role and the place of those or other languages in certain historical periods, the relationship and the relationship of these languages, including their links with third languages. And in the study of such dictionaries can be without prejudice to the requirements of the scientific objectivity will focus on the linguistic material of one of its two languages.

On the basis of linguistic material data dictionaries can be installed origins and the stages of evolution, determined by the chronological framework of the emergence and transformation of the individual words or entire groups and categories of the words in the Turkic languages.

Bilingual dictionary of the Turkic languages of the XIX century, we consider as a single historical-cultural phenomenon. Only for the convenience of the scientific analysis of conditionally language facts recorded in these dictionaries, we can consider with regard to their chronological, cultural-historical, ethno-social, semantic accessories and correlation with one or another language. While we recognize that the questions on the forms and methods of translation and interpretation of lexical units in bilingual dictionaries Turkic of the XIX century, as well as other theoretical-methodological problems of the Turkic lexicography, different professionals may be considered differently.

Keywords: dictionary, bilingual, descriptive, XIX century, borrowing

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 152. 145

О ВЛИЯНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ НА СОВРЕМЕННЫЙ ТАТАРСКИЙ ОНОМАСТИКОН

Галиуллина Г. Р.

*Институт филологии и искусств Казанского федерального университета
E-mail: caliullina@list.ru*

В статье представлены результаты лингвокультурологического исследования современного татарского ономастикона. В центре внимания оказались татарские антропонимы и эргонимические наименования, на примере которых раскрываются особенности проникновения и распространения диалектных вариантов собственных имен в татарский ономастикон. Через раскрытие специфики влияния социальных и территориальных диалектов на современный ономастикон, в статье демонстрируется взаимосвязь триады языковая личность-культура-общество, раскрывается социокультурная ориентация современной языковой личности, определяются основные факторы, приведшие к изменению мышления современного имядателя.

В результате исследования было выявлено, что в современном татарском ономастиконе, помимо литературных, общепринятых форм собственных имен, начали функционировать и диалектные формы ономастических единиц. Начало активизации данного процесса приходится к концу XX – начала XXI века.

Территориальные диалектные формы собственных имен наиболее распространены в татарской антропонимии, что связано со стремлением называть ребенка в принятой в семейном кругу форме. Наиболее популярными являются фонетические варианты имен, которые свойственны мишарскому диалекту и мензелинскому говору среднего диалекта татарского языка. Включение в антропонимикон диалектных вариантов личных имен, с одной стороны, способствует пополнению именника татар новыми единицами, с другой, приводит к вариативности орфографической нормы. Исследования показывают наибольшую популярность диалектных форм имен в разговорной речи.

Влияние социальных диалектов и просторечия наблюдается в коммерческих наименованиях, в частности, в составе наименований различных магазинов, кафе, творческих объединений и др. В результате исследования нами выделены несколько аспектов, которые заслуживают внимания. Во-первых, среди социальных вариантов выделяются наименования, образованные от профессиональных жаргонов, молодежного сленга. Во-вторых, наиболее распространенным является присоединение к лексическим единицам литературного языка морфологических и фонетических элементов просторечия. В-третьих, в эргонимах наблюдается тесное переплетение различных пластов лексики татарского и русского языков, что особенно заметно в эргонимии города Казани.

Функционирование указанных вариантов собственных имен оказывает заметное влияние на формирование и развитие литературных норм современного татарского языка.

Ключевые слова: ономастика, татарский язык, лингвокультурология антропонимия, топонимия, социальные и территориальные диалекты

Постановка проблемы. Ономастический фонд любого языка является ключом к этнодуховному наследию. Ни одна из лексических единиц не способна отразить в таком полном объеме мировоззрение, психологию и менталитет народа, как это свойственно собственным именам. Если изучение ономастикона отдельного народа, социума или региона прежде рассматривалось в рамках структурной лингвистики, где основное внимание было обращено на лингвистическое описание ономастических единиц, то в последние десятилетия наблюдается повышенный интерес к проблемам взаимосвязи собственных имён и культуры. Это связано, прежде всего, с антропоцентрической парадигмой современной лингвистики, предполагающей анализ языковых единиц с целью познания его носителя. Теоретические основы новых исследований отражены в работах российских учёных В. А. Никонова, А. В. Суперанской, Н. В. Подольской, Л. А. Введенской, В. И. Супруна, Э. М. Мурзаева, М. Э. Рут и других. Специфика языковой картины мира разных народов представлена в работах таких исследователей-ономатологов, как Г. Ф. Благова, Т. В. Топорова, Г. Ф. Саттаров, В. У. Махпиров, Н. И. Толстой, Е. И. Убрятова, М. Толстая, М. В. Горбаневский, Ю. А. Карпенко, И. Э. Ратникова, Ю. А. Рылов, Д. И. Ермолович, Г. И. Кульдеева, Г. Р. Галиуллина и др.

Несмотря на то что в лингвистике интерес к собственным именам возрастает, такой аспект, как влияние территориальных и социальных диалектов на национальный или региональный ономастикон, остаётся одной из неразработанных проблем. В татарской лингвистической науке выбранный нами аспект до настоящего времени не стал объектом специальных монографических исследований. Это связано отчасти с тем, что в лингвистике основное внимание уделяется литературному языку с его устоявшимися нормами. Однако, как показывают наши исследования, на формирование, развитие и функционирование ономастической подсистемы языка довольно заметное влияние оказывает разговорный язык с его просторечными и диалектными формами. Одной из причин такого влияния является зависимость собственных имён от экстралингвистических факторов, таких как национально-культурная среда, социальный слой населения региона и др. Указанные факторы в синтезе с объективными процессами развития языка формируют данную подсистему. Актуальность нашего исследования обусловлена вышеназванными причинами.

В рамках данной статьи сосредоточимся на специфике проникновения и распространения диалектных вариантов собственных имён в ономастикон татарского языка и попытаемся обозначить социокультурную ориентацию современной языковой личности. Объектом анализа настоящей работы выбраны татарские антропонимы и эргонимы, функционирующие в современном ономастиконе.

Диалектом принято называть разновидность языка, которая употребляется в качестве средства общения в определённой территориальной или социальной среде [1, 132]. Функционирующие в ней лексические, фонетические, грамматические средства чаще противопоставляются языковым средствам литературного языка, и их включение в литературный язык рассматривается как отступление от языковой

нормы. Изучение собственных имён показывает, что ономастикон использует разные средства языка и только специальные исследования могут выявить природу их возникновения. К тому же функционирование диалектных вариантов собственных имён в именнике не представляет первостепенной важности с точки зрения литературной нормы, поскольку неонамастическая форма и содержание имени может быть утрачено без ущерба для его дальнейшего функционирования. Трудности, возникающие при обсуждении природы возникновения собственных имён и их отношения к литературному языку или диалектам, обусловлены также смешением синхронии и диахронии. Часть диалектных вариантов собственных имён, имеющих длительную историю функционирования, стала употребляться в качестве синонимов литературных вариантов. Такая особенность наиболее характерна антропонимической подсистеме.

Еще одна особенность диалектных вариантов собственных имён заключается в том, что они способны легко переходить границы диалектного употребления и становиться частью общенационального ономастикона. Проникновение и дальнейшее функционирование диалектных вариантов зависит от нескольких факторов, которые по-разному проявляются в зависимости от типа собственных имён. Попробуем показать вышесказанное на примере территориальных диалектных форм личных имён, поскольку они

наиболее распространены в татарской антропонимии, что связано со стремлением называть ребёнка в принятой в семейном кругу форме.

Исследования показывают наибольшую популярность диалектных форм имён в разговорной речи, однако, и в общенациональном антропонимиконе функционирует немалое количество антропонимов, которые представляют собой территориальные диалектные формы. Мы рассматриваем только те варианты, которые зафиксированы в качестве официального имени и показывают основные тенденции развития языковой структуры именника. Зафиксированные в официальных документах имена показывают уже устоявшийся характер того или иного явления и определяют дальнейший путь эволюции татарского антропонимикона, потому что всякое частное изменение в языке стремится создать тип изменения.

Диалекты и говоры всегда являлись источником обогащения литературного языка. Диалектная лексика, проникнув в литературный язык, лишается своей прежней самобытности и подчиняется его нормам. В отличие от общедиалектной лексики, антропонимы продолжают сохранять свой особенный фонетический облик, в результате образуя различные варианты [2, 152]. Чаще других нами зафиксированы фонетические варианты имён, характерных мишарскому (западному) диалекту и мензелинскому говору среднего диалекта.

Наиболее распространённым в среднем и мишарском диалектах является чередование [й]. ~ [ж], которое связано с историческим развитием татарского языка. Если в области апеллятивной лексики данное чередование наблюдается и в лексике тюрко-татарского происхождения ([жәгет] – лит [йегет]. егет, [жә^оулык] – лит [йа^оулык]. яулык, [жук] – лит [йук]. юк, [жәри] – лит. йәри), то в антропонимической подсистеме оно встречается только в заимствованных арабских и персидских именах: *Жазилә~Жәдилә~Язилә, Жәсминә~Ясминә*. Как указывают диалектологи, «в

западном диалекте [ж]. систематически заменяется [й], [дж], [дз], [д']» [3, 32]. В некоторых случаях такая замена отражается и в графическом оформлении имени, например, в именнике г. Казани за 2006 год мы зафиксировали мужское имя *Емил* (орфографическая норма – *Жәмил*).

Ряду говоров как среднего, так и мишарского диалектов присуще чередование *к~х~г*: *Мәргубә~Мәрхубә, Шәфика~Шәфига, Мәгъсут~Мәхсут~Мәкъсут, Нәргиз~Нәркис; Әсгәр~Әскәр, Әскать~Әсгать~Әсхәт*.

В ряде говоров среднего диалекта татарского языка наблюдается чередование *д~з*, которое распространено и в антропонимической системе: *Дөфәр~Зөфәр, Әбудәр~Әбузәр, Жәдилә~Язилә, Әдһәм~Әзһәм, Рамазан~Рамадан, Рәдинә~Рәзинә, Рәдиф~Рәзиф*. Заслуживает внимание тот факт, что современная языковая личность – представитель определённого диалекта, говора – придерживается данной традиции и при выборе своему ребёнку заимствованного имени. Так например, имена западноевропейского происхождения *Ида~Иза, Элида/Илида~Элиза, Идаиль – Изаиль* возникли в результате фонетической вариации.

Одной из распространённых фонетических явлений, которое характерно мишарскому диалекту, является выпадение увулярного [ғ]. в арабо-персидских заимствованиях: гадэт [*әдәт*], гаеп [*айып*], гомер [*умәр*]. В графическом оформлении татарских имён выявляются фонетические варианты, полученные в результате выпадения начальной фонемы «г». Влияние мишарского диалекта наблюдается в следующих именах: *Габбас~Аббас~Абас, Габдулла~Абдулла, Гаяз~Аяз, Газиз~Азиз, Газизә~Азиза, Гадил~Адил, Гадел~Адел, Гадилә~Адилә, Галия~Алия, Гамилә~Амилә, Гайишә~Айишә, Гомәр~Умәр, Галимас~Алимас, Гариф~Ариф, Гарифә~Арифә, Гыйрфан~Ирфан* и др. Необходимо указать, что в антропонимиконе последних лет фонетические особенности мишарского диалекта активно проявляются в графическом оформлении имени.

Несмотря на то, что варьирование имён – явление, показывающее национальную особенность мировосприятия, способ выражения индивидуальности, оно не должно носить хаотичный характер. При изучении документов мы заметили, что одни варианты имени распространены и активно функционируют, другие имеют ограниченное употребление. Многие чередования отдельных фонем, которые способствовали появлению новых антропонимических единиц, произошли в результате влияния территориальных диалектов и говоров татарского языка.

Включение в антропонимикон территориальных диалектных вариантов личных имён, с одной стороны, способствует пополнению именника татар новыми единицами, с другой, приводит к вариативности орфографической нормы.

Элементы социальных диалектов и просторечия в современном ономастиконе татар встречаются редко. Влияние социальных диалектов на ономастическую систему наиболее ярко проявлялось в 20-е гг. XX века, когда произошла смена идеологии, политического строя страны. Фронтальная замена топонимических наименований, появление новых предприятий, организаций, в наименованиях которых отразилась новая действительность, были ярким примером влияния социальных элементов на ономастикон. Если рассмотреть, например антропонимическую подсистему, то новшества, происходящие в жизни общества, быстрее находили отражение в семьях

интеллигенции. Именно они являлись первыми проводниками новых имён. В доказательство вышесказанного приведем такие данные, которые были получены нами из архивных документов за 1925 год по г. Казани [4]. Всего было изучено 53 семьи служащих, учителей, милиционеров, курсантов, юристов, артистов, студентов и 164 семьи рабочих. В семьях рабочих предпочтение отдается традиционным татарским именам. Из так называемых «новых» для того периода имён употреблено мужское имя *Ильяз* (отец – кожевник, мать – швея), *Марсил* (чернорабочие), *Розалина* (отец – сапожник, мать – домохозяйка).

Представители интеллигенции чаще выбирали своим детям такие имена как *Илмансур* (учителя), *Азат* (учителя), *Илсәяр* (отец–юрист, мать–домохозяйка), *Гөлнас* (служащие); *Вилута* (отец – преподаватель, мать – студентка), *Урал* (отец–учитель, мать–служащая), *Ким* (студенты), *Тюльпан* (артисты), *Вил* (учащиеся техникума), *Владлен* (отец – курсант, мать – студентка); *Флюра* (служащие), *Жанна* (отец–партийный работник, мать–домохозяйка), *Роза* (служащие), *Марат* (служащие), *Рафаэль* (служащие), *Маркс* (служащие), *Фарель* (студенты), *Лерун* (студенты), *Леруна* (отец – курсант, мать – учащаяся техникума), *Бабэф* (служащие), *Алера* (служащие).

При изучении ценза образованности мы заметили быструю реакцию интеллигенции на всякие изменения в общественной жизни. Новые перемены находят отражение в семьях интеллигентов быстрее, чем у другого слоя населения. Эту же тенденцию можно было наблюдать и в конце XX века: первые вновь возвращённые религиозные имена появились среди интеллигенции.

В настоящее время влияние социальных диалектов и просторечия проявляется в татарской коммерческой эргонимии. Прежде всего, это эргонимы, содержащие в составе характеризующую и оценивающую лексику. В семантике этих эргонимов не выявляются мотивы наименования, в отдельных случаях семантика и вид деятельности могут быть противопоставлены, так например, название строительной фирмы «*Сулагай*»* (левша), туристической фирмы «*Алдан-тур*» отражают ярко выраженное несоответствие «вид деятельности предприятия – эргоним». В татарском эргонимическом пространстве можно встретить наименования, образованные от прозвищ, например, автомойка «*Аю*», продуктовые маркеты «*Бабай*», «*Керне*», «*Юмарт абзый*».

Среди социальных вариантов выделяются наименования, образованные от профессиональных жаргонов, молодежного сленга: магазины детской одежды «*ЧунАлина*», «*Бэбики*»; кафе «*Айбэт*», «*Musin Bros*».

В эргонимии встречаются наименования, образованные при помощи лексико-морфологических средств, характерных для просторечия: кафе «*Тамакай*», «*Тәмле тамак*», «*Туганлык*», творческая студия «*Әһнүгәй*», фирма, выпускающая мебель «*Олан*», мебельный магазин «*Йорткай*», магазин детской одежды «*Балам*», детский сад «*Әнжәкәй*» и др.

Таким образом, включение диалектных элементов в ономастическую подсистему татарского языка напрямую зависит от экстралингвистических факторов, сре-

---

* Приведенные примеры собраны по г. Казани Республики Татарстан

ди которых на первый план выходит субъективный фактор – намерение имядателя использовать те единицы, которые удовлетворяют его духовные потребности и соответствуют его мировоззренческим стереотипам. Если появление территориальных диалектных вариантов связано с объективными процессами развития языка, и они имеют более продолжительную историю функционирования, то социальные диалектные варианты собственных имён появились в XX- начале XXI веков. Некоторое снижение значимости литературного языка, отсутствие единых критериев и рекомендаций относительно правильного оформления того или иного эргонима, стремление к самовыражению, оригинальности языковой личности привели к проникновению в ономастическое пространство диалектных элементов и просторечия. Функционирование указанных вариантов собственных имён оказывает заметное влияние на формирование и развитие литературных норм современного татарского языка.

Литература:

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688с. ISBN 5-85270-307-9
2. Галиуллина Г. Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций / Гульшат Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. – 349 с. ISBN 978-5-98180-5561.
3. Юсупов Ф. Ю. Диалекты татарского языка: говоры Уральских татар / Феритс Юсупов. – Казан: Магариф, 2003. (на татар. яз.) – 351 с. ISBN 5-7761-1307-5
4. Акты о рождении (1900-2004 гг.) – Городской архив ЗАГС г. Казани.

Галиуллина Г. Р. Про вплив територіальних і соціальних діалектів на сучасний татарський ономастикон / Г. Р. Галиулліна // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 259–265.

У статті представлені результати лінгвокультурологічного дослідження сучасного татарського ономастикону. У центрі уваги виявилися татарські антропоніми та ергонімічні найменування, на прикладі яких розкриваються особливості проникнення і розповсюдження діалектних варіантів власних імен у татарський ономастикон. Через розкриття специфіки впливу соціальних і територіальних діалектів на сучасний ономастикон, в статті демонструється взаємозв'язок тріади мовна особистість-культура-суспільство, розкривається соціокультурна орієнтація сучасної мовної особистості, визначаються основні чинники, що призвели до зміни мислення сучасного процесу надавання імен.

В результаті дослідження було виявлено, що в сучасному татарському ономастикону, крім літературних, загальноприйнятих форм власних імен, почали функціонувати і діалектні форми ономастичних одиниць. Початок активізації даного процесу доводиться на кінець XX – початок XXI століття.

Територіальні діалектні форми власних імен найбільш поширені в татарській антропонімії, що пов'язано з прагненням називати дитину в прийнятій у сімейному колі формі. Найбільш популярними є фонетичні варіанти імен, які властиві мішарському діалекту і мензелінському говору середнього діалекту татарської мови. Включення в антропоніміконі діалектних варіантів особових імен, з одного боку, сприяє поповненню іменника татар новими одиницями, з іншого, призводить до варіативності орфографічної норми. Дослідження показують найбільшу популярність діалектних форм імен в розмовній мові.

Вплив соціальних діалектів і просторіччя спостерігається в комерційних найменуваннях, зокрема, у складі найменувань різних магазинів, кафе, творчих об'єднань та ін. У результаті дослідження нами виділені декілька аспектів, які заслуговують на увагу. По-перше, серед соціальних варіантів виділяються найменування, утворені від професійних жаргонів, молодіжного сленгу. По-друге, найбільш поширеним є приєднання до лексичних одиниць літературної мови морфологічних та фонетичних елементів просторіччя. По-третє, в ергонімії спостерігається тісне переплетення різних пластів лексики татарської та російської мов, що особливо помітно в ергонімії міста Казані.

**О ВЛИЯНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ
НА СОВРЕМЕННЫЙ ТАТАРСКИЙ ОНОМАСТИКОН**

Функціонування зазначених варіантів власних імен справляє помітний вплив на формування і розвиток літературних норм сучасної татарської мови.

Ключові слова: ономастика, татарська мова, лінгвокультурологія, антропонімія, топонімія, соціальні і територіальні діалекти.

Galiullina G. R. About the influence of regional and social dialects on the modern tatar onomastikon / G. R. Galiullina // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 259–265.

This article represents the results of the linguacultural research of the Tatar onomastikon. There are Tatar anthroponyms and place names on the focus of research, by the example of which the penetration and distribution of dialectal variants of proper names in the Tatar onomastikon are revealed. The article is devoted to the connection of triad: a lingual personality–culture–society through the showing the specific influence of social and territorial (regional) dialects on the modern onomastikon, to the revealing the sociocultural directions of a modern lingual personality, to the determination of the main factors, which led to the changing the mind of a modern person, who gives a personal name.

The study found that in addition to the literary and conventional forms of proper names dialectal forms of onomastic units are in the function in the modern Tatar onomastikon.

Regional dialect forms of proper names are most common in the Tatar anthroponymy, which is associated with the need to name a child in the form adapted to the family circle. The most common ones are phonetic variants of the names that are inherent in the Mishars dialect and the Minzelinsk dialect of the Tatars' middle dialect. On the one hand the inclusion of dialectal variants of personal names into anthroponymy facilitates the completion of the Tatar list names with new units; on the other hand, it leads to a variation of spelling rules. Through the research we can see the most popular names in everyday speech are dialect forms.

The influence of social dialects and vernacular is observed in commercial names, particularly in the names of various shops, cafes, art groups, etc. During our research work some aspects have been marked out, which deserve our consideration. First, among the distinguished ones there are names derived from the professional jargons and youth slang. Secondly, rather common it is addition of the morphological and phonetic elements of speech to the lexical units of the literary language. Thirdly, there is interweaving between different vocabulary strata of ergonims in the Tatar and Russian language, which particularly is noticed in Kazan city ergonims.

The functioning of these variants of proper names has a marked influence on the formation and development of the literary norms of the modern Tatar language.

Key words: onomastics, the Tatar language, linguaculturology, anthroponymy, toponymy, social and regional dialects.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 81'36

ВКЛАД ИЕРОНИМА МЕГИЗЕРА В СТАНОВЛЕНИИ ТЮРКСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Нуриева Ф. Ш.¹, Петрова М. М.², Сунгатуллина М. М.³

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

²Казанская Духовная семинария
E-mail: mpetrova@ksu.ru

³Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: milechka1988@mail.ru

В статье освещается вклад И. Мегизера в становлении тюркской лингвистической науки, и рассматриваются вопросы межъязыковой связи в его трудах.

Ключевые слова: словарь, грамматика, межъязыковой материал, тюркский, латинский, немецкий, итальянский, пословицы, Средневековье, Мегизер.

Постановка проблемы. В 16-17 веках в экономической, социальной и политической жизни Европы произошли большие изменения. Просвещение связало всю духовную жизнь Европы с философией рационализма и наукой. Новая эпоха выдвинула подлинных первооткрывателей и энциклопедистов – Колумба, Галилея, Коперника, Декарта, Ньютона, Лейбница и др. Эта эпоха породила великих людей, поражающих многосторонностью своих интересов и ученостью. Не было почти ни одного серьезного ученого, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не пробовал бы себя в нескольких областях творчества.

Этот период характеризуется значительным расширением сведений о языках мира, накоплением языкового материала важного для последующего развития языкознания.

Если лексикографическая работа предшествующего времени сводилась к составлению глоссариев (азбуковников) – словарей иностранных и непонятных слов и выражений, встречающихся в тексте, то в 16-17 веках появляются большие многоязычные словари. Многоязычные словари представляли собой каталоги фактического языкового материала, вводимого в научный оборот. Другой классификации языковеды того времени предложить не могли [4, 14]. Первыми в их числе оказываются словари “Митридат” К. Геснера (1555), “Образчики сорока языков” Иеронима Мегизера (1592). Труд И. Мегизера объемом 750 страниц – сравнительный словарь всех важнейших наречий старого и нового света. В этом словаре латинским языкам приведены многочисленные соответствия на различных языках, насколько это позволяли источники, находившиеся в распоряжении автора. И. Мегизер извлек лексические соответствия к слову “abacus”: древнееврейский, халдейский, арабский, абиссинский, греческий, итальянский, испанский, французский, португальский, ретский, сардинский, немецкий, фламандский, старонемецкий,

английский, датский, шведский, готский, славянский, далматинский, чешский, лужицкий, ливонский, польский, турецкий, армянский, венгерский. Уже этот перечень показывает, что Мегизер располагал данными благодаря своей должности историографа эрцгерцога Карла в Граце, которую он занимал с 1590 года [1, 55-56].

Сбор лингвистического материала сопровождался его осмыслением. От материала преимущественно религиозного, ученые обратились к изданию и толкования произведений классической древности. Возникает классическая филология, восточная филология. Существенно расширился круг задач, вставших перед языковедами 16—17 вв. Изучения и описания требовали огромное множество конкретных языков — как мёртвых (в продолжение традиции, унаследованной от средневековья), так и живых. Объектами исследования оказывались языки, как своего народа, так и других народов Европы, а также языки народов, живущих в Европе, Азии и Африке. Росла потребность в создании грамматик отдельных языков, эмпирических по методу и нормализаторских по целям, и универсальных грамматик, то есть грамматик Человеческого языка вообще, являющихся по своему характеру теоретическими, дедуктивными [9, 130]. Появляются многочисленные описания родных языков: П. Рамус / Раме (1515—1572) пишет не только грамматики греческого и латинского языков, но и французскую грамматику (1562). Его ученик Я. Аарус (1538—1586) создает первое фонетическое описание французского языка. Джон Уоллис (1616—1703) публикует в 1653 г. грамматику английского языка. Юстусу Георгу Шоттелю (1612—1676) принадлежит первая полная немецкая грамматика; вслед за ним продолжают традицию создания грамматик немецкого языка Иоганн Кристоф Готтшед (1700—1766) и Иоганн Кристоф Аделунг (1732—1806). Появляются и славяно-русские грамматики. Лаврентий Зизаний издает в 1596 г. в Вильно первую печатную славянскую грамматику; М. Смотрицкий публикует в 1619 г. свою славянскую грамматику [9, 130]. Нередко грамматики писались не носителями данного языка. Например, первую русскую грамматику на латинском языке пишет английский исследователь Генрих Вильгельм Лудольф (1666). Первая печатная тюркская грамматика “*Institutiones linguae Turcicae libri quator*” была написана на латинском языке немецким ученым Иеронимом Мегизером в 1612 г [12, 340]. Книга с применением арабского шрифта для тюркского текста издается “Институтом Тюркских языков” в Лейпциге в 1612 году. С конца 15 века Лейпциг становится важным центром книгопечатания в Европе.

До настоящего времени грамматическое исследование И. Мегизера является недостаточно изученным трудом по истории тюркологии. Первым описанием работы Мегизера считаются исследования турецкого ученого А. Dilacar [10, 197-210]. Он дал общую структуру грамматики, указал некоторые неточности в передаче тюркских слов. Известный тюрколог А. Н. Кононов упоминает этот труд как один из первых грамматических трудов по тюркским языкам [5, 16]. Татарский ученый А. Каримуллин, автор исследований истории татарской печатной книги отнес грамматику Мегизера к первой печатной татарской книге [2, 142-146]. Татарский фольклорист М. Махмудов в своих исследованиях использовал часть пословиц для выявления их схожести с пословицами татарского языка [6, 175-178]. Немецкий ученый Н. Stein опубликовал результаты своих исследований сравнительного изучения посло-

виц с турецким языком [13, 55-104]. В процессе перевода грамматики и работы с материалом книги нашей рабочей группой, в составе авторов данной статьи, был написан ряд статей. В них рассматривались личность автора, время создания книги, структура книги и краткая характеристика ее содержания [8]. Рабочей группой выполнен также перевод тюркского материала на татарский язык, латинского материала на русский язык, который был издан отдельной монографией. В книге параллельно с переводом воспроизводится и оригинальный текст (факсимильное издание памятника) [7].

Латинские грамматики являлись образцами для построения грамматик разных языков и разных эпох. Даже в 19 веке, когда новые европейские языки уже встали на ноги и латынь сдает свои позиции, встречаются научные труды, написанные на латыни, хотя такой выбор языка изложения уже требует дополнительной аргументации. Приведем, к примеру, строки из вступления Куна к полному изданию «Codex Cumanicus» 1879 г. : «Nos opus sane arduum mihi etiam eo aggravavi, quod prolegomena, annotations interpretationemque textuum cumanicorum lingua latina scribenda constitueram. Linguam latinam ob duas causas elegi 1, quod hujus generis opera lingua omnibus viris doctis notissima scribi debent 2, glossa vocabularii cumanicum in ipso codice Venetiano per vocabula latina explicata sunt». Перевод: «Я решил, что вступление, примечания и переводы куманских текстов должны быть написаны на латинском языке. Во-первых, потому что труды такого рода должны писаться на языке наиболее известном всем ученым людям. Во-вторых, глоссы куманского словаря в самом венецианском кодексе объясняются посредством латинских слов» [11, 1].

Поэтому понятно, что все основные свои труды Мегизер писал на латинском языке. Это был язык межкультурного общения носителей разных языков. Это нашло отражение в содержании, графических и языковых особенностях и структуре грамматики И. Мегизера. Грамматическая часть полностью написана на латыни, естественно, с приведением примеров на тюркском языке. Хрестоматийный же материал приведен на тюркском языке с переводами на латинский (в основном) и другие европейские языки.

Сам Мегизер с большим уважением относится к любому иностранному языку, это доказывают его работы по языкознанию. Об этом он пишет и во вступительном послании грамматики: «Ведь как прекрасно и почетно, возвышенно и похвально, как для всех сторон человеческой жизни полезно, как, наконец, в мирное время и во время войны, дома и в военном походе — всюду необходимо как знание других иностранных языков, так, в особенности в этот наш век, знание и понимание тюркской речи» [7, 15-16].

По аналогии с латинской грамматикой, первый раздел содержит описание звукового строя, а во втором – рассматриваются части речи. Первый раздел «De Orthographia Turc-Arabica» [12, 27-77]. посвящается фонетике, дается общая характеристика арабо-тюркского алфавита. Описывается алфавит, состоящий из 31 буквы с их названиями, указываются варианты в соответствии с позицией в слове, звуковое значение букв поясняется через латинскую графику, а также приводятся образцы арабского шрифта. Автор рассуждает о приспособлении арабского алфавита к тюркской фонетике, отдельно рассматривает те буквы, которых нет в арабском ал-

фавите и применяет дополнительные знаки. При обозначении шипящих звуков тюркского языка, отсутствующих в латинском языке, выражены буквенными сочетаниями, например, fch, dfch, tfch.

В тексте грамматики прослеживается проблема «звука и буквы», приспособление латинской графики для обозначения звуковых особенностей тюркского языка. Так например, наблюдается вариативность в написании некоторых слов типа, seumek, seufmek, sevmek «любить»; tschachsir, tschakfchir «сапог», abret, affaret, avurat «женщина» и др. На наш взгляд, это может быть отражением различного диалектного произношения информаторов.

Большое место уделяется способу образования согласных. Автор классифицирует согласные следующим образом: лабиальные, губные и средние согласные. Также стоит отметить, что И. Мегизером правильно подмечено, что в у слов, начинающихся с сочетания согласных, присоединяется в начале дополнительная гласная буква, например, fsendere – ifsendere. Все это говорит о тонком языковом чутье И. Мегизера и его желании более полно и точно передать читателю звучание тюркской речи.

В главах раздела приведены образцы текстов Корана, пословицы и поговорки на арабском шрифте, их транскрипция и перевод на латинский язык для отработки особенностей арабской каллиграфии и упражнений в связной речи. Мегизер подчеркивает важность практики для усвоения правильного произношения тюркской речи.

Во втором разделе «Isagoges Grammaticae Turcicae» [12, 79-181], очень подробно исследованы части речи и грамматические категории: существительные, числительные, местоимения, глаголы, причастия, наречия, предлоги, союзы, междометия. Общие определения частей речи по образцу латинской грамматики не даны; существительное, прилагательное и местоимение рассматриваются в составе имени существительного, упоминается категория рода ‘genetis’. И. Мегизер отмечает, что грамматическая категория рода и согласование слов по этому принципу не свойственны тюркам, а изменение по падежам и числам имеет определенные аналогии с латинским языком [12, 79-89]. Особый интерес представляет описание категории принадлежности, свойственной только тюркским языкам. Мегизер не только обратил внимание на эту своеобразную категорию, но и довольно правильно истолковал ее, выделив, однако, в особый разряд – разряд притяжательных местоимений [12: 96-106]. Поскольку терминология применительно к тюркским языкам не была сформирована, для обозначения окончаний И. Мегизер использует термины «частица» и «словцо».

Описанию глагола – самой сложной части речи в тюркских языках – отводится особое место [12: 106-159]. В частности, выделены категории числа, лица, наклонения, времени, залога, отрицательные и утвердительные формы. И. Мегизер исследует основу глагола, приводит правило для ее выделения. Среди личных глаголов рассматриваются глаголы *indicativus*, *imperativus*, *svbivnctivvs*. По-видимому, под субъюнктивом автор подразумевает латинское сослагательное наклонение и приводит спряжение в четырех временах. Однако в тюркском языке такого разновременного спряжения нет.

Из неличных форм глагола выделены только причастие и инфинитив, однако формы, соответствующие деепричастию включены в парадигму *infinitivvs*.

В этом разделе дается перечень наречий с их подробным делением на группы, иногда он слишком расширительно толкует эту часть речи. Здесь же рассматриваются предлоги, союзы и междометия с привлечением иллюстративного материала.

Естественно у автора имеются отдельные места, где мы можем с ним не согласиться. Однако, нужно учитывать, что это один из первых трудов по тюркскому языку, и несмотря на стереотипы, довлеющие над исследователями-лингвистами того периода, И. Мегизеру удалось раскрыть фундаментальные основы тюркского языка и его специфику.

Как мы уже говорили хрестоматийный материал, в том числе и пословицы даны автором на тюркском языке. Хрестоматийный материал [12, 182-226]. имеет свою специфику, особенно в части пословиц. Эту книгу Мегизер предваряет следующими словами: «Две сотни пословиц и предложений, которые частично тюркские по происхождению и употреблению, а частично же переведенные с латинского языка на тюркский. Соотносятся же они с латинскими, итальянскими, немецкими пословицами, а перевод некоторых из них подобран даже на трех этих языков [7, 191]. Понятно, что пословицы и поговорки – это мудрость самого народа и в них ярко выражается особенность менталитета носителя языка. Для И. Мегизера латынь не является родным языком, и поэтому при переводе пословиц, видимо, в некоторых случаях ему было трудно передать все тонкости народной мысли на этом языке. Он привлекает живые европейские языки. Всего Мегизер предлагает 220 пословиц. Они даны в виде столбика. Все они пронумерованы. 200 пословиц даны как основные и 20 в дополнительном списке. Сначала указывается пословица на тюркском языке, а затем перевод. Нами было выявлено, что при переводе пословиц Мегизер использует латинский язык в половине случаев, хотя основной текст грамматики написан на латинском языке. В остальных случаях же автором приведены переводы на другие европейские языки. Подробный анализ перевода тюркских пословиц дал возможность разделить материал на четыре группы. В статье ограничились лишь указанием на некоторые из них. И в каждом случае приведен один пример из каждой группы.

К первой группе мы отнесли 67 пословиц, в которых тюркские изречения переводятся только на латинский язык. Среди них № 1, 5, 10, 2, 23-27, 34-37 и др. (пример №5).

Yazilon gelur bazina. Предписанное явится на голове. Что бы богиня судьба голове отдельных людей не предначертала, то у тех людей обязательно должно произойти. И никаким способом человек не сможет этого избежать. Верят ведь тюрки в предзнаменование и в то, что на самом их лбу час смерти написан (лат.).*

К второй группе относятся 68 пословиц, имеющих перевод на латынь с привлечением итальянского или немецкого языка. Среди них № 2, 17, 21, 45, 50, 91, 96, 104, 105, 117 и др. (пример №96).

Biberi çok ollan lahanada ustine cor. У кого много перца, тот даже овощи им перчит (лат.). У которого много перца, кладет его даже в капусту (итал.)

---

* Перевод с латинского языка на русский осуществлен М.М.Петровой.

К третьей группе отнесли 18 пословиц, у которых перевод с тюркского языка выполнен с привлечением трех, а иногда четырех языков в разных наборах. Среди них № 58, 68, 103, 169, 173 и др. (пример №58)

Auersus yar isteyen yarsus kalur. Тот, кто хочет друга без единого недостатка, тот останется один (итал.). Потому что никто не живет без греха (лат.) нет человека без греха (нем.).

Четвертая группа включает перевод тюркского материала на какой-либо язык, исключая латынь: немецкий, галльский, испанский, французский, греческий, итальянский арабский, персидский. Среди них № 71, 72, 85, 113, 121 и др. (пример №72).

Bu dunia bir musafir hane. Мир – это дом языков.

Из материала Мегизера видно, перевод большинства пословиц из разных языков близок. Ведь мир – это единый дом для всех языков и народов, как указано самим Мегизером в пословице.

При переводе материала третьего раздела на татарский и русский языки мы старались сохранить текст автора. Однако, при работе возникали некоторые сложности. Тюркская часть пословиц дана у Мегизера в одном варианте или реже приводятся их эквиваленты из арабского и персидского языков. В латинской же части, как уже было сказано, мы видим разные способы передачи содержания тюркских пословиц. Чаще всего использовался эквивалент из латинского, немецкого и итальянского языков. В тех случаях, когда автор не находил эквивалента тюркским пословицам, Мегизер делал дословный перевод на латинский или немецкий языки. Иногда он дополнял такой перевод разъяснением смысла данной пословицы (например №5, 37, 190 и др.) [7, 192-226].

Последний (четвертый) раздел «*Dictionarium latino-Turcicum et Turcico-latinum*» [12, 228-338]. состоит из двух словарей: латинско-тюркского (2460 слов) и тюрко-латинского (2440 слов).

Тематика словаря весьма разнообразна и охватывает практически все сферы жизни. Основную массу словаря составляет лексика, обозначающая наименования наиболее употребительных понятий, явлений, предметов. Кроме того, дано большое количество имен собственных. В ряду их личные имена, почти все только мужские. Здесь представлены имена, связанные преимущественно с библейскими текстами или политическими и историческими событиями (Авраам-Абрам-Ибрагим, Александр-Искандер, Мария и др.). Особую группу составляют географические наименования. Топонимика представлена во всем своем многообразии. Названия населенных пунктов, водных объектов, особенностей рельефа, политико-административных единиц имеют отношение к событиям времени написания книги или недавнего прошлого, а также к событиям, связанным с историей.

Есть в словаре и сугубо научный материал, касающийся, как правило, медицинских наименований, а также наименование объектов растительного и животного мира. Весьма широко представлена в словаре военная лексика: наименования воинских подразделений и обустройства военного лагеря, видов доспехов, слова, необходимые для описания принадлежности конной упряжи, кухонных принадлежности.

Интересна лексика, относящаяся к торговле, административной деятельности. Даны наименования различного рода провианта, яств, напитков, в том числе национальных тюркских блюд (например, плов, катык, щербет).

Выводы и перспектива. Состав словаря ни в коей мере не ограничивается иллюстрацией материала теоретической части; широта лексического материала словаря, некоторые примечания методического характера в грамматической части, сам характер подачи этого материала, довольно свободная манера изложения, богатая синонимика позволяют говорить о том, что грамматика тюркского языка Мегизера, при всей ее точности и грамматической ясности, являет собою также черты самоучителя. Это нисколько не умаляет ценности работы, а напротив, привлекает материалом не только лексики общелитературной, но и большим количеством слов, обиходных выражений, восклицаний междометного характера, представляющих разговорную речь [7, 284-285].

Словарь грамматики, также как пословицы, был ценным материалом для изучающих тюркский язык и открывал широкие перспективы для использования его самыми разными людьми.

1. Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века / М. П. Алексеев. – Л. : Наука, 1968. – 155 с.
2. Каримуллин А. Путешествие в мир книги. Из страниц татарского книгопечатания / А. Каримуллин. – Казань: Тат. Книжн. Изд, 1979. – 208 с. 14 (на татарском языке).
3. Каримуллин А. У истоков татарской книги / А. Каримуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. – 207 с.
4. Кодухов В. И. Общее языкознание / В. И. Кодухов. – М. : “Высшая школа”, 1974. – 303 с.
5. Кононов А. Н. Очерк истории изучения турецкого языка / А. Н. Кононов. – Л. : Наука, 1976. – 118 с.
6. Махмудов Х. Слово, сказанное предками (Афоризмы в тюркско-татарских памятниках 8-17 в.) / Х. Махмудов. – Казань: “Фикер”, 2002. – 256 с. (на татарском языке).
7. Мегизер И. Основы тюркского языка (перевод и комментарии Ф. Ш. Нуриева, М. М. Петрова, М. М. Сунгатуллина) / И. Мегизер. – Казань, 2012 – 288 с.
8. Нуриева Ф. Ш. «Institutiones linguae turcicae libri quator» (1612) – первая печатная грамматика тюркских языков / Ф. Ш. Нуриева // Восточные языки и культуры: Материалы II Международной научной конференции (20-21 ноября 2008 г.), Москва: изд-во РГГУ, 2008 – с. 58-61; Нуриева Ф. Ш. Из истории тюркских грамматик: тюрко-латинская грамматика И. Мегизера / Ф. Ш. Нуриева // Филология и культура №2 (28) – Казань, 2012. – с. 88-91; Нуриева Ф. Ш, Петрова М. М, Сунгатуллина М. М. «Institutiones linguae turcicae libri quator» И. Мегизера / Ф. Ш. Нуриева // Тюркоязычная книга: наследие веков. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной истории тюркоязычной книги (17-18 октября 2012 г.) – Казань, 2012. – с. 9-15; Нуриева Ф. Ш, Петрова М. М, Сунгатуллина М. М. Латинско-тюркская грамматика И. Мегизера «Institutiones linguae turcicae libri quator» (1612) / Ф. Ш. Нуриева // Научный Татарстан – Казань, 2011 – с. 13-26 (на татарском языке); Нуриева Ф. Ш, Петрова М. М, Сунгатуллина М. М. Первая тюркская печатная книга / Ф. Ш. Нуриева // Казан утлары №12. – Казань, 2012. – с. 117-120 (на татарском языке); Нуриева Ф. Ш, Петрова М. М, Сунгатуллина М. М. Примечания к тюрко-латинской грамматике Иеронима Мегизера (1612 г.) / Ф. Ш. Нуриева // Иероним Мегизер «Основы тюркского языка». – Казань: изд-во «Магариф-Вақыт», 2012 – с. 282-285; Петрова М. М. Особенности латинского словарного материала в книге Иеронима Мегизера «Institutionum linguae Turcicae libri quator» / М. М. Петрова // Scripta manent. Материалы Всероссийской научно-практической конференции “Классические языки в Высшей школе” (2-5 ноября, 2012 г.) – Казань, 2012. – с. 64-71; Сунгатуллина М. М. Глагол в тюрко-латинской грамматике И. Мегизера «Institutiones linguae turcicae libri quator» / М. М. Сунгатуллина // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков. Сборник материалов Международной Тюркологической конференции, посвященной памяти академика Д. Г. Тумашевой. – Казань, 2011 – с. 332-336 (на татарском языке).

9. Сусов И. П. История языкознания / И. П. Сусов. – М. : “Восток – Запад”, 2006. – 295 с.
10. Dilacar A. 1612 de Aurorada yayimlanan ilk turkce grammerinin ozellikleri / A. Dilacar. – TDAYB, 1970. – S. 197-210.
11. Kuun C. Codex Cumanicus / C. Kuun. – Budapestini, 1880. – 552 p.
12. Megiser H. Institutiones linguae Turcicae libri quatuor / H. Megiser. – Leipzig, 1612. – p. 340.
13. Stein H. “Eine turkische Sprichsammlung des 17. Jahrhunderts”, Acta Orientalia Academiae Scientiarum / H. Stein. – Hung. Tomus XXXVIII (1-2) – Leipzig, 1984. – p. 55-104.
14. Th. Elze. H. Megiser. Allg. Deutsche Biographi / Elze Th. – Bd. XXI, 1885. – 183-185 p.

Приложение (Примеры пословиц)

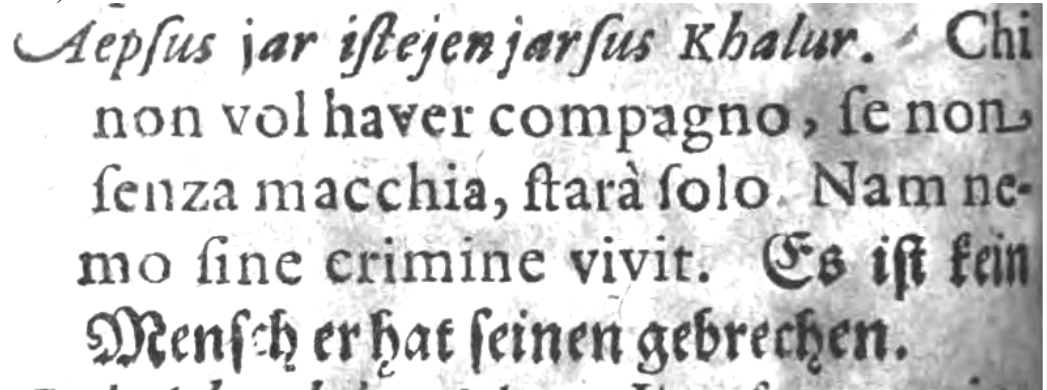
а) № 5

Iazilon gelur basına. (ad verbum) Scriptura veniet capiti. hoc est: Quicquid Dea fortuna capiti singulorum hominum inscripserit, id illis evenire necessum est, neq; evitari ullo modo potest. Credunt enim Turci praedestinationem, & quòd in ipsorum fronte hora mortis scripta sit, quam effugere haud liceat.

б) № 96

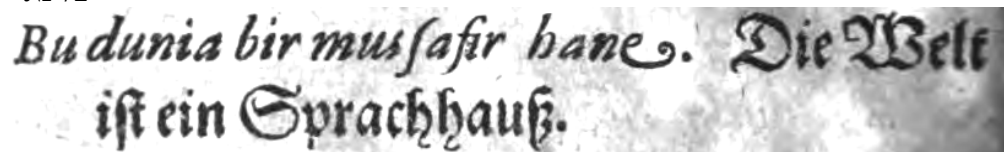
Biberischok ollan lahanada ustine cor.
Cui multum est piperis, etiam ole-
ribus immiscet. Chi ha assai pepe-
lo mette anche sopra i cavoli.

в) №58

Aepsus jar istejen jarsus Khalur. Chi non vol haver compagno, se non senza macchia, starà solo. Nam nemo sine crimine vivit. Es ist kein Mensch er hat seinen gebrechen.

№ 72

Bu dunia bir musafir hane. Die Welt ist ein Sprachhaus.

Нурієва Ф. Ш. Вклад Ієроніма Мегізера у становленні тюркської лінгвістичної науки / Ф. Ш. Нурієва, М. М. Петрова, М. М. Сунгатулліна // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 266–274.

У статті висвітлюється внесок І. Мегізера у становленні тюркської лінгвістичної науки, розглядаються питання міжмовного зв'язку в його працях.

Ключові слова: словник, граматика, міжмовної матеріал, тюркський, латинська, німецька, італійська, прислів'я, Середньовіччя, Мегізер.

Nurieva F. Sh. General characteristics of the interlingual text in the works of Hieronymus Megizer / F. Sh. Nurieva, M. M. Petrova, M. M. Sungatullina // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 266–274.

The article is devoted to Megizer's contribution in the development of Turkic linguistics (on the example of his grammar book) and discussion of some issues of intercultural communication.

Key words: dictionary, grammar, international text, Turkic, Latin, German, Italian, proverbs, the Middle Ages, Megiser.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 512. 162

ДЖАФАР ХАНДАН О ЖИЗНИ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАСЛЕДИИ НИЗАМИ

Шукурова Г. В.

*Институт Фольклора Национальной Академии Наук Азербайджана
E-mail: info@gulxani.net*

В статье «Джафар Хандан о жизни и художественном наследии Низами» автор анализирует статьи Джафара Хандана о Низами. На первый план в статье выходят индивидуальные научные исследования ученого – литературоведа Джафара Хандана о наследии Низами. Автор показывает что, на примере поэм «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин» Хандан исследует особенности и специфику художественного творчества Низами.

Ключевые слова: Низами, поэма, Джафар Хандан.

Постановка проблемы. Джафар Хандан (Джафар Зейнал оглу Гаджиев) 1910-1961-азербайд-жанский литературовед, ректор Азербайджанского государственного университета (1950-1954), заведующий кафедрой истории азербайджанской литературы АГУ. Автор первой монографии о творчестве основоположника азербайджанской сатиры М. А. Сабире («Сабир», 1940), первого в Азербайджане учебника «Теория литературы» (1940), первого исследования по литературе иранского Азербайджана (1949).

Написанный Джафаром Ханданом совместно с Мамед Арифом учебник для средней школы «Советская литература», (1939) выдержал 17 изданий [1, 4-8]. Еще в со школьных годах Джафар Хандан внимательно изучал наследие Низами, исследовал занимаемую им позицию, как в азербайджанской, так и в ближневосточной литературе. Он высказывал ценные мнения о лирическом творчестве Низами, особенно о его крупномасштабных пяти поэмах. Он проявлял заинтересованность к изучению наследия Низами, а также исследованию и анализу этого наследия. Являясь одной из передовых личностей своей эпохи, он повлиял на литературу народов Ближнего и Среднего Востока, а также на развитие их мышления. Он обогатил наше литературоведение своими ценными идеями об обладателе прогрессивных идей, а также великом мастере своего дела Низами. Джафар Хандан, как и свои предшественники Х. Араслы («Жизнь поэта». Баку. 1940, 1967: «Низами Гянджеви». Баку. 1947), Мубариз А. («Низами и наша эпоха». Баку 1947) исследовал наследие Низами еще с начала прошлого века. Последователи Джафара Хандана продолжили его работу внесением огромного вклада в развитие Низамиведения. В последующий период научные исследования о Низами вели такие ученые как М. Гулузаде (Низами Гянджеви. Баку 1953), Бертельс («Великий Азербайджанский поэт Низами». Баку. 1958), А. Агаев («Низами и мировая литература». Баку. 1964), Аббасов А. («Поэма «Искендернаме» Низами Гянджеви». Баку. 1966) Й. Халилов («Лирика Низами». Баку. 1968; «Ренессанс на Востоке». Баку. 1982), Мамед Джафар («Мир идей Низами». Баку. 1981), Азада Р. («Низами Гянджеви «Жизнь и творчество». Баку. 1979), Х.

Араслы («Низами и тюркская литература». Баку. 1980), Джахани Г. («Традиции Низами в Азербайджанской литературе». Баку. 1979), Х. Гусейнов («Низами «Сокровищница тайн». Баку, 1981), Р. Алиев («Исследования о биографии Низами»). Журнал «Азербайджан». №6. 1981) в изучении наследия велика роль иранских ученых Рзазадэ Шафаг, Саида Нафиси, Бадиузаммана Форузан-фара, Вахида Дастгирди, турецких ученых Ахмеда Атеша, А. С. Левента, Али Нихата Тарлана, Н. Гянджосмана, индийских ученых Шибли Немана, Моде. Низаминское наследие изучается и исследуется как в советский период, так и в период современной Азербайджанской Республики. В изучении этого наследия немала роль Хандана как поэта, ученого и переводчика. В послевоенный период ряд литературоведов такие как М. Ариф, Х. Араслы, М. Рафили, М. Дж. Джафаров, Мир Джалал, М. Рзагулузаде, Ф. Гасымзаде, А. Шариф, Дж. Джафаров, А. Агаев тоже сыграло немалую роль в изучении наследия Низами. Хандан также активно работал в области критики и литературоведения (Современная азербайджанская литература. Пособие для высших учебных заведений. Баку, Бакинский Университет, 2007, стр. 504) Джафар Хандан анализирует третью поэму Низами «Лейли и Меджнун» Низами, широко распространяющуюся как в Восточной, так и народной литературе. Здесь отмечается факт того, что поэт написал это произведение, когда ему было 47 лет. Хандан особо подчеркивает мысли Низами о том, что человек никогда не должен унижаться, он должен уважать свою личность. Хандан также отмечает то, что Низами критиковал людей, теряющихся при любых невзгодах жизни и сдающихся по всякому поводу [1-143]. Отмечает, что в лице Меджнуна Низами отобразил характерные для доброго человека положительные черты характера. В произведениях Низами Меджнун описывается как сентиментальный поэт, обладающий отзывчивым добрым характером. Факт недостижения этим человеком своей любимой, создает у читателя чувство ненависти к законам общества, а также обычаям и традициям того периода [1-143]. В произведении исследуется судьба женщины, а также общество, создавшее неблагоприятные условия для представителей прекрасного пола, что впоследствии послужило их трагедией. В поэме Лейли рассматривается как типичный образ азербайджанской женщины в эпоху Низами. «Образ Лейли больше чем связан с реальным миром. Владея искренне любящей душой Лейли, одновременно была бессильна перед законами общества. Жизнь в этом обществе губит ее желания, разлучает от ее избранника. Ее заставили выйти замуж за нелюбимого человека. Но она даже на последнем дыхании оставалась верной своему любимому» [3-143]. На самом деле живущие в период феодализма и патриархальных законов, Лейли и Меджнун хотят построить совместное будущее следуя своим желаниям и мечтам, вопреки официальным запретам и догмам общества. Чистая святая любовь соединяет двух молодых ради тяжелых жизненных испытаний. Осознавая то, что выступают против общества, они попытались скрыть свою любовь и взаимоотношения, но все было бесполезно:

Бесполезны попытки у нашей судьбы

Ведь не скроешь ты правду о нашей любви

В этом произведении с трагическим концом мы не можем найти конкретно плохих персонажей, так как в роли разрушительной силы в поэме выступает общество в целом, его феодально-патриархальные законы и обычаи [2-152]. Хандан от-

мечает, что Лейли несмотря на свою искреннюю любовь к Меджнуну, не может противостоять законам общества и расстается с ним. Хандан также акцентирует внимание на том, что вышедшая замуж за нелюбимого человека Лейли, остается верна Меджнуну до последних дней. Хандан отмечает, что в поэме «Семь красавиц» Низами речь идет о легендарной жизни сасанидского шаха Бахрама. Жизнь основателя са-санидской династии, правителя Бахрама Гура 10 нашла отражение в произведении Фирдовси «Шахнаме». Другие исследователи также отмечали, что, в этом произведении поэт, как и в остальных поэмах выдвигал «образ справедливого правителя». Джафар Хандан говорит о том, что эта тема позволяет ему продолжить «образ справедливого правителя», созданный в произведениях «Сокровищница тайн» и «Хосров и Ширин»: «Главный герой произведения Бахрамшах является умным, справедливым и грамотным правителем». Он спасает родину от иноземных нашествий, проводит реформы по реставрации городов, открывает зернохранилища перед народом. Все вышеперечисленные качества у правителя являются мечтами Низами» [1-144]. Исследователь наряду с положительными чертами характера Бахрама замечает его отрицательные качества. После приобретения власти Бахрам становится другим. Он увлекшись семьей красавицами, забывает о благосостоянии народа, становится никчемным правителем. Бахрам уже забывает свои обязанности, и тем временем внутренние недовольства способствуют растерзанию богатств страны. Начинаются трагические дни для его народа. Критик акцентирует наше внимание на том, что Бахрамшах направляет на истинный путь обычный пастух. Чобан (пастух) наказывает пса, который вместе с волчицей ликвидировал овечье стадо:

За эту ошибку я вешаю тебя

Сказал, что не открою пока не умрешь

Так не обращаются с родными

Никто тебе не скажет браво молодец

После этих слов у Бахрама глаза раскрываются. Он берет пример с этого мудреца:

Есть правда в слове мудреца

Шах взял с него наглядный пример

Знак свыше был, что понял шах

Как только поел, он вернулся на родину.

Сказал, что я поражаюсь этому делу

Научил меня царству обычный чобан

История эта мне очень родна

Пастух я, а стадо мои подчиненные

Если бы правила мои были не те

Поверенные люди творили бы зло

Визирь мой родной, дороже мне брата

Все время берегущий мое стадо

Пусть скажет зачем развалилась страна

В чем причина такого безобразия? [3-

21].

Ученый-исследователь Мамед Ариф пишет: «Тема умного и справедливого правителя доминирует в творчестве Низами». Низами всегда открыто писал о своих желаниях по поводу справедливого правителя. Согласно законам той эпохи, Низами, как и свои современники в основном посвящал произведения падишахам. В своих поэмах он дает поучительные мудрые советы правителям, призывая их быть достойными сыновьями народа, которым доверена жизнь миллионов жителей страны. Он советовал им быть щедрыми, мудрыми и дальновидными политиками своей страны. Низами всегда напоминал правителям, что украшением государства является справедливое правление народом [3-19].

Джафар Хандан раскрывает идейные качества поэмы «Семь красавиц» следующим образом: «Низами описывает как Бахрам спрашивает причину поступка чобана, повесившего свою собаку и тут выясняется, что стадо было разгромлено этим же псом, которого пастух считал верным. Бахрам делает выводы из увиденного и узнав, что родину изнутри громят его некоторые поверенные, наказывает их. Увлечшийся семью красавицами, Бахрам сталкивается с трудностями жизни и делает из этого выводы» [1-144].

Джафар Хандан отмечает, что Низами показывает на примере Бахрамшаха, эволюцию тогдашних правителей, и дает поучительные советы падишахам в области управления народом. Низами также затрагивается темы увлечения падишахов плотскими наслаждениями, и об их нехватке времени на проблемы и дела народа. В то же время Низами отмечает неправильность такого отношения к народу. Бахрамшах увлечшийся плотскими наслаждениями поручает управленческие дела народом своему другу визиру Раст Равшану. Визирь являясь далеко не ангелом, сговорившись с наибом шаха начинает эксплуатировать народ и расхищать его богатства. Он ставит свои грязные планы выше благосостояния народа. Раст Равшан, опустошивший казну, ограбивший народ, разгромивший войско в конце концов идет на предательство. Этот тиран призывает китайского хагана напасть на Иран.

Литература

1. Хандан Дж. Избранные произведения: в 3-х томах. – Т. I: Стихотворения, поэмы, литературно-критические статьи / Хандан Дж. – Баку: Чашыюглы, 2010. – 352 с.
2. История азербайджанской литературы: в 3-х томах. – Т. I: с древнего периода до конца 18 века. – Баку, 1960. -592 с.
3. Ариф М. Избранные произведения: в 3-х томах. – Т. I. – Баку: Элм, 1970. – 428 с.
4. Султанлы А. Искендернаме и западноевропейская литература. Низами Гянджеви. Сборник статей / Султанлы А. – Баку: Издательство АН АССР, 1947.
5. Халисбейли Т. Н. Гянджеви и азербайджанские источники / Халисбейли Т. – Баку: Азернешр, 1991. – 296 с.
6. Араслы Х. Народные варианты произведений Низами/ Араслы Х. – Баку: Азернешр, 1941.
7. Джафаров М. Дж. Литературные мысли / Джафаров М. Дж. – Баку: Азернешр, 1958. – 200 с.
8. Джафар Хандан. Актуальные проблемы азербайджанской филологии / Джафар Хандан // Материалы из конференции, посвященной столетию Гаджиева. 12-я книжка. – Баку: БГУ, 2010. -532 с.

Шукюрова Г. В. Джафар Хандан про життя і художній спадщині Нізамі / Г. В. Шукюрова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 275–279.

У статті «Джафар Хандан про життя і художній спадщині Нізамі» автор аналізує статті Джафар Хандан про Нізамі. На перший план у статті виходять індивідуальні наукові дослідження вченого –

літературознавця Джафара Хандан про спадщину Нізамі. Автор на прикладі поем «Скарбниця таємниць», «Хосров і Ширін» Хандан досліджує особливості і специфіку художньої творчості Нізамі.

Ключові слова: Нізамі, поема, Джафар Хандан.

Shukurova G. V. Jafar Khandan deals about the life and literary heritage of Nizami / G. V. Shukurova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 275–279.

In the article the literary activity of Nizami is investigated basing on the works of «Treasure of secrets», «Khosrov and Shirin». Jafar Khandan's researches are investigated about Nizami's using chances of folklore, the richness of people's spirit in his works, the content, idea qualities of his works benefitting from folklore.

Key words: Nizami, poem, Jafar Khandan

Поступила в редакцію 01.03.2013 з.

УДК 821. 512. 161 – 31. 09

ДИАЛОГ О ГОРОДЕ: ОСОБЕННОСТИ ТУРЕЦКОГО ИНТЕРТЕКСТА РОМАНА ОРХАНА ПАМУКА «СТАМБУЛ: ГОРОД ВОСПОМИНАНИЙ»

Посохова Е. В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: katerinaposoхова@gmail.com*

Настоящая статья рассматривает проблему турецкого интертекста в автобиографическом романе лауреата Нобелевской премии по литературе 2006 г. Орхана Памука. Диалог об образе Стамбула, в который автор на страницах данного произведения вступает со своими соотечественниками и европейскими писателями, является ключевым фактором идейно-художественного своеобразия его автобиографического романа. Определена специфика образа города в рамках турецкого интертекста романа, прослежены особенности восприятия Стамбула Р. Э. Кочу, А. Х. Танпынаром, Я. Кемалем. Проанализировано диалогическое взаимодействие турецкого интертекста с авторской нарративной линией в контексте обсуждения и при создании образа Стамбула. Доказано, что Орхану Памуку импонирует черно-белый меланхоличный образ города, который он находит в творчестве стамбульцев и который вызван утратой прежнего величия Османской империи. Вместе с тем, писатель отмечает в произведениях Р. Э. Кочу наивность и нарочитую занимательность. Что касается творчества Я. Кемала и А. Х. Танпынара, то романист, разделяя их любовь к окраинам, тем не менее отвергает их национализм.

Ключевые слова: Интертекст, диалог, образ Стамбула, Орхан Памук, турецкий роман.

В 2006 году, когда Орхан Памук стал лауреатом Нобелевской премии по литературе, в пресс-релизе Шведской Королевской академии было отмечено, что турецкий писатель «в поисках меланхолической души родного города нашел новые знаки для обозначения столкновения и переплетения культур» [15]. Словосочетание «новые знаки» является существенным в характеристике новаторства Орхана Памука, которое в романе «Стамбул: город воспоминаний» проявляется, прежде всего, в диалогическом взаимодействии его представления о городе с видением турецких авторов и европейских писателей.

Изучение специфики подобного диалога невозможно без понимания особенностей образа города, созданного соотечественниками Орхана Памука. Их видение Стамбула составляет турецкий интертекст романа. Это одна из актуальных проблем памуковедения, решения которой позволяет расширить представление о творческом методе автора. Новизна подобного исследования заключается в том, что фокус исследований творчества Памука – немногочисленных в отечественной тюркологии в отличие от зарубежья – смещен на проблемы постмодернизма его произведений. Фундаментальные труды, составляющие корпус памуковедения в Турции, включают в себя работы Г. Айтач, А. Кабаклы, Б. Моран, Ф. Наджи, М. Текин, Й. Эджевит

[1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 14]. В российской тюркологии – это исследования С. М. Утургаури, М. М. Репенковой и А. С. Сулеймановой [18, 21, 22]. В украинском литературоведении жанровый аспект творчества автора анализируется в работе А. В. Рог [20].

Цель данной статьи – запомнить существующий пробел в памуковедении, исследовав турецкий интертекст автобиографического романа Орхана Памука, что, в свою очередь, откроет перспективы для анализа диалога об образе Стамбула в авторской наррации и турецкой интертекстуальной плоскости. Для изучения сходств и различий авторского видения города и представлений о нем турецких писателей будут использованы результаты исследования, изложенные в ранее опубликованной нами статье «Стамбул как палимпсест: о некоторых особенностях образа города в автобиографическом романе Орхана Памука «Стамбул: город воспоминаний»»

Турецкие литераторы сравнительно немного писали о Стамбуле вплоть до начала XX в. Как отмечает Орхан Памук, «дать портрет живого города, передать его атмосферу, его дыхание, уловить все подробности его повседневной жизни может только литература — но на протяжении нескольких столетий литературные произведения о Стамбуле выходили лишь из-под пера иностранцев» [17, 315]. Для своего автобиографического романа он выбрал четырех «одиноких печальных» писателей, без «незримого присутствия которых», он не мог бы представить себе родной город. Речь идет о Я. Кемале (1884—1958), А. Х. Танпынаре (1901—1962), Р. Э. Кочу (1905—1975) и А. Ш. Хисаре (1888—1963) [17, 145]. Последнему отведено сравнительно мало места в романе, поэтому фокус нашего исследования будет направлен на первых трех. По признанию Орхана Памука, представление о городе этих писателей стало «неотъемлемой частью» образа Стамбула для него самого [17, 143].

Каждый из «печальных одиноких» писателей так или иначе испытал влияние западной литературы и искусства. Например, А. Х. Танпынар, как и его учитель Я. Кемаль, который в юности провел девять лет в Париже, находился под влиянием поэзии С. Малларме, П. Верлена и Т. Готье. А. Ш. Хисар был поклонником французских прозаиков, особенно А. Жида [17, 149]. Естественно, что эти турецкие писатели восприняли многие идеи и представления западной литературы и начали свое творчество с подражания любимым европейским авторам. Однако они понимали, что такой путь может угрожать утратой «достоверности, самобытности и подлинности в творчестве». По этому поводу Орхан Памук отмечает, что «ощущаемый ими конфликт между желанием писать по-западному и необходимостью быть «настоящим» был особенно мучителен в первые годы их литературной деятельности» [17, 149].

Орхан Памук апеллирует к творчеству четырех «печальных одиноких» писателей, так как в поисках «подлинного голоса» они нашли импонирующую ему тему, которая является, по его словам, подлинной и поэтической, а именно — крах Османской империи, а следовательно, и исчезновение османской культуры, в которой они родились и выросли. Романист комментирует это следующим образом: «Глубокое переживание непоправимого распада османской цивилизации позволило им, избежав опасности впадения в примитивную ностальгию, похвальбу великой историей или агрессивный национализм и изоляционизм, которыми заразились столь многие их современники, приобрести особый взгляд на прошлое, превращающий

рассказ о нем в поэзию» [17, 150]. Именно в их произведениях Орхан Памук столкнулся с той печалью, которая возникает от осознания безвозвратной утраты культуры. Их Стамбул, также как и Стамбул Орхана Памука, полон развалин красоты, которой больше не существует.

В статье «Философия творчества» Э. А. По пишет, что, работая над «Вороном», он размышлял над вопросом, как написать произведение, проникнутое меланхолией. И он понял, что самая печальная тема — это смерть, а поэтическую окраску она приобретает, соприкасаясь с красотой: «Смерть прекрасной женщины, вне всякого сомнения, является наиболее поэтическим предметом на свете» [16, 375]. У стамбульских писателей и красота, и смерть как основные мотивы творчества совершенно иного рода. Они повествуют о жизни старого Стамбула и о его красоте, которая угадывается даже в развалинах города, поскольку, как подчеркивает Орхан Памук на страницах своего романа, «прошлое продолжает жить в стамбульских руинах» [17, 152].

В детстве Орхана Памука заинтересовала большая книга, форматом в газетный лист, которая называлась «От Османа Гази до Ататюрка. Панорама шести веков истории Османской империи» [8]. Как он позднее написал в своем романе, в этой книге история Османской империи, подававшаяся в турецких школьных учебниках «как совокупность войн, побед, поражений и мирных договоров, представляла <...> в виде череды занимательных и странных событий, в которых принимали участие не менее странные люди, в виде галереи захватывающих, пугающих, а порой даже отвратительных картин» [17, 198-199]. Так романист познакомился с творчеством историка Р. Э. Кочу, одним из четырех «печальных одиноких» писателей, творчеству которого уделяется большое внимание на страницах романа «Стамбул: город воспоминаний». Вначале он писал отдельные статьи, которые публиковала газета «Джумхуриет» под рубрикой «Странные и удивительные факты из нашей истории». Р. Э. Кочу родился в 1905 г. и стал свидетелем войн, которые привели к падению Османской империи и нищете ее бывшей столицы. Орхан Памук убежден, что «печальная душа» этого автора была «обращена в прошлое», поскольку он решил заняться историей в то время, как империя только что пала, а идеология новой республики, особенно на ранних этапах после ее установления, предполагала «забвение» и пренебрежительное отношение ко всему «османскому» [17, 206].

В 1954 г. эти статьи были изданы отдельной книгой, которая состояла из «удивительных и странных» черно-белых иллюстраций, занимательных рассказов, исторических фактов и сведений энциклопедического характера, поэтому ее читатель, по словам Орхана Памука, словно оказывался внутри одной из исламских миниатюр. В детстве Орхан Памук, разглядывая иллюстрации, прочитал о том, что в 1621 г. зима была настолько холодной, что Золотой Рог замерз полностью, а Босфор — частично. Когда Орхан Памук рассматривал соответствовавший этой истории рисунок, изображающий «поставленные на санные полозья лодки и вмерзшие в лед корабли», ему в голову не приходило, что «эти иллюстрации, как и все остальные рисунки в книге, скорее являлись плодом фантазии художника, нежели показывали, как все было на самом деле» [17, 200].

В сочинении Р. Э. Кочу присутствует немало пугающих подробностей, поскольку он уделил достаточно большое внимание теме, которая очень интересовала западных путешественников, приезжавших в столицу Османской империи, а именно — пыткам и казням. Но даже его исторически достоверные рассказы значительно «приукрашены» воображением автора. Например, известно, что в XV в. визиря Кара Мехмет-пашу обезглавили по требованию сипахов, восставших в Стамбуле. Вполне вероятно, что голову выдали мятежникам, которые, возможно, пинали ее ногами из ненависти к покойному визирю. Однако Орхан Памук выражает сомнение, что они «принялись играть ею, словно мячом, на манер современных футболистов» [17, 201]. Отмечая недостоверность отдельных фактов этой книги Р. Э. Кочу, романист ценит ее за то, что ее автор «был одним из тех особенных людей, чью душу ранила печаль Стамбула начала XX века, людей, создавших печальный, но незавершенный образ своего города» [17, 204].

«Панорама шести веков» была не первой попыткой Р. Э. Кочу познакомить читателей с историей Стамбула. Примерно десятью годами ранее он начал работу над «Энциклопедией Стамбула» [7], которую не завершил, дойдя до 11 тома (до буквы «G»). Об этом произведении Орхан Памук говорит, что оно «стоит особняком среди всего, что было написано о Стамбуле в XX веке, — это одновременно и самое странное, и самое яркое, и, благодаря своей структуре, ткани текста и общей атмосфере, наиболее полно отражающее дух Стамбула сочинение» [17, 204]. Несмотря на то, что сам автор «Энциклопедии Стамбула» целенаправленно не размышлял над этой темой, именно печаль определила внутреннюю логику его произведений. Орхан Памук считает, что источниками этого чувства были крах империи, биография писателя и, в первую очередь, Стамбул, хотя сам Р. Э. Кочу считал город «единственным утешением» [17, 204].

Сочинение Р. Э. Кочу не было энциклопедией в прямом значении этого слова. По словам Орхана Памука, в его представлении о том, что такое энциклопедия, было «нечто очень наивное и детское» [17, 220-221]. Он считал, что это — антология всякого рода сведений, представленных в алфавитном порядке. Р. Э. Кочу не придавал значения разнице между «историями» и фактами и не задумывался о том, что в энциклопедии последние должны быть упорядочены и подчинены определенной иерархии.

У Орхана Памука «вызывал сочувственное понимание наивный оптимизм Кочу, взявшегося одним махом перенести на турецкую почву жанр, на создание которого у европейской цивилизации ушла не одна сотня лет» [17, 223]. Последний пытался использовать западные приемы классификации, чтобы описать путаницу стамбульской жизни. С одной стороны, незавершенность энциклопедии и ее «неудачу» можно объяснить, как говорит Орхан Памук, многослойностью и беспорядочностью самого Стамбула того времени, а с другой, эта книга притягательна для романиста тем, что отражает «не поддающуюся никакой классификации и упорядочению странность, пестроту и анархию Стамбула эпохи перехода от Османского прошлого к современности» [17, 223]. Поэтому труд Р. Э. Кочу привлекает Орхана Памука именно этой «неудачей», поскольку ее автор попытался взглянуть на город «другими глазами». Романист убежден, что автор «Энциклопедии Стамбула» стал

на путь, который увел его от Востока, но так и не привел к Западу. Орхан Памук пишет по этому поводу следующее: «Самые глубокие и прекрасные места произведений Кочу <...> — именно те, где особенно сильно чувствуется <...> затерянность между двумя мирами» [17, 226]. Романист угадывает в этом нечто, присущее Стамбулу, поэтому, перелистывая тома энциклопедии, он словно отправляется на воображаемую прогулку по настоящему и прошлому города.

Большое место в романе «Стамбул: город воспоминаний» отведено диалогу автора с А. Х. Танпынаром и Я. Кемалем, которые неразлучны на страницах его романа. Также как и на романиста, на них сильно повлияли произведения европейских писателей. Орхан Памук даже назвал Я. Кемалю «усердным читателем и поклонником Готье» [17, 298-299].

После окончания первой мировой войны А. Х. Танпынар и Я. Кемаль, гуляя по бедным окраинам Стамбула, чью печаль заметил в 1853 г. Готье, сравнивали свои впечатления с описаниями европейских путешественников. Орхан Памук считает, что «...посвященная Стамбулу часть книги Танпынара «Пять городов», самое значительное произведение из написанных в XX веке стамбульцами о своем городе, представляет собой своего рода беседу с Нервалем и Готье — беседу, порой переходящую в спор» [17, 213]. Например, рассуждения последнего о жизни гарема — здесь Орхан Памук добавляет, что «любой западный путешественник, попавший в Стамбул, тут же принимался размышлять на эту тему» — Танпынар называет «легкомысленными», прибавляя, однако, что нужно быть снисходительными к писателю, поскольку гарем, во всяком случае, действительно существовал [17, 308].

По мнению Орхана Памука эти два турецких писателя, которые пытались создать в своих произведениях и в газетных публикациях такой образ Стамбула, который могли бы принять сами его обитатели, гуляли по нищим районам города, чтобы «свыкнуться с мыслью о том, что и сам Стамбул, и вся Турция стали бедной окраиной мира» [17, 324]. Прошло семьдесят лет с того времени, как Нерваль и Готье посетили город. За это время Османская империя уменьшилась, теряя территории, и пала, а ее столица обнищала, потеряв свое значение в глазах Запада.

После таких прогулок А. Х. Танпынар размышлял о сгоревших особняках, полуразрушенных стенах, ветхих деревянных домах и безлюдных улицах, «оплакивая» исчезновение следов османской культуры из-за нищеты, модернизации и, самое главное, невежества самих стамбульцев, и находил в этих руинах красоту, наделенную особым смыслом. Он писал: «Полная приключений биография этих разоренных районов имеет для меня символическое значение. Только время, только долгая череда исторических событий и происшествий может придать району такой облик. Сколько побед, поражений и бедствий пришлось испытать предкам этих людей? Сколько всего было построено, разрушено и вновь построено, прежде чем эти улицы приобрели свой сегодняшний вид?» [цит. по 17, 325]. Эти впечатления созвучны мыслям Орхана Памука, который говорит следующее: «У меня не было ощущения, что я живу в одной из мировых столиц, — скорее я чувствовал себя жителем большого, но бедного провинциального города» [17, 323-324].

Раздумывая над вопросом о том, почему стамбульские писатели находили красоту в руинах, Орхан Памук в своем романе апеллирует к книге английского писа-

теля и историка искусства Джона Рескина «Семь светочей архитектуры» [19]. Ее автор утверждает, что основная особенность, отличающая живописную красоту в архитектуре, — это ее «случайность», т. е. нечто, не входившее в планы создателя того или иного строения. Таким образом, эта красота появляется, когда по прошествии времени здание приобретает случайные черты, например, его стены оплетает плющ, а в трещинах появляется трава; когда оно видится в неожиданном ракурсе. Вот почему, в силу ее случайности, эту живописную красоту нельзя сберечь. Ведь она присутствует именно в том, что разрушается и исчезает. Для многих стамбульцев, включая Орхана Памука, образ города напрямую связан с печалью руин. Как считает писатель, это объясняет тот факт, что многим жителям Стамбула «не нравится, когда старые, почерневшие и прогнившие деревянные особняки реставрируют и покрывают яркой краской, так что они обретают свой прежний облик и становятся такими, какими были в XVIII веке, во времена побед и процветания Османской империи» [17, 346-347].

Романист вспоминает, что в годы его детства в трещинах крепостей Румелихисары и Анадолухисары росла трава и даже деревья. Тогда подобные живописные виды встречались очень часто. Это были высохшие источники, полуразрушенные особняки, почерневшие от времени, увитые плющом стены мечетей, заброшенные дервишеские обители и пустые дома, покинутые уехавшими греками, армянами и евреями. Орхан Памук пишет, что «в этих печальных развалинах, ныне по большей части исчезнувших, жил дух города» [17, 336]. Таким образом, можно утверждать, что писатель, соглашаясь с мнением А. Х. Танпынара и Я. Кемаля, считает красоту руин одной из главных особенностей Стамбула.

В творчестве Я. Кемаля и А. Х. Танпынара есть и «оборотная сторона медали», на которую не преминул указать Орхан Памук. На страницах романа он задается вопросом, почему «величайшие турецкие прозаик и поэт XX века» не укрылись в своем внутреннем мире, если они так страдали из-за потери Стамбулом своей уникальности. Почему они гуляли по обнищавшим окраинам города, словно хотели сильнее прочувствовать «утрату»? Орхан Памук считает, что их цели были политического свойства: «Среди руин Стамбула они хотели найти основу турецкой нации и нового турецкого патриотизма. Пусть великая Османская империя пала — создавший ее турецкий народ (подобно новому республиканскому государству, наши писатели были готовы с легким сердцем позабыть про всех этих греков, армян, евреев, курдов и прочие меньшинства) все еще живет и здравствует, пусть и погружен в печаль» [17, 326]. По мнению писателя, поражение Турции в Первой мировой войне заставило Я. Кемаля и А. Х. Танпынара стать националистами. Далее Орхан Памук иронически и даже осуждающе добавляет: «Заставило, но они не очень расстраивались по этому поводу. Впоследствии такая позиция облегчила им отношения с государством, позволила занимать дипломатические посты и избираться в меджлис; этой же позицией было обусловлено их молчание после кровавых этнических столкновений 6-7 сентября 1955 года» [17, 329].

Я. Кемаль во время войны за независимость, последовавшей после крушения Османской империи и поражения в Первой мировой, пытался создать образ «турецкого Стамбула». Оказалось, что после основания республики и он, и А. Х. Танпынар

обеспечили идеологическую поддержку новой политики «отуречивания». Оба написали по статье под названием «Турецкий Стамбул». Орхан Памук категорически не разделяет подобную точку зрения на Стамбул, заявляя, что «из этих статей видно, насколько решительно их авторы отказывались видеть космополитическую, разноязыкую, веротерпимую сущность своего города» [17, 330].

Таким образом, диалог Орхана Памука с представителями турецкой культуры позволяет не только исследовать особенности турецкого интертекста романа, но выявить сходство и различие их представлений о Стамбуле. Автору импонирует черно-белый меланхоличный образ города, который он находит в творчестве стамбульцев и который вызван утратой прежнего величия Османской империи. Вместе с тем, писатель отмечает у Р. Э. Кочу наивность и нарочитую занимательность, предназначенную в большей мере для западных туристов. Что касается творчества Я. Кемала и А. Х. Танпынара, то романист, разделяя их любовь к окраинам, тем не менее отвергает их национализм.

Перспективным направлением дальнейшего исследования является анализ западно-европейского интертекста данного произведения и его взаимодействия с авторским видением города, что составляет второй аспект диалога об образе Стамбула. Этот диалог является поэтологической доминантой автобиографического романа Орхана Памука «Стамбул: город воспоминаний».

Литература:

1. Aytaç G. Çağdaş Türk Romanları Üzerine İncelemeler / G. Aytaç. – Ankara: Gündoğan Yayınları, 1999. – 420 s.
2. Aytaç G. Edebiyat ve Medya / G. Aytaç. – Ankara: Kültür bakanlığı yayınları, 2002. – 226 s.
3. Aytaç G. Genel Edebiyat Bilimi: İncelemeler ; Araştırma / G. Aytaç. –İstanbul: Papirüs Yayınları, 1999. – 272 s.
4. Ecevit Y. Orhan Pamuk’u okumak / Y. Ecevit. – İstanbul: Gerçek Yayınevi, 1996. – 223 s.
5. Ecevit Y. Türk Romanında Postmodernist Açılımlar / Y. Ecevit. – İstanbul: İletişim Yayınları, 2001. – 240 s.
6. Kabaklı A. Türk Edebiyatı / A. Kabaklı. – İstanbul: Türkiye yayınevi, 1994. – C. 5. – 132 s.
7. Koçu R. E. İstanbul Ansiklopedisi / R. E. Koçu – İstanbul: Tan matbaası, 1958. – Beş Ciltli.
8. Koçu R. E. Osmanlı Tarihinin Panoraması / R. E. Koçu. – İstanbul: Ak kitapevi, 1964. – 390 s.
9. Moran B. Türk romanına eleştirel bir bakış III / B. Moran. – İstanbul: İletişim Yayınları, 1994. – 138 s.
10. Naci F. Dönüp Baktığımda / F. Naci. – İstanbul: Adam Yayınları, 1999. – 178 s.
11. Naci F. Roman ve Yaşam: Eleştiri Günlüğü: 3. 1991-1992 / F. Naci. – İstanbul: Can Yayınları, 1992. – 221 s.
12. Naci F. 50 Türk Romanı / F. Naci. – İstanbul: Oğlak Yayıncılık ve Reklamcılık Ltd. Şti, 1997 – 427 s.
13. Naci F. Yüzyılın 100 Romanı / F. Naci. – İstanbul: Adam Yayınları, 1999. – 691 s.
14. Tekin M. Romancı yönüyle Orhan Pamuk ve Yeni hayat / M. Tekin. – İstanbul: Öz Eğitim Yayınları, 1997. – 118 s.
15. The nobel prize in literature: Orhan Pamuk [Электронный ресурс] – Режим доступа: [www/ URL: http://www.nobelprize.org/](http://www.nobelprize.org/)– 26. 03. 2012 г. – Загл. с экрана.
16. История зарубежной литературы XIX века: учеб. для филол. спец. вузов / В. Н. Богословский, А. С. Дмитриев, Н. А. Соловьева и др. ; под ред. Н. А. Соловьевой – М. : Высшая школа, 1991. – 637 с.
17. Памук О. Стамбул: Город воспоминаний / О. Памук ; [пер. с тур. М. Шарова, Т. Меликова] – М. : Изд-во Ольги Морозовой, 2006. – 504 с.
18. Репенкова М. М. Вращающиеся зеркала: постмодернизм в литературе Турции / М. М. Репенкова ; Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова. – М. : Вост. лит, 2010. – 240 с.
19. Рескин Дж. Семь светочей архитектуры / Дж. Рескин ; [пер. с англ. М. Куренной, Н. Лебедевой, Сухарева] – СПб. : Азбука-классика, 2007. – 320 с.

20. Рог Г. В. Жанрово-стильові моделі сучасного турецького роману (80-90 рр.). 2006 года: дис. ... канд. філол. наук: 10. 01. 04 / Г. В. Рог ; Київський національний ун-т ім. Т. Шевченка – К, 2006. – 204 с. – укр.

21. Сулейманова А. С. Постмодернизм в современном турецком романе: дис. ... канд. фил. наук: 10. 01. 03 / А. С. Сулейманова ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб, 2007. – 216 с.

22. Утургаури С. Н. Новая тенденция в турецкой литературе рубежа XX-XXI веков / С. Н. Утургаури, М. М. Репенкова // Турция на рубеже XX-XIX веков / [сост. и отв. ред. И. В. Зайцев, Н. Ю. Ульченко] – М. : ИВ РАН, 2008. – С. 217-242.

Посохова К. В. Діалог про місто: особливості турецького інтертексту роману Орхана Памука «Стамбул: місто спогадів» / К. В. Посохова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 280–288.

Ця стаття розглядає проблему турецького інтертексту в автобіографічному романі лауреата Нобелівської премії з літератури 2006 р. Орхана Памука. Діалог про образ міста, в котрий автор на сторінках цього твору вступає зі своїми співвітчизниками та європейськими письменниками, є ключовим фактором ідейно-художньої своєрідності його автобіографічного роману. Визначено специфіку образу міста в межах турецького інтертексту роману, простежено особливості сприйняття Стамбула Р. Е. Кочу, А. Х. Танпинаром, Я. Кемалем. Проаналізовано діалогічну взаємодію турецького інтертексту та авторській нарації у контексті обговорення і при створенні образу Стамбула. Доведено, що Орхану Памуку імпонує чорно-білий меланхолічний образ міста, що він знаходить у творчості стамбульців, викликаний втратою колишньої величі. османської імперії. Водночас письменник відзначає в творах Р. Е. Кочу наївність і нарочиту цікавість. Щодо творчості Я. Кемалю та А. Х. Танпинара, то романіст поділяє їх любов до околиць але відкидає їх націоналізм.

Ключеві слова: Інтертекст, діалог, образ Стамбула, Орхан Памук, турецький роман.

Posokhova K. V. The Dialogue about the City: the Characteristic Features of Turkish Intertext in the Autobiographical Novel *Istanbul: Memories and the City* by Orhan Pamuk / K. V. Posokhova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 280–288.

The present paper focuses on the problem of Turkish intertext in the autobiographic novel by a Nobel price winner Orhan Pamuk. The literary innovation made by the author in *Istanbul: Memories and the City* concerns a dialogic interaction between his conception of the city and the vision of Turkish and Western writers whose ideas are expressed on the pages of the novel. It is the key factor that determines the idea-artistic originality, the plot structure and the whole poetics of the novel. The investigation of such a dialogue is impossible without analyzing the characteristic features of the city image created by Orhan Pamuk's compatriots.

Turkish authors didn't write much about Istanbul till the beginning of the XX century. In his novel Orhan Pamuk indulges into conversation mostly with R. E. Kochu, A. H. Tanpinar and Y. Kemal. The reason of his choice lies in the following. All of the abovementioned writers as well as Orhan Pamuk himself were more or less exposed to the influence of Western culture and literature. Thus adopting some ideas and concepts of Western literature they faced the problem of literary self-identification, finding their unique creative 'voice'. What they were afraid of is becoming just an imitation of European writers since they partly copied their style. This conflict was especially sharp in their early writings. The solution they found lay in the literary comprehension of an indigenous theme, the collapse of the Ottoman Empire that led to the extinction of its heritage. Their writing was full of melancholy and sadness that arose due to the loss of culture and the ruins of beauty that no longer existed. In their creative works they reflect upon Istanbul in ruins turning to its backstreets and outskirts. There, among the ruins they manage to find the sad beauty of the city with great past now gone and forgotten.

It is proved that the Turkish writers' perception of Istanbul and idea of it had a significant impact upon the Orhan Pamuk's vision. Nevertheless basing on the conducted analysis it is impossible to say that these two figures of Istanbul completely coincide with each other. Orhan Pamuk agrees to some points of view and rejects the others. Thus, a black and white melancholic figure of the city which is created in the writings of Istanbulian authors and caused by the loss of former greatness of the Ottoman Empire, finds a positive response in Orhan Pamuk. His own vision of the city which is reflected in his novel *Istanbul: Memories and the City*, is

quite the same since the novelist considers the sad beauty of the ruins to be the main characteristic feature of Istanbul.

At the same time Orhan Pamuk point out that R. E. Kochu's works are too naïve and characterized by the excessive entertaining descriptions and bizarre facts (which are not necessarily true) that a Western tourist in the spirit of Orientalism may seek in the capital of the Ottoman Empire. As to Y. Kemal's and A. H. Tanpinar's writings, the novelist sharing their affection to the ruins nevertheless rejects their political interests and ideas that underlay Turkish nationalism. In the ruins of the past these two writers sought the basis to create a new Turkish nation after the defeat in WWI. In the that historical contest it may seem justified but Orhan Pamuk doesn't accept the oblivion of the cosmopolitan past of Istanbul.

Key words: Intertext, Dialogue, Istanbul, City Figure, Orhan Pamuk, Turkish Novel.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 811. 512

ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СИНТАКСИСЕ В СВЯЗИ С ИМЕНИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ

Сардар Зейнал

*Азербайджанский институт учителей, Баку, Азербайджан
E-mail: serdarzeynal@gmail.com*

В связи с тем, что все разделы языковедения связаны друг с другом, ошибочность, допущенная в одном из разделов, способствует возникновению трудностей в других разделах.

В результате того, что по сегодняшний день не уточнены границы участия именительного падежа в функциях различных членов предложения, сегодня, несмотря на наличие дополнений, выраженных в именительном падеже, всеми языковедами эти примеры принимаются как подлежащие. В связи с этим мы все еще затрудняемся в предотвращении путаницы, возникающей в нашем языке.

Ключевые слова: именительный падеж, дополнение, подлежащее, страдательный залог, объект, субъект, винительный неопределенный падеж, сказуемое.

Постановка проблемы. В учебниках и научных произведениях, написанных в связи грамматикой азербайджанского языка, есть такие понятия, которые нуждаются в усовершенствовании и уточнении. Если обратить внимание, то выяснится, что при высказывании мнения относительно понятий языковедения, фактам языка уделяется недостаточно внимания, в результате чего мнения, высказанные 80-90 лет назад, ошибочно интерпретируются на протяжении десятилетий. Мы затрудняемся при высказывании новой мысли относительно понятий языковедения. Это может происходить по двум причинам. Во-первых, потому, что мы относимся к высказываниям выдающихся представителей азербайджанского языковедения как к догме, а во-вторых, воздерживаемся от ответственности за высказанную мысль или выраженное отношение.

При анализе научных высказываний, произнесенных 80-90 лет в связи с сегодняшними фактами языка, становится очевидным, что есть такие понятия, высказывания о которых точно не отражают особенности исследуемого объекта. В отношениях имеются серьезные ошибки. Хотя некоторые из этих отношений связаны с новыми фактами языка, возникшими в связи с его развитием, другие возникли в результате ошибочного подхода наших языковедов к фактам языка.

Один из таких подходов связан с мыслью, высказанной в связи с глаголами, называемыми страдательный залог. Например, в учебнике Г. Рашада Мирзазаде «Рахбари сарф» (1918) в связи с этим понятием написано: «Бумага порвалась – здесь исполнитель (субъект, осуществляющий действие – С. З.) не известен. Так как не известно, кем порвана бумага» [1, 41].

В учебнике «Грамер», изданном в 1934 году на странице 50, в связи со страдательным залогом написано: «Если в предложении упоминается лицо, осуществ-

ляющее действие, то этот глагол называется действительным залогом, если не упоминается, то страдательным залогом. Например, когда говорим «Гасан прочитал книгу», то здесь известно, кто читает книгу. То есть в предложении упоминается Гасан. Поэтому такие глаголы называются действительным залогом. В предложении «Книга прочитана» никто не упоминается. Поэтому такие глаголы называются страдательным залогом».

В «Исследованиях по азербайджанскому языку, Баку, 1947 на странице 78» для пояснения страдательного залога приводятся в пример предложения «Сону отправили в Москву» и «Письмо отправлено в Москву» и в связи с этим написано: «Страдательный залог показывает «претерпевание» объектом какого-либо действия, обстоятельства, либо действие направлено на какое-либо лицо... Если объект действия, состояния является одушевленным, то задается вопрос «кто?», если является неодушевленным, то вопрос «что?»».

М. Гусейнзаде, говоря о страдательном залоге, отмечает: «Здесь, в основном, указывается на отношение между предметом (объектом), над которым совершено действие и глаголом; точнее, в связи с тем, что исполнитель (субъект – С. З.) неизвестен, объект заменяет субъект» [2, 179]. Неизвестно, на что опирается автор, делая такой вывод. Он сам отмечает: «Это не означает, что нет лица, исполняющего действие» (там же).

Значит, если даже в предложении субъект не проявляется, все равно есть лицо, выполняющее это действие.

Автор мог прийти к выводу о том, что в предложениях, где сказуемое выражено страдательным залогом, объект заменяет субъект (исполнителя), по двум причинам: автор считает, что в предложении слово в именительном падеже является только подлежащим. Так как в связи с этим он пишет: «Именительный падеж, в основном, является подлежащим предложения. Поэтому в некоторых дореволюционных книгах по грамматике его называли подлежащий падеж имени существительного» [2, 98].

Наверняка, в связи с тем, что в предложениях «Сону отправили в Москву» и «Письмо отправлено в Москву» слова Сона и письмо находятся в именительном падеже, автор не мог считать их другим членом предложения, и пришел к заключению, что эти слова могут являться в предложении только подлежащими». Но и это предположение невозможно считать правильным. И поэтому в учебнике, написанном еще в 1954 году, автор отмечал, что путаются слова в именительном падеже со словами, используемыми в винительном неопределенном падеже, и, критикуя это, писал: «Часто путают или же отождествляют имя существительное, используемое в именительном неопределенном падеже с именем существительным в винительном неопределенном падеже. Имена существительные, используемые в именительном неопределенном падеже, являются субъектом, а имена существительные, используемые в винительном неопределенном падеже – объектом предложения. Отличие между объектом и субъектом тождественно отличию между используемыми в той же форме падежами» (МАД, 1954, 101). Хотя автор видит сходство между словами, используемыми в именительном и винительном неопределенном падежах, он в конкретной форме отличает объект от субъекта. Но не понятно, почему в учебнике «Современный азербайджанский язык», изданном в 1972 году, в предложениях

«Двери закрылись» и «Зеленые поля растоптаны», он называет слова двери и поля субъектами предложения. И в предложении «Али закрыл двери», и в предложении «Двери закрылись», объектом, «претерпевающим» действие, являются двери. В обоих предложениях слово двери выражают субъект предложения. Оба предложения состоят из трех частей: 1. Из действия, выраженного словами закрыл и закрылись, объекта, выраженного словами двери и двери, субъекта, названного Али, выражающего имя человека, осуществляющего действие в первом предложении. Во втором предложении есть лицо – объект, закрывающий двери. Но имя этого лица – закрывающего двери, не выражено в предложении как субъект. Насколько правильно в предложениях, где не указывается имя исполнителя, слово означающее имя объекта, принимать за субъект?! Если «Действие, выраженное глаголом, должно быть в определенном отношении связано с субъектом или объектом» [3, 139], то по какому праву в предложениях, состоящих из слов, означающих только название объекта и действия, или слово – объект, отвечающий на вопрос «что?», в предложении мы называем подлежащим? Вопрос субъекта и объекта настолько четко интерпретируется в учебниках и книгах по грамматике, что невозможно понять, почему в написанных учебниках объект, участвующий в предложении, принимается за субъект.

Если для возникновения страдательного залога в таких предложениях так важны объект и субъект, то почему во втором предложении текста, представленного в связи с данной темой написано: «В глаголах такого рода, исполнитель действия меняет свое место в предложении с дополнением. Иными словами, исполнитель действия используется как грамматический объект (дополнение), а действительный объект – как грамматический субъект (подлежащее).

Значит, в предложениях со страдательным залогом возникает структура с двумя объектами и двумя субъектами» [4, 249]?!

Весьма удивительная логика. Ни чем не обосновывая, при наличии в предложении только одного объекта и одного субъекта и за счет того, что в предложении объект выражен именем существительным в именительном падеже, отмечается, что в предложении по два объекта и субъекта. В то же время отмечается, что «в связи с тем, что в страдательном залоге субъект пассивно участвует в исполнении действия, он не может проявиться. И поэтому субъект занимает его место и заменяет субъект».

Если участие субъекта в исполнении действия пассивно, то кто реально написал письмо?! Если предложение «Письмо написано» дать в форме «Письмо написано Али», подтверждается, что письмо действительно написал Али, тогда как может субъект исполнения действия – исполнитель действия быть пассивным. Проф. Булудхан Халилов также подтверждает существование субъекта при исполнении действия и в связи с этим пишет: «Страдательность нельзя понимать как отсутствие субъекта при исполнении действия, наоборот, при исполнении действия субъект существует» [5, 212]. Во-первых, автор, высказывающий такую реальную мысль, через два-три предложения отмечает: «В связи с тем, что в страдательном залоге ... субъект неизвестен, объект исполняет его роль, т. е. объект заменяет субъект».

Если упрощенно интерпретировать эти высказывания, то в предложении «Книги розданы», существует лицо (субъект), раздавшее книги, и он раздает книги. Это

логический вывод, вытекающий из мысли, высказанной в предложении (это действительно так) но при формальном отнесении исполняющего действие субъекта к подлежащему, он не вмещается в рамки вопроса что? При этом чтобы выйти из положения, мы весьма нелогично называем объект, вмещающийся в рамки вопроса подлежащего и отвечающего на него, субъектом предложения.

В предложении «Книги розданы» книга раздается, т. е. как указано, она – объект. В таком случае, если книга раздаваема, то почему мы принимаем ее в качестве раздающего книги?

В недавно изданном учебнике под авторством Г. Казымова, также не изменен традиционный подход к этому понятию. И в этом учебнике последовательно утверждается, что объект заменяет субъект. В связи с этим автор пишет: «Основная проблема страдательного залога заключается в его пассивности, т. е. в том, что субъект не может использоваться в предложении как активный субъект. Например: в предложении «Сарваром составлен новый проект здания» глагол «составлен» в страдательном залоге. Но исполнитель действия известен, действие исполнено Сарваром. Глагол находится в страдательном залоге вследствие того, что исполнитель действия – субъект (в нашем примере слово Сарваром) не проявляется как активный субъект, как подлежащее. Выступает в качестве косвенного дополнения» [6, 191].

Судя по последнему учебнику, можно сказать, что в книгах и учебниках по грамматике, изданных за прошедшие сто лет, интерпретации этого понятия весьма далеки от реальности. Грамматика каждого языка создается на основе присущих этому языку реальных языковых единиц и его особенностей. Мы можем пожертвовать реальностью, возникающей на основе фактов языка, во имя выполнения формальных регулировок, применяемых нами для различения определенных понятий грамматики друг от друга. Почему же в учебниках, издаваемых на протяжении многих лет, выражение «объект заменяет субъект» превратилось в итоговое заключение в связи с этой темой?! Не только в языковедении, но и во всех областях, форма должна быть основным выразителем содержания, высказываемая мысль должна превратиться в своего рода словесное выражение реальности.

Почему в языковедении всегда высказывается мысль, что в предложениях, где сказуемое выражено глаголом в страдательном залоге, «объект заменяет субъект». Наш последний и опирающийся на факты логический вывод заключается в том, что в таких предложениях слова и словосочетания, выражающие объект, используются нами для различения подлежащих от других членов предложения и отвечают на вопросы «кто?» и «что?». Мы не можем назвать объект дополнением потому, что не согласны с тем, что второстепенный член предложения, который мы называем дополнением, отвечает на вопросы «кто?» и «что?». Мы также не заметили того, что в многочисленных предложениях, используемых в нашем языке, слова, выражающие объект, отвечают на вопрос «что?» и даже «кто?». Но такие предложения в нашем языке использовались и используются поныне. Хотя наши языковеды сталкивались с такими фактами языка, но подходили к ним с другой позиции и не смогли сделать реальный вывод. Например, в учебнике «Современный азербайджанский язык», изданном в 1985 году, приведены такие примеры и указаны как совершенно другое грамматическое понятие. В учебнике написано: «Если в предложении сказуемым

являются глаголы в страдательном залоге (*passiv*) типа признан, предположен, считается, объявлен, то в таком предложении участвуют два подлежащих. Например, «Эта книга считается источником всех благодеяний, источником всех наук, сокровищницей добра и пользы, ключом мудрости» («Калила и Димна», 30) [7, 117].

Авторы, наряду со словом «книга», выступающим в роли подлежащего и отвечающим на вопрос «что?», считают подлежащим словосочетания «источник благодеяний», «источник наук», «сокровищница добра и пользы» и «ключ мудрости», так как они отвечают на вопрос «что?». Но принятие авторами всех слов и словосочетаний в указанном предложении, отвечающих на вопрос «что?» подлежащим, ничто кроме заблуждения. Так как если в предложении имеются два члена, отвечающих на один и тот же вопрос, и считающихся подлежащим, то они считаются однородными членами. Но в данном предложении очевидно, что слово «книга», отвечающая на вопрос «что?» и словосочетания, отвечающие на вопрос «что?» не выполняют одну и ту же функцию.

Вообще, в приведенном в пример предложении нет подлежащего, так как подлежащее должно состоять из субъекта предложения (не имеет разницы, логический ли это субъект или грамматический), но здесь не может идти речи о том, что слово «книга» является подлежащим данного предложения. Так как если дать это же предложение в форме «Вюсал считает книгу источником всех благодеяний, источником всех наук, сокровищницей добра и пользы, ключом мудрости», то увидим, что книга является не субъектом, а объектом. Можно привести сотни примеров в нашем языке, где используются различные, не являющиеся однородными дополнения.

Опять же в этом учебнике, говоря о дополнении, указывается: «Порою сказуемые, выраженные глаголами считать, предполагать, полагать и близкие к ним по смыслу глаголы признать, знать, называть требуют два косвенных дополнения» [7, 115]. Далее отмечается, что «Глагол “*təyin etnək*” («назначить») и используемый в этом смысле глагол “*qoymaq*” («ставить») требуют два объекта. Первый из них всегда является определенным прямым дополнением (объектом познания), а второй – неопределенным прямым дополнением, т. е. объектом предположения и частично сравнения. Например, “*Mən səni bu gündən dəstəyə başçı təyin edirəm*” («С сегодняшнего дня я назначаю тебя руководителем группы») [7, 115]. Если обратить внимание, то увидим, что хотя в этом предложении слово «тебя» отвечает на вопросы прямого дополнения, выражающего определенность, слово “*başçı*” «руководителем» не обладает особенностями неопределенного дополнения, т. е. в случае, когда к дополнениям, употребленным в предложении в винительном неопределенном падеже, можно прибавить окончания винительного падежа, в этом же предложении к слову “*başçı*” («руководителем») нельзя прибавить окончание винительного определенного падежа. Для того, что уточнить, что слово “*sərkərdə*” («руководителем») действительно находится в именительном падеже имени существительного, достаточно внести незначительное изменение в предложение. Например, “*Mən səni bu gündən dəstə başçısı təyin edirəm*” («С сегодняшнего дня я назначаю тебя руководителем группы») словосочетание «*dəstə başçısı*» (руководитель группы), используемое в

предложении в качестве дополнения, действительно находится в именительном падеже, что неопровержимо.

Два неоднородных слова в предложении, отвечающие в отдельности на вопросы именительного падежа имени существительного, лингвистами наречены по-разному.

Проф. Г. Казымов не оставил без внимания предложения такой структуры и по их поводу высказал мнение, отличающееся от мнения А. Г. Гасанова. Подход автора к данному вопросу отличается от подхода А. Гасанова, который в учебнике, изданном в 1985 году, называет два отдельных неоднородных члена предложения, отвечающих на вопросы именительного падежа имени существительного, двойным подлежащим. Г. Казымов, приводя в пример указанные в учебнике предложения, пришел к такому заключению, что отвечающие на вопросы именительного падежа имени существительного неоднородные слова (члены) в этих предложениях являются не двойным подлежащим, а одно из них является подлежащим, другое – частью употребленного в предложении сказуемого, которое нельзя назвать вторым подлежащим. Автор приводя в пример в связи с этим другие предложения из этого учебника: “Azərbaycan zəbt ediləndən sonra torpaqların və suvarma sularının çox hissəsi xilafətin mülkiyyəti elan olundu” («После захвата Азербайджана большая часть земель и оросительных вод, была объявлена собственностью халифата») и “Buğatay bütün qüvvələrə sərkərdə təyin olundu” («Бугатай назначен полководцем всех войск»), пишет: «Согласно высказанному мнению, в этих предложениях... слова “xilafətin mülkiyyəti” (v) («собственность халифата») “sərkərdə” («полководцем») являются вторым подлежащим..., а слова “elan olundu” (v) («объявлен»), “təyin olundu” («назначен») – сказуемым данных предложений. Хотя А. З. Абдуллаев оценивает эту мысль как нововведение, на самом деле, эти слова являются частью сказуемого и их нельзя отделять от сказуемого» [8].

Нам кажется, что в подходах авторов, чьи мысли указаны нами выше, есть не-реальность. И в подходе А. Г. Гасанова, называющего двойным подлежащим самостоятельные и неоднородные слова, отвечающие на один и тот же вопрос (почему то проф. Г. Казымов указал это мнение как мнение А. З. Абдуллаева), и в подходе Г. С. Казымова, называющего второе из двух слов, отвечающих на один и тот же вопрос, составной частью сказуемого в предложении, имеется незавершенность. Нельзя согласиться с мнением А. Г. Гасанова, который считает, что «Если глаголы в страдательном залоге (passiv) являются сказуемым предложения, то в этом предложении имеются два подлежащих». Так как в связи с тем, что сказуемые этих предложений выражены глаголами в страдательном залоге, здесь не может идти речи о подлежащем. Если в этом предложении употребляется двойное подлежащее, то эти предложения должны считаться предложениями с однородным подлежащим. Но невозможно говорить о наличии в этих предложениях однородных членов. Так как (к примеру, в предложении “Buğatay bütün qüvvələrə sərkərdə təyin olundu” («Бугатай назначен полководцем всех войск»)) слова “Buğatay” («Бугатай») и “sərkərdə” («полководцем»), считающиеся однородными подлежащими, по-разному связаны со сказуемым, в то же время одно из них отвечает на вопрос «кто?», а другое на вопрос «что?»

С мнением Г. С. Казымова, который называет частью сказуемого член предложения, названный А. Г. Гасановым подлежащим, нельзя согласиться потому, что слово “*sərkərdə*” («полководцем») нельзя употреблять со словосочетанием “*təyın olundu*” («назначен»), который в учебниках называется сложным, а порою составным глаголом. Так как согласно принятым правилам, в качестве сложного члена предложения могут выступать только адъективные словосочетания 2-го, 3-го, а иногда 1-го типа (в том числе субстантивные), инфинитив, отглагольное прилагательное, *feli bağlama tərkipləri*, фразеологические словосочетания и сложные глаголы, используемые со вспомогательными глаголами *elə, ol* (делай, будь), а также со сложными именами существительными, а сочетание “*Sərkərdə təyın olundu*” («Назначен полководцем») не соответствует какому-либо из этих языковых единиц.

О сложных глаголах написано: «Другая часть сложных глаголов образуется за счет прибавления к частям речи глаголов *делать, сделать, быть*» [9]. Если подойти с такой позиции, то сложный глагол “*təyın olundu*” («назначен») действительно является сказуемым предложения. Но в грамматике нет никаких оснований, ссылаясь на которые можно было бы присоединить слово “*sərkərdə*” («полководцем») к сложному глаголу “*təyın olundu*” («назначен») и считать его сложным сказуемым. Проявление в языковедении таких незавершенностей связано с тем, что непосредственно в нашем языке до сих пор правильно не оценена функция слов, используемых в именительном падеже и выступающих в роли дополнения. Так как до сегодняшнего дня именительный падеж ошибочно считался только падежом подлежащего, а когда пришло время сделать вывод о том, к какой части речи относятся слова, идущие рядом со сказуемым и используемые в именительном падеже, возникла путаница. И в связи с этим, слово, идущее рядом со сказуемым и отвечающее на вопрос «что?», считалось или 2-м подлежащим, или ошибочно включалось в состав сказуемого и считалось составной частью сложного подлежащего. В предложениях, где сказуемое выражено глаголом в страдательном залоге, субъект участвовать не может. То есть в нашем языке для выражения предложений, где не участвует субъект (подлежащее), сегодня есть множество глаголов, называемых страдательным залогом. Глагол не может быть страдательным. Основной функцией глагола является выражение действия, и он выполняет свою функцию. Страдательным, как говорится в грамматике, является исполнитель действия, а чтобы заполнить этот пробел в предложениях, где исполнитель является страдательным, используются только указанные глаголы.

Если в предложении не участвует подлежащее (субъект), то его сказуемое должно обязательно состоять из глаголов, называемых нами страдательным залогом, так как сказуемое таких предложений не может быть выражено в другой форме.

Действительность, принятая в грамматике, гласит: «Глаголы в страдательном залоге действием показывают отношение между объектом и субъектом» [10, 249]. В книге сравниваются предложения “*Əsmər kitabı oxudu*” («Асмар прочла книгу») и “*Kitab oxundu*” («Книга прочтена»), глаголы которых состоят из страдательных и действительных залогов. В первом предложении слово “*Əsmər*” – субъект, “*kitabı*” – объект, а “*oxudu*” – действительный залог, а в предложении “*Kitab oxundu*” («Книга прочтена») – “*kitab*” («книга») (грамматический субъект, логический объект), а

“oxundu” («прочтена») считается страдательным залогом. Не понятно, согласно какой логике логический объект (слово, претерпевающее действие) в предложении “Əsmər kitabı oxudu” («Асмар прочла книгу») – слово “kitab” («книга») превращается в грамматический субъект в предложении “Kitab oxundu” («Книга прочтена»)? Грамматический субъект может быть только в предложениях, где подлежащее выражено названиями одушевленных и неодушевленных предметов, кроме человека. В обоих предложениях “Əsmər kitabı oxudu” («Асмар прочла книгу») и “Kitab oxundu” («Книга прочтена») объектом, связанным с действием является книга, и объект, претерпевающий действие никогда не может выполнять функцию исполнителя действия, субъекта (иными словами, подлежащего) в предложениях, где сказуемое выражено глаголом в страдательном залоге, не реально высказывание о том, что объект заменяет субъект и для восстановления реальности следует признать тот факт, что только в предложениях, употребляемых в нашем языке, имеются дополнения, выраженные именительным падежом, что довольно широко используется нами. Например, слова “nümayəndə” («представитель») в предложении “Mən səni nümayəndə göndərirəm” («Я отправляю тебя представителем»); “gəmiçi” («моряк») – в предложении “Əli gəmiçi işləyir” («Али работает моряком»); “fəhlə” («рабочий») – в предложении “İbrahim tikintidə fəhlə işləyir” («Ибрагим работает рабочим на стройке»); “başçısı” («главой») – в предложении “Əli Səmədov icra başçısı təyin olundu” («Али Самедов назначен главой исполнительной власти»); “kitab” («книга») – в предложении “Əli kitab yazır” («Али пишет книгу») и словосочетание “xilafətin mülkiyyəti” («собственность халифата») – в предложении “Azərbaycan zəbt ediləndən sonra torpaqların və suvarma sularının çox hissəsi xilafətin mülkiyyəti elan olundu” («После захвата Азербайджана большая часть земель и оросительных вод, была объявлена собственностью халифата») в предложениях являются косвенным дополнением, выраженным в именительном падеже.

Вывод и перспектива. Как нельзя отвергать описанную нами объективную реальность и называть слово, отвечающее на вопрос именительного падежа в предложениях без грамматического субъекта, т. е. без подлежащего, где сказуемое выражено глаголом в страдательном залоге, подлежащим, так и ошибочно называть объект субъектом. Думаем, что эта тема актуальна для многих тюркских языков.

Литература:

1. Mirzəzadə Q. R. Rəhbəri-sərf / Q. R. Mirzəzadə, A. Axundov. – Bakı, 1918. – 138 p.
2. Гусейнзаде М. Г. Современный азербайджанский язык: Лексика, фонетика, морфология / Гусейнзаде М. Г. – Баку, 1954.
3. Грамматика азербайджанского языка. Часть I. – Баку, Издательство АН АзССР, 1960.
4. Современный азербайджанский язык. Морфология. – Т. II. – Баку: Научное издательство «Наука», 1980.
5. Халилов Б. Морфология современного азербайджанского языка: учебник для вузов / Халилов Булудхан. – Баку: Наука и образование, 2010.
6. Казымов Г. С. Современный азербайджанский язык. Морфология: учебник для вузов / Казымов Г. С. – Баку: Наука и образование, 2010.
7. Абдуллаев А. З. Современный азербайджанский язык. – Ч. IV: учебник для вузов / А. З. Абдуллаев, Ю. М. Сеидов, А. Г. Гасанов. – Баку: Издательство «Просвещение», 1985.
8. Г. С. Казымов. Современный азербайджанский язык. Синтаксис. учебник для вузов / Казымов Г. С. – Баку: Наука и образование, 2011.

9. ГКПС, Азербайджанский язык. – Баку, 2010.

10. Современный азербайджанский язык. Морфология. – Т. II. – Баку: Научное издательство «Наука», 1981.

Сардар Зейнал. Труднощі, що виникають у синтаксисі у зв'язку з називним відмінком / Сардар Зейнал // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 289–297.

У зв'язку з тим, що всі розділи мовознавства пов'язані один з одним, помилковість, допущена в одному з розділів, сприяє виникненню труднощів у інших розділах.

В результаті того, що по сьогоднішній день не уточнені межі участі називного відмінка у функціях різних членів речення, сьогодні, незважаючи на наявність доповнень, висловлених у називному відмінку, всіма мовознавцями ці приклади приймаються як підмет. У зв'язку з цим ми все ще утрудняємося в запобіганні плутанини, що виникає в нашій мові.

Ключові слова: називний відмінок, доповнення, підмет, пасивний стан, об'єкт, суб'єкт, знахідний невизначений відмінок, присудок.

Sardar Zeinal. Difficulties with the nominative case arising in syntax / Sardar Zeinal // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 289–297.

Because of connection of all grammar divisions with each other, a mistake permitted in expression of conceptions in one of these divisions, creates conditions for definite difficulties in other ones.

It is the result of clarification of the borders of acting of nominative case in the position of different sentence members hitherto, that in case of existence of complement expressed in nominative case in language facts at present, these patterns are accepted as subject by all linguists. Because of that we still have difficulties in elimination of confusions occurred in our language.

Key words: nominative case, complement, subject, indefinite verbs, object, subject, accusative case, predicate.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК: 811. 512. 161'373: 37. 091. 212

**РАБОТА НАД РАСШИРЕНИЕМ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗАПАСА СТУДЕНТОВ.
ЗНАЧЕНИЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ
В ИЗУЧЕНИИ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА**

Аккиева Л. Р.

*Таврический национальный университет им. Вернадского
E-mail: akkiyeva77@mail.ru*

В статье говорится о значении тематических словарей в изучении турецкого языка, о том, что следует с самого начала систематически накапливать словарный запас, ведя постоянный учёт изученных слов, закрепляя их с помощью различных заданий. Приводятся примеры заданий, которые может проводить преподаватель для закрепления изученной лексики.

Ключевые слова: лексический запас, слово, словарь, тематический словарь, грамматический материал, стиль речи, наглядные пособия, задания.

Постановка проблемы. Существенная задача курса состоит в том, чтобы помочь студентам овладеть богатствами турецкого литературного языка: всемерно пополнить их словарный запас, улучшить устную и письменную речь, научить говорить не только правильно, но и выразительно.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы преподаватель, работая над расширением лексического запаса студентов, ясно осознавал, какое значение имеет умелое, удачное использование и правильный выбор слова. Чем богаче словарь, чем удачнее выбрано слово, тем яснее, ярче и понятнее мысль, выраженная в словах. Отсюда ясно и другое положение, которое надо иметь в виду преподавателю, – это тесная связь изучения словарного состава языка с работой по грамматике.

Турецкий язык, является государственным языком Турецкой Республики. Он относится к алтайской группе урало-алтайской языковой семьи [1, 13]. Современный турецкий язык сложился в результате многовекового процесса развития языков огузо-сельджукских племён, проникших в X – XI вв. из Средней Азии на Анатолийский полуостров. Турецкий язык, так же как и остальные языки алтайской группы относится к агглютинативным [2, 28].

Курс турецкого языка должен осветить общественное значение языка, раскрыть на конкретных примерах значение, место и роль турецкого языка в Украине и в целом мире, сформировать навыки элементарного анализа художественных произведений и начать подготовку к передаче полученных знаний и умений в будущем окружающим.

Дать точное распределение видов работы по расширению лексического запаса студентов в зависимости от их подготовки не представляется возможным, да и вряд ли это необходимо, так как преподаватель сам может выбрать нужные для своих

групп формы работы. Однако о некотором разграничении видов работ с начинающими и подготовленными студентами по турецкому языку можно сказать.

В группах со студентами, начинающими изучать турецкий язык, следует с самого начала систематически накапливать словарный запас, ведя постоянный учёт изученных слов, закрепляя их с помощью различных заданий (анализ текста, самостоятельное составление предложений, устная беседа, рассказ, сочинение, изложение и т. д.). Большое значение в этой работе имеет подбор текстов с определённой тематикой. В начале обучения турецкому языку надо определить объём и характер лексики, нужной для тех или иных групп в зависимости от специальности студентов.

На первом году обучения определённое место должны занять знакомство студентов с антонимами и синонимами и работа над составом слова.

В группах с более подготовленными студентами работа над расширением лексического запаса должна вестись на образцах русской и турецкой художественной литературы. Формы работы будут также несколько иными: знакомство с разными стилями речи, подбор антонимов и синонимов, определение различных пластов лексики, работа по фразеологии, перевод с родного языка студентов на турецкий и с турецкого языка на родной.

Одним из видов работ по расширению словарного запаса студентов является составление *тематических словарей*. Тема таких словарей определяется преподавателем. На первых порах словарики будут очень малы по объёму, так как следует выбирать слова, наиболее употребляемые и необходимые, но в то же время не затрудняющие начинающих изучать турецкий язык со стороны произношения и грамматических форм (например, на первых этапах не стоит давать сложных производных слов, isimfiil, sıfatfiil, zarffiil и так далее).

Для записи в словарь нужно дать слова, относящиеся к жизни университета, хотя они и не будут просты по произношению: üniversite, fakülte, bölük, kütüphane, sınıf, vazife, profesör, doçent, öğretimci, öğrenci и т. д. Каждое понятие, обозначенное выше словами, в свою очередь может стать началом для составления тематических словариков более узкой сферы: Kütüphane: kitap, dergi, gazete, sözlük, dolap, raf, kitap rafı, kitaplık, katalog, sergi, okuma salonu, kütüphaneci и так далее.

Так же словари можно составить по темам: общежитие, город, школа, базар, театр, праздник, времена года, животный мир, растительный мир, море, климат(погода), кино, одежда, фрукты, овощи и т. д. [3, 3]. Объяснение слов записываемых в словарики, следует давать простыми предложениями, можно в рассказе, причём хорошо использовать наглядные пособия, например картинки, или если имеется проектор с экраном.

Работа со словариком должна тесно связываться с грамматическим материалом. Так в зависимости от подготовки студентов следует расширять словарный запас при изучении числа (tekil ve çoğul ekleri – единственное и множественное число), падежных окончаний (hal ekleri).

В этом плане целесообразно давать упражнения такого типа:

1) Образуйте множественное число от существительных, например: sınıf – sınıflar, masa – masalar, kitap – kitaplar, çanta – çantalar, bilgisayar – bilgisayarlar, defter

– defterler, kalem – kalemler, sandalye – sandalyeler, öğrenci – öğrenciler, pencere – pencereler, при этом дополнить объяснением грамматического материала, т. е. правильное использования аффиксов -lar, -ler в турецком языке.

2) Образуйте единственное число от существительных, например: elmalar – elma, kayisılar – kayısı, kirazlar – kiraz, armutlar – armut, muzlar – muz, şeftaliler – şeftali, erikler – erik, vişneler – vişne и т. д.

3) Распределите данные существительные в таблице "hal ekleri".

Например: evde, odaya, salonu, mutfak, bahçeyi, daireden, apartmana, binada, katlar, avludan.

yalın hali – mutfak, katlar.
 yükleme hali – salonu, bahçeyi.
 yönelme hali – odaya, apartmana.
 bulunma hali – evde, binada.
 ayrılma hali – daireden, avludan.

В тематические словари нужно включать не только имена существительные, но и прилагательные и глаголы. По теме "Üniversite" можно дать следующие глаголы: okumak, ezberlemek, çalışmak(ders), öğrenmek, hazırlanmak, vermek(kitap), girmek(sınav), bilmek, cevap vermek, sormak, yazmak, закрепив их значение составлением простых предложений: Şiir ezberliyorum. Derste cevap veriyorum. Kitip okuyorum.

В целом ряде упражнений можно связать лексическую работу с грамматической. Выбор преподавателем тех или иных видов упражнений будет обусловлен уровнем знаний студентов.

1) Каждый студент получает карточку, где даются глаголы, на турецком языке относящиеся к определённой теме, например "Mağazada" – değiştirmek, beğenmek, çıkarmak, denemek, pazarlık yapmak, giymek, takmak, ütölemek, yakışmak, iliklemek [3, 114]. Задание – перевести, составить текст поставив глаголы в будущем времени.

2) студенты должны выписать из словарика глаголы имеющие особенность в спряжении в настоящем времени, например, ağlamak – ağlıyorum, başlamak – başlıyorum, oynamak – oynuyorum, söylemek – söylüyorum, yemek – yiyorum, и т. д.

3) Раздаются карточки, где даются глаголы, к которым студент должен написать соответствующие существительные, например: cevap vermek – cevap, sormak – soru, bilmek – bilgi, sevmek – sevgi, oynamak – oyun и так далее.

4) Распределить данные глаголы в таблице "Zamanlar" – okuyorum, yazacaksınız, geldiler, oturmuşsun, ezberlerler, soracağım, yaptım, tercüme ediyorum, seyrederez, başlamışım.

Şimdiki zaman – okuyorum, tercüme ediyorum.
 Gelecek zaman – yazacaksınız, soracağım.
 di'li geçmiş zaman – geldiler, yaptım.
 miş'li geçmiş zaman – oturmuşsun, başlamışım.
 Geniş zaman – ezberlerler, seyrederez.

5) составить предложения с глаголами çıkmak, gezmek, yürümek, tanışmak, hava almak, в настоящем времени.

6) Разделите группу на две команды – "beyaz" и "siyah". Разложите карточки белого и черного цветов на столе. Команды по очереди открывают карточки своего цвета, на них даны глаголы которые, они должны объяснить на турецком языке, а команда-соперник должна угадать эти слова. Та команда, которая угадывает больше слов, победила.

7) студенты в парах составляют диалоги, с глаголами, данными на карточках.

8) Разделить группу по парам, каждая пара получает карточку, в которой даны незаконченные предложения и ряд глаголов на турецком языке. Задание – нужно к каждому предложению подобрать правильный глагол [4, 90]. и перевести предложения на русский язык. Например:

Öğretmen derste yeni konu. .... .

Öğrenci derste tahtaya cümle. .... .

Yarın üniversitede konser. .... .

Ayşe bu konuyu. .... .

Murat güzel bir şiir. .... .

Слова для вставок: ezberliyor, anlamamış, yazdı, olacak, anlatıyor.

Тематические словари целесообразно составлять и на более сложные темы, опираясь на широкий состав лексики связанный, со специальными темами. Например, жанры художественной литературы, музыкальная терминология, техническая, юридическая, экономическая терминология и так далее.

Подготовленным студентам, можно дать задание, написать 10 слов, относящиеся к той или иной профессиональной терминологии; преподаватель затем дополняет этот список.

Большое значение для расширения словарного запаса студентов имеет подбор антонимов. Эту работу можно проводить и с отдельными словами, и на заранее составленных текстах. С первых шагов изучения турецкого языка можно знакомить студентов со словами-антонимами: iyi – kötü, uzak – yakın, siyah – beyaz, zengin – fakir, evet – hayır, gelmek – gitmek, kalkmak – oturmak, konuşmak – susmak и т. п.

Задания по подбору антонимов можно давать и при систематическом знакомстве с различными частями речи. При изучении прилагательных возможны следующие задания.

1) Раздаются карточки, где даются прилагательные, к которым студент должен подобрать противоположные по смыслу, и употребить их в предложениях, например: tatlı.. (ekşi), kötü.. (iyi), büyük.. (küçük), kocaman.. (minik), fakir.. (zengin), uzun.. (kısa).

2) Допишите предложения, используя прилагательные, данные ниже:

Kar yumuşak buz.....

Kış soğuk yaz.....

Ali büyük Mehmet.....

Et pahalı ekmek..... .

Zeynep şişman Ayşe.....

Küçük, zayıf, katı, ucuz, sıcak

Подобные упражнения на антонимы можно дать и при изучении имени существительного и глагола.

1) Для выделенных существительных приведите антонимы и составьте с ними новые предложения: Kurtuluş **Savaşına** başladığımız on beşinci yılındayız. Türk milleti **zekidir** [5, 262].

2) Можно дать и такое задание: напишите антонимы к глаголам: gelmek.. (gitmek), çıkmak.. (girmek), oturmak.. (kalkmak), getirmek.. (götürmek), açmak.. (kapatmak), giyinmek... (soyunmak).

Интересной формой работы, обогащающей словарный запас студентов, является подбор слов, сходных по значению (синонимы) но нужно также указать на то, что к заданиям над синонимами нужно подходить очень осторожно, внимательно подбирая контекст, учитывая силы и знания студентов.

Умение чувствовать различные оттенки слова должно развиваться на специальном, тщательно подобранном преподавателем материале. Специально подобранный преподавателем материал даёт возможность определить разницу в употреблении слов, сходных по значению. Можно предложить такого типа задания:

1) Подберите к данным словам синонимы: akıllı.. (zeki), ak.. (beyaz), kafa.. (baş), gelir.. (kazanç), ad.. (isim) и т. д.

2) Выберите из слов данных в скобках, наиболее подходящие: Analık kadına (güç, kudret, takat) verir. Beğenilen, (ölmez, kalıcı, unutulmaz) yapıtlar her şeyi olduğu gibi yansıtanlardır [6, 15].

Студентам – филологам, можно указать на источники синонимов в языке (заимствования из других языков, из диалектов, жаргонное употребление слова). Расширению словарного запаса служит и строго проводимый метод объяснения слов не путём перевода на русский язык, а путём подбора в возможных случаях синонимических выражений, группы слов. Например: Federasyon – bir çok kuruluşlardan oluşan birlik: Öğrenci federasyonu. Futbol federasyonu. Doğru – gerçek, yalan olmayan: Doğru haber. Doğru cevap [7, 389, 492].

Переводом на русский язык нужно пользоваться и для проверки правильного понимания объясняемого слова, и для работы в целях активизации знаний и обогащения словаря студентов. В подготовленных группах работа над переводом с русского языка на турецкий обычно закрепляет изученный запас слов. Слово вне контекста имеет много значений. Уточнение значения понятия данного слова даётся в связной речи. Например: borç – ödenmesi gerekli para ve ya yükümlük. Biz yiyeceğimizi, giyeceğimizi borç alırız. Vatan borcu biter bitmez ordayım [7, 209].

В связи с тем, что слово может быть многозначно, важно решить вопрос: какое значение слова объяснять сначала, объяснить то значение слова, в котором оно употреблено в контексте, или же основное значение слова, а затем уже переносное? В практике перед чтением нового текста можно выписать незнакомые студента слова объясняя их (или переводя), записывая все или основные значения слов. Можно и наоборот, объяснять слова, читая текст, и записывать их после прочтения текста.

Необходимо указать на наличие в турецком языке слов-омонимов, одинаково звучащих, но различных по своему значению. Можно познакомить студентов с такими омонимами: Yüz (sayı, çehre, denizde yüzmekten emir, kılıf); gül (gülmekten emir, çiçek) [6, 10]. Важно для студентов указать на такую особенность омонимов в турецком языке, небольшое различие при написании: hala – babanın kız kardeşi, hâla

– şimdilik, henüz; kar – yağış, kâr – kazanç; yar – uçurum, yâr – sevgili dost [6, 11]. Задания на различение и усвоение омонимов может быть такого типа: Напишите предложения со словами омонимами: ünlü – ünlü, dil – dil, ben – ben, koca – koca, aç – aç, özel – özel, yaz – yaz, el – el, çay – çay.

В плане увеличения активного запаса слов студентов следует уже на первом курсе давать ряд устойчивых сочетаний, не боясь того, что та или иная форма грамматики ещё не изучалась. Начинаящие группы можно познакомить с употреблением словосочетаний: Adınız ne?, Senin adın ne? Nasılsınız? Teşekkür ederim, iyiyim. Tanıştığımıza memnun oldum и т. д [3, 9]. Постепенно следует вводить в речь студентов устойчивые словосочетания, например такого типа: ağır başlı, püf noktası, kaşla göz arasında, göze girmek, canı yanmak, arslan payı, etekleri tutuşmak [6, 13]. Безусловно, давать устойчивые словосочетания и закреплять их следует в живой речи, устной и письменной, предлагая студентам составить предложения с данным словосочетанием. Однако некоторые устойчивые словосочетания могут быть закреплены пассивно, так как не всегда студент самостоятельно сможет составить с ними удачное предложение.

Выводы и перспектива. Изолированное слово нелегко запомнить. Для более прочного закрепления слов необходимо требовать от студентов активного употребления их в речи: составить предложение, написать примеры, объяснить другими словами значение данного слова и т. п. Преподаватель должен постоянно вести учёт слов, изученных в той или иной группе, периодически давая контрольные работы, для закрепления пройденного материала. Приведенные виды работ над расширением лексического запаса студентов можно принять лишь в качестве примерного образца. Преподаватель в зависимости от уровня знаний студентов может расширить виды работ, используя другие образцы.

Литература:

1. Karamanoğlu A. Türk dili / A. Karamanoğlu – İstanbul: Derğah yayınları, 1986. – 160s.
2. Yavuz K. Üniversite Türk dili ve kompozisyon dersleri/ K. Yavuz, K. Yetiş, N. Birinci – İstanbul: Bayrak Basım, 1999. – 400s.
3. Gökkuşluğu Türkçe Öğretmen kitabı 1/ [Ö. Öztürk , Akçay, A. Yiğit, E. Taşdemir , Başak, M. Altug] – İzmir: Çağlayan A. Ş, 2007. – 160s.
4. Hengirmen M. Türkçe öğreniyoruz 3/ Hengirmen M. – Ankara: Engin Yayınevi, 1993. – 176s.
5. Liseler için edebiyat 1/ [M. Küçük, A. Kılıç, M. Şenol, A. Avcı] – İstanbul: Nesil Matbaacılık, 1995 – 293s.
6. FEM dersaneleri yayınları. ÖSS – ÖYS Hazırlık Türkçe Edebiyat/ İstanbul: Uygun Basım ve Ticaret, 1996 – 433s.
7. Türkçe sözlük/ [4, 90 H. Eren, N. Gözaydın, İ. Parlatur, T. Tekin, H. Zülfikar] – Ankara: Türk Dil Kurumu Basım Evi, 1988 – 745s.

Аккиева Л. Р. Робота над розширенням лексичного запасу студентів. Значення тематичних словників у вивченні турецької мови / Л. Р. Аккиева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 298–304.

У статті говориться про значення тематичних словників у вивченні турецької мови, про те, що слідує із самого початку систематично накопичувати словарний запас, ведучи постійний облік вивчених слів, закріплюючи їх за допомогою різних завдань. Надоються приклади завдань, які може проводити викладач для закріплення вивченої лексики.

Ключові слова: лексичний запас, слово, словник, тематичний словник, граматичний матеріал, стиль мови, наочні посібники, завдання.

Akkieva L. R. Efforts at the expanding of the vocabulary of students. The value of dictionaries in learning Turkish / L. R. Akkieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 298–304.

The article refers to the importance of dictionaries in learning Turkish, about the necessity to accumulate the vocabulary, to maintain a permanent record of learned words, supporting them by practical trainings using different tasks and exercises. In this work are given the examples of tasks that can be used in the practice of the students' vocabulary.

Statement of the Problem. The important task of this research is to help students in the learning of Turkish language: enrich their vocabulary, improve their spoken and written skills, learn how to speak not only correctly from the grammatical point, but also expressive.

The purpose of this study is that a teacher working on expanding students' vocabulary clearly recognized the significance of the skillful and good use of the selected correctly word. The richer vocabulary, the clearer and brighter becomes the idea expressed in words. Hence the another point which should be keeping in mind of the teacher comes clear – it is a close link the learning of the vocabulary with the working on grammar.

In groups of students that begin to learn Turkish, from the beginning vocabulary should be systematically accumulate, the student should maintain a permanent record of learned words, supporting them by practical trainings using different tasks and exercises (text analysis, making the sentences, conversation, story, essay, presentation, etc.). Of great importance in this work is the selection of texts with a single theme. At the beginning of learning the Turkish language is necessary to define the scope and nature of the necessary vocabulary for different groups depending on the students' speciality.

One type of work at the expanding of the students' vocabulary is the work with thematic dictionaries. The teacher chooses such dictionary. At first, the glossaries will be very small in size, the teacher should choose the most used and useful words, but at the same time not hindering beginners to learn the Turkish language by spelling and grammatical forms (for example, in the early stages should not be given complex derivative words, such as isimfiil, sıfatfiil, zarffiil and so on).

Keywords: vocabulary, word, dictionary, thesaurus, grammar material, style, audio-visual aids, tasks.

Поступила в редакцію 01.03.2013 з.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Озьдемир Д. А.

В ходе заимствования слов из одного языка в другой происходит процесс фонетической адаптации. Однако, не все языки обладают одинаковыми характеристиками, особенно если они принадлежат разным языковым семьям.

Данная научная статья представляет собой анализ фонетического облика пласта заимствованных из французского в турецкий язык слов, которые изменились под влиянием системы фонетических правил турецкого языка. Осуществляя подобный анализ, принимается во внимание, насколько отходящая от норм произношения форма заимствованного слова изменилась под влиянием новой фонетической системы, или, наоборот, сохранила прежнюю фонетическую оболочку.

Ключевые слова: фонетика, заимствования, французский, турецкий.

Постановка проблемы. В контексте изучения французских заимствований в турецком языке особенно интересным представляется нам изучение их фонетического облика, который изменялся под влиянием системы фонетических правил турецкого языка. Осуществляя подобный анализ нужно принять во внимание, насколько отходящая от норм произношения форма заимствованного слова изменилась под влиянием новой фонетической системы, или, наоборот, сохранила прежнюю фонетическую оболочку.

В процессе фонетической адаптации важно влияние суперсегментных единиц. Не все языки обладают одинаковыми характеристиками, что затрудняет процесс ассимиляции. Это утверждение актуально в нашем случае, где процесс заимствования наблюдается в неблизкородственных языках, принадлежащим к разным семьям – тюркской и индоевропейской.

Из этого может следовать изменение ударения и длительности звучания звуков. Например, во французском языке **ударение** падает всегда на последний слог. Ударение в турецких словах, как правило, тоже падает на последний слог. Однако турецкое ударение не такое сильное, как французское, и поэтому все слоги произносятся отчетливо. Таким образом, турецкий язык обладает возможностью сохранения этой фонетической особенности: ср. *bariton* – *baryton*, *jeneratör* – *générateur* и т. п.

Иначе дело обстоит с долготой гласных звуков. Французские гласные могут быть краткими и долгими. Им присуща определенная **ритмическая долгота**: под ударением в конце ритмической группы, перед звуками [r, v, ʒ, z, vt]. любой гласный звук удлиняется, например: *Il est rouge* [i-lɛ-ru: ʒ].

В отличие от ритмической долготы существует так называемая **историческая долгота**, присущая самому гласному:

а) долгота является результатом стяжения существовавшего раньше дифтонга, например: *elle aime* [ɛ-lɛ: m].

б) долгота является результатом удлинения слогового гласного за счет исчезновения произносившегося раньше звука, например: *la tête* [la-tɛː t].

в) долгота носовых гласных, например: *ronde* [rɔ̃ː d].

В турецком языке такой феномен как длительность гласных непродуктивен. Фонологическая длительность гласных, т. е. словоразличительная долгота гласных, имеет значение только в отношении трех гласных: *â, û, î*. Таким образом, в заимствованиях из французского языка долгота гласных полностью исчезает: *gramer* [gramɛɾ] – *grammaire* [gʁamɛː Ɂ], *ikon* [ikɔn] – *icône* [ikoː n], *frekans* [frekans] – *fréquence* [fʁɛkɑ̃ː s], и т. д.

Главнейшие фонетические законы турецкого языка – закон гармонии гласных и закон ассимиляции согласных – влияют на преобразование звучания лексических единиц, заимствованных из французского языка.

Рассмотрим особенности изменения **согласных звуков** во французских заимствованиях.

Согласный [ʃ]. Во французском языке этот звук произносится всегда мягко и приближается к русскому *ль*. При произнесении этого звука кончик языка упирается в основание верхних зубов, а средняя часть языка опущена, образуя два прохода для струи выдыхаемого воздуха. В турецких заимствованиях из французского языка данные характеристики звука сохраняются, например: *legal, lirik, atlantik, asamble, jubile*.

Звуки [ʁ] – [ʁ]. Наиболее распространенным вариантом произношения во французском языке является грассированное [ʁ]. Этот звук образуется вследствие вибрации маленького язычка или в результате трения выходящего из легких воздуха о край мягкого нёба и задней части языка [См. : 4, 24]. Турецкий аналог же больше напоминает русское *р*, оно не такое резкое и образуется вследствие вибрации кончика языка, поднятого к твердому нёбу. Таким образом, при заимствовании турецкие характеристики этого согласного приходят на смену французским: *jeneratör* [ʒɛneratœɾ] – *générateur* [ʒenɛʁatœː Ɂ], *manikür* [manikyɾ] – *manucure* [manykyː Ɂ], *metraj* [metraʒ] – *métrage* [metʁaː ʒ].

Н немое и придыхательное. Буква *h* во французском языке никогда не читается, однако играет определенную роль в произношении и бывает двух типов *h* немое и придыхательное (в последнем случае не допускается связывание и выпадение гласного [См. : 4, 7]) в турецком языке в заимствованиях вне зависимости от вида *h* эта буква произносится преимущественно как звук [h]. : *hostes* [hostɛs] – *hôtesse* [otɛs], *humus* [humus] – *humus* [ymys], *hipnoz* [hipnɔz] – *hypnose* [ipnɔː z].

Однако обнаружено несколько примеров соответствия с французским произношением: *eroïn* [erɔin] – *héroïne* [ɛʁɔin], *ipotek* [ipɔtɛk] – *hypothèque* [ipɔtɛk].

Интересен случай трансформации звука [k]. в [h]. : *havyar* [havjar] – *caviar* [kavjaː Ɂ].

Группы согласных. В турецком языке стечение согласных в конце слова, как правило, не допускается. В частности, тогда, когда оба конечных согласных являются сонорными *l, m, n, r*, или когда первым из них является взрывной согласный *ç, d, t, g, k*. Таким образом, в заимствованных из французского языка словах, содер-

жащих сочетания согласных, недопустимых в турецком языке, появляется промежуточный узкий гласный, который выпадает при добавлении к слову аффикса, начинающегося с гласного звука, например *filim* [filim]. (но *filmi*) – *film* [film], *silindirik* [silindirik] – *cylindrique* [silɛ̃dɪvik].

Двойные согласные. Удвоенные согласные, встречающиеся во французских словах, произносятся, как правило, как один звук. В заимствованных словах в турецком произношении и орфографии они также выпадают: *entelektüel* [ɛntelɛktʉɛl] – *intellectuel* [ɛ̃telɛktʉɛl], *desen* [desɛn] – *dessin* [dɛsɛ̃], *mamut* [mamut] – *mammouth* [mamut], за исключением *illegal* [illegal] – *illégal* [ilegal], *illüzyon* [ilɥzyɔn] – *illusion* [ilyzjɔ̃], в которых произносится двойное [ll].

Оглушение конечных согласных. В основу турецкого письма положен фонетический принцип, т. е. слова пишутся так, как произносятся. Поэтому конечные согласные, оглушающиеся при произношении, пишутся также глухими, но при прибавлении к таким словам гласных падежных окончаний оглушенный согласный становится звонким. Так, в турецких заимствованиях из французского, в котором конечные согласные никогда не оглушаются, происходят следующие звуковые трансформации $b \rightarrow p$, $d \rightarrow t$, $g \rightarrow k$, $ʒ \rightarrow ʃ$:

<i>arap</i>	arap	<i>arabe</i>	arab
<i>balat</i>	balat	<i>ballade</i>	balad
<i>bant</i>	bant	<i>bande</i>	bãd
<i>barikat</i>	barikat	<i>barricade</i>	barikad
<i>bütçe</i>	byttʃɛ	<i>budget</i>	bydʒɛ
<i>buldok</i>	buldɔk	<i>bouledogue</i>	buldɔg

Ассимиляция согласных звуков. Это уподобление одного звука другому, т. е. приобретение фонетического сходства. В турецких заимствованиях из французского наблюдается подобный процесс: если предшествующий звук звонкий, а последующий глухой, то предшествующий может стать глухим: *apse* [apsɛ] – *abcès* [absɛ]. Встречаются также случаи озвончения согласных: *dubleks* [dublɛks] – *duplex* [duplɛks].

Конечный немой согласный. Отличительной чертой французских заимствований с немой согласной в конечной позиции становится ее появление в турецких вариантах, например: *kurs* [kurs] – *cours* [ku: ɤ], *buket* [bukɛt] – *bouquet* [bukɛ], *akort* [akɔrt] – *accord* [akɔ: ɤ], *bilardo* [bilardɔ] – *billiard* [bija: ɤ].

Озвончение / оглушение согласного [s].

Во французском языке в интервокальной позиции (между двумя гласными) буква *s* произносится всегда как звук [z]. В турецком языке в заимствованных словах может сохраняться звонкий звук, тогда он на письме заменяется буквой *z*, например:

<i>gazino</i>	gazino	<i>casino</i>	kazino
<i>fizyonomi</i>	fizjɔnɔmi	<i>physionomie</i>	fizjɔnɔmi
<i>grizu</i>	grizu	<i>grisou</i>	gɤizu

<i>hipotez</i>	hipɔtɛz	<i>hypothèse</i>	ipɔtɛz
<i>döviz</i>	dœviz	<i>devise</i>	dəviz
<i>illüzyon</i>	illyzjɔn	<i>illusion</i>	ilyzjɔ̃

Выявлены случаи оглушения *s* в интервокальной позиции: *aerosol* [aerɔsɔl] – *aérosol* [aerɔsɔl].

Обязательным является озвончение французского согласного [s]. в окончании *isme* в турецких заимствованиях, например: *dinamizm* [dinamizm] – *dynamisme* [dinamism], *nüdimizm* [nydizm] – *nudisme* [nydism], *alkolizm* [alkɔlizm] – *alcoolisme* [alkɔlism].

Другие изменения в системе согласных звуков.

В словах греческого происхождения, заимствованных из французского, наблюдается замена звука [ʃ]. звуком [k]. : *makine* [makine] – *machine* [maʃin], *fuşya* [fuʃja] – *fuchsia* [fyksja].

В ряде заимствований французский звук [ʃ]. трансформировался в [tʃ]. : *çikolata* [tʃikɔlata] – *chocolat* [ʃɔkɔla], *çakal* [tʃakal] – *chacal* [ʃakal], *meç* [mɛtʃ] – *mèche* [mɛʃ].

Зафиксирован переход [s]. в [tʃ]. : *çimento* [tʃimentɔ] – *ciment* [simɑ̃].

Произошла также в некоторых заимствованиях трансформация звука [ʒ]. в [dʒ]. : *çeket* [dʒɛkɛt] – *jaquette* [ʒakɛt], *coğrafya* [dʒɔ: rafja] – *géographie* [ʒeɔʒɤafi].

Полугласный [w]. В турецком языке французский звук [w]. может принимать форму согласного [v]. : *burjuva* [buvɔwa] – *bourgeois* [buvɔwa], *kulvar* [kulvar] – *couloir* [kulwa: ɤ], *kruvasan* [krwasan] – *croissant* [kɤwasɑ̃], *laboratuvar* [labɔratuvar] – *laboratoire* [labɔvatwaɤ], либо переходить в гласный звук [u]. : *kuaför* [kuaɤɔr] – *coiffeur* [kwaɤɔ: ɤ], *kuartz* [kuartz] – *quartz* [kwaɤts], *aksesuar* [aksɛsuar] – *accessoire* [aksɛswa: ɤ], *muare* [muare] – *moire* [mwa: ɤ].

Полугласный [ç]. Данный звук подвергся трансформации в турецком варианте, превратившись в узкий гласный звук [y]. или же сочетание [yv]. : *nüans* [nyans] – *nuance* [nçɑ̃: s], *bisküvi* [biskyvi] – *biscuit* [biskçi].

Носовые звуки. В отличие от турецкого языка, фонетике французского языка присущи носовые звуки [ɑ̃], [ɔ̃], [œ̃], [ɛ̃]. В процессе заимствования они претерпели изменения, прежде всего – потерю назализации.

Так, звук [ɑ̃], представленный различными французскими графемами, в турецком языке изменился следующим образом:

an [ɑ̃]. → *an* [an]. *alyans* [aljɑ̃s] – *alliance* [aljɑ̃: s], *manşet* [manʃɛt] – *manchette* [mɑ̃ʃɛt]. ;

am [ɑ̃]. → *am* [an]. *ambulans* [ambylɑ̃s] – *ambulance* [ɑ̃bylɑ̃: s].

→ *an* [an]. *anfora* [anfɔra] – *amphore* [ɑ̃fɔ: ɤ], *anfiteatr* [anfiteatr] – *amphithéâtre* [ɑ̃fitea: tɤ]. ;

en [ɑ̃]. → *an* [an]. *efervesan* [efɛrvesɑ̃] – *effervescent* [ɛfɛɤvesɑ̃]. ;

em [ɑ̃]. → *am* [an]. *asamble* [asɑ̃ble] – *assemblée* [asɑ̃ble].

→ *em* [ɛm]. *embriyo* [ɛmbrijɔ] – *embryon* [ɑ̃bʁijɔ̃].

Другие носовые звуки трансформировались следующим образом:

in [ɛ̃]. → *en* [ɛn]. *enflasyon* [ɛnflasjɔn] – *inflation* [ɛ̃flasjɔ̃]. ;

im [ɛ̃]. → *em* [ɛm]. *şempanze* [ʃɛmpanze] – *chimpanzé* [ʃɛ̃pɑ̃ze]. ;

yn [ɛ̃]. → *en* [ɛn]. *sentagma* [sentagma] – *syntagme* [sɛ̃tagm]. ;

ym [ɛ̃]. → *en* [ɛn]. *lenf* [lɛnf] – *lymphe* [lɛ̃: f]. ;

ien [jɛ̃]. → *yan* [jan]. *italyan* [italjan] – *italien* [italjɛ̃]. ;

on [ɔ̃]. → *on* [ɔn]. *atraksiyon* [atraksijɔn] – *attraction* [atraksjɔ̃]. ;

om [ɔ̃]. → *um* [um]. *kumpanya* [kumpanja] – *compagnie* [kɔ̃paɲi]. ;

un [œ̃]. → *un* [un]. *bungalov* [bungalov] – *bungalow* [bœ̃galo]. ;

um [œ̃]. → *um* [ym]. *parfüm* [parfym] – *parfum* [parfœ̃].

Фонетические изменения в процессе заимствования французской лексики широко представлены на примере **гласных звуков**. В турецком вокализме основным является закон гармонии гласных. Под его воздействием многие заимствования подверглись фонетической обработке, получив новый фонетический облик.

Вставные (дополнительные) гласные звуки. В турецком языке, как упоминалось выше, существует закон полногласия, не допускающий стечения двух согласных или гласных в одном слоге. Таким образом, заимствованные единицы с двумя согласными в одном слоге в начале и в конце слова приобрели узкий протетический или эпентетический гласный (как правило *i*, *ɪ* или *u*).

Протеза – это прибавление звука в начале слова. В заимствованных из французского языка словах представлен протетический гласный *i*, например: *iskelet* [iskəlet] – *squelette* [skəlet], *istasyon* [istasjɔn] – *station* [stasjɔ̃], *istatistik* [istatistik] – *statistique* [statistik].

Эпентеза – это вставка звука внутри слова (как правило *i*, *ɪ* или *u*), например: *silindir* [silindir] – *cylindre* [silɛ̃dʁ], *astım* [astɯm] – *asthme* [asm], *kulüp* [kulyɯp] – *club* [klɔb].

Одной из фонетических особенностей заимствованных слов является **метатеза** – перестановка согласного и гласного звуков, например, *isprizma* [isprizma] – *spiritisme* [spɛ̃ritism], *farmason* [farmasɔn] – *franc-macon* [fʁɑ̃masɔ̃].

В турецком языке вместо французского беглого [ə]. после сочетаний согласных в исходе слова стали употребляться гласные *e*, *a*, *o*, *u*. Например:

<i>dinamometre</i>	dinamɔmɛtre	<i>dynamomètre</i>	dinamɔmɛtʁ
<i>maske</i>	maske	<i>masque</i>	mask
<i>armonika</i>	armɔnika	<i>harmonique</i>	avmɔnik
<i>aroma</i>	aroma	<i>arôme</i>	avɔ: m
<i>lavanta</i>	lavanta	<i>lavande</i>	lavɑ̃: d
<i>krema</i>	krɛma	<i>crème</i>	kʁɛm
<i>kadavra</i>	kadavra	<i>cadavre</i>	kada: vʁ

Заемствованные из французского языка лексемы с беглым [ə]. в середине слова приобрели новый гласный звук: *kanava* [kanava] – *canevas* [kanva], *pasaport* [pasaport] – *passeport* [paspo: ʋ].

Субституция. Отдельно отметим позиционные фонетическое изменение немого *e*, употребленного после мягкого французского *gn* [ɲ]. В турецком языке к этому конечному согласному звуку для смягчения добавляется *ya* – *Almanya* (фр. *Allemagne*), *İspanya* (фр. *Espagne*), *şampanya* (фр. *champagne*) [См. : 1, 77].

Зафиксирован также пример **апокопы** – отпадения конечного гласного в одном из французских заимствований: *karoser* [kaɾɔser] – *carrosserie* [kaʋɔsɛɾi].

Редукция. К позиционными изменениям гласных в слове относится редукция – ослабление или изменение звучания гласных звуков в безударных слогах. Выделяются две разновидности редукции: количественная (гласный звучит короче и слабее в безударном положении) и качественная (гласный изменяет свои качества). Качественной редукции подверглись следующие турецкие заимствования из французского: *avukat* [avukat] – *avocat* [avɔka], *kumanda* [kumanda] – *commande* [kɔmãd], *balina* [balina] – *baleine* [balɛn]. и др. В дальнейшем этот феномен будет рассмотрен подробнее на примере каждого гласного.

Отметим отдельно фонетические изменения в словах **латинского** происхождения, заимствованных из французского языка. Окончание *um* в таких лексемах во французском языке произносится [jɔm], в турецком же два варианта [um]. или [ym], например: *akvaryum* [akvaɾjɔm] – *aquarium* [akvaɾjɔm], *albüm* [albym] – *album* [albɔm].

Ассимиляция гласных звуков – это акустическое и артикуляционное уподобление одного звука другому в речевом потоке. Под действием прогрессивной или регрессивной небной, а также губной ассимиляции передний гласный звук [a]. французских слов в турецком языке чаще трансформировался в [e]. и в единичных случаях в [o]. : *ceket* [dʒɛkɛt] – *jaquette* [ʒakɛt], *defne* [dɛfne] – *daphné* [dafne], *kanepé* [kanepɛ] – *canapé* [kanapɛ], *menajer* [menaʒɛɾ] – *manager* [manaʒɔɛ: ʋ], *pantolon* [pantolon] – *pantolon* [pãtalɔ̃].

Французский закрытый [e]. субституировался звуками [a, o, i, u, j]. : *numara* [numara] – *numéro* [numɛʋo], *apolet* [apolɛt] – *épaulette* [epolɛt], *madalya* [madalja] – *médaille* [medaj], *coğrafya* [dʒɔ: rafja] – *géographie* [ʒɛɔɣɣafi], *kadastro* [kadastro] – *cadastrée* [kadastɛɛ], *nilüfer* [nilyfɛɾ] – *nénuphar* [nenyfav], *susam* [susam] – *sésame* [sezam], *fayton* [fajtɔn] – *phaeton* [faɛtɔ̃].

Открытый французский гласный [ɛ]. редуцировался в турецкой фонетике либо трансформировался в звук [a]. : *kokteyl* [kɔktejl] – *cocktail* [kɔktɛl], *bej* [beʒ] – *beige* [bɛʒ], *balina* [balina] – *baleine* [balɛn], *kaptan* [kaptan] – *capitaine* [kapitɛn], *korna* [kɔrna] – *cornet* [kɔvɛnɛ], *kasa* [kasa] – *caisse* [kɛs].

Замена гласного [ɔ]. объясняется тем, что эта фонема, в словах турецкого происхождения может встречаться только в первом слоге [3, 24 – 25]. Открытый гласный [ɔ]. в заимствованной из французского лексике трансформировался в турецком языке в фонему [u]. : *avukat* [avukat] – *avocat* [avɔka], *kumanda* [kumanda] –

commande [kɔmãd], *kumpanya* [kumpɾa] – *compagnie* [kɔ̃paɲi]. В отдельных случаях гласный [ɔ]. представлен звуками [o, ɯ, i]. : *lob* [lop] – *lobe* [lob], *koordine* [kɔɔrdine] – *coordonné* [kɔɔvɔne], *manastır* [manastır] – *monastère* [mɔnastɛr].

Открытый французский гласный [œ]. передается графически в турецком преимущественно буквой *ö*, например: *amortisör* [amɔrtisœr] – *amortisseur* [amɔvtisœ: ɥ], однако есть и случаи его трансформации в звуки [o]. или [u], например: *doktor* [dɔktɔr] – *docteur* [dɔktœ: ɥ], *vapur* [vapɯr] – *vapeur* [vapœ: ɥ].

Выводы и перспектива. Таким образом, можно сделать вывод о том, что фонетические средства турецкого языка позволили в целом достаточно точно передать произношение заимствованных слов. Закон гармонии гласных и закон ассимиляции согласных повлияли на изменение фонетического облика французских заимствований. Наибольшие расхождения вызваны отсутствием параллельных звуков, таких как носовые гласные, тенденцией к оглушению согласных и редукации гласных в турецком языке.

Литература:

1. Буров А. Г. Изменения французских заимствований в турецком языке в области гласных звуков / А. Г. Буров // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 89. – С. 75–80. ISBN 1562 – 0808.
2. Гордина М. В. Фонетика французского языка / М. В. Гордина. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1973. – С. 146–154.
3. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.
4. Попова И. Н. Французский язык / И. Н. Попова, Ж. А. Казакова, Г. М. Ковальчук. – М. : ООО «Издательство «Нестор Академик», 2007. – 576 с. ISBN 978-5-903262-10-6
5. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.
6. Сенцов А. Э. Основные фонетические процессы и их проявление на примере французского и русского языков / А. Э. Сенцов, А. М. Коваленко // Молодой ученый. – 2011. – № 2. – Т. 1. – С. 223–225. ISSN 2072-0247.
7. Шигаревская Н. А. Теоретическая фонетика французского языка / Н. А. Шигаревская. – М. : Высшая школа, 1973. – С. 142–151.
8. Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli) / J. Deny. – Paris: E. Leroux, 1921. – 1218 p.
9. Derkunt J. Ümran. Türkçede kullanılan Fransızca sözcükler sözlüğü / J. Ümran Derkunt. – Istanbul: Marmara Üniversitesi Yayınları, 2001. – 134 s. ISBN 975-400-224-X.
10. Esenkova E. Türk dilinde Fransız tesiri / E. Esenkova. – İstanbul: Matbaacılık A. Ş, 1959. – 31 s.
11. Türkçe Sözlük. Hazırlayanlar: Hasan Eren, Nevzat Gozaydın, İsmail Parlatur, Talat Tekin, Hamza Zulfikar. Sekizinci baskı. – Ankara: Türk dil kurumu yayınları, 1988. – 1679 s.

Фонетичні особливості французьких запозичень у турецькій мові

В ході запозичення слів з однієї мови в іншу відбувається процес фонетичної адаптації. Однак, не всі мови мають однакові лінгвістичні характеристики, особливо якщо вони належать до різних мовних родин.

Дана наукова стаття являє нам аналіз фонетичного вигляду пласта запозичених із французької в турецьку мову слів, які змінилися під впливом системи фонетичних правил турецької мови. Здійснюючи подібний аналіз, береться до уваги, наскільки відходить від норм вимови форма запозиченого слова під впливом нової фонетичної системи, або, навпаки, зберегла колишню фонетичну оболонку.

Ключові слова: фонетика, запозичення, французька, турецька.

Phonetic Features of French Loanwords in Turkish Language

During the borrowing of words from one language to another there is a process of phonetic adaptation. However, not all languages have the same linguistic characteristics, especially if they belong to different language families.

This scientific article is the analysis of the phonetically formation of borrowed from French into Turkish words that have changed under the influence of the phonetic rules of the Turkish language. In exercising this analysis, we have to take into account the extent of the rules of pronunciation outgoing form of loan words changed under the influence of a new phonetic system, or, alternatively, maintain phonetic shell.

Phonetic means of Turkish language allow the whole quite accurately convey of the pronunciation of borrowed words. All available phonetic processes and laws of Turkish language are used for the adaptation. The law of vowel harmony and consonant assimilation law influenced the change phonetically French borrowings. The biggest differences are caused by the lack of parallel sounds such as nasal vowels, the tendency to stun consonants and vowel reduction in Turkish.

Keywords: phonetics, drawing, French, Turkish.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 1

**О РОЛИ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ФЛЕКСИИ
В СЛОВО- И ФОРМООБРАЗОВАНИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
(О ХРОНОЛОГИИ ПРОЦЕССА ВОВЛЕЧЁННОСТИ
ФЛЕКТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ)**

Гаджиева А. Ю.

Азербайджанский Университет языков

В статье автор излагает свою точку зрения на счёт хронологии процесса вовлеченности флективных механизмов в словопроизводстве и формообразовании тюркских языков. Автор считает что, «тюркский аблаут» был активен в ранний период развития тюркских языков, тогда как «уйгурский умлаут» появился в агглютинативный период данных языков. Фузия была достаточно активна и в раннюю пору и в последующие этапы развития тюркских языков.

Ключевые слова: флексия, фузия, тюркские языки, агглютинация

Постановка проблемы. Согласно общепринятым критериям типологической классификации, тюркские языки, не без основания, считаются одним из «наиболее агглютинативных языков» из ныне известных языков данного типологического строя. Так, многие ученые склоняются к мысли о том, что финно-угорские языки движутся на пути флективизации, точнее сказать, уровень наличия типологических отклонений флективного характера в некоторых грамматических категориях вышеупомянутых языков граничат с пределами «допустимой нормы», а языки банту, некоторыми исследователями без колебаний считавшиеся языками агглютинативного строя, в последнее время всё чаще стали называться «характерными примерами» промежуточного (аг-глютинативно-флективного) типа или же даже «флективными языками с обилием агглютинативных элементов». На этом фоне характеристика тюркских языков, как некий «золотой стандарт агглютинативности», становится более или менее понятной. Но вместе с тем можно с уверенностью сказать, что наряду с агглютинацией, которая не без основания считается самой нетолерантной (или же самой консервативной) типологической тенденцией, в словопроизводстве тюркских языков немалую роль сыграли флективные механизмы. Несмотря на то, что в связи со становлением «единоличного господства» агглютинации в ранге ведущей типологической тенденции, флективные механизмы сдали свои и без того слабые позиции, тем не менее, исследования форм и способов раннего тюркского словопроизводства и формообразования предоставляют достаточное количество фактов, несоответствующих традиционным представлениям о грамматической детерминанте данных языков.

После гумбольдтовского тезиса о том, что в принципе в природе нет и не может быть “чистых” языков и что “агглютинативные языки отличаются от флективных не

принципиально, как отвергающие всякое указание на грамматические категории посредством флексии” [2, 125], пришло понимание того что, нельзя ставить знак равенства между абстрактным понятием тип языка и реальным языком. Тем не менее не смотря на то что, материалы раннетюркского слово- и формообразования предоставляют достаточное количество фактов, не вписывающиеся в традиционные представления о грамматической детерминанте данных языков, и по сей день нормативные грамматики и общепрофильная лингвистическая литература во многих случаях, избегая плутания в дебрях взаимоисключающих рассуждений, продолжают игнорировать проблему индекса флективности тюркских языков. Но более тщательный, а самое главное, в типологическом плане более объективный анализ системы слово- и формообразования тюркских языков дает основания полагать, что эти языки и по сей день в той или иной мере имеют некую тенденцию к флективизации. Так, в современных тюркских языках всё чаще наблюдаются случаи тесного морфологического соединения изменяемого корня с многозначными нестандартными аффиксами, приводящего к стиранию границ между морфемами, именуемого фузией.

В настоящей статье мы попытаемся дать ответ на ту часть вопросов, которые связаны с природой типологических несоответствий, точнее сказать, с хронологией процесса вовлечённости флективных механизмов. Как было уже сказано выше, несмотря на то, что грамматической детерминантой тюркских языков, несомненно, является агглютинация, тем не менее, эти языки в ранний период своего развития демонстрируют относительное изобилие внутрифлективных и фузионных элементов. В последующие периоды развития тюркских языков флективные и фузионные механизмы словообразования были не столь продуктивны. Проследим хронологию процесса вовлечённости флективных механизмов в тюркских языках.

1. Внутренняя флексия

а) *Тюркский «аблаут»*: Известно, что для активного участия данного рода способа внутреннего звукочередования в слово- и формообразовании, необходимо некое «разрешение» всей грамматической системы языка, точнее сказать её лояльное отношение в столь «неделикатное проникновение» в зону отточенных агглютинативных механизмов. Исходя из этого, можно предположить, что период особой активности «тюркского аблаута» приходится на доагглютинативную эпоху, а также на период ранней агглютинативности, когда ещё новая грамматическая детерминанта, известная особым консерватизмом, не вступила в свои полные права. В контексте вышесказанного нельзя не согласиться с Н. А. Баскаковым, который различал «три основных типа фонологической структуры тюркских языков, исторически предшествующих современным тюркским языкам»: лингвист предполагал что, в «глубокой древности ...тюркские языки имели иную типологическую структуру, близкую к изолирующим языкам» и что, в первый монокалистический период развития фонологической структуры «смыслоразличительные функции несли согласные элементы» [2, 17-20]. Но здесь нужно добавить то что, в тот период гласные звуки, при всём доминантстве консонантного состава первичных корней, имели отенкоразличительную функцию. Это особо наглядно видно на примере фonosимволистических оппозиций: *ciz(mək)* «тонко начертить» - *ciz(maq)* «нацарапать»: фonosимволистическая оппозиция **i** ~ **ı**. Следует отметить и то что, если в первый период зачатки

флексивного словопроизводства ограничивались аллофонами моно вокала, то во второй период прослеживается активное звукочередование уже двух гласных фонем ([a]. и [ɪ]) и их аллофонов. И на этой почве развивается, так называемый, «тюркский аблаут». Именно в этот период с активизацией агглютинативных механизмов появляются аффиксы и соответственно, «аффиксальный аблаут» (более подробно см. : [6, 42-47]). В виду того что, в последующие периоды развития тюркских языков агглютинация всё чаще и активнее стала противиться «использованию» внутрикорневого звукочередования, «тюркский аблаут» исчез из «орбиты» слово- и формообразовательных процессов, чего нельзя сказать об «уйгурском умлауте».

б) «*Уйгурский умлаут*»

После появления сингармонизма, который бесспорно представляет собой «фундаментальное структурно-типологическое явление» (А. А. Реформатский) [5, 184-198]. и является одним из основных факторов устойчивости агглютинативного строя была заложена основа для данного рода типологических отклонений. Именно с появлением аффиксов, которые в последующем оказали на корни основы слов соответствующее регрессивно-ассимилятивное влияние, началась эпоха «вторичной тюркской внутренней флексии». Известно что, в уйгурском языке и в его многочисленных диалектах имеют место факты «обратного сингармонизма», которые в тюркологической литературе именуются не иначе как «**уйгурский умлаут**», напр. : *баш – бешим, ат – этим, сал – сэлп*. Не находя должного объяснения данному загадочному факту, некоторая группа лингвистов даже попыталась пойти по обратному пути. Иначе говоря, отталкиваясь от фактов уйгурского языка, Е. Д. Поливанов и др. пытались «разобраться» в генетике самого германского умлаута, то есть исходя из того что, германский умлаут является достаточно поздним языковым фактом, некоторые ученые «видели» в нём отголоски германско-тюркских языковых контактов (более подробно [4, 120-123]). Интересно, что факт некоей схожести этих языковых явлений не ускользнул от внимания даже самих германистов. Так, В. М. Жирмунский характеризовал тюркскую гармонию гласных как в некой мере похожее на умлаут явление [3, 314]. Возвращаясь к проблеме периодизации флексивных элементов, можно сказать что, без сомнения, «уйгурский умлаут» является «продуктом» более поздних флексивных модификаций тюркского слово- и формообразования.

II ***Внешняя флексия***

Внешняя флексия или же фузия (*термин введен Э. Сепиром*) проявляет себя в словопроизводстве (в том числе, и в основообразовании) и формообразовании (в том числе и в аффиксообразовании). Хронологию процесса вовлечённости внешне-флексивных механизмов можно проследить в ниже представленной очерёдности:

а) *внешняя флексия (или же фузия) в словопроизводстве*

- а. 1. первичная деривативная фузия
- а. 2. вторичная деривативная фузия

Первичная деривативная фузия особо активно проявляет себя в пред-агглютинативном и раннеагглютинативном периоде развития тюркских языков. Именно тогда первичные корни путём наращивания соответствующих аффиксов приобретают новые дериваты, которые в последующем превращаются в нечленимых «вторичных» корней. Напр, первичный (предполагаемый) корень ***g (ə/e)**- сра-

щается с фузионными элементами **-l** и **-t**, в результате чего появляются нечленимые производные корни *gəl(mək)* *get(mək)*. Интересно что, вышеуказанные (**-l** и **-t**) и подобные им фузионные элементы, активные в раннюю пору деривации тюркских языков, в последующем под давлением вступившей в силу агглютинативности, вынуждены были снизить свою «производительность». В последующие периоды развития тюркских языков (предположительно, в раннеагглютинативный и агглютинативные периоды) более активными фузионно-деривативными элементами становятся аффиксы категории залога. Так, после сплавления первичного или же вторичного корня (то есть, основы) и соответствующего аффикса залога появляется новая деривативная модель, не поддающаяся членению. В виду своей нечленимости, в тюркологической литературе, корни аналогичных глагольных основ, нередко именуются «мертвыми» корнями. Напр, *dağıl(maq)* «разрушиться», *dağıt(maq)* «разрушить» дериваты «мертвого» корня *dağ*.

Вторичная деривативная фузия появляется на стыке двух слов. Напр, *bacı + inaq* > *bacanaq* (на русском буквально: «сестра» + «друг» > «свояк»); *karında + eş* > *kardeş*. Интересно, что, согласно интерпретации Л. Теньера, такого рода слияние является все лишь первой стадией агглютинативирования. По мнению учёного, «агглютинироваться могут, разумеется, только такие слова, которые **непосредственно соседствуют в речевой цепочке...**» (курсив наш – А. Г.) [7, 39]). Тогда как фузионное сплавление, (см. *bilərzik* «браслет» = *bilək* «запястье» + *üzük* «кольцо»), по той же самой трактовке «агглютинации», является завершённым агглютинированным сочетанием, что, естественно, не соответствует истинному положению дел. Так, с лёгкой руки Л. Теньера чуть ли не все фузионные сплавления, имеющие место в алтайских, финно-угорских и других языках с агглютинативной детерминантой, «можно» вывести из ранга типологических аномалий и «перекинуть» к исконно агглютинативным элементам, что на наш взгляд, совершенно не соответствует истинному положению дел.

б) внешняя флексия (или же фузия) в формообразовании

б. 1. первичная формообразовательная фузия;

б. 2. вторичная формообразовательная фузия

Выводы и перспектива. Под формообразовательной фузией мы понимаем не только фузионные сплавления на стыке корневой морфемы и формообразовательного аффикса (ср. **хакас. яз.** *min-mağaa*; *sin-sağaa*; в **хакас. диалектах:** *maa/mee, saa/see*), но «стирание» границ «морфемного шва»: напр, (напр, *al+acağ+am* > *alacam* «(я) куплю»). К первичным фузионным сплавлениям можно отнести аффикс множественного числа *lar* (*la+r*) вторичные фузионные сплавление, бесспорно являющиеся результатом тенденции экономии языковых средств, охватывают факты «упрощения» аффиксального нагромождения, характерного для агглютинативного строя.

Литература:

1. Баскаков Н. А. Историческо-типологическая фонология тюркских языков / Баскаков Н. А. – М. : Наука, 1988. – 208 с.
2. Фон Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Гумбольдт В. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.

3. Жирмунский В. М. Умлаут в английском языке по сравнению с немецким / Жирмунский В. М. // Вопросы грамматики. – М. -Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – С. 310 – 330.
4. Поливанов Е. Д. Причины происхождения Umlaut'a / Поливанов Е. Д. // Сборник Туркестанского Восточного. – Ташкент, 1923. – С. 120-123.
5. Реформатский А. А. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма / Реформатский А. А. // Исследования по фонологии. М. : Наука, 1966. – С. 184-198.
6. Серебренников Б. А. Загадка аффиксального аблаута а: у в тюркских языках / Серебренников Б. А. // Советская тюркология, 1980. – №3. – С. 42-47.
7. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Теньер Л. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.

Гаджиева А. Ю. Про роль внутрішньої і зовнішньої флексії у слово-і формоутворенні тюркських мов (про хронологію процесу залучення флексивних механізмів) / А. Ю. Гаджиева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 313–317.

Статтю присвячено розгляду ролі внутрішньої і зовнішньої флексії в слово-і формоутворенні тюркських мов (хронології процесу залучення флексивних механізмів).

У статті автор викладає свою точку зору на хронологію процесу залучення флексивних механізмів у словотворенні і формоутворенні тюркських мов. Автор вважає що, «тюркський аблаут» був активний в ранній період розвитку тюркських мов, тоді як «уйгурський умлаут» з'явився в аглютинативний період даних мов. Фузія була достатня активна і в ранню пору, і в подальших етапах розвитку тюркських мов.

Ключові слова: флексія, фузія, тюркські мови, аглютинація

About a Role of an Internal and External Inflexion in a Word – and Formation of the Turkic Languages (about the chronological process of the involvement of the inflectional mechanisms)

In this article the author states the point of view into the account of chronology of process of the involvement of the inflectional mechanisms in the word-building and formation of the Turkic languages. The author considers that «Turkic ablaut» was active in the early period of the development of the Turkic languages whereas «Uigur umlaut» appeared in the agglutinative period of the given languages. Fusion was sufficient active both in the early period and in the subsequent stages of the development of the Turkic languages.

Keywords: flexion, fusion, Turkic languages, agglutinative

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 512. 161

ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИОННОСТИ И МОДЕРНИЗМА В ТУРЕЦКО-ТЮРКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРИОДА ТАНЗИМАТ

Юнусова Г.

*Гянджинский государственный университет (Азербайджан)
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Как известно, реформа Танзимат (1839) была, в первую очередь, общественно-политической или регулирующей акцией. Однако поскольку демократические, правовые, просветительские и прочие ценности Танзимат породили большие преобразования в человеческой психологии, человеческой мысли и позиции, новые литературные взгляды и процессы также не остались без воздействия. В Статье исследуются проблемы традиционности и модернизма в турецкой литературе периода Танзимат.

Ключевые слова: турецкая литература, Танзимат, Европа, просвещение, классическая литература

Постановка проблемы. Охватывающая 1860-1895 гг. турецкая литература периода Танзимат была новым, ориентированным на Запад, этапом. Естественно, что политическое начало Танзимат стоит заметно выше литературно-философского начала. Как известно, реформа Танзимат (1839) была, в первую очередь, общественно-политической или регулирующей акцией. Однако поскольку демократические, правовые, просветительские и пр. ценности Танзимат породили большие преобразования в человеческой психологии, человеческой мысли и позиции, новые литературные взгляды и процессы также не остались без воздействия.

Изменение культурного образа мышления, формирование модернистского мировоззрения сумели сыграть важную роль в формировании и развитии в Турции, в своем роде, запоздавшего по сравнению с Европой Ренессанса. С одной стороны, тысячелетняя традиция, с другой – модернизация. Хотя новшества и формировались на традициях, нельзя отрицать обыкновенностью, в то же время исторической необходимостью, традиции как преграду новшествам, вступающую в борьбу в нужные моменты. Именно в этом процессе то, кто «сильнее», кто «слабее», что является жертвой и ради чего она дается, находилось в центре литературной и в то же время научной полемики и борьбы. Модернизация в литературно-эстетической форме для турецкой среды по сравнению с Европой процесс вторичный. В действительности, модернизация для западного мира должна оцениваться как результат продолжающегося долгое время процесса. Но в центре идеи должно находиться то, что влияние происходящих в мире общественно-политических процессов на процесс модернизации велико. Например, в этом контексте характерны мировые войны, произошедшие во Франции, Германии, Англии и др. странах общественно-политические процессы. Танзимат заложило основы критичного отношения к традиции. Естественно, что Танзимат в своих модернистских взглядах первым делом превратил в мишень

традицию. Однако нельзя упускать из виду один нюанс. В период литературы Танзимат подход и отношение к классике, традиции было двояким: параллельность традиции с новшествами и отрицание традиции. Нельзя упускать из виду и то, что и в период Сарвати-фунун и Джумхурият наблюдалась критика по отношению к традициям. Традиция в литературе представляет собой отображение насчитывающего тысячелетнюю историю, но вместе с тем меняющегося литературного выражения и литературных размышлений. Если можно так сказать, литературное наследие. Если принять во внимание, что традиция в некотором роде прошлое, тогда модернизм соответствует понятию настоящего. Однако порой традиция может существовать и в синтезе «настоящего» (модерн) с «прошлым» (традиция). Традиция сумела сохранить свое существование в большей степени в народной литературе и литературе диванов. Наблюдение художественных образцов возврата к таким традициям даже в современную эпоху подтверждает литературно-исторические функции этого процесса. Но в турецкой литературе в литературном процессе до Танзимат с Джумхурият становимся свидетелями преимущества модернизма над традициями. Особенно ясно проглядывается отношение к традициям и модернизации в художественном творчестве, а также литературно-теоретических взглядах И. Шинаси, А. Гаида, Н. Камала, Зия Паши, Мидхада Эфенди, Али Суави, Р. Акрама, Муэллима Наджи, Назима Набизаде, Тофика Фикрета, Дженаб Шахабеддин, Сулеймана Назифа, Рзы Тофика, М. А. Юрдагюля, Эмина Бюленда и др. мастеров. Отметим, что, начиная с XIX века, западное влияние в турецкой литературе были влиянием одной системы, точнее системы европейской культуры и мышления. Естественно, что источником этой системы полагалось художественно-эстетическое и философское мышление Франции XVIII и XIX веков. Надо отметить, что взгляды Монтескье, Фонтенелло, Вольтера, являвшихся выдающимися представителями европейского философского эстетизма, составили основу расширявшегося в начале XIX века в Турции модернизма. Как выше отмечалось, хотя как традиционная, так и современная литература объединялись своими художественными закономерностями, точнее профессиональной миссией, с точки зрения отрицания или критики друг друга они находились на различных позициях. Полагаем, вне зависимости от накала, в самом этом противостоянии позиций есть закономерность. Поскольку источником традиций является тасаввуф, источником модернизма же – европейские эстетические ценности. В этом смысле между европейскими поэтическими идеями и идеями поэзии Востока невозможно не увидеть некоторые отличительные признаки. Говоря конкретно, если восточная поэзия преследует цель совершенствования человека, то западная превращает в цель миссию по усовершенствованию общества. Как видно, вне зависимости от того, является западно-или восточноориентированной считающаяся человековедением литература, человеческий фактор всегда был важным и необходимым для любых периодов и любой литературы.

Постановка проблемы, отношение к проблеме в турецкой литературе Танзимат XIX века начала опираться на новые художественные ценности. В этом ряду преобладали такие ценности как свобода, государство, нация, справедливость, культура, язык, человек, разум и т. д. Хотя турецкая поэзия до литературы Танзимат XIX века обеспечила в XVIII веке свое развитие Сеидом Вехби, Недимом, Расихом, Шейхом

Галибом, в XIX веке – Амрахом, Иззетом Моллой, Акифом Пашой и пр. мастерами, постепенно нарастает потребность во внутреннем преобразовании, встает перед необходимостью раскрытия дверей перед новшествами. «Первое, на что следует обратить внимание – замена места и сущности между видами, которые действительно вполне можно счесть заменой мест, относящихся к ценностям. Говоря короче, управлявшее нашу поэзию до того времени «обязательно» тотчас пало во всех областях. Ни в одном периоде среда формирования, жизненные мечты не заняли место культуры в столь короткий промежуток времени. И как было изначально, рисует портреты средних людей. С другой стороны, у индивидуума перед лицом жизни и судьбы появляется позиция, вовсе не присущая старине. Вступает в сильный сентиментализм перед судьбой в новой позиции и новым поведением, вовсе не являющимися продолжением старины» [1, 83]. Естественно, воздействие социально-политических процессов придает преобразованиям еще больший толчок. Поскольку, как отмечал ученый А. Г. Танпынар: «Искусство есть выражение общества. В высоком значении слова, постоянно преследует его издали или сблизи». Эти идущие в литературе преобразования, поскольку они непосредственно связаны с реформами Танзимат, турецкие литературоведы совершенно верно называют литературой Танзимат или османской модернизацией.

У турецкой классической поэзии периода до Танзимат есть свои специфические черты. Известно, что было сильное влияние арабской и персидской поэзии на классическую турецкую поэзию. Более позднее принятие турками ислама обуславливает волей-неволей запоздание отображения исламских ценностей в их поэзии. В этом понимании влияние арабской и персидской литературы в классической турецкой поэзии опережает исламское воздействие. Однако после принятия турками ислама в их литературе стали возникать новые черты, как по форме, так и идейно-содержательные. Но хотя в этом процесс исламские особенности и были на первом плане, в поэзии было некое турецкое своеобразие. Дж. Руми (XIII век), Валад (XIII-XIV века), Ю. Эмре (XIII- XIV века), Баки (XV век), Нефи (XVII век), Наби (XVII века), Недим (XVIII век), Шейх Галиб (XVIII век), Иззат Молла (XIX век), Васиф из Андарума (XIX век) и др. знаменосцы турецкой поэзии обеспечили тематическое и форменное развитие традиционной поэзии как в классический, так и новый период времени, сумели построить традиционный оборот поэзии в условном, романтическом, реалистичном ключе. Народная литература и литература диванов, представляемые в специальном разделе турецкой литературы (например, в «Иллюстрированной истории турецкой литературы» Н. С. Банарлы (Стамбул, 1998 г, I-II тома), представляют традиционную литературу. Основной видимой стороной в традиционной литературе является язык. Турецкие литературоведы Н. С. Банарлы, Ф. Кёрпюлю, А. Кабаклы, Гусейн Тунджер и др. полагают, что изменение языка представляет собой изменение традиции. Традиция, в первую очередь, после этого изменения языка переходит на новый этап. Н. Камал в своей статье делится своими соображениями о языке и литературе. В этих соображениях находит определенные ответы на проблемы языка и литературы, определяет последующие пути разрешения процесса. Верно то, что художественная эстетика классической традиционной литературы с современной литературой по отдельности отрицаться не может. Однако

вес степени отношений между человеком и жизнью после языкового фактора помогает определять резкие отличия между этими двумя периодами литературы. Следовательно, существует 2 отображения различий между традицией и модерном: форменное и идейно-содержательное.

*Lale-hadler kıldılar gül-deşti sahra semt-semt,
Bağu rağı gezdiler idiüp temaşa semt-semt.*

*Aşıkı-didarı pakündür meğer kim cuylar.
Cüstü cu eyler seni ey servi bala semt-semt* [7, 208]

Эта газель Баки (XVII век) значимо с точки зрения отображения специфических сторон традиционной поэзии. Если отложить в сторону индивидуальный талант, индивидуальный стиль, стихотворение лингвистически, идейно, содержательно может подтвердить одинаковость картины классической традиции. Приняв во внимание определенные исключения, одинаковость художественной технологии до XIX века, может найти себе подтверждение и у Баки, и Нефи, и у Наби, и у Надима, и у Шейха Галиба, и у Иззата Моллы и т. д. То есть при этом система поэтических тропов, поэтический язык, общие для восточной поэзии системы и пр. не приобретают в классической поэзии однозначной ценности, исследователи в своих анализах то поддерживают, то критикуют общие художественные технологии. Видный исследователь тюркской турецкой литературы XIX века Ахмет Хамди Танпынар пишет об этом: «Таков и мир грез, передающихся из поколения в поколение как опасное наследие. Эти грезы, в момент озвучивания метафорическим языком, бессмысленны и безотносительны до степени не пробуждения какой-либо идеи о красоте, соединяясь друг с другом, даже становятся уродливыми и негармоничными» [1, 380]. Хотя в основе современной турецкой поэзии и находилась традиционность, в стилевом понимании его источник восходит к Западу. Говоря со ссылкой на источники: «Обучающая литература, обратившись к классической системе, некоторым риторическим книгам на французском, стала первой книгой приобретенной новыми элементами. Вместе с Реджизаде, Шинаси, Намик Камалом ставила цель создания теории новой литературы, параметры которой постепенно появлялись» [2, 98] не отрицаемо влияние современной европейской литературы на иные, кроме Турции, окружающие регионы. В этом ряду нельзя забывать и о влиянии на азербайджанскую литературу. Разумеется, это влияние реализовывалось посредством Турции. В статье «О новой азербайджанской литературе», напечатанной в журнале «Тюркский край», бывший в начале прошлого века студентом Ленинградского института восточных языков Али Назим писал следующее: «Этот этап новой азербайджанской литературы называют периодом Алибека или «Фуюзат». . . Эта литература выступила против популярной литературы, длящейся с Мирзы Фатали, и вошла в жизнь в образе романтической литературы. Источником вдохновения для этого движения стала уже не народная жизнь как у Ахундова, а, наверное, далекая от всякого народничества и демократизма литература османского Танзимат и Сарвати-фун... Несомненно, подобным образом османская литература, и картиной, и языком, и тематикой станет идеалом для недавно сформировавшейся азербайджанской литературы. Литература «Фуюзат» появилась как продукт этого нового движения и пути...» [4, 23]. Отметим еще и то, что Али Назим, говоря о

новой литературе, уделил внимание и вопросам «литературного языка, являющегося основным обликом литературы». Он показывал, что ради общего развития тюркской литературы ведущим языком должен быть «являющийся наиболее близким к азербайджанскому литературному языку стамбульский литературный язык». В статье не остается в стороне от внимания и некое логическое обоснование Али Назима. Обосновывая свои взгляды, он касается интересных моментов, характеризует это как жизненную потребность: «Это показывают не мысли в головах, а реалии в жизни». В действительности, подход к проблемам в общетюркском мире именно в таком ключе находит свое подтверждение в фактах. В идее «стамбульская речь самая чистая, самая нежная для нас» автора строк «Родина для турка не Турция, не Туркестан, Родина – большая и необъятная страна – Туран» Зия Гекалпа, становимся свидетелями, говоря словами Али Назима, существования «некоей жизненной истины и жизненной потребности». И пропаганда османского языка в качестве единого литературного языка, обусловленная стоящей в свое время в основе идеи большого тюркиста Гаспиралы «Единство в языке, взглядах, делах» потребности в едином языке, служила возникновению тюркского единства в литературно-художественной, общественно-политической, культурно-научной сфере: «Мусульманские тюрки при атаке модернизации должны вместе двигаться, должны обеспечить как языковое, так и культурное единство. Таким образом, главным вопросом было необходимость использования в тюрко-исламском мире лишь одного письменного (литературного) языка. Для того, чтобы добиться этого, принимает решение, еще более упростив османский тюркский, являющийся достаточно развитым языком, распространить в качестве единого литературного языка» [5, 52]. В периоды Танзимат, Сарвати-фунун, Джумхурият в сути двойственного отношения к традиции и модернисткой литературе, языку стоят литературные позиции и взгляды двух различных групп, защищающих нововведения и традиции. Особо обращают на себя внимание многочисленными идеями и соображениями об этих важных сторонах и потребностях литературы такие видные представители литературного этапа, начинающегося с Танзимат, как И. Шинаси, А. Гамид, Н. Камал, Р. Акрам, Муэллим Наджи, Ахмед Мидхад Эфенди, Танпынар, Абдульбаки Гельпынар и др.. Движение западничества, начавшееся с И. Шинаси, с этого момента дало старт обсуждению «быть или не быть» традиционной литературе. Намик Камал, Тофик Фикрет, Халид Зия и др. переходом на сторону модернисткой поэзии, не сдержались от именованной традиционной поэзии подражательной поэзией. Дженаб Шахабеддин, в действительности много почерпнувший из классической поэзии, критиковал традиционную стихотворную форму как за язык, так и за содержание. Он критически относится к являющимся гражданскими словами классической поэзии выражениям цветков-соловей, свеча-мотылек, сердце-душа, указывал на привнесение в содержание стихов слабости образованными этими словами значениями: «Веками, да веками, порождаемые нами поэтические произведения состояли из разрозненных идей, рассыпанных вокруг 9-10 тем, и не обрабатывали какую-либо нормальную тему» [8, 49].

Следующие строки, приводимые нами из поэта XVIII века Шейх Галиба, писавшего в стилистике «Себки-Хинди», привнесшего в литературу диванов новшест-

ва, занявшего такое же место в классической литературе, что и Физули, Недим, Неби и пр, становятся объектом такой критики:

*Ales-sabah ki ahengi nağme etdi hezar
Açıldı feyzi mahabbetle hatırı gülzar* [7, 250].

Хотя подобная манера высказывания и выражения и характерна для классической поэзии, во взглядах по-европейски изменивших «свой облик и свое сознание» сподвижники Танзимат они критиковались как далекие от новых требований стихотворения. Существует интересный момент, заключающийся в том, что наряду с критическим отношением, у одного и того же лица обращает на себя внимание и параллельное восхваление классической диванской литературы. Эта параллельность на самом деле отражает противоречивый подход. Например, Зия Паша в одной статье полагает народную поэзию настоящей турецкой поэзией, поэзию диванов не признавая османской поэзией, а в предисловии народную поэзию считает «ослиным криком», характеризуя настоящей османской поэзией поэзию диванов. И в литературных взглядах Н. Камала не сложно увидеть подобные противоречия. То есть двойственный подход между фразами «в старинной литературе исторические события реальности не соответствуют, восприятие сложное» и «красоты старинной литературы не скрываются от взора» может быть расценено как противоречие в литературно-теоретических взглядах Н. Камала. Полагаем, что противоречия во взглядах И. Шинаси, Шами Пашазаде, Сезаи и других вытекало из демонстрации позиции на всех литературных фронтах, расширения применения и пропаганды современной литературы стоящими у колыбели этой литературы выше отмеченными людьми, поспешно изменившими по-европейски «свой наряд и свое сознание». Естественно, являющиеся выдающимися литературными личностями и И. Шинаси, и Н. Камал, и З. Паша, и Сезаи никогда бы не допустили такого противоречивой литературной оценки. Несомненно, в свое время и адресация выдающимся мыслителем, драматургом, философом, М. Ф. Ахундовым выражения «Устади-назм» (Мастер поэзии). Физули было отображением целенаправленного отношения в рамках требований нового периода. Даже на Родине газели, в Иране, подарившем миру Саади и Хафиза, в XX веке, когда на литературу диванов началось наступление «шеири-ноу» (новый стих), претензии на отказ от старинной поэзии не укрываются от взора в качестве событий недавнего времени. В действительности, и в самом Иране, для ликвидации господства традиций поэзии диванов в XX веке и ради создания возможностей для современной поэзии находит себе место целенаправленный субъективный подход и пропаганда современной поэзии. Во всех случаях литературные пропагандисты, критикующие старинную поэзию, прекрасно знали, что поэзия диванов вовсе не является такой «безвкусной, далекой от реальности, подражательной и пр» литературой, какой они её характеризуют. Просто они, ради регулирования нового этапа развития и развития литературы в рамках новых требований, пытались обосновать свои взгляды.

Литература:

1. Танпынар А. -Х. История турецкой литературы XIX века / Ахмед Хамди Танпынар. – Стамбул, 2006.
2. Айвазоглу Б. Сопrotивление традиции / Бешир Айвазоглу. – Стамбул: Отюкен, 1997.

3. Кулиев Э. Литература тюркских народов / Эльман Кулиев. – Баку: Констант Эмпайр, 2011.
4. Назим А. О новой азербайджанской литературе / Али Назим // Тюркский край. – № 31, 32 теммуз (август), 1927. – С. 23
5. Гаспралы И. Избранные произведения. – II том / Исмаил Гаспралы. – Стамбул: Отюкен, 2005.
6. Коджакаплан И. Основы турецкой литературы / Иса Коджакаплан, Намик Камал. – Стамбул, 2009.
7. Тюркская литература с древних времен до сегодняшних дней. – Анкара, 1999.
8. Унайдын Р. -А. Говорят, что. / Рушен Ашраф Унайдын. – Анкара: Министерство культуры, 2000.
9. Камал К. Мнения и статьи о турецком языке и литературе / Намик Камал. – Стамбул: Альфа-Яй, 1996.
10. Банарлы Н. С. Иллюстрированная история турецкой литературы. -II том / Нихат Сами Банарлы. – Стамбул, 1971.
11. Антология турецкой поэзии. -Стамбул: Багджылар, 1986.
12. Гененсай Т. Турецкая литература до периода Танзимат / Тофик Гененсай. – Стамбул, 1949.

Юнусова Г. Проблеми традиційності і модернізму в Турецько-тюркській літературі періоду Танзімат / Г. Юнусова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 318–324.

Як відомо, реформа Танзімат (1839) була, в першу чергу, суспільно-політичної або регулюючої акцією. Однак оскільки демократичні, правові, просвітницькі та інші цінності Танзімат породили великі перетворення в людській психології, думки та позиції, нові літературні погляди і процеси також не залишилися без впливу. У статті досліджуються проблеми традиційності і модернізму в турецькій літературі періоду Танзімат.

Ключові слова: турецька література, Танзімат, Європа, просвітництво, класична література

Yunusova G. Problems of traditional and modernity in Turkish literature Tanzimat period / G. Yunusova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 318–324.

As you know, the reform of the Tanzimat (1839) at first, was, social, political or regulatory action. However, since the democratic, legal, educational, and so gave rise to large values of the Tanzimat reforms in human psychology, human thought and attitudes, new literary views and processes do not remain without effect. In the article the problem of tradition and modernity in the Turkish literature Tanzimat period are investigated.

Keywords: Turkish literature, Tanzimat, Europe, education, classical literature

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 004. 7

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ИНТЕРНЕТА И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Велиева И., Гусейнова К.

*Азербайджанский Технический Университет
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье анализируется история создания интернета в мире. Автор показывает, что идея создания интернета была разработана в 1957 году и в 1969 году в рамках проекта сеть уже объединила четыре научных учреждений. 1 января 1983 года можно считать официальной датой начала Internet. В статье также рассматривается история создания и использования интернета в Азербайджане.

Ключевые слова: интернет, Азербайджан, телеконференция

Постановка проблемы. В 1957 году Министерство обороны США посчитало, что на случай войны Америке нужна надежная система передачи информации. Агентство передовых оборонных исследовательских проектов США (DARPA) предложило разработать для этого компьютерную сеть. Разработка сети была поручена Калифорнийскому университету в Лос -Анджелесе, Стэнфордскому исследовательскому центру, сеть была названа ARPANET (англ. Advanced Research Project Agency Network), и в 1969 году в рамках проекта сеть объединила четыре указанных научных учреждения. Все работы финансировались Министерством обороны США. Затем сеть ARPANET начала активно расти и развиваться, ее начали использовать ученые из разных областей науки. Первый сервер ARPANET был установлен 2 сентября 1969 года в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Компьютер Honeywell DP-516 имел 24 Кб оперативной памяти. 29 октября 1969 года в 21: 00 между двумя первыми узлами сети ARPANET, находящимися на расстоянии в 640 км- в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса (UCLA) и в Стэнфордском исследовательском институте (SRI)- провели сеанс связи. Чарли Клайн (Charley Kline) пытался выполнить удаленное подключение к компьютеру в SRI. Успешную передачу каждого введенного символа его коллега Билл Давали (Bill Duvall) из SRI подтверждал по телефону. В первый раз удалось отправить всего три символа <LOG>, после чего сеть перестала функционировать. LOG должно было быть словом LOGON (команда входа в систему) в рабочее состояние систему вернули уже к 22: 30 и следующая попытка оказалась успешной. Именно эту дату можно считать днем рождения Интернета.

К 1971 году была разработана первая программа для отправки электронной почты по сети. Эта программа сразу стала очень популярна.

В 1973 году к сети были подключены через трансатлантический телефонный кабель первые иностранные организации из Великобритании и Норвегии сеть стала международной.

В 1970-х годах сеть в основном использовалась для пересылки электронной почты, тогда же появились первые списки почтовой рассылки, новостные группы и доски объявлений. Однако в то время сеть еще не могла легко взаимодействовать с другими сетями, построенными на других технических стандартах. К концу 1970-х годов начали бурно развиваться протоколы передачи данных, которые были стандартизированы в 1982-83 годах. Активную роль в разработке и стандартизации сетевых протоколов играл Джон Постель. 1 января 1983 года сеть ARPANET перешла с протокола NCP на TCP/IP, который успешно применяется до сих пор для объединения (или, как еще говорят, «наслоения») сетей. Именно в 1983 году термин «Интернет» закрепился за сетью ARPANET. В 1984 году была разработана система доменных имен (англ. Domain Name System, DNS) в 1984 году у сети ARPANET появился серьезный соперник: Национальный научный фонд США (NSF) основал обширную межуниверситетскую сеть NSFNET (англ. National Science Foundation Network), которая была составлена из более мелких сетей (включая известные тогда сети Usenet и Bitnet) и имела гораздо большую пропускную способность, чем ARPANET. К этой сети за год подключились около 10 тыс. компьютеров, звание «Интернет» начало плавно переходить к NSFNET.

В 1988 году был разработан протокол Internet Chat (IRC), благодаря чему в Интернете стало возможно общение в реальном времени (чат).

В 1989 году в Европе, в стенах Европейского совета по ядерным исследованиям (фр. Conseil European pour la Recherche Nuclearize, CERN) родилась концепция Всемирной паутины. Ее предложил знаменитый британский ученый Тим Бернес-Ли, он же в течение двух лет разработал протокол HTTP, язык HTML и идентификаторы URI.

Соавтор Тима Бернеса-Ли по формулировке целей и задач проекта World Wide Web в CERN, бельгийский исследователь Роберт Кайо разъяснял позднее его понимание истоков этого проекта:

История всех великих изобретений, как это давно и хорошо известно, базируется на большом числе им предшествующих. В случае Всемирной паутины(WWW) следовало бы в этом контексте, видимо, отметить по крайней мере два важнейших для успеха проекта пути развития и накопления знаний и технологий: 1) история развития систем типа гипертекста ...; 2) Интернет-протокол, который собственно и сделал всемирную сеть компьютеров наблюдаемой реальностью.

В 1990 году сеть ARPANET прекратила свое существование, полностью проиграв конкуренцию NSFNET. В том же году было зафиксировано первое подключение к Интернету по телефонной линии(т. н. «дозвон»- англ. Dialup access) в 1991 году Всемирная паутина стала общедоступна в Интернете, а в 1993 году появился знаменитый веб-браузер NCSA Mosaic. Всемирная паутина набирала популярность. Можно считать что существует две ясно различимые эры в истории Web [до браузера Mosaic]. Марка Андрис Сена и после. Именно сочетание веб-протокола от Тима Бернес-Ли, который обеспечивал коммуникацию, и браузера (Mosaic) от Марка Андрис сена, который предоставил функционально совершенный пользовательский интерфейс, создало условия для наблюдаемого взрыва (интереса к Веб) За первые 24 месяца, истекшие после появления браузера Mosaic, Web прошел стадию от пол-

ной неизвестности (за пределами считанного числа людей внутри узкой группы ученых и специалистов лишь одного мало кому известного профиля деятельности) до полной и абсолютно везде в мире его распространенности. В 1995 году NSFNET вернулась к роли исследовательской сети, маршрутизацией всего трафика Интернета теперь занимались сетевые провайдеры, а не суперкомпьютеры Национального научного фонда. В том же 1995 году Всемирная паутина стала основным поставщиком информации в Интернете, обогнав по трафику протокол пересылки файлов FTP. Был образован Консорциум всемирной паутины (W3C) Можно сказать, что Всемирная паутина преобразила Интернет и создала его современный облик. С 1996 года Всемирная паутина почти полностью подменяет собой понятие «Интернет». В 1990-е году Интернет объединил в себе большинство существовавших тогда сетей (хотя некоторые, как Фидонет, остались обособленными). Объединение выглядело привлекательным благодаря отсутствию единого руководства, а также благодаря открытости технических стандартов Интернета, что делало сети независимыми от бизнеса и конкретных компаний. К 1997 году в Интернете насчитывалось уже около 10 млн. компьютеров, было зарегистрировано более 1 млн. доменных имен. Интернет стал очень популярным средством для обмена информацией. В настоящее время подключиться к Интернету можно через спутники связи, радио- каналы, кабельное телевидение, телефон, сотовую связь, специальные опτικο-волоконные линии или электропровода. Всемирная сеть стала неотъемлемой частью жизни в развитых и развивающихся странах. В течение пяти лет Интернет достиг аудитории свыше 50 миллионов пользователей. Другим средствам массовой информации требовалось гораздо больше времени для достижения такой популярности. За последние шесть лет глобальная сеть Интернет превратилась в явление мирового масштаба. Сеть, которая до недавнего времени использовалась ограниченным кругом ученых, государственных служащих и работников образовательных учреждений в их профессиональной деятельности, стала доступной для больших и малых компаний и даже для индивидуальных пользователей.

Почти сразу после того, как были созданы первые компьютеры, возникла необходимость в обмене информации между машинами. Первоначально это делалось путем записи информации на магнитную ленту или перфокарту и физическим переносом этой ленты на другую машину. В начале 60-х годов ученые, работавшие в области компьютерных технологий в разных частях США, начали искать путь для установления непосредственной связи между машинами и их пользователями. К концу 60-х годов правительство Соединенных Штатов пришло к пониманию огромной роли компьютеров в образовании, а также в исследованиях и разработках, относящихся к военной сфере. Исходя из этого, правительство США решило финансировать создание экспериментальной сети, которая способствовала бы успешному проведению исследований в отдаленных научных центрах и развивала бы практику обмена информацией. Эта сеть, учрежденная Агентством перспективных исследований США (US Advanced Research Project Agency), была названа ARPANET. Одной из главных целей исследований, проводившихся в ARPANET, было создание сети, сохраняющей работоспособность при нарушении связи между отдельными ее частями. Кроме того, эта сеть должна была позволять исключать узлы и добавлять узлы

новые с минимальными затратами, а также предоставлять компьютерам различных типов возможность легко связываться между собой. Еще в 1973 году, за десять лет до того как произошла революция персональных компьютеров, агентство AERPA под своим новым именем –DARPA- начало осуществлять программу Internet ting Project. В 1983 г. Агентство связи Министерства обороны США приняло решение об использовании протоколов TCP/IP на всех узловых машинах ARPANET.

Таким образом, был установлен стандарт, согласно которому могла развиваться сеть Internet.

1 января 1983 года можно считать официальной датой начала Internet. Сама ARPANET прекратила свое существование в июне 1990 году. Ее функции постепенно перешли к Internet. Internet была связана с другими глобальными сетями, такими как: CompuServe, MCI Mail, BITNET, FIDO Net, USENET, UUNET и другими. В ноябре 1990 г. Тим – Ли из Европейского Центра ядерных исследований (CERN) создал прототип первого сервера Всемирной Паутины (именно так переводится словосочетание World Wide Web), но это новое изобретение коренным образом изменило облик Internet. Сегодня серверы WWW – ведущий информационный сервис Internet, определяющий развитие Сети, и число серверов WWW на планете удваивается примерно каждые 3-4 месяца.

Приходится согласиться с тем, что e- mail, BBS и телеконференции не дают клиенту той степени ощущения которая достигается в других средствах информации, например, в красочной телевизионной или журнальной рекламе. Новая среда World Wide Web, напротив, именно благодаря эффекту присутствия и информационной насыщенности (текст, изображение, звук) превосходит другие средства информации по возможностям персонального общения с клиентом. Практическое применение этого сервера пользователями Internet было невозможно вплоть до февраля 1993 г, когда в Суперкомпьютерном центре Иллинойского университета была создана NCSA Mosaic- самой первой программы просмотра документов на серверах WWW. Именно с этого момента начался взрывной характер роста Internet. К 1995 г, не выдержав конкуренции, практически прекратил выпуск новых версий Mosaic, и мировой рынок браузеров захватила фирма Netscape Communications со своим продуктом Netscape Navigator. Однако такой емкий рынок как Internet, не мог пройти мимо внимания корпорации Microsoft, которая к началу 1996 г. Начала выпускать свои программы и операционные системы с Internet. Одним из ключевых моментов в выпуске программы является развитие браузера MS Internet Explorer. К осени 1996 г. Была выпущена новая, значительно усовершенствованная версия этого продукта MS Internet Explorer 3. 0. По своим функциональным возможностям современные браузеры даже несравнимы с теми неуклюжими программами, которыми пользовались в Internet несколько лет назад. Фактически, сегодняшние браузеры объединяют в едином пакете целый набор программ, обеспечивая доступ к самым популярным службам Internet-WWW. Электронной почте, серверам FTP и Gopher, телеконференциям Use Net. На каком бы континенте не находился нужный вам компьютер, оплата соединения производится только за время подключения к ближайшему узлу Internet. Когда Интернет совершала первые шаги в своем существовании, в ней насчитывалось всего 213 зарегистрированных хост-компьютеров. Хост- компьютера-

ми, или просто хостами (host), называют компьютеры, включенные в сеть и предоставляющие различные виды сетевого сервиса. К февралю 1986 года число хостов возросло до 2308 единиц. Сегодня Интернет переживает период взрывообразного роста, и число хост- компьютеров в мире составляет уже миллионы. Электронная почта, E- mail, одна из самых сервисов Internet, которая была разработана еще в 1972 г. Рейем Томлинсоном. Первоначально электронная почта предназначалась исключительно для передачи текстовых сообщений между учеными в исследовательских центрах США. Скоро она была адаптирована для пересылки любых типов файлов, и сегодня является самым массовым и чрезвычайно популярным сервисом Сети. Для многих индивидуальных пользователей ПК, специалистов из научных и образовательных кругов, не обладающих достаточными средствами для оплаты высоких тарифов традиционной почты, электронная почта является практически единственным средством для быстрой связи со своими зарубежными коллегами и родственниками.

Телеконференции UseNet. По своему характеру телеконференции UseNet близки к сообщениям электронной почты и представляют собой электронные формулы. Пользователи Internet посылают туда свои сообщения, в которых высказываются по определенной, волнующей их теме. Эти сообщения, называемые статьями (articles), адресуются не отдельным пользователям, как в электронной почте, а в специальные дискуссионные группы телеконференции. Для работы с телеконференциями существуют специальные программы – News Readers. Сегодня в мире существуют порядка 2000 телеконференций, имеющих статус глобальных. В них обсуждаются самые вопросы – от компьютеров и Internet до проблем окраски редких африканских бабочек. В различных странах и даже отдельных регионах существует огромное количество телеконференций, в которых участвуют местные пользователи. Первоначально телеконференции предназначались исключительно для текстовых сообщений. Сегодня в соответствующие телеконференции можно направлять любые файлы. К примеру, в мире существуют телеконференции в которых обмениваются графическими и аудио файлами.

В заключении стоит отметить факт открытия Internet центра при Азербайджанском Техническом Университете. **Перспектива.** Услугами глобальной сети Интернет будут свободно пользоваться студенты и сотрудники. Недавно в Интернете открылась Web-сайт Азербайджанского Технического Университета. Пользователи Интернет смогут получить разные сведения о нашем университете.

Литература:

1. Речь Роберто Кайо на открытии Европейского отделения W 3 Консорциума. Франция, Париж ноябрь 1995 г.
- 2 а Brief History of Cyberspace Mark Pence. ZDNet, 15 октября 1995г.

Велієва І. Історія створення інтернету та його використання в Азербайджані / І. Велієва, К. Гусейнова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 325–330.

У статті аналізується історія створення інтернету в світі. Автори показують, що ідея створення інтернету була розроблена в 1957 році і в 1969 році в рамках проекту мережа вже об'єднала чотири

наукових установи. 1 січня 1983 можна вважати офіційною датою початку Internet. У статті також розглядається історія створення та використання інтернету в Азербайджані.

Ключові слова: інтернет, Азербайджан, телеконференція

Velieva I. History of the internet and use in Azerbaijan / I. Velieva, K. Huseynova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 325–330.

The article reviews the history of the Internet in the world. The author shows that the idea of the Internet was developed in 1957 and in 1969, the project has brought together a network of four research institutions. January 1, 1983 can be considered the official date of the beginning of Internet. The article also examines the history of the creation and use of the Internet in Azerbaijan.

Key words: Internet, Azerbaijan, Teleconference

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 161

TURKIC LANGUAGES AS A LINGUA-FRANCA OLARAK TÜRKÇE

Selimova L.

Kırım Mühendislik ve Pedagoji Üniversitesi Kırım Tatar ve Türk Edebiyatı Bölümü Başkanı

İngilizce ve Rusça gibi dünyada bugün birçok kişi tarafından ikinci dil olarak öğrenilen dillere *lingua-franca* adı verilir. Genelde farklı dil topluluklarının yaptığı bazı aktivitelerinin ortası veya aracı olan bir dildir. Ticaret, eğitim, yönetim, din veya bir amaçlar türünün her hangi biri veya tamamı için genel bir dil olabilir. Latince, Avrupa tarihinde uzun bir dönem boyunca bir *lingua-franca* idi. Din *lingua-franca*'sı olarak kısmen sınırlanmış olsa da günümüzde de belirli ülkelerde bu statüsünü korumaktadır.

Modern bir devlet vatandaşları bir *lingua-franca*'ya ihtiyaç duyar; ve bir diyalekti diğerine tercih etmeye götüren tarihî sebepler vardır. Bu, 1) yazı dili halini almış veya 2) başkentin dili, veya 3) Almanya'da olduğu gibi farklı diyalektlerden ortaya getirilen yapay özellikler karışımı içeren bir dil olabilir. Buradaki hedef, iletişimin her amacı için anlaşılabilirliktir, ve bu standart dili öğrenenler onu tam anlamıyla aynı şekilde kullanacaklarından emin olamayız.

Örneğin bir zamanları Türkler için bir *lingua-franca* İtalyanca ve Yunanca olmuşlardır. *Lingua-franca* burada daha dar bir anlamda işlemiştir. *Lingua-franca*, deniz ve denizcilik terimleri olan kelimelerin Türkler tarafından benimsenip kullanılması olayıdır. Bu *lingua-franca*, Türklerin 14. -15. yüzyıllarda Akdeniz'de denizcilik faaliyetlerine başladıklarından ve Batı dillerinden Türkçeye aldıkları terimleri kullanmaya başladıklarından itibaren 18. yüzyıla kadarki dönemle sınırlıdır. Bu terimlerin çoğu günümüze kadar getirilip kullanılan kelimelerdir. *Levant* burada bir dil ünitesi olarak kabul edilmektedir. Bu *levant* terimi, İtalyanca, Gallo-Rumence ve İbero-Rumence hariç, Akdeniz dilleri kökenli bir terim anlamında kullanılmaktadır. Dolayısıyla, Venedik tesirinde bulunan bölge ile bağlantılıdır. Osmanlı İmparatorluğu döneminde Türkçeye alınan bu denizcilik terimleri Akdeniz ülkelerinin dillerinden kazanılarak belirli bir meslek grubuna dahil olan Türkler için kısmen bir *lingua-franca* fonksiyonunu yapmıştır.¹

Arapça, Rusça, İngilizce ve diğerleri gibi *lingua-franca* olmuş diller arasında Türkçe de yer almaktadır. 20. yüzyılın başlarına kadar Balkanlarda bir devlet dili özelliğini taşıyan Türkçe, bu topraklarda yaşayan uluslar arasındaki iletişimde üstün bir unsuru oluşturuyordu.

Bu durum kadim dönemlerden beri mevcuttur. Bunun ilk ispatlarından ise *Codex Cumanicus* ve Ermeni-Kıpçakça eserleri olmuştur. Türk asıllı olsun veya olmasın, bölge insanları ve yabancı tüccarlar, din ve yönetim adamları Kıpçak Türkçesinin ortak ve aracı bir dil olarak işlediğinin farkına varmışlar ki din, hukuk, ticaret, eğitim, edebiyat dili olarak Kıpçakçayı kabul ederler.

¹ H.R.KAHANE, A.TIETZE, The Lingua-Franca in the Levant. Turkich Nautical Terms of İtalian and Grek Origin (İstanbul: ABC Kitabevi), 1988, ss. VIII-IX

Farklı dinî-etnik grupların dilsel faaliyetlerini yansıtan *Codex Cumanicus* elyazması ile Ermeni-Kıpçakça eserleri, kuzey Karadeniz ve Azak denizi bölgeleri Türklerinin dille-riyle genetik olarak bağlı olan Kırım Türkçesi ile buna akraba olan Kıpçak, Kıpçak-Nogay, Kıpçak-Bulgar ve Oğuz dillerinin esasına dayanan **zor bir Kıpçak-Oğuz diyalek-tal kompleksinin** yazıya yansımalarıdır.

Codex'in İtalyan-Alman grafiği ile Ermeni-Kıpçakça yazmaların yazısı Türk Dilinin fonetik özelliklerini yansıtırken büyük çeşitlilik göstermektedir.

Ermeni Kıpçakça ile yazılmış metinlere bakarsak, kendi döneminde Ermeni-Kıpçakçanın tam anlamıyla bir *lingua-franca* olduğunun, ama aynı zamanda Kıpçak Türkçesinin özel bir türü haline Ermeniler tarafından getirilip işlek bir dil olduğunu görebiliriz.

11. yüzyılda Kırım'a gelip yerleşen Ermeniler bir müddet sonra Ermeniceyi kendi rızalarıyla bırakıp bölgede kullanılan Kıpçakçayı dilleri olarak seçerler. Ermeni-Kıpçakça üzerine yazılmış çalışmaların genel kaynakçasını Y. R. Daşkeviç'in, bu bibliyografya üzerine yaptığı çalışmasında bulabiliriz. *Armyano-kıpçakskiy yazık. Bibliyografiya literaturı 1802-1978*. ("Ermeni-Kıpçak Dili. 1802-1978 Eserleri Kaynakçası") başlığı altında Y. R. Daşkeviç kısaca bilgi verdikten sonra toplam 152 maddeden oluşan kaynakça listesini kronolojik sırayla vermektedir.

Daşkeviç'in aynı dergide E. Tryjarski ile kaleme aldığı diğer iki makalesi *Armyano-kıpçakskiy denejniye dokumentı iz Lvova (konets xvi v. – 1657 g.)*¹ ("Lvov Şehri Ermeni-Kıpçakça Malî Belgeler (XVI. Yy. sonu – 1657 s.)") ile *Tri armyansko-kıpçakskih zapisi lvovskogo armyanskogo duhovnogo suda 1625 g.* ("Lvov Şehri Ermeni Dinî Mahkemesinin 1625 Tarihli Üç Ermeni-Kıpçakça Belgesi")'dir.² Bu belgeler Ortaçağ Lvov şehri devlet dairelerinin eski kayıtları arasında bulunmuştur.

Ortaçağ Polonya Ermeni hukukunun en meşhur araştırmacısı O. Baltser (1858-1933) çalışmalarında Ermeni-Kıpçakçanın tarihî-hukukî boyutunu ele almıştır. Hukuk dili olarak Ermeni-Kıpçakçayı Lvov şehri Ermeni Dinî Mahkemesinin *mahkeme kitabı*'nın kayıtlarında görebiliriz. Bu kitap 1625-1630'larda yapılmış 140 adli kayıt içermektedir. Agop der Krikor oğlu'nun kalemine ait asıl eser ise 1611-1621 Kamenetsk Kayıtları kitabıdır. Kitap daha sonra, Agop'un kardeşi olan Axent tarafından düzeltilip tamamlanmıştır.

"Ermeni Kıpçakçası Yadigarları: 1) 1559-1664 yıllarına ait Kamenz-Podolsk (Ukrayna) Ermeni Cemaatına ait belediye meclisi evrakları. Bu evrakların 4386 No'lu olanı tamamıyla Kıpçakça idi. 1944 yılında yangınların kurbanı olmuşlar; 2) 1930'da Ukrayna İlimler Akademisi A. Krımskyj'nin talebelerinden T. İ. Hrunin'i Erm. -Kıp. 'yla yazılmış Kiev evrakını işlemekle görevlendirmişti. *Gordlevskij Armağanı*'nda (Moskova 1953) Hrunin'in en eski 4 Ermeni-Kıpçakça evrakını (1559'dan kalma): ***Pamyatniki poloveckogo jazıka xvi veka*** monografisinin muhafaza edilmiş olabileceği ümit edilebilir.

Kütüphanelerde toplam 28 Ermeni Kıpçakçası yazması vardır: Viyana'da Mehitarislerde (bk. J. DASHIAN katalogu, 1896); Viyana Milli Kütüphanesi'nde; Paris Milli Kütüph. 'nde, F. MACLER kataloguna (1909)bk.); Venedik Mehitaristlerinde; Breslau

¹ Y.R.DAŞKEVİÇ, E.TRYJARSKİ, *Armyano-kıpçakskiy denejniye dokumentı iz Lvova (konets xvi v. – 1657g.)*, Rocznik Orientalistyczny, T. XL, Z. 1, 1978, ss. 49-69

² Y.R.DAŞKEVİÇ, E.TRYJARSKİ, *Tri armyano-kıpçakskih zapisi lvovskogo armyanskogo duhovnogo suda 1625 g.* Rocznik Orientalistyczny, T. XLI, Z. 1, 1979, ss. 57-80

(*bugün Polonya'nın güney-batısında bir kent, BPOIJIAB) Ossolineum'unda; Krakav'da (*bugün Polonya'nın güneyinde bir kent) Jagellonen Kütüph. 'nde; Krakav'da Czartoryski Müzesi'nde; Polonya'da hususî mülkiyette.

F. KRAELİTZ-GREIFENHORST bunlardan mezmur 51 (50)yi bir tercüme ve bir yorumla birlikte yayımladı: *Sprachprobe eines armenisch-tatarischen Dialekts in polen*, WZKM, cilt 26, 1912, 307-24. ¹ KRAELİTZ-GREIFENHORST, *Studien zum Armenisch-Türkischen*, Wien 1912, 23-24. ²

Rus Türkolog olan A. H. Garkavets de Ermeni-Kıpçakça konusuna "Kıpçak Dilleri: Kumanca ve Ermeni-Kıpçakça" adlı kitabında değinmektedir. Kitabın I. Kısmı Kuman dili ile Codex Cumanicus'un gramerine ayırmıştır. Kitabın II. Kısmında Ermeni Kıpçakça ile ilgili bazı bilgiler vermiştir: "Ermeni-Kıpçakça, Kırım bölgesi Kıpçak dillerinden bir dildir. Ermeni-Kıpçakça, yapı özellikleriyle Karay dilini Troki (Polonya) diyalektine; Kuman diline; Kıpçakça'nın Urum ağızlarına (*İran'daki) ve Kırım Tatarcanın (19. yy. sonu- 20. yy. başlarındaki haliyle) dağlık şivelerine çok yakındır.

Ermeni-Kıpçakçayı kullanan insanlar ise Ermeni-Kıpçakça yazıtlarda bu dillerini 3 şekilde adlandırmaktalar: **xıpçax tili**; **bizim til**; en son terminolojik şekli ise (ki Kırım'ın Tatarcasına sahip olan şahısların tercümanlık faaliyetlerinin sayesinde bu terim yaygınlaşmıştır) **tatarça**'dır. ³ "Ermeni-Kıpçakçanın **tatarça** olarak adlandırılması burada etnolingvistik eşitliğe göre değil, aynı diyalektal kökten gelen bu Ermeni-Kıpçakça ile Tatarcanın yapısal benzerliklerine göre verilmiştir. ⁴

Hrand D. Andreasyan'ın "Ermeni Seyyahı Polonyalı Simeon'un Seyahatnamesi (1608-1619)" adlı makalesi Ermeni-Kıpçakça eski metinlerden bir tanesine daha işaret etmektedir. ⁵ Karadeniz ve dolaylarında Kıpçaklar ve Kıpçakların komşuları olan halklar hakkında bilgi veren bir çok çalışma vardır.

Rus Türkolog T. İ. Hrunin *Dokumenti na poloveckom yazıke XVI v.* ('16. yüzyıl Kıpçakça Belgeleri') adlı kitabında XVI. yüzyılda Kıpçakça yazılmış belgeler üzerine çok değerli bir çalışma meydana getirmiştir.

E. Tryjarski Viyana koleksiyonunda bulunan üç Ermeni-Kıpçakça yazması üzerine bir sözlük meydana getirmiştir. ⁶ 1968'den 1972'ye kadar 1, 2, 3. ve 4. ciltleri neşredilen bu sözlüğün içeriğini şunlar oluşturmaktadır: I. Cilt: 1. Manuskritlerin genel özellikleri. 2. Ermeni harfleriyle Türkçe seslerin yazıda yansıtılması hususları (üç eski yazmadan örnekler verilerek göstermiştir) 3. Ermeni-Kıpçakça eski sözlüklerin leksikografisi meselesi. 4. Üç manuskritin karşılaştırmalı örnekleri verilmek üzere gösterilmiştir. 5. Ermeni-Kıpçakça eski sözlüklerin etnografya açısından incelenmesi. 6. Kelimelerin Ermeni-Kıpçakçasında tutulup yaşaması/yaşatılması prensipleri ve bunların anlamları ile eşanlamlı diğer kullanım şekilleri verilmektedir: *et- / bol- čxqan = čixqan v. b.*

¹ H.K.MENGES, A.g.e. s. 124

² H.K.MENGES, A.g.e. s. 125

³ A.H.GARKAVETS, Kıpçakskiye Yazıki: Kumanskiy i Armyano-Kıpçakskiy (Alma-Ata: İzdatelstvo "Nauka"), 1987, s. 114

⁴ A.H.GARKAVETS, A.g.e. s.116

⁵ Hrand D.ANDREASYAN, Ermeni Seyyahı Polonyalı Simeon'un Seyahatnamesi (1608-1619), Türkiyat Mecmuası cilt X'dan Ayırbaşım (İstanbul: O.Yalçın Matbaası), 1953

⁶ Edward TRYJARSKİ, Dictionnaire Armeno-Kiptchak. D'apres Trois Manuskits des Collections Viennoises. Tome I, Fascicule 1, A-H (Warszawa: Polska Akademia Nauk), 1968

Tryjarski'nin Ermeni-Kıpçakça üzerine yaptığı bir diğer çalışma "Kırım Türkçesi ile Ermeni-Kıpçakça karışımı olarak bir Substrat Kıpçakça" adlı kitabıdır.¹

M. A. Habiçev "Pamyatnik Kumanskih Yazikov" adlı makalesinde Kıpçakça hakkında bilgi vermektedir. Codex Cumanicus ve Ermeni-Kıpçakça ile ilgili yapılmış çalışmalardan bahsetmektedir.²

Y. R. Daşkeviç'in ise ayrı olarak, 15. -16. yüzyıllarda Ukrayna'da Ermeni kolonileriyle ilgili bir çalışması bulunmaktadır. Ermeni-Kıpçakça ile her ne kadar doğrudan ilgisi olmasa da Ermenilerin Ukrayna ve Polonya sınırları içindeki hareketlerinden, göçlerinden, yaşam, din, dil özelliklerinden bahsetmiştir.³

Ermeni-Kıpçakça üzerine E. Tryjarski'nin bir diğer çalışması, "Polonya Ermenilerinin Dilinde Kutsal Meryem Efsanesi" adlı makalesidir. Tryjarski bu makalesinde Lvov ve Kamenetsk-Podolsk Ermenilerinin eski dinî metinlerinden biri olan *Kutsal Meryem Efsanesi* metni ve dili üzerine bilgi vermektedir. Bu metnin 16. -17. yüzyıla ait olduğu, Kırım'dan gelmiş Ermenilerin dinî edebiyatlarında yer aldığı belirtilmiş ve makalesinde efsanenin tümünün Lehçe çevirisini vermiştir.⁴

E. Schütz'ün "*An Armeno-Kipchak Chronicle on The Polish-Turkish Wars in 1620-1621*" ("1620-1621 Türk-Leh savaşlarını yansıtan Ermeni-Kıpçakça kayıtlar") adlı kitabı 17. yüzyıl Ermeni-Kıpçakça kayıtlarının faksimilesini, transkribi ve çevirisini görme şansını vermektedir. Kitap, Hotin savaşı tarihçesi, Kamenets Ermeni-Kıpçak kayıtları hakkında ayrıntılı bilgi vermektedir.

Armin Hetzer, *Daçkeren-Texte* ("Ermenice Metinler") adlı kitabında 19. yüzyıl Osmanlı Ermenilerinin Ermeni grafiğiyle yazdıkları dini v. s. metinleri, 19. yüzyılda Avrupa'da neşredilen Ermeni kitaplarından, yazarlarından ve içeriklerinden bahseder.

Jean Deny'nin *L'Armeno-Koman et les Ephemerides de Kamieniec (1604-1613)* ("1604-1613 Tarihli Kamenets Kayıtlarının Ermeni-Kıpçakçası") adlı kitabında Ukrayna'nın Kamenetsk-Podolsk şehrindeki Ermeni kolonisinin adli sicil kayıtları ele alınmıştır. K. Pamukçıyan'ın "*Ermeni Harfli Türkçe Yazma Sözlükler*" adlı makalesinde eski sözlüklerle ilgili ayrıntılı bilgiyi buluyoruz. Ermeni harfli Türkçe yazma en eski sözlükler XVI. yüzyılda görülmeye başlar. K. Pamukçıyan sözlüklerden ve buldukları kütüphanelerden bahseder: "1. Ermenice-Komence. -XVI. Veya XVII. yüzyıla ait olup Viyana'daki K. K. Hof Bibliothek Kütüphanesinin 3 No'lu Ermenice yazmasıdır."⁵ "2. Ermenice-Türkçe. - 1628'de hazırlanan bu sözlük Lvov şehrindeki Devlet Kütüphanesi'nde bulunmaktadır. 3. Ermenice-Kıpçakça veya Komence. - XVIII. Asra ait olup, Macaristan'ın Gerla şehrinde bulunmaktadır."⁶

¹ Edward TRYJARSKÍ, *Das Gemeinsame Kiptschakische Substrat des Krimtatarischen und des Armeno-Kiptschakischen* (Leuven, Louvain-La-Neuve), 1992.

² M.A.HABIÇEV, *Pamyatnik Kumanskih Yazikov*. *Sovetskaya Türkologiya*, No 2, 1974, ss.66-70

³ Y.R.DAŞKEVİÇ, *Armjanskiye Koloni na Ukraine v İstočnikah i Literature XV-XVI Vekov* (Yerevan), 1962

⁴ Edward TRYJARSKÍ, *Legenda o Swietej Mariane w Jezyku Kipczakim Ormian Polskich*. *Studia Theologia* No 2, 27 (1989), Warszawa

⁵ Kevork PAMUKÇIYAN, *Ermeni Harfli Türkçe Yazma Sözlükler*, *Tarih ve Toplum* 5 (25 Ocak, 1986), ss. 52-54

⁶ Kevork PAMUKÇIYAN, *A.g.m.* s. 53

Ermeni-Kıpçakça, görüldüğü üzere, günlük yaşamın ve resmî hayatın gerektirdiği her alanda çok yönlü, fonksiyonel, gelişmiş bir dil olarak kullanılmıştır. Ermeni-Kıpçakça kaynakları bu Kıpçakçanın her alanda kullanıldığını, soyut veya somut her kavramı ve anlamı izah edebilen, gerektiği gibi yansıtılabilen bir dil idi. Ermeni-Kıpçakça bir *lingua-franca* olarak 17. yüzyılın sonlarına kadar aktif bir şekilde kullanılmıştır.

Bibliyografiya

1. Abdullin İ. A. "Pamyatnaya zapiska" Agopa na armyano-kıpçakskom yazıke. // İ. A. Abdullin // Sovetskaya Türkologiya, № 3, 1971. – S. 118 – 129.
2. Aus der Arbeit an einen Armenisch-Kiptschakisch-Polnisch-Französischen Wörterbuch // Ural-Altische Journal XXXII, 3 – 4, 1960. – S. 124 – 156.
3. Andreyan H. D. Ermeni Seyyahı Polonyalı Simeon'un Seyahatnamesi (1608-1619) / H. D. Andreyan // Türkiyat Mecmuası, cilt X'dan Ayrıbasım. – İstanbul: O. Yalçın Matbaası, 1953. – S. 34 – 43.
4. Biber D. Sociolinguistic Perspectives on Rejister / D. Biber, E. Finegan. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1994. – 236 p.
5. Çeçenov A. Polovetskiy Yazık / A. Çeçenov // Yazıkı Mira. Türkskiye Yazıkı. – Moskova: İndrik, 1997. – S. 110 – 116.
6. Daşkeviç Y. Armyansiye Koloni na Ukraine v İstoçnikah i Literature XV – XVI vekov / Y. Daşkeviç. – Yerevan: Izdatelstvo Yerevanskogo Universiteta, 1962. – 234 s.
7. Daşkeviç Y. Armyano-kıpçakskiy drevniye dokumentı iz Lvova (konets XVI v. – 1657 g) / Y. Daşkeviç, E. Tryjarski // Rocznik Orientalistyczny, T. XL, Z. 1. – 1978, 49 – 69.
8. Daşkeviç Y. Armyano-kıpçakskiy yazık. Bibliyografiya literaturı 1802 – 1978 / Y. Daşkeviç, E. Tryjarski // Rocznik Orientalistyczny, T. XL, Z. 2, 1979. – S. 79 – 86.
9. Daşkeviç Y. Tri armyano-kıpçakskih zapisi l'vovskogo armyanskogo duhovnogo suda 1625 g / Y. Daşkeviç, E. Tryjarski // Rocznik Orientalistyczny, T. XLI, Z. 1, 1979. – S. 57 – 80.
10. Deny, J. L'armeno-Koman et les Ephemerides de Kamieniec (1604-1613) / J. Deny, Paris: Sorbonne, 1957. – S. 143 – 152.
11. Filonenko V. İ. Dictionnaire Armeno-Kiptchak D'apres Trois Manuscrits des Collections Viennoises, tome I / V. İ. Filonenko, Y. R. Daşkeviç, E. Tryjarski // Sovetskaya Türkologiya. – 1974. – № 1. – S. 103 – 105.
12. Fishman J. A. Readings in the Sociology of Language / J. A. Fishman. – Paris: Yeshiva University Mouton The Hague, 1968. – 235 p.
13. Garkavets A. N. Upodobleniya Armyano-Kıpçakskogo Glagolnogo İmeni na –gan Slavyanskomu Priçastiyu i Yego Sintaksiçeskiye Posledstviya / A. N. Garkavets // Sovetskaya Türkologiya, 1976, No 1. – S. 34 – 41.
14. Garkavets A. N. Kıpçakskiy Yazıkı: Kumanskiy i Armyano-Kıpçakskiy / A. N. Garkavets. – Alma-Ata: Nauka, 1987. – 348 s.
15. Habiçev M. A. Pamyatnik Kumanskiy Yazıkov / M. A. Habiçev // Sovetskaya Türkologiya, 1974, No 2. – S. 66 – 70.
16. Hasan H. Makedonya ve Kosova Türklerince Kullanılan Atasözleri ve Deyimler / N. Hasan. – Ankara: TDK Yayınları, 1997.
17. Hazai G. Bibliographisches Handbuch der Turkologie, Band I / G. Hazai, B. Kelner-Heinkele. – Budapest: Akademiai Kiado, 1986. – 276 s.
18. Hetzer A. Daçkeren-Texte / A. Hetzer. – Wiesbaden: Otto Harrassowich, 1987. – 289 s.
19. Hrunin T. İ. Pamyatniki Polovetskogo Yazıkı XVI veka / T. İ. Hrunin // Akademiku V. A. Gordlevskomu k Yego Semidesyatiletıyü Moskova, 1953. – S. 34 – 41.
20. Hrunin T. İ. Dokumentı na Polovetskom Yazıkı XVI v. (sudebniye aktu Kamenetsk-Podolskoy armyanskoy obşini), / T. İ. Hrunin, red. E. V. Sevortyan. – Moskova: Nauka, 1967. – 348 s.
21. Kahane H. R. Tietze, A. The Lingua-Franca The Levant. Turkich Nautical Terms of İtalian and Greek Origin (İstanbul: ABC Kitabevi), 1988.
22. Kurat A. N. Türk Dünyası El Kitabı: Avrupa Türk Devletleri. Peçenekler, Uz(Oğuz)lar ve Kumanlar / A. N. Kurat. – Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1976. – S. 746 – 747.
23. L'armeno-Coman et les "Ephemerides" de Kamieniec (1604-1613) // Ural-Altische Bibliothek, No 4, Wiesbaden, 1957. – S. 78 – 92.

24. Lewicki M, Konova, R. La Version Turque-Kıpschak du "Code de Lois des Armeniens Polonais" d'après le ms. n 1916 de Bibliothèque Ossolineum, RO XXI M / Lewicki, R. Konova. Paris, 1975. – 453 s.
25. Macler F. Catalogue des Manuskrits Armeniens et Georgiens / F. Macler. – Paris: Sorbonne, 1908. – 34 – 48 s.
26. Menges K. H. Tarihî Türk Şiveleri / K. H. Menges. – Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1998. – 378 s.
27. Pamukçıyan K. Ermeni Harfli Türkçe Yazma Sözlükler / K. Pamukçıyan // Tarih ve Toplum. – 1986. – № 5. – S. 52 – 54.
28. Pritsak O. Das Kiptschakische / O. Pritsak // Philologiae Turcicae Fundamenta. Berlin: Wissenschaft. – 1959. – S. 81 – 87.
29. Schütz E. Re-Armenisation And Lexicon From Armeno-Kıpçak Back to Armenian / E. Schütz // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest: Academiae Kiado, 1966. – Tomus XIX. – S. 99 – 115.
30. Schütz E. On The Transkription of Armeno-Kıpçak / E. Schütz // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest: Academiae Kiado, 1966. – Tomus XIX. – S. 139 – 161.
31. Schütz E. An Armeno-Kıpçak Choricle on the Polish-Turkish Wars in 1620 – 1621. Budapest: Akademiai Kiado, 1968. – 234 s.
32. Schütz E. Armeno-Kiptschakisch Und Die Krim / E. Schütz // Hungaro-Turcica. – 1976. – S. 25 – 29.
33. Tryjarski E. Dictionnaire Armeno-Kiptschak / E. Tryjarski // D'après Trois Manuskrits des Collections Viennoises, t. I, fasc. 1 et 2, Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1968. – S. 168 – 176.
34. Tryjarski E. Ermeni-Kıpçak Dilinde Yazılmış Olan Meteorolojik ve Müneccimlikle İlgili Tahminler / E. Tryjarski // I. Türk Dili Bilimsel Kurultayına Sunulan Bildiriler 1972'den Ayrıbasım. E. Tryjarski. – Ankara: A. Ü. Basımevi, 1975. – S. 85 – 96.
35. Tryjarski E. Das Gemeinsame Kiptschakische Substrat des Krimtatarischen und des Armeno-Kiptschakischen / E. Tryjarski. – Leuven: Lauvain-La-Neuve, 1992. – S. 66 – 74.
36. T. Tekin. Ermeni Alfabetiyle Türkçe / T. Tekin // Tarih ve Toplum. – 1984. – № 1. – S. 246 – 249.
37. Temir A. Türk Dünyası El Kitabı. Kıpçak Edebiyatı / A. Temir. – Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1976. – S. 502 – 504.

Селимова Л. Ш. Тюркские языки как Лингва-франка / Л. Ш. Селимова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 331–338.

Как арабский, русский и многие другие турецкий язык служил когда-то языком *лингва-франка*. Вплоть до начала XX в. на Балканах турецкий был языком межнационального общения, тем самым занимая в государствах особое положение, имел статус высокого престижа.

Для некоторых языков такое положение дел известно с более ранних времен. Тому свидетельством служат такие источники как *Codex Cumanicus* и некоторые армяно-кыпчакские документы (произведения).

Во многих этнически цветных сообществах, где работали родные языки, появлялся язык-посредник, упрощающий языковые, торговые и другие внутренние контакты местного населения и открывающий окна во внешний мир.

История Европы показывает нам, что на протяжении долгих столетий латинский язык служил тут в качестве *лингва-франка*.

Собственно и для самого турецкого итальянский и греческий стали своего рода *лингва-франка*. На территории османской Румелии итальянский и греческий были в более узком понятии *лингва-франка*. То есть, все слова и словосочетания связанные с морем, корабельным ремеслом и рыболовством стали широко применяться турками.

Эта *лингва-франка* образовалась тут в XIV-XV вв, когда турки-османы стали активно осваивать Средиземноморье, активно забирая в свой лексикон слова западно-европейских языков. Этот процесс продолжался вплоть до XVIII века. В современном турецком языке, в языке крымских татар мы и сегодня видим использование этих слов и некоторых терминов, связанных с древними ремеслами или родом хозяйственной деятельности.

В данной статье рассматривается турецкий (куманский/кыпчакский) как язык межнационального общения в разные периоды истории, сделана попытка проследить причины выступления кыпчакского

языка у нетюркских народов в качестве «родного». Активное использование кыпчакского языка как языка судопроизводства и документального языка актов гражданского состояния еще раз доказывает, что это *лингва-франка*, хотя и сама графика письма нетюркского происхождения. Открыт ряд вопросов, требующих дальнейшего глубокого исследования проблемы появления *лингва-франка* и частично вытеснения ею собственно пласта родной речи.

Ключевые слова: лингва-франка, тюркский, армяно-кыпчакский, крымскотатарский, татарский.

Селімова Л. Ш. Тюркські мови як Лінгва-франка / Л. Ш. Селімова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 331–338.

Як арабський, російський і багато інших турецька мова служила колись мовою *лінгва-франка*. Аж до початку ХХ ст на Балканах турецький був мовою міжнародного спілкування, тим самим займаючи в державах особливе положення, мав статус високого престижу. Для деяких мов таке положення справ відоме з ранішніх часів. Тому свідцтвом служать такі джерела як *Codex Cumanicus* і деякі армяно-кыпчакські документи (твори).

У багатьох етнічно кольорових співтовариствах, де працювали рідні мови, з'являвся мова-посередник, що спрощує мовні, торговельні і інші внутрішні контакти місцевого населення і що відкриває вікна в зовнішній світ. Історія Європи показує нам, що впродовж довгих століть латинська мова служила тут як *лінгва-франка*.

Власне і для самого турецького італійський і грецький стали свого роду *лінгва-франка*. На території Османа Румелі італійський і грецький були у вужчому понятті *лінгва-франка*. Тобто, всі слова і словосполучення пов'язані з морем, корабельним ремеслом і рибальством стали широко застосовуватися турками.

Ета *лінгва-франка* утворилася тут в XIV-XV вв, коли турки-османи стали активно освоювати Середземномор'я, активно забираючи в свій лексикон слова західно-європейських мов. Цей процес продовжувався аж до XVIII століття. У сучасній турецькій мові, в мові кримських татар ми і сьогодні бачимо використання цих слів і деяких термінів, пов'язаних з древніми ремеслами або родом господарської діяльності.

У даній статті розглядається турецький (куманський/кыпчакський) як мова міжнародного спілкування в різні періоди історії, зроблена спроба прослідити причини виступу кыпчакської мови у нетюркських народів як «рідний». Активне використання кыпчакської мови як мови судочинства і документальної мови активів цивільного стану ще раз доводить, що це *лінгва-франка*, хоча і сама графіка листа нетюркського походження. Відкрита низка запитань, потрібних подальшого глибокого дослідження проблеми появи *лінгва-франка* і часткового витіснення нею власне пласта рідної мови.

Ключові слова: лінгва-франка, тюркський, армяно-кыпчакський, крымскотатарський, татарський.

Selimova L. Sh. Turkic languages as a Lingua-Franca / L. Sh. Selimova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 331–338.

The Turkish language as well as Arabic and Russian used to be once a language of *lingua-franca*. Up to the XXth century it was the language of international communication on Balkans and took important position in state building.

For some languages such matter-position is known from more early times. A pure example of it is a *Codex Cumanicus* and some Armenian-Kipchak documents (works).

Most ethnicities, in spite of their native tongues were using a language-mediator, simplifying language, trade and other internal contacts of local population and opening doors in the outer world.

The experience of European History shows us, that the Latin language during long centuries was served as the *lingua-franca*.

Actually, Italian and Greek became the family *lingua-franca* languages for Turkish. They were spoken languages in Roumely, European part of Istanbul city. All Italian and Greek words, word-combinations related to the sea, ship handicraft and fishing began widely used by Turks.

The *lingua-franca* appeared there in XIV – XV cent, when Ottoman Turks began actively to master Mediterranean region, actively taking into the vocabulary words from European of the languages. This process

proceeded up to the XVIII century. Today, in modern Turkish and the Crimean Tatar Language we can observe usage of these words and some terms, related to the ancient handicrafts or sort of economic activity.

This article deals with the Turkish (Cuman / Kipchak) language as a language of international communication in different periods of history. It shows the reasons of Kipchak language to become a native tongue for non-turkic people. The active use of Kipchak language as a language of law, documentary, acts of the civil state etc. proves, that it was *lingua-franca*, though the writing alphabet was of non-turkic origin. The row of the questions required further deep research of problem is open, especially, the appearance of *lingua-franca* and it's partial expulsiing of mother tongue.

Keywords: Lingua-franca, The Turkic Languages, The Armenian-Kipchak Language, The Crimean Tatar Language, The Tatar Language.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 1

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ И ПРОКЛЯТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ГУСЕЙНА КУРДОГЛЫ

Велиев Э.

Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана

Мастер слова, обратившийся к фольклору, творчески использовавший его традиции, всегда считается современным. Такие произведения всегда бывают востребованными. Одним из таких поэтов является Гусейн Курдоглы. В статье исследуются благопожелания и проклятия из стихотворений этого Азербайджанского поэта.

Ключевые слова: Гусейн Курдоглы, поэзия, благопожелания, проклятия

Постановка проблемы. Взаимосвязи и взаимодействия фольклора и письменной литературы обладают древней историей. Как известно, письменная литература в начальный период формировалась именно на основе фольклорных традиций. В разные времена эти связи развивались по разному, но никогда не разрывались.

Использование фольклора общая традиция для литературы народов мира. В современной Азербайджанской письменной литературе эта традиция также продолжается и развивается. Творчество Азербайджанских поэтов XX века особенно привлекает внимание богатством фольклорных мотивов и тематическим разнообразием.

В настоящее время частое обращение к фольклорной тематике, к образцам устного народного творчества, использование их является актуальным. Мастер слова, обратившийся к фольклору, творчески использовавший его традиции всегда считается современным. Такие произведения всегда бывают востребованными. Одним из таких поэтов является Гусейн Курдоглы. Большую часть его поэтического наследия составляют произведения, посвященные тоске по родине. В стихотворениях «*Kəlbəcərli günlərim*» («Дни в Кельбаджаре»), «*Necə satım*» («Как продать»), «*Gözümdən, könliümdən Qarabağ keçir*» («От всей души желаю Карабах»), «*Od-oçağım dağılmış*» («Разрушился дом мой»), «*Qisasımı al deyir*» («Требует мести»), «*Yuxuda kəndimizdəyəm*» («Во сне посетил деревню»), «*Özünə qərib demə*» («Не называй себя чужеземцем»), «*Yazda kəndimizə qaranquş gəlir*» («Весной в наше село прилетают ласточки») и в других образцах воспеваются тоска по родине, Карабахская скорбь, любовь к земле. Ведущая идея этих стихотворений – привязанность к родине и земле.

Самыми распространенными жанром фольклора, использованным в творчестве Гусейна Курдоглы, являются благопожелания и проклятия. Многие из них перешли в творчество Гусейна Курдоглы из устного народного творчества. Гусейн Курдоглы использует благопожелания и проклятия для усиления действенности поэтического слова. Он обращается к этим фольклорным жанрам для выражения настроения и характера персонажей. Благопожелания и проклятия также содействуют выражению ситуации, воспетой в стихотворении.

В произведениях Гусейна Курдоглы были использованы многочисленные благопожелания с целью выражения чувств радости и чаяний, пожелания всего хорошего. Благопожелания в его стихотворениях используются не подвергаясь изменениям. Народ, в основном, адресовал свои благопожелания Всевышнему и верил что именно с его позволения сбудется все желаемое. Например:

Allah sənə yar olsun. *Да будет Бог с тобой*

Allah köməyin olsun. *Бог в помощь*

В творчестве поэта есть множество таких благопожеланий:

Karvanbaşı, allah sənə yar olsun, *Караванбаши, Бог тебе в помощь*

Bu kağızı apar Arzu dağına [1, 233] *возьми это письмо на гору Арзу*

Как видно, это благопожелание не отличается от народных благопожеланий. В этом благопожелании из поэмы «Ашыг и Яхши» цель совершенно ясна выражена. Этот образец был заимствован поэтом из фольклора, и не подвергнув никаким изменениям был использован в поэме по назначению.

Одним из распространенных традиций нашего народа является высказывание восхвалений и благопожеланий в адрес друг друга. В древнеиндийском памятнике «Веда» говорится что, Бог создал человека на подобие себя, Он живет в сердце каждого из них. Человек с любовью в сердце должен жить подобающе – с великодушием, милосердием, благодеяниями [2, 37]. Поэтому благопожелания и восхваления считаются предвестником удачи и благополучия. «*Qurban olum*» – «да буду жертвой твоей», «*dərdin alım*» – «да возьму все беды твои» являются широко распространенными среди народа благопожеланиями. Г. Курдоглы также использует эти образцы в своих произведениях:

Qurbanlıq saxladın, qismət olmadı, *У тебя был жертвенник, но не судьба*

Mən sənin qurbanın olum, ayılıım. *Да буду я твоей жертвой, и разлучусь*

Dərd səni yandırır qürbət ölkədə, *Будешь сокрушаться от горя на чужбине*

Əlindən dərdini alım, ayılıım [1, 232]. *Да возьму горе твое, и разлучусь.*

Эти выражения позволяют поэтически прикрашивать стихотворение. Как видно из стихотворения, люди адресуют благопожелания своим близким, друзьям, восхваляют их, и этим как бы успокаивают их. Поэт использует это качество благопожелания и не жалеет своих восхвалений от героя стихотворения.

Как и благопожелания, проклятия также связаны с общественными событиями, происходившими в истории народа. В проклятиях отражена кровавая история народа, его социальный быт. Например: «*Elin-oban yarımasın*» – «Да не удовлетворишься твой народ», «*Soyuna yağı dadansın*» – «Да повадится враг в твой род», «*Düşmənin el-obasında başıparaqlı tapılmasın*» – «Да не останется одного мужчины во вражеском племени», «*Yağı gələn yollara daş yağsın*» – «Да осыпятся камнями пути вражеские», «*Namərdin tufağı dağılsın*» – «Да разрушится дом вражеский», «*Yağının yıdığı ellərə qalsın*» – «Да достанется народу собранное врагом», «*Yağının yurdunda canavar ulasın*» – «Да завоюют волки на земле вражеской», «*Yağının ulusundan vay-şüvən əskik olmasın*» – «Да не убавиться плач на земле вражеской», «*Yağıya allah qənim olsun*» – «Да обрушится на врага кара божья», «*Dava istəyənin damı başına uçsun*» – «Да обрушится крыша у сутяжников», «*Ruzuya toxunanın balası mələr qalsın*» – «Да заблеет дитя того, кто тронет хлеб насущный» и другие такие проклятия носят социально-

общественный характер. Эти проклятия, сказанные с болью в сердце, свидетели многих кровавых событий [3, 170-180].

Проклятия отличаются по идейно-тематическим и форменным особенностям. Множество образцов различных проклятий можно повстречать в классических дастанах и ашугском творчестве. В «Книге-Деде Коркута» встречается множество проклятий. Эти проклятий, сказанные в адрес недруга, врага, грабителя действуют как острое орудие. В «Песне о Бамсы-Бейреке, сыне Бай-буры» читаем:

«- Безумный Карчар схватил в руки меч, на расстоянии локтя он, кипя гневом, произвел нападение, безумный бек хотел ударить и поразить деда; дед Коркут сказал:

- Если ударишь, да засохнет твоя рука!»[4, 40]

Множество таких замысловатых проклятий можно повстречать в песнях «Книге моего деда Коркута».

В творчестве Гусейна Курдоглы были отражены широко распространенные проклятия, связанные с древними верованиями. Он мастерски использовал проклятия, связанные с «Книгой моего деда Коркута» и Азербайджанскими сказками. Эти проклятия помогли поэту выявить внутренний мир персонажей, и более жизненно описать их.

Проклятия, сказанные народом в различных вариантах, такие как «*Canın sağ olmasın*» – «Да не будет здоровым тело твое», «*Canına dərd olsun*» – «да будет горе тебе», «*İt azarına tutulasan*» – «Да заразишься ты собачьим недугом», «*Əlin qurusun*» – «Да засохнет рука твоя», «*Əlin əldən tutmasın*» – «Да не будет держать рука твоя другую руку», «*Əlin qırılsın*» – «Да поломается рука твоя» [3, 175-178], в творчестве Гусейна Курдоглы использованы таким образом:

Çadırda can verənin dərdi canına düşsün,

Да возьмешь все беды умирающего в шатре-палатке на себя

İtin qurdun azarı kirli canına düşsün,

Да заразиться грязная твоя душа собачьим недугом

Ey millətin cibinə əl salan xırsız gəda,

Эй, ворюга, кто лезет в карман народа

Çin olsun el qarğışı: əlin yanına düşsün [5, 361].

Да сбудется сказанное народом проклятие:

да засохнет рука твоя

В этом стихотворении проклятие «*Да возьмешь все беды умирающего в палатке на себя*» продукт воображения поэта. В этом полустушии отражено бедственное положение, страдания и горести сотни тысяч беженцев и переселенцев, вынужденно покинувших свои земли во время Карабахской войны. Поэт выразил эту скорбь и боль в форме проклятия. Проклятие во втором полустушии является измененной формой народного проклятия «*İt azarına tutulasan*» – «Да заразишься ты собачьим недугом». В четвертом полустушии народное проклятие не подверглось никаким изменениям. Нельзя не упомянуть один нюанс. Еще одно народное проклятие поэт использовал в последнем полустушии. Он по принципу рифмы мастерски согласовал первое, второе полустушии с четвертым. Он смог ввести проклятие в стихотво-

рение не только идейно-эстетическим путем, но и придерживаясь поэтических требований жанра.

В стихотворениях Гусейна Курдоглы можно повстречать такие народные проклятия как «*Yarımayasan*» – «Да не будешь удовлетворенным», «*Yarımla qoşa qarımayasan*» – «Да не состаришься ты с возлюбленной», «*Yarın yarımасын, əli-əlindən üzülsün*» – «Да не будет удовлетворенным возлюбленная твоя, да разлучится с тобой» и т. д. [3, 175-178]:

В народе:

Əzizim, donum qara, *В черном платье я*
At qara, donum qara. *На черном коне в черном платье я*
Fələyi yarımасын, *Пусть не будет удовлетворенна судьба*
Özüm gənc, günüm qara [3, 33]. *Сама молода, дни мои черны*

У Гусейна Курдоглы:

Aydan- gündən ağı söz, *Чище месяца и дня, слово*
Mın arzunun bağı söz. *Плод тысяча чайний, слово*
Səni yarımасын, *Да не будешь удовлетворенным*
İncitdinmi yağı, söz?! *Обидело любимую, слово?* [6, 127].

Если в народном баяты обвиняется судьба (образ судьбы-фортуны), Гусейн Курдоглы обвиняет слово. Слово, которое обидело любимую становится мишенью проклятия. Это проклятие как по форме, так и по содержанию было согласовано со стихотворением. В древние времена вера в остроту силы проклятий была очень велика. Люди, которые беспокоились за судьбу своих детей, называли их двумя именами. Одно имя в большинстве случаев оставалось тайным. Таким образом, люди верили в защиту своего ребенка от проклятий.

В народе широко распространены проклятия «*Gözünə millər çəkilsin*» – «Да ослепнут глаза твои» [7, 43], «*Gözün ovcına tökülsün*» – «Да расплавятся глаза твои», «*Gözünə mil batsın*» – «Да воткнутся стержни в глаза твои» и т. д. Эти проклятия, передаваясь из уст в уста, живут доселе в народе. Эти проклятия можно повстречать и в ашугском творчестве.

У Аббаса Туфарганлы:

«Adam var, dəstinə verəsən güllər,
Есть люди, которых хочется осыпать цветами
Adam var gözünə çəkəsən millər
Есть люди, которым хочется воткнуть стержни в глаза”.

У Г. Курдоглы:

Həsrətdən əl çəkəydim, *Оставляю тоску*
Sazıma tel çəkəydim. *Приструню саз свой*
Aygılıq salanların *Выколю глаза*
Gözünə mil çəkəydim [1, 180]. *Разлучницам*

Проклятия отражают разные социальные моменты. Все проклинания обладают разными смысловыми значениями. Как видно из вышеуказанных образцов, Гусейн Курдоглы творчески относится к проклятиям, заимствованным у народа, использовал их по назначению. В общем, все творчество Гусейна Курдоглы опирается на традиции народного творчества по идейно-тематическим особенностям, стиль и по-

этическое мастерство его творчества в большинстве случаев связано с поэтическими традициями фольклора.

Выводы и перспектива. Таким образом, становится очевидным, что нельзя представить поэзию Гусейна Курдоглы без народного поэтического творчества. Поэт родился и вырос в деревенской среде, среди народа, и поэтому фольклор сильно впитался в его мировоззрение. В результате все эти природные красоты и чаяния и чувства простолюдина, благодаря мастерству и таланту поэта, превратились в прекрасные и искренние стихотворения. Тема интересная и требует дальнейших исследований.

Литература:

1. Курдоглы Г. Раненая земля моя, раненая любовь / Курдоглы Г. -Баку: Сабах, 1997. – 248 с. (на азерб. языке)
2. Муршудова У. Рашид бек Эфэндишаде и фольклор / Муршудова У. – Баку: 2004. – 104 с (на азерб. языке)
3. Сказания и чаяния народа / составитель М. Хакимов. – Баку: 1986. – 384 с. (на азерб. языке)
4. Книга моего Деда Коркута / перевод академика В. В. Бартольда. – Баку: 1999. – 320 с.
5. Курдоглы Г. Да будет жертвою земле слово мое / Курдоглы Г. – Баку: Сабах, 2005. – 516 с. (на азерб. языке)
6. Курдоглы Г. Тысяча и одно баяты / Курдоглы Г. – Баку: Гянджлик, 1992. – 224 с. (на азерб. языке)
7. Антология азербайджанского фольклора. Фольклор Гейчи. 3 книга. – Баку: Седа, 2000. – 768 с. (на азерб. языке).

Велієв Е. Благі побажання та прокляття у творчості Гусейна Курдогли / Е. Велієв // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 339–343.

Майстер слова, що звернувся до фольклору, творчо використав його традиції, завжди вважається сучасним. Такі твори завжди бувають необхідні. Одним з таких поетів є Гусейн Курдогли. У статті досліджуються благі побажання і прокляття з віршів цього Азербайджанського поета.

Ключові слова: Гусейн Курдогли, поезія, благі побажання, прокляття

Veliyev E. Blessings and curses in the work of Huseyn Kurdogly / E. Veliyev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 339–343.

Master of words, addressed to folklore, creatively used his tradition has always considered modern. Such works are always in demand. One of these poets is Kurdogly Huseyn. The article investigates the blessings and curses of the poems of the Azerbaijani poet.

Keywords: Hussein Kurdogly, poetry, blessing, curses

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 1

ВЗАИМОСВЯЗИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДНИХ ВЕКОВ И АШУГСКОЙ ПОЭЗИИ

Халилов Н.

Бакинский Государственный Университет

На каждом этапе своего развития ашугская поэзия и письменная литература воздействовали друг на друга. Поэты средних веков не ограничивались упоминанием саза в своих стихах, одновременно с большой любовью, вкусом демонстрировали существовавшие до своей эпохи ашугские мелодии. В статье исследуются вопросы взаимосвязи письменной литературы и ашугской поэзии.

Ключевые слова: ашугская поэзия, литература, саз, поэт

Постановка проблемы. Несмотря на то, что проведен ряд научных исследований, написаны работы о формировании, эволюции, этапах развития ашугского искусства, порой и сейчас можно встретить противоречащие друг другу, ложные или же неверные предположения.

Первые сведения о нашей поэзии со слоговым размером можно встретить еще в «Словаре тюркских наречий» жившего в XI веке М. Кашгари. М. Кашгари, путешествуя по тюркским землям, собрал и записал устную литературу, дал ценные сведения о тюркской устной и письменной литературе в целом. В своем «Диване» он писал: «Украсив эту книгу голосом мудрости, поговорками, стихами, прозой, я составил по слоговым рядам».

Из упомянутой работы М. Кашгари становится ясно, что еще в XI веке были стихотворения с 6, 7, 8, 10 слогами. Автор даже указывает на происхождение их всех от слов «*qoşdu*» («сочинил»), «*qoşmaq*» («сочинять»). Он пишет: «... он присоединил к баранам коз, сделал их братьями. Если какая-либо вещь присоединится к другой, то снова так и будет сказано: *o, yer qoşdu – o qoşma, türkü büzdü (o, qəzəl və şeir nəzmlədi), qoşar- qoşmaq deməkdir* [1, 14].

Еще в XI-XII столетиях встречались выражения *aşıqlık-aşıqlıq* (влюбленность-ашугство) сильное влияние популяризовавшего идею «ашугства» в тюркском духовном мире Ахмеда Ясеви и созданного им течения ясевианства в течение достаточно долгого промежутка времени в XII-XV веках превратила и озана в ашуга [2, 147]. В последующие столетия саз-ашуг занял прочное место в наших эпосах. В этом контексте, исполняющие на сазе и придумывающие тексты ашуги наиболее ярко проявляют себя в таких наших эпосах как «Гара Мелик» и «Асли и Керем», являвшихся продуктом XII-XIII веков. В этих эпосах уже и саз, и ашуг, конечно же, отличались от саза и ашуга XII века. Если эпос «Гара Мелик» отображает события XII века, эпос «Ахмед Харамид» написан в XIII веке, эпос «Асли и Керем» является продуктом XIII – XIV веков, значит, эти эпосы созданы значительно раньше того времени, когда были записаны. Профессор Х. Кёроглу, говоря о туркменском вари-

анте эпоса «Асли и Керем», относит эпос к XIV-XV векам [3, 73]. В действительности же эпос «Асли и Керем» был создан в XIII-XIV веках в Азербайджане, а затем распространился среди других тюркских народов. Возможно, распространение в Средней Азии этого эпоса приходится на XIV-XV столетия. При внимательном рассмотрении, в XII-XIV веках у нас были много ашугов, народных поэтов, эпосов. Разумеется, упомянутые и неупомянутые эпосы написали озаны-ашуги, распространив в народе усовершенствовали. В любом случае, и факты показывают, что корни и героических, и любовных эпосов восходят не к XVI-XVII векам, как утверждают некоторые исследователи, а к раннему средневековью: «Самой лучшей памятью о первом из них является главы «Деде Коркута» и эпос «Черный Мелик», а самым совершенным образцом второго из них – «Асли и Керем». Известно, когда появились главы «Деде Коркута», когда были записаны, а в эпосе «Черный Мелик», являющемся продуктом эпохи Мухаммеда Джахана Пехлевана, говорится о таких исторических событиях и личностях, что создание его передвинуть на более поздний период невозможно никоим образом» [4]. Следовательно, и эпос «Асли и Керем» должен признаваться продуктом XIII-XIV столетий. Это подтверждают и ряд источников и исследователей. «На наш взгляд, «Асли и Керем» в любом случае существовал до эпохи Насими. В газели с рифмой «Снова», изданных Салмана Мумтазом стихов Насими, упоминается имя Керема. Последующие писатели, основываясь на другие рукописи, преподносят это слово в иной форме» [4]. Иногда встречается и ложное предположение о том, что переход от гопуза к сазу был не непосредственным. В XIV-XV веках, а также в начале XVI столетия в качестве переходного этапа использовались названия *чагыр*, *чагур*, *чукур*. Однако, при углублении в корни этих предположений, становится ясно, что слова *чагыр*, *чагур*, *чукур* использовались на территории Средней Азии. Вместе с тем становится понятно и то, что упомянутые выражения, являясь данными на территории Средней Азии сазу названиями, передают и значение каманчи, даже гавала. Бахеддин Озел пишет: «*чогур* – это несколько гавалов, *чокур* – тростниковый гавал, *чёгюр* – несколько сазов и каманча с твердым звуком [5, 454-455]. Как видно, *чокур* было названием, данным не только сазу, но и каманче, даже гавалу. На территории же Азербайджана в указанные столетия использовался гопуз-саз. При внимательном рассмотрении гопуз-саз, являющийся древним музыкальным инструментом каждой из двух территорий, по форме всегда отличался друг от друга. В отличие от Средней Азии в Азербайджане (не только в Азербайджане, на многих обжитых огузами территориях) после XII века выражения гопуз-саз использовались до XVI века параллельно. Даже саз преобладал над гопузом. Если мы в XII веке в творчестве Хагани, Низами, в XIII-XIV столетиях в поэме «Эпос Ахмеда Харамии», наших эпосах «Черный Мелик», «Асли и Керем» встречаем саз, то в отличавшемся своим разнообразием творчестве жившего на рубеже XIV-XV столетий Насими, умело отображающего в своих произведениях ашугскую поэзию, наблюдаем различные подходы к сазу. Он высоко оценивает музыку, признает священность саза как музыкального инструмента. Поэт не ограничивается упоминанием саза в своих стихах, одновременно с большой любовью, вкусом демонстрирует существовавшие до своей эпохи ашугские мелодии. Можно предположить, что в XVI веке число струн саза увеличилось. В творчестве Насими с особым упором по-

казываются такие ашугские мелодии, как «Джанги», «Гусейни», «Чаргях», «Шахназ», а это показывает, что ряд наших ашугских мелодий существовал и до Насими. Порой можно встретить предположения о том, что музыкальные мелодии, встречающиеся в «Эпосе Ахмеда Харамии», творчестве Насими, являются образцами мугама, и на сазе мугам не исполняют. Если принять во внимание, что самым древним нашим музыкальным инструментом является гопуз-саз, то значит, наши первые музыкальные мелодии также исполнялись на этих инструментах. Даже встреченные нами в «Эпосе Ахмеда Харамии» XIII века, творчестве Насими XIV-XV Новрузи, Гусейни, Джанги, Шахназ и пр. подобные мелодии наблюдаем и в эпосе «Шахрияр», а это показывает, что наблюдаемые в XIII-XV столетиях многие музыкальные мелодии исполнялись и на сазе. Существование в эпосе «Шахрияр» квартала озанов в Гяндже, весьма вероятно, появилось по причине первичного этапа озанского-ашугского искусства. Некоторые исследователи, повествуящие об эпосе «Шахрияр», описывают произведение как произведение письменной литературы. Профессор А. Сафарли пишет: «Было бы более верным полагать эпос «Шахрияр» образом письменной, нежели устной литературы. Поскольку получивший тему из фольклора автор переработал её в свойственной себе манере, процедив сквозь сито творчества древнее произведение, создал оригинальное произведение» [6, 374]. Однако на наш взгляд, эпос «Шахрияр» на самом деле является вариантом эпоса «Шахрияр и Санубар», а этот эпос более созвучен не с XIII веком, а ранними веками. Возможно, было бы более правильным воспринимать эпос «Шахрияр» как образец устной литературы. Поскольку в эпосе «Шахрияр» были соблюдены все требования и этапы, выдвигаемые к эпосам. Просто некое лицо в эпосе по имени Мухаммед (может быть, ашуг) данный эпос записал как новый вариант эпоса «Шахрияр и Санубар» и упомянул его название дважды в начале эпоса. Естественно, записавший эпос сделал к нему некоторые дополнения.

Так почему же до XVI века слова саз, ашуг и ашугское искусство не приобрело массовый характер? Потому, что в те времена религия расценивала музыку как греховное деяние. Одной из основных причин того, что в последующие столетия ашуги, саз долгое время были не видны, притеснялись, был персидский шовинизм. Наряду в религиозные одеяния слушание музыки, преследовали ашуггов, запретили исполнение на сазе. Живущим в Иране азербайджанским тюркам до последнего времени запрещали исполнение на сазе. На исконной и родной земле, на которой издревле жила большая часть тюрков, наряду с другими ограничениями, отобрали и саз. Эти лишения продолжались периодически с XIII века до последнего времени. Даже поставленные некогда памятники с сазом в руках сравнивались с землей. Поэтому развитие саза в последующие столетия в Северном Азербайджане по сравнению с Южным Азербайджаном было более быстрым. Хотя тебризская ашугская школа в первое время привлекала внимание больше. Поэтому произведения, созданные на определенных этапах и относящиеся к ашугскому искусству, не вышли в свет, были сожжены, утеряны. Наряду с другими историческими источниками, это можно явно прочувствовать и из стихов Насими. Он, увидев отрицательное отношение к музыке в свое время, выступал против суфиев, неправильно оценивающих музыку, считающих её грехом, называли их безвкусыми.

Səfasız sufiliyi gör kim, haram der, dinlemez sazi
Ki, əhli-həy olan kişi, nə qəm, girsə kəlisayə [7, 34].

Любопытно и то, что и в стихах Насими можно встретить многие формы народной поэзии. Наличие в творчестве поэта таких образцов поэзии, как герайлы, гошма, теджнис, устаднаме, поэтическая угроза и т. д. показывает, что возникновение ашугского искусства надо искать не в XVI веке, а в XII-XIII веках. Как говорил М. Г. Тахмасиб: «Доживший до нашего времени ряд примеров ясно доказывает, что в эпоху Насими существовали и обрядовые песни, являющиеся продуктом коллективного творчества нашего народа, и основные виды эпосного творчества, и народная поэзия, сохранившаяся в формах баяты, герайлы, гошма» [4]. Если все упомянутые были, можно ли представить всех их без ашуга, саза? Но отрицательное отношение религиозных деятелей притесняло их, не давало свободно действовать. И поэтому иногда сами ашуги сторонились пользования титулом ашуга. «Очень интересно, что никто из народных поэтов относимых нами в период до Насими, не именовал себя ашугом. Керем Деде, означает, что в те годы жила традиция именования Деде, как и в «Деде Коркут»е, а перед именем ширванца Касума имелся титул «моллы», что практиковалась долгое время в последующие годы. И у Гурбани, родившегося, самое позднее, через 50 лет после Насими, перед именем нет приставки ашуг, а бывший современником шаха Аббаса Туфарганлы уже ашуг Аббас. Из произведений Гурбани наглядно видно, что он был поэтом гошма, герайлы и любовных эпосов, создаваемых в манере жившего до него Молы Касума и живших после него мастеров» [4]. Молла Касум жил в конце XIII – начале XIV веков, был современником Юнуса Эмре, выдающимся народным ашугом-поэтом.

Уже начиная с конца XV – начала XVI веков сильный интерес к сазу еще больше привлекает внимание, а это, вероятно, связано с именем шаха Исмаила. В эпоху шаха Исмаила религиозные деятели уже не могли в открытую нападать на саз. Так как и сам Хатаи играл на сазе, содержал в своем дворце ашугов, исполнителей на сазе. Он высоко ценил саз и приравнивал саз к науке, слову, дыханию, полагал саз одним из 4 вещей, необходимых человеку.

Bu gün gələ alar oldum mən sazım, Dörd şey vardır bir qarındasa lazım,
Ərşə dirək-dirək çıxar avazım, Bir elm, bir kəlam, bir nəfəs, bir saz [8, 9].

Выводы и перспектива. Гурбани, живший в эпоху Шаха Исмаила, оставил яркий след в качестве народного ашуга – поэта. Пришедший после него Аббас Туфарганлы и другие ашуги, пользуясь традициями, заложенными до них, добились создания новых поэтических картин. Сказанное до сих пор показывает, что известный нам еще с XII столетия из произведений Хагани, Низами музыкальный инструмент саз прошел в XIII-XIV столетиях через такие наши эпосы, как «Асли и Керем», сквозь пальцы Моллы Касума, ашуга Гариба и множества ашугов, не дошедших до нас, и в последующих стадиях прожил свою высшую стадию в творчестве Несчастливого Абдала (Мискин Абдал), Гурбани, Хатаи, Туфарганлы и продолжает жить по сей день, а это показывает, что процесс возникновения, развития и усовершенствования озано-ашугского искусства проходит через несколько этапов.

Литература:

1. Кашгари М. Словарь тюркских наречий. Перевод. I-III тома / Кашгари М. – Анкара, 1992 (на турецком языке).

2. Сеидоглу Б. Суфизм народных поэтов / Сеидоглу Б. // Исследования тюркского языка и литературы. – XI. – Измир, 1983 (на турецком языке).
3. Кероглу Х. Очерк истории туркменской советской литературы / Кероглу Х. – М, Наука, 1980.
4. Тахмасиб М. Г. Насими и народная поэзия / Тахмасиб М. Г. // газета «Литература и искусство». – Баку, 1973 (на азерб. языке).
5. Огел Б. Введение в историю тюркской культуры. – IX том / Огел Б. – Анкара, 1991 (на турецком языке).
6. Сафарли А. Азербайджанская литература древних и средних веков / Сафарли А, Юсифов Х. – Баку, 1982 (на азерб. языке)
7. Насими. Избранные произведения / Насими. – Баку, 1985 (на азерб. языке).
8. Шах Исмаил Хатаи. Произведения / Шах Исмаил Хатаи. – Баку, 1976 (на азерб. языке).

Халілов Н. Взаємозв'язки Азербайджанської літератури середніх віків та ашугської поезії / Н. Халілов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 344–348.

На кожному етапі свого розвитку ашугська поезія і письмова література впливали один на одного. Поети середніх століть не обмежувалися згадкою саза у своїх віршах, одночасно з великою любов'ю, смаком демонстрували існували до своєї епохи ашугської мелодії. У статті досліджуються питання взаємозв'язків письмовій літератури та ашугської поезії.

Ключові слова: ашугської поезія, література, саз, поет

Khalilov N. Relationship Azerbaijan literature of the Middle Ages and poetry ashug / N. Khalilov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 344–348.

At each stage of development ashug poetry and written literature are influence one another. The poets of the Middle Ages were not limited to the mention of the common carp in his poems, along with a lot of love, taste showed preexisting ashug his era tunes. This article will explore the relationship of written literature and poetry ashug.

Keywords: ashug poetry, literature, saz, poet

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 162

ЛЕКСИКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ – ДИАЛЕКТИЗМЫ (НА ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. РАГИМОВА)

Каграманова Ч.

*Азербайджанский государственный педагогический университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье на примере художественных произведений С. Рагимова рассматриваются диалектизмы, предназначенные довести до читателя естественность произведения, национальную принадлежность персонажей, описание территории, где происходят события.

Ключевые слова: диалектизм, особенности стиля, фонетический диалектизм, лексический диалектизм, национальный колорит, территориальная принадлежность.

Постановка проблемы. Сбор и описание диалектов формирует богатый материал для изучения проблем по истории языка, современному языку, а также истории, этнографии народа, к которому относится и др. вопросам. В изучении истории языка диалекты играют такую же важную роль, что и письменные памятники. Иногда архаичные лингвистические особенности, не наблюдаемые даже в письменных памятниках, сохраняются в диалектах. Не существующие в современном литературном языке архаичные, фонетические, грамматические, лексические лингвистические элементы в несколько видоизмененном варианте, порой даже не подвергшись никакому изменению, сохраняются в диалектах. Изучение азербайджанских диалектов дает очень богатый материал с точки зрения изучения связей между тюркскими языками, создания сравнительной грамматики, фонетики, лексики этих языков, подготовки этимологических словарей и пр. Диалекты, в то же время, содействуют обогащению не только литературного языка, но и языка художественного. Вхождением из диалектов в художественный язык различных языковых элементов обогащается словарный фонд художественного языка. Диалектные элементы, используемые в художественном языке – диалектизмы – наряду с обогащением художественного языка, также служат и выполнению различных стилистических функций. Писатели и поэты становятся посредниками переноса диалектов из речи разговорной в речь художественную. Однако диалектизмы в художественных произведениях превращаются в поэтический троп и служат целям писателей. Хотя использование диалектизмов в художественной литературе и не очень актуально, во многих литературных жанрах, особенно прозаических произведениях, романах и повестях использование диалектизмов необходимо. Известно, что художественная литература отображает жизнь, речь, быт, традиции и обычаи народа. Именно поэтому при изображении событий, отображающих жизнь народа, для естественности, живости языка надо пользоваться диалектизмами этого региона, территории. Для речевой характеристики созданных ими персонажей писатели часто пользуются диалектизмами. «Сколь бы писатель не писал свои произведения на основе норм литературного языка своего

времени, все же в его произведениях проявляется склонность к местному диалекту, особенностям местного диалекта». В художественных произведениях сложно определить нормативы использования диалектизмов. При этом многое зависит не только от вкуса писателя, но и от степени пользования богатствами жанрового языка произведения. Еще с древних пор в литературных образцах, народных эпосах, в наших классических художественных образцах пользовались диалектизмами. В. Хулуфлу писал об этом: «Поскольку и ашуг Гусейн, и ашуг Асад были казахцами, в их речи есть многие особенности, присущие этому региону. Если их произношение записывалось бы как есть, для читателей других территорий записанное было сложно для понимания».

Диалектизмы встречаются в произведениях, написанных во всех литературных жанрах. Однако в прозаических произведениях встречаем их чаще. И произведения С. Рагимова тоже из данного ряда. Художественные произведения С. Рагимова не загружены исключительно диалектными материалами, но в этих произведениях по ходу дела, в различные стилистические моменты, обращались к диалектизмам. Этот признак показывает тесную связь языка художественных произведений автора с живым народным языком, диалектами. Г. Гасанов пишет: «В языке художественных произведений можно пользоваться диалектизмами, но перегружать произведения диалектизмами нельзя. Искусное использование диалектизмов в произведениях и соблюдение пропорций может оживить и украсить художественную речь». Диалектизмы, использованные в романах и повестях С. Рагимова, отвечают всем требованиям художественных условий, а эти требования связаны со своевременным использованием в тексте, произведении диалектизмов, их пониманием. При необходимости передачи в этих произведениях местной принадлежности образов, желании сделать речь персонажей более «сладкой», обращались к диалектизмам.

Диалектизмы, использованные в романах и повестях С. Рагимова, условно можно обобщить следующим образом:

1. Фонетические диалектизмы
2. Лексические диалектизмы
3. Этнографические диалектизмы
4. Грамматические диалектизмы и пр.

Поскольку художественные произведения С. Рагимова широко отображают сельскую жизнь и быт народа, то и диалектизмы были широко использованы. При изображении писателем сельской жизни в речь персонажей включаются подобные слова, в повествовании автора же диалектизмов либо очень мало, либо ими вовсе не пользуются.

Среди диалектических элементов, используемых в произведениях С. Рагимова, значительное преимущество имеют фонетические диалектизмы. Эти фонетические диалектизмы отображают фонетические особенности диалекта, к которому относятся. Эти черты можем изложить приведенными из произведений писателя примерами: например,

nazik→*nəzix*; *tam*→*təm*; *əlbəttə*→*həlbət*; *bacı*→*baji*; *qazamat*→*qəzəmət* и пр.

Среди фонетических явлений заметны случаи замещения гласных, замещения согласных, перемещения и пр. Например, в произведении «Шамо» есть следующие образцы:

рeнсәк→*рәнсәк*; *lampa*→*ləmpə*; *övlad*→*evlad* и др.

Приведенные в качестве примера эти диалектизмы были использованы в речи персонажей, имеют общенародный, общеупотребительный характер. Охарактеризовали образ, отипичили его и сделали индивидуальным. Большинство диалектизмов С. Рагимова относятся к кубатлинскому диалекту. Основной причиной этого является происхождение автора из тех мест, и естественно, развертывание событий на той территории, а наиболее полно выражающими национальную принадлежность, территориальную принадлежность являются лексико-этнографические диалектизмы. Т. Эфендиева отмечает, что в художественной литературе лексические диалектизмы используются в качестве средства отображения индивидуализации и местного колорита. В научно-теоретической литературе о диалектологии лексические диалектизмы делятся на несколько групп: этнографические диалектизмы терминологического характера, лексические диалектизмы, семантические и фразеологические диалектизмы. В романах С. Рагимова лексических диалектизмов много. Однако автор, принимая во внимание неизвестность значения этих слов широкой читательской аудитории, значения большинства из них объяснил на месте. Например, объяснил диалектизм «*has*» как «крыса», слово «*mülhüd*» как «неверующий», «*püskül*» как «вилка». Количество подобных слов можно увеличить до бесконечности.

Одной из основных единиц, обогащающих язык прозаических произведений, романов, привлекающих с первого взгляда, являются этнографические диалектизмы. И значительная часть этнографических диалектизмов С. Рагимова представляют собой слова, входящие в западную группу диалектов и наречий, и были использованы с целью передачи живого изображения прошлого жизненного уклада, быта Кубатлы. К словам подобного рода относятся такие устаревшие названия месяцев-времени, как «*böyük çillə, kiçik çillə, qışın çilləsi, quyruq doğan ay* и пр.», указывающие родственные отношения, как «*dəd, dadaş, qağa*», растительного значения слова, как «*aşən (taxıl dərzi); dişə (cücartı)*» и пр.

В произведениях С. Рагимова лексические диалектизмы по сравнению с диалектизмами других групп (фонетическими и грамматическими) использовались больше. Частью из них являются семантические и фразеологические диалектизмы. Писатель для придания произведениям простоты, вульгарности счел более целесообразным использование вместо слова «*məktub*» (письмо) слова «*kağız*» (бумага). Порой писатель отдавал предпочтение параллельности, используя попеременно в различные стилистические моменты слова *kisə-meşok-xəşə; dədə-ata* и др.

Из сказанного нами можно прийти к **заключению** о том, что С. Рагимов пользовался нашими диалектами, преимущественно, для следующих целей:

1. Создания художественной картины реальной жизни.
2. Создания национального колорита.
3. Демонстрации территориальной принадлежности.
4. Индивидуализации, типизации типа.
5. Этнографического изображения.

6. Обеспечения реальности выражения.
7. Создания стилистического разнообразия.
8. Выражения национальных вещей и понятий и пр.

Наконец, можно сказать, что обращение С. Рагимова к западным диалектам и наречиям, выделение особого места элементам живого народного языка, живость его произведений с точки зрения языка свидетельствуют о широком использовании им в своем творчестве народных источников.

Литература:

1. Ахундов А. Вопросы языка и стилистики / Ахундов А. – Баку, 1970.
2. Словарь азербайджано-тюркских народных наречий. – Баку, 1931.
3. Багиров А. Лингвистические особенности азербайджанских советских романов / Багиров А. – Баку, 1955.
4. Джахангиров М. Жанровые и лингвистически-стилистические вопросы / Джахангиров М. – Баку, 1958.
5. Джалилов Ш. Язык и стилистика прозаических произведений Исы Гусейнова / Джалилов Ш. . . диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. – Баку, 2005.
6. Демирчизаде А. Стилистика азербайджанского языка / Демирчизаде А. – Баку, 1962.
7. Эфендиева Т. Лексическая стилистика азербайджанского языка / Эфендиева Т. – Баку, 1980.
8. Гусейнов А. Азербайджанская диалектология / Гусейнов А. – Баку, 1979.
9. Магеррамова Р. Лексика сатиры Сабира / Магеррамова Р. – Баку, 1969.
10. Мамедова Г. Диалектическая лексика языка Насими / Мамедова Г. . . диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. . . – Баку, 2005.
11. Ширалиев М. Основы азербайджанской диалектологии / Ширалиев М. – Баку, 1962.

Каграманова Ч. Лексика художніх творів – діалектизми (на основі творів С. Рагімова) / Ч. Каграманова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 349–352.

У статті на прикладі художніх творів С. Рагімова розглядаються діалектизми, призначені довести до читача природність твору, національну приналежність персонажів, опис території, де відбуваються події.

Ключові слова: діалектизм, особливості стилю, фонетичний діалектизм, лексичний діалектизм, національний колорит, територіальна приналежність.

Kagramanova Ch. Lexicals of artistic works – dialects (based on the works of S. Ragimov) / Ch. Kagramanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 349–352.

The dialecticisms in the works of S. Rahimov were used to provide naturalness of works, national origin of characters, description of the area where occurrences take place, and national color for a reader.

Key words: dialecticism, stylistic features, phonetic dialecticism, lexical dialecticism, national color, area of origin

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 512. 162

СИСТЕМА РИФМ ТРУДОВЫХ ПЕСЕН В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Гусейнов Б. А.

*Институт Фольклора Национальной Академии Наук Азербайджана
E-mail: bifalalarli@mail.ru*

Трудовые песни имеют особое значение в качестве текстологического источника с точки зрения изучения условий труда и быта, этнографии и музыкальной культуры азербайджанского народа. Трудовые песни также являются незаменимым источником научного изучения первичные образцов поэтики, мелопоэтики и силлабической поэзии. Исследование мелодических элементов, поэтических картин, размера и системы рифм, смыслового и эмоционального богатства языка трудовых песен в то же время означает изучение поэтических возможностей первичной поэзии. Впервые в азербайджанской фольклористике, в этой статье система рифм трудовых песен и виды рифм, созданные сообразно требованиям поэтической структуры песен, исследуется на научном уровне.

Ключевые слова: азербайджанский фольклор; трудовые песни; фонетическое выражение художественности и система рифм.

Постановка проблемы. Трудовые песни демонстрируют существующие возможности фонетического выражения художественности. Одной из средств фонетического выражения художественности является рифмовка слов, близких друг к другу по произношению, звуковому составу. Функцией рифмы в трудовых песнях является усиление созвучия в строках и облегчение запоминания поэтического текста. Все эти вопросы в статье широко преподносятся в статье и профессионально анализируются.

Цель работы. Привлечением к исследованию системы рифм трудовых песен демонстрируются поэтические возможности азербайджанской поэзии. Рифма создает созвучие, а трудовая песня строится на гармонии. По своему строению рифмы делятся на простые, сложные, внутренние, двойные, каламбурные и слуховые. Мы изучаем виды рифм как составную часть мелопоэтических элементов трудовых песен.

Поскольку в качестве литературного текста трудовые песни составляют важный этап в развитии азербайджанской поэзии – период фонетически-ритмического усовершенствования – обуславливающие его образность и эмоциональность свойства художественного языка нуждаются во всестороннем анализе. Одной из фонетических средств выражения художественности является рифма, составленная из близких друг к другу по произношению, звуковому составу слов, функция которой заключается в усилении созвучия в строках и облегчении запоминания поэтического текста. Рифма как важное условие поэтической техники называется также *ауаг* [1]. Автор книги «Основы литературоведения» Мир Джалал Пашаев не считал рифму формальным для поэзии признаком: «Соответствие нескольких слогов в конце строк по выражению, произношению, строению и созвучию называется рифмой.

Рифма в поэзии, или в стихотворении не является формой, формальным качеством. Это помогает произнесению определенного текста, слова с ударением, настоянием и резкостью» [8, 105].

Так, рифма придает куплетам особую красоту, созвучие, ясную форму, бывает связана со звуком или интонацией, ритмом, лексикой текста и синтаксисом. Трудовые песни, как средство для поддержания ритма, оказали большое влияние на «затвердевание» рифмы внутри текста. Рифма создает созвучие, а трудовая песня строится на созвучии. По своему строению существуют рифмы простые, сложные, внутренние, двойные, каламбурные и слуховые [1]. Виды рифмы имеют значение с точки зрения воздействия, созвучия художественной речи, выражаемой ею значения. В трудовых песнях рифма составляет фундамент строк, усиливает созвучие слов в начале, середине и конце строк. Включая и рифму, размер художественного текста (стихотворения) – ритм определяется моментом использования рифмы [3]. Рифма в середине строки является «печатью» внутреннего деления, а в конце – размера.

Простая рифма представляет собой гармоничное соответствие в конце строк.

*Qara kotan ağırdır, Qarmaq tellim çəkməyir,
Öküzlərim yağırdır. Xınalım da sağırdır* [6, 12].

Простую рифму создали слова «*ağır*», «*yağır*», «*sağır*». Так как корни слов являются созвучными, глаголообразующий аффикс «*dır*» несколько увеличил ритмичность, привнес в каждую строку красоту. Рифмующиеся в конце строки слова произносятся с повышающейся интонацией. Повышающаяся интонация завершает первую, вторую и четвертую строки, а также связывает их друг с другом, а снижение интонации в третьей строке создает общее созвучие, что заканчивается свойственным баяты интонационной завершенностью. К слову, большинство трудовых песен, особенно холавары (*holavar*) и слова саячи (*sayaçı sözləri*), имеют форму баяты. Есть даже трудовые песни в жанре гошма [5, 11-13]. Конечно, трудовые песни, созданные в мону-ментальных жанрах, представляют собой продукт последних периодов, завершенные образцы поэзии. Но есть и песни, сохранившие следы своей первичности, к которым можно отнести значительную часть песен охотников, рыбаков, ткачей.

В трудовой песне рифма не носит формального характера, тесно связана с его содержанием и строением. Если существует проявляющееся в нескольких слогах простой рифмы перекликанье, ее называют полной или богатой рифмой. В «Землепашце с волом» устами землепашца говорится:

*Yaxşı olsan yiyən səni satmazdı,
Yarımçıq zəmidə işi yatmazdı.
Həftədə üç günü mala qatmazdı,
Hər il yarım kəviz toxum əkəsən* [5, 11].

Каждый из рифмующихся слов «*satmazdı*», «*yatmazdı*» и «*qatmazdı*» состоит из трех слогов. Ясно ощущается перекликанье между всеми слогами этих слов. Глаголы *sat*, *yat*, *qat* рифмующиеся, отрицательная форма принимаемой ими некатегоричной вести о будущем и формант частицы *idi* создают богатую рифму.

Если перекликается часть рифмующихся слов, то эту рифму называют *неполной* или *нищей* рифмой:

*Ay balalı, hardan tuş oldun bizə?
Nə deyim biqeyrət, tənbel öküzə...* [5, 11]

Или:

*Haylanmışam hayıma,
Yetişib harayıma* [5, 15].

В трудовых песнях нищие рифмы составляют меньшинство. Если первой причиной этого является их позднее записывание, вторая и главная причина связана с преимущественным выбором в качестве рифмы ритмичных, созвучных слов из-за исполнения особым голосом.

Сложная рифма состоит из созвучия двух или более слов. В таких случаях участвующие в каждой строке, не изменяясь, слова образуют реди́ф (*rədif*)

*Öküzlər qoşa getdi, Cütün macı qırıldı,
Güc vurdu daşa getdi. Zəhmətim boşa getdi* [5, 11].

Реди́ф (поэтический повтор) «*getdi*» в рифмующихся строках усиливает созвучие песни, увеличивает его воздействие, а рифма создается с помощью слов «*qoşa*», «*daşa*» и «*boşa*», которые находятся до повтора.

В трудовых песнях встречаются и *перевернутые рифмы*. Подобная рифмовка осуществляется между часто меняющимися формально по ходу текста строками. Трудовых песен с постоянной перевернутой рифмой не существует.

*Qonşulara
Yağ borcluyam.
Orman, bostan,
Bağ borcluyam* [7, 16].

Или:

*Unluq boşalıb
Neçə zamandı.
Arpa qurtarıb,
Süfrə yavandı* [6, 15].

Именуемая в ашугской литературе *qoşayarpaq* (*парнолистный*), в современной поэзии перекрестной рифмой *внутренняя рифма* представляет собой обустройство сообразно размеру созвучных слов внутри каждой строки:

*Heç heyvan götürməz mənim yükümü,
İgid oğlan gərək çəkə ipimi,
Ərəbistan içər mənim südümü...* [6, 14].

Слова «*heç heyvan*», «*igid oğlan*» и «*Ərəbistan*», будучи созвучными между собой, привносят в художественный текст музыкальность. Хотя последние строки и не рифмуются, ритм не был потерян. Словно рифмующиеся слова специально были перенесены в середину (внутри) строк. Подобные тексты перекликаются с двойной рифмой законченного стихотворения. Связывающая рифма состоит из рифмовки слов в начале и конце строки, двойная рифма же – из используемых в начале ряда строк созвучных слов.

*Nənəm, başına dönnəm,
Dönnəm, başına dönnəm* [4, 162].

Трудовые песни порой строятся на основе рифмующихся не по своему написанию, а по звучанию слов. Рифму создает схожесть слушания и слова звучат созвучно на слух. Это созвучие, называемое *резонансной, или слуховой рифмой*, создается принципами орфоэпии:

*Cütçü gəldi biçinə,
Sarı sünbül içinə.
Bir gün onu tutaydım
Təzə geyim-keçimə* [6, 17].

Слова «*biçinə*» и «*içinə*» в тексте представляет богатую рифму, а вторая часть сложного слова «*geyim-keçimə*» – слуховую рифму. Обратим внимание на возникновение слуховой рифмы в словах саячи (пастушьих песнях):

*Onun dördü uludu,
Aşıqlığı qurudu* [6, 19].

Рифма рождается из всех частей речи. Порой рифмующиеся слова бывают различного смысла, одной формы, самым наглядным примером чего являются каламбуры. *Каламбур* сам является материалом рифмы и используется чаще как слуховая рифма:

*Axşamlar, ay axşamlar, Hərə evinə gedər,
Axşam yanar ağ şamlar. Hodaq harda axşamlar?* [2, 36]

При этом *axşam* (ночь), *ağ şam* (белая свеча) и *axşamlamaq* (переночевать) являются каламбурной рифмой. Слова и выражения создают соответствие не по форме, а логике, ударению, единству строк и придает дополнительную силу созвучию, художественности, образности. Есть стабильные рифмы, которые привносят в текст трудовых песен музыкальность. Поскольку рифмы образуются из существительных, глаголов, наречий и других частей речи, даже аффиксов, созвучие в словах соблюдается. Только при рифмовке глаголов обязательно корень слова берется основой для рифмы [2, 36]. Рифма, отрегулировав текст стихотворения, упорядочивающая его, как фонетическое выражение художественности является средством, создающим гармонию.

Научная новизна работы. В этой статье впервые подробно были изучены виды рифмы, порожденные поэтической структурой трудовых песен. В качестве отображения художественного выражения фонетичности в азербайджанских трудовых песнях рифма была привлечена к исследованию на уровне современных научных принципов фольклористики, обращено внимание на до сих пор не рассмотренные вопросы, и получены верные научные результаты.

Научный результат работы. Изучаемая тема была исследована соответственно современному научному уровню фольклористики, особое внимание было обращено на поэтические и мелопозэтические особенности текста. В азербайджанских трудовых песнях фонетическое выражение художественности рассматривается как объект исследования, и созданные фонетическими средствами эмоциональность и образность, вносящие в поэтический текст гармоничность, исследуются как область, входящая в сферу интересов фольклористики

Выводы и перспектива. Изучение рифмы и его видов в качестве одного из средств, фонетически выражающих художественность в азербайджанских трудовых песнях, входит в сферу интересов не только фольклористов, но и литературоведов и музыкальных теоретиков. При этом достаточно были исследованы возможности

воздействия ритма, созданного рифмой, на содержание, что позволило прояснить ряд спорных вопросов, связанных с происхождением поэзии. Исследователи поэтических и мелопоэтических текстов, ссылаясь на эту исследовательскую работу, могут сделать правильные научные выводы на соответствующую тему.

Литература:

1. Аларлы Б. Фонетическое выражение художественности / Аларлы Б. // Газета «*Münasibət*», Джа-лилабад, 25 мая 2006.
2. Аларлы Б. Фонетическое выражение художественности в трудовых песнях // Фольклор и этно-графия, 2011. – № 3. – С. 24-46.
3. Аларлы Б. Рифма и его виды / Аларлы Б. // Газета «*Münasibət*», 16 июня 2006.
4. История азербайджанской литературы: в 6 томах. – Т. I: Устная народная литература. – Баку: Элм, 2004. – 760 с.
5. Антология азербайджанского фольклора: в 2-х книгах. – Книга 1 / Собираетель и составитель А. Ахундов. Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР, 1968. – 290 с.
6. Азербайджанская устная народная литература. Антология: в 2 томах. – Т. I / Составитель Бах-лул Абдулла. Баку: XXI – Дом новых изданий, 2001. – 376 с.
7. Набиев А. Жанры азербайджанского фольклора: Учебное пособие: I часть / Набиев А. – Баку: Издательство АГУ, 1963. – 86 с.
8. Пашаев М. Дж. Основы литературоведения: Учебник для высших школ / Пашаев М. Дж, Хали-лов П. И. – Баку: Маариф, 1972. – 280 с.

Гусейнов Б. А. Система рим трудових пісень в азербайджанському фольклорі / Б. А. Гусейнов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 353–357.

У статті розглядається система рифм трудових пісень в азербайджанському фольклорі. Трудові пісні мають особливе значення в якості текстологічного джерела з точки зору вивчення умов праці та побуту, етнографії та музичної культури азербайджанського народу. Трудові пісні також є незамінним джерелом наукового вивчення первинних зразків поезики, мелопоетики та силабічної поезії. Дослідження мелодійних елементів, поетичних картин, розміру і системи рифм, смислового та емоційного багатства мови трудових пісень в той же час означає вивчення поетичних можливостей первинної поезії. Вперше в азербайджанській фольклористиці, в цій статті система рифм трудових пісень та види рифм, яких створено згідно вимогам поетичної структури пісень, досліджується на науковому рівні.

Ключові слова: азербайджанський фольклор; трудові пісні; фонетичне вираження художності і система рим.

Guseinov B. A. Rhyme system of the labour songs in Azerbaijan folklore / B. A. Guseinov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 353–357.

Labour songs assume special importance as the textology source from the point of view to learn the of the Azerbaijan people's labour welfare, ethnography and music culture. Labour songs are also the non-substitutive source for the scientific learning the primary examples of the poetics, melopoetics and syllabic poetry. Investigation of the richness of meaning and emotion of language, weight and rhyme system, poetic pictures and melodic elements of the labour songs at the same time are learning of poetic opportunities of the primary poetry. In Azerbaijan folk-lore studies the rhyme system of the labour songs and kinds of rhym hav- ing arisen according to the demands of the poetic structure of the songs for the first time in the scientific level are investigated in this article.

Key words: Azerbaijan folk-lore; labour songs; of phonetic expression and rhyme system of artistry.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 512. 162

ПЕРИОД, ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕЛЕ

Курбанов Ф.

*Институт литературы имени Низами Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Последние исследования свидетельствуют о том, что под псевдонимом Леле, поэт баяты жил и творил с конца 40-х XVI и до 30-х годов XVII веков. Леле был страше ашуга Сары и младше поэта Масихи. Последние годы жизни поэта Масихи совпадают со зрелым возрастом ашуга Леле. Ученые фольклористы всегда помнят ашуга Леле в месте с ашугом Сары. В статье исследованы жизнь и деятельность народного поэта Леле, рассмотрен прожитый им исторический этап.

Ключевые слова: Леле, Ашуг Сары, баяты, дастан, народные романы

Постановка проблемы. Последние исследования доказывают, что поэт, писавший баяты под псевдонимом Леле жил и творил в период с 40-х годов XVI века до 30-х годов XVII века. Леле старше Сары Ашуга и младше Масихи, говоря иначе, последние годы жизни Масихи, и детские годы Сары Ашуга соответствуют зрелым годам Леле. Фольклористы, занимающиеся этой сферой, постоянно упоминают имя Леле наряду с именем Сары Ашуга. Проф. С. Пашаев, характеризуя Леле как учителя Сары Ашуга, пишет, что хотя имя Леле упоминается совместно с Сары Ашугом, Леле жил задолго до него и первым проложил тропы в лирическом жанре – в форме баяты, а Сары Ашуг, взяв уроки из баяты Леле, прославился как мастер баяты. По мнению С. Пашаева, Сары Ашуг лишь в молодости подражал Леле, а впоследствии Сары Ашуг, создавая более сильные баяты, поднялся на большие высоты [1, 99]. Леле является представителем XVI-XVII веков, а Сары Ашуг – только XVII века. Леле и Сары Ашуг не видели друг друга. Поскольку об этом нет никакой информации. Даже в преданиях о Леле об этом речи не идет. Амин Абид, рассказывая о баяты и мани, вспоминает Леле следующим баяты, записанным путешественником XVII века Овлия Челеби:

*Lələnün dünyası nə,   Dünya bənim deyənün,
Aldanma dünyası nə.   Dün getdim, dün yasinə [2, 66].*

И этот аргумент показывает, что Леле жил и был знаменит хотя бы с 40-х годов XVI века по 40-е годы XVII века. В одном из баяты Леле упоминаются имена основных героев поэмы Масихи «Варга и Гюльша»:

*Mən Lələ der: şah vardır, Nə dünyadan şah gedər,
Vərqa və Gülşah vardır. Nə gəlicək şahvardır [3, 43].*

Это произведение, в котором упоминаются имена пары героев Масихи, написано в 1038 году Хиджры (1628-1629). Как видно, Леле в 1628-1629 гг. был здоров и знал об этом произведении. Использованием строки *Vərqa və Gülşah vardır* (Есть Варга и Гюльша). Леле хочет сказать, что некая история, распространенная в восточной литературе в форме мифа, легенды, приключения, уже записана. С того

дня «Варга и Гюльша» является не передающимся из уст в уста приключением, а записанной интересными сюжетами формой произведения. Так как раскрытие всех историй находится за пределами возможностей жанра баяты, в четырехстрочном стихотворении информация может быть передана лишь в подобной форме. Как раз именно в этом и находится величие баяты. Тот факт, что Леле является представителем XVI-XVII века, подтверждают и его связи с шахом Аббасом I. Согласно выводам последних исследований, пожилые годы жизни, и мудрые годы творчества Леле приходится на годы правления шаха Аббаса I. Некоторые выражения, использованные им в баяты, в определенной степени помогают нам осветить темные страницы жизни Леле, уточнить его период. Так, в азербайджанских фольклорных образцах, особенно в сказках и преданиях, шах Аббас I всегда упоминается как «шахский сын шах Аббас». Правда, если не принимать во внимание некоторые исключения, все шахи были шахскими сыновьями, институт шахства всегда носил наследственный характер. Этот процесс был характерным и для шаха Аббаса I. Однако в истории и в образцах азербайджанского устного народного творчества ни один из них не назывался «шахский сын шах Исмаил», «шахский сын шах Тахмасиб» и т. д. Отдельные историки и мастера, хоть и называли их шахскими сыновьями, выражение «шахский сын» было выражением, наиболее часто использованным по отношению к шаху Аббасу.

И в следующем баяты Леле используется выражение «шахский сын шах»

*Lələyəm şah lələsi,   Öləndə qəbrim üstə,
Kəsilər şah kələsi.   Şah oğlu şah gələsi.*

Леле не случайно назывался «шахским леле». В преданиях говорится, что

Леле во дворце шаха Аббаса I был наставником, воспитателем, учителем шаха и его приближенных. Впоследствии самоуправство шаха Аббаса I, сотворенные им трагедии стали причиной протеста Леле, и этим между Леле и шахом произошли большие разногласия, в результате чего Леле покинул дворец.

В похожем же на этот другом баяты Lələ говорит:

*Lələ xan Lələsidi,   Lələnin qəbri üstə,
Əcəl can tələsidi.   Gözəl şah gələsidi.*

С запросом об упоминаемом в этом баяты «шахском сыне шахе», «прекрасном шахе» в 1988 году я обратился ко многим старикам. Побеседовал с 85-летним дедом Джаббаром из села Молламагеррамли Физулинского района, 78-летним Байрамкиши из села Ахмедальлар, 62-летним знатоком Леле Шахри Курбановой, 93-летним дедом Джабраилом из села Шукюрбейли, 83-летней бабушкой Миной, 105-летним дедом Джюмю, 76-летней бабушкой Шараф из села Араз Яглывенд, 82-летней бабушкой Гёзел из села Яглывенд, 85-летней Шахлыг Ханалы кызы из села Казахлылар, 80-летним Исах-киши из села Джодуг Марджанлы Джабраильского района и др. И они это баяты сказали наизусть и подтвердили, что Леле это баяты посвятил шахскому сыну шаху Аббасу. Во время полевой экспедиции 1978 года я познакомился с жителем села Бабы Физулинского района, знатоком устного народного литературы, 80-летним дедом Сейфели. Дед Сейфели рассказал похожий вариант последней строки известного баяты:

... Lələnin ayagına, ... K ногам Леле,

İran şahı gələsidi. Должен прийти иранский шах.

На наш вопрос – Какого иранского шаха подразумевает Леле? – дедушка Сейфели категорично подчеркнул, что здесь и «иранский шах», «шахский сын шах» и «прекрасный шах» – все это один человек. Речь идет о шахе Аббасе I. Отметим и то, что дед Сейфели прекрасно знал азербайджанскую и иранскую историю, умел писать и читать на арабском языке и фарси. Тот факт, что Леле был современником шаха Аббаса I и жил в тот период, отмечается и в исследовании профессора И. Аббаслы. Он пишет: «Исследования подтверждают и то, что именуемое Леле «прекрасным шахом» лицо является именно самим шахом Аббасом I» [4, 8]. Тогда, интересно, почему Леле называет человека, бывшего для Азербайджана не особо успешным, подвергнувшего народ изгнанию, доставившего людям невозможные катастрофы, вручившего судьбу страны в руки кучки персов, «прекрасным шахом»? Напомним, к слову, что бывший выдающимся мастером XVI столетия Курбани тоже в своем геральды «Шах Хатаи» упоминал шаха Исмаила Хатаи как «Мой прекрасный шах». Выражение «Прекрасный шах», использованное Курбани и Леле, противоречат друг другу. Если Курбани строкой «шейхский сын мой прекрасный шах» с истинной любовью упоминает своего современника, друга, создателя азербайджанского государства и имеющего неопределимые заслуги в развитии азербайджанской культуры шаха Исмаила Хатаи, Леле данное выражение использует в отношении шаха Аббаса I с иронией, саркастически. Именование со стороны Леле «Прекрасным шахом» шаха Аббаса I носит символический смысл. Это явление представляет собой традиционный метод, идущий из восточной, в том числе классической азербайджанской литературы. Вопрос о справедливом правителе был тем вопросом, который заставлял задуматься и Фирдоуси, и Низами, а также других классиков. Написание в честь шахов, правителей произведений, связывание с их именем книг во все не было связано с беспомощностью перед правителями, трусостью классиков, или же их желанием что-то получить взамен. Они, концентрацией образа желаемого, идеального правителя в облике этих шахов, использовали эти темы с точки зрения средства для преподавания правителю «урока», воздействия, их воспитания. Цель заключалась в побуждении шахов, придворных управлять страной по совести, с умом, по справедливости, любить народ, улучшать уровень его жизни. В эпосе «Леле», а также в других преданиях показывается, что Леле был пастухом овец прекрасного шаха. Разозлившийся на ниве семейно-бытового конфликта шах прогнал Леле со своего двора [3, 32]. В другом предании и эпосе «Леле» отмечается посещение после его смерти его могилы прекрасным шахом, сожаления по поводу того, что в его здравие не ценил столь могучего народного корифея.

... Прекрасный шах посещает могилу Леле и, уходя, оперевшись на его надгробие, говорит:

Lələ də öldü getdi, И Леле умер, ушел,

Qəlbləri böldü getdi. Разделив сердца, ушел

Qoy Lələ də bilsin ki, Пусть и Леле знает,

Gözəl şah gəldi, getdi. Что прекрасный шах пришел, ушел [3, 33].

Если шах Аббас изгнал Леле, а затем посетил его могилу (это подтверждает также знаменитость Леле как поэта), по этой логике дата его смерти приходится на

начало 1629 года. Так как это дата смерти шаха Аббаса. Следовательно, в начале 1629 года Леле уже покинул этот мир. Будет правильным еще раз обратить внимание, что и произведение «Варга и Гюльша», в котором упоминается имя Леле, было написано в 1628-1629 годах. Леле скончался в начале 1629 года, а шах Аббас, весьма вероятно, в конце того же года.

То, что Леле был седовласым стариком в годы правления шаха Аббаса, тоже нашло свое отображение в его баяты:

<i>Lələ el ağsaqqalı,</i>	<i>Леле народный аксакал,</i>
<i>Darar tel, ağ saqqalı.</i>	<i>Расчесет волосы, белую бороду.</i>
<i>Zülüm çox ömür sürsə,</i>	<i>Если гнет долго будет жить,</i>
<i>Şahım, el axsaq qalı.</i>	<i>Шах мой, народ хромым остается.</i>

Как видно из баяты, Леле как народный аксакал давал советы Прекрасному шаху – шаху Аббасу I. Хотя узнать настоящее имя Леле пока невозможно, имя его отца известно. Об этом говорилось в одном из баяты Леле.

<i>Yarəhməd oğlu Lələ,</i>	<i>Ярахмеда сын Леле,</i>
<i>Mümkirə qurub tələ.</i>	<i>Устроил западню Мункиру.</i>
<i>Oturub yol ağzında,</i>	<i>Сидит у дороги,</i>
<i>Gözləyir Mehdi gələ.</i>	<i>Прихода ждет Мехти.</i>

Из баяты видно, что имя отца Леле Ярахмед. И в эпосе «Леле» отмечается появление на свет Леле в семье благообразного мужчины по имени Ярахмед. Хотя место рождения Леле и неизвестно, место смерти известно. Его могила находится на кладбище Аргалы села Ахмедаллар Физулинского района. На могиле Леле есть каменная статуя овна. Длина этого памятника примерно 1 м 20 см, а высота 80 см. Позднее овна отволокли на несколько метров в сторону от каменной могилы и поделили пополам, а голова каменного овна была оторвана и утеряна. Установление на могилу Леле выточенной из камня статуи овна тоже не случайно. Согласно обычаям и традициям средних веков, при смерти каждого уважаемого лица на его могилу ставилась соответствующая его профессии статуя. Например, на надгробия воинов рисовали изображения лука и стрел, ружья, воинов-всадников – ставили статую каменного коня, а на могилы пастухов – каменных овнов. Согласно этому обычаю, связанному с тотемизмом, и на могилу Леле поставили статую каменного овна [3, 27]. Могила прославившегося в народе в качестве ашуга справедливости Леле почиталась с большим уважением и превратилась в объект священного паломничества людей. Могила, называемая «могилой ашуга», «могилой Леле», некогда была местом дачи клятвы. И сейчас, в определенные моменты, клянясь именем Леле и его могилой, говорят: «Клянусь именем Леле», «Клянусь могилой Леле». Однако, хотя вера народа в могилу Леле как священный очаг и была велика, никто не обращал внимания на ежегодное разрушение этой могилы, рассыпание могильных камней по округе. В результате, могила была полностью разрушена, могильные камни, на которых были отображены различные надписи, рассыпавшись на куски, были разбросаны вокруг могилы. Об этом с гражданской болью сообщил еще в 1976 году выдающийся ученый-исследователь С. Пашаев. Наконец, после долгой переписки, группа аксакалов села Ахмедаллар, видевших угрозу полного исчезновения могилы, решили самостоятельно отремонтировать могилу и на могиле поэта Леле водрузили

и гумбез. Хотя это и проистекало из привязанности тех людей к нашей родине, бдительности к историческим памятникам, ни могила Леле, ни водружённое на нем построение не соответствуют ни одному архитектурному стилю. Так, остатки гробницы Леле с узорами, с древними надписями, были отброшены в сторону, вместо них возвысили напоминающую детскую могилу. Статуя каменного овна с могилы Леле была выброшена в сторону, а куски могильных плит с надписями, узорами подвинуты к могиле.

Выводы и перспектива. Таким образом, могила мастера, жившего и творившего в XVI-XVII веках была настолько осовременена, что даже не верится, что под не отличающейся от обычных могил этой гробницы покоится один из выдающихся представителей XVI-XVII века. При том, что эта могила должна была быть не отремонтирована, а восстановлена с сохранением её древности. Пока и сейчас не так поздно еще. Могила Леле в самом скором времени капитально должна быть восстановлена, каменный овен помещен на свое прежнее место на склеп, разбросанные вокруг камни, а частично собранные в сторону надписанные и разукрашенные куски камней скрупулезно размещены на свое место. В противном случае, с течением времени не останется никаких следов от могильных плит Леле, когда рассыпавшиеся вокруг камни постепенно исчезнут, и могила Леле, не выделяясь среди окружающих его других могил, останется в стороне от внимания. Леле, многочисленные баяты, выражения, афоризмы которого разошлись в народе. встречается и в письменных источниках. Одной из самых ценных источников для изучения поэтического наследия Леле является «Книга песен». Эта «книга» была реквизирована в 1721 году в Астрахани у некоего армянского купца по имени Элиас Мушег (некоторые исследователи в своих записях называют его Мушех), когда он ехал в Россию. «Книга песен», будучи отобра, была отправлена в Москву и содержится там до сих пор. (Государственный архив внешней политики Министерства иностранных дел СССР, «Фонд сношений России с Арменией», дело 1, кн. 3)

Литература:

1. Пашаев С. Сары Ашыг и его дастан «Яхши-Яман» / Пашаев С. // Обучение Азербайджанского языка и литературы. – № 4, 1975. – С. 99 (на азерб. языке).
2. Зейналов А. Азербайджанские баяты в Кавказском регионе / Зейналов А. – Баку, 2001 (на азерб. языке).
3. Мастер баяты Леле / собрание, составление, автор предисловия Ф. Шукурбейли. – Баку: 1995. – 43 с. (на азерб. языке)
4. Леле. Я создан из камня / составление и предисловие И. Аббасов. -Баку, 1995 (на азерб. языке).

Курбанов Ф. Період, життя і діяльність Леле / Ф. Курбанов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 358–363.

Останні дослідження підтверджують, що під псевдонімом Леле, поет баяти жив і творив з кінця 40-х XVI і до 30-х років XVII століть. Леле був страше ашуга Сари і молодше поета Месіхі. Останні роки життя поета Месіхі співпадають зі зрілим віком ашуга Леле. Вчені фольклористи завжди пам'ятають ашуга Леле сумісно з ашугом Сари. У статті досліджено життя і діяльність народного поета Леле, розглянуто прожитий їм історичний етап.

Ключові слова: Леле, ашуг Сари, баяти, дастан, народні романи

Kurbanov F. Period, the life and activities of Lele / F. Kurbanov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 358–363.

Lately researches and investigations prove that bayati poet by pen-name “Lala” lived and created by the time 40th years of XVI century till 30th years of XVII. Lala is older than Sari Ashug but younger than Masihi or latest time of Masihi’s life and Sari Ashig’s childhood go with Lala’s perfect life. Specialists in folk-lore involve in this sphere always remembrance Lala’s name together with Sari Ashug. In article the life and activity of people’s poet Lala is being investigated comprehensively.

Key words: Lala, Ashug Sari, bayati, dastan-epos, folk tales

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 821. 512. 162

ТЕМА СВОБОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ГУСЕЙНА ДЖАВИДА

Мамедова С.

*Институт литературы им. Низами Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Тема свободы была одной из основных объектов исследования романтизма. В данной статье отражаются размышления Азербайджанского поэта и драматурга Г. Джавида о свободе, а также романтическое и реальное описание им романтического пути ведущего к свободе. Помимо этого, в статье даны отрывки из произведений писателя создающих прекрасный синтез романтизма и реализма и освещены его идеи о романтической свободе.

Ключевые слова: Гусейн Джавид, романтизм, свобода, реализм

Постановка проблемы. Свобода – это желание людей быть независимо и сознательно управляемыми. Понятие «свобода» не должно восприниматься как анархия. В таких условиях общество не сможет существовать. Романтики, осознав жизненную необходимость свободы, не представляли без этого смысла жизни.

В противоположность философии свободы понятие любви и уважения в романтизме безграничны. Свобода превратилась в одну из первоначальных и вечных желаний романтизма и была его основным объектом исследования. Так как свобода, в первую очередь, свобода личности и его независимого существования в обществе, а это и есть основа общественно-политической свободы. Романтики же объединив 2 формы свободы, до последней капли крови боролись под лозунгом «полной свободы». Несмотря на то, что в азербайджанской литературе история романтизма восходит к 12 веку, идея свободного общества имеет более древние корни. Древние предки азербайджанцев огузы жили свободно в дастане «Книга моего Деда Коркута», созданном в 6-7 веках. Естественно, что в таком обществе придавали огромное значение свободе личности. Уважение, оказываемое огузским предводителям, было обоюдным. Поэтому при справедливом управлении не попираются права человека, даже не нарушались права женщин, они и как все имели свободу личности, слова и любви. Испокон веков огузские дети, будучи свободомыслящими, спустя некоторое время никак не могли привыкнуть к зависимости от кого-либо. Захват арабами Азербайджана, насильственное принятие людьми другой религии, окутывание женщин в черную чадру, одним словом, все это привело к уничтожению общественной и личной свободы. Затем персидский гнет, феодальное господство полностью подчинили себе людей. Азербайджанский поэт XII в Н. Гянджеви был одним из первых носителей таких идей как свобода человека и гуманизм. Поэт, воспевающий в своих произведениях общественную и личную свободу, гуманизм и создав в произведении «Искендер-Наме» «страну счастливых» отразил свои утопические мысли о свободе. Романтики, будучи несвободным телом, мысленно как свободные бабочки всегда погружались в романтическую бесконечность. В такую бесконеч-

ность, что здесь человечество всегда живет счастливо и гуманистическими идеями. Внимание, уделенное свободе личности, не может превзойти общественную свободу. Именно такого рода особенности могут рассматриваться как основные черты романтизма XX века. Особенно в азербайджанском романтизме художественное описание общественной свободы превосходит описание свободы личности. Здесь проблемы общественной свободы выдвигаются на передний план. Основными чертами творчества Гусейна Джавида такие понятия как свобода и общественная свобода являются. «Идея свободы, этап свободного и всестороннего развития внутренних сил человека в произведениях Г. Джавида тесно связаны между собой и постоянно развиваются по возрастающей» [6, 6]. В таких стихах как «Война и катастрофа», «Женщина», «В 30 лет» и другие написанных в начальном этапе его творчества уже наблюдаются ростки свободы. Такого рода стихотворением являются «Восточная женщина». Это стихотворение было передано устами восточной женщины. На глаза женщины, облаченной в «ржавые оковы», натянута завеса суеверия. Она заложница жестоких законов деспотизма и религии. Поэт, создав такой образ женщины, выдвигает проблему женской свободы на общественный уровень. Это – рабская участь не одной, а всех женщин. В ее облике женщина приобретает печальный художественный образ.

Если личность свободна, то значит и общество свободно. Несмотря на то, что свобода является действительным понятием, но в стихах представляется в романтическом аспекте. Так как в стихах Г. Джавида свобода воспринимается в абстрактном смысле, возникает вопрос: «женщина освободилась, порвав завесу окутывающей ее темноты, но каким образом?». Понятие свободы совмещает в себе государственную свободу, свободу мыслей, любви, религии, политическую свободу, свободу слова, свободу женщины, одним словом, личную и общественную свободу. Если личность свободна, то и общество свободно. Путь, ведущий к свободе для романтиков, был связан со временем их существования. Романтические размышления связаны с событиями, очевидцем которых был сам лично мастер. Размышления Г. Джавида о свободе также были тесно связаны со временем. Для того, чтобы заменить эту связь в его произведениях необходимо посмотреть на дату или исторические условия создания каждого стихотворения. Если в сборниках стихов «Былые времена», «Весенние росы», относящихся к начальному этапу его творчества сначала господствовали романтический пессимизм, общественные противоречия, абстракция, то постепенно мы видим переход пессимизма в боевой настрой, революционность.

После поэзии, выдающийся поэт пишет подряд две большие трагедии. Одна из этих трагедий, написанной в 1912 году под названием «Марал», посвящена жизни помещиков, семейным и бытовым отношениям. В ремарках первой сцены трагедии пишется, что события развиваются в одном из Кавказских городов. В произведении, кроме описания жизни кавказских тюрков, совершенно точно показаны отношения отставания и новшества к проблеме женской свободы. По сравнению с первой драмой в трагедии «Марал» Г. Джавид затронул наиболее важные проблемы, происходящие в обществе, отразил человеческие судьбы ставшие несчастными под воздействием общественной среды. Основными объектами критики в произведении являются законы, выдвинутые феодально – патриархальным обществом, отсталые обы-

чаи Востока, бесправие женщин. Вообще, женская тема была одной из основных трагических мотивов его творчества. В большинстве случаев, романтически описанная гордая, благородная женщина, будучи воплощением красоты и доброты, являлась эстетическим идеалом Г. Джавида [1, 2]. Законы шариата превратили женщину в рабыню, заставив ее облачиться в чадру темного мракобесия, чтобы «прикрыть» свою женственность, лишить ее всего. Героиня трагедии Марал – типичная представительница такого рода женщин. В произведении свобода личности, получая еще больший размах, приобретает общественный оттенок. Образ Гази же является обобщенным образом негодного муллы, который под флагом ислама искажает шариат в своих целях.

Люди напуганы страхом ада, так как именно мулла написанным в Коране мысли доводит до народа в совершенно искаженном виде. Турхан бек же использует законы шариата для укрепления своего господствующего положения, а также для прикрытия своих подлых поступков. Однако драматург в противовес людям с консервативными взглядами, которые были врагами бесправия женщин и свободы женщин в гнилом обществе управляемом Турхан беком, создает образ независимой девушки – Хумай. Она не покрыта чадрой, она свободна. Но это не дает ей возможность быть полностью свободной. Так как и она когда то частично прожив жизнь Марал, и отдаляясь от горькой судьбы вступает в новый и полный любви мир. Непокрытость Хумай не оставила равнодушными окружающую ее отсталую среду. Грязные когти ветхих обычаев уже протянулись к небольшой свободе Хумай. Однако наш писатель не настроен пессимистически. Его романтические желания о свободе претворяются в жизнь:

Турхан бек – «Неужели во всем городе кроме Хумай не нашлось невест?»

Надир бек – «Спустя некоторое время вы будете видеть девушек подобных Хумай. Я не вижу ничего постыдного в том, что благовоспитанные женщины ходят непокрытыми [5, 141-142]. Из диалога становится ясным, что писатель, затрагивая проблему женской свободы, имеет в виду сознательное претворение в жизнь новшеств, требуемых, современным обществом именно благовоспитанными женщинами. Писатель создал образы Надир бека и Джалиля, которые являются представителями нового поколения и живут мечтой изменить существующий общественный строй, но, не достигнув желаемого, выступают против мира ярых противников женской свободы – Турхан бека и газиев. Но, несмотря на это, эти два образа созданы для того, чтобы любить и быть любимыми и остаются романтическими героями, влюбленными в жизнь и человечество. Джалиль бек в своей любви также романтик-утопист. Он подобно Шейх Сенану желает укрыться в неведомом и далеком от человеческого общества месте и жить со своей возлюбленной беззаботно. Для того, чтобы свободно жить он предпочитает отдаляться от человеческого общества: «Ах, Хумай, мой прекрасный ангел, приди в мои объятия как фея любви... Вместе улетим. Пусть дума отдалиться от брэнного тела, улетим рука об руку, губа к губе, улетим, освободились из темницы, бедствий. Улетим в необъятное пространство» [5, 136]. Джалиль из-за своих новаторских мыслей превратился в объект критики общества. Но он далек от реальной жизни. Несмотря на это, Джалиль является обобщенным образом молодежи с новаторскими идеями и вышедшими из помещичьего

общества. Образы Турхан бека и Джалиля противопоставляются. Турхан бек является сторонником старых правил и законов, а Джалиль – сторонником новшеств. Именно Турхан бек является виновником трагической концовки произведения. Несмотря на то, что он является представителем пожилого поколения, благодаря своему богатству женился на Марал, которая намного младше него. После этого он превратил жизнь Марал в кромешную тьму и от всего её отдалил, а теперь он, вмешавшись в жизнь своего сына, Джалиля разрушает его мечты о свободе, мире любви и намерен насильственно подчинить его консервативным обычаям. Свою волчью натуру он маскирует законами шариата, поддерживаемого феодально– помещичьим обществом. Помимо этого, образ Турхан бека, будучи представителем консервативных классов отражает в себе еще одну непристойную черту данного класса – страсть к деньгам. Несмотря на то, что в его представлении в жизни деньгами можно всего добиться, но ему так и не удается завоевать сердце Марал. В результате юная девушка превращается в невинную жертву безжалостной мести Турхан бека. Но Турхан бек так и не осознает основной сущности женской свободы. Гусейн Джавид этим хотел объяснить подобным Турхан беку людям, что если благовоспитанная девушка в свободном обществе влюбиться по собственному желанию никогда не допустит даже мысли об измене. Однако главной причиной морального уничтожения Марал является несовместимость её желаний с законами общества, а неподчиняющихся законам общества уничтожают в том же обществе. В романе Льва Толстого «Анна Каренина» героиня не подчиняясь законам общества и не видя своего будущего покончила жизнь самоубийством. В трагедии «Марал» ирония, метающаяся между честью, обычаями и свободой любви, стараясь обойти строгие законы общества, стала жертвой окружающей ее среды. Именно само общество должно бороться с общественными законами, превратившиеся в оковы. Своей драмой «Марал», Г. Джавид поддерживал борьбу, которая велась во имя женской свободы. Борьба за свободу женщины во время господства реакционных духовных миф, фанатизма невежественного народа и властвования зажиточных классов требовала от каждого огромной отваги. В произведении Г. Джавида «Сатана» затрагиваются более глобальные проблемы. Теперь людей ожидают наиболее крупные трагедии и страшный гнёт. Это – оккупационные войны начатые империалистическими грабителями, готовыми выпить кровь тысяч людей с целью увеличить свой капитал. По этой причине. В литературе появилась новая, военная тематика. В поэзии, драматургии и прозе широко распространялись новые тематики- «военные тематики». Создавались военно – утопические романы, колонизаторская поэзия, гимны и марши [2, 148]. Писатель выступил с трагедией «Сатана» против колонизаторского гнета. Сатана, нашедший возможность поселиться в душах людей обрушился на все человечество. Человечество заразилась неизлечимой болезнью наживы. Перо Г. Джавида отражало человеческие проблемы. Сатана и страсть к наживе поразили как ракова опухоль дух человека. В центре трагедии стояли не войско и классы, а люди со своим моральным миром и психологией» [2, 148]. Бушевали империалистические войны. Исторические условия создания знаменитого произведения «Сатана» совпадают с началом I мировой войны. Свободнее общество, возвышение, желание прожить вдали от людей отражены на примере образа Арифа встречаются теперь уже

не в концовке, а в начале произведения. Ариф является гуманным, романтичным молодым парнем. Оккупационные войны, жестокость людей, преступление и предательство совершенно озадачили Арифа. Спасение человечества он видит в божьей мудрости». Ариф подобно другим героям Г. Джавида- Сенану, Джелалю, верит в свое слияние со свободным миром. Однако, живущий человеческими чувствами Ариф, подчинившись Сатане и превратившись в убийцу своей жены и брата, а также став падким на золото и богатство, не только не смог воссоединиться с желаемым миром, но и стал низким. В романтическом понимании для того, чтобы возвыситься человек должен освободиться от диких целей и нечеловеческих созданий. К сожалению, Ариф, живший большими идеями не смог стать выше простого человека и в конце влачил жалкое существование. По сравнению с начальными произведениями Г. Джавида в произведениях, написанных в новом периоде его творчества, затронуты более реальные проблемы. Если в таких произведениях как «Обрыв», «Шейх Сенан», «Сатана» писатель искал свободу в бесконечностях вдали от человеческого общества, романтических местах, то теперь он верит, что найдет ее в объятиях революции. Октябрьская революция поразив мир мечтаний писателя, положила конец его сомнениям. Теперь он призывает каждого быть стойкими и бороться: «Права не отдают, а завоевывают!» музыка свободы настраивается на реальных нотах. Родина и ее свобода стоят превыше всего. Писатель приходит к такому выводу, что несчастные всей планеты разделяют одну участь. Пока существуют кровопийцы, которых кроме своей выгоды ничего не интересует угнетенные останутся несчастными. Их спасение лишь в единстве трудящихся мира. Вообще, романтики говоря о Родине и свободе учитывают как место, к которому они принадлежат, так и вселенную в глобальном масштабе. Романтиков тревожила судьба не одного, а всех народов. В творчестве Г. Джавида понятие свободы, Родины, человечества были объединены. Где нет свободы, не может идти и речи о свободе человечества, о свободе слова, совести, также о свободе общества. Философия Г. Джавида сложна и противоречива. Если на поле боя он выступает как реалист, то говоря о мире и любви перед нами предстает как романтик. Если даже поиски свободы писателя выйдя своего русла направляются к реализму, этой реализм без помощи романтизма не сможет претворить в жизнь идеи свободного общества. Вдающийся русский литератор И. И. Шуринов пишет что, если даже романтика видеть общественные проблемы, они затрудняются точно их решить [9, 34].

Литература:

1. Караев И. Г. Джавид: Г. Джавид-80 / Караев И. // Азербайджан, 1962. – №12. – С. 144-145.
2. Караев И. Авторы романтических трагедий / Караев И. // Литература и искусство, 1963, 26 января.
3. Алиев К. Пoesия и личность Г. Джавида / Алиев К. – Баку: Писатель, 1997. -87 с.
4. Джавид Г. Избранные произведения: в 5 томах. – Т. I / Джавид Г. – Баку: Лидер, 2005. – 256 с.
5. Джавид Г. Избранные произведения: в 2-х томах. – Т. II / Джавид Г. -Баку: Писатель, 1982. – 394 с.
6. Гусейнзаде Л. Мемуары / Гусейнзаде Л. // Два Востока, 1963, 2 март.
7. Джафар М. Гусейн Джавид / Джафар М. – Баку: Азернешр, 1960. – 262 с.
8. Ванслов В. В. Эстетика романтизма / Ванслов В. В. – Москва: Искусство, 1966. – 450 с.
9. Романтизм в русской и зарубежной литературе. – Казань: Казан Ун-т. – 177 с.

Мамедова С. Х. Тема свободи у творчості Гусейна Джавіда / С. Х. Мамедова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 364–369.

Тема свободи була однією з основних об'єктів дослідження романтизму. У даній статті відображаються роздуми Азербайджанського поета і драматурга Г. Джавіда про свободу, а також надається романтичний і реальний опис його романтичного шляху, який веде до свободи. Крім цього, у статті надаються уривки з творів письменника створюють прекрасний синтез романтизму і реалізму, освітлені ідеї автора про романтичну свободу.

Ключові слова: Гусейн Джавід, романтизм, свобода, реалізм

Mamedova S. Kh. Theme of freedom in the work of Hussein Javid / S. Kh. Mamedova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 364–369.

Theme of freedom was one of the main objects of the study of Romanticism. This article reflects the opinions of Azeri poet and play write H. Javid, about freedom. Beside this there are passages about poets work which creates synthesis between realism and romanticism and also his ideas about romantic freedom.

Key words: Hussein Javid, romanticism, freedom, realism

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 82. 091+ 82. 1

Ш. Т. ГЮЛЬШЕНИ И ХАЛВЕТИЙЕ

Сулейманова М.

*Бакинский государственный университет
E-mail: melek.suleymanova@yahoo.com*

Благодаря своим прогрессивным и гуманистическим мыслям, Гюльшени занял достойное место в истории азербайджанской литературы. Для того, чтобы правильно оценить и проанализировать главную цель деятельности Гюльшени необходимо обратить особое внимание на тот факт, что он известен как один из выдающихся шейхов течения Халветийе. Вся его деятельность, опираясь на религиозно-мистические идеи, глубоко познает и пропагандирует логику мистицизма в течении Халватийе и является блистательным источником науки и разума. Он поэт олицетворяющий любовь. В этой статье поэзия Гюльшени была исследована именно с этой точки зрения.

Ключевые слова: Ш. И. Гюльшени, Азербайджанская поэзия, мистицизм, Халветийе, художественное выражение

Постановка проблемы. Один из видных представителей азербайджанской поэзии XV века Ш. И. Гюльшени, ставший связующим звеном между эпохами таких феноменов, как Насими и Физули, считающийся в истории философской мысли наследником Насими, своими прогрессивными, гуманистическими идеями, характеризующими мусульманскую культуру, занял достойное место в истории азербайджанской литературы. Творчество Гюльшени, сформировавшееся в результате освоения лучших традиций образцов классической азербайджанской поэзии, является незаменимым источником изучения сокровищницы национальной культуры. Сведения о дате рождения Гюльшени противоречивы. В разных источниках отмечается, что он родился в 1423 году в Амиде – Диярбекире [2, 394]. или в 1426 году в Барде [3, 6]. Наиболее полным источником сведений о жизни поэта является произведение, написанное халифом его сына Ахмеда Хаяли – Мухйи Гюльшени «Манагаби – Ибрахим Гюльшени». Гюльшени, прибывший в юные годы в Тебриз, стал учеником поэта-философа, основоположника ордена отшельничества (халва), халифа Сеида Яхьи Бакуви – Деде Омара Ровшана (в конце всех его стихотворений он упоминает имя своего учителя). Из различных источников известно, что Омар Ровшани за несколько дней до своей кончины объявил Гюльшени халифом. Гюльшени своими философскими взглядами, умом и способностями снискал внимание, уважение и почет таких известных правителей, как Узун Гасан, Гусейн Байгара, Султан Селим, Султан Сулейман. Мухйи Гюльшени в своем произведении указывает, что И. Гюльшени умер в Египте в 944/1534 году в возрасте 114 лет [4, 160]. Для того чтобы верно оценить основную цель творчества Гюльшени и анализировать его взгляды, необходимо уделить особое внимание факту признания его одним из известных шейхов ордена отшельничества. После появления исламской религии среди му-

сульман для понимания сути ислама, жизни в соответствии с его канонами, нахождения пути к истине появилось одно средство – мистицизм. Мистицизм является наукой, которая для достижения истины и вечного счастья, очищая помыслы и воспитывая нравственность, сближая духовное и физическое начала, ярко иллюстрирует Ислам. Как изрек наш Пророк: «Я ниспослан для совершенствования процесса высокой нравственности». Для достижения цели мистицизма – высокой ступени нравственности необходимо стремиться стать истинным наследником (последователем) пророка Мухаммеда. Классики характеризовали мистицизм следующим образом:

Мистицизм – это путь внутри себя,

Не обижаясь на народную молву,

Мистицизм означает не сворачивать с пути истины.

Мистицизм означает не обижать другого [5, 161].

В начале мистицизмом называют телесное здоровье

В завершении мистицизм называют султаном на престоле души [2, 471].

Мистицизм означает постижение могущества истины путем созерцания и самопожертвования, смерть раньше смерти телесной, жизнь души после смерти. Этот трудный и почетный путь – путь и направление приобщения к Аллаху – называется орденом. В одном из хадисов есть слова: «Количество путей к Аллаху столько же, сколько людских дыханий» [6, 149]. Аллах создал людей с разными характерами и разными способностями. Многообразие различных суфийских орденов обусловлено разнообразием человеческих характеров. Эти учения, появившись в обществе, стремились играть важную роль в общественной, политической, экономической жизни государств, объединять людей на единственно верном пути – пути Корана. Создатели учений не ставили перед собой цели создания орденов. Это были люди, завоевавшие большое уважение верующих. Те, кто собирался вокруг них, слушая их беседы, принимали наставления, стремились совершать их поступки, разделять мысли, и таким образом появлялись течения (общества), связанные с их именем. Суфийские ордена в начале создавались одним человеком, впоследствии в это учение вносились изменения многочисленными мистиками, что способствовало появлению разнообразных орденов [7, 113]. В истории мистицизма были созданы такие ордена, как Рифахийя, Шухравердийя, Акберийя, Бедувийя, Мовлевийя, Бекташийя, Ровшеныйя, Халватийя (Отшельничество), Гюльшенийя, Нагшбендийя и др. Многие из них были созданы в Азербайджане и получили здесь широкое распространение.

В основе различных теорий, вероучений, направленных на духовное развитие, лежит внутренняя идея борьбы за веру. Даже если они в большей или меньшей степени отличаются друг от друга по внешним признакам, принципам и постулатам, у всех из них есть общая особенность – освещать какую-либо из сторон Высшей Истины. Несмотря на появление орденов в разные времена, в различных общественно-экономических условиях, выражение ими идеологии различных слоев общества, общая терминология, выработанная ими, длительное время использовалась в литературе Ближнего Востока. Эта терминология, символические выражения были ключом к пониманию мистических знаний. В целом, литература суфийских орденов является миром тайн, состоящим из символов философской поэзии. Тонкости эзоте-

рической поэзии, скрытые в содержании, действительные их значения возможно понять лишь путем духовно-религиозного развития. Создатель такой эзотерической поэзии глубокого философского содержания Ш. И. Гюльшени был продолжателем ордена Халветийе, однако затем сформировалось направление этого учения, названное по его имени – Гюльшени. Это учение корнями уходит в древние времена. Известно, что Пророк до своего пророчества в месяц Рамазан уединился в пещере на горе Хира для совершения ночных молитв Аллаху. Муса («Еще раз напоминаем, что мы дали Мусе обещание в 40 ночей (для принятия послания Аллаха на горе Тур)» [Багара, 51], «С Мусой договорились на 30 ночей, затем прибавили к ним еще 10 ночей. Таким образом, срок, определенный Аллахом, стал 40 ночей...» [Araf, 142], Как Закария, Яхья, Иса и Марьям уединились для совершения молитв Аллаху, так и Мухаммед, которому было повелено идти их путем, уединился для совершения молитв Аллаху [7, 58].

Отшельничество отражает в себе попытки уподобления себя поведению пророков, особенно пророка Мухаммеда [8, 367]. В целом, исламский мистицизм появился в результате принятия особенностей поведения пророка Мухаммеда и его приближенных и систематизации их действий. Источником мистицизма является воздействие Корана и жизнь, прожитая пророком Мухаммедом.

До сих пор остается спорным вопрос о времени создания учения об отшельничестве и его создателе. Неизвестно, кто именно заложил основы этого учения. Эта мистическая школа, ставящая в центре внимания индивидуальный аскетизм (Зухд) и направленная на отшельничество (Халва), в начале была создана в Ширване, среди жителей Гарагоюнлу, в Анатолии, затем в период успешных походов турков в Египте (связано с именем Гюльшени), Сирии, Йемене [9, 70]. История учения отшельничества подробно освещена в исследовании М. Рихтима «Сейид Яхья Бакуви и отшельничество».

Отшельничество, как это предлагал Пророк всем верующим и как делал это сам, означает уединение в течение одного месяца хотя бы раз в год в месте, где нет никого, подчинять себя Истине, очищать свою зеркальную душу до блеска от мирской грязи и окунаться в божественные лучи, исходящие от всевышнего, для духовного и телесного очищения, и ощущая себя гостем в духовном мире Пророка, для исполнения своих намерений, направленных всевышнему – абсолютному властелину вселенной и ниспославшему все блага душам на земле и которому адресованы все молитвы, которых совершая молитвы денно и ночью и удовлетворяясь скромной жизнью соблюдать постные дни (орудж) [10, 129]. Отшельничество означает уединение, одиночество. Это состояние, которое может стать результатом соблюдения поста и очищения помыслов. Уход в отшельничество означает уединение в течение 40 дней и 40 ночей для соблюдения поста и очищения помыслов, отказ от разнообразной еды, сна и мирских удовольствий, совершение молитв, упоминанием имен Аллаха доказательство своей любви к Всевышнему. То есть в это время человек становится хозяином своих помыслов, дисциплинирует свое поведение, очищается духовно и приближается к Аллаху. В этом ордене мюрид для воссоединения с Аллахом последовательно проходит в своем странствовании 7 путей: 1) нафси-аммара (животный помысел); 2) нафси-лаввама (помысел самоосуждения – жалости

к себе); 3) нафси-мулхамма (помысел пожелания себе лучших благ); 4. Нафси-мутмаинна (помысел удовлетворенного желания); 5. Нафси-разийа (помысел согласия с предопределением Аллаха); 6. Нафси марзийа (помысел, принимаемый Аллахом); 7. Нафси камиля (помысел полного завершения).

В отшельничество принято входить в 20-й день месяца шабан после второго намаза... В течение месяца Рамазан по нечетным дням в последние десять дней (21, 23, 25, 27, 29) больше времени уделяется свершению ихья, в первый день месяца шаввал после вечернего намаза совершается благодарственный намаз, после завершения которого можно выйти из отшельничества. Мутасаввифы в качестве довода для совершения отшельничества приводят следующую суру из Корана: «Упомяни имя Аллаха и (отказавшись от всего) следуй к Нему» (Аль-Музаммил, 8) Итак, отшельничество означает очищение души от всего чужого, ...возлюбленную поставить на самое укромное (халва) место души, даже в сложное время почитать единство и направиться к истине [2, 186].

Человеку, совершающему молитвы, раскрываются определенные знания. Есть своя логика в том, что этот период должен длиться 40 дней. Велика возможность связи этого с хадисом, согласно которому «Аллах на сороковой день после сотворения человека вдохнул в него из своего духа». Раб, держа путь к Аллаху, срывает каждый день со своей души одно покрывало, снимая каждое покрывало, раб все более приближается к дворцу Аллаха, являющемуся источником всех наук. В конце сорокового дня душу, с которой спадают все покрывала, открывается для знаний, просвещения и познания.

Все творчество продолжателя ордена отшельничества Гюльшени основывается на религиозно-мистических идеях. Эти идеи являются не только источником тем, но и основой формы выражения. «Просвещенным является тот, кто, совершая отшельничество, стал аскетом» [3, 38] – говорит поэт, соединивший истинное просвещение с волшебной силой художественного слова, создавший прекрасные образцы философской мысли. В целом, «... для того, чтобы понимать и знать цель отшельников, их размышления, связанные с человеком и обществом, мы должны опираться на творчество Гюльшени» [5, 26]. Его творческое наследие является подтверждением того, что преобладающим в отшельничестве является любовь к человеку, служение высоким идеям.

Втайне возжелав красавицу, похожую на цветок
Став друзьями выпьем вместе – ты да я
Душа моя тайно возжелав любви, сказала
Приди ко мне, красавица моя, будем ты да я [3, 267].

Гюльшени верит в то, что отшельник, уходящий в отшельничество с целью приобщения к Аллаху, выпьет до конца эту чашу. Эта вера создает взаимосвязь и единство между материальным миром и религиозным, духовным миром. Только отдаленный от воспоминаний и иного, материального мира может приобщиться к Аллаху.

Любовь земную познал тот,
кто оказался в уединении (халве) один,
Адам – это тот, кто полюбил образ?

оставаясь в уединении (халве) [3, 109].

По мнению поэта, уединение – близость души к Аллаху. Эта близость, в минуту прозрения и общения с Аллахом, происходит в уединении в форме экстаза. Уединение без мыслительной деятельности не может быть полезным для человека. Источником чистого света, тайн истины для раба является само уединение. Понятия времени и места в мистицизме носят абстрактный характер. Вечный и постоянный путь к Аллаху является непостижимым для ума направлением без времени и места. Истина, которую хочет познать человек, находится в нем самом. Местом же является его душа.

Я не ведал времени и пространства,
Когда уединяясь возвышался,
Когда говорил о возвышении в уединении (халве)
Забывал молитвы из-за любви [3, 157].

Поэт отмечает, что путь человека к себе проходит через божественный путь без времени и места. Он может найти свою истину, будучи в единстве с Аллахом, удалившись от человечества. Человек должен возвыситься от понимания себя до понимания Аллаха.

Человек, совершенствующийся с любовью, является единственным существом, стоящим на конце божественного пути. Это проливает свет на то, что он является самым совершенным проявлением Аллаха с его божественными чертами в материальном мире, в то же время показывает, что человек может посредством своего иррационального мышления вернуться к своему началу [11, 162]. Значит, человек путем уединения и приобщения к Аллаху проходит уровни, этапы самопознания.

Достоинство, жилище и все блага достигаются через любовь
Внутренний облик раскрывает свои тайны через аят [3, 129].

Выводы и перспектива. Как видно из наследия Гюльшени, его творчество отличается глубоким художественно-философским содержанием. Соединение в его произведениях тончайших изобразительных красок с глубокими научно-философскими основами приносят двойное удовольствие читателям, заставляют их размышлять, обогащают их разум и чувства. Находки поэта, к которым он пришел в результате научно-философских поисков, способствуют духовно-эстетическому воспитанию общества.

Творчество Гюльшени, раскрывающее и пропагандирующее логику мистического познания божественного в ордене отшельничества, является ценнейшим научным источником. Он является поэтом, ставящим превыше всего единство разума и любви в познании человеком действительности, в создании выдающихся произведений искусства.

Литература:

1. Коран.
2. Эрайдын С. Мистицизм и ордена / Эрайдын С. – Стамбул, 2004. – 516 с. (на турецком яз.)
3. Гюльшени Шейх Ибрагим Бердеи. Диван / Гюльшени Шейх Ибрагим Бердеи. – Баку: Евразия Пресс, 2006. – 412с. (на азерб. яз.)
4. Мехмет Рихтим. Сейид Яхья Бакуви и отшельничество / Мехмет Рихтим. – Баку: Гисмет, 2005. – 251с. (на азерб. яз.).

5. Мусаева А. Деде Омер Ровшани. Исследования рукописей. Т. 1 / Мусаева А. – Баку: Нурлан, 2003. – 475 с. (на азерб. яз).
6. Омюр Джейлан. Комментарии к стихотворениям мистицизма / Омюр Джейлан. – Стамбул, 2007 (на азерб. яз.).
7. Сулейман А. Исламский мистицизм / Сулейман А. – Стамбул: изд-во «Новые горизонты», 2004 (на турецком яз.).
8. Книш А. Д. Мусульманский мистицизм / Книш А. Д. – Москва, 2004.
9. Тримингем Дж. Суфийские ордены в исламе / Тримингем Дж. – Москва, 1989. – 328 с.
10. Рамиз Фасех. Мистические источники в поэзии Физули / Рамиз Фасех. – Баку: Елм, 2000 (на азерб. яз).
11. Буниатзаде К. Восток и Запад: самопознание через божественное единство / Буниатзаде К. – Баку: Нурлан, 2006. – 241 с. (на азерб. яз).

Сулейманова М. В. Ш. Т. Гюльшени і Халветіє / М. В. Сулейманова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 370–375.

Завдяки своїм прогресивним і гуманістичним думкам, Гюльшени зайняв гідне місце в історії азербайджанської літератури. Для того, щоб правильно оцінити і проаналізувати головну мету діяльності Гюльшени потрібно звернути особливу увагу на той факт, що він відомий як один з видатних шейхів течії Халветіє. Вся його діяльність, спираючись на релігійно-містичні ідеї, глибоко пізнає і пропагандує логіку містицизму в плинні Халватіє і є блискучим джерелом науки і розуму. Він поет, який втілює любов. У цій статті поезія Гюльшени була досліджена саме з цієї точки зору.

Ключові слова: Ш. Т. Гюльшени, Азербайджанська поезія, містицизм, Халветіє, художнє вираження

Suleymanova M. V. SH. I. Gulshani and Halvetiye (covertness) / M. V. Suleymanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 370–375.

Halvetiye (covertness) had great influence since XV century in the fields of literary, philosophical, social and political areas and was greatly spread in Muslim world. In this article the literature and philosophical, historical and social poetry of the caliph of Gulshani branch of the covertness sect of Gulshani XV century has been investigated. Gulshani's creative work propagating notion logic in covertness sect has been appreciated as great and intellectual source.

Keywords: Gulshani, poetry, mysticism, good breeding, art expression.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 1

ДРЕВНИЕ ТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ ДРЕВНЕГО ТЮРКСКОГО ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА К ТЮРКСКОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Алиев Я.

Гянджинский государственный университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com

В статье исследуется переходный период от древнего тюркского письменного языка к тюркскому литературному языку средневековья. Для проведения анализа привлекаются древнетюркские памятники, такие как «Дивани-лугатит-турк» Махмуда Кашгари, Орхоно-Енисейские памятники и т. д. Автор на основе лингвистических фактов, выявляет этносоциологическую активность тюркских племен в формировании тюркского литературного языка.

Ключевые слова: тюркские языки, литературный язык, памятник

Постановка проблемы. Вариативность, наблюдаемая, как и в речи тюркских рунических письмен, и в тюркском литературном языке средневековья, представляет собой явление, порожденное в языке не концентрированной ассоциативностью племен, а наоборот, периодом размежевания диалектных субъектов, формирования в виде самостоятельных литературных тюркских языков и соответствующим историко-общественным процессом. Это потому, что в отличие от периодического участия эпизодическими фактами всех диалектных вариантов одного лингвистического элемента в языке-предшественнике, в тюркских письменных памятниках средневековья, например, представлены и огузский (-*i*, -*i*), и кыпчакский (согласное окончание -*ni*, -*ni* в словах), и уйгурский (-*q*, -*iq*, -*iq*) признаки морфема винительного падежа: *kişini* (человека), *anı* (его) (огузский), *keyikni* (оленья), *sawınnı* (слова) (кыпчакский), *taşığ* (слова) (уйгурский). Особо интересен тот момент, что параллели, присущие субъектам локальных языков, являются не столь сильным моментом, как факт единого литературного языка (по крайней мере, как в тюркских рунических письменах).

В работе М. Кашгари «Словарь тюркских наречий», исключая отдельные факты, огузский вариант местоимения единственного числа первого лица *ben* (я), можно сказать, не наблюдаются. Наоборот, кыпчакско-уйгурский вариант *men* (я) – используемая деталь. Или возьмем использование всех 3 вариантов винительного падежа. В тюркских рунических письменах среди деталей подобного типа прошла нормированно-стилистическая дифференцированность (например: морфема винительного падежа кыпчакского происхождения -*m* использовалась только во множественном числе личных местоимений – *meniğ* (меня), *seniğ* (тебя), *bizni* (нас), *sizni* (вас) и баланс находился на уровне, свойственном единому литературному языку. Однако в источниках, относящихся к средневековью, (преимущественно в диванах)

они не находятся в присущем единому письменному языку параллельном статусе. Подобное же заключение остается в силе и относительно параллельности на уровне лексического языка. Так, параллелизм диалект-племя в рунических письменах становился причиной и изменений в нормативной лексике, и между ними происходила стилизация (например, первая сторона синонимии *topla-teril* (собирать) осмысливается неодушевленными предметами, вторая же – в качестве действия, процесса, связанного с людьми). Хотя если в «Словаре» М. Кашгари параллелизация и присутствует, оно не является материалом единого письменного языка. М. Кашгари пишет: *Eyle* (сделай) на –огузском; *andağ* на чигильском языке. *Etti* (сделал) на огузском; *kıldı* – говорят другие тюрки [3, т. 1, 113, 118, 171]. и др. Не случайно, что М. Кашгари, повествуя о подобных лингвистических явлениях, определяет ограничение ареала использования каждого огузской, кыпчакской, или карлукской, уйгурской средой – «вещи синего цвета тюрки называют *köpkök*, огузы – *kömkök*» [3, т. 1. стр. 328]. и пр.

Явления норм, присущих тюркским руническим письменам, в языке тюркского литературного языка средних веков не просто повторяются, но и подвергаются развитию и деформации. Прежде всего, этого требуют закономерности развития языка, логика самого языка. То есть, как нормы азербайджанского языка XVII века не идентичны лексическим и другим лингвистическим нормам XVIII или XIX веков, так же отличаются друг от друга и наддиалектная речь тюркских рунических письмен и нормы, стилистические компоненты тюркских литературных языков средних веков. Кроме того, поскольку тюркские литературные языки средних веков остались в окружении различных событий последующих периодов, историко-общественных условий, не исключается эффект экстралингвистического воздействия на развитие древних норм. Например, глагол *uç-* на лексическом лингвистическом уровне тюркских рунических письмен передает значение «умереть». *Kültiqin kou yulka yiti yeqirmike uçu* (Памятник во славу Культигина, Юго-Восточная сторона, перевод: Культигин скончался в семнадцатого // в семнадцатый день года Овцы [4]) и с этим семантическим ядром пересылается в письменную тюркскую литературную речь средних веков. Однако семантика, подвергнувшись деформации, под влиянием религиозного мышления, адаптируется к новому мировоззрению. Поэтому, в языке тюркских письменных памятников того времени глагол *uçmaq* означает (рай) в «Словаре тюркских наречий»: *uçmak yeri körildi* (перевод: место рая видно [3, т. 1, 119]). «В Деде Коркуте»: *Baban yeri uçmaq olsun* «Да будет место отца твоего в раю» [1, 51]. Следовательно, под влиянием внеязыкового фактора в лексико-семантической норме идет развитие. Подобное развитие может произойти и при отсутствии экстралингвистического воздействия. И с точки зрения процесса развития от предыдущего отличается не особо. Слово *oğuş* в тюркских рунических письменах означает племя. *Oğuşım, bodunım* (Памятник во славу Культигина, Южная сторона, I линия. Перевод: “племя мое, народ мой” [4]) в письменной речи средних веков же, семантика, сузившись, указывает значение «семья». В «Словаре тюркских наречий»: *Er oğuşlandı* (перевод: человек стал обладателем семьи [3, т. 1, 293]).

В образцах тюркского литературного языка средних веков порой можно встретить вариантность (смешанность норм) элементов лексического лингвистического

языка. В языке текстов произведения М. Кашгари «Словарь тюркских наречий», написанных на тюркском языке, используются признаки *din*, *-tan*, свойственные исходному падежу. Первый из них обладает статусом нормы древнего уйгурского языка, другой же, являясь признаком не диалектным, данный статус не носит, то есть нов. Признаком *-din* личные местоимения пользуются при выражении функции исходного падежа; в исходном падеже принимает только этот морфем: *Ol mendin utandı (mending; Он постеснялся меня [3, т 1, 199])* в остальных же случаях используется *-tan*: – *Ol edqünü yawlaktan edhirdi (yawlaktan; Перевод: «Он отделил хорошее от плохого» [3, т. 1, 177])* в произведении М. Кашгари «Словарь тюркских наречий» представлены как лингвистические нормы нового периода, так и оберегаются на определенном уровне нормы древнего тюркского рунического письма. В общем, в «Словаре» много моментов, повествующих о нормах лингвистических явлений, присущих отдельным локальным тюркским языкам (огузского, кыпчакского, уйгур-карлукского происхождения).

В лингвистической картине другого памятника, относящегося к средневековому периоду – «Подарка истин» Ахмада Югнаки – положение дел несколько иное. Поскольку здесь новая норма не организована, старая норма как количественно, так и по частоте использования в ряде сфер (особенно в грамматическом ярусе) преобладает. Однако это отношение на фонетическом и лексическом уровнях языка может различаться; наблюдается и лингвистическая связь тюркских рунических письмен – наличие звуковых соединений *-ğa*, *-qe* (или в качестве примера, слово *bodun*), и не используется *-ğa*, *-qe* (встречаются слова *xalk*, *xalayik* в соответствующей форме) *Küç əmqək təgürmə kişikə kalı (əmqək; перевод: «Не доставляй трудностей другому» [2, т. 25, 44])* *Ayayın mən anı, kulak tut manqa (kulak; Вместо kulkak в Памятнике во славу Культигина. Перевод: Дай мне ухо, скажу тебе я это [2, т. 23, 42])*.

Нормативно-стилистическое равновесие рунических письмен, которые мы полагаем интенсивным лингвистическим качеством, наблюдается и в тюркском литературном языке средневековья. Если в рунических письменах это явление происходило в контексте диалектизма и литературности, в литературном языке средних веков демонстрирует отличающуюся парадигму. Поскольку проблема диалектного и не являющегося диалектным языка, в отличие от отображения древней тюркской литературной речи, для письменной речи последующих периодов не является актуальной. Оно уже диктует новое направление – вопросы наследования между двумя литературными языками (древним литературным тюркским языком и литературными тюркскими языками средних веков). То есть, для средних веков становятся более актуальными отношения между уже ставшей литературным, и породившим его языками, а это может вызвать интерес по ряду причин. Во-первых, культурно-исторические условия, являясь регулирующим фактором в лингвистических процессах, подвергаются изменениям, то есть возникает социальный базис, на который опирается тюркский литературный язык средневековья. Этот фундамент отличается от базиса, породившего древнюю тюркскую речь. То есть, у среды, опирающейся на консолидацию тюркских этносов, и не только консолидацию, но и единую административно-этническую концентрацию, существуют свои закономерности. И лингвистические процессы, диктуемые этой закономерностью (или же находящиеся под

его воздействием), по своей сути должны были отличаться от прежних (и последующих) лингвистических процессов. В тюркских рунических письменах винительная форма категории грамматического падежа представляется несколькими морфологическими признаками. В каждом из вариантов заключается различное племенное происхождение (кыпчакское, огузское, уйгурское). Из них только одно – уйгурское диалектное свойство (с аффиксами *-q*, *-iġ*, *-iq*) – демонстрирует интенсивную частоту пользования. Остальные, наряду с низкой частотой использования, прикреплены к постоянной ситуации. Согласные окончания, воспринимаемые нами в качестве кыпчакского диалектного свойства, добавляемые к словам морфемов винительного падежа *-ni*, *-ni*, в языке памятников, как правило, используются в местоимениях множественного числа первого и второго лица (*bizni*, *sizni*). Другими словами, один из вариантов превращается в норму, другой, увязываясь со стилистическими моментами, продолжает свое существование. Момент, в котором есть подобное нормативно-стилистическое равновесие, представляет собой факт работы над языком, следовательно, является показателем литературности. Формирование тюркских литературных языков средневековья (в качестве наследника литературного языка тюркских рунических письмен) опирается на дифференциацию в виде самостоятельных тюркских языков различных интегрированных диалектных субъектов. В X веке создается империя Илекханидов (или Караханидов), основывающаяся на союзе карлуков и частично уйгуров, а осевшие в нижнем течении Амударьи огузы-туркмены, двигаясь в X-XI веках на юг, подчинили себе всю, впоследствии, мусульманскую Азию, Хорезм, нижнее течение Сырдарьи. В XI веке кыпчакский союз, двинувшись от берегов Иртыша на запад, овладевает обширной территорией, называемой в арабских источниках (начиная в XI веке Нарисом Хосровом). Кыпчакской степью (охватывал юго-запад современного Казахстана, нижнее течение рек Волга и Дон, крымские степи). Таким образом, средние века характеризуются локализацией – формируются локальные тюркские литературные языки. Также, появляется органическая связь между историческими условиями и лингвистическими процессами. Диалектные субъекты наддиалектной речи Орхон-Енисейских памятников дифференцируются в самостоятельные тюркские языки. При этом и воздействия только сформировавшихся исторических условий диктуются в язык, и старое некоторое время может хранить себя. Логика в том, что распространившееся из старого новое есть реальный результат его эволюции, его законный наследник. Лингвистические процессы переходного периода от древней тюркской речи к литературному языку средневековья могут рассматриваться именно под этим углом зрения.

Этим происходит переход от наддиалектной речи древних рунических тюркских письмен к тюркскому литературному языку средневековья – древний тюркский этнический и лингвистическая среда распадается, возникают локальные тюркские языки средних веков. Предполагаемая схема лингвистических процессов переходного периода такова: наддиалектная норма древних тюркских рунических письмен должна быть адаптирована к локализованной среде тюркского языка (а это возможно лишь путем параллельного сосуществования «старой» нормы с «новой», и постепенной обязательности новой нормы), или же использоваться в качестве гото-

вой литературной (лингвистической) формы до формирования норм нового письменного языка. В обоих случаях наддиалектные нормы древних тюркских рунических письмен – формы литературного языка – не отмирают, передаются последующим лингвистическим субъектам развития и при этом не остаются в качестве статического лингвистического элемента, используемого ради традиции.

При Втором или же Восточном тюркском каганате (681-745) административный союз объединял более, примерно, 20 родственных племен. Как не одинаково было их политическое положение в древнем тюркском союзе, так и в формировании древнего тюркского литературного языка эти племенно-диалектные языки участвовали не в равной степени. В обоих планах и лингвистические субъекты, и диалектные языки отличались друг от друга. В пределах древнего тюркского союза ни одно племя не было ассимилировано другим, даже составляющие численное меньшинство остались в виде самостоятельных племен. В Орхон-Енисейских письменах часто упоминаются состоящие из трех родов племенные субъекты, называя их «3 огуза», «3 курыкан», «3 карлука», обращаются к ним как к самостоятельным адресам. Каган в равной степени отдельные племена называл *kenti bodunim* (мой народ) в этом контексте государство Гейтюрков (Первое и Второе тюркские каганаты) были объединениями, основывающимися на консолидации тюркских (и, частично, нетюркских) племен.

После распада тюркского единства (и в политическом смысле, и с точки зрения этнической концентрации тюркских племен) племенные субъекты оказываются в различных общественных, культурных условиях. Мелкие племена, известное дело, ассимилируются в родственной (и не являющейся родственной) среде. Крупные племена же превращаются в самостоятельные этнические единицы, образуют отдельные административные союзы. Упоминаемые в Орхон-Енисейских памятниках племена огузов (3 огуза, 8 огузов, 9 огузов), изгилов, эдизов, тонра, уйгуров (10 уйгуров), карлуков (2 карлука), ягма, чигиллов, тургис // туркеш или же тухси, чиков, басмиллов, байыркул, кыпчаков, киргизов, танутов, кенересов (кенгерли или печенеги) были представлены в качестве субъектов этноса тюркского союза в VII-VIII столетиях.

Надгробия, найденные в бассейнах рек Орхон и Енисей, дают определенные сведения о позиции субъектов этноса в государстве Гейтюрков. Известно о наличии лингвистических особенностей различных этносов в древних тюркских письменных памятниках. Однако участие огузских (или кыпчакских) свойств в языке Орхон-Енисейских памятников объяснять подпаданием огузов (или кыпчаков) под влияние гейтюрков было бы неверно. И это отнюдь дело не 100-150 лет. Во-первых, потому, что в языке памятников огузские, кыпчакские, уйгурские лингвистические свойства систематизированы и проявляются в определенных грамматических категориях, относящихся к какому-либо языку. Например, в языке памятников аффиксы *-in*, *-nin* винительного падежа проявляются в качестве огузского свойства, аффиксы *-a*, а также, пусть и в рудиментарном состоянии, *-ua*, *-ue* дательного падежа огузского и окончания *-ka*, *-ke* кыпчакского свойства, форманты *-ig*, *-iq* в винительном падеже уйгурского, окончания *-i*, *-i*, *-ni* огузского, окончание *-ni* (после согласного) кыпчакского признака. Среди подобного разнообразия огузские аффиксы винительного

падежа, кыпчакские дательного падежа, уйгурские винительного падежа являются доминантными. Это показывает, что вариантность, идущая из племенных (огузских, кыпчакских, уйгурских и пр.) языков, определением лингвистической нормы становится причиной выбора.

Выводы и перспектива. Образование огузами основы тюркского каганата, сведения источников (Орхонских памятников) о том, что их численное большинство являлось основной политической силой каганата, точно определяет место огузов в этно-культурологических процессах древнего тюркского периода и позволяет полагать его одним из этно-культурологических центров древней тюркской эпохи. Однако распадом Второго восточно-тюркского каганата роль огузов в этно-культурологических процессах завершается, и для выполнения своей новой миссии выходят за пределы хронологических границ времени. Взамен этого, в активную силу превращается другой этно-культурологический центр древней тюркской эпохи – уйгуры. Уйгуры были одним из основных сил, участвующих в этнокультурных процессах древнего тюркского периода. Они составляли структурный племенной компонент 2 государств – согласно Орхон-Енисейским памятникам, и Второго восточно-тюркского каганата, и последующего уйгурского государства. Второй восточно-тюркский каганат, как с точки зрения государственного устройства, так и по этническому составу, напоминал федерацию, то есть являлся союзом, опирающимся на этнополитическую концентрацию родственных родов. Однако, хотя уйгурское государство и было близко к этнополитическому формированию, в большей степени напоминало унитарное устройство. Во-первых, потому, что образование государства связано с именем уйгурского правителя. Поскольку этнокультурологические процессы, участниками которых были уйгуры, происходили в переходный период от древнего тюркского периода к периоду средних веков, сущностью своей они более соответствовали требованиям нового периода. Наряду с этнической и лингвистической локализацией, в культурологической сфере наблюдается активность. Переход уйгуров к городскому образу жизни, расширение торгово-экономических отношений с другими государствами и этносами, возникновение новых культурных связей, нововведения в теологической сфере, существование образцов художественного языка, показывающих формирование функциональных методов в литературном языке, взаимоотношения с другими языками и пр. тоже из этого ряда. В уйгурском тюркском языке того периода возникают, стабилизируются новые культурологические термины. Уйгурский язык, заимствуя слова из других языков, и сам выполняет функцию адресанта (заимствуемого языка) в 840 году в результате киргизской экспансии государство уйгуров было ликвидировано, и закончилась культурно-историческая миссия одного из этнокультурных центров древнего периода. Часть уйгуров, уйдя на запад, создает в Джунгарии новое уйгурское государство, именуемое в арабских источниках государством *toqiz uqur*, а другая часть, осев в провинции Китая Ганьсу, в X веке приняла буддистскую веру. В Орхонских памятниках, как правило, название кыпчаков не встречается. Видимо, они не проявляли особой политической активности. Поэтому, в Орхонских памятниках о них, как о составной части государства, образованного огузами, особо не повествуется. Лишь однажды в письменах, посвященных уйгурскому каганату – в

памятнике во славу *Моуин Çор* – упоминаются кипчаки. Несмотря на это, наряду с огузами и уйгурами, и кыпчакский этнос тоже можно полагать этнокультурологическим центром древнего тюркского периода. Потому как в Орхонских памятниках есть много лингвистических фактов, связанных с кипчаками, и их достаточно для предположения об этносоциологической активности этноса.

Литература:

1. Деде Коркут. – Баку: Язычы, 1988. – 265 с.
2. Материалы о древних тюркских памятниках. – Баку: Издательство Бакинского университета, 1993. – 130 с.
3. Перевод «Деде Коркута»: в 4 томах. – Т. I. – Анкара: 1985. – 526 с. ; Т. II. – Анкара: 1985. – 366 с. ; Т. III. – Анкара: 1986. – 449 с.
4. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования / Малов С. Е. – Москва-Ленинград: изд. АН СССР, 1951. – 452 с.

Алієв Я. Стародавні тюркські рунічні писемні пам'ятники і перехідний період від стародавньої тюркської писемної мови до тюркської літературної мови середньовіччя / Я. Алієв // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 376–382.

У статті досліджується перехідний період від стародавньої тюркської писемної мови до тюркської літературної мови середньовіччя. Для проведення аналізу залучаються давньотюркські пам'ятники, такі як «Дівані-лугатіт-турк» Махмуда Кашгарі, Орхонські пам'ятники та ін. Автор на основі лінгвістичних фактів, виявляє етносоціологічну активність тюркських племен у формуванні тюркської літературної мови.

Ключові слова: тюркські мови, літературна мова, пам'ятник.

Aliyev Ya. Ancient Turkic runic inscriptions and the transition from the ancient Turkic written language to the Turkic literary language of medieval / Ya. Aliyev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 376–382.

In the article studied the transition from the ancient Turkic written language to the Turkic literary language of the Middle Ages. For the analysis involved ancient monuments such as "Divani lugat-Turk" Mahmud Kashgari, Orkhon-Yenisey monuments etc. Author on the basis of linguistic evidence reveals ethnosociological activity Turkic tribes in the formation of the Turkic language.

Keywords: Turkic languages, written language, the monument

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 161'25'38'35: 811. 161. 2

СТРУКТУРНІ ОСОБЛИВОСТІ АБРЕВІАТУР У СУЧАСНІЙ ТУРЕЦЬКІЙ МОВІ

Виклюк І. В.

*Київський національний університет імені Тараса Шевченка
E-mail: philolog@univ. kiev. ua*

Статтю присвячено маловивченій проблемі дослідження загальних особливостей утворення та розвитку абrevіатур в турецькій мові, їх структурної класифікації. Зокрема, наголошено на важливості використання абrevіатур у мовній системі. Зроблено спробу дослідити, проаналізувати та систематизувати існуючі на сьогодні класифікації скорочень у різних мовах. На основі власних спостережень вперше представлено структурно-типологічну класифікацію турецьких абrevіатур, яку було зведено до двох основних типів: ініціальних (буквених, звукових, буквено-звукових) та комбінованих (складно-скорочених, змішаних) визначено парадигму абrevіатурних скорочень та обґрунтовано перспективи майбутніх досліджень.

Ключові слова: абrevіатура, акроніми, лексичні одиниці, лінгвістика, словотвір, скорочення, структурно-типологічна характеристика.

Постановка проблеми. Абrevіація широко розповсюджена в усній та письмовій мові. Скорочення існують у мові об'єктивно, а будь-який об'єктивний процес не може не мати своїх закономірностей. Тому надзвичайно важливим є визначення особливостей утворення й розвитку абrevіатур у мовній системі.

Абrevіатури є засобом концентрації інформації, економії часу комунікантів. В одній назві вони поєднують назви предметів та їх якостей, тому в семантичному плані є об'ємнішими порівняно зі звичайними словами. Важливість абrevіатур пояснюється доступністю, оперативністю їх створення, раціональністю їх структури, що полягає в їх лаконічності, економічності, семантичній місткості, інформативності.

Незважаючи на досить численні, хоча здебільшого фрагментарні, дослідження, присвячені проблемам абrevіації в турецькій мові, скорочені лексичні одиниці залишаються в багатьох аспектах загадкою в лінгвістичному плані.

Визначення скорочень і принципи їх класифікації багаточисленні й неоднорідні, оскільки до цього часу не вироблено універсального визначення та загальної теорії абrevіації: праці, присвячені проблемі скорочень, не охоплюють це явище повністю, розглядаючи його під різними кутами зору.

Серед українських науковців дослідженням турецьких абrevіатур займався С. В. Сорокін, відомий своїм словником абrevіатур турецької мови, у якому містяться різнопланові («ініціальні, складові, змішані та інші» [1, 265]) абrevіатури, які тією чи іншою мірою використовуються в сучасній турецькій мові. О. П. Локота досліджувала абrevіатури як особливий спосіб утворення термінів у турецькому дипломатичному дискурсі, К. О. Телешун розглядала абrevіацію в системі сучасної турецької фахової мови торгівлі. У Туреччині Т. Гюленсой, Х. Їлдиз, М. Калфа вивчали загальні особливості абrevіацій в турецькій мові. Недостатньо розроблено в теоре-

тичному плані залишається загальна структурно-типологічна класифікація турецьких абревіатур, що й зумовлює **актуальність** нашого дослідження.

Метою роботи є дослідження структурних особливостей утворення абревіатур в турецькій мові. **Завданнями** цієї розвідки є: 1) виявити особливості утворення абревіатурних скорочень в турецькій мові; 2) запропонувати власну структурно-типологічну класифікацію турецьких абревіатур.

Об'єктом нашого дослідження є структурні особливості абревіації в сучасній турецькій мові, **предметом** виступають абревіатури як номінативні одиниці в сучасній турецькій мові.

Матеріалом дослідження послуговували абревіатури різних структурно-семантичних типів – понад 1000 одиниць. Фактичний матеріал дібрано методом суцільної вибірки з друкованих періодичних видань (газет, журналів, альманахів) та інших засобів масової інформації (інтернету, телебачення, радіо), наукових, офіційно-ділових, розмовно-побутових усних та письмових текстів. У роботі також використані лексикографічні матеріали: Açıklamalı Yeni Kelimeler Sözlüğü [2, 395]; Türkçe Kısaltmalar Sözlüğü [3, 469]; Yazım Kılavuzu [4, 505].

Абревіатури частіше привертають увагу дослідників як особливий словотворчо-морфологічний клас мовних одиниць. Спроби структурного вивчення абревіатур за формальними ознаками здійснювались неодноразово. Останнє підтверджується тим, що окремі автори дають надзвичайно об'ємні класифікації скорочень. Якщо А. Мазон на матеріалі російської мови виділив у складі абревіатур чотири структурних типи (буквені, поскладові, змішані, частковоскорочені слова) [5, 88], то М. В. Нікітін – 25 типів [6, 166].

Залежно від того, як згортаються словосполучення в окремі слова та як при цьому скорочуються їх компоненти, дослідники розрізняють структурні типи абревіатур. Відомою в сучасній морфології є класифікація абревіатур української мови В. О. Горпинича, який виділяє такі їх типи:

- 1) ініціальні – поєднання в абревіатуру початкових звуків або літер (*загс, ПТУ*);
- 2) уламкові – поєднання в абревіатуру асемантичних частин слова (*педфак, педфак*);
- 3) змішані – поєднання частин слова з ініціальними звуками (*райвно*);
- 4) усічено-словесні – поєднання частин слова з повноцінними словами (*загот-контора*);
- 5) словоморфні – поєднання частин слова з відмінковою словоформою (*зав-складом*);
- 6) комбіновані – поєднання початкової частини першого слова з кінцем другого (*мало еластичний капрон*);
- 7) ініціально-цифрові (*ГАЗ-24, ТУ -134*) [7, 130].

Дев'ятиступеневу класифікацію абревіатур розробив І. К. Білодід. До її складу входило п'ять типів складноскорочених слів, літерні абревіатури та звукові абревіатури двох варіантів [8, 252].

Ця класифікація досить детальна та складна у використанні. Вона не містить спеціальних назв для більшості видів абревіатур.

На противагу їй, І. Плющ розрізняє всього три типи абrevіатур: складовий, змішаний та ініціальний. У свою чергу ініціальний тип він поділяє на звуковий, буквений та змішаний підтипи [9, 181].

Враховуючи спостереження за особливостями утворення абrevіацій у турецькій мові та, насамперед, компоненти опорного словосполучення, з яких складаються абrevіатури того чи іншого типу, пропонуємо наступну класифікацію абrevіатур, яка, на нашу думку, відображає сучасний стан розвитку турецьких абrevіатур:

1. Ініціальні, які залежно від способу творення і типу вимови діляться на кілька підтипів:

а) Буквені (алфавітні) – утворюються складанням початкових букв твірних слів: *AMB* (*okunuşu: a-me-be*) – *Avrupa Merkez Bankası* – *Європейський центральний банк*; *BTP* (*okunuşu: be-te-pe*) – *Bağımsız Türkiye Partisi* – *Партія Незалежної Туреччини*.

Якщо ми прочитаємо усі приклади по буквам, то зрозуміємо саме утворення алфавітного типу скорочення. Воно не функціонує самостійно, а утворює собою звуковий тип, читається як звичайне слово, і виражає, таким чином, нове значення.

Як зазначає О. Тур «Кількість структурних компонентів абrevіатури залежить від типу вихідного словосполучення (простого чи складного), на базі якого утворено лексичне скорочення. Абrevіатури утворюють від простих словосполучень, які складаються з двох повнозначних слів та складних словосполучень, які у своїй будові мають три, чотири й більше повнозначних слів» [10, 116 – 120].

Також можемо помітити виключення з висхідного словосполучення буквених абrevіатур слів, які несуть в собі мало інформації, що зумовлює скорочення її форми, але не змінює значення. Вилучаються в основному службові частини мови: сполучники та прийменники, а залишаються скорочення найбільш інформативних слів (іменники, прикметники, віддієслівні імена). Такі скорочення є досить уживаними в турецькій мові. Наприклад: *ASKİ* – *Ankara Su ve Kanalizasyon İdaresi* – *Управління водопровідно-каналізаційного господарства м. Анкари*; *BOTAŞ* – *Boru Hatları ile Petrol Taşıma Anonim Şirketi* – *Акціонерне товариство з експлуатації нафтопроводів*; *GSYH* – *Gayrisahî yurt içi hasıla* – *Валовий Внутрішній Продукт*.

б) Звукові (акроніми) – утворюються з початкових звуків слів вихідного словосполучення. Їх вимовляють як звичайні слова відповідно до фонетичної структури, яка не суперечить закономірностям будови слова. Наприклад: *GAP* (*okunuşu: gap*) – *Güneydoğu Anadolu Projesi* – *Південно-Східний Анатолійський проект*.

Хоча, в турецькій мові дана абrevіатура може звучати і по-іншому:

GAP (*okunuşu: ge-a-pe*) – *Güneydoğu Anadolu Projesi* – *Південно-Східний Анатолійський проект*.

Відповідно до правил вимови, усі ці елементи утворені із перших літер слів використовуються так, неначе несуть у мові якесь нове значення. Хочемо зауважити, що між цими першими літерами абrevіації відсутні такі знаки пунктуації, як крапка, кома тощо.

Характерною особливістю акронімів є наявність в їх структурі голосних, що дозволяє членувати їх як звичайні слова. Наприклад: *TAEK* – *Türkiye Atom Enerjisi*

Kurumu – Турецьке управління з атомної енергетики; *TİKA* – *Türkiye İşbirliği ve Kalkınma Ajansı* – Турецька агенція співробітництва та розвитку.

Голосний звук в структурі такого акроніму – це компонент вихідного словосполучення, а не складоутворювачі «а», «е», які використовуються в алфавітному читанні абrevіатур.

Фонетична структура акронімів настільки близька до фонетичної структури звичайних слів, що можлива вимова акронімів як звичайних слів. Наприклад: *ON* – *Optik Nevrit* – *Неврит зорового нерва (мед.)*; *on* – *десять (числ.)*.

Але це правило читання не можна вважати абсолютним для всіх акронімів, оскільки серед них існують і такі, яким специфіка їх будови не дозволяє повністю «асимілюватися».

в) Буквено-звукові (звуко-буквені) абrevіатури – утворюються із початкових літер та звуків слів вихідного словосполучення (у різних комбінаціях) найчастіше прослідковуємо сполучення літер і звуків. Наприклад: *GYO* (*okunuşu: ge-ye-o*) – *Gayrimenkul Yatırım Ortaklıkları* – Інвестиційні трасти в нерухомість; *SHÇEK* (*okunuşu: se-he-çek*) – *Sosyal Hizmetler ve Çocuk Esirgeme Kurumu* – Організація соціального обслуговування та захисту дітей; *ТТОК* (*okunuşu: te-te-ok*) – *Türkiye Turing ve Otomobil Kurumu* – Автомобільне туристичне товариство Туреччини.

Зустрічається також поєднання «звук + літери». Наприклад: *ÖAKG* (*okunuşu: ö-a-ke-ge*) – *Özel Altyapı Kalkınma Grubu* – Приватна група розвитку інфраструктури; *PAFS* (*okunuşu: pa-fe-se*) – *Pasifik Adaları Forumu Sekreterliği* – Секретаріат Форуму Тихоокеанських островів.

Зрідка трапляються складніші утворення типу «звук + літери + звуки», наприклад: *ETHA* (*okunuşu: e-te-ha*) – *Etkin Haber Ajansı* – Ефективне інформаційне агентство

Або «літери + звуки + літери», наприклад: *ВМЕВКТ* (*okunuşu: be-me-be-ke-te*) – *Birleşmiş Milletler Eğitim Bilim ve Kültür Teşkilatı* – Організація Об'єднаних націй з питань освіти, науки і культури.

Кількість літерних та звукових ініціалів таких абrevіатур зазвичай відповідає кількості слів вихідного словосполучення. Наприклад: *ГАМНК* (*okunuşu: gamhk*) – *Güney Avrupa Müttefik Hava Kuvvetleri* – Об'єднані Військово-повітряні сили НАТО в Північній Європі; *ДÖКН* (*okunuşu: dökh*) – *Demokratik Özgür Kadın Hareketi* – Демократичний рух вільних жінок.

2. Комбіновані (змішані), серед яких можна виділити такі підтипи:

а) Абrevіатури, утворені поєднанням усіченої початкової основи одного чи двох слів, з початковими звуками та літерами наступних слів. Оскільки, за принципом турецької мови, де у слові та на початку складу не може бути двох приголосних, багато скорочень, які складаються саме з перших літер – утворюють собою змішаний тип абrevіації. Наприклад: *АТЕМ* – *Alkol ve Uyuşturucu Bağımlılarını Tedavi Merkezi* – Лікувально-терапевтичний профілакторій; *ОУАК* – *Ordu Yardımlaşma Kurumu* – Організація із взаємодопомоги армії; *ТÜRK-İŞ* – *Türkiye İşçi Sendikaları Konfederasyonu* – Конфедерація профспілок Туреччини.

б) Абrevіатури, утворені зі скорочених початкових елементів (морфем)

словосполучень. Наприклад: *Diskotek – disko – дискоотека; Diapozitif- dia – діа-позитив.*

в) Аббревіатури, утворені в результаті поєднання початкової частини одного слова і цілого слова, тобто так звані частковоскорочені слова. Наприклад: *albay – (alay+bay) – полковник; tımgeneral – (tümen+general) – генерал-майор*

г) Аббревіатури, утворені як складноскорочені або частковоскорочені слова на ґрунті великих словосполучень-найменувань, частина слів яких при цьому опускається. Цей спосіб скорочення дає для тексту ділових документів значну економію і збільшує інформативність його компонентів. Наприклад:

ASELSAN – Askeri Elektronik Sanayii – Військово-оборонна промисловість;

İHSANDER – İhracatçı ve Sanayici İş Adamları Derneği – Спілка експортерів, промисловців і підприємців Туреччини; MOBDER – Mobilya Sanayicileri İthalat ve İhracatçıları Derneği – Асоціація виробників меблів Туреччини.

д) Еліпсовані скорочення слів. Наприклад: *Ne haber? – Naber? – Як справи?; Ağabey – Abi – брате.*

Абревіатури всіх типів належать до мовних засобів, позбавлених індивідуальної експресії, до знаків, що характеризуються системним взаємозв'язком і абстрактною умовністю.

Висновки. Враховуючи вищевикладене, вважаємо, що структурні типи аббревіатур різноманітні за своїм складом. Усе різноманіття словотворчих моделей аббревіатур в залежності від способу творення можна звести до двох основних типів: ініціальні (буквені, звукові, буквено-звукові), комбіновані (складно-скорочені, змішані).

Перспектива. Подальше дослідження процесів утворення аббревіатурних скорочень дасть змогу розв'язати проблеми виникнення аббревіатур, визначити їх соціолінгвістичну обумовленість, структурно-семантичні класифікації аббревіатур, їх місце в словотворчій системі турецької мови, тенденції розвитку аббревіації й способи перекладу цього типу лексичних одиниць.

Література:

1. Сорокін С. В. Практичний курс перекладу з турецької мови [Частина I. Переклад газетно-інформаційних текстів] / С. В. Сорокін. – К. : Видавничий центр КНЛУ, 2010. – 294 с.
2. Açıklamalı Yeni Kelimeler Sözlüğü [Haz. Nevrihal Bayar] – Ankara: Akçağ Yayınları, 2006, 395 s.
3. Türkçe Kısaltmalar Sözlüğü [Haz. Bilal N. Şimşir] – Ankara: Yargı Yayınları, 2006, 469 s.
4. Yazım Kılavuzu [Haz. Şükrü Haluk Akalın] – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2008, 505 s.
5. Mazon A. Lexique de la guerre et de la revolution en Russie (1914-1918) / Andre Mazon. Paris: E. Champion, 1920. – 88 p.
6. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М. : Высшая школа, 1988. – 166 с.
7. Горпинич В. О. Сучасна українська літературна мова. Морфеміка. Словотвір. Морфологія [Навч. посіб. для філол. спец. вищ. закл. освіти] / В. О. Горпинич. – К. : Вища школа, 1999. – с. 130–207.
8. Сучасна українська літературна мова / За ред. І. К. Білодіда. – Кн. 5. Лексика і фразеологія. – К. : Наук. думка, 1973. – 439 с.
9. Сучасна українська літературна мова / За ред. М. Плюща, – К. : Вища шк, 2001. – 421 с.
10. Тур О. Структурна специфіка ініціальних аббревіатур сучасної української мови / О. Тур // Філологічні науки. Збірник наукових праць. – 2011. – №8. – С. 116 – 120.

Структурные особенности аббревиатур в современном турецком языке // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 383–388.

Статья посвящена слабоизученной проблеме исследования общих особенностей образования и развития аббревиатур в турецком языке, их структурной классификации. Особое внимание уделяется важности использования сокращений в языковой системе. Сделана попытка исследовать, проанализировать и систематизировать существующие классификации сокращений в разных языках. Основываясь на собственных наблюдениях, впервые представлена структурно-типологическая классификация турецких аббревиатур, которая была сведена к двум основным типам: инициальные (буквенные, звуковые, буквенно-звуковые) и комбинированные (сложно-сокращенные, смешанные) выделена парадигма аббревиатурных сокращений и обоснованы перспективы предстоящих исследований.

Ключевые слова: аббревиатура, акронимы, лексические единицы, лингвистика, словообразование, сокращения, структурно-типологическая характеристика.

The structural particularities of abbreviations in modern turkish language // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 383–388.

The article is dedicated to the insufficiently researched problem of the general particularities of formation, development and structural classification of abbreviations in Turkish language.

The purpose of the research is to investigate the structural particularities of Turkish abbreviations.

The following **tasks** are to be solved: 1) identifying current features of the abbreviations in Turkish language; 2) propounding own structural-typological classification of Turkish abbreviations.

As a **research material** were used more than 1000 abbreviations of different structural-semantic types. The factual material was collated from the published serial publications (newspapers, magazines, almanacs), mass media (Internet, television, radio), scientific, official-business, colloquial, verbal and written texts by the way of using continuous sampling method. Lexicographical material was also used.

The process of abbreviation was examined by such native and foreign researchers as, I. Bilodid, V. Horpynich, O. Lokota, A. Mazon, V. Nikitin, K. Teleshun.

But shortened lexical units are still unexplored in many aspects. General structural-typological classification is not completely researched. That predetermines the actuality of work.

Taking into consideration observations of the structural particularities of abbreviations we propose a classification that, in our opinion, reflects a current development condition of Turkish abbreviations. Classification is divided into **initial** (that are subdivided into literal, sonic, literally-sonic) and **combined** abbreviations.

Abbreviations of this types belong to lingual tools that deprived of the individual expression and characterised by systematic connection and abstract conventionality.

In consideration of all researched material we consider that structural types of abbreviations are varied on it's formation. All variety of abbreviations depending on their forming method can be divided into two main groups: initial and combined.

Further research of abbreviation formation would help solving the problem of abbreviations creations, their sociolinguistic specificity and defining the role in word building system of modern Turkish language.

Key words: abbreviation, acronym, lexical units, word building, linguistics, structural-typological characteristic.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 81'373. 421(=512. 161)

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Челебиев Д. Э.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: dilyaver.chelebiev@mail.ru*

Данная работа посвящена исследованию синонимов и синонимических отношений в турецком языке. Обзор литературы по проблемам синонимии показал, что разные лингвисты выделяют различные критерии определения синонима. Для одних исследователей определяющим фактором является предметно – понятийная общность. Другое направление принимает за необходимое условие определения синонимов семантико – функциональную общность. Третье направление отмечает, что только общность или близость значений разных слов, является существенным для определения синонимов. Другие исследователи предпочитают оперировать не логическими, а языковыми понятиями: синонимы определяются путем совпадения словарных толкований или тождеством слов. При исследовании синонимов, лингвисты обращают внимание не только на общие признаки, объединяющие слова в одну синонимическую группу, но и на различия по стилистической окраске, сочетаемости, сфере употребления.

Ключевые слова: синоним, синонимический ряд, значение слова, турецкий язык.

Постановка проблемы. Синонимы – это слова, обозначающие одно и то же явление действительности. Однако, обозначая одно и то же явление, синонимы называют это по-разному, выделяя в называемом понятии различные его стороны, или характеризуют это понятие с различных точек зрения. Именно поэтому синонимы, обозначая одно и то же понятие, как правило, не являются словами абсолютно идентичными друг другу как в отношении семантики, так и в отношении своих эмоционально-стилистических свойств. Синонимы отличаются друг от друга 1) некоторыми оттенками в лексическом значении, 2) своей эмоционально – экспрессивной окраской, 3) принадлежностью к определенному стилю речи, 4) своей сферой применения, 5) способностью вступать в соединение с другими словами. Обычно различие между синонимами идет сразу по нескольким линиям.

Несмотря на длительную историю исследований и существование довольно большого количества трудов, посвященных изучению различных аспектов лексической синонимии, в этой области все еще остается множество проблем и спорных вопросов, требующих к себе более пристального внимания со стороны лингвистов. Нет единого мнения относительно понимания природы самого явления синонимии и понятия синонима, выделения критериев синонимичности слов, принципов определения синонимического ряда и т. д. Вызывает определенный интерес и проблема классификации синонимов, относительно которой существует множество мнений.

Цель данной работы – классифицировать синонимы по семантическим и стилистическим признакам. Достижение намеченной цели предполагает решение следующих задач:

- установить принципы разграничения значений слова и их синонимических оттенков;
- определить синонимические отношения между единицами в словарном составе турецкого языка;
- систематизировать полученные результаты, сделать выводы.

В настоящее время в лингвистике нет общепризнанного определения языковых синонимов и классификации синонимических единиц. Это объясняется сложностью самого понятия синонима, требующего, кроме собственно лингвистического аспекта изучения, обращения к проблемам логики и психологии. Многоаспектность изучения синонимов дала основание подойти к определению синонимов с нескольких точек зрения: а) по принципу логической мотивированности; в основе такого понимания синонимии лежит единство выражаемого синонимами понятия (А. П. Евгеньева, А. Б. Шапиро, Р. А. Будагов); б) на основе предметной общности (А. А. Реформатский, Е. М. Галкина-Федорук, А. Н. Гвоздев); в) с учетом психологического подхода, когда синонимами считаются слова, связанные с одним и тем же представлением (М. М. Покровский, А. И. Томсон); г) с лингвистической точки зрения, когда синонимы определяются как слова, идентичные или сходные по значению, или как слова, способные заменять друг друга в том или ином контексте; слова, отличительные признаки которых могут устойчиво нейтрализоваться в определенных позициях (Л. А. Булаховский, В. А. Звегинцев, Д. Н. Шмелев). Кроме того, синонимы рассматриваются как слова, тождественные или близкие по значению; как слова, только близкие (сходные) по значению; как слова, только тождественные по значению [1].

Разница между синонимами *söylemek – beyan etmek – bildirmek* «устно излагать что-л., рассказывать, излагать, сообщать, повествовать» проявляется, прежде всего, в характерной для каждого слова стилистической окраске. *Söylemek* имеет самое широкое значение. Это слово в данном синонимическом ряду может заменить любой член в контексте: *açık söylemek* – сказать прямо (откровенно), *yalan söylemek* – говорить неправду, лгать, *fikrini söylemek* – изложить свою мысль. *Beyan etmek* больше характерно для книжного стиля. Это слово употребляется с ограниченным кругом слов в значении не просто изложения идеи или мысли, а шире – события, происшествия: *beyan etmek* – излагать, сообщать, заявлять. *Bildirmek* в этом значении употребляется с ограниченным кругом слов, преимущественно в значении передачи информации: *bu konuda fikrini bildirmek* – изложить идею по этому вопросу. Но все эти слова не различаются оттенками основного, общего значения [4].

В синонимическом ряду *kiymetli – değerli – pahalı* «дорогой, ценный» все слова стилистически нейтральны, но различаются оттенками основного значения. Так, в слове *pahalı*, помимо основного, общего для данного ряда слов значения – имеющий высокую цену, – присутствует дополнительное значение, обозначающее ценность в денежном эквиваленте. Например, *pahalıya mal olmak* – дорого обойтись, *pahalıya satmak* – продать дорого [4].

Синонимы *kanser – kara hastalık* «рак», *cesur – kabadayı* «смелый, отважный, удалой», *kader – alın yazısı* «судьба, рок» дифференцируются сферой употребления: первые слова являются межстилевыми, вторые – лишь свойственны разговорно – бытовой речи [4].

Одно и то же понятие может быть обозначено не только словом, принадлежащим к той или иной части речи, но и соотнесенным со словом этой части речи фразеологическим оборотом. Поэтому в пределах одного синонимического ряда могут быть не только слова, но и фразеологические обороты. Фразеологические обороты чаще всего противопоставляются нейтральным словам данного синонимического ряда по стилистической окраске и оттенками значения: *kurnaz – anasının gözü* «хитрый», *ölmek – gözünü yummak* «умереть» [4].

Основываясь на вышеперечисленных особенностях, синонимами следует считать слова одной части речи и эквивалентные им фразеологические обороты, при различном звучании называющие одно и то же явление объективной действительности, различающиеся оттенками основного, общего для каждого из них значения, или отнесенностью к различным речевым стилям, или одновременно и тем и другим. Синонимы различаются также способностью вступать в сочетания с другими словами [2, 34].

Как видим, синонимы, обозначая одно и то же понятие, имеют различные оттенки значений. Однако эти различия обязательно предполагают их номинативную общность, определяющую основное свойство синонимов – возможность замены в определенных контекстах одного слова другим.

Основываясь на различиях в семантике и стилистической окраске, представляется правомерным выделить четыре наиболее общих разряда синонимов:

1. Синонимы абсолютные: *hikaye-öykü, kelime-sözcük, sene-yıl*.
2. Синонимы семантические: *büyük – iri – kocaman – dev – devasa*.
3. Синонимы стилистические: *okul – mektep, sekreter – katip, kedi – çedük, hastalık – maraz, çivi – mih, dudak – leb*.
4. Синонимы семантико – стилистические: *aldatmak – kandırmak – kazıklamak* [6].

Абсолютные синонимы

Абсолютные синонимы или лексические дублиеты характеризуются максимальной близостью значений и максимальной способностью замещать друг друга во всех контекстах. К лексическим дублиетам можно отнести такие слова, как *hikaye-öykü* «рассказ», *kelime-sözcük* «слово», *sene-yıl* «год», *güz-sonbahar* «осень», *hürmet-saygı* «уважение, почет» [5]. Значение лексических дублиетов, заключается в том, что они позволяют избегать повторов одних и тех же слов в литературной речи. Однако история языка указывает на то, что один из имеющихся в языке дублиетов со временем выходит из употребления, целиком уступая свое место другому, более активному слову [3, 31].

Семантические синонимы

Семантические синонимы – это стилистически нейтральные слова, отличающиеся друг от друга оттенками основного, общего для каждого из них значения [2, 34]. Например, слова в синонимическом ряду *büyük – iri – kocaman – dev – devasa* объединены общим значением – «большой, крупный, огромный», однако слово

büyük имеет дополнительное значение – «взрослый, старший по возрасту». Слова *iri* – *kocaman* – *dev* – *devasa* различаются оттенками основного значения, слово *iri* обладает наименьшей степенью данного признака, слова *dev* и *devasa* – наибольшей; *iri* «крупный», *kocaman* «огромный», *dev* и *devasa* «очень большой, исполинский» [5].

Различаясь оттенками основного значения, семантические синонимы делают нашу речь не только точной, но и яркой, выразительной, краткой.

Стилистические синонимы

Стилистические синонимы – это слова, тождественные по своему значению и различные по стилистической окраске [2, 42]. То или иное слово мы определяем как стилистический синоним при сопоставлении с соответствующим стилистически нейтральным словом, поэтому в каждой паре стилистических синонимов или в ряду непременно будет слово стилистически нейтральное.

Стилистические синонимы крайне неоднородны. Среди них выделяются две большие группы: 1) устаревшие слова (в основном арабские и персидские), которым соответствуют другие названия предметов, явлений; *okul* – *mektep* «школа, учебное заведение», *sekreter* – *katip* «секретарь», *kedî* – *çedîk* «кошка»; 2) слова, имеющие значительное распространение в языке, но функционирующие либо в пределах определенной территории (диалектизмы), либо в определенных стилях устной и письменной речи (в просторечии, в книжном стиле и др.); *hastalık* – *maraz* «болезнь», *çivi* – *mih* «гвоздь», *dudak* – *leb* «губы» [5].

Семантико – стилистические синонимы

Семантико – стилистические синонимы – это слова и их эквиваленты, обозначающие одно и то же явление объективной действительности и различающиеся не только стилистической окраской, но и оттенками общего для каждого из них значения [2, 48]. Например, слова в синонимическом ряду *aldatmak* – *kandırmak* – *kazıklamak* объединены общим значением – «обманывать, вводить в заблуждение», но отличаются друг от друга оттенками основного, общего для каждого из них значения. Слово *aldatmak* обладает нейтральным значением «обманывать, вводить в заблуждение», *kandırmak* – используется в значении «убеждать, уговаривать, соблазнять», *kazıklamak* – «надувать, облапошить, вовлечь в невыгодную сделку». Помимо этого, данные слова различаются стилистической окраской: *kazıklamak* имеет разговорную окраску [5].

Синонимия слов и фразеологических оборотов

В качестве синонимов к словам выступают их эквиваленты – фразеологические обороты, например: *zayıflamak* – *bir deri bir kemik kalmak* «худеть, стать тощим», *öfkelenmek* – *kafası kızmak* «приходить в гнев, рассердиться» [5].

Фразеологические обороты в большинстве случаев отличаются от соответствующих им нейтральных слов отнесенностью к разговорному или просторечному, реже книжному стилю. Отличаются фразеологические обороты от синонимичных им слов и оттенками значения. Эти оттенки значения возникают на базе того образа, который лежит в основе фразеологизма. Поэтому фразеологический оборот и синонимичное ему слово следует рассматривать как семантико – стилистические синонимы [2, 51].

Выводы и перспектива. Таким образом, полного тождества между синонимами нет, они различаются по стилистической окраске и оттенками значения. Но иногда бывает трудно выявить оттенки значения, которыми различаются два синонима. Слова – синонимы различаются не только стилистической окраской и оттенками общего, основного значения: каждое слово имеет свою историю возникновения, функционирования в пределах активного или пассивного запаса слов, обрастает рядом значений, вступает в ассоциативные связи с другими словами.

Литература:

1. Николаева О. М. Контекстуально – речевые лексические синонимы (на материале современного русского языка): автореф. дис. на соискание степени канд. филол. наук: спец. 10. 02. 01 «Русский язык»/ Николаева О. М. ; – Ростов – на – Дону, 1973. – 22с.
2. Палевская М. Ф. Синонимы в русском языке / М. Ф. Палевская – М. : «Просвещение», 1964. – 127с.
3. Шанский Н. М. Современный русский язык. Лексика / Н. М. Шанский – М. : «Просвещение», 1956. – 284с.
4. Большой русско-турецкий словарь / В. Г. Щербинин: 100 тыс. слов и словосочетаний – 2-е изд. – М. : Рус. яз, 1998. – 680 с. – ISBN 5-200-02612-1
5. Большой турецко-русский словарь / А. Н. Баскаков и др. : 200 тыс. слов и словосочетаний – 2-е изд. – М. : Рус. яз, 1998. – 966 с. – ISBN 5-200-02609-1
6. Örnekleriyle Türkçe sözlük. – İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 2000. – 3337s. – ISBN 975. 11. 0945. 0

Челебієв Д. Е. Класифікація лексичних синонімів в турецькій мові / Д. Е. Челебієв // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 389–394.

Дана робота присвячена дослідженню синонімів і синонімічних відносин в турецькій мові. Огляд літератури з проблем синонімії показав, що різні лінгвісти виділяють різні критерії визначення синоніма. Для одних дослідників визначальним чинником є предметно – понятійна спільність. Інший напрямок приймає за необхідну умову визначення синонімів семантико – функціональну спільність. Третій напрямок заперечує проти зсуву двох різних понять: близькість значень різних слів та їх здатність позначати одні й ті ж предмети, і зазначає, що тільки перший критерій, тобто спільність або близькість значень різних слів, є суттєвим для визначення синонімів. Інші дослідники воліють оперувати не логічними, а мовними поняттями: синоніми визначаються шляхом збігу словникових тлумачень або тотожністю слів.

При дослідженні синонімів, лінгвісти звертають увагу не тільки на загальні ознаки, що об'єднують слова в одну синонімічну групу, але і на відмінності за стилістичним забарвленням, властивості до сполучення, сферою вживання.

Ключові слова: синонім, синонімічний ряд, значення слова, турецька мова.

Celebiyev D. E. Classification of lexical synonyms in Turkish language / D. E. Celebiyev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 389–394.

This work is related to studying of synonyms and synonymic relations in Turkish language. Analysis of synonymous number precedes the consideration of such complex and controversial issues as the definition of synonymy, the synonyms selection criteria, synonyms border frontiers and classification of synonyms. The review of the literature on synonymy problems has shown that different linguists determine different criteria to determine the synonym. For some researchers the determining factor is the subject-conceptual entity. By their opinion, the closeness of synonyms is determined when they name one real fact, but meanwhile they choose various parts in it or describe it from different points of view. The other direction takes as a necessary condition for determining synonyms semantic – functional entity. The third opinion protests against mixing of two different concepts: the closeness of various words and their ability to denote the same items, and notes that only the first criterion, i. e, common or similar values of different words, is essential to define synonyms.

Other researchers prefer to operate with not logical, but linguistic concepts: synonyms are determined by matching word or interpretations of the word. With all the differences in the understanding of synonyms, many linguists point to the interchangeability of words as a necessary attribute, or the condition of their synonymy. Here are no unities of opinion: some scientists believe synonymous words that can replace each other in any context, others are limited within a given context. In the study of synonyms, linguists pay attention not only to the common features that combine one of synonymous words in the group, but also on the differences in stylistic coloring, compatibility, field use. Synonymic words differ not only in color and stylistic nuances of general basic meaning: every word has a history of functioning within the active or passive vocabulary, acquires a series of values, comes in association with other words.

Key words: synonym, synonymous series, meaning of word, Turkish.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 821. 512. 161

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В СОВРЕМЕННЫХ ТУРЕЦКИХ ДЕТСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ (1970-1990-Е ГОДЫ)

Мамедов Д.

*Кавказский университет, Баку
E-mail: stetmedov@qu.edu.az*

Турецкая детская поэзия в 1970-1990-е годы имеет большое значение как продукт общественно-политической и литературной среды периода. В общем эти годы могут считаться также результатом всей турецкой детской литературы и не только того периода. Освещение важных вопросов в форме тем и содержания, связанных с детьми того периода, преувеличивает интерес к детским стихотворениям в эти годы. В статье на основе образцов турецкой детской поэзии в 1970-1990 гг. были исследованы социально-политические вопросы.

Ключевые слова: Турция, детская, литература, поэзия, социально-политические вопросы

Постановка проблемы. В 1970-90-ые годы при политическо-социальной обстановке Турции, детские поэты, принимая во внимание важные проблемы того периода, обращались к разным темам. Важные жизненные вопросы, просветленные в произведениях литераторов, выбравших определенную идеологическо-политическую точку зрения, на самом деле, тесно связаны с турецким миром. Поэзия, несущая ответственность за необходимость учитывания потребностей общества и того периода, и в эти годы развивалась с точки зрения выбора тем в соответствии с условиями и идеями авторов.

Восприятия и критерии отбора тем в детских стихотворениях литераторов в эти годы успешно стимулировали развитие поэзии того периода. Они востребовали самые красивые и полезные детские стихи, несущие цель обучения детей, а также в соответствии с условиями характеристик тем, чтобы легко воспринимались и понимались детьми. Например, К. Демирай и Ф. Баймур выражают важность разработки тем, привлекающих и интересующих детей, следующим образом: "Вместо того чтобы искать большие темы для детских стихотворений, прежде всего нужно воспользоваться вопросами, связанными с жизнью и эмоциями детей.. ." [3, 196]. Такие идеи литераторов того периода, в основном после 70-х годов XX века, направляли поэтов на внимательный и тщательный выбор темы в детских стихотворениях, а в турецких детских стихотворениях 1970-1990-ых годов существовала богатая лирика, сосредоточенная вокруг трех тем, таких как воспитательно-моральные отношения, природные и патриотические темы. Поиски мастерства, отражающие историческую хронологию турецкой нации, провоцирующие чувства национально-патриотизма, разжигающие чувства свободы и имеющие ведущую роль в патриотических темах в детских стихотворениях XX века, привлекали внимание больше всего в эти годы. Десятки, сотни детских стихотворений на тему патриотизма не

довольствуются только актуальностью содержания, а также служат воспитанию детей на высшем художественном уровне и развитии высокого эстетического кругозора у молодежи. Например, в стихотворении Н. Оздемира "Родина" поэт выражает мифологию родины описанием различных частей Турции. На самом деле, абстрактную тему как родина можно считать как удачный приемом, изображающая конкретное содержание и природные образы в детских стихотворениях:

Родина
Голубая вода Анталии
Пософ в бесплодных полях
Пышный зеленый сад в серебристом поле [12, 77].

Зная, что рыцарство и героизм является жизненным образом и своего рода традицией турецкой нации с прошлого до сей день, невозможно не упомянуть эти темы в детских стихотворениях. Но поэты того периода, восхваляя любовь к Родине и к нации, также рекомендовали наряду с героизмом на фронте быть первенцами в науке, знаниях, гуманизме, трудолюбии. Тема патриотизма и героизма К. Э. Айдына показаны ниже в полустихиях в отличительном контексте:

Растущие на плечах Родины дети
Придет день, замените стражу
Будете на фронте стальными стенами
Семенами в поле, первенцами в области науки
А в любви одним сердцем
Нация будет гордиться вами
Не пренебрегайте красотой взяв пример от плохих [5, 15].

Как и в разные времена Республики, в 1970-1990-ые годы в Турецкой Республике, основателем которой являлся Мустафа Кемаль Ататюрк, было написано большое количество стихов о его жизни и патриотизме. Целью написанных стихов являлось ознакомление детей с Ататюрком и формирование любви к нему, а также создание поколения, которое будет принимать и защищать реформы, названные в истории Республики "Революции Ататюрка". "Гази Мустафа Кемаль Ататюрк" А. Т. Шентюрка является стихотворением, написанным в этом контексте:

Ты, Мустафа Кемаль, не в Аныттепе,
В самом сердце одного народа.
Ты молния, отрывающая темные облака,
Ты солнце, восходящее на Землю.. [14, 15].

Детские поэты 1970-1990-х годов в своих стихотворениях выразили также свое детство и тоску по нем. Например, в опубликованной Э. Эрджаном в 1994-ом году антологии "Стихи для детей XX века" выражали преимущество больше свою ностальгию о детях и детстве, чем просто являлись стихотворением для детей. Поэт хотел показать детям их мир, проблемы и мечты глазами поэтов. Например, в стихотворении Г. Саманоглы "Вспоминая", тема ностальгии о детстве и содержание стиха было выбрано из жизни детей. Однако идея содержания стихотворения обращается больше к взрослым, чем к детям. Так как детям, не понимающим разницу в возрасте, характере, очень сложно воспринять данные чувства и мысли в стихотворениях:

Если выпущу на воздух голубя во дворе,
Если дед пойдет продавать абрикос.
Если попаду в воробья стропами камня,
Тем не менее, обнимет меня моя тетя-мать;
И если вернется опять

Уснувшее сказками мое детство [13, 127-128].

В детской литературе этого периода было уделено определенное место и религиозным стихотворениям. Некоторые из поэтов, ради защиты турецких детей от попадания в пустоту неверия и с целью отдачи маленьких религиозных информационных, разработали религиозные вопросы в своих стихотворениях. Особенно в стихах Ф. Х. Дагларджа и С. Каракоча часто упомянуты темы о Боге, Коране, Священной книге, молитве. В основном стихотворения Н. Ф. Кысакюрек, Х. Ф. Дагларджа и С. Каракоча на религиозную тему мастерски отражают верующий мир у детей. Во многих стихотворениях, написанных на религиозную тему, с чуткостью подошли к этим вопросам, также содержание было написано в соответствии с детьми и с целью отражения у них приятных чувств и мыслей. Многие стихи были написаны о проблеме веры и чувствительности у детей. Например, в стихотворении М. И. Субаша "Ребенок и Ангел" говорится об ангеле:

Ангел рассмеялся: "- Мой дорогой, сладкий,
Мы оба из одного рода.
Ты видимая часть моя,
Более того, одного и того же темперамента!" [10]

Стихи, написанные для детей, должны нести такие особенности, как повысить восприимчивость детей к любви и использованию родного языка, пропагандировать ценности, формирующие национальную культуру народа. Э. Н. Гёкшан выражает прививание многих положительных черт у детей в своих стихотворениях таким образом: "Ребенок, прочитанным стихотворением, сначала знакомится с использованием родного языка, потом сталкивается с произведениями искусства национальной литературы, и таким образом, это обеспечивает созданию национального сознания и традиций у ребенка.. ." [6, 136]. В турецкой детской поэзии 1970-1990-х годов было написано много стихотворений, связанных с родным языком. В стихотворении Р. Ильгаза "Наш Турецкий язык" автор советует турецким детям любить, беречь и развивать родной язык:

Моё дитя, не довольствуйся только
изученным матерью, а развивай свой турецкий язык.
Наш язык настолько красив, что
Чист как наши чистые пруды,
Восторженный как наши проточные воды.
А как же, дитя мое,
Красота тоже нуждается в ухаживании! [8]

Войны 1970-90-ых годов, страдания, горя и потери, которые видели дети, конечно же не могло остаться вне детской литературы того периода. В этих стихотворениях отражались войны и страдания, невинность детей, страдания от боли и горя. Стихами, в которых говорится об ужасе войны и особенно о влиянии их на

детей, являются следующие: "У детей нет народа" А. Бахрамоглы, "Польские дети" О. Рифата, "Палестинские дети" М. О. Менгушоглы, "Ребенок из Халабджи" Г. Акчичека, "Глаза боснийских детей" А. Ялчынкая, "Эпос об абрикосовом дереве" Х. Н. Джаната. Ужас войны в стихотворении Г. Акчичека "Ребенок из Халабджи" из уст ребенка выражается очень впечатлительно:

Я был ребенком из Халабджи
 Однажды утром,
 Самолеты пролетели над нами
 Вместо птиц;
 С пятью тысячью халабджинцами
 На руках у дедушки
 Замкнулись глаза мои [1, 54].

Внушение любви к природе и окружающей среде у детей с младших лет имеет большое значение. В частности, в последние периоды в турецком обществе внимание и забота к природе и окружающей среде отражается, можно сказать, во всех слоях общества. Конечно же, забота об окружающей среде нашла свое адекватное отражение и в турецких детских стихах. Одним из таких примеров является стихотворение "Давайте защищать окружающую среду" Н. Ялныза, где поэт, объясняя детям важность окружающей среды, рекомендует защищать ее и показывает пути ухода за ней:

Дающую нам здоровье, покой,
 Духовно слушающую нас;
 Радующую наши сердца
 Давайте беречь нашу окружающую среду [9]

Заключение. Таким образом, в турецкой политическо-социальной обстановке 1970-90-ых годов были написаны множество детских произведений на различные темы. В эти годы функционирующие детские поэты при выборе тем учитывали актуальные проблемы того периода и сосредоточивались в основном на необходимые для решения вопросы. При выборе тем в турецкой детской поэзии 1970-90-ых годов, несмотря на то, что иногда не уделяли внимание на особенности периода детства и на реальности детского мира, в общем, были написаны множество удачных детских стихотворений.

Литература:

1. Акчичек Г. Если облака не закроют солнце / Акчичек Г. – Анкара: Издания МЕВ, 1995.
2. Акканат Дж. Отец, эта книга тебе / Акканат Дж. – Издания Культуры, Муниципалитет Одунпазары, 2005.
3. Баймур Ф. Антология детской литературы / Баймур Ф, Демирай К. – Стамбул: Издания народного образования, 1961.
4. Демирай К. Антология детской литературы с комментарием / Демирай К. Стамбул: Книжный дом, 1977.
5. Эрдем К. А. На вершине любви / Эрдем К. А. – Анкара, 2000.
6. Гексен Э. Н. Детская литература / Гексен Э. Н. – Стамбул: Книжный Магазин Рамзи, 1980.
7. Гюрель З. Детская Литература к Двум Тысячам / Гюрель З. – Анкара: Издание Библиотеки Специализации Детской Литературы, 2001.
8. Стихотворения [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://siir.gen.tr/siir/r/rifat_ilgaz/turkcemiz.htm

9. Антология [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www. antoloji. com/cevremizikocuyalim-cevre-koguma-haftasi-haziran-2-haftasi-siiri/](http://www.antoloji.com/cevremizikocuyalim-cevre-koguma-haftasi-haziran-2-haftasi-siiri/)
10. Антология [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www. antoloji. com/cocuk-ve-melek-siiri/>
11. Антология [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www. okuloncesirehberi. com/index. php?sid=25&sayfa=2](http://www. okuloncesirehberi. com/index.php?sid=25&sayfa=2)
12. Оздемир Н. Прошло время, Я устал / Оздемир Н. – Анкара, 1981.
13. Саманоглы Г. Сумерки / Саманоглы Г. Анкара: Издания Хисар, 1970.
14. Шентюрк А. Т. Гази Мустафа Кемаль Ататюрк / Шентюрк А. Т. – Анкара, 1988

Мамедов Д. Соціально-політичні питання в сучасних Турецьких дитячих віршах (1970-1990-ті роки) / Д. Мамедов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 395–399.

Турецька дитяча поезія в 1970-1990-і роки має велике значення, як продукт суспільно-політичної та літературної середовища періоду. Загалом, ці роки можуть вважатися також результатом всієї турецької дитячої літератури і не тільки того періоду. Освітлення важливих питань у формі тим і змістів, пов'язаних з дітьми того періоду, перебільшує інтерес до дитячих віршів в ці роки. У статті на основі зразків в турецькій дитячій поезії в 1970-1990 рр. було досліджено соціально-політичні питання.

Ключові слова: Туреччина, дитяча, література, поезія, соціально-політичні питання

Mamedov J. Socio-political topics in modern Turkish child poetry (during the years of 1970-1990s) / J. Mamedov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 395–399.

The Turkish child poetry during the years of 1970-1990s is very important as the product of socio-political and literal environment of the period. In general these years can be considered not just as the result of this period and as also the result of whole Turkish child literature. Enlightening the children related to today's topics of the period in terms of topic and content, increases the interest towards child poems in these years. In the article the most used socio-political topics of the Turkish child poetry during the years of 1970-1990s are studied on the base of poem examples of the period.

Key words: Turkey, child, literature, poems, socio-political topics

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

УДК 82. 09+821. 512. 161

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТОВ – СУЛТАНОВ В АНГЛИЙСКОМ ВОСТОКОВЕДЕНИИ

Берекет А.

*Университет Кавказ (Баку/Азербайджан)
E-mail: bereketali@gmail.com*

В мире литература того или иного народа, как территориально, так и в связи с завоеванием страны, под влиянием другого государства-гегемона, может демонстрировать силу его влияния, а в целом, может подпасть и под влияние культуры, даже литературы. Следовательно, влияние персидской литературы на тюркскую литературную среду вовсе не означает искажения богатого национального духовного и культурного наследия, или истории сознания. Поэтому в тоне, духе оттоманской поэзии было влияние зарубежной литературы, и поэтому литература, ставшая зеркалом духовного мира этих народов, не только не должна быть подвергнута критике и раскритикована, а наоборот, необходимо делиться с читателем преимуществами всего того хорошего, что было принято литературой.

Ключевые слова: Гибб, османский, поэт, английское востоковедение, тюркский, поэзия

Постановка проблемы. Английский востоковед Э. Д. Гибб справедливо пишет: «Название Осман (Оттоман) Представляет собой искаженную форму слова «османец» на тюркском языке, то есть целиком это слово выражает смысл «продолжатель Османа» и оно должно выражаться точным термином «Osmanite» («Османский»)» [1, 130].

Говоря об особенностях оттоманской поэзии необходимо отметить, что эта поэзия, возникнув в кочевой культуре, отличалась последующими характерными признаками. Это может быть связано, прежде всего, с переходом оттоман от кочевого образа жизни к оседлому. Прежде всего, религиозное мышление оттоман, происходящих от самийских и арийских корней, сумело найти свое поэтическое выражение в общем содержании. Следовательно, оттоманские поэты саза в большей степени не избежали влияния персидской поэзии и вместе прошли путь подобного влияния [4, 11-13].

Рафаэлла Льюис в своей книге «Повседневная жизнь в оттоманской Турции» коснулась вопросов истории, культуры, религиозного мировоззрения и быта, постаралась прояснить ситуацию по многим проблемам в присущем ей стиле повествования. В I главе книги под названием «Оттоманская Турция, его история и народы», читаем: «Есть необходимость в прояснении значения слов «тюркский» и «оттоманский». В этой книге слово «тюркский» используется на Западе не в том значении, в

котором принято в Стамбуле и других частях страны, однако Турция в некотором смысле отличается от империи (Оттоманской империи – А. Б.) несмотря на реальность географической целостности, на географической карте Оттоманской империи Турция не нашла своего воплощения [2, 21].

Естественно, что турки не покинули обжитые территории, говорили на своем тюркском языке, оттоманы (турки), захватив Анатолию и Румели, жителей этого края, а также население других территорий, покорившихся власти султана, подчинили центральной власти в Стамбуле.

Далее Рафаэлла Льюис пишет: «В национальном понимании понятия тюркизма не было, как не было и понятия «Тюркская империя» [2, 21].

Как ни старалась научными обобщениями Рафаэлла Луис доказать обоснованность подобных взглядов, высказывание идеи о наличии двух языков в оттоманский период не удовлетворяет читателя. Использование обращения «турок» оттоманами – богачами и известными людьми – по отношению к простым трудящимся, земледельцам для доказательства принадлежности оттоман к другой нации было бы самой большой ошибкой. Также никоим образом нельзя согласиться с мыслью Рафаэлла Льюис о том, что само слово «султан» пришло с Запада [2, 22]. Отметим, что в нашей священной книге Коране слово «султан» (на арабском передает значение титула правителя в исламских государствах) объясняет власть. Впоследствии возникла необходимость использования этого термина для объяснения светской власти, в отличие от духовной власти. Однако указывается, что слово «султан» впервые использовал в первые годы II века бывший правителем в Газне Махмуд Ибн-ил Амр Себюктек. Вообще же, не стоит забывать, что это слово, используемое исламскими правителями, подразумевает «силу», «влияние», «правителя».

Хотя Рафаэлла Льюис в книге «Повседневная жизнь в Оттоманской Турции» («*Everyday life in Ottoman Turkey*»), написанной с почтением и любовью к прошлой культуре, обычаям Турции, и не дает непосредственно сведений об оттоманской поэзии, обращают на себя внимание высказывания об образе оттоманского турка. В 9-ой главе этой книги, под названием «Провинции», переведенной на русский язык, читаем: «В ряде христианских стран, особенно на Балканах или Восточной Европе, приход тюрков подразумевал улучшение уровня жизни населения, особенно развитие торговых путей, потому как они прокладывали дороги по высохшим и текущим рекам вплоть до столицы империи Стамбула. Кроме этого, была ликвидирована власть многочисленных феодалов, принадлежащие им земли были распределены между сельским населением, а это порождалось, прежде всего, желанием способствовать мирной и спокойной жизни местного населения. Следовательно, Рафаэлла Льюис, отмечая, насколько сильно было влияние осман на уровень жизни во многих христианских регионах [2, 210-211], постаралась выразить османскому правлению свое уважение.

Однако наряду со всеми этими достоинствами, хотя у автора не было специального аналитического материала об османской литературе и поэзии, полагаем, что поэзия, как отдельная исследовательская тема, в Западной Европе, в том числе и у английских исследователей, была объектом большего внимания.

В английских источниках о жизни и творчестве оттоманских поэтов-правителей на этапах развития, пройденных поэзией оттоманского периода, написано отдельно. Однако в ряде научно-литературных источников коснулись определенных сторон и элементов тематики правителя-поэта, нашли свое отражение раскрытие литературной деятельности поэтов-султанов, и иных поэтов в обогащении оттоманской поэзии, отношения к тем или иным вопросам поэтического наследия. В этом контексте считаем целесообразным обратить внимание на научно-литературные аннотации ряда поэтов-султанов.

После кончины султана Салима Явуза [4]. его единственный сын Сулейман-хан пришел к власти (1520). Еще 26-летний султан, получив завершённое образование, уже созрел как обладатель меча и пера. В силу чрезвычайного следования принятым им законам и уложениям он был удостоен прозвища «Законодатель». Прожитый им век вошел в мировую историю как тюркский век. Сидевший на тюрко-оттоманском престоле ровно 45 лет 11 месяцев 7 дней Законодатель союзом историков удостоился звания «правитель мира». На Западе ему дали прозвище Сулейман Великолепный. Однако более чем к себе он был великолепен по отношению к государству и своему народу.

Блеск периода Законодателя не измеряется только его завоеваниями. Тюркско-исламская культура в этот период во всех сферах поднялась на свою самую высшую ступень. В качестве самых грандиозных личностей столетия расцениваются Занбилли Али-эфенди, Камал Пашазаде, Абусююд-эфенди в науке; Баки, Физули, Сулейман-Кануни – в литературе; Мемар Синан в истории; Мустафа Селаники, Джелалзаде, Магомет-паша Нишанчы в географии; Хайреддин-паша Барбаросса, Али-реис Сейди, Пири-реис и Тургут-реис, а также Лютфи-паша и Магомет-паша Сокуллу на государственной службе. Созданные впервые в оттоманской тюркской литературе тезкире (классический словарь-антология). Появилась в период правления этого падишаха. Такие мемуаристы, как Шехи и Латиф представляли свои произведения ему. Это позволяет сказать, что во всех частях империи возникла армия поэтов. Сулейман Кануни тоже писал стихи под псевдонимом «Мухибби» и с 2800 газелями создал второй большой диван после Зати.

Так какими же были материальные и духовные источники мирового господства и доминирования Оттоманского государства в мировой политике в течение веков. Во-первых, правители периода образования и возвышения продолжались и в период мирового господства. Итальянец Лангосто о Фатехе: «С нежным лицом, высокого роста, вызывал больше страха, чем почтения, редко смеялся, обладает сильнейшей страстью к познанию и благороден. Всегда был в себе уверен. Говорил на тюркском, арабском, фарси, византийском, славянском, итальянском и иудейском языках, очень любил военное дело. Был умным исследователем, желающим все знать. Был хозяином своих желаний и бдительным. Был устойчив к жаре, холоду, голоду, жажде и усталости. Фатех, чья жизнь прошла в джихаде за дело Аллаха, при поездке в город Трабзон был вынужден пешком пересечь Зиганские горы, и потому столкнулся там с большими трудностями.

Султан Баязид II же был поэтом, ученым и одновременно каллиграфом. Он был падишахом, со всех сторон достойным сравнения с теми, кто был до него и после

него. Несмотря на всевозможные восстания, внутренние смуты, угрожающее отношение западных стран с южными и восточными войсками по к тюркам, бедствия вроде землетрясений, селей и эпидемий, оттоманская империя эпохи Баязида II была основана как одна из могущественнейших стран мира [6].

Оттоманские падишахи, собрав выдающихся деятелей науки, религии, культуры и искусства, проводили работы по развитию науки и отдельных областей науки. Во времена Фатиха Стамбул превратился в один из центров культуры и мира. Рядом с такими религиозными деятелями как Молла Гурани, Акшамседдин, Ходжазаде, Молла Хосров и Хыдыр-бек, были такие лица, как Али Гушчу, Юсиф Синан-паша в математике и астрономии, Магомет-ибн-Хамза, Шафеддин Сабунчуоглу, Фатих Алтунчузаде в медицине. Султан Магомет Фатих, взяв под свое покровительство византийских и итальянских ученых, так же как и тюркских и исламских, оказывал им свою поддержку. Византийский ученый Йорги Амирикиси Батламюс из-за своей географии вынужден был сделать карту мира. Названия территорий, городов и позиций надписывал на турецком языке. Едва ли не самой значимой работой, указывающей на заслуги Фатиха в науке, является, несомненно, медресе, воздвигнутая им вокруг мечети. Об обучении, наряду с религиозными науками, математике, астрономии и медицине в 8 медресе вокруг мечети под общим названием Сахни Семан, и 8 медресе поменьше позади них, называемых Тетимме, написано в научных хрониках. Дела по превращению Стамбула в центр науки, осуществляемые в период султана Магомета Фатиха, были продолжены и при Баязид-хане, султани Салиме Явузе и султани Сулеймане Законодатель-Кануни. Баязид-хан определил подобные выплаты наряду с учеными своей страны и ученым в восточных исламских странах.

Султан Салим Явуз особо ценил ученых и поэтов. Видный поэт и шейх-уль-ислам Камал Пашазаде написал свою работу «*Tevarih –i Ali-i Osman*» об оттоманском периоде истории по приказу Явуза. И султан Сулейман Законодатель-Кануни относился к ученым с особым уважением, оказывал каждому из них почтение. Строил для ученых медресе, а для святых – текке. Построенные им в Стамбуле вокруг своей мечети медицинские и математические факультеты под названием Сахни-Сулейманийе стали одним из крупнейших научных центров мира. В период его правления культура и искусство достигли своего пика [5]. В учреждениях культуры и искусства, под покровительством Законодателя выросли большие личности, и каждый из них внес неподобный вклад. Развитие науки и культуры, заложенных султаном Мурадом II, продолжалось и при других падишахах. Начавшийся с Фатеха выпуск диванов продолжилось Баязидом II, Салимом I и Законодателем. В поэзии Фатех прославился под псевдонимом «Авни», Баязид – «Адлийе», Салим – «Салими» и Кануни – «Мухибби». Из придворных такие видные визири и ученые как Махмуд-паша, Магомед-паша Карамани, Ахмед Фанаризаде, Ибрагим Чандырлызаде, Ахмед Валиюддиноглы, Синан и Чезери Касум-паши покровительствовали отдельным людям науки и культуры, как Турции, так и приехавшим из-за рубежа. Такое положение вещей стало важнейшим фактором развития оттоманской науки и формирования деятелей науки. Следовательно, необходимо сказать, что и сегодня словесное наследие поэтов-султанов, которая может быть расценена как важная составная часть турецкой литературы и поэзии на этапах развития оттоманской по-

эзии, составляющая такой же большой этап, что и история оттоманского государства, сохранила свою идейно-эстетическую ценность, являются авторами поэтического наследия, где история превращается в литературу, а литература – в историю [7].

Выводы и перспективы. Таким образом, «возвращение» в турецкую литературу древней тюркской поэзии путем перевода с других языков позволяет сказать о том, что эта литература сыграла важную роль в сохранении тюркской культурной жизни в других языках и духовности мира.

Литература:

1. Gibb E. J. W. A History of Ottoman Poetry. Vol. I / Gibb E. J. W. – London, 1958.
2. Рафаэла Л. Османская Турция. Быт религия культура / Льюис Рафаэла. – Москва: Центрполиграф, 2004
3. Dora d'Istria. Osmanlılarda şiir. Havass yayınları / Dora d'Istria. – İstanbul, 1982
4. Антология [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.antoloji.com/yavuz-sultan-selim/hayati
5. Tarih sayfası [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.tarihsayfasi.com/turk-sultanlari/kanuni-sultan-suleyman.html
6. Osmanlı medeniyeti [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.osmanlimedeniyeti.com/makaleler/tarih/2-Beyazit-Bayezid-Veli-hayati
7. Turkceciler [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.turkceciler.com/osmanli_donemi_turk_edebiyati.html

Берекет А. Творчість поетів – султанів в англійському сходознавстві / А. Берекет // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 400–404.

У світі література того чи іншого народу, як територіально, так і в зв'язку із завоюванням країни, під впливом іншої держави-гегемона, може демонструвати силу його впливу, в цілому, може підпасти і під вплив культури, навіть літератури. Отже, вплив перської літератури на тюркське літературне середовище зовсім не означає спотворення багатого національного духовної та культурної спадщини або історії свідомості. Тому в інтонаціях, дусі оттоманської поезії був вплив зарубіжної літератури, і тому література, що стала дзеркалом духовного світу цих народів, не тільки не повинна бути піддана критиці і розкритикована, навпаки, необхідно ділитися з читачем перевагами всього того хорошого, що було прийнято літературою.

Ключові слова: Гібб, османський, поет, англійське сходознавство, тюркський, поезія

Bereket A. The creativity of poet's-sultans in English orientalism / A. Bereket // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 400–404.

In the world literature, both territorially and in connection with the conquest of the country, under the influence of another hegemonic state can demonstrate strength of its impact, but in general, it may fall within, and under the influence of culture, even literature. Consequently, the influence of Persian literature on the Turkic literary environment does not mean distortion rich national spiritual and cultural heritage, and the history of consciousness. Therefore, the tone, the spirit of Ottoman poetry was the influence of foreign literature, and therefore literature, which has become a mirror of the spiritual world of these people, not only should not be criticized and vilified, but rather to share with you to the benefits of all the good that was accepted in literature.

Keywords: Gibb, Ottoman, poet, English Oriental, Turkish, poetry

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 222

МИФОЛОГИЗМ РОМАНА СИМИН ДАНЕШВАР «ПЛАЧ ПО СИЯВУШУ» («СУВАШОН»)

Моллаахмади Д. А.

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
E-mail: persepolis@ukr.net*

Статья посвящена творчеству современной иранской писательницы Симин Данешвар и её роману «Плач по Сиявушу» («Сувашон») в частности, исследуется использование мифа в романе. В тексте можно выделить несколько мифологических слоёв: 1) связанный с архаическими представлениями доисламского периода; 2) связанный с трактовкой исламских религиозных текстов Корана; 3) связанный со взаимодействием христианских религиозных текстов с исламскими. Первый слой вызывает аллюзии на «Шах-намэ» Абулькаси́ма Фирдоуси, второй вырастает на основе первого, органично переплетаясь с ним, а третий наслаивается на первый, однако также не изолированный от него. К архаичным мифологемам принадлежат миф о тотеме-коне, миф о дереве, выросшем из крови, миф о герое (Сиявуше).

Особое внимание привлекает гендерная трансформация мифов в литературе. Женщина в современной литературе становится не только объектом изображения, но и активным субъектом, творцом – либо художественного произведения, либо истории. Симин Данешвар, являющаяся первой женщиной в истории литературы Ирана, трактует мифы по-новому, в частности, это касается мифологизации Второй мировой войны.

Ключевые слова: современная иранская писательница, роман, миф, Сиявуш, ислам, христианский, гендерная трансформация.

Роман современной иранской писательницы Симин Данешвар признан одной из вершин современной иранской литературы. К сожалению, пока он неизвестен в славянском мире.

Постановка проблемы. Ознакомить русскоязычного читателя с этим произведением достаточно трудно в силу нескольких причин. Во-первых, произведение является очень объёмным. Во-вторых, его жанр можно определить как роман-эпопею, что накладывает особую ответственность на переводчика как интерпретатора столь грандиозного замысла. В-третьих, язык романа изобилует ширазскими диалектизмами и авторскими аллюзиями на литературные произведения и исторические факты, что требует от переводчика не только широкой эрудиции, но и специальных знаний. В-четвёртых, одним из художественных приёмов Симин Данешвар в этом романе является интерпретация и творческая трансформация мифа. **Объектом данного исследования** и является миф в романе «Легенда о Сиявуше» («Сувашон») понятие мифа в иранской энциклопедии Моина имеет двойное значение: 1) легенда, рассказ; 2) неутешная речь (похоронный плач) [9, 267]. Украинская версия Википедии предоставляет иную трактовку: **Миф** (др. -греч.) в литературе – сказание, пере-

дающее представления людей о мире, месте человека в нём, о происхождении всего сущего, о богах и героях [10].

Предметом исследования является собственно мифологизм у Симин Данешвар. Понятие мифологизма в иранской научной литературе отсутствует, а в украинской Литературоведческой энциклопедии трактуется как «Способ поэтической реализации мифа в художественной литературе, его смысловое изменение на основе интерсемиотических приёмов, в частности, использование мифологем в новом семантическом поле, что актуализирует их особые значения при сохранении архаичной доминанты» [3, т. 2; 54]. **Научная новизна.** Произведения Симин Данешвар до сих пор не переводились на русский либо другие славянские языки. Для того, чтобы сделать это произведение доступным для европейской аудитории, существует необходимость в анализе его художественных особенностей и в сравнении с произведениями европейской литературы подобного масштаба. Если в Иране художественные особенности романа исследуются достаточно активно [6; с. 98], то в Украине это совершенно новая тема.

«Плач по Сиявушу» («Сувашон») – важнейшее и наиболее объёмное произведение Симин Данешвар, созданное в 1969 г. Главными его персонажами являются супруги Зари и Юсуф. Название романа отсылает читателя к поэме Фирдоуси «Шах-намэ» и определяет эпический жанр романа, а также его идейный замысел. В поэме Фирдоуси иранский царевич Сиявуш появляется в разгар кровопролитной войны между Ираном и Тураном как носитель воинской чести и доблести, чистоты и справедливости. Однако конечная цель борьбы Сиявуша – мир, который воцарится после его победы. Он строит города Сиявушгирд и Гангдидж, но предчувствует, что если его убьют, то вновь вспыхнет война между Ираном и Тураном. Его предчувствие сбывается. Но если до гибели Сиявуша войны между Ираном и Тураном с обеих сторон были лишь мстью за убитых царевичей, то впоследствии борьба иранских богатырей ведётся ради установления на земле мира. Таким образом, мифический Сиявуш становится символом всего Ирана, тех лучших качеств, которые заложены в его народе [2]. Обращаясь к образу-символу Сиявуша, Симин Данешвар хочет сказать об утрате этих качеств в современном иранском обществе и необходимости их возврата.

Весь роман Симин Данешвар пронизан аллюзиями на поэму Фирдоуси. В частности, несправедливое обвинение в измене и казнь Сиявуша сравнивается с трагической гибелью главного героя романа Юсуфа. Так же, как в «Шах-намэ» весь Иран оплакивает Сиявуша, Зари горько оплакивает Юсуфа. Примечательно, что название романа (в оригинале – «Сувашон») представляет собой ширазский диалектизм, который обозначает похоронный плач, и это слово происходит от имени Сиявуша.

Идея мученической смерти главного героя романа Симин Данешвар – Юсуфа – усиливается культом мученичества, который развился в иранском шиизме. Шиизм можно назвать этнической, сугубо иранской разновидностью ислама как мировой религии. Он сформировался из почитателей первого имама, Али, двоюродного брата и зятя Пророка Мухаммеда. Только в шиизме развился культ мученичества. Во всех шиитских религиозных центрах почитается память младшего сына Али, Хусейна, который был убит недалеко от города Кербела в Ираке сторонниками халифа

Язида в 680 году. Его смерть ежегодно отмечается мрачными и жестокими ритуалами в десятый день исламского месяца Мухаррам, известного как «Ашурá». В этот день в шиитских городах и местностях люди, оплакивающие смерть Хусейна, проводят шествия, во время которых многие занимаются самобичеванием, наносят себе раны цепями и саблями, посыпают себя глиной.

На основе символического образа несправедливо обвинённого и убитого народного героя Сиявуша Симин Данешвар создаёт новый символ: Зари страдает об утрате идеального героя, каким на самом деле Юсуф не был. Юсуф обретает идеальные черты в глазах Зари вследствие того, что является невинно убиенным. Идея обретения истины и святости через мученичество очень близка православной христианской культуре. Среди канонизированных русских святых одними из первых стали невинно убиенные мученики братья Борис и Глеб, а среди последних – члены царской семьи Романовых. Поэтому произведение Симин Данешвар так близко и понятно русской культуре.

Таким образом, в произведении Симин Данешвар можно выделить два пласта мифов: первый связан с доисламской историей Ирана и второй – с исламом в его собственно иранской трактовке (шиизме) следует подчеркнуть, что Симин Данешвар особенно близка шиитская интерпретация ислама и она, вследствие этого, во-первых, является человеком религиозным и, во-вторых, человеком, настроенным патриотически. Иногда в христианском мире считают, что ислам как религия ограничивает права и свободы женщин. Именно творческая личность Симин Данешвар, её личная судьба, её убеждения и то, как она их умела отстаивать, демонстрируют, что гражданские права и свободы ограничивает не ислам, а сложившиеся в обществе обычаи, и с религией это никак не связано.

Симин Данешвар намеренно сплетает в одном образе доисламские мифы и мифы-интерпретации смыслов, заложенных в Коране. В качестве примера можно взять всё тот же образ Юсуфа: с одной стороны, он ассоциируется с Сиявушем из «Шах-намэ», с другой – с Пророком Юсуфом (библейский Иосиф Прекрасный). Интересно, что если Симин Данешвар довольно детально описывает внешность других персонажей романа (например, американца Зингера или слугу Голама), то Юсуфа изображает очень обобщённо: ведь в этом и нет необходимости, читателю достаточно знать, что он прекрасен, как Пророк Юсуф. С одной стороны, Юсуф, как и Сиявуш в «Шах-намэ», после своей гибели находит своё продолжение в сыне Хосрове, а с другой – как Пророк Юсуф, даёт пищу своему народу во время голода. Одновременно и с Сиявушем, и с Пророком Юсуфом ассоциируется жалоба на героя романа индианки-танцовщицы Судабе: она обвиняет его в нечистых желаниях, что так же, как и в «Шах-намэ», и в истории с Пророком Юсуфом является клеветой.

Что же касается доисламских мифов в романе, их достаточно хорошо исследовали иранские литературоведы. В частности, интересна идея иранского исследователя Али Хосури о том, очень важная роль в романе Симин Данешвар отводится лошади как символу [8, 29]. Действительно, символична у Симин Данешвар лошадь Сохár, принадлежащая Хосрову. Сохар в начале романа – жеребёнок. Вследствие того, что в персидском языке не существует грамматического различия мужского и женского рода существительных, в переводе на русский язык нам пришлось заменить Сохар

Звёздочкой. Перевести персидское слово «Сохар» как «Заря» не представлялось возможным, поскольку в русской народно-речевой культуре Зорькой чаще называют корову, что может вызвать нежелательные ассоциации при интерпретации символа Симин Данешвар. При этом, как нам представляется, удалось сохранить лексическое значение, связанное с понятием «утренняя заря», «рассвет» и идеей надежды и победы. Принимая такое решение, мы опирались на материалы словаря В. И. Даля. Он, в частности, указывает на возможность взаимозаменяемости русских слов «заря», или «зоря» (это также и звезда [Т. 1, 627]), и «звезда» (это также и «утренняя и вечерняя зорница, одна и та же планета Венера» [Т. 1, 673]).

Али Хосури обращает внимание на то, что имя мифического Сиявуша, возможно, происходит от древнеперсидских корней *Сия-* и *Варсан-*, что в переводе значит «Вороной конь» [8, 41]. Али Хосури предполагает, что первоначально мифический Сиявуш и был вороным конём, таким образом, происхождение человека связывалось именно с этим животным как тотемом. Известно, что мифу присуща постоянная трансформация, на чём акцентировал внимание К. Юнг. Трансформацию древнегреческих мифологических представлений убедительно доказал и продемонстрировал в своих исследованиях выдающийся русский учёный А. Лосев. Поэтому идея Али Хосури кажется нам вполне логичной и находящейся именно в этой парадигме. У Симин Данешвар лошади отводится особая роль в траурной церемонии, названной народом «сувашон», по имени Сиявуша.

Ещё одной архаичной мифологемой, интерпретированной Симин Данешвар, является идея о появлении человека из растения, из цветка. В «Шах-намэ» из крови Сиявуша вырастает прекрасный цветок. В «Плаче по Сиявушу» Зари поливает сад водой, которой омывала погибшего Юсуфа: «(Зари). Знала, что уже сегодня вечером воду в бассейне поменяют, и ту воду, в которой она омыла тело мужа, очищая его от засохшей крови, отведут в сад, чтобы полить деревья» [7, 248]. И потом Зари снилось: «Странное дерево растёт в саду, и Голам маленькой лейкой поливает дерево кровью» [7, 252].

Сошлёмся здесь на наблюдение В. В. Артамоновой относительно русской «женской» прозы, характерной чертой которой, по мнению исследовательницы, «является воспроизведение гендерных трансформаций социального бытия, часто «мифологизирующего» свойства» [1, 231]. В частности, в современной литературе появляется много авторов-женщин (вспомним россиянок Викторию Токареву, Людмилу Петрушевскую, Наталью Медведеву, украинок Лину Костенко, Оксану Забужко, русскоязычную киевлянку Евгению Чуприну). Герой-мужчина в их произведениях часто отходит на второй план, становясь антигероем, как например, в символическом «Времени женщин» Елены Чижовой [5], вызывающем аллюзии на древнегреческих амазонок. Сдвиги в оценке роли женщины произошли не только в русском обществе, но и во всём мире, составной частью которого является Иран. Роман Симин Данешвар также относится к «женской» прозе, что предполагает другое, отличающееся от мужского, мировосприятие.

Выводы. Нам представляется, что женщина не создаёт новые мифы, а живёт в сфере традиционных образов и мифологем, но здесь важно, какой именно миф она выбирает для интерпретации и трансформации. Женский взгляд Симин Данешвар

характеризується саме трансформацією традиційного міфа в застосуванні до реальної життя. В частині, в романі «Плач по Сіявушу («Сувашон»)» міфологізована сама війна. Сімін Данешвар поводить про Другу світову війну. Але війна описана так, що не одразу читач зрозуміє: мова йде про Другу чи все-таки про Першу світову війну: згадані в романі реалії смазані і нечіткі. Таким чином Сімін Данешвар піднімається до висот узагальнення: війна показана і як особиста трагедія окремого чоловіка, і як трагедія всього людства. Не випадково тут є алюзії на «Шах-наме». Взагалом, про це вже сказано і в «Шах-наме» А. Фірдоусі, і в «Війні і мирі» Л. Толстого. Але Сімін Данешвар змогла то ж саме сказати по-своєму.

Перспектива. В даній статті проаналізовані далеко не всі образи і алюзії роману Сімін Данешвар, пов'язані з відомими міфами. В наступному ми плануємо продовжити цю роботу.

Література:

1. Артамонова В. В. Міфологеми «дитинства» і «дорослої життя» в оповіданні Л. Улицької «Дар нерукопороджений» / Артамонова В. В. // Язык, культура, менталітет: проблеми вивчення в іноземній аудиторії: Матеріали Х Міжнародної науково-практичної конференції 20-22 квітня 2011 г. – СПб: Вид-во РГПУ А. І. Герцена, 2011. – 339 с.
2. Даль Володимир. Тлумачення словаря живої великоруської мови: Т. 1 – 4. – М.: Російська мова. 1981.
3. Зарубіжні письменники. Енциклопедичний довідник. У 2 т / За ред. Н. Михальської та Б. Щавурського. – Тернопіль: Навчальна книга – Богдан, 2005.
4. Літературознавча енциклопедія: У двох томах / Авт.-уклад. Ю. І. Ковалів. – К.: ВЦ «Академія», 2007.
5. Чижова Е. С. Час жінки [роман] / Чижова Е. С. — М.: АСТ: Астрель, 2011. – 348, [4]. с. — ISBN 978-5-17-065697-4.
6. Atash Soda. M. *Metamorphose in the novel Savushun and story the snake and the man* / Atash Soda. M. // *The book of Literature and Philosophy* – № 84, Tehran, 2004. – P. 96-103.
7. Daneshvar Simin [novel] / Savushun. – Tehran, 1969. – 305 p.
8. Hosuri. A. *Siyavushan* / Hosuri.. – Tehran, 1951. – 144 p.
9. Moeen. M. *Moeen Encyclopedia* / Moeen. M. – Tehran, 1985. – 1133 p.
- 10 [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%96%D1%84>

Моллаахмаді Д. А. Міфологізм Роману Сімін Данешвар «Плач по Сіявушу» («Сувашон») / Д. А. Моллаахмаді // *Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації»*. – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 405–410.

Стаття присвячена творчості сучасної іранської письменниці Сімін Данешвар та її роману «Плач по Сіявушу» («Сувашон»). Зокрема досліджено використання міфу в романі. У тексті можна виділити кілька міфологічних шарів: 1) пов'язаний із архаїчними уявленнями доісламського періоду; 2) пов'язаний із трактуванням ісламських релігійних текстів Корану; 3) пов'язаний із взаємодією християнських релігійних текстів із ісламськими. Перший шар викликає алюзії на «Шах-наме» Абулькасіма Фірдоусі, другий виростає на основі першого, органічно переплітаючись із ним, а третій нашаровується на перший, однак теж не ізольований від нього. До архаїчних міфологем належать міф про тотема-коня, міф про дерево, що виростало з крові, міф про героя (Сіявуша).

Особливу увагу привертає гендерна трансформація міфів у літературі. Жінка у сучасній літературі стає не лише об'єктом зображення, але й активним суб'єктом, творцем – або художнього твору, або історії. Сімін Данешвар, яка є першою жінкою в історії літератури Ірану, трактує міфи по-новому, зокрема це стосується міфологізації Другої світової війни.

Ключові слова: сучасна іранська письменниця, роман, міф, Сіявуш, іслам, християнський, гендерна трансформація.

Mollaahmadi D. A. Mythologism in a novel written by Simin Daneshvar "Lament for Siyavush" ("Suvashon") / D. A. Mollaahmadi // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 405–410.

The paper deals with the novel of great Iranian writer Simin Daneshvar. She was born at 1921 in Shiraz and she died at 2012. Her life and her experience have become the bases of her stories and novels. She is well-known not only in Iran but abroad as well. The most known of her novels is "Suvashon" are dedicated to the period of the World War II. It may be interesting for the Ukrainians and the Russian people as the historical document that deals with the period known in the USSR as Teheran-43. That is why it so pity that it had not been translated into Slavonic languages for present days.

A comprehensive research of linguistic, literary and cultural problems, the study of the general theory of the development of language, culture and literature are among the most important branches of the humanitarian knowledge. They contribute to rising and deciding most urgent social and political challenges of our time. The Slavonic students' knowledge of the contemporary Iranian culture and literature may increase the trust between Slavonic and Iranian people at the present time.

"Suvashon" is interesting for its composition that includes some myths. There are 3 layers of myths in the novel. The first is connected with the most ancient period of Iran's history. This period is famous due to the epical poetry of "Shah-name" by Firdousy. The second myth's layer depends on the Islam and its main dogmatic content of Koran. The third group of the myths is connected with the Christianity.

The myths of the first group in "Suvashon" remind us the great poetry of "Shah-name" by Firdousy. They are connected with the ancient Iranian hero Siavush. The main hero of Daneshvar's novel is Iusof. His character is like the character of Siavush. Some myths such as myth about the black horse and the myth about the tree watered by the blood connect the present days and the history of Iran.

Last time Iranian women became not only the object of literary, but the subject of the creative work and history as well. Simin Daneshvar's novel is the great example of the gender transformation of the well-known myths. Her interpretations of the ancient myth in the connection with the World War II are absolutely new and impressive.

Key words: contemporary Iranian writer, novel, myth, Siavush, Islam, Christian, gender transformation of the myths.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 811. 222. 1

ЭЛЕМЕНТЫ РАННЕГО ЯЗЫКОВОГО ПУРИЗМА В ИРАНЕ (ДО СЕР. 19 В.)

Сухоруков А. Н.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: sankafd2004@gmail.com*

В данной статье рассматривается ранняя история движения за очищение персидского языка от иноязычных лексических заимствований, анализируются источники, свидетельствующие о пуристических тенденциях в Иране начиная с конца XI в. и основные представители иранского языкового пуризма, а также их мотивы, определяются преимущественные формы проявления языкового пуризма на раннем этапе развития в Иране этого языкового явления. Внимание уделяется также роли Азар Кейвана и его последователей в распространении идей языкового пуризма, публикации книги «Дасатир» и деятельности Манекджи.

Ключевые слова: персидский язык, история языкового пуризма, Азар Кейван, Дасатир, Манекджи.

Постановка проблемы. Пуризм как стремление очистить язык от элементов, не соответствующих языковым нормам, является характерным явлением для всех языков на определённом этапе их развития. Персидский язык, имеющий длительную историю своего развития, вобрал значительное количество иноязычных лексических заимствований, в первую очередь арабизмов. Новоперсидский язык сформировался к началу X века, но процесс арабизации лексики продолжался до середины XI века, причём наибольшая интенсивность притока арабизмов пришлась именно на первую половину XI столетия. К этому же периоду относятся и первые попытки очистить персидский язык (ПЯ) от иноязычных лингвистических заимствований. Элементы языкового пуризма (ЯП) того времени проявлялись в стремлении отдельных авторов писать на чистом персидском языке. Источников, позволяющих достоверно судить о глубине процесса сохранилось немного.

Актуальность. В отечественной иранистике вопрос ранней истории языкового пуризма в Иране не поднимался. Этим вопросом мало занимались и западные исследователи. Изучение пуризма в Иране традиционно начинается со времени формирования Академии Ирана в начале XX в. или же, в редких случаях, несколькими десятилетиями ранее. При том, что отдельные следы стремления обходиться без иноязычных заимствований можно найти на значительно более раннем этапе.

Цель и задачи. Целью данной статьи является рассмотрение форм проявления языкового пуризма в персидском языке на раннем этапе развития в Иране этого языкового явления. В соответствии с поставленной целью, необходимо решить следующие задачи: проанализировать имеющиеся исследования, посвящённые исследованию пуризма в персидском языке; определить основные формы проявления пуризма и мотивы сторонников очищения языка, систематизировать полученные результаты и сделать выводы.

Основной материал. Наиболее глубоко вопрос о первых проявлениях ЯП в Иране был рассмотрен Багером Садруниа в статье «Предыстория и теоретические основы «чистого языка» [4]. В соответствии с его исследованиями, самым ранним сохранившимся свидетельством ЯП в Иране является «Введение» к *بن أبي الخير بر روضه المنجمين* Шахмардана, датированное 1074 годом. В нем автор выступает с критикой стиля произведений отдельных писателей современности, которые пишут на чистом персидском языке. Мотивом, побуждающим избегать арабизмов, по свидетельству Шахмардана, являлось желание подобных писателей расширить читательскую аудиторию за счёт тех, кто не знает арабский язык. Хотя, продолжает автор, язык этих произведений был тяжёл, при том, что если бы писались обычным языком, были бы значительно проще и понятнее. Близким по времени свидетельством пуристических тенденций является «Кабус-наме» Кей-Кавуса, написанная в 1082-1083 гг. в виде наставлений своему сыну. В 39-ом разделе книги, посвященном правилам составления писем и написанию книг, автор советует воздержаться от чистого персидского языка: «и если придётся писать письмо на персидском языке, на чистом персидском писать не следует – некрасиво получится, тем более не пиши на фарси-дари, это не популярно, тебе самому писать так нельзя ни в коем случае» [4, 103].

Таким образом, на основании данных двух косвенных источников можно сделать следующие выводы: а) во второй половине XI в, когда было написано немало прозаических произведений на классическом персидском языке, в т. ч. «Сафарнаме» Насир Хосрова, имелся и другой стиль, отличительной чертой которого является отсутствие арабской лексики; б) данный стиль был труден для понимания даже образованному человеку; в) нет указаний на идеологическое обоснование стремления избегать арабизмов в речи. Замечание Шахмардана об облегчении понимания для определённых слоёв вступает в противоречие с его последующим заявлением, подкреплённым свидетельством Кей-Кавуса, что данный стиль сложен и непонятен; г) для обозначения стиля письма без арабизмов используются термины *درى مطلق ويزه* (Шахмарданом) и *پارسی مطلق* (Кейкавусом).

Последующие столетия также сохранили для нас свидетельства эпизодического характера стремления писать на персидском языке без арабизмов. Кратко остановимся на некоторых из них:

1. Бахааддин Мохаммад бен Моайяд Багдади (ум. 1200 г.), автор *التوسل الى الترسل*, одно из своих писем написал на чистом ПЯ. Во вступлении к письму автор следующим образом поясняет причину его написания: «как-то собравшись с друзьями лучшими за чашей вина, меня попросили, чтобы я ответил на их вызов и написал отрывок, лишённый арабизмов, и в память об этой победе я привожу сие» [4, 103], т. е. написано оно было по просьбе друзей, желавших, видимо, проверить его литературные способности. Само письмо состоит из 12 строк, местами неоднозначно и затруднительно для понимания. Несмотря на старания автора, полностью избежать арабизмов (*خواجه ، خرمى*) ему не удалось. Бахааддина Багдади можно считать одним из первых литераторов, положивших начало подобному стилю в последующем;

2. Шарафаддин Абдаллах Ширази (ум. 1323 г.), более известный как Вассаф-и хазрет («панегирист его величества»), в 4-ой части *تاریخ و صاف* поместил письмо своему другу, которое лишено арабизмов («معرا از الفاظ عربی») письмо достаточно

ему другу, которое лишено арабизмов («معرا از الفاظ عربی») письмо достаточно пространно и занимает 4 страницы. Текст письма полностью был опубликован в 1951 году Али Асгар Хекматом, видным пропагандистом пуристических идей, в его книге «پارسی نغز».

3. Письмо Моинаддин Мохаммад Аббасэ Шахрестани, известного также, по мнению упомянутого выше Хекмата, как Моинаддин Йазди (ум. 1385 г.). Данное письмо на двух страницах написано чистым ПЯ и хранится в настоящее время в библиотеке Тегерана.

4. Письмо известного учёного XV века Джалаладдин Мохаммад Давани (ум. 1502 г.), которое он поместил в конце своей рукописи رساله قلمیه. Оригиналом этого двухстраничного письма владел А. А. Хекмат, бывший в своё время министром просвещения Ирана, который и привёл его полностью в своём сборнике «Прекрасный персидский» [3].

5. Письмо под названием «کتابی که به یاران قزوینی نوشته شده، خالی از لفظ عربی», вошедшее в собрание из 180 писем и приказов, которые записал Мирза Тахер Вахид Казвини (ум. 1708 г.) – летописец при дворе Солеймана Сефевиды. Это письмо содержит более четырёх с половиной страниц текста на чистом ПЯ. Оно также вошло в указанное выше произведение Хекмата.

Относительно отмеченных выше 5 прозаических произведений на чистом ПЯ в период с XII по XVII вв. можно прийти к следующему заключению:

1) Все сохранившиеся свидетельства стремления обходиться без арабизмов представлены письмами друзьям, т. е. общение на таком языке если и имело место, то только в узком кругу единомышленников. Отдельные художественные произведения на чистом ПЯ не сохранились, как и нет никаких указаний на их возможное существование;

2) Большинство авторов писем имели очень высокопарный литературный стиль. Шарафаддин Ширази считается в персидской литературе одним из тех, чей стиль наиболее сложен и излишне витиеват. Очень напыщенно писали также Моинаддин Йазди и Бахааддин Багдади. Главное литературное произведение последнего, в состав которого и вошло письмо на чистом ПЯ, настолько изобилует арабизмами, арабскими фразеологическими оборотами, пословицами и поговорками, вставками арабских стихов, что не оставляет места в определении истинных языковых симпатий автора [4, 106-107]. Исходя из предыдущего положения, можно предположить, что авторы писем на чистом ПЯ таковым стилем желали, прежде всего, продемонстрировать богатство своего языка.

Развитие в Иране ЯП в полном смысле этого слова связано с деятельностью Азара Кейвана и его последователей. Азар Кейван (около 1529-1618) был зороастрийским первосвященником, попытавшимся совместить основы зороастризма с идеями суфизма (ишракизма) свою родословную он возводил по отцу к легендарному Сасану V, а от него к Киянидам; по материнской линии считал себя потомком Хосрова I Ануширвана. Азар Кейван родился в Истахре, в 100 км. севернее современного Ширази. По преданию, обучаясь в медресе, он получил прозвище ذوالعلوم (мастер наук), т. к. отвечал на вопросы прежде, чем они ему задавались. В возрасте до 40 лет Азар Кейван переселился в Гуджарат, где и развернул активную деятель-

ность по распространению своих философских идей. Среди прочего, Азар Кейван позиционировал зороастризм как религию высшей мудрости, правителей древнего Ирана как справедливых монархов и язык той эпохи – как сакральный язык человечества. Поэтому любые изменения в языке, прежде всего – появление лексики иноязычного происхождения, воспринимались как кощунство. Азар Кейван, а затем и его многочисленные последователи выступили против арабизмов и пропагандировали идею возвращения персидскому языку его первоначальной чистоты.

Последователей этого движения условно объединяют в «Группу Азар Кейвана» (فرقه آذر کیوان) в разное время к представителям этой группы относили таких видных деятелей, как Фарзана Бахрам, шейх Бахааддин Амели и Мир аболь-Касем Фендерески. Относительно устойчивости пуристических позиций последнего существуют разногласия. Мир Фендерески был знаменитым специалистом в мусульманском мире и интересовался различными верованиями. На этой почве его знакомство с идеями Азара Кейвана вполне допустимо. Однако, относительно его симпатий зороастризму можно судить по одной фразе: на вопрос, почему он не отправляется в хадж, ответил – потому что там необходимо самому убить барана [6].

В 1778 году Молла Кавус, зороастриец из Гуджарата, прибывший в Иран вместе со своим сыном Фирузом чтобы изучить календарь местных зороастрийцев, приобрёл несколько ценных книг на пехлевийском языке, в т. ч. и таких, о которых парсы Индии знали лишь понаслышке. Из общего числа книг выделялась «Дасатир» (دساتیر), купленная у торговца старинными книгами в Исфагане [5, 165]. Первое отличие книги заключалось в её особой лексике, второе – в том, что в сохранившихся источниках не имелось никаких указаний на её существование. По возвращению в Индию, внимание многих европейских востоковедов (в т. ч. Уильяма Джонса) оказалось прикованным к этому новому источнику. Дж. Мальком, будущий генерал-майор Великобритании, по настоянию губернатора Бомбея и сэра У. Джонса сделал перевод «Дасатир» на английский язык. Примечательно, что само слово «дасатир» является арабской формой множественного числа от заимствованного из персидского «дастур» (*указание, инструкция или главный зороастрийский жрец*). То есть в самом названии книги, положившей начало новому витку пуристических идей, отражено всё многообразие отношений арабского и персидского языков.

Структурно «Дасатир» (т. е. *предписания*) состоял из 16 разделов, авторство которых приписывалось 15 пророкам, от первочеловека Махабада, до последнего – Сасана V, современника Хосрова I (590-628). «Дасатир» представлен двумя частями – текстом на малопонятном языке и его подстрочным переводом с последующими комментариями, приписываемыми Сасану V. Тематически «Дасатир» является обращениями пророков и содержит идеи, присущие индийским, древнеиранским, греческим философским школам и религиозным доктринам, имелись параллели также с Кораном, хадисами и учением суфиев (ишракизмом).

В лексическом плане «Дасатир» представляет собой такое же смешение времён и стилей. Более того, «Дасатир» богат неизвестными словами на чётко прослеживаемой иранской основе. По мере исследованности «Дасатира» среди специалистов росло сомнение в его подлинности. Уильям Эркин, ещё один переводчик «Дасатир» (1818 г.), и Сильвестр де Саси первыми высказали обоснованное подозрение

в фальсификации источника. Окончательно доказал искусственное происхождение большей части уникальной лексики «Дасатир» Эбрахим Пурдовуд, профессор Тегеранского университета, крупнейший специалист в области древне- и среднеперсидского языка, сам в прошлом страстно увлечённый этой книгой. На основании данных сравнительно-сопоставительного анализа Пурдовуда время написания «Дасатир» было отнесено не к VI, а к XVI-XVII вв. Однако, незначительная часть новой лексики действительно имела отношение к древнеиранскому языку.

Иранские исследователи из университета Аламе Табатабаи А. Атрафи и М. Афразанде разделили всю лексику «Дасатир» на 4 типа: а) обычная лексика современного ПЯ; б) архаическая лексика, отмеченная в пехлевийских и зороастрийских текстах, а также редкие архаизмы, употреблявшиеся и Ибн Синой и Бируни; в) кальки с отдельных арабских слов; г) псевдоархаизмы – уникальная лексика, преимущественно искусственного происхождения, созданная анонимным составителем «Дасатир». Образование псевдоархаизмов было осуществлено по следующим моделям: метатеза, изменение семантики лексики, увеличение или уменьшение числа букв в словах, неверное использование форм глаголов (جعل فعل) и вольное словообразование без соблюдения норм грамматики [5, 164].

Иранские пуристы из «группы Азар Кейвана» с восторгом восприняли эту книгу и объявили её образцом чистого персидского языка. Многие новые слова из книги вошли в словари, в т. ч. в самый авторитетный словарь того времени «Борханэ катэ». Писатели и поэты, полагая, что это коренная иранская лексика, стали вводить её в свои произведения [4, 108]. Возникло даже новое понятие – «язык Дасатира», т. е. чистый ПЯ, без иноязычных заимствований и опирающуюся на лексику этой книги.

В 1854 году в Иран прибыл Манекджи Хатариа (1813-1890), представитель зороастрийской общины Индии с целью наладить жизнь своих единоверцев. Родился и вырос он в Гуджарате, где сильны были идеи Азара Кейвана, и сам Манекджи разделял его идею «великого прошлого» Ирана. В новой стране ему удалось сплотить зороастрийскую общину, повысить статус зороастрийца на официальном уровне, установить тесную связь с интеллигенцией, религиозными лидерами различных конфессий и государственными деятелями. В конце концов, Манекджи встречался даже с Насераддин-шахом, правителем Ирана, и смог произвести на него впечатление. Своим успехом Манекджи был обязан двум факторам. Первое – личные качества дипломата в сочетании с высокой активностью, второе – статус подданного Великобритании, наделённого, и в этом мало кто сомневается, особыми полномочиями [1, 201].

Оказавшись в Иране, Манекджи содействовал распространению идеи «великого прошлого», естественным проявлением которого считал чистый ПЯ, лишённый арабских, турецких и европейских заимствований. Из Индии Манекджи привёз несколько работ, большей частью историко-романтического характера, воспевавших героическое прошлое Ирана и распространял эти книги среди широкого круга своих новых знакомых. В числе привезённых им книг, помимо «Дасатир», были «Шарестане Чахар Чаман», «Дабестан аль-Мазахеб», «Айинэ Хушанг» и др. Ориентируясь, преимущественно, на прогрессивную молодёжь и интеллигенцию, Манекджи

представлял им привезённые книги, написанные на чистом ПЯ, как удивительные артефакты многовековой давности и образцы красноречия.

Среди близких друзей Манекджи, попавших под влияние его идей о необходимости очистки языка, оказались Джалаладдин Мирза Каджар – видный литератор того времени, один из сыновей Фатх Али-шаха Каджара, Исмаил-хан Туйсеркани, Гоухар Йазди и др. Встречался он и с лидером бегаитов Бахауллой. Впоследствии, по просьбе Манекджи, Бахаулла написал и переслал ему два небольших произведения, написанных на чистом персидском языке. Манекджи также поддерживал постоянную переписку с Мирзой Фатали Ахундзаде (Ахундовым), одним из главных идеологов романтического иранского национализма и талантливым литератором. Однако в итоге Ахундзаде, один из образованнейших людей своего времени, кавалер множества наград, полученных из рук монархов нескольких стран, полковник армии Российской империи, оказался о Манекджи не самого высокого мнения. Ахундзаде отзывался о нём как о человеке, разбирающемся в зороастрийских традициях лишь на самом поверхностном уровне, наилучшего представления он был и об его идеологических принципах – «Манекджи, встретившись в Иране с любым шейхом, суфием или просто набожным человеком, тут же протягивал ему руку своей преданности и готов был отдать голову в знак своей верности» [4, 109].

М. Бахар следующим образом описывает положение того времени: «Группа мошенников, несведущих ни в философии перипатетиков и ишракизме, ни в филологии, написала ряд безосновательных книг, таких как «Дасатир», принадлежащая перу личности неизвестного происхождения, относящей себя к зороастрийцам, но ничего не понимающей ни в настоящем зороастризме, ни в языке Авесты или в пехлевийском языке; непонятными слова, им же придуманными, представляет читателю выдуманную историю и абсурдные речи, переполненные философскими терминами, приписываемые им древними пророкам и правителям ... Подобные книги в 11-12-13 веках [хиджры]. появлялись одна за другой и даже некоторые составители словарей, например Мохаммад Хосейн, автор словаря «Борханэ катэ», попались на их обман и, приняв фантазии за настоящие слова, стали применять их в своих произведениях» [2, 291].

«Дасатир» дал иранской интеллигенции возможность почувствовать себя наследницей великой культуры, носительницей особой скрытой мудрости, а Манекджи своими усилиями по распространению идей о необходимости возрождения великого прошлого Ирана подготовил почву для национализма и посеял среди иранской интеллигенции ростки активной борьбы за чистоту языка, которые уже вскоре дали обильные плоды.

Выводы. Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

стремление избегать иноязычные лексические заимствования в Иране имеет длительную историю;

первоначально основные мотивы пуризма обусловлены были не идеологическими, а литературными факторами, но с 17 в. на первый план выходит идея возвеличивания прошлого Ирана до арабского завоевания, когда отдельными авторами арабизмы, а вслед за ними и другие лексические заимствования в персидском языке, начинают позиционироваться как свидетельства подчинения чуждой культуре;

с конца 16 в. на развитие языкового пуризма в Иране стали оказывать воздействие идеи из зороастрийской среды – Азар Кейван, объединивший идеи зороастризма и суфизма (кон. 16 в.), псевдостаринная книга-собрание речей пророков «Дасатир» (нач. 19 в.) и борец за права зороастрийцев в Иране Манекджи (с сер. 19 в.)

Литература:

1. Загадки старой Персии / [А. Эбрахими, Торкаман, СМ. Бурьгин, НН Непомнящий] – М. : Вече, 2010. – 320 с, ил. – (Terra Historica) ISBN 978-5-9533-4729-7
2. ص 451 ، 1369 بهار ملك الشعراء محمدتقی سبک شناسی جلد اول امیر کبیر / چاپ پنج،
3. 1330 پارسی نغز، مجموعه‌ای است از برگزیده‌های پارسی‌گویان / حکمت، علی اصغر / تهران، کتاب فروشی حقیقت،
4. پاییز 65، شماره 17 صدوی نیا، باقر پیشینه تاریخی و مبانی نظری سره نویسی / مجله دانشکده ادبیات و علوم انسانی تبریز، سال 1377، ص. 99-127
5. ص. 64 ، مسلسل 3 عطرفی علی اکبر، افرازنده منیژه ، سره گرابی در تاریخ ادب فارسی / مجله تاریخ ادبیات ، شماره 161-188
6. <http://www.iptra.ir/vdcdytns00f.html>

Сухоруков О. М. Элементы раннего мовного пуризма в Ірані (до сер. 19 ст.) / О. М. Сухоруков // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 411–418.

У даній розвідці розглядається рання історія руху за очищення перської мови від іншомовних лексичних запозичень, аналізуються джерела, що свідчать про пуристическіє тенденції в Ірані починаючи з кінця XI ст. і основні представники іранського мовного пуризму, а також їх мотиви, визначаються переважні форми прояву мовного пуризму на ранньому етапі розвитку в Ірані цього мовного явища. Увага приділяється також ролі Азар Кейвана і його послідовників у поширенні ідей мовного пуризму, публікації книги «Дасатір» і діяльності Манекджи.

Ключові слова: перська мова, історія мовного пуризму, Азар Кейван, Дасатір, Манекджи.

Sukhorukov O. M. Elements of early language purism in Iran (until the middle XIX century) / O. M. Sukhorukov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 411–418.

The first attempts to purify Persian language from foreign linguistic borrowing refer to the end of the eleventh century. The most profound work devoted to the question of first signs of LP in Iran is an article «Background and theoretical basis of pure language» by Bagheri Sadriniya. According to this research, the earliest remained evidence of linguistic purism in Iran is the «Introduction» to *بن أبي الخير بر روضه المنجمين* by Shahmardan (1074) and «Cavus-name» (1082-1083) by Keykavus. On the base of these indirect sources we can make the following conclusions: a) in the second half of the eleventh century there was a style that differed from the traditional, and it's main feature was a lack of Arabic borrowings; b) this style was difficult to understand even for an educated person; c) there is no signs of ideological justification for the desire to avoid Arabisms in speech; d) for style of writing designation the following terms are used without Arabisms *دری مطلق ویژه* (by Shahmardan) and *پارسی مطلق* (by Keykavus).

The subsequent centuries have preserved for us an episodic evidence of desire to write in Persian without Arabisms: Bahaaddin Mohammad bin Moayyad Baghdadi (um. 1200), the author of *التوسل الى التوسل*, wrote one of his letters accounting 12 lines in pure PL; Sharafaddin Abdallah Shirazi (d. 1323), in the fourth part of his *تاريخ وصاف* posted a letter to his friend, that was «معرا از الفاظ عربی» (free from Arabisms); the letter of Moinaddin Mohammad Abbase Shahrestani (d. 1385) accounted two pages and was written in pure PL; the letter of Jalaladdin Mohammad Davani (d. 1502), which was placed at the end of his manuscript *رساله قلمیه*; the letter entitled «کتابی که به یاران قزوینی نوشته شده. خالی از لفظ عربی» that became a part of the collection of 180 letters and orders written by Mirza Tahir Waheed Qazwini (d. 1708). Taking into consideration the above-mentioned five prose works in pure PL during the period from XII to XVII century we came to the following conclusion: all remained evidences of desire to do without Arabisms are presented by letters to friends; it can be assumed that the authors of letters in a pure PL above all by such style wished to demonstrate the richness of their language and diversity of literary talent.

The development of language purism in Iran is connected with the activities of Azar Keyvan (1529-1618) and his many followers. Azar Keyvan spoke against Arabism and advocated the idea of returning to Persian language its original purity. In 1778, the Mall Cavus, a Zoroastrian from Gujarat, bought some valuable books in Pahlavi language including «Dasatir» (دساتیر), in Isfahan. Later it was proved that much of the «Dasatir» vocabulary turned to be faked and had no relation to the real old Persian. Iranian purists that belonged to «Azar Keyvan's group» met the book enthusiastically and declared it a model of pure Persian. Many of the new words from the book entered dictionaries, among which was the most authoritative dictionary of that time «Borhane kate» Writers and poets, believing that it's a native Iranian words, began to use it in their works.

In 1854 Manekji Khatari (1813-1890), a representative of the Zoroastrian community of India came to Iran. Manekji contributed to the spread of the idea of «the great past», the main manifestation of which he regarded a pure PL, devoid of Arab, Turkish and European borrowings. Among close friends of Manekji who have fallen under the influence of his ideas were Dzhahalaladdin Mirza Qajar, Ismail Khan Tuyserkani, Gowhar Yazdi and others. Later he met with the leader Baha'i Baha'u'llah. Subsequently, at the request of Manekji, Bahá'u'lláh wrote and sent him two small works written in pure Persian.

«Dasatir» gave Iranian intellectuals the opportunity to feel themselves the heirs of a great culture, the bearers of a special hidden wisdom, and Manekdzhd by his efforts for spreading ideas about the need to revive the great past of Iran, prepared the ground for nationalism and sowed the seeds of active struggle for the purity of the language among Iranian intellectuals and soon these seeds gave abundant fruit.

Keywords: Persian language, history of linguistic purism, Azar Keyvan, Desatir, Manekji.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 811. 222. 1'373. 4

СВОБОДНЫЕ КОПУЛЯТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ САДЕКА ХЕДАЯТА «СЛЕПАЯ СОВА»

Сейитхалилова Ф. Д.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: feka92@yandex.ru*

В данной научной работе анализируется произведение Садека Хедаята «Слепая сова» с точки зрения грамматики. Рассматриваются свободные копулятивные сочетания персидского языка в различной классификации. Мы исследуем копулятивы интерфейсального типа со связочным «алифом», «союзные», «предложные» интерфейсы. Также в научной статье даются примеры словосочетаний с союзами و -о-, -vo-вав, به -be, تا -ta. В ходе исследования выяснилось, что этому произведению характерны персидско-арабские, арабско-персидские, арабские сочетания слов. Садек Хедаят часто использует в произведении свободные копулятивные сочетания, которые выполняют роль определения, обстоятельства и сказуемого в предложении, затем характеризуем интерфейсы, которые образуют сложные имена: сложные имена сочинительного типа и сложные имена детерминативного типа. На каждую классификацию свободных копулятивных сочетаний приводится несколько примеров как в предложении, так и за его пределами.

Ключевые слова: свободные копулятивные сочетания, Садек Хедаят «Слепая сова»

Постановка проблемы. Произведения классиков дали толчок для развития и дальнейшего употребления свободных копулятивных сочетаний у поэтов 20 века, таких как Садек Хедаят, Саид Нафиси, Хосроу Шахани и др.

Цель данной работы – рассмотреть основные особенности употребления свободных копулятивных словосочетаний в произведении Садека Хедаята «Слепая сова».

Материалом исследования является произведение Садека Хедаята «Слепая сова», которое было написано в 1937 году.

Объектом исследования служат свободные копулятивные словосочетания.

При написании работы использовались следующие методы лингвистического анализа – описание, сопоставление, классификация.

Задачи научной работы: 1. проанализировать копулятивные словосочетания в произведении; 2. дать определение понятия копулятивные словосочетания; 3. определить синтаксическую, морфологическую роль копулятивных словосочетаний в предложении; 4. выделить структурно-семантические типы свободных копулятивных словосочетаний в зависимости от компонентного состава; 5. выявить, какие типы копулятивных словосочетаний чаще использует Садек Хедаят; 6. систематизировать полученные результаты, сделать выводы.

Актуальность научного исследования обусловлена необходимостью подробного изучения и анализа использования свободных копулятивных словосочетаний в произведении «Слепая сова».

Анализ последних исследований по проблематике работы. Копулятивные словосочетания были рассмотрены несколькими авторами, такими как: Талыбовой С. Э «Копулятивные сочетания в современном персидском языке» [7], Меликян Г. В. «Парные словосочетания в современном персидском языке» [4], также несколько глав посвящены копулятивным словосочетаниям в работе Пейсикова Л. С [5]. и Рубинчика Ю, а [6]. Меликян и Талыбова являются авторами ценных работ, где изучены структурно-семантические и синтаксические особенности свободных копулятивных словосочетаний в современном персидском языке. Стоит отметить одну из последних работ Сухорукова А. Н. «Участие западных лексических заимствований синонимических копулятивных словосочетаниях в персидском языке» [7]. Здесь косвенно затрагивается тема копулятивных словосочетаний в персидском языке.

Основной материал. Появление копулятивных словосочетаний уходит корнями в среднеиранскую языковую эпоху. Искусство создания новых копулятивных словосочетаний и умение использовать их в соответствующем контексте было хорошо известно классикам персидской поэзии, таким, как Рудаки, Ибн Сина, Фаррухи Систани, Фирдоуси, Саади, Хафиз, которые с большой охотой и мастерством использовали копулятивные словосочетания в своих литературных шедеврах. М. Бахар называет произведения Фирдоуси и Саади «первоисточником копулятивных словосочетаний с синонимическими компонентами». Саади использует двухкомпонентные свободные копулятивные словосочетания в своих произведениях.

Прежде чем перейти к рассмотрению самих копулятивных словосочетаний в произведении «Слепая сова», определимся с некоторыми лексикологическими терминами.

Итак, словосложение – это древний и постоянно действующий способ образования слов, который выражает соединение в одно слово двух или более лексических морфем. В персидском языке для образования копулятивных словосочетаний обычно используются интерфиксы (словообразовательные средства языка, которые предназначены для соединения лексических морфем). Л. С. Пейсиков различает копулятивы интерфиксального типа со связочным «алифом», «союзные», «предложные» интерфиксы [5].

Садек Хедаят является крупным писателем персидской литературы по написанию коротких рассказов. Его произведения являются источниками метафор, аллегорий, выражений с намеком. Все рассказы автора уникальны и для научной работы мы избрали одну из известных его работ «Слепая сова». Повесть Садека Хедаята «Слепая сова» была закончена в 1937 году. Эту новеллу можно считать психологическим произведением реалистического направления, в котором повествуется об отчаявшемся юноше, который потерял свою возлюбленную, а вместе с ней и смысл жизни. Здесь автор использует более 50 копулятивных словосочетаний. Союзный интерфиксальный тип в персидском языке образуется с помощью *و* -*o*-, -*vo*- (букв. «вав», «соединительный вав»), например: *كج و كوله* – *kaj-o-kule* ‘кривой, изогнутый’; *تر و تازه* – *tar-o-taze* ‘очень свежий’; *ادب و رسوم* – *adab-o-rosun* ‘традиции, обычаи’; *بیم و*

هراس – bim-o-heras ‘страх, боязнь’; ازل وابد – azal-o-abad ‘вечность’; خسته وکوفته – xaste-o-kufte ‘усталый’; – تلخمه و گسگس – gas-o-talxmaze ‘терпкий, горький’;

نشو و نما – naşvonaма ‘рост, развитие’; مختصرو ساده – moxtasar-o-sade ‘легкий, простой’.

В произведении «Слепая сова», кроме соединительного вав’а, используются такие интерфиксы как به –be; تا –ta, например: سرتاسر – sar-ta-sar ‘весь, от начало до конца’; روزبه روز – guz-be-guz ‘изо дня в день’; روبو – ru-be-ru ‘напротив’.

Произведению Садека Хедаята характерны сочетания персидско-арабских, арабско-персидских, арабских слов, например: اتفاق و پیشامد – etefaq-o-pişamad ‘случай, событие’ etefaq -заимствованное арабское слово; نادر و عجیب – nader-o-ajib ‘удивительный, редкий’ ajib – заимствованное арабское слово; غما و برزخ – eqma-o-barzah ‘обморок’; فقر و مسکننت – faqr-o-maskanat ‘бедность, нищета’ faqr – заимствованное арабское слово; عظمت و شکوه – azamat-o-şekuh ‘величие’ azamat – заимствованное арабское слово; قصه و حکایت – qesse-o-hekayat ‘рассказ, сказ’ qesse – заимствованное арабское слово; پیروزی و فتح – fath-o-piruzi ‘победа’ fath – заимствованное арабское слово; سر و رمز – ser-o-gamz ‘секрет, тайна’ ser – заимствованное арабское слово; مانع و عائق – mane’-o-ayeq ‘препятствие, помеха’, оба слова **свободного копулятивного** сочетания слов в персидском языке могут быть семантически тождественными, то есть оба слова являются полными, равноправными синонимами, примерами из произведения «Слепая сова» выступают [8]: آرام و ساکت – saket-o-aram ‘тихо, спокойно’; جنبش و حرکت – jombeş-o-harakat ‘движение’; سکوت آرام و sokut-o-aram ‘тишина, молчание’;

کیف و خیال و فکر – xiyal-o-fekr ‘мысль’; آرام و آهسته – aram-o-aheste ‘тихо, спокойно’; لذت و لذت – keyf-o-lazzat ‘наслаждение’; مات و منگ – mat-o-mang ‘изумление’.

Некоторые интерфиксы образуют сложные имена, которые делятся на два типа: сложные имена сочинительного типа и сложные имена детерминативного типа (один элемент дополняет другой). К копулятивным сложным словам относятся редупликации различных имен и причастий прошедшего времени глаголов – объединение одинаковых лексических основ путем соположения [6]. Сложные имена сочинительного типа также используются в произведении «Слепая сова», например: نام نم – namnam ‘по каплям, мелкими каплями’ (نام ‘влага, роса’); کم کم – kamkam ‘постепенно’ (کم ‘мало, редко’); دانه دانه – danedane ‘поштучно’ (دانه ‘зерно, семя, штука’). В произведении «Слепая сова» свободные копулятивные сочетания выполняют роль определения, обстоятельства и сказуемого. Например, сказуемое:

1. به جای اینکه این داروهای نامید فکر مرا فلج و کرخت بکند –

فالج و کرخت کردن – falaj-o-kerext kardan ‘парализовать’, оба слова семантически тождественны, словосочетание является копулятивным сказуемым;

2. کفنت و پژمرده کردن – kenef-o-rajmorde kardan ‘увядать, поблекать’;

3. گذشته و آینده دور و نزدیک با زندگی احساساتی من شریک و توام شده بود.

شریک و توام شدن – şarik-o-tavam budan ‘объединяться, соединяться’;

4. کشیک و انتظار کشیدن – از این ببعده مانند روحی که در سکنجه باشد هر چه انتظار و کشیک کشیدم.

کشیک و انتظار کشیدن – keşik-o-entezar keşidan ‘ожидать’;

5. از درختها از سنگها از ماه که شاید او به نگاه کرده باشد استغاثه و تضرع کرده ام.

- استغاثه و تضرع كرد - esteqase-o-tazarro 'умолять, просить'.

Также были проанализированы другие сказуемые из этой работы вне предложения, например: - منظم كردن و مرتب morattab-o-monazzam 'регулировать, упорядочивать'; - چين و چروك و تاب خوردن - çin-o-çoguk xordan 'извиваться, корчиться'; خوردن - çin-o-çoguk xordan 'морщить'.

Свободные копулятивные сочетания, которые выполняют роль определения и обстоятельства выражены определительными и обстоятельственными наречиями в произведении. Наречия в современном персидском языке классифицируются по-разному, так, например, наречия образованные путем повторов: دانه دانه - danedane 'постепенно' (دانه - штука, зерно); بلند بلند - bolandboland 'высоко-высоко'. Обстоятельство образа действия, которое характеризует способ совершения действия также выражается наречием. Например: 1. شيره آنرا قاشق قاشق در گلوی خشک این - 'ложками'; 2. .. شراب آنرا .. - 'каплями'. قطرہ قطرہ - qatreqatre 'каплями'.

К свободным копулятивным словосочетаниям также можно отнести причастие прошедшего времени. Например, в предложении - خانه هایعجیب و غریب به شکلهای بریده - borideboride 'отрывисто, прерывисто

(boride - причастие прошедшего времени от глагола بریدن boridan 'резать, отрубать'). Копулятивные сочетания вне предложения, например, رفته رفته - rafterafte 'постепенно, мало-помалу' - причастие прошедшего времени от глагола رفتن - raftan 'идти, ехать'; جسته جسته - jastejaste 'постепенно, мало-помалу', причастие от глагола جستن jastan 'прыгать'.

Вывод. Проанализировав произведение Садека Хедаята, с точки зрения грамматики, подведем некоторые итоги: произведение «Слепая сова» насыщено различными грамматическими особенностями и одной из этих особенностей является широкое использование свободных копулятивных сочетаний в различных категориях. Рассмотренные нами копулятивные сочетания в персидском языке могут выражаться именем существительным, прилагательным, наречием и глаголом. В работе было проанализировано около 50 копулятивных словосочетаний разных типов. В произведении «Слепая сова» больше, чем наречия и глаголы, используются копулятивные сочетания имени существительного и прилагательного с интерфиксом 'вав'. Копулятивные словосочетания чаще представлены в словах автора, в речи же героев используется редко или вообще, не используется.

Литература:

1. Персидско-русский словарь: в 2 т. [свыше 60000 слов, сост. Ю. А. Рубинчик и др.], - 2-е изд, стереотип, с прил. новых слов. - М. : Рус. яз, 1983. Т. I. - 800 с. - Т. II. - 864 с. - П 4602020000-148/015(01)-83 141-83
2. Русско-персидский словарь [около 30 000 слов / сост. Г. А. Воскоян] - М. : Русский язык, 1986. - 832 с. - В 4602020000-079 / 015(01)-86 165-86
3. Бертельс Е. Э. Грамматика персидского языка / Бертельс Евгений Эдуардович. - Ленинград, издание института живых восточных языков им. А. С. Енукидзе, 1926. - 129 с.
4. Меликян Г. В. Парные словосочетания в современном персидском языке: автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук: спец. 10. 02. 08 «Языки народов стран Азии, Африки...» / Меликян Гурген Врежович; Ереванский ун-т. - Ереван, 1984

5. Пейсиков Л. С. Лексикология современного персидского языка / Лазарь Самойлович Пейсиков. – Изв-во Московского университета, 1975. – 207 с. – Библиогр. : 5-12. – П 70104-160 /077(02)-75 98-75

6. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского языка / Рубинчик Ю. А. – М. : Изд-ая фирма «Восточная лит-ра РАН», 2001. – 600 с. – Библиогр. : 581-590. – ISBN 5-02-018177-3

7. Сухоруков А. Н. Участие западных лексических заимствований синонимических копулятивных словосочетаниях в персидском языке: научная статья / Сухоруков Алексей Николаевич. – Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2012.

8. Талыбова С. Э. Копулятивные сочетания в современном персидском языке / Севиль Энвер кызы Талыбова. – М. : ИВ РАН, Изд-ая фирма "Восточная лит-ра РАН", 2007. – 160 с. – ISBN 978-5-02-036319-9

9. صادق هدايت. بوف كور صادق هدايت. - تهران! نسخهء چاپخانهء سپهر، بهمان ماه ۱۳۵۱

Сейітхалілова Ф. Д. Вільні копулятивні словосполуки в творі Садека Хедаята «Сліпа сова» / Ф. Д. Сейітхалілова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 419–423.

В даній науковій роботі аналізується твір Садек Хедаята «Сліпа сова» з точки зору граматики. Розглядаються вільні копулятивні словосполуки перської мови в різній класифікації. Ми досліджуємо копулятиви інтерфіксального типу із зв'язковим «алефом», «союзні», «прийменникові» інтерфікси. Також у науковій статті даються приклади словосполучень із сполуками *و-o-*, *-vo-vav*, *به-be*, *تا-ta*. У ході дослідження з'ясувалося, що цьому твору характерні персько-арабські, арабсько-перські, арабські поєднання слів. Садек Хедаят використовує в творі вільні копулятивні словосполуки, які виконують роль визначення, обставини і присудка у реченні, потім характеризуємо інтерфікси, які утворюють складні імена: складні імена сурядного типу і складні імена детермінативного типу. На кожен класифікацію вільних копулятивних словосполук наводиться кілька прикладів як у реченні, так і за його межами.

Ключові слова: вільні копулятивні словосполуки, Садек Хедаят «Сліпа сова».

Seyithalilova F. J. The free copulative word combinations in the work of Sadek Hedayat “Blind Owl” / F. J. Seyithalilova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 419–423.

The work of Sadek Hedayat is analyzed from the point of grammar in the present paper. The free copulative word combinations of Persian language are considered in the different classification. We explore the copulatives with ‘alif’, ‘conjunction’ ‘prepositional’ interfix. The examples of the word combinations with ‘vav’, ‘be’, ‘ta’ interfix is also given in the present article. During our research, it became clear, that the work “Blind owl” is characterized the Persian-Arabic, Arabic-Persian, Arabic word combinations. Sadek Hedayat often used the free copulative word combinations in his work. These phrases serve as attribute, adverbial phrase and predicate in the sentence. Then, we characterize interfixes, which form the complex names: the complex names of the coordinative type and the complex type of the determinative type. For each classification of the free copulative word combinations are a few examples in the sentence as well as outside of it.

Keywords: the free copulative word combinations, Sadek Hedayat “Blind owl”

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 222. 1

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРСИДСКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Сухорукова А. В.

В статье ставится задача рассмотреть структурные особенности персидской лингвистической терминологии. Учитывая грамматические особенности персидского языка, особое внимание уделяется выбору классификации при анализе отдельных структурных типов терминов, обосновывается необходимость совместного использования нескольких видов классификации. Исходя из полученных данных, автор выявляет доминирующие структурные типы, приводит соответствующие примеры, а также проводит сравнительный анализ старых и новых терминов с точки зрения эволюции их структуры.

Ключевые слова: персидский язык, лингвистическая терминология, структурный анализ, термины-словосочетания, термины-слова, символ-слова.

Постановка проблемы. Интенсивное развитие лингвистики в Иране, начавшееся с 20 века, привело к появлению в персоязычной лингвистической терминологии (ПЛТ) значительного пласта терминологии, которая до недавнего времени оставалась вне поля зрения отечественных исследователей-терминологов. Структура персидских лингвистических терминов является одной из мало изученных сторон данной терминологии. Число лингвистических терминов, проанализированных нами составляет 4000 лексических единиц, отобранных методом сплошной выборки из персоязычных лингвистических журналов «Лингвистика» (زبانشناسی), «Язык и лингвистика» (زبان و زبانشناسی), پژوهش زبانهای خارجی «Исследования по иностранной филологии» и др, монографий по грамматике и общему языкознанию فرهنگ اصطلاحات زبانشناسی «Словарь лингвистических терминов» Сейд Джалила Саграванияна [7].

Анализ последних исследований. До настоящего времени отечественными учеными работы в данной области не проводились. Среди иранских специалистов изучением ПЛТ занимаются Несрин Джафари [10]. и исследователи из Исфаханского университета Фазлалла Бадри-заде и Маниже Юхнаи [9]. Работа Ф. Бадри-заде и М. Юхнаи посвящена изучению семантического аспекта, а точнее вопросу синонимии в ПЛТ. Заслуживает внимания исследование Н. Джафари, посвященное структурному анализу 1070 персидских лингвистических терминов. Результатом данного исследования стали количественные данные, которые мы сравнили с результатами нашего структурного анализа ПЛТ. Итоги сравнительного анализа будут представлены ниже.

Целью данного исследования является рассмотрение ПЛТ с точки зрения ее структуры. Исходя из цели нашей работы, нам необходимо решить следующие **задачи:** определить подходящий для ПЛТ метод структурной классификации, выявить наиболее распространенные структурные типы ПЛТ, привести их примеры, предоставить количественные данные, сделать выводы и определить перспективы дальнейших исследований.

Изложение основного материала. Термин — это самостоятельная единица наименования и его формальная сторона зависит от понятийного содержания. «Поскольку само понятие «термин» исторически изменчиво и в разные эпохи по-разному проявляется отношение термина к общенародному слову, постольку и структурные типы по-разному будут соотноситься с единицами номинаций в общелитературном языке на различных синхронных срезах» [6, 35]. Поэтому для лингвистических терминов с долгой историей употребления характерна схожесть с общелитературной лексикой в формальном плане. Структурные же типы новых персоязычных лингвистических терминов в некоторых аспектах не совпадают с единицами наименований в современном персидском языке (ПЯ).

В соответствии со структурным анализом 1070 лингвистических терминов, произведенным Джафари, число терминов-слов (71%) превышает число терминов-словосочетаний (29%), что не соответствует результатам наших исследований. Наш анализ 4000 лингвистических терминов дал абсолютно противоположные данные: 38% приходится на долю терминов-слов (Т-С) и 62% — на долю терминов-словосочетаний (Т-СС) согласно данным Джафари термины-слова представлены двумя видами: корневые (30%) и сложные/некорневые (70%) термины. Если мы, следуя классификации Джафари, т. е. объединим дериваты и композиты в одну группу, результаты иранской исследовательницы, в целом, совпадут с нашими, даже несмотря на то, что число анализируемых однословных терминов в обоих случаях различно (760 у Джафари и 1550 в нашем случае). Так, основываясь на данных иранского лингвиста, среди однословных терминов на долю корневых приходится 30% терминов. В ходе нашего исследования были получены следующие данные: из 1550 терминов-слов доля корневых терминов составляет 28%.

В рассматриваемой нами терминологии можно выделить три структурных типа терминов: термины-слова, термины-словосочетания, символы-слова (С-С). Б. П. Даниленко предлагает разделять **термины-слова** на следующие виды: производные, производные (дериваты), сложные (композиты) [2, 37]. Наиболее многочисленную группу терминов представляют производные термины, словообразовательная структура которых соответствует основным способам словообразования в общеупотребительной лексике (суффиксальный, префиксальный, полуаффиксальный, смешанный).

Проведенный нами структурный анализ ПЛТ показал, что на долю корневых или производных терминов приходится около 39% терминов-существительных и 10% всех терминов-прилагательных. Производные существительные и прилагательные представлены исконно персидскими терминами, а также заимствованиями из арабского и западноевропейских языков: پرانتز *parāntez* “круглые скобки”, بن *bon* “основа”, گروه *goruh* “оборот; фраза; группа (слов)”, نهاد *nehād* “подлежащее; субъект”, آهنگ *āhang* “интонация”, آوا *āwā* “звук; фона”, مصوت *mosawwat* “гласный”, منون *monawwan* “имеющий танвин”, صریح *sarīh* “правильный (о глаголе)”.

Производные термины — это простые или однословные термины, основа которых содержит корень, аффиксы или полуаффиксы. 83% терминов-прилагательных и почти 60% терминов-существительных в ПЛТ являются производными. Причем среди прилагательных наиболее употребимы суффиксы (بی زمان *bizamān* “инфини-

тивный”), а среди существительных — полуаффиксы (ميانوندافزایی miyānwandafzāyi “инфиксация”).

Не так давно получило особое распространение словосложение как способ словообразования. Следует отметить, что структурно сложные термины, созданные до 20 века (старые термины), значительно отличаются от новых композитов. Старые термины, в основном, представлены 1) идафными словосочетаниями (СС), в которых «артиклем ال *-al-* соединяются самостоятельные лексемы» и 2) лингвистическими терминами арабского происхождения, образованные путем сложения основ (прилагательное + зависимая от него часть речи) [8, 203]. Приведем примеры для каждого вида:

1. مسند اليه mosnadon-elayh “подлежащее (в предложениях с составным именным сказуемым)”; مضاف اليه mozāfon-elayh “распространяющий член изафетного словосочетания”; فقه اللغة feghol-loghe “филология”;
2. مبدل منه mobaddal mane “пояснительное слово к обособленному приложению”; مفضل عليه mofazzal eleyh “эталон сравнения (в сравнительном обороте)”.

Также нами был зафиксирован термин, который в арабском языке воспринимается как сложный, так как представляет собой сочетание собственно предлогов с именами. По мнению Ю. А. Рубинчика, «с точки зрения морфологической структуры такие сочетания должны рассматриваться как непроеизводные слова, ибо входящие в их состав первые компоненты не могут быть выделены как самостоятельные морфемы» [5, 82], например:

گفتار في البدايه goftāre felbadāhe “спонтанная речь” (в данном случае في *fī* является предлогом)

При создании новых терминов-композигов преимущество отдается исконно персидским корням: گنج واژه ganjwāzhe “тезаурус”, مدواژه modwāzhe “модизм”, آواگروه āwāgoruh “дифтонг”, آندیش آوا āndishāwā “идеофон”, پاره گفتار pāregoftār “высказывание”, جابر کن jārogkon “вставное слово”.

Как разновидность композигов в ПЛТ используются сложно-сокращенные слова. На современном этапе популярность получила лишь одна форма сложно-сокращенных слов: соединение буквенной аббревиатуры с целым словом. По мнению Головина «этот способ получил развитие под влиянием английского языка с его атрибутивными комплексами и основанными на них аналогичными лексическими единицами..» [1, 55]. Приведем несколько примеров на английском и ПЯ, подтверждающих верность данного заявления:

Полный вариант термина на ПЯ	Сложно-сокращенный вариант на ПЯ	Полный вариант термина на английском языке	Сложно-сокращенный вариант на английском языке	Перевод на русский язык
ساخت زرف zharfsākht	ژ-ساخت	Deep structure	D-structure	«глубинная структура»
رو ساخت rusākht	ر-ساخت	Surface structure	S-structure	"поверхностная структура"

Также нами были зафиксированы случаи соединения начальной части слова с целым словом. Так, от сложного слова انسدادی سایشی *ensedādi sāyeshi* “аффриката” был образован сложно-сокращенный термин انسایشی *ensāyeshi* (ان+سایشی).

Термины-словосочетания состоят из доминанты (стержневого/опорного компонента) и уточнителя (зависимого компонента). Классификация Т-СС может быть осуществлена с трех позиций: 1) количества компонентов, входящих в состав термина; 2) морфемной структуры стержневого компонента; 3) господствующего вида грамматической связи (т. н. формальная классификация). Если первый вид классификации можно охарактеризовать как нейтральный, то вторую можно рассматривать как крайне неудобную для описания СС в ПЯ. Это объясняется тем, что ПЯ относится к языкам аналитического типа и беден с точки зрения форм словоизменения, «форма словосочетания в ряде случаев недостаточно отчетливо отражает зависимость его членов» [3, 18]. Третий вид классификации, основанный на определении господствующего способа грамматической связи СС, является наиболее подходящим для описания структуры персидских лингвистических терминов. Тем не менее, для полноты анализа, в нашей работе мы будем пользоваться всеми тремя классификациями.

С точки зрения количества составляющих компонентов, Т-СС в ПЛТ подразделяются на двукомпонентные (80, 4% от общего числа многокомпонентных терминов), трехкомпонентные (14, 6%) и многокомпонентные (4, 5, 6, 8 — компонентные) термины. Согласно морфологического типа главного слова Ю. А. Рубинчик предлагает выделять следующие типы СС: **именные (субстантивные), инфинитивные, причастные, наречные, местоименные**. Для ПЛТ не свойственны наречные и местоименные СС. Вместе с тем, нами был зафиксирован Т-СС, который согласно морфологической принадлежности стержневого слова относится к неуказанному Ю. А. Рубинчиком типу СС – **адъективное словосочетание**.

آزاد از بافت *āzād āz bāft* “контекстно-свободный (досл. «свободный от контекста»)»

Это единственный зафиксированный нами пример термина- адъективного СС. Есть в ПЛТ также небольшое количество терминов, которые на первый взгляд могут показаться сочетаниями термина-прилагательного с уточнителем, однако на самом деле являются сочетаниями существительного с уточнителем. Преимущественно данное явление происходит в результате усечения субстантивного Т-СС до зависимого компонента, роль которого выполняет прилагательное. Так, двукомпонентный термин کلمه مرکب *kalemeye morakkab* “сложное слово” в результате частого использования и активного участия в образовании громоздких многокомпонентных терминов, претерпел усечение. Компонент-существительное был опущен и всю семантическую нагрузку Т-СС взял на себя термин-прилагательное. В результате этого стали появляться следующие производные от него двукомпонентные термины: مرکب توضیحی *morakkabe touzihi* “дополнительное сложное слово; сложное слово управления”, مرکب ملکی *morakkabe molki* “посессивный композит”. Ту же ситуацию можно наблюдать и с терминами مشتق *moshtagh* “1) производный; 2) производное слово” и متغیر *motaghayyer* (“1) переменный, изменчивый, непостоянный, неустойчивый; способный образовывать или иметь варианты; 2) вариант, переменная”): مشتق تازه *moshtaghe tāze* “неологизм”, متغیر سبکی *motaghayyere sabki* “стилистический вариант”. Данный морфолого-синтаксический способ

ант”. Данный морфолого-синтаксический способ словообразования носит название конверсия, т. е. образование слов путем изменения их первоначальной частеречевой принадлежности [4, 154].

В своей классификации Ю. А. Рубинчик не упоминает о **глагольных СС**, однако сам при этом признает их существование в ПЯ. Двучленные глагольные СС с предлогом автор рассматривает как структурную разновидность сложных глаголов [5, 225]. По его мнению, превращение глагольного СС с предлогом в сложный глагол происходит в результате утраты одним или всеми его компонентами лексических значений. Данные явления не характерны для лингвистической терминологии, поэтому глагольные СС будут рассматриваться исключительно как СС, в которых все компоненты сохраняют свои лексические значения. Приведем пример:

آوردن جابجائی به وجود آوردان jābejāyi be wujud āwardan “совершать перемещение, транспозицию, сдвиг; изменять порядок слов”

کār bar chizi/kasi wāghe mishawad کسی واقع می شود “действие совершается над чем-кем-либо”

В целом, для ПЛТ более характерно использование глаголов в неопределённой форме в качестве существительных: شدن حلقی halghi shodan “фарингализация”, دستورى شدن dasturi shodan “грамматикализация”, شرطی کردن sharti kardan “обусловленность”. Термины, выраженные **инфинитивом**, активно участвуют в образовании Т-СС в роли доминанты:

شروطی کردن تکواژ sharti kardane takwāzh “морфологическая обусловленность”

شروطی کردن سبکی sharti kardane sabki “стилистическая обусловленность”

شروطی کردن لهجه ای sharti kardane lahjeji “диалектная обусловленность”

В ПЛТ встречаются случаи, когда **причастия** выступают в качестве стержневого слова СС, например:

گفته‌های خلق الساعه goftehaye khalgh al-sā'e “спонтанные высказывания”

پدیده‌های زیر زنجیری padidehāye zabarzanjiri “супрасегментные явления/единицы”

سازنده بالا sāzandeye bālā “верхний формант”

سازنده پایین sāzandeye pāyin “нижний формант”

افزوده وجهی āfzudeye wajhi “модальный адъюнкт”

Именные СС представляют собой самую многочисленную группу в ПЛТ.

ساختواژه تصریفی sākhtwazheye tasrifi “формообразование”

زبان‌شناسی نظری zabānshenāsiye nazari “теоретическое языкознание”

Более детальное исследование компонентов Т-СС целесообразно проводить исходя из формальной классификации, согласно которой мы предлагаем выделять следующие виды Т-СС в ПЛТ: **изафетные СС**, **предложные СС**, **сочинительные СС** (союзные). Из числа всех многокомпонентных терминов на долю изафетных СС приходится не менее 80%. При этом изафетные СС характерны преимущественно для двукомпонентных терминов, а предложные и союзные — для многокомпонентных терминов.

Изафетные СС в персоязычной лингвистике принято делить на два вида: определительные СС и изафетные конструкции. Определительные СС служат целям квалификации опорного компонента как родового понятия с видовым признаком. Изафетная конструкция характеризует предмет со стороны его принадлежности, каче-

ственного или иного отношения к другому предмету. При этом в ПЛТ доминирует именно первый тип СС. По количеству определительные СС занимают первое место и составляют около 62% от общего числа многокомпонентных терминов, а на долю второго вида приходится 18%.

وجه شرطی (wajhe sharti) “условное наклонение” (определяющее СС)

واحد گروه (wahede goruh) “фразовая единица” (изафетная конструкция)

Число предложных СС в ПЛТ не превышает 3%.

عمل به گفتار amal be goftar “речевой акт”

Отдельное внимание следует уделить сочинительным СС, существование которых в ПЯ у некоторых иранистов вызывает сомнения. По мнению Ю. А. Рубинчика, «о сочинительных словосочетаниях в персидском языке можно говорить как о небольшой группе словосочетаний, представляющих собой соединение двух синонимов» [5, 363]. Однако полученные нами данные свидетельствуют о том, что для ПЛТ характерны также и сочинительные СС, представляющие собой соединение двух грамматически равнозначных компонентов, выражающих семантически близкие концепты. Количество сочинительных СС в ПЛТ не превышает 1 %.

حاکمیت و مرجع گزینی (hakemiyat o marja'gozini) “управление и связывание”

С-С – «особый комбинированный структурный тип терминологической номинации, в состав которой наряду со словесными знаками, входят символы, литеры, цифры, графические знаки..» [2, 37]. В ПЛТ нами были зафиксированы буквы греческого и латинского алфавитов, выступающие в качестве символов: Σ (сигма), θ (тета), X (икс), α (альфа)

قاعدة X تیره (ghāedeye iks tire) “X-штрих правило”

Σ ساخت (sākhte sigma) “Σ-структура”

θ نقش (naghshe teta) “тета-роль, тематическая роль”

α حرکت (harakate alfa) “А-перемещение”

Выводы. В результате нашего исследования мы пришли к выводу, что для описания структурных особенностей ПЛТ желательно использовать одновременно несколько видов классификаций, что объясняется принадлежностью ПЯ к языкам аналитического типа (имена не изменяются по падежам, не имеют категории рода и т. д.) и связанными с этим трудностями выделения главных и зависимых членов в персидских Т-СС. Структурный анализ ПЛТ показал, что Т-СС доминируют над терминами-словами, что свидетельствует о молодости ПЛТ и быстрых темпах ее развития. Также ПЛТ характеризуется преобладанием аффиксации и полуаффиксации как способа словообразования и как следствие преобладание производных терминов над корневыми и сложными. Среди Т-СС наибольшее распространение имеют субстантивные СС, в которых для соединения слов используется изафет. Новым структурным типом для ПЛТ следует считать С-С, в состав которых помимо слов входят буквы греческого и латинского алфавитов.

Перспективы дальнейших исследований. В нашей работе мы кратко коснулись вопроса классификации многокомпонентных терминов с точки зрения количества составляющих их компонентов. Данные термины представляют значительный интерес со многих позиций: какие термины чаще выступают в роли производящей единицы, какие структурные модели многокомпонентных терминов являются наи-

более продуктивными и т. д. Наша следующая статья будет посвящена рассмотрению данных вопросов.

Литература:

1. Головин Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах: Учебное пособие [для филол. спец. вузов] / Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. ; Министерство высшего и среднего специального образования СССР. – М. : Высш. шк. ; 1987. – 104 с.
2. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / Даниленко В. П. ; Институт русского языка АН СССР. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
3. Овчинникова И. К. К вопросу о грамматической сущности и принципах выявления словосочетаний в ПЯ / Овчинникова И. К. // Иранская филология. – Издательство Московского Университета, 1971. – с. 16-36.
4. Полный словарь лингвистических терминов [более 1000 терминов] / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562, [1]. с. – ISBN 978-5-222-17060-1
5. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка / Рубинчик Ю. А. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 600 с. – ISBN 5-02-018177-3
6. Снетова Г. П. Русская историческая терминология: учебное пособие / Г. П. Снетова ; Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР, Калининский государственный университет. – Калинин: КГУ, 1984. – 86 с.
7. فرهنگ اصطلاحات زبان‌شناسی: موضوعی – توصیفی = A Descriptive Dictionary of Linguistics [by Seyyed Jalil Saghravanian] – Mashhad: Nima Publication, 1991. – 735 с.
8. فرشی‌دورد خسرو. دستور مفصل امروز بر پایه زبان‌شناسی جدید: شامل پژوهش‌های تازه‌ای درباره آشناسی و صرف و نحو فارسی، 2003 معاصر و مقایسه آن با قواعد دستوری... / نگارش خسرو فرشی‌دورد. – تهران: سخن، 372 – 964 – 978 – ISBN
9. فضل الله بدری زاده. اصطلاحات زبان‌شناسی ئ مشکل تعداد معادل ها در زبان فارسی // فضل الله بدری زاده، منیره یوحنایی / 3-17. – شماره 2002 پژوهش زبانهای خارجی. – زمستان و پاییز 1373. – صص 1026-0188 ISSN:
10. <http://httpwww.ensani.ir/fa/content/73641/default.aspx>

Сухорукова А. В. Структурний аналіз перських лінгвістичних термінів / А. В. Сухорукова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 424–431.

У статті ставиться завдання розглянути структурні особливості перської лінгвістичної термінології. Враховуючи граматичні особливості перської мови, особлива увага приділяється вибору класифікації при аналізі окремих структурних типів термінів, обґрунтовується необхідність спільного використання декількох видів класифікації. Виходячи з отриманих даних, автор виявляє домінуючі структурні типи, наводить відповідні приклади, а також проводить порівняльний аналіз старих і нових термінів з точки зору еволюції їх структури.

Ключові слова: перська мова, лінгвістична термінологія, структурний аналіз, термінословосполучення, терміни-слова, символі-слова.

Sukhorukova A. V. Structural analysis of Persian linguistic terms / A. V. Sukhorukova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 424–431.

This article describes structural features of Persian linguistic terminology. Taking into consideration the grammatical peculiarities of Persian language, special attention is paid to the choice of classification during the analysis of separate structural types of terms in Persian, the necessity of uniting several types of classification is justified. The study is based on the analysis of Persian linguistic terminology obtained from the linguistic journals, dictionaries, works devoted to studying Persian grammar and Internet sources (4000 terminological entities). The statistical data analysis helps the author to make a number of very important observations: the author reveals the dominating structural types, gives relevant examples, as well as a comparative analysis of the old and new terms in the evolution of their structure.

Thus the research produced a number of key findings: complex classification is the most convenient method to describe Persian linguistic terms; according to the morpho-syntactic structure classification all terms in Persian linguistic terminology can be divided into three groups (simple terms consisting of one word, complex terms consisting of two and more words and symbol-containing terms); among simple terms the biggest popularity have terms, formed by means of affixation, among complex terms the most frequent structural type in Persian linguistic terminology is two-word terms (dilectic terms), followed by the three-word (trilectic terms), among symbol-containing terms the biggest popularity belong to Latin and Greece letters; according to component amount classification all linguistic terms can be divided into monolectic and polylectic terms where polylectic ones correspond to 62% of the totality of concepts; due to classification by leading type of grammatical relation all terms can be divided into izafet phrase, propositional phrase and coordinating phrase where isafet prevail over the rest ones. It's necessary to mention that prevalence of polylectic terms and complex structures that we can observe in Persian linguistic terminology are the indexes of rapid development of science and terminology.

The author also highlights the controversial issue of co-compounds existence in Persian linguistic terminology and comes to the conclusion that some linguistic terms in Persian may be presented by this structural type.

The article illuminates differences in structure between old linguistic terms appeared till the 20th century and new linguistic terms appeared in Persian after the 20th century due to the intensity of Arabian language influence. Thus, terms appeared before the 20th century have much simple structure than new ones which are usually formed with the use of native stems and a help of affixes and semi-affixes.

The present research results differ with Iranian scientists' study of this question. Nevertheless we dare to say that our data is much exact than Iranian one because of the quantity of material under the study: 4000 lexical units. Thus the readers are offered the most fresh and detailed research on the structural analysis of the Persian linguistic terms in domestic science.

Keywords: Persian language, linguistic terminology, structural analysis, monolectic terms, polylectic terms, symbol-containing terms.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 811. 1: 070(55)

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ИРАНСКИХ СРЕДСТВ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕЛЕПРОГРАММ)**

Эмирсале Э. Я.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: elvira.emirsale@mail.ru*

В данной статье рассматриваются структурные и лингвистические особенности языка Иранских средств массовой информации. Как известно, речь в телевидении имеет массовый характер, и будучи одной из разновидностей массового общения должна выполнять основную функцию литературного языка, т. е. быть общепринятой и общепонятной. Поэтому, при анализе информационных программ иранского телевидения отмечается частое использование парных синонимов, многочисленных стандартных формулировок и клише. В программах отражающих международные события, представлено достаточное количество европейских заимствований, а так же отмечены, некоторые новые политические термины и различные стилистические варианты лексики появление, которых, обусловлено как социальной иерархией, так и традиционной Иранской комплиментарной системой.

Ключевые слова: европейские заимствования, кальки и их комбинации, парные синонимы, стилистические варианты лексики, традиционная комплиментарная система.

Постановка проблемы. Язык средств массовой информации в плане содержания и выражения является сферой проявления публицистического стиля во всем многообразии его лексических, фразеологических, грамматических и стилистических ресурсов и, как известно, быстро реагирует на любые изменения в лексическом составе и является хорошим индикатором стандартизации речи.

Цель и задачи. Целью настоящего исследования является рассмотрение степени использования европейских заимствований, калек и их комбинаций, парных синонимов и стилистических вариантов лексики, обусловленных социальной иерархией в средствах массовой информации. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Провести лексический анализ иранских информационных программ за последний период;
2. Систематизировать полученные результаты, сделать выводы;
3. Определить перспективы дальнейших исследований.

Язык СМИ обладает рядом особенностей и отличается точностью, лаконичностью и конкретикой текста. Все эти особенности применимы и к языку информационных программ иранских телеканалов.

К примеру новости на иранском телевидении передаются в течение всего дня. Краткая информация передается почти через каждый час, а подробная – четыре раза в день. Для подробных выпусков существуют специальные наименования с прилагательными с персидским полусуффиксом временного значения [gahi]. گاهی [axbāre sobhgāhi]. اخبار صبحگاهی утренние новости – начинаются с 8 часов утра, в 14 часов передают [axbāre nimruzī]. اخبار نيمروزى дневные, в 20 часов – اخبار عصرگاهی/عصر [axbāre asrgāhi/asr]. вечерние □ и в 24 часа – اخبار شمسگاهی [axbāre šamgāhi]. ночные.

Для языка новостных программ характерна четкость формулировок, например: آقای اکبرقاسمی علی آبادی سفیر جمهوری اسلامی ایران در اوکرایین در ملاقات با کنستانتین گريشنگو وزير امور ايراني در خارج اوکرایین در مورد روابط و همکاریهای دو کشور در بخش اقتصاد گفتگو کرد [Aḡāye Akbar Gāsemi Ali Abādi safire jomhuriye eslamiye Iran dar Ukraīn dar molāghāt bā Konstāntin Grišenko vazire omure xareje Ukraīn dar moured ravābet va hamkārihayе do kešvar dar bahše eṡtesādi goftogu kard]. Посол Исламской республики Иран в Украине Акбар Гасеми-Алиабади встретился с министром иностранных дел Украины Константином Грищенко. На встрече речь шла о сотрудничестве между двумя странами в области экономики.

Основная цель телеведущего – быстро и точно донести до зрителя нужную информацию, привлечь его внимание, заинтересовать конкретным событием. В некоторых случаях лаконичность текста компенсируется видеоматериалом. «В любом телевизионном выступлении есть установка на аудиторию, которая требует доступного изложения мысли, четкой аргументации, наглядности примеров и доказательств» [1, 183].

Между персидским текстом и его русским переводом существует разница в способе подачи имен собственных. В русском языке сначала дается статус действующего лица, а затем его имя и фамилия (Посол Исламской Республики Иран в Украине Акбар Гасеми-Алиабади) в персидском, как правило, сначала называют имя, а затем статус (اقای اکبرقاسمی علی آبادی سفیر جمهوری اسلامی ایران در اوکرایین). Господин Акбар Гасеми-Алиабади посол Исламской Республики Иран в Украине □

В тексте новостей, обычно, присутствует указание на время, место и источник передаваемой информации. Поэтому в информационных программах употребительны лексемы и словосочетания с *временным* значением: عصر امروز [asre emruz]. сегодня вечером: عصر امروز در استانه عزیمت به محل ماموریت خود با وزیر امور خارجه کشورمان [Aḡāye... asre emruz dar astāneye azimat be mahalle mā`muriyat xod ba vazire omure xarejeye kešvaremān molāghāt nemud]. Сегодня вечером господин <...> в преддверии отъезда к месту своего нового назначения встретился с министром иностранных дел нашей страны □; دیروز [diruz]. вчера □: دیروز رئیس جمهور کشورمان استوارنامه □: دیروز راهای سفیران جدید در ایران را دریافت نمود [diruz ra`is jomhure kešvaremān ostvārnamehāye safirāne jadid dar Irān rā daryāft nemud]. Вчера президент нашей страны принял верительные грамоты новых послов в Иране □; روز دوشنبه [ruze došambe]. в понедельник □: روز دوشنبه وزیر امور خارجه کشورمان گفت. [ruze došambe vazire omure xarejeye kešvaremān goft: ...]. В понедельник министр иностранных дел нашей страны заявил: ... □; در نزدیک [dar āyandeye nazdik]. в ближайшем будущем □: در نزدیک از تهران دیدان خواهد کرد [ra`is jomhure kešvaremān dar āyandeye nazdik az Tehrān]

didān xāhad kard]. Президент нашей страны в ближайшем будущем посетит Тегеран`.

Другие примеры: تا پایان ماه مه [tā pāyān māh meh], ‘до конца мая’; در طی ده سال [dar teye dah sāl]; ‘в течение десяти лет’; در پایان سال جاری [dar pāyāne sāl jāri]. ‘в конце текущего года’, например: نخوستوزیر بر برگزاری دومین اجلاس کمیسیون مشترک همکاریهای اقتصادی [noxostvazir bar bargozāriye dovomin ejlāse komisyune moštārake hamkārihāye eγtesādi va tejāriye do kešvar dar pāyāne sāle jāriye milādi tākid kard]. Премьер-министр так же подчеркнул, что второе заседание совместной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству будет проведено в конце текущего года .

Может быть просто указана *дата события*: وضع در خاور میانه در نتیجه اجلاس قبلی ۹ [vaz dar xāvare miyane dar natijeje ejlāse γabli 9 fevriye 2012 komisyune hoγuγe beynālmellali sāzmāne mellal mottahed...]. ‘Ситуация на Ближнем Востоке в контексте прошедшего 10 февраля 2012 года заседания комиссии международного права ООН...’

При указании на *место события* может быть использовано имя существительное со значением ‘переговоры’ ‘встреча’ ‘поездка’ и т. д. и местоимения ‘эта’, ‘этот’: رئیس جمحور در این دیدار به اهمیت نقش روابط [dar in didār]. ‘на этой встрече’: [ra'is jomhure dar in didār be ahamiyate naγše ravābete Irān va Ukrā in ešāre nemud]. ‘Президент нашей страны на этой встрече отметил значимость отношений Ирана и Украины’.

При указании на *источник информации* этот источник может быть упомянут [irna]. IRNA или ‘ИРНА’ (Информационное агентство Исламской Республики), но может оставаться и неназванным. В этом случае используются такие выражения, как: منابع/منابع رسمی [manba'e/manāb'e rasmi]. ‘официальные источники’; منابع/منابع بناء به گزارش خبرنگار واحد [manāb'e γeygerasmi]. ‘не официальные источники’; [benā be gozāreše xabarnegāre vāhede markaziye xabar]. ‘как сообщил корреспондент Центрального информационного агентства’; [bar asāse ettelā'āte γeyrerasmi]. ‘по неофициальной информации’; طبق اعلام منابع دیپلماتیک [tebye elām'e manābe'e diplomātik]. ‘по сведениям из дипломатических источников’; [tebye ettelā'āte tā'id našode]. ‘по неподтвержденным источникам’; منابع [tebye axbāre vāsele]. ‘согласно полученным сообщениям’; [manāb'e nazdik be daftare ra'is jomhur]. источник близкий к администрации президента □ и т. п.

Передача информации иранскими СМИ изобилует многочисленными *стандартными формулировками и клише*. Так при передаче заявлений политических деятелей обычно используются глагольные словоформы: [ešāre nemud]. ‘указал’; اعلام کرد [e'lām kard]. заявил, объявил; گفت [goft]. сказал; [ebrāze alāye kard]. проявил интерес; اظهار امیدواری نمود/کرد [ezhāre omidvāri nemud/kard]. выразил надежду; تاکید کرد [tā'kid varzid/kard]. подчеркнул, отметил; افزود [afzud]. добавил; یادآوری کرد [yādāvāri kard]. напомнил; اظهار داشت [ezhār dāšt]. указал и т. п. Например: [vazire omure xāreje dar in didār ezhāre omidvāri nemud]. ‘На этой встрече министр иностранных дел выразил надежду...’

В программах, отражающих международные события, представлено достаточное количество **европейских заимствований**. Такие как: کنفرانس [konferāns]. ‘конференция’, سمینار [seminār]. ‘семинар’, هژمونی [hežemoni]. ‘гегемония’, اژانس [āžāns]. ‘агентство’, رفراندوم [refrāndom]. ‘референдум’, پارلمان [parlemān]. ‘парламент’, انرژی اتمی [eneržiye atomi]. ‘атомная энергия’, روابط استراتژیک [ravābete estrātežik]. ‘стратегические отношения’, ژئوپولیتیک [žeopolitik]. ‘геополитика’, شانس [šāns]. ‘шанс’ اما شانس برای موفقیت نمایندگان این کشور تماما...ammā šāns brāye movafaiyate nemāyandegāne in kešvar tamāmān xiyāli ast]. ‘...однако шансы на успех представителей этой страны весьма призрачны’, دموکراتیک [demokrātik]. ‘демократический’, روابط دیپلماتیک [ravābete diplomātik]. ‘дипломатические отношения’, پروتکول [protokol]. ‘протокол’, نت [not]. ‘нота’ (официальное дипломатическое письменное обращение правительства одного государства к другому [2, 403]) и мн. др.

Кроме европейских заимствований в тексте присутствуют **кальки и их комбинации**, такие как: رفتار مغرضانه [raftāre moğezāne]. пристрастное поведение, تجهیزات تکنولوژی [tajhizāte teknoložik]. технологическое оборудование, بشکه نفت [boške naft]. баррель нефти, غنیسازی اورانیوم [ğanisāziye urāniyom]. обогащение урана, کنترل مواد مخدر [kontrole mavāde mohader]. контроль за наркотическим сырьем, دفن فضولات هسته‌ای [dafne fozulāte haste]. захоронение ядерных отходов, بازیهای کامپیوتری [bāzihaye kāmputeri]. компьютерные игры, مواد خام تکنولوژیک [mavāde xame teknoložik]. технологическое сырье, نگرانیهای امنیتی [negarānihāye amniyati]. беспокойство о безопасности, چالشهای منطقه‌ای [čāleshāye mantaye]. региональные стычки, جنگ سرد [jange sard]. холодная война, مسابقه تسلیحاتی [mosābeye-ye taslihāti]. гонка вооружений, آنارشیزم حقوقی [ānārsizme hoquqi]. правовая анархия, حالت فرسماژور [hālate forsmāžor]. форсмажорные обстоятельства, تابعیت مضاعف [tābeiyate mozāaf]. двойное гражданство, محاصره اقتصادی [mohasereye eytesādi]. экономическая блокада, ضمانت دوستی [zāmene dusti]. залог дружбы, قهرمانان جام جهانی [yahramānāne jāme jahāni]. призеры кубка мира, لغو روادید [laxve ravādid]. аннулирование визы, ترک تابعیت [tarke tābeiyat]. отказ от подданства, اجازه اقامت [ejazeye eyāmat]. разрешение на пребывание, رفع اتهامات [raf e etehāmāt]. снятие обвинений. В иранских программах часто звучат сокращенные наименования известных международных организаций: (ООН), полное название سازمان ملل متحد [sāzmāne melale motahed]. ‘Организация Объединенных наций’, но говорят так же سازمان ملل [sāzmāne melal]. (букв. ‘Организация Наций’); (ОПЕК), полное название سازمان کشورهای صادرکننده نفت [sāzmāne kešvarhāye sāderkonandeye naft]. Организация стран экспортеров нефти, (ЭКО), полное название سازمان همکاریهای اقتصادی [sāzmāne peymāne atlāntike šomali]. Североатлантический альянс; (ВТО), полное название سازمان تجارت جهانی [sāzmāne tejārate jahāni]. Всемирная торговая организация; (МАГАТЭ), полное название اژانس (موسسه). بین المللی انرژی اتمی [moassese] beynālmelali eneržiye atomi. Международное агенство по атомной энергетике; (ФИФА) فدراسونن جهانی فوتبال [federāsyune jahāniye futbāl]. Международная федерация футбола.

Как в литературном персидском языке так и языке СМИ часты **парные синонимы**: روشن و شفاف [rowšan-o-šafāf]. ясный, четкий, прозрачный (روشن [rowšan]. ясный, четкий, [šafaf]. شفاف прозрачный); قوانین و مقررات [qavānin va moqararāt]. законы и правила, например [qavānin va moqararāti ke barāye hameye kešvarha hast barāye Irān nīz vojūd dāšte bāšad]. این و مقرراتقوان که برای همه کشورها هست برای ایران نیز وجود داشته باشد. В отношении Ирана должны соблюдаться те же законы и правила, которые действуют в отношении других стран; بحث و تبادل نظر [bahs-o-tabādolnazar]. обсуждение (بحث [bahs]. обсуждение, дискуссия, تبادل نظر [tabādol nazar]. обмен мнениями); بسط و توسعه [bast-o-towse]. расширение, развитие (سفير جديد ترکیه نیز علاقه کشورش برای بسط و توسعه: سفیر جدید ترکیه نیز علاقه کشورش برای بسط و توسعه [safire jadide torkiye nīz alāḡeye kešvaraš barāye bast-o-towse]. hamkārihāye beune do kešvar]. Новый посол Турции так же заявил о заинтересованности своего государства в расширении сотрудничества двух стран حمل و نقل перевозка. Наблюдается объединение в паре синонимов персидского и арабского слова آشکار واضح و آشکار [vāzeh-o-āšekār]. ясный или двух слов арабского происхождения نظم و ترتیب [nazm-o-tartib]. порядок, حل و فصل [hall-o-fasl]. решение. Другие сочетания слов см [3, 480]. Такие парные синонимы характеризуются постоянством состава компонентов и устойчивостью структуры, а в результате частого употребления в речи эти сочетания синонимов становятся настолько устойчивыми, что воспроизводятся как готовые единицы языка.

В стилистике языка иранских СМИ, а в частности новостных и общественно-политических программах представлены *стилистические варианты лексики*, обусловленные социальной иерархией и традиционной комплиментарной системой «**таароф**»: лексика уважительная, нейтральная и уничижительная.

По отношению к лицам, имеющим высокое социальное положение, высокоуважаемым людям, к гостям телевизионных передач используется уважительная лексика. Можно наблюдать некоторые иерархические нюансы. Например, при упоминании духовного лидера страны глагол ставится в форме множественного числа, но при упоминании президента тот же глагол может иметь форму единственного числа: رهبر معظم انقلاب اعلام کرد [rahbare moazame enḡelāb elām kard]. Великий вождь революции объявил (букв. объявили); ایشان اظهار امیدواری نمودا [išān ezhāre omidvāri nemud]. Он (букв. они) выразил надежду (букв. выразили надежду); رئیس جمهر رئيس جمر [raīs jomhur goft]. Президент сказал; ایشان افزود [išān afzud]. Он (букв. они) добавил; وی یادآوری کرد [vey yādāvāri kard]. Он напомнил и т. п.

Имеется разновидность стилистических вариантов лексики, относящихся к завуалированным высказываниям в сфере дипломатических отношений. Ряд слов и оборотов и оборотов можно услышать в информационных программах, при прочтении официальных заявлений, нот или в интервью с высокопоставленными государственными чиновниками. Эта лексика чаще всего выражает значения несогласия, протеста и, реже значения согласия. Эти выражения представлены в виде эвфемизмов. Например, если употреблены выражения типа: دولت این حق را برای خود محفوظ نگاه [dowlat in haḡ ra barāye xod mahfuz negāh xāhad dāšt]. Правительство считает необходимым сохранить за собой право...□, это следует понимать: دولت نمیتواند پاسخگوی عواقب ان باشد [dowlat nemitavānad pāsoxguye avāḡebe ān bāšad]. Государство не может отвечать за последствия, это означает, что данные последствия могут привести к

следствия, это означает, что данные последствия могут привести к вооруженному конфликту. Если в заявлении государственных деятелей звучит دولت با آرامش بررسی میکند [dowlat bā arāmeš barresi mikonad], Правительство контролирует ситуацию□, то становится ясно, что правительство намерено успокоить население, занимая при этом решительную позицию. Посредством таких осторожных выражений политические деятели имеют возможность без прямых угроз сделать серьезное предостережение иностранным государствам, сохраняя при этом вежливый тон.

Выводы. Исследуя язык иранских СМИ можно отметить стандартизацию речи и обилие в ней клише, европейских заимствований, калек и их комбинаций, обилие сокращенных наименований мировых организаций, парных синонимов, а так же разновидностей стилистических вариантов лексики.

Перспективы дальнейших исследований. Полученные результаты анализа информационных программ представляют несомненный интерес для исследователей языка СМИ и дают возможность определить степень стандартизации речи и предоставляют материал для дальнейшей исследовательской работы по анализу современного персидского языка в средствах массовой информации.

Литература:

1. Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды / [Солганик Г. Я, Кохтев Н. Н, Розенталь Д. Э. и др.]; под ред. Д. Э. Розенталя. – Издательство Московского Университета, 1980 – 256с.
2. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения / Г. Я. Солганик. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 749с. – ISBN 5-17-012237-3 ISBN 5-271-03613-8.
3. Персидско-русский словарь [около 60000 слов / сост. Ю. А. Рубинчик и др.] – М. : «Русский язык», 1985. – 864с.
4. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского языка / Рубинчик Ю. А. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 600с. – ISBN 5-02-018177-3.

Емірсале Е. Я. Особливості мови Іранських засобів масової інформації (на прикладі інформаційних телепрограм) / Е. Я. Емірсале // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 432–438.

У цій статті розглядається структурні і лінгвістичні особливості мови іранських засобів масової інформації. Мова телебачення має масовий характер та є формою масової комунікації і повинна виконувати основні функції літературної мови, тобто бути загальнозрозумілою та легко сприйматися. Таким чином, при аналізі інформаційних програм телебачення, відзначається часте використання, численні парні синоніми, стандартних формулювань і кліше. У програмах що відображають міжнародні події, представлена достатня кількість європейських запозичень, а так само відмічені, деякі нові політичні терміни і різні стилістичні варіанти лексики поява, яких, обумовлена як соціальною ієрархією, так і традиційною Іранською компліментарною системою.

Ключові слова: лінгвістичні особливості мови, засоби масової інформації, інформаційні програми, кліше, європейські запозичення, компліментарна система.

Emirsale E. Ya. Peculiar features of the Iranian media language (the case of informative TV programs) / E. Ya. Emirsale // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 432–438.

This article examines structural and linguistic features of the Iranian media language. As it is known, speech has a large-scale nature in TV broadcasting. Being one of the varieties of mass communication it should perform the basic function of a literary language, i. e. it should be generally accepted and commonly understood. It is also necessary to pay attention to the clarity of the language, since the main objective of a TV presenter is to convey the necessary information to the viewer quickly and accurately, to attract his attention,

to interest him in a specific event. In some cases, a laconic text is compensated by a video footage, as well as using titles and subtitles. They usually indicate time, place and source of the information. The source may be referred to the Islamic Republic News Agency (IRNA) In news programs tokens and time phrases عصر امروز [asre emruz]. tonight are commonly used. When specifying the venue a noun meaning “talks”, “meeting”, “trip” etc. and pronouns ‘this’, ‘that’: در این دیدار [dar in didār]. “at the meeting”. In addition, the analysis of the Iranian television news programs indicates frequent use of paired synonyms such as روشن و شفاف [rowšan-o-šafāf]. clear, distinct, transparent (روشن [rowšan]. clear, distinct [šafāf]. شفاف transparent); نین و مقررات قوا [yavānin va moyararāt]. laws and regulations, many standard formulations and clichés, for example, a verbal word: اشاره نمود [ešāre nemud]. “indicated”; اعلام کرد [e'lām kard]. “claimed”, “declared” گفت [goft]. said; ابراز نین و مقررات قوا [ezhāre omidvāri nemud / kard]. voiced hope. The programs reflecting international events, a sufficient number of European borrowings is provided: کنفرانس [konferāns]. “conference”, سمینار [seminār]. “seminar”, هژمونی [hežemoni]. 'hegemony', آژانس [āžāns]. “agency”, رفراندوم [refrāndom]. “referendum”, there are blueprints and their combinations, such as: مفرضانہ [raftāre moyrezāne]. biased behavior, تجهیزات تکنولوژی [tajhizāte teknoložik]. manufacturing equipment, بشکه نفت [boške naft]. barrel. It should not go without mention that the well-known abbreviations of international organizations are present. As well new political terms and various stylistic options of lexicon: رهبر معظم انقلاب اعلام کرد [rahbare moazame enyelāb elām kard]. The great leader of the revolution declared (literally declared) appearance, which, due both to the social hierarchy, and traditional Iranian complementary system.

Keywords: linguistic features, peculiar features, laconic text, abbreviations of international organizations, political terms, complementary system.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 821. 512. 162

О ВЗАИМОСВЯЗИ ПРАВИТЕЛЯ СО ЖРЕЦОМ

Алиева Ш.

*Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: redshafag@gmail.com*

Во многих странах король выполнял функции жреца, а функция жреца связана с имперской властью. На определенном этапе развития общества считалось, что король или жрец имеют чрезвычайный потенциал и являются воплощением богов, а боги несут ответственность за плохую погоду, плохой урожай и стихийные бедствия. Такое отношение к королю продолжало действовать и в дальнейшем времени.

Ключевые слова: царь, мифические видения, священник, сверхъестественная личность.

Постановка проблемы. На определенной стадии развития общества считалось, что правитель обладает сверхъестественными способностями, или же является воплощением Бога, и, согласно этому верованию, полагалось, что ход природных процессов в той или иной степени находится под его контролем. Научному миру давно известно даже, что у некоторых народов правитель считался главным жрецом [6, 91]. Он нес ответственность за плохую погоду, неурожай и другие природные бедствия. Например, как в средневековом Риме папы сконцентрировали в своих руках и светскую и духовную власть, так и на территории Малой Азии было много религиозных центров, управляемых духовными лицами (религиозными деятелями) соединение царского титула с исполнением жреческих обязанностей в древней Италии и Греции полагалось обычным делом. И на острове Мадагаскар правитель в то же время был главным жрецом. Подобная концентрация светской и духовной (религиозной) власти царями центральноамериканского государства исполнением ими царских и жреческих функций также подтверждается неопределенными, запутанными мифами, преданиями [5, 19]. Именно благодаря этим мифам возможно получение определенных сведений о взаимосвязи правителя со жрецом, и жреца с правителем. Не случайно, Стеблин-Каменский, вне зависимости от его истинности или неистинности, полагал миф рассказом, воспринимаемым в качестве истины в том месте, где он возник и существовал [13, 4]. Именно в силу мало-мальского восприятия мифа как истины до сих пор во многих местах мира есть большая вера в происхождение высшего правителя непосредственно из рода древнего жреца и волшебника. Существовавшее еще с древности подобное отношение к правителю продолжалось и позднее. Поскольку мы, бросая взгляд на мифические воззрения, а также исторические факты, становимся свидетелями большого почтения шахов к жрецам, говоря современным языком, религиозным деятелям. Следовательно, корни столь высокого к ним почтения восходят к очень древним временам, говоря иными словами, связаны с мифологическими представлениями, а мифологические представления, как указывает К. Абдулла, являются не только собранием орнаментальных де-

талей, украшающих слышанные нами сказки и легенды, «сопровождающих» их содержание. Мифологическое представление является цельным стилем жизни, формирующим основы мировоззрения древнего человека, определяющим нормативную систему его действий, регулирующим и шлифующим его отношения с природой. Философо-этическая, правовая нормативная система» [1, 24]. Занятие образом правителя особого места в этой системе же, как писал М. Казымоглу, не должно вызывать удивления. Необходимо принять во внимание, что согласно древнему представлению, правитель в обществе являлся символом плодородия, жизни, в целом, а канонизация правителя, считающегося символом жизни, его оберегание от зла и бед, и пожелания ему силы и могущества весьма естественный процесс [6, 91]. Поскольку древние цари исполняли и функции жрецов, надзор над проводимыми религиозными обрядами также должен был осуществляться ими. В этом ряду особо исполнялся обряд жертвоприношения в честь богов, а эти ритуалы исполнялись шахами с целью понравиться богам с тем, чтобы существование их государства были длительным. Они популяризуют это и даже применяют как закон. Известно исполнение в XVII – XII вв. до н. э. правителями Шань-Инь, наряду со своими функциями, и обязанностей главного жреца [15, 497]. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что соединение царской власти со жреческими функциями существовало, можно сказать, во многих странах, и охватывающая царей в то время божественность была не пустым словом, а выражением крепкой веры. Очень часто царей почитали не просто как религиозных деятелей – посредников между людьми и богами, но и, из-за молитв подданным и почитателям, жертвоприношениям божественным и невидимым силам, как богов, дающих дары, лежащие за гранью человеческих возможностей. Как видно, отношение к правителю, функции правителя-жреца, можно сказать, у всех народов, племен, было одинаковым, это не зависело от их родства, расовой принадлежности. Следовательно, как указывал М. Казымбек, «мифологические тексты у всех народов и племен одинаковы» и все различия связаны с факторами, влияющими на моральные понятия, человеческое сознание отдельных народов. Автор правильно определил создание мифологических текстов на основе единых поэтических законов, а различия обусловил характеризующими каждый этнос специфическими особенностями (стереотипом поведения, внутренней структурой коллектива и др.) [2, 17]. Отсюда можно прийти к выводу о том, что в мифологии нет и временных и пространственных границ. С. А. Токарев и Е. М. Мелетинский, обобщив имеющиеся об этом взгляды, показывают, что «то, что в научном анализе выступает как сходство или иной вид отношения, в мифологии выглядит как тождество. В мифологическом сознании точных границ между отношениями субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и его признаками, временем и пространством не бывает, везде заметны тождественность, соединение [9, 13] и по этим тождественным древним верованиям главный жрец – то есть правитель, должен был быть физически здоровым. Подобное его здоровье было связано также с рядом факторов. Например, он должен был не болеть, быть здоровым в такой степени, чтобы мог влиять в хорошем смысле слова на восход солнца, выпадение дождя, убережение от болезней посевов, одним словом, на плодovitость, а также на здоровье людей, даже умирая, умирать не от болезни, на тот свет должен был уходить здоровым [5, 307].

Положительное отношение к жрецу исторически присутствовало и на территории Азербайджана. Страбон, комментируя события 60-х годов до н. э, пишет, что всеми албанскими племенами в настоящее время правит один падишах. Раньше же здесь у каждого племени был свой падишах. Правда, жрец функций падишаха не выполнял. Однако после падишаха самым почитаемым человеком был жрец. Он возглавлял большую, плотную заселенную территорию, и рабы храма тоже были в его распоряжении [3, 100]. Этот исторический факт доказывает обладание жрецом достаточного влияния в древнем Азербайджане, в то же время показывает распространение взаимосвязи правителя и жреца и здесь. Поскольку, безусловно, не будучи связанным с правителем, жреческие обязанности в управлении государством не были бы на таком значимом месте. В других странах это было связано с умением вызывать дождь. Например, в древности, человек, вызывавший наибольшее количество раз дождь, становился главой племени [5, 99–108]. Согласно записям К. Велиева, и у шумерских правителей были жреческие обязанности, а Хитхит король в то же время был главным жрецом. Король бил челом перед Богом, а остальные люди – перед королем. Поскольку самым близким к Творцу человеком считался король [14, 50].

С. Рзасой показывает, что историческое сознание со всеми своими первичными формами находит отражение на основе мифа. Содержание, форма и функции мифа, перетерпев трансформативную эволюцию, составляют первичный уровень отражения структурных единиц исторического сознания. И благодаря этому миф не умирает, сообразно своему принципу функциональности находит парадигму в историческом сознании [11, 9]. Роль же мифологической системы начинает постепенно уменьшаться. Так как обладающие новым мышлением люди воспринимают и сохраняют для будущего мифологическое наследие не в полном объеме, частично, на основе услышанного. Однако как ни пытаются сохранить для будущего эти мифы, они подвергаются изменениям, то есть повторяют прошлое не один к одному. И в африканском регионе есть многочисленные мифы об эволюции превращения жреца (особенно обладающего способностью вызывать дождь) в руководителя. Как видно и из мифов, правители Мексики, восходя на трон, давали клятву принуждать солнце блестеть, тучи поливать землю дождем, реки течь, землю давать богатый урожай, а для некоторых людей возложенные на эти должности требования были очень сложными, они не могли одновременно исполнять и светскую, и религиозную власть, а из-за невыполнения обязанностей они подвергались наказанию. Как раз в результате подобных тяжелых ограничений, связанных со светской и религиозной властью, люди отказывались от принятия этих обязанностей (эти должности оставались вакантными), или же после приема под их тяжестью превращались в слабых, бессильных существ, и вскоре управленческие полномочия переходили в руки людей, удовлетворившихся реальной властью без высокого титула, а с другой стороны, со временем для проницательных, умных людей становятся ясной ложная суть ворожбы, и она постепенно вытесняется религией. Говоря иначе, отказался от попыток напрямую изменить природные процессы для выгоды колдуна, отдал свое место жрецу, пытающемуся добиться этого другим способом – путем обращения к богам. Вышедший правитель же постепенно начинал отходить от колдовства в пользу исключи-

тельно жреческих функций – молитв и обрядов жертвоприношения [5, 203–204] и таким образом, в некоторых странах в результате подобного размежевания высшей власти религия отделилась от государства, то есть религиозная и светская власть полностью и навсегда разделились. Говоря иными словами, когда светская власть перешла в руки молодых и энергичных людей, древним правящим династиям остались исключительно религиозные функции. Именно в соответствии с этими традициями в последующие периоды жрец считался вторым после правителя человеком. В некоторых странах религиозные функции исполнялись наследственной династией правителей. Светская власть же переходила к человеку-победителю, однако он обязательно должен был получить согласие главного жреца. Например, этот принцип применялся в управлении полинезийского острова Мангай, то есть религиозная и гражданская власть сосредоточилась в руках различных людей, а в некоторых странах был божественный руководитель, стоящий выше светских правителей и других руководителей в силу своего происхождения от одного из главных богов (например, на острове Тонга). Этот руководитель, хотя и руководил государством наравне со светским правителем, чье право на трон наполовину зависело от его генеалогии, а наполовину – от его военных заслуг и числа воинов, не обладал никакой политической властью, и если решился бы вмешаться в государственные дела, то столкнулся бы с сопротивлением светского правителя, обладающего полностью реальной властью, и потерпел бы поражение [5, 193–204]. Следовательно, и в этой стране, несмотря на подобное глубокое почтение к божественному руководителю, в управлении государством последнее слово было за светским правителем. Отсюда можно прийти к выводу о том, что власть светского правителя была абсолютной и единоличной, то есть государством он правил самостоятельно и при управлении мнение жреца не принималось в расчет. Согласно ассирийским записям до нашей эры, и в древнем азербайджанском государстве Манна власть правящей династии была наследственной, власть правителя ограниченной абсолютной и единоличной. Совет старейшин при правителе, будучи совещательным органом, в действительности вынужден был лишь подтверждать данное сюзереном повеление. Правитель сам выбирал внешнюю политику государства, и сам же менял его в любое время по своему усмотрению [3, 65]. Подобное сравнение мифа с историческими фактами дает основание высказать суждение о том, что и в Азербайджане, начиная с древних времен, государством управлял лишь сам правитель, то есть в присутствии шаха жрец править государством не мог, в его ведении были лишь религиозные дела. Не случайно, что и изучая историю Манна, Атропатены, Албании, мы становимся свидетелями этого. До сих пор в Азербайджане сохраняется принцип «религия отдельна от государства».

Из одинакового уважения и взаимосвязи правителя и жреца исторически вытекало, что и в последующие века продолжалась вера в обладание правителем магических способностей. Например, в Англии даже верили в способность королей излечивать заболевших золотухой больных прикосновением рук. Королева Елизавета (1558-1603) часто пользовалась своим даром бесплатного чудесного исцеления. В 1633 году, в Иванов день, Карл I (1625 – 1649) в королевской часовне в Холируде за один раз исцелил сотни больных. Поэтому она называлась «королевской» болезнью.

Эта практика во времена его сына Карла II (1660 – 1685) была еще более известна. Этот король в период своего правления прикоснулся к сотням тысяч людей, страдавших золотухой. Порой вокруг него происходили чудовищные давки. Однажды 6 или 7 таких больных были задавлены насмерть, а обладающий здоровым мышлением король Вильгельм III (1688 – 1702) с отвращением отказался учествовать в этой махинации, и когда толпа окружил его дворец, велел, подав милостыню, разогнать их. Так как король верил в связь этого к нему отношения с мифическими взглядами, и хорошо знал про отсутствие у себя какого-то сверхъестественного дара. Именно поэтому, когда его в первый и последний раз уговорили прикоснуться к некоему больному, он сказал больному: «Да ниспошлет Господь тебе здоровье и разум». Однако подобная практика продолжалась и в период правления дочери суеверного Якова [1685 – 1688]. легкомысленной королевы Анны [1702 – 1714], то есть королева полагала себя способной дать больным исцеление. Французские короли тоже говорили о своем даре исцеления прикосновением рук и о наследственном характере этой способности. Это верование оставило заметные следы в Германии: во время поездки датского короля Вальдемара I в Германию матери приносили своих детей, а земледельцы – свои семена, с тем, чтобы король прикоснулся к ним; они полагали, что если король прикоснется к ним руками, они быстрее будут расти [5, 99–108].

Выводы и перспектива. Подобные древние по происхождению верования, прежде всего, характеризуют мировоззрение страны, народа, к которым принадлежат. Поскольку человека без веры нет. Природа человека такова, что он верит в определенные существа [10, 11]. Верования, порожденные мифическими взглядами, а также ряд особенностей, появившихся в связи с ними, по истечении времени переходили от одного народа к другому, становилось причиной зарождения совместных, единых свойств. Рассмотренные верования вошли в наш быт, и до сих пор проявляют себя. Если обратить внимание, в нынешних государствах мира продолжается имеющее многовековую историю положительное отношение и почтение к священнослужителям, религиозным деятелям, порожденное мифологией – взаимосвязью правителя и жреца.

Таким образом, подобные мифы, возникшие в связи с властью, шахами, имеют важное значение для освещения политических, социальных отношений, идеологии и культуры древних людей.

Литература:

1. Абдулла К. Эпос, окутанный тайной, или же тайный Деде Коркут — 2 / Абдулла К. – Баку: Элм, 1999. – 288 с.
2. Аджалоглу А. Предисловие / Аджалоглу А. // Мифы, легенды и предания. – Баку: Шарг-Гарб, 2005. – С. 4-25.
3. История Азербайджана. – Баку: Чыраг, 2009. – 872 с.
4. Бейдили Дж. Мифологическое существо и его место в мироощущении / Азербайджанская филология. VI книга / Бейдили Дж. – Баку: БГУ, 2004. -С. 110–113
5. Фрезер. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Фрезер. – М. : Ермак, 2003. -781 с.
6. Казымоглу М. Поэтика народного смеха / Казымоглу М. – Баку: Элм: 2006, 268 с.
7. Казымоглу М. Удвоение образа в фольклоре / Казымоглу М. – Баку: Элм, 2011. – 228 с.
8. Лосев А. Ф. Мифология / Лосев А. Ф. // Философская энциклопедия. Т. 3. – М, 1964. – С. 458-460
9. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. – М, 1980. – 672 с.
10. Пашаев Г. Иракско-тюркманский фольклор / Пашаев Г. – Баку: Язычы, 1982. – 216 с.

11. Рзасой С. Огузский миф и Эпос «Огузнаме» / Рзасой С. – Баку: Нурлан, 2007.
12. Шукюров А. М. Мифология, 5-ая книга (мифология древнего Китая) / Шукюров А. М. – Баку: Элм, 1996. – 168 с.
13. Стеблин-Каменский М. И. Миф / Стеблин-Каменский М. И. – Ленинград, 1976. – 103 с.
14. Велиев К. Память народа, язык народа / Велиев К. – Баку: Гянджлик, 1987. – 280 с.
15. Юсифов У. История древнего Востока / Юсифов У. – Баку: Чыраг, 2007. – 535 с.

Алієва Ш. Про взаємозв'язок правителя із жерцем / Ш. Алієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 439–444.

У багатьох країнах король виконував функції жерця, функція жерця пов'язана з імперською владою. На певному етапі розвитку суспільства вважалося, що король або жрець мають надзвичайний потенціал і є втіленням богів, боги несуть відповідальність за погану погоду, поганий врожай і стихійні лиха. Таке ставлення до короля продовжувало діяти і в подальшому часі.

Ключові слова: цар, міфічні видіння, священик, надприродна особистість.

Aliyeva Sh. About relationships of the king with the priest / Sh. Aliyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 439–444.

In many countries, king served as a priest, and the function of the priest is associated with imperial power. At a certain stage development of society believed that the king and the priest have extraordinary potential and are the embodiment of the gods, and are responsible for bad weather, poor harvests and natural disasters. This attitude to the king continued in the next time.

Keywords: king, mythical vision, priest, supernatural person.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 1

ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ, ЖИЗНЬ И ЛИЧНОСТЬ ШАХ ИСМАИЛА ХАТАИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Ахвердиева К. Ф.

Институт Фольклора национальной академии наук Азербайджана

Личность Шаха Исмаила Хатаи всегда вызывала интерес, как у литераторов, так и у историков. Так как, он был поэтом с нежной душой, но главное он был великим политиком, государем, основателем Азербайджанского Сафавидского государства. В статье рассматриваются произведения историков Востока о жизни, периоде правления Шаха Исмаила Хатаи.

Ключевые слова: Шах Исмаил Хатаи, история, Сафавиды, повествование

Постановка проблемы. У средневековых повествователей про жизнь и период правления Шаха Исмаила сохранилась богатая информация. В этих произведениях говорится о личности Шаха Исмаила, отношении эпохи к нему, его походы, победы и др. Многие ученые собрали исследовали эти исторические факты. З. Буядов, А. Рахмани, И. П. Петрушевский, В. Минорский, Я. Махмудов, О. Эфендиев, А. А. Ализаде, Искендер бей Мунши, Фезлуллах Рузбихан, Гасан бей Румлу, Гази Ахмед, Х. Гезвини, З. В. Тоган, Б. Кутугоглу, Хаммер, Б. Дорн, А. Д. Папазян, И. Хорст, А. Ламбтон, Н. Буссе, Ашурбейли, М. Шахмалиев, Е. А. Пахомов, турецкие ученые Резан Гуней, Халук Нихат, Пертев Наили Боратав, Ергун Сав, Магеррам Эргин, Селами Мунир Йурдатап, Дениш Ремзи Корок, Магеррам Заки Коргинал, Ердоган Кара, Р. Рустамзаде и другие в своих произведениях и исследованиях рассказали про Шах Исмаила. В средневековых источниках Шах Исмаил показан как могущий повелитель, поэт с нежной душой, талантливый политик, государственный деятель, полководец, попечитель ашугской поэзии. Эти источники можно разделить на две части по времени написания.

1. Повествования современников Шах Исмаила.
2. Повествования живших после Шах Исмаила повествователей.

У этих повествователей была одна цель: в будущем народу показать Шах Исмаила, информировать про период его правления, личность и творчество.

Период жизни Шах Исмаила характеризуется большими историческими событиями. В годы его правления азербайджанские племя жили в разбросанно, имели между собой ссоры, и этот период длился начиная с XIII-XIV веков. В истории Азербайджанского народа традиция государственности обладает древней историей и традицией. До создания Сефевидского государства на исторических Азербайджанских землях были созданы государства Аггойунлу, Гарагойунлу, Шаддади, Раввади, Атабек, и всегда были сохранены национально-государственные традиции. Шамлы, Гаджар, Гараманлы, Устачлы, Гарагойунлу, Аггойунлу, Зулгадар, Румлу и другие племена основали Азербайджанскую государственность. Многие из этих

племен активно участвовали в создании Сефевидского государства. До создания Сефевидского государства, средневековые государства Аггойунлы, Гарагойунлы активно помогали в формировании единого национального Азербайджанского государства. Эта историческая миссия больше выразилась в Сефевидский период. Шах Исмаил расширил площадь Азербайджанских земель до 1 миллион 389 тысяч кв. километров, расширил границы Сефевидского государства. Автор повествования «Футухат-и шахи» Садраддин Султан Ибрагим ал-Амини исследовал походы Шах Исмаила [2, 9]. О. Эфендиев второе название этого произведения отмечает как «Футухат-и Амини». Индийский ученый Гулам Сарвар написал свою «Историю Шах Исмаила Сафави», используя вышеуказанное повествование Амини [2, 10] с захватом Мухаммед хан Шейбани Герата и Хорасана, Садраддин Ибрагим Амини был арестован, и после давления Шейбани, был освобожден [2, 10]. Таким образом, Ибрагим Амини переселился в Тебриз, стал дворцовым историком. Шах Исмаил поручил ему написать сочинение «Победы шаха» («Футухат-и шахи») [2, 10]. В пятом разделе первого тома показаны детские годы Шах Исмаила. В следующих разделах описываются сражения Шах Исмаила с правителем-ширванцем Фаррух Ясаром, аггойунлу Алвендом и другими феодальными правителями [2, 11-12].

В сочинении неизвестного историка «Тарих-и Шах Исмаил-и Сафави» дано сведение о жизни и детях Шах Исмаила. Это сочинение соответствует сочинению Хондамира «Хабиб ас-сийар». В рукописи Хондамира описана жизнь и деятельность Шах Исмаила [2, 13]. В этом сочинении полно и четко даны сведения перехода власти к Шаху Исмаилу и создания Сафавидского государства.

В рукописи Гасан бека Румлу «Ахсан ут-таварих» рассказано о жизни Шах Исмаила, о межплеменных ссорах, перехода власти к Шах Исмаилу. Он описывает Шах Исмаила как государя, «счастливого хозяина звезд» [2, 15].

Сочинение Абдибека (Али Зейналабдин) «Такмилат ал-ахбар» носит характер исторической хроники и состоит из 4 глав. В 4-ой главе рассказывается о первых двух Сафавидских государях – I Шах Исмаил и I Шах Тахмасиб [2, 16].

В сочинении Гази Ахмед Ибрагим Гуми «Хуласат ат-Теварих» рассказывается о Сафавидском государстве, особенно о деятельности Шах Исмаила. Гази Ахмед ссылается на рукописи Амир султан Ибрагим Амини Харавина «Футухат-и шахи», Мир Махмуд бин Хондамира «Хабиб ассиар», Гази Ахмед Гаффари «Тарих-и джахан-ара», Хасан Румлу «Ахсан ат таварих» [2, 22]. В третьей главе трактата Мир Махмуд бин Хондамира «Хабиб ассиар» рассказывается о жизни и деятельности первого Сафавидского государя [2, 13].

Сражения Шах Исмаила хорошо описаны в книге Орудж бек Баята «Дон Хуан Персидский» [2, 29]. Иранские литературоведы фальсифицируют биографию Шах Исмаила, считают его персом по происхождению. И. П. Петрушевский про его происхождение пишет что, «Первые Сафавидские шейхи жили в Ардебиле, у них родной язык был азербайджанским» [3, 205]. Происхождение рода Сафави всегда было спорным. В. В. Бартольд также считал Сафавидских шейхов турками и говорил что, Ардабильские шейхи не персы, они тюркоязычные [4, 748]. Эти обсуждения истекают от того что, письменный первоисточник (Тавакул ибн Исмаил ибн Беззази «Сафват ас-

сафа») не смотря что был суфием (написано в конце XIV века), там факты турецкого происхождения Шах Исмаиила после переписи был изменены на персидское.

Сам Шейх Сафиаддин был связан с Ардабилем. З. Буньядов пишет что, все ардабильцы считают себя его мюридами-учениками [1, 393]. Кроме Ардабиля, сторонники этого направления в Малой Азии, в Персии, в Ираке, в Гилане, в Талыше очень помогли Шах Исмаилу в создании Сафавидского государства.

Во главе Сафавидов после Шейх Сафиаддин Исхаг ал-Мусави ал-Ардабила были Шейх Сафиаддин Муса (1334-1392), Шейх Хаджа Али (1427-1447), Шейх Джунейд (1447-1460), Шейх Хейдар (1460-1488), Шейх Султанали (1488-1495), Шах Исмаил (1487-1524) По Петрушевскому, историю Сафавидов можно разделить на 4 периода: с конца XIII века до 1447г. – I период; 1447-1501 годы – II период; 1501-1587 годы – III период; 1587-1736 годы – IV период [1, 363].

Ахмед Касвери также занимавшийся этими вопросами, окончательно решил, что предками Сафавидов были не сеиды, и не пророк, эти выдумали Иранские историки и добавили в сочинения ибн Беззази [2, 37] в издании «Истории Азербайджана» 1994 года пишется, что их пророками были Хазрати Фатима и Хазрат Али [1, 392]. Однако А. Касвари и З. В. Тоган считают Шах Исмаила курдом [2, 38], но в Ардабиле всегда жили лишь азербайджанцы. Фезлуллах Рузбихан в «Тарих-и Амнини» считает, что Ардабильские шейхи турки-азербайджанцы. Даже глава Ардабильских шейхов был таким известным, что Эмир Теймур освободил пленников из Малой Азии и передал их на услугу ему [2, 39]. Шейх Джунейд и Шейх Гейдар были такими славными, что Узун Гасан для победы над Джаханшахом отдал сестру в жены Шейх Джунейду, стал с ним родственником. Шейх Гейдар был известным в Руме, Талыше и Гараджадаге среди гаджарцев, гараманцев, шамлы. Шейх Султан Али был старшим сыном Шейх Гейдара. З. Буньядов считает сыновьями сестры правителя Аггойунлу Султан Ягуба – Султана Али, Исмаила и Ибрагима [1, 395]. После смерти Султан Ягуба (1490) сын Байсунгур становится правителем. В период его правления политическая обстановка становится еще хуже. Внук Узун Гасана Махмуд бек был низвергнут с престола сыном Рустамом. Байсунгур обратился к дяде Фаррух Ясару. Ясар хотел помочь ему вернуть власть. Рустам опасался этого и пригласил Байандура на собрание эмиров и приказал освободить сыновей Шейх Гейдара [1, 396]. Поступая, таким образом, он хотел вовлечь Султан Али к себе, используя его против Вайандура. В последствие этого, в бою с Султан Али Байсунгур был убит. После победы Султана Али, в Тебриз начали стекаться сторонники Сафавидов. Опасаясь этого, Рустам хотел убить Шах Исмаила и брата. Перед боем Султан Али назначил Исмаила главой Сафавидов и отправил его в Ардабил [1, 397]. Пораженный в сражении Султан Али был убит. После гибели Султан Али, влиятельные люди Сафавидов скрывали его брата и избранного шейха Ибрагима (1494 г.) в Ардабиле. Посланник султана Ейбе Султан долго их разыскивал, но не нашел. Исмаил, Ибрагим и мать Алемшах бейим покинув Шейх Сифладдин, перекочевали у сафавидского мюрида Гази Ахмед Какули, потом жили на попечении у тети Паша Хатун, переселились в дом Убаи-джаррахи. Тетя навещала детей и держала в курсе Алемшах бейим об их здоровье. Ейбе Султан обыскал каждый дом. Уба опасаясь, отнес детей в мечеть. В мечете прятался мюрид. Мюрид ушел к 80 суфиям в горы

Багров, расположенной около Ардабиля. Рустам рассказал Гараманлы об Исмаиле. Рустам отвел Исмаила к товарищам. Отряд из 80-и человек увез Исмаила к правителю Рашта Амиру Исаку. Но Исмаил предпочел остаться в «Аг мечете». Хозяин ювелирной лавки, расположенной в близости Емре Неджми прислуживал ему. Рашт для них был также небезопасным, поэтому мюриды Исмаила и брата отвезли в область Гилан, к Лахиджанскому правителю Бийешиш Каркия Мирза Али. Рустам шах когда потребовал Исмаила и его брата у Каркия Мирза Али, тот клялся в присутствии Гасым бека и 300 всадников, что ноги Исмаила нет на этой земле [1, 397]. Каркия Мирза поселил Исмаила в медресе Кей Африда. Шамседдин Лахиджи для изучения арабского и персидского языков и Корана назначил ему учителя. После приезда Исмаила и его брата, аггойунлу Рустама и оказывающего ему услуги Ейбе Султан арестовал Уба и казнил в Базарской площади Табриза. Помогавшего беглецам Магомед бека и его брата Ахмеда имущество было конфисковано. Исмаил 6 лет прожил в Лахиджане. Основной целью похищения Исмаила было ожидание достижения совершеннолетия. Кызылбашские амиры все рассчитали до точностей. Они в эти 6 лет готовились к будущему сражению. В 1499-ом году 13 летний Исмаил с отрядом 700 человек держал путь с Лахиджана к Ардабилу. В этом походе Исмаила сопровождали Гусейн Лала бек Шамли, Абдулалли бек Дада, Хадим бек Хулафа, Рустам бек Гараманлы, Ильяс бек Айгут оглу Хунуслу и Гарапири бек Гаджар. Другие племя по пути присоединялись к Исмаилу. Численность войска достигло 1500 человек. В Тароне Исмаил осмотрел свое войско. Исмаил, опасаясь местного правителя Хусамаддина, покинул Тарон и ушел в Халхал. Они остановились у племени шамли «Шам-и Гызылузан» [2, 43]. О. Эфендиев пишет, что на берегах реки Гызылузан жили племя шамли. Исмаил и его отряд для перезимовки выбрали Астаринский Арчиван. До сих пор на территории этой деревни остались гробницы шейхов суфий. Деревня Арчиван было местом присоединения к ним сторонников сафавидов из южной части Азербайджана. На совещании был дань приказ идти в Арчиван. Они думали, что по пути присоединяться со сторонниками из Малой Азии и Сирии под знаменем Сафави. В 1500-ом году Исмаил со своим войском пришел к озеру Гейча, где к нему присоединились племя арашли и зулгадарлы. Исмаил явился в Анадолю. О. Эфендиев ссылается на мысли Ф. Шумера что, голова сафавидов находилась в Ардабиле, а тело в Анадолю. Исмаил, двигаясь к Арзинджану соединил голову с телом [2, 44] в Арзинджане собрались 1500 кази, из племени шамли, устаджли, такарли, зулгадар, афшар, гаджар, варшаг и сулфи из Гарадага [2, 44]. Исмаил не смог прямо напасть на Тебриз. Если напал бы, то должен был сражаться тремя силами – с Аггойунлу Алванд Мирзой, с Мурадом и Фаррух Ясаром и это не увенчалось бы победой. Но нападая на Ширван, он разорвал бы эти три силы. Поэтому он намеревался уничтожить их в отдельности. Это был тактический ход и мастерство полководца. Шах Исмаил в Арзинджане провел собрание с агсагалами. Сил было мало, поэтому некоторые предлагали зимовать в Арзинджане, набрать сил, весной наступать на Алванд, некоторые предлагали перейти в Грузии и вести священные войны, подойти к Чухурсадд и зимовать там. Но Исмаил решил сражаться со своим старым врагом Фаррух Ясаром [2, 48]. Первая деятельность Исмаила как полководца выявилась в сражении с Фаррух Ясаром. В этом сражении участвовали все кызылбашские пле-

мена. Исмаил на правом фланге разместил племя шамлы, на левом фланге разместил племя устаджлы. Сам встал в центре. Его охраняли в основном отряды такарлы, румлы и зулгардар. Участвовавшие в этом сражении главы племен кызылбаш, историками отмечаются как «колонны» будущего государства. О. Эфендиев называет их имена: Абидин оглы Тавачы, Гусейн бек Лала Шамлы, Мухаммед бек Устаджлы, Ахмед бек Суфи оглы Устаджлы, Байрам бек Гараманлы, Гылындж бек Гараманлы, Гараджа Ильяс Байбуртлы, Ильяс бек Хунушлу, Султаншах Афшар, Дана бек Афшар, Халил бек Мохрдар Афшар, Гусейн бек Суфрачы Афшар, Пири бек Парваначы Афшар, Лала Мухаммед Такарлы, Бекир бек Чагирли, Пири бек Гаджар, Салман бек Незин Зулгардарли [2, 45].

Исмаил, как полководец все рассчитал точно. Зная уход Алвенда из Нахчывана в Шарур и подготовки к бою, он переправился на южный берег Аракса в Нахчыван и ждал встречи с врагом. Алвенд Аггойунлу не рассчитал этой тактики Исмаила. В середине 1501 года 7000 бойцы кызылбаш напали на 30000-ное войско Аггойунлу. У Алвенда не было умения полководца. Исмаил показывал мастерство, сафавидские полководцы Латиф бек, Сиди Кази бек, Мусса бек, Гараджа Махмуд бек были убиты. После победы в Шаруре, Исмаил вошел в Тебриз и сел на престол [2, 49-50].

Выводы и перспектива. Наше исследование свидетельствует о том, что о Шахе Исмаиле Хатаи, сыгравшем огромную роль в Азербайджанской истории, до настоящего времени было сказано множество достойных слов, написано немало книг. Шах Исмаил Хатаи был такой личностью, который всегда был в центре внимания на разных этапах истории. На страницах произведений средневековых повествователей, европейских ученых и путешественников, турецких и Азербайджанских востоковедов про него было написано множество ценных слов. Несомненно, что исследование трудов Шаха Исмаила Хатаи требует дальнейших исследований.

Литература:

1. История Азербайджана (от древних времен до XX века). - 1 том. – Баку: Азернешр, 1994. – 687с.
2. Эфендиев О. Азербайджанское государство Сафавидов / Эфендиев О. – Баку: Шерг-Герб, 2007. – 334 с.
3. Бартольд В. В. Сочинения. Т. II, Ч. 1 / Бартольд В. В. – Москва, 1963.
4. Петрушевский И. П. Государства Азербайджана в XV в / Петрушевский И. П. // Сб. статей по истории Азербайджана, вып. 1. – Баку, 1949.

Ахвердиева К. Ф. Період правління, життя і особистість Шах Ісмаїла Хатаї в історичних джерелах / К. Ф. Ахвердієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 445–450.

Особистість Шаха Ісмаїла Хатаї завжди викликала інтерес, як у літераторів, так і в істориків. Тому що він був поетом з ніжною душею, але головне він був великим політиком, государем, засновником Азербайджанської Сафавідської держави. У статті розглядаються твори істориків сходу про життя, період правління Шаха Ісмаїла Хатаї.

Ключові слова: Шах Ісмаїл Хатаї, історія, Сафавіди, оповідання

Ahverdiyeva K. F. During the rule of the life and personality of Shah Ismail Khatai in historical sources / K. F. Ahverdiyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 445–450.

Personality Shah Ismail Khatai always been of interest, as the writers and historians. Since he was a poet with a gentle soul, but most importantly he was a great politician, a prince, a founder of the Azerbaijani Safavid state. The article deals with the work of historians of Eastern life, during the reign of Shah Ismail Khatai.

Keywords: Shah Ismail Khatai, history, Safavids, the narrative

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 821-1. 222. 1. 09“190/199”

АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗВЕСТНОГО ИРАНСКОГО ПОЭТА XX ВЕКА СОХРАБА СЕПЕХРИ

Немтинова А. Ю.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: tosechka06@gmail.com*

В данной статье предлагается анализ двух стихотворных произведений известного иранского автора XX века Сохраба Сепехри: «محراب» («Михраб») и «روشنی، آب گل، من» («Свет, я, цветок, вода») стихотворения из сборников поэта, представляющих два разных периода его жизни.

Первое стихотворение из сборника «آوار آفتاب» («Обрушение солнца») представляет собой ранний период творчества. Данное произведение иллюстрирует этап становления художественного стиля Сепехри, т. е. отход от классической формы стихосложения «аруз»; но при этом оно еще не является примером нового для литературы того времени жанра «шер-е ноу» («новый стих») сепехри был одним из немногих авторов, осмелившихся попробовать свои силы в данном жанре. Одновременно с изучением и освоением новых для него литературных форм поэт постигал философию жизни, занимался самосовершенствованием, что отражалось и в тематике его стихотворений.

Второе поэтическое произведение входит в сборник «حجم سبز» («Зеленый объем»). Это зрелая работа Сохраба Сепехри. Она является ярким образцом сформировавшегося к тому времени уникального художественного стиля поэта. Синтаксически облегченный текст перегружен метафорами, которые заставляют читателя активно взаимодействовать со смысловой составляющей.

Анализируя произведения, мы так же можем проследить эволюцию во взглядах, методах и приемах поэтики, а так же наблюдать формирование художественной индивидуальности автора. Главной отличительной чертой произведений Сепехри является то, что, несмотря на мятежную политическую обстановку в стране, они направлены на самосозерцание внутреннего «Я» и на его единение с природой. Ведь только изменив себя, мы можем изменить мир.

Ключевые слова: персидская литература, XX век, поэзия, анализ, «новая поэзия».

Постановка проблемы: Персидская литература XX века представляет собой уникальный феномен. За короткий период времени произошла глубокая перемена в системе взглядов на литературное творчество. Главным движущим фактором на пути к обновленной литературе стала политическая ситуация в стране. Шахский режим трещит по швам, а народные восстания душат страну. В такой атмосфере нет места придворной литературе, выполняющей функции дворцового искусства и восславляющей отдельных личностей и былую мощь Империи. Главенствующим в литературе направлением в то время все еще была поэзия.

С приходом в литературные круги Ирана начала века Нима Юшиджа – основоположника «шер-е ноу» (новой поэзии), поэзия стала отходить от традиционных, веками сложившихся, застывших классических форм. Это было своего рода вызовом. Изменилась не только форма стиха, но и его содержание. Пристальное внимание поэтов стали привлекать темы философско-политического характера: бытие и одиночество человека, смысл жизни, судьба и рок, судьба страны. Но наряду с этим актуальной оставалась и традиционная тема любви. Появление «шер-е ноу» сразу же разделило общество на сторонников и на противников нового стиля.

Естественно, что некоторые из поэтов попробовали свои силы в новом жанре. Одним из самых ярких представителей «новой плеяды поэтов» стал Сохраб Сепехри. Однако, в отличие от большинства авторов, он не стал писать громкие революционные гимны и призывать народные массы к восстанию против существующей власти. Уникальность творчества Сепехри заключается в том, что все его произведения были направлены на созерцание глубин человеческой души. Через познание самого себя ты можешь познать окружающий мир. Так можно сформулировать основной мотив творчества автора.

Актуальность данного научного исследования состоит в том, что нельзя представить современную персидскую литературу без творческого наследия Сохраба Сепехри. Однако, его творчество не достаточно изучено, а в научных источниках отсутствует детальный анализ отдельных лирических произведений: как художественный, так и компаративистский.

Предметом исследования является собственный художественный стиль автора.

Объектом изучения является литературное (поэтическое) наследие Сохраба Сепехри.

Целью данной исследовательской работы является изучение особенностей поэтики известного иранского поэта XX века Сохраба Сепехри. Данная цель определяет **основные задачи**:

- провести общий анализ произведений автора;
- на примерах отдельных произведений выявить основные черты его поэтического стиля;
- проанализировать какие факторы повлияли на их формирование;
- сравнить результаты анализа каждого произведения и проследить эволюцию творчества Сепехри.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к анализу отдельно взятых произведений с учетом различных факторов, повлиявших на стиль автора.

Методы, использованные в работе: исторический метод, психоаналитический, биографический, интуитивистский и сравнительный методы системного анализа.

Практическое значение работы состоит в том, что она является отправной точкой для дальнейших исследований творческого наследия выдающегося поэта XX века Сохраба Сепехри данного плана.

Статья опирается на работы А. Тамимдари[1], В. Б. Кляшториной[2; 3], М. Д. Кязимова[4], А. Р. Рада[5], М. Ю. Николаевской[6], Д. С. Комиссарова[7], М. Р. Сатарова[8], Р. Попова[9].

Произведения из сборника «آوار آفتاب» («Обрушение солнца»), написанные между 1952 и 1958 годами являются отражением интенсивно меняющегося мировоззрения поэта [10; 11] (для перевода данного и нижеприведенного персидского текста используется персидско-русский словарь Ю. А. Рубинчика) в этот период Сохраб Сепехри путешествует по миру, знакомится с различными философскими течениями, которые имеют огромное влияние на формирование его собственного восприятия окружающей среды [5]. Естественно, что это воздействие отразилось в творчестве Сепехри. В сборнике стихотворения представляют собой размышления лирического героя, находящегося в поиске Истины. Одним из таких произведений, культивирующих в читателе философское начало, есть стихотворение «محراب» («Михраб»).

Михраб	محراب
Была пустота и дуновение.	تهی بود و نسیمی.
Была темнота и звезда.	سیاهی بود و ستاره ای
Было бытие и шорох.	هستی بود و زمزمه ای.
Были губы и молитва.	لب بود و نیایشی.
Было «я» и «ты»:	"من" بود و "تو" ای:
Намаз и михраб.	نماز و محرابی. [10].

Поэзия написана в переходном жанре «шер-е ноу», т. е. «новой поэзии». Кляшторина В. Б. указывает, что это еще не свободный стих, основанный на принципах «свободного аруза», хотя в нем и нарушен неизменный для классической метрики принцип повторения определенных ритмических волн в рамках строфы, а размер строк не канонизован [2]. Однако его нельзя назвать «белым», т. к. в нем присутствует рифма и определенный ритм. Это своеобразный промежуточный вариант жанра: поэзия уже далека от классической манеры стихосложения, но и не приняла все характерные черты «шер-е ноу».

Название «محراب» переводится как «михраб», термин, обозначающий нишу во внутренней стене мечети, указывающей направление к Мекке [11]. Употребление религиозного термина, по мнению Р. Попова, является не случайным, так как Сепехри очень часто в своих поэзиях обращается к религии, но не как к системе, регламентирующей, что хорошо, а что плохо, а как к духовному пути, который приведет к Творцу [9].

Ведущей темой произведения является природное противопоставление, которое тем не менее не исключает взаимодействия. В строках присутствуют противопоставленные друг другу «من» («я») и «تو» («ты»), «تهی» («пустота») и «نسیمی» («легкое дуновение»), «سیاهی» («темнота») и «ستاره ای» («звезда») но, ни одно из представленных абстрактных понятий не исключает другое. Так, например, только в темноте ночи можно увидеть звезду, после затишья можно почувствовать дуновение ветерка, не зная себя, нельзя понять другого.

В трех последних строках раскрывается основная мысль автора:

Были губы и молитва.

Были я и ты:

Намаз и михраб.

Последняя строка содержит элементы одной религии, одного ритуала – молитвы. Молитва слетает с губ человека, совершающего намаз. Совершая намаз, ты обязан делать его в сторону Мекки, а что как не михраб укажет тебе направление? Так каждое «я» является путеводителем для каждого «ты». Любое действие, слово, движение, поступок ведет к определенным последствиям. По мнению автора, мы постоянно взаимодействуем с окружающим нас миром: людьми и природой; мы все являемся частями одного слаженного механизма, который был создан Творцом и который стремится к нему.

Эмоциональная окраска произведения – нейтральная. Простая синтаксическая структура настраивает нас на легкость восприятия, а вот созданные автором образы дают волю воображению и свободу интерпритации читателя. Каждое значимое слово, будь то «пустота», «темнота» или «дуновение», представляет собой абстрактное понятие, которое имеет широкое и глубокое субъективное значение для каждого из нас. Таким образом, читатель сам создает контекст и никакие речевые или языковые элементы не отягощают этот процесс.

Основным художественным приемом, использованным автором является антитеза, подчеркнутая синтаксическим параллелизмом. Каждая строка пронизана тонкой метафоричностью, т. к. многие из абстрактных понятий, использованных в поэзии, представляют собой как вполне реальные физические явления, так и явления связанные с духовным миром человека.

Коллекция из двадцати пяти стихотворений, написанных между 1962 годом и летом 1967 года, «حجم سبز» включает в себя практически все наиболее известные работы Сепехри [12]. Каждая поэзия этого уже зрелого сборника становится символом поэтического голоса Сохраба Сепехри. Именно в этих произведениях воплощается суть авторского мастерства поэта.

Свет, я, цветок, вода.

روشنی، من، گل، آب

Ни облака.

ابری نیست .

Ни ветерка.

بادی نیست .

Сижу на краю бассейна.

می نشینم لب حوض .

Движение рыб, свет, я, цветок, вода.

گردش ماهی ها، روشنۃ، من، گل، آب .

Целомудрие грозди жизни.

پاکی خوشه زیست .

Мама рвет базилик.

مادرم ریحان می چیند .

Хлеб, базилик, сыр, безоблачное небо, влажные петунии.

نان و ریحان و پنیر، آسمانی بی ابور، اطلسی های تر .

Спасение близко: в садовых цветах.

رستگاری نزدیک: لای گل های حیاط .

Свет в медной чаше, что за ласка льется.

نور در کاسه مس، چه نوازش ها می ریزد .

Лестница из-за высокой стены спускает на землю утро.

نردبان از سر دیوار بلند، صبح را روی زمین می آرد .

Все тайны спрятаны за улыбкой.

پشت لبخندی پنهان هر چیز .

В стене времени есть просвет, в нем можно

روزی دارد دیوار زمان، که از آن چهره من

увидеть мое лицо. پیدا است .
Есть вещи, которых я не знаю. چیز های هست، که نمی دانم .
Знаю, что если сорву травинку – тот час умру. می دانم، سبزه ای را بکنم خواهم مرد .
Взлетаю вверх до предела, я полон крыльев. می روم بالا تا اوج، من پر از بال و پرم .
Я вижу путь в темноте, я полон фонарей. راه می بینم در ظلمت، من پر از فانوسم .
Я полон света и песка من پر از نورم و شن
И полон высоких деревьев. و پر از دار و درخت .

Я полон дорог, мостов, рек, волн. پریم از راه، از پل، از رود، از موج .
Я полон тени, что листок бросает на воду: پریم از سایه برگگی در آب :
Как же я внутри одинок. چه درونم تنهاست . [10]

Данная поэзия является примером свободного стиха. Однако стоит подчеркнуть, что Сохраб Сепехри, смело подхватив новую тенденцию в литературе того времени, известную как «шер-е ноу», развивал ее в рамках своего художественного стиля. Поэтому произведения, написанные им уже как состоявшимся автором, заняли достойное место в жанровом разнообразии XX века.

Название стихотворения «آب، گل، من، روشنایی» можно перевести как «Свет, я, цветок, вода». В самом названии отражается суть языковой особенности слога Сепехри. За счет простых языковых понятий, создается яркий образ в воображении читателя. Казалось бы, несовместимые элементы задают настроение для дальнейшего прочтения.

Тема поэзии – чистота и невинность природы, заключенная в ее простоте, а так же легкость и одновременно непостижимость восприятия Истины. Читая поэзию, человек балансирует на грани понимания Истины, заключенной в природе. В первой части два простых выражения задают общее настроение. Во втором абзаце автор описывает нам картину происходящего, заостряя внимание на важных деталях: «آب» («вода»), «گل» («цветок»), «روشنایی» («свет»), «ماهی ها» («рыбы»), «حوض» («бассейн»), «پاکی خوشه زیست» («пакы хуше зист»). Он называет все это «целомудрием грозди жизни».

Третий абзац возвращает нас во времена, когда лирический герой был ребенком. Он вспоминает мать, рвущую базилик («مادرم ریحان می چیند .»), хлеб, сыр, безоблачное небо и влажные петунии («نان و ریحان و پنیر، آسمانی بی ابور، اطلسی های تر»). Далее автор говорит о том, что спасение – в садовых цветах. Автор считает, что именно в детские годы мы ближе всего к природе, играя дни напролет во дворе. Душа ребенка чиста, а мысли не затуманены ежедневной рутинной. Каждый день свеж, как петунии и хлеб, небо всегда безоблачно, а рядом есть человек, который испытывает к тебе подлинные чувства.

Следующая часть стихотворения наполнена причудливыми образами. Долгие жизненные искания раскрывают поэту жизненные истины, которыми он делится с читателем через созданную метафору. Как считает автор только избавившись от возведенных нами стен, можно увидеть утренний свет, улыбка скрывает все тайны, природа открывается нам всего лишь на миг, но и этого мига достаточно, чтобы найти себя в этом мире. Лирический герой говорит, что есть множество вещей, о которых он не знает, но он точно уверен, что если он сорвет травинку, то умрет, ибо разрушит то совершенное, что создала Мать Природа.

Однако после откровения лирический герой наполняется легкостью и видит перед собой сотни открытых дорог. Но он одинок.

В своем стихотворении лирический герой делится с читателем опытом поиска прописных истин, которые мы часто не можем увидеть и понять из-за затуманенности сознания. Автор призывает нас начать поиски своего я и обрести себя.

Еще одним из основных мотивов поздних произведений Сохраба Сепехри является одиночество. Из биографии автора можно увидеть, что он почти всю жизнь прожил со своей матерью и сестрой, заполнял душевную пустоту творчеством, поездками в другие страны, но так и не нашел родственную душу.

Стихотворение имеет нейтральный эмоциональный фон, наполненный умиротворением. Все средства, использованные автором, направлены на это. Синтаксическая структура, отсутствие сложных языковых оборотов и наличие последовательной манеры изложения. Однако конечная фраза «چه درونم تنهاست» («Как я внутри одинок») выпадает из общего характера поэзии, оставляя в душе читателя ощущение незавершенности.

Основным приемом автора является синтаксическая упрощенность текста, присутствует использование инверсии («می نشینم لب حوض») и разговорных элементов («می آرد»). Это характерная черта всех произведений XX века, обоснованная демократизацией литературы, направленной на сближение разговорного и литературного персидского языка.

Текст изобилует метафорическими образами и сравнениями.

Оба представленные стихотворения являются импульсом для погружения в философские размышления и активно воздействуют на восприятие читателя, что, по сути, является достижением основной поставленной цели автора.

Результаты. Анализ двух произведений дает нам возможность составить четкую картину становления художественного стиля Сохраба Сепехри. Поэт осмелился попробовать силы в новом жанре, придав ему собственные, аутентичные черты, благодаря которым он по праву занимает отдельное место в жанровой системе иранской поэзии XX века.

Через формирование личности автора, основанное на непрерывном поиске утраченной связи с природой, автор создает свою собственную философию восприятия окружающего мира. Отражение душевных изменений мы можем наблюдать в его литературном наследии. Так с каждым произведением все больше и больше истин открывается автору и читателю, с каждой новой строкой оттачивается мастерство метафоричности. Стилистическая и лингвистическая упрощенность идет в противовес метафорической и образной перегруженности текста. Исключительная простота слога Сепехри, неординарная фразеология, образность и едва уловимая философия заставляют читателя активно взаимодействовать с текстом. Именно эти особенности выделяют голос Сепехри из ряда других поэтов-современников.

Выводы и перспективы.

В XX веке Иран переживает глубокие потрясения не только на политической арене, но и в области литературы. Несмотря на силу традиций классического стиха, западноевропейские веяния, да и общий дух модернизации провоцировали перемены в литературе. Первым обратился к свободному стиху в Иране Нима Юшидж, как

сильная и харизматичная личность он оказал влияние на многих поэтов того времени. Одним из них стал Сохраб Сепехри.

Новый жанр позволил в полной мере раскрыться таланту Сепехри. Его творчество заняло свое место в современной персидской литературе. Оставленное им литературное наследие еще долгое время будет иметь воздействие на души, умы и чувства людей.

Данное исследование является ценным материалом для изучения и анализа творчества Сохраба Сепехри, чье творчество является ярким примером модернизированной литературы XX века.

Литература:

1. Тамимдари А. История персидской литературы / Ахмад Тамимдари — Санкт Петербург: Петербургское Востоковедение (Orientalia), 2007. — 240 с, — ISBN 5-85803-355-4.
2. Кляшторина В. Б. «Новая поэзия» в Иране/ Вера Борисовна Кляшторина — Москва, 1975. — С. 83—106. — ISBN 5-02-016936-6;
3. Кляшторина В. Б. «Шаги тихой воды»: две волны вестернизации в персидской поэзии XX века/ Вера Борисовна Кляшторина — // «НЛО» Фигуры сходства: иноязычные контексты. — 2003. — №62;
4. Кязимов М. Д. Поэтическое наследие Сохраба Сепехри/ Кязимов Михаил Дмитриевич — // Научно теоретический журнал Баку. Язык и литература. Литературоведение. — 2001. — №3-4(32);
5. Рад А. Р. Место Сохраба Сепехри в современной персидской поэзии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10. 01. 03 – Литература народов стран зарубежья (персидская литература)/ Абулфазл Рахими Рад — Душанбе – 2009. — 27с.
6. Николаевская М. Ю. Синтез культурных традиций в поэзии Сохраба Сепехри. Восток-Запад: притяжение, отталкивание/ Мария Юрьевна Николаевская — Москва: ИВАН, 1998. — 83 с.
7. Комиссаров Д. С. История персидской литературы XIX – XX веков/ Дмитрий Сергеевич Комиссаров — Москва: Восточная литература РАН. — 1999. — ISBN — 5-02-018016-5;
8. Сатаров М. Р. Творчество Сохраба Сепехри в контексте литературы XX века. Исследования по иранской филологии/ М. Р. Сатаров — Москва: ИСАА, 1999. — 117-141 с.
9. Попов Р. Сохраб Сепехри – светлый вестник Ирана, или поэзия, полная крыльев [Электронный ресурс]. : (Электронный журнал «Роза Мира»). — 2006. — Режим доступа к статье: <http://rozamira.org/paper/druzyagozy/rodionporov/01/>
10. Сепехри С. Хаджме сабз [Зеленый объем]. / Сохраб Сепехри — Тегеран, 2010. — С. 18-418. — ISBN 978-964-6414-85-3;
11. Рубинчик Ю. А. Персидско-русский словарь в двух томах, 60 000 слов. / Юрий Аронович Рубинчик — Москва: Академия наук СССР/ Институт востоковедения, 1969. — 847с. — ISBN 964-5955-75-0, ISBN 964-5955-76-9.
12. Немтинова А. Ю. Этапы становления Сохраба Сепехри как поэта/ А. Ю. Немтинова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2012. — Т. 25(64), №2, ч. 2. — С. 158 – 163.

Немтінова А. Ю. Аналіз творів відомого іранського поета XX століття Сохраба Сепехрі / А. Ю. Немтінова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». — 2013. — Т. 26 (65), № 1, ч. 1. — С. 451–458.

У даній статті представляється аналіз двох віршованих творів відомого іранського автора XX століття Сохраб Сепехрі: «محراب» («Міхраб»). і «روشنی من گل آب» («Світло, я, квітка, вода») вірші зі збірок поета, що представляють два різні періоди його життя.

Перший вірш зі збірки «أوار آفتاب» («Обвалення сонця») являє собою ранній період творчості. Даний твір ілюструє етап становлення художнього стилю Сепехрі, тобто відхід від класичної форми віршування «аруз»; але при цьому він ще не є прикладом нового для літератури того часу жанру «шер-е ноу» («новий вірш») сепехрі був одним з небагатьох авторів, що наслідилися спробувати свої сили в цьому жанрі. Одночасно з вивченням і освоєнням нових для нього літературних форм поет досягав філософію життя, займався самовдосконаленням, що відбивалося і в тематиці його віршів.

Другий поетичний твір входить до збірки «حجم سبز» («Зелений обсяг»). Це зріла робота Сохраба Сепехрі. Вона є яскравим зразком вже сформованого до того часу унікального художнього стилю поета. Синтаксично полегшений текст, що перевантажений метафорами, які змушують читача активно взаємодіяти зі смисловою складовою вірша.

Аналізуючи твори, ми можемо простежити еволюцію у поглядах, методах і прийомах поезики, а також спостерігати формування творчої індивідуальності автора. Головною відмінною рисою творів Сепехрі є те, що, незважаючи на бунтівну політичну обстановку в країні, вони спрямовані на самоспоглядання внутрішнього «Я» і на його єднання з природою. Адже тільки змінивши себе, ми можемо змінити світ.

Ключові слова: перська література, XX століття, поезія, аналіз, «нова поезія».

Nemtinova A. The Analysis of Literary Works by a Contemporary Iranian poet Sohrab Sepehri / A. Nemtinova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 451–458.

One of the brightest representatives of Persian poetry in XX century was Sohrab Sepehri. Sepehri's poetry is imbued with the spirit of contemplation and seclusion. He is called the modern mystic that tries to reach perfect harmony in his poetry, and this made him so close to the current generation of Iranians. «Black» Romanticism that dominates in his poetry became the consequence of crisis in the country, the world and his own soul. S. Sepehri's creativity has a special place in modern Persian literature, not only because of its uniqueness, but also because of the huge impact that it had on the formation of the artistic consciousness of Persian literature of the present days in general.

The paper presents an analysis of two author's poems: «محراب» («Mihrab») and «روشنی من گل، آب» («Light, I, flower, water»). These Collections of poems represent two different periods of his life and creative work.

The first poem from the collection «أوار آفتاب» («The Collapse of the Sun») is an early work. This piece of poetry illustrates the phase of development of Sepehri's artistic style: deviation from the classical form of poetry «Aruz»; but it is not an example of a new literary genre «Sher-e now» («new verse»). Sepehri was one of the few writers who dared to try their hand at this genre. Simultaneously with the studying and developing of the new literary forms poet was learning the philosophy of life, was engaged in self-improvement, which is reflected in the themes of his poems.

The second poem is from collection «حجم سبز» («Green volume»). This is a mature Sohrab Sepehri's work. It is a bright example of already formed by that time poet's unique art style. Syntactically light text is overloaded with metaphors that make the reader to interact with the semantic component.

Analyzing the works, we can also trace the evolution of views, methods and poetics techniques, as well as to observe the formation of artistic individuality. The main distinguishing feature of Sepehri's works is that, despite the rebel political situation in the country, they are directed to the inner contemplation of the person and its unity with nature. Indeed, only by changing ourselves we can change the world.

Keywords: Persian literature, XX century, poetry, analysis, "new poetry. "

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 145' 276. 6: 34

МОВСЕС ХОРЕНАЦИ -- ПИСЬМЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА «MAGNA BULGARIA» С II В. ДО Н. ЭРЫ ПО VII В. Н. ЭРЫ

Умеров Э. Ш.

Юридическая служба «Омер-Бекташ»

В рассматриваемой статье исследуется вопрос относительно правдоподобности существования письменного источника, принятого в литературе под названием «История Армении», правомерности данных изложенных в «Истории Армении», относительно народа булгар, колонизировавших северную Армению в 114 г. до Рождества Христова, исследуется вопрос о времени написания Мовсесом Хоренаци. «Истории Армении».

Ключевые слова: Мовсес Хоренаци, Аршак, великая Кавказская гора, Страна Булгар, свидетельства Мар-Абаса-катины, второй армянский Арсакид, область Карса, «Veghentur Bulgar», «Именник», «Хронограф», «Агатангел», «Аноним», «Себеос», «халдейская Книга», «Песни випасанов», «Храмовая История», «Книга царей», 36-ый стих «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци».

Постановка проблемы. Исследуя вопросы образования и развития, в Восточной Европе, древнейших государств он-уйгуров – «Patria Onoguria» и булгар – «Magna Bulgaria», мы столкнулись в литературе, с противоречиями, в применении многими авторами, некоторых письменных источников, согласно которым, факты действительного появления булгар в Восточной Европе, начиная с II в. до н. эры, продолжают, подвергаться сомнениям. Речь идёт, об авторах и, собственно, армянских источниках, среди которых, «История Армении» Мовсеса Хоренаци. Выяснению этих обстоятельств в свете данных Мовсеса Хоренаци и посвящено настоящее сообщение.

Самым древним письменным документом, упоминающем о булгарах, бесспорно, является, свидетельство сирийца Мар Абаса – Катины, жившего в III-м веке н. э, о том, что «булгары, обитавшие к северу от кавказских гор, в 149-127 гг, до Р. Х, вторглись в Армению» [2, 25]. Сообщение Мар Абас – Катины, использовал в своей работе, и, Мовсес Хоренаци, который писал о том, что, – «в дни Аршака, возникли большие смуты в цепи великой Кавказской горы, в **Стране Булгар**» [17, 48].

С. Плетнева отмечает, – «ссылаясь (...) на весьма спорные сообщения армянского историка Моисея Хоренского, исследователи болгарской истории пишут о первом появлении булгар на Северном Кавказе во II или же в IV вв. н. э» [10, 31]. М. Артамонов, пишет, что, – «Первое появление их (булгар) на исторической арене, если не считать (...) анахронистического сообщения о них, армянского историка Моисея Хоренского, в связи с событиями II в. до н. э, относится к началу V в. нашей эры [1, 109], (...) но зато время, к которому он относит (появление булгар) совершенно невероятно» [1, 239].

В. Т. Сиротенко, считает что, – «историк древней Армении, Мовсес Хоренаци, работавший, по заказу армянского нахарара, Сака Багратуни, написал «Историю Армении». При составлении этого труда, Мовсес Хоренаци, использовал, «начальную историю Армении» Мар Абаса – Катины» [13, 195-218].

Академик А. Куник, который, ссылаясь на статью Гудшмидта, – «о достоверности армянской истории Моисея – Хоренского», писал, что, – «последний, не только подверг сомнению обоих «Мар Аббасов», но и самого Моисея – Хоренского сдвинул, как историка, с того пьедестала, на котором он, благодаря недостаточной критической оценке, стоял в продолжение целого столетия» [18, 364, 656-658]. В этой же, работе, А. Куник, рассказывая о болгарях, пишет о том, что, – «во время второго армянского Арсакида, Аршака, около 120 года, до Р. Х, толпа, изгнанных **из своей родины Болгар...**». В другой работе, А. Куник, пишет о том, что, – «Древнейшее свидетельство, этого рода, принадлежит Аббасу Катине, жившему при Аршаке, царствовал 127-114 гг. до Р. Х. По этому свидетельству Абаса Катины, часть Болгар, была изгнана **из своего отечества**» [5, 38-39].

Относительно имени Мар Абаса есть суждение Картрмера [18, 364, 656-658], согласно которому это имя могло появиться у сирийцев, в эпоху христианства, когда к началу собственного имени духовного лица, прибавляли эпитет «Мар», в значении – «владыка», «отец» [16, 384]. К аналогичному выводу, пришел К. Патканов, который сообщает следующее, – «...имя Мар-Абас или Мар Ибас, весьма обыкновенное у сирийцев, в христианскую эпоху, было носимо многими епископами» [7, 172].

Исследователь, Н. Эмин, в своей работе по мифологии и эпосу армян, приходит к заключению о том, что, – «ни Мар Абаса, ни халдейской Книги, следовательно, и, заключающейся в ней, исконной Истории, не существовало». «Спросят, – пишет, Н. Эмин, – откуда – же, Моисей Хоренский заимствовал историю, более, чем 2000 лет, начиная с эпонима Хайка, до вступления династии Аршакидов на престол Армении? Отвечаем, – пишет Н. Эмин, – «из народного Эпоса, из Песни випасанов, из Песен хронологических, из Храмовой Истории, из Книги царей, не говоря о легендах, сказаниях и преданиях» [3, 293]. Г. Халатьянц, много позже, на основании сравнительного анализа источников, эпоса и мифологии армян, пришел, к аналогичному, выводу [6, 279].

Профессор, Н. Я. Марр, полагал, что, – «отнесение, Н. Эмином, и К. Паткановым, первой книги Мовсеса Хоренаци, к сказочной истории, это, в сущности, старая теория, как Н. Эмина, так К. Патканова и др. авторов, не нашедшая своего подтверждения, в дальнейшем» [6, 281].

Другим из авторов, на которых, ссылался М. Хоренаци, был некий Аноним, известный, как Летописец, существование которого, в противоположность венской школы мхитаристов, оспаривали практически и братья Вистоны, и Гудшмид, и Картриер [6, 283]. Приведем, в качестве примера, 36-ый стих, – «И (весь мир) служил македонянам до восстания парфян против них и до возникновения Аршакидского царства, и именно, об этом Аршакидском царстве, повествует тот летописец так, как предлежит перед тобою» [6, 279]. «Какой это – «тот летописец»?», – вопрошает профессор Н. Я. Марр. К. Патканов также отмечает, что ему «неизвестно, о каком летописце говорит автор или надпись» [8, 1].

Последним, поставившим, все точки над *i*, в вопросе «Истории Армении», Мовсеса Хоренаци, явились два, фундаментальных труда, Г. Халатьянца, [14; 15]. который указывает, – «таково, например, упоминание у Хоренского о народе Булгар во II веке до Р. Х., как известно, являющемся в истории впервые только в VI веке нашей эры» [15, 5]. В другой работе, указывая на, – «особенный интерес, который, – по его мнению, представляет 6-ая глава «Истории Армении», Моисея Хоренского, в виду сообщения автора о болгарской колонизации Армении, в столь раннюю эпоху, как II век до нашей эры» [14, 29-34]. Считая данные, сообщенные Мовсесом Хоренаци, относительно булгар, «недостовверными», и «анахронистическими» Г. Халатьянц, тем не менее, заключает свою работу, словами, – «Но, само собой, разумеется, что, из этого, ещё не следует, что произведение М. Хоренского должно теперь потерять всякое значение. Нисколько. За ним, как за литературным памятником, остается весьма важное, можно сказать, даже первенствующее положение» [14, 377].

Ведь Г. Халатьянц не мог возражать против К. Птолемея, который, в 162 году н. эры, локализует народ «*κhounoi*» у подножия Карпатских гор [18, 384]. Г. Халатьянц также не мог возражать и против существования государства древних булгар, в Северном Причерноморье и Северном Приазовье, факта, подтверждающегося греческой хроникой, датированной 237 годом н. эры, со словами: «*Ziezi ex quo Vulgares*», данных, «Именника булгарских хаганов», 354 года н. эры, обнаруженного в Хронографе русской редакции, 1466 года [11, 25-27].

«Молчание», К. Патканова, по поводу, высказанного многими учеными, термина «анахронизм», объясняется его сетованием, по поводу истории армянского языка и литературы, когда, – «...сами армяне относительно древности своего языка и этнического состава нации не сохранили никаких сведений (...), – и, – если встречаются у них кое-какие известия об этом предмете, то они относятся к позднему времени (IV-V ст. по Р. Х.) к эпохе, установившегося литературного языка, дошедшего до нашего времени» [9, 6]. или его переживаниями в другой работе о том, что, – «...до начала V века по Р. Х. у Армян не было своей азбуки, и по всей вероятности, никакой письменной литературы, хотя трудно себе представить, как могло обширное государство, в течение многих столетий, обходиться, без употребления своего языка в письме, когда все его соседи издавна владели письменностью» [7, 172].

Появление термина «анахронизм», относительно существования во II в. до н. эры, в Восточной Европе, государства булгар, было вызвано заключением, которое умалчивается, и к которому, пришёл Г. Халатьянц в 1908 году, писавший, что – «Историю Урартийцев (Урарту-Арагат), древнейшего народа, населявшего географическую Армению и принимаемого некоторыми учеными за прото-армян, нужно, в данном случае, оставить в стороне, вследствие спорности и запутанности вопроса об языке Ванских надписей, равно как и об национальности начертившего эти надписи племени. Гораздо важнее для нас, та эпоха в жизни армян, которую застаёт достоверная история, когда Армения является, сначала, союзницей Мидии и Персии, а потом, в V веке, не без упорной борьбы, становится, надолго, персидской сатрапией (...) с этого времени (486-323) начинается в Армении, усиленная иранизация, выразившаяся в распространении персидской культуры – персидского языка, нравов, религии и проч. С большою силой процесс иранизации стал продолжаться в

этой стране при парфиянах, имевших в Армении, сверх того, побочную линию Аршакидов. Многие порядки в стране, как-то: политическое устройство, родовая аристократия, администрация, суд, календарь, синкретическая религия, культурные понятия, отчасти, даже официальный язык и канцелярия – были парфянские. Они не исчезли, не только, после падения персидских Аршакидов (226г.), но и после принятия армянами христианства (в начале IV века). Даже в V веке, когда у армян зародилась своя письменность, понятия и нравы народа мало чем отличались от прежнего, языческого быта. Я уже не говорю, – пишет Г. Халатьянц, – об армянском языке, который под пером уже первых армянских писателей наводнен пехлевийскими и вообще персидскими словами до такой степени, что лингвисты одно время считали его (армянский язык) за иранскую ветвь [15, 109-110]. Вопреки, всем приведенным, неоспоримым данным, вопреки историческим, можно сказать, законам, начальная летопись армян – индоевропейцев по происхождению и иранцев по культуре – явилась в сильной семитической окраске, благодаря влиянию библейско-христианских, книжных представлений эпохи, а это обстоятельство ясно указывает, во-первых, на ее искусственность, и, во-вторых, на более позднее ее составление, чем V и VI вв, по Р. Х» [15, 111-112].

Поддерживая **выводы** Г. Халатьянца, следует отметить, что крымскотатарский народ должен знать об «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, поскольку, его произведение, действительно им написанное и согласованное с другими письменными источниками и археологическим материалом, подтверждает тезис об автохтонности крымскотатарского народа, как правопреемника и наследника тюркоязычных болгар и он-уйгуров, на территории Северного Причерноморья, Приазовья и Крымского полуострова.

Литература:

1. Артамонов М. И. История хазар / М. И. Артамонов. – Изд. второе, СПб. : Лань, 2001. – 688 с.
2. Голубовский П. В. Болгары и хазары // Киевская старина / П. В. Голубовский. – 1888. – №7. – 43 с.
3. Исследования и статьи Н. О. Эмина по армянской мифологии, археологии, истории и истории литературы (за 1858-1884 гг.) – М. : Лазаревский институт. – 1888. – 432 с.
4. Куник А. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах / А. Куник, барон В. Розен. – СПб. : Записки Академии Наук. – Т. 32. – ч. 1. – 1879. – 192 с.
5. Куник А. Тохтамыш и Фиркович. По поводу спора о двух искаженных еврейских надписях и двух вымышленных летоисчислениях // Записки Императорской Академии Наук. – Т. 27. – 1876. – СПб. – 70 с.
6. Марр Н. Я. О начальной истории Армении Анонима. К вопросу об источниках Моисея Хоренского / Н. Я. Марр. – ВВ. – С. 265-306.
7. Патканов К. Ванские надписи для истории Передней Азии // журнал Министерства Народного Просвещения. – Январь – 1874. – СПб. – 240 с.
8. Патканов К. История императора Иракла, сочинение епископа Себеоса / К. Патканов. – СПб. – 1862. – 180 с.
9. Патканов К. Исследование о диалектах Армянского языка. Филологический опыт / К. Патканов. – СПб. – 1869. – 190 с.
10. Плетнева С. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская Археология. – №1. – 1997. – Казань – 31 с.
11. Попов А. Обзор Хронографов русской редакции / А. Попов. – М. – 1866 – 250 с.
12. Птолемей География / Приложение к журн. Вестник Древней Истории. – 1947. – 750 с.

13. Сиротенко В. Т. Письменные свидетельства о булгарах IV – VII вв. в свете современных им исторических событий / В кн. «Славяно-Балканские Исследования» / В. Т. Сиротенко. – М. : Наука, 1972. – С. 195-218.

14. Халатьянц Г. А. Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского / Г. А. Халатьянц. – ч. 1. – М, 1908. – 400 с.

15. Халатьянц Г. А. Армянский эпос в «Истории Армении» Моисея Хоренского / Г. А. Халатьянц. – ч. 1. – М, 1896. – 350 с.

16. Халатьянц Г. А. Начало критического изучения Истории Армении Моисея Хоренского // журнал Министерства Народного Просвещения. – 1894. – Октябрь. – СПб. – С. 387-402.

17. Хоренаци М. История Армении / пер. с арм. Г. Саркисяна / М. Хоренаци. – Ереван, 1990. – 48 с.

18. Литература на иностранных языках:

19. Berichte der philol. -histor. Classe der Ksachsish. Gesellsch. Der Wissensch. // Journ. des Savants. – 1876. – 900 p.

Умеров Е. Ш. Мовсес Хоренаци – письмовий джерело по історії держави «Magna Bulgaria» з II в. до н. ери по VII в. н. ери / Е. Ш. Умеров // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 459–464.

У даній статті досліджується питання щодо правдоподібності існування письмового джерела, прийнятого в літературі під назвою «історія Вірменії», правомірності даних викладених в «Історії Вірменії», щодо народу булгар, колонізували північну Вірменію в 114 р. до Різдва Христового, досліджується питання про час написання Мовсес Хоренаци. «Історії Вірменії».

Ключові слова: Мовсес Хоренаци, Аршак, велика Кавказька гора, Країна Булгар, свідцтва Мар-Абаса-Катіна, другий вірменський Арсакидів, область Карса, «Veghentur Bulgar», «Именник», «Хронограф», «Агатангел», «Анонім», «Себеос», «халдейська Книга», «Пісні віпасанов», «Храмова Історія», «Книга царів», 36-й вірш «Історії Вірменії» Мовсеса Хоренаци

Umerov E. Sh. Khorenatsi – written source on the history of the state «Magna Bulgaria» from II century BC to the VII century AD / E. Sh. Umerov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 459–464.

In our article the question about the plausibility of the existence of written sources, adopted in the literature as the "History of Armenia", the legality of data contained in the "History of Armenia", in relation to the people of the Bulgars, colonized northern Armenia in 114, before the birth of Christ, we investigate the question of the time of writing Khorenatsi. "History of Armenia".

Review articles on the research question, as well as a comparison of the information specified in the "History of Armenia" Khorenatsi, with data from other written sources, individual studies, "History of Armenia" Khorenatsi made brothers Winston Kartrierom, Gudshmidtom, on the one hand, and research A. Kunika, N. Patkanova, N. Amin, Marr, G. Halatyantsa, on the other hand, allow to draw conclusions about the actual existence of Khorenatsi, as the author of the "History of Armenia". However, he wrote a work, according to the above, researchers, should be attributed to the period, not earlier than 6-7 centuries. and no later than 8-9 centuries. AD

As for the data on the Bulgars, who are Khorenatsi, in his "History of Armenia", during the colonization of North Armenia, in 144, before the birth of Christ, they are adequately supported by other sources, as in the part of the parish and the existence at the time of Bulgar tribes in Eastern Europe, through the data "Geography" K. Ptolemeya, confining people Huns, part of which is the Bulgar tribes in 162 year n. ery at the foot of the Carpathian Mountains, the data «Cosmographia Ravennatis Anonimi», – «...Item juxta mare Ponticum ponitur patria, quae Onogoria, sed ut barbarus mos est, insulae eos perfruer», which refers to the state Onogurs, part of which is the Bulgar tribes set out Dionysius the Libyans, and the facts of the existence of the Bulgars of public education, the Greek chronicle of 237 years, which is a unique source – a sign that says, – Ziezi the son of Shem and grandson Noah mentioned in the "Chronograph 354 years, " the Roman annals IV century AD. Chronograph author describes the origin of different nations: «Ziizi ex quo vulgares». Today accepted identification «vulgares» with the Bulgars, that is, the fragment should be read as "... Ziezi from whom there were Bulgarians. " If this identification is correct, then Chronograph is the earliest extant mention of the Bulgars and the amounts written off from the manuscript of the XV century, the so-called "Bulgar Imenik Hagan"

confirming the existence of the Turkic Bulgars title head of state – Kagan, in the continuation of 515-minute years, from the beginning of II century BC.

Keywords: Movses Khorenatsi Arshak, Great Caucasus mountain country of the Bulgars, evidence-Mar Abas Katina, Second Armenian Arsacids, the region of Kars, «Veghentur Bulgar», «list of names», "Chrono", "Agatangel", "Anonymous" "Sebeos", "Chaldean book", "Songs vipasanov", "History of the Temple, " "The Book of Kings", the 36th verse of the "History of Armenia" Khorenatsi"

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК: 070. 36: 81'1: 316. 3 (=411. 21)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ В СТРАНАХ АРАБСКОГО РЕГИОНА

Долусова Ю. А.

*Таврический Национальный Университет им. Вернадского
E-mail: yulia_dolusova@mail.ru*

В данной статье раскрывается актуальность темы «Лингвистические особенности рекламы в странах арабского региона», указывается цель данного исследования, дается определение рекламы, рассматриваются ее виды. На основе анализа, который базируется на научных данных психофизиологического восприятия человеком текста, выявляются языковые особенности, грамматические средства языка в оформлении рекламного текста, рассматривается непосредственно сам текст, как структура рекламы. В статье так же приводятся примеры, взятые из арабоязычных источников телевизионной и печатной рекламы.

Для специалистов рекламного бизнеса, журналистов, специалистов по связям общественностью, студентов-лингвистов.

Ключевые слова: реклама, рекламный текст, языковые особенности, структура рекламы, грамматические средства.

Постановка проблемы. Сегодня с позиции XXI века в сравнении с веком XX, можно с уверенностью констатировать то, что рекламное сообщение становится более информативным и манипулятивным и воздействует на наше сознание и подсознание. Тексты коммерческой рекламы в конце XX – начале XXI вв. стали настолько распространенными, что нельзя не учитывать их мощного влияния на формирование языковой картины мира. В последнее время в лингвистических исследованиях четко прослеживается смена ориентиров. Наблюдается явный интерес к вопросам практического использования языка, как важнейшего средства выражения и отражения когнитивной деятельности человека [3, 92].

Вопросы по рекламе и по языковым средствам рекламы освещены в трудах Н. Н. Кохтева[1], А. Н. Лебедева[2], Е. В. Медведева [3], Р. С. Немова[4], Е. Н. Сердобинцевой[5]. и др.

В последнее время реклама, текст рекламы и ее лингвистические аспекты стали объектом исследования в России, странах Европы и США, однако, лингвистические особенности рекламы в странах арабского региона являются малоисследованными, поэтому эта тема является **актуальной**.

Целью данного исследования является лингвистический анализ рекламного текста. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд практических **задач**:

1. Ознакомиться с научно-теоретическими источниками по лингвистическим аспектам рекламы.
2. Собрать фактический материал: текстовую рекламу и видео-рекламу.

3. Проанализировать текст, как основу рекламы.

4. Сделать выводы о полученных результатах и определить перспективы дальнейших исследований.

Объект исследования: рекламные тексты в средствах массовой информации и наружной рекламе в странах арабского региона.

Реклама представляет собой систему мер целенаправленного воздействия на потребителей, которая формирует и регулирует движение товаров на рынке. Воздействуя на покупателя, реклама способствует возникновению желания у него приобрести рекламируемые товары и услуги. Используется целый ряд различных методов и приемов, воздействующих на различные психические структуры человека, как на сознательном, так и на бессознательном уровне, поэтому рекламу относят к социально-психологическим явлениям. Исследования воздействия рекламного текста связаны с тем, как информация воспринимается человеком [5, 6].

В странах арабского региона наиболее распространенными выступают такие формы рекламы, как печатная и телевизионная. В печатной рекламе приоритетным является зрительное восприятие, поэтому основное внимание уделяется иллюстрациям, сопровождающим рекламный текст.

Наиболее важным в рекламе является текст. В нем описанные ощущения выражаются вербально, например: *اكتيفيا – لتكوني متألقة كل يوم* (Активия – чтобы ты оставалась сверкающей каждый день).

Восприятие представляет собой «синтез разнообразных ощущений, получаемых от целостных предметов или сложных, воспринимаемых как целое, явлений. Этот синтез выступает в виде образа данного предмета или явления» [4, 98].

При восприятии рекламной информации исключительно важная роль принадлежит формированию перцептивного образа, который оказывает (или не оказывает) самое существенное воздействие на поведение покупателя. Образы прямоадресованы чувствам человека [2, 32]. Их смысл понимается посредством хорошо налаженного на уровне сознания процесса.

Например, слоган одной из реклам фирменного бренда Кока-Колы

لو كل ده جنان اتجنن (что в переводе означает «Если бы это все было раем, то я бы попал в него») выражает основную идею рекламной компании и суть продукта при помощи образов счастливых людей. В основе сюжета – чувства счастья и радости, наслаждение жизнью, прекрасное времяпровождение любимых занятий. Пред нами предстают люди, которые несут радость окружающему, при этом занимаясь банальными и простыми, но в ту же очередь своими любимыми занятиями (развешиванием качелей на улицах города, фотографированием детей и т. д.).

Также, в вышеприведенном примере, мы можем наблюдать использование египетского диалекта. Каирский арабский диалект (диалект столицы Египта – Каира) – это наиболее распространенная форма египетского диалекта, которая используется в рекламе, песнях и спектаклях, иногда также в неформальной переписке и художественной литературе. Для других целей используется современный стандартный арабский язык [6].

Существует две категории рекламного текста: выделенный и основной. Выделенный текст включает в себя все элементы, которые читатель замечает при первом

взгляде на рекламу (заголовок и подзаголовок). Эти элементы обычно набираются крупным шрифтом, чтобы привлечь внимание и остановить беглый взгляд читателя. Основной текст рекламы включает элементы, которые должны быть прочитаны и поняты читателем [5, 24].

На восприятие текста значительное влияние оказывают грамматические категории использованных слов.

Имена существительные обозначают предметы, которые составляют основу нашей действительности. Именно эта грамматическая категория занимает преимущественное место в речи вообще и в рекламных текстах в частности.

Частов рекламе потребительские преимущества описываются с помощью именно абстрактных существительных [5, 35]. Рекламные объявления пестрят выражениями типа: تاريخ البانتين (Время пантина).

Доминантная роль имен существительных объясняется еще и тем, что слова данной категории способны выделять определенные признаки объектов действительности – качество, свойство, состояние: الموثوقية والراحة (надежность и спокойствие), الحماية (защита), الحنان (нежность).

Абстрактное значение содержат не только имена существительные, но и качественные прилагательные, особенно в сравнительной или превосходной степени, например: اجد (новейший), اكبر (величайший).

Глаголы играют важную роль в структуре рекламного текста, несут информацию о необходимых для производителя или продавца действиях, которые должен совершить покупатель. Поэтому психологи советуют применять глаголы преимущественно в настоящем времени и использовать активный залог, а не пассивный, который ослабляет идею и затрудняет понимание [5, 36]. : يفرح طفلك كل يوم (Ваш ребенок радуется каждый день).

Любая реклама провоцирует покупателя на совершение покупки определенного рекламируемого товара. Побуждение является итогом, результатом всех действий – вербальных и невербальных – которые задействованы в конкретном рекламном ролике. По сути, именно эффект воздействия побуждения, заложенного в рекламе, и является показателем того, получилась ли реклама результативной или нерезультативной.

Многие авторы научной литературы о побуждении в рекламе отзываются одинаково, считая, что «В рекламе побудительные конструкции действенны, они выражают предложение, призыв, приглашение, совет, разъяснение, убеждение и т. д. Они придают живость и эмоциональность высказыванию, передают непосредственность разговорной речи» [1, 111].

Не менее важным аспектом в структуре рекламного текста стало использование императива. Побудительное наклонение чаще всего используется в форме глагола 2 лица единственного числа: افرح (радуйся), ابتسم (улыбайся).

Для усиления позитивного воздействия императивного текста на потребителя копирайтеры тщательно отбирают лексику для рекламного сообщения. Во всех проанализированных журналах это, в первую очередь, эмоционально-оценочная лексика: ابتسم (улыбайся), صدق (доверяй), لا تخف (не бойся).

Выводы и перспектива.

Языковые средства рекламы, а именно грамматические средства языка в оформлении рекламного текста, позволили выявить определенные особенности, используемые в рекламах в странах арабского региона.

В большинстве текстов присутствует заголовок, так как именно он выполняет основную задачу рекламы – заинтересовать, привлечь внимание потенциального покупателя.

На втором месте после заголовка стоит непосредственно текстовое содержание рекламы, поэтому не менее важным аспектом восприятия рекламного текста есть его грамматические средства. Так, существенную роль играют имена существительные, поэтому именно они занимают преимущественное место в речи и в рекламных текстах в частности.

Имена прилагательные, местоимения, числительные занимают определенную позицию среди грамматических средств в процессе восприятия рекламы потребителями, но по сравнению с именами существительными и глаголами не столь решающую.

Глаголы так же играют важную роль в структуре рекламного текста, несут информацию о необходимых для потенциального покупателя действиях. Обозначая действия, глагол обладает скрытой в нем динамикой, движением и имеет большую побудительную силу, нежели именные части речи. Однако в рекламе повелительное наклонение глагола следует использовать осмотрительно, так как известно, что сила действия равна силе противодействия. И чем требовательнее будет звучать команда потребителю, что ему купить или выбрать, куда пойти и что для себя открыть, тем больше будет он замыкаться в себе и пытаться избежать рекламного сообщения.

Принимая во внимание значимость и роль рекламы, а так же использование грамматических средств в структурных текстах, нам видится необходимость дальнейшего изучения лингвистических аспектов рекламы в странах арабского региона.

Литература:

1. Кохтев Н. Н. Реклама: искусство слова. МГУ, 1997 — 95 с. — ISBN 5-211-06006-7
2. Лебедев А. н, Боковиков А. К. Экспериментальная психология в российской рекламе. – М. : Академия, 1995. – 135 с. – ISBN 5-7695-0001-8
3. Медведева, Е. В. Рекламная коммуникация. – М, 2003. – 280 с. — ISBN 5-354-00786-0
4. Немов Р. С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. — 4-е изд. — М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1: Общие основы психологии. — 688 с. — ISBN 5-691-00552-9.
5. Сердобинцева Е. Н. Структура и Язык рекламных текстов / Е. Н. Сердобинцева – М. : Наука, 2010. – 104 с. — ISBN 978-5-9765-0910-8
6. <http://wikipedia.kiev.ua/writing/arabic-egypt.html>

Долусова Ю. А. Лінгвістичні особливості реклами в країнах арабського регіону / Ю. А. Долусова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 465–469.

У даній статті розкривається актуальність теми «Лінгвістичні особливості реклами в країнах арабського регіону», вказується мета даного дослідження, дається визначення реклами, розглядаються її види. На основі аналізу, який базується на наукових даних психофізіологічного сприйняття людиною тексту, виявляються мовні особливості, граматичні засоби мови в оформленні рекламного тексту, розглядається безпосередньо сам текст, як структура реклами. У статті так само наводяться приклади, взяті з арабомовних джерел телевізійної та текстової реклами.

Для фахівців рекламного бізнесу, журналістів, спеціалістів зі зв'язків з громадськістю, студентів-лінгвістів.

Ключові слова: реклама, рекламний текст, мовні особливості, структура реклами, граматичні засоби.

Dolusova Y. A. Linguistic peculiarities in commercial in the countries of Arabic region / Y. A. Dolusova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 465–469.

In this article the relevance of the theme is "Linguistic peculiarities of advertising in Arabic region, " is stated the purpose of the study, a definition of advertising, discusses her types. On the analysis foundation, which is based on scientific evidence of psycho-physiological perception of the text, is identified language features, grammar, language features in the design of the advertising text, namely, there is a description of the essential role of nouns, since they occupy a predominant place in the speech and in the advertising texts in particular.

An important role is for the description of verbs, since it is this grammatical category plays an important role in the structure of the advertising text, carries information about the required actions for the potential buyer. Denoting the action, the verb has its hidden dynamics, movement and has great motivational force than the nominal parts of speech.

In this article important role is for description the role of the title, as it performs the main task of advertising – to interest and attract the attention of potential buyers. There is consideration the text, the structure of the advertising. The article also gives examples from Arabic sources television. Language means of advertising, namely grammatical language features in the design of the advertising text, have identified certain characteristics that are used in advertising in the Arab region.

For advertising business professionals, journalists, experts in public relations, student-linguists.

Keywords: advertising, promotional text, language features, the structure of advertising, grammar means.

Поступила в редакцію 01.03.2013 з.

УДК 821. 411. 21: 82 А. МАТАР 1/7. 08-1

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ АХМАДА МАТАРА

Заменягре В. С.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: celestial@meta.ua.*

В статье рассматривается творчество и особенности поэтического стиля иракского поэта Ахмада Матара. Ставятся следующие задачи: определить особенности поэтического стиля писателя, проанализировать стихи Ахмада Матара "لص بلادي", "زمن الحمير"; выяснить исторические причины депортации поэта из страны и эмиграции.

В результате исследования установлено: что творчество известного иракского поэта Ахмада Матара имеет своеобразный «политический» стиль и «революционный характер», его стихи саркастически-иронические, поэзия писателя имеет большое жанровое и стилистическое своеобразие, революционное настроение и борьба за свободу слова имели большое влияние на взгляды и убеждения иракского народа.

Постановка проблемы. Иракского поэта Ахмада Матара называют королем стихотворения "ملك الشعراء" [1], его стихи революционные, пропитаны бунтарским характером, так как главной темой его стихотворений является политика. В его стихах резко высмеивается правительства арабских стран, в частности в Ираке, времена правления Саддама Хусейна, характеризовались отсутствием свободы, применением насилия над людьми, борьбой за власть, ценой которой была человеческая жизнь. Его стихотворения поражают храбростью, сочетанием иронии и юмора, иногда сатиры, своим неповторимым стилем автор сталкивает читателей лицом к лицу с арабским миром и жестокой реальностью.

Актуальность. Современный поэт Ахмад Матар в своих произведениях затрагивает актуальные проблемы арабского общества, осуждает политическую власть, сатирически и с иронией высмеивает современных политических вождей арабского мира, противостоит беззаконию, поднимает актуальные темы революции и войны в арабских странах. Однако творчество современного иракского поэта Ахмада Матара до сегодняшних дней остается малоисследованным отечественными и зарубежными учеными, его поэзия и поэтический стиль не подвергались анализу со стороны современных арабистов. Основными источниками и материалом нашего исследования послужила информация литератора Юсуфа Санут Зубайди «احمد مطر ملك الشعراء» [1], статья Хаджира Хишама «Ахмад Матар «Король поэтов», который восстал против всех «Королей власти» [4], материалы из электронных источников: www.adab.com [2], www.revolutionaryarabicpoetry.com [6].

Цель статьи – изучить творчество Ахмада Матара, его поэтический стиль, проанализировать стихотворения «زمن الحمير», «لص بلادي», («Время ослов», «Вор моей страны») и др.

Задачи исследования:

- определить особенности поэтического стиля писателя;
- проанализировать стихотворения Ахмада Матара;
- выяснить исторические предпосылки ссылки из страны и эмиграции;

В процессе написания статьи были использованы: культурно-исторический, психологический, психоаналитический методы, а также аналитично-описательный метод, который заключается в подборе, описании и анализе материала.

Предметом исследования служит литературное наследие иракского поэта Ахмада Матара, а именно стихотворения «Время ослов» "زمن الحمير", «Вор моей страны» "الص البلامي"

Научная новизна данной научной статьи обусловлена тем что, творчество Ахмада Матара на сегодняшний день малоисследованно, исследований поэтического наследия поэта на данный момент не существует, анализ творчества и поэтического стиля писателя осуществляется впервые.

Поэт в своих произведениях затрагивает важные темы современного мира, тему революции на арабском востоке, бессмысленной войны в Сирии, прав и свобод человека в современном мире, либеральных взглядов на жизнь.

Главным фактором для написания данной научной статьи о жизни и творчестве Ахмада Матара является особый стиль стихотворений, который отличается от современных арабских писателей, его революционные взгляды на современные проблемы общества, иронический характер его стихотворений, сатирическая манера высмеивания правительства иракского государства, смелые обвинения и возгласы в сторону бывшего президента Ирака Саддама Хусейна. Именно за активную творческую деятельность против государства и правителя, за пропаганду свободы слова в иракском обществе, из-за либералистических взглядов на жизнь он был изгнан и депортирован из страны. Однако он продолжил свою поэтическую и политическую деятельность за пределами родины, выступая за свободу иракского народа, освобождение своей страны от тирании и деспотии. В своих стихотворениях он затрагивает политические темы, порицая и критикуя политику. Ахмад Матар борец, столкнувшийся с жестокостью и притеснениями вследствие своих революционно настроенных стихотворений[4].

Стихотворения Ахмада Матара относятся к критическому реализму, автор правдиво изображает окружающую действительность, без искажений и преувеличений. В своем ироническом стихотворении "الص بلادي" «Вор моей страны», автор иронически изображает политических лидеров, возможно, самого Саддама Хусейна, называет его «вором страны» "الص بلادي", который украл спокойствие, свободу и права у мирных жителей, и украл родину у самого автора этого произведения, депортируя его из страны. Ахмад Матар написал это произведение, будучи в изгнании, само название передает читателю грусть и печаль автора, волнение за дальнейшую судьбу своей родины, которую у него украли. Поэт сравнивает вождя страны с подлым вором, сравнивая свою страну с Америкой и Европой:

الص بلادي

*يصبح اللص باوريا مديرا النوادي
و بامريكا زعيما للعصابات و اوكار الفساد
و باوطاني اللتي من شرعها قطع الايادي*

[2]. *زعيم البلاد
يصيح اللص... .*

*«В Европе вор становится управляющим клубов
В Америке главарем банды и очагом испорченности,
В моих странах, в которых по законом шариата отрезают руки,
вор становится...лидером страны.»*

Эти строки характеризуют вождя государства не с самой лучшей стороны, автор сатирически высмеивает комичность всей ситуации, сравнивая европейских и американских воров с лицом и лидером иракского государства, представителем всего иракского народа на международном уровне. В годы правления Саддама Хусейна экономика Ирака понесла небывалые потери, в стране была разруха и нищета, система здравоохранения была разрушена. Согласно докладу правозащитной организации «Human Rights Alliance France» за 2001 год, во время правления Саддама страну покинули от 3 до 4 миллионов иракцев. По заявлениям комиссии ООН по беженцам, иракцы были второй по численности группой беженцев в мире [8]. Какое лицо страны, и ее лидер, такое развитие и репутация на международной арене.

Жанровые особенности стихотворения «*لص بلادي*»: Ахмад Матар размышляет о жестокой действительности, иронически изображая политическую ситуацию в стране, своими строками он дает «пишу для размышления» иракскому народу, открывает глаза на положение вещей в стране. В стихотворении преобладает общественно-политическая и философская лирика. Главным образом в стихотворении Ахмада Матара «*لص بلادي*» выступает образ «вора», и его воплощение в лице Саддама Хусейна, а также присутствует образ страны, которую украли у Ахмада Матара, судьба которой не безразлична поэту. Лирический герой хоть и отражает личные качества и мысли автора, но это не сам автор. Это внутренний образ, в котором отражается духовный мир, переживания и внутреннее состояния лирического героя. Стихотворение составляет единое целое, каждая строфа приводит к соединению образов, вырисовывает общую картину, которая передает настроение лирического героя и самого автора. Следует отметить также особенности поэтического языка Ахмада Матара. Поэт использует художественные средства, такие как: сравнение (*اللس زعيما بلادي*), иронию, сарказм, сатиру, оценочную лексику, символы. Используя специальные лексические средства, автор клеймит позором и раскрывает весь нелепый образ главного «вора» в стихотворении, при его высоком положении, но при низменных действиях и абсурдных поступках. Этот литературный прием называется бурлеском, основные черты, которые присущи бурлеску это: изображение серьезного и возвышенного в комическом и унижительном свете, «возвышенные герои» становятся шутовскими и комическими образами, с помощью стилистических приемов автора [5]. В данном стихотворении автор также использует синтаксический прием, такой как многоточие, который передает размышления автора, его задумчивость о нынешнем состоянии вещей, возможно, абсурдности политической власти и правления, комичности правящих вождей, судьбе своего народа. Название стихотворения "*لص بلادي*" передает читателю философскую тематику поэзии, размышлений автора о происходящем, поэт не делает никаких выводов в стихотворении, просто записывает свои мысли, давая возможность читателю самому прийти к умозаключению и поразмышлять. Идея произведения, по нашему мнению, заклю-

чается в том, что автор призывает иракский народ раскрыть глаза на происходящее, освободиться от пелены незнания и слепого верования в благочестивого правителя государства.

Второе стихотворение "زمن الحمير" («Время ослов») [8]. Ахмада Матара написано классическим литературным языком, по жанровым особенностям мы можем отнести его к стиху-размышлению, с философской лирикой и мотивами. Главной темой стихотворения является изображение тиранического правления Саддама Хусейна, сравнения этого времени со «временем ослов», в котором простой иракский народ выступает главным героем. Автор метафорически сравнивает народ с «ослом», который следует по своему пути, не ведая о беззаконии, слепо веря во все, что говорит их государственный «лидер», смерившись с таким порядком вещей в стране и не в силах противостоять тирану. Главной идеей стихотворения, по нашему мнению является то, что автор саркастически высмеивая правление и, в частности, сам народ, хочет открыть глаза людям на происходящее, взглянуть на горькую правду с ясным рассудком и приступить к действиям. Не подчинится жестокому правлению, жить свободно, не боясь за свое будущее, не верить слепо в идеологию, как «осел» следуя за вышестоящим лидером. В последних строках стихотворения автор пишет: "و كل ذنبي" *«Вся вина моя заключается в том, что я верю в лошадь, которую кормят ослом, а метафорически изображает ту идеологию, которой «кормят» людей, ту ложь, в которую отказывается верить сам автор и призывает людей к этому. Под образом главного лирического героя, мы можем увидеть самого автора, который является частью народа, можем почувствовать переживание автора, его внутренний мир, характерные черты людей и социума того времени, их идеалы и проблемы. Заглавие стихотворения начинается с повышенной интонации, "زمن الحمير..!!", с помощью восклицательных знаков и многоточия, автор передает читателю свое решительное настроение, крик души, обращение к народу, желание быть услышанным. В стихотворении автор использует следующие художественные средства: метафору, сравнение, оценочную лексику, эпитеты, иронию. Главным адресатом стихотворения является сам народ и политическая власть.*

В годы правления Саддама Хусейна, Ахмад Матар за декламацию своих революционных произведений был изгнан из страны, но люди любили его храбрый настрой, его сильное слово, его нерушимую веру в светлое будущее. Его стихотворения излюбленны иракским народом, зачитывались на литературных вечерах, и даже положены на музыку сирийскими музыкантами Рибалом Алькходари и Базелом Раджуб, в проекте под названием "قصائد السياسية", при поддержке «Арабского Фонда культуры и искусств» "أفاق- الصندوق العربي للثقافة والفنون" [7]. Его также называют «поэтом без любви», потому что Ахмад Матар не писал на романтические темы любви между мужчиной и женщиной, однако его стихотворения пропитаны любовью к своей родине и свободе человека вопреки жестокости и тирании.

Литература:

1. Аль-Зубейди Ю. Ш. Кароль Поэтов / Юсуф Шинут Альзубейди / دار دجلة – 2008. -270с.

2. Arabic poetry [Электронный ресурс]. : بذة حول الشاعر: احمد مطر. Режим доступа к статье: <http://www.adab.com>
3. ArabArtsBlog [Электронный ресурс]. : Ahmad Matar's Black Humor. /Tansin. – 2012. Режим доступа к статье: <http://arabartsblog.wordpress.com>
4. Elwatannews [Электронный ресурс]. : "ملك الشعراء" الذي تمرد على كل "ملوك السلطة". هاجر هشام /"أحمد مطر...". – 2012. Режим доступа к статье: <http://www.elwatannews.com/news/details/70529>
5. Литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. : Бурлеск / Крысин Л. П. Режим доступа к статье: <http://slovari.yandex.ru/бурлеск/>
6. Revolutionary Arabic poetry in translation [Электронный ресурс]. : Translation of Ahmad Matar. /Walaal Quisay. – 2011. Режим доступа к статье: <http://revolutionaryarabicpoetry.blogspot.com>
7. Free Syrian Music [Электронный ресурс]. : قصائد السياسية. Режим доступа к статье: <http://freesyrianmusic.wordpress.com/>
8. Энциклопедия Кольера [Электронный ресурс]. : Ирак. История. – 2000. Режим доступа к статье: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/255/Ирак.

Замењягре В. С. Особливості поетичного стилю Ахмада Матара / В. С. Замењягре // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 470–474.

У статті розглядається творчість та особливості поетичного стилю іракського поета Ахмада Матара. Ставляться наступні завдання: визначити особливості поетичного стилю письменника, проаналізувати вірші Ахмада Матара "زمن الحمير", "الص بلادي"; вияснити історичні причини депортації поета з країни та еміграції.

В результаті дослідження встановлено: що творчість відомого іракського поета Ахмада Матара має своєрідний «політичний» стиль, його вірші саркастично-викривальні, поезія письменника має велику жанрову та стилістичну своєрідність, революційний настрій та боротьба за свободу слова мали великий вплив на погляди та переконання іракського народу.

Ключові слова: стиль, поезія, жанрова своєрідність, література, революційна поезія.

Zamenyagre V. S. The main Peculiarities of the poetic style of Ahmad Matar / V. S. Zamenyagre // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 470–474.

The article deals with the creativity and peculiar poetic style of Iraqi poet Ahmad Matar. The following objectivities: to determine the features of the poetic style of the writer, to analyze the poems of Ahmad Matar "زمن الحمير", "الص بلادي"; to find out the historical reasons for the deportation of the poet from the country and emigration.

As a result of the research work it was determined that the creative works of the famous Iraqi poet Ahma Matar have a kind of peculiar "political" style and "revolutionary" character, his poems have a sarcastic and ironic manner, poetry of the author has an original genre and style. Revolutionary spirit and fight for freedom had a great effect on the attitudes and beliefs of the Iraqi people.

Contemporary poet Ahmad Matar in his work involves actual problems of Arabic society, condemns the political power, satire and ridicule ironies of the contemporary political leaders in the Arab world, he resist the lawlessness, raises topical issues of war and revolution in Arab world. However, the creation works of Ahmad Matar are still little-investigated by the Russian and foreign scholar, his poetry and poetic style has not been analyzed by the modern Arabists.

During the reign of Saddam Hussein, Ahmad Mattar had been exiled from the country for the recitation of his revolutionary poetry; however, people love his brave character and a strong word, his unwavering belief in a better future. He is also called "a poet without love", because Ahmad Matar did not write about the romantic themes of love between a man and a woman, but his poems are imbued with love for his country and freedom of people in spite of the cruelty and tyranny.

Keywords: style, poetic, genre identity, literature, revolutionary poetry.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 411. 21-31: 141. 312

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ РЕАЛИЗМА НАВАЛЬ ЭЛЬ СААДАВИ В РОМАНЕ «ЖЕНЩИНА В ТОЧКЕ НОЛЬ»

Древетняк Е. В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: waykamilky@mail.ru*

В данной статье автор раскрывает основные черты реализма Наваль Эль Саадави на основе анализа её романа «Женщина в точке ноль». Также одна из главных задач статьи состоит в выявлении характерных особенностей произведения «Женщина в точке ноль» как психологического романа-монодрамы.

Ключевые слова: арабская литература, проза, египетский роман, реализм, монодрама.

Постановка проблемы: Роман Наваль Эль Саадави «Женщина в точке ноль», написанный в Египте в 1975 году, представляет собой разновидность «нового египетского романа» [1, 194-195], однако автор не позволяет ограничить своё произведение современными ей литературными канонами. Смелый реализм и откровенный психологизм романа Наваль Эль Саадави делают его одним из самых знаменитых примеров арабской женской эмансипированной прозы, а саму писательницу – преследуемым борцом за права египетских женщин.

Актуальность: В романе «Женщина в точке ноль» поднимаются вопросы политики, истинной природы власти, сексуальности и роли женщины в обществе, которые являются современными не только для арабских стран 70-х годов 20 века, но и для западного общества нашего времени. Актуальность углублённого изучения романа «Женщина в точке ноль» заключается, прежде всего, в том, что ни отечественные, ни иностранные учёные не уделяли должного внимания анализу данного произведения Наваль Эль Саадави как реалистического романа-монодрамы [1, 199].

Основными источниками исследования, на которые опирается автор данной статьи, являются материалы и статьи с собственного сайта Наваль Эль Саадави [3], а также немногочисленные работы зарубежных литературоведов: Брайан Бэлтон и Клэр Доудинг «Наваль Эль Саадави: жизнь творца и отступника» [7]. и Федва Мальти-Дуглас «Мужчина, женщина, Бог (и): Наваль Эль Саадави и поэтика арабского феминизма» [6].

Цель статьи – раскрыть основные черты реализма Наваль Эль Саадави в ходе анализа её романа «Женщина в точке ноль». Цель статьи определяет **задачи**, которые необходимо решить в ходе исследования:

- выявить характерные особенности произведения «Женщина в точке ноль» как психологического романа-монодрамы;
- установить и проанализировать важнейшие темы и мотивы реализма Наваль Эль Саадави.

Научная новизна данной статьи обуславливается тем, что в настоящее время русскоязычные исследования творчества Наваль Эль Саади крайне ограничены, потому систематизация основных мотивов её творчества на русском языке проводится впервые.

В ходе проведённого исследования использованы описательный, аналитический, интуитивистский и психоаналитический **методы**.

Роман «Женщина в точке ноль» был написан в 1975 году, что хронологически относит его к египетским «новым романам» [1, 194]. Это позволило Наваль Эль Саади использовать в своём творчестве модернистские формы западных писателей-реалистов такие, как роман- монодрама и роман-исповедь. Для полного понимания термина «монодрама», приведём ниже его определение:

Монодрама – *драматическое произведение, разыгрываемое с начала до конца одним актером. Если этот единственный актер играет одну роль, тогда монодрама представляет развернутый монолог, обращенный, либо непосредственно к зрителю, либо к присутствующему безмолвному персонажу, либо к персонажу, находящемуся за сценой* [2]. Такой тип романа, наделённый автобиографичностью, психологизмом и эмоциональной «интенсивностью», в конце 60-х годов стал основным [1, 194]. Именно эти черты мы можем наблюдать в романе «Женщина в точке ноль».

Роман построен в форме исповеди главной героини – проститутки Фердаус, ожидающей смертной казни в женской тюрьме за убийство своего сутенёра. При этом исповедником является сама автор – доктор- психоаналитик, присутствие которой очевидно читателю только в первой и последней главах романа. Автор отождествляет себя с главной героиней, а иногда и рефлектирует все чувства и переживания Фердаус. В конце романа она (автор) осознаёт, что ни чем не лучше Фердаус, ведь в её сердце так же живёт протест, но ей так и не хватило смелости выразить его, как это сделала её пациентка.

Особенность исповеди Фердаус заключается в шокирующем реализме и откровенности, которыми пользуется автор, чтобы оказать максимальный эффект на читателя. Ему представляется возможным не только окунуться в глубину переживаний Фердаус, но также понять всю безысходность её положения в обществе, её отчуждённость и оторванность от своей среды, а в итоге и осознать её главную проблему: «несовместимость с миром, из которого она пришла и с миром, к которому она стремилась всю свою жизнь» [4, 43].

«Женщина в точке ноль» – это камерный роман, концентрирующий внимание на внутреннем мире отчуждённой от своего окружения личности [1, 200]. Обладая достаточно качественным образованием для женщины своего социального класса, Фердаус не только повествует о своей жизни, но и имеет возможность подвергнуть её анализу. Роман оказывается замкнутым в круге переживаний, воспоминаний и впечатлений, относящихся к сфере эмоциональной жизни героини. Однако именно этот приём камерной замкнутости и самоанализа жизненного пути Фердаус, позволил, на наш взгляд, Наваль Эль Саади в полной мере реализовать в романе все возможности психологизма и раскрыть основные мотивы своего реализма.

Роман «Женщина в точке ноль» – это продукт совершенно нового для арабской литературы (и для арабского общества, в целом) периода. В первую очередь, это очевидно в отношении автора к мужским образам: в большинстве своём они отмечены печатью ущербности и служат распространению мотива импотенции как выражения духовной несостоятельности не только самих мужчин, но и всего арабского общества в их лице [1, 200]. Безусловно, это также связано с тем, что Наваль Эль Саадави является одной из самых знаменитых египетских феминисток [3]. Автор словами Фердаус практически высмеивает закоренелость традиций арабской этики, высоко ставящей культ мужской силы и мудрости, противопоставляя ей мужские образы романа, полные агрессии и невежества. Вот что в своей исповеди говорит об отношении к мужчинам Фердаус: «Каждый мужчина, которого я встречала, наполнял меня лишь одним желанием: поднять мою руку и ударить его прямо по лицу. Но будучи женщиной, я никогда не осмеливалась сделать это...» [5, 10].

Героиня романа изображена в аспекте соотношения старого и нового, традиционного и современного. Она олицетворяет собой конфликт, который порождён несостоятельностью современного ей египетского общества. Наваль Эль Саадави расставляет акценты на острые социальные язвы арабского социума, которые выражает благодаря стилистически и композиционно новым приёмам таким, как внутренний монолог и полный скрытого напряжения и отчаяния поток сознания.

В своём романе Наваль Эль Саадави затрагивает обширный спектр тем и проблем, которые были близки не только ей, но и многим женщинам Египта: тема истинной природы власти, тема образования, проблема женской позиции в арабском обществе, проблема общественного мнения и многие другие не менее важные вопросы. В нашей статье мы предпочли рассмотреть основные мотивы, которые выявляются при анализе данного произведения: мотив неволи и мотив выбора. Для нас важно осознавать, что оба эти мотива в романе «Женщина в точке ноль» тесно взаимосвязаны как между собой, так и с другими темами произведения, и вытекают один из другого.

Фердаус ещё в начале своего монолога говорит о том, что вся её жизнь до момента ареста была пленом. Не смотря на некоторую долю физической свободы в роли дочери, жены или проститутки, она никогда не достигала психологической свободы, свободы воли. Для неё плен – это жить под чужой властью, будь то власть мужа или президента. Убив своего сутенёра, Фердаус преступает не только закон, но и черту неволи, в которой её долгое время удерживали мораль и закон. Она сделала свой выбор. Именно потому для неё так важно было дожидаться смертной казни и не вступать во взаимодействие с системой, которую для неё олицетворяли адвокаты и работники тюрьмы. Апелляция была бы для неё актом капитуляции перед миром властных мужчин. По её словам, она соглашается на беседу с доктором-психоаналитиком (автором) исключительно из побуждения дать распространение своей идеи и истине о мире и системе власти, которая её оскорбила и сломала ей жизнь. Автор романа даёт нам понять, что для неё неволя – это не тюрьма, в которую посадили Фердаус за убийство. Неволя – это внутренне состояние, которое

не даёт человеку возможность признаться себе в том, что система угнетает его, загоняя в клетку, как беззащитное животное.

Из рассуждения о мотиве неволи очевидно, что в романе Наваль Эль Саадави он тесно переплетается с мотивом выбора. Будучи девушкой из довольно бедной семьи, Фердаус не часто приходилось делать выбор. В детстве она подверглась клиторидэктомии, затем её выдали замуж за мужчину, который был значительно старше, все эти события происходили без её воли. Первый реальный выбор, который она сделала – покинула дом своего тиранического мужа. Когда однажды после этого Фердаус спросили о том, какой фрукт она предпочитает: апельсин или мандарин – она осознаёт, что не может сделать даже этот несложный выбор. За неё всё это время решали окружающие: отец, дядя, муж. ... После этого эпизода, проблема выбора для Фердаус становится навязчивой идеей. Будучи проституткой, Фердаус самостоятельно зарабатывает деньги и оплачивает своё жильё, что создаёт у неё ложное представление о своей полной независимости. Уверенность в своей свободе ей вселял ещё и тот факт, что она могла выбирать своих клиентов и тем самым манипулировать ими. Однако сутенёр, который требует подчиниться требованиям, установленным для всех проституток, развеивает её миф о собственной независимости. Фердаус осознаёт, что реальность осталась прежней: она – женщина, а сутенёр в лице системы, в лице мира, которым руководят мужчины, пытается навязать ей свой выбор и осуществлять контроль над ней. Именно поэтому для Фердаус предпочтительнее умереть, так как для неё мёртвый человек – свободен от социального и любого другого вида гнёта.

Сложно однозначно судить о том, какой из мотивов, или какая из тем, преобладает в романе Наваль Эль Саадави «Женщина в точке ноль». Данное произведение является не только ярчайшим примером современной египетской феминистической прозы, но и вместилищем многих острых проблем арабского общества, актуальных и по сей день. Однако, исходя из всего написанного выше, можно сделать следующие **выводы**:

- характерными особенностями романа-монодрамы «Женщина в точке ноль» является, в первую очередь, глубокий психологизм и эмоциональная камерность, что помогает роману в целом сосредоточиться на конкретной личности и её конфликте с обществом;

- одними из основных мотивов реализма Наваль Эль Саадави, наряду с темами истинной природы власти и позиции женщины в современном обществе, являются мотив выбора и мотив неволи, которые тесно взаимосвязаны. Это помогает автору создать завершённую картину мира женщины, которая не может найти себя и своё место в обществе.

Перспективы. Данное исследование является важным шагом в изучении не только творчества Наваль Эль Саадави, но также «нового романа» как присущего только арабской литературе симбиоза жанров и направлений. В перспективе планируется более глубокое исследование литературоведческих особенностей и нововведений писателей – романистов Египта второй половины 20 века.

Литература:

1. Кирпиченко, Валерия Николаевна. Современная египетская проза, 60-70-е гг / В. Н. Кирпиченко; АН СССР, Ин-т востоковедения. — М. : Наука, 1986. — 291с.

**ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ РЕАЛИЗМА НАВАЛЬ ЭЛЬ СААДАВИ
В РОМАНЕ «ЖЕНЩИНА В ТОЧКЕ НОЛЬ»**

---

2. Литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. : Монодрама/ Мокульский С. Режим доступа к статье: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Лит.энциклопедия/Монодрама/>

3. Официальный сайт Наваль Эль Саадави [Электронный ресурс]. : A short biography of Nawal El Saadawi. Режим доступа к статье: http://www.nawalsaadawi.net/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=34&Itemid=54

4. El Saadawi Nawal. Woman at Point Zero/ Nawal El Saadawi; Zed Books Ltd. – London, 1983. – 144p. – ISBN 978-84277-872-2

5. El Saadawi Nawal. Woman at Point Zero – Second Edition/ Nawal El Saadawi; Zed Books Ltd. – London, 2007. – 117p. – ISBN 978-1-84277-873-9

6. Malti-Douglas Fedwa. Men, Women, and God(s): Nawal El Saadawi and Arab Feminist Poetics/ Fedwa Malti-Douglas; University of California Press. – London, 1995. – 273p. – ISBN 0-520-20071-3

7. The Encyclopedia of Informal Education [Электронный ресурс]. : Nawal El Saadawi – A Creative and Dissident Life/ Belton Brian, Dowding Clare. – 2000. Режим доступа к статье: <http://www.infed.org/thinkers/et-saadawi.htm>

Древетняк Є. В. Основні мотиви реалізму Наваль Ель Саадаві в романі «Жінка в точці нуля» / Є. В. Древетняк // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 475–479.

У даній статті автор розкриває основні риси реалізму Наваль Ель Саадаві на основі аналізу її роману «Жінка в точці нуля». Також одна з головних задач статті полягає у виявленні характерних особливостей твору «Жінка в точці нуля» як психологічного роману-монодрами.

Ключові слова: арабська література, проза, єгипетський роман, реалізм, монодрама.

Drevetnyak Y. V. The main motives of realism of Nawal El Saadawi in the novel "Womanat pointzero" / Y. V. Drevetnyak // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 475–479.

This article is devoted to the work of the famous Egyptian writer, dissident and feminist Nawal El Saadawi. For consideration was taken novel "Woman at point zero", written in 1975 in Egypt. In this novel are raised policy issue, issue of the true nature of rule, issue of sexuality and the role of women in society that are modern not only for the Arab countries in the 70s of the 20th century, but also to Western society of our time.

Based on the analysis of this work author of the article reveals the main motives of realism El Saadawi: motive of captivity and motive of choice, along with which the writer affects some other problems. Also in this study author of the article poses another task- identification of the characteristics of work "Woman at point zero" as a psychological novel-monodrama related to the genre of so-called "new novel", which were unique to the Arabic literature of the late 20th century.

Author of the article seeks to trace the formation of the novel protagonist's personality and its social values, which reflect the vital position of Nawal El Saadawi. Also the author gives a general characterization of psychologism as a major stylistic device that was used by Nawal El Saadawi for maximum emotional impact on the reader.

Worth saying that the author determines scientific novelty of this article that now Russian-language study of Nawal El Saadawi creativity is extremely limited for this reason systematization of the main motives of the works by El Saadawi in Russian was made for the first time in this study.

This research is a significant step in the study of not only Nawal El Saadawi creativity, but also in the study of the "new novel" as unique to Arabic literature symbiosis of genres. In perspective the author plans to more in-depth study of literary features and innovations of Egyptian novelists in the second half of the 20th century.

Keywords: Arabic literature, prose, Egyptian novel, realism, monodrama.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 821. 222. 1-1

СТИЛЬ ПОЭЗИИ НИМА ЮШИДЖА

Гвардия Э. Э.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: elnara_qirimqizi@mail.ru*

В данной статье рассматривается вопрос о литературных стилях, которые оказали влияние на творчество поэта. В особенности уделяется внимание символизму, как фундаментальному элементу в произведениях Нима Юшиджа. Исследуются литературные произведения, определяются различные виды символизма, рассматриваются их основные особенности.

Ключевые слова: персидская литература, современная персидская литература, творчество Нима Юшиджа, символизм в творчестве Нима Юшиджа, современная иранская поэзия, "шер-е ноу".

Основоположник современной персидской литературы Нима Юшидж, творчество которого вызывает интерес большого числа исследователей во всем мире, в своих стихах использовал разнообразные стилистические приемы и разработал ряд новых символов, которые до настоящего времени остаются недостаточно изученными. В особенности остается малоисследованным символизм в творчестве автора.

Целью данной работы является исследование стилистических особенностей творчества Нима Юшиджа в контексте мировых литературных процессов. Для достижения данной цели требуется выполнение ряда следующих **задач**:

- выбрать стихотворения близкие в плане идеи, формы, а также схожих с точки зрения стилистических особенностей;
- исследовать структурные особенности выбранных стихотворений;
- выявить стилистические особенности;
- изучить символизм в творчестве автора;
- раскрыть особенности символизма в произведениях поэта.

Основными методами являются культурно-исторический, сравнительно-исторический, формальный, а также методика культурно-речевого анализа.

Материалом для исследования являются такие стихотворения Нима Юшиджа: «ای آدمها» «О, люди!», «مهتاب» «Лунный свет», «آمد کشتگاه من» «Место моей казни», « ترا », «من چشم در راهم» «Жду тебя», «ققنوس» «Феникс», «خانه ام ابريست» «Мой дом – облако».

Актуальность данной работы обусловлена тем, что при достаточно хорошей исследованности поэтического наследия Нима Юшиджа, вопрос о стиле поэзии автора и его особенностях остается не до конца решенным. Детальный анализ авторской стилистики основоположника новой персидской поэзии позволит более точно проследить истоки возникновения «шер-е ноу».

Проблема стиля поэзии Нима Юшиджа затрагивается в нескольких трудах иранских авторов (например, в работе доктора Сируса Шамису «Справочник

современной персидской литературы»). Однако эти исследования нельзя назвать исчерпывающими.

На формирование литературного стиля автора имели влияние различные литературные школы, а также литературные направления. В своем творчестве Нима Юшидж поднимает проблемы общества, политики, государственного устройства своего времени. Он пишет о том, что государство уже не заботится о своем народе, и что стране нужны перемены. Нима противопоставляет нынешнему строю и требует изменений в правительстве, большего внимания к иранскому народу. Все это отчетливо выражается в его творчестве. Ярчайшим примером, который заключает в себе вышеперечисленные особенности, является стихотворение «أى آدمها» «О, люди!» [3].

Здесь следует сказать о нескольких структурных моментах, прежде чем уделить внимание содержанию и основной идее произведения. Итак, строение стихотворения: стихотворный размер рамаль. Рифма: данное стихотворение является ярчайшим представителем «шер-е ноу» и соответствует всем его требованиям. Например, месра (полустишие) заканчивается на слово «دشمن», после которого следует несколько строк с окончаниями «تن» и «من». Данный пример свидетельствует о наличии рифмы в произведениях Нимы. С языковой точки зрения стихотворение кажется немного неязвным, из-за чего воспринимается чуждо, однако одной из причин этого является то, что Нима Юшидж использует хорасанский стиль в поэзии. Например, касыда, которая ничем особенным непримечательна и, как обычно, красноречива, в литературных рамках основателя «шер-е ноу» кажется немного удивительной и воспринимается несколько по-новому. Еще одной отличительной чертой языка автора является использование разговорной лексики.

Основной сюжет произведения заключается в том, что человек тонет в море, а на его берегу находится группа людей, которая наблюдает за этим тонущим человеком, однако не реагирует на его призыв о помощи.

Также следует сказать о символах, которые автор использовал в своем произведении. Символизм в произведениях классический, поэт использует символы природы: воду, ветер, огонь, землю. Именно эти символы олицетворяют родные края автора, горы и природу с. Юша. Море, главный символ в этом произведении, представляет собой жизнь, полную трудностей. В этом море человек тонет, а люди наблюдают за ним с берега и не обращают на него никакого внимания. Тонущий человек символизирует самого автора, его друзей и политическую интеллигенцию того времени. Люди на берегу моря – это народ, который остается равнодушным к действующему режиму в государстве, несмотря на то, что политический режим уже давно изжил себя, и государство требует кардинальных изменений.

Нима Юшидж – поэт социального символизма. Социальные и политические проблемы смешаны в государствах самодержавия, и вполне естественно, что поэты, в такого рода странах, вынуждены прибегать к символизму в своем творчестве.

Еще одним из знаменитейших произведений Нима Юшиджа является стихотворение «مهتاب» «Лунный свет» [10].

Данное произведение по своей тематике схоже с предыдущим стихотворением «О, люди!». В нем автор изображает тревогу и борьбу человека (подразумеваемая здесь себя, интеллигенцию и борющихся людей) для спасения простого народа, однако

все эти попытки борьбы никто из иранцев не замечает. Как говорилось ранее, беспокойство о народе является одним из самых главных мотивов в творчестве Нима Юшиджа. Этим мотивом, этой основной идеей и руководствуется автор в своем произведении [7].

Путешественник, который после долгого и трудного пути попадает в поселок (поселок, здесь символизирует человеческое общество), чтобы предупредить, осведомить и пробудить народ. Вся беда заключается в том, что народ спит. В произведении, вечер такой тихий и спокойный, кругом лунный свет и летают светлячки, ничто не служит препятствием спокойному и сладкому сну, но рассказчик не спит, опечаленный глубоким сном своего народа. Герой произведения спешит пробудить свой народ, но самая главная беда в том, что эти люди абсолютно не обращают никакого внимания на этого человека. И он осознает, что все его попытки и старания тщетны, что народу, по сути, все равно и рушится все, вокруг мира нашего лирического героя.

Конечно же, и в этом произведении автор использует символы. Так луна и лунный свет подразумевается под символом необычайной красоты. Предрабачное время и само утро отождествляет надежду и победу, а цветок (роза) является символом всего самого красивого, дорогого и нежного. Разрушенные двери и стены представляют собой, по мнению автора, старые обычаи и устои. Деревня – это социум, общество, а глубокий сон – это неведение народа, его неосведомленность [5].

Таким образом, следует отметить, что основными темами, которые автор использовал в своих произведениях, это темы связанные с обществом, с устаревшим строем. Нима Юшидж был сторонником реформ и изменений в своем государстве, однако на основе вышесказанного можно сказать и то, что народ в то время не оказывал должного внимания тем реформаторским настроениям, которые бытовали в литературных кругах [2].

Автор в завуалированной форме поднимает острые социально-политические проблемы. Что же касается методики написания, тех принципов, которыми руководствуется автор, то они в своей основе просты, однако все же большей частью скрыты и сложны для анализа. Многие исследователи говорят, что стиль написания автора достаточно сложен, главным образом из-за новой структуры стиха – «шер-е ноу». Стиль автора чем-то схож с хорасанским стилем в персидской литературе, однако полностью причислить его к этому литературному разряду вряд ли возможно. Али Альджале отмечал, что при всей так называемой искаженности языка в произведениях Нима Юшиджа, содержание и темы, которые автор освещает, заслуженно ставят его на пьедестал в литературных кругах. Стиль автора все больше и больше заинтересовывает любителей персидской литературы, как простых читателей, так и исследователей, для которых произведения автора становятся новым исследовательским поприщем [10].

Произведения Нимы бунтарские, поднимающие острые проблемы общества XX века. Вместе с этим можно провести параллель и с жизнью самого автора, начиная с рождения и жизни в родном поселке Юш, недалеко от Мазендерана, до глубокой старости. Жизнь поэта была наполнена трудностями и переживаниями, вполне естественно, что все это неразрывно связано с произведениями автора [1].

Али Альджале также отмечал: «Когда по радио слышишь строки из очередного произведения Нимы, перед глазами сразу появляется картина северной природы Ирана, дом Нимы. Все это захватывает душу...» [7]. Также исследователь отмечает уникальность языка автора. Здесь следует привести пример из его произведения «من از يادت نميکاهم» «Я тебя жду» [7].

Для создания своих произведений Нима черпал вдохновение в своих родных краях. Как известно, север Ирана очень красивый регион с густыми зелеными лесами, реками, горами, а самое главное морем. Нима черпал вдохновение у природы, и в дальнейшем, в своих произведениях использовал природу, как символ для выражения главных идей своего творчества.

Нима Юшидж – поэт печали и грусти. Сам он говорил такие слова: «Основой моих произведений являются трудности, лишения, страдание. Я пишу стихи о своих страданиях и о страданиях других людей». В его произведениях присутствует природа Ирана со своими горами, лесами, морем, реками, со своим одиночеством, тишь и скукой. Иногда все это отображается в произведениях автора или под названием районов и поселков, а иногда под завуалированными символами.

Автор «шер-е ноу» прекрасно описывает горные пейзажи с их проливными дождями и обязательно там оказывается человек. Но под всеми этими формами скрывается, под внешними факторами скрывается глубокий внутренний смысл, основная идея. Нима Юшидж автор, основные идеи творчества которого направлены на общество и проблемы человечества. В своих произведениях он активно использует символизм для изображения социальных проблем, в последующем другие авторы, которые также будут использовать его метод, назовут этот принцип «социальным символизмом».

Говоря о социальном символизме, следует обратить внимание на два основных пункта: это символизм в традиционном повествовании и символизм французских литературных школ. В традиционном символизме существуют такие аспекты. Первое это то, что символы можно воспринимать как факт, как действительность, однако метафоры и аллегории следует воспринимать только в переносном значении. Говоря о символизме, также следует отметить тот факт, что символ – это компонент олицетворения. В символе и олицетворении – точное понимание каждого из этих компонентов помогает в дальнейшем раскрыть значение одного компонента через другой.

В произведениях Нима Юшиджа олицетворение существует в нескольких видах, за основу автор берет один из главных символов – природу. И в облике природы передает основной замысел своего произведения, социально-политические проблемы. Например, человек стоит на берегу моря, в то время как, в бушующем море кто-то тонет и, он, стоящий на берегу, не оказывает никакой помощи тонущему, еще и не обращает никакого внимания на него. Это символ, олицетворение общества, которое не ведает ничего и плывет по течению своей жизни, не понимая борьбы того тонущего (здесь тонущий – это интеллигенция и сопротивляющиеся режиму), который зовет их на помощь. Составляющие компоненты этого олицетворения море, берег, люди на берегу и тонущий.

Говоря же о символизме французских литературных школ, следует сказать, что здесь, по методике этой школы, символы в большинстве своем частного характера, т. е. автор сам выбирает, где и как их употребить. В творчестве Нима Юшиджа символы данного типа активно не используются, в связи с этим их подробное рассмотрение не является приоритетным.

Нима Юшидж в своем творчестве использует приемы и технику различных литературных направлений, таких как романтизм, реализм, и символизм. Мохаммад Хакуки утверждает, что в произведениях Нимы можно увидеть черты характерные для романтизма, реализма, символизма, имажизма и сюрреализма. Однако следует сказать, что предпочтение отдается все-таки символизму. И большая часть произведений автора имеет в себе четкие черты символизма или на уровне слова, например, свет, тьма, утро, ночь, или в рамках всего литературно завершенного произведения. Произведения поэта заключают в себе большей частью драматическую мысль, автор предпочитает использование драматических мотивов. В качестве примера можно привести произведение «آمد کشتگاه من» «Место моей казни» [10].

Поэт Нима Юшидж также в своих произведениях использует большое количество афоризмов, пословиц, поговорок и крылатых выражений. Следует отметить, что и в творчестве Сохраба Сепехри и Ахмада Шамлу также прослеживается использование таких приемов. Например, дарук (лягушка) в вышеуказанном стихотворении, автор использует как символ дождя, дождливой погоды. В пословице говорится, что лягушка это символ дождливого дня.

Конечно же, и другие символы, например, феникс, лебедь присутствуют в творчестве Нима Юшиджа. Также автор прибегает к использованию детализации в своих произведениях. Здесь все использованные литературные приемы позволяют не только выразить литературную мысль, но и завуалированными символами передать и некоторые факты из своей собственной жизни. Поэт постепенно переходит от романтизма к символизму, конечно же, в первое время, не отступая от традиционных символов и образов.

Как известно, Нима Юшидж получил образование во французском колледже в Тегеране, где познакомился с французским символизмом и произведениями С. Малларме. Именно те приемы из французского символизма, которым он обучился уже поэт активно использует в своем творчестве.

Например, в своем стихотворении «خانه ام ابريست» «Мой дом – облако», автор повествует о некоем «я», где символизирует это «я» с печальным, густым облаком, а флейтиста, который неустанно играет на своей флейте, автор ассоциирует непосредственно с собой.

Или стихотворение «ققنوس» «Феникс», в котором, изображая преданную птицу, бросающуюся в огонь, автор символизирует, прежде всего, себя и своих единомышленников, свое поколение.

В произведениях Нима Юшиджа природа как таковая и различные природные явления также являются символами, которые отображают внутреннее состояние автора, его переживания, а также положение общества, его реакцию на определенные политические события в государстве. По мнению автора «Человек – есть часть природы». Именно поэтому поэт активно обращается к символам природы для того,

чтобы выразить свои литературные идеи. Исследуя, творчество автора первое, что привлекает внимание и интерес – это новый взгляд Нима на природу и мир. Читатель, знакомясь с произведениями автора, сразу же, видит новые методы, новые приемы, мысли, что, естественно становится интересным для читателя и, в свою очередь, дает преимущество автору [4]. Природа в произведениях Нима Юшиджа является способом отображения не только внутренних переживаний автора, но и помогает отобразить политические и социальные, а также культурные и общечеловеческие проблемы, волнующие автора. В стихах символизм и метафоры через понятие «природы» позволяют отобразить некоторые сюжеты и мотивы из детства поэта, в этом и заключается ключевой аспект внимания к природе и использование ее в качестве проводника для выражения своих идей и мыслей [6].

В качестве примера можно отметить стихотворение «ترا من چشم در راهم» «Я жду тебя». Здесь вся тематика произведения сводится к вышесказанному. Так, например, ожидание, горе, печаль, надежда и отчаяние изображаются автором через примененные черты природы и, собственно, символизмом [8].

Таким образом, следует отметить, что с применением новых литературных методов созданных не только самостоятельно в персидской литературе, а также использование европейских литературных направлений автору удается совершенно по-новому сформировать взгляд на свои произведения.

Говоря о литературных особенностях творчества Нима Юшиджа можно остановиться на некоторых основных пунктах в его произведениях.

1. Особый акцент на символизм олицетворение и аллегория.
2. Акцент на двусмысленность, неопределенность.

3. Простота стихотворного ритма. Каждая месра заканчивается на усеченный столп или на согласный звук, таким образом, это позволяет автору четко передать завершенность месра, а там, где месра заканчивается автор чаще всего использует рифму. Иногда для придания окраски произведению автор прибегает к использованию повторений.

4. Сбалансированное использование рифмы.

5. Сравнения метафоры и аллегии автора чаще всего новые, не встречающиеся в его ранних произведениях [7].

Как уже отмечалось ранее, Нима Юшидж сравнивает свое внутренне состояние с определенным природным явлением. Например, грусть, печаль у автора олицетворяется с плачущим, дождливым небом. Проводится сравнение между облаком, дождем и плачущим сердцем. Таким образом, автор через описание природы раскрывает человека, его натуру, его душевные чувства [9].

Таким образом, подводя итог данного небольшого исследования, следует сказать, что в данной работе были рассмотрены, исследованы и проанализированы структура, содержание и стилистические особенности произведений Нима Юшиджа. На творчество Нима Юшиджа повлияли разнообразные литературные стили как отечественные, так и зарубежные. Это влияние способствовало формированию нового, собственного стиля автора, который стал достоянием новой персидской литературы. Новый стиль в поэзии Нима Юшиджа становится отправной точкой и ориентиром для творчества многих его современников, а также последователей.

Литература:

1. Ахмад Тамимдари. История персидской литературы / Ахмад Тамимдари — СПб. : Петербургское Востоковедение, 2007. — 240 с. (Orientalia) – ISBN 5-85803- 355-4
2. Табатабаи Сеид Хоссейн «Караван. Нима Юшидж»/ Сеид Хоссейн Табатабаи [http://moscow.icro.ir/uploads/121_673_karavan_5.pdf] / Культурное представительство при Посольстве Исламской Республики Иран в Российской Федерации/ выпуск №5, ноябрь 2011 – №4 – 88 с. Библиогр. : 10-16.
3. نینما یوشیج گزیدهی اشعار ، و نوشته‌های دیگر . Wednesday, May 10, 2006/آی آنمهآ [http://nima-yooshij.blogspot.com/2006/05/blog-post_114732875485155653.html].
4. آیات غمزه/دفتر شعر مجازی من: بخواه دفتر اشعار و راه صحرا گیر/ چه وقت مدرسه و بحث کشف کشف است/می‌تراود . [http://ayateghamzeh.persianblog.ir/post/35].
5. نینما در شعر نو/ نشریه سبک شناسی نظم و نثر دکتر امیدمجد استادیار زبان و ادبیات فارسی دانشگاه تهران نگاهی تازه به جایگاه فارسی شماره 8، پائیز 89
6. در تمام طول شب: بررسی آراء نینما یوشیج. دکتر احمدرضا بهرام پور عمران. چاپ اول، تهران: مروارید، نگاهی به کتاب در تمام طول شب: بررسی آراء نینما یوشیج 1389
7. شمیسا سیروس ۱۳۲۸- راهنمای ادبیات معاصر (شرح و تحویل گزیده شعر نو فارسی)/ سیروس شمیسا [تهران]. : نشر میترا ۱۳۸۳
- قرن ۱۴. الف. عنوان. ب. عنوان: شرح و تحویل گزیده شعر فارسی. ۲ ر ۸۴ ش / ۳۸۱۱ -
8. RIP - کتابخانه ملی ایران ISBN 964-8417-06-7
9. صلنامه تخصصی سبک شناسی نظم و نثر فارسی (بهار ادب) علمی – پژوهشی
10. سال پنجم – شماره دوم – تابستان 1391 – شماره پیاپی 16
10. محبویه بسمل(نویسنده مسئول). 1 ، سید ابوطالب میرعابدینی
11. تاریخ دریافت مقاله: 90/12/ 14
12. تاریخ پذیرش قطعی: 91/3/ 20
13. 10.
14. ISBN – 978-964-5772-27-5 (نینما یوشیج ۱۳۳۸-۱۲۷۴. مستعار. مجموعه شعرها نو. غزل. قصیده قطه / نینما و شیخ ; (علی اسفندیاری

Гвардія Е. Е. Стиль поезії Німа Юшиджа / Е. Е. Гвардія // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 480–487.

У статті що надається розглядається питання щодо літературних напрямків, які мали вплив на творчість Німа Юшиджу. Особливо приділяється увага символізму, як фундаментальному елементу у творах Німа Юшиджу. Досліджуються літературні твори, визначаються різноманітні види символізму, розглядаються їх основні особливості.

Ключові слова: перська література, сучасна перська література, творчість Німа Юшиджа, символізм у творчості Німа Юшиджа, «шер-е ноу»

Gvardia E. E. The Nima Yushij's Poetry Style / E. E. Gvardia // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 480–487.

The present work is dedicated to the investigation of literary styles, which was used by one of the brightest poets of modern Persian poetry – Nima Yushij. It is known that at the end of XIX century and at the beginning of XX century social and political relationship between Islamic Republic of Iran and European countries went to a new stage. European countries went to a new stage. Iranian intelligentsia, poets and writers have visited European countries more frequently. Thereafter modern Persian literature is influenced by the European literary styles and trends. For example, romanticism, realism, critical realism, symbolism and modernism. The creative work of Nima Yushij is not an exception here. The same traits of the romanticism, realism, and symbolism are recognized in the literature works of the poet. In particular, the symbolism has most important impact and occupies the most prominent place. The same traits of the romanticism, realism, and symbolism are recognized in the literature works of the poet. But the symbolism has most important impact and occupies the most prominent place. The biggest part of the author's works corresponds to the main symbolist canons. However, symbolism in the works of Nima Yushij and European symbolism are different to

some degree. Using this literary style in modern Persian poetry Nima discovers a new symbolism, which differs from the one in European literature.

Key words: Persian literature, Modern Persia literature, Nima Yushij's creative work, the symbolism in Nima Yushij's creative work, modern Persian poetry, «sher-e nou».

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

УДК: 81'246. 3'373. 7

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОМ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ КОГНИТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В КРЫМСКОТАТАРСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Джелілов А. А.

РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»

В статье рассматриваются некоторые семантико-грамматические особенности идиом, обозначающие мыслительно-познавательную деятельность человека в крымскотатарском, английском и украинском языках. Приводится анализ основных типов ФЕ трех языков, характеризующих фразеосемантическое макрополе «Когнитивная деятельность человека».

Ключевые слова: фразеология когнитивной деятельности человека, идиомы, семантико-грамматические модели ФЕ, номинативные ФЕ, глагольные ФЕ, изафет, компаративные фразеологические единицы.

Постановка проблемы. Национальное своеобразие языка получает своё отражение в номинативных и предикатных единицах языка. Каждый народ под воздействием особенностей мировоззрения формирует также и грамматическую структуру языка, которая является результатом категоризации познаваемых предметов и объектов действительности.

Анализ последних исследований по проблематике работы. Семантико-грамматическим особенностям идиом, в теории фразеологии уделено немало научных работ. Среди них, стоит выделить, работы А. М. Эмировой, М. Ф. Алефиренко, В. Н. Телия, В. В. Виноградова, Ю. Ф. Прадида, Г. А. Багаутдиновой и др [1–3, 6–8].

Тем не менее, вопрос о семантико-грамматических особенностях идиом, характеризующих когнитивную деятельность человека на материале крымскотатарского, английского и украинского языков остается открытым и требует детального рассмотрения.

Цель и задачи статьи: выявить и охарактеризовать некоторые семантико-грамматические особенности фразеологических единиц, обозначающих когнитивную деятельность человека в крымскотатарском, английском и украинском языках.

Типологические характеристики, определяющие универсальные, специфические и неповторимые свойства в разноструктурных языках, находят своё отражение в семантико-грамматических моделях идиом.

В семантико-грамматическом отношении, идиомы, обозначающие когнитивную деятельность человека относятся к глагольным, субстантивным, адъективным и адвербиальным фразеологическим единицам.

Так, в крымскотатарском языке субстантивные ФЕ могут быть построены по модели изафета – именного определительного сочетания, оба члена которого выражены существительными; сочетания определяемого с постпозитивным определением. Выделяются три типа изафета [425, 172]. :

1. Для первого характерно отсутствие морфологических показателей связи компонентов: *сепет баш* (букв. голова корзина) ‘забывчивый человек, часто забывающий о чём-л, ком-л.’;

2. Для второго изафета свойственно наличие при определяемом аффикса принадлежности 3-го лица: *акъыл хазинеси* (букв. сокровищница знаний) ‘сокровищница знаний, мыслей (о человеке)’ [401, 58]. ;

3. Для третьего изафета характерен аффикс принадлежности 3-го лица при определяемом и аффикс родительного падежа при определении: *Алланынь тувары* (букв. Аллаха тварь) ‘глупый, недалёкий человек’ [401, 44].

Типы изафета различаются не только оформлением, но и характером семантико-синтаксических отношений между компонентами.

Определение в первом изафете, характеризует определяемое по материалу, форме, полу, деятельности и т. п. Во втором изафете определение выражает неопределённое родовое понятие и значение его приближается к украинскому относительно прилагательных. Третий изафет выражает отношения принадлежности в широком смысле.

Некоторые ФЕ крымскотатарского, английского и украинского языков образованы по принципу гиперболизации. К фразеологическим гиперболам могут быть отнесены обороты типа: *тиреден деве ялмакъ* (букв. делать из воши верблюда) / *to make a mountain out of molehill* (букв. делать гору из кротовины) / *робити з мухи слона* (букв. делать из мухи слона) ‘придавать чему-л. незначительному, маловажному большое значение’ и др.

В английских фразеологизмах можно выделить частое употребление компонента «-one's», который в контексте заменяется падежом, и его неполным соответствием украинскому возвратному местоимению “*свій*”, не изменяющемуся в контексте своего вида.

В английском языке широко распространены адъективные и глагольные идиомы компаративного характера с парным союзом “*as..... as*”: *as hungry as a wolf* (букв. голодный как волк) ‘кто-л. очень голоден’ и др.

Английским компаративным фразеологизмам с выше указанной структурой могут соответствовать крымскотатарские идиомы с союзом *киби – копек* **киби ач** (букв. голодный как собака) ‘кто-л. очень сильно проголодался’ и украинские идиомы с союзом *як* или *мов, не мов – голоний* **як вовк** (букв. голодный как волк) ‘кто-л. очень сильно голоден, хочет поесть’. Однако в отличие от английской модели, они имеют в своей структуре только один союз.

Особое внимание стоит уделить употреблению артикля с существительными в составе английских фразеологических единиц.

Английское существительное, как известно, сопровождается артиклем – определённым (*the*) или неопределённым (*a, an*); может и не иметь при себе артикля [109, 29 – 30].

Существуют две основные теории, рассматривающие место артикля в языке: первая рассматривает сочетание артикля с существительным как аналитическую форму существительного, вторая относит артикль к служебным частям речи и трактует артикль плюс существительное как сочетание особого типа. Согласно первой теории, артикль может быть приравнен к вспомогательной части аналитической формы. Исходя из этого выдвинуть следующее: артикль является морфологическим показателем имени существительного; он не обладает лексическим значением. Хотя артикль действительно является морфологическим показателем имени, и в этом его основное формальное назначение в языке, все же он не составляет вместе с именем такой неразделимой единицы, как, например, аналитическая форма глагола. Артикль является определителем имени, т. е. между ним и именем существует синтаксическая связь, невозможная между компонентами аналитической формы.

В качестве субститута артикля может выступать местоимение: определённый артикль заменяется указательными местоимениями *this, that*, неопределённый заменяется местоимением *some*; вспомогательный глагол аналитической формы ничем заменен быть не может. Кроме того, хотя артикль действительно не имеет лексического значения, он имеет собственное грамматическое значение или даже значения. С этой позиции его можно рассматривать как компонент сочетания и как служебную часть речи [109, 30].

Артикль представляет категорию определённости / неопределённости в английском языке. Как было указано выше, морфологическая функция артикля заключается в том, что он является показателем имени существительного. Синтаксическая его функция заключается в том, что он определяет левую границу атрибутивного словосочетания: *a clever Dick* (букв. умный Дик) ‘кто-л. очень умный, сообразительный’.

Основной семантической функцией артикля является актуализация понятия. Актуализация, возникающая при употреблении артикля, отличается тем, что она отражает субъективное задание говорящего (пишущего). Одним из способов актуализации существительного является форма числа. Этот способ всегда объективен: форма множественного числа не может быть употреблена, в отношении одного предмета, и наоборот. Артикль же избирается согласно ситуации. Существует набор правил, определяющих желательность употребления того или иного артикля в определённых ситуациях. Если неопределённый артикль обычно вводит нечто новое, то определённый артикль, в свою очередь, идентифицирует уже известные предметы.

Артикль отсутствует при именах абстрактных и вещественных, т. е. тех, которые обладают формой множественного числа только в определённых условиях [109, 30]. Совершенно то же самое можно сказать об употреблении артикля с такими существительными. Определённый артикль возможен тогда, когда существительное сопровождается определением, так или иначе ограничивающим его (например, указанием на носителя свойства, ощущения или каким-либо иным путем): *a one-track mind* (букв. прямолинейный ум) ‘ограниченный ум, человек с узким кругозором’.

Исходя из указанного выше, можно отметить то, что артикль представляет собой способ соотнесения предметного понятия с речевой ситуацией. Имена отвле-

ченные и вещественные допускают употребление артикля при наличии в структуре фразеологических единиц ограничивающих определений.

Определёнными особенностями обладает и категория (склонения) падежа в рассматриваемых нами разноструктурных языках. Категория склонения является функционально-грамматической формой имени, предназначенной для связи слов в предложении, для семантической характеристики субъекта и предиката. Она представляет собой наиболее свойственную имени черту, отличающую его от глагола. Составными структурными элементами категории склонения являются падежи, имеющие специальные грамматические формы. Падеж передаёт и показывает отношение имени к другим словам в словосочетании и предложении [175, 79].

В крымскотатарском языке категория склонения представлена шестью падежами. Первые четыре из них соответствуют падежам украинского языка: именительный – кр. тат. : *баш* (голова) / укр. : *голова* (голова), родительный – кр. тат. : *башнынъ* (голова) / укр. : *голови* (голова), дательно-направительный – кр. тат. : *башкъа* (голове) / укр. : *голови* (голове) и винительный – кр. тат. : *башны* (голову) / укр. : *голову* (голову). Два из них, местный – *башта* (в голове) и исходный – *баштан* (из головы), в украинском языке отсутствуют. Ранее выделялся ещё один падеж, творительный или инструментальный, аналогичный в украинском языке, обозначающий орудие действия, где к основе слова присоединяется аффикс *-нен*, кр. тат. *башнен* (головой) / укр. *головою* (головой). Различаются также непритяжательное (аналогичное в украинском языке) и притяжательное склонение, аналогичное имеющемуся в английском языке.

В крымскотатарском языке, притяжательное склонение имён существительных осуществляется путём прибавления к основе слова аффиксов принадлежности и затем аффиксов соответствующих косвенных падежей. Например. : именительный – *башым* (моя голова); родительный – *башымнынъ* (моей головы); дательно-направительный – *башым-а* (моей голове); винительный – *башым-ны* (мою голову); местный – *башым-да* (в моей голове) и исходный – *башым-дан* (из моей головы).

В украинском языке генитив почти всегда следует за управляющим существительным, а в крымскотатарском языке, он наоборот, предшествует ему. Ср. : укр. *звивини мозку* працюють у кого (букв. извилины мозга работают у кого) ‘кто-л. умный, сообразительный’ и кр. тат. *Алланынъ тувары* (букв. Аллаха стена) ‘глупый, недалёкий человек’.

Существительное английского языка в родительном падеже может следовать за управляющим существительным: *the flight of imagination* (букв. полёт фантазии) или как в крымскотатарском языке, предшествовать ему: *cute as bug's ear* (букв. умный, как ушко жука) ‘кто-л. смывленный, быстро схватывающий’.

Система склонения существительных в английском языке представлена двумя падежами: общим падежом и родительным или притяжательным падежом. В общем падеже, также как и в крымскотатарском и украинском языках, существительные не имеют никаких окончаний и отвечают на вопрос «кто, что»: ср. кр. тат. *баш* (голова) – укр. *голова* – англ. *a head*. Притяжательный падеж образуется путём прибавления суффикса «- 's» к существительным в единственном числе и отвечает на вопрос «чей». Например, *boy's, mother's, phone's* и т. д. Он может быть аналогичен роди-

тельному падежу притяжательного склонения в крымскотатарском языке: ср. кр. тат. *ана* (мама) – *анамнынъ* (моей мамы) / англ. *mother* (мама) – *mother's* (моей мамы).

Апостроф «-'» прибавляется к существительным во множественном числе: *soldiers', workers'*. Существительные, в том числе и местоимения, в родительном падеже обычно выступают в качестве определения к другому существительному и выражают принадлежность в широком смысле слова, например: *to be printed on smb.'s mind* (букв. быть отпечатанным в чьей-л. памяти) ‘запечатлеться в памяти, запомниться’ или служит описанию предмета, например: *sheep's eyes* (букв. глаза, как у овцы) ‘кто-л. плохо видит, не обладает дальновзоркостью’ и др.

Существительные, обозначающие неодушевлённые предметы, вещества и отвлечённые понятия, как правило, в форме родительного падежа не употребляются, а образуют оборот с предлогом «*of*»: *the chapter of possibilities* (букв. глава возможностей) ‘возможный ход событий в представлении’; *the flight of fancy [imagination]*. (букв. полёт фантазии) ‘представление, фантазия’ др.

Выводы. Таким образом, рассматриваемые нами разноструктурные языки обладают определёнными характеристиками, которые проявляются в семантико-грамматических особенностях фразеологических единиц. Среди них можно выделить: изафетные конструкции в крымскотатарском языке, категорию неопределённости/определённости в английском языке, категорию притяжательности в английском и крымскотатарском языках, категорию падежа (склонения) в украинском, крымскотатарском и английском языках, отсутствие категории рода у существительных крымскотатарского и английского языков.

Однако многие вопросы остаются ещё малоизученными и дискуссионными и являются предметом отдельного монографического исследования.

Литература:

1. Алефиренко М. Ф. Теоретичні питання фразеології / Алефиренко А. Ф. – Харків: Вища школа, 1987. – 136 с.
2. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц / Арсентьева Е. Ф. – К. : Изд-во Казанского университета, 1989. – 123 с.
3. Багаутдинова Г. А. Человек во фразеологии (антропоцентрический и аксиологический аспекты): автореф. дисс. на соискание научн. степени канд. филол. наук: спец. 10. 02. 20 “Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание” / Г. А. Багаутдинова. – Казань, 2007. – 35 с.
4. Иванова И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка / Иванова И. П., Буракова В. В., Почепцов Г. Г. – М. : Высшая школа, 1981. – 285 с.
5. Меметов А. Крымтатарский язык. Ч. I. Общие сведения о языке. Ч. II. Морфология. Учебное пособие / А. Меметов, К. Мусаев. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое издательство, 2003. – 288 с.
6. Прадід Ю. Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / НАН України, Ін-т української мови / Ю. Ф. Прадід. – К. ; Сімферополь, 1997. – 252 с. – Бібліогр. : с. 230 – 250.
7. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / Телия В. Н. – М, 1996. – 286 с.
8. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / Эмирова А. М. – Ташкент: ФАН, 1988. – 86 с.
9. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20 000 фразеологических единиц / [авт. -сост. Кунин А. В.] – 6-е изд, исправл. – М. : Живой язык, 2005. – 944 с.

10. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь / [авт. -сост. Эмирова А. М] – Симферополь: Доля, 2004. – 176 с.

11. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Джелілов А. А. Семантико-граматичні особливості ідіом, що характеризують когнітивну діяльність людини в кримськотатарській, англійській та українській мовах / А. А. Джелілов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 488–494.

У статті розглядаються деякі семантико-граматичні особливості ідіом, які позначають мисленнєво-пізнавальну діяльність людини в кримськотатарській, англійській та українській мовах. Приводиться аналіз основних типів ФО трьох мов, що характеризують фразеосемантичне макрополе «Когнітивна діяльність людини».

Ключові слова: фразеологія когнітивної діяльності людини, ідіоми, семантичні та граматичні моделі ФО, номінативні ФО, дієслівні ФО, ізафет, компаративні фразеологічні одиниці.

Dzhelilov A. A. Semantic and grammatical features of idioms, denoting person's cognitive activity in the Crimean Tatar, English and Ukrainian languages / A. A. Dzhelilov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 488–494.

The article deals with some semantic and grammatical peculiarities of idioms, denoting person's mental-perceptual activity. It shows the analysis of idioms in three languages, characterizing semantic macrofield of phraseological units "Person's cognitive activity". A great number of phraseological units were put into this research work. Also one can notice a number of similarities and differences between grammatical features of three investigated languages. Among them – an izafet construction in the Crimean Tatar language, according to which, nominative idioms can be built. Here we explore three types of izafet word-combination. The third type is commonly used in the Crimean Tatar Language. This category was originated from Old Turkic Language. Nowadays, the vocabularies of Turkic languages include number of idioms made according to the izafet construction.

Typological characteristics that define universal, specific and unique properties in nonparent languages are reflected in the semantic and grammatical patterns of idioms.

In semantic and grammatical terms, idioms, denoting cognitive human activities can be verbal, substantive, adjectival and adverbial.

Thus, in the Crimean Tatar language substantive idioms can be built on the model of izafet – nominal attributive combination, both members of which are expressed by nouns, defined from the combination of post-positional determination. There are three types izafet:

1. The first type is characterized by the absence of morphological indicators of components: *sepet bash* (literally *head basket*) 'forgetful person, often oblivious of smth, smb. ';

2. The second izafet's characteristics are determined by the presence of an affix of belonging third person: *aql hazinesi* (literally *treasure knowledge*) 'treasure of knowledge, thoughts (of man)';

3. The third izafet's model comprises nouns with two types of suffixes – affix in 3rd person, Possessive case and affix in Genitive case: *Allanî tuvarî* (literally *creation of Allah*) 'stupid, narrow-minded people'. Izafet types differ not only in design, but also the nature of semantic and syntactic relationships between components.

Some phraseological units of the Crimean Tatar, English and Ukrainian languages are formed on the basis of hyperbole: *pireden deve yapmaq* (literally to make a camel from lace) / to make a mountain out of molehill (literally *to make a mountain out of molehill*) / to make an elephant from molehill (literally *to make a mountain out of a molehill*) 'to give smth. insignificant, important' etc.

In English phraseology, we can distinguish the frequent use of the component «-one's», which is replaced in the context of case, and incomplete compliance with Ukrainian reflexive pronoun "свій". In English, the common adjectival and verbal idioms have comparative nature with a pair "as. .... as": *as hungry as a wolf* 'a very hungry someone', etc. Comparative idioms of English with such structure may correspond to the Crimean Tatar idioms with connector *kibi – kopek kibi az* (literally hungry as a dog) 'someone is very hungry' and Ukrainian idioms with connectors *як* or *мов* – *голодний як вовк* (literally hungry as a wolf) 'smn.

very hungry and wants to eat ". However, in contrast to the English model, their structure includes only one connector. Particular attention should be paid to the use of articles with nouns in English phraseological units.

Key words: phraseology of person's cognitive processes, idioms, semantic-grammatical models of phraseological units, nominal phraseological units, verbal phraseological units, izafet, comparative phraseological units.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 81. 362

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА БИЛИНГВИЗМА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Мусаев З. Г.

Институт языкознания им. Насими НАНА
E-mail: azfolklor@yahoo.com

Проблема усвоения детьми иностранного языка часто становится объектом психолингвистических исследований. В статье рассматривается сущность билингвизма, его виды (субординативный и координативный) и типы (коммуникативный и некоммуникативный); методы исследования психолингвистических исследований (контрастивный анализ, анализ ошибок, интроспекция). Также говорится о психолингвистических основах освоения иностранного языка учащимися (грамматико-переводной метод, прямой метод, коммуникативно-деятельный метод).

Ключевые слова: психолингвистика, сущность билингвизма, методики изучения проблемы билингвизма, психолингвистические основы преподавания иностранного языка детям младшего школьного возраста.

Цели исследования: В статье будут рассмотрены следующие вопросы: 1. сущность билингвизма, его виды и типы; методики изучения проблемы билингвизма; 2. психолингвистические основы преподавания иностранного языка детям младшего школьного возраста.

Постановка проблемы. В языкознании равноправное использование двух и более языков во всех сферах общественной жизни называется *билингвизмом*. Степень овладения каждым языком может быть различна. Лингвисты различают *субординативный и координативный билингвизм*. В *первом виде билингвизма* один из языков является главным, на нем усваиваются основные понятия и правила построения текста, которые переносятся на второй язык. Во *втором виде билингвизма* оба языка относительно независимы друг от друга как с точки зрения усвоения концептов, так и с точки зрения грамматики [1, 56-57]. Но полного равенства не возникает и в тех случаях, когда с раннего детства ребенок хорошо усваивает оба языка и его возможности в каждом из них не отличается от возможностей одноязычного ребенка. Здесь отличия могут проявляться в разной степени эмоциональной привязанности к какому-то из этих языков, в разной степени их значимости в жизни говорящего.

К билингвизму близки случаи: а) *пассивного (рецептивного) двуязычия*. При этом индивид понимает тексты на втором языке, но сам таких текстов почти не производит; допустимо также общение пассивных билингвов на своем родном языке и понимающих при этом иноязычную речь собеседника. Б) *полуязычие* – ситуация, возникающая вследствие частичной утраты знаний родного языка в связи с отрывом от родной языковой среды и недостаточным овладением вторым языком из-за мало-

го контактирования с его носителями. В этом случае освоенный лексикон каждого из языков очень ограничен, синтаксис не развит, грамматика подвержена влиянию родного языка. Это влияние еще больше проявляется, если контактирующие языки в сознании говорящего являются близкородственными.

Известно, что влияние родного языка на второй (реже – второго языка на родной язык) называется *интерференцией*. Интерференция проявляется на любых языковых уровнях: от фонетического до синтаксического. Считается, что интерференции подвергаются те явления языка, которые или изначально усваиваются только посредством подражания (различные варианты фонетической комбинаторики, интонация), или те явления, которые используются в речи неосознаваемо (род существительных, управление глаголов, синтаксические конструкции) наглядным примером для первого случая может служить непривычно ровная (для носителя русского языка) вопросительная интонация в речи говорящего по-русски азербайджанца или сохранение безударных полных гласных в азербайджанском акценте. Во втором случае интерференция будет проявляться в ошибочных употреблениях разного рода предлогов и использовании нехарактерного для второго языка порядка слов в предложении. Если второй язык становится основным, то он может оказывать обратное влияние на родной. Это ярко проявляется в речи эмигрантов. Выделяются также *контактные и неконтактные типы билингвизма*. *Контактным* называется двуязычие, естественно возникающее в условиях повседневных контактов с носителями двух языков. Примером контактного билингвизма может служить совместное проживание на одной территории двух разных народов либо использование одного языка как средства межнационального общения в многонациональном государстве. *Неконтактное двуязычие* появляется в результате овладения языком другого народа посредством специального изучения в искусственно создаваемых условиях. Примером является обязательное изучение иностранного языка (языков) в школе, в вузе.

В настоящее время появилась потребность комплексного изучения проблемы билингвизма с привлечением таких методик, как контрастивный анализ, анализ ошибок и анализ самонаблюдений билингва [2, 313].

Контрастивный анализ состоит в сопоставительном изучении двух или более языков с целью выявления сходств и различий их структуры. При этом родной язык берется как эталон, по отношению к нему уже оценивается второй язык [3, 236]. Различия между языками учитываются для предотвращения отрицательных последствий влияния родного языка на изучаемый второй язык, а сходства используются как точки опоры при обучении. Сила интерференции зависит не только от объема различий, но и от восприятия языка конкретным индивидом.

Анализ ошибок. При анализе ошибок прodelьваются следующие операции: сбор высказываний обучаемых; нахождение в них ошибок; описание ошибок; классификация ошибок в соответствии с предполагаемыми причинами их порождения; определение их значимости. Анализ ошибок позволяет сделать вывод о том, что существуют как межъязыковые (обусловленные влиянием родного языка), так и внутриязыковые (не зависящие от влияния родного языка, но связанных с особенностью изучаемого языка) ошибки. Работа с внутриязыковыми ошибками привела к выявлению стратегий овладения языком и стратегий порождения речи на неродном

языке в условиях преодоления коммуникативных затруднений [2, 300]. Таким образом, важным становится не только описание самих ошибок, но и описание контекста, в котором они были допущены.

Анализ самонаблюдений билингва (интроспекция) связан с изучением языкового опыта билингва. Анализ основывается на сбор материала и объяснение со стороны билингва структурных свойств языка, влияния одного языка на другой. Для преодоления субъективности и ненадежности материала предпринимаются следующие приемы: 1) сбор материала производится сразу после выполнения задания, так как впечатления остаются еще в оперативной памяти; 2) задаваемые билингву вопросы касаются тех операций, которые производились им сознательно; 3) сведения получают без наводящих вопросов, поскольку они могут повлиять на характер ответа; 4) билингва не ставят в известность, что для ответов на вопросы после задания ему надо будет проделать анализ самонаблюдений [2, 308]. Комплексное использование вышеуказанных методов позволяет получить достоверную картину проблем, связанных с билингвизмом, и это может облегчить усвоение иностранных языков. Влияние лингвистических концепций на методику преподавания иностранных языков очень существенно. *Грамматико-переводной метод* строго разделяет единицы языка разного уровня и последовательно их раскрывает учащимся. Требование системности приводит к тому, что основой овладения иностранным языком считается овладение грамматикой, так как она хорошо поддается систематизации. Слова даются тематически в виде двуязычных глоссариев, т. е. переводятся. Урок строится на объяснении грамматического правила, его иллюстрации разными примерами, закреплении и самостоятельном использовании в упражнениях. Упражнения тоже строятся на системном подходе к языку: подстановка слова во фразу, изменение одной формы в другую и т. д. После освоения правила, учащимся даются задания на перевод, нацеленный на раскрытие соотношения между освоенным правилом и нормами родного языка. Успешный перевод текстов показывает, что учащийся овладел знаниями об иноязычной системе языка.

Прямой метод (выдвинут американскими лингвистами) основывается не на систему языка, а на совокупность привычных речевых действий, которые формируются на опыте взаимодействий с другими членами языкового коллектива. Таким образом, главным становится не языковая система, а речевая практика. По мнению психологов, овладение языком основывается на условный рефлекс навыков порождения и понимания речи. Потому успех в овладении языком зависит от количества и распределения воздействующих на него стимулов. Регулярное воздействие приводят к реакциям. Прямой метод исключает вообще применение родного языка, все объясняется только на иностранном языке. Перевод на родной язык считается нежелательным, поскольку тормозит формирование навыков использования иностранного языка. На уроке происходит только повтор и имитация предлагаемых учителем образцов. Видеоматериал позволяет снимать трудности беспереводной семантизации (т. е. ученик видит с чем соотносится незнакомое слово и фраза) воздействие по дополнительному зрительному каналу восприятия закрепляет формирующиеся ассоциации и обеспечивает лучшее запоминание. Для успешного овладения языком от ученика требуются многочасовые уроки, построенные на повторе осваиваемых ре-

чевых действий в ущерб чтению и письму. В результате ученик воспроизводит готовые образцы, но не производит речь.

Сторонники прямого метода не учитывают активность субъекта, его действия рассматриваются как приспособительные. Исключая творческую обучаемого, учитель заменяет формирование речевых умений механическим выстраиванием навыков или моделей поведения в некоторых коммуникативных ситуациях, чтобы породить и понимать речь, учащийся должен производить осознанные действия. Нужно сформировать у ученика умение формировать собственные мысли и идеи на иностранном языке и варьировать их выражения в зависимости от ситуации. Экспериментальные данные показывают, что освоение грамматической системы иностранного языка обязательно опирается на проведение аналогий с родным языком, и, если аналогия проводится учеником без помощи учителя, то трудно избежать ошибочных поверхностных выводов.

Еще в начале 19 века В. Фон Гумбольдт выделял два способа освоения иностранного языка. Адекватным считал такое освоение, которое «можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира», а не перенесение на иностранный язык «своего собственного миропонимания и, больше того, своего собственного представления о языке» [4]. Предлагается больше уделять внимания объяснению культурологических различий, которые влияют на общение (учет возраста, социального статуса, тематики текста). Без сознательного обращения к родному языку и к родной культуре не может быть решена задача усвоения присущей носителям языка картины мира.

В *коммуникативно-деятельном методе*, таким образом, главным считается речевая, т. е. коммуникативная ситуация. Это означает живое включение ученика в ситуацию общения, когда желание освоить речевое действие на иностранном языке обусловлено необходимостью решения коммуникативной задачи. Речь идет о максимальном приближении занятия к реальным ситуациям общения. На основе создания проблемной ситуации (как спросить дорогу, как представить себя незнакомым людям, как выразить несогласие с собеседником и т. д.) составляются все упражнения.

Выводы и перспектива. В азербайджанском языкознании очень мало работ, посвященных исследованию детской речи, а тем более усвоению детьми второго языка. Впервые исследованием детской речи в Азербайджане начала заниматься Гаджиева А. Г. (ее работа «Психолингвистика и обучение второму языку» [5]. и Расулов Р. М. «Психологические и психолингвистические основы обучения иностранному языку» [6].

С. Н. Цейтлин (заведующая кафедрой «Детской речи» в Санкт-Петербургском университете) посвятила ряд своих работ изучению детской речи, детскому билингвизму [7; 8; 9], и, в частности, специфическим ошибкам азербайджанско-русских билингвов в письменной речи [10]. В этой работе [10]. речь идет о том, каким образом ребенок – родным языком которого является азербайджанский, постигает правила русского письма. Исследование основывается на опыт одного человека, но данный случай является достаточно типичным и отражает некоторые важные особенности стратегии освоения ребенком правил иностранного (русского) письма.

Литература:

1. Беликов В. И. Социоллингвистика / Беликов В. И, Крысин Л. П. – М, 2001.
2. Залевская А. А. Введение в психоллингвистику / Залевская А. А. – М, 1999.
3. Ярцева В. Н. Контрастивная лингвистика / Ярцева В. Н. // Лингвистический энциклопедический словарь. – М, 1990.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Гумбольдт В. фон. – М, 1984.
5. Гаджиева А. Г. Психоллингвистика и обучение второму языку / Гаджиева А. Г. Баку: АПИРЯИЛ, 1991. – С. 76-77.
6. Расулов Р. М. Психологические и психоллингвистические основы обучения иностранному языку / Расулов Р. М. – Баку, 2005.
7. Цейтлин С. Н. Конструирование ментальной грамматики при освоении русского языка как первого и как второго (на примере овладения глагольного вида) / Цейтлин С. Н. // Материалы Международной научной конференции «Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива», 24-26 апреля 2008 года. – Екатеринбург. –С. 87-92.
8. Цейтлин С. Н. Конструирование первичной и вторичной языковой системы – общее и различное / Цейтлин С. Н. // Детское двуязычие. Материалы Международной научно-практической конференции (С. -П, 3-5 октября 2005 г.) – СПб, 2005. –С. 51-53.
9. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи / Цейтлин С. Н.. – М. : Владос, 2000. - 239с.
10. Цейтлин С. Н. Специфические ошибки азербайджанско-русских билингвов в письменной речи / Цейтлин С. Н. // В кн. Русистика и современность. Материалы VII Международной научно-практической конференции 2004 года. -СПб, 2005. -С. 51-53.

Мусави З. Г. Психолінгвістична проблема білінгвізму та лінгвістична організація викладання іноземної мови / З. Г. Мусави // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 495–499.

Проблема засвоєння дітьми іноземної мови часто стає об'єктом психолінгвістичних досліджень. У статті розглядається сутність білінгвізму, його види (субординативний і координативний) і типи (комунікативний і некомунікативний); методи дослідження психолінгвістичних досліджень (контрастивний аналіз, аналіз помилок, інтроспекція). Також йдеться про психолінгвістичні основи освоєння іноземної мови учнями (граматико-перекладний метод, прямий метод, комунікативно-діяльний метод).

Ключові слова: психолінгвістика, сутність білінгвізму, методики вивчення проблеми білінгвізму, психолінгвістичні основи викладання іноземної мови дітям молодшого шкільного віку.

Mousavi Z. H. The psycholinguistic problem bilingualism and linguistic forming of the teaching the foreign language / Z. H. Mousavi // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 495–499.

The problem on the ability of learning a foreign language by the children often becomes the subject of the psycholinguistic investigations. In the article it is talked about the essence of the bilingualism, its kinds (subordinate and coordinate) and types (sociable and unsociable), methods of investigation of the bilingualism problem (contrastive analysis, analysis of the mistakes and introspection). It is spoken about the psycholinguistic bases of the teaching of foreign language to school children (grammatical-translation method, direct method, sociable-activities method).

Key words: psycholinguistics, the essence of the bilingualism, methods of investigation of the bilingualism problem, the psycholinguistic bases of the teaching of foreign language to school children.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 111-26

АНГЛИЙСКИЕ ТЕРМИНЫ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ ФРАНЦУЗСКИМ ЯЗЫКОМ В XX ВЕКЕ

Мегами А.

Азербайджанский университет языков

В этой статье, изучаются некоторые теоретические вопросы заимствования терминологической лексики из английского языка, а также изучается статистика этих заимствований. Этой статьей мы вовсе не претендуем на полное рассмотрение существующих теоретических мыслей относительно заимствования терминологической лексики из английского языка во французский язык.

Ключевые слова: заимствование, термин, экстралингвистика, интралингвистика, лексика

Постановка проблемы. Языки других народов служат богатейшим источником обогащения терминосистемы современного французского языка. Известно, что со дня создания человеческого общества их коллективы-племена, народы и нации контактировали друг с другом, создавались и развивались отношения между ними. Иногда в мирных отношениях, в другом случае в отношениях войн, язык как средство общения играл основную роль. Как результат этого, мы, отражающие модели различных понятий, переходили из языка в язык.

При использовании терминов, заимствованные из английского языка, как и из других языков, существуют различные способы и приёмы. Лексика, важнейшая часть словарного фонда языка, отражает любые изменения, происходящие в жизни общества, а также этапы развития эпохи. Вообще, в первую очередь лексические и во многих случаях терминологические свойства языка привлекают внимание лингвистов.

Принимая во внимание высказанные, мы считаем своим долгом, как объект исследования, изучать некоторые теоретические вопросы относительно заимствования терминологической лексики.

В языках имеются многочисленные экстралингвистические и интралингвистические факторы, среди которых вопросы заимствования терминологической лексики занимают особое место. Заимствованные термины, входя фундаментальным образом в словарный фонд языка, приобретают одинаковые права, наряду с исконными словами принимающего языка. Но, заимствованные термины со временем, могут выйти из языка. Этот процесс происходит различными путями:

- а) новые имена, созданные базе словарного фонда самого языка, вытесняют заимствованные термины;
- б) каждый из имён, будучи связанный с определённым понятием, при устаревании становятся архаичными и выходят из употребления.

Лексика, относящаяся к терминам из английского языка, приводит в движение лексический пласт французского языка, и, увеличивая разнородность, обогащает его словарный фонд. Анализ корпуса терминов, связанный с терминологической лексикой и привлечённый к нашему исследованию, с точки-зрения заимствования терминологической лексики, нашёл своё отражение в нижеследующей статистике (из 1000 слов, привлечённых к исследованию): технические термины-75 слов (или 7.5%); термины биохимии-21 слов (или 2.1%); термины химии-16 слов (или 1.6%); термины биологии-27 слова (или 2.7%); термины физики-28 слов (или 2.8%); термины информатики-41 слов (или 4.1%); термины физиологии-10 слов (или 1.00%); медицинские термины-17 слов (или 1.7%); термины фармацевтики-5 слов (или 0.5%); финансы и коммерция-15 слов (или 1.5%); термины логики-5 слов (или 0.5%); географические термины-5 слов (или 0.5%); военные термины-10 слов (или 1.00%); морские термины-10 слов (или 1.00%); термины астронавтики-12 слов (или 1.2%); спортивные термины-35 слов (или 3.5%); термины музыки-10 слов (или 1.00%); термины экономики-14 слов (или 1.4%); кино и аудиовизуальные средства-19 слов (или 1.9%); термины ботаники-15 слов (или 1.5%); термины языкознания-14 слов (или 1.4%) всего: 416 слов (или 39.4%) сюда следует добавить 90 слов, относящиеся к различным областям деятельности человека. В этот список нужно добавить термины математики и телекоммуникации, метрологии и сельского хозяйства, психологии и телевидения, психиатрии и психоанализа, этнологии и социологии, коммерческого и морского права, рекламные и зоологические термины и многие другие.

Французы, как и другие народы мира, находились всегда в тесных отношениях различного уровня, что способствовало притоку во французский язык множества слов-терминов. Как основной фактор обогащения словарного фонда языка, этот процесс продолжается активным образом сегодня.

Заимствованные термины играют большую роль в обогащении языка. В современную эпоху нет такого языка, словарный состав которого состоял бы только из своих слов. И если есть такой язык, то он не является развитым языком. В этом плане следует отметить справедливое высказывание Ж. Вандриеса: «Никогда или почти никогда не бывает, чтобы какой-либо говор длительно развивался без всякого внешнего влияния. Напротив, влияние соседних языков на данный язык часто играет важную роль в языковом развитии. Соприкосновение языков является исторической необходимостью, а соприкосновение неизбежно влечёт за собой взаимопроникновение [4, 257].

Существуют два способа заимствования слов-терминов из других языков:

первый способ – *прямое заимствование слов-терминов*, которые приходят из одного языка в другой без посредничества третьего языка;

второй способ – *косвенное заимствование слов-терминов*. Подобных терминов проще называть «пришельцами или инородными» словами, ибо они заимствуются, побывав в языке-посреднике.

Проблема языковых контактов, в настоящее время с точки-зрения терминологии и в силу активизации процесса взаимовлияния и взаимообогащения языков приобретает особую актуальность. Ряд ученых всесторонне изучили теоретические и

практические вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. Среди них ученые дальнего и ближнего зарубежья. Особенно следует отметить теоретические исследования таких ученых как У. Вайнрайх, А. Вашек, Б. Гавранек, Е. Петрович, А. Росетти, Г. Шухардт, Е. Хауген, в том числе французских лингвистов А. Мартине, О. Соважо, Ф. Брюно, М. Брэаль, Л. Сенэан и др, не забывая русских и советских ученых; таких как А. А. Белецкий, И. К. Белодед, Е. М. Верещагин, Й. Д. Дешериев, А. Жлуктенко, А. А. Реформатски, Л. В. Щерба и многие другие.

Не будет преувеличением сказать вслед за А. Мартине, что взаимовлияние языков является одним из самых могучих стимулов языковых контактов [6, 81-93].

Исследуя в обобщенном виде смешанный характер терминологической лексики всех языков, А. И. Бодуэн де Куртене отмечает, что нет и быть не может ни одного чистого, не смешанного языкового целого [3, 384].

Л. В. Щерба, освещая вопрос смешения языков, указывает, что понятие смешения языков – одно из самых нелепых в современной лингвистике, и

считает, что лучше было бы заменить термин «смешение языков» термином «взаимное влияние языков» [8, 40 -53].

Б. Гавранек употребляет термин «смешение языков» в широком смысле слова. Однако, в первую очередь его интересует языковая интерференция. Вопрос о языковом смешении, исходя из проблемы «двуязычия», автор представляет как особый случай языкового контакта [5, 94-111].

А. Росетти, занимающегося вопросами терминологии при языковых контактах, разграничивает две понятия: 1) смешанный язык (*langue mixte*), в котором наблюдается явное взаимопроникновение двух морфологических систем; 2) язык с элементом смешения (*langue mélangée*), т. е. такой, в котором наблюдаются термины-заимствования из других языков, не затрагивающие морфологию. Автор отмечает, что в последнем случае смешение затрагивает в первую очередь словарный состав. Под влиянием иностранного языка фонетика, синтаксис и морфология языка, принимающий термин, также могут подвергаться смешению, но в значительно меньшей степени, тогда как словарный состав может смениться полностью [7, 112 – 119].

Анализ лингвистической литературы убеждает, что термина «заимствование» употребляется одновременно для выражения процесса перенесения иноязычных слов в другую языковую систему, и результат этого процесса. Самым распространенным типом языковых контактов является случай использования языком-реципиентом отдельных терминов языка-донора, которые после определенной переработки включаются в систему первого.

Изучая механизм бинарного межъязыкового и междиалектного контактирования, Л. И. Баранникова различает следующие случаи взаимодействия: а) два языка, структуры которых различаются типологически и материально (разноструктурные); б) два языка, имеющих типологическое и материальное сходство в структурах (структурно близкие языки); в) диалекты, принадлежащие структурно различным языкам; г) диалекты, принадлежащие языкам, близким по своей структуре; д) диалекты одного языка [1, 200-201].

Необходимо различать, пишет А. А. Белецкий, языковые контакты с односторонним воздействием и контакты с преобразовательным воздействием. Контакты с

односторонним воздействием осуществляются, как правило, на одном уровне, чаще всего, лексическом [2, 254].

Вывод и перспектива. В лингвистической литературе существует ряд других классификаций заимствований терминов в зависимости от цели стоящий перед исследователем, о чём мы будем говорить в следующих статьях.

Литература:

1. Баранникова Л. И. О языковых контактах. – В кн. : Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М. : Наука, 1969. стр. 197-202.
2. Белецкий А. А. Генезис и этимология. – В. кн. : Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских учёных на X Международном конгрессе лингвистов. – М. : Наука, 1967, 251-255.
3. Бодуен де Куртене И. А. О смешенном характере языков. – Избранные труды по общему языкознанию. Изд-во АН СССР. М. 1963. – Том I. – 384 стр.
4. Вандриес Ж. Язык. М. Соцэкгиз. 1937. – 410 стр.
5. Гавранек Б. К. К проблеме смешения языков (пер. с немец.) в кн. : Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М. : Прогресс. 1972. стр. 94-111
6. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика. В кн. : Новое в лингвистике. Языковые контакты. Вып. VI. М. Прогресс. 1972. стр. 81-93
7. Росетти А. Смешанный язык и смешение языков (пер. с франц.) в кн. : Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М. Прогресс. 1972. стр. 112 – 119.
8. Щерба Л. В. О понятии смешения языков. В кн. : Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л. 1958. – Том I. 182 стр.

Мегамі А. Англійські терміни, запозичені французькою мовою в XX столітті / А. Мегамі // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 500–503.

У цій статті, вивчаються деякі теоретичні питання запозичення термінологічної лексики з англійської мови, а також розглядається статистика цих запозичень. Цією статтею ми зовсім не претендуємо на повне розгляд існуючих теоретичних думок щодо запозичення термінологічної лексики з англійської мови у французьку мову.

Ключові слова: запозичення, термін, екстралінгвістика, інтралінгвістика, лексика

Megami A. English terms, borrowed by French language in XX century / A. Megami // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 500–503.

The article named is about some theoretical questions concerning the borrowings of English terminological vocabulary. In this article we examine also the statistic of these borrowings. With this article we don't at all pretend to the full examination of existing theoretical opinions about the borrowings of English terminological vocabulary in French language.

Key words: borrowing, term, extra linguistic, intra linguistic, vocabulary

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 81-13.

ПАРОНИМИЯ КАК ОДИН ИЗ МАЛОИЗУЧЕННЫХ ФАКТОРОВ ЯЗЫКА

Алиева С.

Азербайджанский государственный университет языков
E-mail: azfolklor@yahoo.com

Многочисленные пары слов и выражений, характеризующиеся созвучностью между собой, но различающиеся друг от друга в семантическом плане встречаются во всех знакомых нам языках. Подобные пары в лингвистической литературе последнего времени называются паронимами. Явление паронимии привлекло внимание лингвистов в основном с середины прошлого века.

Ключевые слова: паронимы, паронимия, фонетика, семантика, лексика, однокоренные слова, разнокоренные слова.

Постановка проблемы. Паронимия на сегодняшний день остается одной из самых малоизученных факторов языка и явлений речи.

Многочисленные пары слов и выражений, характеризующиеся созвучностью между собой, но различающиеся друг от друга в семантическом плане встречаются во всех знакомых нам языках. Подобные пары в лингвистической литературе последнего времени называются паронимами. Явление паронимии привлекло внимание лингвистов в основном с середины прошлого века. Результаты отдельных исследований дали возможность проявить специфические особенности паронимичных единиц, и в словарях-справочниках зафиксировались определения паронимии как языкового и речевого явления и паронимов как ее продукции. При этом среди исследователей появились и спорные вопросы по отдельным признакам паронимичных единиц.

Наше внимание привлекли два вопроса касательно внешней оболочки паронимов: вопрос их однокорневости / разнокорневости и вопрос узнаваемости / неузнаваемости.

О. В. Вишнякова считает, что «паронимы – это близкие по звучанию однокоренные слова с ударением на одном и том же слоге, относящиеся к одной части речи, одному роду или виду, но выражающие разные смысловые понятия. Ср. : *абстрактность*//*абстракция*, *зравица*//*зравница*, *экономика*// *экономия*...» [3, 4]. Так автор основными критериями паронимов считает однокорневость пары, идентичность места ударения в них, их соотнесение к одной части речи, даже к одному роду или виду. Однако в языке имеются и разнокорневые пары слов с ударением на одном и том же тождественном слоге, относящиеся к одной части речи и обладающие различной семантикой. Например, ср. : *brace* [breis]. «связывать, скреплять» – *braze* [breiz]. «делать твердым», *contact* [ˈkʌntækt]. «соприкосновение» – *contract* [ˈkɒntrækt]. «договор, соглашение», *glove* [glʌv]. «перчатка» – *glow* [gləʊ]. «сильный жар, накал», *health* [helθ]. «здоровье» – *heath* [hi: θ]. «степь», *contra* [ˈkɒntrə]. «нечто противоположное» – *contour* [ˈkɒntʊə]. «контур, очертание» и т. д.

Сужение границ паронимов по-Вишняковой оставляет такие же идентичные с однокорневыми словами по всем остальным внешним параметрам разнокорневые слова вне предела этого понятия. Следует обратить внимание, прежде всего на то, что «формально паронимичные пары устанавливаются не на семантической основе, а по чисто внешнему звуковому обличью. Они, так сказать, коррелятивны по форме, которая является внешним критерием для их различения» [2, 351]. Это означает, что однокорневость или разнокорневость пар не может играть какую-нибудь роль в определении паронимичности единиц.

В словаре-справочнике Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой читаем о том, что паронимы – это «однокоренные слова близкие по звучанию, но разные по значению или частично совпадающие в своем значении. *Ароматный – ароматический – ароматичный; банковский – банковый; встать – статья...* . Некоторые исследователи к паронимам относят также разнокоренные слова, близкие по звучанию... *Кампания – компания* (омофоны), *экскаватор – эскалатор*» [7, 272]. Как видно, в словаре основной упор делается все-таки на однокоренность слов, допуская при этом и их разнокоренность.

Дело в том, что принцип однокорневости паронимов основывается на грамматическое развитие словоко́рня, т. е. на образование производных и даже сложных слов, а таких образований в каждом языке неимоверно много. Возьмем популярный англо-русский словарь: *absorbent, absorber, absorbing, absorptivity* – паронимы ли все эти единицы (имена прилагательные)? *Digest, digester, digestibility, digestion, digestive* – составляют ли эти слова (имена существительные) паронимию? Так, паронимичны ли все эти однокоренные глагольные образования?, а если приплюсовать к этому и дериваты на материале остальных частей речи, то окажется, что абсолютное большинство лексики азербайджанского языка составляют паронимы? Значит, для определения границ понятия паронимии следует искать еще какие-то другие признаки паронимичности слов и выражений. По нашему мнению, таким ограничителем может выступать и принцип узнаваемости / неузнаваемости (иначе, принцип возможности смешения в речи паронимов).

В отличие от процитированных выше ученых, Н. З. Каримова более категорично выступает в вопросе однокорневости / разнокорневости паронимичных единиц: «Если иметь в виду практические цели, то, видимо, нельзя ограничивать справочники по паронимии только словами с тождественным корнем – пишет она, – так как известно, что довольно часто смешиваются в употреблении не только такие слова, как: *представить – предоставить, надеть – одеть, нестерпимый – нетерпимый, усвоить – освоить, здравница – здравица, в общем – вообще* и др, но и такие как: *эскалатор – экскаватор, генеалогический – гинекологический, космический – косметический, девственный – действенный...*» [5, 99]. Таким образом, этот автор одновременно основывается и на другой вопрос – вопрос частого смешения паронимичных единиц, на что нам тоже хотелось бы обратить отдельное внимание.

О. В. Вишнякова по этому поводу пишет: «Некоторые ученые относят к паронимам все созвучные слова, признавая единственным критерием их объединения возможность окказионального смешения в речи. Так, в «Словаре лингвистических терминов» (1966) О. С. Ахмановой паронимы определяются как слова, которые

вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут либо ошибочно, либо каламбурно использоваться в речи, а в «Словаре лингвистических терминов» (1960) Ж. Марузо – как слова близкие другим словам своей внешней формой. Эти определения не очерчивают ни границ звукового сходства, ни вытекающей из этого степени тождественности морфемного состава, а потому создают предпосылку для включения в число паронимов не только однокорневых слов различных частей речи (*бродить-бродяга*), но и разнокоренных слов одной части речи (*бродить-бурлить*)» [3, 4]. Ср. также: *brave* [breiv]. «храбрый» – *bravery* [ˈbreivəri]. «храбрость, мужество», *palliate* [ˈpæliet]. «временно облегчать» – *palliative* [ˈpæliətiv]. «смягчающий; полумера»; *breast* [brest]. «грудь; совесть, душа» – *breath* [breθ]. «дыхание, вздох», *brake* [breik]. «тормоз; тестомешалка; кустарник» – *break* [breik]. «прорыв; трещина; пауза», *beach* [bi: tʃ]. «пляж», *beech* [bi: tʃ]. «бук, буквое дерево» и т. д. Таким образом, не только исключительно характеристика однокорневости паронимов, но и признак их принадлежности к одной части речи теряет свою принципиальную значимость: паронимами могут быть как однокорневые слова различных частей речи, так и разнокоренные слова одной части речи. Важнейшее, по нашему мнению, значение имеет вопрос узнаваемости или неузнаваемости паронимичных слов, иначе говоря, вопрос возможности их смешения в речи.

Предлагаем вспомнить и факт частоты употребления отдельных слов и выражений языка в речи, т. е. вопрос активности / пассивности лексики языка, что еще больше усложняется применительно к употреблению заимствованных единиц и области изучения иностранных языков.

Пассивная лексика даже родного языка нередко может сыграть злую шутку в словоупотреблении носителей языка различных степеней подготовленности.

Почти все исследователи паронимов единогласно отмечают невозможность взаимозаменяемости лексических и фразеологических паронимов в речи. Однако на практике такие слова и выражения в процессе общения создают определенные трудности речи. Говорящий часто путает их формы и значения, забывает их различия [см. : 8, 4]. Насчет этой характеристики паронимичных единиц в лингвистической литературе бытуют различные противоположные мнения. Некоторые авторы смешение паронимичных слов и выражений принимают даже за их определяющий признак. «В результате смешения в языке и речи возникают паронимические явления однокоренных и разнокоренных слов» [см. : 8, 4], – пишет Х. Гасанов. Вторит ему Э. Исмаилова: «Паронимами называются слова, близкие по звучанию, но отличающиеся по значению и по ошибке смешивающиеся в речи» [4, 50-51]. Однако следует обратить внимание и на вторую точку зрения о целесообразности воздержания от утверждения, что паронимичные единицы ошибочно употребляются одно вместо другого, так как такое определение заведомо предполагает путаницу в их употреблении, когда ее может и не быть [см. : 2, 351]. Но если полностью согласиться с этим мнением, то придется все схожие лексические и фразеологические пары считать продуктом явления паронимии в языке? Тогда какие же принципы могут лечь в основу ограничения понятия по смешению паронимов в речи?

Прежде всего, можно возразить против мнения последнего автора, звучащего о том, что «определение паронимичных единиц по принципу их ошибочной употреб-

ляемости одного вместо другого предполагает путаницу в их употреблении, когда ее может и не быть». Наоборот, можно сослаться на то, что такая путаница в речи может иметь место, и именно этот признак паронимичных единиц заставляет выделить пристальное внимание к ним. Остается выяснить ситуации возникновения подобной путаницы в речи.

Разумеется, неподготовленная речь любого носителя языка может иметь свои изъяны. Говорящий может также допустить в речи промахи в простом словоупотреблении, что больше проявляется в отношении именно к паронимам. Человек может неправильно использовать термины, слова из пассивной лексики языка, заимствованные единицы и даже обыденные слова и все это зависит от его культуры речи и от речевой ситуации. Это больше наблюдается в отношении употребления паронимов, представляющих слова и словосочетания одной лексико-семантической группы. Паронимичны ли слова *алимент – элемент, аппарат – препарат, банк – банка, интернат – интернет, степь – степ* и т. д. ? Ведь очень трудно не знать сегодняшнему русскому человеку эти слова из активной лексики различных тематических групп русского языка. Слова *алимент, аппарат, банка, интернат, степь* представляют лексикон обыденной речи русского человека и тематически никак не связаны с терминологическими понятиями *элемент, препарат, банк, интернет, степь*. По наблюдениям Е. Г. Багатуровой, вопрос о фразеологической паронимии русского языка особо актуализируется со стороны нерусских. Именно то обстоятельство, что различия в плане выражения незначительные приводит к тому, что такие фразеологизмы, ассоциируясь друг с другом, не всегда четко разделяются в сознании говорящих. Последнее замечание в большей мере относится к нерусскому восприятию, – пишет она [см. : 2, 350-351].

Выводы и перспектива. Таким образом, смешение паронимов происходит при двух обстоятельствах:

- 1) в неподготовленной разговорной речи носителей языка, что зависит от степени культуры речи говорящего и от ситуации высказывания;
- 2) в процессе обучения иностранным языкам.

В литературе, посвященной паронимии в различных языках, приводятся и фонетические принципы отграничения паронимичных слов и выражений, на что так же следует обратить пристальное внимание.

Литература:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / Ахманова О. С. – М, 1966.
2. Багатурова Е. Г. Паронимия в сфере фразеологии / Багатурова Е. Г. // Вопросы семантики фразеологических единиц. Тезисы докл. и сообщ. Часть I. – Новгород, 1971.
3. Вишнякова О. В. Паронимия в русском языке / Вишнякова О. В. – М, 1984.
4. Исмаилова Э. Особенности языкового явления паронимии в немецком языке / Исмаилова Э. // Вопросы филологии. – Баку, 2007. – № 3 (на азерб. яз.).
5. Каримова Н. З. Упражнения с паронимами / Каримова Н. З. // Русский язык в школе, 1971. – № 5.
6. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Марузо Ж. -М, 1960.
7. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Розенталь Д. Э, Теленкова М. А. – М, 1976.
8. Словарь паронимии и паронимии азербайджанского языка / Сост. : Х. Гасанов. – Баку, 1991 (на азерб. яз.).

9. Янко-Триницкая Н. А. К изучению паронимов / Янко-Триницкая Н. А. // Русский язык в школе, 1971. – № 5.

Алієва С. Паронімія як один з маловивчених факторів мови / С. Алієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 504–508.

Численні пари слів і виразів, що характеризуються співзвучністю між собою, але різняться один від одного в семантичному плані зустрічаються у всіх знайомих нам мовах. Подібні пари в лінгвістичній літературі останнього часу називаються паронімами. Явище паронімії привернуло увагу лінгвістів в основному з середини минулого століття.

Ключові слова: пароніми, паронімія, фонетика, семантика, лексика, однокореневі слова, різнокореневі слова.

Aliyeva S. Paronymy as one of the little-known factors language / S. Aliyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 504–508.

The paronymy in a language represents the special layer of lexicon described by the closest consonance between the various words with same root or relative words in terms of phonetic and semantic form. The paronymy arises in same roots consonant words or as result of correlation of consonant prefixes added to the same word, or as result of addition to the same word corresponding suffixes keeping previous form. Because of addition of affixes the semantic difference between words increases and they become uninterchangeable.

Key Words: paronyms, paronymy, phonetic, semantic, lexical, expression, semi-roots words.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 161. 2: 373/374

ВЖИВАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ ТА ЇХ ТРАНСФОРМАЦІЯ (НА МАТЕРІАЛІ ЛЕКСИКОГРАФІЧНИХ ПРАЦЬ КІН. XVI – ПОЧ. XX СТ.)

Вояк К. В.

Стаття присвячена трансформації фразеологічного складу української мови. Дослідження базується на розгляді українських фразеологічних одиниць та їх структурно-семантичних модифікацій. У роботі певна увага приділяється аналізу компонентного складу та семантичним трансформаціям у структурі фразеологічних одиниць (далі ФО).

Ключові слова: фразеологічна одиниця, семантичні трансформації, компонентний склад, структурно-семантичні модифікації.

Постановка проблеми. Збагачення фразеологічного фонду української мови відбувається різними шляхами й, зокрема, пов'язане з дією протилежно спрямованих тенденцій: одні чинники зумовлюють стабільність структури, семантики та компонентного складу ФО, а інші провокують формальне оновлення мовної оболонки традиційного вислову. Трансформація ФО призводить до їхніх змін і перетворень, що не рідко є соціально актуалізованими в комунікації й визначають сферу використання таких мовних одиниць. Одні новотвори доповнюють уже наявні фразеологічні ряди, займаючи в їхньому складі ніби вже готові місця, а інші – позначені виразною новизною.

Трансформацію ФО вивчали: Л. Г. Авксентьев [1], В. М. Білоноженко [2], Л. І. Коломієць [3], А. Ю. Пономаренко [5], Ю. Ф. Прадід [6], Л. Г. Скрипник [7], В. Д. Ужченко [8], Г. М. Удовиченко [9], О. С. Юрченко [10]. та ін.

Фразеологічний фонд мови включає різноструктурні одиниці, відмінні за семантикою, що перебувають у постійному русі. Хоча традиційно при визначенні поняття *фразеологічна одиниця* (ФО) дослідники співвідносять її зі стійкими, зв'язаними єдністю змісту словосполуками або висловленнями, однак функціонування таких одиниць у загальномовних словниках засвідчує динаміку формального складу ФО, що сприяє появі їхніх структурних, семантичних та компонентних трансформацій.

Таким чином, нез'ясованість теоретичних та практичних проблем української фразеології (особливостей вживання та способів трансформації ФО), мізерна частка досліджень зазначеної проблематики визначають **актуальність**.

Метою статті є аналіз трансформацій ФО та з'ясування особливостей їх вживання. Відповідно до поставленої мети основним **завданням** нашої наукової розвідки є визначення структурно-семантичних шляхів побудови похідних ФО, застосовуючи різні сфери їх вживання.

Трансформація фразеологічного складу української мови є один із найяскравіших способів зображення еволюції ФО. Залежно від ситуації чи контексту автори по-різному вживають їх, видозмінюючи чи залишаючи без зміни структуру і зна-

чення. Це пояснюється тим, що більшість ФО належить до розмовних. Рідше трапляються книжні або просторічні характеристики ФО. Наприклад, „Русско-український словарь” М. Уманця і А. Спілка (1925 р.) подає ФО з додатковою інформацією, однак у ФСУМі (1993 р.) такі реєстрові одиниці подаються без ремарок. Отже, ФО протягом часу стали загальноживаними або стали стилістично нейтральними:

М. Уманць і А. Спілка „Словарь російсько-український” (1925 р.)	ФСУМ (1993 р.)
<i>Шутки въ сторону (іронічне)</i> [Ум, 990].	<i>Без жартів</i> „цілком серйозно, не жартуючи” [ФСУМ 290].
<i>Задирати нись – подымать нось (пренебрежит.)</i> [Ум, 126].	<i>Гнути (задирати) кирпу (ніс)</i> „гордовито триматися, ставати чванливим, гонористим, зазнаватися” [ФСУМ 175].
<i>Надрывать животики – кишки рвати (жартівливе), за боки братися, качатися від сміху</i> [Ум, 472].	<i>Рвати боки (живіт); рвати кишки</i> 1) „дуже сміятися, реготати”; 2) „дуже, у великій мірі сміятися” [ФСУМ 732].

Для введення в контекст ФО без трансформації в структурі часто послуговуються вставними словами і реченнями, допоміжними словами, сполучниками, частками тощо. У словникових статтях М. Уманець і А. Спілка до тлумачного слова подають ілюстративний матеріал – це рядки з пісень, віршів, розповідей, цитати, до складу яких входять ФО. Нині це самостійні ФО, що фіксуються в сучасному „Фразеологічному словнику української мови”:

Реєстрове слово	М. Уманць і А. Спілка „Словарь російсько-український” (1925 р.)	ФСУМ (1993 р.)
Баляси	— <i>Точити всякій баляси і підпускали різні лясси (Кот.)</i> [Ум, 29].	<i>Точити баляси</i> „вести пусті розмови, марнуючи час” [ФСУМ 892].
Баляндряси	— <i>Баляндраси розпускає, буцім то він усе знає</i> [Ум, 29].	<i>Баляндряси розпускати</i> „весело розмовляти, жартувати, розповідаючи про щось незначне, несерйозне” [ФСУМ 893].
Пустощі	— <i>Гляди, щоб мінії пустощів не було (С. Л.)</i> [Ум, 29].	<i>Хай (бодай, щоб) тобі пусто</i> „уживається для вираження недобрих побажань, невдоволення, осуду” [ФСУМ 723].
Очі	— <i>Залив очі</i> чи <i>упився</i> чи <i>напився (С. Аф.)</i> [Ум, 263].	<i>Залити очі</i> „нестримно пиячити, напиватися” [ФСУМ 309].
Макітра	— <i>Прибитий на цвѣту, на макітру (С. Пав.)</i> [Ум, 165].	<i>Мати порожню макітру на плечах</i> „бути розумово обмеженим, діяти нерозумно, несерйозно” [ФСУМ 478].
Нісенітниця	— <i>Нісенітницю плести</i> [Ум, 185].	<i>Нести ахінею</i> „говорити, висловлювати нерозумні, беззмістовні” речі [ФСУМ 548].

У функціонуванні ФО найвиразніше виявляються зображувально-емоційна і зображувально-змалювальна функції. Зображувально-емоційна функція допомагає авторові виявити свої почуття, ставлення до фактів, подій і викликає відповідні емоції у читачів. Зображувально-змалювальна функція ФО сприяє наочності у вираженні думок і почуттів, які майстер слова прагне передати у формі образних уявлень. Особливо часто трапляються ФО в різних авторських відступах, які служать поглибленню теми оповіді, дають можливість заволодіти читацькою увагою.

В історії української фразеології довідкова інформація почала використовуватись укладачами загальнономовних словників ще з XVIII ст, це значно пізніше, ніж інші елементи словникової статті (тлумачення значення ФО, відображення явищ синонімії та варіантності). У словнику до „Енеїди” І. П. Котляревський подає поодинокі позначки, що вказують на експресивно-емоційну характеристику ФО: *Кырну гнуть (говор въ насмѣшку)* у значенні „гордиться” [Котл, 15]; *Живая дѣвка* в значенні „проворная” (*въ дурномъ смыслѣ*) [Котл, 30].

У такий спосіб укладач звертав увагу на ті ФО, які потребували додаткової уваги. Ймовірно, що саме у XVIII ст. експресивно-емоційні ремарки одні з перших почали уводитися І. П. Котляревським до словникових статей. Згодом же позначки на зразок *въ насмѣшку*, *въ дурномъ смыслѣ* перетворилися в спеціальну ремарку **іронічне**. Ця позначка вживається для вираження глузливого-критичного ставлення до особи, прихованої насмішки, зовні замаскованої.

Словник Ф. О. Піскунова (XIX ст.) містить значну кількість ФО, які супроводжується ремаркою **въ насмѣшку**. У ФСУМі до наведених ФО є ремарка **жартівлив**, що вживається для вираження гумористичного ставлення до особи, служить для розваги, викликає сміх, але не ображає. Певна кількість ФО подається в повному контексті, відтак позначка **жартівливо** характеризує не ФО загалом, а лише конкретну ситуацію:

Ф. О. Піскунов „Словник живої Народної, Письменної і Актової мови” (1882 р.)	ФСУМ (1993 р.)
<i>Він сів доли, поневолі в кузю зогнувшись. (въ насмѣшку)</i> <i>В кузю ізгорнути – Свернуть въ бараній рогъ</i> [Піск, 118].	<i>Зігнути у баранячий ріг, жарт.</i> „примусити кого-небудь бути сумирним, покірним” [ФСУМ 334].
<i>Нехай тепер ханьки мне (въ насмѣшку)</i> [Піск, 273].	<i>Ханьки м’яти, жарт.</i> 1) „нічого не робити, гуляти, ледарювати”; 2) „гаяти час, зволікати з чимсь, не квапитися” [ФСУМ 515].
<i>Він ему не в чім не повірить, баки ему заб’є (въ насмѣшку)</i> [Піск, 11].	<i>Забивати баки, жарт.</i> 1) „розмовами, балачками відвертати чинось увагу від когонебудь, заморочувати колову когонебудь”; 2) „не давати когонебудь сказати слова, промовити щось, затуркувати” [ФСУМ 297].

З погляду стилістики трансформація ФО (від лат. – зміна, перетворення) необхідна для того, щоб оновити семантику і структуру ФО, аби не стерся фразеологічний образ. Автори часто вдаються до індивідуально-авторського перетворення ФО, яке відбувається під впливом актуалізації. Від автора вона вимагає такої перебудови семантики і структури, за якої зберігається співвіднесеність з номінативним, вихідним фразеологізмом.

Серед різних видів трансформації ФО частіше вживається атрибутивний, тобто один з компонентів ФО поширюється за рахунок конкретного означення, яке додається до іменника: *Поза очи наговорив* у значенні „про всяку обмову” [А. -Ч, 17]; *П'яте через десяте* в значенні „про недоладне рахуване” [Б. -Н, 57]; *Кажу як перед Богом* у значенні „щира правда” [Ум, 1104].

Становлення українських ФО на основі прислів'їв і приказок можна в деяких випадках назвати творенням лише умовно: часом ідеться про калькування, тобто передачу нових висловів шляхом копіюванням моделей інших мов і наповнення їх елементами української. Чимало їх скальковано із лєсикографічних праць досліджуваного в роботі періоду:

- Випити (гірку) чашу до дна (до краю) [Б. -Н, 67] → Випити (гірку) чашу до дна (до краю) [ФСУМ 97].
- Хома невірний (невірячий) [Верх, 49] → Хома невірний (невірячий) [ФСУМ 934].
- → Залити за шкуру сала [Павл, 80]. → Залити за шкуру сала [Закр, 164]. → Залити за шкуру сала [Б. -Н, 399]. → Залити за шкуру сала [ФСУМ 310].
- Чужими руками жар загібати [Ум, 153]. → Чужими руками жар (вогонь) загібати [ФСУМ 809].
- Горбатого труна → Горбатого могила → Упрямого могила исправять [Б. -Н, 200]. → Могила виправить [ФСУМ 500].

Поряд із поширенням компонентів ФО чи всього її складу, об'єднанням кількох ФО широко відоме скорочення, тобто зменшення числа компонентів (еліпсис) воно наявне і в мові, і в мовленні. У мові скоротилися прислів'я, приказки трансформувались в ФО:

- Ни в тын ни в ворота – Хай ому так икнецьця як собака с тину ввирвецьця [Шейк. 1, 115]. → Винь ни в' сихь, ни вь тихь [Б. -Н, 328]. → Ни в задь, ни в передь, ні сюди, ні туди [Ум, 89]. → Ні туди ні сюди „ні з місця, нікуди” [ФСУМ 903]. та Ні в тин ні (ані) в ворота в значенні „не спроможний, не здатний виконувати свої прями обов'язки” [ФСУМ 882].
- Нехай іому легенько йкнесться, як собаки з'-за тину ввирветься [Б. -Н, 243]. →, а щоб тебе грець побив! [Ум, 22]. → Бодай тебе, мій миленький, ворота прибили! [Гр, 1, 80]. → Бодай вас „уживається для вираження здивування, захоплення” [ФСУМ 43]. та Бий тряся в значенні „уживається при висловленні недоброго кому-небудь або невдоволення, досади з якого приводу, бажання знехтувати чимось” [ФСУМ 901].

Звернемо увагу на те, що різночасові лексикографічні зрізи виразно ілюструють як трансформації у складі ФО, так і їх часову стійкість. Принагідно зауважимо, що зі стійкістю прямо пов'язана відтворюваність, адже „ФО відтворюється в готовому

вигляді тому, що має стійкість на фразеологічному рівні” [4, 110]. Під фразеологічною відтворюваністю розуміємо репродукування готових сполук в одному й тому ж вигляді, а не створення їх під час мовленнєвого акту. Відповідно до цього, розглядаючи ФО в історичному аспекті, потрібно зважати й на те, що вони можуть із часом занепадати, тобто позбуватися здатності відтворюватися:

- *Дурень думкою богатый* [Б. -Н, 126]. → *Дурень думкою багатые* [Верх, 56]. → *Дукаць багатѣть только мысленно* [А. -Ч, 108]. → *Дурень думкою багатіє* [Ум, 105]. → *Багатіти думкою* в значенні „потішати себе намірами, задумами, уявленнями” [ФСУМ 16].
- *Облизня піймати* [Піск, 159]. → *Піймати облизня* [Ум, 752]. → *Спіймати, ловити облизня* в значенні „лишитися без того, що розраховував, сподівався, не отримати нічого, зазнати невдачі в чомусь; відмовити при сватанні, залицянні”; **рідко**. Бути побитим [ФСУМ 849].
- *Гавы ловити* [Б. -Н, 91]. → *Глазѣть на площади* [Б. -Н, 91]. → *Гавѣ ловить* [А. -Ч, 64]. → *Наглазѣться гав* → *Наловити гав* [Ум, 467]. → *Ловити гави, фам.* у значенні „марно витратити час, нічим не займатися, байдикувати” [ФСУМ 444].

Отже, не одне століття пройшло з того часу, коли ФО посіли певне місце в словниковій статті. Неможливо назвати конкретний рік виникнення кожної окремо взятої ФО, бо фразеологічний фонд української мови – це багатовікове надбання мови народу, формування якого відбувається протягом тисячоліть. Кожен проміжок часу залишає в мовленні певну групу ФО, інші в процесі розвитку мови зазнають структурних трансформацій, наповнюються новим значенням, а деякі занепадають. Натомість більшість ФО успішно проходить етап адаптації в мовленні, закріплюючись і набуваючи відповідної форми й змісту.

Література:

1. Авксентьев Л. Г. Семантична структура фразеологічних одиниць сучасної української мови та особливості їх формування / Л. Г. Авксентьев // Мовознавство. – 1987. – №1. – С. 43–46.
2. Білоноженко В. М. Питання тлумачення фразеологічних одиниць / В. М. Білоноженко // Культура слова. – 1984. – Вип. 26. – С. 90–93.
3. Коломієць Л. І. Фразеологічні багатства полемічної літератури кінця XVI – початку XVII ст / Л. І. Коломієць // Питання фразеології східнослов'янських мов. – К. : Наук. думка, 1972. – С. 102–103.
4. Куни А. В. Ассиметрия в сфере фразеологии // Вопросы языкознания. – М. : Наука. – 1988. – №3. – С. 98–107.
5. Пономаренко А. Ю. Фразеологічні одиниці з демінутивним та аугментативним компонентом у сучасній українській мові: Автореф. дис. . канд. філол. наук: 10. 02. 01 / А. Ю. Пономаренко / Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. – К, 2003. – 20 с.
6. Прадід Ю. Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) НАН України, Ін-т української мови / Ю. Ф. Прадід // Відп. ред. О. О. Тараненко. – К. ; Сімферополь, 1997. – 252 с.
7. Скрипник Л. Г. Розвиток полісемії у фразеологічній системі української мови / Л. Г. Скрипник // Мовознавство. – 1973. – № 3. – С. 3–11.
8. Удовиченко Г. М. Словосполучення в сучасній українській мові / Г. М. Удовиченко. – К. : Наукова думка, 1968. – 227 с.
9. Ужченко В. Д. Українська фразеологія / В. Д. Ужченко, Л. Г. Авксентьев. – Харків: Основа при ХДУ, 1990. – 168 с.
10. Юрченко О. С. Формування фразеологічного фонду української літературної мови: кінець XVIII – початок XIX ст / О. С. Юрченко. – Харків: Вища шк, 1984. – 208 с.

Джерела

- А. -Ч.** – А. С. Афанасьев-Чужбинский Словарь малорусского наречия // Афанасьев (Чужбинский) А. С. Собр. соч. : В 9 т. – СПб, 1890-1893. Т. 9. – С. 289-464.
- Б. -Н.** – П. П. Білецький-Носенко Словник української мови / Підгот. до друку В. В. Німчук. – К. : Наук. думка, 1966. – 423 с.
- Верх.** – Ів. Верхратський Знадоба до словаря южнорусского / Написав Иван Верхратский. Т. I. – Львів, 1877. – 88 с.
- Котл.** – І. П. Котляревський Собрание малоросійських слів содержащихся в „Энеиде” // Полное собрание починеній на малоросійском языке. – Кієвъ и Одеса: Изданіе книжныхъ и музыкальных магазинов Болеслава Корейво, 1890. – С. 293-338.
- Павл.** – О. П. Павловський Грамматика малоросійского наречия, – Санкт-Петербург, 1818. Редагує Горбач. Випуск I. – Фотопередрук, – Мюнхен, 1978. – 114 с.
- Піск.** – Ф. Піскунов Словник живої Народної, Письменної і Актової мови Руських Югівшанъ Російської і Австрійсько-Венгерської Цесарії. – К, 1882. – 307 с.
- Ум.** – М. Уманець і А. Спілка. Словарь російсько-український / Зібр. і впорядк. М. Уманець і А. Спілка. – Берлін: Державне вид-во України, 1925. – 1149 с.
- ФСУМ** – Фразеологічний словник української мови: У 2 кн. – К. : Наукова думка, 1993. – Кн. 1-2.
- Шейк.** – К. Шейковський Опыт южнорусского словаря. – Кієвъ, въ типографіи И. и А. Давиденко, 1861. – 224 с, Том V: Т-Ю. – Москва, 1883. – 140 с.

Использование фразеологических единиц и их трансформация (на материале общезыковых словарей кон. XVI – нач. XX вв.) // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 509–514.

Статья посвящена трансформации фразеологическому составу украинского языка. Исследования основываются на обработке украинских фразеологических единицах и их структурно-семантических модификаций. В статье также проанализировано компонентный состав и семантические трансформации в структуре фразеологических единиц (далее ФЕ).

Ключевые слова: фразеологическая единица, семантические трансформации, компонентный состав, структурно-семантические модификации.

The use of phraseological units and their transformation (based on general language dictionaries late XVI – early XX centuries.) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 509–514.

The article is sanctified to transformation of phraseology composition of Ukrainian. Research is based on consideration of Ukrainian phraseology units and them structure of value modifications. In-process certain attention is spared to the analysis of component composition and semantic transformations of phraseology units (PU).

Partial transformation of semantics of phraseology unit consists in that depending on a context on the first plan comes forward both direct or portable, value, thus prevails one of them in a concrete context. Complete semantic transformation of phraseology unit is possible at terms, when in a language there is free combination of words, which phraseological unit appeared from.

There is a row of receptions of transformation of phraseology units. Semantic transformations contain two varieties – with intentional obigruvannyam of direct lexical value of separate components of phraseological units and collision or contrasting of free and phraseology values in combination of words or suggestion.

Next to distribution of components of phraseology unit or all its composition, obednannyam of a few phraseological units well-known reduction, that diminishing of number of components (elipsis). It is present and in a language, and in broadcasting. Prisliv□ya grew in a language short, saying and other phraseology units.

Key words: phraseology unit, semantic transformations, component composition, structure of value modifications.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 111. 26

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОДАЛЬНОГО ГЛАГОЛА *WILL* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Гарашова Е.

Бакинский государственный университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com

Глагол *will* относится к ряду модальных глаголов, однако этот глагол занимает важное место еще и потому, что при сравнении с другими модальными глаголами не обладает самостоятельным лексическим значением. Глагол *will* передает оттенки пожелания, категоричности, цели, неуступчивости. Модальный глагол *will* употребляется с основными глаголами. Модальный глагол *will* употребляется с глаголом *he*. Модальный глагол *will* употребляется с глаголом *have*.

Ключевые слова: модальный глагол, основная функция, характеристика, вспомогательный глагол, основной глагол, выражение желания

Постановка проблемы. Глагол *will* (так же, как и глагол *shall*) является вспомогательным глаголом будущего времени. В современном английском языке это его основная функция. Этимология глагола *will* восходит к древнеанглийскому глаголу *willan*, выражавшему волю, желание, цель. В современном английском языке глагол *will* продолжает сохранять эти смысловые оттенки.

Глагол *will* внесен в основной ряд модальных глаголов. Многие ученые отмечают, что если отнести глагол *will* к модальным глаголам, то в этот ряд также следовало бы добавить и другие глаголы, выражающие желание, такие как *want*, *wish*, *desire*. Однако следует отметить, что в современном английском языке глагол *will* не является полнозначным глаголом, и используется в речи в иных формах, чем вышеперечисленные глаголы. Если полнозначные глаголы, выражающие желание, характеризуют субъект, то глагол *will* характеризует не признак или особенность субъекта действия, а лишь добавляет оттенок желательности к действию, выраженному инфинитивом. Кроме этого, следует отметить, что глагол *will* способен также выражать оттенки вероятности, например:

1. *I think it will be a great concert of the year* [1, 240]. – «Я думаю, что это будет самый большой концерт года»,

2. *In my opinion it will be the main part of that struggle* [2, 185]. – «По моему мнению, это будет главной частью данного сражения».

3. *I suppose this will be the last ball of the season* [3, 44]. – «Я предполагаю, что это может быть последним голом этого сезона».

4. *It's very likely it will be troublesome* [4, 29]. – «Очень вероятно, что это будет неприятная работа».

Важно отметить также принятие глаголом *will* формы, характерной для системы модальных глаголов. Речь идет о двух формах глагола *will* в качестве модального глагола – в настоящем времени *will* и в прошедшем времени *would* И. П. Крылова

и Ю. М. Гордон пишут, что существует два правила использования глагола *would*: 1) для выражения актуального факта в прошлом и 2) для выражения нереального в настоящем времени или же как смягченная и вежливая форма глагола *will* [5, 61]. Эти ученые, сравнивая глаголы *will* и *would* с глаголами *shall* и *should*, отмечают, что в современном английском языке *shall* и *should* выступают как независимые глаголы, в то время как *will* и *would* чаще всего используются параллельно, а их первоначальное значение это волевой акт. Наряду с параллельным значением с глаголом *would*, глагол *will* обозначает также актуальное действие, происходившее в прошлом, а глагол *would*, кроме параллельного значения с глаголом *will*, обозначает нереальное действие, совершаемое в настоящем, и употребляется как более мягкая и вежливая форма глагола *will* [5, 61] среди азербайджанских лингвистов И. Рагимов и Ф. Идаятзаде принимают эти два глагола как один глагол – *will* и указывают на выражение им таких смысловых оттенков, как намерение, просьбу, желание и обещание [6, 166]. Здесь же они отмечают, что глаголы *will* и *would* используются для придания вежливой формы в вопросительных предложениях. Другой азербайджанский лингвист Ф. Джахангиров указывает на некоторые случаи использования глагола *will*:

Г) модальный глагол *will* используется с основными глаголами.

1) модальный глагол *will* используется с глаголом *be*.

2) модальный глагол *will* используется с глаголом *have* [9, 185-186].

Согласно Ф. Джахангирову, в современном английском языке " *would* более употребителен по сравнению с глаголом *will*. Глагол *would* может употребляться в речи как отдельно, так и с основным глаголом, как в сочетании с модальными словами, так и с другими модальными глаголами [9, 185].

Все это сближает глагол *will* с модальными глаголами и дает возможность поставить его в один ряд с ними.

1. Глагол *will (would)*, употребляясь во всех личных формах, характеризует выполнение действия в желаемой или добровольной форме. Однако это значение, более ярко выражено в форме 1 лица.

1. *Will write to my uncle and tell him I am alive and going to be married* [8, 103]. – «Напишу своему дяде и скажу ему, что я жив и собираюсь жениться».

2. *Will keep post of my teacher till you find someone to take my place* [8, 133]. – «Пока ты ищешь кого-нибудь на мое место, я сохраню за собой преподавательскую должность».

3. *It would be my advice to persons situated in this way* [1, 95]. – «Таким будет мой совет тем, кто находится на этом пути».

4. *Will you wait a minute while I look through the manuscript?* [1, 215]. – «Ты можешь подождать минуту, пока я просмотрю рукопись?».

5. *Will only remark that at the end of a week there was plenty of evidence* [4, 281]. – «Только в конце недели отмечу имеющиеся там многочисленные доказательства».

6. *If he could have known that he was an orphan, left to the tender mercies of churchwardens and overseers, perhaps he would have cried the louder* [4, 29]. – «Если бы он знал, что был сиротой, оставленным на милосердное попечение церковнослужителей и надзирателей, возможно он закричал бы еще громче».

7. *Will tell you what it is* [3, 95]. – «Расскажу Вам, каково это».

8. *If it had been a girl, I would have called it after my mother* [9, 147]. – «Если бы это была девочка, то я назвал бы ее в честь своей матери».

9. *I'm afraid — if you will excuse me — I must join my wife* [3, 52]. – «С Вашего разрешения – если Вы извините меня – я должен присоединиться к своей жене».

10. *Will you go out on the terrace and look at the sunset?* [9, 20]. – «Не хочешь ли выйти на террасу и посмотреть на закат?».

В этих примерах *will* (indicative) и *would* (subjunctive) придают действию оттенки желательности и добровольности.

Долженствовательная форма *would* может употребляться для выражения обращения и просьбы:

1. *I need your help — would you come to us?* [1, 88]. – «Мне нужна Ваша помощь — Вы не могли бы приехать к нам».

2. *Would you bring me one of those beautiful flowers?* [2, 55]. – «Вы не могли бы принести мне один из тех красивых цветов?».

3. *Arthur, would you mind seeing if Mrs. Erlynne's carriage has come back?* [9, 149]. – «**Артур, Вы не могли бы посмотреть, возвратился ли экипаж госпожи Эрлин?**».

4. *Want a photograph of you, — would you give me one?* [9, 134]. – «Нужна твоя фотография, — ты не мог бы дать мне одну?».

Глагол *will* также используется в форме сказуемого:

1. *Will you ask them to let us go, sir?* [8, 45]. – «Сэр, Вы не могли бы попросить их, чтобы они позволили нам идти?».

2. *Will you write a letter to my mother?* [8, 68]. – «Вы не могли бы написать письмо моей матери?».

3. *Will you ask them to call our carriage, please?* [9, 81]. – «Пожалуйста, Вы не могли бы попросить их, чтобы они вызвали нашу карету?».

4. *Will you go and look over the photograph album that I see there* [9, 18]. – «Вы не могли бы прийти и просмотреть фотоальбом, который я видел там?».

II. В соответствующем контексте, т. е. в определенном смысловом содержании и соответствующем интонационном оттенке глагол *will* может выражать цель и категоричность:

1. *I will prove to you that my love has grown* [1, 132]. – «Я докажу тебе, что моя любовь усовершенствована».

2. *I will tell you what you want to know* [1, 168]. – «Я скажу тебе, что ты хочешь знать».

3. – *But if you wish to avoid a public scandal, write at once to this woman and tell her that I forbid her to come here.*

-I will not -I cannot, — she must come [3, 39]. – «Но если Вы желаете избежать общественного скандала, напишите сразу этой женщине и скажите ей, что я запрещаю ей приезжать сюда.

- Я не буду – я не могу, – она должна приехать».

4. *No, no! I will go back\ let Arthur do with me what he pleases* [9, 88]. – Нет, нет! Я вернусь, пусть Артур делает со мной все, что захочет.

5. *But I told him I wouldn't give him answer till tomorrow* [9, 75]. — «Однако я сказал ему, что не дам ему ответа до завтра».

III. Глагол *would*, являясь формой сказуемого, для выражения повторяющегося действия в прошлом выступает в форме вспомогательного глагола. Выражение глагола *would*, в этой форме носит очень часто книжный характер.

Выводы. Кроме представленных образцов, возможно употребление глагола *will (would)* и в ряде других случаев. Однако такое употребление этого глагола не считается основным и не нашло широкого распространения.

Литература:

1. Oscar Wilde. Selections. Vol. I. Moscow. Progress publishers, 1979, 392 p.
2. Mark Twain. "A Connecticut Yankee in King Arthur Court", 185 p.
3. O. Wilde. J. W. I. F. 1970, 44 p.
4. Charles Dickens. "The Adventures Oliver Twinst", M, 1953, p. 29
5. Гордон Е. М. Модальность в современном английском языке / Гордон Е. М, Крылова И. П. – М, 1968. -135 с.
6. Rəhimov İ. İngilis dilinin praktik grammatikası / Rəhimov İ, Hidayətzadə T. – Bakı: 196. – 314 s.
7. Cahangirov F. F. İngilis dilində perfect zamanlar sistemi vs o nun Azərbaycan dilində ifadəsi / Cahangirov F. F. – Bakı, 2000. – 125 s.
8. Charlotte Bronte. "Jane Eyre", 1990. – 105 p.
9. Ibid. 240 p.

Гарашова Е. Граматичні особливості модального дієслова Will в англійській мові / Е. Гарашова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 515–518.

Дієслово *will* відноситься до ряду модальних дієслів, однак це дієслово займає важливе місце ще й тому, що при порівнянні з іншими модальними дієсловами не володіє самостійним лексичним значенням. Дієслово *will* передає відтінки побажання, категоричності, цілі, непоступливості. 1) модальний дієслово *will* вживається з основними дієсловами. 2) модальний дієслово *will* вживається з дієсловом *he*. 3) модальний дієслово *will* вживається з дієсловом *have*.

Ключові слова: модальне дієслово, основна функція, характеристика, допоміжне дієслово, основний дієслово, вираз бажання

Garashova E. Grammatical features Will modal verb in the English language / E. Garashova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 515–518.

The verb *will* concerns a number of modal verbs, however this verb takes the important place also because at comparison with other modal verbs does not possess independent lexical value. The verb *will* transfers shades of a wish, a categoriality, the purpose, obstinacy.

The modal verb *will* is used with the basic verbs.

The modal verb *will* is used with a verb *be*.

The modal verb *will* is used with a verb *have*.

Keywords; modal verb, the main function, characteristics, auxiliary verb, main verb, expression of desire

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОПЕРЕХОДА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Глуховская Н. А.

*Колледж Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
E-mail: ata423@mail.ru*

В статье рассматривается материал об особенностях взаимоперехода самостоятельных частей в украинском языке на основании примеров из «Словаря украинского языка» с учетом классификации и выяснения стилистической загроуженности исследуемых частей речи.

Во время исследования обнаружено, что чаще всего в этой группе наблюдается переход прилагательных в существительные и причастий в прилагательные. Относительно меньше в «Словаре украинского языка» зафиксировано фактов перехода местоимений в наречия, существительных в прилагательное и местоимение, а также наречия в числитель и местоимения в прилагательное.

Ключевые слова: явление переходности, взаимопереходность, самостоятельные части речи.

Постановка проблеми. Питання поділу слів на частини мови має давню й суперечливу історію. Відомі мовознавці запропонували різноманітні підходи до принципів виділення частин мови, але найцікавіші ідеї висловили О. О. Потебня, Л. В. Щерба та В. В. Виноградов. До сьогодні ще вчені не прийшли до єдиної думки з приводу критеріїв виділення частин мови, тому в сучасному мовознавстві питання про класифікацію частин мов залишається відкритим. Найбільш продуктивним та універсальним вважається підхід до частин мови як до лексико-граматичних розрядів слів з урахуванням їх синтаксичної ролі. Частини мови як класи слів виразно відображають, складну взаємодію лексики і граматики. Постійна спрямованість граматики на лексику, яка, з одного боку, свідчить про семантичне підґрунтя формування граматики на лексику, яка, з другого боку, розкриває закономірності граматики спеціалізації кожного слова, уможливує функціонування мови і її взаємопов'язаних ярусів у процесі мовленнєвої реалізації. Під час переходу слово змінює властиве йому лексичне значення, морфологічні властивості та синтаксичні характеристики, тобто все, що характеризувало слово, коли воно належало до однієї частини мови, зникає, і слово набуває нового лексичного значення і граматики властивостей, що призводить до появи нового слова [1, 45].

У лінгвістичній літературі поширена не цілком обґрунтована думка, що в процесі переходу однієї частини мови в іншу форма слова залишається незмінною. Але при цьому переході відбуваються глибокі внутрішні зміни як змісту, так і форми слова. Саме тому одним із важливих завдань морфології є з'ясування живих способів переходу з одного лексико-граматичного класу слів у інший. Адже ж з цими переходами органічно пов'язані зміни і в межах словозміни, і в сфері словотворення [2, 310].

Як уже зазначено, морфолого-синтаксичний спосіб словотворення полягає в переході слів або словоформ з однієї частини мови в іншу.

У похідних словах, що утворюються морфолого-синтаксичним способом, формантом виступає конверсія (від латинського «перетворення») слово переходить з однієї частини мови в іншу, при цьому змінює своє лексичне значення і водночас починає виконувати інші синтаксичні функції, а також набуває нових морфологічних властивостей.

Загально визнаними є такі різновиди морфолого-синтаксичного способу: субстантивізація; ад'єктивізація; прономіналізація; нумералізація; адвербіалізація; препозиціоналізація; кон'юнкціоналізація; партикуляція; інтер'єктивізація.

При морфолого-синтаксичному словотворі похідне слово зовсім нічим не відрізняється від мотивуючого, але дістає нове значення, семантику, починає виконувати інші синтаксичні функції, а також набуває нових морфологічних властивостей. Цей спосіб охоплює похідні, які виникають унаслідок переходу слів або словоформ з однієї частини мови до іншої.

Однак ще недостатньо досліджені факти переходу слів серед повнозначних частин мови, що й зумовлює **актуальність** обраної теми. **Мета** роботи – на основі картотеки, укладеної методом суцільної вибірки із «Словника української мови» в 11 томах (2500 мовних фактів), виявити взаємоперехід серед повнозначних частин типових моделей морфолого-синтаксичного способу словотворення. Досягнення поставленої мети передбачає розв'язання таких **завдань**: описати взаємоперехід серед повнозначних частин мови.

Методологічною основою статті є науково-критичні статті та наукові розвідки таких дослідників, як В. В. Виноградов, В. В. Бабайцева, В. С. Ващенко, Г. М. Гнатюк, Й. О. Дзензелівський, Ю. О. Карпенко, О. П. Кушлик, Л. М. Мацько, І. Кучеренко, Г. М. Мукан, В. Ф. Сич.

Основним **методом** статті є описовий, за допомогою якого виділено, почленовано й покласифіковано явища перехідності. Використано також прийоми класифікації та систематизації, а також компонентний і кількісний аналіз.

Аналіз мовних фактів, вилучених зі «Словника української мови» в 11 томах, підтверджує висновки дослідників про те, що найбільше перехідних явищ спостерігається у сфері повнозначних частин мови. У процесі взаємопереходу однієї частини мови в іншу відбуваються глибокі внутрішні зміни як змісту, так і форми слова.

Мовних фактів взаємопереходу серед повнозначних частин мови є найбільше з усіх інших (2285). Тут зафіксовано такі явища переходу: дієприкметника в прикметник (1349); прикметника в іменник (724); іменника в прислівник (106); дієприкметника в іменник (76); прислівника в іменник [9]; займенника в прислівник [3]; числівника в іменник [6]; іменника в займенник та прикметник [2]; займенника в іменник [7]; займенника в прикметник [1]; прислівника в числівник [2].

Дієприкметники можуть переходити в прикметники. У процесі переходу дієприкметники втрачають свої дієслівні ознаки: категорію виду, стану, часу, синтаксичну властивість керування залежними словами, виражають ознаки предмета і набувають ознак прикметника: синтаксичні категорії роду, числа, відмінка. Вони

виражають постійну ознаку, не мають при собі залежних слів, а навпаки, самі залежать від іменників. В українській мові дуже обмежене вживання активних дієприкметників. Ці форми тут переважно нейтральні і характерні майже для всіх стилів української мови, крім конфесійного. Такі слова набувають конотації інформативності, офіційності, розмовності. Активні дієприкметники на *-уч, -юч* утворюються нерегулярно і мають тенденцію переходити в прикметники: *везучий* та інші. Активні дієприкметники теперішнього часу в сучасній українській літературній мові маловживані, хоча у художніх творах зустрічаються. В усному мовленні активні дієприкметники майже не вживаються, вони властиві писемній мові. Активних дієприкметників на *-ший, -вший* в українській мові майже немає. Вони вийшли з ужитку і утворюються як виняток (*перемігший*). Іноді вживаються поодинокі слова: *перемігший, здолавший, спалахнувший, заснувший*. Такі дієприкметники замінюються природнішими для української мови підрядними реченнями: *перемігший* – той, що переміг; *заснувший* – той, що заснув та ін [3, 213]. Це дає підставу стверджувати, що тепер українська мова майже зовсім утратила активні дієприкметники.

У «СУМ» зафіксовано перехід у прикметники 1349 дієприкметників. Серед них є як активні, так і пасивні дієприкметники. Будучи носіями прикметникових ознак, вони субстантивуються аналогічно до прикметників.

Пор. : *Він їде вчитися, їде виконувати нові завдання, загартований і **випробуваний** війною офіцер Збройних Сил Радянського Союзу* (дієприкметник **випробуваний** означає завершений стан, є означенням) – **Випробувані** нові принципи (прикметник **випробувані** утратив дієслівні ознаки: означає завершену дію, не має залежних слів); *Насіння **доспіле** на пні, важке, жирне, мов волоський горі* (дієприкметник **доспіле** означає завершений процес, є означенням і керує залежним словом) – *Втягла в ніс присмний запах **доспілих** яблук* (прикметник **доспілих** утратив дієслівні ознаки: виражає статичну ознаку предмета, не має залежних слів).

Перехід прикметників в іменники дуже яскравий і поширений у сучасному мовленні. В основі процесу переходу прикметників в іменники лежить «опредмечення» ознаки. Зберігаючи свою форму, прикметник набуває ознак іменника і виражає предметність. Такі форми властиві науковій сфері, зокрема ботаніці та зоології. Ці форми характерні переважно для наукового і розмовного стилю. У контексті такі слова найчастіше набувають конотації інформативності, у деякій мірі офіційності, мають знижене стилістичне забарвлення. У реченні субстантивовані прикметники виконують ті ж самі синтаксичні функції, що й іменники, часто мають біля себе залежні слова, насамперед означення. Чимала кількість субстантивованих прикметникових назв вийшла з активного вжитку, стала історизмами [4, 234 – 235]. Субстантивовані прикметники – назви загальні і назви власні – зберігають прикметниковий тип відмінювання (за винятком прізвищ і географічних назв, що мають форму коротких присвійних прикметників чоловічого роду).

У «СУМ» зафіксовано перехід в іменники 724 прикметників, які за семантикою можна поділити на такі групи: відношення до дії (*дратівне, наказаний*), відношення до приміщення (*гардеробна, душова*), ознака людини за фізичним та психічним станом, за характером та зовнішністю (*нетрудящий, несміливий*), ботанічна

термінолексика (*гарбузовий, звездиковий*), відношення до абстрактних явищ (*уявний, намріяний*), зоологічна термінологія (*мурашковий, метеликовий*), відношення до предметів (*горбатий, горновий*) та інші групи.

Пор. : ***Пасажирський*** багаж був загублений (прикметник ***пасажи́рський*** має значення «належний пасажирові», є означенням і може змінюватися за родами) – Незабаром пройде ***пасажи́рський***, а після нього прибуде *товарний* (синтаксичний іменник ***пасажи́рський*** означає «поїзд, що перевозить пасажирів», є підметом і зживається тільки у формі чоловічого роду).

Перехід іменників у прислівники відбувається внаслідок послаблення або втра-ти предметного значення слова в певних контекстуальних обставинах його функціонування. Разом з цим послаблюються і втрачають свою силу граматичні ознаки іменника. Іменник, виступаючи в ролі прислівника, набуває його ознак та функцій і стає невідмінюваною категорією. Такі форми в цьому разі є стилістично маркованими і характерні для розмовного, художнього та публіцистичного стилів. У контексті такі слова найчастіше набувають конотації розмовності, фамільярності, іронічності. Переходять у прислівники саме форми орудного відмінка і виконують у реченні функцію порівняльної обставини способу дії. У «СУМ» зафіксовано перехід у прислівники 106 іменників.

Пор. : *Сонце тільки-но сховалося за будівлями міської ***околиці**** (іменник ***околиці*** означає «віддалена від центру частина населеного пункту», у реченні виконує функцію неузгодженого означення) – *Сердюки теж встряли в розмову, намагаючись ***околицею*** вивідати в земляках, чи є змога чабанам утаювати від прикажчиків ягнят* (прислівник ***околицею*** означає «обхідним шляхом, манівцями», у реченні виступає обставиною способу дії).

Перехід дієприкметників в іменники. При переході субстантивовані дієприкметники набувають іменникового категоріального значення предметності. При цьому дієслівна семантика не руйнується в дієприкметнику, перетворюючись на предметну, а навпаки, збагачується за рахунок останньої. У той час як віддієслівні іменники виражають дію абстраговано від діяча, субстантивовані дієприкметники вказують на діяча, позначеного дією, віднесеною до нього (праця – працюючий). Ці форми загалом нейтральні і характерні для офіційно-ділового, публіцистичного, частково для наукового стилю. Слова набувають конотації інформативності, офіційності, у деякій мірі урочистості. Можуть давати як позитивну, так і негативну оцінку.

Переважає більшість вербалізованих іменників залишається на етапі синтаксичного уподібнення до дієслів, тобто синтаксичними словами. І лише ті вербалізовані іменники, які означають людей за професією, видом занять, уподобаннями, соціальним становищем тощо, зазнають морфологічного завершення їхнього переходу в дієслово з допомогою суфіксів *-ува-* та *-и-* [5, 291]. У «СУМ» зафіксовано перехід в іменники 76 дієприкметників, їх можна поділити на такі групи: активні теперішнього часу (*тонучий, рекомендуючий*), активні минулого часу (*умерлий, загиблий*), пасивні теперішнього часу (*допитуваний, обвинувачуваний*), пасивні минулого часу (*досягнутий, завербований*), пасивні минулого часу в значенні теперішнього (*знаний*).

Пор. : Допитаний мною Дибченко зізнався (дієприкметник допитаний означає завершену дію, є означенням) – Допитаних переводили з іншого в інший підвал (іменник допитаних означає особу, у реченні виступає в ролі прямого додатка).

Значно менше фактів переходу прислівників в іменники (такі форми нейтральні і характерні для художнього, розмовного та публіцистичного стилів. У контексті такі слова найчастіше набувають оцінного стилістичного забарвлення. У реченні такі іменники виконують функцію додатка, підмета й обставини. Пор. : , а ти, Степане, ляжеш спати, бо завтра рано треба встати да коня сідлати (прислівник завтра означає «наступного дня», є обставиною часу) – Сьогодні сиву шапку набакир зверне, помолодикує: на завтра – чорну смушеву (синтаксичний іменник завтра має значення «другий день», є обставиною часу, разом з прийменником не стоїть у позиції З. в.); числівника в іменник (при переході числівники можуть втрачати конкретне кількісне значення і виступати у функції іменника. Числівники можуть втрачати конкретне кількісне значення, подавати абстраговану назву предмета і таким чином виступати в функції іменника. Такі форми нейтральні і характерні для всіх стилів української мови. Конотація інформативності. Пор. : Чоловік умер, двоє діток мені покинув, два сини (числівник двоє означає збірність, у реченні виконує функцію прямого додатка) – Вже можна було розібрати, що там сиділо четверо – двоє на веслах, а двоє – один проти одного (іменник двоє означає «певна кількість осіб», у реченні виконує роль підмета); займенника в іменник (прономіналізовані іменники втрачають конкретне іменникове значення і набувають загального, неозначеного або вказівного змісту [4, 277 – 278]). При такому переході іменники конкретної назви предмета не містять і вказують на певні предмети лише в конкретній ситуації. Пор. : Він нам говорив про царство божє, де ...люди уже не женяться й не віддаються, де кожна жінка нічия (займенник нічий означає «який нікому не належний», виконує функцію іменної частини складеного присудка) – Потім грав я з татом в шашки. Як зіграли? Нічия? (іменник нічия означає «ніким не виграна партія», виконує функцію головного члена односкладного речення).

Непродуктивними є перехід займенника в прислівник (при цьому займенники набувають ознак прислівника. Це форми художнього та розмовного стилю. Конотація розмовності, фамільярності. При переході прислівники у структурі речення виконують типову прислівниково-синтаксичну функцію придієслівного некерowanego другорядного члена речення або детермінантного другорядного члена речення і семантико-синтаксичну функцію обставини. Проте певними синтаксичними особливостями деякі займенникові прислівники істотно відрізняються від власне прислівників. Ці особливості виявляються в тому, що окремі займенникові прислівники служать засобом зв'язку висловлювань у тексті, а інші – транспозитором, що переводить речення в прислівникову формально-синтаксичну позицію і надає йому обставинної семантико-синтаксичної функції [5, 195]. Пор. : Я хотів би дати не будь-що, а таку річ, яка справді виправдала б постанову редакції (займенник будь-що у значенні неозначеності, виконує роль прямого додатка) – Василько будь-що заповзвся наловити йому на юшку бубирів (прислівник будь-що означає «у будь-якому разі», виступає в ролі обставини міри); прислівника в числівник (такий перехід частин мови не є поширеним. При такому переході числівники викону-

ють функцію додатка і стоять у 3. в. Пор. : *Учені люди...**немало** попрацювали над виучуванням старих мов* (прислівник **немало** означає «багато», виконує функцію обставини міри) – *За своє літування у полонині зазнав Іван **немало** пригод* (числівник **немало** означає «точно не визначена велика кількість», виконує функцію частини непрямого додатка); займенника в прикметник (у «Словнику української мови» зафіксований лише 1 випадок переходу займенника в прикметник. Цей перехід уживається в заперечних реченнях для вираження повного заперечення. Пор. : ***Ніякий** чоловік з гріхом не розминеться, – і в селах так, і в городах* (займенник **ніякий** означає «як заперечення», виконує функцію узгодженого означення) – *На дядькові гроші в семінарії вчився, рибалка з нього був **ніякий*** (прикметник **ніякий** – у значенні «поганий, нічого не вартий», виконує функцію іменної частини складеного присудка); іменників у займенник та прикметник (у словнику зафіксовано лише 2 факти переходу іменників у займенник та прикметник. Абстрагування іменників та разом з тим втрата ними значення предметності викликає перехід їх до критерії займенників. У таких іменників виявляються займенникові особливості. Ці іменники можуть набувати функцій дуже загальних, займенникових, без конкретного предметного значення. Відмінкові форми не можуть залежати від опорного іменника і через те трансформуються в інші відмінкові засоби, які стоять ближче до ад'єктива. Зокрема, у граматичній структурі сучасної української літературної мови називний і знахідний відмінки не можуть підпорядковуватися опорному іменникові і тому безпосередньо або опосередковано трансформуються у родовий відмінок. Пор. : *Я чую, як серце...б'ється, як кожна **кровинка** тремтить* (іменник **кровинка** – у значенні «крапелька крові», виконує роль підмета) – *Це ж народиться дитина... от і доглядай свою **кровинку*** (займенник **кровинку** означає «рідна дитина», виконує роль прямого додатка).

Висновки. У ході дослідження виявлено, що найчастіше в цій групі спостерігається перехід прикметників в іменники та діеприкметників у прикметники. Відносно менше у «Словнику української мови» зафіксовано фактів переходу займенників у прислівники, іменників у прикметник і займенник, а також прислівника в числівник і займенника в прикметник. Ці частини мови поєднують у собі слова досить обмеженої кількості, вони – замкнені групи слів, які майже не зазнають змін у своєму складі протягом тривалих періодів розвитку. Але й тут виявляються результати їхнього взаємозв'язку з іншими частинами мови та разом з тим і взаємопереходи. Загалом такі форми стилістично марковані в художньому та розмовному стилі, а частина таких форм стилістично нейтральна і вживається в усіх стилях української мови. Ця категорія перехідності є найчисельнішою (2285 карток).

Перспектива роботи. Перспективним є розробка укладання Граматичного словника української мови з детальним описом явищ перехідності зі стилістичним коментарем.

Література:

1. Кушлик О. П. Комплексне визначення частиномовного статусу «перехідних» одиниць / О. П. Кулик // Мовознавство. – 1997. – № 4 – 5. – с. 45 – 49. – ISBN 956-765-874-6

2. Сучасна українська літературна мова/ За ред. М. Я. Плющ. – К, 1994. – 432 с. – ISBN 978-611-01-0187-5
3. Горпинич В. О. Морфологія української мови: Підручник / В. О. Горпинич. – К. : Видавничий центр «Академія», 2004. – 335 с. – ISBN 966-580-173-2
4. Сучасна українська літературна мова. Морфологія / За ред. І. К. Білодіда. – К. : Наукова думка, 1969. – 588 с.
5. Теоретична морфологія української мови: Академ. граматика укр. мови / І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська. – К. : Пульсари, 2004. – 400 с. – ISBN 966- 7671-60-7
6. Словник української мови: в 11 т. – К. : Наукова думка, 1970 – 1980.

Глуховська Н. А. Особливості взаємопереходу повнозначних частин в українській мові / Н. А. Глуховська // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 519–525.

У статті розглядається матеріал про особливості взаємопереходу повнозначних частин в українській мові на основі прикладів зі «Словника української мови» з урахуванням класифікації та з'ясуванням стилістичної навантаженості досліджуваних частин мови.

У ході дослідження виявлено, що найчастіше в цій групі спостерігається перехід прикметників в іменники та дієприкметників у прикметники. Відносно менше у «Словнику української мови» зафіксовано фактів переходу займенників у прислівники, іменників у прикметник і займенник, а також прислівника в числівник і займенника в прикметник.

Ключові слова: явища перехідності, взаємоперехід, повнозначні частини мови.

Glukhovska N. The transitional phenomenon of the system of parts of speech / N. Glukhovska // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 519–525.

The material concerning transitional phenomenon of Ukrainian language is researched in this article. It is based on examples from a «Dictionary of Ukrainian language» with the taking into consideration classification and realizing of stylistically and stylistic meaning of the parts of speech which are analyzed.

The question of the division of words into parts of speech has a long and highly controversial history. Famous linguists have proposed various approaches to the principles of division of parts of speech, but interesting ideas were expressed by A. Potebnia, L. Sheherba and V. Vinogradov. As the most productive and versatile approach is considered an approach to the parts of speech as to both lexical and grammatical classes of words according to their syntactic role.

Among the notional parts of speech such transitions as transition of adverbial participles into adjectives, adjectives into nouns, nouns into adverbs, verbal participles into nouns, adverbs into nouns, pronouns in adverbs, numerals into nouns, nouns into pronouns and adjectives, pronouns into nouns, pronouns, adjectives, adverbs into numerals were studied.

During the research it was found that the most frequent in this group there is a transition of adjectives into nouns and adjectives into participles. Relatively seldom in the "Dictionary of the Ukrainian language" is recorded the fact of transition of pronouns into adverbs, nouns and pronouns into adjectives and adverbs into numerals, adjectives into pronouns.

It was found that the Ukrainian language has almost lost active participles during their transition into adjectives. As for transition of adjectives into nouns, was found out that most of such facts semantically connected with the physiological state of a person, with character and appearance in the zoological and botanical terminology.

Key words: transitional phenomenon, mutual transition, notional parts of speech.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 111'373. 2

ФИРМОНИМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Вовк Н. А.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского

В данной статье автор рассматривает фирмонимы английского языка в лексикографическом аспекте. Следует отметить, что в недостаточной степени проанализирована репрезентация фирмонимов в лингвострановедческих изданиях, хотя количество названий коммерческих предприятий в них составителями увеличивается. Для иллюстрации используется англоязычный фактический материал.

Ключевые слова: фирмоним, эргоним, оним, гипероним, лингвострановедческое издание

Постановка проблемы. В отношении анализа конкретных видов ИС можно сказать, что исследователями в недостаточной степени изучены названия коммерческих организаций, которые представляют собой многочисленный класс имен собственных.

Изложение основного материала. В языкознании делались попытки выделить и обозначить союзы людей по тем или иным интересам. В ходе анализа теоретического материала были выявлены две тенденции: упоминание о наличии данного разряда ИС в языке и выделение данного разряда ИС с помощью того или иного термина. В отношении первого аспекта можно сказать, что в ряде работ авторы либо использовали словосочетание-гипероним «имя собственное», либо давали таким явлениям описательные формулировки типа: «названия учреждений, партий, обществ, коллективов» [1, 474], «названия движений, направлений» [1, 475], и т. д.

Вторая тенденция касается, как уже упоминалось, наличия терминов. Одним из них является термин «эргоним», который определяется как «разряд онимов, собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [2, 151]. Как видно из определения, в данном случае, с одной стороны, собраны разнородные объединения без учета их специфики и направленности работы. С другой стороны, основным критерием отбора в данную группу слов является деятельность. Использование данного признака не позволяет очертить четких границ данного класса онимов. Тем не менее, данный термин широко употребляется, например, при описании медицинских организаций: «медицинские учреждения (эргонимы) имеют наименования, вербальные модели (лингвограммы) которых отражают культурную жизнь страны в разные эпохи» [3, 66].

Помимо термина эргоним наименования союзов людей по тем или иным интересам, включая и названия коммерческих организаций, включены А. В. Суперанской в категорию прагматонимов. По определению, это товарные знаки и знаки об-

служивания, которые составляют отдельный сектор имен собственных, тесно связанных с практической деятельностью человека. Это, как правило, вторичные искусственные образования, в которых давно известные слова (имена нарицательные и собственные) используются не в своем прямом значении и соседствуют со специально придуманными подобиями слов [4, 55-56].

Автор статьи указывает, что знаки обслуживания по своему назначению и функциям близки к названиям деловых объединений людей – эргонимам. Согласно объяснениям автора, пока люди занимаются производством ради производства или удовлетворения собственных потребностей, название организованного ими предприятия носит описательный характер, обозначая то, чем оно в действительности является: *Московский завод малолитражных автомобилей, Сергиево-Посадский хлебокомбинат*. Когда предлагаемая услуга диктуется, в первую очередь, коммерческими соображениями, хозяева начинают стремиться к тому, чтобы клиент шел именно к ним, а не в другое аналогичное заведение учреждение, и на помощь экономике приходит лингвистика. Описательное название меняется на фантазийное: ООО «*Василек*», Владимирская область, город Кольчугино, производит кондитерские изделия; ЗАО «*ТОРИТ*», Москва, поставляет мясные изделия [5, 56].

Как видно из определения, основной критерий – практическая деятельность человека, по которому в разряд данных имен собственных можно включить значительное количество разнородных классов слов. А. В. Суперанская относит к прагматонимам:

- названия видов и сортов продукции;
- названия селекционируемых сортов растений;
- названия селекционируемых пород животных;
- названия средств передвижения (порейонимы);
- названия предприятий бытового обслуживания;
- издательства, типографии;
- агентства [6, 56-57].

На наш взгляд, каждый из этих классов имеет свои структурно-семантические особенности, особенности функционирования и так далее. Поэтому не представляется целесообразным объединять такие гетерогенные понятия в одном разряде имен собственных. В частности, названия предприятий бытового обслуживания, издательства и типографии относятся к коммерческим предприятиям, которые в данной статье именуется термином «фирмоним». На основе анализа термина «фирма» этому термину было дано следующее определение: разряд онимов, собственное имя коммерческого предприятия, в том числе промышленного или торгового, которое обладает правами юридического лица. Данный разряд онимов зачастую употребляется со словом-гиперонимом. Среди гиперонимов можно упомянуть само слово фирма (firm), а также разновидности коммерческих предприятий, такие как компания (company), концерн (concern), акционерное общество (joint stock company), трест (trust), холдинг (holding), хозяйственное общество (economic union), арендное предприятие (leasing enterprise), акционерное предприятие (incorporated enterprise) и так далее.

Следует отметить, что в недостаточной степени проанализирована репрезентация фирмонимов в лингвострановедческих изданиях, хотя количество названий коммерческих предприятий в них составителями увеличивается. Так, например, в новом издании словаря «Великобритания: Лингвострановедческий словарь» говорится, что английский словник обновлен за счет включения новых статей отражающих сегодняшние реалии. Среди этих реалий, в частности, упоминаются названия компаний [7, 5].

С целью исследования этого аспекта практический материал брался из словаря известного исследователя-американиста Томахина Г. Д. «США. Лингвострановедческий словарь» [8]. Методом сплошной выборки был выделен 241 фирмоним, что составляет 2, 41% от общего числа реалий, которые даны в этом издании.

Анализ эмпирического материала показал, что словарная статья в исследуемом словаре состоит из заглавной лексической единицы, перевода и различного вида пояснений:

Columbia Pictures «Коламбия пикчерс», компания, выпускающая кино- и телефильмы [8, 118, ст. 1].

'Peabody, The' «Пибоди», крупнейший отель в Мемфисе (штат Теннесси) (13 этажей, 400 номеров) в вестибюле – мраморный фонтан, в котором плавают утки, отсюда название одного из ресторанов отеля ['Dux'] [8, 384, ст. 1].

В ряде случаев после заглавной лексической единицы дается транскрипция:

Kraft [kræft]. «Крафт», фирменное название гастрономических молочных продуктов (сыров и т. п.), производимых одноименной компанией [8, 265, ст. 2].

McDonalds [mæk'dɒnəldz]. «Макдональдз», широкая сеть ресторанов быстрого обслуживания одноименной компании, в которых подают гамбургеры и другие блюда быстрого приготовления. Пользуются особенной популярностью у молодежи и детей [8, 303, ст. 2].

В ходе исследования анализировалось значение того или иного фирмонима. Были выделены такие признаки, которые составляют значение названия коммерческого предприятия:

- 1) экономические;
- 2) финансово-экономические;
- 3) исторические;
- 4) культурологические;
- 5) географические.

Наиболее широко представлены экономические характеристики. Их можно разделить на два типа – облигаторные и опциональные. К первой группе признаков относятся тип коммерческого предприятия (ТКП) и вид экономической деятельности (ВЭД), которые имеются у 100% исследуемых названий. У 94 единиц (39% от общего количества исследуемых фирмонимов). ТКП и ВЭД выражены с помощью отдельных признаков. Тип предприятия представлен такими словами как фирма, компания, корпорация, концерн, а вид деятельности может быть передан как одним словом, так и целым словосочетанием:

Zum-Zum «Зум-Зум», *ресторанная фирма* [8, 571, ст. 2].

United Parcel Service «Юнайтед парсел сёрвис», **компания, занимающаяся доставкой посылок и отправлений в ящиках, коробках и т. п.** [8, 520, ст. 2].

Studebaker «Студебекер», **автомобильная корпорация** [41, 489, ст. 1].

Union Carbide [ˈjuː njənˈkaː rbaid]. «Юнион карбайд», **химический концерн** [8, 519, ст. 2].

В толковании 147 фирмонимов (61% от общего количества исследуемых фирмонимов). ТКП и ВЭД представлены не отдельно, а одновременно, одним и тем же словом или словосочетанием. Среди таких лексических единиц можно перечислить такие гиперонимы как банк, отель, гостиница, ресторан, бар, закусочная, кафе-закусочная, казино, игорный дом, рынок, универмаг, магазин, универсальный магазин, клиника, торговый центр:

Abraham and Strauss «Абрахам энд Штраусс», **универсальный магазин** [8, 18, ст. 1]. ;

Ala Moana Center **торговый центр** «Ала Моана» [8, 25, ст. 1]. ;

Arthur Bryant's Barbecue **закусочная** Артура Брайнтса [8, 40, ст. 2]. ;

Bank America «Банк Америка», второй по величине **банк** США [8, 50, ст. 1]. ;

Bergdorf Goodman «Бергдорф Гудман», очень дорогой **магазин** [8, 56, ст. 2]. ;

Betty Ford Clinic **клиника** Бетти Форд [8, 57, ст. 1]. ;

Caesars Palace, The «Дворец Цезаря», **казино** [8, 85, ст. 1]. ;

'Fairmont Hotel' «Фэрмонт», **отель** [8, 170, ст. 2]. ;

Faneuil Hall Marketplace **рынок** Фэньюзл-Холл [8, 171, ст. 1]. ;

'Gingerman, The' «Джинджерман», **кафе-закусочная** [8, 198, ст. 1]. ;

Golden Nugget Gambling Hall and Rooming House **игорный дом и гостиница** «Голден-Наггет» / «Золотой самородок» [8, 200, ст. 1]. ;

'Imperial Palace' «Императорский дворец», **ресторан** [8, 237, ст. 2]. ;

Jordan Marsh «Джордан Марш», **универмаг** [8, 253, ст. 1]. ;

Old Absinthe House «Старый абсент», **бар** [8, 370, ст. 1].

Остальные экономические характеристики, помимо ТКП и ВЭД, присутствуют не у всех фирмонимов. В ряде случаев используются признаки, которые подчеркивают экономическую значимость того или иного предприятия. Среди них такие слова и словосочетания: крупнейшая, одна из крупнейших, одна из двух наиболее крупных, крупная, лучший:

US Steel Corporation «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», **крупнейшая** металлургическая компания США [8, 526, ст. 1]. ;

Twentieth Century Fox Film Corporation «Твентис сенчури Фокс филм корпорейшн», **одна из крупнейших** кинокомпаний [8, 516, ст. 1]. ;

Standard Oil «Стандард ойл», **крупная** нефтяная компания [8, 50, ст. 1]. ;

International Business Machines Corporation «Интернэшнл бизнес машинс корпорейшн», **ведущая** компания в производстве и сбыте компьютеров [8, 243, ст. 1]. ;

Hertz «Хёрц», **одна из двух наиболее крупных** компаний по сдаче машин на прокат [8, 220, ст. 2]. ;

'Casa Grisanti' «Каса Грисанти», **лучший** ресторан итальянской кухни [8, 93, ст. 1].

Как видно из примеров, для выражения экономической важности зачастую используются прилагательные, стоящие в превосходной степени.

Среди других опциональных экономических характеристик следует упомянуть рекламную составляющую. Например, ресторан «Даунтаун брокер» привлекает посетителей необычным интерьером:

‘Downtown Broker’ «Даунтаун брокер», ресторан в Денвере (штат Колорадо) *Размещается в банковском подвальном помещении; столы втиснуты в отсеки, служившие ранее камерами хранения ценностей вкладчиков* [8, 155, ст. 2].

Помимо рекламной составляющей имеются характеристики, отражающие структуру коммерческого предприятия:

COMSAT «Комсэт», корпорация спутниковой связи. *Объединяет несколько частных компаний* [8, 120, ст. 2].

Следующий тип признаков, который был выделен, – это финансово-экономические. Финансы являются неотъемлемой частью экономики. В ряде случаев финансовый элемент акцентируется в словарной статье по тому или иному фирмону. Поэтому эти характеристики были нами выделены в отдельный пункт.

Коммерческие предприятия могут иметь финансово-экономические признаки, выраженные следующими прилагательными: фешенебельный, роскошный, коммерческий, относительно недорогой, дорогой, очень дорогой:

‘Ambassador’ «Амбассадор», фешенебельный отель в Лос-Анджелесе [8, 29, ст. 1]. ;

‘Carillon’ «Карильон», один из самых знаменитых роскошных отелей Майами [8, 90, ст. 2]. ;

Chase Manhattan Corp. «Чейз Манхаттан», один из крупнейших коммерческих банков США [8, 99, ст. 2]. ;

‘Louis’ Lunch’ «Ленч у Луи», относительно недорогой ресторан в Нью-Хейвене (штат Коннектикут) [8, 284, ст. 2]. ;

Minneapolis Plaza, The «Миннеаполис-Плаза», дорогой современный отель в центре Миннеаполиса [8, 316, ст. 2]. ;

‘Lutèce’ «Лютес», лучший и очень дорогой ресторан французской кухни в Нью-Йорке [8, 287, ст. 1-2].

Из примеров видно, что прилагательные могут комбинироваться с наречиями, выражающими степень признака, такими как «относительно» и «очень».

Помимо перечисленных выше прилагательных, «финансовый» компонент значения фирмонимов может передаваться с помощью глаголов и существительных:

Wal-Mart [ˈwɔː lmaː rt]. «Уол-Март», торговая компания, магазины которой продают самые разнообразные товары по относительно низким ценам [8, 539, ст. 1]. ;

JC Penney [dʒei siː ˈpeni]. «Пенни», фирма, имеющая сеть магазинов и службу «товары почтой». Славиться высоким качеством товаров по относительно невысоким ценам [8, 249, ст. 1]. ;

Dun & Bradstreet [dʌn ənd ˈbrædstriː t]. «Дан энд Брэдстрит», компания, устанавливающая кредитоспособность национальных и международных организаций (на основании выплаты ими долгов, поставок товаров и т. п.) [8, 157, ст. 2].

Исторические признаки также относятся к числу опциональных. Они могут касаться различных исторических фактов, которые связаны с тем или иным фирмонимом. Это могут быть как положительные, так и отрицательные характеристики:

‘**Carlyle**’ «Карлайл», отель в Нью-Йорке, лучший из фешенебельных отелей в верхней части Манхэттана (*здесь обычно останавливались члены семейства Кеннеди*) [8, 90, ст. 2]. ;

‘**Chealsea**’ «Челси», отель в Нью-Йорке. *Здесь подолгу жили английский поэт Дилан Томас [Thomas, Dylan], драматург Артур Миллер [Miller, Arthur], хореограф Марта Грэхам [Graham, Martha], художник Диего Ривера [Rivera, Diego]. и многие другие знаменитости* [8, 100-101, ст. 2-1]. ;

Union Carbide [ˈjuː njənˈkɑrbaid]. «Юнион карбайд», химический концерн, *получивший недобрую славу в 1984, когда на одном из его заводов, расположенном в г. Бхопал в Индии, произошла утечка ядовитых веществ, в результате чего пострадало много рабочих и население близлежащих районов* [8, 519, ст. 2].

Ряд признаков несет культурологическую ценность в описании фирмонима. В следующих примерах акцент делается на лингвистическую составляющую:

‘**Hotel Pontchartrain**’ «Пончартрейн», отель в Детройте (штат Мичиган) Фешенебельный отель во французском стиле XVIII в. *Жители Детройта называют его «Понч» [‘Pontch’]* [8, 228, ст. 1]. ;

‘**Pfister**’ «Пфистер», отель в Милуоки (штат Висконсин), один из старейших (с 1890-х гг.) и наиболее фешенебельный. В нем останавливались знаменитый итальянский певец Энрико Карузо [Caruso, Enrico]. и ряд президентов США. *Бронзовых львов в вестибюле зовут Дик [Dick]. и Гарри [Harry]* [8, 390, ст. 1-2].

В целом словарь охватывает американские реалии. Таким образом, если не указаны географические характеристики, то понятно, что территория распространения названия коммерческого предприятия – это Соединенные штаты Америки. Тем не менее, в ходе анализа эмпирического материала было возможно выделить географию минимального распространения фирмонима как один из признаков. Сфера употребления может совпадать с территорией города или страны:

‘**Tad’s Steaks**’ «Бифштексы Тэда», ресторанный фирма в Нью-Йорке [8, 495, ст. 2]. ;

Montgomery Ward & Company [məntˈɡɒməri wɔː rd]. «Монтгомери Уорд», одна из крупнейших торговых фирм. Имеет магазины промышленных товаров во всех штатах США, а также направляет товары по почте [8, 325, ст. 2].

В вышеупомянутых примерах это территория города Нью-Йорк и вся территория США.

Выводы и перспективы. В данной статье для названия коммерческих предприятий используется термин «фирмоним», который имеет следующее определение: разряд онимов, собственное имя коммерческого предприятия, в том числе промышленного или торгового, которое обладает правами юридического лица. Данный разряд онимов зачастую употребляется со словом-гиперонимом.

Репрезентация фирмонимов в лингвострановедческих изданиях не проанализирована в достаточной мере. Методом сплошной выборки из словаря Томашина Г. Д.

«США. Лингвострановедческий словарь» был выделен 241 фирмоним, что составляет 2,41% от общего числа реалий, которые даны в этом издании.

Были выделены такие признаки, которые составляют значение фирмонима: 1) экономические; 2) финансово-экономические; 3) исторические; 4) культурологические; 5) географические.

В перспективе планируется исследовать репрезентацию фирмонимов в других лексикографических изданиях с целью исследования особенностей толкования этого класса онимов.

Литература:

1. Великобритания: Лингвострановедческий словарь [9500 единиц / А. Р. У. Рум, Л. В. Колесников, Г. А. Пасечник и др.] – М.: Рус. яз, 1980. – 480 с.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Подольская Н. В. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
3. Дубровина Л. В. Лингвограммы медицинских (эргонимов) в Великобритании, США и СССР и национальные культурные традиции / Л. В. Дубровина // Вторая всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия-памятники культуры». 3-5 июня 1991 года. Сборник материалов (в трех выпусках): Выпуск 1. – Москва, 1991. – С. 66.
4. Суперанская А. В. Товарные знаки и знаки обслуживания // В пространстве филологии / Дон-НУ. Филологический факультет. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2002. – С. 55-71.
5. Альтман М. С. Из истории имен, фамилий и прозвищ / М. С. Альтман // Прометей. – Т. 2. – М.: Молодая гвардия, 1967. – С. 329-334.
6. Имя нарицательное и собственное [Под редакцией А. В. Суперанской] – М.: Наука, 1998. – 206 с.
7. Рум А. Р. У. Великобритания: Лингвострановедческий словарь / Рум А. Р. У. – 2-е изд, стереотип. – М.: Рус. яз, 2000. – 560 с.
8. Томахин Г. Д. США. Лингвострановедческий словарь / Томахин Г. Д. – М.: Рус. яз, 1999. – 576 с.

Вовк М. О. Фірмоніми англійської мови у лексикографічному аспекті / М. О. Вовк // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 526–533.

У даній статті автор розглядає фірмоніми англійської мови у лексикографічному аспекті. Для відображення класу власних імен, що позначають назви комерційних підприємств, застосовується ряд термінів, наприклад – ергонім. Але термін "фірмонім" більш адекватно відображає ознаки даного виду власних імен. Під час дослідження йому було надано дефініцію: фірмонім – це розряд онімів, власне ім'я комерційного підприємства, у тому числі промислового або торговельного, котре має права юридичної особи. Даний клас онімів часто застосовується зі словом-гіперонімом. Слідє визначити, що в недостатній ступені проаналізована репрезентація фірмонімів у лінгвокраїнознавчих виданнях, хоча кількість назв комерційних підприємств в них укладачами збільшується. Для ілюстрації застосовується англомовний фактичний матеріал.

Ключові слова: фірмонім, ергонім, онім, гіперонім, лінгвокраїнознавче видання

Vovk M. O. Firmonyms of the English Language in the Lexicographic Aspect / M. O. Vovk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 526–533.

In the article the author analyzes the firmonyms of the English language in the lexicographic aspect. In the article to name the commercial enterprises one uses the term «firmonym». On the basis of the analysis of the term «firm» this one has been given the following definition: the category of the onyms, the proper name of the commercial enterprise, including an industrial or trade one, who has the rights of the legal entity. The category of the onyms is often used with the hyperonym word. Among the hyperonyms one can mention the word "firm" itself, and also kinds of the commercial enterprises, such as "company", "concern", "joint stock company", "trust", "holding", "economic union", "leasing enterprise", "incorporated enterprise", etc.

One should note that the representation of the firmonyms in the linguistic-cultural editions is not sufficiently analyzed, though the number of the names of the commercial enterprises in them is increased by the compilers. Such signs which make up the meaning of the firmonym have been singled out: 1) economic; 2) financial and economic; 3) historic; 4) culturological; 5) geographic.

To illustrate this English factual material is used.

Key words: firmonym, ergonym, onym, hyperonym, linguistic-cultural edition

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

ФУНКЦІЇ АНТРОПОНІМІВ У ПЕРЕКЛАДАХ ЛЕСІ УКРАЇНКИ ТА ЇЇ ТВОРАХ НА ГРЕЦЬКУ, ІТАЛІЙСЬКУ, ЄГИПЕТСЬКУ ТЕМАТИКУ

Мазур І. В.

*Коледж Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського
E-mail: irina_mazur4231989@mail.ru*

У статті розглянуто матеріал про ономастику та ономастичні дослідження творчості Лесі Українки загалом, зокрема було акцентовано увагу на проблемі української антропонімії. Крім того, указані публікації, присвячені творчому доробку письменниці, як лінгвістів, так і літературознавців. На основі традиційної класифікації онімів зафіксовані в окремих перекладах авторки та її поезіях на грецьку, італійську, єгипетську тематику власні назви були упорядковані на чотири групи онімів: антропоніми, топоніми, теоніми, міфоніми. Відповідно були розглянуті антропоніми із поданих у статті перекладів та поезій автора за граматичними ознаками. Зазначено, що антропоніми у творах, поділяючись на імена реальних та вигаданих (гіпотетичних) носіїв, у перекладах Лесі Українки виконують як номінативну, так і експресивно-оцінну функцію. Коли справа стосується найменувань історичних осіб – емотивну, характеристика яких у контексті варіюється, надаючи онімам і урочисто-піднесеного, й іронічного, сатиричного забарвлення. Крім того, такі антропоніми використані для розкриття часопростору та національного колориту, це ж стосується й онімів у поезіях, однак у цьому разі власні назви виконують у більшості випадків лише хронотопічну функцію. Використання в поезіях тематики Середньовіччя і з-поміж зображення колориту епохи виокремлення факту відстоювання ідеалів вказують на романтичний світогляд поетеси.

Ключові слова: ономастика, антропоніми, патроніми

Постановка проблеми. Імена власні використовуються для позначення широкого та різноманітного кола предметів, явищ і понять. Розділом мовознавства, що вивчає власні назви, їх будову, системну організацію, функціонування, розвиток і походження, є **ономастика** [1, 437].

Розвиток ономастики в Україні розпочався з розробки питань топоніміки і, меншою мірою, антропоніміки. Найбільше уваги вітчизняних вчених було прикуто до вивчення топонімів, зокрема ойконімів та гідронімів, етимологія яких дозволяє більш детально розглянути історію певної території, де були зафіксовані оніми. Основоположником української антропонімії вважається І. Франко, який у праці «Причини до української ономастики» порушує проблеми народної антропонімії, наголошуючи на тому, що особові назви є важливим матеріалом як для філолога, що досліджує структуру мови, так і для історика та етнографа [2, 391]. Останнім часом українські науковці зосереджують увагу на дослідженні регіональної антропонімії та виявленні специфічних рис прізвищ окремих територій для подальшого узагальнення типологічного та контрастивного характеру.

Також актуальним і достатньо поширеним є дослідження власних назв у художніх творах. Специфіку онімного простору українських майстрів слова описано протягом останніх двадцяти років у низці наукових праць, зокрема присвячених творчості таких прозаїків, як М. Коцюбинський [3], В. Винниченко [4], М. Хвильовий [5], Ю. Яновський [6], П. Куліш [7], Г. Тютюнник і В. Земляк [8], В. Стус [9].

Чимало науковців займається художньою спадщиною Лесі Українки. Основна увага в сучасному дослідженні її творчого доробку загалом зосереджена на драматургії та художніх творах, пов'язаних з перебуванням письменниці в Криму (В. Мерзвинський «Драматургія Лесі Українки: поетика власних назв» [10], Т. Крупеньова «Ономастика драматичних творів Лесі Українки» [11]). Таким чином, підвищений інтерес з питання дослідження топонімів з-поміж інших власних назв, зокрема антропонімів, а також відведення другорядної ролі перекладам та поезіям Лесі Українки зумовлює **актуальність** обраної теми. **Мета** полягає у дослідженні особливостей функціонування антропонімів у перекладах Лесі Українки та її поезіях на грецьку, італійську, єгипетську тематику. Зразками поетичних творів для аналізу стали: «Напис на руїні», «Забута тінь», «Бранець», «Ра-Менеїс», «Тасмний дар», «Де тії струни, де голос потужний...», «Хамсін» тощо, серед перекладів – «Атта Троль» Г. Гейне, «Одіссея» Гомера, «Сірома» В. Гюго, ліричні пісні давнього Єгипту та переклади з «Ріг-веди». Досягнення поставленої мети передбачає розв'язання таких **завдань**: дати загальну характеристику явища ономастики та визначати науково-лінгвістичні основи дослідження ономастичної лексики, зокрема антропонімів, зафіксувати в перекладах та поезіях Лесі Українки власні назви та подати їхню тематичну характеристику; описати граматичні та функціональні особливості антропонімів.

Методологічною основою статті є науково-критичні статті та наукові розвідки дослідників. Основним **методом** є описовий, що дозволило схарактеризувати змістові, стилістичні, естетичні функції антропонімів у творах Лесі Українки. Використано також прийоми класифікації та частково етимологічний аналіз.

Одним із перших в Україні розпочав ономастичні дослідження відомий український слов'янознавець Я. Головацький (1814 – 1888). Чимало вчений філолог віддав вивченню історії української мови, тлумаченню власних назв Міклошича. Першим ученим, який почав роботу з відродження історичної ономастики в Україні, був Кирило Цілуйко. Його праці: «Українська топоніміка напередодні міжнародного з'їзду славістів» (Питання топоніміки. – К, 1962); «Програма збирання матеріалів для вивчення топоніміки України» (1962) тощо [12, 265].

Подальший розвиток ономастики в Україні відзначений посиленням наукової взаємодії істориків і лінгвістів. У цей час з ономастики остаточно виокремлюються спеціальні дисципліни, які мають більш вузький предмет дослідження. Тобто формуються дисципліни, предметом вивчення яких є конкретні класи власних назв. Найсамперед це топоніміка. У коло уваги вітчизняних вчених потрапляють інші окремі класи українського ономастикону. Це – космоніми (назви зірок, планет та інших космічних об'єктів), теоніми (імена міфічних та релігійних персонажів), зооніми (прізвиська та назви тварин) та ін [12, 267]. Також інтерес продовжує викликати клас антропонімів. Антропоніміка досліджує особливості утворення антропонімів,

основні принципи номінації людини, шляхи переходу апелятива в антропонім і на-впаки, хронологічні характеристики цих онімів, їх зміни в часі, виникнення різних форм найменування людини, словотвір різних класів антропонімів, функціонування тих чи інших антропонімів у мові на різних хронологічних зрізах [13, 29 – 30].

Л. Гумецька в монографії «Нарис словотворчої системи української актової мови XIV – XV ст» чимало уваги приділила виникненню особових назв, зокрема історичному словотвору українських антропонімів. Дослідженням структури українських прізвиськ різних типів займалися також вчені-мовознавці С. Бевзенко, І. Железняк, Р. Керста, В. Коломієць, Л. Масенко, Н. Москальова, А. Очеретний, Ю. Редько, І. Сухомлин, О. Ткаченко, В. Фридрак та ін [14, 462].

Актуальним є дослідження антропонімів у творчості письменників. Так, Г. В. Шотова-Ніколенко у своїй дисертації «Онімний простір романів Ю. І. Яновського» зазначає, що власні назви у романах «Чотири шаблі», «Майстер корабля», «Вершники», «Мир» («Жива вода») виступають знаками-ідентифікаторами, «обличчям» кожного твору і виконують переважно хронотопічну та експресивно-виразову функцію [6, 12].

Художня творчість Лесі Українки неодноразово ставала об'єктом дослідження багатьох науковців, зокрема її лірика та драматургія. Як уже зазначалося, ономастичні дослідження творчості Лесі Українки в цілому присвячені її драматургії. Так, наприклад, Т. Крупеньова у своїй дисертації «Ономастика драматичних творів Лесі Українки» зазначила, що раннім творам письменниці притаманна так звана антропонімічна мінімалізація, і лише з «Кассандри» розпочався новий етап ономастичних пошуків і знахідок [11, 7].

Зафіксовані у перекладах та поезіях на грецьку, італійську, єгипетську тематику власні назви розподіляємо відповідно до взятої за основу традиційної класифікації розмежування онімів:

1. Антропоніми (***Ра-Менеїс** була горда цариця, дочка фараонів, / Горда й страшна, мов Урея, змія золотая...* [15, 260].

2. Топоніми (*Вдача в цариці була, мов **Нілу** підступнії води, / Що випливають з таємних джерел, невідомих нікому* [15, 260].

3. Теоніми (***Геліос** вихопивсь, – озеро красне лишивши, / В небо міднясте, щоб там для безсмертних сіять...* [16, 307].

4. Міфоніми (*Рудий **Хамсін** в Єгипті розгулявся, / жагою палений, мчить у повітрі, / чекаючи пісок сухими крильми, / і дише густим полум'ям пекучим* [15, 394].

До антропонімікону досліджуваних творів (256 уживань – у перекладах, 20 уживань – у поезіях) входять імена реальних та імена вигаданих (чи гіпотетичних) носіїв. До реальних належать імена відомих письменників, митців, учених і мислителів, історичних діячів. Основні функції онімів у цих творах – номінативна та емоційно-експресивна, у випадку з історичними особами в перекладах – емотивна, що служить для кращого розкриття часопростору та національного колориту.

У перекладах у власних назвах на позначення реальних осіб переважають імена науковців і тих осіб, з якими автори були знайомі або про яких у них склалося доволі-таки суб'єктивне враження, як, наприклад, у поемі «Атта Троль» Г. Гейне:

*Танцюристський хист підняв я
Сам високо так, як Равмер
Хист письмацький: чи ж не гірше
Пише він, ніж я танцюю?* [16, 209].

В «Ономастиці» Н. В. Подольської зазначається, що до імен вигаданих осіб входять оніми літературних персонажів, імена героїв у фольклорі, у міфах і казках [17, 38].

1. Імена літературних персонажів (антропонім **Жанні** із перекладу В. Гюго «Сірома»), онім **Габріель ді Кастельнеро** в поезії «Бранець»).

2. Імена персонажів міфів і казок (міфоантропоніми):

В Крету привів Доменевс усе товариство,

Котре втекло до війни, не взяло й його жадного море [16, 312].

До поданих груп антропонімів також можна додати біблійні антропоніми, наявність яких спостерігається також лише в перекладах, на відміну від драматичних творів Лесі Українки з їхньою частою біблійною тематикою (наприклад, антропонім **Ірод** у перекладі «Атта Троль» Г. Гейне).

До антропонімів також відносяться патроніми з формантом (-енко):

Ой ти Нелеснку Несторе, ти розкажи лиш по правді

Як то умер Агамемнон Атресенко славний широко? [16, 314].

Патронім – 1. Власна назва (ім'я, по батькові, прізвисько, прізвище) сина чи дочки, утворена від батькового іменування (його особового імені, прізвиська чи прізвища): *Бондарівна* (дочка Бондаря), *Іванчук* (син Івана) 2. Власна назва, утворена від іменування когось із предків (по батьковій чи по материній лінії), спадкова назва особи. *Ковалишин* (син якоїсь Ковалихи) на належність лексеми до патронімів залежить не від того, кого вона називає, а від того, як саме (точніше – за ким, власне, за батьком, матір'ю, чоловіком, дружиною та ін.) іменує лексема денотата. В експліцитних патронімах мотивація подвійна: основа патроніма (наприклад, *Гончаренко*) називає предка (*Гончар*), а формант (-енко) підказує, що денотат є родичем засновникові роду (сином, дочкою, дружиною чи кимось ін.) [14, 462].

Загалом, у перекладах Лесі Українки зафіксована більша кількість власних назв на позначення вигаданих осіб, ніж у поезіях. Між цими антропонімами та міфонімами на позначення персонажів міфів та казок можна провести паралель, однак більш доцільним буде розглядати їх у складі антропонімікону творів Лесі Українки, залишивши категорії міфоперсонімів назви божеств.

Лексико-семантичні видозміни онімів пов'язані, у першу чергу, з набуттям ними специфічних конотацій, відтінків значень, що виявляються в типології іменних структур, у яких вони реалізуються. У монографії В. Д. Дергача «Стилістика онімів в українських мас-медіа» подається класифікація власних назв за кількістю компонентів [18]. :

1. Однокомпонентні структури представлені або прізвищем, або ім'ям, що вказує на високий ступінь його закріпленості за чітко визначеною особою у мовній масовій відомості. До цієї групи можна віднести як антропоніми, так і теоніми й міфоніми (*Данте, Масман, Хамсін, Сфінкс, Озіріс, Прометей*).

2. Двокомпонентні структури виражаються сполученням «ім'я + прізвище», яке є нейтральним за своїм функціональним навантаженням (Густав Пфіцер, Беатріче Портінарі). Утім, онім *Габріель ді Кастельнеро* має все ж вищий рівень індивідуалізації через частку ді, яка вказує на аристократичне походження.

3. Трикомпонентні структури – об'єднують прізвище, ім'я, по батькові, використання яких надає тексту урочистості, піднесеності та поваги до названої особи. У перекладах та поезіях Лесі Українки такі структури не були виявлені.

Як уже зазначалося, антропоніми поділяються на імена вигаданих та реальних осіб. У поемі Г. Гейне «Атта Троль» зафіксована чимала кількість власних назв на позначення реальних людей, однак майже всі оніми, беручи до уваги деяку сатиричність самого твору, вносять у текст конотативне забарвлення. Так, у поемі досить часто згадуються ті чи інші філософи, науковці, яких автор висміяв за певні дії чи переконання, що знайшло своє відображення в перекладі.

*Молодець він геніальний,
Має зграбність гімнастичну,
І такі робить штуки,
Мов штукар славетний **Масман** [16, 205 – 206].*

Ще одним цікавим прикладом є поєднання персонажів зі зниженим та урочисто-піднесеним забарвленням за допомогою таких слів, як «величний». «посміх» і «нешасний», «трусився».

*Коні вчвал пішли, і глянув
З посміхом **Вільям** величний,
Як нещасний коментатор
На ослі за ним трусився [16, 237].*

У поетичних творах на єгипетську тематику Леся Українка використала імена реальних осіб, хоча деякі із них більшістю читачів можуть сприйматися як міфічні персонажі. У першу чергу це стосується легенди «Ра-Менеїс», віднесеної до рубрики «Єгипетські фантазії», назва якої уже вказує на те, що мова йдеться про міф, фантазію, однак будь-яка легенда створена на основі певних історичних подій, хоч і змінених часом. У поетичному творі йдеться про одну із цариць Стародавнього Єгипту, яка правила у III тис. до н. е. Про спробу авторки за допомогою антропоніма *Ра-Менеїс* окреслити часопростір картини свідчать перші рядки легенди:

***Ра-Менеїс** була горда цариця, дочка фараонів,
Горда й страшна, мов Урея, змія золотая,
Що обвивала подвійний вінець двох Єгиптів... [15, 260].*

Для підсилення звучання та надання твору урочистості і розміреності авторка вдається до частого використання в тексті імені цариці (14 уживань), зокрема починаючи легенду з оніма *Ра-Менеїс* і закінчуючи ним поетичний твір. Для більш яскравого розкриття образу особи королівської крові, пов'язаної з богами, використані апелятиви. У тексті *Ра-Менеїс* – дочка фараонів, цариця коштовна, нетлінна цариця, але перш за все – горда **Ра-Менеїс**. Алітерація надає носієві імені твердості, рішучості, експресивності і, відповідно, знову ж таки вказує на його характеризувальну функцію.

У поетичних текстах на італійську тематику зафіксовано антропонім *Данте*, конотативність якого змінюється, набуває нової інформації залежно від контексту. У поезії «Де тії струни, де голос потужний...» на суспільну тематику образ Данте використано як творця пекла – місця, за допомогою якого поет розкрив пороки суспільства. У контексті домінантною є соціальна функція:

*Полум'ям вічним на жах всім нащадкам
Дантове пекло палає;
пекло страшніше горить в нашім краю, –
чом же в нас Данта немає?* [15, 295].

Таким чином, Леся Українка застосувала символізацію пекла на землі в Україні і трансформувала образ поета в борця-визволителя. Це підтверджується також за рахунок перенесення імені Данте на український ґрунт і зміни форми слова з *Данте* на *Дант* (в українській мові іменники середнього роду мають закінчення *-е*, тоді як нульове закінчення більш властиве іменникам чоловічого роду).

У перекладах з інших мов головною функцією антропонімів на позначення вигаданих персонажів є номінативна, оніми в більшості випадків зберігають нейтральність, пом'якшуючись пестливими словами:

*Хлопчик зветься Гільйом, та Мадлена – дівчатко,
Той ще не ходить, а се теж мале немовлятко* [16, 287].

Цікавим є зіставлення і порівняння у перекладі з французької *Жанні – Жанна Д'Арк*. Жанні чекає свого чоловіка з моря, турбується за нього. Діти, яких вона захищає в мертвої сусідки, тільки обтяжать її сім'ю, однак вона не може покинути їх напризволяще. З іншого боку – Жанна Д'Арк, яка відштовхнулася від бажання знайти своє щастя і спромоглася подарувати його іншим. Авторка вирізняє у творі свою героїню (диференційна функція), яка тут порівнюється зі світлом, що прожене тривоги.

В уривку з поеми «Одіссея» Леся Українка дотримувалася традиційного прочитання й написання старогрецьких імен і географічних назв. Текст твору розмірений, піднесено-урочистий, чому сприяв зворотній порядок слів, без будь-яких відхилень.

*Потім, як все вже скінчила й сама помолилась,
То віддала Телемахосу кубок двойнястий, хороший,
І помолвся однаково син Одіссева коханий* [16, 309].

Повертає до народних мотивів лише використання патронімів – іменувань по батькові за допомогою форманта *-енко*:

*То ж Телемахоса красная та Полікаста купала,
Нестора того Нелесенка доня молодша...* [16, 319].

Часто в перекладі зустрічаються справжні конструкції, які складаються з іменників-антропонімів, прикметників-характеристик та залежних іменників-апелятивів.

*І зломив ту коровину ярість, і скрикнули разом
Дочки усі й невістки, і шановна дружина
Несторова, Еввідіка, найстарша з Кліменоса дочок* [169, 319].

Як найменування літературних персонажів, до антропонімів варто віднести оніми *Атта Троль* і *Мумма*. Загалом ці власні назви виконують номінативну та в певних ситуаціях характеризувальну функцію. Образ головного героя поеми розкривається поступово, без зайвої експресивності.

Атта Троль звір тенденційний,
В вірі твердий, в шлюбі щирий... [16, 265].

На противагу цьому антропонім *Мумма* в поемі, особливо у фіналі, набуває негативного забарвлення, функція оніма стає емоційно-експресивною. Душа літературного персонажа ототожнюється з чорним кольором, який у творі частково символізується як зрада, чому сприяє контраст з перифразою «дочка полудня».

*Так, вона! дочка полудня,
Чорна Мумма! тая Мумма
З москалем живе в приятні,
З диким варваром північним!* [16, 268].

Не стільки для розкриття часопростору, як для відображення національного колориту авторка використала у поетичному творі «Бранець» антропонім *Габріель ді Кастельнеро*.

*І «гостює» по неволі
Габріель ді Кастельнеро,
Жде, як бога, того часу,
Що підуть на розмін бранці* [15, 317].

На часопростір також вказує добір архаїзмів та історизмів (*лицар, шабелька злотиста, розмін, джура* та ін.), які, як і сама назва циклу («Середньовічні мотиви»), виокремлюють часовий відрізок – XIV – XVI ст, коли досить часто спалахували війни між Францією та Італією. Однак поетеса використовує в основному українські стилістичні лексеми, надаючи поетичному тексту на італійську тематику архаїчного забарвлення за допомогою імен та описів місцевості. Крім того, образ *Габріель ді Кастельнеро* ускладнюється. Мається на увазі, що частка *ді* вказує на аристократичне походження, тобто патронім *Кастельнеро* означає іменування особи через його батька чи діда, або ж таким чином іде посилення на територію, яка належить цій особі. *Габріель ді Кастельнеро* у значенні «аристократ із Кастельнеро». Але не так походження є головним у самому творі, як відстоювання ідеалів та лицарського духу, що неможливо проявити в полоні, у який потрапив головний герой:

*Габріель ді Кастельнеро
зздри́в тим нещасним бранцям,
що Венеція держала
у своїх страшних темницях* [15, 318].

Висновки. Антропоніми в перекладах Лесі Українки виконують як номінативну, так і експресивно-оцінну функцію, а коли справа стосується найменувань історичних осіб – емотивну, характеристика яких в контексті варіюється, надаючи онімам і урочисто-піднесеного, й іронічного, сатиричного забарвлення. Крім того, такі антропоніми використані для розкриття часопростору та національного колориту. Це ж стосується і онімів у поезіях, смисловий простір яких зростає також за допомогою прийомів стилізації тексту, однак у цьому разі оніми виконують у більшості випадків лише хронотопічну функцію. Найменування літературних персонажів привертають увагу з погляду негативної чи позитивної конотації. Зокрема використання в поезіях тематики Середньовіччя і з-поміж зображення колориту епохи виокремлення факту відстоювання ідеалів вказують на романтичний світогляд поетеси.

Перспектива роботи. У наступній статті планується розгляд перекладів Лесею Українкою творів англійських письменників (Дж. Байрон, У. Шекспір) та визначення особливостей їх функціонування у порівнянні з драматургією авторки, беручи також до уваги етимологію власних назв.

Література:

1. Карпенко О. П. Ономастика / О. П. Карпенко // Українська мова. Енциклопедія / [ред. колегія: Русанівський В. М., Тараненко О. О. та ін.] – К. : Укр. енцикл, 2004. – С. 437 – 438. – ISBN 966-7492-19-2
2. Франко І. Причини до української ономастики / Іван Франко. Збір. тв. : В 50 т. – К, 1982. – Т. 36. – С. 391– 427. – ISBN 978-966-02-6070-2
3. Немировська Т. В. Ономастичні прийоми викриття ліберального панства в творчості М. Коцюбинського // Обласна наук. – практична конф. присвячена 125-річчю з дня народження М. Коцюбинського. Тези доповідей. – Ч. II. – Чернігів, 1989. с. 50-52.
4. Лукаш Галина Павлівна. Ономастикон прозових творів Володимира Винниченка: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10. 02. 01 «Українська мова» / Г. П. Лукаш. – Дніпропетровськ, 1997. – 18 с.
5. Усова О. О. Ономастикон художніх творів Миколи Хвильового: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10. 02. 01 «Українська мова» / Усова О. О. – Донецьк, 2006. – 20 с.
6. Шотова-Ніколенко Г. В. Онімний простір романів Юрія Яновського: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10. 02. 02 «Українська мова» / Шотова-Ніколенко Г. В. – Одеса, 2006. – 20 с.
7. Климчук О. В. Літературно-художній антропонімікон П. Куліша: склад, джерела, функції: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10. 02. 01 "Українська мова" / Климчук О. В. – Ужгород, 2004. – 21 с.
8. Соколова Алла Василівна. Онімний аспект проблеми ідіостилю письменника (на матеріалі зіставлення антропонімії у романах Григорія Тютюнника "Вир" і Василя Земляка "Лебедина зграя"): дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук 10. 02. 01 / Соколова А. В. Одеса, 2003. – 20 с.
9. Лупол А. В. Онімний простір у поезії Василя Стуса: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 01. 02. 07 «Українська мова» / Алла Вікторівна Лупол. – Одеса, 2011. – 23 с.
10. Мерзвинський В. В. Драматургія Лесі Українки: поетика власних назв: дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10. 02. 01 «Українська мова» / В. В. Мерзвинський. – К, 2005. – 20 с.
11. Крупеньова Т. І. Ономастика драматичних творів Лесі Українки: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10. 02. 01 «Українська мова» / Тетяна Іванівна Крупеньова. – Одеса, 2001. – 20 с.
12. Зубко А. Українська ономастика: здобутки та проблеми / А. Зубко // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: зб. наук. пр. / [відп. Ред. Г. В. Боряк] – Ін-т історії України НАН України, 2007. – С. 262 – 281. – ISBN 4-96549-023-4
13. Железняк І. М. Антропоніми / І. М. Железняк // Українська мова. Енциклопедія / [ред. колегія: Русанівський В. М., Тараненко О. О. та ін.] – К. : Укр. енцикл, 2004. – С. 29 – 30. – ISBN 966-7492-19-2
14. Чучка П. П. Патроніми / П. П. Чучка // Українська мова. Енциклопедія / [ред. колегія: Русанівський В. М., Тараненко О. О. та ін.] – К. : Укр. енцикл, 2004. – С. 462. – ISBN 966-7492-19-2
15. Леся Українка. Твори (у 10-ти томах). – Том 1 / Леся Українка // за ред. О. І. Корженевич. – К. : Держ. вид-во худ. літератури, 1963. – 466 с.
16. Леся Українка. Твори (у 10-ти томах). – Том 2 / Леся Українка // за ред. О. І. Корженевич. – К. : Держ. вид-во худ. літератури, 1963. – 374 с.
17. Подольская Н. В. Проблема ономастического словообразования / Н. В. Подольская. – М, 1990. № 3. – С. 40 – 53. – ISBN 5-6439-0113-4.
18. Дергач Д. В. Стилїстика онімів в українських мас-медіа: монографія / Д. В. Дергач. – К. : ВПЦ "Київський університет", 2010. – 270 с.

Мазур І. В. Функції антропонимів в перекладах Лесі Українки і її произведениях на грецьку, італійську, єгипетську тематику / І. В. Мазур // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 534–542.

В статье рассмотрен материал об ономастике и ономастических исследованиях творчества Лесы Украинки в целом, в частности было акцентировано внимание по поводу проблемы украинской антропонимии. Кроме того, были указаны публикации, посвященные творчеству писательницы, как лингвистов, так и литературоведов. На основании традиционной классификации онимов в отдельных переводах автора и его поэзиях на греческую, итальянскую, египетскую тематику имена собственные были упорядочены на четыре группы: антропонимы, топонимы, теонимы, мифонимы. Соответственно были рассмотрены антропонимы из упомянутых в статье переводов и поэзий автора по грамматическим признакам. Указано, что антропонимы в произведениях Лесы Украинки, делясь на имена реальных и вымышленных (гипотетических) носителей, в переводах Лесы украинки исполняют как номинативную, так и экспрессивно-оценочную функцию. Если дело касается наименований исторических лиц – эмотивную, характеристика которых в контексте варьируется, предоставляя онимам как торжественно-приподнятую, так и ироническую, сатирическую окраску. Кроме того, такие антропонимы использованы для раскрытия пространства и времени, а также национального колорита, это же касается и онимов в поэзиях, но в этом случае имена собственные исполняют в большинстве случаев только хронотопическую функцию. Использование в поэзиях тематики Средневековья и сквозь изображения колорита эпохи выделение факта отстаивания идеалов указывают на романтическое мировоззрение поэтессы.

Ключевые слова: ономастика, антропонимы, патронимы

Mazur I. Functions of anthroponyms in Lesya Ukrainka translations and her works concerning Greek, Italian and Egyptian subject matter / I. Mazur // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 534–542.

Proper names used to refer to a broad and varied range of objects, events and concepts. The branch of linguistics that studies proper names, their structure, system, organization, operation, development and origin is called onomastics. The development of onomastics in Ukraine began from the research of toponymy and, to some extent, anthroponymy. Mostly, attention of local scientists was paid to the study of names, including oikonims and hydronyms, the etymology of which lets in more details consider history of a certain territory, where the onims were recorded. The founder of the Ukrainian anthroponymy is considered I. Franko, who in his "Comments on the Ukrainian onomastics" studies problems of anthroponymy, emphasizing that proper names are an important material for the philologist, exploring the structure of the language and for the historian and ethnographer as well. Recently Ukrainian researchers focus on the study of regional anthroponymy and detection of specific features of proper names of individual areas for further synthesis of typological and contrastive nature. Also relevant and sufficiently common is the study of proper names in works of art. In this connection works of M. Kotsyubyns'kyi, V. Vynnychenko, M. Hvyliovyi, Y. Yanovsky, A. Honchar, P. Kulish, G. Tyutyunnik and V. Zemlyak are studied during the latest twenty years. Many scholars are engaged in artistic heritage of Lesya Ukrainian. The focus of the present study is generally focused on the drama and works concerning the presence of the writer in the Crimea. Increasing interest concerning study of toponyms among other proper names, including anthroponyms and the econdary role of poetry and translations of Lesya Ukrainka determines the relevance of the research. In this research was found that anthroponyms in the translations made by Lesya Ukrainka perform both nominative and expressive-evaluative function, but when it comes to the names of historical persons, their characteristics in the context varies, giving onims solemn, sublime, ironic or satirical tone. In addition, such anthroponyms are used for explaining time-space and national features. In poetry onims perform mostly time-space function. Names of the literary characters attracts attention in terms of negative or positive connotations. In particular using of themes connected with the Middle Ages in the poetry or the writer among the features of the epoch indicates romantic outlook of the poet.

Key words: onomastics, anthroponims

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 811: 930. 9(=947. 22)

**БИОГРАФИСТИКА И БИОИСТОРИОГРАФИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМА ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КРЫМА: РЕЦЕНЗИЯ:
В. Ю. ГАНКЕВИЧ. ІСМАЇЛ ГАСПРИНСЬКИЙ —
МІСЬКИЙ ГОЛОВА БАХЧИСАРАЮ. — СІМФЕРОПОЛЬ:
ВИДАВНИЦТВО «ДОЛЯ», 2011. — 302 С, ІЛ.**

Близняков Р. А.

*Колледж Таврического национального университета, Симферополь, Украина
E-mail: Bliznyakov80@mail. ru*

Рецензия посвящена монографии **В. Ю. Ганкевича (Ісмаїл Гаспринський — міський голова Бахчисараю. — Сімферополь: Видавництво «ДОЛЯ», 2011. — 302 с, іл.)**, профессора, доктора исторических наук, известного крымского ученого автора многочисленных научных трудов в области истории Крыма, Украины, Новороссийского края.

Анализируемое исследование акцентирует внимание читателя на важном периоде в жизни крымскотатарского просветителя Исмаила Гаспринского (1851 -1914 гг.) необычным и неординарным является то, что в работе затрагивается гражданская и административная служба в органах местного самоуправления г. Бахчисарай.

Несмотря на необычное композиционное построение, личность И. Гаспринского — стержневой мотив монографического исследования. Именно через призму личности маститого просветителя дается оценка Бахчисарая – уголка дореволюционной провинции Российской империи – Крыма.

Научный труд, как и все работы В. Ю. Ганкевича, представляет собой серьезное исследование. Рецензируемая работа базируется на широком корпусе архивных документов, опубликованных трудах И. Гаспринского, дореволюционной периодике.

В рецензии проанализированы проблемы развития регионалистики как составной части исторической науки, дана эстетическая оценка выбору внешнего вида книги, произведен анализ источниковой базы, содержания и стиля монографии.

Рецензент приходит к выводу о большой практической значимости исследования для всех интересующихся проблемами тюркологии и крымоведения, историей полиэтничных империй, каковой была дореволюционная Россия, проблемами регионалистики. Автор рецензии дает позитивную и высокую оценку труду известного исследователя и выражает надежду на дальнейшие плодотворные изыскания ученого, из под пера которого вышла рецензируемая монография.

Ключевые слова: Рецензия, монография, регионалистика, крымоведение, И. Гаспринский, В. Ю. Ганкевич.

Долгое время историческая наука развивалась в рамках изучения глобальных узловых моментов всемирной и национальной истории. И, действительно, без гносеологического и историософского осмысления ключевых переломных эпох мировой и национальной истории невозможно формирование историка-специалиста, выбора его профессиональной направленности и будущей творческой деятельности.

Однако новые исторические реалии создают новые исторические парадигмы, которые подрывают традиционное различие между тем, что представлялось главным в исторических исследованиях и тем, что считалось периферийным. В настоящее время активно преодолевается пространство между глобальной историей и то, что длительное время считалось регионалистикой и краеведением. Историей становится практически все. Это связано с осознанием того, что исторический ландшафт не дан историку изначально, историк должен построить его сам, определив, прежде всего, корпус источников. Новая локальная история рассматривается как метод, ориентирует исследователей на современные историографические практики. В отличие от социокультурных конструкций универсальной историографии регионалистика осмысливает локальные сообщества в качестве субъектов исторического процесса[1].

Данный подход активно реализуется кафедрой истории Украины Таврического национального университета им В. И. Вернадского под руководством профессора В. Ф. Шарапы, который своевременно распознал новые тенденции в исторической науке, задавая вектор развития кафедры. Научный коллектив под его руководством активно занимается проблемами социально-экономического, политического и культурного развития Крыма. В изучении этого аспекта преуспели многие исследователи, каждый из которых занял свою научную нишу. Бесспорным лидером в изучении социокультурного, политико-правового, историко-регионального элементов жизни крымскотатарского народа на рубеже XIX — XX веков стал доктор исторических наук, профессор Виктор Юрьевич Ганкевич. Результатом скрупулезной и кропотливой деятельности этого ученого стал не один десяток его авторских статей и монографий, работы его учеников, без которых невозможно осмысление крымскотатарского фактора в Российской империи, изучение которого стало особо актуальным на фоне возвращения депортированных народов в Крым и интеграции их в социальные структуры независимой Украины.

В 2011 году научное сообщество увидело ещё один, бесспорно, полезный труд, посвященный видному крымскотатарскому деятелю — Исмаилу бей Гаспринскому [2]. Исмаил бей Гаспринский — крымскотатарский интеллектуал, просветитель, издатель и политик, получивший известность и признание среди всего мусульманского населения Российской империи, за её пределами. Монография В. Ю. Ганкевича написана не только в ключе биографических исследований, но и затрагивает очень важный и актуальный аспект для нашей политической реальности — функционирование органов местного самоуправления в Российской империи, опыт изучения деятельности которых может иметь практическую значимость для нашей политической повседневной реальности.

Уже сама обложка монографии с репродукцией К. Боссоли (Босолли К. Бахчисарай, литография 1856 г.) переносит нас в Бахчисарай XIX века. После присоеди-

нения Крыма к Российской империи первые ученые, путешественники и писатели, посетившие Крым, видели его пейзажи именно с таким неотделимым южным колоритом. Вспоминается Павел Сумароков. В его «Досугах крымского судьи» он оставил следующее описание Тавриды: «Какое искусство расставит сии минареты, перемешанные посреди величественных тополей, которые в стыде скрывают вершины свои под хребтом господствующей над ними высоты?» Скалы, необычная архитектура и неизменные тополя — вот он Бахчисарай XIX века, каким видел его К. Боссоли, и с которым была неразрывно связана судьба И. бей Гаспринского [3].

Говоря об изобразительных средствах, необходимо отметить ещё один несомненный плюс монографии — наличие иллюстраций. Фотографии, репродукции и фотопортреты, которые погружают в эпоху недавнего прошлого, помогают почувствовать дух того времени, дух глубокой провинции Российской империи, национальной окраины, в которой как бы остановилось время после падения Крымского ханства.

Изучение крымскотатарского этноса, его отдельных представителей после падения Крымского ханства, несомненно, востребовано. Работа является своеобразной духовной пищей, которую исследователь своевременно предоставляет общественности. Актуальность заключается, прежде всего, в том, что назрела необходимость воссоздания на основе источников и литературы реальной правдивой картины жизни крымскотатарского народа в условиях царизма, его участия в управленческих импульсах многонациональной империи, интеграции в жизнь Новороссийского края. Именно эту правдивую картину не только некогда титульного этноса Крымского ханства, но и в целом жителей полуденного края мы получили в монографии В. Ю. Ганкевича.

Правдивость заключается не только в гармоничном восстановлении реалий прошлого крымскотатарского народа и одного из его ярких сыновей — И. бей Гаспринского, но и в том, что можно проследить картины быта Российской империи конца XIX века, что тоже немаловажно, ибо в условиях недавнего коммунистического прошлого мы не имели возможности реконструировать без погрешностей жизнь простого провинциального обывателя, которую пытался всячески улучшить И. бей Гаспринский, будучи городским головой Бахчисарая. Многочисленные диаграммы и таблицы красочно и безапелляционно иллюстрируют выводы автора. Это и динамика ценообразования в Бахчисарае в 1879 — 1884 гг, и стоимость стратегических товаров и оценка за те или иные виды услуг разных профессий. Таким образом, исследование многоиллюстративно и научно аргументировано [4].

Излишне напоминать, что в подобных случаях обращение к страницам прошлого, казалось бы, прочитанным и перечитанным вдоль и поперек, иногда дает новые результаты. Результаты весьма полезные для осмысления текущего момента, ибо анализ исторических событий под новым углом зрения, сквозь призму современного положения вещей, как правило, обнаруживает некоторые детали, ранее неизвестные или, напротив, известные, но ошибочно считавшиеся второстепенными или побочными или попросту замалчиваемые учеными историками в условиях тоталитарного прошлого. Именно такая страница прошлого была восстановлена автором на основе богатого исторического материала.

Монографическое исследование опирается на широкий круг источников и литературы. Автор работал с опубликованными и неопубликованными источниками, с периодическими изданиями рассматриваемого исторического периода, с огромным массивом литературы.

Визитной карточкой исследования, на наш взгляд, является использование периодических изданий того времени. Неопровержимыми качествами журналистских материалов всегда являлись динамичность, выраженная в повседневном отражении действительности, эмоциональность и образность изложения информации, относительная надежность в установлении авторства источников информации, политематичность и разножанровость. Журналисты любой эпохи наряду с социологами, экономистами, культурологами и другими обществоведами создают первыми наброски картины времени, предшествующие более глубокому историческому анализу на базе объективных актов документов [5]. Огромное наличие подобного рода источников (прежде всего, Терджиман [6]) делает исследование живым и правдивым, лишает схоластики и косности, придает динамичности. В то же время в монографии есть огромное количество архивных материалов, лишенных субъективизма, и позволяющих объективно восстановить картину прошлого. Монография сугубо научна, но не наукообразна. Исследование является полезным как для специалистов по истории Крыма, так и для интересующихся Российской историей. Научный труд находится на стыке отечественной истории и востоковедения.

Работа интересна и своим углом рассмотрения многогранной фигуры И. бей Гаспринского — через призму его служения как городского головы Бахчисарая. Автор затрагивает социально-политическую сторону деятельности яркой личности.

В какой-то степени монографию В. Ю. Ганкевича можно назвать социологическим исследованием. Ибо история не только гуманитарная или, точнее, не столько гуманитарная, сколько социальная сфера исследования. Социальное направление в рассматриваемом труде оправданно гипертрофировано. Социологическое исследование — это система логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, связанных между собой единой целью — получить объективно-достоверные данные об изучаемом социальном процессе или явлении для их последующего использования в практике. Социологические исследования дают «снимок состояния» социальных явлений и процессов, их объективный, реальный «срез». Эти исследования выявляют тенденции развития социальных отношений и факторы, влияющие на изменение социальных явлений [7; 8]. Именно этого и добился профессор В. Ю. Ганкевич, сделав реальный снимок, объективный реальный срез функционирования и управления одного из муниципалитетов Российской империи во главе с талантливым ученым администратором мыслителем И. бей Гаспринским.

Особой живости работе придают приложения — документы и материалы, свидетельствующие о службе И. бей Гаспринского в органах бахчисарайского городского самоуправления. Исследование изобилует документами, которые по задумке автора, должны ярче иллюстрировать рассматриваемую эпоху, продвижение И. бей Гаспринского по служебной лестнице, передавать дух времени [9].

В работе присутствует именная и географическая указатели, которые являются результатом систематизации данных и помогают ориентироваться в информационном поле монографии [10].

Работа написана на украинском литературном языке, легким научным стилем, материал доступно излагается и преподносится читателю.

Рассматриваемый научный труд представляет комплексное многогранное исследование крупного ученого – краеведа, востоковеда, специалиста по истории Новороссийского края и истории Украины профессора В. Ю. Ганкевича. Надеемся, что из-под пера автора выйдет еще не одно подобное оригинальное, яркое компаративное исследование, которое, несомненно, окажется полезным для ученых, студентов, краеведов и государственных служащих органов местного самоуправления в Крыму.

Литература:

1. Колесникова М. Е. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в исследовательской практике новой локальной истории / Е. М. Колесникова, И. Маловичко // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII научной конференции, Москва, 26-28 января 2006. – М. : РГГУ, 2006; Колесникова М. Е. Исследовательская практика новой локальной истории и "вспомогательные" исторические дисциплины / Е. М. Колесникова, И. Маловичко. – [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com/>
2. Ганкевич В. Ю. Ісмаїл Гаспринський — міський голова Бахчисараю / В. Ю. Ганкевич. — Сімферополь: Видавництво «ДОЛЯ», 2011. — 302 с, іл. — ISBN 978-966-366-522-1
3. Бахчисарай в литографиях, гравюрах и открытках: Альбом [Автор проекта Прокопенков В. Н.]. — Сімферополь: Издательство «ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2011. — с. 17 — 19.
4. Ганкевич В. Ю. Ісмаїл Гаспринський — міський голова Бахчисараю. — Сімферополь: Видавництво «ДОЛЯ», 2011. — с. 208 – 270. — ISBN 978-966-366-522-1
5. Горяева Т. М. Журналистика: сравнительные методы исследования / Т. М. Горяева // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тезисы докладов и сообщений научной конференции, Москва, 29 – 31 января 1996/ Государственный комитет РФ по высшему образованию, Российский государственный гуманитарный университет. — М, 1996. — С. 303 – 306.
6. Ганкевич В. Ю. Ісмаїл Гаспринський — міський голова Бахчисараю / В. Ю. Ганкевич.. — Сімферополь: Видавництво «ДОЛЯ», 2011. — с. 195 – 198. — ISBN 978-966-366-522-1
7. Методология, методика и техника конкретных социологических исследований [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/848/649/1219/t16.pdf>
8. Джарол Б. Мангейм. Политология. Методы исследования: Пер. с англ / Предисл А. К. Соколова / М. Б. Джарол, Рич. Р. К. — М. : Издательство «Весь мир», 1997. — 544с.
9. Ганкевич В. Ю. Ісмаїл Гаспринський — міський голова Бахчисараю / В. Ю. Ганкевич.. — Сімферополь: Видавництво «ДОЛЯ», 2011. — с. 271 – 287. — ISBN 978-966-366-522-1
10. Ганкевич В. Ю. Ісмаїл Гаспринський — міський голова Бахчисараю / В. Ю. Ганкевич.. — Сімферополь: Видавництво «ДОЛЯ», 2011. — с. 294 – 300. — ISBN 978-966-366-522-1

Блізняков Р. О. Рецензия: В. Ю. Ганкевич Ісмаїл Гаспринський — міський голова Бахчисараю. — Сімферополь: Видавництво «ДОЛЯ», 2011. — 302 с, іл / Р. О. Блізняков // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». — 2013. — Т. 26 (65), № 1, ч. 1. — С. 543–548.

Рецензія присвячена монографії В. Ю. Ганкевича (Ісмаїл Гаспринський – міський голова Бахчисараю. – Сімферополь: Видавництво "ДОЛЯ", 2011. – 302 с, іл.), професора, доктора історичних наук, відомого кримського вченого автора численних наукових праць в області історії Криму, України, Новоросійського краю.

Аналізоване дослідження акцентує увагу читача на важливому періоді в житті кримськотатарського просвітника Ісмаїла Гаспринського (1851 – 1914 рр.) незвичайним і неординарним є те, що в роботі зачіпається цивільна і адміністративна служба в органах місцевого самоврядування м. Бахчисарай.

Незважаючи на незвичайну композиційну побудову, особистість І. Гаспринського – стержневий мотив монографічного дослідження. Саме через призму особи маститого просвітника надається оцінка Бахчисараю – куточка дореволюційної провінції Російської імперії – Криму.

Наукова праця, як і усі роботи В. Ю. Ганкевича, є серйозним дослідженням. Робота, що рецензується, базується на широкому корпусі архівних документів, опублікованих працях І. Гаспринського, дореволюційній періодиці.

У рецензії проаналізовані проблеми розвитку регіоналістики як складовій частині історичної науки, дана естетична оцінка вибору зовнішнього вигляду книги, зроблений аналіз джерельної бази, змісту і стилю монографії.

Рецензент приходиться до висновку про велику практичну значущість дослідження для усіх зацікавлених проблемами тюркології і кримиознавства, історією поліетнічних імперій, якою була дореволюційна Росія, проблемами регіоналістики. Автор рецензії дає позитивну і високу оцінку праці відомого дослідника і виражає надію на подальші плідні дослідження ученого, з під пера якого вийшла монографія, що рецензувалася.

Ключові слова: Рецензія, монографія, регіоналістика, кримиознавство, І. Гаспринський, В. Ю. Ганкевич.

Bliznyakov R. A. Biography studies and biohistoriography as historical problem of Crimean local history: review: V. Y. GANKEVICH. ISMAIL GASPRINSKY — THE LOCAL HEAD OF BAKHCHISARAI. — SIMFEROPOL: PUBLISHERS «STAKE», 2011. — PP. 302 / R. A. Bliznyakov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. — Series: Philology. Social communications. — 2013. — Vol. 26 (65), No 1, part 1. — P. 543–548.

The review is devoted to the monograph written by Gankevich V. Y. (Ismail Gasprinsky- The Local Head of Bakhchisarai. — Simferopol: Publishers «STAKE», 2011. — pp. 302.), professor, Dr. of Historical Sciences, a well-known Crimean author of numerous scientific works on history of Crimea, Ukraine, Novorossisk region.

The research draws reader's attention to the important period in the life of the Crimean Tatar leader, publisher and educator Ismail Gasprinsky (1851 -1914). What unusual and uncommon in this work is the fact that civil and administrative service in the local self-government body in Bakhchisaray is considered.

In spite of unusual composition structure, the personality of Ismail Gasprinsky is at the core of this monographic research. Through the prism of personality of the venerable educator the estimation of Bakhchisarai (a corner of pre-revolution province of the Russian Empire — Crimea) is given.

This scientific work, as well as all works by Gankevich V. Y, is serious research. The reviewed work is based on the wide sources of the archive documents, Gasprinsky 's published works and the pre-revolution periodicals.

In the review the issues of the development of Region Studies as a component part of historical science are analysed, the aesthetic appraisal of the choice of original book cover is given, the analysis of source basis, contents and style of the monograph is made.

The reviewer comes to the conclusion that the work is of great practical value for all concerned with the problems of Turkic Studies and Crimea Studies, the history of multi-ethnic empires (which pre-revolution Russia was), with the problems of Region Studies. The author of the review gives a positive and high appraisal of the well-known researcher's work and expresses hope for further fruitful work of the scientist, from the pen of which the reviewed monograph has come.

Keywords: review, monograph, Region Studies, Crimea Studies, I. Gasprinsky, V. Y. Gankevich..

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 811. 512. 1

МЕСТОИМЕННИЯ КАК УСТОЙЧИВЫЕ И НЕУСТОЙЧИВЫЕ ДЕСИГНАТОРЫ

Асадова М. Н.

*Институт языкознания имени Насими Азербайджанской национальной академии наук
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В представленной статье исследуются особенности выступления указательных и личных местоимений как устойчивых и неустойчивых десигнаторов. Ссылаясь на мнение отдельных исследователей в этой области, отмечается, что понятие десигнатор является термином, который может быть использован и для характеристики местоимений, и, что любое местоимение, в силу субъективности семантической нагрузки, которой «нагружают» его распределяющиеся стороны речевого акта, является феноменом десигнации.

Ключевые слова: личные местоимения, указательные местоимения, устойчивый десигнатор, неустойчивый десигнатор, референция, интенция.

Постановка проблемы. Термин «десигнат», выражающий самое важное понятие семиотики Чарльза Морриса, образовалось от латинского слова «designatum», выражающего понятие «означение, значение слова». Десигнат, иногда противопоставляясь денотату, характеризуется как «субъективный образ» или «концепт» денотата [1]. При другом подходе современное толкование десигната отличается от представленной Ч. Моррисом его семантической нагрузки. Так, отметим, что если у Ч. Морриса десигнат характеризуется как «вид обращения», то Г. П. Мельников сообщает о принятии в современной семиотике «десигната как субъективного образа любого понятия и представления» [2]. Иначе говоря, десигнат-это термин, который может быть использован для выражение понятией, не обладающих «образом объективного денотата», включая характеристику местоимений. Фактически, любое местоимение в результате субъективности семантической нагрузки, которую вкладывают в «шифтер» распределяющиеся стороны акта речи, представляет собой явление десигнации то есть, в этом смысле, в этом смысле, по крайней мере учитывая природу указательных местоимений, нельзя референцию противопоставлять десигнации. Более целесообразно рассматривать их как продолжение друг друга. Так как при воплощении акта референции указательные местоимения используются как «указательные заместители» определенного денотата, то в реализации механизма этой референцией субъективный выбор, связанный с данными «указательные заместителями» со стороны коммуникантов, их субъективная интерпретация играет важную, вернее, решающую роль.

Здесь, несколько отклоняясь в сторону, хотелось бы пояснить, почему в онтогенезе личные местоимения могут восприниматься как «серьезный десигнатор».

Прежде всего должны отметить, что сам термин «десигнатор», по сообщению А. С. Кравца, по сути приобретает значение синонимического понятия термина «референция» и его этимон по- латински выражает значения «наименование», «оз-

начение», «обозначение» [3, 96]. Как и во многих случаях, и здесь бросается в глаза наблюдаемое положение терминологической синонимии: основу демонстрирования различных стилистико-функциональных особенностей слов, выражающих одно и то же значение, может образовать фактор наличия дополнительной коннотации. То есть, в сущности, ни этимологическое толкование (т. е. словарное значение этимона), ни спектр стержневого (основного) значения, которым нагружен в терминологической системе, не оставляет места сомнению в синонимичности подобных терминов. Но иногда в ситуации синонимического равновесия наблюдаются такие случаи при которых одно из слов в ряду терминологических синонимов проявляет активность только в рамках определенной лексической комбинации и случаи их использования с основной нагрузкой значения, можно сказать, не наблюдаются. В этом значении и термин десигнатор можно отнести к ряду терминов, овладевающих этой ограниченной употребительностью. Так, как уже отмечено, несмотря на выражение им того же понятия, что и «референция», употребление термина «десигнат» наблюдается лишь в контексте семиотики Ч. Морриса. Если быть точнее, по при слове «десигнатор», но не «десигнация», прежде всего вспоминается контекст представленной Солом Аороном Крипке классификации. Исходя из того, что в этой классификации особенно принимается во внимание референтивная сущность местоимений, считаем важным обращение особого внимания данной классификации.

Как известно, американский ученый С. А. Крипке, считающийся одним из самых известных философов-логиков, своим новым отношением к семиотике заложил основу учения, названного позднее «семиотикой Крипке» [4]. И эта семиотическая теория обогатила учение «референции», основные положения которого были выдвинуты Г. Фреге и Б. Расселом [3, 94], системой оценивания в новом аспекте.

Итак, как отмечает И. А. Герасимова, «в новых неклассических логиках (или логических учениях -М. А.) ...восприятие окружающего мира обогащается новыми оттенками значения» и в этом аспекте, соответственно терминологии С. А. Крипке, «устойчивые десигнаторы» то есть «rigid designator» с семантической точки зрения «неустойчивых десигнаторов» [5; 4]. Как известно, по семиотике Ч. Морриса, в общем отмечается наличие пяти видов знаков, и знаки, отвечающие на вопрос «что?» являются «знаками- десигнаторами» [6]. Когда речь идет об устойчивых референтах или десигнаторах, то имеется в виду понятие связи знака с конкретным репрезентативом, иначе говоря, «десигнатор – это любой способ (критерии, оператор, действие, даже, в особых случаях, иногда и предикация, например, остенсивное обозначение: это- лошадь- bu atdir, это дом- bu evdir) связи наименования с предметом» [3, 122], то есть имеется в виду отображение возникающего в человеческом мозгу образа при произношении данного обозначения. Во имя объективного определения десигнаторского характера местоимений, то есть с целью уточнения являются ли они устойчивыми или неустойчивыми десигнаторами, мы должны окинуть взором сущность объема интенционального значения местоимений. Как известно, после полного освоения языкознанием понятия «интенциональность», впервые выдвинутого философом-логиком Р. Карнапом (в латинском языке *intentio* означает «интенсивность, напряженность»), а позднее перенятого Ч. Моррисом [1], под ним в лингвистике в одних случаях подразумевалось понятие «сигнификать», а в других слу-

чаях- понятие «компрегенция» [7]. По толкованию Ю. С. Степанова, компрегенция- это объем значения, а интенциональность- это само значение, понятие: «это верное определение связи понятия с «сущностной» категорией предмета или явления (то есть с сущностью объекта-М. А.)» [7]. В этом смысле невозможно не согласиться с мнением характеристики местоимений как языковых единиц, лишенных интенциональности [8]. Так, несмотря на то, что объем значения, вернее «семантический охват» местоимений широком смысле составляет референтность остенсивного механизма (обозначение, направленность к объекту), тем не менее объект сам отсутствует, то есть, интенциальный объем, сущность самого предмета или явления не выражено в местоимениях в виде понятия. Здесь господствует интенциональный вакуум, пустота. Исследователи, подчеркивающие, что «указательные местоимения сами лишены интенциональности и могут использоваться применительно всего», именно по этой причине выдвигают вперед идею, что они являются устойчивыми десигнаторами [8]. Отсюда возникает парадокс. Так в качестве неустойчивого десигнатора приводится пример ежегодно обновляемого и присуждаемого на конкурсах красоты титула (например: мисс мира) и представление такого примера в подобном контексте обосновывается тем, что обновляющийся каждый раз победитель (победитель конкурса) делает неизбежным акт новой референции. То есть, несмотря на то, что компрегенция (сам титул) остается неизменной, интенциональный объем (объект, обозначаемый данным титулом) меняется. В этом контексте возникает необходимость разъяснения, почему указательные местоимения, а также, как отмечал ранее другой исследователь, который опирался на онтогенетические наблюдения, личные местоимения воспринимаются как устойчивые десигнаторы. Действительно ли указательные местоимения могут считаться устойчивыми десигнаторами? Мы в этом вопросе выступаем с несколько отличной позиции. Так, эти факты языка, в связи с лишенностью стабильной интенциональности, в конкретной ситуации или контексте «наполняются» интенцией объекта, референцию которого они выражают. То есть они как шифтер, форма или факт компрегенция выполняют определенную миссию, но сами по себе без интенциональности бессильны воплотить эту миссию. При подходе к делу с этого аспекта можно понять позицию некоторых лингвистов [8], которые настаивают на том, что указательные местоимения являются серьезными десигнаторами. Но при рассмотрении вопроса в более широком аспекте становится заметным недостаточность этого подхода. Так, если исходить из того, что имена собственные являются типичными устойчивыми причины устойчивости десигнаторов, «заклепанных» к определенному объекту, или, выражаясь более интересным метафорическим эпитетом А. С. Кравца, «крещенных» с ним, то положение несколько прояснится. Так, в связи с тем, что референция указательных местоимений или личных местоимений воплощает десигнацию, зависимую только от ситуации, и зависит от остенции, то между ними и десигнаторной сущностью личных имен типа Али, Вели, Пирвели и другие, нельзя ставить знака равенства. Так, устойчивость последних, как десигнаторов, поддерживается тем, что они в определенном обществе или коллективе выступают как воспринимаемые «закрепленные» знаки. К примеру, для всего мира Соединенные Штаты Америки, а для Азербайджана Ленкорань является устойчивым десигнатором, то есть неделимость связи их на-

именования и понятия невозможно отрицать. «Устойчивость» же указательных местоимений и личных местоимений – это сила их связи с ситуацией или контекстом. То есть если можно так сказать, эти две устойчивости нельзя отождествлять просто по степени серьезности связи. Да, серьезная связь налицо. Но стороны этих связей различны: 1) в первом случае сильные связи соединяют интенциональность с компрегенцией и здесь ситуация не играет такую уж важную роль; 2) во втором случае сильные связи соединяют интенцию с ситуацией, и уже после этого представляют их обеих компрегенция. В этом смысле трудно согласиться с позицией лингвистов, защищающих идею, что указательные местоимения являются устойчивыми десигнаторами [8]. Что касается личных местоимений, то здесь мы становимся свидетелями несколько иной картины.

Немалый интерес вызывает и представленные Добровой аналогичные примеры. Лингвист пишет: «Первоначально (то есть раньше других фактов языка – терминов родства, составляющих объект исследования лингвиста-М. А.) в усвоении детьми речевая реализация совпадает с дейктическими функциями личных местоимений. К тому же ребенок не сразу осмысливает, почему при обращении к нему говорят «ты», он же (сам ребенок-М. А.) при обращении к себе должен говорить «я». Поэтому не случайно то, что дети, обращаясь к себе, первоначально говорят не «я», а Вася. Примерно к трем годам дети добиваются успеха в разрешении этой проблемы (курсив наш-М. А.)» [10], а до этого возрастного уровня для ребенка существует «персональный дейксис», то есть и личные местоимения, и термины родства воспринимаются как устойчивые десигнаторы, ребенок усваивает эти слова как «ярлыки» конкретных объектов, а это своеобразно лицетворяет референтность, повторяющую устойчивую десигнацию собственных имен [11]. Очевидно, что устойчивое десигнаторство вечных местоимений является временным процессом и обусловливается лишь особенностями стадии эгоцентризма детского мышления. С завершением этой стадии становится возможным адекватное восприятие вечных местоимений. Значит, и здесь, как у указательных местоимений, неуместно говорить в истинном смысле об устойчивом десигнаторстве. Но здесь во имя объективности хотелось бы отметить, что наблюдаемое разнообразие подходов к данной проблеме является скорее всего не отражением плюрализма объективных идей, а положением, обусловленным наличием определенной (пустоты) слабости в самом учении, связанном с десигнацией. Так, мы не можем не быть солидарны со следующим соображением Кравца, мыслей которого, связанных с десигнацией указательных местоимений, мы не разделяли: «Проблема устойчивого десигнатора не будучи исключительно проблемой лингвистики, охватывает серьезные метафизические (или онтологические) и эпистемологические вопросы» [8, 100]. С таким подходом исследователя невозможно не согласиться. Именно из-за этой многоспектровости полемика, связанная с понятием десигнатора, которая представляет собой многие сложные проблемы, и особенно с проблемой того, что представляют собой устойчивые десигнаторы, параллельно с лингвистами продолжает живо интересовать также философов и логиков.

Очевидно, что познание референциальной сущности вечных местоимений – это процесс воплощающийся в результате образования рода «усилие- ошибка – усилие»

и отнимающий довольно много времени. Так как известно, в отличие от указательных местоимений, функциональная сущность минных местоимений как «шифтеров» характеризуется наличием относительной «ремектовости» (отсталости) и сравнительной «относительности» то есть здесь зависимость от ситуации и контекста не в такой степени, как у указательных местоимений. С этой точки зрения, можно сказать, что мечные местоимения олицетворяют переходную стадию между единицами обычной номинации и указательными местоимениями. И именно этот дуализм: деиктическая отнесенность и связанная с мечной отнесенностью относительная стабильность- усложняет операции восприятия детей. Для сравнения скажем, что освоение единиц свободной номинации (то есть нарицательных и собственных имен) или указательных местоимений, демонстрирующих полную ситуативно-контекстуальную независимость, намного легче. Потому что их «характер» относительно однозначен и ясен(очевиден). Именно эти причины, как мы отмечаем и ранее не оставляют места для сомнения, что в филогенезе, так же, как и в онтогенезе указательные местоимения возникли раньше мечных местоимений. Наши исследования дают основание сказать, что исходя из «вербально ситуативной относительности» указательные местоимения более мобильны, мечные местоимения же более отсталы. Именно выясняется что, момент ситуативности или если сказать словами У Куайна, свойство «мгновенной референции» создает возможность его быстрого освоения в онтогенезе. К идентичной ситуации к распределительным «я» и «ты» относят референцию «то» и «это» по отношению к определенным объектам. При изменении ситуации (то есть при отлегающейся координации измерения) и сохранении прежних фигурантов становится неизбежным и изменение объектов референции. Усвоение более реликтового, требуя более сложной мозговой деятельности, на ранней стадии онтогенеза бывает несколько затруднительно. Вспомним, что по мнению Н. Хомского, языковой навык берется как вражденная программа [12]. Ф. Ядигар, комментируя мысли лингвиста, пишет об этом: «Правила и принципы, ограничивающие языки, универсальны, поэтому должны рассматриваться как врожденные. Все люди одинаковы, и их дети при изучении языка допускают ошибки, но эти ошибки не сталкиваются с универсальными правилами и принципами. Ребенок даже на стадии изучения родного языка не переходит возможных пределов. Знанию этих границ не обучается, оно врожденное» [12, 10].

Литература:

1. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB>
2. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.cit.bsu.by/site1/ovs.htm>
3. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/hum/2001-02/hum0102_11.pdf
4. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/218845>
5. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/kripke/01.php
6. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://paradigma.narod.ru/03/bashkov.html>
7. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/383e.html>
8. Краветс А. С. Жесткий designator [Электронный ресурс] / Краветс А. С. // Вестник ВГУ. Серия 1. : Гуманитарные науки, 2001. – №2. – С. 94-123. – Режим доступа: www.ebiblioteka.it
9. Доброва Г. Р. Онтогенез персонального дейксиса : личные местоимения и термины родства [Электронный ресурс] / Доброва Г. Р. – диссертация .... доктора фил. наук. – Санкт – Петербург, 2005,

496 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/ontogenez-personalnogo-deiksisia-lichnye-mestoimeniya-i-terminy-rodstva>

10. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/MEN/CHILDREN.HTM>

11. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/ontogenez-personalnogo-deiksisia-lichnye-mestoimeniya-i-terminy-rodstva>

12. Хомский Н. Язык и мышление / Хомский Н. – М: МГУ, 1972. – 126 с.

13. Yadigar F. V. Struktur dilçiliyin əsasları / Yadigar F. V. – Bakı: Mütərcim, 2008.

Асадова М. Н. Займенники як стійкі та нестійкі десигнатори / М. Н. Асадова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 549–554.

У представленій статті досліджуються особливості виступу указівних і особових займенників як стійких і нестійких десигнаторів. Посилаючись на думку окремих дослідників у цій галузі, наголошується, що поняття десигнатор є терміном, який може бути використаний і для характеристики займенників, і, що будь займенник, в силу суб'єктивного семантичного навантаження, якої «навантажують» його розподільні боки мовного акту, є феноменом десигнації.

Ключові слова: особові займенники, вказівні займенники, стійкий десигнатор, нестійкий десигнатор, референція, інтенція.

Asadova M. N. Pronouns as Rigid and Non-rigid Designators / M. N. Asadova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 549–554.

In this article the use of the demonstrative and personal pronouns as rigid and non-rigid designators has been analyzed. Having referred to the concepts of the different investigators in this sphere it is noted that the notion designator is the term which may be used for characterizing of the pronouns and any pronoun in the power of the semantic load which loads its distributing sides of the speech act is the phenomenon of the designation.

Key words: personal pronouns, demonstrative pronouns, rigid designator, non-rigid designator, referention, intention.

Поступила в редакцію 01.03.2013 з.

УДК 81'373. 72

ИДИОМЫ С ЭТНОГРАФИЧЕСКИМИ РЕАЛИЯМИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Чернобай С. Е.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматривается определение реалии, представлена классификация этнографических реалий. Практический материал исследования составляют английские идиомы с этнографическими реалиями в британском, американском, канадском, австралийском и новозеландском национальных вариантах английского языка. С помощью компонентного анализа и описательного метода проанализированы семантические особенности английских идиом с этнографическими реалиями в национальных вариантах английского языка. Работа выполнена в аспекте лингвокультурологии.

Ключевые слова: идиома, реалия, семантика, национальный вариант, языковая картина мира.

Постановка проблемы. Интерес к изучению лексики в рамках переводоведения и лингвострановедения возникает в 80-е годы XX века и находит отражение в работах С. Влахова и С. Флорина [1], Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [2]. Особое внимание английской фразеологии как носителю национально-культурной информации уделяется в исследованиях Б. Н. Ажнюка [3; 4]. Такое направление изучения фразеологии не утратило **актуальности** и по сей день, получив свое развитие в возникшем в последнем десятилетии XX века нового лингвистического направления лингвокультурологии, в котором ученые акцентируют внимание на национально-культурной специфике при описании языковых картин мира [5]. Важно отметить, что в реальном функционировании английский язык как архисистема реализуется в виде национальных вариантов в Великобритании, США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Именно изучение идиом с этнографическими реалиями в национальных вариантах английского языка выявляет специфику англоязычной языковой картины мира, представленную национальными языковыми картинами мира британцев, американцев, канадцев, австралийцев и новозеландцев, что в свою очередь может предотвратить проблемы межкультурной коммуникации. **Цель** статьи рассмотреть функционирование этнографических реалий в идиомах в национальных вариантах английского языка. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**: 1) дать определение реалии; 2) рассмотреть предметную классификацию реалий; 3) с помощью метода компонентного анализа определить семантические особенности английских идиом с этнографическими реалиями в национальных вариантах английского языка и их роль в представлении национальной языковой картины мира. Материал исследования отобран методом сплошной выборки из фразеологических словарей [6; 7; 8]. Следующие пометы указывают на принадлежность единицы к национальным вариантам английского языка:

GE (General English), BE (British English), NA (North American – включает американский и канадский варианты), US (the United States), CE (Canadian), AE (Australian), NZ (New Zealand)

Изложение основного материала. С. Влахов и С. Флорин определяют реалию как «слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) других языках» [1, 45]. В реалиях наиболее наглядно проявляется близость между языками и культурой, так как появление новых реалий в материальной жизни и духовной жизни общества ведет к их появлению в языке. Реалии следует отличать от локализма, лакуны, варваризма, экзотизма и безэквивалентной лексики [9]. Часто, когда идет речь о фразеологических единицах (ФЕ) в качестве реалий, подразумевают и 1) обычные устойчивые словосочетания всех типов, в том числе идиомы, пословицы и поговорки, многие из которых обладают сами по себе характерной национальной и/или исторической окраской, и 2) ФЕ, в компонентном составе которых имеются реалии [1, 19].

С. Влахов и С. Флорин предлагают следующую предметную классификацию реалий: 1) географические реалии; 2) этнографические реалии; 3) общественно-политические реалии [1, 51-57]. В свою очередь в группу этнографических реалий включается большинство слов, обозначающих те понятия, которые действительно принадлежат науке, «изучающей быт и культуру народов», «формы материальной культуры, обычаи, религию», «духовную культуру»:

1. Быт: а) пища, напитки и т. п. ; бытовые заведения (общественного питания и др.); б) одежда (включая обувь, головные уборы и пр.); в) жилье, мебель, посуда и другая утварь; г) транспорт (средства и «водители») и др.

2. Труд: а) люди труда; б) орудия труда; в) организация труда (включая хозяйство).

3. Искусство и культура: а) музыка и танцы; б) музыкальные инструменты; в) фольклор (фольклорные понятия тесно переплетаются с мифологическими); г) театр; д) другие искусства и предметы искусств; е) исполнители; ж) обычаи, ритуалы; з) праздники, игры; и) мифология; к) культы, культовые здания и предметы; л) календарь.

4. Этнические объекты: а) этнонимы; б) клички (обычно шуточные или обидные); в) названия лиц по месту жительства.

5. Меры и деньги: а) единицы мер; б) денежные единицы; в) просторечные названия тех и других.

Наиболее многочисленной группой идиом является группа, которая содержит в составе названия единиц мер. Пройдя процесс фразеологизации, эти идиомы не только указывают на «близость – отдаленность», но и передают «отношения между людьми», «очевидность чего-либо», «общение», «материальное положение» и «денежные отношения», «эмоции» и «усилия»: *run a mile* – ‘избегать кого-либо’; *stand/stick out a mile* – ‘быть совершенно очевидным, ясным, само собой разумеющимся’; *talk a mile a minute* – ‘тараторить, говорить без остановки’; *give an inch and he will take a mile/yard* ≈ ‘дай ему палец, он и всю руку отхватит’; *talk by the*

yard – ‘много говорить’; *within an inch of* – ‘на волосок от, чуть не, вот-вот’; *within an inch of one's life* – ‘до полусмерти, чуть не до смерти’; *one's pound of flesh* – ‘законное, но жёсткое требование (уплаты, возврата)’; *an ounce of discretion is worth a pound of wit* ≈ ‘капля такта дороже потоков острословия’; *scrape the bottom of the barrel* – ‘с трудом набрать необходимую сумму’, ‘скрести по сусекам’; *over a barrel* – ‘в невыгодном, затруднительном или беспомощном положении’; *pork barrel* ≈ ‘кормушка’, ‘казённый пирог’ (государственные или общественные средства, за счёт которых можно пожить); *a barrel of laughs* – ‘a source of fun or amusement’; *with both barrels* – ‘with unrestrained force or emotion’; *lock, stock and barrel* – ‘including everything, completely’; *try to put a quart into a pint pot* – ‘пытаться сделать невозможное’. Данные идиомы принадлежат к общеанглийскому фразеологическому фонду и употребляются во всех национальных вариантах английского языка. Использование топонима в идиоме *a New York minute* (US) подчеркивает особенности американского образа жизни и скоротечность времени.

Широко употребляются идиомы с названиями денежных единиц. Идиомы этой группы обозначают «денежные отношения», «материальное положение», «бережливость», «умственные способности», «физические потребности» и «обман»: *not the full shilling* – ‘not mentally alert or quick-thinking’; *take the King's (or Queen's) shilling* (BE) – ‘enlist as a soldier’ (It was once the practice to pay a shilling to a man who enlisted as a soldier); *be dollars to doughnuts that* (NA) – ‘be a certainty that’; *top dollar* (NA) – ‘a very high price’; *count the (or your) pennies* – ‘be careful about how much you spend’; *in for a penny, in for a pound* – ‘used to express someone's intention to see an undertaking through, however much time, effort, or money this entails’; *not to have a penny to bless yourself with* – ‘be completely impoverished’ (This expression refers either to the cross on the silver pennies which circulated in England before the reign of Charles II or to the practice of crossing a person's palm with silver for luck); *the penny drops* (chiefly BE) – ‘someone finally realizes or understands smth’; *not to have two pennies to rub together* – ‘lack money; be very poor’; *pennies from heaven* – ‘unexpected benefits, especially financial ones’; *spend a penny* (Br inform.) – ‘to urinate’ (at one time coin-operated locks were commonly found on the doors of public lavatories); *accept a wooden nickel* (US) – ‘be fooled or swindled’; *not worth a plugged nickel* (US) – ‘of no value’ (a plugged coin has had a part removed and the space filled with base material); *be quids in* (BE inform.) – ‘be in a position where you have profited or are likely to profit from something’; *not the full quid* (AE and NZ inform.) – ‘not very intelligent’; *bang for your (or the) buck* (US inform.) – ‘value for money, performance for cost’.

До сих пор сохраняется отрицательная коннотация идиом, в состав которых входит этноним *Dutch*, что отражает историческую вражду между Англией и Голландией, которые веками были соперниками: *do the Dutch* (NA) – ‘commit a suicide’ (Dutch is short for ‘the Dutch act’. Apparently in the 19th century, when the expression originated, the Dutch had a reputation in America for attempting suicide); *Dutch courage* (GE) – ‘bravery induced by drinking alcohol’ (the phrase stems from a long-standing British belief that the Dutch are extraordinarily heavy drinkers); *in Dutch* (US inform.) – ‘in trouble’.

Группа идиом, обозначающая труд, включает в себя орудия труда и его организацию: *full of beans* (inform.) – ‘lively, in high spirits’ (this phrase was originally used by people who work with horses, and referred to the good condition of a horse fed on beans); *fair dinkum* (AE, NZ inform.) – 1) ‘genuine or true’; 2) (of behaviour) ‘acceptable’ (As a noun *dinkum* was an English dialect word meaning ‘hard work, honest toil’); *on your bike!* (BE inform.) – 1) ‘go away!’ 2) ‘take action!’ (Sense 2 became a catchphrase in 1980s Britain, when it was used as an exhortation to the unemployed to show initiative in their attempt to find work. It was taken from the speech by the Conservative politician Norman Tebbit in which he said of his unemployed father: “He did not riot, he got on his bike and looked for work.”); *ball the jack* (NA) – ‘go fast, hurry’ (the expression has its origin in US railway terminology, where *highball* is a signal to proceed and *jack* is a locomotive); *hang out your shingle* (NA) – ‘begin to practice a profession’ (The main and oldest sense of *shingle* is ‘a wooden roofing tile’, but in the early 19th century the word developed the more general sense of ‘a piece of board’, while in the USA it also acquired the particular meaning ‘a small signboard’. Literally, *hanging out your shingle* refers to hanging up a sign that advertises your profession.); *rattle your dags* (AE, NZ) – ‘hurry up’ (*dags* are the extra-clotted lumps of wool at the rear end of a sheep, which, in heavily fouled animals, rattle as they run); *poke mullock at* (AE, NZ) – ‘ridicule someone’ (In AE ‘mullock’ came to be used of rock that either did not contain gold or from which the gold had been extracted, and it then developed the extended sense of ‘worthless information or nonsense’); *have kangaroos in the/your top paddock* (AE) – ‘be mad or eccentric’; *paint the Forth Bridge* (BE) – ‘used to indicate that a task can never be completed’ (The steel structure of the Forth Railway Bridge in Scotland has required continuous repainting: it is so long that once the painters reach one end, they have to begin again at the other); *all-singing, all-dancing* (BE) – ‘with every possible attribute, able to perform any necessary function’ (This phrase is used particularly in the area of computer technology, but it was originally used to describe show-business acts. Ultimately, it may come from a series of 1929 posters which advertised the addition of sound to motion pictures. The first Hollywood musical, MGM’s *Broadway Melody*, was promoted with the slogan *All Talking All Singing All Dancing.*); *get your cards* (BE inform.) – ‘get dismissed from your employment’ (*Cards* are the national insurance card and other documents relating to an employee that are retained by the employer during the period that the employee works for them).

Следующие идиомы, имеющие в своем составе названия еды, напитков, одежды, предметов обихода и транспорта, отражают особенности быта, в частности, общественных взаимоотношений и чувств людей в англоязычных странах: *come the raw prawn* (AE) – ‘пытаться охмурить, надуть, облапошить’; *have had the biscuit* (CE) – ‘be no longer good for anything, be done for’; *the big enchilada* (NA inform.) – ‘a person or thing of great importance’; *the whole enchilada* (NA inform.) – ‘everything, the whole situation’ (An *enchilada* is an American Spanish word for a tortilla served with chilli sauce and a filling of meat or cheese); *make a Horlicks of* (BE inform.) – ‘make a mess of’; *Adam’s ale* – “вино Адама”, вода; *mend like sour ale in summer* – ‘стать ещё хуже’; *get a guernsey* (AE) – 1) ‘be selected for a football team’, 2) ‘gain recognition or approbation’ (A *guernsey* is a type of knitted shirt or sweater; in Australia the word is specifically applied to a football shirt); *the rough end of the pineapple* (AE, NZ) – ‘bad

treatment'; *banana oil* (US, AE inform.) – ‘nonsensical talk’; *go bananas* (inform.) – 1) ‘become extremely angry or excited’, 2) ‘go mad’; *drop your bundle* (AE) – ‘panic or lose one’s self-control’ (This expression comes from an obsolete sense of bundle meaning ‘swag’ or ‘a traveller’s or miner’s bundle of personal belongings’); *go a bundle on* (BE) – ‘be very keen or fond of’ (In this idiom, bundle is being used in the late 19th-century US slang sense of a bundle of money, i. e. a large sum. *To go a bundle on* was originally early 20th-century slang for betting a large sum on horse); *in the cart* (BE inform.) – ‘in trouble or difficulty’ (A cart was formerly used to take convicted criminals to the public gallows and to expose prostitutes and other offenders to public humiliation in the streets).

Достаточно многочисленны идиомы, представляющие искусство и культуру англоязычных стран: *cut to the chase* (NA inform.) – ‘come to the point’ (In this idiom, *cut* is being used in the cinematographic sense ‘move to another shot in a film’. Chase scenes are a particularly exciting feature of some films, and the idiom expresses the idea of ignoring any preliminaries and coming immediately to the most important part); *jump on the bandwagon* – ‘join others in doing something or supporting a cause that is fashionable or likely to be successful’ (bandwagon was originally the US term for a large wagon able to carry a band of musicians in a procession); *waltz (or walk). Matilda* (AE) – ‘carry a bundle of your personal possessions as you travel the roads’ (The name *Matilda* was one of a number of names given to the swag or pack carried by bushmen in Australia. The expression was famously used by A. B. Paterson in his 1903 song ‘Waltzing Matilda’); *whistle Dixie* (US) – ‘engage in unrealistic fantasies, waste your time’ (*Dixie* is informal name for the Southern states of the USA. The marching song ‘Dixie’ was popular with Confederate soldiers in the American Civil War); *early doors* (BE) – ‘early on, especially in a game or contest’ (Apparently this expression arose with reference to a period of admission to a music hall ending some time before the start of the performance and giving a better choice of seating); *do a Melba* (AE, NZ) – 1) ‘return from retirement’, 2) ‘make several farewell appearances’ (The Australian operatic soprano Nellie Melba (the stage name of Helen Mitchell, 1861 – 1931) made repeated ‘farewell’ appearances); *second banana* (NA, inform.) – ‘the second most important person in an organization or activity’; *top banana* (NA, inform.) – ‘the most important person in an organization or activity’ (the two expressions above originated in US theatrical slang. *The top banana* was originally the comedian who topped the bill in a show, while *the second banana* was the supporting comedian) следующие идиомы отражают обычаи и ритуалы: *bury the hatchet* (GE) – ‘end a quarrel or conflict and become friendly’ (This expression makes reference to a Native American custom of burying a hatchet or tomahawk to mark the conclusion of a peace treaty); *point the bone at* (AE) – ‘betray someone, cause someone’s downfall’ (The phrase comes from an Australian Aboriginal ritual, in which a bone is pointed at a victim so as to curse them and cause their sickness or death) в данную группу входят идиомы, связанные со спортом и играми: *not cricket* (BE inform.) – ‘contrary to traditional standards of fairness or rectitude’ (The game of cricket, with its traditional standards regard for courtesy and fair play, has been a metaphor for these qualities since at least the mid 19th century); *have had a good innings* (BE inform.) – ‘have had a long and fulfilling life or career’ (in cricket, an *innings* is the period that a team or batsman spend batting, and a *good innings* is one during which a lot of runs are scored); *play*

ball – ‘work willingly with others, cooperate’; a whole new *ball game* (inform.) – ‘a completely new set of circumstances’; *bat a thousand* (US inform.) – ‘be enjoying great success’; *off your own bat* (BE) – ‘at your own instigation, spontaneously’; *in the catbird seat* (NA inform.) – ‘in a superior or more advantageous position’ (This expression is said to have originally referred to a baseball player in the fortunate position of having no strikes and therefore three balls still to play); *get to first base* (NA inform.) – ‘achieve the first step towards your objective’; *off base* (NA inform.) – ‘mistaken’; *touch base* (inform.) – ‘briefly make or renew contact with someone or something’; *Monday morning quarterback* (NA) – ‘a person who is wise after the event’ (in American football, a quarterback is the player stationed behind the centre who directs the team’s attacking play. In North American English the word has also developed the sense of ‘a person who directs or coordinates an operation or project’. A *Monday morning quarterback* is someone who passes judgment on something or criticizes it when it is too late for their comments to be of any use, since the particular game or project in question has finished or been completed); *pig/piggy in the middle* (BE) – ‘a person who is placed in an awkward situation between two others’ (This expression comes from the name of a game in which two people attempt to throw a ball to each other without a third person in the middle catching it); *beer and skittles* (BE) – ‘amusement’ (The game of skittles is used as a prime example of a form of light-hearted entertainment).

Выводы и перспективы. Таким образом, в статье дается определение реалии, рассмотрена предметная классификация реалий, которая проиллюстрирована достаточным количеством идиом, употребляющихся в национальных вариантах английского языка. Данное исследование перспективно, так как владение английским языком его носителями в разных странах не подразумевает знание реалий, присущей определенной англоязычной культуре. Изучение идиом с компонентом реалий способствует решению проблем межкультурной коммуникации в рамках англоязычного сообщества, а так же актуально для иностранцев, изучающих английский язык.

Литература:

1. Влахов С. Непереваемое в переводе / С. Влахов, Флорин. – М. : Международные отношения, 1980. – 343 с.
2. Верещагин Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – [3-е изд, перераб. и доп.]. М. : Русский язык, 1983. – 269 с.
3. Ажнюк Б. Н. Лингвострановедческие аспекты английских фразеологизмов: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10. 02. 04 «Германские языки» / Б. Н. Ажнюк. – К., 1984. – 24 с.
4. Ажнюк Б. М. Англійська фразеологія в культурно-етнічному висвітленні / Б. М. Ажнюк. – К. : Наукова думка, 1989. – 136 с.
5. Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 344 с.
6. Ayto J. Oxford Dictionary of English Idioms / John Ayto. – [3d edition] – Oxford ; New York: Oxford University Press, 2010. – 408 p.
7. Collins COBUILD Dictionary of Idioms. – Glasgow: The University of Birmingham, HarperCollins Publishers, 2001. – 494 p.
8. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин ; лит. ред. М. Д. Литвинова. – [4-е изд, перераб. и доп.] – М. : Рус. яз, 1984. – 944 с.

9. Ромова О. М. Понятие «реалия» в ряду других научных терминов в лингвистике [Электронный ресурс] / О. М. Ромова. – Режим доступа: <http://www.vestnik-mgou.ru/mag/2010/ling/2/st13.pdf>

Чорнобай С. Є. Ідіоми з етнографічними реаліями в національних варіантах англійської мови / С. Є. Чорнобай // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 555–561.

У статті розглядається визначення реалії, представлена класифікація етнографічних реалій. Практичний матеріал дослідження складається з англійських ідіом із етнографічними реаліями в британському, американському, канадському, австралійському та новозеландському національних варіантах англійської мови. За допомогою компонентного аналізу та описового методу проаналізовані семантичні особливості англійських ідіом із етнографічними реаліями у національних варіантах англійської мови. Роботу виконано в аспекті лінгвокультурології.

Ключові слова: ідіома, реалія, семантика, національний варіант, мовна картина світу.

Chornobay S. Y. Idioms with ethnographic realias in national variants in english / S. Y. Chornobay // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 555–561.

The article draws attention to the fact that the idioms study in the aspect of area studies began in the 80-ies of the XX century and became very acute as the data, which are possessed by the members of a definite ethnic and language community, are usually connected with the national culture and history. It is necessary to point out that in actual functioning English as a archisystem is realized as national language variants in Great Britain, the USA, Canada, Australia and New Zealand. Thus, the investigation of idioms with ethnographic realias in national variants of English is rather perspective as it will help to identify the peculiarities of English-speaking linguistic image of the world, presented by the national linguistic images of the world of the British, the Americans, the Canadians, the Australians and the New Zealanders, and will help to avoid the problems of intercultural communication. The article scrutinizes the definition of the realia. Realias are understood as words or word combinations which name the objects, being peculiar for the life (lifestyle, culture, social and historical development) of one people and being alien to another one; being the bearers of the national and/ or historical colouring, they usually don't have exact equivalents in other languages. So, the study of idioms in the aspect of the novel linguistic trend as linguoculturology is urgent. The article also stresses that realias should be differentiated from such similar notions as localism, lacuna, barbarism, exotic and non-equivalent lexis. The practical investigation material comprises English idioms with ethnographic realias in British, American, Canadian, Australian and New Zealand national variants of English. With the help of componential analysis and descriptive method the research analyzes semantic peculiarities of English idioms with ethnographic realias in national variants of the English language. The scientific research is carried out within the trend of linguoculturology.

Key words: idiom, realia, semantics, national variant, linguistic image of the world.

Поступила в редакцію 01.03.2013 з.

УДК 811. 512. 162+811. 12

ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА КАК ИСТОЧНИК СИНОНИМИИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Байрамова Г.

*Институт языкознания Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В данной статье анализируются синонимы на лингвокультурологическом уровне и значение метафорических синонимов в Азербайджанском и итальянском языках. Также отмечается, что по признаку метафорической синонимии ряд семантической градации делает возможным применение к новому измерению взаимосвязи различных понятийных связей.

Ключевые слова: синоним, метафора, сигнификат, культурологический, внутриязыковой

Постановка проблемы. Справедливо будет согласиться с замечанием А. Вербицкой о том, что каждый язык сам по себе является олицетворением некой «семантической вселенной» [4, 299]. И метаморфозы, происходящие в пределах этой «семантической вселенной», в первую очередь, регулируются психологией, мировоззрением, взглядом на жизнь и ценностями людей, говорящих на этом языке. С этой точки зрения не удивительно, что ключ к объяснению семантических переРождений, наблюдаемых в том или ином языке, кроется в своде закодированных символов прошлого и восприятию жизни носителей этого языка.

Для восприятия в метафорическом образе репрезентативного значения какого-либо предмета, явления, или события необходимо иметь понятие о системе символов данной системы. Интересно, что конкретная система символов, способная дешифроваться на лингвокультурологическом уровне, помогает понять значение «метафорических синонимов», сосуществующих в том или ином языке. На просторах семиологии любого языка наряду со случаями стандартной лексической синонимии имеется и особый вид синонимов, считающийся показателем метафорического творческого потенциала данного народа. По известным и не вызывающим споров причинам подобные случаи синонимии, если и не отождествлять с фактами лексической синонимии, то неверно и однозначно говорить об их контекстной зависимости.

Говоря иными словами, метафорические синонимы – это отнюдь не зависимые от определенного контекста и толкуемые в рамках заданного контекста стилистические синонимы. Случаи общей сигнификации, о которых мы поведем далее речь, не ограничиваются наличием фактов метафорической синонимии и фактов, являющихся авторской «находкой» и соответствующей сюжетной линии определенного произведения. Мы обратимся к «внутриязыковым» случаям метафорической синонимии, обусловленным этнопсихологическими факторами и объясняемым на лингвокультурологическом уровне. В качестве «внутриязыковых» случаев мы будем понимать некое метафорическое синонимическое состояние, способное семантически

кодифицироваться в пределах языковой системы, не требующее дополнительного объяснения и легко понимаемое носителями данного языка. Заметим, что достаточно несколько выйти за пределы данного состояния, и мы столкнемся с тем, что в некоторых случаях метафорической синонимии, которые мы рассмотрим далее, внутренний словарь кодификации носителей определенного языка, без ограничения переходит в область международного использования. С учетом этнокультурологических факторов, данный вопрос связан с социальным «статусом» конкретного общества, т. е. с возможностями и уровнем его выхода на мировую арену.

Метафорические описания, представляют собой более образную характеристику в отличие от привычного нам описания того или иного предмета, явления, состояния, чем служат обогащению синонимии. К примеру, если в статических синонимических рядах сигнификативная общность конкретных единиц номинации играет решающую роль, то в метафорических синонимах наблюдается иная картина. Метафорическим синонимам присуща не имплицативные связи, возникающими между двумя субъектами первичного денотата, а имплицативная связанность (более подробно см. 2, 153-172), при которой на денотат переносится новое значение. И как результат, и мы сталкиваемся со случаями сигнификативной общности.

Общеизвестно, что «за всю историю изучения метафоры накопилось множество определений этого явления. Вот лишь некоторые из них: метафора – это «язык страсти» (Роджерс), «коллапс значения» (Рикер), «черная дыра языкового мира» (Фрейзер), «категориальная ошибка» (Райл), «солнечное затмение в сфере языка» и т. п. [6, 171]. Именно «называние» метафорой предмета, явления, состояния из окружающего мира в ином «представлении» превращает ее (метафору) в интересный материал с точки зрения исследования человеческой психологии, в том числе и исследования богатства психологии отдельных народов. “Кто-то может подумать, что если метафора “рисует словами”, это значит, что дальше слов метафора не проникает. Так ли это? Мы согласны с Ричардсом, утверждающим, что “метафорична сама мысль” [8, 47].

Синонимы, которые появляются благодаря метафоре, опираются на импликацию, на привычные и проверенные для данной общности определенные ассоциации. В этих условиях «синонимами являются не слова вообще, а слова в конкретных значениях, определяемые типизированными контекстами их употребления» [11, 128]. Если в таком понимании исходить из классификации Н. Ф. Алефиренко, то метафорические синонимы однозначно следует отнести к ряду «синонимов по сигнификату». Напомним, что с учетом наличия различных механизмов синонимического сближения слов, лингвист выделяет: «а) синонимию по денотату, когда у слов совпадает предмет обозначения, но не понятия...б) **синонимию по сигнификату, когда слова выражают одно и то же понятие, но обозначают разные предметы** (курсив наш), например: *кровоподтёк* – подкожное кровоизлияние, *синяк* – посиневший кровоподтек, *фонарь* – синяк, обычно под глазом» [1, 218].

В этой связи уместно добавить что, «образование синонимических единиц происходит на базе трех основных когнитивных процессов: ассоциирования, категоризации и лексикализации. Синонимические связи возникают в области пересечения нескольких категорий в зоне смысловой близости» [12, 8]. В процессе обусловленной когниции метафорической синонимии в одной из звеньев имплицативной це-

почки, обобщения опирающиеся на практику ассоциаций, выступают на передний план, и, следовательно, подвергаются лексикализации. Следует также отметить, что по признаку, присущему метафорической синонимии, ряд семантической градации делает возможным применение к новому измерению взаимосвязи различных понятийных связей. В результате этого возникают достаточно интересные переходные образы. В связи с исследованием проблем языковой метафоры как источника синонимии особый интерес вызывают рассуждения Ж. Вардзелашвили. Ученый пишет: «Становясь в переносном значении синонимичными, метафорические существительные употребляются как однородные члены, создавая определенную градацию признаков: "В отдельных местах капли конденсируются, сгущаются, образуют ручейки, омуты, озера и полноводные реки хамства."; "На верхнем холсте пестрел яркий узор красок — даже не узор, а взрыв цвета" [3, 135].

Сравнительный анализ просторов семасиологии азербайджанского и итальянского языков позволяет закрепить факт наличия инвентаря метафорической синонимии и свидетельствует о наличии у носителей языка богатого воображения, несущего печать исторической действительности и системы этнокультурных ценностей. Безграничный интерес двух народов к искусству, неповторимость художественного мастерства сыграло решающую роль в обогащении синонимической базы языка носителей данного языка. Заметим, что определенная группа метафорических синонимов, имеющих в каждом из этих языков, лишь в восприятии его носителей может выступать в качестве синонимов соответствующих слов. Так, специфика этой метафоризации зачастую переводит их в статус фразеологических единиц, а это, в свою очередь, как правило, обуславливается отсутствием адекватного семантического эквивалента. Например: в азербайджанском языке в синонимическом ряду таких адъективных лексических единиц как "xoşagəlimli" (миловидный, приятный, привлекательный, симпатичный), "qəşəng" (красивый), "məlahətli" (обаятельный, очаровательный, приятный) есть место и слову "suyuşirin" (досл. su – вода, şirin – сладкий в знач. *располагающий к себе*) на итальянский и русский языки полностью адекватный (метафорически значимый) перевод этого слова невозможен. Аналогична и картина с итальянскими словами "caro", "amato", "grazioso", "simpatico" в значении «милый», «дорогой». В синонимическом ряду этих слов есть и слово "tesoro" (в знач. «клад») и в азербайджанском, и в итальянском языках имеются метафорические синонимы, обусловленные синестезиальным восприятием. Если принять во внимание универсальность синестезиального восприятия, то можно с легкостью предположить, что можно с легкостью обнаружить их коррелянты в других языках. Например: слова "acı" (горькое) и "tikanlı" (колючее) в азербайджанском языке образуют синонимическую корреляцию, указанные же лексемы в словосочетаниях "acı söz" (букв. «горькое слово») и "tikanlı söz" (букв. «колючее слово») представляют собой случаи адъективной метафоризации. Аналогичные факты в итальянском языке исследованы у М. А. Кузьмина в его работе "Русская и итальянская адъективная метафоризация в сопоставительном аспекте". Читаем: «В сфере синестетических метафор наиболее актуальными метафоризаторами... В итальянском языке выступают номинации визуального и тактильного признаков (*sguardo chiaro* «ясный взгляд», *parole lubriche* «непристойные (букв. скользкие)

слова». Синестезия употребляется .... для обозначения ментальных свойств человека, а также отвлечённого признака (*carattere brusco* «резкий (букв. *терпкий, кислый*) человек», *situazione politica fluida* «нестабильная (букв. *текучая*) политическая ситуация»)» [8, 21].

Схожие случаи универсалий можно проследить и на примере синонимии лексем, связанных с зоометафоризмами. Так, применительно к человеку в азербайджанском языке к слову “hiyləgər” (в знач. *коварный*) с легкостью можно подобрать зоосиноним “tülkü” (в знач. *лиса*) [10, 375], к “qanmaz” (*невежа; бестолковый, непонятливый*) – “eşşək” (*мушкет*) [10, 112]; к “cəsarətli”, “igid” (в знач. *отважный, решительный, смелый*) – “qoç” (*бык*) [10, 233]. Аналогичное можно проследить и в итальянском языке. Например: метафорой “lumaca” (*улитка*) являются синонимы “ləng”, “asta” (в знач. *медленный*); “mulo” (*осел*) – “tərs”, “inadkar” (в знач. *упрямый*); “farfalla” (*бабочка*) – “əxlaqsız”, “tərbiyəsiz” (в знач. *невоспитанный, легкомысленный*) следует также добавить, что адекватный перевод подобных случаев метафории полностью зависит от наличия-отсутствия «общего идеоматического фонда» (термин принадлежит А. Смирницкому).

Данной проблеме посвящены и работы А. Гаджиевой. Ученый отмечает, что в отличие от английского языка в азербайджанском языке к слову “qurd” (в знач. *волк*) относятся не только слова “zalım” (в знач. *жестокый, бесчеловечный, безжалостный, бессердечный*), “acgöz” (в знач. *жадный, ненасытный, алчный*), “uyrtıcı” (в знач. *хищный, кровожадный*), но и равнозначно могут употребляться слова “cəsur”, “qoçaq”, “mərd”, “döyüşkən” (в знач. *смелый, решительный, неустрашимый, отважный, воинственный, боевой*) [5, 32]. В этом смысле для носителей итальянского языка, перенявшим латинский афоризм *Homo homini lupus est* «Человек человеку волк» (в современном итальянском языке в качестве латинского реликта сохранился вариант *Homo homini lupus*) вышеуказанный азербайджанский синонимический ряд будет непонятен. О невозможности избежать именно таких случаев М. Блек писал так: «В отличие от научного знания система общепринятых ассоциаций может содержать полуправду и даже ошибочные сведения, но для метафоры важна не истинность этих ассоциаций, а их быстрая активизация в сознании. (В силу этого метафора, актуальная в рамках одной культуры, может быть абсурдной в другой)» [2].

С этой точки зрения было бы неверным ожидать абсолютной адекватности зоометафор в азербайджанском и итальянском языках. Например: “belva” (“uyrtıcı heyvan” в знач. *хищное, кровожадное животное*) – “qəddar” (в знач. *коварный, ярый, лютый, заклятый, заядлый, махровый; жестокий, безжалостный*), “civetta” (“bayquş” в знач. *вечно плачущий, ноющий, изнывающий*) – “daim özünə diqqət cəlb etmək istəyən qadın” (в знач. *женщина, постоянно требующая к себе внимание*) “moscone” (“milçək” в знач. *муха*) – “pərəstişkar” (*фанат, поклонник, обожатель*); “orso” (“ayı” в знач. *медведь*) – “tənhalıği xoşlayan adam» (в знач. *человек, любящий одиночество*), “ravone” (“tovuz quşu” в знач. *павлин*)- “lovğa” (в знач. *кичливый, хвастливый, высокомерный, надменный*), “gospo” (“qurbağa” в знач. *лягушка*) – “çirkin”, “iugənc” (в знач. *некрасивый, невзрачный, неказистый, дурной*), “serpe” (“ilan” в знач. *змея*) – “ikiüzlü”, “etibarsız” в знач. *двуличный,*

лицемерный, неискренний”; “mollusco” (“mollyusk” в знач. “моллюск”)- “zəif”, “gücsüz” (в знач. *слабый, бессильный, немощный*) и т. п.

В современном азербайджанском и итальянском языках имеется и такая группа случаев метафоризации, понятийные границы которой с легкостью могут преодолеть только носители данного языка т. е. они приобрели «международный статус». В основном, это «синонимы», исполняющие функции таких ономастических единиц как окказиональные онимы и мезонимы (об этом смотри подробно 7; 5-13) например: “Azərbaycan” (“Азербайджан”) – “*Odlar Yurdu*” (“Страна огней”), “Bakı” (“Баку”)– “*Küləklər şəhəri*” (“Город ветров”); “Roma” (“Рим”) – “*Città eterna*” (“*Əbədi şəhər*”- “Вечный город”), “Yuventus” (“Ювентус”) – второе название, принятое болельщиками футбольной команды и знатоками футбола; “*Vecchia signora*” (“*Qoca Senyora*”- “Старая сеньора”) и т. п.. Явление мезонимии может быть мотивировано как реальными факторами, так и конкретным литературным воображением, в некоторых же случаях авторство метафорической синонимии может принадлежать народу. Например: заслуга того, что “Рим” назван “вечным городом”, принадлежит Альбию Тибулу, который так условно назвал его в одной из своих незабвенных элегий. И, напротив, Баку получил свой оним “*страна ветров*” по своим климатическим особенностям, а “Азербайджан” – за наличие природных ископаемых (нефти и газа), и не имеют конкретного автора.

Выводы и перспектива. Изложенное выше охватывает лишь часть фактов метафорической синонимии в азербайджанском и итальянском языках. Однако анализ даже этих факторов позволяет пролить свет на значение указанного лингвистического явления.

Литература:

1. Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс / Алефиренко Н. Ф. – М. : Издательский центр «Академия», 2010, 384 с.
2. Блэк М. Метафора [Электронный ресурс] / Блэк М. // Теория метафоры. – М. 1990. – С. 153-172. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/black-90.htm>
3. Вардзелашвили Ж. Языковая метафора как источник синонимии [Электронный ресурс] / Вардзелашвили Ж. // Труды Тбилисского государственного педагогического университета им. С. -С. Орбелиани. – Том VII. Тб, 2000, 133-139. – Режим доступа: <http://vjanetta.narod.ru/metaf.html>
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Вежбицкая А. – М. : Языки русской культуры, 1971. – С. 299.
5. Гаджиева А. К. Зоометафоризмы (на материале английского и азербайджанского языков) / Гаджиева А. К. – Баку: Нурлан, 2006. – 151с. (на азербайджанском языке)
6. Заколотная Е. Е. Использование спортивной метафоры в других сферах деятельности [Электронный ресурс] / Заколотная Е. Е. // Roczniki Naukowe. Wyższej Szkoły. Wychowania Fizycznego i Turystyki w Białymstoku, 2010. – С. 171-175. – Режим доступа: <http://wsffit.com.pl/site-media/download/wydawnictwa/Roczniki%20WSWFiT%202010.pdf>
7. Климова М. В. Структуры переходного типа между именами нарицательными и именами собственными в русском языке / Климова М. В. . автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. – Елец, 20 с.
8. Кузьмина, М. А. Метафора как элемент методологии современного научного познания [Электронный ресурс] / Кузьмина, М. А. // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 42-51. – Режим доступа: <http://www.kirdina.ru/doc/news/9mar06/1.pdf>
9. Кузьмина М. А. Русская и итальянская адекативная метафоризация в сопоставительном аспекте / Кузьмина, М. А. . автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. – Новосибирск, 2009. – 29 с.
10. Словарь синонимов азербайджанского языка / составитель: Н. Сеидалиев. – Баку: Восток-Запад, 2007. – 424 с, (на азербайджанском языке).

11. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Шмелев Д. Н. – М. : Наука, 1973. – 280 с.

12. Шумилова А. А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка) / Шумилова А. А.. . автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н.. – Кемерово, 2009. – 24 с.

Байрамова Г. Мовна метафора як джерело синонімії в азербайджанській та італійській мовах / Г. Байрамова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 562–567.

У даній статті аналізуються синоніми на лінгвокультурологічному рівні та значення метафоричних синонімів у азербайджанській та італійській мовах. Також наголошується, що за ознакою метафоричної синонімії ряд семантичної градації робить можливим застосування до нового виміру взаємозв'язку різних поняттєвих зв'язків.

Ключові слова: синонім, метафора, сигніфікат, культурологічний, внутрішньомовний

Bayramova G. Linguistic Metaphor as a Source of Synonymy in the Azerbaijani and Italian Languages / G. Bayramova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 562–567.

In this article the synonyms and the meaning of the metaphoric synonyms are analyzed on the linguo-cultural level in the Azerbaijani and Italian languages.

It is noted that for the character in the certain metaphoric synonyms, the catena of semantic gradation rend possible application of different conceptual relations to a new dimension.

Key words: synonym, metaphor, signification, culturological, intralingual

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

УДК 81'362. 2'373. 612. 2'373. 7

**СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИМПТОМАТИЧЕСКИХ
ВЫРАЖЕНИЙ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ГНЕВ»
В АРАБСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ**

Рублева В. В.

Постановка проблемы. Симптоматические выражения – уникальный пласт лексики языка, детерминирующий основные концепты эмоций человека. В виду того, что не все проявления человеческих эмоций доступны для непосредственного визуального наблюдения, их необходимо изучать через призму языковой репрезентации.

Актуальность. Изучение метафорических моделей образования устойчивых фразеологических единиц в настоящее время являет собой интересный материал для исследования. Детерминация и компаративистика метафор в трех языках исследования (арабском, английском и русском) позволяет составить четкую картину понимания данных языков, а также избежать некорректного перевода симптоматических единиц. Метафорические модели изучались в работах З. Ковечеша [14], Дж. Лакоффа [7], концепт эмотивности – в работах Иорданской Л. Н [5].

Цель статьи – выявление типологических метафор, интерпретирующих симптоматические выражения семантического поля «гнев» в русском, английском и арабском языках.

В статье необходимо решить следующие **задачи**:

1. Дать определение понятий «фразеологизм», «устойчивые сочетания», «метафора», «симптоматическое выражение»
2. Систематизировать категорийные метафоры, выявить общие черты и различия на материале арабского, английского и русского языков;
3. Охарактеризовать особенности употребления симптоматических выражений, ссылаясь на превалирование способов выражения эмоций у трех разных народов.

Источниками фактического **материала** являются двуязычные специализированные русско-арабские и арабско-русские словари: Баранов Х. К. “Арабско-русский словарь” [2], Борисов В. М. “Русско-арабский словарь” [11], “Англо-русский фразеологический словарь” Кунина А. В [1].

В ходе работы были использованы следующие **методы**: описательный, исторический, сопоставительный, семантический (метод компонентного анализа).

Объектом исследования являются симптоматические выражения для обозначения эмоции с компонентом «гнев», а также сравнительный анализ метафор, образующих фразеологические единицы.

Для полного освещения проблемы и ее понимания необходимо дать определения следующих **понятий**: фразеологизм, метафора, устойчивое сочетание, симптоматическое выражение.

Фразеологизм – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава [13].

Устойчивые сочетания – это составные лексемы, иногда их называют «языковыми клише» (или «штампами»), они вставляются в нашу речь целиком. Устойчивые сочетания — это не речевые комбинации знаков, а особые сложные знаки [9].

Метафора – это концепт, в основе которого «предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи — осуществления процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума» [10].

Симптоматические выражения – языковые выражения, обозначающие внешние симптомы внутренних состояний человека, в частности эмоций [5].

Для понимания формообразования метафорических структур нам необходимо дать определение такой эмоции как «гнев», т. е. изучить психологию данной эмоции, а затем выявить биологические изменения в организме (визуализированные и не визуализированные), происходящие с развитием гнева в теле человека, позволяющие рассмотреть развитие данной эмоции по вертикали.

Гнев – эмоциональное состояние, отрицательное по знаку и воспринимающееся негативно. Однако гнев – это базовая эмоция. Гнев вызывает подъем, хотя и кратковременный, жизненных сил, он является своего рода их мобилизатором. Ограничение физической свободы – универсальный активатор гнева. Это могут быть физические помехи, правила, законы или же личная беспомощность. Если препятствия незначительные и неопределенные, непосредственная реакция может в гневе не выражаться. Однако если определенный барьер действительно мешает достижению желаемой цели, гнев рано или поздно обязательно возникнет. Другие причины гнева заключаются в личном образе [3, 240-267].

В исламе гнев понимается как эмоциональное возбуждение, вызванное сильным недовольством из-за обиды или несправедливости. Считается, что «мгновенный гнев», возникновение которого неподвластно контролю человека, является естественным и не предосудительным. В отличие от него, действия, совершаемые под влиянием гнева — осуждаются.

В христианстве гнев понимается как «сильное, возбужденное состояние духа против ближнего», греховность или безгрешность которого зависит от его причин, цели и степени. Считается, что гнев благочестивых людей представляет собой их крайнее отвращение и негодование против греха, является безгрешным и не чужд даже Богу. В то же время гнев против ближнего, особенно затягивающийся, считается греховным, способным перерасти в злость и желание мести. Греховный гнев считается одним из семи смертных грехов.

Кроме того, нам следует добавить в наше исследование психологические и культурные особенности народов.

Арабы — люди экспансивные и горячие. Для них характерны повышенная реактивность и бурный характер поступков. Их действия сопровождаются импульсивностью, порывистостью, несдержанностью в проявлении своих чувств и эмоций. Но их горячность легка, гнев быстро проходит. Вспыхнувшая ссора быстро затихает. Между собой спорящие арабы практически никогда не дерутся, хотя в процессе ссоры могут осыпать друг друга самыми страшными угрозами. Жестикуляция у арабов — активный помощник в разговоре. Жесты разнообразны и очень отличаются по значению от европейских. Некоторые, кажущиеся обидными европейцам жесты, — абсолютно безобидны для арабов, и наоборот. Высока впечатлительность большинства арабов. В зависимости от причины и источника возбуждения эта впечатлительность либо приводит их в крайнюю степень восторга, либо доводит до слез.

В Англии все очень вежливо. Во времена британской империи десятилетиями и столетиями людей воспитывали следующим постулатом «при всех своих испытаниях, у тебя должна быть неподвижна верхняя губа», то есть ничто не должно вызывать эмоций на публике. Эта абсолютная беспристрастность истинного британца воспринимается всеми как надменность и высокомерие, и иностранцам бывает очень трудно общаться с англичанами.

А сейчас рассмотрим языковые особенности идиоматических выражений в этих языках.

В английском языке, согласно Лакоффу «культурная модель всех физиологических проявлений, особенно та часть, которая указывает на жар, тепло, является основой для метафор гнева: «Гнев — это жар». Однако в английском языке есть два варианта этой основной метафоры: когда мы гнев относим к твердым телам, и когда — к жидкостям.

Используя метафору «Гнев — это жар» по отношению к твердым телам, мы трансформируем ее в метафору «Гнев — это пожар» [7, 491-514].

Используя данный вариант метафоры, мы можем привести несколько примеров в английском языке *to do a slow burn* — медленно нарастает гнев (досл. «медленно гореть»), *to add fuel to the fire* — подлить масла в огонь (досл. «добавить горючего в пламя»), *smoke is pouring out of ears* — дым валит из ушей (досл. «дым валит из его глаз»).

Эти стилизованные выражения вызывают две картины «контейнера». Первая — тело человека — это «контейнер» и пожар бушует у него внутри, а вторая — огонь полыхает за границами «контейнера» (тела человека), но изнутри он как бы подогревается и усиливается. И эта вторая картина приближает нас к следующему варианту основной метафоры «Гнев — это жар». И ее можно определить следующим образом: «гнев — это горячая жидкость в сосуде». : *to make blood boil* — довести до бешенства (досл. «заставить кровь кипеть»), *to reach the boiling point* — терпение лопнуло (досл. «он достиг точки кипения»), *to steam up* — сердиться (фразовый глагол), *to blow off steam* — выпустить пары, дать выход чувствам, разрядиться (досл. «спускать пары»), *to flip lid* — обозлиться, внезапно стать очень злым (досл. подбросить крышку), *to blow top* — снести крышу, стать очень злым (досл. «снести верхушку») [1].

Разрушительная сила гнева очевидна: если горячую жидкость в замкнутом контейнере подогревать еще больше, то она будет закипать и искать себе выход наружу; в другом же случае это может вызвать взрыв.

Рассмотрим развитие эмоции гнева на примерах.

To be \ become \ get angry – غضب/غاظ/سخط/حدّ – разозлиться

Сначала обратим внимание на те явления, проявления которых мы можем обнаружить во всех трех языках.

До того как человек начинает сердиться, он **теряет терпение, подходит к** так называемой его **грани, достигает точки кипения**.

В английском языке: to be on the edge – быть нервным или обеспокоенным (букв. «быть на грани»), to reach (achieve) the boiling point – терпение лопнуло (букв. «он достиг точки кипения»).

На арабский язык данную идиому можно перевести как недостаток терпения: قَلَّ صبره / عيّل صبره – букв. «его терпение уменьшилось»

Также, еще до того как мы начинаем терять свое терпение, мы можем быть просто обиженными или **дуться на кого-то**:

مطّ بوزه – букв. «вытянуть свой рот»

А затем происходит эмоциональный взрыв. Например: to blow up – взорваться.

Итак, мы выходим из себя, наше терпение лопаается. В арабском языке, глаголы обозначающие данную стадию гнева находятся в пассивном залоге:

نفد صبره – у него лопнуло терпение (букв. его терпение иссякло)

فرغ صبره – у него лопнуло терпение (букв. его терпение израсходовалось)

لقد تجاوزت حدود الادب – у него лопнуло терпение (букв. «он перешел границы воспитания»)

В русском языке мы также даем выход свои чувствам, избытку эмоции, т. е. **отводим душу** или **выпускаем пар**.

От внезапного приступа гнева может **сорвать башню** или **снести крышу**.

В английском языке: to blow top – снести крышу, стать очень злам (букв. «снести верхушку»).

Стоит также заметить, что англичане сами «срывают себе крышу».

В припадке гнева человек может **слететь с катушек**. В английском варианте вместо катушек используется рукоятка, с которой также слетают: to fly off the handle = букв. «слететь с рукоятки».

В арабском варианте люди переходят границы или теряют контроль над нервами:

خرج عن طوره – выйти из себя из равновесия (букв. «выйти из состояния, границ»)

فقد اعصابه – нервы сдали/не выдержали, он не сдержался (букв. «он покинул свои нервы»)

وعى خرج عن – выходить из себя (букв. «выходить из сознания»)

В состоянии сильного возбуждения или гнева может показаться, что у человека **изо рта появляется пена**. Здесь наблюдается явная параллель с симптомами бешенства: **прийти в бешенство, в ярость, с пеной у рта** (доказывать, например): He got so angry that we could almost see him **foaming at the mouth**.

В арабском языке мы можем обнаружить проявления бешенства, но немного иного характера: люди рвут и мечут, метают громы и молнии

هاج و ماج – сильно шуметь, волноваться (букв. «буйно вести себя и волноваться»)

هاج هائجه – буйно вести себя, неистовствовать (букв. неистовствовать своим гневом)

رعد و برق – метать громы и молнии (букв. «греметь и блистать»)

Иногда нас что-то или кто-то так сильно достает, что мы начинаем **щетиниться**, в переносном смысле, разумеется. *bristle up* – ощетиниться, ерошиться (фразовый глагол) / *to set up one's bristles* – ощетиниться, рассердиться.

ليس له جلد النمر – ощетинился, обозлился (букв. «он надел для него кожу тигра»)

Интересен тот факт, что *نمر* (глагол) имеет значение сердиться, злиться, а глагол 5-ой породы *تنمر* – переводится «сердиться, злиться, действовать как тигр»

كشر عن انيابه – оскалить зубы (букв. «показать, обнажить свои клыки»)

Когда человек очень сердит, то он **точит зубы** на кого-то, в арабском языке – зубы жгут:

حرق الامر على – точить зубы на к-л (букв. «жечь коренной зуб на к-л»)

حرق الامر من شدة الغيظ – скрежетать зубами от злости (букв. «жечь коренные зубы от сильной злости»).

И, как мы видим из этих примеров, порода глагола подчеркивает эмоциональную окраску фразеологизма. И таким образом третье выражение сильнее по своему значению.

Опыты доказали, что когда человек гневается, температура его тела возрастает на несколько десятых градуса. Конечно, это немного, но достаточно для того, чтобы посвятить этому состоянию несколько фраз с уклоном в гиперболу. Итак, когда человек очень сердит, то мы говорим, что он **закипает**.

В русском языке **кипит кровь, кровь ударяет в голову, наливается кровью, краснеет от гнева**. В арабском языке: تصاعدت الدماء الى راسه – кровь ударила в голову (букв. «поднялась в голову»)

Человек не может постоянно закипать. Ему необходимо разрядиться, выпустить пар: *to let / blow off steam* – выпустить пар.

В арабском языке: صب غضبه عليه – букв. «излить свой гнев»

صب سخطه – досл. «излить свою злобу».

صب عليه سوط النقمة – излить свой гнев на кого-либо (букв. «излить на него кнут совей злости»)

صب جام غضبه عليه – излить свой гнев на кого-либо (букв. «излить на него чашу своего гнева»)

Но есть еще и особые случаи, когда люди перекипели, не выпустили пар и уже начинают **дымиться от гнева**: *she is still fuming* – букв. «она еще дымится».

Итак мы рассмотрели несколько идиом, описывающих **снос башни** (крайнее проявление гнева, разговорный вариант), дали более близкие аналоги в арабском языке. Есть в английском языке еще один вариант, близкий к русскому, но уже другой. Здесь уже сносит не крышу, а **предохранитель**. *to blow a fuse* – букв. «сорвать предохранитель».

Что касается арабов, то они взрываются как вулкан: انفجر غيظا – букв. «взорваться гневом»

И, как уже упоминалось, огонь является признаком гнева. В арабском языке, если вы испытываете данное чувство, то ваше сердце зудит и жжет: حرقه القلب – букв. «жжение сердца».

Еще одной интересной особенностью арабского языка является то, что глагол, обозначающий то или иное чувство сопровождается существительным из того же семантического поля, что позволяет сделать акцент на данной эмоции.

Иногда бывает так, что вас доводят до состояния, когда вы вне себя от ярости. В данном случае, можно найти весьма интересные примеры, которые базируются на культурных особенностях.

Следующая идиома возникла, скорее всего, в США. Не секрет, что это – не многонациональная, а мультинациональная страна. И хотя каждый считает себя американцем, но не отказывается от своих корней. Ирландцы являлись одной из наиболее активных групп иммигрантов. Наиболее известными чертами ирландского характера являются вспыльчивость и гордость, что и нашло отражение в данной идиоме *to get his Irish up/ to wake up an Irishman* – букв. «выпустить своих ирландцев, разбудить ирландца».

В арабском языке два варианта этой идиомы:

طلع زرايينه – выпустить своих грубиянов

جعل نيران الغضب تتأجج في عروقه – пламя горит в его сухожилиях [1, 2, 11, 12].

Результаты. В статье были исследованы основные метафоры, образующие устойчивые симптоматические выражения семантического поля гнев, рассмотрев их с точки зрения сосуда, мы привели примеры фразеологических единиц в трех языках, а также систематизировали их, проследив эволюцию данной эмоции, начиная с легкого недовольства и заканчивая последней стадией – сносом, срывом башни/башки.

Таким образом мы можем прийти к выводу, что английский язык располагает большим количеством синонимов, которые наиболее точно описывают состояние человека.

Что касается арабского языка, то в первую очередь стоит заметить, что разные породы глагола, использующегося в идиоме, вносят свой оттенок значения, стилистические нюансы слова, сам по себе арабский глагол может нести фразеологическое значение.

Также стоит отметить тот факт, что арабы подкрепляют фразеологию мимикой и жестами, которые также несут смысловой оттенок. Арабы импульсивны и подвижны, жесты и мимика стоят на первом месте, а язык – вспомогательное средство общения.

Перспективы. Данное исследование фразеологии не является последним. В дальнейшем будет изучено цветовосприятие на примере фразеологизмов русского, арабского и английского языков.

Литература:

1. Англо-русский фразеологический словарь [Ок. 5000 единиц / составитель А. В. Кунин] – 8-е изд, стереотип. – М. : Рус. яз. – Медиа, А. В. Кунин 2007. – XII, 571, [9]. с. ISBN 978-5-9576-0370-2
2. Арабско-русский словарь [арабско-русский словарь / составитель Х. К. Баранов – В 2 т. – 11-е изд, стереотип.] – М. : Живой язык, Х. К. Баранов, 2006. – 456 с. – ISBN 5-8033-0377-1(т. 1). – ISBN 5-8033-0371-2
3. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб. : Питер, 2011 (оригинальное издание – Izard Carrol E. The Psychology of Emotions. N. -Y, 1991) – 461с. – ISBN 978-5-314-00067-0
4. Ильин Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин – СПб. : Питер, Серия «Мастера психологии», 2001. – 752 с. – ISBN: 5-318-00236-6

5. Иорданская Л. Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств / Л. Н. Иорданская // Машинный перевод и прикладная лингвистика, 1972. – Вып. 16. – с. 3-30
6. Кодухов В. И. Введение в языкознание: Учеб. для студентов / В. И. Кодухов – 2-е изд, перераб. и доп. – М: Просвещение, 1987. – 288 с
7. Лакофф Джордж Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с английского И. Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с. – (Язык. Семиотика. Культура) – 790 с. – ISBN 5 -94457-129-2
8. Маклаков А. Г. Общая психология. : учебник / А. Г. Маклаков – СПб. : Питер, серия «Учебник нового века», 2001. — 592 с. : ил. – ISBN 5-272-00062-5
9. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: учебник для филологических специальностей вузов / Ю. С. Маслов – М. : Высш. шк, 1987. – 272 с.
10. Петров В. В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы / В. В. Петров // ВЯ, 1988. – № 2, – с. 41.
11. Русско-арабский словарь [Более 42000 слов: Под ред. В. М. Белкина: русско-арабский словарь / составитель В. М. Борисов] – М. : Валерий Костин, 2008. -1120 с. – ISBN 978-5-901278-06-2
12. Учебный русско-арабский фразеологический словарь [около 900 фразеологизмов. : учебный словарь / составители А. М. Фавзи, В. Т. Шкляров] – М. : Русский язык, 1989. – 616 с. – ISBN 5-200-00807-7
13. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / [Гл. ред. В. Н. Ярцева] – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с. : ил. – ISBN 8-85270-307-9 (БРЭ)
14. Kövecses Zoltán Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling / Zoltán Kövecses – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 223p. – ISBN 0-521-54146-8

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 811. 161. 1'373. 611

РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ АНТРОПОНИМЫ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОСТАВЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД

Ибрагимова В. Ф.

*Республиканское высшее учебное заведение «Крымский инженерно-педагогический университет»
E-mail: ibragimova.venera@gmail.com*

В статье исследуются русские и украинские фамилии тюркского происхождения. Исходными компонентами антропонимов являются производные и непроизводные единицы, простые и сложные по словообразовательной структуре. Производные фамилии, образованные от тюркских основ, группируются в гнездах на основе стержневых значений, в качестве которых могут выступать прямые и переносные значения слов, и образуют различные по структуре словообразовательные гнезда.

Ключевые слова: антропонимы, словообразовательные процессы, аффиксация, усечение основы, сложение основ, словообразовательное гнездо, ономастическое словообразование.

Постановка проблемы. Каждая антропонимическая единица является продуктом общественно-исторического развития и создается в определенных пластах истории, передаваясь из поколения в поколение, доходит до наших дней дополненная, отшлифованная и разновариантная. В них находят свое отражение исторически сложившиеся обычаи и традиции народа, религиозные взгляды, эстетические представления. Становление антропонимической системы определяется экстралингвистическими предпосылками: психическими, социальными, экономическими, политическими, географическими условиями жизни человека, а также путями этнических миграций, культурных и языковых контактов.

«Имена людей – часть истории народа, корнями уходящей в его фольклор и традиции. В именах отражается верования, быт, чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исторические контакты. Поэтому почти все имена несут на себе яркий отпечаток соответствующей эпохи» [9, 11].

Т. В. Винниченко, исследуя антропонимическую систему периода XVI – XVIII вв, отмечает, что «в это время наблюдается отказ от официального употребления прозвищных имен, становление фамилии как антропонимической категории, постепенная замена разнообразных структур при официальном именовании лица на трехчленную формулу именованья. Не могли не отразиться на антропосистеме контакты с народами соседями неславянского происхождения» [3, 481].

Антропонимическая лексика занимает определенное место в словарном составе языка. В. В. Дубичинский в разработанной типологии словарей, выделил ономастические (в частности, антропонимические) словари на первое место с точки зрения культурного потенциала, заложенного в них. По словам Н. Н. Свиридовой: «антропонимические словари очень разнообразны по характеру, по структуре словарной статьи и набору ее компонентов.

В связи с этим словаря можно поделить на структурные, в которых основной акцент делается на этимологию, исторические элементы языка, и функциональные, в которых освещаются разнообразные трансформации имени в процессе функционирования» [11, 522].

В изучении антропонимии Украины достигнуты значительные успехи и отражены в работах И. Глинского, Л. Л. Гумецкой, Ю. К. Редько, Б. О. Унбегауна, М. Л. Худаши, и др. Однако русские и украинские фамилии тюркского происхождения остаются малоизученными. Поэтому данная проблема актуальна и сегодня

Актуальность проблемы обусловлена необходимостью изучения русских и украинских антропонимов тюркского происхождения, распространенных на территории Украины.

Цель исследования – проанализировать русские и украинские антропонимы тюркского происхождения в составе словообразовательных гнезд.

Исходными компонентами антропонимов являются производные и непроизводные единицы, простые и сложные по словообразовательной структуре. Производные фамилии, образованные от тюркских основ, группируются в гнездах на основе стержневых значений, в качестве которых могут выступать прямые и переносные значения слов, и образуют различные по структуре словообразовательные гнезда.

Фактический материал составляет 582 фамилии, которые образуют 325 словообразовательных гнезд. Исходными компонентами гнезд антропонимов являются производные и непроизводные единицы, простые и сложные по словообразовательной структуре. Антропонимы, образованные от собственных имен, обладают гораздо меньшим словообразовательным потенциалом по сравнению с нарицательными именами.

Анализируемые фамилии, объединенные по принципу тождества корневой морфемы, затем упорядочиваемые и выстраиваемые в цепочки слов, связанные отношениями синхронной словообразовательной производности, образуют в конечном счете словообразовательное гнездо (далее СГ)

При установлении отношений словообразовательной производности между словами мы исходим из деривационного характера словообразовательных связей, учитывая при этом наличие как структурной, так и семантической выводимости деривата из дериватора.

СГ понимается как конечное упорядоченное множество однокоренных слов, связанных отношениями синхронной словообразовательной производности. Это рабочее определение акцентирует такие его существенные признаки, как 1) синхронность гнездования родственных слов, 2) структурная упорядоченность гнезда (в отличие от гнезда как простой совокупности слов у Дина Уорта [ССРЯ, 21]).

Структурная организация СГ характеризуется такими параметрами, как глубина, ширина и объем. Глубина гнезда измеряется числом образующих его ступеней или не определяется по глубине наиболее сложного деривата (т. е. число деривационных актов, необходимых для его порождения). Ширина гнезда – это количество деривационных ветвей, исходящих из вершины [8, 10].

Под лексическим объемом гнезда подразумевается общее количество лексических единиц, конструирующих гнездо. Так, гнездо онима Дейнека / Дейнеко имеет такие параметры: глубина – 2, ширина – 4, лексический объем – 5:

Дейнека, Дейнеко
Дейнеков
Дейнеч/енко (Дейниченко) → Дейнеченк/ов
Дейнеч/ко
Дейнеч/ук

Гнездо антропонима Татар представлено такими параметрами гнезда: глубина – 2, ширина – 9, лексический объем – 15.

Татар, Татара
Татар/ин → Татарин/ов
Татарин/ч/енко
Татарин/ц/ев (Тотарин/ц/ев)
Татар/ник → Татарник/ов
Татар/енко
Татар/к/ин
Татар/ко
Татар/ов;
Татар/ск/ий
Татар/ч/енко
Татар/ч/ин
Татар/ч/ук
Татар/ис/ов

Тура
Тур/у/бай
Тур/енко
Тур/енок
Тур/ов → Туров/ец
Тур/чак
Тур/ч/енко
Тур/ч/ин → Турчин/ов
Турч/ан/инов

Настоящее исследование является первым опытом упорядочивания СГ антропонимов. Отображение системы онимного словообразования выявляет вполне обозримое множество структурных типов таких гнезд.

Немаловажное значение для классификации гнезд имеет валентность. При определении понятия валентности гнезда мы исходим из того, что в русском и украинском языках имеется 4 лексико-грамматических класса слов: существительное, прилагательное, глагол и наречие. Слова, составляющие каждый лексико-грамматический класс, могут иметь разную деривационную структуру, т. е. относятся к различным структурным типам. Валентность гнезда понимается нами как

его способность к одновременной реализации одной, двух, трех или четырех словообразовательных возможностей (в смысле комбинаций дериватов, относящихся к одному, двум, трем или четырем лексико-грамматическим классам).

В русском и украинском языках возможны такие 2 типа комбинации слов – реализация в гнезде только двух словообразовательных возможностей: имени существительного и прилагательного. Соответственно выделяется только две типологические группы отыменных гнезд:

1. Одновалентные гнезда (отыменное существительное) – 90 СГ:

Киз
Киз/има → Кизим/енко
Киз/ан
Киз/енко
Киз/юн
Кизь/ко

2. Двухвалентные гнезда (с производными существительными и прилагательными) – 18 СГ.

Так, гнездо от Байрак относится к числу двухвалентных гнезд, в которых порождаются существительное и прилагательное. Сложность его равна – 8, глубина – 2, ширина – 5.

Байрак
Байрачный → Забайрачный
Подбайрачный
Прибайрачный
Байраченко
Байрачин
Байрачук → Байрачуков

Следует отметить, что потенциально возможных одновалентных структур в русском и украинском языках реализуется только 1. Остальные варианты одновалентных гнезд на материале этих языков не зафиксированы. Это дает основание предполагать, что любое отыменное гнездо в своем развитии прежде всего проходит ступень отыменного существительного и лишь затем в гнезде появляются слова других лексико-грамматических классов.

Двухвалентные гнезда возможны только одного типа. В исследованном корпусе нами не были зарегистрированы такие гнезда, в которых реализовались бы какие-либо другие две словообразовательные возможности, например, глагол и существительное или глагол и прилагательное и т. д.

Двухвалентные гнезда обычно структурно просты. В результате проведенного наблюдения нами выявлены такие структурные особенности анализируемых гнезд.

1) Большинство гнезд моделируются структурами сложностью от 1 до 3.

Все они имеют типичную структуру и относятся к числу нерегулярных гнезд, (они моделируют единичные СГ) среди исследованных гнезд имеются такие, которые не имеют ни одного производного слова (сложность – 1) Такие гнезда квалифицируются как потенциальные [11]. Наблюдается рост числа СГ, соответствующих

гнездам сложностью 2–5, и сокращение числа гнезд, классифицирующих гнезда большей сложности. Это дает нам возможность уточнить вывод о характере зависимости между сложностью гнезда и его моделирующей силой: прямая зависимость для гнезд сложностью 2–5 и обратная зависимость для гнезд большей сложности. 2) средняя глубина гнезда колеблется в пределах 1–3 ступени. Максимальная глубина не превышает 2 ступеней.

Наиболее объемным по количеству производных является словообразовательное гнездо с вершиной **Бай**, насчитывающее **26** фамилий. Семантическая структура предопределяет возможность образования производных: 1. Бай, помещик. 2. Богач, богатый. 3. Обильный, насыщенный. 4. Господин, сударь. 5. Князь.

Байев [бай (во 2 знач.) + суф. -ев], **Баев** [ба(й) (во 2 знач.) + суф. -ев].

Кандибей тюрк [кьанд(аш) «единокровный» + интерфикс -и- + бей (в 5 знач.)].

Карабаев [кьара «черный» + бай (во 2 знач.) + суф. -ев].

Котлубай [котлу «счастливый, благополучный, благословенный» + бай (в 5 знач.)].

Котлубаев [Котлуба(й) + суф. -ев].

Котлубаненко [Котлуба(й) + интерфикс -н- + суф. -енко].

Котлубанский [Котлуба(й) + интерфикс -н- + суф. -ск].

Котлубицкий [Котлуб(ай) (б//б') + интерфикс -и- + суф. -цк].

Кочубей [кучук (о//у) «малый, младший» + бей (в 5 знач.)].

Кочубейник [Кочубей + суф. -ник].

Байбара [бай (во 2 знач.) + бар – Есть, имеется, существует].

Байбуза [бай (во 2 знач.) + буз «лед, ледяной»].

Байдебура [бай (во 2 знач.) + соединительный элемент -де- + бурмакь (бура – словоформа в 3 л, наст. вр.) – «крутит, закручивает»].

Байко [Бай + суф. -ко].

Байков [Бай + интерфикс -к- + суф. -ов].

Байляк [бай (во 2 знач.) + аф. -ляк/-лык].

Байченко [Бай + интерфикс -ч- + суф. -енко].

Байчик [Бай + суф. -чик].

Байчиков [Байчик + суф. -ов].

Байчук [Бай + интерфикс -ч- + суф. -ук].

Донбай [бай (во 2 знач.) + Дон – название реки].

Салабай [сала «село, деревня» + бай (во 2 знач.)].

Турубай [Тура («титул ханских сыновей и наследника престола») + бай (в 2 знач.)].

Шербай тюрк [шер – 1. Зло, злодеяние. 2. Вражда. + бай (во 2 знач.)].

В результате исследования мы пришли к следующим **выводам**:

1. Антропонимия Украины является богатым материалом для лингвистов, историков, этнографов.

2. Часть русских и украинских антропонимов составляют фамилии тюркского происхождения, возникшие в результате онимизации апеллятивов тюркского происхождения.

3. Определено место антропонимов в составе словообразовательных гнезд,

Литература:

1. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Николай Александрович Баскаков. – М. : Наука, 1979. – 279 с.
2. Винниченко Т. В. Заимствованные имена в «Словаре исторических антропонимов подвинья» / Т. В. Винниченко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 22(61) – №1. – Симферополь: ТНУ, 2009 г. – С. 480–484.
3. Глинський І. Твоє ім'я – твій друг / Іван Глинський. – К. : Веселка, 1985. – 238 с.
4. Дубичинский В. В. Искусство создания словарей: конспекты по лексикографии / Владимир Владимирович Дубичинский. – Харьков: 1994. – 102 с.
5. Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния / Елена Андреевна Земская. – М, 1978. – С. 71.
6. Ибрагимова В. Ф. Словарь русско-украинских фамилий тюркского происхождения / Венера Февзиевна Ибрагимова. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2009. – 116 с.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / Александра Васильевна Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 368 с.
8. Тихонов А. Н. Словообразовательные и корневые гнезда слов / А. Н. Тихонов // Восточнославянское и общее языкознание. – М. : Наука, 1978. – С. 270–274.
9. Словообразовательный словарь русского языка [в 2-х т.] / [сост. Тихонов А. Н.] – М. : Русский язык, 1985.
Т. 1. – 1985. – 854 с.
10. Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря русских фамилий (русские фамилии и фамилии, бытующие в России) / О. Н. Трубачев // Этимология–66. – М. : Наука, 1968. – С. 3–53.
11. Шепель Ю. А. Словообразовательный ряд и словообразовательное гнездо / Ю. А. Шепель // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Мовознавство»: збірник наукових праць. – Дніпропетровськ, 2005. – № 2 / 2. – С. 227–235.

Ибрагімова В. Ф. Російські і українські антропоніми тюркського походження у складі словотворчих гнізд / В. Ф. Ибрагимова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 575–581.

У статті досліджуються російські і українські прізвища тюркського походження. Початковими компонентами антропонімів є похідні і непохідні одиниці, прості і складні по словотворчій структурі. Похідні прізвища, утворені від тюркських основ, групуються в гніздах на основі стержневих значень, якими можуть виступати прямі і переносні значення слів, і утворюють різні по структурі словотворчі гнізда.

Ключові слова: антропоніми, словотворчі процеси, афіксація, усикання основи, складання основ, словотворче гніздо, ономастичне словотворення.

Ibragimova V. F. Russian and ukrainian anthroponims of turkic origin in composition of word-formation nests / V. F. Ibragimova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 575–581.

Becoming anthroponymic system is determined by extra linguistic prerequisites: mental, social, economic, political, geographical conditions of human life, as well as ways of ethnic migration, cultural and linguistic contacts.

"The names of people – part of the history of the nation, its roots dating back to the folklore and traditions. In the names reflected the beliefs, life, aspirations, imagination and artistic creativity of the peoples and their historical contacts. Therefore, almost all of the names bear a striking mark of the era "[9, 11].

Russian and Ukrainian names of Turkish origin are still poorly understood. Therefore, this problem is still relevant today

The initial components anthroponims are derivatives and non-derivative units, simple and complex word-formation on the structure. Derivatives name, derived from the Turkic bases are grouped in nests on the basis of core values in who might be direct and figurative meanings of words and form different structural examined. Wordbuilding

The Russian and Ukrainian last names of turkic origin are investigated in the article. The initial components of anthroponyms are derivative and underivative units simple and difficult on a word-formation structure. The derivative last names form from turkic bases form group in nests on the basis of the cored values the direct and portable values of words can come forward as that, and form different on a structure word-formation nests.

There are 2 types of possible combinations of words in the Russian and Ukrainian languages is implementation in the nest only two word-building opportunities: a noun and an adjective. Accordingly only two typological groups of denominative nests are allocated:

1. Monovalent nests (Denominative noun) – 90 word-building nests:

Kiz

Kiz / ima → Kizim / enko

Kiz / an

Kiz / enko

Kiz / yun

Kiz / ko

2. Divalent nests (with derived nouns and adjectives) – 18 WN

Thus, the nest from Bayrak is one of the divalent nests which are generated by a noun and an adjective.

The complexity of it is 8, depth is 2, width is 5.

Bayrak

Bayrachny → Zabayrachny

Podbayrachny

Pribayrachny

Bayrachenko

Bayrachin

Bayrachuk → Bayrachukov

It should be noted that the potential of the monovalent structures in the Russian and Ukrainian languages are realized only 1. The other options of monovalent nests on the material of these languages are not recorded. So any denominative nest in its development stage takes place primarily denominative noun, and only then in the nest appear the words of other lexical and grammatical classes.

Key words: anthroponyms, word-formation processes, affixation, truncating of basis, addition of bases, word-formation nest, onomastic word-formation.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 811=81'32+81'33

ПРИНЦИПИ СТВОРЕННЯ ЕЛЕКТРОННОГО ГЛОСАРІЮ ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧИХ ТЕРМІНІВ ДАВНЬОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ

Шаталіна О. Ф.

*ТНУ ім. В. І. Вернадського
E-mail: shatalina-elena@mail.ru*

У статті подається спроба розробити принципи щодо створення глосарію літературознавчої термінології давньої української літератури. Зазначимо, що при створенні електронного глосарію виявлено ряд проблем традиційного словника: обсяг словникової статті, швидкість пошуку необхідної інформації у словнику, інтегрованість лінгвістичної та екстралінгвістичної інформації в межах одного словника, відповідність змісту словника даному моменту, довговічність словника, вартість його, компактність. Під електронним словником розуміється будь-який впорядкований, відносно закінчений опрацьований обсяг лінгвістичної інформації, представлений у вигляді списку, таблиці або переліку, зручного для розміщення в пам'яті ЕОМ і забезпеченого програмами автоматизованої обробки і поповнення.

Ключові слова: глосарій, літературознавчий термін, лексикографія, тематичні групи, композиційні зв'язки, таксономічні зв'язки, інформаційна зона, морфологічне описання, когнітивність, гіперонім.

Постановка проблеми. Сучасна лексикографія, а також термінографія переживає новий етап свого розвитку. Оптимізація комп'ютерних технологій дозволила сформуватися таким напрямкам прикладної лінгвістики, як комп'ютерна і корпусна лінгвістика. Електронний словник став одним із центральних дискусійних питань сучасної вітчизняної і зарубіжної лексикографії.

Відомі наукові здобутки вітчизняних і зарубіжних вчених в області прикладної лінгвістики (В. М. Лейчик, В. Ю. Городецький, Р. Г. Пiatровський), зокрема її напрямки, такі як лексикографія, комп'ютерна лексикографія і термінологія (Караулов Ю. Н, Карпова Ю. Н, Марчук О. М, Б. Ю. Городецький). Корпусна лінгвістика Дж. Свартвик, Р. Квірк, Джордж Вартс. Із українських О. Потапова, Дікарева, Оказ Л. С. Зазначимо, що при створенні електронного глосарію виявлено ряд проблем традиційного словника: обсяг словникової статті, швидкість пошуку необхідної інформації у словнику, інтегрованість лінгвістичної та екстралінгвістичної інформації в межах одного словника, відповідність змісту словника даному моменту, довговічність словника, вартість його, компактність. Перераховані вище напрямки пошукової діяльності і становлять **актуальність** обраної теми.

Мета даної роботи полягає у спробі розробити електронний словник літературознавчої термінології давньої української літератури.

Поставлена мета передбачає вирішення таких **завдань**:

1. Пошук та інтерпретація термінів у давніх словниках і текстах.
2. Дати визначення терміна і поняття глосарії.

3. Визначити принципи, за якими можливо створювати електронний словник.

У роботі використана **методика** опису за тематичними групами і методика співставлення.

Вирішення вищеназаних проблем можливо тільки за умови автоматизації продукту лексикографії. Тому вибір зроблено на користь створення електронного словника. Під електронним словником розуміється будь-який впорядкований, відносно закінчений опрацьований обсяг лінгвістичної інформації, представлений у вигляді списку, таблиці або переліку, зручного для розміщення в пам'яті ЕОМ і забезпеченого програмами автоматизованої обробки і поповнення.

Досліджуючи особливості словника як способу лексикографічного опису, можна дійти висновку, що якщо лексикографічний масив становить спеціальна лексика, при цьому вибірка одиниць словника обмежується невеликим обсягом, то такий різновид словника можна називати глосарієм. Словник іншомовних слів за редакцією Пустовіт Л. О, подає визначення терміну глосарій «...як словник, зібрання слів, що потребують пояснення. Словник із перекладом чи тлумаченням маловживаних слів, переважно з античної доби та стародруківаних пам'яток писемності» [1, 295].

Електронний носій має для глосарія принципове значення, оскільки робить його моніторним – відкритим для своєчасного поповнення. Розглядаючи інструментарій комп'ютерної лінгвістики через який і набуває ефективності електронний словник, потрібно розглянути поняття гіпертексту. Практична лексикографія використовує нелінійний характер гіпертексту, який дає можливість формування інформації у вигляді розгалуженої структури, що дозволяє акумулювати необмежений обсяг даних про мовну одиницю, що описується, а також розвинену систему посилань, що забезпечує навігацію у інтерактивному середовищі. Як свідчать теоретичні дослідження, сьогодні найбільш якісними є словники, розроблені на корпусній основі. Корпус текстів представляє собою достатньо велику кількість упорядкованих між собою текстів, що забезпечують матеріал для лінгвістичних досліджень різного виду мовних аспектів і явищ, що зберігаються на електронному носії. Корпус, у свою чергу, є текстовою базою даних, що формує один із модулів (складові модулі: словниковий, документально-фактографічний і об'єктивно-характеристичний) бази лексикографічних даних словника. Дослідження тенденцій розвитку сучасного термінознавства показало, що воно характеризується прагненням до інтеграційних процесів, які ведуть до міждисциплінарними програмами дослідження, прагненням до пояснення, тлумачення явищ із різних поглядів, що дозволяє описати його як когнітивне термінознавство. Методологічною основою когнітивного термінознавства є поліпарадигмальний аналіз – інтерпретація одного і того ж об'єкта декількома доповнюючи один одного дослідницькими парадигмами. Це сприяє формуванню найбільш повного і різноманітного уявлення про об'єкт. Специфіка когнітивного термінознавства змінила характер термінологічного словника.

Останнім часом все більшого поширення набуває функціонально-комунікативний підхід до вивчення мовних явищ, зокрема до природи терміна. Цілком резонною видається думка, що про термін є смисл говорити як про одиницю яка, передаючи деяку інформацію, закладену в плані її змісту, розкривається лише в комунікативних умовах. Це дає підстави висувати гіпотезу про текстовий характер

природи терміна. Термін, як всі інші мовні універсалиї, важко піддається дефінуванню. Через складність та дискусійність такого завдання в лінгвістиці існує чимало найрізноманітніших спроб визначення термінів. За відправне визначення терміна може бути за трактовкою М. С. Зарицького «Термін – мовний знак, що позначає поняття певної галузі знання – науки, техніки, мистецтва, політики [2, 43].

Таким чином можна дійти висновку, що використання когнітивного підходу до опису терміна допускає перехрещення в межах одного словника інформації як лінгвістичного так і екстралінгвістичного характеру. В основу розробки глосарія термінів, вилучених із творів давньої української літератури пропонується покласти принципи побудови класичного термінологічного словника. За допомогою електронних носіїв можливо вирішити проблему обсягу словникової статті, швидкого пошуку необхідної інформації у словнику. Перший етап створення такого словника – це робота по формуванню лексичного масиву глосарія. Словникову статтю глосарія пропонується поділити на 6-5- інформаційних зон: зона заголовного слова, зона ідентифікаційного номера, зона латинського, грецького терміна, зона українського еквівалента, зона вербального визначення, невербальний характер, морфологічне описання, можливо інформацію. Статтю поділити на такі інформаційні зони: зона заготовочного слова, зона визначення терміна, кількість слів за частотою вживання.

У літературних пам'ятках 14-15 століття фіксується лише три основних тематичних групи літературознавчих термінів. Перша група – це є іменники, які позначають літературознавчі поняття, що використовувалися в церковних книгах: «анафема», «анатема», «апостол», «паракліс», «парастас»; другу, найчисленнішу групу становлять дієслова «іспісати», «оповідати», «поведати», «псати»; третя група – це літературознавчі терміни «артікл», «грамота», «книга», «півець», «письмо», «поведань», «предань», «пролог», «речь», «язык». Фіксується небагато прикметників «наверхписаний», «перворечений», «первейвыписаний».

Стихійність формування та різноманітність джерел літературознавчих термінів 14-15 століття позначились і структурно – словотвірних особливостях. Так із структурного погляду серед літературознавчих термінів цього часу переважають однослівні. Їх зафіксовано 24. Дієслівних термінів – 10, багатослівних – 4. Однослівні терміни переважають із погляду словотвірної будови і є дуже строкатими. Так:

Префіксально-суфіксальний «ісписати», «выписати», «выпсати», «записати», «записувати», «написати», «отписати», «пописати», «пописовувати», «описати», «оповьдати», «переписати», «поведань»; 2. Префіксальний: «напсати», «оповьсти», «преданіє», «преречений»; 3. Суфіксальний: «грамота», «письмо», «певець»; 4. Складанням основ: «наверхписанный», «первейвыписанный», «первореченый», «вышереченный», «напередреченый», «верхоувывисанный», «вышэписанный», «зверхуписанный», «наверхписанный», «напръдъвыписанный», «первейписанный», «передъписанный», «пръженаписанный», «сверхавыписанный», «уверхувывисанный».

Електронний глосарій може містити класифікацію зв'язків між поняттями.

Наприклад ТАКСОНІМІЧНІ ЗВ'ЯЗКИ

Гіперонім – Гіпонім

Припустимо: Гіперонім пісня – гіпоніми (давня пісня, сучасна пісня).

Пропонуються також композиційні зв'язки.

Ціле – компонент

Цілим виступає поняття пісня, а компонентами будуть «половецкие песни», «бесовские песни», «хвалебные песни», «простацкие песни», «волшебные песни».

Наступним гіперонімом може бути іменник «слово» – гіпоніми (слово, як назва літературного твору, наприклад: «Слово о полку Ігореві...», «Слово о законе и благодати» і слово як одиниця мовлення, наприклад: «слово псаломское», «слово Божие», «слово похвальное»).

Гіперонімом виступає слово «твір», а гіпонімом будуть «псалтир», «Євангелія», «часословець», «апостол», «вертеп», «притча», «псалом».

За такими принципами можна створити глосарій термінів вилучених із творів різних письменників. Із розвитком електронних технологій це являється одним із перспективних напрямків дослідження в галузі прикладної лінгвістики.

У **перспективі** подальшого дослідження розроблення таксономічних і композиційних зв'язків літературознавчої термінології давньої української літератури.

Література:

1. Пустовіт Л. О, Скопенко О. І. Словник іншомовних слів/ Пустовіт Л. О. – К. : «Довіра», 2000. – С. 295. – ISBN 966-507-049-5.
2. Зарицький М. С. Актуальні проблеми українського термінознавства/ Зарицький М. С. – К. : Політехніка НТУУ «КПІ», 2004. – 124 с. – ISBN 966-622-163-2
3. Українська література XIV-XVI ст.. Апокрифи. Агіографія. Паломницькі твори. Історіографічні твори. Полемічні твори. Перекладні повісті. Поетичні твори. / Українська література XIV-XVI ст.. – К. : «Наукова думка» 1988. – С. 685. – ISBN 5-12009282-9.

Шаталіна Е. Ф. Принципы образования электронного глоссария литературоведческих терминов давней украинской литературы / Е. Ф. Шаталіна // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 582–586.

В статті робиться спроба розробки принципів створення глосарія літературознавчої термінології давньої української літератури. Надо відзначити, що при складанні електронного глосарія виявлено ряд проблем традиційного словаря: об'єм словарної статті, швидкість пошуку необхідної інформації в словарі, інтегрованість лінгвістическої і екстралінгвістическої інформації в рамках одного словаря, відповідність змісту словаря даному моменту, довговічність словаря, вартість його, компактність. Під електронним словарем розуміється якийсь упорядочений, відносно закінчений об'єм лінгвістическої інформації, представлений в формі списку, таблиці, або перерахуванням, зручним для розміщення в пам'яті ЕВМ і обробки програмами автоматизованої обробки і поповнення.

Ключевые слова: глосарій, літературознавчий термін, лексикографія, тематическі групи, композиційні зв'язки, таксономіческі зв'язки, інформаційна зона, морфологіческе писання, когнітивність, гіперонім.

Shatalina O. F. Educational principles electronic glossary of literary terms longtime Ukrainian literature / O. F. Shatalina // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 582–586.

This article attempts to develop guidelines for creating a glossary of literary terms longtime Ukrainian literature. It should be noted that in the preparation of electronic glossary revealed a number of problems of the traditional vocabulary: the amount of the entry, the speed of information search in the dictionary, linguistic and extra-linguistic integration of information within one dictionary, a dictionary that the content of this point, durability dictionary, its value, compact size. Under the electronic dictionary means a streamlined, relatively complete volume of the processed linguistic information presented in the form of a list, table, or by transfer, easy to fit in memory of computers and software provided automated processing and replenishment. Statement

of the problem. Modern lexicography and terminography experiencing a new phase of development. Optimization of computer technology has allowed to form areas of applied linguistics such as computer and corpus linguistics. Electronic dictionary has become one of the central questions for discussion of contemporary domestic and foreign lexicography.

Notable scientific accomplishments domestic and foreign scholars in the field of applied linguistics (VM Lejčik, V. Gorodetsky, RG Piatrovskyy), including its destinations such as lexicography, computer lexicography and terminology (Karaulov YU. N, Karpov JN, AN Marchuk, B. Yu. Gorodetsky). Freestanding linguistics Svartvyk J, R. Kvirik, George Varts. From the Ukrainian Alexander Potapov, Dikareva, turns out to LM Note that when creating an electronic glossary found some problems of traditional dictionary: volume dictionary entry, the rate of finding the necessary information in the dictionary, the integration of linguistic and extralinguistic information within one dictionary, matching the content of the dictionary this time, durability dictionary, its cost, compactness. The above areas of search and relevance are chosen topic.

The purpose of this paper is to try to develop an electronic dictionary of literary terminology of Ukrainian literature.

The goal includes the following tasks:

Search and interpretation of terms in vocabularies and the ancient texts.

Define the term and concept glossary.

Determine the principles by which is possible to create an electronic dictionary.

The paper used the method of describing the thematic groups and methods of comparison.

Key words: a glossary of literary terms, lexicography, focus groups, composite communication taksonimicheskie communications, information area, morphological writing, cognition, hyperons.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдужемилев Р.Р.	РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»
Абдулгасанлы Т.	кандидат филологических наук, доцент, Азербайджанский государственный экономический университет, Азербайджан
Абдульвапов Н.	Преподаватель РВУЗ КИПУ
Абсемиева Л. С.	ст. преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания ТНУ им. В.И. Вернадского
Агаева В. Э.	диссертант Азербайджанского государственного педагогического института, Азербайджан
Айтен Ю.Г.	кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Азербайджанского университета языков, Азербайджан
Акиева А.З.	студентка факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, Украина,
Аркиева Л. Р.	преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, Украина
Алиева Л.А.	доцент кафедры крымскотатарского языкознания, Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Украина
Алиева Севдана	диссертант Азербайджанского государственного университета языков
Алиева Ш.	аспирант Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Асадова Махаббат Наджаф кызы	институт языкознания имени Насими Азербайджанской национальной академии наук
Ахвердиева К. Ф.	аспирант Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Байрамова Гюнель	Институт языкознания Национальной академии наук Азербайджана

Берберова Р.А.	старший преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Украина
Берекет А.	факультет педагогики Университета Кавказ (Баку, Азербайджан), отделение английского языка и литературы
Билал Аларлы (Гусейнов)	диссертант института фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Близняков Роман Александрович	кандидат исторических наук, преподаватель колледжа Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Бондаренко Л. В.	канд.филол.наук, доцент кафедры англ. филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Украина
Велиев Э.	аспирант Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Велиева Ирада	старший преподаватель Азербайджанского Технического Университета
Вовк К. В.	викладач Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського
Вовк Н.А.	старший преподаватель кафедры английской филологии, Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, к.филол.н., Украина
Выклюк И. В.	аспирант кафедры тюркологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Украина
Галиуллина Г.Р.	доктор филологических наук, профессор Казанского федерального университета (г. Казань), Россия
Гарашова Е.	старший преподаватель кафедры языков теологического факультета Бакинского государственного университета
Гасабова И.	диссертант Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Гвардия Э. Э.	Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, Украина
Глуховська Н. А.	викладач коледжу Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського

Гусейнов Г.А.	доктор филологических наук доцент кафедры русского языка, Россия
Гусейнова Кямаля	преподаватель Азербайджанского Технического Университета
Гусейнова М.	кандидат филологических наук, доцент Азербайджанской национальной консерватории, Азербайджан
Гусейнова Н. Н.	диссертант Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Гюльхани Шукюрова Вагиф гызы	кандидат филологических наук, Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Джелилов А. А.	кандидат филологических наук, преподаватель кафедры крымскотатарского та турецкого языкознания РВУЗ “Крымский инженерно-педагогический университет”
Джемилаева А.А.	старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, к. филол. н., Украина
Долусова Ю. А.	факультет крымскотатарской и восточной филологии, Таврический Национальный Университет имени В. И. Вернадского, Украина
Древетняк Е. В.	Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, Украина
Замэнягрэ В. С.	Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, Украина
Ибрагимова Хаяла	диссертант Азербайджанского Университета языков, Азербайджан
Каграманова Чинара	Азербайджанский государственный педагогический университет
Керимов И.А.	Директор НИЦ РВУЗ КИПУ, д.филол.н., проф. Украина
Кокиева А.	старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, Украина
Креминская А.А.	аспирантка стационарной аспирантуры Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко, Украина

- Курбанов Ф.** диссертант Института литературы имени Низами Национальной академии наук Азербайджана
- Куртсеитов А.М.** доцент кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Украина
- Куртумеров Э.Э.** ст. преп. кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Украина
- Лаврова А. А.** доцент кафедры германских языков и зарубежной литературы Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко, Украина
- Мазинов А. С.** кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Крымского государственного медицинского университета имени С.И. Георгиевского, Украина
- Мазур І. В.** викладач коледжу Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського
- Мамедов Дж.** диссертант Кавказского Университета, Баку, Азербайджан
- Мамедов Н.М.** диссертант Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана
- Мамедова Сахиба Хасай кызы** аспирант Института литературы им. Низами Национальной академии наук Азербайджана
- Мамутова З. С.** Республиканское высшее учебное заведение «Крымский инженерно-педагогический университет», кафедра крымскотатарского и турецкого языкознания, Украина
- Мегами А.** диссертант Азербайджанского университета языков
- Меджитова Э.Н.** старший преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Украина
- Меметов А.М.** декан факультета крымскотатарской и восточной филологии, д.филол.н., профессор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Украина
- Меметов И.А.** доцент кафедры восточной филологии, к.филол.н., доцент Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Украина

- Меметова Э.Ш.** зав. кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, к.филол.н., доц., Украина
- Моллаахмади Дехаги Амирреза** ассистент кафедры Ближнего Востока Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Украина
- Мурахас М.С.** старший преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Украина
- Мусави З. Г.** научный сотрудник отдела романо-германских языков Института языкознания имени Насими НАНА
- Немтинова А. Ю.** Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, Украина
- Нуриева Ф. Ш.** Казанский (Приволжский) федеральный университет
- Озьдемир Дурсун Али** аспирант кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, Украина
- Панова З. С.** старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, Украина
- Петрова М. М.** Казанская Духовная семинария
- Посохова Е. В.** к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков факультетов гуманитарного профиля ТНУ имени В. И. Вернадского, Украина
- Рублева В. В.** Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, Украина
- Сеитваниева Г.Ю.** ст. преп. кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Украина
- Сейитхалилова Ф. Дж.** Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, Украина
- Селимова Л. Ш.** зав. кафедрой крымскотатарской и турецкой литературы РВУЗ КИПУ, кандидат филологических наук, Украина

- Сеферова Ф.А.** кандидат филологических наук, доцент РВУЗ «КИПУ», Украина
- Симаковская А.** аспирант Кам'янець-Подільського національного університету ім. І. Огієнка, Украина
- Соегов М.** главный научный сотрудник Национального института рукописей АН Туркменистана, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Туркменистана
- Сулейманова Дж.** старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, Украина
- Сулейманова М. В.** диссертант Бакинского Государственного Университета
- Сунгатуллина М. М.** Казанский (Приволжский) федеральный университет
- Сухоруков А.Н.** преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии, Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Украина
- Сухорукова А. В.** магистр персидского языка и литературы, Симферополь-Украина
- Татлы А.** университет Кавказ (Баку), кафедра английского языка и литературы, Азербайджан
- Умеров Э.Ш.** специалист права, юридическая служба «Омер - Бекташ», Украина
- Усеинов Т. Б.** зав. кафедрой крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И.Вернадского, д. филол.н., доц., Украина
- Халилов Н.** кандидат филологических наук, доцент Бакинского государственного университета, Азербайджан
- Чанталова Г. Ш.** ст. преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания ТНУ им. В.И. Вернадского
- Чернобай С.Е.** старший преподаватель кафедры английской филологии, Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, к.филол.н., Украина
- Шаталіна О.Ф.** викладач української мови коледжу Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського

- Эмирсале Э. Я.** преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И. Вернадского, Украина
- Юнусов Ш.Э.** докторант кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, к. филол. н., доцент, Украина
- Юнусова Гюнель** диссертант Гянджинского государственного университета, Азербайджан
- Юсупова А. Ш.** д. филол. н., профессор, зав. кафедрой теории перевода и речевой коммуникации ИФИ Казанского (Приволжского) федерального университета, Россия
- Ядигар Алиев** кандидат филологических наук, доцент Гянджинского государственного Университета, Азербайджан

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Просим вас придерживаться правил подготовки и оформления рукописей для журнала «Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского». Авторские рукописи должны быть оформленными в соответствии с государственными стандартами и отвечать требованиям Постановления ВАК Украины №7-05/1 от 15. 01. 2003 г. : «... принимать к печати... только научные статьи, которые имеют такие необходимые элементы: **постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными актуальными научными или практическими заданиями; анализ последних исследований и публикаций, положивших начало исследованию данной проблемы и на которые опирается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается отмеченная статья; формулировка целей статьи (постановка задания); изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; выводы из данного исследования и перспективы последующих разведок в данном направлении**» (Бюллетень ВАК Украины, № 1, 2003).

1. Текст рукописи принимаются на украинском или русском языке с указанием даты ее написания, личной подписью автора, аннотациями и ключевыми словами **на русском и украинском языках (0, 5 страницы А4) языках и английском языке (1,5 стр. А4)**, УДК, сведениями об авторе (имя, отчество полностью, фамилия, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, служебный и домашний телефоны, E-mail - на трех языках).

Для аспирантов, адъюнктов и соискателей необходимо представить рекомендацию научного руководителя, всем остальным авторам (аспирантам, адъюнктам и соискателям в их числе) – 2 внешние рецензии ученых, имеющих научную степень по специальности, отвечающей предмету исследования, 1 экспертное заключение об отсутствии материалов, содержащих государственную тайну (разрешение на публикацию в открытой прессе названия и содержания работы, фамилию и инициалы автора) и (или) выписку из протокола заседания соответствующей кафедры (отдела) с рекомендацией статьи к печати.

При направлении рецензии на издание – один экземпляр рецензируемого издания.

К тексту добавляются: дискета (диск) с рукописью (Microsoft Word), рецензия-рекомендация.

2. Требования к оформлению текста рукописи.

2. 1. Бумага формата А4 (размер 210 x 297 мм); параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 20 мм, левое – 30 мм, правое – 15 мм; шрифт – Times New Roman 14 pt; интервал между строками-1, 5.

2. 2. Ссылки на источники указываются в тексте в квадратных скобках с указанием номеров страниц соответствующего источника, а сами названия источников приводятся в конце текста статьи в порядке упоминания под общим заголовком «Литература:». Каждый источник с новой строки. Затем под традиционно принятым списком литературы «Литература:» располагается список литературы на английском языке (он полностью дублирует список литературы, поданный ранее).

- Библиографические описания источников должны обязательно содержать фамилию и инициалы авторов, названия их трудов, город и год издания, издательство.

- Авторские примечания оформляются в конце страниц с использованием символа * как знака сноски.

3. Объем авторских рукописей. Объем статьи – не более 10, а рецензии – не более 3 печатных страниц до 0, 5 усл. п. л. (до 20 тыс. зн. с пробелами); рецензий и тому подобное – до 0, 2 усл. п. л.

Рукописи, которые не отвечают требованиям, отмеченным в п. 1-3, редакция не регистрирует и не рассматривает с целью публикации.

Консультации: ответственный секретарь Селендили Лемара Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Меметов А., Меметов И. А.	
Происхождение крымских татар: Часть III.....	3
Соегов М.	
Туркменские соратники Бекира Чобан-заде: К. Бориев и М. Гельдыев занимались теми же вопросами и их настигла та же участь, что и его (к 120-летию со дня рождения знаменитого крымскотатарского ученого).....	14
Гусейнов Г. -Р. А. -К.	
Из истории позднесредневековых взаимоотношений крымских татар с кумыками: род Барын и его происхождение	24
Куртсеитов А. М.	
Характер (степень) устойчивости крымскотатарских фразеологизмов.....	29
Меметова Э. Ш.	
Юсуф Болат индивидуаль услубининъ лексик-семантик аспекти	34
Берберова Р. А.	
Къырымтатар тилинде чифт нидалар	40
Меджитова Э. Н.	
Лексико-семантическая классификация диалектной лексики северного диалекта крымскотатарского языка	45
Аджимамбетова Г. Ш.	
Къырымтатар тилинде зарфларнынъ джумледеки вазифелери	49
Мазинов А. С. -А.	
Индоевропейско-тюркские языковые контакты в Восточной Европе	56
Алиева Л. А.	
Окъутув рус, украин тиллеринде алып барылган мектеплер ичюн къырымтатар тили дерсликлерини тертип этюв эсаслары	62
Мамутова З. С.	
Къырымтатар лексикасыны огренювинде лингвокультурологик янашма (къырымтатар тилини семиотик модели эсасында огренилюви).....	68
Мурахас М. С.	
Общегузские лексико-семантические признаки ускутского говора южнобережного диалекта на примере глаголов мышления и речи.....	73
Челебиева Э. Р.	
Способы выражения категории принадлежности в крымскотатарском и русском языках	80

Абдужемилев Р. Р.	
Лингвостилистические особенности хроники «Тарих-и Ислам Герай хан».....	85
Чанталова Г. Ш.	
Употребление личных местоимений в крымскотатарском языке.....	95
Абсемиева Л. С.	
Лексико-семантический принцип классификации микропонимов Карасувбазарского района.....	99

**КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА**

Керим И. А.	
Унутылган языджымыз.....	104
Усеинов Т. Б.	
Образная система средневековой крымскотатарской письменной силлабической поэзии. Божественная любовь к объекту поклонения женского пола.....	110
Сеферова Ф. А.	
Карасувбазар в системе культурных приоритетов Бекира Чобан-заде	116
Лаерова А. А.	
Сад Инфанты и лес Карлика (опыт итерпретации символов в сказке Оскара Уайльда «День рождения Инфанты»).....	120
Ибрагимова Х.	
Биографический жанр в английской литературе XX века (на материале романа-биографии Питера Акройда «Лондон»).....	130
Юнусов Ш. Э.	
Система образов как средство воплощения авторского замысла.....	136
Гусейнова М.	
Национальные традиции и лирико-психологический анализ в эпическом жанре (на основе романа И. Шыхлы «Мой умерший мир»).....	141
Джемилева А. А.	
Гетеродиегетическое повествование с фокализацией на герое в рассказах Э. Амида и Э. Умерова.....	146
Бондаренко Л. В., Рубель Е. А.	
Интертекстуальные лейтмотивы в пьесе Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы».....	152
Гусейнова Н. Н.	
Воспевание религиозно-моральных ценностей в творчестве Ашуга Мискинли Вели	155

СОДЕРЖАНИЕ

Сімаковська А. С.	
Масонські алюзії та їх вплив на формування хронотопу оповідань Кіплінга.....	160
Агаєва В. Э.	
Восточный взгляд на западные ценности в произведении Суреййи Агаоглу «И вся жизнь прошла».....	165
Кремінська О. О.	
Національний колорит в оповіданнях Ред'ярда Кіплінга	171
Татлы А.	
Определение понятия – человек в произведениях Мевланы Джелаледдин Руми и Шекспира	177
Кокиева А.	
Къырымтатар фольклорында къулланылгъан ракъамларнынъ сырлары. («Еди» ракъамынынъ бедий вазифелери).....	182
Абдулгасанлы Т.	
Поиск стиля азербайджанской поэзии периода независимости	188
Панова З. С.	
Развитие жанра рассказа в крымскотатарской литературе 30-х гг. XX века (на примере рассказа Э. Алимова «Горлица машет крылом»).....	192
Гасабова И.	
Классическая поэтическая традиция в казахской ашугской среде XX века....	198
Сеитваниева Г. Ю.	
Невідомі листи А. С. Айвазова до Алі бей Нусеїнзаде. (з архіву Алі бей Нусеїнзаде).....	203
Мамедов Н. М.	
Система образов в творчестве Мамеда Араза: образ дерева.....	213
Куртумеров Е. Е.	
Къырымтатар иджрет эдебиятында пьеса жанрынынъ илерилеви.....	218
Акиева А. З.	
Природа, как литературное средство, в романе Джынъыза Дагъджи "Они тоже были людьми"	225
Абдульвапов Н. Р.	
Суфизм и крымскотатарская поэзия дивана.....	231

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Меметов А., Меметов И. А.	
Происхождение крымских татар: Часть IV	241

Юсупова А. Ш.	
Роль двуязычных словарей в процессе межкультурной коммуникации	251
Галиуллина Г. Р.	
О влиянии территориальных и социальных диалектов на современный татарский ономастикон	259
Нуриева Ф. Ш., Петрова М. М., Сунгатуллина М. М.	
Вклад Иеронима Мегизера в становлении тюркской лингвистической науки.....	266
Шукурова Г. В.	
Джафар Хандан о жизни и художественном наследии низами.....	275
Посохова Е. В.	
Диалог о городе: особенности турецкого интертекста романа Орхана Памука «Стамбул: город воспоминаний»	280
Сардар Зейнал	
Трудности, возникающие в синтаксисе в связи с именительным падежом	289
Аккиева Л. Р.	
Работа над расширением лексического запаса студентов. Значение тематических словарей в изучении турецкого языка	298
Озьдемир Д. А.	
Фонетические особенности французских заимствований в турецком языке	305
Гаджиева А. Ю.	
О роли внутренней и внешней флексии в слово- и формообразовании тюркских языков (о хронологии процесса вовлечённости флективных механизмов).....	313
Юнусова Г.	
Проблемы традиционности и модернизма в Турецко-тюркской литературе периода Танзимат	318
Велиева И., Гусейнова К.	
История создания интернета и его использование в Азербайджане	325
Selimoğlu L.	
Turkic languages as a Lingua-francalingua-franca olarak türkçe.....	331
Велиев Э.	
Благопожелания и проклятия в творчестве Гусейна Курдоглы.....	339
Халилов Н.	
Взаимосвязи Азербайджанской литературы средних веков и ашугской поэзии.....	344

СОДЕРЖАНИЕ

Каграманова Ч.	
Лексика художественных произведений – диалектизмы (на основе произведений С. Рагимова).....	349
Гусейнов Б. А.	
Система рифм трудовых песен в азербайджанском фольклоре.....	353
Курбанов Ф.	
Период, жизнь и деятельность Леле	358
Мамедова С.	
Тема свободы в творчестве Гусейна Джавида	364
Сулейманова М.	
Ш. Т. Гюльшени и Халветийе	370
Алиев Я.	
Древние тюркские рунические письменные памятники и переходный период от древнего тюркского письменного языка к тюркскому литературному языку средневековья.....	376
Виклюк І. В.	
Структурні особливості абрєвіатур у сучасній турецькій мові.....	383
Челебиев Д. Э.	
Классификация лексических синонимов в турецком языке.....	389
Мамедов Д.	
Социально-политические вопросы в современных турецких детских стихотворениях (1970-1990-е годы).....	395

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Берекет А.	
Творчество поэтов – султанов в английском востоковедении.....	400
Моллаахмади Д. А.	
Мифологизм романа Симин Данешвар «Плач по Сиявушу» («Сувашон»)	405
Сухоруков А. Н.	
Элементы раннего языкового пуризма в Иране (до сер. 19 в.).....	411
Сейитхалилова Ф. Д.	
Свободные копулятивные сочетания в произведении Садека Хедаята «Слепая сова»	419
Сухорукова А. В.	
Структурный анализ персидских лингвистических терминов.....	424
Эмирсале Э. Я.	
Особенности языка иранских средств массовой информации (на примере информационных телепрограмм)	432

СОДЕРЖАНИЕ

Алиева Ш.	
О взаимосвязи правителя со жрецом	439
Ахвердиева К. Ф.	
Период правления, жизнь и личность Шах Исмаила Хатаи в исторических источниках	445
Немтинова А. Ю.	
Анализ произведений известного иранского поэта XX века Сохраба Сепехри	451
Умеров Э. Ш.	
Мовсес Хоренаци – письменный источник по истории государства «Magna Bulgaria» с II в. до н. эры по VII в. н. эры	459
Долусова Ю. А.	
Лингвистические особенности рекламы в странах арабского региона.....	465
Заменяре В. С.	
Особенности поэтического стиля Ахмада Матара	470
Древетняк Е. В.	
Основные мотивы реализма Наваль Эль Саадави в романе «Женщина в точке ноль»	475
Геардия Э. Э.	
Стиль поэзии Нима Юшиджа.....	480

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Джелилов А. А.	
Семантико-грамматические особенности идиом, характеризующих когнитивную деятельность человека в крымскотатарском, английском и украинском языках.....	488
Мусави З. Г.	
Психолингвистическая проблема билингвизма и лингвистическая организация преподавания иностранного языка	495
Мегами А.	
Английские термины, заимствованные французским языком в XX веке	500
Алиева С.	
Паронимия как один из малоизученных факторов языка	504
Вовк К. В.	
Вживання фразеологізмів та їх трансформація (на матеріалі лексикографічних праць кін. XVI – поч. XX ст.)	509
Гарашова Е.	
Грамматические особенности модального глагола <i>will</i> в английском языке.....	515

СОДЕРЖАНИЕ

Глуховская Н. А.	
Особенности взаимоперехода самостоятельных частей в украинском языке.....	519
Вовк Н. А.	
Фирмонимы английского языка в лексикографическом аспекте	526
Мазур І. В.	
Функції антропонімів у перекладах Лесі Українки та її творах на грецьку, італійську, єгипетську тематику	534
Близняков Р. А.	
Биографистика и биоисториография как историческая проблема локальной истории Крыма: рецензия: В. Ю. Ганкевич. Ісмаїл гаспринський — міський голова Бахчисараю. — Сімферополь: видавництво «Доля», 2011. — 302 с, іл.	543
Асадова М. Н.	
Местоимения как устойчивые и неустойчивые десигнаторы	549
Чернобай С. Е.	
Идиомы с этнографическими реалиями в национальных вариантах английского языка.....	555
Байрамова Г.	
Языковая метафора как источник синонимии в азербайджанском и итальянском языках	562
Рублева В. В.	
Сопоставительная характеристика симптоматических выражений семантического поля «гнев» в арабском, русском и английском языках на примере фразеологических единиц.....	568
Ибрагимова В. Ф.	
Русские и украинские антропонимы тюркского происхождения в составе словообразовательных гнезд.....	575
Шаталіна О. Ф.	
Принципи створення електронного глосарію літературознавчих термінів давньої української літератури.....	582
Сведения об авторах	587
К сведению авторов	594